ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
Центр по изучению традиционалистских направлений
в русской литературе Нового времени

СЛАВЯНОФИЛЬСКИЙ АРХИВ

Книга шестая

Редакционная коллегия серии:
Е. И. Анненкова, В. А. Викторович, А. П. Дмитриев,
Б. Ф. Егоров (председатель), В. А. Котельников, А. М. Любомудров,
С. В. Мотин, А. М. Пентковский, Д. А. Федоров

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
Центр по изучению традиционалистских направлений
в русской литературе Нового времени

А. П. Дмитриев

Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА 1850—1880-х ГОДОВ

«Родник»
Санкт-Петербург
2018

ББК Ч612.3-52
УДК 002.5(09)(470-20-89)
Д53

Рецензенты:
доктор филологических наук *А. Н. Николюкин*
доктор филологических наук *Н. В. Серебренников*

Ответственный редактор:
доктор филологических наук *Б. Ф. Егоров*

Д53 Дмитриев А. П.

Н. П. Гиляров-Платонов и русская литература 1850—1880-х годов / ИРЛИ РАН; Отв. ред. Б. Ф. Егоров. — СПб.: ООО «Родник», 2018. — 912 с.: ил. (Славянофильский архив; Кн. 6).

Книга посвящена жизни и творчеству замечательного русского мыслителя славянофильской ориентации Н. П. Гилярова-Платонова (1824—1887). В первой части дан очерк научной биографии писателя и его деятельности как богослова, лингвиста и политэконома, цензора и общественного деятеля. Во второй части выясняется, как Гиляров-публицист отвечал на духовно-нравственные потребности своего времени — в сопоставлении прежде всего с наиболее выдающимися своими современниками-публицистами: И. Аксаковым, Катковым, Победоносцевым, Т. Филипповым, К. Леонтьевым, Вл. Соловьевым и др. Третья часть представляет Гилярова как литературного критика и художника слова на материале его ранней беллетристики и дневниковой прозы 1830—1840-х гг., «автобиографических воспоминаний» «Из пережитого» и литературно-критических статей. Здесь же анализируются его творческие диалоги с выдающимися писателями: отцом и сыновьями Аксаковыми, Хомяковым, Ю. Самариным, Островским, Л. Толстым, Достоевским и др. В Приложение вошли публикации архивных документов, освещающих судьбу литературного наследия Гилярова в последние годы его жизни и в первые два десятилетия со дня его кончины, в комментариях к ним анализируется деятельность его последователей и учеников: И. Ф. Романова-Рцы, М. С. Сковронской, А. М. Гальперсон, князя Н. В. Шаховского и др.

Издание адресовано читателям, интересующимся историей русской консервативной и религиозной мысли и литературно-общественного движения второй половины XIX в.

ISBN 978-5-99052-516-0

© Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, серия «Славянофильский архив», 2018
© А. П. Дмитриев, текст, 2018
© ООО «Родник», 2018

ВВЕДЕНИЕ

Никита Петрович Гиляров-Платонов (1824—1887) — фигура в русской литературе и общественной жизни 1850—1880-х гг. выдающаяся и вместе с тем малоизвестная, или, лучше сказать, полузабытая. В наши дни его творческое наследие мало-помалу приоткрывает свои истинные масштабы в координатах отечественной культуры.

Один из учеников Гилярова,[1] публицист и прозаик И. Ф. Романов-Рцы, не случайно называл его «гением-энциклопедистом».[2] И действительно, в его щедро одаренной натуре видится нечто, — не побоимся этого сравнения, — возрожденческое: он и историк философии, и литературный критик, и богослов (причем весьма разносторонний — и исследователь старообрядчества, и экзегет, и церковный историк, и специалист по литургике, пастырскому и сравнительному богословию, и религиозный публицист), и филолог, и экономист, и социолог, автор многочисленных статей по политическим, общественно-церковным, педагогическим и юридическим вопросам, и, наконец, литератор и мемуарист, чьи произведения своей художественно-образной выразительностью и стилистическими достоинствами не уступают подчас творениям писателей первого ряда. М. П. Погодин в свое время (в недатированной записке) восторгался Гиляровым: «Не пять, не десять талантов дал Вам Бог, а двадцать, тридцать и даже более. Вы не знаете себе цены, что и хорошо, только в некотором смысле, а не вообще».[3]

Вместе с тем Гиляров явился и незаурядным деятелем культуры и ее охранителем на разных своих жизненных поприщах: и как один из самых ярких преподавателей Московской духовной академии (1848—1855) и, по выходе из нее, активный участник литературно-общественного процесса второй половины 1850-х — 1880-х годов, и как либеральный цензор в начале царствования Александра II и — затем — управляющий Московской Синодальной типографией

---

[1] В дальнейшем фамилия Гилярова-Платонова будет указываться усеченно — так, как было принято в XIX в. вне официальных рамок, — без второй, «почетной», части «Платонов», которой мыслитель удостоился в 1846 г., обучаясь в Московской духовной академии, как стипендиат митрополита Платона (Левшина).

[2] *Рцы.* Памяти Н. П. Гилярова-Платонова // *РД.* 1887. 7 нояб. № 15. С. 3. Здесь и далее в подстрочных примечаниях при указании на печатные и архивные источники используются сокращения, включенные в *Список условных сокращений* (с. 875—877).

[3] Материалы для биографии Н. П. Гилярова-Платонова // *РО.* 1896. Т. 42, дек. С. 994—995.

(1863—1868), спасший ее рукописные и книжные богатства для потомства, и, наконец, как бессменный в течение двадцати лет редактор ежедневной московской газеты «Современные Известия» (1867—1887), веское, исполненное высокого нравственного достоинства слово которой разносилось далеко по просторам пореформенной провинциальной России. Литератор и историк П. А. Кулиш, в 1856—1857 гг. предпринявший 6-томное издание «Сочинений и писем Н. В. Гоголя», проходившее цензуру у Гилярова, писал ему: «Прежде всего скажу, что Вы удивительный человек и что <...> такие люди существуют только у *Плутарха* <...>».[4]

И наряду с этим все хорошо знавшие Гилярова с горечью говорили о его разбросанности, недовоплощенности его творческих замыслов, об отсутствии воли к реализации богатого потенциала. Так, И. С. Аксаков, ближайший из единомышленников Гилярова, говорил (в беседе с Н. П. Аксаковым) о своеобразии его натуры: «Это — человек в высшей степени замечательный <...>. Мы все всегда высоко ценили и глубоко уважали его. Это — своего рода машина, в которой стоит только нажать соответствующий винтик, чтобы вдруг посыпалась, как фейерверк, целая масса смелых, свежих, новых, характерных и глубоко продуманных мыслей. <...> Но он сам не знает, где именно нажать самого себя. Он зачастую недостаточно ценит и уважает самого себя и уже, конечно, не приносит и сотой доли той пользы, которую мог бы приносить».[5]

Несмотря на общепризнанную ценность трудов Гилярова, они в течение последнего столетия практически не переиздавались, упоминания о нем и ссылки на его сочинения обычно носили случайный характер, и то, как правило, исключительно в связи с изучением славянофильства.

И действительно, важный период в творческом развитии Гилярова, ознаменовавшийся девятью программными работами по эстетике, методологии истории, литературной критике, философии, был связан со славянофильской «Русской Беседой». Авторитет Гилярова как богослова и, кроме того, основательного знатока Гегеля был непререкаем в славянофильском кругу. Он позже вспоминал: «...Хомяков, Константин Аксаков подвергали моей предварительной критике свои сочинения <...>».[6] Однако он же и вполне сознавал свою особость, несовпадение своих взглядов по многим вопросам — как религиозно-философским, так и общественно-практическим — с представлениями славянофилов. «Я один, я не человек кружка. Вот мое несчастие»,[7] — признавался он Романову-Рцы в том

---

[4] Цит. по: *Шаховской Н, кн.* Памяти П. А. Кулиша // *РО.* 1897. Т. 44, март. С. 195. Имеется в виду деятельное участие Гилярова в текстологической подготовке неизданных гоголевских сочинений и в их научном редактировании, предпринятое им по собственному почину.

[5] *Аксаков Н.* Воспоминание о Н. П. Гилярове-Платонове // Русский Курьер. 1887. 19 окт. № 288. С. 1. В источнике: «...пожать самого себя...»

[6] *Письма к Рцы.* С. 256 (письмо к И. Ф. Романову-Рцы от 3 ноября 1886 г.).

[7] Там же. С. 248.

же письме от 2 ноября 1886 г. И днем позже: «Начну с того опять, что я не ***славянофил***. Подчеркиваю первые три слога двойною чертой. Не славянофил в том смысле, как писал Вам, что *лингвистической* народности не признаю. <...> Говоря "Славянская держава", как бы предполагают нечто высшее и, во всяком случае, более обширное и общее, нежели Русская держава; как будто Русь (народ) и Россия (государство) суть часть какого-то более обширного и более высокого целого. Ведь это вздор <...>: Русская держава и русский народ суть русские и не более того; им принадлежат мировое значение и мировое будущее, не славянам, хотя они и порываются кичиться чем-то».[8] Причем это мировое значение и будущее Гиляров связывал с православием, очищенным, правда, от недолжных исторических напластований и влияний.

Все это подтверждается его многочисленными передовыми статьями на темы дипломатии и внешней политики. О том же писал цензор С. И. Уманец, мальчиком с 1874 г. живший с братом в доме Гилярова, своего опекуна, и постоянно слышавший его беседы и споры с гостями: «В славянофильстве Н<икита> П<етрович> стоял, как мне казалось, несколько особняком, не относясь с тем безусловным отрицанием к западной культуре, как это замечалось в воззрениях завзятых славянофилов формации А. С. Хомякова, Константина Аксакова и Киреевского. Н<икита> П<етрович> был слишком умен, чтобы быть фанатически узким патриотом, *не желающим* видеть ровно ничего хорошего, полезного и симпатичного на "гнилом" Западе: он смотрел на "национальную идею" гораздо шире и не ставил себе идеалом упорное удаление от европейской жизни, чтобы забиться в свою скорлупу, возведя между Россией и остальным миром, если не действительно, то нравственно, китайскую стену».[9]

К тому же Гиляров — при всей его любви к Москве — пожалуй, самый *петербургский* писатель из славянофильского кружка, — если иметь в виду его изысканный литературный слог и утонченную умственную культуру. Хотя он и жил в основном в Москве, но, как и все выдающиеся русские писатели XIX столетия, тысячью нитей был связан с городом на Неве: неоднократно в нем бывал, здесь жили его близкие друзья, видные государственные и общественно-церковные деятели граф Д. Н. Блудов и его дочь Антонина Дмитриевна, К. П. Победоносцев, Т. И. Филиппов и др., с которыми он состоял в переписке. Гилярову было суждено умереть в Петербурге — в гостинице, находившейся близ арки Главного штаба. Ныне практически весь его обширный архив находится в Петербурге — в фонде князя Н. В. Шаховского (№ 847) в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки и в фонде Н. П. Гилярова-Платонова (№ 71) в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук.

---

[8] Там же. С. 257.

[9] *Уманец С.* Кое-что из воспоминаний о Никите Петровиче Гилярове-Платонове // *РО*. 1897. Т. 47, окт. С. 856.

Для славянофилов он оказался совершенно необходимым деятелем, обеспечивавшим реальную связь, с одной стороны, с малознакомым для них миром духовного сословия, теснейшим образом соприкасавшегося с внутренней народной жизнью и ею руководившего, и с другой — с областью научно-богословского знания. Об этом хорошо сказал при отпевании Гилярова архимандрит Сергий (Соколов): «Первые славянофилы, после долгого искания истины в области немецкой философии, устремились в недра Православной Церкви и богословской науки и, заимствуя от нее *свет, просвещающий всякого человека, грядущего в мир*, сами привнесли в нее поток свежей, глубокой мысли и чувства. Навстречу этому течению вышел он с свежею и обильною струею мысли, цельной, возвышенной, глубокой и прочувствованной и, заимствуясь многим от них, сам немало привнес к ним, предохраняя их от философии по *стихиям мира сего, а не по Христе* (Кол. II, 3) (от увлечения Гегелевой философиею)».[10]

Как и все его друзья-славянофилы, он был горячим сторонником скорейшей отмены крепостного права. Трудно переоценить заслуги Гилярова-цензора в период обсуждения в обществе вопроса об освобождении крестьян. Он единственный из цензоров, несмотря на риск увольнения со службы, отважился под свою ответственность разрешать к печати многие статьи по этой животрепещущей в тот период проблеме, не посылая их доверенным чиновникам в разные министерства, как того вполне определенно требовали инструкции.[11] Благодаря этому, в частности, получили возможность помещать актуальные материалы по отмене крепостного права и такие журналы, как «Русский Вестник» и «Русская Беседа», и, особенно, специально посвященные крестьянскому вопросу консервативные издания «Сельское Благоустройство» А. И. Кошелева и «Журнал Землевладельцев» А. Д. Желтухина. Впоследствии, в 1859 г., именно Гилярову граф Я. И. Ростовцев поручил создание фундаментального «Свода печатных мнений по крестьянскому вопросу» для Редакционных комиссий.

С высоты нашего времени вполне очевидно, что годы творческой зрелости Гилярова приходятся на период острейшего духовного кризиса, берущего свое начало в середине 1850-х гг. и затянувшегося на несколько последующих десятилетий. Не удивительно, что в центре внимания этого выдающегося русского мыслителя всегда были религиозные вопросы, причем и в аспекте общефилософском — вера как основа самоопределения личности, ее мировоззрения, — и в аспекте общественно-нравственном — как духовное состояние соотечественника в переломную для России эпоху.

Трибуну для ежедневного проповедования своих взглядов, казалось бы, глубоко оригинальных, но всегда защищающих традиционные ценности и проти-

---

[10] Отпевание Н. П. Гилярова-Платонова // Церковный Вестник. 1887. Ч. неоф. № 43. 24 окт. С. 738.

[11] Его объяснение министру народного просвещения по этому вопросу от 9 марта 1859 г. см.: *Любимов Н. А.* Докладная записка Н. П. Гилярова-Платонова // *РВ*. 1888. Т. 195, март. С. 423—426.

востоящих общественной агрессии, нигилизму и эгоизму, Гиляров получил на столбцах редактируемой им газеты «Современные Известия». Ее значение состояло прежде всего в наведении мостов между терявшей нравственные ориентиры секулярной культурой и подлинной — по слову Гилярова, «оптинской»[12] — церковностью, отвергающей мертвенный формализм и одухотворяющей народно-бытовую жизнь во всех ее проявлениях.

Обладавшему сложным характером, порой испытывавшему приступы меланхолии или малопонятной для окружающих, но, впрочем, не обидной никому раздражительности, Гилярову подчас непросто было выстраивать повседневные взаимоотношения с людьми. Он обычно предпочитал вести замкнутый образ жизни, о чем свидетельствуют современники: «Н. П. Гиляров-Платонов — ученый, <он> был неведом для публики, ибо никогда не выходил из своего кабинета <...>».[13] Однако, появляясь в публичных собраниях (на заседаниях Славянского комитета или Общества любителей российской словесности, на хомяковских вторниках, аксаковских субботах и др.) или на своих «воскресеньях», собиравших у него дома друзей и знакомых из Москвы и Петербурга, которые «иногда <...> отличались многолюдством и оживлением»,[14] Гиляров производил иное впечатление. Автор его некролога в «С.-Петербургских Ведомостях» (по-видимому, их издатель, известный литератор и критик В. Г. Авсеенко) писал: «Как человек покойный производил обаятельное впечатление на всех, знавших его, своим благодушием и ясностью своего душевного склада, спокойным юмором недюжинного ума и фундаментальностью познаний».[15] А по справедливому замечанию сотрудника «Современных Известий», публициста и прозаика С. К. Эфрона, Гиляров «по своим симпатиям и по своему мировоззрению был склонен к демократизму, но к демократизму не на западный лад, а к демократизму чисто русскому, исторически и оригинально выработанному русским народным гением».[16] Поэтому, между прочим, его газета бескомпромиссно проводила в жизнь принцип христианского гуманизма. Она последовательно отстаивала интересы «малых сих», в ней постоянно печатались острокритические материалы, затрагивавшие интересы власть имущих и обличавшие бездуховность буржуазной толпы. Друг Гилярова, адвокат и театральный критик Г. Г. Урусов, писал о нем: «Безнравственно веселящееся невежественное общество ему напоминало всегда пир во время чумы. Нравственности без Христова света он не признавал».[17]

---

[12] См. письмо Гилярова к А. В. Горскому от 4 октября 1856 г. // *РО*. 1896. Т. 42, дек. С. 997.

[13] *Гиляровский В. А.* Москва газетная // *Гиляровский В. А.* Избранное: В 3 т. <М.>: Моск. рабочий, 1961. Т. 2. С. 15.

[14] См. об этом: *Уманец С.* Кое-что из воспоминаний о Никите Петровиче Гилярове-Платонове. С. 856.

[15] *<Авсеенко В. Г.?>*. Н. П. Гиляров-Платонов // *СПбВед.* 1887. 15 окт. № 284. С. 2.

[16] *Эфрон (Литвин) С.* Миссионеры и начетчики. М., <1908>. С. 21.

[17] *СИ.* 1887. 20 окт. № 287. С. 2.

Утвердившееся в нашей науке представление (правда, не имеющее под собой никакого исследовательского основания) о том, что «Современные Известия» были газетой маловлиятельной,[18] как бы «одной из многих», легко опровергается событием смерти ее редактора-издателя. По воспоминаниям того же С. К. Эфрона, похороны Гилярова были сопоставимы по размаху и масштабу проявления всеобщей скорби с прощанием разве что с таким народным любимцем, как генерал Скобелев: «...встреча тела Н<икиты> П<етровича> на Николаевском вокзале и похороны его на кладбище Новодевичьего монастыря были из ряду вон выходящие. Таких толп народа на улицах Москва не видела со дня похорон М. Д. Скобелева. Совсем иной колорит носили похороны И. С. Аксакова. Последнего хоронила интеллигентная и купеческая Москва; Гилярова же хоронила вся Москва: интеллигентная, купеческая, духовная и простонародная... Если вспомнить при этом, что похороны М. Н. Каткова отличались исключительно официальным характером и малолюдством, то станет ясно, что популярность Гилярова среди москвичей превосходила популярность Аксакова и Каткова, хотя при жизни этого выдающегося триумвирата имя Гилярова произносилось последним».[19] В. В. Розанов свидетельствовал о необыкновенной авторитетности гиляровского слова: «...в середине 80-х годов скончался Н. П. Гиляров-Платонов, которого справедливо называли москвичи и друзья его — “сам”. “Сам Никита Петрович” сказал, написал, хощет или не хощет...»[20]

Соотносительной оценке Гилярова и этих двух знаменитых московских редакторов-консерваторов,[21] безусловно, способствовало стечение обстоятельств: все они ушли из жизни один за другим в течение менее чем двух лет. Но уже автор первого такого развернутого посмертного соизмерения их вклада в русскую культуру, экономист, журналист и издатель С. Ф. Шарапов, также воспротивился тому, чтобы отводить в этом «триумвирате» Гилярову «какое-то, как бы младшее место». Он пояснял свою мысль: «Если Аксаков был велик как бескорыстный и доблестный гражданин, как художник и как выразитель великого культурного начала, если Катков был велик как политический и государственный деятель, могучий и смелый борец за русскую государственную идею, то Никита Петрович Гиляров велик как глубокий и оригинальный, скажем смело над его могилой, — как гениальный русский мыслитель».[22]

Самый близкий Гилярову человек в последние пять лет его жизни, заведующая редакцией «Современных Известий», журналист, критик и переводчик А. М. Гальперсон, вообще считала, что сопоставление его с Катковым, И. Аксаковым или Хомяковым звучит неубедительно. Она писала в одной из своих по-

---

[18] См., например: *Цимбаев Н. И.* И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. <М.>: Изд-во Моск. ун-та, 1978. С. 139.

[19] Там же. С. 20—21.

[20] *Розанов В. В.* Когда начальство ушло... М.: Республика, 1997. С. 494. (Собр. соч.; <Т. 8>).

[21] См. об этом подробнее главы 2.1 и 2.4.

[22] *<Шарапов С. Ф.>*. Москва, 24 октября // *РД*. 1887. 17—24 окт. № 12/13. С. 1.

минальных статей о Гилярове: «Со всеми ними у него, конечно, были общие черты, но более всего сравнению помогает современность их. Если с каким образом из русской истории почти совпадает образ почившего, то, да позволено будет нам это сказать, он совпадает с образом Ломоносова. Оба вышли из народной среды; оба собственными силами обязаны развитием вложенного в них Божьего дара; и оба навеки останутся памятны народу своими трудами на пользу родного языка и родной науки. Но только Ломоносов сошел в могилу всеми признанный, а оценка Никиты Петровича принадлежит потомству».[23]

Контрастировало со столь высокими оценками Гилярова то досадное обстоятельство, что он, связанный с середины 1850-х гг. сначала хлопотными служебно-административными делами, а позднее — утомительной поденной работой по редактированию газеты и закончившимися полным финансовым крахом попытками предпринимательской деятельности, — не оставил ни сколько-нибудь разработанной философской системы, ни завершенных исследований по лингвистике и политэкономии, над которыми урывками трудился в течение нескольких десятилетий.

Посмертно усилиями его младших друзей и единомышленников (прежде всего А. М. Гальперсон и князя Н. В. Шаховского) были опубликованы некоторые из этих незаконченных сочинений («Основные начала экономии»,[24] «Онтология Гегеля»[25]), а также ряд служебных (цензорских) документов и эпистолярных материалов,[26] напечатан ряд мемуарных очерков о нем,[27] начато составление пространного жизнеописания Гилярова — оно было предпринято его биографом и другом князем Н. В. Шаховским и составило в общей сложности 17 очерков-глав, опубликованных в 1893—1898 гг. в журнале «Русское Обозрение» и охва-

---

[23] <*Гальперсон А. М.*>. Москва, 20 октября // *СИ*. 1887. 21 окт. № 288. С. 2.

[24] *ВФиП*. 1891. Кн. 8. Отд. I. С. 1—27; Кн. 10. С. 19—40; 1892. Кн. 11. С. 24—45.

[25] Основные начала экономии: Посмерт. труд Н. П. Гилярова-Платонова / С предисл. проф. И. Т. Тарасова. М.: Изд. А. М. Гальперсон, 1889. [2], XII, 142 с.

[26] Из бумаг Н. П. Гилярова / <Публ. А. М. Гальперсон> // *РА*. 1889. Кн. III, вып. 10. С. 263—269; Материалы для биографии Н. П. Гилярова-Платонова / Сообщ. кн. Н. В. Шаховской // *РО*. 1896. Т. 42, нояб. С. 454—470; Дек. С. 988—1014; Письмо Н. П. Гилярова-Платонова митрополиту Сербскому Михаилу / Сообщ. А. Г<альперсон> // Русский Труд. 1898. 3 янв. № 1. С. 5—7; Письма к Бартеневу Никиты Петровича Гилярова-Платонова // *РА*. 1912. Кн. II, вып. 6. С. 312—320, и др.

[27] *Аксаков Н. П.* Воспоминания о Н. П. Гилярове-Платонове // Русский Курьер. 1887. 19 окт. № 288. С. 1; *Ф. П. Е.* <*Еленев Ф. П.*>. Черта из жизни Гилярова-Платонова // *РА*. Кн. III, вып. 12. С. 571—575; *Добронравов Н.* Н. П. Гиляров-Платонов: Из воспоминаний сотрудника // Родная Речь. 1897. № 4. 1 марта. С. 3—10; <*Сбруев П. А.*>. Воспоминания Берендея // Русское Слово. 1897. 13 окт. № 274. С. 2; *Сковронская М. С.* За четверть века: (Из воспоминаний) // Наблюдатель. 1897. Янв. С. 201—227; Февр. С. 221—239; *С. У.* <*Уманец С. И.*>. Кое-что из воспоминаний о Никите Петровиче Гилярове-Платонове // *РО*. 1897. Т. 47, окт. С. 854—859; *Эфрон С. К.* Воспоминания сотрудника газеты // Русский Листок. 1902. 13 окт. № 281. С. 1, и др.

тывающих только небольшой период жизни Гилярова — с 1855 по 1859 г.,[28] а также четыре статьи общего характера.[29]

Многочисленные же его журнальные статьи и газетные заметки по религиозно-практическим, общественно-философским, педагогическим и эстетическим вопросам оказались востребованными на рубеже веков и, особенно, в годы первой русской революции, когда началось зримое разрушение миропорядка прежней жизни. Тогда князь Н. В. Шаховской на средства, выделенные синодальным обер-прокурором К. П. Победоносцевым, подготовил два двухтомника: «Сборник сочинений» (М., 1899—1900) и «Вопросы веры и церкви» (М., 1905—1906), книги «Университетский вопрос» (СПб., 1903), «Экскурсии в русскую грамматику», «Откуда нигилизм?» (обе — М., 1904) и «Еврейский вопрос в России» (СПб., 1906). Последняя книга издана анонимно, однако ее авторский текст представляет собой переработанную статью князя Шаховского «Н. П. Гиляров-Платонов о евреях»[30] с включением передовиц Гилярова разных лет и их фрагментов по еврейскому вопросу.

Все эти издания были встречены критикой весьма доброжелательно, на что указывают сами заголовки рецензий: «Жертва судьбы», «Несовременный ум о современных вопросах» (А. И. Введенский),[31] «Философ духа жизни» (Б. В. Никольский)[32] — и составленного С. Ф. Шараповым сборника критико-биографи-

---

[28] *Шаховской Н. В., кн.*: 1) Обстоятельства оставления Н. П. Гиляровым-Платоновым службы в Московской духовной академии // 1895. Т. 34, авг. С. 542—561 (подпись: *Кн. Н. В. Ш.*); 2) Определение Н. П. Гилярова-Платонова на светскую службу // 1895. Т. 35, сент. С. 110—116 (подпись: *Кн. Н. В. Ш.*); 3) Н. П. Гиляров-Платонов и А. С. Хомяков: (По сочинениям и письмам Гилярова) // 1895. Т. 36, нояб. С. 14—32 (подпись: *Кн. Н. В. Ш.*); 4) Н. П. Гиляров-Платонов и К. С. Аксаков: (По статьям и письмам Гилярова) // 1895. Т. 36, дек. С. 509—545; 5) Н. П. Гиляров-Платонов как инициатор церковно-приходской школы // 1896. Т. 37, февр. С. 572—589; 6) Н. П. Гиляров-Платонов о евреях // 1897. Т. 43, янв. С. 148—185; 7) Памяти П. А. Кулиша // 1897. Т. 44, март. С. 192—227 (о Гилярове — с. 192, 194—201, 203); 8) Н. П. Гиляров-Платонов об «Истории русской церкви» преосв. Макария // 1897. Т. 44, апр. С. 591—619; 9—17) Годы службы Н. П. Гилярова-Платонова в Московском цензурном комитете // 1897. Т. 46, июль. С. 131—172; Авг. С. 712—771; Т. 47, окт. С. 716—783; Т. 48, нояб. С. 99—133; Дек. С. 497—529; 1898. Т. 49, янв. С. 98—132; Февр. С. 644—657; Т. 50, март. С. 52—69; Апр. С. 526—539.

[29] *Шаховской Н. В., кн.* 1) Из приготовительных работ по биографии Гилярова // *РА*. 1893. Кн. II, вып. 7. С. 427—430 (перепеч.: Вестник Литературный, Политический, Научный и Художественный, с Афишами. 1893. 22 сент. № 2005. С. 1—2); 2) Никита Петрович Гиляров-Платонов о Прибалтийском вопросе: («Соврем. Изв.» 1885—1887 гг.). Ревель, 1893. 18 с.; 3) Никита Петрович Гиляров-Платонов: Крат. публицист. очерк. Ревель, 1893. 84 с.; 4) Никита Петрович Гиляров-Платонов // *Сб. соч.* Т. I. С. III—LX; отд. отт. с подзагол.: Предисловие к первому тому Сборника его сочинений, издания К. П. Победоносцева. М.: Синод. тип., 1899. LX с.

[30] *РО*. 1897. Т. 43, янв. С. 148—185.

[31] *МВед*. 1899. 19 июня. № 166. С. 3—4; 26 июня. № 173. С. 3.

[32] *НВр*. 1900. 25 июля. № 8767. С. 2—3.

ческих материалов: «Неопознанный гений» (М., 1903). Объективно, без всяких эмоциональных перехлестов, высказался о нем публицист консервативного направления Ю. П. Бартенев: «Гиляров был самобытный и глубокий мыслитель, в котором гармонически соединялась способность к тончайшей диалектике с основательным знанием народного быта, широкое всестороннее образование с ясным здравым смыслом, умственная утонченность с необычайною простотой изложения».[33] О том же этот автор сообщал в частном письме (к В. Я. Брюсову от 3 июня 1900 г.): «Зачитываюсь Гиляровым-Платоновым: соединение тончайшего диалекта с глубоким знатоком народной жизни на цементе обширного образования».[34] Следует отметить четыре статьи о Гилярове, опубликованные в 1907—1908 гг. Л. П. Лобовым, как бы принявшим эстафету у князя Н. В. Шаховского.[35]

С особым пиететом к Гилярову относился В. В. Розанов, постоянно ссылавшийся на его суждения, в 1895 г. сетовавший: «...мало понятый, мало оцененный у нас Н. П. Гиляров-Платонов»,[36] а в 1899 г. писавший о нем: «Открывался чрезвычайный ум, показывался глубокий мыслитель, которого Россия не умела заметить у себя, погруженная во всяческие “измы” <...> это был философ и вместе поэт, аналитик и вместе синтетик русского духа, русской стихии <...>».[37] В сохранившемся в архиве (РГАЛИ) наброске «Эмбрионы (Мысли о славянофильстве)», датируемом нами 1900 годом, Розанов, определяя место Гилярова в кругу его единомышленников в пореформенный период, счел именно его наиболее верным и надежным наследником ранних славянофилов. Приведем пространную цитату: «Ив. Аксаков, “кимвал бряцающий славяно<фильства”,> не столько неуклонно верен его принципам, сколько пылок в требо<ваниях> по существу либерально-утилитарных; у А. Кошелева эти требования уже сливаются совершенно с либерализмом, оставляя для себя лишь внешний словесный покров славянофильства; и в Юрьеве, основателе “Русской Мысли”, без всякого труда замещается радикальным ядром, почти без славянофильских оговорок. Здесь к нему примыкают “беллетристы-народники” и вообще радикально-народные теории, с которыми слился и мессианизм славянофильства (Достоевский), а равно это течение завязывает связи и с церковным эклектизмом Вл. Соловьева, в той части его, которая отрицает православие, и с умолчанием и тайным пре-

[33] *Ю. Б. <Бартенев Ю. П.>.* <Рец. на кн.: *Сб. соч.* Т. II> // *РА*. 1900. Кн. II, вып. 6. С. 2 обл.

[34] РГБ. Ф. 386. Карт. 76. Ед. хр. 17. Благодарю А. В. Лаврова, ознакомившего нас с этой цитатой.

[35] *Лобов Л. П.*: 1) Гиляров-Платонов. Публицистическая деятельность // Славянские Известия. 1907. № 1. С. 3—11; № 3. С. 167—173; 2) Гиляров-Платонов. Славянский вопрос // Там же. 1907. № 6/7 (Окт./нояб.). С. 516—522; 3) Гиляров-Платонов. Вера и церковь: <Рец.> // Там же. 1908. № 1/3. С. 3—11; 4) Гиляров-Платонов. Школа и просвещение: <Рец.> // Там же. 1908. № 6. С. 286—292; отд. отт.: СПб., <1908>. 8 с.

[36] *Розанов В. В.* Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. М., 1996. С. 251. (Собр. соч.; <Т. 7>).

[37] *Розанов В. В.* Полн. собр. соч.: В 35 т. СПб.: Росток, 2014. Т. 1. С. 562.

небрежением — к той, которая утверждает католицизм. Более верен славянофильству остается непризнанный "единорог" Москвы,[38] Гиляров-Платонов, не без зависти и некоторого умственного пренебрежения смотрящий на преуспевающих товарищей своих по перу, внутренно разрушающих славянофильство при внешнем распространении его. Но и он остается в пределах внешних возгласов, ему лично принадлежащих вкусов, традиций среды своей и своего воспитания церковного, и лишь в силу этого колорита церковности — славянофильского».[39]

Впрочем, сходные оценки высказываются и современными авторами. Например, историк и публицист В. М. Острецов категорически утверждает: «...крупнейшим мыслителем второй половины XIX века был, на мой взгляд, не компилятивный Владимир Соловьев, а Никита Петрович Гиляров-Платонов, своеобразнейший русский историк и публицист».[40]

В наши дни наследие Гилярова-Платонова ввел в активный научный оборот Б. Ф. Егоров — в своем исследовании «Очерки по истории русской культуры XIX века»[41] и статье «Н. П. Гиляров-Платонов как эстетик и литературный критик», впервые опубликованной в сокращенном виде на английском языке (в переводе Питера Роллберга) в сборнике в честь 60-летия профессора Вашингтонского университета им. Дж. Вашингтона Чарльза Мозера;[42] по-русски в расширенном виде в сборнике «Теоремы культуры»,[43] а также в ряде других работ.[44] Гиляров предстает в его работах выдающимся религиозным мыслителем, теснимым официальной Церковью и правительственными кругами, но в своем творчестве предвозвестившим обновление русской культуры на путях нравственного детерминизма и религиозной толерантности. Наконец, ученый вы-

---

[38] Самоназвание Гилярова в его письме к князю Н. В. Шаховскому от 2 февраля 1886 г.: «...приезжий иностранец смотрит в Москве Царь-пушку и Царь-колокол и ищет случая видеть Каткова и Аксакова. Но в том же Кремле есть пушка Единорог: об ней не говорят и гиды ее не упоминают» (*Из пережитого*. Т. 2. С. 488).

[39] РГАЛИ. Оп. 1. Ед. хр. 419. Л. 67 об.; ср.: *Розанов В. В.* Полн. собр. соч.: В 35 т. СПб.: Росток, 2017. Т. 6. С. 375.

[40] *Острецов В.* Самодержавие и народ // Слово. 1994. № 1/6. С. 6.

[41] *Егоров Б. Ф.* Из истории русской культуры. М.: Языки рус. культуры, 1996. Т. V (XIX век). С. 128—130, 137, 196—198.

[42] And Meaning for a Life Entire: Festschrift for Charles A. Moser on the occasion of his sixtieth birthday. Columbus (Ohio): Slavica Publishers, 1997. P. 259—267.

[43] Теоремы культуры. М.: Независ. акад. эстетики и свобод. искусств, 2003. С. 286—296. (Академические тетради; Вып. 9). Перепеч.: *Гиляров: ИМБР*. С. 36—46.

[44] См., например: *Егоров Б. Ф.*: 1) Православные мыслители и литературные критики XIX в. о Пушкине // «Пока в России Пушкин длится, Метелям не задуть свечу»: Тр. семинара «Творчество А. С. Пушкина в ист.-культ. контексте» (Смоленск, 10—12 февр. 1998 г.). Смоленск, 1998. С. 73—79 (то же: *Егоров Б. Ф.* От Хомякова до Лотмана. М.: Языки слав. культуры, 2003. С. 149—155); 2) Пушкин в оценке религиозных мыслителей 1870—1880-х годов: (Н. П. Гиляров-Платонов и Ф. М. Достоевский) // Болдинские чтения. Н. Новгород, 1998. С. 86—97; 3) Гиляров-Платонов Никита Петрович (1824—1887) // Идеи в России = Idee w Rosji = Ideas in Russia. Łódź, 1999. Т. 2. С. 78—79 (подпись: *Б. Е.*).

ступил как инициатор и ответственный редактор переиздания знаменитых мемуаров писателя в академической серии «Литературные памятники», увидевшего свет в 2009 г.[45]

Появились серьезные работы, посвященные его религиозно-этическим, философским и эстетическим воззрениям,[46] взаимоотношениям с писателями — его современниками.[47] Историком М. А. Федотовой была защищена первая и единственная на сегодня диссертация о мыслителе, где были впервые обобщены кропотливо собранные многочисленные печатные и архивные материалы и исследования о нем (большинству из последних, правда, по справедливому заключению диссертантки, «свойственна большая фрагментарность и избирательность»[48] ввиду малоизученности темы), сделана попытка «определить историческую роль Н. П. Гилярова-Платонова как общественного и государственного деятеля», правда, на наш взгляд, больше не самого по себе, а как представителя «русской интеллектуальной элиты».[49]

Печатаются статьи и главы в книгах, в том числе краеведческого характера, популяризирующие творчество Гилярова,[50] а также статьи в энциклопедиях

---

[45] *Из пережитого*. Т. 1—2.

[46] См., например: *Водолазко В. Н.* Н. П. Гиляров-Платонов о пореформенном старообрядчестве // Старообрядчество: история, культура, современность: Материалы V науч.-практ. конф., г. Москва, 20—21 нояб. 2000 г. М., 2000. С. 39—45; *Межуев Б. В.* Вл. Соловьев, Н. П. Гиляров-Платонов и «разложение славянофильства» // История философии. М., 2000. № 6. С. 33—61.

[47] *Панфилов М. М.* «Книжное знание» для «народа»: (Полемич. диалог К. С. Аксакова и Н. П. Гилярова-Платонова) // Информационная культура личности: прошлое, настоящее, будущее. Краснодар, 1996. С. 359—364; *Панаэтов О. Г.* Н. П. Гиляров-Платонов и К. Н. Леонтьев: Споры о Толстом. Краснодар: КубГУ, 2002. 75 с.; *Дмитриев А. П.* К. П. Победоносцев — приятель, оппонент, издатель Н. П. Гилярова-Платонова // Константин Петрович Победоносцев: мыслитель, ученый, человек: Материалы Междунар. юбил. науч. конф., посвящ. 180-летию со дня рождения К. П. Победоносцева, Санкт-Петербург, 1—3 июня 2007 года. СПб., 2007. С. 127—136; *Викторович В. А.* Перепутья русского консерватизма: (Ф. М. Достоевский и Н. П. Гиляров-Платонов) // *Гиляров: ИМБР*. С. 47—95, и др.

[48] *Федотова М. А.* Общественно-политические взгляды и деятельность Н. П. Гилярова-Платонова (1824—1887): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук / МГОПУ. М., 2004. С. 18.

[49] Там же. С. 4.

[50] См.: *Климаков Ю. В.*: 1) «...Светить дорогу обществу»: О публицисте и издателе Н. П. Гилярове-Платонове // Книгочей. 2001. Вып. 7. С. 28—35; 2) Безупречная искренность // Встреча: (Культурно-просветительная работа). 2001. № 11. С. 36—38; 3) Судьба русского публициста // Молодая гвардия. 2002. № 11/12. С. 121—134 (то же: Коломенский альманах: Лит. ежегодник. Коломна, 2004. Вып. 8. С. 319—328); *Маевский И. В.* Никита Петрович Гиляров-Платонов // Край родной, Коломенский: Краеведч. альм. Коломна, 2002. Вып. 1. С. 99—104; *Вострышев М. И.* Неопознанный гений: Издатель и публицист Никита Петрович Гиляров-Платонов (1824—1887) // Московские обыватели. М., 2003. С. 225—232; *Троицкая М. Г.* Гиляров-Платонов Никита Петрович: философ, публицист, издатель, писатель // Политика. Власть. Право: <Межвуз. сб. науч. ст.> / Коломен. гос. пед. ин-т, С.-Петерб. юрид. ин-т. СПб., 2005. Вып. 9. С. 129—142.

и справочниках (в советский период о Гилярове, как правило,[51] в них не упоминалось).[52]

Начиная с июня 2004 г. в Коломне, на родине мыслителя, по инициативе известного литературоведа В. А. Викторовича, профессора Коломенского пединститута (с 2010 г. — Московский государственный областной социально-гуманитарный институт), проводятся научные конференции, посвященные изучению жизни и творчества Гилярова. Изданный по итогам первого из таких симпозиумов «сборник статей и материалов», названный «Возвращение Н. П. Гиляров-Платонова» (Коломна, 2007), объединил работы 19 исследователей (в том числе таких известных, как В. А. Викторович, В. А. Кошелев, Г. В. Краснов[53]) из Санкт-Петербурга, самой Коломны, Новгорода и Краснодара. Здесь, между прочим, было положено начало публикации газетных и архивных материалов — передовых статей и писем Гилярова к М. П. Погодину и И. Ф. Романову-Рцы.[54] Ряд эпистолярных комплексов, в том числе довольно значительных по объему, впоследствии был опубликован нами.[55] В 2008 г. в Москве вышел облегченно отко-

---

[51] См., однако: *<Без подписи>*. Гиляров-Платонов Н. П. // Философская энциклопедия / Гл. ред. Ф. В. Константинов. М., 1960. Т. 1. С. 370.

[52] *Осьмакова Н. И.* Гиляров-Платонов Н. П. // Русские писатели, 1800—1917: Биогр. словарь. М., 1989. Т. 1. С. 561—563; *Платонов А. А.* Гиляров-Платонов Н. П. // Отечественная история: История России с древнейших времен до 1917 г.: Энциклопедия. М., 1994. Т. 1. С. 554; *Межуев Б. В.* Гиляров-Платонов Н. П. // Русская философия: Словарь / Под общ. ред. М. А. Маслина. М., 1995. С. 115; *Шохин В. К.* Гиляров-Платонов Н. П. // Русская философия: Малый энцикл. словарь. М., 1995. С. 127—129; *Межуев Б. В.* Гиляров-Платонов Н. П. // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М., 2000. Т. 1. С. 527. *Лебедев С. В.* Гиляров-Платонов Н. П. // Святая Русь: Большая энциклопедия русского народа: Русский патриотизм. М., 2003. С. 182—183; *Фатеев В. А.*: 1) Гиляров-Платонов Н. П. // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. XI. С. 479—480; 2) Гиляров-Платонов Н. П. // Розановская энциклопедия / Сост. и гл. ред. А. Н. Николюкин. М., 2008. Стб. 236—239; *<Без подписи>*. Гиляров-Платонов Н. П. // Большая Российская энциклопедия / Отв. ред. С. Л. Кравец. М., 2007. Т. 7. С. 131; *Быков В. Н.* Гласные Московской городской думы (1863—1917): Священники и выпускники духовных академий: Н. П. Гиляров-Платонов // Московский журнал. 2008. № 10. С. 7; *Котов А. Э.* Гиляров-Платонов Н. П. // Русский консерватизм середины XVIII — начала XX в.: Энциклопедия. М., 2010. С. 112—114; *Дмитриев А. П.* Гиляров-Платонов Н. П. // А. Н. Островский: Энциклопедия / Гл. ред. и сост. И. А. Овчинина. Кострома; Шуя, 2012. С. 105—106.

[53] *Викторович В. А.* Блаженны отставшие // *Возвращение*. С. 16—30; *Кошелев В. А.* «Любовь это действительно первое и последнее слово...»: Н. П. Гиляров о Хомякове // Там же. С. 83—94; *Краснов Г. В.* В полемике с Л. Н. Толстым // Там же. С. 95—97.

[54] Там же. С. 179—364 (публикации, соответственно, Д. Ю. Балашова, Т. Ю. Соколовой и А. П. Дмитриева).

[55] См.: *Переписка с Филипповым*; «Да, много Вы моей души занимаете»: Письма Н. П. Гилярова-Платонова к А. М. Гальперсон / Публ. А. П. Дмитриева // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007—2008 годы. СПб., 2010. С. 171—251; Письма Н. П. Гилярова-Платонова к С. Т. Аксакову / Публ. и коммент. А. П. Дмитриева // Русская литература. 2010. № 4. С. 204—210; *Разумевающие верой*; *Переписка с Шаховским*.

ментированный сборник избранных произведений Гилярова,[56] в 2009 г. в Петербурге, помимо упомянутого переиздания воспоминаний в серии «Литературные памятники», — еще сборник ранних произведений,[57] в 2017 г. в Коломне — вновь уточненный текст первого тома «Из пережитого» с обновленным комментарием.[58]

Наконец, к 125-й годовщине со дня кончины мыслителя в академической серии «Славянофильский архив» (ИРЛИ РАН) под нашей редакцией был издан историко-литературный сборник «Никита Петрович Гиляров-Платонов: Исследования. Материалы. Библиография. Рецензии» (СПб.: Росток, 2013. 944 с. увелич. формата), среди авторов — ученые из Петербурга, Москвы, Коломны, Уфы, Владивостока: А. А. Аксенов, Е. И. Анненкова, Д. А. Бадалян, В. А. Викторович, Л. Ю. Гусман, А. П. Дмитриев, Б. Ф. Егоров, В. А. Котельников, С. В. Мотин, Т. Ф. Пирожкова, Г. С. Прохоров, Р. В. Славацкий (Гацко), И. А. Сурнина, А. А. Тесля, О. Л. Фетисенко, Л. О. Цандер, М. И. Щербакова, А. Г. Юшко и др. Первую часть книги (с. 9—196) составили статьи о разных аспектах мировоззрения и деятельности писателя (как историософа и мемуариста, эстетика и литературного критика, цензора и журналиста) и о взаимосвязях его наследия с творчеством Ф. М. Достоевского, К. Н. Леонтьева, Б. А. Пильняка. В раздел «Материалы» (с. 197—706) вошли многочисленные публикации архивных документов, освещающих все этапы творческого пути Гилярова. Это мемуары, сочинения по эстетике и экзегетике, дневники, письма, цензорские отзывы, судебные протоколы, редакционные инструкции, служебные аттестаты, а также не переиздававшиеся газетные статьи об И. С. Тургеневе, Л. Н. Толстом, Вл. С. Соловьеве, И. С. Аксакове, М. Г. Черняеве, А. М. Бутлерове и др. Завершает книгу раздел «Библиография. Рецензии» (с. 707—893): выборочная постатейная роспись гиляровской газеты «Современные Известия» в период «диктатуры сердца» М. Т. Лорис-Меликова (1880—1881) и рецензии на издания славянофильского наследия.

В последние годы работа над изучением наследия Гилярова продолжается, публикуются статьи по различным частным аспектам его жизни и творчества, причем разного уровня и достоинства; в этот процесс вовлекаются все новые и новые научные силы.[59]

---

[56] *Гиляров-Платонов Н. П.* «Жизнь есть подвиг, а не наслаждение...» / Сост. и коммент. Ю. В. Климакова; Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2008. 720 с.

[57] *Гиляров-Платонов Н. П.* Последние дни Помпеи: Семинарские опыты в стихах и прозе (1837—1843) / РАН. ИРЛИ; Вступ. ст., сост., подгот. текстов, коммент. А. П. Дмитриева; Отв. ред. Б. Ф. Егоров. СПб.: Пушкинский Дом, 2009. 528 с.

[58] *Гиляров-Платонов Н. П.* Из пережитого: Автобиографические воспоминания <коломенские главы> / Вступ. ст. В. Викторовича, подгот. текста А. Дмитриева, коммент. А. Дмитриева, В. Викторовича, Е. Ломако. Коломна: Лига, 2016. 528 с. (Сер. «Коломенский текст»).

[59] См.: *Алексеев А. А.*: 1) Русское богатырство в понимании Н. П. Гилярова-Платонова // Славянский мир: общность и многообразие: Материалы Междунар. науч.-практ. конф.

Но очевидно, что прошло еще слишком мало времени с начала сосредоточения усилий части научного сообщества над освоением трудов Гилярова и пока исследовательская мысль находится только на подступах к адекватному постижению богатого идейно-образного мира этого выдающегося русского писателя

Коломна, 2007. С. 26—31; 2) Экзистенциальные ценности в автобиографических воспоминаниях Н. П. Гилярова-Платонова // Дискурс: философские размышления: Сб. науч. ст. преподавателей кафедры философии, истории, политологии и права. Коломна, 2011. С. 173—185; *Викторович В. А.* Начало коломенского текста: <И. И. Лажечников, Н. П. Гиляров-Платонов, Б. Пильняк — основоположники коломенского текста> // Коломенский альманах: Лит. ежегодник. М., 2010. Вып. 14. С. 11—28; *Каплин А. Д.* Никита Петрович Гиляров-Платонов (1824—1887) и славянофилы // *Каплин А. Д.* Славянофилы, их сподвижники и последователи. М., 2011. С. 378—385; *Котов А. Э.*: 1) Русская консервативная журналистика 1870—1890-х годов: Опыт ведения обществ. дискуссии: Монография. СПб., 2011. С. 84—90; 2) «Царский путь» Михаила Каткова: Идеология бюрократич. национализма в политич. публицистике 1860—1890-х гг. СПб.: Владимир Даль, 2016 (ук.); *Рудакова В. А.* Трансформация библейских фразеологизмов в публицистике Н. П. Гилярова-Платонова // Вестник Вятского гос. гуманитарного ун-та. 2011. № 3-2. С. 18—23; *Антонова Е.* Воспоминания Н. Гилярова-Платонова: дополнения к комментариям // Текстологический временник: Русская литература XX века: Вопросы текстологии источниковедения. М.: ИМЛИ РАН, 2012. Кн. 2. С. 540—546; *Гришин Е. В.* Принципы создания психологического портрета в прозе Ж.-Ж. Руссо и Н. П. Гилярова-Платонова: опыт сравнения // Вестник Московского гос. областного социально-гуманитарного ин-та. 2012. Т. 1, № 12. С. 178—182; *Фетисенко О. Л.* Из московских встреч: Леонтьев и Н. П. Гиляров-Платонов // *Фетисенко О. Л.* «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики: (Идеи рус. консерватизма в лит.-худож. и публиц. практиках второй половины XIX — первой четверти XX в.). СПб.: Пушкинский Дом, 2012. С. 186—197; *Кругликова О. С.*: 1) Газета Н. П. Гилярова-Платонова «Современные Известия» в системе печати консервативного направления // Средства массовой информации в современном мире. Петербургские чтения: Материалы 52-й Междунар. науч.-практ. конф. СПб.: СПбГУ, 2013. С. 23—26; 2) Публицистика Н. П. Гилярова-Платонова: антинигилистический дискурс // Русская публицистика в духовно-нравственной жизни общества: идеалы и ценности / Под ред. Л. П. Громовой. СПб.: СПбГУП, 2014. С. 53—68; 3) Н. П. Гиляров-Платонов как журналист и издатель // Ученые записки Казанского ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2016. Т. 158, кн. 4. С. 1015—1030; *Егоров О. Г.* Духовная школа в России 1820—40-х гг. в трудах Н. П. Гилярова-Платонова // Педагогика. 2014. № 8. С. 83—92; *Дмитриев А. П.*: 1) Автор Предисловия к первому тому — Н. П. Гиляров-Платонов: (О работе А. Ф. Аксаковой над Собранием сочинений мужа) // *Аксаков И. С.* Собр. соч.: В 12 т. / ИРЛИ РАН; Изд. подгот.: А. П. Дмитриев и Д. А. Федоров. СПб., 2015. Т. 1: Славянский вопрос; кн. 2. С. 672—679; 2) Неизвестные проекты писем К. С. Аксакова к Александру II в связи с потерей Севастополя (по переписке Н. П. Гилярова-Платонова, В. С. Аксаковой и М. Г. Карташевской) // Аксаковские чтения: (Материалы XV Аксаковских чтений. Уфа, 24—26 сентября 2015 г.) / Отв. ред. В. В. Борисова. Уфа, 2015. С. 81—96; 3) Столоверчение в усадьбе Абрамцево (по неопубликованной переписке В. С. Аксаковой с М. Г. Карташевской и К. С. Аксакова с Н. П. Гиляровым-Платоновым) // Абрамцево. Материалы и исследования: Сб. докл. науч. конф. 15—16 октября 2015. Абрамцево (Моск. обл.), 2017. С. 40—51.

и ученого. К тому же, как уже неоднократно отмечалось, для биографий первых славянофилов характерна «довольно низкая документированность».[60] Нельзя сказать, чтобы за последние годы ситуация кардинально изменилась. Потому так и насущны: публикация новых архивных материалов, проливающих свет на мало исследованные обстоятельства жизни представителей этого идейного движения, особенно же Гилярова — наименее изученного из славянофилов; осмысление и обобщение этих материалов; создание на их основе монографических исследований, посвященных жизненному пути и творческому наследию этих мыслителей, значение деятельности которых для русской культуры трудно переоценить; наконец, подготовка добротных собраний сочинений и писем, в идеале — полных, академического типа.

И поскольку до сих пор связанное с Гиляровым и его вкладом в русскую культуру — это большое белое пятно в нашей исследовательской литературе, необходимостью его ликвидировать и определяется актуальность настоящего исследования. В центре монографии — феномен Гилярова — ученого, публициста и художника слова, т. е. писателя в широком смысле слова, в контексте историко-литературного процесса довольно продолжительного времени — от 1830-х гг. (на излете Пушкинской эпохи начинается его литературное ученичество с первыми беллетристическими опытами) до кончины в 1887 г. и далее — до начала XX века, когда в литературе активно действовали ученики и почитатели Гилярова и были переизданы важнейшие его сочинения.

Основной целью исследования является составление очерка научной биографии Гилярова на основе комплексного анализа и сопоставления источников, главным образом малоизвестных газетно-журнальных и не введенных в научный оборот архивных материалов, определение своеобразия его творческой манеры как публициста, литературного критика, мемуариста. Особое внимание уделяется педагогической, административной службе и журналистской деятельности Гилярова, он показан как неординарный представитель гуманитарной науки своего времени (эстетик, лингвист, богослов, историк, политэконом, социолог). Эти задачи решаются в части первой, озаглавленной «Жизнь и служение Н. П. Гилярова-Платонова: очерк научной биографии».

Во второй части монографии — «Н. П. Гиляров-Платонов как публицист и русская журналистика его времени» — выясняется, какое освещение и истолкование получали в творчестве Гилярова как автора статей политической, церковно-исторической, педагогической и др. тематики некоторые ключевые проблемы и события русской литературно-общественной жизни (главным образом те, которые до сих пор не получили сколько-нибудь подробного освещения в критической и исследовательской литературе), как отвечал он на духовно-нравственные потребности своего времени — в сопоставлении прежде всего с наиболее выдающимися своими современниками-публицистами (И. Аксаков, Катков, Победоносцев, Т. Филиппов, К. Леонтьев, Вл. Соловьев и др.).

[60] См., например: *Мазур Н. Н.* К ранней биографии А. С. Хомякова (1810—1820) // Лотмановский сборник. М., 1997. Т. 2. С. 195.

Третья часть — «Н. П. Гиляров-Платонов как мемуарист и литературный критик. Творческие диалоги с современниками» — представляет Гилярова как литературного критика и художника слова на материале его ранней беллетристики и дневниковой прозы 1830—1840-х годов; литературно-критических статей; «автобиографических воспоминаний» «Из пережитого», малой мемуарной и эпистолярной прозы. Здесь же, равно как и во второй части, анализируются его творческие диалоги с выдающимися писателями (отцом и сыновьями Аксаковыми, Хомяковым, Ю. Самариным, Островским, Л. Толстым, Достоевским и др.).

Завершает исследование обширный раздел архивных публикаций, объединяющий материалы по трем тематическим разделам: «Переписка Н. П. Гилярова-Платонова с князем Н. В. Шаховским (1885—1887)», «Записная книжка князя Н. В. Шаховского "Матерьялы для биографии Н. П. Гилярова-Платонова. 1893 год"» и «Судьба наследия Н. П. Гилярова-Платонова в неизданной переписке его учеников и почитателей: О. Г. Аксаковой, П. И. Бартенева, П. А. Бессонова, протоиерея Ф. И. Варницкого, А. М. и С. И. Гальперсонов, А. Н. и Н. Н. Гиляровых, А. И. Елишева, И. Н. Корсунского, П. А. Кулиша, митрополита Михаила (Йовановича), А. Ф. Морокина, К. П. Победоносцева, И. Ф. Романова-Рцы, М. С. Сковронской, И. В. Павлова, В. Г. Сенатова, князя Н. В. Шаховского, Д. Н. Шубинского, С. К. Эфрона и др. (1885—1906)».

При публикации рукописных текстов их орфография и пунктуация приближены к современным, однако сохраняются индивидуальные особенности языка авторов и традиционные для их времени грамматические и лексические формы, несущие дополнительную смысловую нагрузку. Со строчной буквы пишутся названия месяцев, дней недели и национальностей. Заглавия произведений печати унифицированы согласно современной норме: подставлены недостающие кавычки, курсив в функции кавычек не удерживается, однако в названиях периодических изданий ради сохранения написания, характерного для XIX в., прописные буквы не заменены на строчные (*«Новое Время», «Современные Известия»*), — в том числе и в основном тексте книги. Угловые скобки < > означают конъектуру публикатора; в них же заключаются слова, введенные им в публикуемый текст. Знаком многоточия в тех же скобках <...> обозначаются купюры в цитатах. Зачеркнутые в архивном источнике фрагменты текста введены в квадратные скобки [ ]. Вопросительным знаком в угловых скобках <?> сопровождаются слова, чтение которых предположительно. Слова, подчеркнутые единожды, выделены курсивом, двумя и более чертами — полужирным курсивом.

Посвящаю настоящее издание светлой памяти видного зоолога, эколога и гидробиолога, заслуженного профессора МГУ Алексея Меркурьевича Гилярова (19.V.1943—20.X.2013), праправнука писателя.

Выражаю сердечную благодарность моим учителям и вдохновителям этой книги — Борису Федоровичу Егорову и Владимиру Алексеевичу Котельникову, а также ее издателю Любови Ивановне Чикаровой.

Часть I

ЖИЗНЬ И СЛУЖЕНИЕ Н. П. ГИЛЯРОВА-ПЛАТОНОВА

Очерк научной биографии

1.1. ШКОЛА РЕЛИГИОЗНОГО САМОВОСПИТАНИЯ (1824—1844)

Никита Петрович Гиляров-Платонов родился 23 мая[1] 1824 г. в г. Коломне Московской губернии, в семье настоятеля церкви Никиты Мученика П. М. Никитского (сам отец Петр, видимо, не любил свою казенную фамилию, присвоенную ему «по церкви», и предпочитал подписываться по старинке: «священник Петр Матфиев»[2]). Никита был последним, по общему счету тринадцатым, ребенком в семье, но, когда он появился на свет, в живых оставались только два его брата и три сестры. В мемуарах он упомянет о своем особом положении всеобщего любимца, положении как бы библейского Вениамина или Давида: «Я был младшим в семье, “поскребышем”, как называл меня отец с улыбкой прихожанам, “Давид Иессеев”, как шутил со мною Иван Евсигнеевич: старший брат обогнал меня на двадцать один год и ко времени рождения моего уже оканчивал курс; ближайшая по возрасту сестра была старше меня тремя годами».[3]

Семья Никитских заметно выделялась в купеческой Коломне своей «несветскостью», обособленностью и приверженностью к традиционному для строго благочестивого духовенства прежних времен укладу жизни. Об этом тоже пишет Гиляров, причем с немалым сочувствием: «Духовенство же есть вообще особенный мир; а семья, среди которой я вырос, была и среди особенных особенная: она жила в XVII веке, по крайней мере на переходе в XVIII. Консерватизм моего родителя был чрезвычайный: он жил вполне, как его отец, и с очень малым отличием от того, как жили дед и прадед. Мать и сестры были представительницами прогресса, порывались на нововведения: сестры ходили уже в платьях, мать меняла сарафан на платье для торжественных случаев; но всякие нововведения прививались туго, тем более что мы, как Мозырский уезд, отделены были от мира. У нас почти не было знакомых; гостей не принимали и сами не бывали ни у кого. Дом наш был своего рода скитом, где царил угрюмый, вечно

---

[1] Все даты до 1918 г. здесь и далее приводятся по старому стилю. См. отметку в памятном месяцеслове отца писателя: «1824-го года мая 23-го числа родился сын Никита пополуночи в 40 минут 12-го часа» (*Гиляров Ф. А.* <Главы о коломенской старине из «Воспоминаний»> / Публ. А. П. Дмитриева // *Гиляров: ИМБР.* С. 205).

[2] См., например, его записку «Рождение детей моих»: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 818. Л. 1.

[3] *Из пережитого*. Т. 1. С. 59. Иван Евсигнеевич — двоюродный брат Гилярова.

молчаливый патриарх, и при нем мы, подрастающая девичья молодость и полуребенок сын».[4]

Не удивительно, что, взлелеянный в особой атмосфере городской священнической семьи, атмосфере религиозного горения, духовной целомудренности и чистоты, замыкающий собой длинный ряд поколений служителей алтаря, Гиляров изначально был человеком глубоко воцерковленным. О своих близких он неоднократно с большой теплотой вспоминал в книге «Из пережитого».

Вместе с тем священник П. М. Никитский, духовные запросы и интеллектуальные потребности которого не могли удовлетвориться пустопорожними разговорами с соседями и родственниками о погоде и текущих хозяйственных нуждах, — всю жизнь томился в глуши провинциальной Коломны от нравственного одиночества. Жертвенно заботился он о детях: доходы его всегда были невелики, но всем троим сыновьям он сумел дать образование в столичной семинарии, трех дочерей обеспечил достаточным для хорошей партии приданым. Его любовь к чтению как «отдохновению от непривлекательной действительности», внутренняя сосредоточенность на духовных, возвышенных предметах, тяга к мечтательности, уединенному времяпрепровождению, а также его нравственное обаяние и склонность к изящному остроумию, особенно проявлявшемуся в меткости его оценочных суждений и характеристик, — все это в полной мере будет унаследовано Никитой Петровичем.

Когда мальчику было 6 лет, он потерял мать, скончавшуюся в 1830 г. в эпидемию холеры. Трогательный духовный образ Мавры Федоровны, созданный Гиляровым в его мемуарах, невольно вызывает ассоциации с евангельской Марфой: «Практический ум заменяла отцу мать. Она и вела хозяйство, но потому хозяйство и не могло простираться далее избы и двора».[5] Она была и «замечательной искусницей» во всех домашних рукодельях, и хорошей помощницей супругу в снискании хлеба насущного: обучала грамоте приходских ребятишек (то есть являлась «мастерицей» в специальном местном понимании). Но прежде всего Гиляров говорит о «любящей душе матери», невыносимо страдавшей на смертном одре за супруга — «ребенка в практической жизни», старшую дочь — непристроенную невесту и за всех других детей «ввиду темного будущего»...

Слушатель Гилярова в Московской духовной академии, а позднее его приятель, протоиерей П. А. Смирнов, в своей «речи пред панихидою» по усопшему учителю, восхищаясь его «выходящими из ряда», редкостными дарованиями («Какая необыкновенная гибкость мысли, какая роскошь фантазии, какое ясное и живое слово!»[6]), справедливо подчеркивал, что их развитию и сбережению до преклонного возраста «способствовало первоначальное воспитание в духовной, нравственно-чистой семейной обстановке»: «Его охранили в детстве и юности от опасных увлечений, от плотских пороков, а после сам он уже охранил себя от

[4] *Из пережитого*. Т. 1. С. 6.

[5] Там же. С. 43.

[6] Сочинения протоиерея Петра Смирнова, настоятеля С.-Петербургского Исаакиевского кафедрального собора. СПб., 1897. Вып. II. С. 259.

бурных порывов страстей; а это сберегло у него свежесть и мысли, и памяти, и воображения, и чувства. Вот что значит это целомудрие!»[7]

Идиллическая обстановка дружной семьи, лелеявшей младенческое созревание будущего писателя, в 1831 г. без ощутимого надлома сменилась более жестким и суровым миром Коломенского духовного училища. Тут сын священника Никитского официально получает свою фамилию Гиляров (от лат. hilarus — веселый), которую уже носят два его старших брата — Александр и Сергей. Всегда оживленный, деятельный, «общительный и говорливый» (по характеристике его сына),[8] хотя и горячий, временами вспыльчивый и нетерпимый Александр, первым в семье получивший эту фамилию при поступлении в духовное училище в 1810 г., по своему характеру соответствовал ей больше других братьев: и склонного к ипохондрии, вечно хандрившего и то и дело готовившегося умереть от воображаемых болезней Сергея, и нервного, чувствительного Никиты, который, по воспоминаниям современника, всегда удивлял неровностью своего поведения: «...то угрюмо-молчалив, то говорлив, весел».[9]

Мало-помалу в мальчике просыпаются настоящие умственные запросы, потребность в анализе, сомнение в казавшемся прежде непреложным. Начинается не прекращавшийся потом до конца жизни каждодневный изнурительный и вместе с тем окрыляюще радостный труд самовоспитания и внутреннего усовершенствования.

О своем пребывании в Коломенском духовном училище, а затем в Московской семинарии (1838—1844) Гиляров самым подробным образом повествует в своих мемуарах. Сразу после его кончины А. М. Гальперсон писала (в вышецитированной статье): «С простосердечием, которым была отмечена вся жизнь Никиты Петровича, он в своих воспоминаниях “Из пережитого” поведал России все, что было в нем хорошего и дурного во время его физического и умственного роста до выхода из Академии. Лучше того, как он сам себя очертил, никто его не очертит».[10]

В воспоминаниях Гилярова период его детства и отрочества, со всеми его бытовыми подробностями, изображен увиденным как бы перекрестным зрением: реконструированным детским и дающим ему надлежащую подсветку и оптическую глубину, «умудренным» зрением последних лет. Особую роль играл в его нравственно-эстетическом возрастании родимый топос. Сам Гиляров был убежден: «Вырасти и воспитаться в виду Кремля или в виду казарм, — совсем другой человек выйдет, не менее того, как совсем разные люди выходят из жителей до-

---

[7] Там же. С. 260. Важно, что такова была и гиляровская самооценка. П. А. Смирнов продолжал: «Так за несколько дней до кончины сам покойный мне объяснял, почему так ясно и живо вспоминалось ему его прошедшее...» (Там же).

[8] См.: Воспоминания Ф. А. Гилярова // *РА*. 1904. Кн. I, вып. 2. С. 327

[9] *Добронравов Н.* Н. П. Гиляров-Платонов: Из воспоминаний сотрудника // Родная Речь. 1897. № 4. 1 марта. С. 5.

[10] *<Гальперсон А. М.>*. Москва, 20 октября. С. 1.

лины,[11] где взор упирается в стену, сокращающую кругозор, и из жителей горных, степных, наконец, приморских. Иначе складывается не только характер, но и ум; он приобретает свойства и направление, родственные особенностям природы или искусства, которыми был окружен глаз с детства».[12]

Родина Гиляровa, старинный городок Коломна, с когда-то славной историей, к началу XIX в. постепенно превращался в глухое захолустье. И все же он своими благолепными монастырями, еще мощными, но мало-помалу уступающими натиску времени и небрежению людей кремлевскими стенами, затейливыми посадскими церквами и дворцами-храминами именитых купцов — не случайно запечатляется в сознании читателей гиляровских мемуаров как некий заповедный центр духовной жизни, как сердце глубинной провинциальной России, со всей первозданной свежестью ее самых святых верований и заветных преданий. Начиная с детских и юношеских дневников во всем последующем творчестве Гилярова будет вольно или невольно сказываться очень живое и непосредственное ощущение своих народно-религиозных корней, ненатужный эстетизм, всегда проникнутый тем же живительным национальным духом, и неизбывный интерес к самым беспокойным сюжетам русской истории и культуры (старообрядчество, земля и воля, нигилизм, еврейский вопрос и др.). Истоки же этой чуткости ко всему, что касалось традиционного отечественного быта и узловых духовных проблем времени, следует искать в благотворных коломенских впечатлениях детских лет.

Впрочем, бурсацкая жизнь нередко показывала свои мрачные стороны. С так и не улегшейся за прошедшие десятилетия обидой Гиляров вспоминал в письме к А. С. Суворину от 23 августа 1872 г.: «Не красно было это школьное время. Приходилось быть битым, без счета раз сеченым (несправедливо); приходилось рвать книги с отчаянием, что лучше не учиться, чем быть истязуемым <...>».[13] И все же Гиляров, в отличие от многих своих современников — таких, например, как Н. Г. Помяловский, Д. И. Ростиславов, священник И. С. Беллюстин, — был убежден, что укорененная в религиозно-педагогическую традицию, проверенная временем «конституция духовной школы» (название одной из глав его мемуаров) в основе своей нисколько не устарела, но, напротив, по-прежнему обладает мощным потенциалом, зачастую дающим ей немалое превосходство перед системой гражданского образования, особенно же секуляризованного.

Будучи учеником Коломенского духовного училища, Никита Гиляров впервые увидел своего правящего архиерея — митрополита Филарета (Дроздова), когда владыка приезжал погостить на родину. В мемуарах «Из пережитого» рассказывается о первых запавших в душу впечатлениях от участия Филарета в похоронах его 40-летнего брата Никиты Михайловича в 1839 г. Гиляров писал о себе, 15-летнем подростке: «У меня слезы выступили на глазах. Это чудное

[11] Имеется в виду, конечно, межгорная впадина.

[12] *Из пережитого*. Т. 2. С. 85.

[13] Там же. С. 208.

утро, легкий туман, едва поднимающееся солнце, полная повсюду тишина, и этот звон, возвещающий о приезде архиерея-брата на последнее целование брата-протоиерея. Меня тронула эта родственная нежность высокого иерарха к своему невидному брату <...>».[14]

Накладывались на эти светлые переживания образы, вызванные рассказами отца и старшего брата, а также слухами и сплетнями, которыми разнообразилась жизнь уездной Коломны. «Знаменитый исторический деятель учился в той же семинарии, несколькими курсами моложе моего отца. Филарета мой отец помнил как очень скромного мальчика, "рябенького" (?), во фризовом сюртуке. Последнее обстоятельство придавало ему вид щеголя среди своих сверстников».[15] Брат же Александр был свидетелем приезда Филарета в родной город 19 июля 1815 г. с инспекторской проверкой: «...посещение Филаретом Коломенского училища представляло особенную *пикантность* в том, что здесь смотрителем был его отец, учителем зять. Конечно, заранее можно было предсказать, что найдено будет все в отличном виде <...>».[16] Из уст в уста передавались сплетни о разных неблаговидных поступках родственников владыки — так называемых «филаретовцев».[17]

Первое посещение Москвы 13-летним Никитой в июле — сентябре 1837 г. произвело своего рода переворот в душе любознательного подростка, приоткрыло новые умственные горизонты, потрясло величественной красотой городских ландшафтов и атмосферой свободы, с которой события большой истории на глазах претворяются в милые сердцу легенды и предания. В мемуарах Гиляров скажет с некоторым пафосом: «27 июля 1837 года памятно мне: это было новое рождение мое, второе крещение. <...> 27 июля 1837 года я въехал в Москву <...>».[18] Через год он снова приезжает сюда, уже для поступления в семинарию, и Москва навсегда становится его городом — единственным и возлюбленным «вечным Римом». Один из сотрудников газеты Гилярова позже вспоминал его слова: «Россию не променяю на всю Европу, вместе взятую, говаривал он, а из Москвы, которая для меня второй Рим, не поеду ни за какие тысячи».[19]

В семинарский период интенсивная учеба сочеталась с преодолением многих дополнительных бытовых трудностей. Об этом Гиляров подробно рассказывает в мемуарах и кратко — в упомянутом автобиографическом письме к Суворину: «Приходилось <...> голодать; ночевать под открытым небом; путешествовать ежедневно по пяти верст и обратно, весной и осенью по колена в воде, зимой по колена в снегу; приходилось жить в вертепах с отребиями общества».[20]

---

[14] Там же. Т. 1. С. 324.

[15] Там же. С. 30.

[16] Там же. С. 51—52.

[17] Там же. С. 82—87 и др. Подробнее о взаимоотношениях Гилярова и святителя Филарета см. ниже, в главе 1.3.

[18] *Из пережитого*. Т. 1. С. 156.

[19] *Добронравов Н.* Н. П. Гиляров-Платонов. С. 10.

[20] *Из пережитого*. Т. 2. С. 208.

Первые два года — с августа 1838 г. по ноябрь 1840 г. — Никита жил на Малой Царицынской улице в доме своего старшего брата Александра, служившего диаконом в Новодевичьем монастыре. Отношения складывались непросто и из-за возрастного различия: Никита был почти ровесником своему племяннику Петру (старше его на 6 лет), — и в связи с некоторой двусмысленностью положения: в голодные 1838—1840 гг. младший брат оказывался не слишком желанным гостем, если не сказать — лишним ртом, в доме старшего. Самой же существенной причиной разлада и будущего разрыва отношений явилось то, что Александр Петрович неожиданно предстал в роли требовательного и взыскательного ментора, он настойчиво добивался от брата беспрекословного послушания, читал ему нотации, поучал. А Никита переживал переходный возраст и воспринимал все это, особенно же столь бестактную попытку заменить отца, очень болезненно.

К тому же он вел тайный дневник, куда не только записывал свои впечатления от различных жизненных событий и, прежде всего, от встреч с окружающими его людьми, но и страницам которого поверял свои религиозные сомнения, покаянные настроения, сокровенные надежды. Проявилось в дневнике и потаенное желание реализовать себя в художественном творчестве, и подспудное стремление к самопознанию и самоопределению. Настоящим ударом по взаимоотношениям братьев стало неделикатное поведение Александра Петровича, позволившего себе читать эти дневники и делать на полях замечания, неуместность, если не сказать — безнравственность которых не искупались проявлениями родственной заботы, например, о качестве стиля. Никита не мог не оскорбляться, доставая из укромного места свой дневник и удостоверяясь, что тот находился в чужих руках и потом был тайком ему подложен, а его страницы снабжены очередными ремарками вроде: «Старайся писать не так отрывисто, но более в периодических формах» — или просто «честно» завизирован: «Смотрел Александр Ги<ляров>».[21] Горечь Никита Петрович испытывал и в конце жизни, когда писал в своих мемуарах: «...нашел записи брат, прочел их, не говоря мне ни слова и не говоря же мне ни слова испестрил помарками, отнесясь к ним, как к ученическому упражнению. Но то было не упражнение: то было излияние, то была исповедь».[22]

6 ноября 1840 г. Никита переехал на Зацепу, в дом протоиерея церкви Флора и Лавра А. И. Богданова, своего будущего тестя, а в то время отца его ученика — малоспособного семинариста Игнатия Богданова. В радушной семье Богдановых, быт которой был поставлен прямо-таки на барскую ногу, Гиляров забыл о материальных трудностях. Первый ученик семинарии, он с самого начала пользовался на Зацепе, можно сказать, трепетным почитанием, а вскоре к нему

[21] *Гиляров-Платонов Н. П.* Последние дни Помпеи: Семинарские опыты в стихах и прозе, 1837—1843 / Вступ. ст., сост., подгот. текстов и коммент. А. П. Дмитриева. СПб.: Пушкинский Дом, 2009. С. 376, 33.

[22] *Из пережитого*. Т. 1. С. 163.

стали относиться совсем по-родственному. Он помогал не только Игнатию в учебе, но и главе семейства — в заполнении метрических, приходорасходных, клировых, оспенных и иных книг и ведомостей, ведение которых возлагалось на приходского священника.

В период учебы в Коломне Гилярову приходилось только мечтать о настоящем товарище — приятеле-ровеснике, которому можно было бы поверять свои «мечты и думы». В семинарские же годы сами собой сложились дружеские отношения: нежно-сентиментальные — с будущим фольклористом Петром Бессоновым (впоследствии, уже в 1860-х гг., переросшие во вражду), запанибратски задушевные — с практичным и трогательно заботливым Василием Покровским («Перервенцем», как он назван в воспоминаниях) и уважительно товарищеские — со степенным и вместе с тем обескураживающе непосредственным Николаем Розановым, пытавшимся посвятить Никиту во «взрослого», познакомив его поближе с обитательницей грязного трактира.

Тогда же, точнее в последние два года обучения в семинарии (1842—1844), Гиляров сблизился с Василием Сперанским и Иваном Александровским, впоследствии известными московскими протоиереями и церковно-общественными деятелями. Это была, что называется, дружба не разлей вода («Где было нас двое, там нужно было искать третьего»), и даже больше, чем дружба, — духовное братство, соединяющее людей на всю жизнь неразрывными узами. Судить об этом кружке можно не только по книге «Из пережитого», но и по нескольким сохранившимся в архиве Сперанского гиляровским письмам, отправленным друзьям во время болезни (зимой 1843 г.): тут и настоящее пиршество мысли, всепроникающий интеллектуальный накал, общая увлеченность учебой, и легкое подтрунивание друг над другом, соревнование в изящном остроумии, и задушевные, по-родственному теплые взаимоотношения.[23]

Для Гилярова это семинарское товарищество, еще более окрепшее в годы последующего обучения у Троицы в Академии, в какой-то мере оказалось и выходом в большой мир современной культуры из сословно ограниченного круга, в котором тогда вынужденно замыкалось провинциальное духовенство. Старшие братья Сперанского учились в университете и делились с ним впечатлениями от лекций профессоров, новинок литературы, театральных постановок. Детство Александровского прошло в Гааге, где его отец в течение пяти лет был священником при дворе великой княгини Анны Павловны: Иван был обучен музыке, прекрасно владел французским и немецким языками, в его манерах чувствовался настоящий светский лоск.

Главным недостатком семинарского образования в XIX столетии Гиляров считал тот факт, что священство в этих учебных заведениях понималось в «несколько протестантском смысле»: предполагалось, что «семинария должна образовать <...> “проповедника Слова Божия”, т. е. с кафедры в храме, а не христианского учителя, который проповедует благовременно и безвременно, а не духовного

[23] См.: РГБ. Ф. 649. Карт. 1. Ед. хр. 17.

отца, который не оставляет духовных детей без руководства и в храме, и в доме (в школе тем паче), и на всех путях».[24]

Для самого Гилярова, как он неоднократно признается в своих мемуарах, необходимость подготовить и произнести богослужебную проповедь превращалась в нравственную пытку. Он, впоследствии мастер художественно выразительного слова, незаурядный ученый, яркий публицист, с трудом заставлял себя составить по известной схеме гомилию, так как подсознательно чувствовал в этом оскорбление литургийного действа. В проповеди как таковой он видел не литературно-педагогическое упражнение, а существенную часть апостольского служения, к которому при рукоположении приобщается священник. Истинная проповедь, в его понимании, это всегда результат большой духовной работы и, вместе с тем, проникнутая сердечным воодушевлением, питаемая горячей верой смелая импровизация, сотворение церковного «слова» прямо на глазах у предстоящих в храме.

1.2. ОБУЧЕНИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ У ТРОИЦЫ В АКАДЕМИИ (1844—1855)

Приезд 15 августа 1844 г. в Свято-Троицкую Сергиеву лавру для поступления в Духовную академию, равно как и первое посещение Москвы с прибытием к брату в Новодевичий монастырь, Гиляров называл «вторым крещением»: «Два пункта равной силы отметились в моей жизни и оба врезались в память глубоко, неизгладимо. <...> То и другое совершилось при одинаковых обстоятельствах. Вечер; там и здесь монастырь; там и здесь всенощная; там и здесь преддверие новой жизни, перестройка духовного существа <...>».[25]

В Академии очень скоро даровитый Никита Петрович выдвинулся как первый ученик. Современник передавал, что он «был, по отзыву товарищей, душой и руководителем своих однокурсников: где ни соберется, бывало, кучка студентов в свободные часы, заранее можно сказать, что в середине ее ораторствует Гиляров».[26] Напряженная учеба в Академии уже через два года была отмечена академическим начальством высочайшим отличием: по представлению бакалавра по кафедре логики и истории философии И. М. Богословского-Платонова, под чьим руководством Гиляров писал свою полукурсовую диссертацию, он удостоился чести стать очередным стипендиатом митрополита Платона (Левшина) и его фамилия получила почетную прибавку Платонов. Это сочинение называлось «Об онтологии Гегеля размышление» и было посвящено анализу взглядов не только самого Гегеля, но и, отчасти, ряда других философов-рационалистов.[27]

---

[24] *Вопросы веры и церкви*. Т. II. С. 301 (статья 1881 г.).

[25] *Из пережитого*. Т. 1. С. 156.

[26] *А.* Никита Петрович Гиляров-Платонов: Некролог // *МВед*. 1887. 17 окт. № 286. С. 3.

[27] Опубликовано в виде отдельных статей. Первая из них: Рационалистическое движение философии новых времен: Очерк // *РБ*. 1859. Кн. III (15). Отд. II: Науки. С. 1—64. Статья подписана криптонимом «Н. Г—в» и датирована автором 4 мая 1859 г., хотя в сопроводи-

Гиляров проделал беспримерную для своего времени работу (он был и первым переводчиком на русский «Науки логики» и «Феноменологии духа», но перевод сохранился частично) и по праву может считаться одним из первых гегелеведов в России.[28] Выводы Гилярова были вполне в русле православного теизма: ему удалось вскрыть ущербную односторонность гегелевского панлогизма, служившего орудием для «скрытого отрицания» самой категории бытия, и вообще — показать внеположность всей этой философской системы к христианской онтологии и этике. Увлеченность же умозрительными системами, подведшая его вплотную к Канту и Гегелю, а потом и к осознанию их беспомощности во вполне удовлетворительном, всеобъемлюще истинном, объяснении сущего и берет начало в семинарские годы с их «болезнью о формальной истине».[29] При этом члены Академической конференции, давшие ему звание «платоника», рисковали вызвать недовольство митрополита Филарета (Дроздова).

Позволим себе пространную выписку из некролога, составленного Гиляровым своему учителю Богословскому-Платонову: «То было в половине сороковых годов; Гегель был тогда еще кумиром всего, имевшего притязание на способность к высшему мышлению; в духовно-учебных заведениях то был предмет суеверного ужаса и отвращения для одних, любопытства — для других. Любопытство принадлежало, разумеется, молодым людям и было вполне естественно и похвально. Не выходить же им с пробелом в голове, и притом относительно явления самого выдающегося! Так судил и молодой бакалавр; он нашел нужным познакомить своих слушателей с отвлеченностью абсолютного идеализма. Но с первого же шага, вместо внимания и поощрения, которого заслуживало его начинание, именно за то самое попал он в опалу <...>. Не заходи далеко! Предание предписывало доходить в истории новой философии много до Канта; да еще и того считать “новейшим”, а новыми достаточно было признавать хоть бы Декарта с Лейбницем. <...> А времена были крутые: то был 1846 год, а за ним и 47-й с 48-м. Мистический страх к “новым направлениям” распространялся в предержащих кругах все сильнее и сильнее. Богословскому необходимо было доказывать свое мыслительное благонравие и общественную благонадежность;

тельном примечании указано, что она представляет собой часть обширного сочинения, писанного в 1846 г., т. е. полукурсовой философской диссертации «Об онтологии Гегеля размышление». Автограф: ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 10. 136 л. После кончины Гилярова и оставшаяся часть этой диссертации была опубликована А. М. Гальперсон под названием «Онтология Гегеля» (*ВФиП.* 1891. Кн. 8, 10; 1892. Кн. 11).

[28] К слову сказать, эта научная заслуга Гилярова до сих пор не получила должной оценки историков философии: даже в репрезентативных работах, специально посвященных этой теме, его имя зачастую и не значится. См.: Гегель и философия в России: 30-е годы XIX в. — 20-е годы XX в. М., 1974; *Абрамов А.* Гегель в России // Русская философия: Малый энциклопед. словарь. М., 1995. С. 117—120. Ср., однако, с довольно скептическим отзывом слависта Д. И. Чижевского, считавшего, что критика Гиляровым Гегеля «теряется в формальных мелочах» (*Чижевский Д. И.* Гегель в России. СПб., 2007. С. 261).

[29] *Из пережитого*. Т. 1. С. 269.

а для этого оставалось одно средство — поворотить спину к ученым занятиям и ко всему, что было вопросом; ограничиваться лишь перетрясанием старого, что не возбуждает мысли, зато не возбуждает и опасности».[30]

Фактически с 1846 г. «на подозрении» в неблагонадежности оказался и сам Гиляров, что в полной мере сказалось при защите им магистерской богословской диссертации «О потребности вочеловечения Сына Божия для спасения рода человеческого» в 1848 г.[31] Позже он писал об этом Суворину: «Филарет, председательствовавш<ий> на конференции, нашел в диссертации философский дух, напомнил в обвинение, что я "хорошо учился философии"; пытался ужаснуть тем, что венские студенты производят революции. Большего, впрочем, не последовало. Он лишил меня лишь первого места, под которым значился я в студенческом списке».[32]

Да и сама подготовка этой диссертации постоянно ставила Гилярова перед выбором — между свободой творчества и безусловным подчинением иерархическим авторитетам — и вылилась для него в настоящую духовную драму. В письме к И. Ф. Романову-Рцы от 12 ноября 1886 г. Гиляров вспоминал: «Скажу Вам <...> историю моей магистерской диссертации. Мне дали тему: "О необходимости воплощения Божия". Юноша я был еще, но возмутился. Бросился к ректору, умолял дать другую тему или изменить редакцию, ибо тема есть nonsense: индуктивно не придешь к *необходимости*, а дедуктивно доказывать в данном случае необходимость значило бы отыскивать для Бога высшее начало, которому Он должен покориться. Тщетно! "Владыка так приказал". Долго рассказывать всю историю моей диссертации и последствия из-за нее, сказавшиеся на моей судьбе».[33] Первому студенту Академии, стипендиату-«платонику» представлялось, что от него ждут просто орнаментального подбора схоластических софизмов взамен честного исследования и серьезного богословского дискурса. Кривить душой в вопросах веры Гиляров не мог по самому складу своей натуры, и, как видно, несговорчивый студент настоял на своем, и в названии сочинения вместо «о необходимости» появилось компромиссное «о потребности». Филарет, со своей стороны, считал пагубным применение к богословским исследованиям выводов и методологии новейшего философского рационализма.

---

[30] *<Гиляров-Платонов Н. П.>*. Москва, 20 декабря // *СИ*. 1870. 21 дек. № 351. С. 2.

[31] Именно за это сочинение Гилярову была присвоена степень магистра, а вовсе не за исследование «О папе Формозе», как ошибочно сообщается в авторитетном справочном издании: *Фатеев В. А.* Гиляров-Платонов Никита Петрович // Православная энциклопедия / Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М., 2006. Т. XI: Георгий — Гомар. С. 479. Отметим еще ошибку, связанную с магистерской диссертацией Гилярова, и тоже в справочном издании: А. А. Платонов указывает, что она была «опубл. 1855» (*Платонов А. А.* Гиляров-Платонов Никита Петрович // Отечественная история: История России с древнейших времен до 1917 г.: Энциклопедия. М., 1994. Т. 1. С. 554). На деле эта диссертация никогда не публиковалась.

[32] *Из пережитого*. Т. 2. С. 209.

[33] *Письма к Рцы*. С. 272—273.

В кругах, близких к Филарету, так и закрепилось представление, что «сочинение курсовое о необходимости воплощения Н<икита> П<етрович> написал в неправославном духе, за что Филарет и ссадил его с первого места на второе» **(**бывший ученик Гилярова архиепископ Савва (Тихомиров)**)**,[34] друзья же Никиты Петровича чем только не объясняли придирчивость владыки — даже его уязвленным честолюбием: «Окончил он 2-м, а не первым потому, что ректор Академии Алексий не сумел защитить перед Филаретом, очень придирчивым к курсовым сочинениям студентов, его диссертацию на тему: О необходимости воплощения Сына Божия. Была на эту тему проповедь Филарета, зерном которой и надлежало прежде всего воспользоваться для стяжания от него одобрительного отзыва, потом бы можно было приводить и другие доказательства. Гиляров же утвердился прежде всего на некоторых доводах, почерпнутых из учения Отцов Церкви, — а не на Филаретовских, и не угодил Владыке, вследствие чего и съехал с первого места на второе в Богословии» (протоиерей М. С. Боголюбский).[35]

Истинные же причины конфликта, как свидетельствуют новонайденные архивные материалы, следует искать в принципиальных различиях исследовательских установок представителей богословской мысли разных поколений и в неприемлемых для Филарета стилевых особенностях гиляровского письма. Талантливый Гиляров был любимцем своего ректора (и по Семинарии, и по Академии) архимандрита Алексия (Ржаницына), который, в свою очередь, был как бы «дитя души» для митрополита Филарета. В мемуарном очерке ближайшего гиляровского приятеля в тот период В. М. Сперанского «Воспоминания об Академии» (1869) сообщаются следующие любопытные подробности этого события: «Дело было так. Митрополит сначала и не думал понижать Гилярова, не хотел и читать его сочинения, сказав: “Я знаю, что он хороший студент”. Но Алексию, по особенной любви его к Гилярову, вздумалось похвастаться пред митрополитом его рассуждением, и он пристал к митрополиту, чтобы он почитал сочинение Гилярова. Митрополит с неудовольствием стал читать и привязываться к каждому слову. Алексий стал защищать Гилярова и еще более рассердил митрополита. Митрополит закричал: “Составьте журнал: я пошлю свое мнение об этом сочинении в Св. Синод”. Потом, по пересмотре всех сочинений, когда нужно было составлять список, митрополит сказал, что Гиляров не может быть первым. Как ни старался Алексий, — митрополит стоял на своем. Наконец, Алексий сказал: “Как же его не записать 1-м? Ведь он — Платонов”. Митрополит, обращаясь к другим, сказал: “Судите — вот доказательство: он Платонов, след<овательно>, должен быть 1-м”».[36] Тем не менее, на единственное бакалаврское место, вакантное в том (1848-м) году, Алексий все равно представил Гиля-

[34] Там же. Ед. хр. 49. Л. 54.

[35] Там же. Л. 41а. *Богословие* — зд.: высшее двухлетнее отделение (Богословское) академического курса.

[36] РГБ. Ф. 649. Карт. 1. Ед. хр. 5. Л. 31—31 об.

рова. Впоследствии Алексий защищал Гилярова перед Филаретом. Бывший студент Академии А. П. Владимиров свидетельствовал: «Митрополит Филарет уже несколько раз говорил академическому ректору Алексею: “Я слышу, что Гиляров читает «вольнодумно»”, на что ректор отвечал, что лекции его вполне православны».[37]

Следует упомянуть и о том, что митрополит Филарет всегда недолюбливал братьев Гиляровых — и Никиту, и Александра, которого долго держал в диаконах, а потом отправил на недостаточный приход (в 1853 г., к Крестовоздвиженской церкви на Овражках),[38] и это притом, что они были не только земляки ему по Коломне, но и дальние родственники: шурин родного брата Гилярова (Александра), Геннадий Федорович Островский, был женат на племяннице Филарета Варваре Иродионовне Сергиевской, а троюродный брат Гилярова, протоиерей Григорий Иванович Богоявленский (он же сын крестного отца Никиты Петровича), — на родной сестре владыки Аграфене Михайловне Дроздовой. И лишь в начале 1860-х гг. наметилось потепление в отношениях владыки к Гилярову.

Обучение в Московских семинарии и академии не то чтобы подвело какую-то подытоживающую черту под духовно-нравственным и умственным созреванием Гилярова-мыслителя, — оно скорее только способствовало проявлению и углублению заложенного ранее, стало значимым этапом в не прекращавшейся до конца дней работе духа, основу которой составляло все же не педагогическое воздействие извне, а волевое усилие самовоспитания.[39] В мемуарах он рассказывает о своем безудержном, ненасыщаемом стремлении овладевать знаниями еще в подростковом возрасте: «Что же я знал в результате? Говорю о периоде от 10 до 13 лет. Знал я очень много и опять повторяю — по части эмпирических сведений и прикладных знаний. История, география, домоводство, сельское хозяйство, техника. <...> Я имел понятие, например, о кораблестроении, о торфе, о сидре, о трехпольной и плодопеременной системах, о чугуноплавильных домнах, не говоря о странах, лицах, годах Старого и Нового Света, древней и новой истории, об искусстве, политике, литературе. Было не связано, не полно, неравномерно, поверхностно, но обширно. Связь отчасти возникала потом сама собою: события, лица, естественно-исторические и технические явления устанавливались в соответственные рамки и последовательный порядок сами собою, тем процессом, каким укладываются в свою систему непосредственные впечатления природы и общества».[40] И в другом месте снова возвращается к этой же мысли о непостижимой действенности самопознания: «Отнюдь не думаю реко-

---

[37] *Владимиров А.* Памяти Никиты Петровича Гилярова-Платонова // *РО*. 1897. Т. 47, окт. С. 852.

[38] О причинах митрополичьего недовольства острым на язык и проявлявшим слабость к спиртному священником А. П. Гиляровым см. в «Воспоминаниях» его сына Ф. А. Гилярова: *РА*. 1904. Кн. I, вып. 4. С. 604—607.

[39] См. об этом подробнее: *Дмитриев А. П.* Школа православного самовоспитания: (Литературные уроки и досуги семинариста Никиты Гилярова) // *Гиляров-Платонов Н. П.* Последние дни Помпеи. С. 5—46.

[40] *Из пережитого*. Т. 1. С. 124.

мендовать случайного набора, которым составились мои первоначальные сведения. Но размышляю иногда: если бы все, мною добытое, преподано было мне систематически, последовательно, больше ли бы я знал и правильнее ли, нежели узнал своим беспорядочным способом? Полагаю, что я не узнал бы сотой доли, и тысячная доля не прижилась бы ко мне и не срослась бы. Читая, я не заботился о писателях, не изучал царствований в хронологическом порядке, не зубрил ботаники по классам растений; но, если бы кто тогда проэкзаменовал меня, право, я оказался бы знающим более и основательнее не только географию и историю, и в частности историю литературы, но даже ботанику, зоологию и минералогию, нежели другой, прососавший учебники малый, даже старше моих лет. Причудливая машина — человеческая природа!»[41]

И все это нисколько не умаляет значения специального семинарского и духовно-академического просвещения, несмотря на всю его муштру и другие действительные, а чаще приписанные злопыхателями недостатки, и прежде всего — несмотря на несомненную элитарность в смысле изысканности и немалой трудоемкости этого образования. Об этом прямо пишет Гиляров, называя имена людей, составивших славу русской науки: «В том и заключалась жалкая особенность старой духовной школы, что умственная выправка, которую она давала, была не для дюжинных натур. Отсюда бьющая глаза противоположность: наряду с выдающимися умами, с оригинальными и глубокими мыслителями, с учеными, поражающими разносторонностью знаний, она выпускала олухов, невежд, за которых стыдно пред четырехклассниками гимназий; выпускала, заметьте, таких олухов по окончании курса, наряду с Павским, Голубинским, Горским, Надеждиным».[42] И о том же уже в связи с одним протоиереем А. В. Горским: «Но когда я вспомню об А. В. Горском, этом гармоническом сочетании полнейшего самоотвержения с глубоким признанием прав свободы в других, об этом чудном единстве строгого аскетизма с широким либерализмом в лучшем смысле, я восклицаю мысленно: за этого одного человека, за одного такого можно простить все безобразия, все крайности духовной школы, в какие она впадала! А можно поручиться, что А. В. Горского произвела именно школа».[43]

5 ноября 1848 г. Гиляров был определен бакалавром Академии по новоучрежденной кафедре библейской герменевтики и учения о вероисповеданиях, ересях и расколах, а с открытием осенью 1854 г. Миссионерского отделения он 21 сентября был назначен преподавателем русской церковной археологии и истории раскола в России (первая лекция состоялась 3 октября). Этот период в жизни Гилярова довольно надежно документирован: в частности, целый ряд важных материалов из фондов ЦИАМа, касающихся учебы и преподавательской деятельности Гилярова в Московской духовной академии (аттестаты 1840 и 1850 гг., отчеты, планы лекций по библейской герменевтике и учению о веро-

[41] Там же. С. 125.
[42] Там же. С. 75.
[43] Там же. С. 228.

исповеданиях и др.), недавно опубликовал Г. С. Прохоров.[44] О своем вкладе в разработку источниковедения науки о расколе Гиляров вспоминал в книге «Из пережитого»: «Мне поручено было тогда разобрать, описать и распределить по учебным заведениям раскольнические книги и рукописи, в числе не одной тысячи экземпляров, хранившиеся в Синодальной библиотеке»[45] и изъятые у старообрядцев в 1841—1854 гг. В бумагах Гилярова сохранился черновой автограф его донесения митрополиту Филарету (Дроздову) от ноября 1854 г. об исполнении поручения «описать книги Синодальной библиотеки, отобранные у раскольников, и избрать из них по экземпляру для Московской и Казанской академий и для Московской и Вифанской семинарий» (от себя и от имени профессора Московской духовной семинарии А. Ф. Кирьякова). В результате в Московскую духовную академию было направлено 411 книг, в Казанскую — 148, в Московскую духовную семинарию — 81 и в Вифанскую — 65 книг. Кроме того, Гиляров подробно объяснял, почему «некоторые книги не представляют интереса для миссионерских отделений».[46] Автограф и писарский список самой этой «Описи собрания раскольнических книг в Синодальной библиотеке с указанием предполагаемого распределения оных по академиям и семинариям» хранятся в РГБ.[47] В этот же период Гиляров состоял сотрудником редакционного комитета по переводу творений Св. Отцов и, например, «при разверстке платы в 1852 г. за 51 стр. перевода получил 60 р. 43 к.».[48]

Эти семь лет академической службы Гиляров всегда называл счастливейшими в своей жизни. Молодой бакалавр преподавал необычно: смело импровизировал, легко отвлекался от основной темы, насыщал свои лекции актуальным, нередко даже публицистическим, содержанием,[49] будил мысль слушателей адогматическим, творческим подходом к анализу как святоотеческого наследия, так и насущных проблем русской общественно-религиозной жизни. Воспитанник Московской духовной академии А. П. Владимиров вспоминал о Гилярове: «Он никогда не садился на кафедру и никогда не читал по тетрадке, но как только входил в аудиторию и раскланивался со студентами. то начинал ходить взад и вперед по аудитории и непрерывно говорить до самого звонка, имея в руке небольшой лоскуток бумаги, на котором было намечено, о чем говорить на этой лекции. И как только он говорил! Речь его была жива, блестяща, чарующа, обильным потоком лилась из его уст и не имела ни малейшего признака делан-

[44] Н. П. Гиляров-Платонов в стенах Московской духовной академии: (Новые материалы из фондов ЦГИАМа) / Публ. Г. С. Прохорова // *Гиляров: ИМБР*. С. 520—562.

[45] *Из пережитого*. Т. 1. С. 291.

[46] См.: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 210. Л. 3).

[47] См.: РГБ. Ф. 178. Ед. хр. 1248. 95 л.

[48] *Завьялов А.* Гиляров-Платонов Никита Петрович // Православная богословская энциклопедия. Пг., 1903. Т. IV. Стб. 3.

[49] См. об этом также: *Федотова М. А.* Критерии толерантности в научной и преподавательской деятельности Н. П. Гилярова-Платонова // Вопросы отечественной истории: Межвуз. сб. науч. работ мол. ученых. М., 2004. Вып. 7. С. 180—190.

ности, искусственности. Нужно ли говорить, что студенты обожали его? Они чувствовали, что в души их вливалась новая жизни от лекций Никиты Петровича».[50]

Это реформаторство было для него принципиально и осуществлялось вполне сознательно и последовательно. Он боролся против схоластического официоза, о чем признавался в автобиографическом письме к Суворину: «Казенно под именем герм<еневтики> разумелось безмыслие, под срав<нительным> богословием — догматическая полемика. Минуя казенное, я проходил пред слушателями по герменевтике то историю церковного сознан<и>я, то место библейских истин среди процесса разнооб<разного> знани<я> вместе с истори<ей> наук, то уходил в историю самого слова, что дало мне случай, на<коне>ц, заинт<ересоваться> ближе лингвистик<ой>. По сравнительному богословию, отн<яв> полемическую сторону, я излагал исто<рию> вероучений в ее сов<ершенно> диалект<ическом> ходе».[51]

Один из его слушателей, впоследствии видный церковный историк Е. Е. Голубинский, подтверждал: «Настоящих лекций по расколу (курса) он нам не читал, а в разные классы говорил о разных материях — критиковал книги, написанные о расколе, причем большею частью находил, что все написанное никуда не годится, — разбирал существующие взгляды на раскол и признавал их неверными, — возился долго с записками И. С. Аксакова о раскольниках, с крюковыми нотами раскольников. Лицо Н<икиты> П<етровича> было очень выразительно, и когда он находился в ударе, то говорил мастерски».[52]

С другой стороны, протоиерей Г. П. Смирнов-Платонов, ученик, а потом и сослуживец Гилярова, вспоминал о глубоком воздействии его новаторских идей на студентов: «В нашем курсе имел решительное влияние на студентов молодой бакалавр Н. П. Гиляров-Платонов <...>. На лекциях раскрывалась идея свободы совести и в сознание слушателей вводилось начало терпимости. Лекции сосредоточивались притом на истории русского раскола и на истории русской полемики против раскола вообще и, особенно, на истории русской полемической литературы. Бытовая сторона раскола, на которую совсем почти не обращали внимание наши деятели (хотя тогда и появились первые очерки Андрея Печерского), составляли жизненную стихию лекций нашего наставника; история русской полемики, с одной стороны — очень раздраженной, с другой — неумелой и курьезной, и то, и другое по необходимости — вследствие того, что на одной стороне преобладало убеждение, а на другой — официальность, освещалась новым светом, давала на каждом шагу свежие материалы, увлекала слушателей».[53]

---

[50] *Владимиров А.* Памяти Никиты Петровича Гилярова-Платонова. С. 851.

[51] *Из пережитого.* Т. 2. С. 209.

[52] Воспоминания Е. Е. Голубинского. Кострома, 1923. С. 26.

[53] *Смирнов-Платонов Гр., прот.* «Curriculum vitae»: Из области воспоминаний и мечтаний // *Смирнов-Платонов Гр., прот.* «Детская Помощь»: К читателям и сотрудникам. М., 1885. С. 39.

Позднее, в первом очерке из цикла «Логика раскола» (1885), Гиляров прямо говорил о своем приоритете в этой области: «Для незнакомых с историею духовного просвещения поясню, что объективная научная постановка раскола (вне полемических целей) начата в духовно-учебных заведениях именно мною и значительно ранее 1854 года, когда открыты при академиях миссионерские отделения для борьбы с расколом, а потом в Казани, где и Академия, и журнал при ней "Православный Собеседник" специализировались в этом направлении, назначена была Щапову кафедра по расколу».[54] При этом Гиляров рассуждал, в общем-то, резонно: «Слушателей, уже прошедших полный богословский курс, предостерегать от какого-нибудь, положим, Спасова согласия было бы не меньшим детством, чем приводить в полдень доказательства зрячему, что солнце стоит на горизонте».[55]

Яркие лекции молодого бакалавра не могли не привлечь к нему внимания хозяев имения Абрамцево и их гостей. Позднее, в 1880—1890-х гг., о знакомстве Гилярова с представителями славянофильского кружка вспоминали по-разному, большинство современников склонялось к тому, что Гилярова «открыл» К. Аксаков, случайно посетивший его лекцию у Троицы в Академии и «поразившийся сходством направления, которое проводилось с кафедры молодым бакалавром, с тем, которое высказывалось славянофилами».[56] Другие мемуаристы называли Хомякова и С. Аксакова.[57] Начиная с января 1853 г. Гиляров с женой уже регулярно посещал Абрамцево, а Аксаковы, бывая у Троицы, обыкновенно встречались с Гиляровым. Вскоре через П. И. Бартенева[58] Гиляров познакомился с видным сановником графом Д. Н. Блудовым и его дочерью Антониной Дмитриевной, ставшими с тех пор его деятельными покровителями.

1.3. Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ И СВЯТИТЕЛЬ ФИЛАРЕТ: МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ КОРНИ КОНФЛИКТА (1855)

Взаимообщение Филарета и Гилярова (он на 41 год моложе святителя и умер спустя 20 лет после его кончины) прошло несколько этапов: покровительство владыки талантливому первому ученику Московской семинарии, а потом и Духовной академии сменилось его раздражением из-за недостаточно смиренного

[54] *Сб. соч.* Т. II. С. 195.

[55] Там же. С. 194.

[56] *Кн. Н. В. Ш. <Шаховской Н. В., кн.>*. Н. П. Гиляров-Платонов и А. С. Хомяков: (По сочинениям и письмам Гилярова) // *РО*. 1895. Т. 36, нояб. С. 14.

[57] Эти свидетельства современников приводятся ниже, в главе 3.4. См. также: *Дмитриев А. П.* Н. П. Гиляров-Платонов и С. Т. Аксаков (к истории знакомства и взаимоотношений) // Русская литература. 2010. № 4. С. 194—210.

[58] Бартенев был наставником двух племянников графини Блудовой, Ивана и Дмитрия Шевичей. Он вспоминал: «Когда Блудовы приехали на лето в Нескучное, я ввел к ним Гилярова» (*РА*. 1912. Кн. II, вып. 6. С. 312).

отношения студента (а потом и молодого бакалавра) к заповеданному кругу традиционной богословской учености, прежде всего из-за чрезмерного увлечения новейшей философией (Шеллингом и Гегелем) и, наконец, полным разрывом и обоюдным неприятием по причине недопустимого, по убеждению Филарета, поведенческого и научного модернизма Гилярова-расколоведа. В последние же пять лет жизни владыки они примиряются и, когда Гиляров выступает инициатором назревших преобразований в области церковноприходского образования, литургической практики и исправления богослужебных книг, все его проекты поддерживает московский первосвятитель, для которого Гиляров теперь — единомышленник и в нем словно бы воскресают черты молодого, деятельного Филарета эпохи Александра I.

Эти примирение и сотрудничество, между прочим, позволили Гилярову позже создать проникновенный образ владыки в ряде газетных статей и в обширных мемуарах «Из пережитого» (1884—1887), причем он с полным основанием мог сказать: «...мы <...> изучали Филарета вблизи <...>»[59] и — как вывод: «Он не был представителем эпохи; он сам и был эта эпоха; он не выражал свое время, а руководил время». И еще: «Он был епископ от утра до вечера и от вечера до утра».[60] К слову сказать, по нашему убеждению, именно Гилярову, как никому другому из современников святителя, удалось создать вполне объективный литературный его портрет, не умолчав при этом о недостатках и слабостях великого человека. Гиляров, можно сказать, дал элементы агиографического творчества нового типа: образ Филарета под его пером сохраняет реальный масштаб крупнейшего церковного деятеля XIX в. и святого, канонизация которого — только дело времени (она состоялась, как известно, 2 декабря 1994 г.), — и что особенно важно, — лишается при этом ненужного балласта этикетно-риторических изъявлений в благоговении, которые ощущались большей частью общества, стремительно терявшего в тот период связь с религиозно-культурной традицией, как нечто неискреннее, как духовно не обеспеченный привесок.

Но сначала сосредоточимся на не до конца проясненных событиях 1855 года, когда Гиляров — талантливый преподаватель Духовной академии, свой в славянофильском кружке, близкий к влиятельному при дворе графу Д. Н. Блудову и его дочери Антонине Дмитриевне и через нее известный самой императрице — по требованию святителя был уволен из Академии и вообще из духовного ведомства. Эта громкая история, случившаяся в самом начале нового царствования, когда русское общество жило предощущением либеральных преобразований, многим тогда показалась рецидивом Николаевского времени с его карательными мерами.[61] Получив широкий общественный резонанс, она негативно сказалась

---

[59] *Вопросы веры и церкви*. Т. II. С. 337.

[60] *Сб. соч*. Т. II. С. 436, 438.

[61] См., например: *Одоевский В. Ф.* «Текущая хроника и особые происшествия» // Литературное наследство. М., 1935. <Т.> 22/24. С. 94. Произошедшее за год до рассматриваемых событий, в августе 1854 г., удаление из Московской академии архимандрита Феодо-

на репутации митрополита Филарета, выступившего как бы гонителем свежего и передового, и создала Гилярову ореол мученичества. Впоследствии биографы как Филарета, так и Гилярова стремились подыскать аргументы, объяснявшие это увольнение либо простым недоразумением, либо воздействием внешних факторов, при этом подчас не замечая или же сознательно («благообразия ради») затушевывая реальный конфликт — психологический и мировоззренческий.

В 1855 г. в академическом журнале было опубликовано начало исследования Гилярова «О папе Формозе»,[62] жившем в конце IX в. Актуальность работы определялась тем, что ряд старообрядческих идеологов считали «троеперстное сложение» еретическим изобретением этого папы, якобы усвоенным патриархом Никоном. Филарет остался недоволен статьей, А. В. Горский записал его отзыв в своем Дневнике под 9 января 1855 г.: владыка «спросил, есть ли что-нибудь у нас против раскола? Когда я напомнил о статье Никиты Петровича, он заметил, что полемика его неудачна, ведется в слишком далекое и на романтический манер, излагается в виде какого-то разговора».[63] Окончание статьи Гиляров сумел напечатать под настоящим своим названием «О папе Формозе и латинском перстосложении» спустя 8 лет в Казани **(**благодаря хорошим отношениям с ректором тамошней Духовной академии архимандритом Иоанном (Соколовым)**)**.[64]

Не удивительно, что о недопустимой оригинальности гиляровских лекций, в которых вместо обличения раскола отдавалось предпочтение его всестороннему непредвзятому изучению и, в частности, бросались непривычно резкие реплики даже по поводу суждений Святых Отцов,[65] было дано знать митрополиту Филарету.[66] Тот потребовал представить текст лекций и, судя по сохранившемуся в архиве «Предложению <об отставке бакалавра Академии Н. П. Гилярова-Платонова>» от 27 сентября 1855 г.,[67] отнесся к ним крайне придирчиво,[68] цеп-

---

ра (Бухарева) — по сходным мотивам, хотя и с переводом в Казань на инспекторскую должность, — происходило в иную эпоху и не получило в обществе такого отклика.

[62] *ПкТСО.* 1855. Ч. XIV. С. 239—277.

[63] Там же. 1884. Ч. XXX, кн. 4. С. 341.

[64] Православный Собеседник. 1863. Т. I, янв. С. 1—31; Февр. С. 102—141.

[65] Архиепископ Савва (Тихомиров) вспоминал, что Гиляров на лекциях «ругал Златоуста и вообще недружелюбно относился к Отцам Церкви» (*Шаховской Н. В., кн.* Матерьялы для биографии... Л. 53 об.).

[66] Встречающееся в публикациях о Гилярове сообщение, что жаловалась на него митрополиту «часть преподавательского состава Академии» (*Климаков Ю.* Судьба русского публициста // Коломенский альманах: Лит. ежегодник. Коломна, 2004. Вып. 8. С. 322), не подтверждается документами, да и противоречит господствовавшей в Московской духовной академии атмосфере семейственности и братского единения.

[67] Опубликовано Г. С. Прохоровым: *Гиляров: ИМБР.* С. 548—552.

[68] В рецензии на первый том сборника статей К. Н. Леонтьева «Восток, Россия и славянство» (М., 1885) Гиляров писал, что придирчивость — «черта, которою покойный Филарет засушил многих, загубил дарования, затоптал труды, действие которых на общество было бы самое спасительное <...>» (Там же. С. 651).

ляясь к отдельным словам и случайно вырвавшимся неудачным выражениям. Вместе с тем, Гиляров легкомысленно отнесся к формальной стороне дела и не мог по требованию владыки представить обстоятельных лекционных текстов. Филарет негодовал: «В таком виде, малом, отрывочном, неустроенном, не очищенном от погрешностей, оказались уроки герменевтики у наставника, проходящего курс сей науки уже не в первый раз. Недостает не только много, но и важнейшего, например, учения о прообразовательном смысле, которое требует особенного внимания и по важности предмета, и в защиту истины против перетолкований неверующих. / Представлены были также некоторые записки о расколе и о армянском вероисповедании в таком же неустроенном виде. Рассматривать их неудобно было, между прочим, по мелкому письму бакалавра Гилярова. / К прискорбию, сии уроки служат некоторым подтверждением недавно дошедшего до меня слуха, что в изустных уроках сего бакалавра встречаются сомнительные мысли и что студенты не имеют способа поверить их с точностью, не получая от него письменных уроков, кроме некоторой части пред испытаниями».[69]

Однако, судя по записи в дневнике Веры Аксаковой под 24 февраля 1855 г., Филарет проверял тетради с лекциями Гилярова уже не в первый раз, и тот, следовательно, неоднократно испытывал терпение архиерея-пуриста. Вера в тот день сочувственно записала свои впечатления от рассказа о Филарете обедавшего у них в Абрамцеве Гилярова: «Его очень притесняют, сверх обычного гнета Духовного управления, и он нам показывал тетрадь с помарками и замечаниями Филарета; всякое живое слово, всякая мысль, сколько-нибудь носящая личный взгляд человека, уже подвергается осуждению и т. д. Филарет — совершенный Госуд<арь> Ник<олай> Павл<ович>, та же система, и то же убеждение, и та же сила воли. — Человек гениальный, но в каких тесных рамках! Что мог бы он сделать, если б не следовал этой системе».[70]

Однако нельзя не признать, что Гиляров и действительно оказался неудобным для Академии преподавателем. Крайнюю в своем ожесточении точку зрения на сей счет высказал его преемник по руководству Миссионерским отделением профессор Н. И. Субботин, причем в связи с кончиной Гилярова (в письме к К. П. Победоносцеву): «Его герменевтика, или, как называлась она, история екзегеса, состояла из насмешек над Свв. Отцами: студенты хохотали, слушая комическое изложение аллегорических толкований Климента, св. Кирилла Александрийского и др. <...> Конечно, дух отрицания и неверия проник бы и иным путем в Академию; но что первый внес его сюда Гиляров, это несомненно. <...> Если следовать правилу de mortius aut bene, aut nihil, * то в отношении к Гилярову было бы лучше избрать nihil <...>».[71]

---

[69] *Гиляров: ИМБР.* С. 548—549.

[70] *Аксакова.* С. 152.

* О мертвых либо хорошо, либо ничего (*лат.*).

[71] *Марков В. С., <прот.>.* К истории раскола-старообрядчества второй половины XIX столетия: Переписка проф. Н. И. Субботина, преимущественно неизданная, как материал для истории раскола и отношений к нему правительства (1865—1904 гг.). М., 1914. С. 489.

После нелицеприятного разговора с митрополитом Гиляров согласился написать прошение и 10 ноября 1855 г. был уволен от духовно-училищной службы, а 29 декабря 1855 г. определением Св. Синода переведен из духовного звания в светское.

Его современникам вся эта история выдворения из Академии даровитого профессора казалась довольно загадочной. Предлагались разные версии. Официальная, подозревавшая в лекциях Гилярова нечто вроде протестантского уклона, — была изложена самим Филаретом в письме к директору Духовно-учебного управления при Св. Синоде А. И. Карасевскому от 12 октября 1855 г.: «...потребовал от него письменных его уроков и нашел их в неудовлетворительном состоянии, и по герменевтике встретил некоторые неверные мысли, заимствованные у немецких писателей. <...> Впрочем, не думаю, чтобы его образ мыслей был поврежден в основании. Вероятнее, что, пленяясь новостию, схватывал иногда чужую мысль, не обдумав, к какой системе она принадлежит».[72] Современники передавали и устную характеристику Гилярова, данную Филаретом и делавшую упор на отсутствие у того внутренней дисциплины, личностной аскетической культуры: «ум возбужденный, но не управленный».[73]

Другие версии, вроде опасения, что Академию посетят члены Императорской семьи и будут скандализированы неосторожными высказываниями Гилярова (проф. И. Н. Корсунский),[74] или не вполне ясной истории составленной им Записки о расколе, идущей вразрез с правительственными установками на сей счет в годы Крымской войны (прот. С. С. Модестов),[75] — как в свое время показал князь Н. В. Шаховской, могли служить только поводом, но не основной причиной изгнания Гилярова. Последняя же состояла в том, что он в своих лекциях, по его собственному признанию, говорил «об омерзительной апатии духовенства, о толстом попе, с челом, умащенным елеем, с лицом сытым и заспанными глазами, попе, охраняемом казаками и жандармами и, среди такой стражи, *увещевающем* раскольников».[76]

Вместе с тем в архивных фондах имеются данные, вынуждающие внимательнее отнестись к истории с Запиской о расколе. Протоиерей Модестов писал о Гилярове: «...когда ему поручена была вновь открытая кафедра по расколу, его ли-

---

[72] Письма Филарета, митрополита Московского и Коломенского, к высочайшим особам и разным другим лицам. Тверь, 1881. Отд. II. С. 28, 29.

[73] См. письмо А. М. Гальперсон к князю Н. В. Шаховскому от 6 июля 1893 г. (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 106. Л. 7).

[74] См.: *N. N. <Корсунский И. Н.>*. Памяти Н. П. Гилярова-Платонова // *МВед.* 1887. 25 окт. № 294. С. 4.

[75] См.: Из воспоминаний протоиерея С. С. Модестова // У Троицы в Академии, 1814—1914 гг.: Юбил. сб. ист. материалов. М., 1914. С. 125. См. также главы 3.3 и 3.5.

[76] Фрагмент письма Гилярова к студенту Казанской духовной академии Н. Ф. Глебову от 25 октября 1857 г. цит. по: *Кн. Н. В. Ш. <Шаховской Н. В., кн.>*. Обстоятельства оставления Н. П. Гиляровым-Платоновым службы в Московской духовной академии // *РО.* 1895. Т. 34, авг. С. 554.

берализм во взглядах на этот предмет дошел до сведения Филарета. Никита Петрович подпал опале и был удален из Академии. Это было в 1854 году, в последние годы царствования императора Николая I, во время Восточной войны. Когда Государь узнал, что старообрядцы, живущие на границе, при реке Дунае, способствовали туркам узнавать численность и расположение наших войск, перешедших эту реку, и вели враждебную нам корреспонденцию с старообрядцами, жившими внутри России, тогда он приказал употребить самые строго-репрессивные меры против раскола. Против этих-то мер проф. Гиляров составил записку, в которой доказывал, что благоразумнее было бы дать старообрядцам свободу их вероисповедания и обрядов. Об этой записке заговорили и открыли автора, и его немедленно удалили из Академии».[77] В 1916 г. профессор А. И. Покровский, казалось бы, аргументированно оспорил сам факт существования подобной Записки.[78]

Впрочем, действительно, именно в 1853—1854 гг. особенно энергично шла борьба с расколом: полиции были предоставлены полномочия «постепенного упразднения скитов, монастырей, кладбищенских заведений и прочих противузаконных раскольнических сборищ <...>».[79] И упоминание о гиляровской Записке в связи с этими событиями встречается еще в одном печатном источнике: в дневнике архиепископа Леонида (Краснопевкова), в ноябрьской записи 1855 г. (т. е. как раз когда Гиляров и был уволен) зафиксировано, что графиня А. Д. Блудова просила последнего составить Записку о расколе для императрицы «в связи с запечатанием алтарей на Рогожском кладбище»[80] (в июле 1855 г.).

Но, оказывается, что еще осенью 1853 г.[81] Гиляровым было написано сочинение о мерах по преодолению раскола на путях его легализации и внутреннего переубеждения его последователей — в форме большого письма к приятелю славянофилу И. С. Аксакову. Об этом мы узнаем из гиляровского письма к тому же Аксакову от 17 марта 1855 г. (приведем обширные выдержки из этого документа):

> «Третьего дня я получил письмо такого содержания, что “из Петербурга настоятельно просят о доставлении моего известного письма к Вам. Сказывают, в теперешнее время оно может быть очень полезно”. <...>
>
> Мое мнение вот какое. Во-первых, письмо свое, именно в теперешних обстоятельствах, я почитаю бесполезным; и даже по некоторым отношениям оно может сделать вред, если вздумает просящий его им заимствоваться в предполагаемых предначертаниях. <...>

---

[77] Из воспоминаний протоиерея С. С. Модестова. С. 125.

[78] См.: Русский биографический словарь. М., 1916. <Т. V>: Герберский — Гогенлоэ. С. 209.

[79] *Варадинов Н.* История Министерства внутренних дел. СПб., 1863. Т. VIII, доп.: История распоряжений по расколу. С. 651.

[80] Из записок преосвященного Леонида, архиепископа Ярославского. М., 1907. С. 92.

[81] Эта дата указывается самим Гиляровым в его письме к П. И. Бартеневу от 16 марта 1855 г. (РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 552. Л. 85).

Теперь обстоятельства во всем этом совершенно переменились, и то, что под известными условиями хорошо было во время оно, то никуда не годится теперь. Какие ощущения не пробуждены новые в расколе! Раскол вступил, если хотите, в новый момент истории своей. Нужно, если дело делать серьезно, вести дело, принимая уже во внимание это новое обстоятельство. Загладить ошибки административные и литературные нельзя тем только, что скажем: "Этого вперед не будет". И я бы мог, пользуясь уже приобретенною довольно хорошею репутациею у Блуд<ова>, написать ему прямо, без обиняков, в чем были ошибки, какое теперь положение раскола, как отразились все принятые меры при столкновении как с расколом, так и с рутиной административного и духовно-учебного быта, и вывести потом образ действий, необходимо теперь нужный. И мог бы уже и должен бы по совести не предполагать положенными известных условий, которые сами мною отвергаются: но представить радикальные меры...

Одним словом: письмо препровождать бесполезно, и даже, при предположении, в известной степени, успешности его, бесчестно с моей стороны. Нужно писать новое мнение, но это новое мнение таково, что нужно прежде подумать, нежели решиться писать его».[82]

Очевидно, что Записку о расколе просил прислать граф Д. Н. Блудов — ввиду негласно учрежденного правительством секретного Комитета по делам раскола. Передана была просьба через гиляровского приятеля П. И. Бартенева (который в свое время и познакомил Гилярова с отцом и дочерью Блудовыми[83]). Ему Гиляров отвечал 16 марта пространным письмом, где признавался, что его мнение о расколе «косвенно предназначалось» именно графу Блудову, но меры, которые предполагались в 1853 г., основывались на невозможности «радикально изменить образ воззрения»[84] на раскол в правительстве и потому были половинчатыми, приспособленными к конкретной ситуации прошлого царствования. Гиляров сообщал: «Я могу и готов доставить сочинение, не с целию его осуществления, — что невозможно, и даже во многих отношениях, повторяю, вредно, — но как записку *прошлую*, когда-то писанную сгоряча молодым человеком, рвавшимся сделать посильно добро общественное; как одно простое напоминание, но никак не в виде совета или мнения».[85]

Через четыре дня, 20 марта, Гиляров получил новое письмо из Петербурга. Бартенев писал: «Сочинение Ваше, во всяком случае, должно быть доставлено, и как можно скорее. Лишь бы оно пришло сюда: я найду случай переслать его в совершенной сохранности. Графиня, по своему обычаю, написала глухо, что оно будет теперь очень полезно; но, как слышно, в Петербурге уже составлен особый комитет по этому предмету. Согласитесь, что прежнею или новою запискою, а все-таки долг велит Вам подать свой голос; ибо, конечно, не многие знают дело так, как Вы. Бросьте все остальное и займитесь наскоро этим. В уте-

[82] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 359. Л. 25—27.

[83] *Шаховской Н. В., кн.* Матерьялы для биографии... Л. 44 об, 46.

[84] РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 552. Л. 85 об.

[85] Там же. Л. 86—86 об.

шение скажу Вам, что здесь уверяют, будто в первые же дни нового царствования велено было прекратить прежние меры <...>. Графиня тоже пишет о смягчении мер».[86]

1 апреля Гиляров сообщал другу, что все же решил переслать графу Блудову первоначальную Записку (копию изготовил «один из сослуживцев» — вероятнее всего, близкий Гилярову И. А. Вениаминов), снабдив ее «более или менее краткими замечаниями». Отказ от составления новой Записки мотивируется прежде всего тем, что убеждения Гилярова противоречат филаретовским предначертаниям: «Мнение о настоящем пусть дает человек более независимый по своему положению, чем я, и более независимый по множеству своего досуга».[87]

Наконец, обновленная Записка была составлена и отправлена в Петербург. О ее содержании можно судить по восторженному ответному письму к Гилярову графини А. Д. Блудовой (от 12 июля 1855 г.), которая прозрачно намекала, что сведения о расколе понадобились самой императрице: «Я и не собственно для себя просила, но для одной особы, которая желала о сем предмете узнать коечто не официальное. Она не много имеет свободного времени, и поэтому мне казалось полезнее сделать извлечение из записки довольно длинной и я не успела сделать его ранее».[88]

Гиляров воспринимал раскол как национальную трагедию, но нетерпимое отношение к нему со стороны святителя Филарета и духовенства вообще в переломный период рубежа 1850—1860-х гг. он объяснял ностальгией по устойчивому русскому быту дореформенного периода. Любопытно такое гиляровское воспоминание о Филарете: «Мы помним хорошо, что кончину крепостного права многие в духовенстве встретили с сожалением. Даже великие умы из них, каков был, например, Филарет, и те — что мы можем лично засвидетельствовать — с некоторою нежностью относились к старому крепостному порядку и с некоторою грустью к новой свободе. Нетерпимость в вере так близка ко всякому другому стеснению свободы».[89]

В новое царствование репрессивные методы искоренения раскола казались Гилярову совершенно бесперспективными. Блудова подытоживала его предложения по преодолению раскола: «Таким образом, добровольным и добросовестным постоянным влиянием всех членов, малых и великих, духовного сословия (которое никто не может приказать постановить или почестями наградить), какая бы живая, Богом благословенная сила взошла в противудействии расколу. И сколько я могла судить по сношениям с простыми людьми, мущинами и женщинами, именно в русском-то народе и есть зародыш такого тихого, терпеливого духовного действия».[90]

---

[86] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 587. Л. 1—1 об.

[87] РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 552. Л. 91.

[88] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 592. Л. 1. Копия князя Н. В. Шаховского.

[89] ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 26. Л. 1. Здесь отношение святителя к расколу ставится в один ряд с его отношением к «доброму старому времени» русской жизни.

[90] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 592. Л. 5.

Отметим, что уже тогда Гиляров пессимистически смотрел на возможность повлиять своим словом — научным ли, публицистическим — на ход вещей. В письме к И. С. Аксакову от 17 марта <1855 г.> он писал (как раз в связи с этой Запиской о положении раскольников): «Следовало бы самому ехать в Петербург, если бы можно было думать, что хоть одно слово упало бы на добрую почву и принесло плод. Но более всего уверен я, что ничего, совершенно ничего не произведешь, даже при добром желании тех, которые меня выслушают: поелику рутина, рутина все разрушит. Но предполагаю я, что и самое желание выслушать мое мнение не есть энергическое желание сделать доброе: а так, маниловское желание: послушаем-ка, как приятно расскажет вот этот человек, как бы хорошо в самом деле сделать то и то!.. и проч. и проч.».[91]

В архиве Гилярова эта Записка о расколе не сохранилась, так как была уничтожена пожаром, случившимся летом 1856 г. (об этом происшествии Гиляров сообщал студенту Казанской духовной академии Н. Ф. Глебову в цитировавшемся выше письме от 25 октября 1857 г.: «Вы просите моего проекта. С большим бы удовольствием послал я Вам его: но Вы, вероятно, знаете о моем прошлогоднем несчастии. На даче, где я жил прошлого года, у меня был пожар; и почти все мои бумаги сгорели. Потеря ужасная и почти невознаградимая. В числе сгоревших бумаг был и мой проект. Один экземпляр его есть в Петербурге, но я его не получал. Если бы получил, с большим бы удовольствием поделился с Вами»[92]). Экземпляр же, посланный графу Блудову, пока разыскать не удалось, но не исключено, что он находится в фондах ГАРФ между неподписанными «мнениями», рассматривавшимися упомянутым выше Комитетом по делам раскола.

Таким образом, получается, что митрополит Филарет действительно имел весьма веские основания удалить молодого неуправляемого профессора со слишком независимым образом мыслей, идущих наперекор предустановленным в Академии. К тому же духовное начальство едва ли могло симпатизировать тому, что у Гилярова имеется прямой выход в околоправительственные сферы и, вместе с тем, что он дружит с подвергнутыми тогда опале славянофилами.

Как был уволен Гиляров, вернее — по какому именно поводу, точнее всего изложено в его переписке с разными лицами, а также в мемуарах близких ему людей. Так, Гиляров в автобиографическом письме к А. С. Суворину (от 29 октября 1872 г.) сообщал: «Кафедру я потерял по доносу Анфима, теперешнего экзарха Болгарского,[93] который был одним из моих слушателей. Что именно он на меня насочинил, не знаю, но из слов покойного Филарета заключаю, что касалось отчасти моего преподавания о расколе и отчасти о Библии (оба эти предмета были моею специальностью)».[94] Позднее, в письме к И. Ф. Романову-Рцы

[91] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 359. Л. 27—27 об.

[92] ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 4—4 об.

[93] Анфим I (в миру Атанас Михайлов Чалыков; 1816—1888) окончил Московскую духовную академию в 1856 г. со степенью магистра, был экзархом Болгарским в 1872—1877 гг.

[94] ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 49. <№ 9>. Л. 4. Ср. сходную версию архиепископа Саввы (Тихомирова), приведенную в примеч. 65 на с. 40.

от 15 ноября 1886 г., Гиляров винил и себя в произошедшем, вернее — собственную манеру преподавания, свою речь с кафедры, изобиловавшую яркими парадоксами и элементами вольной импровизации: «Мои слушатели, затаив дыхание, меня слушали; но, когда я потребовал от одного из записывавших меня слушателей записанное им, я пришел в ужас: не понято, переврано; это была пародия на мои лекции. Пародия эта потом воплотилась отчасти в Щапове, которому, как я полагаю, достался подобный экземпляр, совершенно меня искажавший! А Филарету насказали (Анфим, бывший потом экзархом Болгарским), будто я проповедую, что религия христианская устарела. Теперь-то я вижу, что я не головою, а целым ростом был выше своих слушателей».[95] Об этом же Гиляров писал в подстрочном примечании к первому очерку из цикла «Логика раскола»: «...доходили до меня, случалось, под видом выслушанных от меня, совершенные курьезы, в которых за извращениями едва можно было даже догадаться, какая подлинная моя мысль послужила основою. Такие попадаются, между прочим, у Щапова. Можно догадываться, что они перешли к нему чрез моих слушателей, но в искажении и преувеличении».[96] Следует сказать, что к трудам казанского историка Афанасия Прокопьевича Щапова (1831—1876) о старообрядчестве Гиляров всегда относился весьма критически. Впрочем, он смягчал свою требовательность к работам Щапова, дававшим, как известно, пищу интерпретациям радикалистского толка о «революционном» потенциале раскола, упоминая: «Естественно Щапову свериться с предшествовавшим ему исследователем, но записок, по крайней мере проверенных мной, после меня не осталось».[97]

По свидетельству профессора Московской духовной академии Н. И. Субботина, Анфим не самолично жаловался владыке, а рассказывал о «возмутительных лекциях» Гилярова архимандриту Антонию (Медведеву), духовнику Филарета.[98] Профессор же Е. Е. Голубинский, друживший с любимым учеником Гилярова по Академии И. А. Вениаминовым, называл другого посредника, рассказывая об этом событии следующее: «Оставление Академии Н<икитой> П<етровичем> произошло так. Жил тогда в Академии иеродиакон Анфим, впоследствии экзарх Болгарский. Он наговорил А. Н. Муравьеву, что Н<икита> П<етрович> очень вольно читает свой главный предмет (на старшем курсе герменевтику). А<ндрей> Н<иколаевич> передал об этом митрополиту Филарету, и митрополит попросил Н<икиту> П<етровича> оставить службу в Академии».[99] Не исключено, впрочем, что «сигналы» поступали к владыке от обоих — и от о. Антония, и от Муравьева; о. Анфим мог жаловаться и напрямую. Архиепископ Савва (Тихомиров) в 1893 г. рассказывал князю Н. В. Шаховскому, что Гиляров на лекциях свободно критиковал святоотеческие творения, «ругал Златоуста». Его курс еще

[95] *Письма к Рцы.* С. 287.
[96] *Сб. соч.* Т. II. С. 195.
[97] Там же.
[98] См.: *Марков В. С., <прот.>*. К истории раскола-старообрядчества... С. 489.
[99] Воспоминания Е. Е. Голубинского. Кострома, 1923. С. 26.

«терпел такое отношение Гилярова к Отцам Церкви. В следующий же курс слушателем оказался грек Анфим, будущий экзарх Болгарский. Он был возмущен лекциями Гилярова и донес о них митр<ополиту> Филарету, который и уволил Гилярова».[100]

Впоследствии, к слову сказать, Гиляров, словно бы вспомнив о давней обиде, с едкой иронией откликнется на статью Муравьева «Обличение на книгу "О возможном соединении Церкви Российской с Западною"», опубликованную в академическом журнале,[101] поиронизировав в своей рецензии над склонностью Муравьева к доносительству.[102] Митрополит Филарет же счел эту гиляровскую заметку за акт мелкой мстительности. Профессор Московской духовной академии И. Н. Корсунский в одном из писем к князю Н. В. Шаховскому (от 12 сентября 1893 г.) свидетельствовал: «В опровержение замечаний против статьи А. Н. Муравьева и в защиту последнего, так же как и чести академического журнала, по совету митр<ополита> Филарета, написана была статья В. Д. Кудрявцевым, которую просматривал и исправлял нынешний московский митрополит Сергий[103] (в то время ректор Академии), но которая все же не была напечатана, ибо не вполне удовлетворяла строгому вкусу владыки Филарета, который, в своих замечаниях на нее, деланных, при чтении ее, в присутствии покойного А. В. Горского говорил между прочим следующее: "Что такое людоеды? Гиляров под этим разумеет тех, которые выгнали его из Академии. Он забыл, что ему предоставили даром воспользоваться жалованьем за четыре месяца. Вот какой он благодарный! Тесть его сделался болен; я назначил на его место священника; Гиляров пришел просить, чтобы половина жалованья шла старому священнику. Я представлял неудобства, — однако же сделал по его просьбе"».[104]

Гиляров, в свою очередь, тоже винил митрополита в неблагодарности, припоминая о своих благодеяниях. Его племянник, филолог Ф. А. Гиляров, вспоминал: «Никита Петрович был близок с московскою епархиальною властью. Московские викарные архиереи Леонид, потом Игнатий были его учениками. Для Игнатия, как племянника митрополита Филарета, пришлось ему самому написать чуть не всю магистерскую диссертацию, как сам он мне говаривал».[105]

Огорчало Гилярова, что уже тогда в связи с его отставкой в околоцерковных кругах зародилась легенда о якобы отеческом покровительстве, оказываемом

---

[100] *Шаховской Н. В., кн.* Матерьялы для биографии... Л. 53 об.

[101] *Ц. <Гиляров-Платонов Н. П.>*. Библиографическая заметка // *РВ*. 1859. Т. XX, апр., кн. 1. Отд. II. С. 245—250. Полемическая статья Муравьева была направлена против книги Н. Б. Голицына.

[102] См. гневную отповедь какого-то анонима Гилярову в связи с этой его рецензией: *Некто.* Нечто о сотруднике «Русского Вестника». SPb., 1859. 8 с.

[103] Митрополит Московский и Коломенский Сергий (в миру Николай Яковлевич Ляпидевский; 1820—1898) был ректором Московской духовной академии в 1857—1860 гг.

[104] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 128. Л. 1 об.—2.

[105] Там же. Ед. хр. 740. Л. 93.

ему со стороны митрополита Филарета.[106] В письме к другу архимандриту Вениамину (Карелину) от 11 августа 1859 г. Гиляров восстанавливал истину: «...смешно и горько было мне прочитать небылицу, что меня отставил Евгений,[107] а Филарет защищал, и даже устроил мое поступление на настоящее место... Филарет!.. Да кто это мог выдумать, кому пришло в голову сделать его моим благодетелем?! Нет, друг мой, выгнал меня Филарет, а Евгений, если что сделал, так воспрепятствовал Высокопреосвященнейшему сделать предложение конференции об отрешении меня от должности, представив, хотя и с подобающим смирением, что на это нет никаких оснований и что предлоги, которые думал употребить Высокопр<еосвященнейший> в своем предложении, не могут быть приняты в уважение. Высокопр<еосвященнейшему> хотелось скушать меня дочиста, на том основании, что я-де мало показал деятельности в продолжение службы, ибо не сдал всех лекций <...>».[108]

Впрочем, мнения о том, что именно Евгений (Сахаров-Платонов) стал инициатором гонений на Гилярова, придерживался не один Вениамин (Карелин) — о том же писал в своих воспоминаниях и его однокурсник А. П. Владимиров: «Человек болезненный, одержимый святошеством, отличавшийся крайне узким, ретроградным взглядом на религию, церковность, науку и жизнь, Евгений <...> много слышал о “вольнодумных” лекциях Никиты Петровича и, сделавшись ректором Академии, почел первым своим долгом “вывести его на чистую воду”. Руководимый этим побуждением, Евгений доложил митрополиту Филарету о “вольнодумности” лекций Никиты Петровича».[109]

Гиляров продолжал письмо Вениамину (Карелину): «Правда, что Высокопр<еосвященнейший> принудил меня взять из своих денег сумму, соответственную количеству жалования, которое получил бы я, если бы не вышел из службы, жалования от ноября — времени отставки — до января; но это было, во-первых, желанием поскорее меня выжить, во-вторых, — расчетом при обиде удвоить ее насильственным благодеянием <...>».[110]

Обыкновенно уволенных из Академии профессоров Филарет, после их рукоположения, устраивал настоятелями доходных московских церквей. От беспокойного же Гилярова ему, действительно, хотелось избавиться окончательно. Когда встал вопрос о принятии тем священнического сана (очевидно, по хода-

---

[106] Это предание до сих пор кочует из статьи в статью. См., например: «Митрополит Филарет не раз получал сигналы о том, что лекции Гилярова проповедуют “вольнодумство”, но хода им не давал, оберегая талантливого профессора от злых наветов» (*Маевский И.* «В нем открывался чрезвычайный ум...» // Московский журнал. 1994. № 1. С. 11).

[107] Речь идет о ректоре Московской духовной академии архимандрите Евгении (Сахарове-Платонове), сменившем в этой должности Алексия (Ржаницына).

[108] Цит. по: *Шаховской Н., кн.* Годы службы Н. П. Гилярова-Платонова в Московском цензурном комитете, 1859-й год // *РО*. 1898. Т. 49, янв. С. 108.

[109] *Владимиров А.* Памяти Никиты Петровича Гилярова-Платонова // Там же. 1897. Т. 47, окт. С. 853.

[110] *Шаховской Н., кн.* Годы службы Н. П. Гилярова-Платонова... С. 109.

тайству коллег по академической службе), владыка резко воспротивился. В письме к своему духовнику Филарет пояснял принятое решение: «Если бы образ мыслей его был таков, что не трудно было бы принять его в духовенство, то не трудно было бы оставить его и в Академии, несмотря на неисправности».[111]

Гиляров со скорбью подытоживал историю своих бедствий в откровенном письме к П. И. Бартеневу от 28 сентября (в день подачи прошения об увольнении из Академии): «Скажу в заключение, что тяжелые испытания посылает иногда Бог для людей, искренно и бескорыстно трудящихся!»[112]

Друзья-славянофилы полностью приняли сторону Гилярова. Особенно возмущался И. С. Аксаков. Московский цензор В. Я. Федоров вспоминал его слова: «О Гилярове Аксаков отзывался восторженно: “Посмотрите на это лицо — совершенно славянский тип; эти голубые глаза, эта добрая улыбка, это страдальческое выраж<ение> лица. — Что он вытерпе<л> муче<ний> от Митрополита Филарета, который все внутр<енности> у него расцарапал”».[113] П. И. Бартенев свидетельствовал: «Ни от кого не доводилось нам слышать так много дурного о Московском митрополите Филарете, как именно от Никиты Петровича Гилярова. Это было в пятидесятые годы. Впоследствии митрополит препобедил его своими благодеяниями; так было и со многими другими».[114] И действительно, к примеру, того же 28 сентября Гиляров писал Бартеневу: «Паук запустил в меня свои лапы и хотел задушить окончательно. Подробности отлагаю до скорого личного свидания. Дотоле прошу и надеюсь, что дружба Ваша сохранит мои намеки в строжайшем секрете»;[115] с подобной же издевательской язвительностью характеризуется владыка и в других письмах Гилярова к приятелю.[116]

Гиляровские знакомые из правительственных сфер, почитавшие Филарета, недоумевали. Графиня А. Д. Блудова так откликнулась на известие об увольнении Гилярова в письме к нему от 16 октября 1855 г.: «Очень прискорбно и Батюшке, и мне слышать, что такая неприятность случилась с Вами, и прискорбно думать, что в мнении такого человека, как Преосвященный Филарет, нашли средство повредить Вам. Но не теряйте духа. <...> сожалею от души, что таким неприятным образом выходите из прежней карьеры. По крайней мере, то утешение, что Вы ни в чем не виноваты и что Вы сами хотели и без того оставить Ваше место. Постарайтесь, однако, узнать, в чем именно состоит обвинение?»[117]

Но в этом письме графини Блудовой содержится и важное свидетельство о том, что чуть ли не за год до конфликта с митрополитом Гиляров сам — через

---

[111] См.: Письма митрополита Московского Филарета к наместнику Свято-Троицкия Сергиевы Лавры архимандриту Антонию, 1831—1867 гг. М., 1883. Ч. II. С. 366.

[112] РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 552. Л. 154.

[113] *Шаховской Н. В., кн.* Матерьялы для биографии... Л. 43.

[114] *П. Б. <Бартенев П. И.>*. <Примечание к «Воспоминаниям» Ф. А. Гилярова> // *РА*. 1904. Кн. II, вып. 6. С. 299.

[115] РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 552. Л. 153.

[116] См. письма от 3 и 22 декабря 1854 г. (Там же. Л. 20, 37).

[117] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 592. Л. 7—8. Копия князя Н. В. Шаховского.

своих влиятельных знакомых — искал возможность оставить училищную службу. Поначалу не получилось — в письме графини Блудовой к нему от 12 июля 1855 г. встречаем глухой намек на эти обстоятельства: «Мне сказывали здесь, что Ваши новые лекции прекрасны и что слушателей у Вас гораздо более, нежели Вы прошлую осень предполагали. Самая неудача Вашей попытки переменить образ службы не есть ли указание Провидения на нужду в Ваших усилиях по части, теперь Вами занимаемой? Ваша кафедра не есть ли сама себе миссионерская и труды Ваши среди препятствий и лишений не суть ли труды миссионера?»[118] Речь, видимо, шла о не увенчавшемся успехом ходатайстве графа Д. Н. Блудова об определении Гилярова начальником Отделения в Московский архив Министерства иностранных дел. 7 июля, когда надежда на такое устройство еще сохранялась, граф писал Гилярову: «Я всегда готов употреблять все зависящее от меня для содействия людям, которые, подобно Вам, при отличных способностях и знаниях, одушевлены любовью к добру и посвящают жизнь свою на пользу отечественного просвещения. Потому я прошу Вас обращаться ко мне всякий раз, когда, по мнению Вашему, участие мое в делах Ваших может принести Вам некоторую пользу. Я сам буду по возможности изыскивать средства устроить будущую службу Вашу таким образом, чтобы она не мешала Вашим ученым занятиям. Удастся ли мне сие, не знаю; но в желании моем искреннем и постоянном прошу Вас не сомневаться».[119] 16 октября того же 1855 г. графиня Блудова обнадеживала Гилярова: «Надеемся как-нибудь устроить, чтоб Вам можно было оставаться в Москве (может быть, при Архиве), чтоб быть на службе и потому что дешевле жить в Москве, — а между тем иметь часть “Журнала Мин<истерства> Народ<ного> Просвещ<ения>” для редакции, с жалованием по этой части, с тем чтоб успеть найти вакацию после для Вас».[120]

Надо сказать, что в Московский архив Министерства иностранных дел еще осенью 1855 г. были отданы гиляровские документы (аттестат, копия формулярного списка и др.), но до времени они лежали без движения.[121] Что касается официального ведомственного органа «Журнала Министерства Народного Просвещения» (1803—1917), то в конце 1861 г. Гиляров чуть было не принял на себя его редактуру, о чем пойдет речь ниже. Хотелось Гилярову устроиться библиотекарем в тот же Архив Министерства иностранных дел[122] или же заменить в должности редактора «Московских Ведомостей» М. Н. Каткова — в связи с предполагавшейся отставкой последнего.[123]

---

[118] Там же. Л. 1.

[119] Там же. Ед. хр. 591. Л. 1—1 об.

[120] Там же. Ед. хр. 592. Л. 7.

[121] См. письмо Гилярова к А. В. Никитенко от 27 января 1856 г. // ИРЛИ. Сигн. 18483. Л. 5 об.

[122] См. письмо Гилярова к Бартеневу от 28 сентября 1855 г. (РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 552. Л. 153).

[123] См. его письмо к Бартеневу от 22 октября 1855 г. (Там же. Л. 174).

Таким образом, как видим, увольнение Гилярова из Академии состоялось бы рано или поздно, и не случись всей этой шумной истории с лекциями по расколу и неряшливыми конспектами студентов. Его неуемной творческой натуре становилось тесно внутри церковных стен, он хотел попробовать себя на стезях светского писателя-публициста, чиновника-администратора, издателя. Судя по свидетельству Веры Аксаковой, уже по крайней мере с января 1855 г. — Гиляров вынашивал мысль об увольнении из духовного звания. 26 января она записала в Дневнике: «...Гил<яров>, расстроенный до крайности, хочет выходить в отставку, между тем средств нет <...>».[124]

За рамками данной главы остается обширная, до сих пор не исследованная тема плодотворного сотрудничества митрополита Филарета с Гиляровым в 1860-е гг. Приведем текст одного только любопытного документа — записки к Гилярову викарного епископа Леонида (Краснопевкова) от 1 апреля 1863 г., в которой сначала говорится о том, что митрополит «нездоров и принимает лекарство», а далее следует приписка: «...но Вы можете, не стесняясь, говорить, сколько нужно, и чем откровеннее, тем лучше. Кажется, он очень расположен Вас принять, выслушать и с Вами побеседовать, насколько станет сил».[125] Началось же это потепление в отношениях двух выдающихся коломенцев в конце 1861 г., когда Филарет познакомился с гиляровской «Заметкой по поводу статьи г. Чистовича об Арсении Мациевиче» и ему «это понравилось» **(**свидетельство П. С. Казанского[126] и архиепископа Леонида (Краснопевкова)[127]**)**, а чуть позднее, в феврале 1862 г., — с запиской «О первоначальном народном обучении», которую, несмотря на отличавшую ее необычайную резкость выражений, рекомендовал опубликовать в академическом журнале, а потом защищал автора от раздраженных правительственных чиновников.[128]

В конце жизни в очерках, опубликованных аксаковской газетой «Русь», Гиляров вернется к своим спорам с Филаретом по вопросу о расколе, послужившему основной причиной его удаления из Академии. В 1884 г. он посвятит своим разногласиям с владыкой мемуарный очерк «Урезанный документ», поначалу называвшийся осуждающе резко: «Аутодафе митрополичьего мнения».[129] Однако Филарет не выглядит здесь неким инквизитором, — хотя и выступает последовательным приверженцем своего взгляда на раскол, нетерпимым к иным мнениям: из старинной рукописи он изымает («урезает») часть страницы с мнением митрополита Платона (Лёвшина), размышлявшего о практической бесполезности противораскольнической полемики.[130] В серии очерков «Логика раскола»

---

[124] *Аксакова.* С. 127.

[125] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 653. Л. 1.

[126] *Б<еляев> А. А.* Недавнее прошлое по письмам современника // *ПО.* 1883. Т. II, июль. С. 504.

[127] Из записок преосвященного Леонида... С. 315.

[128] См.: *Флоровский Г., прот.* Пути русского богословия. 3-е изд. Paris, 1983. С. 334.

[129] ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 29. <№ 1>. Л. 2.

[130] *Сб. соч.* Т. II. С. 271—286.

(1885) Гиляров вспоминал слова Филарета: «Говорят, что Вы отдаете справедливость русским раскольникам». И пояснял: «Они сказаны были мне в упрек, но передавали мое отношение к расколу верно. <...> Это означало: „раскол есть наш противник, и противника не должно надоумливать, в чем он прав может быть и силен, а только обличать его заблуждения и раскрывать недостатки". Митрополит стоял на полемической точке зрения. <...> Я излагал сущность вероучений и развитие их, историческое и психологическое; не обсуживал их, а давал им самим себя обсуживать».[131] Однако на филаретовскую теоретическую нетерпимость к расколу — весьма последовательную и, подчеркнем, безупречную с точки зрения догматического богословия, — опиралась в своих практических действиях полицейская машина, всячески притеснявшая значительную часть русского верующего народа. В той же «Логике раскола» Гиляров защищает память Филарета от расколоведов, прямо взывавших к одним карательным мерам во имя «церковно-государственного единства»: «Много чести моим современным возражателям — сравнить их с митрополитом Филаретом. Их незнание о расколе настолько же полное, насколько совершенно было знание у митрополита. Но между тем и другим есть общее, что раскол обсуживается отвне: один смотрит на него с догматической истины, другие — с государственного порядка».[132]

Впрочем, и сегодня едва ли можно с уверенностью утверждать, что тогда, в 1850—1880-х гг., было «время благоприятно» для кардинальных изменений по отношению к расколу, которых, оспаривая позицию Филарета, требовал Гиляров. Ведь он в своих попытках «отдать справедливость русским раскольникам», можно сказать, забежал на столетие вперед: только в июне 1971 г. Поместный собор Русской Православной Церкви издал Деяние «Об отмене клятв на старые обряды».

1.4. АВТОР И ЦЕНЗОР ЖУРНАЛА «РУССКАЯ БЕСЕДА» (1856—1860)

И хотя еще до начала конфликта с митрополитом по поводу отношения к расколу Гиляров предполагал уволиться из духовного ведомства и вступить на литературно-общественное поприще, тем не менее в житейском плане потеря академической службы оказалась для него настоящей катастрофой.

24 сентября 1849 г. Гиляров стал семейным человеком, женившись на сестре своего ученика Вере Алексеевне Богдановой (1820—1904),[133] дочери настояте-

[131] Там же. Т. II. С. 194.

[132] Там же. С. 196.

[133] Год рождения установлен по сообщению А. М. Гальперсон, что В. А. Богдановой «было 29 лет к моменту свадьбы» (*Гиляров: ИМБР*. С. 482). Дата кончины (17 апреля 1904 г.) указана в прошении сына писателя Н. Н. Гилярова в Постоянную комиссию для пособия нуждающимся ученым, литераторам и публицистам от середины мая 1904 г. (ИРЛИ. Ф. 540. Оп. 2. Ед. хр. 251. Л. 7).

ля московской церкви Флора и Лавра на Зацепе, который и обвенчал молодых. А. М. Гальперсон со слов самого Гилярова свидетельствовала: «Н<икита> П<етрович> женился без любви из благодарности к семье Богдановых, которая пригрела его в последние семинарские годы, окружила его непривычной для него заботливостью, деликатно удовлетворяла его нужды, даже не спрашивая о них, снабжая его бельем, платьем и деньгами почти незаметно для него самого. Вера Алек<сеевна> была маленькая, худенькая, болезненная и раздражительная старая дева (ей было 29 лет к моменту свадьбы)».[134]

Родные же, судя по всему, прочили ему в будущем карьеру епископа, он и сам внутренне был одно время готов принять решение о постриге и само поступление в Духовную академию рассматривал как прямую дорогу к монашеству и будущему архиерейству,[135] — вероятно, поэтому даже отцу не сообщил о свадьбе, а только оповестил о рождении первенца Николая в июне 1851 г.[136] Но этот брак изначально оказался неудачен. Уже в академический период «сплетничали, что семейная жизнь его была не слишком красна, потому что супруга имела не особенно ладный характер».[137] Сходным образом писала о Вере Алексеевне В. С. Аксакова в своем дневнике: «Жена же у него всегда больная и прихотливая <...>» (27 ноября 1854 г.), «...больная, причудливая и, должно быть, несносного характера» (26 января 1855 г.).[138]

Кроме того, сам Гиляров свидетельствовал, что в тот период друзья-славянофилы хотели привлечь его к своей издательско-редакторской деятельности — 2 ноября 1886 г. он писал Романову-Рцы: «Когда славянофилы основывали журнал (“Русскую Беседу” и еще ранее, когда торговали “Москвитянин”), меня они предлагали поставить во главу <...>».[139]

Критическое положение, в котором оказался выброшенный на улицу Гиляров с семьей, заставило его друзей предпринимать определенные хлопоты в поисках для него службы, которая не сковывала бы его научного творчества. Сохранилось свидетельство: «Говорили тогда, что славянофилы, к кружку которых он принадлежал, хотели было доставить ему место домашнего наставника при де-

---

[134] *<Гальперсон А. М.* Н. П. Гиляров-Платонов и М. С. Сковронская (1893?)> // *Гиляров. ИМБР*. С. 482.

[135] В мемуарах он прямо пишет об этом: «Если тогда и мелькало впереди духовное звание для меня, то единственно в виде монашества. Здесь, по крайней мере, не будет затягивающей прозы: так мне казалось, и если я найду в себе достаточно сил на подвиг, думал я, то я его приму. В этом смысле мечтали мы вдвоем даже с братом. <...> Если заходила речь о возможности мне поступить в Академию, то в общих размышлениях о моем будущем конечною точкой мы единогласно полагали монашество и, следовательно, архиерейство как естественное последствие <...>» (*Из пережитого*. Т. 1. С. 314).

[136] См. ответное письмо П. М. Никитского сыну от 17 июля 1851 г.: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 658. Л. 1—1 об. Вскоре этот первый сын Гилярова умер.

[137] Воспоминания Е. Е. Голубинского. Кострома, 1923. С. 26.

[138] *Аксакова*. С. 94, 127.

[139] *Письма к Рцы*. С. 248.

тях какого-то великого князя. Но митрополит Филарет отказал ему в своей рекомендации, которая требовалась».[140]

Тогда за дело снова взялись влиятельный граф Блудов с дочерью. 10 ноября 1855 г., в тот день, когда было утверждено увольнение Гилярова от академической службы, запиской-ходатайством Блудова начато производством канцелярское дело «Об определении стоящего в должности профессора Московской духовной академии Гилярова-Платонова цензором в Московский цензурный комитет».[141] Хлопоты увенчались полным успехом, и 23 мая 1856 г. он вступил на торную дорогу обеспеченной государственной службы.

Выше приводилось признание Гилярова, что первоначально славянофилы собирались его поставить во главе «Русской Беседы». Этот план не мог быть реализован главным образом из-за возложенных на него цензорских полномочий. Тем не менее, в продолжение последующих шести лет Гилярову удалось с успехом совмещать и выполнение служебных обязанностей (и тем снискать себе славу либерального цензора-просветителя), и напряженную научно-литературную деятельность, прежде всего связанную с журналом друзей-славянофилов.

В духовно-академической среде Гилярова и считали одним из главных сотрудников «Русской Беседы». 11 мая 1856 г. ему писал из Сергиева Посада профессор А. В. Горский, познакомившийся с первой книжкой: «Первый № Вашего издания произвел здесь самое благоприятное впечатление. Самостоятельность суждения, — серьезность нравственных убеждений, русский ум и сердце, — сочувствие к родному славянству — все это прекрасные залоги благих успехов в будущем, успехов, может быть, не быстрых, не громких, но глубоких, сильно действующих на литературу и жизнь. Господь да поможет!»[142]

Все девять своих статей, опубликованных в «Русской Беседе», Гиляров считал чуть ли не наиболее ценным из всего написанного им. Позже из-за интенсивной хозяйственно-административной и поденной газетной работы у него никогда не хватало времени на столь основательные аналитические статьи.

Первая публикация Гилярова в журнале — отвергнутая Катковым большая статья-рецензия «Семейная хроника и Воспоминания С. Аксакова»: С. Т. Аксаков писал сыну Ивану 1 марта 1856 г.: «Статья Гилярова о моей книге не принята в “Русский Вестник”, ибо содержит в себе резкие славянофильские убеждения <...>».[143]

Тут содержится развернутое исповедание эстетических взглядов, обзор всей отечественной словесности под углом зрения ее национального своеобразия и утверждения религиозно-нравственных идеалов, а также детальный анализ

---

[140] Воспоминания Е. Е. Голубинского. С. 26.

[141] См. об этом подробнее: *Кн. Н. В. Ш. <Шаховской Н. В., кн.>*. Определение Гилярова-Платонова на светскую службу // *РО*. 1895. Т. 35, сент. С. 110—116.

[142] Цит. по: *Шаховской Н., кн.* Годы службы Н. П. Гилярова-Платонова в Московском цензурном комитете, 1856-й год // Там же. 1897. Т. 46, июль. С. 171.

[143] *Аксаков в письмах*. Т. II. С. 448.

самой книги Аксакова.[144] Аполлон Григорьев будет недалек от истины, когда в 1858 г. съязвит, что Гиляров разбирал «Семейную хронику», «повергая к ее подножию всю русскую литературу».[145] И действительно, рецензия больше походила на боевой программный манифест целого идейного направления. Поэтому, к примеру, в ее теоретической части, рассуждая о первичности прекрасного и духовного, лишь обнаруживающихся во внешнем, Гиляров, несомненно, оспаривает постулаты знаменитой диссертации Чернышевского. Кстати, тот, видимо, это почувствовал, откликнувшись на рецензию Гилярова в сентябрьской книжке «Современника» за 1856 г. и уколов его ссылкой на партийную зашоренность. Отметив утверждение Гилярова, что «с “Семейной хроники” начинается новая эпоха для нашей литературы», Чернышевский писал: «Это слишком очевидное преувеличение объясняется, пожалуй, даже извиняется, духом партии».[146]

Во всяком случае, автор такого материала (а известно, что славянофилы в глазах правительства числились в политически подозрительных и неблагонадежных) не мог не попасть на заметку к возглавлявшему в тот период цензурное ведомство министру народного просвещения А. С. Норову. В отчете о первой книге «Русской Беседы», составленном чиновником особых поручений Н. В. Родзянко, Гиляров выдвигался главным представителем славянофильского направления, суждения которого высказываются с «резким, неосторожным убеждением, хоть, м<ожет> б<ыть>, и справедливым, но выраженным укорительно и поносительно».[147]

Примечательны и две другие литературно-критические работы Гилярова, помещенные в «Русской Беседе». В том же 1856 г. (в 3-й книге) была опубликована его рецензия на «Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле постриженика Святыя горы Афонския инока Парфения» (М., 1855), книгу, по существу принадлежащую к области духовной литературы, но вызвавшую в свое время большой интерес в самых разных писательских кругах: известны сочувственные отклики на нее Чернышевского, Салтыкова-Щедрина, Ап. Григорьева, С. Соловьева, Тургенева, Дружинина. Гиляров рассуждает о главном, на его взгляд, достоинстве духовной литературы: она создает образы «людей с тою несуществующею для нас цельностью жизни, —

---

[144] Не будем здесь сколько-нибудь подробно останавливаться на этой рецензии, сошлемся на ее истолкование Б. Ф. Егоровым в работе «Н. П. Гиляров-Платонов как эстетик и литературный критик» (*Гиляров: ИМБР*. С. 36—46); см. также недавнюю статью Д. А. Кунильского «Ап. Григорьев и “Русская Беседа”: По поводу “хищных” и “смиренных” типов» (*ХЧ*. 2016. № 3. С. 235—256). Отметим только, что аксаковская книга, несомненно, явилась некоей отправной точкой-образцом при создании Гиляровым в 1884—1886 гг. его воспоминаний. См. подробнее главы 3.2 и 3.4.

[145] *Григорьев Ап. А.* Литературная критика. М., 1967. С. 182.

[146] *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1947. Т. III. С. 699.

[147] Дело Главного управления цензуры. 1856. № 130; цит. по: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 830. Л. 2.

для которых служение истине есть все бытие»[148] и убеждает в том, что эта высокая духовная жизнь реальна и возможна в условиях нашего бытия, в наших обстоятельствах.

Рецензия на повесть Н. С. Кохановской «Из провинциальной галереи портретов» (в 3-й книге за 1859 г.), в которой Гиляров приветствовал писательницу как «зарю ожидаемого нами возрождения литературы»,[149] вызвала довольно раздраженный ответ Кохановской, обиженной некоторыми критическими замечаниями.[150] И. Аксаков после некоторых колебаний и даже совещаний с Хомяковым[151] поместил эту апологию, однако в предуведомлении к публикации взял сторону Гилярова. М. Ф. Де-Пуле, впрочем, в статье «О повестях г-жи Кохановской» полемизировал с Гиляровым, считая, что он перехваливает писательницу, что его отзыв «отличается каким-то лелеющим характером и до nec plus ultra* отеческим отношением к автору, как к нежно любимому детищу».[152] В своей рецензии Гиляров полемизирует с «обличительной» литературой того времени: «Главнейшая задача художника не казнить действительность во имя идеи и тем раздражать чувства, а успокоивать их, отыскивая блеск идеи и в самой темной действительности».[153] Этому эстетическому принципу сам он неукоснительно будет следовать и в своей публицистике, и в книге «Из пережитого».

После выхода в свет четырех первых номеров журнала, 18 января 1857 г., Гиляров писал профессору Московской духовной академии В. Д. Кудрявцеву-Платонову: «У нас есть слух, что Академия “Беседою” недовольна. <...> Говорят, Филарет Александрович[154] на своих лекциях изъявил торжественное несогласие с Киреевским <...>». И дальше делится своими тревогами по поводу репутации журнала в обществе с точки зрения его религиозно-практической ориентации: «“Беседа” объявила, что она за веру, и даже промолвилась, к сожалению, что она за православие. Это объявление, и потом, наконец, надо сознаться, все-таки явная нравственная серьезность возбудила сочувствие к “Беседе” со стороны духовных. Сочувствие это ясно обнаружилось: письма, изустные известия, соб-

---

[148] *Сб. соч.* Т. I. С. 150. См. также: *Дмитриев А. П.* Ап. А. Григорьев и Н. П. Гиляров-Платонов в спорах о назначении искусства и творчестве Пушкина и инока Парфения (Аггеева) // Печать и слово Петербурга: Петербургские чтения-2018: Сб. науч. тр. СПб.: СПбГУПТД, 2018. (В печати.)

[149] *Сб. соч.* Т. I. С. 448.

[150] *Кохановская*. Ответ г-ну Г—ву на критический отзыв о повести «Из провинциальной галереи портретов» // *РБ*. 1859. Кн. VI (18). Отд. III: Критика. С. 124—152.

[151] Хомяков тоже был растерян: «Благодарю вас за статью Сох<анской>, хотя она меня ставит в большое затруднение. Не знаю, как и советовать. Главное, боюсь, как бы не стали ее обвинять в раздражении и самолюбии, хотя ни того, ни другого не замечаю» (*Хомяков А. С.* Полн. собр. соч. М., 1904. Т. VIII. С. 385).

* крайних пределов (*лат.*).

[152] Русское Слово. 1859. Дек. Отд. II. С. 29.

[153] *Сб. соч.* Т. I. С. 452.

[154] Ф. А. Сергиевский (1831—1884), в тот период бакалавр Московской духовной академии по классу логики, психологии и истории философии.

ственные признания являются с разных концов Руси. Но какое сочувствие! Письма, разговоры, признания обнаружили, что "Беседу" считают за продолжение "Маяка" или, по крайней мере, желают и надеются этого продолжения. <...> Харьковский Филарет весьма благоволит к "Беседе", проповедует ее всем своим знакомым и в то же время, в том же разговоре с теми же знакомыми с жаром и энергиею высказывает и защищает самые обскурантические идеи против свободы печатания и мысли, против всякого в ком бы то ни было неблаговоления к деспотическим формам <...>».[155]

Эти тревоги по поводу засилья ретроградного направления в духовной литературе, искажавшего в сознании общества правильное представление о приложении христианского вероучения к текущим событиям, вылилось позже в опубликованную в «Русской Беседе» язвительную рецензию Гилярова на брошюры И. Кулжинского «О преобразованиях и улучшениях в духе святого Православия» и Н. Баркова «Горе от безумия», объединенные общим названием «Современные идеи православны ли?».[156]

Философско-публицистической статьей «Новые объяснения по старому спору» (в 4-й книге за 1857 г.) Гиляров возобновил полемику о народности в науке, начатую в 1856 г. М. Н. Катковым, который в своих «Московских Ведомостях» язвительно откликнулся на публикацию программы «Русской Беседы». По убеждению Гилярова, «участие народности в науке вполне законно и составляет даже необходимое условие ее живой деятельности».[157]

Наибольший резонанс в литературе получили две статьи Гилярова из «Русской Беседы», посвященные методологии исторического исследования, в которых он покусился на непререкаемый авторитет преосвященного Макария (Булгакова), автора многотомной «Истории Русской Церкви». Здесь Гиляров резко критикует периодизацию истории Церкви в рецензируемом труде, — основанную на несущественном, на его взгляд, признаке — номинальной зависимости от Константинопольского патриархата и освобождении от этой зависимости.

У этих публикаций оказалась трудная цензурная судьба, так как сотоварищи Гилярова по Московскому цензурному комитету — и Н. Ф. фон Крузе, и А. Н. Драшусов — не решались одобрить к печати критические материалы, касающиеся церковной истории и, следовательно, подведомственные Комитету по цензуре духовных книг. Сначала удалось напечатать статью без упоминания имени Макария — под названием «Несколько слов о механических способах в исследовании истории»[158] и только через полтора года — рецензию на три тома его «Истории Русской Церкви»,[159] написанную раньше первой статьи.

---

[155] ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 2 об., 3, 3 об.—4.

[156] *Г—в Н. <Гиляров-Платонов Н. П.>.* Современные идеи православны ли? С.-Петербург. 1858 г., ст. 1-я и 2-я // *РБ.* 1859. Кн. I (13). Отд. III: Критика. С. 47—56.

[157] *Сб. соч.* Т. I. С. 199.

[158] *РБ.* 1858. Кн. I (9). Отд. III: Критика. С. 66—87. Подпись: *Н. Г—в.*

[159] *Г—в Н. <Гиляров-Платонов Н. П.>.* История Русской Церкви Макария, епископа Винницкого. Том I, II и III. СПб., 1857 г., в 12 // Там же. 1859. Кн. III (15). Отд. III: Критика. С. 1—

«Статьи Гилярова, — писал 21 ноября 1859 г. И. Аксаков, ставший неофициальным редактором "Русской Беседы", Н. С. Кохановской по поводу этих публикаций, — <...> возбуждают против нас негодование Св. Синода. Это — к счастию. Надо строго различать дело Православия от официального его значения. Во всяком случае дело обстоит так скверно, что в журнальной светской полемике становится почти невозможным опираться на Православие, ибо противнику вашему заграждены уста, он возражать вам не может, и сейчас скажет, что вы делаете на него донос. Ведь за безверие могут еще у нас запереть в Соловки, исключить из службы, и т. п.».[160]

По большому счету Гиляров был прав, он выступал против попыток подогнать явления русской жизни под готовый шаблон наработанных западной исторической наукой методов и приемов исследования, — не случайно его критика исторического метода Макария так восхитила Хомякова. Однако в пылу полемического задора Гиляров в частностях бывал и несправедлив, отрицая, например, напрочь кропотливую собирательскую работу таких ученых-историков, как Макарий, — во имя идеала «органической науки», требующей от исследователя глубокого внутреннего вживания в события народной жизни.

В письме от 23 ноября 1886 г. Гиляров по просьбе Романова-Рцы назвал ему свои статьи, опубликованные в журнале, а в постскриптуме добавил: «При перечислении статей в "Русской Беседе" я забыл упомянуть о самой полновесной: "Очерк рационалистического движения философии".[161] Это есть фундаментальнейшая из моих статей. (Отрывок из диссертации о Гегеле)».[162] И действительно, эта публикация заставила заговорить о Гилярове как об одном из ведущих специалистов по истории зарубежной и русской мысли. Н. П. Аксаков был убежден: «Превосходный труд этот, блистательно показывающий критические способности автора, послужил впоследствии главною основою для рассуждения Владимира Соловьева "Кризис западной философии"».[163]

П. Л. Лавров, приступавший к работе в качестве заведующего редакцией философских наук «Энциклопедического словаря, составленного русскими учеными и литераторами» (СПб., 1861—1863; доведен до буквы «Е»), 1 декабря 1859 г. именно к Гилярову обратился с просьбой составить биографические статьи о русских философах. При этом он весьма высокую оценку дал публикациям Ги-

---

36. Статья датирована 5 января 1858 г. Чтоб ее подписать в печать, Гилярову пришлось взять на себя цензуру всего издания. См. также: *Шаховской Н., кн.* Н. П. Гиляров-Платонов об «Истории Русской Церкви» преосв<ященного> Макария // *РО.* 1897. Т. 44, апр. С. 591—619.

[160] *Переписка Аксаковых и Кохановской.* С. 59.

[161] Точнее: «Рационалистическое движение философии новых времен» (см. подробнее коммент. 27 на с. 30—31).

[162] *Письма к Рцы.* С. 306.

[163] *Аксаков Н.* Воспоминание о Н. П. Гилярове-Платонове // Русский Курьер. 1887. 19 окт. № 288. С. 1.

лярова в «Русской Беседе». Он писал: «Общее мнение в Петербурге приписывает Вам прекрасные статьи, помещенные в “Русской Беседе”, о рационализме и критику “Истории Церкви” Макария. Это побудило меня, хотя и не имею удовольствия быть лично знакомым с Вами, обратиться к Вам с просьбою о содействии. Вам, может быть, известно, что здесь собираются издавать Полный энциклопедический лексикон. Редакция философского отдела его поручена мне. Я занимаюсь философиею преимущественно по иностранным сочинениям и потому не довольно хорошо знаком с русскими деятелями по этой части. Не согласитесь ли Вы принять на себя сотрудничество по биографиям русских писателей по философским предметам?»[164] Гиляров, донельзя загруженный цензорской работой, видимо, отказался от этого лестного предложения.

Сотрудничество Гилярова с «Русской Беседой» не ограничивалось написанием упомянутых статей. Заведующая редакцией «Современных Известий» и его близкий друг А. М. Гальперсон сообщала князю Н. В. Шаховскому 3 апреля 1893 г.: «В “Рус<ской> Беседе” Ник<ита> Пет<рович> писал “внутренние обозрения”».[165]

Кроме того, в это же время Гиляров усиленно занимался исследованием тогда только увидевшего свет труда Шеллинга «Введение в философию мифологии», в котором видел «зерно всей системы» и который считал важным «по исторически-философскому своему значению: ибо заключает опровержение штандпункта Гегелевщины. (Сказать мимоходом, Шеллинг постоянно обращается к Гегелю, колотит его и между тем ни разу не называет его по имени. Прочих всех называет, как следует, а о нем говорит: *einer, einige, man* * и т. п. Забавная и довольно мелочная черта)».[166] Статью о Шеллинге Гиляров собирался поместить в «Русской Беседе». Для этого же журнала Гиляров, по просьбе И. С. Аксакова, готовил материалы о Григории Сковороде; точнее, он должен был проверить очерк жизни и творчества философа, присланного в редакцию в конце 1856 г. Г. П. Данилевским, на предмет его беспристрастия и отсутствия излишнего украинофильского пафоса. Прошло более двух лет, и в мае 1859 г. Аксаков оправдывался перед Данилевским: «Вы в полном праве сердиться за мешкотность “Беседы” в деле печатания биографии Сковороды. Я попрошу Вас потерпеть до осени. Гиляров, желая придать Вашему труду как можно более полноты и ученого значения, занялся предварительно собранием всех сочинений, всех рукописей Сковороды, с тем, чтобы вновь просмотреть и изучить их. Он много собрал и прочел, хотя еще не всё, но мы признали, что такая добросовестность здесь уже

---

[164] Неопубликованные письма П. Л. Лаврова / Сообщ. Н. А. Бухбиндер // Каторга и ссылка. 1928. Кн. 2 (39). С. 49.

[165] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 104. Л. 12. Это свидетельство вполне правдоподобно, хотя нуждается в тщательной проверке.

* один, некоторые, говорят (*нем.*).

[166] Письмо Гилярова к В. Д. Кудрявцеву-Платонову от 18 января 1857 г. // ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 1 об.

излишняя, что данных достаточно для основательного заключения. К осени — труд его будет окончен».[167] Гиляров, стремившийся к максимальной добросовестности, собрал немало материалов через А. В. Горского и других преподавателей Московской духовной академии, но так и не завершил начатое. 19 января 1862 г. Аксаков писал Данилевскому: «Очень рад, что могу наконец удовлетворить Вас. Рукопись Ваша о Сковороде послана мною, вместе с 15 № "Дня", к Кожанчикову. По получении письма можете тотчас к нему отправиться и получить от него пакет на Ваше имя. Собственно говоря, это не статья, а материалы, из которых Гиляров должен был составить статью, с указанием на Ваши материалы. Чтобы составить статью, Гиляров вошел в переписку по отысканию сочинений Сковороды, и добыл подлинную биографию, написанную его учеником, и проч. и проч. / Разумеется, рукопись Ваша должна Вам быть возвращена, и Вы вправе ее напечатать, где Вам угодно».[168]

Впрочем, И. Аксаков не совсем был удовлетворен стилистической манерой Гилярова, склонного к умозрительным обобщениям. В письме к родным от 28 ноября 1856 г. он сетовал: «...именно теперь, когда после потрясения войны, при новой правительственной эпохе, все в России в брожении, все жаждет разрешения поднятых вопросов, не отвлеченных, но жизненных, животрепещущих. Это требование общества не удовлетворяется <...> отвлеченными статьями Гилярова <...>».[169] Сходным образом отзывался об одной из ранних статей Гилярова М. П. Погодин, фактически призывавший его добавить публицистического задора, злободневной остроты: «Не достает Вам живости в статьях и оттенков — все как будто безразлично и бесстрастно. Семинария и Филарет оставили также печать на Вашем образе действий и на речи <...>».[170]

Положение Гилярова-цензора в этот период было непростым. Доброжелатели из петербургских правительственных сфер убеждали его отказываться от цензуры славянофильских изданий. Он и сам понимал двусмысленность такой ситуации, когда его друзья видят в нем, государственном чиновнике, осуществлявшем надзор над литературой, чуть ли не единственную компетентную силу, способную отстоять важные для них статьи. В декабре 1858 г. он все же решился цензуровать «Русскую Беседу». Возможно, именно это так окрылило И. Аксакова, что он увеличил число журнальных книжек с четырех до шести в год. Однако единолично Гиляровым было подписано цензурное разрешение (26 января

[167] РНБ. Ф. 236. Ед. хр. 18. Л. 5—5 об. Дата указана в издании: *Данилевский М. Г.* Г. П. Данилевский по личным его письмам и литературной переписке. Харьков, 1893. С. 29—30, где это письмо цитируется вольно.

[168] РНБ. Ф. 236. Ед. хр. 18. Л. 8—8 об. Очерком «Сковорода, 1722—1794 гг.» из цикла «Украинские деятели» Данилевский открыл свою книгу «Украинская старина. Материалы для истории украинской литературы и народного образования» (Харьков, 1866).

[169] *Аксаков И. С.* Письма к родным, 1849—1856. М., 1994. С. 467. (Лит. памятники).

[170] Материалы для биографии Н. П. Гилярова-Платонова // *РО*. 1896. Т. 42, дек. С. 995.

1859 г.) только для первой книги журнала за 1859 г.[171] Немало тревог (а нередко и административных взысканий) доставило Гилярову цензурование и других славянофильских изданий: «Сельского Благоустройства», «Молвы», «Паруса», «Дня».

Причина, по которой «Русская Беседа» и прилагавшееся к ней «Сельское Благоустройство», переданные в декабре 1858 г. Гилярову, через месяц оказались в ведении другого цензора, выясняется из переписки Гилярова с А. И. Кошелевым, которому он написал в начале февраля 1859 г., что откажется от цензурования этих журналов, «пока они в руках Ив<ана> Серг<еевича>».[172] Конфликт возник из-за требования И. С. Аксакова подписать «задним числом» январскую книжку «Сельского Благоустройства» с «трудной» в цензурном отношении статьей князя В. А. Черкасского, отклоненной цензором Д. И. Наумовым. Гиляров в то время находился в отпуске в связи с постигшим его семейным горем (смертью двухлетней дочери Надежды) и необходимостью составить отчет о своей командировке за границу летом 1857 г. по изучению еврейского вопроса.

Аксаков настаивал, что содействие в срочной публикации важных материалов по крестьянскому вопросу — «гражданский долг» Гилярова. В этом Аксакова поддержал и Кошелев. Гиляров с горечью писал последнему: «Не слишком ли, драгоценнейший Александр Иванович, расширяется Ваше понятие о гражданском долге? Гражданский долг — выпустить известную статью месяцем раньше, а не позже, в первой непременно, а не во второй книжке! Гражданский долг — подписывать задними числами, — во время нарочно взятого отпуска, с оскорблением нового товарища <...>».[173] Поссорившись с Аксаковым, Гиляров в том же феврале 1859 г. принял бесповоротное решение, о котором сообщал Кошелеву в том же письме: «...к крайнему моему сокрушению, я не могу цензоровать “Беседу” и “Благоустройство”. Где нет нравственного доверия, где нет чувства уважения личного, там нечего иметь дело. Нечего иметь дело с человеком, когда он требует единственно *повиновения* к себе, и повиновения в самых возмутительных формах, без всякого уважения не только к личному положению человека, но и к правилам честности, которые тот хочет оставить за собой».[174]

Столь же ответственно Гиляров подходил к своим цензорским обязанностям всегда.

---

[171] Он, правда, подписывал к печати и обе последние книги журнала за 1860 г., но совместно со своими товарищами по Комитету: первую — с А. Н. Драшусовым (24 апреля 1860 г.), вторую — с А. Г. Петровым (31 декабря 1860 г.).

[172] Цит. по: *Шаховской Н., кн.* Годы службы Н. П. Гилярова-Платонова в Московском цензурном комитете, 1859 год // *РО*. 1897. Т. 48, дек. С. 499.

[173] ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 2 об.

[174] Там же. Л. 3. После отказа Гилярова от «Сельского Благоустройства» оно фактически сразу, на февральской книжке 1859 г., и прекратило свое существование.

1.5. ЦЕНЗОРСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НА РУБЕЖЕ 1850—1860-х гг.

Публицист Ф. П. Еленев, впоследствии видный чиновник Цензурного ведомства, вспоминал о Гилярове: «Это был человек цельный, не разделившийся на ся <*так*!>, не торговавшийся с своими убеждениями и совестью, видевший впереди только общую пользу, как он понимал ее, а не свои личные выгоды».[175] Поэтому не удивительно, что в марте 1862 г. его звали заведовать редакцией «Русского Вестника» М. Н. Катков и П. М. Леонтьев.[176] Они видели в Гилярове не «человека партии», а ценного сотрудника и помощника, обладающего широтой воззрений и самостоятельностью мышления.[177]

С 23 мая 1856 г.[178] по 11 августа 1862 г. Гиляров служил цензором Московского цензурного комитета, где снискал себе славу либерального чиновника-просветителя, находившегося в оппозиции к карательно-запретительной политике своего ведомства и руководствовавшегося интересами общественной пользы.[179] Об этом периоде он позднее вспоминал, что состоял цензором на самом переломе печати, когда от придирчивой, безумно-подозрительной цензуры правительство переходило к либеральным воззрениям на печать.[180]

В его ведении состояли (разновременно) такие журналы, как «Русский Вестник» М. Н. Каткова, «Школа Рисования» Д. М. Струкова, «Журнал Земледельцев» А. Д. Желтухина, «Ясная Поляна» Л. Н. Толстого, и газеты: «Московский Вестник» Н. Н. Воронцова-Вельяминова, «Промышленный Листок» М. Я. Киттары, «Русская Газета» С. А. Поля, а также почти вся славянофильская журналистика: «Русская Беседа» и «Сельское Благоустройство» А. И. Кошелева, «Молва» К. С. Аксакова, «День» И. С. Аксакова, «Акционер» Ф. В. Чижова.

---

[175] *Ф. Е. <Еленев Ф. П.>*. Черта из жизни Гилярова-Платонова // *РА*. 1887. Кн. III, вып. 12. С. 574. «...разделившийся на ся...» — евангельская реминисценция (Мф 12: 25; Мк 3: 24; Лк 11: 17). В синодальном переводе: «...царство, разделившееся само в себе...»

[176] См.: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 654. Л. 1—2.

[177] См. об этом также: *Федотова М. А.* Новый тип цензурного чиновника // Вопросы отечественной истории: Межвуз. сб. науч. работ мол. ученых. М., 1999. Вып. 2. С. 67—83.

[178] Вакансия открылась еще 27 марта 1856 г. в связи с кончиной князя В. В. Львова.

[179] См. подробнее: *Шаховской Н., кн.*: 1) Определение Н. П. Гилярова-Платонова на светскую службу // *РО*. 1895. Т. 35, сент. С. 110—116 (подпись: *Кн. Н. В. Ш.*); 2) Годы службы Н. П. Гилярова-Платонова в Московском цензурном комитете // *РО*. 1897. Т. 46, июль. С. 131—172; Авг. С. 712—771; Т. 47, окт. С. 716—783; Т. 48, нояб. С. 99—133; Дек. С. 497—529; 1898. Т. 49, янв. С. 98—132; Февр. С. 644—657; Т. 50, март. С. 52—69; Апр. С. 526—539; *Дмитриев А. П.* Н. П. Гиляров-Платонов и цензура: (Биобиблиографический обзор) // *Гиляров: ИМБР*. С. 96—130.

[180] *<Гиляров-Платонов Н. П.>*. Москва, 10 мая // *СИ*. 1884. 11 мая. № 126. С. 1. См. также: *Гиляров-Платонов Н. П.* Возрождение Общества любителей российской словесности в 1858 году: (Речь, читанная в публич. заседании Общества 7 декабря 1886 г.) // *Из пережитого*. Т. 2. С. 191—203.

Поначалу Гиляров хотя и был, как и все славянофилы, принципиальным сторонником свободы слова, однако, наряду с А. С. Хомяковым, все же видел на данном этапе развития общества необходимость в сохранении цензуры как воспитательного средства, ограждающего общество от нравственно вредной литературы, разжигающей «злое и недостойное чувство в читателе».[181] В 1859 г. Гиляров, подобно А. В. Никитенко и Ф. И. Тютчеву, составил свой проект либерального цензурного устава, большинство положений которого носило рекомендательный характер и подготавливало к будущей полной свободе книгопечатания.[182] Основу цензорской деятельности, по его убеждению, должно составлять глубокое осознание личного нравственного долга перед страной и народом, а не буквальное исполнение предписаний начальства. Гиляров выступал против административного произвола, сковывавшего развитие литературы. В этот период он писал одному из своих корреспондентов, давая нравственное обоснование цензуре и с государственной точки зрения, и с позиций «суда» своей совести: «...я не только уважаю свободу мнения, но даже иду в этом дальше, нежели кто другой. По моим понятиям, не только не должно насиловать чужого мнения, но даже никакое вполне образовавшееся мнение не должно насиловать чужого развития. Мнение есть капитал, развитие — труд. Безграничная свобода мнения, или, точнее сказать, безграничная свобода *проповедания* мнений среди миллиона неразвитых существ есть, в этом смысле, тоже своего рода насилие: насилие сильного над слабым, умственного капитала над умственным трудом, немногих привилегированных счастливцев над массой <...> я слуга государства, — идея которого, по моему мнению, должна быть — защита слабого перед сильным; и — слуга настолько, насколько собственно его требования согласны и с моими личными убеждениями. Лучше ли было бы, если бы я запрещал те или другие книги *только* потому, что государство мне это велит?»[183]

Гиляров часто оказывался в двусмысленной ситуации, поскольку друзья-славянофилы видели в нем, государственном чиновнике, осуществлявшем надзор над литературой, чуть ли не единственную компетентную силу, способную отстоять важные для них статьи. При этом он зачастую рисковал потерять место службы. Так, цензурование в 1857 г. «Молвы» доставило ему три административных взыскания Главного управления цензуры: 28 октября строгое замечание за пропуск статьи Я. Сахарова «О воспитании в духе народности» (№ 27 от 12 октября), 27 ноября постановку на вид за статью И. И. Железнова «Мысли казака о казачестве» (№ 32 от 16 ноября) и 23 декабря строгий выговор за статью К. С. Аксакова «Опыт синонимов. Публика — народ» (№ 36 от 14 декабря). Последняя публикация вызвала недовольство Александра II, и от увольнения Гиляров был спасен лишь своим покровителем графом Д. Н. Блудовым. Тут же,

[181] См.: *Хомяков А. С.* Полн. собр. соч. 3-е изд., доп. М., 1900. Т. I. С. 373.

[182] См. письмо Гилярова к Ф. И. Тютчеву от 13 декабря 1859 г. // ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 18.

[183] Цит. по: *Шаховской Н., кн.* Годы службы Н. П. Гилярова-Платонова в Московском цензурном комитете, 1856-й год // *РО*. 1897. Т. 46, июль. С. 162.

27 декабря, Гиляров вторично получил строгий выговор за разрешение для «Русского Вестника» (декабрь, кн. 1) баллады посредственного литератора князя Г. В. Кугушева «Дуняша: Легенда древних времен», затрагивавшей отношения помещиков и крестьян.[184] 26 ноября 1858 г. строгое замечание ему было объявлено за пропуск в печать объявления об издании газеты «Парус», в котором содержались сведения, отсутствовавшие в официально утвержденной программе этого издания. 21 июня 1861 г. Гиляров вновь получил строгий выговор — за разрешение статьи М. П. Погодина «Три вечера в Петербурге» в газете «Акционер» (№ 22 и 23 от 16 и 23 июня).

Важны инициативы Гилярова, способствовавшие либерализации цензуры и усилению ее нравственного влияния на общество. В конце 1857 г. по его донесению в Главное управление цензуры (в связи с изданием «Московской Медицинской Газеты») был сделан почин по освобождению медицинской периодики от особой цензуры медицинских факультетов. А 19 ноября 1860 г. его докладная записка о «книгах, спекулирующих на страсти известной части публики к неблагопристойностям»[185] и инициированные ею распоряжения Главного управления цензуры позволили поставить заслон порнографической литературе, выходившей под видом гигиенических и специально-врачебных пособий. Эта записка затрагивала вечно актуальный вопрос охранения общественной нравственности путем запрета порнографического чтива, мимикрирующего под учено-медицинские пособия, и Гиляров давал ему четкие дефиниции, например: «*По содержанию* все оные касаются непременно половых отправлений: говорят о соитии, о зачатии, об устройстве детородных органов или же об извращении половых чувств и о неумеренном их удовлетворении, как-то — об онанизме и любострастной болезни и т. п. К этому присоединяются иногда гигиенические наставления; но соображение духа всей книги дает обыкновенно понять слишком ясно, что не эти наставления составляют цель, для которой неизбежно допускаются неблагопристойности в описаниях, напротив, дабы иметь предлог дать публике эти неблагопристойные описания и прибавлены кой-какие, большею частию ничтожные, наставления».[186] Попытки беспринципных коммерсантов в период

---

[184] См.: *Норов А. С., Берте А. А.* Предложение председательствующему в Московском цензурном комитете от 27-го декабря 1857 года <о стихотворении «Дуняша»> / Публ. А. П. Дмитриева // *Гиляров: ИМБР*. С. 115—117. Гилярову как цензору наряду с издателем Катковым было поставлено в вину «совершенное отсутствие приличия и такта». Недопустимым был сочтен сам сюжет баллады, написанной четырехстопным анапестом: барин полюбил свою крепостную, дочь буфетчика Дуняшу, а та уже была помолвлена с коробейником Семеном. Девушку, не пожелавшую стать любовницей помещика, заперли во флигеле. Когда к ней как-то ночью пробрался Семен, влюбленных выдала старуха, приставленная стеречь девушку. Разъяренный барин убил обоих, но потом «не знал ни покоя, ни сна».

[185] См.: *Гиляров-Платонов Н. П.* Докладная записка от 19 ноября 1860 г. <о «безнравственных» книгах> / Публ. А. П. Дмитриева // Там же. С. 117—120.

[186] Там же. С. 117—118.

либерализации цензуры во второй половине XIX в. поставить изготовление такой книжной продукции на поток не могли не возмущать Гилярова. Так, в 1857 г. он запретил сочинение «Ревнивый муж и своенравная жена», полное «неблагопристойных намеков».[187]

Помимо периодики, через руки Гилярова прошло более 1100 книг и брошюр.[188] Он ставил себе за правило не пропускать лишь те рукописи, что содержали «неосмотрительные выражения» в адрес коронованных особ, нападки на веру, а также непристойности. Так, Гиляров запретил сочинения: «Путешествие к Святым местам» свящ. Ив. Лукьянова (для «Русского Архива»), «Коронация, или Торжество россиян 1856 г.» Вильгельма Скаретки и стихотворений (А. В.?) Тимофеева с упоминанием императрицы.[189] Позднее, правда, П. И. Бартеневу удалось найти более сговорчивого цензора, не обратившего внимания на «раскольничий дух» первой из названных рукописей и опубликовать ее под названием «Путешествие в Святую землю священника Ивана Лукьянова, московского жителя церкви Покрова Богородицы. 1711».[190]

Вместе с тем, без живого участия Гилярова проблематичным было бы осуществление в то время и ряда важных издательских проектов. К примеру, в начале 1857 г. он добивался, чтобы увидел свет не искаженный цензорскими вмешательствами текст «Горя от ума» и других произведений Грибоедова.[191]

Из цензора увлекающийся Гиляров нередко превращался в редактора и соавтора. 1 июля 1856 г. о необыкновенном цензурном чиновнике сообщал историк М. И. Семевский Г. Е. Благосветлову (предположительно, в связи с очередным изданием «Полной русской хрестоматии» А. Д. Галахова): «Руководство, написанное Галаховым, — как мне известно от него самого, — поступит в Мос-

---

[187] ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Д. 387. Л. 12.

[188] См.: *Федотова М. А.* Общественно-политические взгляды и деятельность Н. П. Гилярова-Платонова... Л. 74. См. отзывы Гилярова: ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 118, 119, 123; Оп. 3. Д. 2, 17, 20, 28, 32, 50, 78, 91, 99, 119, 140, 189, 214, 2167—2178; Оп. 5. Д. 367, 368, 371, 372, 374, 379—382, 387, 389, 390, 393, 399, 401, 411, 413, 420, 423, 425, 430, 432, 435, 436, 438, 439, 444—446, 461, 463, 464, 466, 467, 474, 475, 477—479, 520, 523, 525, 528, 533—535, 543—546, 548, 549, 558—561, 569, 570, 574. 576, 582—587, 593, 594; РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 195а, 216, 218, 225, 226, 228, 315, а также документ, опубликованный князем Н. В. Шаховским: Докладная записка в Московский цензурный комитет (июня 26 дня 1859 года) цензора Никиты Гилярова-Платонова: <Об издании книги П. В. Жадовского «Житейские сцены»> // *РО*. 1898. Т. 49, февр. С. 911—917.

[189] *Федотова М. А.* Общественно-политические взгляды и деятельность Н. П. Гилярова-Платонова... Л. 81 (со ссылками на документы ЦИАМ: Ф. 31. Оп. 5. Д. 466. Л. 16; Д. 367. Л. 58; Д. 368. Л. 11).

[190] *РА*. 1866. Вып. 1—5/6.

[191] См.: Доклад Гилярова Московскому цензурному комитету о разрешении к печати «Полного собрания сочинений Грибоедова» <от 8 февраля 1857 г.> // *РО*. 1896. Т. 42, нояб. С. 454—456. Князь П. А. Вяземский все же позволил тогда опубликовать комедию только в том виде, в каком она представлялась на сцене Императорских театров.

ковскую цензуру — к *Гилярову* (автору статьи о “Семейной хронике” Аксакова в “Русск<ой> Беседе”, т. 1, 1856 г.), который — по словам Алекс<ея> Дмитр<иевича> — весьма и весьма дельный человек, — и от коего он ждет — много ценных замечаний — насчет его колоссального труда. — Замечаниями, коими он не преминует воспользоваться».[192]

Летом 1857 г., цензуруя 6-томные «Сочинения и письма» Гоголя, Гиляров предлагал их издателю П. А. Кулишу текстологически проанализировать разрозненные записки и заметки писателя, сохранившиеся в его посмертных бумагах, чтобы воссоздать «нечто гармоническое, исполненное глубокого смысла» и «обставить замечаниями» эти реконструированные произведения.[193] Летом-осенью 1860 г. Гиляров столь же неформально отнесся к переведенному К. П. Победоносцевым сочинению немецкого теолога Г. В. Тирша «Христианские начала семейной жизни» (М., 1861): правил стиль, сам переписывал «неудобные» места или снабжал их подстрочными примечаниями.[194] Одновременно Гиляров цензуровал четырехтомное собрание сочинений И. С. Тургенева в издании Н. А. Основского, вышедшее в 1860—1861 гг. Именно благодаря Гилярову удалось провести через цензурные рогатки явно непроходной дополнительный эпилог романа «Рудин», в котором герой погибает на парижских баррикадах. Н. П. Генералова отмечает: «Гиляров-Платонов <...> конечно, рисковал, пропуская дописанный Тургеневым “революционный” эпилог романа “Рудин”, напечатанный впервые в этом издании» (в 4-м томе, вышедшем в октябре 1860 г.).[195]

При этом Гиляров нередко подвергал себя реальной опасности. Так, в 1856 г. он решился допустить к печати сочинение о положении России после Крымской войны, написанное молодым Ф. П. Еленевым (впоследствии секретарем председателя Редакционных комиссий графа Я. И. Ростовцева, затем видным чиновником Цензурного ведомства, не раз выручавшим Гилярова — издателя собственной газеты). Еленев благодарно вспоминал: «Этот человек готов был снова рисковать потерять службу, а следовательно, и средства к существованию единственно из-за того, что попавшее в его цензуру сочинение сходится с его убеждениями и могло быть, по его мнению, небесполезно для тогдашнего времени».[196]

В мемуарах «Из пережитого» сам Гиляров рассказывал, что «на свой страх» дал пропуск в печать книге доктора И. Я. Зацепина «Опыт сближения медицин-

---

[192] ИРЛИ. Ф. 274. Оп. 1. Ед. хр. 41. Л. 1004 об.

[193] См. об этом: *Шаховской Н., кн.* Памяти П. А. Кулиша // *РО*. 1897. Т. 44, март. С. 195—198, а также 15 писем Кулиша к Гилярову (1856—1857): РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 646. Л. 1—24.

[194] См. письмо Гилярова к К. П. Победоносцеву от 21 декабря 1860 г. (*Разумевающие верой*. С. 29—31).

[195] См.: *Генералова Н. П.* «Неизвестный» ответ Тургенева Чернышевскому: (О втором эпилоге романа «Рудин») // И. С. Тургенев: Новые исследования и материалы. Т. IV: К 200-летию И. С. Тургенева (1818—2018). М.: Альянс-Архео, 2016. С. 26.

[196] *Ф. Е. <Еленев Ф. П.>*. Черта из жизни Гилярова-Платонова. С. 571—572.

ских наук с верою» (М., 1858—1859. Ч. I—IV), не посылая ее, как должен был, на суд медицинской и духовной цензур, потому как счел ее вполне безобидной, хотя и «непроходимой» для упомянутых специальных цензурных ведомств.[197]

Вместе с тем Гиляров становился вполне исполнительным и строгим чиновником, когда дело касалось сочинений, которые, по его мнению, были вредны своим направлением. И это не могло не обижать литераторов, чьи произведения так и оставались в рукописях, погребенных в Цензурном архиве. Так, впоследствии историк и публицист А. А. Чумиков протестовал, не соглашаясь с распространенным мнением о Гилярове как «вполне либеральном цензоре», поскольку «в руках этого философа красный карандаш любил иногда как бы бессознательно прогуливаться по корректурным листам».[198]

Например, в 1858 г. Московский цензурный комитет утвердил предложения Гилярова — «не одобрять к печати» аморально-экстремистскую, на его взгляд, рукопись «Крестьянская печатная правда. Беседа крестьянина с крестьянами о новом улучшении житья-бытья» («может служить поводом к неосновательным толкам»); запретить печатать «Разговор русских людей на постоялом дворе в первый день 1858 г.» («заключает неприличные указания на злоупотребление помещичьей власти <...> может подать повод к превратным истолкованиям предпринятого преобразования и возбудить взаимные неудовольствия одного сословия против другого»).[199]

Однако в одном 1860 г., согласно Журналу заседаний Московского цензурного комитета, Гилярову «было сделано шесть строгих замечаний за разрешение напечатать в журналах “Вестник Промышленности” и “Русский Вестник” различных “непозволительных рассуждений” о правительственной деятельности и «насмешек» над чиновниками и администрацией».[200]

К середине 1861 г. на него уже было наложено 9 взысканий, он несколько раз оказывался на грани удаления из Цензурного ведомства. Заступаясь за него, председатель Московского комитета М. П. Щербинин писал министру народного просвещения графу Е. В. Путятину, что вполне убедился «в его благонамеренности, в его уме светлом, во взгляде его верном и быстром на предметы и в образовании его далеко не обыкновенном <...>».[201]

---

[197] *Из пережитого.* Т. 2. С. 62.

[198] *Чумиков А.* Мои цензурные мытарства // *РС.* 1899. Т. 100, дек. С. 599.

[199] ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Д. 399. Л. 42, 56 об.—57; цит. по: *Герасимова Ю. И.* Из истории русской печати в период революционной ситуации конца 1850-х — начала 1860-х гг. М.: Книга, 1974. С. 58.

[200] См.: ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Д. 435. Л. 31; Д. 436. Л. 24—24 об.; Д. 438. Л. 27—28; Д. 442. Л. 28—28 об.; Д. 443. Л. 21—21 об.; Д. 444. Л. 9—9 об.; цит. по: *Герасимова Ю. И.* Из истории русской печати... С. 109. Не все эти замечания были, однако, «строгими» в буквальном казенно-канцелярском смысле слова. Исследовательница называет Гилярова «наиболее либеральным цензором» того времени (см.: Там же).

[201] Цит. по: *Шаховской Н., кн.* Никита Петрович Гиляров-Платонов // *Сб. соч.* Т. I. С. XV.

К лету 1862 г. количество взысканий выросло до 15 (2 замечания, 5 строгих замечаний, 2 выговора, 3 строгих выговора и 3 раза поставлено на вид), Гиляров неоднократно оказывался на грани удаления из Цензурного ведомства. Впрочем, он был настроен оптимистически. Профессор Московской духовной академии П. С. Казанский в то время записал в своем дневнике: «*1862 г., февраля 19.* <...> Гиляров говорит, что месяца через три будет уничтожена цензура».[202]

С немотивированным бессмыслием цензуры как тормоза для полнокровной жизни страны Гиляров в этот период столкнулся и сам как автор и даже пострадал от своих же коллег. В марте 1860 г. он издал для представления в цензуру два печатных листа своего отчета по поездке за границу летом 1857 г. по изучению системы еврейского образования — под названием «В каком смысле могут принадлежать евреям права гражданства в христианских государствах: На основании сочинений Паулуса составил и собственными примечаниями дополнил Н. Г.» (М., 1860). Однако Главное управление цензуры, перестраховываясь, в апреле 1861 г. не допустило ее к печати, причем не потому, что существовали на сей счет какие-то специальные указания, а потому, что оно *пока не имело* правительственных указаний, в какой мере предполагается расширить права и свободы евреев в России, и не решалось инициировать общественное обсуждение этого вопроса.[203]

К началу 1860-х гг. взгляды Гилярова на цензуру претерпели изменение: он стал ее принципиальным противником. 21 ноября 1861 г. он так исповедовался графине А. Д. Блудовой в своих новых убеждениях: «Несколько раз сказал я слово “цензор”, “цензоры”, — и каждый раз меня коробит при произнесении этого слова: так опротивело мне одно воспоминание о моей несчастной должности, которая в настоящее время потеряла всякий смысл. Было время, когда порядочный человек мог идти в цензоры для того, чтоб помочь, разумеется — в известных границах, литературе и избавить ее от сторожей бессмысленных. Но теперь? — Теперь литература не скажу — свободна, но необуздан<н>а, как никогда. Нет сомнений, что если б у нас уничтожили совсем цензуру, литература в тысячу раз сделалась бы приличнее. Я в том убежден, как в собственном существовании.

Долой цензуру, дайте суд над книгопечатанием, какой-нибудь; обратите хотя цензурные комитеты в суды и сделайте jury * хотя из цензоров: вот единственное спасение. Этим развяжутся руки людям благонамеренным, той консервативной

---

[202] *А. А. Б.* <*Беляев А. А.*>. Недавнее прошлое по письмам современника // *ПО*. 1883. Т. II, июль. С. 504.

[203] См. подробнее: *Шаховской Н., кн.* Н. П. Гиляров-Платонов о евреях // *РО*. 1897. Т. 43, янв. С. 148—185; *Дмитриев А. П.* Цензура и еврейский вопрос в год освобождения крестьян: (Запрещенные книги Н. П. Гилярова-Платонова и А. Б. Думашевского по архивным материалам Главного управления цензуры) // Цензура в России: история и современность: Сб. науч. тр. СПб.: РНБ, 2011. Вып. 5. С. 125—143, а также главу 2.3.

* суд присяжных (*англ.*).

массе, которая у нас еще так многочисленна и так еще сильна, в которой много людей и мыслящих, и сильных умом, но которая теперь не смеет возвысить голоса, единственно потому что у нас есть цензура. Я не говорю о том, справедливо ли такое рассуждение консерваторов; но оно есть, оно — факт, и его надобно принимать в соображение».[204]

В марте 1861 г. Гиляров участвовал в собрании литераторов и издателей, которое состоялось по инициативе Н. Г. Чернышевского на квартире М. Н. Каткова, и высказал, по свидетельству сотрудника «Русского Вестника» Д. И. Каменского (позднее цензор), немало «практических мыслей» по отмене цензуры и замене ее гласным судом над книгопечатанием, а также сумел удержать «прения в пределах возможности, не дав им перерасти в бесплодный спор».[205]

Оказавшись в самой гуще литературно-общественной жизни рубежа 1850—1860-х гг., Гиляров сразу нашел доказательства своим убеждениям, что «человек, честно идущий по дороге, которую указывает ему искренняя любовь к просвещению, всегда может смело надеяться на сочувствие других людей просвещенных: наука образует между своими служителями особенную духовную связь, для которой не нужно ни предварительного знакомства, ни посторонних рекомендаций, ни других условий, которыми скрепляются обыкновенные связи».[206] Деятельное участие принял он в возрождении Общества любителей российской словесности, действительным членом которого был избран 10 ноября 1858 г. и в котором в 1859—1861 гг. исправлял обязанности члена Подготовительного собрания.[207] Общество фактически не действовало четверть века, по крайней мере с 1834 г., и позднее Гиляров стал основным биографом наиболее критического момента в его жизни — времени его «возрождения» в 1858 г., — в своем мемуарном очерке 1886 г.[208] 6 ноября 1860 г. в заседании Общества любителей российской словесности, посвященном кончине А. С. Хомякова, Гиляров произнес свою знаменитую речь «О судьбе убеждений», где не только вскрыл своеобразие философских воззрений Хомякова как «отражения начала любви в области отвлеченного мышления»,[209] но и глубоко обосновал трагизм духовного одиночества людей самостоятельной мысли и «истинного убеждения» (речь опубликована в последней, 2-й книге «Русской Беседы» за 1860 г.).

Любопытно, что тогда, в период слишком уже отчетливого идейного размежевания, Гиляров было пообещал дать и для «Русского Вестника» поминальную статью о Хомякове, но, по совету друзей-славянофилов, взял свое слово об-

---

[204] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 377. Л. 6—6 об.

[205] Письма к А. В. Дружинину (1850—1863). М.: Журн.-газ. об-ние, 1948. С. 141. (Летописи Гослитмузея; Кн. 9).

[206] Письмо к А. В. Никитенко от 6 января 1856 г. // Там же. № 18483. Л. 1—1 об.

[207] Подробнее об этом: *Клеймёнова Р. Н.* Общество любителей российской словесности, 1811—1930. М.: Academia, 2002. (О Гилярове — см. по Указателю имен.)

[208] См. об этом ниже, на с. 71, и в коммент. 212.

[209] *Сб. соч.* Т. II. С. 46.

ратно. М. Н. Лонгинову он писал 2 октября 1860 г.: «...есть такого рода оттенки убеждений, которых трудно избегнуть и в самом кратком некрологе, а потому *мне* написать решительно неприлично в “Р<усском> Вестнике” о Хомякове».[210] К изучению наследия Хомякова, которого Гиляров считал наиболее близким себе по основным мировоззренческим интуициям, он вернулся в начале 1860-х гг., осуществив перевод с французского его богословских брошюр, частично изданный в журнале «Православное Обозрение» (1863. № 10—11; 1864. № 1—2), и позднее помогая Ю. Ф. Самарину заново перевести эти брошюры для 2-го тома Полного собрания сочинений Хомякова (Прага, 1867).[211]

Как упоминалось, позже Гиляров выступил основным историографом этого периода в истории Общества, создав мемуарный очерк «Возрождение Общества любителей российской словесности в 1858 году (Речь, читанная в публичном заседании Общества 7 декабря 1886 года)»,[212] изобилующий многими важными подробностями. Статья была написана для юбилейного издания — «Учено-литературного сборника», приуроченного к 75-летию основания Общества. Были изысканы необходимые средства (2809,5 руб.) — доход от музыкально-литературных вечеров и выставки, посвященных Пушкинским празднествам 1880 г.; 19 октября 1885 г. создана редакционная комиссия в составе 5 членов Общества. Однако юбилейное издание так и не состоялось, а часть материалов, для него предназначавшихся, позже вошла в «Сборник Общества любителей российской словесности на 1891 год». Любопытно, что и его история оказалась непростой: отпечатанный еще в августе 1890 г., сборник был запрещен цензорами из-за статьи Ю. Ф. Самарина «Чему должны мы научиться?», которую пришлось вырезать.[213] Библиограф Д. Д. Языков писал об очерке Гилярова: «Эта “Речь” любопытна как важный материал для истории Общества любителей российской словесности <...> и как живая характеристика нескольких литературных деятелей, особенно Константина Сергеевича Аксакова, М. Н. Лонгинова и А. С. Хомякова. Кроме того, ее можно считать интересным продолжением автобиографических “Воспоминаний” Н. П. Гилярова-Платонова».[214]

С апреля по октябрь 1859 г. Гиляров, по поручению председателя Редакционных комиссий графа Я. И. Ростовцева, предпринимает грандиозный труд — составление, как он назовет его в своих мемуарах, свода «всему <...> писанному в русской печати о крестьянской реформе, всем статьям и всем мыслям каждой

[210] ИРЛИ. Архив М. Н. Лонгинова. Сигн. 23147. Л. 6.

[211] См. об этом подробнее в главе 3.8.

[212] Впервые опубл.: Сборник Общества любителей российской словесности на 1891 год. М., 1891. С. 139—152. Беловой автограф: ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 31. <№ 1>. См. комментированное переиздание: *Из пережитого*. Т. 2. С. 191—203, 456—472.

[213] См.: *Мендельсон Н. М.* Общество любителей российской словесности при Московском университете: Исторические записки и материалы за сто лет, 1811—1911. М., <1911>. Отд. I. С. 87—88; Отд. II. С. 149. Здесь автором статьи «Чему должны мы научиться?» ошибочно назван И. С. Аксаков.

[214] *Языков Д. Д.* Обзор жизни и трудов покойных русских писателей. Вып. 7. С. 21—22.

статьи».[215] Систематизация огромного количества разнообразных неупорядоченных материалов, если не забывать при этом о щепетильной добросовестности Гилярова, не могла быть закончена в установленные сжатые сроки. Поэтому беспримерный труд, извлечения из которого, показанные Ростовцеву, привели того в восторг, так и не был завершен и доведен до печатного станка.[216]

Тогда же Гиляров как перфекционист, питавший склонность к грандиозным проектам энциклопедического характера, где можно всеобъемлюще, системно объяснить жизненные явления во всех их взаимосвязях, задумал создание полного свода канонических и богословских законоположений и определений за всю без малого двухтысячелетнюю историю Церкви, благодаря которому осветилась бы вся религиозная жизнь человечества за огромный период. В мемуарах он писал об этом: «В молодые лета я составлял свод церковных законов. Десятки тысяч карточек своеручно исписаны были извлечениями из канонов, из богослужебных книг, из Полного собрания законов. <...> Это были внешне утомительные труды, но я с радостью садился за них, отдыхал на них, находил в них для себя гимнастику».[217] Бывший студент Гилярова (в 1848—1850 гг.), а потом его сослуживец по Московской духовной академии (в 1850—1853 гг.) протоиерей Г. П. Смирнов-Платонов участвовавший в этих занятиях, вспоминал: «...бывши долгое время домашним человеком в его доме, я более года занимался с ним разработкой такой темы, которую и теперь можно назвать мечтой. Профессору-мыслителю постоянно предносился в его широкой и живой мысли великий органический образ Православной Церкви, которому действительность, всегда идущая эмпирическим путем, далеко не отвечает. Он задумал: составить, на основании богословских и канонических начал, органическое начертание всей массы практических определений, обнимающих обширную область церковной жизни во всей ее разнообразной действительности. Задача, отсюда выходившая, может быть названа: *Свод церковных законов*, соответственный “Своду законов” Сперанского <...>. Мы начали с Н<икитой> П<етровичем> поверкой существующего законодательства, как церковного, так и общего, долго штудировали имевшиеся в изобилии при Академии материалы — памятники церковных правил и узаконений и “Полное собрание законов” с многочисленными дополнительными указами и распоряжениями правительства, рассылавшимися II Отделением по всем ведомствам и хранившимися в Моск<овской> академии в переплетах по годам. Мы писали содержание всех постановлений безразлично — действующих и исторических, на отдельных карточках, размещавшихся в отдельных картонках. Неисчислимое количество этих карточек было написано нами, по временам вместе с <И. В.> Беляевым; размещались они по главам,

[215] *Из пережитого*. Т. 1. С. 149.

[216] См. об этом подробнее: *Шаховской Н., кн.* Годы службы Н. П. Гилярова-Платонова в Московском цензурном комитете, 1859 год // *РО*. 1897. Т. 48, дек. С. 508—515.

[217] *Из пережитого*. Т. 1. С. 149. Многочисленные карточки сгорели вместе со всем архивом Гилярова в 1856 г. Сохранились 168 карточек с выписками из Книги правил, Полного собрания законов, богослужебных книг XVII—XIX вв.: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 287, 288.

отделам и частям; обозначались уже целые очертания, которые наглядно показали поразительное и поучительное несоответствие действительности и идеи, практики и закона, запроса и ответа, открылась масса непредусмотренного, требовавшего рано или поздно положительных решений законодательства, — объявились и такие главы, на которые имелось множество решений, представлявшихся при своде сбитыми и не проверенными, и такие, на которые не отыскивалось никакого ответа. Все это обещало плодотворность задуманного труда, возбуждало новое рвение».[218]

В этот же период Гиляров предлагает свой план реформирования всей системы начального образования в России. Он, таким образом, стоял у истоков создания церковноприходской школы. В конце декабря 1861 г. он написал «Записку о первоначальном образовании народа», как он ее сначала называл, и через графиню А. Д. Блудову подал ее императрице Марии Александровне. 3 января 1862 г. графиня ему сообщала: «Ваша записка об обучении народа была прочтена самому Государю, который ею очень доволен, разделяет Ваш образ мыслей и, как я достоверно узнала, твердо убежден, что в руках духовенства должно оставаться образование первоначальное».[219] В марте митрополит Филарет одобрил ее для напечатания в академическом журнале, где она и увидела свет (как там было принято, анонимно),[220] и с этого времени начинается заметное потепление в отношениях между двумя коломенцами. Через 25 лет, уже после того как в 1884 г. были Высочайше утверждены «Правила о церковноприходских школах», Гиляров спрашивал Романова-Рцы (16 ноября 1886 г.): «А знали ли Вы, что идея церковноприходских школ принадлежит мне; что об этом была мною подана записка (очень сильная) покойной императрице <...>?»[221] Еще в 1862 г. первая подобная школа была открыта в Москве по инициативе Гилярова, и на этом торжестве захотела присутствовать сама императрица.[222] Однако, как известно, современники считали идейное обоснование церковноприходского образования заслугой прежде всего К. П. Победоносцева и С. А. Рачинского.[223]

---

[218] *Смирнов-Платонов Гр., прот.* «Curriculum vitae»: Из области воспоминаний и мечтаний // *Смирнов-Платонов Гр., прот.* «Детская Помощь»: К читателям и сотрудникам. М., 1885. С. 40.

[219] Цит. по: *Шаховской Н., кн.* Н. П. Гиляров-Платонов как инициатор церковноприходской школы // *РО.* 1896. Т. 37, февр. С. 572.

[220] *ПкТСО.* 1862. Ч. 21. С. 165—180. Записка была перепечатана дважды при жизни Гилярова (см. коммент. 330 и 331 на с. 231). 1 января 1862 г. Гиляров писал графине Блудовой о своей Записке: «Читал я ее, между прочим, Филарету, и он был так доволен, что принимался несколько раз благодарить и в заключение спросил: нельзя ли бы ее напечатать?» (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 377. Л. 14).

[221] *Письма к Рцы.* С. 295.

[222] См.: *Романовский В., свящ.* Открытие церковноприходской Пятницкой школы в Москве, в присутствии Ея Императорского Величества Государыни императрицы Марии Александровны, 14 декабря 1862 года // *ДЧ.* 1863. Ч. I, февр. Изв. и заметки. С. 27—33.

[223] См. об этом подробнее в главе 3.9 на с. 419—420.

Тогда же в программной работе «Личное и общественное»[224] Гиляров сформулировал важнейшие принципы национальной социологии, взглянув на политический и экономический радикализм своего времени «с *восточной* точки зрения, с точки зрения христианской любви как основы социальной жизни».[225] Отвергая модные теории индивидуализма и коммунизма, Гиляров показывает, что между этими опасными крайностями, как между некими Сциллой и Харибдой, существует третий, имеющий религиозно-этическую подоснову, путь:

> «Жизнь есть подвиг, а не наслаждение.
> Труд есть долг, а не средство своекорыстия.
> Верховный закон междучеловеческих отношений есть всеотдающая себя любовь, а не зависть».[226]

Эту статью Гилярова (наряду с рецензией на «Семейную хронику» С. Т. Аксакова и работой «Рационалистическое движение философии новых времен») И. Аксаков включил в особую антологию «Russische Ideen», составленную из лучших материалов, опубликованных славянофилами в «Русской Беседе», «Сельском Благоустройстве» и других изданиях, и призванную познакомить западный мир с наиболее важными интерпретациями русской национальной идеи.[227] Этот замысел был реализован позднее Фридрихом Боденштедтом в двухтомнике: Russische Fragmente: Beiträge zur Kenntniß des Staats- und Volkslebens in seiner historischen Entwickelung. Eingeleitet und herausgegeben von Friedrich Bodenstedt. Leipzig: F. A. Brockhaus, 1862. В конце жизни Гиляров вспоминал об этом: «И. С. Аксаков в бытность за границей дает в переводе выдержки из одной принципиальной моей статьи, и, по его словам, она поразила ученых немцев, которые ее читали».[228] Не менее интересны в этом плане также статья Гилярова «Три партии: Общий взгляд на ход эмансипации в России», вошедшая в сборник «Три партии, мы на перепутье» (Берлин, 1860), и его (правда, незавершенное) исследование «Основные начала экономии» (М., 1889), изданное посмертно А. М. Гальперсон с вступительной статьей известного правоведа и политэконома И. Т. Тарасова, давшего высокую оценку этому труду Гилярова.[229]

---

[224] *Г—в Н. П. <Гиляров-Платонов Н. П.>.* Личное и общественное: (По поводу статьи г. Дубенского «Свобода и рабство». «Ж<урнал> З<емлевладельцев>. № 22) // *ЖЗ.* 1859. Т. VI, № 24. Отд. I. С. 411—438.

[225] *Шаховской Н., кн.* Годы службы Н. П. Гилярова-Платонова в Московском цензурном комитете, 1859-й год // *РО.* 1898. Т. 50, апр. С. 526.

[226] *Сб. соч.* Т. II. С. 28.

[227] См. письмо Ивана Аксакова к брату Константину от 3 апреля 1860 г., включающее план предполагаемого издания: *«Русская Беседа».* С. 304—309, а также главу 2.2.

[228] *Письма к Рцы.* С. 256 (письмо от 3 ноября 1886 г.). Подробнее см.: *Дмитриев А. П.* Жизнь есть подвиг или наслаждение?: Православная социология и «русская идея» в оценке «либерального консерватора»: Н. П. Гиляров-Платонов versus И.-К. Блюнчли // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2007. Т. 8, вып. 1. С. 104—116.

[229] Впервые: *Тарасов И., проф.* Н. П. Гиляров-Платонов как экономист // *РД.* 1890. 18 февр. № 5. С. 8—9.

В июле 1862 г. новый министр народного просвещения А. В. Головнин, даже не приискивая удобный повод, решил отстранить Гилярова от цензуры на том лишь основании, что «неприлично быть цензором человеку, находящемуся в дружеских отношениях с редакторами и участвующему в литературе».[230]

Гилярову было предложено стать чиновником особых поручений V класса при министре (Высочайший приказ по Министерству народного просвещения подписан 11 августа 1862 г.), и Гилярову ничего не оставалось делать, как согласиться. Всегда питавший склонность к трудоемким просветительским проектам, он начал было составлять по архивным документам историю Министерства народного просвещения.[231]

Кроме того, в конце 1861 г. в кризисном положении оказался «Журнал Министерства Народного Просвещения»: его материалы отличались слишком узкой специализацией и были скучны и малоинтересны читающей публике, избалованной острозлободневной журналистикой того времени. По поручению министра А. В. Головнина Гиляров изучил состояние дел и составил свою докладную записку.[232] По ее оформлению (отсутствие обращения, сугубо деловой тон, настойчивое требование пойти по самому неприятному для министра пути — изысканию дополнительных финансовых дотаций) видно, что Гиляров здесь несколько фрондирует.

Параллельно его уговаривали возглавить редакцию только учреждавшегося тогда официоза Министерства внутренних дел — газеты «Северная Почта» (1862—1868), предтечи «Правительственного Вестника». 20 октября 1867 г. он писал своему приятелю К. П. Победоносцеву: «Некогда я отказался от предложения быть редактором даже “Северной Почты”, журнала официального».[233]

Оба эти варианта были ему не по душе, поскольку превращали его в чиновника, строго следующего указаниям начальства и закрывали для него возможность творческого участия в обсуждении общественно-политических вопросов. К тому же неизбежен был переезд из Москвы в столь не любимый славянофилами Петербург. Однако от редактирования «Журнала Министерства народного просвещения» Гиляров, судя по всему, поначалу наотрез не отказался. В этом издании был «неофициальный отдел», участвовать в нем можно было пригласить талантливых авторов, которые заполнили бы страницы журнальных книжек «статьями дельными и занимательными». В упомянутой докладной записке он показывает пути, на которых можно было бы возродить ежемесячник. Одна-

---

[230] Письмо к графине Блудовой от 1 августа 1862 г.: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 378. Л. 10 об. Подробнее об увольнении Гилярова от должности цензора см. ниже, в главе 1.6.

[231] Сохранился план этого фундаментального исследования; он опубликован князем Шаховским: *Сб. соч.* Т. II. С. 141—147.

[232] См. подробнее: Как «издавать Журнал дельный и занимательный»: (Докладная записка Н. П. Гилярова-Платонова А. В. Головнину о «Журнале Министерства Народного Просвещения») / Публ. Д. А. Федорова // *Гиляров: ИМБР*. С. 609—613.

[233] *Разумевающие верой*. С. 60—61.

ко проект не получил финансирования.[234] Вероятно и то, что план модернизации журнала по подсказанной Гиляровым схеме (прежде всего путем увеличения гонораров сотрудникам) не устраивал министра. Дополнительные обстоятельства и время несостоявшегося назначения Гилярова редактором уясняются из его письма к директору Канцелярии синодального обер-прокурора Н. А. Сергиевскому от 18 января 1862 г. Он писал: «Вы спрашиваете о моем редакторстве. Оно кануло ко дну совершенно; Головнин не счел нужным согласиться с моею запискою, а думает обратить журнал в чисто и досконально официальный».[235] Докладная записка о «Журнале Министерства Народного Просвещения» свидетельствует о том, что Гиляров уже внутренне был готов возглавить крупный орган печати, с большим знанием дела он говорит здесь о мерах по увеличению подписки, об улучшении качества публикаций, о гонорарной политике и необходимости сделать издание «дельным и занимательным». Начиная с декабря 1867 г. он начнет применять этот опыт, накопленный в результате цензорского семилетия, на практике — в качестве издателя-редактора частной ежедневной газеты...

7 февраля 1863 г. Гиляров неожиданно для себя стал членом Комиссии по пересмотру проекта Устава о книгопечатании, причем Головнин, назначая его, призвал «стараться <...> изыскать средство к большему ограждению интересов литературы и ко введению большей законности вместо административного произвола».[236] Однако за месяц до этого П. С. Казанский записал в дневнике со слов близкого к Гилярову А. Ф. Кирьякова: «*1863 г., января 14.* <...> либеральный проект лопнул <...> Головнин нашел вредным для государства ту свободу печати, которую давал проект».[237]

Тем не менее, с 19 февраля по 18 мая Гиляров принимал участие в заседаниях Комиссии в Петербурге, где убеждал смягчить административные наказания, признав их временной мерой при переходе к преследованию печати исключительно по суду. Кроме того, он высказывался против права императора и министра закрывать издания и за создание коллегиального Совета, правомочного выносить подобные решения только после трехкратного осуждения направления печатного органа, что частично получило отражение во «Временных правилах о цензуре и печати» 1865 г. Поданное Гиляровым в Комиссию «Мнение о порядке административных взысканий» он позднее, только основав свою газету, опубликовал,[238] — в связи с вынесением газете И. Аксакова «Москва» вто-

---

[234] См. об этом письмо Головнина к Ег. П. Ковалевскому от 18 ноября <1861 г.> (ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Ед. хр. 26. Л. 2).

[235] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 479. Л. 2.

[236] Письмо А. В. Головнина к Гилярову от 29 января 1863 г. цит. по: *Шаховской Н., кн.* Никита Петрович Гиляров-Платонов. С. XXII. См. полностью: РНБ. Ф. 747. Ед. хр. 619. Л. 4—5.

[237] *А. А. Б. <Беляев А. А.>*. Недавнее прошлое по письмам современника. С. 511.

[238] *СИ.* 1867. 8 дек. № 7. С. 26—27. Отметим, что в архиве хранится и более пространный проект Гилярова 1863 г., озаглавленный «Об изменениях в Цензурном уставе» (ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 21. 86 л.).

рого предостережения. Тогда на публикацию Гилярова откликнулись редакторы «Московских Ведомостей», «Голоса», «Москвича» и других газет. В своих передовых статьях они напоминали правительству, что система административных предостережений вводилась как временная мера и по осуществлении Судебной реформы предполагалось внедрение судебной ответственности прессы. Чтобы нейтрализовать скандал, в официозе «Северная Почта» было помещено подробное обоснование системы предостережений как актуального орудия правительственной политики в сфере печати. Современная исследовательница в этой связи отмечает: «Таким образом, диалог полностью повторился почти 5 лет спустя, на этот раз публично, в печати, однако результат его остался прежним — возражения публицистов не были приняты во внимание».[239]

В 1863-м же году при обсуждении ряда вопросов Гиляров, по его признанию, «не соглашался, оставаясь с отдельным мнением». Он вспоминал позже: «Случилось, однако, что я отвергнул и провалил мнение, поданное одним моим товарищем по поручению министра,[240] при котором я состоял. Дня через три министр мне очень любезно объявил, что место мое, по случаю преобразования, должно остаться *за штатом*».[241] То есть Головнин остался недоволен независимым поведением Гилярова, и 1 июня 1863 г. тот был уволен.

1.6. ЦЕНЗОР И АВТОР ГАЗЕТЫ И. С. АКСАКОВА «ДЕНЬ» (1861—1865)

Друзья И. С. Аксакова (Ю. Ф. Самарин, князь В. А. Черкасский, Ф. В. Чижов, Гиляров, И. В. и И. Д. Беляевы и др.), принадлежавшие к тесному кружку славянофилов, разумеется, поддерживали его издательское предприятие — его первый многолетний личный орган — еще на стадии первоначального замысла, хотя и, в силу разных причин — главным образом ввиду исполнения административно-служебных обязанностей, — не всегда могли в нем активно участвовать как авторы.

Ю. Ф. Самарин уже на закате издания «Дня», тревожась за судьбу газеты, писал Аксакову из Парижа 5 января 1865 г. (24 декабря 1864 г.): «...балласта много, слишком даже много. Главный недостаток, мне кажется, в отсутствии определенной программы. Надобно бы, помимо того материала, который будет подвертываться сам собою, составить как бы смету на целый год вперед, то есть

---

[239] *Кругликова О. С.* Н. П. Гиляров-Платонов как журналист и издатель // Учен. зап. Казанского ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2016. Т. 158, кн. 4. С. 1017.

[240] Помимо Гилярова, от его Министерства членами Комиссии для разработки проекта Устава о книгопечатании стали И. Е. Андреевский и Е. М. Феоктистов. Возможно, однако, что речь идет о В. Я. Фуксе, настаивавшем на внесении в проект Устава о книгопечатании ряда положений полицейско-запретительного характера (см.: *Никитенко А. В.* Дневник: В 3 т. М.: Захаров, 2005. Т. III. С. 32—33, 57, 63, 66, 74).

[241] Письмо Гилярова к А. С. Суворину от 29 октября 1872 г. цит. по: *Из пережитого. 2009*. Т. 1. С. 211.

формулировать несколько крупных положений по главным вопросам: о церкви, о воспитании и т. д. и проводить их последовательно. Знаю, что это нелегко, особенно при отсутствии сотрудников. А что делает Гиляров?»[242]

Гиляров в тот период (с 20 августа 1863 г.) служил управляющим Московской Синодальной типографией и уже не принимал деятельного участия в «Дне». С первых же номеров издания он имел к нему самое непосредственное отношение — и как автор статей на самые разные темы, и как цензор.

Известно, что во второй половине 1850-х — начале 1860-х гг. славянофилы, замышляя свои издательские проекты, делали особую ставку на Гилярова — как своего человека в Цензурном ведомстве. Он курировал все их проекты, а когда вынужден бывал от них отказываться, все ж мог как-то влиять на своих коллег-цензоров. Он и удерживал своих единомышленников-редакторов от ненужной запальчивости и других необдуманных шагов, вызывающих на себя цензурный огонь и вредящих общему делу.

Что касается «Дня», то такая роль советчика определилась за Гиляровым задолго до выхода первого номера — в период написания Аксаковым «Объявления об издании газеты "День"».[243] Аксакову хотелось здесь не просто перечислить пункты официальной программы будущего издания, утвержденной Цензурным ведомством, но дать нечто вроде манифеста, где в эмоциональном ключе провозгласить принципы славянофильской газеты, в которой остро нуждается пореформенная Россия. Не согласившись с доводами-уговорами Гилярова, справедливо опасавшегося, что Аксаков заранее вооружит против себя своих сановных недоброжелателей, тот обратился за поддержкой к другому московскому цензору — А. Г. Петрову, который благодушно одобрил «Объявление». Гиляров в августе 1861 г.[244] пишет другу письмо, где упрекает его за наивные надежды: «Вас соблазняет то, что Петров так мало заметил в Вашей программе»[245] — и дает дельные советы: «Целый день я обдумывал программу для "Дня", и думаю, можно бы было написать ее дипломатически. <...> Мне кажется, что я нашел *mezzo termine.* * Вы должны пожертвовать значительно; но не безвозвратно, — успеете сказать то же в газете. Программа, однако, останется та же; и воля Ваша, мне кажется, будет даже лучше, т. е. будет программой, а не возбуждением. *Все* мысли останутся; но лирический восторг снимется».[246] И далее подробно, по отдельным абзацам Гиляров расписывал конкретные рекомендации: что снять, а что, переделав, оставить. Так и получилось: Аксаков в основном принял предложенные ему изменения, а позднее переработал начальный вариант своего объявле-

---

[242] *Переписка Аксакова и Самарина*. С. 209.

[243] Впервые опубл.: *МВед.* 1861. 3 сент. № 192. С. 154. В конце: *Издатель и редактор Иван Аксаков*.

[244] Письмо не датировано. Месяц и год установлены по содержанию.

[245] ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 1.

* среднее между крайностями (*итал.*).

[246] ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 1—1 об.

ния в передовицу для первого номера “Дня”».[247] Однако и исправленный текст объявления не избежал недовольства надзорных органов и даже вызвал переписку между Главным управлением цензуры, усмотревшим отступления Аксакова от ранее объявленной и утвержденной программы,[248] и Московским цензурным комитетом. В итоге цензоры Первопрестольной получили указание о строжайшем надзоре за газетой «День». Бывший в это время в Москве государственный секретарь В. П. Бутков обращал внимание председателя Московского цензурного комитета М. П. Щербинина на необходимость «усугубления надзора» за газетой Аксакова и «в особенности за статьями по крестьянскому делу».[249]

Советами Гилярова, пожалуй более нежели советами других друзей, пользовался Аксаков и в дальнейшем: тот как москвич всегда был рядом, к тому же через него по роду его цензорской деятельности проходили все материалы редакционного портфеля. Характерный пример. Ф. Ф. Воропонов, сотрудник редакции «Дня», возглавлявший одно время «Областной отдел», вспоминал: «К современным заботам малорусов о развитии своего языка отношение московских литературных кругов тогда еще не вполне определилось. Только Катков успел уже высказаться неприязненно, а Аксаков еще собирался обстоятельно разобраться в этом деле по существу или сам, или через своего сотрудника Гилярова-Платонова <...>».[250] Тут показательно и то, что цензор газеты назван *сотрудником,* в другом месте мемуаров — «одним из ближайших сотрудников»[251] (при том, что участие Гилярова как автора газеты было незначительным и негласным, поначалу он публиковался под криптонимом Р. С. Т.), и особенно то, что именно на Гилярова возлагались такого рода доверительные и непростые просьбы-поручения по разработке будущего курса редакционной политики.

Да и сам Аксаков неоднократно признавался, как высоко он ценит мнения Гилярова о своих материалах. Так, напечатав первые четыре статьи из «цикла об обществе» и спрашивая Самарина, что тот о них думает, Аксаков в письме от 22—23 марта 1862 г. отмечал: «Одно меня ободряет, что Гиляров *очень* ими доволен, особенно статьей 22<-го> и еще особеннее статьею 24 №».[252] В том же марте 1862 г. Аксаков писал В. А. Елагину, посылая ему просмотренное Гиляровым его открытое «Письмо к редактору по поводу статьи г. Грабовского»:[253]

---

[247] *<Аксаков И. С.>*. Москва, 14-го октября // День. 1861. 15 окт. № 1. С. 1—2. В посмертной републ. редакционное назв.: «Возврат к народной жизни путем самосознания» (*Аксаков.* Т. II. С. 3—7).

[248] В письме к Ю. Ф. Самарину от 22 сентября 1861 г. Аксаков так отреагировал на эти, действительно, нарочитые придирки: «Какая зоркая бдительность и враждебность!» (*Переписка Аксакова и Самарина*. С. 110).

[249] Там же. С. 109.

[250] *Воропонов Ф.* Сорок лет тому назад: По личным воспоминаниям // *ВЕ.* 1904. Кн. 7. С. 12—13.

[251] Там же. № 8. С. 445.

[252] *Переписка Аксакова и Самарина*. С. 122.

[253] День. 1862. 24 марта. № 24. С. 5—10.

«Гиляров с своей стороны находит, что излишняя деликатность у Вас затемняет несколько мысль, что если бы читатель вначале знал, что Вы хотите доказать, так он бы с интересом следил по всему лабиринту этого вопроса за Вами; теперь же он все время находится в каком-то недоумении, потому что вывод отодвинут слишком далеко. Я этого не нахожу, но, может быть, и действительно, Вы уже слишком расшаркиваетесь пред ополячившимся "благородным" туземцем. Имейте в виду не одного г. Грабовского, но целый край угнетенной в духовном смысле русской народности, — ищущей опоры себе в литературе, нуждающейся в подъеме (Белоруссия, напр<имер>)».[254] (Тут важно, что Аксаков передает Елагину даже те рекомендации Гилярова, с которыми сам не согласен, — настолько велико к нему его доверие.) Тому же адресату 2 июня 1862 г. Аксаков сообщал об отправленном им 30 мая на Высочайшее имя письме о том, почему он не может открыть имя корреспондента (К. С. Еленевского), из-за чего вскоре будет приостановлен «День», и снова выделял среди тех, с кем советовался, именно Гилярова: «...написал целое объяснение, почему вынужден явиться как бы ослушником воли Государя, — и отдаюсь на правосудие Государя, на воззрение которого прошу повергнуть мой ответ. Все, которым я читал (включая и Гилярова), говорят, что если объяснение дойдет до Государя, то он, как честный человек, если и подвергнет какому-нибудь взысканию, но не запретит газеты. Вот жду, чем это кончится».[255]

Безусловно, Аксаков не мог не ценить Гилярова и как ценного сотрудника-единомышленника, и как «своего среди чужих». Он писал графине А. Д. Блудовой 10—11 декабря 1861 г.: «Если бы Вы знали, что за состав у нас цензуры: один другого гаже и пошлее. Без Гилярова они хуже тупоголовых баранов, а тут на беду и Щербинин занемог! И русская литература, произведения ума, таланта, вдохновений и усиленных трудов в руках невежд и пошляков — невообразимых, трусов-наемников! Что может быть развратнее этого! Да этого одного достаточно, чтоб разрушилось Царство! Нет греха страшнее, как посягательство на свободу мысли и совести человеческой. Он вызывает ужасные наказания!»[256]

Однако эта ситуация была весьма неблагоприятной для карьеры Гилярова: становясь цензором газеты, к которой привлечено особенное, и зачастую недоброжелательно-пристрастное, внимание правительственных кругов, он сам оказывался под подозрением как неблагонадежный чиновник, потакающий приятелям-славянофилам. Все осложнялось и неуступчивостью Аксакова, требовавшего от него самоотвержения в служении сначала «Русской Беседе» и «Сельскому Благоустройству», а затем и «Дню».

---

[254] ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 17. Л. 22—22 об.

[255] Там же. Л. 4 об., 3.

[256] *Аксаков в письмах*. Т. III. С. 379; пунктуация уточнена по автографу: РНБ. Ф. 78. Ед. хр. 22. Л. 49 об. Сенатор Михаил Павлович Щербинин (1807—1881) в 1860—1865 гг. возглавлял Московский цензурный комитет.

Как непреклонен бывал Аксаков в достижении своих целей (когда это касалось газеты) свидетельствует его записка, которую можно датировать концом 1861 г. Адресована она Гилярову и отличается необыкновенно грубым тоном:

> «Чорт Вас возьми совсем, скоты вы все и более ничего! [Кости] Хрящи в вас, а не кости, не кровь, а парное молоко! И вы еще имеете дерзость хвастаться. Если это делать, так надо было вчера делать. Зачем вы вчера не заехали тотчас ко мне от Щербинина? Щербинин утром был совсем расположен пропустить. Что ж Вы не поддержали? Да сотворивши такую гнусную штуку, Вы должны были бы тотчас сами приехать и объясниться. [Подлость] Вы отвратительны просто.
>
> И. А.
>
> Я не посылаю к Делянову. Такие статьи теряют всякое свое значение, печатаемые по Высоч<айшему> повелению! Вы мне ее подпишете завтра или [мы с Вами не знакомы] я прекращаю газету».[257]

О какой именно статье идет речь, не вполне ясно (возможно, о передовой в № 5 от 11 ноября). Нервные строки с нажимом и необычно обильные вычерки подтверждают отзыв Ф. Ф. Воропонова об Аксакове-редакторе: «Это был человек, полный внутренней кипучей энергии, большой инициативы, исключительной искренности <...>».[258] Однако разрывать отношения с Гиляровым Аксаков не хотел: даже в порыве гнева он, ультимативно потребовав дать цензорское разрешение на публикацию статьи и пригрозив («или мы с Вами не знакомы»), тут же меняет необдуманную фразу на другую, прямо не затрагивающую отношения с другом, однако косвенно делающего его виновником возможного крушения общего дела («или я прекращаю газету»).

Обычно третейским судьей в этих трениях между редактором и цензором становилась графиня Блудова, дружившая с обоими приятелями и в этот период особенно активно переписывавшаяся с ними. Аксаков с друзьями, пользовавшиеся ее великосветскими связями, подчас оценивали ее иронически. Так, в декабре 1861 г. князь В. А. Черкасский упоминал в письме к Аксакову «старика Блудова и добрую, но бестолковую Антонину Дмитриевну».[259] Почти всегда она брала сторону Гилярова. Уже после выхода 5-го номера газеты, 19 ноября 1861 г., она передавала ему настоятельный совет графа И. Д. Делянова: «Это иметь духу отказаться от цензуры газеты “День”. В Вашем положении, под угрозою отставки, и с неимоверным упрямством Ивана Сергеевича, который никого не слушается и пустился опять на выходки, Вы рискуете слишком много; и я должна сказать,

---

[257] ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 13. Л. 39. Граф Иван Давыдович Делянов (1818—1897), в 1861 г. ставший директором Публичной библиотеки и членом Главного управления цензуры, оказывал покровительство московским славянофилам (в частности, в начале 1856 г. он вместе с графом Д. Н. Блудовым способствовал назначению Гилярова на цензорскую должность). Позднее, в 1866—1874 гг., он занимал пост товарища министра народного просвещения, а с 1882 г. — министра этого ведомства.

[258] *Воропонов Ф.* Сорок лет тому назад: По личным воспоминаниям // *ВЕ*. 1904. Кн. 7. С. 39.

[259] ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. Ед. хр. 672. Л. 35.

что меня смущает эгоизм Ив<ана> Серг<еевича>, который так торжественно обещал нам в сентябре месяце непременно отстранить Вас от цензуры своей газеты, а потом именно от этого сумасбродного 5 №[260] достал Вашу подпись! Имейте дух отказаться, у Вас семейство, которое Вы обязаны беречь, а Иван Сергеевич не хочет беречь ни себя, ни свое дело, ни всех тех, которые за него распинались. Это все такое ребячество, что было бы жалко, если б не было опасно для Вас, которому нужна служба, и для самого влияния тех добрых и справедливых начал, которые не должны быть бросаемы на произвол всякого "Современника" или "Русского Слова" и их гнусной клеветы. Дай Бог, чтоб сегодняшний № 6 был более осторожен и особенно лучше и яснее написан, чем передовая статья № 5, которую для литературной репутации самого Ивана Сергеевича Вы бы не должны были пропустить. Я не могу выразить, до какой степени меня опечалил Иван Сергеевич».[261]

Следующий острый конфликт между Гиляровым и Аксаковым был вызван самовольной републикацией последним статьи брата Константина «Краткий исторический очерк Земских Соборов»,[262] правда с подстраховочным подзаголовком «Полное собрание сочинений К. С. Аксакова, т. 1. Сочинения исторические. Москва, 1860 г.», который должен был усыпить бдительность цензуры. 7 января 1862 г. Гиляров возмущался в письме к графине: «Что это, в самом деле, Аксаков творит? Когда цензировал я сочинения его брата, я долго не решался пропускать некоторых статей, и продержал книгу целые семь месяцев; статей, подобных напечатанной в "Дне", я не пропустил в полном виде даже для полного собрания сочинений, в начале книги. Статью, перепечатанную теперь в "Дне", я пропустил некогда только потому что она назна<ча>лась в *середину* книги, и притом была весьма благоприятно обставлена. Все это Аксаков очень хорошо знает и несколько раз от меня слышал об этом, и вдруг — изволит *без цензуры* перепечатать эту статью в газету, да еще с разными примечаниями. И выдернул именно самую опасную статью о Земских Соборах, а не ту статью о том же предмете, которая напечатана рядом и где говорится о неограниченной власти Государя. Стыдно ему!»[263] Очевидно, что Аксаков неплохо изучил своего цензора и заранее знал, что тот не одобрит подобного шага. Это подтверждается в том же письме Гилярова: «Я этой статьи для "Дня" ни за что не пропустил бы, основываясь на известном правиле: "что́ возможно в ученой книге, то не всегда возможно в газете, и притом в отрывке". Он это хорошо знал, и поэтому напеча-

[260] Имеется в виду прежде всего вышеупомянутая передовая статья Аксакова в этом номере «Дня», начинавшаяся словами: «Что бы ни говорили о современном состоянии нашего общества, сколько бы сходства не представляло оно с гниением разлагающегося трупа, но при всем том везде и отовсюду чутко чувствуется и слышно, слышится животворное влияние свежего вольного воздуха» (*Аксаков*. Т. II. С. 15—21; под назв. «Доктрина и органическая жизнь»).

[261] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 592. Л. 11—12. Копия князя Н. В. Шаховского.

[262] День. 1862. 6 янв. № 13. С. 3—5.

[263] РНБ. Ф. 78. Ед. хр. 26. Л. 3.

тал без цензуры, и велел даже разослать №, не дожидаясь билета, в надежде, что, так как дело сделано, то ему уступят. Но пусть он извинит меня: билета я не выдам, и не я виноват буду, когда типографщик пойдет под уголовный суд».[264] И далее: «Просто стыдно, нехорошо ему! Добро бы он не знал, что всякая статья, для второго издания, должна вновь цензироваться; добро бы он не знал, что подобных статей я не пропускал даже для полного собрания сочинений, в начале книги. Подобные статьи безопасны именно только в середине ученой книги, в связи со всем воззрением, и когда, поэтому, читаются совершенно спокойно. А отрывочно выдернутая такая статья действует только на страсти, не давая притом ясного понятия о деле».[265]

Графиня А. Д. Блудова полностью приняла сторону Гилярова: «Все, что я могу сказать, — это что он enfant terrible * опять и что, кажется, у него в семействе его подстрекают из той неограниченной любви друг к другу, которая составляет и достоинство, и недостаток в их семейной жизни. Но у него так много благородства и таланта, что, быть может, он когда-нибудь хватится, что разные уловки и литературное *удальство* не суть совершенно нравственный образ действий. Я сама нахожу, что для ограждения памяти Конст<антина> Серг<еевича> от нападений за неясность и ребячество гражданских понятий, котор<ые> последуют непременно за этой статьей его во всех журналах, — уж для этого не надобно было печатать ее, а *без первой статьи* и подавно».[266]

На волновавший Гилярова вопрос: «Сильно ли кричат об этой статье в Петербурге? Это важно знать для того, что, как я сказал, мы не выдадим билета на выпуск газеты в свет до тех пор, пока не успокоимся, что статья прошла благополучно»,[267] — Блудова ответила успокаивающе: «Боюсь очень за эту статью, но до сих пор еще несколько шум поднят от передовой статьи (о дворянстве),[268] потому-то он совершенно огражден и нечего бояться».[269] Но в следующем письме, от 17 января, она сообщала о серьезной опасности, нависшей над «Днем» из-за статьи о Земских Соборах: «Решительно один Головнин спас журнал от запрещения и Вас всех от окончательной беды; строгий выговор за такую статью, как Земские Соборы, следовало <дать> по всей логике здравого смысла, там, где существует какая-нибудь цензура! Христа ради не пропускайте больше *ничего* ни о Дворянстве, ни об Земских Соборах и пересылайте сюда».[270]

В письме Гилярову от 9 января Блудова осудила приемы борьбы Аксакова с Цензурным ведомством как безнравственные, поскольку рикошетом от них

---

[264] Там же. Л. 3 об.

[265] Там же. Л. 3 об.—4.

* несносный ребенок (*фр.*).

[266] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 592. Л. 14. Копия князя Н. В. Шаховского.

[267] Там же. Ф. 78. Ед. хр. 26. Л. 4.

[268] См. об этом, например: *Бадалян Д. А.* Статьи И. С. Аксакова о дворянстве в газете «День» (декабрь 1861 г. — февраль 1862 г.) // *«День» Аксакова.* Ч. 1. С. 39—51.

[269] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 592. Л. 14.

[270] Там же. Л. 16. Копия князя Н. В. Шаховского.

страдали и другие люди, в частности Гиляров, и в конце концов славянофильское дело в целом. Скорее всего, она говорила об этом и в лицо самому Аксакову, находившемуся в то время в Петербурге, а Гилярову писала: «Я была очень рада видеться с Иваном Сергеевичем, и видеть его таким бодрым и неунывающим, но мне *просто больно* от его воззрений в отношении к цензуре. В человеке таком чистом, прямодушном и правдивом — такая безнравственная черта наводит глубокую грусть. Что же это за состояние *общественного духа*, где такие люди, как Иван Сергеевич, могут так криво смотреть на самые простые вещи? Дай Бог нам всем свет истинный».[271]

7 февраля Блудова в письме к Гилярову развивала свой взгляд на Аксакова-редактора, упрекая того в эгоизме (возможно, в связи со спорами о передовой статье Аксакова для № 17 от 3 февраля, — было заготовлено два варианта, но оба запрещены цензурой[272]): «Как-то сошло с рук генеральное сражение Ваше с Иваном Сергеевичем? Знаете ли, что он меня приводит в отчаяние! Не могу понять, как такой честный человек может прибегать к таким средствам обмана и насилия с цензором и *как* такой умный человек не понимает, что нужно всякой наводняющей реке дать время разлива, отлива и, наконец, возврата в свои берега, а не спешить засевать поле, когда оно еще под водой. / Надобно дать *забыть про себя*; а его самолюбие никак не может на это согласиться. Это малодушие непостижимо для меня в человеке, преданном делу своему и дорожащему своими убеждениями. Мне часто приходит на ум сомнение: “Уж нет ли тут недостатка любви, неясности убеждений? Уж не повторяет ли он какой-то самосозданной обязанности, убеждения любимого человека, которых он в душе не разделяет?”».[273]

В переписке Гилярова с Блудовой отражены и некоторые другие его столкновения с Аксаковым в конце 1861-го — первой половине 1862 г.; писем же этого периода между Гиляровым и Аксаковым, помимо цитированных выше, не сохранилось, да вполне вероятно, что их и не было, поскольку друзья тогда встречались чуть ли не ежедневно и на месте разрешали возникавшие вопросы.

Справедливости ради следует сказать, что с самого начала цензурирование «Дня» было коллективным и цензоры постоянно перетасовывались:

№ 1—3, 5—7: Гиляров и А. Г. Петров;

№ 4: Гиляров, И. И. Бессомыкин и И. В. Росковшенко;

№ 8, 9: Петров и Я. И. Прибиль;

---

[271] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 592. Л. 15.

[272] Предназначенные для этого номера передовые статьи были представлены министром народного просвещения А. В. Головниным Александру II в писарских копиях к сведению и сохранились в подшивке рукописных Всеподданнейших докладов: Там же. Ф. 208. Ед. хр. 98. Л. 50—57 об., 59—64 (обе статьи подготовлены к публикации во 2-м томе Собрания сочинений И. С. Аксакова в 12 томах. СПб.: Росток, 2018). Частично сохранился цензорский вариант автографа одной из статей: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 55. Л. 34—34 об.

[273] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 592. Л. 20—21. Копия князя Н. В. Шаховского.

№ 10, 11: Прибиль;
№ 12: Гиляров и Прибиль;
№ 13—31: Гиляров и Бессомыкин.

С № 32 от 19 мая имена цензоров не указывались (это было запрещено Именным указом от 5 мая «О форме означения цензурного одобрения в книгах и периодических изданиях»[274]).

Однако Гиляров, как видим, в этот начальный и наиболее сложный период издания «Дня» оставался основным его цензором. Когда Аксаков только приступил к формированию первого номера, прохождение материалов через такие цензурные рогатки превращалось для редактора в мучительное действо. Он живописал этот процесс в письме к Блудовой от 4 октября 1861 г.: «Вообразите, что каждую статью читают сначала *порознь*: Гиляров, Петров и Щербинин. Потом она же, статья, рассматривается ими на конференции, состоящей из этих трех господ. Обыкновенно цензор Петров, недовольный снисходительностью Гилярова и Щербинина, требует, чтобы эту же статью рассмотреть вновь в полном составе Цензурного Комитета. Узнавши об этом, я сам отправляюсь в Цензурный Комитет и там, у дверей Комитета, — усаживаюсь — и жду. Двери беспрестанно растворяются, члены выходят в приемную и конфузятся, видя меня и зная, что не уйдут от объяснений со мною. Это действует, и несколько статей, забракованных на конференции, пропущено таким образом. Но сколько времени теряется, сколько крови портится!»[275]

---

[274] Причина появления такого распоряжения была указана в его тексте (цитируем в связи с малоизвестностью этого документа): «Государь Император, имея в виду, что статьи в периодических изданиях и сомнительные места в книгах разрешаются весьма часто не одними цензорами, но или председателями цензурных комитетов, или комитетами, или министрами и главноуправляющими отдельными частями, в 5 день сего мая Высочайше повелеть соизволил: впредь не печатать в книгах и периодических изданиях имен цензоров, одобривших оные, а печатать одобрение по следующей форме: “Одобрено цензурою: число, месяц, год и место”» (цит. по: РГИА. Ф. 1286. Оп. 52. Д. 27. Л. 3). Однако это была лишь благоприличная завеса, скрывавшая куда более серьезные резоны. Незадолго до издания указа товарищ министра внутренних дел А. Г. Тройницкий получил письмо от генерал-майора Свиты Его Императорского Величества князя А. В. Оболенского (московского губернатора в 1861—1866 гг.), датированное 2 мая 1862 г., следующего содержания: «При существовании предупредительной цензуры в Царстве Польском, принято правилом, что имя цензора, пропускающего статью, не печатается, а только означается: “одобрено цензурою”. / Полагал бы полезным ввести это правило повсеместно. / Опубликование имени Цензора ставит его в фальшивое положение; исполняя с полною добросовестностию свою обязанность, он прослывет за отъявленного гасильника; а кто может поручиться, что иногда статьи, неминуемо подлежащие запрещению, не будут пропускаемы для приобретения популярности и в надежде на общественную признательность подобных Цензору Фон-Крузе в Москве» (Там же. Л. 1—1 об.).

[275] *Аксаков в письмах*. Т. III. С. 352—353; уточнено по автографу: РНБ. Ф. 78. Ед. хр. 22. Л. 14 об. См. о том же в письме Аксакова к Н. С. Соханской от 20 ноября 1861 г.: *Переписка Аксаковых и Кохановской*. С. 128—129.

Но уже тогда Гиляров тяготился этой должностью и через Блудову[276] и других петербургских покровителей приискивал себе другое место службы (рассматривались многие варианты, где возникала вакансия: редактора «Журнала Министерства Народного Просвещения», директора Синодальной канцелярии, университетского профессора философии; 20 августа 1863 г. он занял пост управляющего Синодальной типографии в Москве).

По большей части безуспешные попытки влиять на общественное мнение в течение пяти лет интенсивнейшей литературной работы (сопряженной с зачастую бессмысленными цензурными ограничениями) поставили Гилярова на грань духовного кризиса. Он даже начал думать, что призван скорее к административно-распорядительной деятельности, нежели к умственной, писательской. Он исповедовался И. Аксакову в письме от 28 января 1860 г.: «О себе не имею сказать Вам ничего особенного. Скучно что-то. Какое-то тупое чувство по отношению ко всему засаживается в меня: ни горя, ни радости, ничего... Одно только скажу, что все более и более уверяюсь я, что стою совершенно на ложной дороге; что мне совсем не следовало бы быть писателем, что мыслителем быть вовсе не кстати; что я рожден совсем, кажется, к другому. Мне кажется, я был бы хорошим администратором или полезным конторщиком. Мысль эта уже десять лет сидит во мне, а теперь в особенности становится жива, когда улегаются юношеские порывы и естественные *Anlagen* * в особенности становятся ясны. Да, не перестать ли совсем писать? Не исполню ли, может быть, я этим лучше долг к самому себе и к обществу? Обратиться к другой деятельности, более механической: но она будет более плодотворна, ибо на ней больше сделаешь дела в то же самое пространство времени. Умственно-*механическая* работа мне всегда легка: стало быть, я к ней призван».[277]

Увольнение Гилярова от должности цензора произошло 11 августа 1862 г., незадолго до возобновления выхода газеты после ее трехмесячной приостановки, и во многом объяснялось откровенно недоброжелательным отношением к нему министра народного просвещения А. В. Головнина. Тот заранее заручился поддержкой императора, официально подав на его имя докладную записку:

> «Разрешив г. Аксакову передать редакцию газеты “День” Ю. Самарину считаю долгом всеподданейше доложить Вашему Императорскому Величеству, что я не нахожу возможным оставить по-прежнему цензором этой газеты находящегося в дружеских отношениях с г. Аксаковым Гилярова-Платонова, человека умного, даровитого, образованного, но крайне слабого. Посему я предложу ему долж-

[276] Блудова прилагала немалые усилия, чтоб помочь в этом Гилярову, и негодовала на Аксакова, конечно не желавшего расставаться со «своим» цензором. Она писала Гилярову 9 января 1862 г.: «Надобно стараться <...>, чтобы вытащить Вас из цензуры. А мне кажется, что московские Ваши друзья все стараются закабалить Вас в этой отвратительной должности» (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 592. Л. 14—15).

* задатки, предрасположенность к чему-либо (*нем.*).

[277] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 359. Л. 2 об.

ность чиновника особых поручений в Петербурге, а на его место полагаю назначить одного из лучших цензоров из Петербурга.[278] Не подлежит сомнению, что это распоряжение возбудит против меня гнев многих москвичей и их покровителей и покровительниц в Петербурге».[279]

Александр II оставил на записке резолюцию: «Дельно» — и, отчеркнув на полях последнюю фразу, рядом пометил: «Этим не должно останавливаться».[280] Очевидно, что Головнин, увольняя Гилярова, не в последнюю очередь решал свои собственные карьерные задачи и хотел прежде всего досадить его покровителям: графу Д. Н. Блудову и его дочери, Евгр. П. Ковалевскому, графу И. Д. Делянову и другим лицам, влияние которых при Дворе его раздражало.

В течение 40 дней, прошедших от докладной записки императору до назначения Гилярова чиновником особых поручений при министре, его друзья и знакомые (помимо Аксакова — В. И. Даль, М. П. Щербинин и др.) предпринимали безуспешные попытки оставить Гилярова в Цензурном ведомстве. Любопытно, что Головнин, отбиваясь от ходатаев, представлял им разные резоны своего решения, подчас звучащие нелепо — Далю: «Так как следств<енными> комиссиями в П<етер>бурге открыто разветвление зловредных умыслов и размножение врагов правительства, то правительство, по долгу самосохранения, естественно принимает свои меры, и потому Гиляров не может оставаться цензором»;[281] Щербинину: нужен цензор «*более знакомый с современными требованиями*»,[282] «...неприлично быть цензором человеку, находящемуся в дружеских отношениях с редакторами и участвующему в литературе».[283] Любопытно, что именно этот факт председатель Московского цензурного комитета М. П. Щербинин выдвигал как достоинство своего подчиненного, защищая его в письме к сенатору А. Г. Тройницкому от 13 июля 1862 г.: «...он мне еще необходим тем, что пользуется особенным доверием здешних журналистов и, служа мне медиатором в моих непрестанных с ними столкновениях, значительно облегчает мои с ними сношения. Удаление его из Комитета была бы моя невозградимая потеря <...>».[284] Самому Гилярову Головнин объяснил, что «он его удаляет от цензорства, чтобы спасти и сохранить его от преследований, что на него злы все министры и он имеет у них дурную репутацию как цензор».[285]

---

[278] Имеется в виду Федор Иванович Рахманинов (1825—1880), цензор в Петербурге с января 1860 г.

[279] РНБ. Ф. 208. Ед. хр. 100: Всеподданнейшие докладные записки статс-секретаря Головнина с мая по сентябрь 1862 г. Л. 122. Благодарю Д. А. Бадаляна, ознакомившего меня с текстом этого документа.

[280] Там же.

[281] Цит. по: *Переписка Аксакова и Самарина*. С. 155 (письмо Аксакова от 28 июля 1862 г.).

[282] Там же. С. 147 (письмо Аксакова от 10 июля 1862 г.).

[283] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 378. Л. 10 об. (письмо Гилярова к графине А. Д. Блудовой от 1 августа 1862 г.).

[284] Цит. по: *Шаховской Н., кн.* Никита Петрович Гиляров-Платонов // *Сб. соч*. Т. I. С. XVI.

[285] Цит. по: *Переписка Аксакова и Самарина*. С. 155 (письмо Аксакова от 28 июля 1862 г.). См. также пересказ этого разговора с министром в письме Гилярова к Блудовой от 1 ав-

М. П. Погодин со свойственной ему горячностью писал в эти дни А. В. Головнину (в связи с запрещением газеты «День»): «И вот, я перехожу к отличному московскому цензору Гилярову, которого вам надо бы отыскивать с огнем, а вы требуете, чтоб он вышел в отставку. Это испытанный и теперь единственно возможный председатель Цензурного комитета в Москве, как Крузе в Петербурге. Литераторы все имеют к нему доверенность, вменяемую, впрочем, вами ему в преступление, и он своими убеждениями, своими доводами мог бы остановить всякое уклонение, — с условием, разумеется, чтоб вы прежде объяснили ему ваши желания и требования, с коими б он мог согласиться. Гиляров может говорить с любым литератором, может спорить, и может доказывать свои мысли, а много ли цензоров укажете вы мне с такими способностями? <...> Неприкосновенность религии, верховной власти и личности — вот основания цензуры в наше время, и разобрать, что оскорбляет и что не оскорбляет эти основания, могут только Гиляровы, а не дюжинные агенты, которые уже много у нас набедокурили».[286]

Аксаков в этот период находился на грани отчаяния, в письме к Ю. Ф. Самарину от 10 июля он соглашался с Гиляровым и Щербининым, связывавшими «это головнинское предложение с намерением Головнина задушить "День", отняв у "Дня" единственного цензора, при котором "День" мог издаваться, исключив из Ценз<урного> комитета человека, принадлежащего к партии славянофилов и, так сказать, умного критика, и свидетеля всех козней Головнина по цензуре».[287] Самарин, взявший на себя до конца 1862 г. роль титульного редактора газеты, откликался с неменьшей тревогой: «Жаль будет Гилярова, если его устранят. Без него будет трудно» (19 июля); «Угрожающее Гилярову смещение было бы для нас страшным ударом, равносильным прекращению издания» (20—22 июля).[288]

Сестра Аксакова, Вера Сергеевна, в письмах к петербургской кузине Марии Карташевской,[289] выражая взгляд на ситуацию и брата, и всей семьи, описывала эту приостановку «Дня» и увольнение Гилярова из цензоров как «мошенничества Головнина и дерзость, с которой он поступает в отношении Самого Государя»,[290] не желавшего прекращения газеты. Она писала: «Бедный Иван подвергся

густа 1862 г.: «Мое имя крайне неприятно министрам <...> к статьям, мною подписанным, придираются за одно мое имя...» (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 378. Л. 10 об.).

[286] Цит. по: *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина: <В 22 кн.>. СПб., 1905. Кн. XIX. С. 418, 419.

[287] *Переписка Аксакова и Самарина*. С. 147.

[288] Там же. С. 152, 154.

[289] Переписка двух сестер, пока еще практически не исследованная и не введенная в научный оборот, продолжалась более четверти века (1837—1864) и насчитывает свыше двух тысяч подробнейших писем (многие на 10—12 страницах). Этот огромный эпистолярный комплекс представляет собой не только чуть ли не каждодневную летопись жизни знаменитого славянофильского семейства, но и ценнейший источник для изучения общественно-литературной жизни этого периода русской истории в целом.

вновь всем невыносимым истязаниям цензуры, руководимой Головниным, который, видя это, не может задушить "День", что Государь настаивает на том, чтоб он издавался, придумал такую штуку, что заставил Гилярова выйти, а на его место поместил петерб<ургского> ценс<ора> Рахманинова, совершенного дурака, говорят, независимого от Моск<овского> Ценс<урного> Комитета, с особенной инструкцией не допускать ни прежнего тона, ни *направления "Дня"*, и это после того, как Государь объявил и в Петерб<урге>, и в Москве, что находит его даже необходимым, и на слова Щербинина (председ<ателя> здешнего Ценс<урного> Комитета), что в сущности "День" не меняет редактора, отвечал: "Я не против этого"».[291] Неутешительные сведения о преемнике Гилярова Рахманинове первым сообщил И. Аксакову книготорговец Д. Е. Кожанчиков из Петербурга, о чем тот писал Н. С. Соханской еще 30 июля: «Вы знаете, что Гилярова удалили из цензоров; на его место назначают петерб<ургского> цензора Рахманинова с специальною обязанностью и секретною инструкциею цензуровать "День". <...> Мне с ужасом пишет о том Кожанчиков, объявляя, что назначение Рахманинова равносильно запрещению».[292] А на следующий день, 31 июля, Аксаков извещал и венского протоиерея М. Ф. Раевского: «...для специальной цензуры "Дня" Головнин посылает из Петербурга цензором такого гуся, назначение которого почти равносильно запрещению».[293]

* * *

Обратимся теперь к выступлениям Гилярова в газете «День». Всего их шесть, и они отличаются идейно-тематическим разнообразием. Писал он в газету, как правило, не по своей инициативе, а уступая настойчивым уговорам Аксакова — дать статью-комментарий к публикации на неоднозначную, чаще всего религиозно-философскую, тему.

До ухода с цензорской должности Гиляров опубликовал в «Дне» только две, причем довольно острые, а потому и получившие резонанс в печати заметки (как уже упоминалось, помещенные под криптонимом «Р. С. Т.», то есть «Рцы Слово Твердо»):

1) «Заметка по поводу статьи г. Чистовича об Арсении Мациевиче» (№ 16 от 27 января) — по проблемам церковно-исторической науки;

2) «Два слова объяснения к ответу "Сиона"» (№ 33 от 26 мая) — по еврейскому вопросу.

Ю. Ф. Самарин, весьма ценивший Гилярова как философа и богослова, вызывал его на публичное обсуждение популярной в тот период идеологии бюхнеровского материализма. Уже в № 2 «Дня» от 21 октября 1861 г. было помещено знаменитое самаринское «Письмо о материализме к Н. П. Гилярову-Платоно-

---

[290] ИРЛИ. Сигн. 10629. Л. 137 об.—138 (письмо от 31 июля 1862 г.).

[291] Там же. Л. 68—68 об. (письмо от 3 сентября 1862 г.).

[292] *Переписка Аксаковых и Кохановской*. С. 191.

[293] *Аксаков в письмах*. Т. III. С. 247.

ву», требовавшее развернутого ответа.[294] Но тот, как видно, не счел пока возможным столь тесное свое участие в цензуровавшемся им издании.

Заметка Гилярова о митрополите Арсении (Мациевиче), лишенном сана Екатериной II за противодействие секуляризации монастырских имуществ, была полемическим откликом на напечатанную в предыдущем номере (№ 15 от 20 января) «Дня» статью бакалавра С.-Петербургской духовной академии И. А. Чистовича. Аксаков писал В. И. Ламанскому, через посредство которого с ним связался Чистович,[295] 22 октября 1861 г.: «Чистович поставил меня в затруднительное положение; статья преинтересная, но пропитана гнусным, подлым духом. Я в таком только случае ее помещу, когда он согласится, чтоб я ее напечатал вместе с возражением и примечаниями, что я или сам возьму на себя, или попрошу написать Гилярова, который от того не прочь».[296] Уже поместив статью Чистовича в газете, Аксаков в письме к Блудовой от 19—20 января 1862 г. сетовал, что Гиляров подвел его, не дав своего комментария вовремя: «Гиляров должен был в этом № поместить свою статью — в ответ на статью Чистовича, но — по обыкновению — не сдержал обещания и откладывает до 16<-го> №. Хороший человек, но жаль, костей нет: какие-то хрящи вместо костей!»[297] Только узнав об этом, встревоженная Блудова тут же, 21 января, отправляет Гилярову наказ отказаться от печатной полемики: «Мне пишет Иван Серг<еевич>, что Вы обещали ему какую-то статью против Чистовича — о чем не знаю; но убедительно прошу Вас: не пишите никакой статьи против Чистовича. Не входите с ним в полемику, оставьте его в покое; предоставьте ответы и полемику с ним кому угодно, только не Вам! / Я имею на то частные, личные причины и прошу Вас верить мне на слово, что лучше *Вам* в это не вмешиваться! Будьте уверены, что я знаю, что говорю. <...> Пока, Христа ради, не печатайте никаких статей и не делайте себе врагов. Это приятное занятие предоставьте Ивану Сергеевичу, который холостой человек и вольный казак».[298] Гиляров не прислушался к совету графини, поскольку тема задела его за живое, но показал это письмо Блудовой Аксакову. Об этом последний сам ей признался в письме от 25—26 января (курьезно, что при этом Аксаков недоумевал, откуда графиня узнала, что автор статьи о Чисто-

---

[294] С этой публикацией произошло недоразумение. Самарин, как оказалось, этим «Письмом» желал подискутировать с Гиляровым частным образом. Но написал он об этом Аксакову поздно, когда тот, не дождавшись ответа на свой запрос, уже поместил материал в № 2 «Дня» от 21 октября. Самарин писал 23 октября: «Первое мое письмо к Гилярову о книге Бюхнера решительно не для печати. Во-первых, оно написано сплеча; во-вторых, в нем есть личности, собственные имена и т. д.» (*Переписка Аксакова и Самарина*. С. 112).

[295] См. письмо Чистовича к Аксакову от 17 октября 1861 г. и преамбулу к нему в изд.: *«День» Аксакова*. Ч. 1. С. 169—172.

[296] Переписка двух славянофилов: (Сообщила О. В. Покровская-Ламанская) // *РМ*. 1916. Кн. 12. С. 105 (паг. 2-я).

[297] *Аксаков в письмах*. Т. III. С. 390; уточнено по автографу: РНБ. Ф. 78. Ед. хр. 22. Л. 64 об.—65.

[298] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 592. Л. 18. Копия князя Н. В. Шаховского.

виче именно Гиляров, забыв о содержании своего же предыдущего письма): «...прекрасна статья: замечания на Чистовича. Кто Вам сказал, что это статья Гилярова? (Я читал Ваше письмо к нему.) Это статья некоего г. Р. С. Т. Она очень хороша, но слишком тонка, не поймут».[299]

Гиляров, составив ответ Чистовичу, показал себя единомышленником Аксакова, который считал, что русскому самосознанию необходима нравственная оценка исторических событий. Чистович же продемонстрировал «маложизненность нашей духовной литературы», поскольку поставил себе задачу «оправдание совершившегося факта» — то есть процесс изъятия у Церкви принадлежавших ей монастырских имуществ и осуждение восставшего против этого Арсения (Мациевича) как «фанатика». Гиляров тут выступает не столько как публицист, но и как историк-аналитик, с фактами в руках обосновывающий свою позицию. В частности, он показал, что митрополит Арсений выступал за сохранение монастырских доходов, потому что именно на эти средства были основаны лучшие духовные школы. После ликвидации этого источника духовные училища больше не открывались в России — вплоть до направления на те же цели свечных сборов начиная с 1808 г. Неприемлемыми показались Гилярову и порицания в адрес Арсения за его негодование на умаление Церкви и на безверие синодальных властей. Спустя два месяца Чистович оправдывался в газете «День» (по закону, Аксаков не имел возможности отказать ему в этом): «Г<-н> Р. С. Т. говорит против отобрания церковных имуществ и защищает Арсения. Мы не защищаем первого и не оправдываем Арсения. Отобрание церковных имуществ есть факт совершившийся, и притом не в духе совершенной юридической и нравственной правды. Но прав ли Арсений, выступая против него с угрозами и проклятиями от лица церкви?»[300]

Аргументация петербургского профессора мало кого убедила. Фактически этой статьей Гилярова начался тот путь восстановления истины, который завершился в 2000 г. причислением святителя Арсения к лику святых. Но уже и в 1862 г. в московской церковной среде всеми, не исключая и митрополита Филарета (Дроздова), была одобрена позиция Гилярова. Профессор Московской духовной академии П. С. Казанский, в 1840-х гг. преподававший Гилярову гражданскую историю, а позже состоявший его сослуживцем, после очередной встречи с ним, 19 февраля 1862 г., писал брату епископу Платону (Фивейскому): «Гиляров говорит, что месяца через три будет уничтожена цензура. Ему принадлежит в газете “День” статья об Арсении Мацеевском <*так!*> против Чистовича, и митрополиту это понравилось».[301]

Объяснялось это не только ощущением исторической несправедливости по отношению к опальному архиерею Екатерининского времени, но не в последнюю очередь и злободневностью темы. Протоиерей А. А. Беляев в примечании

[299] *Аксаков в письмах*. Т. III. С. 392; сверено по автографу: РНБ. Ф. 78. Ед. хр. 22. Л. 67.
[300] *Чистович И.* Еще об Арсении Мациевиче // День. 1862. 31 марта. № 25. С. 6—7.
[301] *Беляев.* Вып. I. С. 258—259.

к вышеприведенной цитате из письма Казанского отмечал: «Вопрос об Арсении возбудил интерес потому, что в это время в обществе ходили слухи об отобрании в государственную казну церковных денег».[302] Это подтверждает и одно из следующих писем Казанского (от 1 марта): «В Москве распространился слух, что доходы церковные будут отбирать в казну, и поэтому замечено, что свечей везде гораздо менее берут. Говорят, что Государь на сильную записку Толстого о том, чтобы не подвергать контролю церковные суммы, отвечал: "Этого все желают"».[303] Очевидно, проекты с изъятием церковных сумм были связаны с потребностью государственного финансирования дорогостоящих реформ.

Вместе с тем стороннему читателю, далекому от проблематики гиляровской статьи (как исторической, так и злободневной), был невдомек ее подтекст, а вот тон показался недопустимо развязным и нетерпимым к чужим научным мнениям. Именно так восприняла статью Гилярова Н. С. Соханская (писательница Кохановская), в тот период активно переписывавшаяся с Аксаковым. 20 февраля она возмущалась: «По какому праву г. *Р. С. Т.*, оставивший в стороне *дело* исторической истины, *позволяет* себе так учительски относиться к *личности* человека и в слух всего общества объявляет Чистовичу, что он стоит на "ложной дороге"?.. <...> Что это за язык? Что за оскорбительное неприличие намеков и указаний на личность человека?»[304] **(**Комментируя эти слова Кохановской, публикатор ее переписки с Аксаковыми О. Л. Фетисенко справедливо отмечает здесь неправоту строгой писательницы, проистекавшую, впрочем, из того, что «она была горячей противницей "личной" полемики в печати»: «Гиляров лишь возвращал Чистовичу слова, сказанные тем о святителе Арсении: "В заключение своей заметки позволяем себе обратиться к г. Чистовичу с теми самыми выражениями, которыми он характеризует Арсения: скажем откровенно, что г. Чистович стоит на «ложной дороге». Если бы он принадлежал к числу людей, которые воображают, что в России есть какая-то «клерикальная партия» и считают нужным с нею бороться, для нас, по крайней мере, было бы понятно, куда он бьет. Но мы имеем основание думать, что г. Чистович совсем не из того числа <...>. Итак, откуда же у него идет этот суровый взгляд на Мациевича?" (Д<ень>. 1862. № 16. С. 5)».[305]**)**

Продолжая свое письмо 22 февраля, Соханская возвращалась к начатому разговору: «Взгляните на эту статью беспристрастно. Что это, если не выражение самой крайней строптивости... мало того (извините за слово) просто возмутительная радость ухаря, захватившего в руку бич, и вот он им хлещет и бьет в лицо встречного».[306]

---

[302] *Беляев.* Вып. I. С. 258—259.

[303] Там же. С. 264. Упомянут обер-прокурор Св. Синода граф А. П. Толстой, уволенный с этого поста 28 февраля 1862 г. — возможно, и за неуступчивость в этом вопросе.

[304] *Переписка Аксаковых и Кохановской.* С. 153, 154.

[305] Там же. С. 447.

[306] Там же. С. 155.

В ответном письме (от 18 марта) Аксаков отмел все обвинения и против себя как редактора, и против своего автора, поделившись с Соханской некоторыми подробностями, связанными с полемикой об Арсении (Мациевиче) в «Дне»: «Что касается Чистовича, то я не хотел было и печатать его статьи, пропитанной духом цивилизованного *чиновника*, с точки зрения казенного либерализма или полированного деспотизма глумящейся над человеком, пострадавшим за гражданскую смелость, за искренность своих убеждений. Какие будут замечания — я сообщил о том Чистовичу и даже: *кем* будут писаны. Р. С. Т. — это Гиляров. <...> Статья Чистовича возмутительна — по тенденции, что я ему вполне искренно и резко выразил. <...> Личность Чистовича нисколько не затронута, а затронуты его личные мнения, в статье выраженные. Он выражает сочувствие Екатерининскому образу действий: это целая точка зрения — огосударствления Церкви, против которой "День" будет постоянно бороться. Чистович вовсе не считает себя обиженным, как Вы предполагаете, и прислал мне еще статью — очень интересную и опять ложную по направлению; я его не неволю у себя печатать и заранее предупреждаю его, что он будет отделан».[307] Наконец, на совет Соханской беспристрастно взглянуть на статью Гилярова Аксаков откликается «зеркально»: «Я Вам советую перечесть статьи Чистовича и Гилярова, и Вы увидите — против чего мы боремся в статье Чистовича».[308] Соханская в ответном письме от 17 апреля упорствовала: «Я, конечно, не много кого ставлю так высоко в моем личном уважении, как Н. П. Гилярова <...> Н<икита> П<етрович>, совершенно по нашей пословице, "бил не по коню, а по оглоблям", и совершенно естественно, что это странное хлестанье самым неприятным образом действует на нервы не деревянные читателя».[309] Впрочем, нельзя не признать отчасти и ее правоты.

Вторая заметка Гилярова, опубликованная в «Дне» спустя четыре месяца, посвящена еврейскому вопросу, который в тот период впервые и был по-настоящему освоен русской публицистикой и неожиданно приобрел остроту в связи с разными зревшими и в обществе, и в правительственных кругах проектами обустройства евреев в пореформенной России — от новых ограничений гражданских прав до их полной эмансипации. В том же № 25 «Дня» за 1862 г., в котором увидело свет возражение Чистовича на заметку Гилярова, была помещена статья некого А. Александрова из Бугульмы под названием «Несколько слов о Талмуде».[310] На нее довольно бурно отреагировали И. И. Живарев в «Москов-

[307] Там же. С. 163.

[308] Там же. С. 163—164.

[309] Там же. С. 166.

[310] *Александров А.* Несколько слов о Талмуде // День. 1862. 31 марта. № 25. С. 1—3. Уже когда разгорелись споры по поводу этой статьи, редактор узнал, что автор его мистифицировал и он не провинциальный любомудр и глубокий знаток древнееврейской книжности, а его двоюродный брат А. Н. Аксаков, впоследствии прославившийся работами по спиритизму, и прислал он свою статью не из Бугульмы, а из соседнего дома на Спиридо-

ских Ведомостях» и Н. А. Мельгунов в «Нашем Времени»,[311] а также редакторы одесского еженедельника «Сион», «органа русских евреев» (в № 33 от 26 мая). Отвечать Аксаков попросил Гилярова, к тому времени имевшего репутацию знатока данной проблемы и даже написавшего книгу «В каком смысле могут принадлежать евреям права гражданства в христианских государствах? На основании сочинений Паулуса составил и собственными примечаниями снабдил Н. Г.», не пропущенную цензурой.[312]

Авторы «Сиона», выступавшие за право еврейства поступать на русскую государственную службу, соглашались, что при этом правительству придется пожертвовать христианским началом ради иудейского. Однако, по их мнению, иудаизм, как более древняя и жизненная, «реалистически-земная» религия превосходит «неосуществимый христианский идеал» и потому справедливость требует, чтобы евреи заняли господствующее положение в России, широко участвуя «в законодательстве, суде и администрации».

Гиляров в своей статье последовательно отвергает подобные притязания, сводящиеся к вопросу о политической власти. Он пишет: «...но судьба, но тысячелетняя история дали христианским началам превозмогающее значение во всей всемирной жизни, а нам, русским, определили господствующее положение в той земле, которую мы населяем. А последствия эти таковы: вы живете в нашей земле, следовательно, должны подчиняться нашим законам и следовать нашим порядкам, которые мы устанавливаем. Не хотите: ищите другого отечества».[313] Подробно Гиляров останавливается на православной социологии, показывая превосходство христианского общежития перед иудаистским как «узким, национально-вероисповедным».[314] Позднее наиболее последовательным и подчас прямолинейным пропагандистом этих гиляровских идей стал Аксаков-публицист — в передовицах «Дня», «Москвы» и «Руси» нередко встречаются даже текстуально близкие выражения.

новке. 5 мая 1862 г. В. С. Аксакова писала двоюродной сестре М. Г. Карташевской: «Ты, верно, помнишь статью о Талмуде в “Дне”. — Знаешь ли, кто ее автор? Это: Александр Николаевич Аксаков! — как он нас всех мистифи<ци>ровал. Мы очень рады, что он так удачно втянулся в эту деятельность. Кажется, и сам очень доволен» (ИРЛИ. Сигн. 10629. Л. 37 об.).

311 См. ответ А. Н. Аксакова: *Александров А.* Еще о Талмуде, по поводу возражений гг. Мельгунова и Живарева // День. 1862. 2 июня. № 34. С. 3—7.

312 Частично сохранившийся в архиве Цензурного ведомства текст опубликован нами: *Гиляров: ИМБР*. С. 245—264. См. также: *Дмитриев А. П.* Цензура и еврейский вопрос в год освобождения крестьян: (Запрещенные книги Н. П. Гилярова-Платонова и А. Б. Думашевского по архивным материалам Главного управления цензуры) // Цензура в России: история и современность: Сб. науч. тр. / Науч. ред. Н. Г. Патрушева. СПб.: РНБ, 2011. Вып. 5. С. 125—143.

313 *Сб. соч.* Т. II. С. 79.

314 Там же. С. 80.

Полемических заметок Гилярова в «Дне», подобных этим двум, могло быть и больше, если б он, видимо за недосугом, не отказывался изложить свои мысли на бумаге — порой уже после того, как предварительно обещал это сделать. Об одном из таких случаев узнаём из письма Аксакова к Самарину от 22—23 марта 1862 г. Гиляров сначала согласился откликнуться на статью И. Д. Беляева «Где взять учителей для сельских школ?»,[315] тем более что проблема, в ней поднятая (обязанность выпускников семинарий учительствовать в приходских школах), была «коньком» Гилярова — как раз в том же декабре (при письме от 23 числа) он подал через Блудову для императрицы записку о первоначальном народном образовании, где высказывал сходные мысли.[316] Аксаков писал Самарину: «Возбужденный Беляевым вопрос о школах подал повод к самой живой и горячей полемике, отчасти в светских, но большею частью в духовных журналах. <...> Полемика раздвинула пределы вопроса и возвела его в вопрос о духовенстве и его отношении к обществу <...>. Я пристал к Гилярову, и он уже написал почти статью — по поводу этого спора. Гиляров замечает тот факт, что духовенство отказывается от предлагаемого ему учительства народа, — следовательно, от того, что составляет его призвание, тогда как материалисты, напр<имер>, расселяются по деревням, заводят школы и учат, терпя невеселую участь. Следует предположить, что в духовенстве священный огонь потух. Но почему? как? точно ли потух? И вот — это и составляет задачу статьи. Впрочем, я ее еще не читал и в руках не имею».[317] По всей видимости, Гиляров не сдержал слова и, устно изложив Аксакову свои мысли по поводу статьи Беляева, письменного отклика на нее не дал — по крайней мере, на страницах «Дня» он опубликован не был.

Другой случай — когда увидели свет «Отцы и дети», они были оценены Аксаковым (в письме к Соханской от 6 мая 1862 г.) как «роман замечательный по своей социальной задаче», но «довольно уродливое произведение»,[318] и Аксаков именно Гилярова считал способным дать дельный отзыв на роман Тургенева для «Дня». Он признавался в том же письме к Соханской: «Совершеннейший недостаток времени мешает мне приняться за критику Тургеневского романа, а меж моими сотрудниками нет критиков, кроме Гилярова, который так тяжел на подъем, чтобы написать что-нибудь, что от него статьи не дождешься».[319]

Гиляров смог открыто сотрудничать в «Дне», когда был уволен от цензорской должности — с августа 1862 г. Свои статьи он теперь подписывает своим обычным прозрачным псевдонимом: *Н. Г—в*.

---

[315] День. 1961. 9 дек. № 9. С. 4—6.

[316] См. об этом: *Шаховской Н. В., кн.* Н. П. Гиляров-Платонов как инициатор церковноприходской школы // *РО*. 1896. Т. 37, февр. С. 572—589.

[317] *Переписка Аксакова и Самарина*. С. 121.

[318] *Переписка Аксаковых и Кохановской*. С. 168.

[319] Там же. Отметим, что роман в тот период привлек внимание близкой Гилярову религиозной критики. См.: *Дмитриев А. П.* «Отцы и дети» И. С. Тургенева глазами духовных критиков // Литература в школе. 1996. № 5. С. 65—71.

До конца 1862 г. он опубликовал четыре статьи — две теоретического характера:

1) «Работа и труд» (№ 44 от 3 ноября) — по лингвоэкономическому вопросу;

2) «По поводу будущего суда присяжных» (№ 45, 46 и 49 от 10 и 17 ноября и 8 декабря) — по одному из предлагавшихся проектом Судебной реформы нововведений.

И две полемические заметки — в ответ на критику своей последней статьи в газете Н. Ф. Павлова «Наше Время»:

1) «Необходимое объяснение “Герою Нашего Времени”» (№ 47 от 24 ноября);

2) Письмо к И. С. Аксакову (№ 49 от 8 декабря).

Первая из перечисленных публикаций — заметка «Работа и труд» — представляет собой дополнение к статье В. Н. Лешкова «Русские экономические вопросы: синонимы или антитезы?» (другие два дополнения написаны самим Аксаковым и В. И. Далем). Гиляров дает очень интересное осмысление этих понятий: «*Труд* есть *напряжение* сил, а *работа* есть их *проявляющееся действие*. <...> В *работе* ценится *труд*. Но сам по себе *труд* не доступен никакой оценке, кроме нравственной»[320] и т. д. Тут впервые Гиляров проявляет свой горячий интерес как к семасиологии, так и к экономике, что впоследствии выльется в его труд о русском глаголе (не окончен и не опубликован) и в работу «Основные начала экономии» (издана посмертно в 1889 г.).

Большая статья «По поводу будущего суда присяжных», растянувшаяся на три номера, да так и оставшаяся незаконченной, принадлежит не только к лучшим, наиболее продуманным философским произведениям Гилярова, но и может по праву считаться программной для всего славянофильского кружка. Здесь Гиляров подробно исследует основополагающие черты русского национального характера и в свете этого показывает различные «за» и «против» введения суда присяжных в России, поскольку он хотя и порожден христианской цивилизацией (это «учреждение самое высокое, самое чистое, самое безупречное», это «освящение уголовного правосудия постоянным участием живой народной совести»[321]), однако был укоренен в римско-католической почве, чуждой русской православной традиции. Гиляров уверен, что прежде всего следует учитывать «склонности народа, воспитанные этой тысячелетней привычкой, склонности, успевшие стать <...> стихиею, которая, помимо участия личного разума и воли, входит как необходимая подкладка в каждое представление народа о своем общественном бытии».[322] И отсюда поясняет, почему «участие в суде и управлении <...> само по себе для русского человека непривлекательно»: «Он переносится совсем в другой мир, в другую стихию. Из мира круговой нравственной связи, где все держится на взаимности и живых отношениях <...> он переходит в мир

[320] *Сб. соч.* Т. II. С. 122, 126.

[321] Там же. С. 83.

[322] Там же. С. 93.

отвлеченного порядка, где живые люди суть только орудия; в мир строгих формул и неуступчивого права <...>».[323] Вместе с тем как в воду глядел Самарин, когда, высоко оценив эту статью Гилярова, засомневался в его способности (а может, и принципиально в какой-либо возможности) теоретически разрешить проблему русского суда присяжных. В начале декабря он писал Аксакову: «На днях мне прочли статью Гилярова о присяжных. В ней много правды, но я сомневаюсь, чтоб он пришел к какому бы то ни было положительному заключению».[324]

Концентрированно суть аргументации Гилярова изложил в своих мемуарах его идейный противник Ф. Ф. Воропонов, но тем этот небеспристрастный очерк и интереснее: Гиляров, по его словам, «предусматривал для этого суда у нас неудачу, опасность опошления и несоответствие интересам правосудия. Крестьяне, — предрекал он, — будут тяготиться участием в суде присяжных не только потому, что при дальности и дороговизне отлучек от хозяйства это обратится для них в тяжелую повинность, но и потому, что судить обвиняемого вообще несогласно с их духом: как-де судить христианскую душу, когда "чужая душа потемки"! Налагать кару — несовместно с любовью к ближнему, с понятием о человеческой ограниченности, и, вообще, осуждение есть действие, приличествующее только власти Божией. Пусть, дескать, карает власть, а самому идти на такое дело, как причинение страдания ближнему, — грешно. Купцу и чиновнику отрываться от своих дел на суд присяжных тоже будет тяжело, а охотно потянутся в присяжные разве помещик-прогрессист, студент и т. под. Поэтому, при смешанном составе присяжных, представители собственно народной совести окажутся пассивными, не поймут они прокурорских и адвокатских речей с их жестами, станут уклончиво подчиняться "господам" и пренебрежительному к ним давлению председателя. При таких условиях преступления против собственности будут оправдываться всегда, убийства — часто, нравственные в тесном смысле проступки — реже, а непременному обвинению подвергались бы обвиняемые в проступках политических, во всяком восстании против власти, если бы суждение о последних предоставлено было присяжным; стало быть, присяжные легко могут оказаться лишнею мебелью в суде. — В одном же месте Гиляров выразился так, что обязанность судить людей "противна нравственному чувству"».[325]

Эта статья Гилярова явилась причиной литературного скандала, достаточно громкого даже на фоне ожесточенной журнальной борьбы 1860-х гг., а шум, поднятый вокруг нее недругами «Дня», привел к тяжелым объяснениям между Аксаковым и Гиляровым. Вследствие этого стоит подробнее остановиться на этом значимом эпизоде из истории газеты «День» и биографии Гилярова.

---

[323] Там же. С. 106—107.

[324] *Переписка Аксакова и Самарина*. С. 165.

[325] *Воропонов Ф. Ф.* Сорок лет тому назад: По личным воспоминаниям // *ВЕ*. 1904. Кн. 8. С. 445—446.

Началось с язвительного отклика (он был не озаглавлен и не подписан) со стороны публициста газеты «Наше Время» Н. А. Мельгунова в неприлично развязном тоне, начинавшегося фразой: «“День” продолжает изумлять читателей своими воззрениями на судебную реформу».[326] Контраргументация базировалась на выдержках из трех губных грамот 1539, 1541 и 1552 гг., где «русские люди, тяготясь царскими наместниками и сыщиками, просили государей избавить их от этих властей и позволить им самим разыскивать и казнить разбойников, воров и других “лихих людей”». Мельгунов победоносно заключал: «Видно, в XVI веке русский человек не считал еще грехом напрашиваться на судебную власть. <...> Право, прежде нежели сочинять глубокомысленные теории о воззрениях русского народа, недурно было бы познакомиться немного с русскою историею. Желая “Дню” всякого успеха, мы почтительно посоветовали бы редактору освежить запас своих исторических сведений для того, чтобы иметь возможность обуздывать своих слишком ревностных и фантастических сотрудников и не дать ненавистным западникам отстаивать здравый смысл русского народа против клевет, взводимых на него славянофильским журналом».[327]

Некоторые высказывания Гилярова при этом искажались так, что один из выпадов оппонента тот счел за облыжный политический донос — его слова: «С судом соединяются две обязанности: обязанность наложить кару на виновного, и обязанность взвесить вину, чтоб соблюсти соразмерность в наказании. Та и другая одинаково противны нравственному чувству: первая потому, что несовместна с любовью к ближнему, вторая потому, что несовместна с понятием о человеческой ограниченности, и обе потому, что присваивают себе действия, в полном смысле приличествующие только власти Божией»[328] — были перетолкованы так, что будто, по его мнению, «русский человек считает власть призванною совершать безнравственные действия».[329] Мельгунов присовокуплял язвительный комментарий: «Надобно обратиться к казуистике иезуитов, чтобы доискаться, каким образом можно поступать нравственно, совершая действия, противные нравственному чувству».[330]

Гиляров в ответ опубликовал резкую заметку «Необходимое объяснение “Герою Нашего Времени”», где писал, что «“Наше Время” воображает себя состоящим в качестве литературного прокурора» и выискивающим среди писателей «врагов общественного порядка».[331] На свидетельства губных грамот Гиляров не счел нужным отвечать, поскольку вообще решил воздержаться от какой-либо полемики с подобным оппонентом.

Обвинение в политическом доносе по тем временам было более чем серьезным. Мельгунов и присоединившийся к нему редактор «Нашего Времени»

[326] Наше Время. 1862. 20 нояб. № 251. С. 1003.
[327] Там же.
[328] *Сб. соч.* Т. II. С. 103.
[329] Наше Время. 1862. 20 нояб. № 251. С. 1003.
[330] Там же.
[331] См.: *Сб. соч.* Т. II. С. 118.

Н. Ф. Павлов отвечали оскорбительными заметками, где, перейдя на личности, старались унизить Гилярова, а заодно и Аксакова, якобы простодушно представляющего столбцы своей газеты фантазерам и пустомелям. Мельгунов заявлял: «После объяснений г. Н. Г—ва мы можем только пожалеть еще раз, что почтенный редактор “Дня” вручает дело народности жалким софистам, которые, обличивши полное незнание того, об чем говорят, пугаются потом за свое общественное положение, отрекаются от собственных слов и стараются обморочить публику, выставляя себя жертвами политической клеветы».[332] Павлов оскорбился апологией Гилярова, так как счел, что его «газета затронута и грубо, и недобросовестно». Он ерничал: «Ему говорят: — вы нагородили чепуху, налгали на русский народ, вы не знаете русской истории: вот акты, подлинные, неопровержимые акты, доказывающие несомненно всю нелепость ваших мыслей, — а он отвечает: “Посмотрите, меня губят, меня делают жертвой, на меня доносят!” Это старая штука, литературный фокус-покус, которого балаганный секрет открыт». В завершение статьи Павлов неожиданно вызвал Гилярова на дуэль: «Вы повторяете нашему сотруднику, что статья его — не слова, а поступок, разумеется, в вашем мнении, очень нехороший. В самом деле что тут хорошего доказать своему противнику, что он пишет сумбур. Но наш сотрудник не вышел из пределов печатного благоприличия. Он рассуждал, доказывал, а вы изобретаете, сочиняете, клевещете. Вот ваша статья точно поступок, и поступок бессовестный. Мы покорнейше просим неизвестного, но почтенного сотрудника уважаемой газеты “День” принять эти наши слова в самом невыгодном для себя смысле, причесть их тоже к поступку *умышленному*, в котором мы во всякое время готовы дать ему отчет и словом и делом».[333]

Аксаков взял на себя роль умиротворителя страстей: тайком от Гилярова он опубликовал заметку «От издателя “Дня” редактору-издателю “Нашего Времени”», где, в частности, несколько отмежевывается от своего приятеля: Гиляров, по его словам, отвечал «с живостью излишнею и действительно увлекшею его за дозволенные пределы литературной полемики».[334] Вместе с тем он прямо обращался к Павлову по поводу его слов о дуэли: «Мы понимаем, что Редактор “Нашего Времени” имел полное право оскорбиться словами г. Г—ва и даже отвечать ему равносильными выражениями, но он, по нашему мнению, увлекся еще далее г. Г—ва, да еще к тому — избрал путь гласной печати для такого рода предложе-

[332] Наше Время. 1862. 25 нояб. № 255. С. 1017.

[333] Там же. Следует отметить, что, называя Гилярова «неизвестным» сотрудником «Дня», Павлов явно лукавил: после ряда публикаций в журнале «Русская Беседа» (1856—1860), обративших на себя всеобщее внимание, в литературном мире было хорошо известно, какой именно автор ставил под статьями подпись «Н. Г—в». К тому же, предваряя статью «По поводу будущего суда присяжных», Аксаков представлял ее автора как постоянного сотрудника: «Мы обещали в последнем № поговорить об учреждении суда присяжных и исполняем наше обещание, уступая на этот раз нашему многоуважаемому сотруднику» (День. 1862. 10 нояб. № 45. С. 1).

[334] Там же. 1 дек. № 48. С. 17.

ния, которое должно делаться иначе и при других условиях». При этом Аксаков поднимает перчатку, брошенную Гилярову: «В качестве издателя, прикосновенного к поступку, заключающемуся в статьях издаваемой им газеты, мы не можем молчать ввиду такого прямого заявления и, принимая на себя ответственность за нашего сотрудника, тем же путем печати отвечаем Редактору "Нашего Времени", что согласны на его предложение дать нам отчет *делом*, если он не сочтет более справедливым сознать с своей стороны неуместность известных выражений».[335]

Такой поворот дела не устроил Павлова. Он напечатал новую колкую заметку, где настаивал, что ответчиком по нанесенному его газете оскорблению должен стать именно Гиляров (при этом прозрачно намекал, что тот, скорее всего, трусит): «Наши слова были обращены и продолжают быть обращенными к человеку, подписавшемуся буквами Н. Г—в. Как хозяин дома, редактор газеты "День" хочет отвечать за своего гостя. Но в делах личной чести нравственная ответственность за поступок лежит на том, кто совершил его. Тут всякий отвечает сам за себя, и мы первые высказали такую готовность. Нам остается знать — как смотрит сам Н. Г—в на свой поступок: считает ли он свои слова, как счел их г. редактор газ. "День", выходящими за пределы литературной полемики и справедливо подавшими нам повод к резкому ответу, или продолжает держаться противуположного мнения, находя себя справедливым, а нас неправыми. В этом последнем случае нам не предстояло бы ничего более, как оставить, по отношению *к нему*, заключительные слова нашего первого ответа в их полной силе».[336] Вдобавок, передергивая слова Аксакова, Павлов представил дело так, будто бы тот «оправдал нравственно резкость нашего <т. е. Павлова> тона».[337]

В ближайшем номере «Дня» Аксаков публикует статью «По поводу "Нашего Времени"», которой решил прервать выяснения отношений, объявив: «...не желаем более ни в каком случае продолжать эту неприличную в печати полемику на страницах нашего журнала и ни на какие статьи подобного рода отвечать не станем».[338] По требованию Гилярова Аксаков поместил в составе статьи его письмо с упреками в свой адрес, поскольку, принимая на себя вызов Павлова и ответственность за статьи Гилярова, Аксаков его самого об этом не уведомил: «Скажите: поступили ль вы со мной так, как следовало ожидать от нашей давней приязни? Что вы могли принять на себя свою долю ответственности: это ваша воля. Но вы не могли, если уважаете меня, уклонять меня от ответственности, не могли во всяком случае не спросить меня: как я отношусь ко второй статье "Нашего Времени"? Вы не должны были ставить меня перед публикой в положение *игнорирующего*, тогда как я просто ничего *не знал*».[339]

---

[335] День. 1862. 1 дек. № 48. С. 17.
[336] Наше Время. 1862. 4 дек. № 262. С. 1044.
[337] Там же.
[338] День. 1862. 8 дек. № 49. С. 17.
[339] Там же.

Очень поддержала Гилярова в это непростое время графиня Блудова, которая в начале декабря писала ему: «...я считала, что вся эта глупая история кончится без огласки, и я шутила с Вами об ней поэтому. С тех пор этот отвратительный фанфарон Павлов разглашает повсюду, что он, дескать, должен драться с Иваном Сергеевичем, п<отому> ч<то> Вы оставляете на *его* ответственности дела Вашей личной чести; все же это потому якобы Вами *не подписана* Ваша статья! Это отвратительно гадко; но, видя, что сам Иван Сергеевич не понимает, в какое фальшивое положение он Вас ставит, я хотела Вам самим, а никому другому дать совет — в случае, если не извинится Павлов в печати, то в печати открыто зажать ему рот *не бранью*, как бывает, к несчастию, между литераторами, а просто подписью Вашего имени, взяв назад и всю ответственность за Ваши собственные статьи явно перед всеми. — Ваши статьи были, конечно, уже, так сказать, подписаны, п<отому> ч<то> все знают Ваши заглавные буквы, а кто писал в "Нашем Времени", никто еще не знает, ибо называют разных лиц, статьи же анонимны.

Это всё с их стороны просто *гадко*, но мне больно, что они хотят частицей своей грязи забросать Вас, которого честью и благородством я дорожу, любя и уважая Вас глубоко и искренно. Не оскорбляйтесь же моим советом вчерашним. Мне было неприятно, что эти господа так распоряжаются Вами (конечно, с самым дружеским намерением) без всякой Вашей инициативы и что это дает повод Павлову рассказывать небылицы в защиту собственной трусости. Даже Ваши друзья Вас гораздо меньше понимают, чем я. От них-то мне, собственно, и хотелось оградить Вас моим советом, ибо в самом деле это такой случай, где можно сказать. "Mon Dieu sauvez-moi de mes amis, je saurai Dieu me garde de mes ennemis". *[340]

А между тем все эти Ваши друзья все-таки славные люди, так уверены, что они собою жертвуют *для Вас*! <...> Вы послали Ивану Сергеевичу письмо. Покажите мне с него копию; вернее, чтобы кроме Ивана Сергеевича еще кто-нибудь из нас просмотрел. "Наше Время", говорят, нынче не выходило. Господь с Вами. Меня очень печалит эта история».[341] Как видим, Гиляров прислушался к совету графини — настоял на том, чтобы Аксаков поместил в газете его письмо за полной подписью.

Тем же днем, когда в «Дне» увидела свет последняя статья Аксакова с письмом Гилярова (8 декабря), датировано письмо В. С. Аксаковой к М. Г. Карташевской, заинтересовавшейся статьей «По поводу будущего суда присяжных» и ее автором.[342] Здесь Вера кратко изложила всю историю противостояния двух

---

* «Боже мой, спаси меня от моих друзей, и я знаю, Бог сохранит меня от моих врагов» (*фр.*).

340 Выражение, принадлежащее французскому юристу и писателю Габриэлю Сенаку де Мейлану (Meilhan; 1736—1803); приведено неточно.

341 РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 596. Л. 6—8. Копия князя Н. В. Шаховского.

342 Позднее, 13 декабря, Мария писала сестре: «Мне кажется, статья Гилярова очень дельная и многое верно схвачено» (ИРЛИ. Сигн. 10656. Л. 119 об.).

газет, как она виделась семьей Аксаковых: «Ты спрашиваешь, кто пишет эти статьи; это Гиляров; впрочем, ты в этом Nомере сама это увидишь из объяснений с “Нашим Врем<енем>”. Я думаю, ты немало удивилась ответу Ивана в предыдущем Nомере “Дня”.[343] Так как никто не читает “Наше Время”, то и трудно понять. Прежде всего, конечно, ненадобно было отвечать Гилярову на заметку “Нашего Времени”, как бы недобросовестна и злонамеренна она ни была, и особенно отвечать так задорно. Ивану не следовало и печатать эту статью, но дело было сделано. Павлов обиделся за обвинение своей газеты и прибавил от себя (после ответной статьи своего сотрудника) несколько дерзких слов и предложил даже отвечать и словом *и делом*, т. е. сделал *вызов*. Иван не сказывал Гилярову, скрыв все от нас, вздумал разделаться с Павловым сам и через Чижова послал к нему письмо, что он сам берет на себя ответственность за Гилярова и готов с ним стреляться, — что Иван поступил слишком необдуманно, говорить нечего, но Чижову еще менее простительнее, что он не остановил его; — и стоило связываться с таким черным человеком, как Павл<ов>. Он отвечал, что он ни за что не станет стреляться с Ив<аном> Серг<еевичем>, что он не имеет никакой причины и так уважает и его, и семейство. Тут шли у них долгие переговоры, мы ничего не знали. Наконец Иван решился на другое, столько же необдуманно, не сказавши Гилярову, напечатал свой ответ, который ты, верно, прочла в предпоследнем Nомере. Этого никак не должно было делать, особенно не переговорив с Гиляровым. Теперь напечатано письмо Гиляр<ова> и заметка Ивана. Не знаю, будет ли “Наше Время” отвечать что-нибудь, но во всяком случае “День” не будет продолжать этой неприятной и неприличной полемики. Вообще, Иван почти никогда за себя не отвечал, ни <на> какую брань и обвинения, и это самое лучшее и самое сильное оружие против подобных подлых выходок. Мы узнали об этом, только когда прочли в “Дне” ответ Ивана, и признаюсь, как немало встревожила эта возможность подобных нелепых происшествий. К тому же надобно сказать, что Иван и вообще наше общество смотрит на дуэль как на явление нелепое, чисто условное и чисто прозападное, а между тем это условное значение так сильно, что готовы первые ему подчиниться. — Но нашелся Чичерин,[344] этот безымянный критик Гилярова, который скрыл свое имя и даже теперь, когда из-за него поднялась такая история, спрятался за Павлова».[345]

Желая оставить за собой последнее слово, редактор «Нашего Времени» позже вернулся к теме, чтоб в очередной раз уязвить Гилярова: «Мы имеем честь объяснить г. Гилярову, что не делали ему никакого вызова. Мы только высказали ему наше неблагосклонное мнение о тоне и смысле его статьи и изъявили го-

[343] Имеется в виду статья Аксакова «От издателя “Дня” редактору-издателю “Нашего Времени”».

[344] На деле автором статей против Гилярова был Н. А. Мельгунов, а не Б. Н. Чичерин (тоже активный сотрудник «Нашего Времени»). Видимо, в тот период Аксаков заблуждался, полагая, что последний — оппонент Гилярова.

[345] ИРЛИ. Сигн. 10629. Л. 111 об.—113.

товность дать отчет в наших словах, если б он пожелал этого. Когда же сам г. Гиляров не принимает этих слов к сердцу, то нам естественно нечего требовать от него никакой ответственности <...>».[346] Кроме того, Павлов счел нужным открыть неизвестные публики подробности этой истории: оказалось, что Аксаков и Павлов, прежде чем отдать в печать, показывали друг другу через посыльных и общих знакомых (например, Ф. В. Чижова, как выяснилось из письма В. С. Аксаковой) свои статьи, которые первоначально были резче. Так, Павлов сообщал: «Нас просили исключить несколько выражений, что мы и сделали».[347] Приведем в качестве комментария мемуарное свидетельство Ф. Ф. Воропонова (правда, по его словам, вызов на дуэль исходил не от Павлова, а от Мельгунова): «История приняла тревожный характер, и трудно было предугадывать исход. Острый момент для него пришелся как раз на ноябрьский пятничный вечер, когда у Аксакова было много гостей. В это время посыльные носили записки то от Мельгунова к Аксакову, то от Аксакова к Мельгунову; Аксаков имел угрюмый, сосредоточенный вид, удалялся временами поговорить отдельно с более близкими, а среди остальных присутствовавших шли толки, что переговоры ведутся именно по вопросу о дуэли: неужели Аксаков, всегда бывший против подобных расправ, не выдержит последовательности и в острый момент решится на дуэль? А если решится, то как печальна будет опасность и для него самого, и для такого живого органа, как "День"!»[348]

Все эти события, по-видимому, только подогрели интерес к статье Гилярова о суде присяжных; третья ее часть завершалась уведомлением «Продолжение следует»,[349] но Гиляров остыл к этому своему замыслу, осознав чрезвычайную трудность его достойного воплощения. Позднее, в письме к своему ученику Романову-Рцы от 23 ноября 1886 г., он вспоминал: «...расскажу случай, бывший со мной во время писания "о присяжных" для "Дня". Подошел я к высшим понятиям о правде, свободе, любви. Мысль мне была ясна, да и не нова для меня; но нужно было формулировать ее, отчеканить. Я задумался, полулежа на диване. Приятель, священник-магистр, вхожий в дом,[350] вошел ко мне в кабинет, посмотрел, мигом повернулся, отправился к жене и сказал ей с ужасом, что "Н<иките> П<етрови>чу нехорошо; что такое?" Он испугался моего напряженного вида и страшно бледного лица...

---

[346] Наше Время. 1862. 13 дек. № 269. С. 1073.

[347] Там же.

[348] *Воропонов Ф. Ф.* Сорок лет тому назад: По личным воспоминаниям // *ВЕ*. 1904. Кн. 8. С. 447.

[349] День. 1862. 8 дек. № 49. С. 3.

[350] Имеется в виду священник (позже протоиерей) Григорий Петрович Смирнов-Платонов (1825—1898), духовный писатель, издатель, общественный деятель. В своих мемуарах «Curriculum vitae: Из области воспоминаний и мечтаний» он упоминал: «...будучи связан с Н<икитой> П<етровичем> совсем не житейскими связями, бывши долгое время домашним человеком в его доме...» («Детская Помощь»: К читателям и сотрудникам. М., 1885. С. 40).

А это было лучшее, что я написал! И вообразите — погибло! Статью я не кончил, но это начало, над которым я мучился и которого первые слова были: "Свобода и любовь в своем бесконечном единстве..." — это начало строк в двести было даже набрано; но в гранке пропало. Ни о чем я не жалею, а об этом жалею. Так художественно, кратко, точно и вместе полно уже не воспроизведу».[351] Об этом же наборе вспоминал и Н. П. Аксаков: «Раз я читал ему что-то или говорил ему что-то о философии. Гиляров вдруг вскочил, вытащил откуда-то пачку старых корректурных листов и прочел мне несколько мест, приведших меня в положительный восторг. Впоследствии мне никогда не удавалось убедить Гилярова разыскать эти именно корректурные листы, хотя я и умолял его напечатать их, ибо листы так и остались только корректурными».[352]

Аксаков с горечью писал Самарину 11 января 1863 г.: «Что наделал со мной Гиляров: концов не свел, статью не кончил, возбудил тысячу недоразумений, и брань, и ругательства, оставил подписчиков прошлогодних без конца статьи и пр. В довершение "сам плачет от срама" — сознавая свою инерцию. Что тут делать!»[353]

Вскоре, однако, друзья помирились. 7 февраля 1863 г. Гиляров был введен в Комиссию по пересмотру проекта Устава о книгопечатании, в период с 19 февраля[354] по 18 мая принимал участие в заседаниях этой Комиссии в Петербурге, и Аксаков продолжал с ним обмениваться мыслями по этому поводу. Так, 27 февраля 1863 г. он писал: «...я начинаю приходить в уныние! Энергия моя слабеет, руки опускаются и, — кажется, бежал бы вон из России, этой неизлечимо-больной! Что бы Вы там ни говорили, а свобода слова если и не есть панацея от болезней, то по крайней мере есть воздух, которым дышишь. Стеснение слова есть лишение легких воздуха. <...> Никогда цензура не доходила до такого безумия, как теперь, при Валуеве. Она получила характер чисто инквизиционный. Он прислал, между прочим, в Цензурный комитет две бумаги: одну о том, что при цензуровании статей следует обращать внимание не только на статью, но и на направление журнала или газеты, где предполагается ее поместить, так что иному редактору можно отказать в помещении статьи, дозволяемой другому редактору. Другую же бумагу о том, чтобы "День" цензуровать как можно строже, потому что редактор, очевидно, руководствуется воззрениями, противными всем цензурным постановлениям. / Не знаете ли Вы какого-нибудь фортеля укротить это неистовство цензуры? На прошедшей неделе мне запретили пять статей, так что их приходится заготовлять и набирать вдвойне и втройне».[355]

---

[351] *Письма к Рцы.* С. 301—302.

[352] *Аксаков Н.* Воспоминание о Н. П. Гилярове-Платонове // Русский Курьер. 1887. 19 окт. № 288. С. 1.

[353] *Переписка Аксакова и Самарина.* С. 171.

[354] *Никитенко А. В.* Дневник: В 3 кн. М.: Захаров, 2005. Т. II. С. 406—407. (Биографии и мемуары).

[355] ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 13. Л. 5—5 об. Впервые опубликовано частично: *Аксаков в письмах*. Т. III. С. 269—270.

Не оставлял Аксаков и попыток возобновить участие Гилярова в «Дне» как автора, хотя тот, возглавив Синодальную типографию, был поглощен другими заботами. Однако, когда 2 мая 1864 г. живший в Париже католический священник, иезуит И. М. Мартынов написал письмо Аксакову в защиту своего ордена, тот обратился с просьбой ответить отцу иезуиту именно к Гилярову. После долгих проволочек тот решительно отказался, и положение спас Самарин, опубликовав в «Дне» пять своих «писем об иезуитах». Гиляров, впрочем, принимал участие в их публикации (консультировал Самарина, держал корректуру и др.).[356]

Отметим, что существует косвенное свидетельство о том, что Гиляров мог публиковаться в «Дне» не только в 1862 г., но и позднее, — в письме Аксакова к Гилярову от 15 июля 1878 г. Последний решил издать сборник своих статей и обратился к Аксакову с просьбой дать ему дублетные номера газеты, на что получил ответ: «У меня нет экземпляров “Дня”, кроме своего. Посылаю его Вам, но ради Бога не затеряйте. Лучше буду посылать по годам. В “Москве” Вы участвовали только в начале».[357] Казалось бы, зачем Гилярову искать свои статьи не только в подшивке 1862 г., но и в последующих (притом, что о газете «Москва» Аксаков уверенно сообщает, что статьи Гилярова были лишь в начале издания)?

Таким образом, тема «Гиляров и газета “День”» пока не может считаться закрытой.

1.7. УПРАВЛЯЮЩИЙ МОСКОВСКОЙ СИНОДАЛЬНОЙ ТИПОГРАФИЕЙ (1863—1868)

Как упоминалось, 1 июня 1863 г. «в связи с преобразованием центрального управления Министерства народного просвещения» Гиляров был уволен от службы, «с оставлением за штатом на общем основании».

Снова он с семьей: у него к тому времени было уже два сына — Николай 12-ти и Алексей 7 лет; еще сын (первенец Николай) и дочь Надежда умерли, не прожив, соответственно, нескольких месяцев и двух лет, — оказался в критическом положении. Он начал активные хлопоты, как всегда призывая на помощь своего доброго Ангела графиню Блудову. Больше всего ему хотелось занять место директора Духовно-учебного управления при Св. Синоде, о чем он признавался графине 23 декабря 1861 г.: «...я мог бы быть особенно полезен на этой должности, которая была бы так мне в пору»[358] (однако слухи о том, что граф С. Н. Урусов освободит этот пост, не оправдались); Гиляров чувствовал в себе достаточно сил, чтобы поспособствовать улучшению системы духовного образования, сведя на нет последствия не вполне продуманных голицынских реформ начала

[356] См. об этом подробнее в главе 3.8.
[357] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 579. Л. 2 об.
[358] Там же. Ед. хр. 377. Л. 8.

1840-х гг. (к их изъянам и недочетам он неоднократно возвращается в книге «Из пережитого»). А тогда, в 1860 г., при Синоде под председательством архиепископа Димитрия (Муретова) был учрежден особый Комитет по разработке преобразований духовного образования. 9 марта 1863 г. обер-прокурор Синода А. П. Ахматов направил Гилярову разработанный Комитетом план будущей реформы. Он писал: «Ваша прежняя служба по духовно-учебному ведомству, искреннее сочувствие, которое Вы сохранили к образованию духовного юношества, доставили Вам близкое знакомство с потребностями и недостатками духовно-учебных заведений, преимущественно в отношении умственного и нравственного образования воспитанников, и потому я счел долгом препроводить к Вам, милостивый государь, экземпляр означенных трудов Комитета, с покорнейшею просьбою по внимательном рассмотрении оных сообщить мне Ваше о них мнение».[359] Положения составленной Гиляровым «Записки о преобразовании Высшего управления духовно-учебными делами» (1863)[360] были частично реализованы, когда в 1866 г. был учрежден новый Комитет при Синоде во главе с митрополитом Арсением (Москвиным). Реформа проводилась постепенно, по академическим округам, с 1868 по 1871 год.

Манило Гилярова и предложение сразу от трех российских университетов (в Москве, Петербурге и Казани) занять вакантную кафедру философии, что давало возможность возобновить столь полюбившуюся ему научно-исследовательскую и профессорскую деятельность.[361] Он почти согласился на службу в Московском университете, но тут ему предстояло делить кафедру с протоиереем П. А. Преображенским, и он отказался.[362]

Стороной, от своего приятеля Ф. В. Чижова, Гиляров узнал о предстоящем освобождении места управляющего Московской Синодальной типографией.[363] Он предпринял энергичные действия с целью занять эту должность. Необходима была письменная рекомендация митрополита Филарета, но тот не соглашался ее дать, так как вообще не любил проявлять инициативу в подобных делах и ждал, чтобы кандидатуру нового главы типографии предложил сам обер-прокурор.[364] Тогда Гиляров попросил графа Блудова (через посредство его дочери)

---

[359] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 584. Л. 1 об. Всего сохранилось 7 писем Ахматова к Гилярову и 9 ответных писем к нему за 1861—1865 гг.

[360] Там же. Ед. хр. 309. 27 л.

[361] Гиляров писал Романову-Рцы 15 ноября 1886 г.: «Скромность моя отклонила предложение философских кафедр в трех университетах. Теперь я вижу, что скромен был я излишне; но вижу это теперь, когда на кафедры влезли букашки» (*Письма к Рцы*. С. 288).

[362] См.: Докладная записка — попечителю Московского учебного округа по поводу предложения занять в Московском университете кафедру философии // *РО.* 1896. Т. 42, нояб. С. 456—458.

[363] См. письмо Гилярова к графине Блудовой от 5 февраля 1862 г.: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 378. Л. 5 об.

[364] Там же. Л. 5.

написать владыке и попросить его о необходимой протекции.[365] В конце концов хлопоты друзей увенчались успехом, и Высочайшим определением от 20 августа 1863 г. он был назначен управляющим типографией.

Впрочем, впоследствии Филарету не пришлось жалеть о своем ходатайстве за бывшего профессора Академии, чью карьеру он в свое время прервал, так сказать, на полуслове. Гиляров уже был полон масштабных планов по возвращению Синодальной типографии — наследнице старого Печатного двора, то есть первого очага российского просвещения, — ее былого значения. И во всех этих начинаниях его поддерживал Филарет. Ю. Ф. Самарин даже иронизировал в письме к князю В. А. Черкасскому от августа 1862 г.: «Филарет на старости лет сделался отъявленным либералом; он кокетничает с Гиляровым, гладит его по голове и пропускает его статьи, в которых проводится мысль, что полицейское покровительство власти губит церковь».[366]

О своей плодотворной деятельности за те четыре года, что он руководил Синодальной типографией, Гиляров подробно писал (защищаясь от наговоров недоброжелателей) 8 ноября 1883 г. обер-прокурору Св. Синода К. П. Победоносцеву, своему приятелю с 1860 г. Из этого пространного письма, которое отличается обычной, впрочем, для гиляровского эпистолярия живостью изложения и стилистическим изяществом, приведем только некоторые извлечения:

«Едва только я вступил в Синодальную типографию, как мне пришлось обратить внимание на печатание антиминсов с хульною надписью, дававшею тот смысл, что тайнодействия сила сообщается антиминсу Государем. Я принялся за разыскания, составил историческую записку[367] и при содействии покойного Филарета (поразившегося моим указанием и не находившего слов благодарить меня) достиг, что редакция надписи была изменена. <...> / О собрании сочинений Св. Тихона[368] Вы изволили сами отзываться одобрительно. Но мысль об издании, план, меры к собранию материалов, выбор ближайшего редактора, руководство его в сомнительных случаях принадлежали мне, и если бы не я, так и остался этот позор, что, несмотря на причтение писателя к лику святых, издание творений его продолжалось бы в старом виде, не только не исправленном, но и не ведающем о том, что автор уже не просто духовный писатель, а Святой Отец. <...> / Параллельные места в Библии, поверхностно составленные, искаженные опечатками и переставшие давать какое-нибудь руководство при чтении Священного Писания, вынудили меня исходатайствовать учреждение комиссии из

[365] См.: Там же. Л. 7 об.

[366] *Самарин Ю. Ф.* Статьи. Воспоминания. Письма. М.: Терра, 1997. С. 213.

[367] Записка датирована 17 октября 1863 г.; опубликована, с отзывом Филарета: Алфавитный указатель к Собранию мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам и к переписке его с разными учреждениями и лицами духовными и светскими. СПб., 1891. Ч. II. С. 58—65.

[368] Творения иже во Святых Отца нашего Тихона Задонского. 4-е изд. М.: В Синодал. тип., 1875. Т. I—V. «Ближайший редактор» — И. Д. Бердников. См. воспоминания Гилярова об этом издании в передовой «Москва, 14 января» (*СИ.* 1876. 15 янв. № 14. С. 2).

духовно-ученых лиц для выверки параллельных мест и новой их редакции.[369] Не я виноват, что дело осталось без последствий: и Филарет был отнят от земного служения, и я от типографского. Та же судьба постигла и порывы мои к постепенному исправлению текста богослужебных книг, о чем я также вступил в соглашение с незабвенным владыкою. Счастливее были мои критические указания на предисловие к Псалтири и на ложное толкование Арцивуриева поста в Триоди. Впрочем, не знаю еще, выкинуто ли оно. Не с одним вопросом редакционного и ученого свойства обращались ко мне тогда из Петербурга, и в архивах синодских должны сохраниться мои ответные записки, краткие и пространные, но всегда добросовестно обстоятельные, требовавшие разысканий и изучения».[370] Здесь упомянут недельный пост в армянском обряде, предваряющий Великий пост и бывающий за 10 седмиц до Пасхи; он называется «арачаворк», т. е. «первый» (в греческом произношении превратился в «арцивуриев»); в византийской традиции из соображений полемики с армянами эта седмица считается сплошной. После докладной записки Гилярова неправильное толкование этого поста в Триоди было опущено.

Коснувшись в том же письме и других своих редакторских трудов, которые, конечно, не имели отношения к его прямым обязанностям и за которые он брался, ставя перед собой задачу духовного просвещения, — Гиляров кратко перечислил свои достижения и в рутинной, казалось бы, области административно-экономического руководства Синодальной типографией. Так, продолжая свой реестр-апологию, он рассказывал о составлении подробнейших таблиц, которые, учитывая расходы на печатание книг, объемы продаж по годам и другие данные, позволяли в будущем легко определять наиболее выгодный тираж новых изданий и их оптимальную цену, и не без гордости заявлял: «Предшествовавшее мне управление Типографиею сообразило, что чем в большем количестве экземпляров печатать книгу, тем экземпляр обойдется дешевле. Но сообразили и недосообразили. Печатая в 80 000 экземпляров книгу, расходящуюся по 100 экземпляров в год, наносят себе явный ущерб, осуждая капитал лежать непроизводительно 800 лет. При разумном хозяйстве число печатаемых экземпляров и продажная цена книг должны быть соображаемы с вероятным количеством их расхода. И вот что я сделал. Я поручил составить, помнится, за двадцать лет таблицы ежегодного расхода *каждой* из ходячих типографских книг и вывести среднее число, и сам это проверил. Затем... без чувства глубокого унижения не могу вспомнить о следовавшей за этим моей личной работе, глядя на которую, когда я корпел над нею, покойный Ф. В. Чижов говаривал мне с участливым сожалением: “И охота Вам красным деревом печку топить”. Я составил таблицы, по которым, приняв за основание данные: расход печатания, ежегод-

[369] В архиве князя Шаховского хранится объемная беловая рукопись Гилярова «Свод четырех Евангелий (Луки, Матфея, Марка, Иоанна)», с обозначением параллельных мест (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 335).

[370] *Разумевающие верой*. С. 205, 206.

ное количество продажи, желаемые проценты, бухгалтер без вычисления, простою сверкою определяет искомые количества печатания и продажную цену книги. Краска негодования бросается мне в лицо, когда я вспомню об этой книжке (ее экземпляр был предоставлен в Хозяйственное управление). Расчет сделан от $^{1}/_{2}$ процента до 20% и от 1 года до 24 лет, и притом с *десятью* десятичными, чего по части таких таблиц в литературе целого света нет подобной. Два листика я Вам для видимости прилагаю, чтобы тем крепче убедились Вы в моем неряшестве и поверхностном отношении к Типографии во время моей службы».[371] Необычайно обстоятельное официальное отношение Гилярова под названием «Приложение к представлению от 19 ноября 1864 г., № 40. О расценке Типографских книг», хранящееся в Синодальном архиве, начинается так: «Затруднение относительно правильной расценки Типографских книг, о котором было мною упомянуто в представлении, заслуживает, по своей важности, особого объяснения. Считаю долгом подробно описать положение, в каком находится сей вопрос. / При печатании каждой книги Конторою Типографии составляется обыкновенно счет, во что книга обходится самой Типографии, и затем высчитывается, какая полагается на оную при продаже прибыль. Цифры, которые значатся в этих расчетах, в сущности нисколько не отвечают ни действительным затратам, ни действительной прибыли».[372]

Важной инициативой Гилярова стало изготовление венчиков (ритуальных лент, возлагаемых на лоб покойникам), усовершенствованное за его счет типографским способом, значительно сократившим издержки. Началось все с коммерческого предложения Н. А. Сергиевского, в тот период (1866—1869) директора Канцелярии обер-прокурора Св. Синода (позднее попечителя Виленского учебного округа), сделанного им Гилярову. Остановимся на этом сюжете, наглядно демонстрирующем бескорыстный энтузиазм Гилярова-администратора: «В числе других обязанностей на Типографии лежало посредничество по доставлению венчиков в духовно-учебное управление. Венчики были в положении, не многим менее позорном, нежели надпись на антиминсах. Они сдавались на подряд, приготовлялись кустарным способом, размалевывались наибезобразнейшим способом, руками всякого сброда. Я нашел такой порядок не подобающим операции, имеющей дело с предметами богослужения. Вместе с инспектором и фактором Типографии я начал обдумывать; начали мы производить опыты приготовления венчиков, и притом разноцветных, типографским способом. Мы тратили не только труд, но я расходовал на это свои личные средства, покупал краски, платил рабочим за опыты, которые, понятно, не с раза удавались. Именно Вам, досточтимый Константин Петрович, передавал я свое огорчение о том, что, когда я преподнес начальству благоприятный результат опытов, меня даже не спросили, чего это мне стоило, и усвоили, не кивнув головой, представленный мною способ, сокращающий издержки изготовления венчиков на несколь-

[371] Там же. С. 207—208.

[372] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 243. Л. 1. Копия князя Н. В. Шаховского.

ко тысяч ежегодно. Я Вас же, как юриста, спрашивал тогда, могу ли я надеяться от закона на защиту моих прав по применению нового способа, которым обязаны мне не как управляющему, а как частному лицу. Один из наших общих знакомых, занимающих теперь высокий административный пост, служивший тогда в Москве и бывший очевидцем моих изысканий, опытов, забот и расходов, говорил мне: "Передайте мне это дело; я являюсь подрядчиком по изготовлению венчиков, на место теперешнего; барыши пополам". — "Нет, любезный Н<иколай> А<лександрович>, — отвечал я, —я предпочитаю идти царским путем. Барышей в том размере, в каком Вы предполагаете, конечно, я не получу, но не думаю, чтоб меня оставили в полном накладе". А ведь было бы благоразумнее последовать совету лица, которое значится теперь в числе высокопоставленных!»[373] В архиве князя Н. В. Шаховского сохранилось составленное Гиляровым «Представление директору Хозяйственного управления при Синоде В. А. Лаврову записки о возможности и целесообразности изготовления венчиков типографским способом» от 31 января — 13 апреля 1866 г.[374]

Особой заслугой Гилярова стало спасение им старинных книг и рукописей. Он сообщал: «Состояние знаменитой типографской библиотеки было ужаснейшее; на чердаке я нашел столбцы XVII столетия, употреблявшиеся чиновниками "для известных надобностей". Сокровища наполовину были уже расхищены <...> моею обязанностью было охранить хотя остатки, и я *лично* целые два месяца, и притом самые неудобные, декабрь и январь, проверял состав библиотеки. Чего это стоило в холодном, нетопленом помещении!»[375] Кроме того, Гиляров внес кардинальные изменения в организацию труда в Типографии, сделав его вольнонаемным, для чего составил новые штаты, инструкции, положения и даже табели с расценками работ. С успехом он совершенствовал само типографское производство: «Словолитная поставлена на твердую почву; произведены были подготовительные работы к систематизации славянских шрифтов. Введена экономия в расходы, которые по некоторым статьям уменьшились на тысячи».[376]

Писал он Победоносцеву и о своем открытии, давшем толчок реставрации здания Печатного двора, восстанавливающей его исконный вид: «При отбитии штукатурки в старой складочной оказались древние фрески, единственный сохранившийся у нас образец древней гражданской стенописи. Насколько эти фрески обнаружились, они были сняты на бумагу в натуральную величину, с соблюдением подлинных красок, и опять на мои личные средства. <...> То, что я начал, продолжено и приведено к окончанию; реставрация совершена; проезжая мимо Китайской стены, я мысленно, при взоре на Синодальную типографию, благодарю Провидение, что мне оно предоставило дать первый толчок этому делу и ценою личных неприятностей спасти древнее здание от эксплуата-

[373] *Разумевающие верой*. С. 209.
[374] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 250а. Л. 1—22.
[375] *Разумевающие верой*. С. 208.
[376] Там же.

торских похотений современного индустриализма в лице А. А. Пороховщикова».[377] Столкновение с известным коммерсантом и общественным деятелем Пороховщиковым, пользовавшимся поддержкой синодальных властей, в конце концов стоило Гилярову поста управляющего типографией. Позднее, в 1872 г., тот все же построил впритык к зданию Синодальной типографии гостиницу «Славянский базар» (Никольская ул., д. 17), еще через год здесь открыл одноименный ресторан. Гиляров решился на общественное разоблачение аферы, опубликовав в своей газете «Современные Известия» письмо некоего *Приезжего купца,* возмущенного разыгранной в концертном зале (Русской палате) «Славянского базара» «музыкально-литературной забавой», одним из номеров которой было «потешное представление» «“Разговор регента с певчими”, как нужно петь Символ веры, как, кому и где нужно кричать».[378] Гиляров комментировал это сообщение, передавая все закулисные подробности с обычной для себя откровенностью: «Тяжело вспомнить, что “священные сюжеты” разыгрываются в доме, принадлежащем Святейшему Синоду, и на средства Святейшего же Синода. “Славянский базар” помещается, как известно, в доме Синодальной типографии; пожалуй, только на земле типографской, а в доме, принадлежащем г. Пороховщикову. Но г. Пороховщиков выстроил этот дом для Святейшего же Синода и на деньги Святейшего же Синода. Но г. Пороховщикову дано на постройку этого дома до полумиллиона рублей безвозвратно. Но г. Пороховщикову уступлен этот дом без состязаний. Но к г. Пороховщикову снизошли, когда архитектор, обязанный свидетельствовать, нашел поставленный для дома материал недоброкачественным. Духовное управление даже заложило дом, чтоб сотнями тысяч ссудить г. Пороховщикова. Г. Пороховщиков является не наемщиком, а скорее уполномоченным Святейшего Синода. Операция принимает вид нравственного поручения и не может быть экономической сделкой, как не могут два и два составить два вместо четырех». И далее Гиляров укорял не столько самого предпринимателя, сколько синодальные власти: «Было бы утомительно рассказывать, но стоящий против той же Синодальной типографии Богоявленский монастырь или рядом стоящий Заиконоспасский, даже не ища, находят охотников, которые строят им дома, без пособий, и притом выплачивая с первого года большие наемные деньги и обязываясь передавать монастырям выстроенные громадные здания с десятками тысяч дохода в сроки вдвое меньшие, нежели дан г. Пороховщикову».[379]

Заканчивал письмо Гиляров словами: «Я устал бы перечислять, достоуважаемый Константин Петрович, всё, что мною сделано для Типографии <...> Припоминая теперь, признаюсь, сам даже удивляюсь избытку тогдашней своей энергии. Но и то сказать: я же тогда всего себя посвятил типографскому делу, покинув,

[377] Там же.
[378] *СИ.* 1872. 30 сент. № 269. С. 2.
[379] Там же.

к ущербу своему, литературную деятельность, на то время мною приостановленную».[380]

Однако Гиляров, хотя и оставил на время серьезные научные изыскания, не порывал вполне с публицистикой. Так, в 1867 г. он опубликовал ряд острозлободневных статей — главным образом, по церковно-общественным вопросам — в аксаковской газете «Москва». Об этом он вспоминал в письме к Романову-Рцы от 2 ноября 1886 г.: «Когда началась “Москва”, покойный Аксаков предложил мне столбцы для передовых статей два раза в неделю».[381] Втайне Гиляров надеялся, что он станет и соредактором, о чем можно судить по его оговорке в письме к князю Н. В. Шаховскому от 2 февраля 1886 г.: «Когда Аксаков начал издавать “Москву” и предложил мне писать руководящие статьи с неограниченною властью (я и писал их), он <...> не заикнулся ни раза мне предложением соредакторства».[382] За некоторые передовые по проблемам духовной школы он получил по начальству изъявление неудовольствия от самого обер-прокурора графа Д. А. Толстого. Гиляров писал поэту Н. Ф. Щербине 1 мая 1867 г.: «...участие мое в “Москве” повело к таким отношениям моим официальным, что мне оставаться на службе невозможно. Спешу бежать и только не знаю куда бы. Мне напрямик замечают, что литературная деятельность, а именно по части передовых статей, несовместима с моими обязанностями официальными».[383] Ранее, 21 марта 1867 г., Гиляров жаловался графине А. Д. Блудовой: «Директор, которому я непосредственно подчинен, спрашивает меня полуофициально, не я ли автор статей, печатаемых в “Москве” о духовных училищах, и замечает мне, что я не должен был бы себе этого позволять, что я имею *один только путь высказывать мнения* (буквально), то есть представлять по начальству! Тогда как этот вопрос нисколько к моей должности не относится, тогда как этот вопрос открыт для публичного обсуждения, тогда как с особенною скромностью старался я высказывать свои замечания на проект, заслуживающий замечаний самых едких. Итак, я не должен сметь свое суждение иметь!»[384]

Еще бóльшую неприязнь начальства вызвала непримиримая позиция Гиляров в отстаивании типографских зданий как памятников истории и культуры (их, как выше упоминалось, планировали продать городу под торговые помещения). Становилось ясно, что в очередной раз он должен круто изменить свою жизнь и не сегодня-завтра навсегда уйти со службы в духовном ведомстве. 27 марта 1867 г. Гиляров пишет в Петербург А. В. Никитенко и просит посодействовать ему в приглашении на университетскую кафедру церковной истории.[385]

---

[380] *Разумевающие верой*. С. 210.
[381] *Письма к Рцы*. С. 248.
[382] *Из пережитого*. Т. 2. С. 489.
[383] ИРЛИ. Ф. 274. Оп. 3. Ед. хр. 218. Л. 1 об.
[384] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 381. Л. 2 об.—3.
[385] ИРЛИ. Сигн. 18483. Л. 22.

При этом он не переставал заниматься общественно-просветительской деятельностью в широком смысле. Так, в марте 1865 г. он стал действительным членом Общества древнерусского искусства при Московском Публичном музее и был избран великой княгиней Еленой Павловной в члены учрежденного ею Московского комитета по вспомоществованию бедным лицам духовного звания.[386]

1.8. ИЗДАТЕЛЬ-РЕДАКТОР ЕЖЕДНЕВНОЙ ГАЗЕТЫ «СОВРЕМЕННЫЕ ИЗВЕСТИЯ» (1867—1887)

Гиляров никогда не оставлял мысль издавать дешевую простонародную газету, однако, конечно, не в лубочно-казенном формате, не потрафляющую вкусам толпы, а, напротив, — газету, которая способствовала бы росту национального самосознания и при этом честно и откровенно разъясняла бы простолюдинам их настоящие нужды и правительственные меры к их удовлетворению. Первые проекты подобного издания, призванного реально содействовать делу общественного примирения на началах братской любви, появляются в переписке Гилярова с публицистом А. Д. Желтухиным в 1859 г.; газету тогда намечалось назвать «Листком Народных Нужд».[387] Через 5 лет, в 1864 г., Министерство внутренних дел предлагало Гилярову стать собственником «Русских Ведомостей» (после смерти их издателя Н. Ф. Павлова), правда, на невыгодных для него условиях.[388] Еще ранее, как упоминалось выше, он при желании мог бы редактировать официоз «Северная Пчела».

Стал Гиляров издателем-редактором большой газеты довольно неожиданно для самого себя.[389] Летом 1867 г. к нему на дачу принялся наезжать литератор

---

[386] См. об этом подробнее: *Дмитриев А. П.* К истории благотворительности в России: (Неопубликованные письма Н. П. Гилярова-Платонова к К. П. Победоносцеву, 1866—1867) // *Гиляров: ИМБР*. С. 837—876.

[387] См. об этом: *Шаховской Н., кн.* Годы службы Н. П. Гилярова-Платонова в Московском цензурном комитете, 1859 год // *РО*. 1897. Т. 48, дек. С. 520—529.

[388] Подробнее см.: *Шаховской Н., кн.* Никита Петрович Гиляров-Платонов. С. XXXV.

[389] Истории «Современных Известий» в последние годы посвящен ряд статей: *Федотова М. А.*: 1) Из истории газеты «Современные Известия» // Вопросы отечественной истории: Межвуз. сб. науч. работ мол. ученых: Межвуз. сб. науч. работ мол. ученых. М., 2000. Вып. 3. С. 94—107; 2) Россия и мир в освещении московской газеты «Современные Известия» (вторая половина XIX в.) // Там же. М., 2002. Вып. 5. С. 137—151; *Балашов Д. Ю.* О журналистской позиции Н. П. Гилярова-Платонова // *Возвращение*. С. 179—199; *Прохоров Г. С.* «Современные Известия», «Гражданин», «Московские Ведомости» в кругу «эпидемии самоубийств» 1873 года // Там же. С. 130—135; *Кругликова О. С.*: 1) Газета Н. П. Гилярова-Платонова «Современные Известия» в системе печати консервативного направления // Средства массовой информации в современном мире. Петербургские чтения: Материалы 52-й Междунар. науч.-практ. конф. СПб.: СПбГУ, 2013. С. 23—26; 2) Н. П. Гиляров-Платонов как журналист и издатель // Учен. зап. Казанского ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2016. Т. 158, кн. 4. С. 1015—1030.

и книгоиздатель Н. А. Основский, газету которого («Московский Вестник») Гиляров цензуровал в 1859—1861 гг. Возобновление знакомства было вызвано страстным желанием Основского вновь издавать газету — причем ежедневную дешевую, каковых в Москве тогда еще не было,[390] что сулило, по его уверениям, быстрый финансовый успех. Сам Основский был замешан в свое время (в 1862 г.) в шумном скандале, сопровождавшем издание им четырехтомника сочинений Тургенева (Гиляров выступил тогда одним из трех посредников в третейском суде над обвинявшимся в жульничестве Основским), к тому же последний не имел высшего образования (необходимый в тот период образовательный ценз), — поэтому он сам и не надеялся получить разрешение на издание газеты.

Гиляров, по воспоминаниям его сына Николая, поначалу «ехать в Петербург отказался наотрез, а об редакторстве просил и не заикаться».[391] Но в августе, сдавшись на уговоры, все же поехал. Пока он подавал просьбу, Основский, не сомневавшийся в успехе предприятия, «не дремал: подыскивал помещение для конторы, типографии и редакции, сторговался насчет машины, шрифта и проч., нашел даже сотрудника по иностранному отделу, некоего Ковальского».[392]

Первый номер газеты «Современные Известия» вышел уже в конце 1867 г., 1 декабря, — в надежде на большое число подписчиков в наступавшем году. Тогда доживали отпущенный им короткий срок такие славянофильские издания, как «Москва» И. С. Аксакова и «Русский» М. П. Погодина (оба выходили по два года без двух с половиной месяцев в 1867—1868 гг.), и в той же Москве, как бы переняв от них эстафету, появилась своя первая ежедневная газета, выходившая в продолжение двадцати лет, — тоже с явным славянофильским оттенком.

Однако сразу возникли осложнения: вместо ожидавшихся 5000 человек их оказалось всего 800. Издание обернулось одними убытками. Не замедлили подступить кредиторы. Основский, заведовавший типографией и всей хозяйственной частью издания, «видя, что дела плохи, стал заниматься делом кое-как и, наконец, совсем пропал из виду».[393] О нем чуть позднее, в октябре 1872 г., Гиляров писал А. С. Суворину: «Теперь я оказываюсь газетным издателем, но, в сущности, я этого никак не ожидал. Один господин, теперь уже умерший, упросил меня: 1) подать просьбу об издании газеты и 2) принять на себя, так сказать, домашнюю цензуру вместе с составлением двух-трех статей в месяц. Хозяйственная часть и вся редакция не должна была лежать на моих плечах. Деньги на издание были обещаны. Но случилось — все пуф, и издание все оказалось на моих

[390] «Московские Ведомости» в тот период не выходили по понедельникам, и тогда в розницу шли только петербургские газеты.

[391] *Гиляров Н. Н.* Краткая история газеты «Современные Изв<естия>» / Публ. А. П. Дмитриева // Коломенский альманах: Лит. ежегодник. Коломна, 2009. Вып. 13. С. 369.

[392] Там же.

[393] Там же. С. 370.

плечах, так что после заявленного имени моего даже отступление было невозможно».[394]

Спасти ситуацию помогли Гилярову родственники жены, двоюродные племянники студенты Богдановы, наладившие конторскую документацию, «но по литературной части он остался буквально один, наполняя газету только собою лично: месяцеслов, выборки из газет, передовая статья, иностранный отдел и даже корректура — все была его работа».[395]

И вскоре неожиданно для многих газета стала довольно популярной в Москве и провинциальных городах, удалось расплатиться по векселям и счетам, появился доход; в редакцию пришли талантливые журналисты, присылались корреспонденции со всей России. Успех не в последнюю очередь был обеспечен оригинальными передовицами Гилярова — они строились не как пропагандистские речи либо комментированные сводки последних событий, а как доверительные беседы с читателями, полные живого интереса, и включали выдержки из их писем и полемику на актуальные темы.

Пожалуй, в России в тот период и не было другого издания, где бы столь широко право голоса было предоставлено «безъязыкому» прежде народу. Сотрудница редакции М. С. Сковронская (о ней речь пойдет ниже) оставила интереснейшее свидетельство: «Письма из городов в “Современных Известиях” печатались случайные только такие, в которых передавали какой-либо случай или происшествие, и часто от простолюдинов; причем язык их сохранялся без изменения; расставляли только правильно знаки препинания да букву ѣ водворяли там, где было ее место. Таким образом, письмо выходило содержательное, написанное чистым русским языком. По этому поводу И. С. Аксаков удивлялся, отчего в его газете, имевшей в виду народ, совсем не было корреспондентов из народа, а в “Современных Известиях” писали многие крестьяне. Не припомню кто (кажется, Погодин), объяснил это тем, что тогдашним грамотным крестьянам, учившимся не по популярным руководствам, а по церковным книгам, удобопонятен был язык статей Гилярова-Платонова, напоминавший иногда проповеди».[396]

Столь удачное начало вызвало завистливую реакцию изданий-конкурентов, в которых появились заметки, будто бы «Современные Известия», по слухам, «безвозмездно пользуются шрифтом, станками, машинами и даже рабочими из Синодальной типографии».[397] Хотя «известно было, что вертельщиками пользуются в их свободное время, дают им хорошее вознаграждение, а машины и станки приобретены новые, не из Синодальной типографии и еще не вполне оплачены».[398] Подкупленные сотрудниками «Русских Ведомостей» типограф-

---

[394] *Из пережитого.* Т. 2. С. 212.
[395] Там же.
[396] *Сковронская М.* За четверть века: (Из воспоминаний) // Наблюдатель. 1897. № 2. С. 222.
[397] Там же. № 1. С. 205.
[398] Там же. С. 206.

ские рабочие несколько раз как бы случайно рассыпали всю сверстанную форму газеты, и та не могла выйти в срок.

Подобные злонамеренные действия, особенно же печатная клевета (прежде всего в связи с ревизиями Синодальной типографии[399]), вынудили Гилярова обратиться за помощью к синодальному руководству.[400] Он вспоминал об этом в письме к Победоносцеву от 8 ноября 1883 г.: «...я, с просьбою оградить мою честь судом, подал прошение об отставке, начальство с жадностью ухватилось за мою просьбу об отставке и поспешило удовлетворить ее, а взамен суда ограничилось самым сухим, в пяти строчках, отрицанием клеветы. Да этого мало; затем нашло уместным само оклеветать меня, да еще во Всеподданнейшем докладе».[401] Таким образом, 14 августа 1868 г. Гиляров был уволен от должности управляющего Московской Синодальной типографией и больше уже не поступал на государственную службу. Правда, вплоть до 1884 г. его поддерживали ежегодные выплаты из государственного казначейства по 800 рублей серебром, начатые производством 4 апреля 1865 г. (вместо пожалованной Государем аренды по чину действительного статского советника).

Главным делом его жизни теперь, его любимым детищем стало издание «Современных Известий», продолжавшееся целых 20 лет. Здесь он смог, несмотря на все стеснительные жанровые ограничения, всегда оставаться, так сказать, свободным художником, творить вдохновенно и по велению души. И. Аксаков в 1884 г. писал Гилярову: «Вы <...> вечно прозираете в будущее за целый век, а иногда и за несколько, потому что мысль Ваша слишком оригинальна и в то же время радикальна. <...> Ваша же газета, напр<имер>, это — “альбом моих впечатлений, ощущений и мыслей”».[402]

Хотя позже Гиляров не раз признавался: «...скажу о себе, что работа газетная мне совсем не по душе; что втянут я был в нее *обманом*; что цепь неотразимых событий удержала меня на ней <...>»,[403] — он тем не менее изначально подходил к своему редакторству очень ответственно, а по творческому темпераменту и внутренним склонностям, пожалуй, был призван к журналистскому делу бо-

---

[399] См.: *Залетный Н. <Пастухов Н. И.>*. От нашего корреспондента. Москва // Петербургская Газета. 1868. 23 июня. № 87. С. 2.

[400] См. сохранившиеся в архиве князя Шаховского черновики этого прошения Гилярова от 1 июля 1868 г. на имя обер-прокурора (графа Д. А. Толстого) и сопроводительного письма от 27 июня 1868 г., адресованного товарищу обер-прокурора графу Ю. В. Толстому. Опубл. нами: *Гиляров. ИМБР*. С. 215.

[401] *Разумевающие верой*. С. 210. См.: Извлечение из Всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по Ведомству православного исповедания за 1868 г. СПб.: В Синодал. тип., 1869. С. 264—266.

[402] *Аксаков в письмах*. Т. III. С. 442.

[403] Письмо к Романову-Рцы от 13 ноября 1886 г. (*Письма к Рцы*. С. 280). Проявившееся здесь раздражение Гилярова вызывалось изнурительностью каждодневного труда, нередко оборачивавшегося незаслуженными административными взысканиями со стороны цензоров.

лее, чем к какому-либо иному. Еще до выхода в свет первого номера «Современных Известий», 20 октября 1867 г., Гиляров писал Победоносцеву: «...честно поступит, высокий гражданский долг исполнит, больше других соотечественникам послужит тот, кто, имея дарования кое на что высшее и блистательнейшее, на более глубокое и ученое, совлечет с себя парадные одежды публициста-генерала и в рубище, свойственном простому люду, потолкует с ними о том, что им знать желательно, но что растолковать им отчасти не хотят, отчасти не умеют».[404] И о том же в письме от 6 декабря 1872 г.: «А для этого надобно прежде всего ниспуститься до публики, до некоторой степени пожертвовать собою».[405] Это признание уникально для Гилярова: словесный ряд, которым он пользуется, напоминает тот, каким в богословии описывается жертвенное нисхождение Христа (кенозис).

На склоне дней, в письме к Романову-Рцы от 13 ноября 1886 г., он жаловался: «Но когда, сцеплением, говорю, неотразимых обстоятельств, я прикован к тачке, я должен ее везти и в силу своего положения вынужден говорить большею частью дискантом».[406] А. М. Гальперсон по поводу этого гиляровского выражения писала С. Ф. Шарапову 10 октября 1888 г.: «Я напомнила бы, что Аксаков писание передовых статей называл *говорить басом,* Никита Петрович — *говорить дискантом,* и в этой разнице заключается их характеристика. Никите Петровичу действительно приходилось сгибаться в три погибели, чтобы становиться в уровень с толпой, и то не удавалось. Я сказала бы, что он старался быть учителем народа и для этого вступал с ним в постоянное общение, выслушивал нищих духом и давал им место в своей газете, своими ответами пытаясь выяснять им самые серьезные вопросы».[407]

Причем со временем Гиляров внутренне только больше утверждался на этих своих альтруистических позициях. Спустя год с небольшим после того, как начала выходить газета, несмотря на уже отчетливо осознанную тернистость избранного пути, он и не думал сходить с него, а, напротив, в программной передовой декларировал свое кредо: «Публицист, если хочет быть достойным своего призвания, обязан светить дорогу обществу <...> обязан найти для себя предмет недовольства».[408] Однако при этом, считал Гиляров, должно быть острое ощущение нравственной границы в обличении, не допускающее то, что называется «подкапываться под порядок»: «Публицист, не уважающий истории и преданий своего народа и коренных основ общественной жизни, которою он живет, столь же недостоин своего призвания, как поклонник суеверий и диких инстинктов массы или нахальный льстец властей».[409] В этом утверждении, между прочим,

---

[404] *Разумевающие верой.* С. 61.

[405] Там же. С. 121.

[406] *Письма к Рцы.* С. 281.

[407] ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Ед. хр. 43. Л. 1—1 об.

[408] *<Гиляров-Платонов Н. П.>*. Москва, 1 января // *СИ.* 1869. 2 янв. № 1. С. 1, 2.

[409] Там же. С. 2.

лежит и главный побудительный мотив к написанию спустя 15 лет «автобиографических воспоминаний» «Из пережитого», запечатлевших исторический разрез одного из важных этапов народной жизни прежде всего так, как он выразился в ее традиционных устоях и преданиях.

«Современные Известия» с первых же номеров приобрели в Цензурном ведомстве репутацию газеты благонамеренного направления, в которой, однако, нередки вызывающе резкие, бестактные выражения, хотя зачастую и справедливые по сути, однако недопустимые в дешевом массовом издании. Регулярно многочисленные представления в Главное управление по делам печати о непозволительных публикациях в «Современных Известиях» делала первая административная инстанция — Московский цензурный комитет, где за газетой надзирали цензоры: В. Я. Федоров (1867—1872), Ф. И. Рахманинов (1870, 1873—1885), Я. И. Прибиль (1873), П. Н. Воронцов-Вельяминов (1873—1874), К. Н. Леонтьев (1881), К. И. Воронич (1886—1887) и др. По большей части эти донесения не служили поводом к цензурным карам, а только принимались к сведению, — во многом благодаря лично благожелательно настроенным к Гилярову членам Совета, в чьем ведении в разное время оказывалась его газета: Ф. Ф. Веселаго, В. Я. Фуксу и Д. И. Каменскому, а также в особенности Ф. П. Еленеву.[410] Много делали для того, чтоб предотвратить или смягчить цензурные наказания, высокопоставленные друзья Гилярова: в 1870-х гг. К. П. Победоносцев,[411] в 1880-х — Т. И. Филиппов.[412]

За свою 20-летнюю историю издание получило сравнительно мало взысканий: 6 предостережений, 3 приостановки, 11 раз на разные сроки (от двух недель до девяти месяцев) запрещалась розничная продажа. Первые три предостережения — 14 марта 1870 г., 18 мая 1872 г. и 11 апреля 1874 г. — и приостановка на *три недели* были получены за статьи Гилярова и ряд помещенных им корреспонденций из провинции, в которых обсуждались некоторые морально устаревшие церковные обряды и критиковалась система духовного руководства,[413] отмечались упущения в работе полиции и приводились факты безнаказанного

---

[410] См. нашу публикацию «Отзывы цензоров о газете “Современные Известия” (1869—1871)» (*Гиляров: ИМБР*. С. 267—323), а также архивные материалы: РГИА. Ф. 722. Оп. 1. Д. 3728, 4144, 4239, 4303, 4308, 5630; Ф. 776. Оп. 1. Д. 6, 8, 10—12, 14, 24; Оп. 2. Д. 5—12, 14—21; Оп. 3. Д. 146, 147, 800, 801а, 801б; Оп. 5. Д. 15, 38а; Оп. 11. Д. 2а, 108, 154; Ф. 1400. Оп. 1. Д. 678; Ф. 1405. Оп. 534. Д. 826; ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 26.

[411] См. об этом: *Дмитриев А. П.* К. П. Победоносцев — приятель, оппонент, издатель Н. П. Гилярова-Платонова // Константин Петрович Победоносцев: мыслитель, ученый, человек: Материалы Междунар. юбил. науч. конф., посвящ. 180-летию со дня рождения К. П. Победоносцева, С.-Петербург, 1—3 июня 2007 г. СПб.: С.-Петерб. митрополия, 2007. С. 127—136.

[412] См. подробнее: *Дмитриев А. П.* «Случаям единомыслия бываю всегда рад...»: Переписка Н. П. Гилярова-Платонова с Т. И. Филипповым // Историко-философский ежегодник’ 2008. М.: Наука, 2009. С. 326—369.

[413] *<Гиляров-Платонов Н. П.>*. Москва, 1 марта // *СИ*. 1870. 2 марта. № 60. С. 1—2.

хулиганства солдатских чинов,[414] указывалось на недостатки земского и городского самоуправления и не одобрялась система налогообложения.[415] На второе запрещение, считая его необоснованным и прямо беззаконным, Гиляров отозвался так: «Правда, по существу проступок подлежал бы скорее судебному преследованию; предостережениями караются не одиночные выражения, которых недозволительность легко формулировать, а целое направление, последовательно проводимое и не всегда доступное осязательному изложению. Но правительство решило предостережением взыскать с нас и за отдельные выражения <...> большинство правительственных неудовольствий против нас <...> возбуждалось не нашими мнениями, и даже вообще не редакционными статьями, а корреспонденциями. Правительство карает в нас не столько писателя, сколько именно редактора, и даже ближе — цензора статей, нам присылаемых. Нам обращается во вред снисходительность наша к откровенности корреспондентов, к своеобычию даже их выражений. Может быть, как на этот раз случилось, уважение наше к чужому мнению и слову действительно иногда чрезмерно. Но мы следуем вековечному правилу общечеловеческой нравственности: «Не делай другому того, чего себе не желаешь». Мы признаем свободу слова и держимся ее, уважая в себе и других одинаково. Мы убеждены с целым светом, что легче достигнуть пользы разъяснениями, чем запрещениями. Наконец, самая цель нашего издания, с первоначала поставленная, была такова, чтобы предоставить себя по возможности в общественное распоряжение; чтобы в печатном органе слышался действительный общественный голос, а не мнение каких-нибудь литературных олигархов, поддельно выдаваемый за общественное. Полагаем, что самому правительству печатный орган окажет тем большую услугу, чем менее лукавя передаст ему выражения общественные. / Рано или поздно, это и будет. Теперешнее колебание самой печати и теперешняя строгость правительства суть переживаемые последствия прежнего, подцензурного времени <...> без жертв невозможно. Мы на сей раз в их числе».[416]

Первое запрещение розничной продажи — с 7 августа по 30 октября 1871 г. — последовало за публикацию в составе передовой статьи корреспонденции одного из читателей (булочника Г. Г. Урусова, активно сотрудничавшего с газетой и дружившего с Гиляровым) о холере в Москве и о мерах борьбы с нею,[417] с призывом помогать беспомощным и беспризорным, вместо того чтоб заказывать дорогие молебны с голосистыми иподиаконами. Во второй раз газета была так же наказана с 28 января по 20 октября 1872 г. за передовую статью, критикующую деятельность пореформенных судов с участием присяжных,[418] в третий —

---

[414] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 12 мая // *СИ*. 1872. 13 мая. № 129. С. 1.

[415] *П—ский В.* <*Пелешевский В. Ф.*>. Причины неудобных налогов // Там же. 1874. 29 марта. № 87. С. 2.

[416] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 21 мая // Там же. 1872. 22 мая. № 138. С. 1.

[417] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 31 июля // Там же. 1871. 1 авг. № 209. С. 2.

[418] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 16 января // Там же. 1872. 17 янв. № 16. С. 1.

с 27 марта 1874 г. по 14 января 1875 г. — за перепечатку выдержек из статьи «Нового Времени» о русском самоуправлении,[419] за которую последняя газета была приостановлена. Гиляров, не считая эти кары справедливыми, неоднократно разъяснял свою позицию в передовых статьях и письмах в Главное управление по делам печати;[420] подавал прошения о прекращении действия кары.

Следующие два предостережения постигли газету в 1875 г.: первое (2 апреля) — за критику законодательного отделения Министерства юстиции в связи с новыми правилами для присяжных[421] и за обнародование скандальной истории ухода Е. А. Салиаса-де-Турнемира с поста редактора «С.-Петербургских Ведомостей»[422] и — второе (16 октября) — за корреспонденцию из городка Шенкурска, из которой следовало, что правительство игнорирует нужды этого отдаленного края.[423] Не дожидаясь третьей такой кары, Главное управление по делам печати 22 декабря 1876 г. приостановило издание газеты на две недели (по Распоряжению от 16 июня 1873 г. — за обсуждение в печати вопросов государственной важности): вменялось в вину воспроизведение из газеты «Русский Мир» корреспонденций из Брест-Литовска и Варшавы об фортификационной деятельности в этих районах,[424] содержащих, с точки зрения Цензурного ведомства, сведения, представлявшие военную тайну. В результате хлопот друзей срок был сокращен наполовину и с января издание возобновилось.

Оба предостережения были сняты с «Современных Известий» (в числе 13 других газет и двух журналов) 16 декабря 1877 г. — в честь 100-летия со дня рождения Александра I и в связи с успехами России в Русско-турецкой войне.[425]

В продолжение этой войны — когда периодика читалась особенно интенсивно и могла приносить неплохой доход издателям — газета Гилярова была наказана троекратным запрещением розничной продажи за статьи по разнообразным вопросам: 1) о порочной политике синодальных властей по отношению к «протестующему» против нарушений канонов епископату[426] — с 9 по 24 февраля 1877 г.; 2) о злоупотреблениях при призыве на военную службу, выражающихся в подкупе врачей детьми богатых купцов (за обнародование городской молвы об этом городской голова С. М. Третьяков инициировал судебное преследование Гилярова),[427] — с 16 августа по 19 ноября 1877 г.; 3) о вреде толерантного

---

[419] <*Без подписи*>. По очередным вопросам // *СИ*. 1874. 23 марта. № 81. С. 2.

[420] См.: *Гиляров-Платонов Н. П.* Письмо в Главное управление по делам печати от 4 февраля 1872 г. <о цензурных карах> / Публ. А. Дмитриева // *Гиляров: ИМБР*. С. 120—130.

[421] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 28 марта // *СИ*. 1875. 29 марта. № 87. С. 2.

[422] <*Без подписи*>. Из Петербурга. 26 марта // Там же. 1875. 28 марта. № 86. С. 3.

[423] <*Без подписи*>. Из Шенкурска. 12 сентября // Там же. 1875. 9 окт. № 278. С. 3.

[424] <*Без подписи*>. Оборонительные работы // Там же. 1876. 12 дек. № 342. С. 2; 13 дек. № 343. С. 2.

[425] См.: *Патрушева Н. Г.* Главное управление по делам печати и организация надзора за периодикой в 1865—1905 годах // Известия Смоленского гос. ун-та. 2010. № 4 (12). С. 274.

[426] <*Гиляров-Платонов Н. П.?*>. По поводу архиерейских перемещений // *СИ*. 1877. 31 янв. № 30. С. 2.

[427] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 6 августа // Там же. 1877. 7 авг. № 215. С. 2.

отношения к побежденной Турции и за «избыток патриотизма», проявившийся в «резких суждениях»[428] — с 17 января по 1 ноября 1878 г., продленным затем на полтора месяца — до 14 декабря — за балагурный фельетон о начальстве одной из московских гимназий, исключившем пять гимназисток «за любовь к туркам»,[429] — и очередным предупреждением (18 февраля 1878 г.) за высказывания опять же о взаимоотношениях России с Турцией, в связи с обнародованием «предварительных условий мира»,[430] а также о трениях с Румынией по поводу бессарабских территорий.[431] После запрета розницы с 31 января по 28 мая 1879 г. за статьи о недостатках солдатского быта,[432] а также о просчетах во внешней политике[433] долгое время на «Современные Известия» взысканий не налагалось.

Доходило до парадоксальных ситуаций. Например, за патриотическое, сочувственное к борьбе балканских народов против османского ига направление публикаций «Современных Известий» 15 марта 1877 г. сербское правительство наградило Гилярова Таковским крестом с формулировкой «За заслуги в войне против Турции».[434] И в то же время, как он писал Романову-Рцы (13 ноября 1886 г.): «Трудно поверить, но в самый *сенокосный* год для периодической печати, 1877 год меня наказали тысяч на тридцать двукратным запрещением розничной продажи, между прочим за протест против передачи Добруджи и вообще за неуместное патриотическое направление».[435]

В конце 1877 г. Гиляров оказался совсем уже в отчаянном положении, о чем сообщал начальнику Главного управления по делам печати В. В. Григорьеву: «Я понимаю, что Главному управлению нет нужды знать степень тяжести, испытываемой наказуемым; но вслед за приостановлением издания в начале 1877 года, обошедшимся моему карману в двадцать тысяч, последовавшими запрещениями розничной продажи, из которых вот уже третье постигает меня на одном году, я поставлен положительно на край, за которым нет исхода, кроме полной несостоятельности. <...> Простите за объяснения. Они вынуждены горечью положения <...>. Я прибавлю к ним лишь одно слово: почему для меня, и именно для меня и ни для кого, запрещение розничной продажи есть особенно тяжелый удар. Моя розничная продажа, то есть продажа в своей конторе, в сущности, очень незначительна; но целая *половина* всех моих подписчиков состоит из тор-

---

[428] *<Гиляров-Платонов Н. П.>*. Москва, 11 января // *СИ*. 1878. 12 янв. № 11. С. 1—2.

[429] *Берендей <Сбруев П. А.>*. На лету // Там же. 1878. 11 окт. № 280. С. 1—2.

[430] *<Гиляров-Платонов Н. П.>*. Москва, 28 января // Там же. 1878. 29 янв. № 28. С. 2.

[431] *<Гиляров-Платонов Н. П.>*. Москва, 4 февраля // Там же. 1878. 5 февр. № 35. С. 2.

[432] *Не служащий*. Мысли об улучшении солдатской пищи // Там же. 1879. 28 янв. № 27. С. 3—4.

[433] *<Гиляров-Платонов Н. П.>*. Москва, 25 февраля // Там же. 1879. 26 февр. № 56. С. 2.

[434] См. свидетельство о награждении за № 3876 (ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 66. <№ 1>).

[435] *Письма к Рцы*. С. 280. *Добруджа* — историческая местность между нижним Дунаем и Черным морем, включающая дельту и возвышенности к югу от нее. По итогам Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Добруджа, входившая в состав болгарских земель, отошла от Турции к России, но последней Северная Добруджа была уступлена Румынии в обмен на часть Бессарабии.

говцев, подписывающихся заранее на большое число экземпляров и на длинные сроки, с целию отчасти, а может быть, и главным образом — продажи».[436]

Мотивы предостережений, полученных гиляровской газетой, самые разнообразные: «Крайне неприличные отзывы о таких предметах народного почитания, как обряды православного богослужения, высшие духовные учреждения и т<ому> под<обное>; постоянные отзывы и суждения, неумеренностью своей вовсе не соответствующие важности тех предметов, которых они касаются» (1870); «Возбуждение враждебных отношений низших классов общества к высшим» (1874); «Неоднократно замеченные крайне резкие и неуместные отзывы по разным предметам правительственного ведения» (1876). Или просто, без специальных уточнений: «Вредное направление» (1878).[437]

Любопытно, что параллельно Гиляров получал и совсем другие «предостережения», правда стилистически сходные. В его архиве, например, сохранилось послание от 10 июня 1879 г. некоего Брута (написанное «от имени Нового И<сполнительного> Р<еволюционного> Трибунала»), «любезно» уведомлявшего редактора «Современных Известий», что «за целый ряд статей, умышленно и заведомо ложно извращающих пропагандируемые социалистами мысли и идеи и вообще за бесчестное, подлое, лакейское и потому вредное направление» он будет «устранен».[438]

Хватало и других треволнений. Нередко Гилярова вызывали в суд в связи с разбором поданных на его газету жалоб.[439] Неоднократно ему доводилось претерпевать мучительные ситуации из-за сотрудников своей же редакции или типографских рабочих. Дважды его на большую сумму обворовывали конторщики, которым доверялась касса издания.[440] Однажды все 13 наборщиков и 2 метранпажа, свыкшиеся с ласковыми увещеваниями редактора по поводу их неявки и опаздывания на службу, пьянства и др. и вконец обнаглевшие, устроили стачку и сорвали выход газеты, так что Гилярову пришлось прибегнуть к защите властей.[441]

---

[436] Цит. по черновику, в котором фрагмент, начиная со слов «Я прибавлю к ним...», вычеркнут самим Гиляровым: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 519. Л. 1 об., 2.

[437] Цит. по: *Розенберг Вл., Якушкин В.* Русская печать и цензура в прошлом и настоящем: Статьи. М., 1905. С. 248.

[438] ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 40. <№ 1>. Л. 1—1 об. Прежде всего здесь имеются в виду печатавшиеся в виде фельетонов очерки Ф. А. Гилярова, которые впоследствии были собраны в книгу «15 лет крамолы (4 апреля 1866 г. — 1 марта 1881 г.)» (М., 1883. Т. I, ч. I. <4>, XVI, 324, IV с.), подвергшуюся цензурному запрету.

[439] См., например: Процесс редактора-издателя «Современных Известий» г. Гилярова-Платонова // *МВед.* 1869. 31 янв. № 25. С. 3; *Плевако Ф. Н.* Дело Гилярова-Платонова и Дубенского, обв<иняемых> в диффамации // *Плевако Ф. Н.* Речи. 3-е изд. М., 1912. Т. I. С. 277—281.

[440] См. об этом: *Сковронская М.* За четверть века. № 1. С. 210—215; *Гиляров Н. Н.* Краткая история газеты «Современные Изв<естия>» / Публ. А. П. Дмитриева. С. 375—376; *Гиляровский В. А.* Москва газетная. С. 80.

[441] См. прошение Гилярова «Г. Мировому судье Александровского участка г. Холмскому» (1869?), опубл. нами: *Гиляров: ИМБР.* С. 333—335.

Конечно, популярность гиляровского издания не в последнюю очередь объяснялась тем, что он сумел привлечь в качестве постоянных сотрудников, пожалуй, самых хлестких московских фельетонистов своего времени — П. А. Сбруева (чиновника особых поручений при Секретном отделении обер-полицмейстера)[442] и Н. И. Пастухова. Но, безусловно, куда важнее была вообще живая актуальность и оригинальная подача всех газетных материалов, в жанровом отношении представлявших причудливое сочетание военно-политических прогнозов, очерков религиозно-общественной жизни и метких, нелицеприятных оценок правительственных нововведений со злободневными откликами на проблемы бытового характера, сводками скандальных происшествий и переводами модной иностранной беллетристики. В. А. Гиляровский иронизировал: «Было время, когда “Современные Известия” были самой распространенной газетой в Москве и весьма своеобразной: с одной стороны, в них печатались политические статьи, а с другой, — они с таким же жаром врывались в общественную городскую жизнь и обывательщину. То громили “коварный Альбион”, то с неменьшим жаром обрушивались на бочки “отходников”, беспокоивших по ночам Никиту Петровича Гилярова-Платонова, жившего на углу Знаменки и Антипьевского переулка, в нижнем этаже, окнами на улицу».[443]

Впоследствии профессор Киевской духовной академии В. З. Завитневич, автор фундаментального исследования о Хомякове,[444] в частном письме к князю Шаховскому (от 10 ноября 1898 г.) провел интересную параллель между Гиляровым и Хомяковым, с одной стороны, и немецкими реформаторами Лютером и его сподвижником Меланхтоном — с другой. Он писал: «Хомяков и Гиляров — ягоды одного поля, но разных разновидностей; у Хомякова голова больше созидающая: он больше строит, чем разрушает; у Гилярова больше ум критический, отрицающий: он больше разрушает, нежели строит. Это Меланхтон и Лютер в нашей истории».[445]

Нравственно-психологические типы обозначены здесь довольно точно. Критический настрой ума, сосредоточенность на болезненных явлениях жизни, ее недостатках и нестроениях всегда были присущи Гилярову-мыслителю. Однако «разрушителем» он выглядит, пожалуй, только на фоне добросовестного систематика Хомякова. Отрицание у Гилярова всегда, как это ни парадоксально, оказывается плодотворным и созидательным. Объясняется такое положение вещей полнотой православного мирочувствия, свойственной ему: все его интеллектуальные интуиции определяются прежде всего живой верой. Ведь если твердо стоять на позициях глубоко осознанного религиозного идеала, то всякие несоответствия ему и отступления от него не только легко обнаруживаются, но и вы-

---

[442] Иногда он писал свою фамилию иначе: «Збруев». См. его мемуарный очерк о Гилярове: Воспоминания Берендея // Русское Слово. 1897. 13 окт. № 274. С. 2.

[443] *Гиляровский В. А.* Москва газетная. С. 78.

[444] *Завитневич В. З.* Алексей Степанович Хомяков. Киев, 1902—1913. Т. I—II.

[445] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 121. Л. 4—4 об.

глядят как такие помехи и препятствия, которые можно и должно устранять и преодолевать, причем говоря о них без утайки, во всеуслышание.

Еще в 1859 г. в письме к ректору Казанской духовной академии архимандриту Иоанну (Соколову) Гиляров прямо писал об этом (вспоминая о своем удалении из Московской духовной академии): «...я пал от рук людей, не умевших понять, что нападать на злоупотребления — не значит идти против самой вещи, что вооружаться против частностей в исполнении — не значит опровергать самую идею. Напротив, тем яснее, тем и выше явится идея Церкви и ее значение для нашего общества, когда она стряхнет с себя разный сор, отвне к ней приставший и вовсе не составляющий существа ее».[446]

Во всяком случае, в позиции, которой придерживался Гиляров, можно видеть плодотворную альтернативу, если сопоставлять его со знаменитыми современниками, затрагивавшими в своем художественно-публицистическом творчестве сходные общественно-религиозные вопросы: Достоевским, К. Леонтьевым, Вл. Соловьевым, архимандритом Феодором (Бухаревым), Лесковым, Победоносцевым, Л. Толстым.

Тем не менее, многие суждения Гилярова выглядели — прежде всего на фоне довольно безмятежной (особенно в 1880-е гг.) духовной журналистики — парадоксально-заостренными; казалось, они нарушали некий неписаный этикет и потому будоражили общественное мнение, часто раздражали цензурное ведомство и синодальные власти. В их глазах он, кстати, мало чем отличался от едкого Лескова, критиковавшего церковные порядки в общем-то с позиций протестантского миропонимания. Победоносцев советовал Гилярову: «Смотрите за своей *иронией* и не доверяйтесь ей в коротеньких заметках. Так срывается иногда с языка неудобное слово... Имейте в виду, что люди надзирающие не знают *пропорции* и не умеют понять фразу *в связи с контекстом.* Этого от них не ожидайте и не спрашивайте. Они чувствуют только в том месте кожи, в которое их уколет».[447]

В одном из частных писем начальника Главного управления по делам печати Е. М. Феоктистова (к Т. И. Филиппову от 4 мая 1886 г.), в общем-то благожелательно настроенного к Никите Петровичу лично, содержится резкая характеристика «Современных Известий»: «Меня всегда удивляло, что Н. П. Гиляров, человек недюжинный и по уму, и по образованию, помещает в своей газете, наряду с дельными статьями, невероятные мерзости. Небрезгливость его в этом отношении изумительна. <...> Наконец, беспрерывно появлялись в газете корреспонденции, в которых как бы умышленно духовенство изображалось в самом ненавистном свете».[448]

Т. И. Филиппов, человек, близкий по духу к Гилярову (кстати, назвавшему его в одном из писем «оптинским христианином»[449]), давал «Современным Из-

---

[446] Цит. по: *Кн. Н. В. Ш. <Шаховской Н. В., кн.>.* Обстоятельства оставления Н. П. Гиляровым-Платоновым... С. 556.

[447] Цит. по: *Шаховской Н., кн.* Никита Петрович Гиляров-Платонов. С. LII.

[448] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 713. Л. 15, 15 об.

[449] *РО.* 1896. Т. 42, дек. С. 997.

вестиям» совершенно противоположную оценку, куда как более справедливую и точную в свете исторической перспективы. Он писал Гилярову 16 апреля 1885 г.: «Кроме личного моего участия к Вам, я дорожу Вашим изданием как прибежищем пригнетенной истины в делах Церкви, которая из глубины потопляющих ее зол вопиет к нам о помощи, обязательной для чад во дни бедственных испытаний Матери».[450] Сходное мнение о «Современных Известиях» как о некоем маяке для русских церковных дел выражал в письме к Гилярову от 26 октября 1884 г. чиновник Министерства народного просвещения Н. Н. Новиков: «Будите же спящих и поощряйте бодрствующих между иерархами — чем сильнее и чем ярче, тем лучше: авось и спящие уразумеют что и как им делать, чтобы не спать. Пора поднять вопросы Церкви до подобающего им внимания в слепом и сонном большинстве общества, отравленного ложью и вздором интеллигенции. Дико же винить духовенство, когда все виноваты: оттого и шапка на Сеньке дырявая, что он Сенька».[451]

В московском обществе благодаря журналистской принципиальности и смелости Гилярова в это время зримо возросло его нравственное влияние на общегородские дела. 8 января 1881 г. он сообщал племяннику Федору Александровичу (своему соредактору по «Современным Известиям»): «...ко мне явилась депутация с просьбою баллотировать меня в головы; я ей почти дал согласие, я об этом предуведомил приятелей. Разумеется, Вы ничего этого не знаете и толкуете с Пороховщиковым и печатаете статьи по городским выборам, содержание которых может быть мне вредно. Сколько я узнал, Пороховщиков не имеет *ни малейших* шансов. Единственный кандидат интеллигенции — я. Вероятно, я завтра откажусь».[452]

Однако в 1880-е гг. дела у Гилярова пошли из рук вон плохо. В 1881 г. начали издаваться ежедневные газеты «Московский Листок» (редактор-издатель Н. И. Пастухов) и «Московский Телеграф» (редактор-издатель И. И. Родзевич; закрыт в 1883 г.), о которых Гиляров писал Романову-Рцы 13 ноября 1886 г.: «Разорению подвергся я *главным образом* от неожиданного разрешения двух уличных листков, которые, льстя грязным вкусам публики, сразу отняли у меня свыше сорока тысяч прихода; а на эту самую сумму я только что купил машин в типографию и бумажную фабрику *в кредит*».[453] Особенно же Гиляров обижался на бывшего своего сотрудника — 25 сентября 1882 г. он писал князю Шаховскому: «Дела мои стеснены: Пастухов отнял у меня 30 000 рублей, то есть подписчиков на эту сумму».[454]

---

[450] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 713. Л. 8 об.—9.

[451] Письма к Н. П. Гилярову-Платонову о воспоминаниях «Из пережитого» и очерке «Экскурсии в русскую грамматику» (1884, 1886) / Публ. А. П. Дмитриева // *Гиляров: ИМБР*. С. 466.

[452] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 399. Л. 1. Выборам Гилярова в городские головы решительно воспротивился К. П. Победоносцев. См. об этом в главе 2.9 на с. 257—258.

[453] *Письма к Рцы*. С. 280.

[454] *Переписка с Шаховским*. С. 70—71.

Покупка дорогостоящих станков и целой писчебумажной фабрики также оказалась несвоевременной. Сначала, еще весной 1875 г., Гиляров приобрел в кредит скоропечатную машину завода Рихель за 3300 рублей.[455] Позже, 11 декабря 1878 г., он купил скоропечатную типографскую машину у фабриканта А. И. Штединга за 2345 рублей 33 копейки в кредит (на всю сумму были выписаны векселя).[456] Через год, 15 декабря 1879 г., приобрел в Конторе и депо машин в Москве «Ф. Иохим и К°» «локомобиль в шесть сил завода Мартала», заплатив 1125 рублей наличными и на такую же сумму выдав векселя.[457] Все эти расходы не успели себя оправдать, да и проценты по кредитам оказались для Гилярова непосильными.

Писчебумажная фабрика была им куплена в 1873 г. у штабс-ротмистра Н. И. Шумова в с. Брынкове Рузского уезда Московской губ. за 50 тысяч рублей (15 тысяч внесено наличными, на остальные 35 оформлены векселя).[458] Протоиерей П. А. Преображенский отмечал в своем некрологе Гилярову: «...очень неудачным предприятием покойного было приобретение писчебумажной фабрики в Рузском уезде, которая поглотила много средств, а давала лишь убытки и продана за долги».[459] Объяснялось это прежде всего тем, что неопытного Гилярова, можно сказать, мошеннически склонили к приобретению заведомо убыточной фабрики.[460] Однако, делая эту покупку, увлекающийся Никита Петрович строил планы на будущее братство журналистов и издателей: он надеялся к содержанию фабрики привлечь Скворцова, Суворина,[461] Бартенева[462] и других знакомых редакторов, чтобы максимально удешевить бумагу и сделать русские газеты независимыми от прихоти капиталиста-барышника. Но никто его не поддержал.

Добавлялись переживания личного свойства. С февраля 1868 г. корректором газеты, а впоследствии — переводчиком иностранных телеграмм и составителем политических обозрений, по рекомендации сослуживца Гилярова В. Е. Румянцева, стала 28-летняя вдова губернского секретаря Мария Саверьевна (Ка-

---

[455] ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 67. Л. 18—22 об.

[456] Там же. Л. 14.

[457] Там же. Л. 17.

[458] См. Свидетельство о покупке фабрики от 12 июля 1873 г. и ее Опись (Там же. Ед. хр. 66).

[459] *ПО.* 1887. Т. III, окт. С. 396.

[460] См.: *Гиляров Н. Н.* Краткая история газеты «Современные Изв<естия>» / Публ. А. П. Дмитриева. С. 375.

[461] См. письма Гилярова к Суворину от 27 апреля 1873 г. и 16 февраля 1877 г. (РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 915. Л. 2—3 об., 6—7 об.).

[462] О. Н. Балашева рассказывала князю Шаховскому 10 апреля 1893 г.: «Бартенев сам попался на проек<т>ерстве и обольстительн<ой> речи Гилярова-Платонова о выгоде изделия бумаги из еловых игол, что он по собственной инициативе производил на своей фабрике. Бартенев законтрактовал Гилярову и пострадал на этом деле: бумага вышла отвратительная, и Б<артенев> потерпел убыток» (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 49. Л. 19—19 об.).

верцовна) Сковронская (во втором замужестве Богуславская; 1840 — после 1904). Это была высокообразованная женщина, с весьма смелыми современными взглядами, однако, по описанию О. Н. Балашевой, сотрудницы «Русского Архива», «очень беспорядочная, с коротко обстриженными волосами, в костюме неглиже».[463] К тому времени семейная жизнь Гилярова совсем разладилась. По свидетельству той же Балашевой, в 1856 г. «после последнего ребенка у Веры Алексеевны Гиляровой молоко бросилось в голову и она была очень больна. Доктора, исследовав болезнь ее, решили, что она больше детей не должна иметь, и вследствие этого *запрещено было ей быть на деле женой Гилярова* — отсюда связь Гилярова со Сковронской состоялась отчасти не без ведома и согласия самой Веры Алексеевны».[464] По словам Анны Гальперсон, «шаг за шагом она <Сковронская> “не ради себя, а, напротив, принося в жертву собственные интересы, истощая собственные силы ради человека, которого дух парит высоко над землей”, забрала в свои руки не только хозяйство газеты и типографии, но и домашнее, поучая Веру Алек<сеевну>, указывая ей, как должно поступать и как бы для примера лишь действуя самолично».[465] Гиляров безгранично доверял Сковронской, которая стала для него не только любимой женщиной, но и товарищем, советчиком, единомышленником. 15 октября 1874 г. он даже составил духовное завещание, которым объявлял ее своей наследницей, а жену устранял,[466] и стал жить со Сковронской отдельно от своей семьи. Стала ли она Гилярову любовницей, неизвестно. А. М. Гальперсон близко знавшая обоих, в этом сомневалась. Она писала: «Со стороны подобные отношения могли быть объясняемы только в смысле сожития. Сков<ронская>, чтобы укрепить свое положение (это одно внушает мысль, что ей лично было оно выгодно), не стесняясь, предо всеми называла себя любовницей Никиты Петровича. Он об этом не знал, но знали все близкие: трудно было устоять от искушения, чтобы не верить этому. Я допускаю, что с течением времени это стало фактом, хотя опять-таки никаких данных нет для этого и у меня, но думаю, что если это и было, то явилось результатом привычки, а отнюдь не наоборот».[467]

Эта связь принесла Гилярову много горя. Вскоре оказалось, что эмансипированная Сковронская была одновременно любовницей и его младшего сына Алексея (причем уже с 1870 г.), а также сотрудника редакции, студента университета К. Ф. Экземплярского.[468] Когда весной 1877 г. дело дошло до выяснения отношений и Сковронская была вынуждена оставить редакцию, то в отместку

[463] Там же. Л. 18 об.
[464] Там же. Л. 51.
[465] *Гиляров: ИМБР*. С. 483—484.
[466] См. его копию, выполненную князем Шаховским: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 47. Л. 116—128.
[467] *Гиляров: ИМБР*. С. 485.
[468] См. об этом в письме князя Шаховского к Победоносцеву от 17 января 1997 г.: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 75. Л. 11.

она 25 ноября подала прокурору донос, обвиняя Гилярова в беззаконном присвоении денежных сумм, присланных читателями газеты «на славян», то есть на помощь правительству в Русско-турецкой войне. 4 декабря 1877 г. было начато производством уголовное дело «О статском советнике Н. П. Гилярове-Платонове, обвиняемом в растрате сумм, пожертвованных на славян».[469]

Сковронская передала следствию уличавшие Гилярова его откровенные записки и письма, адресованные ей, поэтому, несмотря на защиту друзей — протоиерея И. Н. Александровского, И. С. Аксакова, генерала М. Г. Черняева и др., — дело принимало угрожающий оборот, а в допросах свидетелей всплывали унизительные подробности интимной жизни. К. П. Победоносцев, по просьбе Гилярова и Аксакова из Петербурга посылавший в Москву запрос об этом деле, считал его юридически уникальным и не подпадавшим под категорию уголовного преступления.[470] Кроме того, друзья Гилярова не без оснований подозревали злонамеренную пристрастность ряда лиц из прокурорского надзора по отношению к последнему — в отместку за статьи в его газете, задевающие судебное ведомство. В раздувании дела были заинтересованы также отдельные чиновники, деятельность которых в разное время затрагивалась в «Современных Известиях».

Оно было закрыто только через два с лишним года, 10 января 1880 г., по личному распоряжению московского генерал-губернатора князя В. А. Долгорукова, покровительствовавшего Гилярову.[471] О том, что вынес он в эти два года, дает представление письмо Ф. А. Гилярова к князю Шаховскому от 9 февраля 1894 г., в котором тот упоминает о Сковронской: «Горячо любя покойного, я долго и тяжко страдал через ее донос. *Не раз отговаривал я Н<икиту> П<етрови>ча от самоубийства.* Раз даже отнял у него револьвер».[472]

С 1881 г., после трагедии 1 марта, цензурные претензии к политическим газетам были ужесточены. Гиляров уже серьезно думает о прекращении «Современных Известий». Но пока пробует последнее, как ему кажется, средство удержаться на плаву. 25 сентября 1882 г. он пишет князю Шаховскому, служившему в тот период чиновником особых поручений при министре внутренних дел: «...я желал бы издавать *еженедельную иллюстрированную газету,* вроде “Нивы”, но с национальным направлением. Иллюстрированные издания идут шибко, но все они а) или одушевлены одною барышническою целию и больше ничем, или б) потворствуют развратным нравам, а то и еще хуже — прямо революционерам. <...> Иллюстрация есть великое воспитательное средство. Подумайте одно:

---

[469] См. подробно: Документы следственного дела по доносу М. С. Сковронской о растрате сумм, пожертвованных на славян (1877—1879) / Публ. А. П. Дмитриева // *Гиляров: ИМБР*. С. 336—428.

[470] См. письмо Н. А. Манасеина к Победоносцеву от 27 декабря 1877 г. (Там же. С. 408—411).

[471] См. об этом в письме сына Гилярова, Алексея, к князю Шаховскому от середины сентября 1893 г. (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 112. Л. 3—3 об.).

[472] Там же. Ед. хр. 756. Л. 6 об.

у “Нивы” 75 000 подписчиков; да и на все иллюстрации бросаются жадно. Что же касается до меня, то новое издание или поддержало бы “Современные Известия”, или облегчило бы, по крайней мере, их ликвидацию, чего я теперь не могу совершить без разорения».[473]

10 января 1883 г. увидел свет первый номер еженедельника «Радуга».[474] Попытка Гилярова привлечь к участию в нем знаменитых литераторов[475] не увенчалась успехом (у него не было возможности платить достойные гонорары). В журнале печатались только писатели второго ряда — В. А. Гиляровский, Д. С. Дмитриев, А. В. Круглов, Д. А. Мансфельд и др. Гиляров, не считая передовиц, опубликовал здесь интереснейшее философско-лингвистическое эссе «Экскурсии в русскую грамматику»,[476] где, по словам Б. Ф. Егорова, «развивая идеи К. Аксакова и предвещая будущую концепцию Сепира-Уорфа, рассматривал грамматический строй языка в связи с национальным менталитетом (если употребить современный нам термин)».[477]

Однако надежды на хорошую подписку не оправдались, еженедельник приносил убытки. В последнем номере за 1883 г. Гиляров, прощаясь с читателями, напоминал об идейной миссии своего журнала в эпоху общественных неурядиц: «“Радуга” зачата с целию удовлетворения потребности <...> пойти с площади в семью, с политической арены в храм муз. Мы хотели представить издание, в котором бы отец и мать, сын и дочь — каждый нашли бы свое».[478] Уже с нового, 1884 г. «Радугу» издавал Л. М. Метцль, а редактировал Д. А. Мансфельд.[479]

В это время положение Гилярова становилось все безысходней. По его просьбе генерал-губернатор князь В. А. Долгоруков 18 января 1884 г. обратился к министру внутренних дел с просьбой посодействовать Гилярову в предостав-

---

[473] *Переписка с Шаховским*. С. 71.

[474] См. цензурное дело «По изданию г. Гиляровым-Платоновым в Москве журнала, под названием “Радуга”» (РГИА. Ф. 776. Оп. 8. Д. 156. 70 л.). Этот период отразился в интенсивной переписке 1883 г. с журналисткой и переводчицей А. М. Гальперсон: «Да, много Вы моей души занимаете»: Письма Н. П. Гилярова-Платонова к А. М. Гальперсон / Публ. А. П. Дмитриева // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007—2008 годы. СПб., 2010. С. 171—251.

[475] См., например, письмо Гилярова к Я. П. Полонскому (декабрь 1882 г.): ИРЛИ. Сигн. 12017. Л. 1.

[476] Радуга. 1883. № 7. 22 февр. С. 142—144; № 22. 5 июня. С. 498, 500, 502; № 25. 26 июня. С. 564, 567—568; № 28. 17 июля. С. 636—638. Подпись: *Н. Г—в.*

[477] *Егоров Б. Ф.* Н. П. Гиляров-Платонов как эстетик и литературный критик. С. 289.

[478] *<Гиляров-Платонов Н. П.>*. К читателям // Радуга. 1883. № 48. С. 1087—1088.

[479] В литературе о Гилярове, в том числе справочной, ошибочно утверждается, что и в 1884 г. он продолжал издание «Радуги». См., например: *Языков Д. Д.* Обзор жизни и трудов покойных русских писателей. М., 1893. Вып. 7: Русские писатели, умершие в 1887 году. С. 20; *Осьмакова Н. И.* Гиляров-Платонов Никита Петрович // Русские писатели, 1800—1917: Биографич. словарь. М., 1989. Т. 1. С. 562.

лении ему кредита на льготных условиях из Государственного банка.[480] В залог шли писчебумажная фабрика и дача в Петровском-Разумовском.[481]

Однако в этом спасительном кредите Гилярову было отказано, и вскоре он лишился почти всей своей недвижимости. Романову-Рцы Гиляров писал 13 ноября 1886 г.: «Да, у меня было состояние свыше двухсот тысяч, и все пошло прахом; имущество распродано с аукциона по 5 к<опеек> за рубль».[482] Особенно болезненной оказалась потеря дачи в Петровском-Разумовском. А. М. Гальперсон рассказывала в некрологе: «Фабрика была продана; он не опечалился. Продана и типография; его это мало тронуло. Но когда с публичного торга за бесценок в чужие руки перешла его дача, в которой каждое бревно было положено по его указанию, в которой каждое деревцо посажено было собственными руками, в которой целые рощи выросли под его нежным попечением, в которой под собственным наблюдением его устроена была образцовая пасека, которая давала ему ягоды клубники, называвшиеся в продаже *гиляровскими,* потому что подобных им не было, которая, наконец, в течение двадцати с лишком лет служила ему единственной утехой, — тут только возроптал бедный "каторжник, прикованный к тачке", но ненадолго».[483]

Князь Шаховской описал последнее жилище Гилярова: «Он уже не мог оставаться в прежней большой и удобной квартире, а переселился в меблированные комнаты, против Румянцевского музея, где занимал крошечное помещение. Там целые дни безвыходно проводил он, не сходя с постели, иногда одетый в шубу. Стоявшая рядом с постелью керосиновая печка нагревала комнату, в которой двоим повернуться было негде».[484]

В 1884 г. Гиляров было совсем решился прекратить издание «Современных Известий» и заготовил объяснительное обращение к подписчикам, в котором перед ними исповедовался: «Виноват, может быть, я. Виноват в том, что не продавал своего пера никому — ни сильному, ни богатому; не подслуживался ко власть имеющим; не закрепощал себя ни одному из литературных кружков; не плыл по течению общественного разврата в разных его видах; не льстил страстям и поверхностным увлечениям; не заглушал высших интересов; напротив, служил им неизменно по силе разумения, но я этого не вменяю <себе> в вину».[485]

---

[480] Это письмо князя Долгорукова частично опубликовано: *Шаховской Н., кн.* Никита Петрович Гиляров-Платонов. С. LV—LVI.

[481] Дачный участок Гиляров приобрел к северо-западу от Москвы «по Ивановскому шоссе к Петровскому-Разумовскому» (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 519. Л. 1) 1 января 1868 г. — в «оброчное содержание» — у Хозяйственного комитета Петровской земледельческой и лесной академии. Это была «полоса земли в двести двенадцать квадратных сажен» с ежегодной оплатой в 4 рубля 24 копейки (ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 66). Позже здесь был возведен дом.

[482] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 649. Л. 52.

[483] <*Гальперсон А. М.*>. Москва, 20 октября. С. 1.

[484] *Шаховской Н., кн.* Никита Петрович Гиляров-Платонов. С. LVIII.

[485] Цит. по: Там же. С. LVI. Это обращение (точнее, набросок передовой статьи) сохранилось в виде рукописной копии, выполненной князем Шаховским, в его архиве: РНБ. Ф. 847.

И. Аксаков откликнулся на известие Гилярова о предполагаемом закрытии его газеты теплым письмом (от 21 марта 1884 г.), в котором призывал друга вернуться к серьезной научно-литературной работе: «Ваша репутация, Ваше имя только выиграют, как скоро появятся Ваши писания в более серьезной форме, как скоро Вы перестанете себя разменивать на мелкую монету и явитесь тем, что Вы есть, — крупной, ценной, веской монетой. Жаль, конечно, газеты, где 18 лет сряду раздавалось всегда умное, оригинальное и всегда искреннее, честное слово, всегда независимое, газеты одного знамени с моими изданиями, но никогда не мог я заглушить в себе чувства досады, что бисер этот сыплется даром, понапрасну и теряется в этой более или менее неприглядной обстановке... А все-таки прекращение “Современных Известий” — в известном смысле наше общее поражение и является скверным симптомом современного состояния русского общества».[486]

В том, что Гиляров все-таки продолжал издавать свою газету до последних дней жизни и сравнительно легко перенес жестокие удары судьбы, сыпавшиеся в тот период отовсюду, была немаловажная заслуга его помощницы Анны Михайловны Гальперсон. Она сумела не только заменить Ф. А. Гилярова, в 1878—1883 гг. помогавшего дяде в качестве соредактора, но стала по-настоящему родным и близким ему человеком.

Родом из бедной еврейской семьи,[487] она в 1875 г., по окончании женской гимназии, в возрасте 19 лет приехала из Херсона в Петербург и, по протекции Сковронской, вместе с сестрой Бертой была взята в типографию «Современных Известий» корректором.[488] Сближение Гилярова с нею произошло уже после ее замужества, в октябре 1882 г.,[489] и вскоре Анна Михайловна, блестяще образованная,[490] свободно владевшая пятью европейскими языками, стала совершенно незаменима в редакции: правила поступавшие рукописи, составляла политические обозрения, писала замечательные театральные рецензии, переводила нема-

---

Ед. хр. 277. Л. 1—5. Начинается словами: «Тяжко вымолвить, но должно: “Современные Известия” приостанавливаются на некоторое время». Князь Шаховской датировал объявление Гилярова концом 1884 г. ввиду предполагаемого прекращения издания с января 1885 г., но не исключено, что этот текст был составлен уже в марте 1884 г.

[486] *Аксаков в письмах.* Т. III. С. 441.

[487] Об этом Гальперсон упоминает в письме к Романову-Рцы от 10 марта 1888 г.: «...детство мое и юность протекли в такой нужде, что никаких привычек ни к какому комфорту не могло и создаться» (ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 44б. <№ 5>. Л. 3).

[488] См. распоряжение Гилярова (январь 1876 г.) управляющему типографией с упоминанием сестер Эпштейн (девичья фамилия Анны Гальперсон): Там же. Ед. хр. 65. <№ 14>. Л. 1 об.

[489] См. письмо Гальперсон к Гилярову об условиях ее сотрудничества в редакции от 19 октября 1882 г.: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 606.

[490] По свидетельству С. Ф. Шарапова, Гальперсон «была хорошо подготовлена по философии и богословию и знала политическую историю истекшего XIX века, как редко кто из дипломатов» (*Шарапов С.* Неопознанный гений: Памяти Никиты Петровича Гилярова-Платонова: Ст., заметки, письма и выдержки. М., 1903. С. 99).

ло беллетристики с французского, немецкого, английского; в отсутствие Гиляров выпускала номера газеты. Впрочем, их связь окрашивалась безысходным драматизмом — и из-за возрастной разницы в 34 года, и по причине общественного неприятия: и у Гилярова, и у Гальперсон были свои дети и законные супруги, которые, конечно, знали все, но мирились с этой мучительной ситуацией; многие друзья и знакомые осуждали Гилярова.[491]

С. Ф. Шарапов точно охарактеризовал суть их взаимоотношений: «Эта необычайная и глубоко-бескорыстная преданность и личности, и делу обусловливалась сознанием Анны Михайловны, что перед нею не простой газетный издатель, а великий *неопознанный гений,* совершенно одинокий не только среди толпы, но и в кругу своих ближних, своей семьи. Она одна поняла это своим чутким сердцем и ясным умом и решила стать около этого гения и чернорабочим, и другом, и сестрою милосердия. С своей стороны Гиляров сразу и безошибочно оценил в Анне Михайловне не только преданного друга и поклонницу, но именно сестру милосердия своего огромного таланта, неумолимого критика своих недостатков, помощницу в труде тем более требовательную, чем выше ценила она бессмертные труды Никиты Петровича».[492]

Не случайно самые пронзительные из исповедальных писем Гилярова последних лет (а он, испытывая в 1880-е гг. сильную потребность высказаться, найти родственную душу, адресовал их Победоносцеву, князю Шаховскому, Романову-Рцы) обращены именно к Гальперсон. Так, 4 апреля 1883 г. он писал ей: «...Вы даже отдаленным образом не можете представить всей бездны душевного и духовного одиночества, в котором я обретаюсь. Мне разделить себя не с кем, не с кем, не с кем. Я, как выражался Вам некогда, каторжанин, прикованный к тачке, которую вынужден тащить для кого, для чего? <...> я нравственный урод, сшившийся не по мерке ни времени, ни среде, и в том же смысле лишнее существо. Мое существование есть какое-то недоразумение, и мне жить в обществе собственно не подобало бы. Я из него и бегу, как Вы видите, сторонюсь его. Мне следовало бы быть пустынником, монахом, беседовать с книгами, с Богом, работать отчасти физически, отчасти духовно. В последнем смысле сделал бы я довольно, и каковы бы ни показались современникам мои труды, я утешен был бы мыслию, что потрудился, что долг свой исполнил».[493]

Во многом благодаря попечениям и советам Анны Михайловны Гиляров, в последние пять лет своей жизни как бы обретший второе дыхание, занялся, помимо текущей газетной работы, написанием мемуаров, а также философско-публицистических и исторических очерков.

---

[491] Близкий семье Гилярова (с 1867 г.) фольклорист Е. В. Барсов осенью 1893 г. в беседе с князем Шаховским дал своему другу даже такую характеристику: «Он не имел этич<еской> веры, но имел широкое стройное мировоззрение» (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 49. Л. 55).

[492] *Шарапов С.* Неопознанный гений. С. 96—97.

[493] «Да, много Вы моей души занимаете»: Письма Н. П. Гилярова-Платонова к А. М. Гальперсон. С. 241.

Поначалу он надеялся на сотрудничество с благополучным суворинским «Новым Временем», предполагал даже переехать в Петербург. Романову-Рцы 13 ноября 1886 г. Гиляров писал об этом: «Разоренный дотла, приготовившись пошабашить, я обратился к Суворину с письмом, предлагая свои услуги.[494] Он отвечал по-видимому лестным письмом, гласившим: “Верить не хочу, чтобы решились Вы идти из попов во диаконы”, но на этом лестном основании, в сущности, отказывал и он мне в работе».[495] Суворин, впрочем, оговаривался, что ему нужны московские корреспонденты, и предлагал следующие условия: «Если вопрос идет “о постоянном приеме Ваших статей”, то никаких разговоров и недоразумений быть не может. Я буду платить 10 коп. за строку и стану помещать Вас, что бы Вы ни прислали». И далее: «...я превосходно сознаю, что Ваше слово веско, что Ваша мысль всегда оригинальна, часто глубока».[496] Вместе с тем Суворин намекал на свое неприятие идейной позиции Гилярова: «...Ваше слово веско и талантливо, но в эдакое затишье что значит слово, направленное в узкие рамки, откуда возьмется необходимый позыв, когда все там мирно почивает?»[497] Гиляров отвечал, что суворинское письмо позволило ему пережить «те самые чувства, которые испытывает оставшийся за штатом офицер, когда просит дать ему хоть место дворника и получает отказ».[498]

В последние два года жизни Гилярова его дела неожиданно стали налаживаться. 9 апреля 1885 г. он писал князю Шаховскому: «...время для газеты теперь самое горячее: интерес в публике пробудился».[499] Он даже приобрел новую дачу — в подмосковном Черкизове, название которого не могло не напоминать об одноименном коломенском селе, его родовом гнезде. И это несмотря на продолжавшиеся цензурные гонения. С 8 по 22 апреля 1885 г. газета была приостановлена за корреспонденцию из Грузии,[500] в которой сочувственно изображался семинарист С. В. Джибладзе (впоследствии известный меньшевик-ликвидатор, наставник молодого Сталина), доведенный до отчаяния своим ректором протоиереем П. И. Чудецким и избивший его (назначенная газете Гилярова месячная кара была сокращена вдвое благодаря заступничеству Т. И. Филиппова). Теперь газета, по закону от 27 августа 1882 г., как издание «возобновленное после временной приостановки», должна была каждый номер представлять в цензуру не позднее 23 часов накануне выхода в свет, из-за чего терялась оперативность в освещении событий (после 23 часов никакие материалы не могли попасть в номер) и издание как бы вновь подчинялось предварительной цензуре.[501]

---

[494] См. письма А. С. Суворина: от 20 февраля 1884 г. и недатированное: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 700. Л. 6—7 об.

[495] *Письма к Рцы.* С. 281.

[496] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 700. Л. 6, 6 об.

[497] Там же. Л. 7 об.

[498] РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 915. Л. 13.

[499] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 502. Л. 11 об.

[500] *К. К.* Из Тифлиса // *СИ*. 1885. 2 апр. № 88. С. 1.

[501] См.: *Патрушева Н. Г.* Главное управление по делам печати... С. 275.

На две недели в 1884 г. (с 10 по 24 марта), а также на разные сроки в 1886 г. (с 8 апреля по 5 июля) и в 1887 г. (с 19 мая до прекращения издания 14 октября) запрещалась продажа газеты в розницу. В первый раз — за воскресные фельетоны под названием «Между делом. Картинки общественной жизни» (особенно в № 54 и 61), которые, по отзыву Московского цензурного комитета, «имеют характер обличительный, касаются не только общественной, но и политической жизни России, и, главное, по тону своему бывают иногда крайне резки и даже грубы».[502] Интересно, что Совет не предлагал в данном случае никак наказывать газету, а высказался за предупреждение редактору, что в будущем его «издание подвергнется строгому административному взысканию».[503] Министр же граф Д. А. Толстой, прочитав протоколы, поставил на верхнем поле свою резолюцию: «Исполнить, с запрещением розничной продажи “Современных Известий”. 10 марта».[504] Во второй раз (в 1886 г.) газета была наказана за сатирический рассказ о незадачливом священнике, попадающем в разные неблаговидные передряги,[505] — что больно ударяло по бюджету издания.

1.9. ПОСЛЕДНИЕ ЗАМЫСЛЫ. ПРОЕКТ ПРАВОСЛАВНОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ. Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ КАК ЛИНГВИСТ И ИСТОРИК РУССКОЙ ЦЕРКВИ

Изматывающая поденная работа в газете практически не давала Гилярову возможности воплотить какие бы то ни было более серьезные и обширные издательские замыслы, хотя в его окружении неоднократно слышались сетования по этому поводу. К примеру, С. А. Юрьев делился с Ф. А. Гиляровым в недатированной записке (очевидно, отправленной адресату в период 1878—1883 гг., когда последний был соредактором газеты «Современные Известия»): «Кланяюсь до земли Никите Петровичу за превосходную статью об отношениях между славянами. Такое тут обилие мысли, что могло бы им развиться в книгу, а вот канет в бездну №№ газет, эту бездну, поглотившую такое множество хороших вещей».[506]

Вместе с тем друзья и единомышленники Гилярова не переставали надеяться, что он возьмет да и выпустит в свет какой-нибудь «курс богословия», который не только станет новым словом в духовно-академической науке, но и будет иметь выход в литургийную практику и содействовать оздоровлению церковно-общественной жизни в целом. Подобные идеи, способные возродить русское богословие и вырвать его из тисков старой схоластической школы, Никита Петрович то и дело высказывал походя, по случайным поводам, обычно в кругу близких по духу людей.

---

[502] Заседание Совета Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел № 3 от 6 марта 1884 г. // РГИА. Ф. 776. Оп. 2. Д. 24. Л. 28 об.

[503] Там же. Л. 30 об.

[504] Там же. Л. 28.

[505] *Трын-трава.* Проклятая кобыла // *СИ*. 1886. 2 апр. № 90. С. 1—2.

[506] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 786. Л. 14—14 об.

Об этом же писал Победоносцеву И. Аксаков 16 марта 1885 г.: «Посещал меня во время болезни Никита Гиляров и как-то один вечер прелестно излагал мне внутренний строй церковного богослужения, — целый курс, значение всех кондаков, тропарей, их внутреннюю необходимость, органическую связь. Удивительно даровитый человек! Заслушаешься. По его словам, это требовало бы целой кафедры. Тогда бы богослужение, теперь окристаллизовавшись, представляющее теперь б<ольшею> ч<астью> интерес архаический, получило бы живой и животворящий смысл. Этого человека следовало бы, прежде всего, высечь; потом освободить от долгов, вырвать из московской среды <...>, запретить ему газетную деятельность и пристегнуть к твоей канцелярии: пусть пишет курсы богословия и проч. и проч.».[507]

Интересно, что на заре научно-литературной деятельности Гилярова (предположительно, в конце 1850-х гг.) с теми же призывами обращался к нему М. П. Погодин, заочно предлагавший министру народного просвещения заставить Гилярова «написать историю русского раскола». В недатированной записке Погодин восхищался, описывая свои впечатления от беседы с Гиляровым: «Все выслушанное мною поутру не выходило у меня из головы целый вечер, — это так глубоко, проницательно, остроумно, что именно хочется потаскать русского человека, закапывающего в землю не один, а десять талантов. Это стыдно вам и грешно! Вы хотите говорить, и не напишете, а это нужно написать в назидание не только русских, но и европейское. Если лень так обуяла вас, что сами писать вы не можете, то зачем не заведете вы у себя секретаря, писаря, которому диктовать гораздо легче. <...> Умный министр просвещения не дал бы вам так валяться на боку. Он нашел бы средство заставить вас работать. Впрочем, я видел в редакции ваши корректуры, которые требуют больше работы, чем положение своих ясных мыслей на бумагу. Повторяю: стыдно вам и грешно. Вам непременно следует написать историю русского раскола».[508]

Но ни эта «история», ни «курсы богословия» так и не были написаны, как и не завершены упоминавшийся выше труд по политэкономии [509] и лингвистическое исследование о русском глаголе.

Подобно тому как в молодости (в первой половине 1850-х гг.) Гиляров предпринял создание огромного свода церковных законоположений,[510] начиная с 1870-х гг. Гиляров задумал большой просветительский проект, и эта мысль не покидала его до конца жизни. 15 ноября 1886 г. он писал Романову-Рцы: «Итак, о чем же бы я стал писать? Излагать курс философии, истории, богословия, политической экономии? Писать целую энциклопедию? Да ведь не станет на это

[507] Там же. Ед. хр. 580. Л. 3—3 об.

[508] Материалы для биографии Н. П. Гилярова-Платонова // *РО*. 1896. Т. 42, дек. С. 995.

[509] См. современное исследование об актуальности экономических идей Гилярова: *Караваев А. В.* Богатство — собственность — капитал: (К современному осмыслению экономического наследия Гилярова-Платонова) // *Возвращение*. С. 167—175.

[510] См. об этом в главе 1.5.

не только тех коротких лет, которые мне остались, но и долгой жизни. <...> Знаете ли? Я задумывал издавать *энциклопедию*, энциклопедию на манер знаменитой XVIII века, для того чтобы переверить все науки с *восточной*, если можно так высказаться, точки зрения. В сущности, все науки за исключением математики разве (да и то не совсем) переполнены *пред*рассудками, заранее, без оснований поставленными мнениями. И это в науках даже самых положительных. Вот и была моя мечта: при некоторой универсальности моей взяться, в качестве главного редактора, за переработку всех наук с новой voraussetzlosen * точки зрения. Газета дала мне тогда возможность купить бумажную фабрику; Юрьев предлагал взять в верховное ведение его "Беседу". Я расчел, что буду обладать достаточным фондом, чтобы набрать сотрудников, раздать им работу и руководить их изысканиями, свободными от всякого давления авторитетов».[511] О том же проекте Гиляров намекал в письме к К. П. Победоносцеву от 16 сентября 1873 г.: «...я мог бы усилить персонал редакции; было бы время пообдумывать тщательнее занятия, заняться вопросами более серьезными. А затем... почему не мечтать? Я мечтаю, что с типографиею и бумажною фабрикою я могу начать солидное учено-литературное предприятие (точнее — ученое), в котором давно нуждается Русь и об идее которого я когда-нибудь Вам скажу».[512] Этот грандиозный план взглянуть на все события и явления человеческой цивилизации с православно-русской точки зрения, если б удалось его воплотить в жизнь, пожалуй, и стал бы главным делом жизни Гилярова, его вкладом не только в русскую культуру, но и мировую; именно к такому многотрудному, эпохальной важности труду он и имел призвание судя по его дарованиям.[513]

О лингвистическом же исследовании, начатом еще в конце 1850-х гг. и столь же обширном по замыслу, Гиляров сообщал Л. Н. Майкову в письме от 21 мая

---

* Возможно, неверно прочитанное слово (письмо сохранилось только в копии) и должно быть: voraussetzungslos — предварительной (*нем.*).

511 *Письма к Рцы.* С. 288.

512 *Разумевающие верой.* С. 144.

513 И. Ф. Романов-Рцы в своем рассказе «Покрывало обмана» (1900) одному из центральных персонажей придал черты Гилярова и развернул этот замысел учителя: «Последним великим делом великого человека был в высшей степени плодотворный замысел издать колоссальную энциклопедию, как бы в противовес трудам знаменитых энциклопедистов XVIII века. Предполагалось все проблемы духа и жизни, все великие вопросы религии, философии, политики, истории пересмотреть заново; предполагалось отбросить все неверное, устранить все сомнительное и, остановившись на несомненном, самое это несомненное пропустить сквозь призму чисто русского, отечественного сознания... Любовь и смерть, Ницше и Мальтус, эстетика и Крупп, Вселенские соборы и капитал — все, все должно было пройти через это горнило русской совести, русской мысли, русского чувства... Намечены были магистральные линии великого пути...» (1900 год в неизвестной переписке, статьях, рассказах и юморесках Василия Розанова, Ивана Романова-Рцы и Петра Перцова / Сост. А. П. Дмитриева; Вступ. ст., подгот. текстов и коммент. А. П. Дмитриева и Д. А. Федорова. СПб.: Родник, 2014. С. 465—466).

1887 г.: «...я вот что предпринял и совершил: собрал *все* глаголы, употребительные в живой речи; проспрягал их во *всех* доступных каждому формах и сочетаниях и затем путем, если можно так выразиться, статистическим сделал выводы, точнее сказать — подвел итоги. Таким образом получились законы, определяющие спряжение, видообразование и значение каждых форм».[514] При всем разностороннем универсализме Гилярова его занятия языковедением, которым он в течение тридцати лет отдавал все свои досуги, были, пожалуй, наиболее сильной его душевной потребностью. Причем он признавался, что это его увлечение лишь средство к познанию отечественной ментальности, ибо его «только в той мере и занимают разыскания в области языка, пока они знакомят с душой народа, со складом его ума и его умственною историей».[515]

Полагая, что «русский язык еще не потерял творчества, и творчества непосредственного <...>»,[516] мыслитель видел в нем особую духовную реальность, наделенную исторической памятью, глубоким нравственным содержанием («совестью») и созидательным бытием («творящей этимологией»). Об этом он подробно высказывался в своих вышеупомянутых «Экскурсиях в русскую грамматику» (1883) и фундаментальном исследовании о русском глаголе (1858—1887), так и оставшемся неопубликованным.[517]

К сожалению, местонахождение рукописи этого последнего труда нам неизвестно (в архивном фонде Гилярова в ИРЛИ РАН сохранились лишь некоторые черновые наброски[518]), но судить о нем можно из переписки с Гротом 1884—1885 гг.,[519] а также из письма Гилярова к Ф. Е. Коршу (впоследствии академику) — первому филологу, к которому он обратился, подытоживая сделанное, — 25 декабря 1883 г., за полтора года до начала «лингвистической» переписки с Гротом.

Гиляров сообщал Коршу: «Труд мой, к которому я прибегаю во время отдыха, по виду неважный. Я занимаюсь русским глаголом, взяв притом русский язык в его живом употреблении, с намерением забыв, выкинув из головы, отправив все готовые объяснения грамматик и лексиконов, все готовые объяснения, сравнительные и исторические. Словом, <хочу> выяснить законы русского глагола из него самого, а затем уже обратиться к внешним данным. Глагол в русском языке есть почти всё, и притом он с виду прихотлив. Понятно, что разработка его потребовала громадного труда: довольно сказать, что я проспрягал все

---

[514] ИРЛИ. Ф. 166. Оп. 3. Ед. хр. 338. Л. 2 об.—3.

[515] *Г—в Н.* <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Экскурсии в русскую грамматику. <М., 1883>. С. 21.

[516] Там же. С. 22.

[517] См.: *Шелкова И. А.* Лингвистические труды Н. П. Гилярова-Платонова // *Возвращение*. С. 73—78; *Безлепкин Н. И.* Философия языка в России: К истории русской лингвофилософии. 2-е изд., доп. СПб., 2002. С. 179—186.

[518] См.: ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 27, 60.

[519] Опубл. нами: *Дмитриев А. П.* Н. П. Гиляров-Платонов как лингвист в его переписке с Я. К. Гротом по проблемам русской орфографии (1869—1886) // *Гиляров: ИМБР*. С. 437—465.

глаголы во всех формах и со всеми сочетаниями приставок. Метод мой был чисто статистический; коробка наполнена этими спряжениями».[520] Вместе с тем он пояснял, что его оригинальный подход, требовавший «ради чистоты эксперимента» отрешиться от традиционных грамматик (структура которых, по его убеждению, соответствовала больше немецкому языку, а для русского оказывалась прокрустовым ложем), все же не только был чужд дилетантства, но и являлся новым словом в лингвистике: «Я отрешился от сравнительной и исторической грамматики, но все-таки я ни в той, ни в другой не невежда же, и некоторые выводы, к которым я пришел, поражают меня. <...> Годы уходят, времени мало. Тем не менее или, пожалуй, именно потому хотелось бы перебросить словом с человеком, подобным Вам, с ученым, способным понять и оценить мою задачу. В частности, Вы, может быть, дали бы мне даже совет, как повести мне дело, не остановиться ли, не довольствоваться ли тем, что сделано, и, не гонясь за окончательной систематизацией, поделиться с публикой теми выводами по крайней мере, которые уже добыты».[521]

Судя по всему, едва начавшийся диалог с Коршем не имел продолжения, и Гиляров впоследствии делился своими языковедческими наблюдениями в письмах к Гроту. Тонкие наблюдения редактора «Современных Известий» в области аспектологии, этимологии и акцентологии глагола, а также его дельные суждения по некоторым «спорным» вопросам правописания подвигли Грота на внесение поправок в его знаменитое руководство «Русское правописание» (СПб., 1885). Оборвалась эта эпистолярная беседа, очевидно, именно от того, что Гиляров предвидел еще в письме к Коршу — его заподозрили в недостаточной опоре на достижения сравнительного и исторического языкознания того времени, если не прямо в невежестве. Он объяснялся в письме к Гроту от 17 марта 1885 г., отмежевываясь прежде всего от того, будто бы он следует путем К. С. Аксакова и развивает его идеи: «Я вполне знаю, многоуважаемый Яков Карлович, что многое в моих объяснениях должно Вам казаться более остроумным, чем основательным. Это неизбежно; только в полной системе получают мои объяснения полный свой вид. Задумывая свой труд, я имел в виду противопоставить его обоим видам *сочиненных* грамматик: 1) тому, который от Смотрицкого через Ломоносова дошел до Буслаева, исходившему из общей, сравнительной и исторической (псевдоисторической) грамматики; и 2) тому направлению, которое сказалось в Аксакове и <Н. П.> Некрасове, основавшись на *вдохновении* и *догадке*, как выразился я в своем введении. Вдохновение, догадку — в сторону. Должны быть собраны данные, и притом все, и расклассифицированы. Это я и сделал. Надеюсь, труд это небывалый. Выводы получились оригинальные, правда; но я в этом не виноват».[522]

---

[520] Письмо Н. П. Гилярова-Платонова // *Баскаков Н. А., Баскаков Ник. А.* Академик Ф. Е. Корш в письмах современников. М.: Наука, 1989. С. 36.

[521] Там же.

[522] *Гиляров. ИМБР*. С. 461.

За полтора года до своей кончины, в письме к племяннику Н. Д. Тихобразову от 23 февраля 1886 г., Гиляров вспомнит эту переписку с Гротом вот по какому поводу. Тихобразов призывал дядю издать труд о глаголе, обратившись за поддержкой к академикам Гроту и Буслаеву. Тот отвечал, что пока все еще не решил вопрос о жанровой структуре созданной им «громады»: «Ведь это будет не то грамматика глагола, не то словарь, не то исследование <...> я имел терпение записать не только все глаголы, но *все формы*, в каких каждый допускает употребление. А так как в русском языке (и это одна из его особенностей) нет резкой грани между глаголом и прочими частями речи, то пришлось перебрать все слова, соприкасающиеся с глаголами, не только существительные с наречиями, но союзы с предлогами и междометиями. (Сличи *ахать = ах* или *падать = под*.) Все это пришлось разобрать, расквалифицировать, и притом не только с точки зрения начертания, но выговора, в котором еще существеннейшее значение принадлежит *ударению*. Последнее — совсем нетронутая область, игнорированная исследователями, отнесшимися к русскому языку, как иностранец, немец, например, к немецкому. Тогда как русский представляет явление единственное в своем роде: из всех цивилизованных он есть единственный не деланный, не искусственный, естественный».[523]

И далее: «Вы пишете о Гроте и Буслаеве. Они оба трудолюбцы, но оба бездарны, вот их несчастие. Забавно признание Буслаева в предисловии к одной из грамматик, что де до меня грамматики писались на ложном основании, сперва по приему *Готшеда*, а потом *Аделунга*. Он не досказал: а я де буду следовать *Гримму*. Увы, благодаря этому ложному приему, вот уже полстолетия русский язык пребывает в хаотическом состоянии и законы его не выяснены. Ложность приема не в том заключается, что Аделунг устарел, а в том, что и Аделунг, и Гримм имели в виду материал, качественно совсем другой. Между прочим лингвистика для Европы есть своего рода археологическая наука, ибо язык уже перестал жить. Отсюда пошли разборы мифов, древних песен, быта (древнего); образовалась так называемая “историческая” грамматика на основании *записанных* остатков; к новейшему языку обращаются с приемом, с каким к ассирийским надписям или иероглифам. И понятно, делать-то нечего; немецкий язык есть язык Лютеровой Библии, французский — Французской Академии. Законодательство языка идет сверху, внизу он не живет и не творит. Этот-то прием приложен к русскому, и отсюда неразумное правило: “об авторитете писателей”. Русскому языку учили (и учат) по писателям. Но писатели-то и требуют поверки. Где-то Буслаев (и даже не раз) сказал, приведя выписку из какого-то писателя: “но это противно *гению* языка”. А ведь в этом-то весь вопрос: объясни этот *гений*. Объяснить его и следует не по писателям, а по живому употреблению; а для этого нужно взять *весь материал*, обращающийся в народе, и *все формы*, как они ни причудливы кажутся, перебрать и сличить, и уже вывести законы».[524]

[523] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 485. Л. 1—2.
[524] Там же. Л. 2—3.

Конечно, в таких умозаключениях, превозносящих родной язык на фоне всех других, легко усмотреть крайности славянофильского мировоззрения. Гиляров, однако, был уверен: «...со временем мои выводы все-таки лягут в основание науки. Ибо отпереться будет невозможно: выводы сопровождены исследованием, а исследование сопровождено таблицами, и притом не примерными, а, напротив, *полным списком* речений в разбираемой форме, какие только открываются в языке».[525] При этом он снова сетует на своего бывшего корреспондента-академика: «Грот бездарен. По поводу своего “Правописания” он входил со мной в переписку, спрашивал отзывов и советов. Общий отзыв был тот <...> что *нерешительно*. Советы я давал; некоторые он принял, некоторые нет, — последние потому, что не понял. И не удивительно, потому что точка зрения другая, и на мою он не может подняться, да и мне объяснять ему было бы долго. Например, на вопрос, когда в так называемом многократном *о* на *а* не переменяется, я отвечал, что у меня есть на это полный ответ и что между прочим зависит это от *возраста* глагола. Я привел пример: Вы не можете сказать *приохачивался*, хотя совершенно естественно *расхаживал*. Понятие о *возрасте* и значении его выведено у меня из данных, которых я не мог же передать постороннему ученому, и Грот остался с недоумением».[526]

То, что никак не получалось найти общий язык именно с языковедами, особенно огорчало Гилярова. Он писал Тихобразову: «Но Вы вот что примите во внимание (почему я о Гроте и заговорил). Свои “Экскурсии” Гроту я послал; когда они вышли (еще третьим годом), как и другим ученым. Ну, что же? От некоторых я получил чрезвычайно лестные отзывы, но не от Грота и вообще не от специалистов русского языка и лингвистики. А Гроту между тем я писал еще, что “Экскурсии” есть труд *попутный*, только малое, в форме популярной, извлечение из большого исследования, сущность которого и даже объем я ему объяснил. И что ж. Ничего. А объяснил-то я ему ввиду того, что он есть председательствующий во II Отделении Академии; надеялся я, что он заинтересуется и, может быть, предоставил бы мне тогда печатать свое исследование в Записках II Отделения. Ни слова! <...> труд мой может не увидать света и по издержкам, которых потребует. Когда я был со средствами, меня это не беспокоило. А теперь прихожу к предположению, что, вероятнее всего, “Глаголы” и до смерти моей останутся неизданными (а жить-то уж и недолго). А после смерти и тем более; да и что будет вообще тогда с моими рукописями?»[527]

Гиляров как в воду глядел. Когда в январе 1896 г. князь Н. В. Шаховской предложил часть труда о глаголе (предположительно — введение к нему) для публикации в сборнике Общества любителей российской словесности «Почин», он получил от председателя Общества Н. И. Стороженко неутешительный ответ: «Данную Вами мне статью покойного Гилярова-Платонова по русской грам-

[525] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 485. Л. 3.
[526] Там же. Л. 3—4.
[527] Там же. Л. 4—5.

матике я передал на рассмотрение специалиста-филолога <В. Ф.> Миллера, который нашел, что она так слаба, что не может быть помещена в "Почине". По его словам, Н<икита> П<етрович> принадлежал к филологии вроде К. Аксакова и Хомякова, которые отрицали сравнительную филологию, не имели понятия об исторической грамматике р<усского> языка и думали возместить эти пробелы своими собственными остроумными гипотезами».[528]

Впрочем, если в будущем труд Гилярова будет найден и обнародован, не исключено, что он может быть оценен иначе и его неприятие специалистами XIX в. объяснится тем, что он опередил свое время. Ведь позиция Гилярова очень интересна. Она не только предвосхищает синхронию XX в., но идет дальше, туда, куда русисты, в отличие от исследователей индейских языков, еще и не забредали. Это — исследование системы языка с особым интересом к словообразованию (деривации), причем в отвлечении от его истории и родственных связей. Семантика трактуется на основе представлений и ассоциаций образованного носителя языка, при этом уравниваются в правах реальные и народные этимологии, если носитель ощущает живую семантическую связь. Грота такой подход не мог не ужасать, поскольку ему слишком бросались в глаза моменты дилетантства Гилярова, которые, конечно, были неизбежны. Тем не менее изучить его лингвистические опыты сегодня было бы интересно — однако пока имеется немного материала для их реконструкции... Первые серьезные попытки в этом направлении сделал современный лингвист Н. И. Безлепкин, констатирующий, что гиляровская «философия языка — это, прежде всего, самосознание языка о своей природе, содержании и своем назначении как формы бытия духа народа»,[529] но он исследовал только «Экскурсии в русскую грамматику».

Кроме того, в 1884—1885 гг. предоставили страницы своих изданий для публикации гиляровских сочинений, не предназначенных для столбцов ежедневной газеты, М. Н. Катков, в «Русском Вестнике» которого были почти полностью напечатаны «автобиографические воспоминания» «Из прожитого» (первый вариант названия), и И. С. Аксаков, давший в «Руси» мемуарный очерк «Урезанный документ» и небольшие циклы историософских статей «Откуда нигилизм?»[530] и «Логика раскола»,[531] оказавшиеся незавершенными. Первые из названных «писем», как определял сам Гиляров их жанр, были откликом на очерк Н. Я. Данилевского «Происхождение нашего нигилизма»[532] и вызвали плодо-

[528] Там же. Ед. хр. 170. Л. 7—7 об.

[529] *Безлепкин Н. И.* Язык в контексте развития русской религиозной метафизики // *Безлепкин Н. И.* Философия языка в России: К истории русской лингвофилософии. 2-е изд., доп. СПб., 2002. С. 186.

[530] *Гиляров-Платонов <Н. П.>*. Откуда нигилизм? // Русь. 1884. 15 дек. № 24. С. 13—26.

[531] *Гиляров-Платонов Н.* Логика раскола: Письма И. С. Аксакову // Там же. 1885. 17 авг. № 7. С. 15—17; 24 авг. № 8. С. 8—10; 7 сент. № 10. С. 10—14. Неоконченное «Письмо IV», найденное в архиве Гилярова после его смерти, впервые опубликовано князем Шаховским: *РО.* 1895. Т. 35, окт. С. 228—235.

[532] Русь. 1884. 15 нояб. № 22. С. 12—22.

творную полемику.[533] Аксаков так оценивал вступительное «письмо»: «Ваша статейка — это [брю<ссельские>] алансонские тончайшие кружева, и как Вы хотите, чтоб я этой многоценной тончайшей кружевной работе мысли, к которой не знаю человека способнее Вас (и которая совершенно непригодна для тем практических), не дал места?» — и предлагал: «А если Вы напишете хоть десять писем, тем лучше».[534] Однако Гиляров ограничился лишь двумя «письмами».[535] О втором цикле Гиляров писал Романову-Рцы 15 ноября 1886 г.: «Если Вы читали в “Руси” “Логику раскола”, это есть сокращенная по памяти выдержка из моего учения о вероисповеданиях, из его введения».[536]

В конце 1886 г. — начале 1887 г. Гиляров словно бы на одном дыхании написал историко-публицистическую книгу о положении Русской церкви и в 1887 г. в Лейпциге издал ее отдельной брошюрой под названием «Нечто о Русской церкви в обер-прокурорство К. П. Победоносцева. Вып. I: Нечто о Российской церкви в настоящее время» (под криптонимом «Р. С. Т.», т. е. «Рцы Слово Твердо»), с довольно резкой критикой как внутреннего положения Церкви в Синодальный период вообще, так и ее состояния в 1880-е гг. и, особенно, ее отношения к внешнеполитической деятельности правительства. Композиция книги довольно рыхлая, мысль автора по вдохновению переходит от одной темы к другой, и создается впечатление, что составлена она без какого-либо плана и по большей части из «непроходных» передовых статей. Поводом, безусловно, не могла не послужить личная обида на Победоносцева — и за двухнедельную приостановку газеты в апреле 1885 г. (см. о ней ниже), и за отказ посодействовать получению финансовой помощи от мецената Ю. С. Нечаева-Мальцева в 1886 г.,[537] и за упорное нежелание отдать должное принципиальной позиции Гилярова-публициста по многим вопросам веры и церкви. Однако куда важнее было стремление выполнить свой гражданский долг. Откровенные частные письма Гилярова вызывали у Победоносцева только раздражение, а правдивые публикации в его газете — еще более интенсивные эмоциональные реакции.

20 августа 1887 г. Гиляров писал своему другу, видному чиновнику Министерства народного просвещения И. П. Корнилову: «Мое ходатайство за сохранение чести Успенского собора возбудило также ярость моего друга и вызвало колкие письма от него ко мне. А на днях конфиденциальным внушением из Главного управления по делам печати передано мне замечание обер-прокурора Св. Синода, что газета моя якобы позволяет себе оскорбительные отзывы о духовных сановниках и противодействует миссионерству! Вы удивляетесь? Меня

---

[533] *Толстой К. К.* Все о том же: (По поводу статей гг. Данилевского и Гилярова-Платонова о нигилизме) // *РД*. 1887. 25 апр. № 4. С. 2—4.

[534] *Аксаков в письмах*. Т. III. С. 444, 446. Уточнено по автографу: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 13. Л. 30.

[535] Гиляров писал И. Аксакову: «Получил письмо от Шеншина (Фета) с выражением чрезвычайного одобрения моим письмам...» (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 564. Л. 1).

[536] *Письма к Рцы*. С. 287.

[537] См.: Там же. С. 20, 237.

это не только удивляет, но бесит. Я сбирался писать Победоносцеву, уличить его в недобросовестной оценке; но раздумал. Раздумал именно по случаю кандидатуры моей в "Московские Ведомости". Только раздражишь еще более этого слепца, не разбирающего, где враги и где друзья Церкви. Тем не менее в духовно-учебных заведениях моя газета подвергается проскрипции. К газетам и журналам с полунигилистическим содержанием, к газетам-буфам, опереточного и грязного содержания, относятся снисходительно, а "Современные Известия" преследуются. Вот и пойдите!»[538] В этих условиях, считая, что ему необходимо быть услышанным, Гиляров обратился к вольной заграничной печати. Помог ему в этом близкий к нему в те годы Н. Н. Дурново, газета которого «Восток», также преследовавшаяся синодальными властями во главе с Победоносцевым, 31 января 1886 г. завершила свое существование. Книга Гилярова стала первой в издаваемой Дурново серии «Нечто о Русской церкви в обер-прокурорство К. П. Победоносцева» (в 1887—1889 гг. вышли выпуски 1, 2 и 4).

В значительной своей части повествование Гилярова посвящено недостойным руководителям религиозной жизни — современным ему архипастырям. В свое время преподобный Серафим Саровский, как известно, предсказывал, имея в виду как раз события второй половины XIX в.: «Мне <...> убогому Серафиму, от Господа Бога положено жить гораздо более ста лет. Но так как к тому времени архиереи так онечестивятся, что нечестием своим превзойдут архиереев греческих во времена Феодосия Юнейшего, так что даже и важнейшему догмату Христовой веры — Воскресению Христову и всеобщему Воскресению — веровать не будут, то посему Господу Богу угодно до времени меня, убогого Серафима, от сея превременныя жизни взять и затем во утверждение догмата воскресения, воскресить меня <...>».[539] Гиляров, конечно, не мог знать о «Великой Дивеевской тайне», и тем очевидней его книга свидетельствует об исполнении мрачного пророчества.

Следует упомянуть и о таких источниках сочинения Гилярова, послуживших толчком к его созданию, как книга С. И. Ширского «Чего надо желать для нашей Церкви», составленная под редакцией Н. В. Елагина (СПб.: Тип. Т-ва «Обществ. польза», 1882—1885. Вып. I—II), и ежегодные Всеподданнейшие доклады Победоносцева по Ведомству православного вероисповедания, которые стали мишенью нелицеприятной критики Гилярова.

Возникает вопрос: почему Гиляров решил воспользоваться услугами вольной, неподцензурной печати, казалось бы делавшей книгу малодоступной широкому читателю в России и, следовательно, ставившей крест на ее судьбе? Думается, во-первых, у Гилярова не было сомнения, что до главного адресата, Победоносцева, книга обязательно дойдет. Именно достучаться до него и ста-

[538] РНБ. Ф. 377. Ед. хр. 592. Л. 5 об.—6.

[539] Цит. по: Россия перед Вторым пришествием: (Материалы к очерку Русской эсхатологии): <В 2 т.>. 3-е изд., испр. и расшир. СПб.; М.: О-во свт. Василия Великого, 2003. Т. II. С. 512—513.

вил своей первоочередной задачей автор. И тот, по всей видимости, стал внимательным читателем книги Гилярова сразу после ее выхода в свет, что, безусловно, не улучшило взаимоотношений бывших друзей. Тем не менее, после кончины Гилярова целый ряд его рекомендаций, особенно по новому территориальному устроению отдельных епархий, был воплощен в жизнь (они отмечены нами в комментариях к переизданию книги в 2011 г. в сборнике «Разумевающие верой»). Косвенным свидетельством этого знакомства Победоносцева с книгой Гилярова служат, на наш взгляд, воспоминания богослова Е. А. Лебедевой о ее отце, близком друге Победоносцева: «...отец мой свободно шел к К<онстантину> П<етрови>чу со всяким нужным делом, с просьбою, ходатайством, даже разоблачением иных злоупотреблений, про которые приходилось узнавать, и К<онстантин> П<етрович> тоже обращался к нему по разным поводам и с поручениями. Так, помню, он прислал ему на просмотр один заграничный памфлет на наше церковное устройство».[540] Если это была книга Гилярова, то вероятнее всего, что протоиерей А. А. Лебедев, крупный специалист в области сравнительного богословия и преданный ученик такого православного мыслителя, как А. М. Бухарев (архимандрит Феодор), конечно же, во многом поддержал Гилярова.

Во-вторых, как это ни парадоксально, именно запрещенные, изданные за границей книги подчас быстрее находили заинтересованного читателя в России, нежели даже легально прошедшие через цензурные рогатки. Об этом, кстати, писал Гиляров в одной из своих поздних передовых статей, где высказывался за отмену института иностранной цензуры. Он свидетельствовал: «На каждой толкучке, среди книжного хлама, продаваемого букинистами, найдете непременно и такие, которые значатся в числе “безусловно запрещенных” <...> несмотря на цензуру, каждый желающий все-таки может приобрести, по крайней мере прочитать, любую, хотя бы наизапрещенную книгу, употребив лишь несколько более обыкновенного усилие».[541]

Следует отметить, что историк С. И. Алексеева в своих работах хотя и упоминает, что библиографы РНБ считают «предполагаемым автором» книги Гилярова, однако без каких-либо серьезных оснований и даже пояснений приписывает ее авторство Н. Н. Дурново.[542] Не говоря уже о типичных для Гилярова особенностях слововыражения, в книге немало мест, автором которых Дурново (несмотря на известную близость его церковно-общественных взглядов и гиляровских), конечно же, не мог быть. Гиляров, например, настойчиво пишет вовсе не о чаемом Дурново возрождении института патриаршества (исторический феномен которого он, однако, ценил высоко), а о соборах архиереев, ими же и из-

---

[540] *Лебедева Е.* Воспоминания о протоиерее Александре Алексеевиче Лебедеве // *БВ*. 1916. Т. III, окт./дек. С. 198.

[541] *<Гиляров-Платонов Н. П.>*. Москва, 22 октября // *СИ*. 1880. 23 окт. № 293. С. 2.

[542] См.: *Алексеева С. И.* Святейший Синод в системе высших и центральных государственных учреждений пореформенной России 1856—1904 гг. 2-е изд., стереотип. СПб.: Наука, 2006. С. 24, 122, 123.

бранных, как о наиболее желательной властной силы для Церкви. Едва ли к тому же Дурново стал бы на все лады хвалить свою газету «Восток» в книге,[543] будь он ее автором, и брать себе известный криптоним Гилярова «Р. С. Т.», тогда как в других вышедших в свет выпусках этой издательской серии (№ 2 и 4) свое авторство он обозначил инициалами «Н. Д.». Аргументы можно без труда умножить.

1.10. ПЛАН АРЕНДЫ «МОСКОВСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ». КОНЧИНА И ПОГРЕБЕНИЕ (АВГУСТ — ОКТЯБРЬ 1887 г.)

Как упоминалось в процитированном выше письме Гилярова к Корнилову, после смерти Каткова он надеялся стать арендатором «Московских Ведомостей», имевших меньший тираж, чем «Современные Известия», но обеспеченных обязательными казенными объявлениями, которые давали значительный доход издателю. В этих планах его горячо поддерживали друзья и многие читатели, не видевшие более достойного претендента из числа журналистов-консерваторов. 28 августа — 3 сентября и 8—13 октября 1887 г. Гиляров совершил две недельные поездки в Петербург, чтобы заручиться поддержкой влиятельных знакомых; в этих хлопотах ему оказывали содействие князь В. А. Долгоруков, Т. И. Филиппов, Ф. П. Еленев и др. Наиболее последовательно поддерживал кандидатуру Гилярова И. П. Корнилов. К нему тот и обратился сразу после кончины М. Н. Каткова, 27 июля 1887 г.: «Вот, мы схоронили Каткова; кто будет ему преемником? Разумею преемничество не влияния государственного, а преемничество по изданию “Московских Ведомостей”. <...> Помимо общего интереса, в этом деле есть и мой личный. *Многие* советуют *мне* искать “Московских Ведомостей”, и я бы не прочь; надеюсь, что не уроню их. <...> В какой мере все это верно и в какой мере могло бы *мое* искательство надеяться на успех?»[544] Корнилов обнадеживал приятеля: его письмо к Гилярову от 18 августа содержит восторженную оценку как мемуаров «Из пережитого», так и его публицистической деятельности в целом: «Великую и ответственную службу пред Богом и народом служите редакторо<м> большого периодического издания. Как рулевой или кормчий дает направление кораблю, — так и редактор газеты дает направление многим тысячам умов, послушных его слову и мыслям. Вполне сочувствую Вашему русскому и православному направлению и желаю от души успеха Вашей одушевленной любовию к России пропаганде».[545]

В ответ (в письме от 20 августа) Гиляров высказывал свой принципиальный взгляд на роль в общественной жизни редактора крупной общенациональной газеты: «Да, Ваша великая правда, многоуважаемый Иван Петрович, о великом значении, какое предоставлено редактору большого периодического издания. Семь лет назад, когда меня вызвали в Петербург для обсуждения предпола<га>вшихся изменений в законах о книгопечатании, я в разговорах с Лорис-Мелико-

[543] См.: *Разумевающие верой*. С. 330—334.
[544] РНБ. Ф. 377. Ед. хр. 592. Л. 1—2.
[545] Там же. Ед. хр. 347. Л. 1—1 об.

вым сказал: ничего не нужно, кроме одного, — нравственный и умственный ценз от редакторов. От мирового судьи, который судит пьяных баб и район власти которого простирается на десятки верст, требуется образовательный ценз. Кафедра, с которой преподается наука, вручается только лицам высокого образовательного ценза. А трибуна, с которой гласят миллионам, на нее вскакивает любой. Будь определен требуемый мною ценз (между прочим, он должен состоять в предшествующей литературной деятельности, которая свидетельствовала бы о знаниях, направлении, опытности), похерьте тогда весь цензурный устав; он не нужен. Серьезных людей не бойтесь, какого бы они ни были направления; страшны верхогляды, которые тем более страстны, чем менее вникали в дело, и тем более опасны, чем менее поднимаются над толпой и ее вкусами и похотями».[546]

Однако в глазах высших властей сложилась вполне определенная репутация Гилярова как не слишком удобного редактора, чересчур независимого для столь авторитетного органа печати, имевшего при прежнем редакторе немалое государственное значение. Чтобы «Московские Ведомости» стали трибуной для независимого и в будущем, возможно, весьма влиятельного слова публициста-философа, — конечно же, это показалось властям неудобным.

Ему в конце концов предпочли рептильного С. А. Петровского, скорее ловкого администратора, нежели серьезного публициста и человека глубоких убеждений.[547] И хотя это решение было только предварительным и Гиляров мог надеяться на его изменение в свою пользу, удар оказался слишком тяжелым...

Письма, которые Гиляров ежедневно посылал на имя Анны Гальперсон из последних своих петербургских поездок, представляют собой в полном смысле слова «эпистолярный дневник», причем написанный для самого родного человека. Отсюда живой, непринужденный стиль этих писем и необыкновенная нежность, которой они дышат. Если бы не необходимость буквально по часам и минутам расписывать свои дни, давать скрупулезный отчет обо всех своих делах, встречах, разговорах — поэтому, сделав отступление и возвращаясь к перечню поденных событий, Гиляров помечает: «Продолжаю свой Дневник»,[548] — то его письма к Гальперсон можно было бы назвать эпистолярным аналогом «Денисьевского цикла» Тютчева с его признанием: «О как на склоне наших дней / Нежней мы любим и суеверней...» Значительная возрастная разница, поначалу смущавшая Гилярова,[549] постепенно отошла на задний план. И его лю-

[546] РНБ. Ф. 377. Ед. хр. 592. Л. 4—4 об.

[547] См. подробнее об этих событиях: *Гиляров-Платонов Н. П.* Письма к А. М. Гальперсон: <Эпистолярный дневник 1887 года> / Публ. А. П. Дмитриева // *Из пережитого*. Т. 2. С. 220—247, 497—539; *Дмитриев А. П.* Как один московский коломенец заблудился в петербургской Коломне (случай с Н. П. Гиляровым-Платоновым) // Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. СПб., 2007. Вып. 14. С. 142—156; *Юшко А. Г.* За кулисами публицистики: (Власти и «Московские Ведомости» в 1887 г. по смерти М. Н. Каткова) // *Гиляров: ИМБР*. С. 153—181.

[548] *Из пережитого*. Т. 2. С. 231.

[549] В одном из писем (от 10 января 1883 г.) Гиляров писал ей: «Дитя! Я не полагал, что Вы еще до того дитя. Нет, напротив, я именно и полагаю, что Вы дитя, хотя у Вас уже есть

бовные излияния в этих петербургских письмах, возникающие подобно музыкальному контрапункту: «Пойди сюда ко мне», «А что ни шаг, то вспоминаю об Ане <...>», «Я желал бы встретиться с тобою так, чтобы броситься к тебе с простертыми руками, обнять тебя, расцеловать, расцеловать все твое тело сверху донизу <...>»[550] и т. д. — полны молодого восторга.

Именно Анна Михайловна настояла на этих поездках, достала на них денег. Они с Гиляровым небезосновательно надеялись, что получение в аренду «Московских Ведомостей» решит раз и навсегда финансовые проблемы, в которых безнадежно увязало издание «Современных Известий». Можно будет посвятить досуг серьезным научно-литературным трудам, собрать разбросанные по газетам и журналам многочисленные статьи и, приведя их в систему, выпустить собрание сочинений.

Конечно, поездки в Петербург с ежедневными хождениями по квартирам знакомых и по кабинетам чиновников, от которых могло зависеть решение о передаче в аренду «Московских Ведомостей», для пожилого Гилярова были и физически нелегки, и нравственно мучительны. Даже встречи с друзьями (Т. И. Филипповым, И. П. Корниловым, Ф. П. Еленевым, Л. Н. Майковым, В. К. Саблером, протоиереем П. А. Смирновым и др.) не приносили особой радости, так как те имели возможность влиять на будущее решение — если не напрямую, то через свои связи, — и это сковывало общение, не позволяло Гилярову выйти из роли просителя, обивающего пороги в хлопотах о своих делах. Ситуация осложнялась тем обстоятельством, что чиновники, благосклонность которых была бы более важна, оказывались либо явными врагами (граф Д. А. Толстой, Н. А. Манасеин), либо бывшими приятелями (К. П. Победоносцев, граф И. Д. Делянов, Е. М. Феоктистов), которые, однако, по разным причинам не желали, чтобы Гиляров стал преемником Каткова.

Возникает образ бездушного, холодного, хотя и удивительного по красоте города. Характерна гиляровская оговорка: «...у меня, никогда не уважавшего Петербург».[551] Противопоставление чужого, официозного Петербурга родной и домашней Москве проходит через всю переписку с Гальперсон. Гиляров с некоторой брезгливостью отмечает: «В Петербурге полная анархия и царство личных эгоизмов», «Ну, скажи, Аня, нельзя с ума сойти в этом столпотворении Вавилонском?», «Разве так в Петербурге делается, чтобы в одно заседание порешено было?»[552] Но особенно любопытен эпизод, — выглядящий, кстати, как некий художественный или мистический символ, — когда Гиляров, будто в заколдованном лесу, больше часа блуждал в районе питерской Коломны, ходил кругами и не мог найти правильной дороги в гостиницу: «Понадеялся, что знаю Петер-

дети. А я дед». И тут же жаловался: «Грустно только, что не обзавелся ни детьми, ни внучатами, ни братьями и сестрами (разумею в духовном, сердечном смысле)» («Да, много Вы моей души занимаете»: Письма Н. П. Гилярова-Платонова к А. М. Гальперсон. С. 191).

[550] *Из пережитого*. Т. 2. С. 226, 236.

[551] Там же. С. 221.

[552] Там же. С. 221, 233, 245.

бург. Пошел; шел, шел, поворачивал туда, поворачивал сюда (по соображению); шел ни мало, ни много — три четверти часа и пришел к тому же почти месту, откуда вышел <...>»[553] и т. д.

Гиляров главным образом надеялся на содействие влиятельного Победоносцева, предполагал при личной встрече переубедить его и настроить в свою пользу, однако тот, не желая, чтобы Гиляров стал преемником Каткова, оставался неколебим в своем внутреннем решении всячески противодействовать этому назначению (напомним, что начиная с 1881 г. Победоносцев то и дело требовал от Главного управления по делам печати наказать «Современные Известия» за ту или иную публикацию). Свидетельство об их последнем свидании оставил в своем дневнике князь Н. В. Шаховской после беседы с М. Г. Черняевым, состоявшейся 24 апреля 1893 г.: «Далее Черняев, стоявший во время последнего приезда Н<икиты> П<етровича> в Петербурге осенью 1887 г. рядом с ним в гостинице “Бельвю”, припоминает, что Н<икита> П<етрович> приехал к нему страшно взволнованный и убитый после разговора с К<онстантином> П<етровичем>, который на него будто накричал и отказал в поддержке».[554] Видимо, повлияла на такое недипломатичное поведение Победоносцева по отношению к робкому просителю дорожная усталость — он только что сошел с поезда, вернувшись из Москвы, и Гиляров, вероятно, стал одним из первых его посетителей в тот день.[555]

Возможно, дополнительным поводом для ссоры стала упоминавшаяся выше книга Гилярова «Нечто о Русской церкви в обер-прокурорство К. П. Победоносцева» (Лейпциг, 1887), в которой содержались прямые нападки на сановного друга; например, сообщалось, что 1 мая 1886 г. Победоносцев ходатайствовал о награждении протоиерея храма Христа Спасителя Алексия Соколова митрою — так как дом Победоносцева в Хлебном переулке десяток лет был в его приходе.[556] Приведя многочисленные факты канонических нарушений со стороны синодальных властей, Гиляров ставил неутешительный диагноз: «Оттого-то церковь Русская и стонет под игом духовенства, не проявляет никакой жизненности и делает даже людей религиозных индифферентными».[557] Впрочем, куда более резкие высказывания содержит в том же году в Лейпциге же анонимно изданная брошюра «Нечто о Российском Св. Синоде, единоверии, о. Иоанне Верховском и Белокриницкой иерархии», которая включает фрагменты, дословно совпадающие с имеющимися в книге Гилярова, и вполне (также по ряду иных признаков) может ему быть атрибутирована. Тут, правда, имя Победоносцева не упоминается, но его ведомство и епископат, не имеющий соборного общения,

---

[553] *Из пережитого*. Т. 2. С. 230.

[554] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 49. Л. 27.

[555] См.: «Вчера вернулся в Петербург из поездки в Москву обер-прокурор Св. Синода, действ<ительный> тайн<ый> сов<етник> К. П. Победоносцев» (*СПбВед*. 1887. 14 окт. № 283. С. 2).

[556] См.: *Разумевающие верой*. С. 322—323.

[557] Там же. С. 326.

критикуются весьма жестко: «Можно ли признать *Синод* подлинным церковно-народным священноводительством, когда управляет всем и над самим Синодом властвует обер-прокурор с своей канцелярией. *Святейший*! Но можно ли "святейшим" назвать прокурора с его канцелярией, — это полчище хищных птиц, питающихся от предоставленного им трупа? *Иерархия*! Но можно ли иерархией назвать сонм хотя и подлинных святителей, но стоящих рассыпано, не имеющих один к другому никаких отношений, канонически между собою ничем не связанных, не представляющих из себя не только органически живого тела, но и просто корпорации вроде бытовых: компаний, товарищества, артели и т. д.?»[558]

Однако важно заметить, что эта критика Гиляровым церковных порядков никогда не была обличительно-плоской и прямолинейной, не случайно один из его современников (литератор И. В. Павлов в письме к князю Н. В. Шаховскому от 3 июня 1893 г.) дал ему такую характеристику: «Ведь это самый крупный русский публицист! Катков был блестящ, но односторонен; он даже в лучших статьях своих напоминает Сквозник-Дмухановского, закрывающего пальцем некоторые места в хлестаковском письме. А Гиляров ничего не закрывал, ибо воистину был умозритель, видевший ясно оба полюса каждой мысли. Таких умов на свете немного».[559] Вот почему, например, инвективы в книге Гилярова в адрес Синодального управления Русской церковью, мало-помалу утрачивавшего дух соборности и потому сближавшегося автором подчас с произволом папского единовластия, не свидетельствуют о том, что Гиляров в современных ему условиях русской жизни ратовал за восстановление патриаршества, как, например, Н. Н. Дурново,[560] А. А. Киреев или протоиерей А. М. Иванцов-Платонов. Вовсе нет. Гиляров как раз трезво смотрел на этот вопрос и — в период работы над книгой — в одной из передовых статей по случайному поводу (в связи с надеждами единоверцев в лице фабриканта и публициста А. Ф. Морокина на такое воскрешение досинодального устройства Церкви) писал со ссылкой на мнение митрополита Филарета (Дроздова): «Г<-н> Морокин мечтает еще о восстановлении патриаршества. Против этого в свое время мы писали, а в настоящее время приведем отзыв приснопамятного митрополита Филарета в ответ на проявлявшуюся лет тридцать назад подобную же затею: "Не все ли равно, какое название, «первенствующий член Синода» или «патриарх», когда существо то же". Существо действительно то же — Новгородский ли митрополит во главе Синода или Константинопольский, Иерусалимский, Антиохийский, Александрийский во главе своих местных Синодов. Можно желать реформы в подробностях теперешнего синодального управления в России, это вопрос другой. Основательно молить о восстановлении периодических местных соборов. Но патриаршество, если дело не в названии только, есть удаление от истинного облика, а не возвра-

[558] Нечто о Российском Св. Синоде, единоверии, о. Иоанне Верховском и Белокриницкой иерархии. Лейпциг, 1887. С. 18—19. Без указания автора.

[559] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 144. Л. 1—1 об.

[560] Это как раз весьма существенно и для безусловного отказа от соблазна атрибутировать гиляровскую книгу — Н. Н. Дурново.

щение или приближение к нему. Патриаршество, как его сказала история, есть папизм в зародыше»...[561]

Вскоре после разговора с Победоносцевым на повышенных тонах, в тот же день 13 октября 1887 г., в 8 часов вечера, Гиляров скончался от разрыва сердца в своем номере на 4-м этаже петербургской гостиницы «Belle-vue» («Бель-вю»), что находилась у арки Генерального штаба на Большой Морской, д. 3. Историк и педагог Н. П. Розанов передает в своих мемуарах, что говорили в Москве о смерти Гилярова: «...получение доходного редакторского места в "Московских Ведомостях" спасло бы его от окончательного краха, но петербургская консервативная бюрократия предпочла иметь на месте Каткова никому не ведомого профессора <С. А. Петровского>. И вот человек с пламенной любовью к родине, честный, даровитый публицист, так долго работавший на посту редактора, был отвергнут, что, как носились слухи, даже заставило его прибегнуть к сильнейшему приему морфия для успокоения расходившихся под влиянием полученного отказа нервов, а этот огромный прием опасного наркотика повел за собою смерть газетного бойца».[562] Современники подозревали даже самоубийство,[563] однако эта версия, как неопровержимо свидетельствуют факты, совершенно безосновательна.

В дореволюционных изданиях обычно писалось, что в последние часы жизни Гиляров оказался всеми брошен, трагически одинок; так, живший тогда в Петербурге князь Н. В. Шаховской позднее, в 1899 г., свидетельствовал: «Гиляров внезапно скончался <...> совершенно одинокий, в гостинице "Бельвю", и унес с собою в могилу тайну последних минут своей жизни».[564] Авторы предисловия к тому избранных произведений Гилярова, увидевшему свет после более чем столетнего замалчивания, рисуют трогательную картину покинутого страдальца и, для контраста, веселящихся обитателей гостиницы: «...он слег в постель. В номерах и коридоре гостиницы было шумно, слышался чей-то смех. По коридору беспрестанно шмыгала прислуга. И никому не было дела, что за стеной страдал тяжелобольной пожилой человек! Сам неоднократно откликавшийся на чужую беду, Никита Петрович Гиляров-Платонов умирал, всеми брошенный и забытый... Когда же гостиничная прислуга наконец удосужилась проведать больного постояльца и, постучав, зашла в номер, она увидела уже холодный труп, лежавший в постели на боку и до половины лица закрытый одеялом <...>».[565] Далее говорится о малолюдной панихиде и скромных похоронах, с использованием жалостливых штрихов («вдова-старушка в убогом салопчике», «тело <...>

---

[561] *<Гиляров-Платонов Н. П.>*. Москва, 2 ноября: Дневное обозрение // *СИ*. 1886. 3 нояб. № 303. С. 2.

[562] *Розанов Н. П.* Воспоминания старого москвича. М.: Русскій міръ, 2004. С. 199.

[563] См.: Письма К. П. Победоносцева к Е. М. Феоктистову / Вступ. ст. Б. Горева; публ. и коммент. И. Айзенштока // Литературное наследство. М., 1935. Т. 22/24. С. 533.

[564] *Сб. соч.* Т. I. С. LX.

[565] *Климаков Ю. В., Антонов М. Ф.* Неопознанный гений // *Гиляров-Платонов Н. П.* «Жизнь есть подвиг, а не наслаждение...» / Сост. и коммент. Ю. В. Климакова. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2008. С. 29—30.

заколотили в ящик» и т. п.). Источник этих, конечно, недостоверных сведений о кончине всероссийски известного публициста, редактора большой политической газеты — анонимная корреспонденция «Новостей и Биржевой Газеты», созданная по лекалам желтой прессы.[566] Но уже в следующем номере было помещено подробное опровержение этого рассказа: умирающий постоянно был на глазах прислуги, за час до смерти написал записку (адресованную А. М. Гальперсон), при его кончине присутствовал слуга, запомнивший последние слова Гилярова: «Павел, подай...» — вероятно, просьбу подать воды. Время смерти «точно удостоверено» управляющим гостиницы, сразу прибыли полицейские, «тщательно опечатавшие еще ночью бумаги и вещи покойного», вызван гробовщик, тело положено во гроб и «не было оставлено без призора», друзья Гилярова «не заслужили публичного упрека в равнодушии к его праху».[567]

Почести, оказанные ему при похоронах как в Петербурге, так и в Москве — на отпевании присутствовали министры, представители Св. Синода с обер-прокурором во главе, члены Государственного совета, сенаторы, известные писатели и ученые, — в полной мере выявили истинное отношение к Гилярову-публицисту как одному из наиболее значимых отечественных общественных деятелей, православных мыслителей, провозвестителей русской идеи.

Последний приют нашел он 19 октября в кладбищенской земле московского Новодевичьего монастыря, где когда-то служил его брат Александр. Панихиду совершал нарочно прибывший для этого из Киева митрополит Сербский Михаил (Йованович), почитатель и друг Гилярова, в сослужении протопресвитера Н. А. Сергиевского, двух архимандритов и 16 протоиереев и священников.[568] Корреспондент «Нового Времени» сообщал: «Всего присутствовало на похоронах не менее двух тысяч человек».[569] Другой московский фельетонист уточнял: «Провожали Гилярова не просто любопытные, а хорошо знавшие и любившие его люди, потому что его газета шла во все общественные сферы и особенно в сферы “средней” русской публики, с которою Гиляров умел говорить истинно русским языком и житейским интересам которой он всегда отдавал в своей газете видное место».[570]

Могила Никиты Петровича находится в первом ряду, против Святых ворот обители, по соседству с захоронениями М. П. Погодина и С. М. Соловьева. По-

---

[566] Новости и Биржевая Газета. 1887. 15 окт. № 283. С. 2; перепеч.: Русский Курьер. 1887. 17 окт. № 286. С. 2. Ни одна из авторитетных русских газет эту корреспонденцию не воспроизвела.

[567] *Дурново Иван*. Письмо в редакцию // Новости и Биржевая Газета. 1887. 16 окт. № 284. С. 2.

[568] *<Без подписи>*. Отпевание и погребение тела Н. П. Гилярова-Платонова // *МЦВед.* 1887. № 45. 25 окт. С. 560; *Н. М. <Марков Н. П., прот.>*. Памяти Никиты Петровича Гилярова-Платонова, редактора «Современных Известий». Чернигов, 1887. С. 5.

[569] *<Без подписи>*. Похороны Н. П. Гилярова-Платонова. Москва: (Корреспонденция «Нового Времени») // *НВр.* 1887. 21 окт. № 4183. С. 1.

[570] *К. <Курепин А. Д.>*. Московский фельетон: Н. П. Гиляров-Платонов и речи о нем. — К его характеристике // *НВр.* 1887. 24 окт. № 4186. С. 2.

началу на простой земляной могиле водрузили металлический крест; после того как были выручены деньги от продажи гиляровского «Сборника сочинений» (М., 1899—1900), на захоронении появилась добротная гранитная плита с памятником, представляющим собой «саркофаг в греческом стиле, сделанный из темного мрамора с крестом наверху».[571] Живший в церковном полуподвале Новодевичьего монастыря поэт Борис Садовской в 1929 г. написал замечательное стихотворение, первые строки которого — недочитанная надпись на памятнике: «Никита Петрович Гиляров-Платонов / Тогда-то родился, скончался тогда-то»[572] — становится символическим воплощением утраченной «бедной России»... Когда уничтожали некрополь, захоронение Гилярова сохранилось, как сообщил нам (4 июня 2006 г.) праправнук мыслителя, видный биолог А. М. Гиляров, чуть ли не чудом — благодаря его отцу профессору (впоследствии — академику) М. С. Гилярову, написавшему на рубеже 1950—1960-х гг. в одно из изданий, скорее всего в «Литературную газету», о необходимости сберечь для потомства могилы знаменитых ученых и писателей прошлого (в прилагавшемся списке было и имя практически не известного в то время партийным функционерам «выдающегося философа и публициста-славянофила Гилярова-Платонова»).

Важное признание заслуг Гилярова находим в его переписке с епископом Ревельским Николаем (Касаткиным), впоследствии архипастырем Японским и, как известно, одним из весьма немногих церковных деятелей, прославленным в лике святых в советский период (точнее, до 1988 г.). Знакомство с преосвященным Николаем состоялось в 1880 г., когда тот приезжал из Японии в Россию. В тот период миссионер-подвижник епископ Николай оказался в центре общественного внимания, в своем дневнике он описал встречи с Достоевским, Вл. Соловьевым и другими известными людьми.[573] В «Современных Известиях» появились восторженные передовицы, посвященные молодой Японской церкви.[574] Гиляров видел здесь подвижничество сродни апостольскому, ощущал дух первых веков христианства. Во многом благодаря такой помощи «ходатайственным словом»[575] удалось организовать широкомасштабный сбор денег для Японской миссии, в Токио был воздвигнут величественный православный собор.

Святитель Николай писал Гилярову 10 февраля 1887 г., за восемь месяцев до его безвременной кончины: «Ваше имя в молитве шепчут мои грешные уста; искренно молю Господа, чтобы на многие-многие годы продлил Он Вашу высоко-плодотворную, глубоко-патриотическую и истинно христианскую деятельность».[576]

---

[571] *РВед*. 1904. 22 июня. № 172. С. 3.

[572] *Садовской Б.* Стихотворения. Рассказы в стихах. Пьесы. СПб., 2001. С. 143.

[573] См.: *Накамура К.:* 1) Достоевский и Николай Японский // Вопросы литературы. 1990. № 11/12. С. 353—355; 2) Владимир Соловьев и Николай Японский // Там же. 2000. Вып. 3. С. 369—372.

[574] *Вопросы веры и церкви*. Т. II. С. 180—189; 204—206.

[575] Там же. С. 560.

[576] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 663. Л. 20.

Часть II

Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ КАК ПУБЛИЦИСТ И РУССКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА ЕГО ВРЕМЕНИ

2.1. Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ И М. Н. КАТКОВ: ПУБЛИЦИСТЫ-АНТИПОДЫ В ПОЛОСЕ ВЗАИМНОГО ТЯГОТЕНИЯ

Журналистское поприще стало основным для Гилярова. Именно в публицистике, в ежедневном общении со своим читателем на самые разные темы политики, религии, морали, московского быта и т. д. он нашел себя. Как уже говорилось, на столбцах «Современных Известий», да и ранее, в 1850—1860-х гг., в изданиях друзей-славянофилов, а также в журналах А. Д. Желтухина и М. Н. Каткова, открылось истинное призвание неутомимого Гилярова. Это было уникальное, не оцененное до сих пор «хождение в народ» (куда более плодотворное и насущное, нежели все предприятия революционеров-народников в те же годы) утонченного интеллектуала-патриота, совершавшееся в переломную для России эпоху, в период острейшего духовного кризиса, разразившегося после отмены крепостного права и затянувшегося на несколько последующих десятилетий.

Он стремился помочь прежде всего разночинным слоям, только пробуждавшимся тогда к общественной жизни, к земской деятельности, к участию в городском самоуправлении, и в этом сказались всегда присущие ему демократические убеждения, или, точнее сказать — глубоко укорененный в его душе христианский гуманизм. Первый номер «Современных Известий» Гиляров открыл подробным разъяснением своей позиции: «Прошло время, когда подробное знание и верная оценка современных событий считалась уделом немногих избранных: когда лица, даже не лишенные достатка и образования, довольствовались слухами, а простой люд питался сказками, основанными на этих слухах, притом значительно искаженных. Доля самоуправления, нам предоставленная, отнимает у нас даже право продолжать это, своего рода политическое, невмешательство. Как идет у нас суд, как там и здесь движется городское и земское хозяйство, где и почему прокладываются новые дороги, как идет народное обучение, насколько и в каком смысле обнаруживают у нас жизнь различные верования <...> что делает Гарибальди, что задумывает Бисмарк, как устраивается Америка <...> все это нужно знать <...> потому что общественное дело становится ныне личным делом для каждого более, чем прежде».[1]

---

[1] *СИ*. 1867. 1 дек. № 1. С. 1. См. подробный анализ этой передовой: *Балашов Д. Ю.* О журналистской позиции Н. П. Гилярова-Платонова // *Возвращение*. С. 179—181.

На фоне современной Гилярову журналистики его слово всегда выделялось своей оригинальностью — как неожиданными подходами к решению политических и общественно-нравственных вопросов, так и образной речью с живыми, задушевными интонациями. И. С. Аксаков, Ю. Ф. Самарин, М. П. Погодин, князь В. Ф. Одоевский, В. И. Даль, С. А. Юрьев и другие близкие ему писатели высоко ценили его публицистику; ее достоинство часто казалось им столь высоким, имеющим значение для мирового общественного мнения, что нередко ему советовали печататься за границей. Так, Погодин, прочитав в июле 1874 г. передовицу Гилярова о внутреннем родстве ультрамонтанства и политического фанатизма поляков,[2] восторженно писал ему: «Статья в № 167 об ультрамонтанстве великолепная, государственная, европейская. Когда я читаю подобные статьи, мне всегда бывает жалко, что такой ум сильный разменивается на мелочи. Не говорю о том, как бывает досадно на правительство, которое не умеет находить людей и употреблять их с пользой. Я хотел о статье написать статью, но где напечатать ее: "Москов<ские> Ведом<ости>" ревнивы суть и боятся сказать лишнее доброе слово о ком бы то ни было, чтоб не унизить себя, а здесь как будто и лавочка отбивается в политическом пафосе. Такие вопросы у них как будто на откупу. Статью надо перевести на французский, английский, немецкий. На французский отдал перевести Софье Ивановне[3] и пошлю в "Le Nord"».[4]

Не случайно под рубриками «Среди газет и журналов», «Наша периодическая печать» и т. п. в самых разных по политическому направлению изданиях регулярно цитировались передовицы Гилярова — в палитру общественного мнения они всегда добавляли свои особенные краски. Его ученик публицист И. Ф. Романов-Рцы (сам незаурядный мастер литературной формы, у которого, как известно, немало перенял В. В. Розанов) в 1888 г. делился своими впечатлениями: «Когда вам попадается в *альбоме мыслей Никиты Петровича* (как остроумно называл газету, издаваемую Гиляровым, покойный И. С. Аксаков)[5] выражение вроде следующих (берем первый пришедший нам на мысль пример): "Польша есть *выдохшаяся* нация", "католицизм — равно как магометанство и еврейство — есть *постоянный заговор против инославия*", когда, говорим, вы с изумлением останавливаетесь на подобных выражениях, в которых не знаешь, чему более удивляться: необычайной ли меткости и остроумию с такой смелостью отчеканенного словечка, заставляющего бледнеть перед собою пресловутые французские *mots* — неважный плод бульварного балагурства, или гениальной находчивости автора, сумевшего в какую-нибудь одну-две строки вдавить сущность чуть не целого трактата * — вы, может быть, и не догадываетесь, что пой-

---

[2] *Вопросы веры и церкви*. Т. II. С. 22—25.

[3] Софья Ивановна Погодина (1826—1887) — вторая жена М. П. Погодина (с 1860 г.).

[4] Материалы для биографии Н. П. Гилярова-Платонова // *РО*. 1896. Т. 42, дек. С. 995. Была ли опубликована статья Гилярова в парижской газете, выяснить не удалось.

[5] *Аксаков в письмах*. Т. III. С. 442.

* Припомним, кстати, знаменитое хомяковское определение Гегелевой философии: «воз пустых орехов, который пришлось расщелкать». — *Авт. <Рцы>*.

манная вами жемчужина есть только один из вырванных наудачу камней из той мозаичной стены, которая составляет одно нераздельное целое с величественным зданием, именуемым философской системой Гилярова».[6]

При этом нередко его позиция подвергалась умышленным искажениям, насмешкам, на него то и дело подавали в суд жалобы, нередко и облыжные доносы. Об этом Гиляров 21 сентября 1871 г. писал своему приятелю, литератору С. А. Юрьеву, в тот период предпринявшему издание журнала «Заря»: «А Вас возмущают лжи и клеветы! Я к этому уже привык и принимаю за специальный крест положение публициста у нас в России. Но утешает мысль, что образ лица слагается полный из совокупности явлений, а публицисту, слава Богу, дается способ дать современникам и потомству столько материалов к выведению заключения! Хотелось бы одно: пожить настолько, чтоб оставить достаточно — не по количеству, а по качеству. <...> Какая туча недоразумений! Один видит в тебе отсталого, другой открещивается, считая хуже безбожника. Подите тут!»[7]

И при жизни, а особенно в связи с кончиной даже идейные антагонисты признавали силу гиляровского слова, и это было совсем не этикетная дань некрологическому жанру. Так, автор умеренно-либеральных «Русских Ведомостей» отмечал: «Публицистические статьи Н<икиты> П<етровича> отличались всегда образным, живым слогом и производили сильное впечатление».[8] И при этом, даже когда в 1900—1906 гг. в пяти сборниках было переиздано значительное количество передовых статей Гилярова, исследователь его публицистики Л. П. Лобов сетовал, что его современники вместо «непосредственного изучения славянофильства, основанного на серьезном, вполне историческом приеме» пробавляются «лишь популярным изложением этого учения, притом в крайне тенденциозной окраске». И потому Лобов заявлял: «Не видя никого, кто бы взял на себя почин в этом направлении, мы прежде всего устремляем внимание на своеобразного мыслителя, чьи мысли, высказываемые чуть ли не на пространстве двадцати лет, менее всего являются изученными <...>. Не думаем, чтобы эти мысли не заслуживали никакого внимания, так как имя Гилярова-Платонова, бывшего профессора, цензора и журналиста, достаточно популярное имя и не только для своего времени».[9] Однако сам Лобов ограничился четырьмя небольшими заметками,[10] и задача исследования публицистики Гилярова по-прежнему предлежит нашей историко-литературной науке.

---

[6] *Рцы (Романов И. Ф.)*. Гиляров и Хомяков: Одна характеристическая особенность их творчества, в значительной степени затрудняющая изучение трудов названных писателей // Собр. соч.: В 2 т. / Изд. подгот. А. Дмитриев и Д. Федоров. СПб.: Росток, 2016. Т. I: Нагота рая. С. 50.

[7] РГАЛИ. Ф. 1000. Оп. 1. Ед. хр. 54. Л. 1 об.—2 об.

[8] <*Соболевский В. М.?*>. Н. П. Гиляров-Платонов: (Некролог) // *РВед*. 1887. 15 окт. № 284. С. 2.

[9] *Лобов Л. П.* Гиляров-Платонов: Публицистическая деятельность // Славянские Известия. 1907. № 1. С. 1.

[10] Вых. дан. см. во Введении, в коммент. 35 на с. 13.

* * *

В некрологе Гилярову суворинского «Нового Времени» содержалось само собой напрашивавшееся сопоставление его с И. Аксаковым и Катковым — все трое перешли в лучший мир в течение полутора лет с небольшим: «С Гиляровым-Платоновым исчезает третий и последний замечательный публицист Москвы: за Аксаковым — Катков, за Катковым — Гиляров. Гиляров не был так виден, как первые два: он обращался к другому кругу читателей, более широкому, но менее образованному, который и не мог его ценить по достоинствам <...>».[11]

И действительно, хотя гиляровские «Современные Известия» в свое время были популярны не менее «Московских Ведомостей» как в родном городе, так и в провинции (по тиражу иногда и превосходили), однако, конечно, Гиляров и при жизни, и тем более после смерти всегда находился в тени своего современника Каткова (тот был шестью годами старше). Причина такого положения вещей лежала на поверхности: если Гиляров в сфере публицистики оставался утонченным философом и богословом, порой слишком своеобычным и замысловатым для широкой публики, то Катков как бы воплощал некий образец по-настоящему востребованного журналиста-практика — «властителя дум», поборника национально ориентированной государственной политики. Тем не менее не случайно имена Гилярова и другого их знаменитого современника, И. С. Аксакова, часто, особенно же с начала 1880-х гг., объединялись с именем М. Н. Каткова в некий метафорический «триумвират московских консерваторов», будто бы монолитный и мировоззренчески, и в своих каждодневных практиках.

Существенно, однако, что ближайшее литературное окружение видело в Гилярове и Каткове во многом антиподов. Приведем четыре, на наш взгляд, наиболее проницательных суждения современников, сравнивавших их как публицистов.

Во-первых, интересна оценка, принадлежащая третьему члену «триумвирата» — И. Аксакову, высказанная им в письме к самому Гилярову, которое по содержанию можно датировать серединой сентября 1884 г., когда ими обсуждался план слияния «Современных Известий» с «Русью», чтоб на этой основе, с привлечением значительных купеческих капиталов, создать большую национальную газету вроде «Таймса».[12] Аксаков писал другу, что тот в качестве редактора этого издания, в отличие от Каткова, не сможет удовлетворить промышленников-меценатов: «*Вы же не удовлетворите* — потому, что вечно прозираете в будущее за целый век, а иногда и за несколько, — потому что мысль Ваша слишком оригинальна и в то же время радикальна. Вам под стать написать: “Новые начала политической экономии” — целый трактат, и его оценят прежде всего

---

[11] <*Суворин А. С.?*>. Гиляров-Платонов: Некролог // *НВр*. 1887. 15 окт. № 4177. С. 1.

[12] См. об этом проекте «большой московской газеты» обстоятельную публикацию Д. А. Бадаляна: «Мы с Вами — последние могикане...»: Н. П. Гиляров-Платонов, И. С. Аксаков и проект новой общероссийской газеты в письмах и документах 1884 г. // *Гиляров: ИМБР*. С. 614—635.

германские ученые. Этого достоинства Катков не имеет, а потому именно он и сильнее Вас, его слово более веско, ближе к делу как оно есть, — что современникам, вообще практикам, а нашим купцам пуще всего — на потребу. Слово Каткова никогда не головоломно, никогда не отвлеченно и при рельефности изложения всем понятно. Как газетный публицист он, несомненно, стоит выше и меня, и Вас. Он не мучается никакими вопросами, не выражает ни сомнений, ни недоумений, — слово его не замысловатое, не мудреное, но властное. Ваша же газета, напр<имер>, это — "альбом моих ощущений, впечатлений и мыслей"».[13]

Общедоступность прямолинейного слова Каткова по сравнению с многозначной глубиной гиляровского подчеркивал и литератор И. В. Павлов, знакомый Герцена, Тургенева, Салтыкова-Щедрина, «человек живого и острого ума»,[14] в своем письме от 3 июня 1893 г. к князю Н. В. Шаховскому, биографу Гилярова. Павлов дал ему такую характеристику (выше уже частично приведенную нами): «Ведь это самый крупный русский публицист! Катков был блестящ, но односторонен; он даже в лучших статьях своих напоминает Сквозник-Дмухановского, закрывающего пальцем некоторые места в хлестаковском письме. А Гиляров ничего не закрывал, ибо воистину был умозритель, видевший ясно оба полюса каждой мысли. Таких умов на свете немного».[15] Как видим, вывод Павлова о том, кто «выше как публицист», оказался прямо противоположен заключению Аксакова.

Третье, показательное по своей аналитической выверенности, сопоставление публицистов принадлежит упомянутому выше князю Н. В. Шаховскому, филологу и экономисту, в 1900—1902 гг. возглавлявшему Главное управление по делам печати. По смерти Гилярова, своего учителя и друга, он, как упоминалось во Введении, посвятил ему 21 обстоятельную статью и подготовил к печати 9 его книг. Но он был близок и к Каткову и его семье, поскольку его дядя по матери, географ А. П. Ефремов, был ближайшим приятелем Каткова, а брат Лев женился на дочери последнего Варваре, — во всяком случае, Шаховского никак нельзя заподозрить в предвзятости. Он писал в одной из своих первых статей о Гилярове, отталкиваясь от оценок Павлова: «Катков был не только *"блестящ"*, но он обладал *талантом* публициста. У него были истинный энтузиазм и лирическое чувство. Он не только разъяснял вопросы, но он *увлекал*; он действовал не на один ум, а также и на *волю*, и преимущественно на сию последнюю. Катков мог своею статьей *уничтожить* человека и тем подорвать его направление, на что Гиляров не был способен, потому что был христианский философ-созерцатель, который убеждал, а не сокрушал».[16] И далее о главной заслуге Каткова как охра-

---

[13] *Аксаков в письмах*. Т. III. С. 442; уточнено по автографу: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 13. Л. 35 об.—36. См. подробнее об этой оценке Аксакова на с. 156—157 наст. изд.

[14] *Мостовская Н. Н.* И. В. Павлов — корреспондент Тургенева // И. С. Тургенев: Вопросы биографии и творчества. Л.: Наука, 1982. С. 143.

[15] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 144. Л. 1—1 об.

[16] *Шаховской Н., кн.* Из подготовительных работ по биографии Гилярова // *РА*. 1893. Кн. II, вып. 7. С. 428.

нителя: «Он не проповедовал ничего нового, он заботился об укреплении старых наших исторических и бытовых основ, потрясенных в общем сознании после освобождения крестьян. Святость и неприкосновенность Русской территории, добытой некогда русскою кровью; святость формы правления, выработанной историей народа, незыблемость Православия именно в том виде, в каком оно есть, и пр.: вот чего Катков был стойкий защитник».[17]

«Гиляров, — продолжал свое сопоставление Шаховской, — был иной: в каждой его статье сквозил уголок никому неизвестного, но тщательно выработанного им мировоззрения <...> Гиляров был сильнее Каткова шириною взглядов, строгостью и последовательностью убеждений, а с практической стороны, в отношении к каждому живому факту, выдвигаемому жизнью и ждущему своего разрешения сейчас, сию минуту, он должен был уступать Каткову, который и лучше знал среду, приемы, и обладал бóльшим одушевлением и убедительностью для читателей».[18] И наконец: «Люди, подобные Никите Петровичу Гилярову, — *роскошь.* Их не замечают при жизни, но им удивляются и поклоняются после их смерти. <...> У Гилярова у *одного* были *свои собственные убеждения*».[19]

Наконец, приведем суждение В. В. Розанова о триумвирате, оказывающееся во многом сходным с предыдущими высказываниями: «Между современниками и почти единомышленниками своими — Катковым и И. С. Аксаковым — Гиляров был наименее речист, но он был вдумчивее их обоих во всякий предмет, в каждую тему, и образованнее, в особенности Аксакова. У Гилярова был редкий философский дар, с призванием не к новым отвлеченнословесным конструкциям, а скорее к едкому анализу этих конструкций и в то же время к любовному обдумыванию жгучих практических нужд, но уже со всею силою, обширностью и фундаментальностью ума, изощренного в борьбе».[20]

Приведенные суждения, разумеется, не являются истиной в последней инстанции и могут быть скорректированы (например, оспорен тезис об отсутствии у Каткова своеобычных убеждений), но нельзя не признать, что высказанные столь глубокомысленными современниками из окружения Гилярова и Каткова, тем более людьми, близкими им по взглядам, они в первую очередь заслуживают того, чтоб быть услышанными и осмысленными.

Начало взаимоотношений Гилярова и Каткова относится к середине 1850-х гг., причем период до личного знакомства интересен некоторым сходством их жизненного пути: оба преподавали в высшей школе — Катков логику, психологию и историю философии в Московском университете (1845—1850), а Гиляров — библейскую герменевтику, сравнительное богословие и расколоведение у Троицы в Академии (1848—1855), и оба вынужденно прервали свою педагогическую деятельность: Катков — по причине ликвидации кафедр философии в универ-

[17] *Шаховской Н., кн.* Из подготовительных работ по биографии Гилярова. С. 428.
[18] Там же. С. 429.
[19] Там же. С. 430.
[20] *Розанов В. В.* Полн. собр. соч.: В 35 т. СПб.: Росток, 2014. Т. 1. С. 562.

ситетах, Гиляров — из-за конфликта с митрополитом Филаретом (Дроздовым). Познакомились они, когда Катков приступил к изданию своего «Русского Вестника», имевшего поначалу либерально-западническую окраску, а Гиляров примкнул к узкому кружку славянофилов, основавших журнал «Русская Беседа», в котором принял ближайшее участие и как автор ряда принципиальных статей по литературной критике и методологии истории, и как правительственный цензор. Одновременно (с 1858 г.) он цензуровал и журнал Каткова. Современники не раз отмечали необычное поведение Гилярова при исполнении им своих служебных обязанностей: он не только не стремился запретить тот или иной неудобный материал в порученных его опеке изданиях,[21] но подчас сам его редактировал, сглаживая острые моменты, а порой на свой страх и риск пропускал важные для общества злободневные статьи вопреки инструкциям, требовавшим утомительные согласования таких решений с высшими инстанциями (так было, например, с публикациями в «Русском Вестнике» по крестьянскому вопросу[22]).

Неудивительно, что впоследствии параллельно с цензурованием журнала Каткова Гиляров по его просьбе стал и редактировать отдельные поступавшие в редакцию материалы. Своему почитателю, публицисту И. Ф. Романову-Рцы Гиляров писал о себе 15 ноября 1886 г.: «Ценили Катков/Леонтьев, но умозрительно! — в числе условий моей работы (письменных) поставлено было, чтобы я являлся в редакцию (“Русского Вестника”) “высказывать (словесно) свои мысли по текущим вопросам”».[23] А 1 марта 1862 г. М. Н. Катков и П. М. Леонтьев предложили Гилярову «расширить содействие» «Русскому Вестнику», фактически — взять на себя заведование редакцией этого журнала.[24] Они видели в Гилярове не «человека партии», а ценного сотрудника и помощника, обладающего широтой воззрений и самостоятельностью мышления. Эти обязанности Гиляров, по всей видимости, выполнял недолго, потому как в августе 1863 г. возглавил Синодальную типографию в Москве. Позднее, в 1886 г., когда очередной заведующий редакцией этого журнала, В. П. Клюшников, покинул Москву и переехал в Петербург, Гиляров, теснимый кредиторами, попробовал снова испросить эту должность у Каткова и написал ему так: «Мне сказывали, верно или нет, не знаю, что В. П. Клюшников оставил занятия свои по “Русскому Вестнику”. Вспоминаю, что некоторое время на мне лежали приблизительно обязанности, которые перешли потом к Н. А. Любимову и В. П. Клюшникову, и Вы с Павлом Михайловичем <Леонтьевым> не были мною недовольны».[25] Однако в тот

[21] См., например: *Ф. Е. <Еленев Ф. П.>*. Черта из жизни Гилярова-Платонова // *РА*. 1887. Кн. III, вып. 12. С. 571—575.

[22] Его объяснение министру народного просвещения по этому вопросу (от 9 марта 1859 г.) опубл.: *Любимов Н. А.* Докладная записка Н. П. Гилярова-Платонова // *РВ*. 1888. Т. 195, март. С. 423—426.

[23] *Письма к Рцы.* С. 287.

[24] См.: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 654. Л. 1—2.

[25] Там же. Ед. хр. 421. Л. 5.

период пути бывших друзей сильно разошлись и Катков отказался от сотрудничества Гилярова в своем издании. Изредка последний и сам печатался в «Русском Вестнике». Так, известен его ироничный отклик на статью А. Н. Муравьева «Обличение на книгу “О возможном соединении Церкви Российской с Западною”».[26] О драматичной истории, связанной с публикацией в журнале Каткова мемуарной книги Гилярова, скажем ниже.

Следующий и наиболее важный этап их взаимоотношений начинается в декабре 1867 г., когда Гиляров основал первую в Москве ежедневную газету «Современные Известия» («Московские Ведомости» тогда не выходили по понедельникам), которая стала, с одной стороны, конкурентом изданию Каткова, а с другой — идейно дополняющим и во многом поддерживающим его позицию органом печати.

Гиляров относился к Каткову-редактору поначалу довольно тепло, но начиная с 1870-х гг. все более и более несочувственно и критически. До этого периода позиции Каткова и И. Аксакова (с его газетами «День», «Москва» и «Москвич») оценивались Гиляровым одинаково высоко — как ориентированные на смелый и плодотворный диалог с правительством. Позднее он писал в брошюре «Нечто о Русской церкви в обер-прокурорство К. П. Победоносцева» (Лейпциг: Тип. Ф. А. Брокгауза, 1887; под псевд. «Р. С. Т.»): «В прежнее время Главное управление печати прощало резкие выражения консервативных органов печати, которые, как у И. С. Аксакова или М. Н. Каткова (до 1870<-х> годов), вызывались глубоким патриотизмом и любовию к России и к ее Монарху. Теперь же подобные выражения преследуются, что можно было видеть на предостережениях, данных газетам “Восток” и “Русь”».[27]

Можно привести немало примеров, где «триумвират» выступал как бы единым фронтом. Особенно показательны передовицы во всех трех газетах, посвященные юбилею митрополита Московского Филарета (Дроздова), праздновавшемуся в августе 1867 г. и фактически замолчанному либеральной прессой.[28] Впоследствии такое единомыслие Гилярова с Катковым встречалось все реже.

Отметим два случая. В 1869 г., при обсуждении нового Устава духовных академий, Катков предложил заменить их богословскими факультетами при университетах ради экономии казенных средств. Он выдвинул идею перевода Московской духовной академию из Троице-Сергиевой лавры в Москву, считая ее размещение в Лавре проявлением волюнтаризма Павла I и призывая исправить

---

[26] *Ц. <Гиляров-Платонов Н. П.>*. Библиографическая заметка // *РВ*. 1859. Т. XX, апр., кн. 1. Отд. II. С. 245—250.

[27] *Разумевающие верой*. С. 331.

[28] См.: *Дмитриев А. П.* Филаретовский юбилей 1867 г. и кончина святителя в оценках «триумвирата» московских консерваторов (И. С. Аксаков, Н. П. Гиляров-Платонов, М. Н. Катков) // Филаретовский альманах. — М.: Изд-во ПСТГУ, 2009. Вып. 5. С. 165—186; то же в изд.: XIX Ежегодная богословская конференция ПСТГУ. Материалы: В 2 т. М.: Изд-во ПСТГУ, 2009. Т. 1. С. 115—124. См. также ниже главу 2.4.

историческую несправедливость, вернув Академию в Москву.[29] На это суждение, выдвигавшее на первый план мотив нравственного искупления, с сочувствием откликнулась газета Гилярова.[30]

Второй случай связан с неисполнением обоими редакторами Высочайшего распоряжения от 5 января 1873 г., требовавшего, чтобы при освещении Нечаевского процесса «повременные издания ограничились перепечатками стенографического отчета "Правительственного Вестника"».[31] Однако Гиляров и Катков в своих газетах не удержались и дали сообщения о процессе Нечаева до появления отчета в официозе,[32] за что и поплатились — номера их газет были арестованы. Об этом Гиляров с нескрываемой горечью писал своему приятелю и многолетнему корреспонденту К. П. Победоносцеву 29 января 1873 г.: «Нам было объявлено Выс<очайшее> повеление заимствовать отчет из "Прав<ительственного> Вест<ника>". Но я, конечно, и Катков также — решили, что медлить сообщением впечатления, которое в правительственном смысле очень хорошо, поведет лишь к тому, что ослабится и заподозрится впечатление "Прав<ительственного> Вест<ника>". А за это прогневались!»[33]

Сохранившиеся девять писем и записок Гилярова к Каткову (едва ли их было больше, учитывая то, что они оба москвичи и если общались, то исключительно по делу) по тону сдержанны, хоть и доброжелательны: Гиляров в августе 1862 г. ставит Каткова в известность, что уволен от цензорской должности, а в марте 1877 г. поясняет претензии цензоров к публикации речей И. Аксакова в Славянском благотворительном комитете,[34] просит поддержать в трудную минуту и ссудить то 10, то 15 тыс. рублей, в марте 1884 г. предупреждает о возможном закрытии «Современных Известий» (в этих последних письмах сквозит отчаяние).[35]

Но именно в письмах к тому же Победоносцеву, позиции которого во властных структурах в то время неуклонно усиливались, Гиляров чаще, чем кому бы то ни было из своих корреспондентов, очень искренно высказывает свое растущее недовольство Катковым. Причины этого очевидны: во-первых, «Московские Ведомости» оказывали все большее влияние на правительственную политику; во-вторых, через Победоносцева Гиляров хотел донести до верховной власти свое убеждение в том, что это влияние тлетворно и способствует обострению политической ситуации в стране и, наконец, ему было важно разубедить самого Победоносцева, как известно, из всех русских газет признававшего полезным только издание Каткова. Так, накануне приезда Александра III с семьей

[29] См.: *МВед.* 1872. 9 марта. № 60. С. 2.
[30] См.: *СИ.* 1872. 13 марта. № 71. С. 2.
[31] ГАРФ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 3. Л. 41.
[32] *СИ.* 1873. 9 янв. № 8. С. 2; *МВед.* 1873. 9 янв. № 5. С. 2.
[33] *Разумевающие верой.* С. 131.
[34] РГБ. Ф. 120. Карт. 24, кн. 3. Л. 162—163 об.
[35] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 421. Л. 1—8.

в Москву, 15 июля 1881 г., Победоносцев писал сопровождавшему их министру внутренних дел графу Н. П. Игнатьеву: «Сделайте милость, не пускайте к нему там журналистов, кроме Каткова. Он один — достойный уважения и преданный, разумный человек. Все остальные — сволочь или полоумные».[36] Под «полоумными» в первую очередь подразумевались как раз Гиляров, с его оригинальными проектами по умиротворению общества после цареубийства, и И. Аксаков, вынашивавший тогда проект созыва нового Земского собора.

Почему же Гиляров полагал, что подобное, чуть ли не подобострастное отношение петербургских чиновников к Каткову пагубно для России? Дело в том, что он считал позицию, занятую «Московскими Ведомостями» в вопросе революционного движения, провокационной, разжигающей недобрые страсти и множащей ряды нигилистов. Например, по поводу прокламации студента Н. Н. Гончарова («Виселица» от 14 мая 1871 г.), протестовавшей против классического образования и его пропаганды Катковым (как некоего противоядия от распространения социалистических идей в молодежной среде), Гиляров писал Победоносцеву 19 февраля 1872 г.: «...на мой взгляд, “Московские Ведомости” суть главнейший враг истинно классического образования и во многих отношениях главнейшая причина и Нечаева, и Гончарова. Разве не “Русский Вестник” — родоначальник самого нигилизма? Отсутствие нравственных начал, исконное, привело их к полицейскому воззрению, из боязни попасть в грубый нигилизм, и к классицизму, по-своему понимаемому. Эко спасение! Но классицизм, по их-ней мерке проводимый, только отупляет: это факт, подтверждения которому имею многие. Заранее грустно за реакцию, которая рано ли, поздно ли наступит и которая погубит даже ту долю истинного, что есть в теперешних “Москов<ских> Ведомостях”».[37]

Та же мысль развивается и в дальнейшей переписке. Так, 20 февраля 1874 г. Гиляров делился с другом впечатлением от одной из катковских передовиц: «На душе неимоверно скверно. Видишь положительно борьбу двух нигилизмов, радикалистического и консервативного; последний еще хуже первого. Первый по крайней мере по-своему честен, но от чтения “Московских Ведомостей” можно получить истерику; лесть никогда не доходила до такого бесстыдства: от статьи, восхваляющей Габсбургов, обругавшей славян и выдавшей все эти похвальные чувства за мнение Москвы и России, я сделался почти болен».[38] (Речь идет о передовой статье, приуроченной к визиту императора Франца-Иосифа и носящей подчеркнуто официозный характер; в ней, в частности, утверждалось: «В России высказывались сочувствия к соплеменным народностям, живущим под скипетром Габсбургского дома, но не в ущерб целому, которого единство и сила заключаются в этом скипетре».[39])

---

[36] Былое. 1924. № 27/28. С. 57.

[37] *Разумевающие верой*. С. 82.

[38] Там же. С. 161.

[39] *МВед*. 1874. 7 февр. № 35. С. 3.

24 октября 1880 г. Гиляров прямо обвиняет Каткова в разгуле терроризма (в частности, в связи с покушением А. К. Соловьева на императора): «...воспоминание о роли, которую исполняли “Московские Ведомости” последние три-четыре года особенно, не может не вызывать раздражения; но источник его не личный. Ужасающие выходки революционной шайки должны быть на бóльшую половину поставлены в вину “Московским Ведомостям”. Они были органом всякой реакции, глашатаем всякой репрессии, противником всякой свободы. Аракчеевщина — вот был бы их идеал. <...> Разумеется, не они подуськивали Соловьева и его братию, но они отлично распахивали почву, рассеивая недовольство и озлобление в публике, так что публика под конец пассивно относилась к злодействам. <...> Пред обществом была дилемма: революционная дерзость возбуждала омерзение, но не меньшее и идеалы “Московских Ведомостей”».[40]

В том же письме Гиляров возлагал на Каткова и вину в усилении влияния на общество антинациональных сил и утверждал, что такая безответственность подпитывается только тщеславием: «...либеральная фраза, праздная оппозиция получает в обществе незаслуженный авторитет, благодаря душительному направлению “Московских Ведомостей”, которым общество не может же сочувствовать. И добро бы их мнение было жизненным убеждением. При своем несомненном таланте, при уме и образовании Катков движется только личным самолюбием, безграничным самолюбием. Он убежден на ту минуту, когда он говорит, в том, что говорит. Но убежден по самолюбию. <...> Надо уметь отыскать клапан; всякая дальнейшая реакция, всякая репрессия будет уголья горячие на голову».[41]

Приведем еще суждение Гилярова, развивающее эти его последние мысли о славолюбии Каткова. 6 декабря 1872 г. он писал Победоносцеву: «“Моск<овские> Вед<омости>” хотели быть русским “Times’ом”, насколько это возможно в России, давать лекции министрам и Госуд<арственному> совету, соуправлять им, помогать в законодательстве и администрации. <...> В сущности, вся независимость, которою хвалились “Моск<овские> Вед<омости>”, есть пуф <...>. Говорю это не по внешнему наблюдению, но по внутреннему опыту; я ведь стоял отчасти около самой этой лаборатории».[42] И далее Гиляров очень резко высказывается о якобы безыдейном политиканстве Каткова: «Да, впрочем, что об этом толковать; это слишком известно и несомненно, как несомненно и то, что начиная с 1856 года, то есть с “Русского Вестника”, было, может быть, до десятка перемен декорации в quasi-убеждениях по известным вопросам, оказывавшихся на деле отчасти внушениями личного самолюбия редакторского, отчасти торговыми соображениями, отчасти подслуживанием сначала пошлому либерализму, а потом властям».[43]

---

[40] *Разумевающие верой*. С. 194.

[41] Там же. С. 195, 196.

[42] Там же. С. 121.

[43] Там же.

В духе этих своих рассуждений, не становясь, впрочем, на сторону гонителей Каткова, Гиляров (в уже цитировавшемся письме от 24 октября 1880 г.) осмыслял как само собою разумевшуюся и неизбежную попытку либерально настроенных писателей во главе с Тургеневым исключить «ренегата» Каткова из числа участников Пушкинских торжеств в июне 1880 г.: «Разве мог встретиться с Катковым Тургенев, разве могли встретиться представители всей петербургской печати?»[44]

Следует упомянуть, что свое неприятие практических действий Каткова-публициста, и именно публициста всероссийского масштаба и влияния, Гиляров не только выражал в частной переписке, но и открыто оспаривал их в печати. Например, он язвительно обсуждал передовицу М. Н. Каткова, где разгул революционного движения конца 1870-х гг. уподоблялся периоду Польского восстания 1863 г. и автором глухо рекомендовалось ужесточить административные меры, в том числе и в области цензуры.[45] Гиляров требовал уточнений: «...друзья порядка не посетуют, если и еще усиленнее будут преследования злой подземной шайки, столь дерзко тревожащей покой России. Но спасительно было бы, наоборот, развязать руки и язык благонамеренной части общества. <...> К какому практическому выводу газета клонила сегодняшнюю речь <...> трудно догадаться; но во всяком случае видим — в сторону, противоположную свободе и общественному простору, и об этом нельзя не пожалеть с точки зрения общественного порядка, основами которого мы столь же дорожим, как и "Московские Ведомости"».[46] Своему ученику князю Н. В. Шаховскому Гиляров комментировал этот свой вызов Каткову так: «Вы хвалите Каткова за мужество. В чем оно и что он сказал? Вы теперь уже прочитали мой запрос ему, на который он, вероятно, ничего не найдет нужным ответить, потому что ответить нечего. <...> Нет, я похвалил бы Каткова, если бы он имел мужество отказаться от графа <Д. А.> Толстого и признать его одним из виновников анархии. Я поставил бы ему памятник, если бы он во время пребывания своего в Крыму, где *он почти ежедневно обедал у Государя и гулял с ним,* если бы он, воспользовавшись этою редкою от Царя милостию, доложил ему истинное положение России, чем она недовольна и чего желает. Это было бы мужество. А смущать Россию сравнением настоящего положения с 1863 годом, обвинять правительство в слабости, не указывая определенных мер, к каким оно должно прибегнуть, — это есть тоже своего рода агитация».[47]

Очевидно, что Гилярову, как публицисту-философу, была ближе позиция умозрителя, только осмысляющего ситуацию, а не практического деятеля, не утилитарного политика. Поэтому в своей критике правительства и разрушительных сил, ему противостоящих, он был антиподом Каткова. Но тут стоит

[44] *Разумевающие верой*. С. 195.
[45] *МВед*. 1879. 1 дек. № 306. С. 2.
[46] *СИ*. 1879. 2 дек. № 332. С. 2.
[47] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 502. Л. 3 об.

продемонстрировать ту «стереоскопичность» зрения Гилярова, то его умение «видеть ясно оба полюса каждой мысли», о которой писал И. В. Павлов. Когда Катков скончался, Гиляров посвятил ему поминальную статью, которая из-за смелости своих чеканных формулировок послужила материалом для донесения Московского цензурного комитета в Главное управление по делам печати. На защиту редактора «Современных Известий» тогда встал исправлявший в тот период должность начальника этого учреждения Ф. П. Еленев, резко одернувший подчиненных, — он высоко оценил статью Гилярова: «Из множества статей по поводу кончины М. Н. Каткова статья Гилярова в № 202 выдается по уму, верности оценки, блестящему изложению и в полной мере правительственному направлению. Только канцелярский взгляд может находить резким и неблагонамеренным все умное и сильно выраженное и одобрительным только бесцветное и льстивое. Цензура, руководящаяся такими канцелярскими взглядами, приносит больше вреда, чем пользы».[48]

А Гиляров в этой своей статье, действительно, сумел взглянуть на дело жизни Каткова под иным, может даже неожиданным для самого себя, углом зрения — и увидел личность, вклад которой в русскую культуру и в политическое самосознание народа неоценим. При этом надо учитывать, что Гиляров всегда был противником этикетного принципа «о мертвых либо хорошо, либо ничего» и обычно давал сошедшим с жизненного поприща деятелям довольно нелицеприятные характеристики. Катков для него уже не адепт «аракчеевщины» и «всякой реакции», а «явление небывалое, беспримерное», поскольку «постоянное соединение государственного деятеля и публициста в одном лице <...> самое понимание обязанности публициста как стража государственных интересов — это явилось с Катковым и, должно полагать, с ним прекратится». И далее: «Нужно было польское восстание, нужна была анархистская пропаганда, чтобы голос со Страстного бульвара получил силу трубную архангельского гласа, который будил мертвых в обществе и от которого содрогались даже власть имущие».[49] И то, что раньше раздражало Гилярова в Каткове («до десятка перемен декорации в quasi-убеждениях»), теперь оказалось наполненным новым, благодетельным смыслом. Он писал: «Катков был не догматик, не творец, а боец <...>. Отсюда нередкие противоречия в его частных положениях: их должно судить с точки зрения общей идеи, которой они подчинялись. А идея эта — *единство Русского Государства и его мощь*. Частные факты, теоретические права и интересы преклонялись пред ней, исчезали в ней».[50]

Известно, что смерть Каткова вызвала в неославянофильских кругах и другие оценки, граничащие с мстительностью и злопыхательством, — так, О. Ф. Миллер говорил об «увлечении» Каткова «чуждым нам строем немецкого полицейского государства» и о том, что он якобы «мог только подрывать политическую

[48] Цит. по: *Шаховской Н., кн.* Никита Петрович Гиляров-Платонов // *Сб. соч.* Т. I. С. XLIV.
[49] *Сб. соч.* Т. II. С. 522.
[50] Там же. С. 523.

мощь России, лишать ее голоса в международных делах всякой силы и всякого веса, а тем самым действовать в руку нашим врагам <...>».[51] Гиляров, таким образом, шел «против течения», но в исторической перспективе его слова были куда более справедливы. Он указывал на заслугу Каткова как раз в деле социальной либерализации, риторически вопрошая при этом: «Если кому казался Катков силой, задерживающею движение вперед, то не покатимся ли мы назад с неудержимою быстротой по кончине того, кому всякая общественная свобода многим обязана, а свобода печати, как она ни умеренна, обязана даже всем?»[52]

Так прощался с Катковым человек, которому впору было бы затаить обиду на него, — ведь последние четыре года, которые им были отсчитаны (они умерли один за другим, с промежутком в три месяца), оказались для их многолетних отношений настоящим испытанием. Все началось с публикации в 1884—1885 гг. в «Русском Вестнике» воспоминаний Гилярова «Из пережитого». 23 ноября 1886 г. в письме к Романову-Рцы Гиляров кратко описал, почему их печатание прервалось на 53-й (из 63-х) главе: «Вы полагаете, что я мог бы писать в “Русском Вестнике”. Скрепя сердце я писал свою Автобиографию (деньги были нужны); но подвергался таким глупым вычеркам (от собственной руки Михайла Никиф<оровича>), что только руками разводил. Я терпел, имея в виду, что в издании книгою воспроизведу зачеркнутое. Но потом вынужден был взять рукопись из редакции по следующему случаю. Помните, я обличил Мисаила, что произнес под именем своим чужую и притом уже *напечатанную* речь? За это в “Московских Ведомостях” буквально меня обругали и даже назвали *антихристом* (sic), и потом я услышал, что решено не печатать моей Автобиографии в “Русском Вестнике”. Видите, какие отношения!»[53]

Сличение журнальной и книжной публикаций показывает, что Катков убирал отдельные слова и выражения и даже целые абзацы в мемуарах Гилярова главным образом в двух случаях: если в неблаговидном свете изображались представители дворянства (например, рассказы о любовницах старого князя Черкасского из числа его дворовых девушек или о «дворянах-прихлебателях» при его доме), либо если, с точки зрения редактора «Русского Вестника», не соблюдалась должная мера благоговения при описании явлений и событий церковной жизни (например, обращение Гилярова к легенде о святых Илье и Николае или описание им неправедного духовного суда над протоиереем В. И. Груздевым). Всего же, по нашим подсчетам, Катковым было сделано 18 существенных «вычерков» по идейным соображениям. Конфликт же разгорелся из-за передовицы Гилярова, в которой он рассказал о «психологическом факте»: викарий Московской епархии, епископ Мисаил (Крылов), открывая публичные собеседования со старообрядцами, «произнес *чужую* речь, сказанную при подобных

[51] *Миллер Ор.* Славянофилы и Катков // Русский Курьер. 1887. 28 сент. № 267. С. 2.
[52] *Сб. соч.* Т. II. С. 524.
[53] *Письма к Рцы.* С. 306.

же обстоятельствах в Калуге преосвященным Владимиром Калужским за год назад и даже напечатанную».[54] Катков тут же откликнулся статьей, где «Современные Известия» именовались «органом общественного безобразия»,[55] а также поместил заметку, содержавшую личные оскорбления в адрес Гилярова.[56]

Потом, в 1886 г., уже не могло быть и речи о том, чтобы Гиляров заменил Клюшникова в заведовании редакцией «Русского Вестника». Не помог Катков собрату по перу и с кредитом тысяч в десять, хотя его личное состояние, как было известно Гилярову, достигало тогда трех миллионов рублей.[57]

Кончина же его тоже оказалась роковым образом связана с Катковым. Гиляров мечтал взять в аренду осиротевшие «Московские Ведомости», его кандидатуру поддерживали, помимо вдовы С. П. Катковой, московский градоначальник князь В. А. Долгоруков и ряд петербургских сановников. Гиляров предпринял две утомительные поездки в Петербург, чтоб заручиться поддержкой влиятельных чиновников.[58] Здесь 13 октября 1887 г. он и скончался — в номере гостиницы, находившейся у самой Дворцовой площади — в том месте, куда сходились токи русской государственности, над проблемами которой он размышлял всю жизнь и в практическом осуществлении которой деятельно участвовал Катков.

2.2. Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ VERSUS И.-К. БЛЮНЧЛИ: ПРАВОСЛАВНАЯ СОЦИОЛОГИЯ И «РУССКАЯ ИДЕЯ» В ОЦЕНКЕ «ЛИБЕРАЛЬНОГО КОНСЕРВАТОРА» (1859—1862)

Расхожее ныне словосочетание «русская идея», введенное в широкий философский обиход Вл. Соловьевым в 1887—1888 гг., приобрело статус крылатого и вполне в нем утвердилось в нашем, да и, прежде всего, европейском, сознании, пожалуй, только со времени публикации одноименной книги Н. А. Бердяева (1946 г.). Первая же попытка придать этому концепту весомость и актуальную значимость в глазах европейской интеллектуальной элиты, предпринятая славянофилами чуть ли не на столетие раньше, еще в начале 1860-х гг., даже их современниками осталась практически незамеченной.

Когда один за другим ушли из жизни братья Киреевские и С. Т. Аксаков, а вслед за ними — А. С. Хомяков и К. С. Аксаков, окончилось и существование главного славянофильского журнала «Русская Беседа» (1856—1860). За год до

[54] *СИ*. 1885. 10 сент. № 231. С. 2.

[55] *МВед*. 1885. 13 сент. № 253. С. 2.

[56] *А. М.* Письмо в редакцию // Там же. С. 3. Подробнее об этой истории см.: *Дмитриев А. П.* Н. П. Гиляров-Платонов и его «автобиографические воспоминания» // *Из пережитого*. Т. 2. С. 315—317, а также в главе 3.2, на с. 303—304.

[57] См. письмо Гилярова к Д. Н. Шубинскому от 24 сентября 1887 г. (ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 49. <№ 10>. Л. 1).

[58] См. об этом подробно: *Гиляров-Платонов Н. П.* Письма к Анне Михайловне Гальперсон: <Эпистолярный дневник 1887 года> // *Из пережитого*. Т. 2. С. 220—247, 497—539.

выхода в свет последней книжки, в декабре 1859 г., его негласный редактор И. С. Аксаков сдал дела издателю А. И. Кошелеву и поехал за границу. Планируя в будущем продолжить дело отца и брата, посвятив себя славянофильской журналистике, он собирался в славянских землях Австрии познакомиться поближе с жизнью братских народов, угнетаемых инославной властью, и пополнить свои знания в их языках.

Другой важной целью поездки был замысел опубликовать в немецкой печати подборку лучших славянофильских статей по истории, философии, социологии и эстетике, вышедших в свет в 1850-е гг. Об этом он писал 15 (27) января 1860 г. из Лейпцига своему единомышленнику — настоятелю русской посольской церкви в Вене протоиерею М. Ф. Раевскому: «У меня есть намерение издать здесь книгу под названием “Russische Ideen” — т. е. сборник или выборку замечательнейших статей из “Русской Беседы”, “Сельского Благоустройства” и пр., таких, в которых бы ученый мир европейский ознакомился с оригинальной русскою мыслью, разрабатываемою, конечно, только славянофилами».[59]

Так впервые, и именно в том смысле, какой мы и посейчас вкладываем в эту идеологему, — как новое и властное слово, открывающее Западному миру принципиально иной путь общественно-нравственного преуспеяния (точнее, призывающее его вернуться к основам общежития, заповеданным Евангелием), — обобщающе ёмко прозвучало: «Русская идея».[60] Полемических задач Аксаков и не думал скрывать. Он продолжал: «Немцы говорят, что русские не выработали никакой идеи; вот и следует им показать, что наша идея далеко их опередила и что все, смутно сознаваемое Рилем, Фрёбелем и другими достойными немцами, давно высказано и ясно сознано славянофилами и воплощено в жизни русского народа».[61]

Мысль о такой антологии русской мысли вызревала у Аксакова давно и вполне оформилась, когда стало очевидно, что по многим причинам, в том числе и финансового порядка (издание «Русской Беседы» приносило одни убытки), придется журнал закрыть. В письме к писательнице Кохановской (Н. С. Соханской) от 8 октября (26 сентября) 1860 г. Аксаков, тем не менее, утверждал: «Впрочем, нельзя отрицать огромного влияния “Беседы”, если не на публику непосредственно, то на журналистику, на литературу. История русской мысли, если таковая когда-нибудь явится, должна будет отдать нам справедливость».[62]

Сохранился черновой план предполагаемого издания (в виде приложения к письму от 3 апреля 1860 г., адресованному брату Константину, причем с прось-

---

[59] *Аксаков в письмах*. Т. III. С. 206.

[60] Хотя буквально «Russische Ideen» следовало бы перевести как «Русские идеи», однако, на наш взгляд, *собирательный* вариант «Русская идея» отличается большей точностью и смысловой насыщенностью. Название будущего сборника предложено К. С. Аксаковым (Там же. С. 37).

[61] Там же. С. 206.

[62] *Переписка Аксаковых и Кохановской*. С. 103.

бой показать перечень статей А. С. Хомякову и А. И. Кошелеву).[63] Здесь намечены шесть разделов: «История», «Национальная экономика, этнография», «К социальным вопросам. Смесь», «К истории литературы», «Филология» и «Философия» (их названия, кроме слова «Смесь», приведены в письме по-немецки), в состав которых должны были войти в общей сложности 25 статей, причем принадлежавших перу только основных представителей славянофильского кружка (И. Киреевского, Хомякова, Самарина, Кошелева, братьев Аксаковых и Гилярова) и опубликованных главным образом в «Русской Беседе» и «Сельском Благоустройстве», а также в «Московских Сборниках» и «Журнале Землевладельцев»; некоторые непубликовавшиеся очерки своего брата И. Аксаков собирался представить для перевода в рукописном виде.

Конечно, столь обширный замысел потребовал бы для своего воплощения значительного времени и затраты немалых средств. Поэтому Аксаков после названий большинства намеченных для перевода статей сделал пометки: «...полемика, по возможности, выброшена...», «...берется только положительная часть...», «разумеется, с сокращением и ослаблением ее <статьи> полемического, частного характера», «...только в выписках, где заключается общая мысль и взгляд» и т. п.[64] В «Социальном» разделе, наряду с программными работами Хомякова, К. Аксакова и Самарина, под 2-м номером значилось: «Личное и общественное, Гилярова (сокращенное)».[65]

Статья эта вышла в самом конце 1859 г. в малоизвестном умеренно-либеральном «Журнале Землевладельцев», предназначенном для общественного обсуждения поставленной тогда на повестку дня отмены крепостного права. В середине января 1860 г. И. Аксаков, находившийся тогда в Гейдельберге, написал Гилярову, попросив выслать ему «Личное и общественное» для публикации в задуманном сборнике: возможно, об этой статье он узнал от брата Константина, который перед ее отправкой в Германию предлагал Гилярову внести в двух местах слова, поясняющие смысл текста.[66]

Тот охотно согласился послать статью и, откликнувшись сразу же, 28 января, в сопроводительном письме отмечал: «Драгоценнейший Иван Сергеевич, по требованию Вашему шлю Вам немедленно статью свою “Личное и общественное”. Чтобы уменьшить вес, я обрезал края, но читать будет легко; счет страниц остался».[67] Сообщив о вышеупомянутых поправках К. Аксакова, с которыми не вполне соглашался, Гиляров продолжал: «Впрочем, недостаток в этих местах

[63] ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 53. Л. 1—2 об. Основную часть письма см.: *Аксаков в письмах*. Т. III. С. 81—84. Установлено, что это части одного письма, опубликовано по автографам и откомментировано нами: *«Русская Беседа»*. С. 301—309.

[64] Там же. С. 304, 305.

[65] Там же. С. 305.

[66] См.: *Шаховской Н., кн.* Годы службы Н. П. Гилярова-Платонова в Московском цензурном комитете, 1859-й год // *РО*. 1898. Т. 50, апр. С. 537—538.

[67] Цит. по: Там же. С. 537.

ясности и вообще не вполне философская глубина моей статьи, о чем тоже говорит Константин Сергеевич, может быть, все это и действительно есть. Писав статью, я постоянно сдерживался, постоянно старался оставлять за собою многое для более подробного раскрытия того же вопроса в особой статье, которую задумывал для “Русской Беседы”».[68]

Узнав, что И. Аксаков, уже ведший переговоры об издании задуманной антологии с лейпцигским книгопродавцем Ф. Вагнером, «затрудняется в отыскании переводчиков», Гиляров передавал совет их общего друга, историка Ильи Беляева (опубликовавшего в «Русской Беседе» три своих очерка): «И. В. Беляев говорил о некотором Фуксе, живущем в Дрездене, дающем там уроки русского языка, хорошо знающем по-русски и хорошо переводящем».[69] Сам Аксаков в уже упоминавшемся письме к протоиерею М. Ф. Раевскому от 15 (27) января 1860 г. сообщал о том, что намерен съездить в Дрезден в поисках переводчика: «В Дрездене живет Павлова, известная писательница, мне хорошо знакомая. Хочу ее уговорить заняться переводом, хоть за деньги».[70] Но поэтесса Каролина Павлова, очевидно, отказалась.

Дальнейшая судьба антологии «Русская идея» до последнего времени оставалась неизвестной. В Германии Аксаков все же сумел найти переводчика, так как из его писем к родным явствует, что он познакомил со статьями, в частности К. Аксакова, многих всеевропейски знаменитых философов, историков, правоведов: Ф. фон Боденштедта, И.-К. Блюнчли, П. Гейзе, Г. Зибеля, Ю. Либиха, Л. фон Ранке, В.-Г. Риля и др.[71] О дальнейшем так писал ученик и биограф Гиляров князь Н. В. Шаховской в 1898 г.: «Предприятие это, однако, не состоялось за неимением у Аксакова на то средств и за неполучением таковых от Кошелева».[72] Это заключение без проверки до сих пор перекочевывает из работы в работу, включая и весьма репрезентативные.[73]

Однако, как нам удалось выяснить, славянофильская антология все же увидела свет. Правда, ее составителем и редактором выступил не Аксаков, а его давний друг, немецкий писатель и переводчик Фридрих фон Боденштедт. В 1862 г. он выпустил в Лейпциге, в издательской фирме Ф. А. Брокгауза, два томика под названием «Русские фрагменты: К познанию государственной и народной жиз-

---

[68] *Шаховской Н., кн.* Годы службы Н. П. Гилярова- Платонова <...> 1859-й год. С. 538.

[69] Цит. по: Там же.

[70] *Аксаков в письмах*. Т. III. С. 206.

[71] См.: Там же. С. 63—67, 83—84.

[72] *Шаховской Н., кн.* Годы службы Н. П. Гилярова- Платонова <...> 1859-й год. С. 539.

[73] Ср., например, замечание В. А. Фатеева о «Личном и общественном»: «Эта статья была переведена К. С. Аксаковым для неосуществленного славянофильского сборника на немецком языке...» (Славянофильство: pro et contra: Творчество и деятельность славянофилов в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология / Сост., вступ. ст., коммент., библиогр. В. А. Фатеева. СПб.: Изд-во Рус. Христиан. гуманит. академии, 2006. С. 951). Упомянем, к слову, что к переводу гиляровской статьи К. Аксаков не имел отношения, его осуществил немецкий литератор Хр. Шмитт.

ни в ее историческом развитии»[74] (в литературе встречается и менее удачный перевод заглавия: «Отрывки о России»), предпослав своему изданию два предисловия, первое из которых датировано 8 февраля этого года.[75] Так вот, из 25 статей, планировавшихся Аксаковым к публикации, в «Русские фрагменты» вошло только четыре, в том числе «Личное и общественное». Всего же двухтомник объединил 10 работ славянофилов в переводе Христиана Шмитта: помимо статьи Гилярова, в него вошли по два произведения Ивана и Константина Аксаковых и по одному — Хомякова, Кошелева, Самарина, Бессонова и Ильи Беляева. Вероятно, Боденштедт счел название «Русская идея» слишком уж широковещательным и дал сборнику свое, более скромное, переиначив при этом заголовок хомяковской публикации — «Исторические фрагменты»,[76] — столь же произвольно ей присвоенный (она представляла собой отрывки из «Семирамиды»).[77]

В русской печати антология Боденштедта не была обойдена молчанием. П. И. Бартенев в своем «Русском Архиве» поместил рецензию под рубрикой «Новые замечательные книги», в которой отмечал: «Боденштедт, известный переводчик русских поэтов, автор книги “Tausend und ein Tag in Orient”,[78] принадлежит к числу немногих живших в России немцев, которые, в благодарность за русскую хлеб-соль, стараются противодействовать застарелым предрассудкам, господствующим в Западной Европе относительно всего русского, и знакомят своих соотечественников с Россиею в ее лучших проявлениях».[79] Перечисляя вошедшие в двухтомник материалы, Бартенев особо комментирует одну только статью — Гилярова, приводя ее название в обратном переводе с немецкого: «...“Общее и частное” (крайне замечательная по глубине и самобытности взгляда статья, на которую у нас почти не обратили внимания, так как она затерялась в одной из книжек “Журнала для Земледельцев”) <...>».[80] Появился отклик на антологию и в брюссельском эмигрантском журнале «Свободное слово», о чем скажем ниже, и в центре этой рецензии — тоже «Личное и общественное».

И действительно, эта гиляровская статья концептуально чрезвычайно насыщена и представляет собой как бы конспект, краткий очерк православного уче-

---

[74] В оригинале: Russische Fragmente: Beiträge zur Kenntniß des Staats- und Volkslebens in seiner historischen Entwickelung. Eingeleitet und herausgegeben von Friedrich Bodenstedt. Leipzig: F. A. Brockhaus, 1862. Bd. I. XXVII, 316 S.; Bd. II. 389 S.

[75] Перевод большого аналитического Введения Фр. Боденштедта осуществлен нами: *«Русская Беседа»*. С. 312—340.

[76] Russische Fragmente. Bd. II. S. 133—240.

[77] Подробнее об антологии «Русские фрагменты» см. нашу статью: *Дмитриев А. П.* «Русская Беседа» в Германии: История славянофильской антологии «Русские фрагменты: К познанию государственной и народной жизни в ее историческом развитии» (Лейпциг, 1862), изданной Фр. фон Боденштедтом // *«Русская Беседа»*. С. 278—300.

[78] То есть «Тысяча и один день на Востоке» (Bd. 1—2. 1849—1850) — мемуары, основанные на впечатлениях от путешествия по Крыму и Кавказу в 1844—1846 гг.

[79] *РА*. 1863. Вып. 2. Стб. 173—174.

[80] Там же. Стб. 174.

ния об обществе. В антологии она оказалась дополнительно выделенной еще и тем, что ею открывался второй том. Написана она была по частному поводу. Это, собственно говоря, развернутая реплика на статью малоизвестного публициста В. Д. Дубенского «Свобода и рабство», опубликованную месяцем ранее в том же «Журнале Земледельцев».[81] Свое возражение Гиляров напечатал под криптонимом «Н. Г—в», которым в тот период обыкновенно подписывал все свои статьи в различных изданиях, — не столько потому, что одновременно являлся цензором этого журнала, сколько из принципиальных соображений: он всегда хотел, чтобы истина говорила сама за себя, убеждая читателя самоочевидными доводами, а, к примеру, не давя на его сознание авторитетом дипломированного ученого и не служа источником авторского тщеславия.

В «Русских фрагментах» впервые[82] статья Гилярова подписана не псевдонимом (хотя, например, очерк И. В. Беляева помещен, как и в «Русской Беседе», под криптонимом «Ил. Б....в»[83]), а его настоящим именем в немецкой транскрипции: N. Gilarow. Любопытно, что И. Аксаков, зная об особой позиции приятеля по вопросу об авторстве, специально обговаривал с ним эту подпись. Тот отвечал (в письме от 28 января 1860 г.): «В случае перевода или выдержек и сокращений из моей статьи, если Вы считаете нужным упомянуть мое имя, то покорнейше Вас прошу писать его следующим образом: Hilarow. Вам смешно? Но я пурист и ревнивец в этом отношении. Фамилия моя имеет свое происхождение, по которому она и должна писаться так, а не иначе».[84] Однако, очевидно, до Боденштедта, издавшего книгу, это пожелание Гилярова не было доведено.

Вместе с тем существенно, что ни одна из опубликованных в «Русских фрагментах» статей не вызвала таких развернутых контраргументов, как «Личное и общественное» — на четырех страницах убористой печати Гилярову отвечал сам Иоганн Каспар Блюнчли (1808—1881), знаменитый швейцарский правовед и государственный деятель,[85] уже издавший к тому времени свой труд «Общее

---

[81] Отсюда подзаголовок гиляровской заметки: По поводу статьи г. Дубенского «Свобода и рабство» («Ж<урнал> З<емлевладельцев>». № 22).

[82] Это редчайший случай для Гилярова, который в дальнейшем подпишет полным именем только свои мемуары 1884—1887 гг. и очерки, печатавшиеся в аксаковской «Руси» в 1884—1885 гг.

[83] См.: *Б—в Ил. <Беляев И. В.>*. Об историческом значении деяний Московского Собора 1551-го года: (По поводу 92—122 страниц VII-го тома «Истории России» г. Соловьева) // *РБ*. 1858. Кн. IV. Отд. III: Критика. С. 1—34.

[84] Цит. по: *Шаховской Н., кн.* Годы службы Н. П. Гилярова- Платонова <...> 1859-й год. С. 538. Имеются в виду латинские корни фамилии (от hilarus — веселый), которой первым в семье наделен был старший брат Никиты, Александр, при его поступлении в Коломенское духовное училище в 1810 г.

[85] В своем «Предисловии» Боденштедт писал: «Примечания государственного советника Блюнчли посвящены только тем вопросам, где русская и немецкая точки зрения отличаются одна от другой, где немецкая наука может оспорить представления русской. И этим повышается ценность настоящего издания» (Bd. I. S. XXVII). Здесь и далее переведено с немецкого мною.

государственное право» (Abtl. 1—2, 1851—1852; рус. пер. с 3-го изд. Н. П. Ляпидевского под ред. Ф. М. Дмитриева: М., 1865—1866. Т. I, вып. I—II). С 1861 г. он занимал кафедру конституционного права в Гейдельбергском университете; свое мировоззрение именовал «либеральным консерватизмом». В России работы Блюнчли были особенно популярны в пореформенный период: с 1865 по 1877 г. переведены пять его главных книг. Заложенные в них принципы внутренней жизнедеятельности так называемого «современного государства», а также нормы военного и международного права основаны на идеях органической школы в юриспруденции, переносившей законы естествознания на процессы, происходящие в обществе. Но именно эти принципы и стали идеологическим фундаментом для последующего (вплоть до наших дней) политического и экономического развития «демократий» в США и большинстве стран Европы.[86] Вот почему спор 150-летней давности, развернувшийся на страницах полузабытого немецкого издания, приобретает, на наш взгляд, и актуальное звучание.

Статья Дубенского, давшая материал для полемики, представляла собой характерный сгусток идей, носившихся в воздухе по завершении тоталитарного Николаевского правления. Вкратце суть этих настроений можно выразить так: после мрачной эпохи диктата надличностных ценностей и порабощения человека государством наступает период раскрепощения личности как таковой и эта эмансипация сродни той свободе, которую проповедовало Евангелие. Но Дубенский впадал в крайность: по его убеждению, человек должен отказаться от довлевшего над ним «нравственного коммунизма», в координатах которого он выступал только «членом общества, человечества и даже вселенной», и признать далекими от христианства такие, например, «отсталые» принципы: «для блага общего нужно жертвовать личными интересами» или «в обществе каждый должен думать обо всех и все о каждом».[87] При этом, предвидя, что его могут обвинить в проповеди эгоизма, Дубенский назвал свой принцип «индивидуализмом», который якобы «более согласен с истинным человеколюбием, нежели всякая другая философская система».[88]

Гиляров в своей отличающейся изысканной ясностью стиля 30-страничной статье на образных контрастах и метафорических сопоставлениях убедительно показывает, что оба социальных принципа — индивидуализм и коммунизм — порождены историческим «бытом Европы с ее личным началом» и равно чуж-

[86] Чутко уловивший эти тенденции блюнчлианства Л. А. Тихомиров в начале XX в. выявил его антихристианскую сущность, убедительно показав неправедно-олигархический характер власти при отказе общества от монархического устройства (см.: *Тихомиров Л. А.* Монархическая государственность. СПб.: Рос. имперский союз-орден, 1992. С. 29, 37—38).

[87] См.: *Дубенский В.* Свобода и рабство: Отношение между свободой и собственностью. Истинное значение рабства. Несколько слов о равенстве // *ЖЗ*. 1859. Т. VI, № 22. С. 212.

[88] Там же. С. 230. Отметим, к слову, что по своему содержанию статья Дубенского невольно напоминает публицистику многих российских социологов и экономистов конца 1980-х — начала 1990-х гг.

ды исконным традициям православно-русской жизни. Более того — при видимой враждебности они соприродны: «Сущность в том, — пишет Гиляров, — что коммунизм, как и индивидуализм, оба равно построены на эгоистическом начале и как тот, так и другой — оба равно служат химерической мечте примирить исключительное самоугождение личности с идеею общественности <...>».[89] Естественный эгоизм, положенный в основание социальной жизни, с одной стороны, ориентирует людей на труднодостижимый гедонистический идеал («Каждый желает наслаждаться, но наслаждение никому не дается даром»[90]), а с другой — неизбежно приводит к общественному злу и насилию. Оба социальных принципа, считает Гиляров, опираются на зависть, которая признается «началом справедливости и средством к достижению всеобщего счастья»: только индивидуализм проповедует «*зависть* с личным самоуправством»,[91] а коммунизм — «*зависть* с насильственным нивелированием всех посредством общества».[92]

Свои размышления Гиляров заключает афористически отточенной формулой: «Индивидуализм есть эгоизм непосредственный, действующий во всей случайности произвола и жертвующий многими для нескольких. Коммунизм есть эгоизм, возведенный в абстракт, действующий в силу предуставленной необходимости и жертвующий всеми — ни для кого».[93]

Не останавливаясь здесь на многих других аргументах, ценных наблюдениях и тем более ответвлениях от основной темы, которыми изобилует гиляровская статья, воспроизведем только столь же ярко сформулированные в ней «истинные основания социальной науки, которые <...> не мнимо, а действительно согласны с христианством»:

> «Жизнь есть подвиг, а не наслаждение.
>
> Труд есть долг, а не средство своекорыстия.
>
> Верховный закон междучеловеческих отношений есть всеотдающая себя любовь, а не зависть.
>
> Люби ближнего, как самого себя, — вот в двух словах все начало должных общественных отношений, истинно христианских и истинных во всяком другом значении этого слова.
>
> Лицо, сохрани свою инициативу, владей всею свободою, какою одарено, употребляй всю энергию, к какой способно, но клони все свои действия на благо человечества, на пользу братьев. Представьте, что это соблюдается всеми, — и никакого противоречия, никакого неудобства нет: общество сохраняется, труд увеличивается, счастие всех и каждого достигается».[94]

[89] *Сб. соч.* Т. II. С. 18.
[90] Там же. С. 20.
[91] Там же. С. 21.
[92] Там же. С. 22.
[93] Там же. С. 25.
[94] Там же. С. 28.

Таким образом, Гиляров, взглянув на политический и экономический радикализм своего времени «с *восточной* точки зрения, с точки зрения христианской любви как основы социальной жизни»,[95] да и краеугольного камня всего здания «русской идеи», отверг модные теории индивидуализма и коммунизма и показал, что между этими опасными крайностями существует третий, имеющий религиозно-этическую подоснову, путь, полностью соответствующий принципам русской национальной социологии.

Теперь посмотрим, какие выдвинул возражения и какие смог представить контраргументы знаменитый гиляровский критик. Блюнчли начинает с того, что ему «для обоснования и изложения своего мнения» необходимо пространство отдельной статьи, но он вынужден отвечать кратко: «В связи с важностью вопроса мы не можем молчать, чтобы не возникало ошибочного представления, будто мы полностью разделяем взгляды русского автора».[96]

Стремясь оставаться на заданной Гиляровым общефилософской точке зрения, но при этом уклоняясь от каких-либо этических коннотаций, Блюнчли, во-первых, упрекает его в противопоставлении индивидуализма и коммунизма: «По нашему мнению, тут ошибка уже в самом вопросе, который принимает только одну сторону и исключает другую. Вообще, опасность логическая и практическая в той *односторонности* обоих принципов, когда настоящая истина состоит из их *союза*».[97] Следовательно, по Блюнчли, получается, что можно взять лучшее из двух этих крайностей, тем самым их обезвредив, и соединить в единое полезное.

Во-вторых, Блюнчли, подобно В. Д. Дубенскому, пытается развести в разные стороны понятия «индивидуализм» и «эгоизм», понимая первое как заповеданный Богом дар личностной неповторимости: «Поскольку каждый *отдельный человек* <*Einzelmensch*> отличается от всех остальных своим неповторимым обликом и является *уникальным существом* <*Einzelner*>, так как его индивидуальность такова, какой ее создал Господь, он имеет естественное право быть самим собой». Эгоизм, по Блюнчли, является недолжным искажением индивидуализма: «Но если индивидуум *только* и односторонне только о себе думает, *только* сам хочет и все обязательства к общественному <Ganzes> забывает и отодвигает в сторону, то справедливый принцип индивидуализма превращается в нежелательный эгоизм».[98] Как видим, швейцарский ученый в полемических целях упрощает ситуацию, как бы не замечая, что естественная неодинаковость людей неизбежно порождает порабощение и угнетение в обществе и потому противопоставление индивидуализма эгоизму лишено онтологических оснований.[99]

---

[95] *Шаховской Н., кн.* Годы службы Н. П. Гилярова- Платонова <...> 1859-й год. С. 526.
[96] Russische Fragmente. Bd. II. S. 42.
[97] Ibid.
[98] Ibid.
[99] См.: *Сб. соч.* Т. II. С. 12.

Кроме того, в своих суждениях он, оставаясь на почве позитивизма, отказывается от опоры на христианскую антропологию (прежде всего на учение о падшей природе человека), поэтому в дальнейшем его апелляция к религиозным ценностям выглядит декоративной и голословной. Так, Блюнчли настаивает: при устроении государства следует учитывать, что «человек является не только индивидуумом, но *одновременно как человек* и членом большой общины <Gemeinschaft>, своей семьи, своего народа, всего человечества»,[100] ибо «только там, где *обе стороны* учитываются, можно замечать волю Божию в сотворении человека. Если бы Он не хотел сосуществования *обеих сторон <Beides>,* то не сотворил бы двойной природы *расы и индивидуальности, воплощенных* в каждом отдельном человеке <Einzelmensch>».[101]

Гиляров в своей статье утверждал, что «цивилизация развилась помимо развития личности и часто вопреки ему».[102] Оспаривая этот тезис, Блюнчли смотрит на прогресс оптимистически, как на плодотворное сотрудничество принципов государственности (это понятие употребляется им как идентичное «коммунизму») и индивидуализма: «Государственный деспотизм Рима подавил бы человечество, если бы германские народы не начали бы победоносную борьбу за индивидуальную и общественную <Genossenschaft> свободу. Германское требование индивидуализма приводило бы к полному разрушению целого на свои части, если бы германцам не пришлось бы идти в римскую школу и в лице церкви и государства преклониться пред авторитетом целого».[103] Сходно по смыслу и такое возражение Блюнчли: «Еще меньше можем согласиться с тем, что католическая церковь является представительницей принципа индивидуализма. Как церковь, она, наоборот, должна выступать за принцип общего <Gemeinschaft>, и Римская церковь делает это таким односторонним и энергическим образом, что она напоминает Древнеримское государство».[104]

Если же посмотреть непредвзято на исходные рассуждения Гилярова на сей счет, то становится очевидным, что его оппонент постоянно переносит спор в иную плоскость. Гиляров говорил о деспотическом превознесении личности папы римского как факторе ретроградном, «задерживавшем успехи просвещения»: «Католицизм есть высшее освящение личного авторитета в сфере религии: ему в быте вполне соответствовала форма феодальных отношений. То, что составляет основную идею теперешнего индивидуализма, — идея личного самоуважения, — возникло, развилось и получило значение именно в эту пору. И это — пора рабства и крайнего невежества. Протестантизм смягчил личное начало <...> И это <...> принесло свой плод в успехах просвещения».[105]

---

[100] Russische Fragmente. Bd. II. S. 43.
[101] Ibid.
[102] *Сб. соч.* Т. II. С. 10.
[103] Russische Fragmente. Bd. II. S. 43—44.
[104] Ibid. S. 44.
[105] *Сб. соч.* Т. II. С. 10.

Еще одно частное расхождение выявляет несовместимость оптимистического прекраснодушия Блюнчли и близкой к пророчеству рефлексии Гилярова. Последний констатирует: «...история европейской цивилизации есть история перемен одного вида рабства на другой»,[106] имея в виду то, что в «современном государстве», защищаемом Блюнчли, «насилие капитала над трудом, право, стоит старого патриархального насилия господина над рабом».[107] Эти положения немецкий правовед оставляет без внимания, но вооружается против дальнейшего развития гиляровской мысли. Изнутри переживаемого русской культурой (как раз на рубеже 1850—1860-х гг.) периода «обличительной гласности» Гилярову открывалась опасность будущих тонких манипуляций сознанием и верованиями людей, и он высказывается о нарождающейся «власти общественного мнения», которая представляет собой насилие над человеческой душой — «насилие более ловких, более остроумных над лицами более простодушными и честными, более скромными, хотя, может быть, иногда менее даровитыми».[108] «Это, — заключает русский мыслитель, — насилие соблазна и обольщения <...> оно убивает свободу в самом корне, под видом уважения именно к той же самой свободе».[109]

Блюнчли убежден, что подобная опасность преувеличена и если кому может угрожать, то разве что единицам: «Общественное мнение есть *мнение общества;* и когда оно становится опасным для свободы, то опасность состоит не в том, что будут подавляться порядочные граждане, а в том, что те отдельные человеческие особи, которые думают, веруют, желают иначе, чем понимает и желает мнение общества, будут последним преследоваться. Общественное мнение является по своей природе демократическим, если хотите, репрезентативно демократическим. Поэтому оно является опасным прежде всего для *аристократов духа,* которые ему не поддаются и им не упиваются».[110] Общественное же мнение, «согласное со своим высоким идеалом», по Блюнчли, «к любой свободе, в том числе индивидуальной, вполне терпимо <...>».[111] Излишне говорить, насколько все же прав оказался здесь Гиляров, словно бы заглянувший в наш век постиндустриального общества потребления с его пиаровскими технологиями; хотя, конечно, нельзя не признать и резонность опасений Блюнчли, имевшего в виду тиранию обывательского мироотношения, навязываемого всем без разбора членам общества.

Завершая полемику с русским социологом, Блюнчли, казалось бы, возвращается к главному (и безусловному для обоих авторов) критерию истинности любой теории — христианскому учению. Но тут он ограничивается малосодержа-

[106] Там же. С. 12.
[107] Там же. С. 11.
[108] Там же.
[109] Там же. С. 11—12.
[110] Russische Fragmente. Bd. II. S. 44.
[111] Ibid.

тельным софизмом, утверждая: «Христианство терпит и тот, и другой принцип. Христос сам принес как индивидуальность, так и <...> воспитывал людей как братскую общину чад Божиих».[112] Здесь налицо подмена понятий и нет, например, ни слова о грехе, являющемся источником общественного зла, или о заповеданном Евангелием подвиге обновления человеческой природы.

Столь же неправомерным выглядит и мнение Блюнчли, будто бы принцип индивидуализма заложен в самой Христовой проповеди. Он слегка подтрунивает над Гиляровым: «Даже в высказывании, которое признано нашим автором как ядро всего его представления: "Люби ближнего *как любишь себя*", — содержатся *оба* принципа рядом друг с другом; и любовь к ближним отражает *любовь к своей уникальности*».[113]

В последних же словах Блюнчли слышится уже нескрываемое раздражение, он пишет: «Имея отправной точкой этот религиозный и житейский принцип любви, нет никакой возможности вывести заключение в области экономики или права. На этом нельзя установить экономических и юридических законов, и с этим одним нельзя построить ни дома, ни государства».[114]

Эта реплика обнаруживает, пожалуй, главный пункт противостояния русских западников и славянофилов. И самое существенное в их спорах — благодаря полемике Гилярова и Блюнчли — становится достоянием европейской науки об обществе. Мы имеем в виду идею «социального христианства», воплощения евангельского идеала не только в индивидуальной духовной жизни людей, но и во всей полноте их общественного бытия, к каковому *подвигу*, как считали славянофилы, прежде всего и призван русский народ. Позволим себе пространную выдержку из письма Ю. Ф. Самарина к А. О. Смирновой-Россет, датированного тем же 1859 годом (13 марта),[115] когда увидела свет и статья Гилярова. Самарин писал: «...нельзя же не признать, что во всей Европе существует только один народ, носящий Христа в душе своей, только один, для которого не порвалась нить, связывающая земное с небесным, которого взоры беспрестанно, сами собою обращаются кверху, а пальцы складываются для крестного знамения при всяком событии, грустном и радостном. Не разделяю я того монашеского взгляда, к сожалению довольно у нас распространенного, будто бы смысл для разумения Божественного может существовать одиноко в душе человека, не воздействуя на другие способности. Этот смысл есть первое условие всякого образования, умственного и гражданского, есть ручательство за силу, крепость, глубину и здоро-

[112] Russische Fragmente. Bd. II. S. 44, 45.

[113] Ibid. S. 45.

[114] Ibid.

[115] Это письмо заключает в себе чрезвычайно важные, хотя и не широко известные положения славянофильской программы, и не исключено, что с ним были знакомы все члены кружка: список самаринского письма был найден в бумагах кн. В. А. Черкасского и впервые обнародован исследовательницей его жизнедеятельности: *Трубецкая О., кн.* Материалы для биографии кн. В. А. Черкасского. М., 1901. Кн. I: Кн. В. А. Черкасский и его участие в разрешении крестьянского вопроса. С. 313—316.

вье духа. В науке, на службе, на войне, в домашнем быту, в торговле, промыслах — во всем он должен заявить себя, и мы уж видели задатки этих будущих проявлений. Вспомните Гоголя, который изнемог, когда почуял громадность задачи, выросшей перед ним, задачи обновления художества в живой струе христианства. Все же он один ее почуял, тогда как ни Гете, ни Байрон — никто ее не подозревал. И много еще падет, исчахнет благородных деятелей и передовых людей, которых вся беда состоять будет в том, что русская грудь одинокого человека не вместит в себе задачи, заданной целому народу. Но наконец же озарится когда-нибудь и весь народ сознанием своего призвания <...>».[116]

Неудача же западной гедонистической цивилизации, в сущности предавшей забвению идеалы христианского подвижничества, по мысли Гилярова, во многом объясняется тем, что общество не имеет верного представления о взыскуемой им свободе. В «общее сознание», убежден он, должно войти, «что истинная свобода вовсе не есть *личная* свобода; что свобода есть беспрепятственная возможность согласия личности с теми разумно-нравственными законами, которые вложены в нее, с тем Божественным семенем, которое всем нам одинаково дано для произращения; и что, наконец, в этом смысле личная свобода есть именно личное порабощение, совершенное самоотречение личности, совершенное ее самоотвержение и самопокорение Закону Божественному».[117] Эти гиляровские формулировки, действительно, затрагивают корень общественных нестроений его эпохи и не случайно они выглядят — сходство поразительно! — как экстракт художественной философии «Преступления и наказания», хотя высказаны были за семь лет до публикации Достоевским его великого романа.

Впоследствии Гиляров не раз возвращался к этой статье своей молодости: и когда в течение 20 лет (с 1867 г.) издавал ежедневную газету «Современные Известия», и работая с начала 1870-х гг. над своим политэкономическим трудом, в основу которого были положены принципы христианской нравственности,[118] и на склоне лет, когда настоятельно рекомендовал познакомиться со статьей своим ученикам. Так, посылая за год до кончины ее оттиск публицисту И. Ф. Романову-Рцы, он оставил на нем следующие строки: «К нижеписанным основным началам я часто возвращался и в газете. Они — зерно моего этического и социального воззрения».[119]

А в письме к нему же от 23 ноября 1886 г. он так развивал основные идеи статьи, тем самым закладывая основы углубленной научной разработки православной социологии (приводим большой фрагмент письма, впервые опубликованного нами в малотиражном издании): «“Личное и общественное” касается

---

[116] Из писем Ю. Ф. Самарина // *Нольде Б. Э.* Юрий Самарин и его время. М.: Эксмо, 2003. С. 514—515.

[117] *Сб. соч.* Т. II. С. 14.

[118] Это так и не завершенное исследование было издано посмертно под названием «Основные начала экономии» (М., 1889).

[119] *Сб. соч.* Т. II. С. 3.

существеннейшей темы периода, проживаемого теперь человечеством. Решением этого вопроса и живет теперь человечество. Резче всего он обозначается на экономической и политической почве, в виде борьбы между либерализмом и социализмом, буржуазиею и пролетариатом, парламентарностью и коммуною etc. Та же борьба переносится и в сферу этики и даже в метафизику и естественные науки. Но центр — в экономических вопросах, в размежевании капитала с трудом.

Набрасываю Вам только заголовки. Вглядываясь в течение современной истории, мыслящий человек не мог не задавать вопросов: останутся ли государства? Какое их отношение будет к народностям? Какая мера личной и общественной свободы отмежуется? В той и другой какие отношения будут между духовною и материальною деятельностью? Теперешнее атеистическое направление французской политики не окажется ли справедливым?

Вы удивляетесь, но возьмите в расчет: политическая власть имеет ли право прививать с младенчества известное верование, какое оно ни будь? Тогда за ним право воспитывать всех до одного в определенном веровании и свобода веры обращается в ничто. Или же от него должно быть отнято всякое право общественного воспитания, на том основании, что воспитание без духовной закладки невозможно. Так где же справедливый порядок воспитания? Церковное воспитание? Но почему, по какому праву, точнее — основанию? Воспитание детей есть все-таки антиципированное[120] насилие. Зашнуровывайте ребенка: Вы можете его изуродовать. А воспитание есть духовная шнуровка. Вопрос остается неизменным — кто будет шнуровать: государство, община, церковь, семья, — и каждый раз к воспитателю вопрос: где Ваше право?

Наброски, сейчас Вами прочитанные, дают Вам понять, почему определение, границы между личным и общественным есть самый основной вопрос и он стучится во всех сферах, между прочим формулируясь в следующий: да есть ли еще личность и свобода вообще не есть ли призрак; человеческое существо не есть ли химическое сочетание клеточек, не более, жизнь которого в полной и единственной зависимости от внешнего питания? <...>

Но *мир* существует со своими законами *необходимости*, которая есть граница *свободы* и ее прямое отрицание. Задача коллективного человечества — борьба с ним и покорение его: а) отчасти *свободою* и *любовью* общежития: действие частное и мимолетное, но главное: б) тем же орудием *необходимости*, иначе — *логики* и *ума*. В этом и состоит, как писал я Вам, *прогресс*. Так я его понимаю. Церковь (в идее, Православие in se) не спорит с прогрессом, напротив, имеет в нем союзника, идущего с другой точки и другою дорогою и преоборяющего грех (порождением которого есть мир как таковой) тою же мирскою силою. Установить так течение мирской жизни (начиная с физических явлений природы и до физической жизни человека), чтобы сама физика, поколику она противоборствует духу, давала простор свободе: вместо случайной и бесцельной борьбы

[120] То есть предвосхищающее, преждевременное.

стихий, порабощающих дух, так расположить действие тех же стихий, чтобы они работали по плану, им указанному, освобождая притом человека от личного напряжения, — вот задача прогресса во всех видах, начиная с паровых машин и до улучшенных политических форм. Эти формы применяют также закон необходимости, действуют принудительно; заимствует свои видимые формы от них и *Церковь*. Но сама Церковь все-таки вне их и ее видимое устройство, принадлежа ей, все-таки не ее формы».[121]

Остается открытым вопрос, ознакомился ли Гиляров с замечаниями Блюнчли на свою статью. Вероятнее всего, что нет, так как 3 ноября 1886 г. в письме к Романову-Рцы он смог вспомнить только о самых общих впечатлениях германских светил от его «Личного и общественного»: «И. С. Аксаков в бытность за границей дает в переводе выдержки из одной принципиальной моей статьи, и, по его словам, она поразила ученых немцев, которые ее читали. Казалось бы, довольно для славы. Да мне ее и не нужно; но скажите: где же плод? Кто же меня слушает?»[122]

Но если Гиляров не имел случая прочесть ремарки Блюнчли, то это сделал публицист Л. П. Блюммер, представитель российской либерально-конституционалистской эмиграции, посвятивший свою рецензию на «Русские фрагменты» (Свободное слово. Брюссель, 1863. № 1. С. 95—96) обличению швейцарского правоведа,[123] который в тот период являлся мишенью для русской радикальной журналистики.[124] Блюммер, в частности, возмущался: «Просто непонятно, почему этого ультра-австрийца г. Боденштедт ставит как компетентного судью русских славянофилов, иногда заблуждавшихся — но всегда честных, даровитых и умных исследователей духовной и материальной жизни русского народа. И нужно отдать полную справедливость: анмеркунги гейдельбергского профессора в тысячу раз курьезнее всех промахов славянофилов. В его немногих строчках драгоценные перлы нижут цельный тип той доктрины, с высоты которой смотрит обыкновенно немецкий гелертер на сплетения русской жизни, на своеобразие и своеличность русского понимания. Staatsorganismus * — это вещь; без которой немыслим никакой немецкий ум — и, Боже мой, как же казнит “маленький умиско (sic!)” немцев писателя, общество, целый народ, если они по каким-нибудь обстоятельствам представляют отношения, не подводимые под теорию государственного организма! Всякая неисключительно государственная сила (напр<имер>, общественная) ему кажется не имеющею в основании нрав-

[121] *Письма к Рцы.* Л. 303—304, 305.

[122] Там же. С. 256.

[123] См.: *Гусман Л. Ю.* Неизвестный отклик эмигранта-конституционалиста Л. П. Блюммера на популяризацию славянофильских идей в Германии (1863) // *Гиляров: ИМБР*. С. 819—826.

[124] См., например: *Жуковский Ю. Г.* Что такое право?: Наша ученая простота и немец Блюнчли // Современник. 1860. № 11. С. 83—102.

* государственный организм (*нем.*).

ственного сознания, и только государству “nicht Gewalt sondern das sittlichen Bewußtsein des Rechts” * дает “macht Ordnung” **».[125] Думается, эти суждения всецело поддержал бы и Гиляров, и, особенно, И. Аксаков.

Позднее в одном из номеров своих «Современных Известий» (№ 129 от 13 мая 1868 г.) Гиляров опубликовал речь Блюнчли «О национальном значении для Германии Протестантского союза», дав ей в передовой статье высокую оценку — за признание религиозного, а не экономического начала приоритетным «двигателем» современного общественного развития, хотя при этом отмечал несообразности в характеристике оратором вероисповедных проблем.[126] Как знать, не посодействовал ли спор 6-летней давности толчком для корректировки швейцарским ученым его социологических построений?..

Тем не менее спустя более четверти века после публикации «Личного и общественного» Гиляров сокрушался, что его голос не услышан современниками, а его вклад в социологию остался будто бы втуне.

2.3. Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ И А. Б. ДУМАШЕВСКИЙ: ЗАПРЕЩЕННЫЕ КНИГИ ПО ЕВРЕЙСКОМУ ВОПРОСУ (1860—1861)

Как известно, в разгар эмансипационного движения рубежа 1850—1860-х гг. русская публицистика впервые по-настоящему освоила так называемый «еврейский вопрос», неожиданно ставший довольно злободневным. В исследовательской литературе можно найти сведения, правда довольно краткие и отрывочные, о двух книгах по этой проблеме, одновременно подготовленных к печати в тот период, но так и не увидевших свет. Обе они весьма замечательны. Первая из них так и называлась — «Еврейский вопрос в русской журналистике», и ее автором был малоизвестный тогда еврейский литератор студент С.-Петербургского университета Арнольд (Арон) Борисович Думашевский (1837—1887), впоследствии видный правовед-цивилист и журналист, редактор-издатель «Судебного Вестника» (1871—1876). Автором второй книги являлся Гиляров. Название его произведения — «В каком смысле могут принадлежать евреям права гражданства в христианских государствах? На основании сочинений Паулуса составил и собственными примечаниями снабдил Н. Г.[127]».

Однако эти книги до сих пор рассматривались изолированно одна от другой. Причем произведение Думашевского не так давно разбиралось М. И. Гершкович вообще без упоминания о его цензурных мытарствах — исследовательницей

---

* «не сила, а моральное сознание права» (*нем.*).

** «устойчивый порядок» (*нем.*).

[125] Цит. по: *Гусман Л. Ю.* Неизвестный отклик... С. 826.

[126] См.: *Гиляров-Платонов Н. П.* Религиозное начало как двигатель истории // *Вопросы веры и церкви*. Т. I. С. 11—13.

[127] Этот криптоним Гиляров к тому времени использовал только однажды (*РБ*. 1856. Кн. III. Отд. III. С. 45).

был предложен только краткий обзор содержания самой рукописи,[128] а сочинение Гилярова, частично напечатанное в конце XIX в. биографом последнего князем Н. В. Шаховским по архивным источникам, анализировалось тогда же с частичным пересказом общего смысла цензурных документов, но без их публикации.[129]

История же этих несостоявшихся издательских проектов Думашевского и Гилярова, на наш взгляд, может быть адекватно понята только при параллельном изучении материалов обоих цензурных дел и сопоставлении авторских подходов к теме, а также при учете общественных и нравственных особенностей внелитературного контекста.

Существенно, что эти две книги после препровождения их в цензуру на местах — соответственно в С.-Петербургский и Московский цензурные комитеты — вскоре поступили на рассмотрение чиновников Главного управления цензуры, причем почти одновременно, 22 и 25 февраля 1861 г. Рукопись Думашевского представляла собой две сшитые тетради общим объемом в 267 листов, а книга Гилярова была прислана в столицу в виде уже вышедших из типографии двух начальных печатных листов и приложенного к ним рукописного текста (окончания). И спустя два месяца обеим этим книгам — соответственно 26 и 21 апреля того же 1861 г. — было решительно отказано в праве на публикацию. Происходило это в первые недели после обнародования Манифеста об отмене крепостного права, в период общественной эйфории и ожидания новых либеральных перемен. Почему же так случилось и в чем выражалось то литературное зло, которое было столь твердо пресечено высшим цензурным ведомством? Решало же судьбу этих двух книг на сходную тему именно оно, а не местные комитеты согласно его же предписанию годичной давности — от 17 марта 1860 г., — «чтобы статьи, в коих рассуждается о даровании евреям в России гражданских прав, наравне со всеми сословиями Российской империи, не пропускались к печати без разрешения Главного Управления Цензуры».[130]

Карательная же мера в данном случае была применена, на первый взгляд, довольно необычно, поскольку по своему идейному замыслу запрещенные книги

---

[128] *Гершкович М.* А. Б. Думашевский о «еврейском вопросе» в русской журналистике в 1858—1859 гг.: (Неопубликованная рукопись А. Б. Думашевского в Отделе рукописей РНБ) // Тирош: Тр. по иудаике. М., 2000. Вып. IV. С. 202—216.

[129] *Шаховской Н., кн.* Н. П. Гиляров-Платонов о евреях // *РО*. 1897. Т. 43, янв. С. 148—185. То же, в сокращении и без указания публикатора, вошло в состав брошюры: Еврейский вопрос в России / Сост. на основании ст. и писем Гилярова-Платонова. СПб., 1906. 63 с. В наши дни переиздано в сб. «Антисемитизм» (М.: Изд-во «Крафт+», 2002. С. 284—327). См. резкую оценку книги как содержащей «тезисы антисемитской пропаганды» (*Фельдман Д. М.* Страницы истории евреев России XVIII—XIX веков: Опыт архивного исследования. М.: Древлехранилище, 2005. С. 21), сделанную, однако, без учета, что это служебная докладная записка чиновника и что в ее основе — перевод немецкой статьи 1831 г., выводы которой были все же смягчены переводчиком.

[130] Цит. по: *Шаховской Н., кн.* Н. П. Гиляров-Платонов о евреях. С. 156.

явно противоречили одна другой: Думашевский с публицистической горячностью, подчас допуская эмоциональные перехлесты, ратовал за скорейшее дарование российским евреям всей полноты гражданских прав, а Гиляров куда более взвешенным тоном приводил аргументы и историософского, и социально-практического характера, призванные предостеречь правительство от подобных шагов. Казалось бы, хотя б одна из представленных позиций по еврейскому вопросу должна была удовлетворить цензуру того времени, уже отказывавшуюся от репрессивной политики недавнего прошлого. Однако нет — как Думашевский, так и Гиляров должны были смириться с цензурным veto и так и не увидели своих книг. Впрочем, как будет показано ниже, по своим глубинным задачам и интуитивному целеполаганию их сочинения имели объединяющие моменты и родственные положения.

Важно и то, что обе рукописи на предварительной стадии их прохождения через цензуру были сочтены вполне благонамеренными и им была выписана путевка в жизнь. Книгу Думашевского до ее отправки в Главное цензурное управление рассматривал цензор С.-Петербургского комитета С. И. Лебедев, ординарный профессор русского языка и словесности Института Корпуса горных инженеров, а книгу Гилярова — представитель ведомства, с которым требовалось согласовать ее содержание, — Еврейского комитета, к тому же единомышленник и приятель автора славянофил Ю. Ф. Самарин.

Представление С.-Петербургского цензурного комитета за № 172 от 20 февраля 1861 г., написанное на официальном бланке, представляло из себя не вполне буквальную цитату из Предисловия самого Думашевского к его книге:

«В Главное Управление Цензуры

В С.-Петербургский Цензурный Комитет поступила на рассмотрение рукопись г. Думашевского: “*Еврейский вопрос в русской журналистике*”.

Автор этого сочинения поставил себе задачею — “собрать все статьи, составившие полемику по настоящему вопросу, составить из всех мнений один свод, рассмотреть их критически, дополнив недосказанное или высказанное односторонне, а иногда ошибочно, — с целию убедить читателя в том, что настало время в России даровать евреям одинаковые права с прочими гражданами, потому что евреи по гражданским своим добродетелям, по выполнению обязанностей к государству и по образованию нисколько не уступают другим”.

С.-Петербургский Цензурный Комитет, руководствуясь предложением Главного Комитета Цензуры от 17 марта прошлого 1860 года за № 277, имеет честь представить рукопись г. Думашевского *“Еврейский вопрос в русской журналистике”* на рассмотрение Главного Комитета Цензуры, с приложением отзыва г. Цензора С. Лебедева, рассматривавшего это сочинение.

Председатель *барон Н. Медем*».[131]

Книга Думашевского, как видим, представлялась петербургским цензорам вполне невинной, так что на левом поле первой страницы этого документа ка-

[131] РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Ед. хр. 5629. Л. 1—1 об.

рандашом было приписано: «Г<-н> Лебедев полагает возмож<ным> допустить к печати с показанными им изменениями». Эта запись резюмировала для начальствующего лица отзыв С. И. Лебедева, цензора с небольшим к тому времени, всего годовым, стажем, и потому, вероятно, особенно старательного и неравнодушного. Приведем и полностью его отзыв с необходимыми пояснениями:

«Прилагаемое при сем за № 75 от 24 января 1861 года сочинение г. А. Думашевского под заглавием: “Еврейский вопрос в русской журналистике” рассмотрено мною, и имею честь представить об нем на благоусмотрение Комитета замечания мои.

1. Все означенное сочинение заключает в себе: 1) статьи о евреях, уже напечатанные в 1858 и 1859 годах в разных русских периодических изданиях, — 2) собственные рассуждения автора, в которых он критически разбирает мнения, печатно высказанные против евреев К. П. стр. $1^1/_2$, Герсевановым стр. $49^1/_2$, Зотовым стр. 121, и за евреев Рабиновичем стр. 20, Пироговым стр. 42, Мандельштамом стр. $55^1/_2$, Пасовером стр. 69, Бабстом стр. 170 и др.

2. Задачею себе поставил автор “собрать все статьи <...>[132] евреи по гражданским своим добродетелям, по выполнению обязанностей к государству и по образованию нисколько не уступают последним”; по его мнению, русское общество, в лице лучших и образованнейших представителей своих (писателей), решило этот вопрос положительно в пользу евреев (стр. $216^1/_2$), которым остается только верить в благость намерений справедливого правительства и терпеливо ждать того момента, когда оно найдет возможным выполнить общее желание русских, которое оно, без всякого сомнения, разделяет (стр. 218).

3. Так как половина настоящего труда г. Думашевского состоит из статей, недавно напечатанных, а рассуждения его собственные, обчеркнутые мною красным карандашом, содержат в себе те же положения и мысли и в том же духе изложенные, как и в печатных статьях, и не противоречат общим Цензурным постановлениям, то я нахожу возможным напечатание всего сочинения за исключением и изменением немногих мест на страницах 6, $6^1/_2$, 7, $7^1/_2$, 8—9 первой тетради, и на стр. 10, $21^1/_2$, 93, $150^1/_2$, $167^1/_2$, 168, 183, 185, 188, 202, 216, $256^1/_2$ второй тетради. Эти места обчеркнуты мною двумя чертами красного карандаша.

4. В заключение имею честь присовокупить, что сочинение это, как рассуждение о даровании евреям полноправности, составляющем государственный вопрос, согласно предписанию, следует представить на благоусмотрение Главного Управления Цензуры.

Цензор *Ст. Лебедев*».[133]

Тем не менее очень быстро, очевидно, без сколько-нибудь внимательного рассмотрения рукописи, уже через три дня после ее поступления, на представлении о ней появилась резолюция: «По определению Главного Управления Цензуры: “Нельзя дозволить”. 25 февраля 1861».[134]

---

[132] Опускаем часть цитаты, включенной и в «представление», подписанное генерал-лейтенантом бароном Н. В. Медемом (см. выше).

[133] РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Ед. хр. 5629. Л. 2—3.

[134] Там же. Л. 1.

Не вдаваясь в подробности и не разбирая ни аргументации упомянутых цензором Н. Б. Герсеванова, В. Р. Зотова, О. А. Рабиновича, Н. И. Пирогова, Л. И. Мандельштама, А. Я. Пассовера, И. К. Бабста и авторов, спрятавших свои имена за псевдонимами; ни зачастую излишне многословных комментариев Думашевского по поводу их взглядов, отметим, что бóльшая часть книги последнего (не менее двух третей) была посвящена известной полемике, разгоревшейся в русской прессе в связи с антисемитскими выступлениями журнала «Иллюстрация» в 1858 г. Провокационный задор этих публикаций оскорбил не только самих евреев, но и многих русских литераторов и читателей, шокированных небывалой развязностью и неприличием тона В. Р. Зотова и его сотрудников.[135] Неприятие таких приемов и ухваток, роняющих значение писательского дела, вылился в сбор подписей, которые под названием «Список лиц, протестующих против поступка “Иллюстрации”» опубликовал в двух октябрьских и первой ноябрьской книжках за 1858 г. самый популярный в тот период толстый журнал «Русский Вестник». Все это позволило Думашевскому убедиться в «веротерпимости и беспристрастности русского народа, выраженных без всякого официального влияния».[136]

Претензии С. И. Лебедева к книге Думашевского сводились к четырем основным группам замечаний (приведем наиболее показательные примеры из тех, что отметил цензор двойным подчеркиванием на полях рукописи[137]):

1) неловкие обобщения религиозного характера: «...обе эти религии <иудаизм и христианство. — *А. Д.*> в своем основании предписывают одни и те же добродетели» (л. 6); «Вся Библия наша проникнута духом коммунизма и возможного уравнения имуществ...» (л. 10);

2) резкие, хотя подчас и справедливые фактически, оценки правительственной политики в отношении евреев: «...евреи не были бы столь угнетены и теперь, во 2-й половине XIX века...» (л. 8); «Европейские монархи усердно старались уничтожить все, что совершено было человечеством после 89 года» (л. 21 об.) — имеются в виду первые попытки уравнять евреев в гражданских правах с остальными соотечественниками в ходе Великой Французской революции; «...русским

---

[135] См. подробнее: *Равич Л.* Скандальное происшествие с Владимиром Зотовым: Эпизод из истории еврейского вопроса в России // Вестник Еврейского университета в Москве. 1993. № 4. С. 99—119.

[136] *Гершкович М.* А. Б. Думашевский о «еврейском вопросе» в русской журналистике... С. 213.

[137] РНБ. Ф. 833 (В. А. Цеэ). Ед. хр. 518. 267 л. Далее ссылки на книгу Думашевского даются упрощенно — с указанием прямо в тексте в скобках порядкового номера листа. На титульном листе рукописи написано А. Г. Петровым, в 1865—1884 гг. возглавлявшим С.-Петербургский цензурный комитет: «Получен от В. А. Цеэ, моего предшественника по управлению цензурою. 1883 г.» (л. 1), из чего можно заключить, что рукопись не вернули автору, несмотря на то что в находящемся в цензурном деле «отпуске с представления» за № 390 от 10 марта 1861 г. помечено: «С возвр<ащением> рукописи г. Думашевского» (РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Ед. хр. 5629. Л. 4).

евреям запрещено жить в России» (л. 150 об.); «Кафедр не дают евреям, на службу не принимают» (л. 168);

3) указание на черты национального характера евреев, делающие проблематичным бесконфликтное их сосуществование с другими народностями: «...стремление сложить с себя свои внешние национальные особенности, так резко их отличавшие от остального народонаселения» (л. 188);

наконец, 4) ссылки на цензурный гнет: «Неужели причиною тому те же мрачные “обстоятельства”, которые замедлили появление этой последней статьи?» (л. 93); «...статьи, изуродованной смертоносными ножницами парки-цензора» (л. 156 об.).

Узнав в марте 1861 г. о печальной судьбе своей рукописи и не получив в С.-Петербургском цензурном комитете разъяснений о причине ее запрета, Думашевский направил письмо в Главное управление цензуры:

«Его Высокопревосходительству
Председательствующему в Главном Управлении Цензуры,
Господину Министру Народного Просвещения.
Ученого Управительского Помощника, Студента Императорского
С.-Петербургского Университета Думашевского
Прошение

10-го сего марта С.-Петербургский Цензурный Комитет объявил мне, что представленная мною в оный рукопись под заглавием: “Еврейский вопрос в русской журналистике” Главным Управлением Цензуры не одобрена к печати. При этом мне не были объявлены как причины, по которым труд мой не одобрен к печатанию, так и то, в целости ли он не одобрен или только в некоторых своих частях.

Ваше Высокопревосходительство! Вот уже четвертый год как я постоянно принимаю участие в разных столичных и провинциальных периодических изданиях статьями своими о евреях. В прошлом году я удостоился получить медаль от Императорского Географического общества с надписью: “За полезные труды”, за статью свою, помещенную в “Вестнике” Общества, озаглавленную: “Евреи земледельцы в России”.[138]

В январской книжке “Библиотеки для чтения” за этот год я поместил также статью свою, под заглавием: “Брак по библейски-талмудическому законодательству”.[139]

Таким образом, я в течение четырех лет старался знакомить русскую публику с многими единоверцами — и смею думать — не без пользы.

---

[138] Думашевский (в числе еще трех авторов «Вестника») был удостоен бронзовой медали за эту свою статью, опубликованную в 1859 г. **(**Ч. 27 <(сент./дек.)>. Отд. II. С. 61—89; в подписи ошибка: *А. Думошевский***)**. См.: Отчет о действиях Императорского Русского Географического общества за 1859 год // Вестник Имп. Рус. Геогр. о-ва. 1860. Ч. 28 <(янв./апр.)>. Отд. I. С. 50.

[139] С подзаголовком «По Франкелю», т. е. по статье 1860 г., написанной Захариасом Франкелем, директором Еврейской теологической семинарии в Бреслау (ныне Вроцлав). Опубл.: Библиотека для Чтения. Т. 164, янв. С. 1—40 (паг. 4-я).

В этих же видах составлена и упомянутая выше рукопись.

Я старался в этом сочинении свести все мнения о евреях, высказанные в русской журналистике, под один итог, разобрав их критически и дополнив невысказанное.

Труд этот начат мною в 1859 г., еще до последовавшего Циркуляра Главного Управления Цензуры о статьях по еврейскому вопросу, и стоил мне почти год трудов, не говоря уже о матерьяльных издержках: я должен был для этого в подробности пересмотреть все отечественные периодические издания за 1858—9 годы.

К самому труду этому я приступил по приглашению многих из моих единоверцев, вызвавшихся помочь мне матерьяльными средствами для напечатания его.

Между тем труд мой по неизвестным и непредвиденным причинам ныне не одобрен к печати, и я не имею даже утешения знать, почему мои труды, мое время и потраченные мною издержки — должны погибнуть.

Повергнув изложенные выше обстоятельства на справедливое благоусмотрение Вашего Высокопревосходительства, я имею честь покорнейше просить — или дозволить мне печатание моего труда, или объявить мне причины, по которым он не может быть передан печати, дабы я мог успокоить самого себя и удовлетворить тех из моих единоверцев, которые вызвались помочь мне денежными средствами для напечатания моего сочинения и которые ныне печатно, в 41 № еврейского журнала "Рассвет", требуют от меня гласного объяснения, почему труд мой поныне не явился еще в печати.

А. Думашевский».[140]

Упомянутая в конце прошения публикация «Рассвета» принадлежала перу выпускника раввинского училища П. М. Лякуба, журналиста, снискавшего известность статьей в защиту Талмуда в журнале братьев Достоевских «Время» (№ 5 за 1862 г.), впоследствии писателя-правоведа. В своем «Письме в редакцию "Рассвета"» (опубликованном за неделю до того, как Думашевский был ознакомлен с приговором его книге) он оповещал еврейскую общественность о неблаговидном поведении товарища, обещавшего еще в мае 1859 г. выпустить книгу и получившего через Лякуба только с одних симферопольских подписчиков 27 руб. серебром, однако не выполнившего свои обязательства и уклонявшегося от дальнейших контактов. История с книгой выглядела как явная афера, автор открытого письма заявлял: «Поставленный чрез это обстоятельство в самое неприятное положение, я вынужден просить от г. Думашевского публичного объяснения причин, замедляющих выход его издания, или же возвращения доставленных ему мною денег, для надлежащей раздачи их симферопольским его подписчикам».[141]

На прошении Думашевского, зарегистрированном 1 апреля, через неделю появилась резолюция: «Главное Управление Цензуры постановило: "В просьбе отказать, изъяснив причину того". 8 апреля 1861».[142] Официальный же ответ Ду-

[140] РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Ед. хр. 5629. Л. 5—6 об.

[141] *Лякуб П.* Письмо в редакцию «Рассвета». Симферополь, 9-го февраля // Рассвет. № 41. 3 марта. С. 652.

[142] РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Ед. хр. 5629. Л. 5.

машевскому, датированный 26 апреля, гласил: «...вышеозначенная рукопись не может быть разрешена к печати потому, что предмет суждений, заключающихся в оной, зависит от Правительства, а оно не заявило еще своих мыслей по делу о распространении гражданских прав евреев».[143] Попытка же Думашевского оправдаться публично, на страницах журнала, не имела успеха — об этом можно судить по редакционной реплике, помещенной вскоре в «Рассвете»: «*А. Д—му в С.-Петербурге.* Мы удивляемся, каким образом можете Вы требовать от нас напечатания ваших объяснений, когда подобные объяснения, по причинам, вам самим хорошо известным, *для печати неудобны*!»[144]

Почему ж довольно невинная книга Думашевского легла под сукно? Очевидно, что в правительственных кругах (прежде всего недовольных реформационным движением) не желали, чтоб на процесс расширения гражданских прав российских евреев оказывалось столь же мощное воздействие общественного мнения, каковое в продолжение целых пяти лет они ощущали в связи с обсуждением крестьянского вопроса. Получилось, что инструкция о направлении всех материалов по еврейской тематике на суд Главного управления цензуры использовалась как возможность однозначно карательной меры, что особенно наглядно видно из истории запрещения чиновниками этого ведомства книги своего же собрата-цензора — Гилярова.

Правда, у его книги были три важные особенности.

Во-первых, она, в отличие от труда Думашевского, предпринятого как дело, значимое прежде всего для самой еврейской общественности, представляла собой отчет о командировке за казенный счет в Германию. Ее выхлопотали для Гилярова покровительствовавшие ему граф Д. Н. Блудов и князь П. А. Вяземский. Последний, занимавший пост товарища министра народного просвещения, в мае 1857 г. во Всеподданнейшем докладе отмечал: «При основательном ученом своем образовании, Г<иляров>-Пл<атонов> имеет познания и в древнем еврейском языке. Посему и нахожу весьма удобным возложить на него, при настоящей поездке его в чужие края, поручение собрать точные сведения об устройстве заграничных училищ еврейских, и особенно раввинских, а также о литературной деятельности евреев. Эти сведения могут быть полезны М<инистерству> Н<ародного> Пр<освещения> при настоящем развитии у нас умств<енного> образования евреев и учреждении для них училищ».[145] Хотя командировка была придумана только ради того, чтоб Гиляров, чье здоровье пошатнулось от напряженной литературной и цензорской работы, получил средства для поездки с женой на европейские курорты, — он, пожив в конце июня — начале сентября 1857 г. в Германии, всерьез заинтересовался еврейским вопросом и впоследствии, вместо формального отчета-отписки, в течение трех лет работал над

[143] Там же. Л. 7—7 об.

[144] Письменный ящик Редакции // Рассвет. 1861. № 49. 28 апр. С. 794.

[145] Цит. по копии, выполненной князем Н. В. Шаховским: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 212. Л. 1—2. Очевидно, в подлиннике нет сокращений.

своей историко-публицистической книгой, представлявшей собой глубокое историософское истолкование этой темы. Гилярова четырежды специальными уведомлениями из Министерства торопили, но он понимал, что, если отчитается официальным порядком, то ему уже будет неловко опубликовать тот же текст, поскольку тот составлял бы собственность правительства, пусть и никчемно пылящуюся в министерском архиве. А так как его сочинение, особенно в своей общефилософско-исторической части, представляло прежде всего научный интерес, Гиляров и собирался, отпечатав именно эту его вводную часть, представить ее начальству, а специально-административные выводы препроводить только в рукописном виде.

Во-вторых, он оформил свою книгу как перевод сочинения немецкого протестантского теолога Генриха Эбергарда Паулюса (Паулуса), которое представляло собой полемический отклик на брошюру либерального правоведа Генриха Цепфля «Голос об эмансипации исповедников Моисеевой веры в Бадене» (Paris, 1831), выступавшего против отлучения евреев от чиновничьих должностей. Паулюс в том же 1831 г. в издаваемом им в Гейдельберге сборнике «Sophronizon» (Bd. XIII) утверждал, что евреи, составляя государство в государстве, не желают подчиняться общенациональным законам, а потому и не могут претендовать на равноправие в Германии, но, подобно любым иностранцам, имеют право лишь находиться под защитой закона. В целом соглашаясь с такой позицией, Гиляров вместе с тем и сомневался, не слишком ли вызывающе и категорично прозвучат выводы Паулюса в их приспособлении к предреформенной России конца 1850-х гг., и советовался с Ю. Ф. Самариным в одном из писем к нему: «Знакомил ли я Вас когда-нибудь с брошюрой о евреях, мною составленной? Эта брошюра составлена была некогда в Германии *Паулусом*, знаменитым главой известной отрасли рационализма, называемой *натуральною*. Воззрения его мне показались здравыми и тем более замечательными, что его-то уж никак нельзя заподозрить в *фанатизме*.

Много, однако, пришлось все-таки переделать; исторические исследования пришлось даже написать вновь, так что брошюра вовсе не есть перевод. Да кроме того, я счел нужным разбавить ее собственными примечаниями... Прочитайте посылаемое и на основании этой меньшей частицы произнесите приговор: печатать ли мне? Сто́ит — или не сто́ит? сдается мне и теперь, что рассуждения как Паулуса, так и мои собственные довольно дельны. А вы не скажете ли чего-нибудь: совета, возражения, указания?»[146]

Об этом же Гиляров писал и графине А. Д. Блудовой, тоже не скрывая при этом, что своего перелицованного Паулюса считает вполне оригинальным произведением: «...я взял одно готовое немецкое исследование, весьма замечательное. Я взял именно готовое, немецкое затем, чтобы отнять у моих размышлений слишком местный характер, а следовательно, и ту некоторую резкость, которую они могли бы получить от этого. Впрочем, исследование это до того мною пере-

[146] Цит. по: *Шаховской Н., кн.* Н. П. Гиляров-Платонов о евреях. С. 155—156.

делано, что, если бы следовать мне примеру большей части наших ученых, я мог бы его назвать и своим. Сверх того, я добавил к нему собственные замечания, которых больше, нежели самое исследование. Эти мои замечания и должны были послужить первою частию изготовляемого мною целого труда о еврейском вопросе».[147]

Важно отметить, что — по точной букве распоряжения Главного управления цензуры — сочинение Гилярова, будучи переводным в своей основе, могло и не направляться в Петербург, несмотря на примечания, приспосабливавшие содержание книги к русской жизни. Но тут Гилярову помешало как раз то, что он, в отличие от обычных авторов, сам являлся цензором — ему неловко было протестовать и писать необходимые прошения. К тому же оставалась прочной надежда на таких ходатаев, как, прежде всего, отец и дочь Блудовы.

В-третьих, Гиляров ставил перед собою и публицистическую задачу — исходя из государственных интересов, как он их понимал, противостоять легковесному и вместе с тем заразительному филантропическому возбуждению, совершавшему «под прикрытием громких фраз»,[148] потому как подобное фразерство только камуфлировало трагизм вопроса. В том же письме к Блудовой он объяснялся: «В последнее время послышались в литературе безусловно-защитительные голоса в пользу евреев: как-де угнетать у нас это несчастное, а между тем столь прекрасное и во всех отношениях достойное и полезное еврейское народонаселение; и какие-де несомненные права имеет оно на полное уравнение свое со всеми прочими сословиями. Голоса эти внушаются не столько знанием дела, сколько общею теперь модой щеголять в литературе гуманностью и либеральностью. И признаюсь, как вообще я считаю оскорблением для нравственного чувства эту моду играть в самые высшие и священнейшие истины; как вообще возмутительно видеть это желание дешевым образом составить себе славу гуманного и образованного: так, в частности, грустно мне было видеть наклонность к провозглашению громких, но в сущности пустозвонных фраз о евреях. Мне хотелось поэтому поставить вопрос на ту единственно верную точку, с которой, по моему мнению, должно его рассматривать. Предполагая в рукописной, практической части отчета указать меры, благоприятные для евреев, я хотел в то же время печатно засвидетельствовать, что неблаговидные качества евреев зависят не от одного угнетения; что причиной нашего разделения с ними служит прежде всего их, а не наша исключительность; что, во всяком случае, каков бы народ этот ни был, как случайно пришлый, он может искать и заслуживать доверия от господствующего народа, и затем получать новые права, но никак он не может этого *требовать* как права, себе прирожденного. Такого рода мысли, печатно выраженные, были бы, по моему мнению, полезны и в том отношении, что они вынудили бы образованных евреев также печатно отрекаться от своей исключительности, и даже протестовать против меня. Но пусть их! Тем,

[147] Цит. по: Там же. С. 155.
[148] РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 5630. Л. 9 об.

однако, самое дело подвигалось бы: они увидали бы себя в необходимости уверять нас в своей к нам близости».[149]

И тут, как ни странно, позиции Гилярова и Думашевского оказались в чем-то родственными. С одной стороны, об унизительности филантропической ажитации писал и Думашевский, однако подходил к ее оценке с иной стороны. Подобное снисхождение в деле дарования гражданских прав оскорбляло его. Он восклицал от имени патриотично настроенных сынов Израиля: «Не филантропии, скажет современный русский еврей, ищу я, но прав, я сын своего отечества, России; я ношу все ее тяги, как и вы; я защищаю ее против врагов, как и вы <...>».[150] Но, с другой стороны, тоже вполне в духе Гилярова, Думашевский высказывает мысль, что евреи должны не просто получить, а *заслужить* себе гражданские права — прежде всего путем приобщения к европейскому образованию и использования его на благо России. Гиляров, правда, особо акцентировал свое внимание на чуждой Думашевскому историософской диалектике *прав* русских и *обязанностей* евреев, настаивая: «...ни в каком государстве они не участвовали деятельно в его созидании. Всюду они случайные пришельцы, и не более. Крови своей, при трудной организации государства, они не проливали, трудов своих не клали; финансовыми средствами помогали, сравнительно, весьма мало, и то большею частию — только побочно и косвенно. Что же касается до самого духа государственных учреждений и до выработки всех благ, которые доставляет обеспечиваемая государством цивилизация, — этому, разумеется, они содействовали всего менее. Итак, выходит, что, по своему пришлому, случайному значению в каждом государстве, евреи нигде не имеют права требовать себе больше того, что́ им уступлено господствующими народами <...>».[151] При этом в укор евреям Гиляров сравнивал их с другими малыми народами России: «Черемисы, мордва, чуваши — тоже народ. Но народность их простирается только на отличие от других в происхождении и в языке: это *народ,* не восходящий далее *племени.* Всеми элементами для своей духовной жизни он питается исключительно из того народа, среди которого поставлен. Сверх того, вся целость каждого из этих племен помещается в пределах одного и того же государства: для <н>их нет других центров тяготения. Естественно, что такому племени господствующий народ может оказывать наиполнейшее доверие и, вследствие того, не отличать его ни в каких правах даже от себя самого».[152]

То есть проблема, по Гилярову, состоит в особом изоляционистском мирочувствии евреев, их упорном нежелании «проникаться духом народа», который их принял в свою среду, как бы в родную семью.[153] В итоге Гиляров утверждает, что даровать гражданские права евреям принципиально проблематично, и эти

[149] Цит. по: *Шаховской Н., кн.* Н. П. Гиляров-Платонов о евреях. С. 154—155.

[150] Цит. по: *Гершкович М.* А. Б. Думашевский о «еврейском вопросе» в русской журналистике... С. 207.

[151] РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 5630. Л. 7 об.—8.

[152] Там же. Л. 8.

[153] Там же. Л. 6.

его слова подчеркивают оба: и сам он прямо в тексте — как особо важные, и цензор (И. Д. Делянов) на полях книги — как недопустимые в печати: «*Им* <евреям. — *А. Д.*> *нельзя дать этих прав именно потому, что они сами чрез это хотят оставаться среди всех отдельно стоящею нациею, и эту свою отдельность возводить для себя даже на степень религиозной задачи*».[154] Впрочем, о сложности же и практической трудновыполнимости такого добровольного отказа от своей «раввински-фарисейской» природы, о чем пишет Гиляров, упоминал и Думашевский. Этот тернистый путь предполагает, в частности, и отказ от преимущественно тех родов деятельности, монополия в которых вынуждает обвинять евреев, по словам последнего, в «любви к злату» и «бесчестности».[155] Гиляров о том же говорит жестче и, как философ, заметно абсолютизируя: «...интересы хозяйственные являются даже совершенно враждебными интересам других народов. Еврейский “шахр” <...> есть именно не что иное, как эксплуатация чужого труда, возведенная в догмат, в идею, всосавшаяся чрез привычку в плоть и кровь еврея и пользующаяся, при всяком удобном случае, на счет чужого простодушия».[156]

Не разбирая других положений книги Гилярова, можно уверенно сказать, что в лице талантливого студента-юриста Думашевского он бы вполне мог обрести тот идеал еврея, встроенного в русскую жизнь, появление которого считал необходимым для решения этого сложнейшего для империи национального вопроса. (Не случайно, став в конце жизни известным ученым, Думашевский «завещал 36 000 руб. С.-Петербургскому университету на стипендии по юридическому факультету по 300 р<уб>. в год, с тем чтобы эти стипендии назывались стипендиями “еврея Думашевского”», каковой формулировкой протестовал против погромов 1880-х гг., а 4000 руб. — С.-Петербургской консерватории на премию за составление сборника «лучших русских застольных песен».[157]) Думашевский, создавший в 1861 г. аннотированный обзор полемики по еврейскому вопросу, выступал от лица лучшей части своих единоверцев, надеявшейся на либеральные перемены и готовой признать Россию своим отечеством во всех смыслах. Стратегически именно на это была нацелена и проповедь Гилярова. Тактические же пути авторами предлагались разные: энтузиастическому порыву Думашевского Гиляров как бы противопоставлял (в рукописной части своего отчета, которая вообще не предназначалась для печати) выверенные административные меры добровольно-принудительного характера.

Но и его сочинение, как отмечалось, не преодолело цензурных рогаток, причем по той же причине, что и книга Думашевского. Обратимся к документам.

---

[154] Там же. Л. 5.

[155] См.: *Гершкович М.* А. Б. Думашевский о «еврейском вопросе» в русской журналистике... С. 208, 212.

[156] РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 5630. Л. 6 об.

[157] *Шимановский М. В.* Арнольд Борисович Думашевский: Речь, произнесенная товарищем председателя Одесского юридического общества... Одесса, 1888. С. 23.

3 декабря 1860 г. Гиляров запрашивал Ю. Ф. Самарина, с которым в тот период особенно сблизился: «Кошелев сказал мне, что Блудов просил вас прочитать мою рукопись, подлежащую предварительной цензуре Еврейского Комитета. Я этому обрадовался было, надеясь, что скоро буду иметь возможность издать своих жидов, которые киснут вот уже скоро год. Ради Бога, уведомьте меня, за чем еще дело остановилось».[158] Через десять дней, 13 декабря, Самарин отвечал: «Жиды Ваши точно прошли через мои руки. Я их не задержал и тотчас же *прописал им паспорт в печать;* но мне не поверили. Рукопись передали Министру Народного Просвещения Ковалевскому, который, к сожалению, заболел серьезно, никого не принимает, ничего не читает. Теперь и Блудов заболел. Против этого рода замедления ничего сделать нельзя, как только вооружиться терпением. В одном отношении вы можете быть спокойны. Лучшего ходатая, как графиня Антонина Дмитриевна, Вам не найти и желать нельзя. Она дня не потеряет».[159] В руки графини А. Д. Блудовой, как косвенно свидетельствует ее письмо к Гилярову от 7 августа 1860 г., его рукопись попала заблаговременно: «Письмо Ваше я получила, но жидовщина еще не дошла до меня; есть повестка на почте — вероятно, она».[160]

Цензурное дело о рукописи Гилярова было начато только 25 февраля 1861 г., когда ее взял на прочтение член Главного управления цензуры И. Д. Делянов, но поступила она туда еще 8 февраля, причем с пометкой, что ее следует послать на рассмотрение министру,[161] т. е. Евгр. П. Ковалевскому, который был предупрежден Блудовыми. Тот, однако, к тому времени уже успел ознакомиться с сочинением Гилярова, поскольку на «деле» есть карандашная приписка, сделанная на полях, вероятно, И. Д. Деляновым: «От Гилярова. Пред отъездом г. М<инист>ра в Казань Его В<соко>пр<евосходительство> сбыл мне эту статью, с тем, что если поступит продолжение, без которого ничего нельзя сказать, может ли быть разрешена эта статья к печати, — то или подождать его, или доложить Ник<олаю> Алексеев<ичу>. Гиляров просит разрешить статью печатать, не подвергая цензуре. 20 мая 1860».[162] Упомянутый Николай Алексеевич Муханов, в молодости приятель Пушкина и Грибоедова, Хомякова и Вяземского, на посту товарища министра народного просвещения (1858—1861) быстро приобрел репутацию взбалмошного, неустойчивого в своих понятиях ретрограда,[163] которого так охарактеризовал А. В. Никитенко в дневниковой записи от 1 октября 1859 г.: «Странный человек, в нем ни к чему нет ни заклятой ненависти, ни живой любви: он вертится, как ветряная мельница, по дуновению в данную минуту действующих на него мнений».[164] Муханов, судя по всему, и стал волею судеб

[158] Цит. по: *Шаховской Н., кн.* Н. П. Гиляров-Платонов о евреях. С. 158.
[159] Там же.
[160] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 592. Л. 9.
[161] РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 5630. Л. 1.
[162] Там же. Л. 4 об.
[163] См. подробнее: *Чагин Г. В.* Мухановы. СПб., 2007. С. 171—173.
[164] *Никитенко А. В.* Дневник: В 3 т. М., 2005. Т. II. С. 155.

ключевой фигурой в запрещении обеих книг о евреях — и вполне вероятно, как раз из-за внешне разноречивого их содержания при одновременном явлении на его суд: на наш взгляд, поступи каждая из этих книг изолированно, у ней оказалось бы больше шансов на публикацию.

Приведем содержащуюся в деле «записку» члена Главного управления цензуры графа И. Д. Делянова:

> «От г. Гилярова-Платонова поступило два отпечатанных листа (33 страницы) и рукопись, в обертке, на коей помещена надпись: *В каком смысле могут принадлежать евреям права гражданства в Христианских государствах? На основании сочинений Паулуса составил и собственными примечаниями снабдил Н. Г.*[165]
>
> Из рассмотрения этих отпечатанных листов и рукописи оказывается, что в них изложено мнение Паулуса о том, в каком случае евреи имели бы право на предоставление им в государстве всех прав граждан. Он находит, что для сравнения в правах с христианами нужно им отказаться от исключительной своей национальности, от желания быть отдельным государством в государстве. По его словам, немыслимо *покровительствуемому* (терпимому) народу, не отказываясь самому ни от чего, требовать от государства, в котором живет, всего: *участия в законодательстве, в управлении*, — что евреи собственно и разумеют под сравнением их прав с другими гражданами. Правительство, со своей стороны, должно содействовать делу слияния евреев с христианами и этого достигнуть может, взяв в свои руки образование и уничтожив раввинов, блюстителей собственно не *религии,* но *закона,* — и закона, отчуждающего евреев от христиан. Паулус приводит, от чего именно должны отказаться евреи, если хотят быть сравненными в правах с христианами, и оказывается, что не только от своего отдельного законодательства, но даже и от того, что собственно составляет принадлежность их *религии*. Впрочем, он принимает, что сами евреи не могут дать себе отчета, *в чем собственно состоит их религия.* Вообще все, что говорит Паулус, клонится не к тому, чтобы были расширены права евреев, а скорее выражает, что евреям в то время, когда писано его сочинение (1831), слишком много было дано уже прав.
>
> В отпечатанных листах г. Гиляров-Платонов к Паулусу присоединил несколько своих замечаний, касающихся частию евреев в России, в рукописи же их нет,[166] или, по крайней мере, нет возможности разобрать, что говорит Паулус и говорит ли что Гиляров. Вообще, сочинение, представленное г. Гиляровым-Платоновым, составляет нечто не целое, не указывающее ясно, чего он хочет и к какому результату идет. *Вероятно,* он располагает познакомить с сочинением Паулуса и дополнить оное тем, что касается русских евреев.
>
> Собственно с тесной цензурной точки зрения, отпечатанные листы и рукопись не представляют ничего предосудительного. В них излагается тот взгляд, которого и до настоящего времени, только значительно либеральнее, держится и наше Правительство в отношении евреев. Все сочинения, разбираемые Паулусом, для высказания своих идей, вышли до 1831 года. Кто знаком с еврейскими делами

[165] *На полях напротив этого абзаца*: Гл<авное> Упр<авление> Ценз<уры> постановило: / «Передать на рассмотрение г. Члена Делянова». / 25 февраля 1861.

[166] Эти примечания Гиляров тогда не успел еще сделать, отправив в цензуру в рукописном виде только недостающую часть перевода паулюсовского сочинения.

Министерства Народного Просвещения и Главного Управления Цензуры, тот не найдет тут ничего нового. Но напечатание в общее сведение сочинения г. Гиляро-ва имело бы *крайне неблагоприятные последствия* у нас: с одной стороны, оно возбудило бы общественное мнение христиан противу расширения прав евреев, дав довольно убедительные, при первом взгляде, к тому доводы; а с другой сторо-ны — вынудило бы евреев защищаться печатно, и последнее обстоятельство не-минуемо поставит цензуру в затруднительное положение, по невозможности до-пустить, при нашем образе правления, обсуждения вопросов, подлежащих только решению Правительства, и притом такого обсуждения, которое может быть не-согласно с тем, что Правительству придется делать относительно евреев. По сим соображениям, мне кажется, *не нужно допускать сочинения Гилярова-Платонова к печати*.

В печатных листах и рукописи отмечены карандашом места, указывающие на дух и направление сочинения. Противу мест, слишком резких в цензурном отно-шении, выставлен знак *NB*».[167]

Любопытно, что князь Н. В. Шаховской в своей работе 1897 г. указал, что этот неблагоприятный для Гилярова отзыв составил просто «чиновник Министер-ства народного просвещения»,[168] не уточнив его имя, поскольку граф И. Д. Де-лянов тогда был министром народного просвещения. Гиляров же в 1850—1860-х гг. считал его своим доброжелателем (тот активно содействовал в хлопо-тах по получению последним цензорского места[169]). В полученном в Москве из Главного управления цензуры «отпускном предложении» от 21 апреля 1861 г. фамилия Делянова вовсе не фигурировала:

«Московскому Ценз<урному> Комитету

21 апреля 1861 г. № 637

Главное Упр<авление> Ценз<уры>, рассмотрев прилагаемое у сего сочинение Кол<лежского> Сов<етника> Гилярова-Платонова, в двух отпечатанных листах и рукописи, под заглавием: *В каком смысле могут принадлежать евреям права гражданства в Христианских государствах? На основании сочинений Паулуса со-ставил и собственными примечаниями снабдил Н. Г.,* признало невозможным раз-решить напечатание оного, так как предмет суждения этого сочинения зависит от Правительства, а оно не заявило еще своих мыслей по делу о распространении гражданских прав евреев.

О сем Главное Упр<авление> Ценз<уры> предлагает Московскому Ценз<урно-му> Комитету объявить г. Гилярову-Платонову.

Подписал: Член Главн<ого> Упр<авления> Ценз<уры> *Н. Муханов*

Скрепил: Правитель дел *Пр<охор> Янкевич*.

Верно: Колл<ежский> Секр<етарь> *Песоцкий*».[170]

То есть резолюции для обеих книг оказались вполне идентичными.

---

[167] РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 5630. Л. 1—2 об.

[168] *Шаховской Н., кн.* Н. П. Гиляров-Платонов о евреях. С. 167.

[169] См.: *Шаховской Н., кн.* Годы службы Н. П. Гилярова-Платонова в Московском цензурном комитете, 1856-й год // *РО*. 1897. Т. 46, июль. С. 133, 151.

[170] РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 5630 Л. 3—3 об.

Поначалу Гиляров расстроился, тем более что понес убытки, приступив к изданию книги, но позднее уже иначе смотрел на это, считая свои выводы и рекомендации слишком жесткими и нетерпимыми. В 1872 г. он писал А. С. Суворину, попросившему дать биографические сведения в его «Русский словарь»: «По еврейскому вопросу действительно я работал, ездил даже за границу с этою целью, составил исследование и даже *напечатал* несколько листов, но по обстоятельствам, как говорится, не зависящим принужден был бросить». И оговаривался: «...о судьбе моего исследования о евреях, о которой я, впрочем, и не очень жалею».[171] А в 1884 г. даже предлагал готовить для «Нового времени» статьи на эту тему: «Я некогда занимался еврейским вопросом, и у меня остались материалы».[172] Впрочем, и в издававшихся самим Гиляровым «Современных Известиях» еврейский вопрос был всегда в центре внимания, при этом мыслитель с годами все более отмежевывался от юдофобствующих собратьев по перу.

Но весной 1861 г., когда участь книг была решена столь печально, Гиляров испытывал не меньшую горечь, чем Думашевский. Впрочем, его положение как писателя оказалось более выигрышным: его сочинение уже было известно по авторскому чтению в дружеских кружках и литературных салонах и запомнилось. Так, близкий к славянофилам С. М. Сухотин записывал в 1860 г. в Дневнике: «В прошлый вторник, 22-го марта, на вечере у Кошелева Гиляров читал свою весьма любопытную статью, переделанную из сочинения немецкого ученого Паулюса, о евреях, где он объясняет причины всеобщей к ним антипатии, и что гражданство не дается даром иностранцу: надо заслужить это гражданство длительным участием в жизни того государства, которого хочешь быть гражданином».[173] Позднее наиболее последовательным и подчас прямолинейным пропагандистом этих паулюско-гиляровских идей стал И. С. Аксаков-публицист — в передовицах «Дня», «Москвы» и «Руси» на каждом шагу встречаются даже текстуально близкие выражения.

Едва ли оправданные же действия цензурного ведомства — как субъективного, так и объективного свойства, — помешавшие весной 1861 г. развернуть свободную и честную дискуссию по еврейскому вопросу вокруг сочинений Гиляров и Думашевского, уже к осени того же года не совладали с куда более грубой и ожесточенной полемикой, нежели даже имевшая в 1858 г. место в связи со скандалом с «Иллюстрацией». Имеем в виду целое газетно-журнальное побоище 1862—1863 гг., инициированное перепалкой об уместности в печати слова «жид», между малороссийским журналом «Основа», издававшимся в Петербурге В. М. Белозерским, П. А. Кулишом и Н. И. Костомаровым, и одесским еженедельником «Сион», пришедшим на смену «Рассвету» и выпускавшимся под редакцией Л. С. Пинскера, Н. О. Бернштейна и Э. М. Соловейчика.[174]

---

[171] *Из пережитого*. Т. 2. С. 212, 213.

[172] РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 915. Л. 13 об.

[173] Из памятных тетрадей С. М. Сухотина // *РА*. 1894. Кн. I, вып. 2. С. 228—229.

[174] См. первые статьи (все 1861 г.): Недоразумение по поводу слова «жид» // Основа. № 6; «Основа» и вопрос о национальностях // Сион. № 10. 10 сент.; *Кулиш П.* Передовые жи-

2.4. Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ, И. С. АКСАКОВ И М. Н. КАТКОВ: 50-ЛЕТИЕ СЛУЖЕНИЯ СВЯТИТЕЛЯ ФИЛАРЕТА, ЕГО КОНЧИНА И 100-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ В ОЦЕНКАХ «ТРИУМВИРАТА» МОСКОВСКИХ КОНСЕРВАТОРОВ (1867—1882)

Известно, что при жизни святителя Филарета (Дроздова) по его настоянию действовал полугласный запрет не только его публичного восхваления, но и вообще каких-либо оценочных характеристик его личности в печати. Поэтому формирование и становление своеобычного *литературного* образа владыки, которого еще при жизни нередко именовали «Патриархом Всероссийским» (известное свидетельство Н. В. Сушкова)[175] и по праву считали авторитетнейшим православным иерархом-богословом XIX в., поначалу происходили в устной культуре.

Диапазон этих оценок Филарета широк — именно в связи с многосторонностью его личности и ее значимостью для общественно-религиозной жизни XIX в. При этом в «образованных» кругах преобладало негативное отношение к владыке как к некоему столпу неправедной власти. И тут в одном ряду с ядовитым герценовским афоризмом: «...он восхотел суетно совместить белый клобук с жандармским аксельбантом <...>»[176] — стоят отзывы даже, казалось бы, людей диаметрально противоположных взглядов. Так, Вера Аксакова 24 февраля 1855 г. записывала в своем дневнике, отражая, безусловно, мнение всего семейства, что Филаретом «всякое живое слово, всякая мысль, сколько-нибудь носящая личный взгляд человека, уже подвергается осуждению и т. д. Филарет — совершенный Госуд<арь> Ник<олай> Павл<ович>, та же система, и то же убеждение, и та же сила воли. — Человек гениальный, но в каких тесных рамках! Что мог бы он сделать, если б не следовал этой системе».[177]

И другая крайность — экзальтированное обожание владыки, отношение к нему как к святому. Князь В. Ф. Одоевский, не скрывая иронии, отметил в дневниковой записи от 20 сентября 1864 г.: «В Москве существуют дамы, сами себя называющие *филареточки* и *леонидочки*.[178] Одна из них через два месяца после причастия, данного ей Филаретом, еще чувствует его на языке».[179] Либо — в этом

ды // Основа. № 9; К русским журналам // Сион. № 21. 24 нояб.; Какой бывает вред от монополий? // *РВ*. № 11, и др. Всего в полемике приняли участие до полутора десятка периодических изданий, в том числе и аксаковский «День», где с довольно резкой статьей «Два слова объяснения к ответу “Сиона”» (1862. № 33. 26 мая) выступил и Гиляров.

[175] *Сушков Н. В.* Записки о жизни и времени святителя Филарета, митрополита Московского. М., 1868. С. 138.

[176] *Герцен А. И.* <Предисловие к «Историческому сборнику Вольной русской типографии в Лондоне». Книжка первая. London, 1859> // Собр. соч.: В 30 т. М., 1958. Т. XIV. С. 82.

[177] *Аксакова.* С. 152. См. эту цитату в расширенном виде на с. 41.

[178] *Леонидочки* — почитательницы викария святителя Филарета — преосвященного Леонида (Краснопевкова), епископа Дмитровского в 1859—1876 гг.

[179] Текущая хроника и особые происшествия: Дневник В. Ф. Одоевского 1859—1869 гг. // Литературное наследство. М., 1935. Т. 22/24. С. 185.

же ряду — любование его резкими и остроумными реакциями, когда случалось вторжение в подведомственную ему область духовного управления со стороны светских властей. Так, профессор Московской духовной академии П. С. Казанский 6 февраля 1867 г. сообщал в Кострому своему брату епископу Платону (Фивейскому), что «митрополит вздумал выехать в Успенский собор, в Чудов, к Иверской и что этим случаем воспользовался, чтобы дать выговор обер-полицеймейстеру Арапову, который стал предъявлять требование, чтобы певчие митр<ополита> не пели в приходских церквах, не имея свидетельства от капеллы. Митрополит потребовал его к себе, спросил, что за требование, и когда тот изложил, митрополит сказал: "Это не ваше дело, а вот ваше дело смотреть за дорогою в Москве, я едва шею себе не сломал, — своим-то делом вы и не занимаетесь, — ступайте!"».[180] **(**Несомненно, именно этот нагоняй незадачливому обер-полицеймейстеру, обросший дополнительными слухами и подробностями, впоследствии послужил Н. С. Лескову материалом для одной из наиболее ярких глав (XIII) «Мелочей архиерейской жизни».[181]**)**

Плотина была прорвана за три с половиной месяца до кончины святителя, когда в России всецерковно, и даже — можно сказать без преувеличения — всенародно, праздновалось пятидесятилетие его служения в архиерейском сане. Наконец русская печать могла отдать должное святителю и высказаться о его роли в национальной культуре. Обратимся к этим отзывам, оставив, впрочем, в стороне многочисленные отклики на юбилей и последовавшую вскоре кончину Московского архипастыря, увидевшие свет в духовной периодике, поскольку они, особенно первое время, не выходили за границы эпидейктического, хвалебного жанра и были не лишены известной этикетности, да в них, впрочем, и не ставилась задача глубоко постичь личность Филарета, дать ей объективно-взвешенную оценку.[182]

Так вот, в большинстве столичных газет юбилейные торжества, отмечавшиеся 5 августа 1867 г., были либо вовсе обойдены молчанием, либо удостоены нескольких сухих строк информационного характера, что, несомненно, объясняется идейным ожесточением шестидесятых годов, когда любые упоминания о религиозных реалиях решительно изгонялись со страниц «либерально-прогрессивной» печати. И только три московские газеты откликнулись на это событие по-настоящему.

В «Русских Ведомостях», издававшихся Н. С. Скворцовым, хотя и не было помещено оригинальной передовицы, но ее заменила публикация документа,

---

[180] *Беляев.* Вып. II. С. 126.

[181] Впервые увидела свет как отдельный очерк под названием «Случай с генералом у митрополита Филарета»: *ИВ.* 1880. Т. II, июнь. С. 255—267.

[182] Одно из немногих исключений — очерк А. М. Бухарева (бывшего архимандрита Феодора) «О Филарете, митрополите Московском, как плодотворном двигателе развития православно-русской мысли» (1868), опубликованный, правда, позднее: *ПО.* 1884. Т. I, апр. С. 717—749.

в котором выражалось признание общества за заслуги святителя перед ним, — «Поздравительное письмо Московской Думы».[183]

М. Н. Катков в своих «Московских Ведомостях» поместил сразу две передовые статьи — предуведомительную, опубликованную за неделю до торжеств, и в день юбилея. В первой из них отмечен факт уникальности празднуемого события как необычайно долголетнего: «Со времен первого митрополита на Руси, Св. Михаила, прибывшего в Киев при Владимире Равноапостольном, еще ни один из русских архипастырей не правил Церковию в продолжение столь долгого периода. Не знаем, были ли примеры столь долговременного архиерейства в Православной церкви вне пределов нашего отечества, но если и были, то, конечно, немногочисленные».[184] Говоря об учено-литературных трудах святителя, Катков подчеркивает их насущную востребованность как для *всего* русского общества («По его “Православному катихизису” не одно поколение русских людей изучало веру отцов своих»[185]), так и для христианского — а не только православного — мира в целом («Живой памятник нашего языка и краса нашей литературы, его речи и слова известны во всем христианском мире, вместе с знаменитым именем своего автора. Его “Библейская история” — труд высокой цены, уважаемый не только нашими, но и инославными богословами»[186]). Да и все празднество, по убеждению Каткова, должно выйти за национальные границы («Нет сомнения, что это торжество Русской церкви отзовется и в других православных церквах, где имя нашего маститого архипастыря пользуется столь заслуженною славой»[187]).

Вторая статья, отличающаяся не меньшим эмоциональным накалом, содержит вместе с тем и продуманную концепцию автора-государственника. Начинает ее Катков двумя интереснейшими наблюдениями. Во-первых, в самом юбилейном событии, созвавшим в Москву чуть ли не весь русский епископат, он усмотрел «предвестие обновления нашей церковной жизни» — неожиданно намекая на предпочтительность соборного управления перед синодальным: «Особенно важным, быть может знаменательным, событием этого торжественного дня, — пишет Катков, — был съезд епископов из разных епархий Российской империи, хотя не для совещаний, однако по церковному делу. Явление давно у нас небывалое. Да будет же оно хотя бы отдаленным предвестием обновления нашей церковной жизни, в котором она так глубоко нуждается!»[188] Во-вторых же, Кат-

---

[183] <*Скворцов Н. С.*>. Москва, 5 августа // *РВед*. 1867. 5 авг. № 90. С. 1.

[184] <*Катков М. Н.*>. Москва, 29-го июля // *МВед*. 1867. 30 июля. № 166. С. 2; перепеч. под назв. «К 50-тилетнему юбилею митрополита Филарета»: *Катков М. Н.* Собрание передовых статей «Московских Ведомостей», 1867 год. М.: Изд. С. П. Катковой, 1897. № 166. С. 411—412.

[185] Там же. С. 411.

[186] Там же.

[187] Там же. С. 412.

[188] <*Катков М. Н.*>. Москва, 5-го августа // *МВед*. 1867. 6 авг. № 172. С. 1; перепеч. под назв. «Государственное значение митрополита Филарета»: *Катков М. Н.* Собрание передовых статей «Московских Ведомостей», 1867 год. № 172. С. 427—429.

ков подчеркивает, что главное отличие святителя Филарета перед обществом и Церковью — сама его личность и прожитая им жизнь: «Столь долговременное служение Церкви ознаменовано непрерывным рядом всеми признанных заслуг нашего архипастыря, из коих самая высшая есть его жизнь, есть он сам. Люди оказывают заслуги не только тем, что они делают, но и тем, что они суть. В служении Церкви это имеет особенную силу».[189]

И далее Катков сосредотачивается на выяснении «государственного значения» святителя Филарета: «Издревле у нас святители Церкви были с тем вместе, говоря древним словом, и печальниками земли. Наш славный архипастырь верен этому преданию. При высоком и ясном политическом разумении, живо и крепко всегда принимал он к сердцу интересы России. Его исполненное духовной силы и столь выразительное слово[190] отзывалось на все великое, как скорбное, так и радостное, в жизни нашего Отечества <...>».[191] При этом Филарет, считает Катков, один из тех «подвижников добра и правды», в деяниях которых явлены миру «достоинство и богатство исторической жизни народа <...> его сущность», то, «чем исполняет он свое призвание и в чем заключается сила и оправдание его веры в свое будущее».[192] Более того — Филарет воплощает собою то, «в чем видим преимущество других народов над нашим, если будем искать наши сокровища там, где они действительно находятся», «богатство нашего народа, которое мы инстинктивно чувствуем»,[193] — а именно подвижничество в стяжании Духа Святого. И тут Катков приближается к тем идеям, которые уже в XX в. будут развивать адепты «социального христианства», — о спасительной силе святости для человеческого общежития: «Неужели кто-нибудь может оставаться при мысли, что та великая борьба, которую люди призванные ведут во глубине своего собственного существа, что святой героизм их самоотвержения и духовная высота, которой они достигают, что все это остается бесплодно для окружающей жизни и не отзывается ничем в истории народов? Церковь чтит своих

---

189 Там же. С. 428.

190 П. И. Бартенев, републиковавший эту катковскую передовицу в своем «Русском Архиве» под названием «М. Н. Катков по поводу пятидесятилетнего юбилея Филарета (Из номера 172-го “Московских Ведомостей” 1867 г.)» (*РА*. 1907. Т. III, вып. 12. С. 547—549), к этим словам сделал подстрочное примечание мемуарного характера: «Однажды, еще будучи студентом, пришел я к М. Н. Каткову и застал его за чтением проповедей Филарета. “Учусь у него русской речи“, — сказал он мне» (с. 548). Впрочем, о языке гомилий московского святителя Катков восторженно писал и в своей первой передовице о юбилее: «Проповеди митрополита Филарета, отличающиеся тем высшим красноречием, которое может быть названо красноречием мощной и глубокой мысли, отпечатлевающейся не только в каждом слове, но и в каждом оттенке, в каждом обороте речи, обратили на него всеобщее внимание...» (*Катков М. Н.* Собрание передовых статей «Московских Ведомостей», 1867 год. № 166. С. 411).

191 Там же. № 172. С. 428.

192 Там же.

193 Там же.

подвижников, и народ, из которого они исходят и которому они принадлежат, может также чтить в них своих героев, зиждителей своей силы».[194]

Третья московская газета, отозвавшаяся на юбилей, — аксаковская «Москва». Передовая статья, посвященная этому событию, особенно примечательна тем, что еще, казалось бы, недавно И. Аксаков был настроен по отношению к святителю Филарету довольно непримиримо.[195] Теперь же, на излете эпохи Великих реформ, много передумавший, переживший и внутренне возмужавший Аксаков словно бы кается в умственных грехах и недомыслиях молодости. Известный своей бескомпромиссной честностью и необычайной прямотой, он еще при жизни Филарета пишет статью, словно бы предсказывающую будущую канонизацию святителя. В отличие от несколько скучноватых, педантических передовиц Каткова, она и вскоре за ней опубликованная поминальная статья Аксакова произвели в свое время неизгладимое впечатление на русское общество. Об этом через 15 лет напишет А. С. Суворин в своем «Новом Времени» (уже в связи с другим юбилеем — столетним со дня рождения Филарета): «Живо припоминается нам впечатление, произведенное на русскую публику кончиною митрополита Филарета. Вот что писали тогда в газете "Москва". <...>[196] Эти красноречивые строки, в которых суммируется все лучшее, что было сказано по поводу кончины митрополита Филарета, *как вечерний звон,* возбуждают то чувство, которое было уместно и естественно при погребении знаменитого покойника». И тут же съязвил: «Но так же, как вечерний звон, такие и подобные строки много говорят чувству, но мало разуму».[197]

Задетый за живое Аксаков был вынужден ответить, и он прямо заявил, что его взгляды за прошедшие 15 лет нисколько не изменились: «Величавый образ Филарета, более полувека осенявший Русскую церковь, а с нею и всю Россию,

---

[194] *Катков М. Н.* Собрание передовых статей «Московских Ведомостей», 1867 год. № 166. С. 428—429.

[195] Нам представляется спорной позиция уважаемой исследовательницы О. Л. Фетисенко, которая в этой связи пишет даже, что «Московский святитель в глазах Аксакова был "ответчиком" за все, что не устраивало славянофилов в Православии, называемом "официальным", "историческим", "казенным"» (*Фетисенко О. Л.* Реконструкция одного спора: К. Леонтьев и И. Аксаков о митрополите Филарете // Филаретовский альманах. М., 2008. Вып. 4. С. 192). С этим категоричным утверждением, основанной главным образом на весьма пристрастных мемуарных записях Леонтьева, можно отчасти согласиться, если речь идет о юном Аксакове 1850-х гг., однако в 1860-х и, особенно, позднее Аксаков, безусловно, коренным образом изменил свое отношение к святителю, ярким свидетельством чего и является его передовая статья 1867 г. То же необходимо сказать и об оценке Филарета, приписываемой К. Н. Леонтьевым своему всегдашнему оппоненту Гилярову, для которого якобы «Гамбетта и Герцен больше христиане, чем Филарет» (Там же. С. 187).

[196] Тут приводятся выдержки из статьи Аксакова, опубликованной в № 184 «Москвы» от 21 ноября 1867 г. (см. о ней ниже).

[197] <*Суворин А. С.*>. Столетний юбилей митрополита Филарета // *НВр*. 1883. 9 янв. № 2466. С. 1.

не только не умалился с течением времени, а как будто еще более вырос, *ничем и никем доселе не заслоненный*, — так что даже не вмещается вполне сознанием современников».[198] Поскольку заметка Суворина предваряла публикацию получившей скандальную известность статьи киевского историка Ф. А. Терновского «Митрополит Филарет. Его научное и общественное значение»,[199] Аксаков высказал свое отношение к ней: «Вообще со времени празднования пятидесятилетия святительского служения Филарета 5 августа 1867 г., не много еще ушла вперед оценка его иерархической деятельности <...>. Были, впрочем, попытки на так называемый "строгий суд потомства" в виде отдельных статей, из которых наиболее выдаются статьи о Филарете (г. Ф. Терновского) в "Новом Времени". Но по этим статьям, в которых собраны все тени, все непривлекательные черты его характера (мелочная придирчивость к современным даровитым иерархам — соперникам в красноречии и учености, суровость к подчиненным, страх, внушаемый им особенно белому духовенству, собственная его угодливость (?) пред светским начальством), Филарет выходит человеком, одаренным исключительно силою "формального мышления" и вообще до такой степени ничтожным и мелким, что становится совершенно необъяснимым то нравственное значение, которым он пользовался свыше полувека, не перестает пользоваться и теперь. <...> Хотя г. Терновский[200] и называет статью нашу о покойном митрополите в газете "Москва" 1867 г. как бы "церковным вечерним звоном", вполне соответствовавшим обстоятельствам той минуты (теперь же, по его мнению, наступила пора иная, пора критики и т. д.), однако мы и теперь не признаем в ней лишним ни одного слова. Воспроизводим ее здесь, именно статью по поводу 50-летия святительского служения Филарета, с некоторыми незначительными опущениями».[201]

Далее, процитировав в значительной части свою августовскую статью за 1867 г., Аксаков счел нужным снять с себя возможное подозрение в наведении агиографического глянца: «Как видит читатель, мы не позволяем себе здесь ни сопричислять митрополита Филарета к лику блаженных, как это дерзали чинить даже при жизни некоторые его поклонники; мы не называем его ни "любвеобильным пастырем", ни "человеком сердца", ни светилом науки, ни творческим гением, ни инициатором, ни преобразователем; не прославляем никаких его *великих дел*; напротив, прямо допускаем, что плод мог быть и не обилен, церковная нива заглушена, по-прежнему, тернием. Но мы вместе с тем указываем, что истории придется засвидетельствовать и объяснить обаятельную мощь имени Филарета для современников, и не только для современников, прибавим

---

[198] <*Аксаков И. С.*>. Москва, 17 января: По поводу столетнего юбилея митрополита Филарета // Русь. 1883. 17 янв. № 2. С. 8; перепеч. под назв. «По поводу столетия рождения митрополита Филарета»: *Аксаков*. Т. VII. С. 689—692.

[199] *НВр*. 1883. 9 янв. № 2466. С. 1—2; 10 янв. № 2467. С. 1; 11 янв. № 2468. С. 1.

[200] Тут Аксаков нечаянно приписывает Терновскому авторство редакционной заметки.

[201] *Аксаков*. Т. VII. С. 690.

мы теперь, но и для позднейшего времени — продолжающуюся и поднесь: факт этот не может отрицаться и критиками вроде г. Терновского, но остается совершенно неоправданным и необъяснимым с их точки зрения». И тут же словно бы вторит Каткову: «Не заключалась ли эта мощь обаяния именно в дивном примере неустанно бдящего духа, ни разу себе не изменившего, — в этом, в течение более полувека всегда отверстом, "недреманном", как мы позволили себе выразиться, взоре мысли, — наконец, в этой безукоризненно-строгой, чуждой всякого послабления, высокой жизни?»[202]

Сличение же процитированного Аксаковым текста и исконного, опубликованного в газете «Москва» в 1867 г., свидетельствует как раз о том, что сделанные им «некоторые незначительные опущения» фактически и содержали этот восторженно-эмоциональный призыв к «сопричислению к лику блаженных», от которого Аксаков спустя 15 лет отнекивался. Поскольку текст этой передовой статьи не был включен в посмертное «Полное собрание сочинений» писателя, имеет смысл воспроизвести его полностью (при этом для наглядности фрагменты, исключенные Аксаковым в 1883 г., заключим в квадратные скобки):

> [Нынешний день едва ли не вся Москва снялась и подвиглась к Троице-Сергиевой Лавре, на поклон своему архипастырю. Нынешний день — пятидесятилетняя годовщина возведения в архиерейский сан высокопреосвященного митрополита Московского Филарета.
>
> Всякого непрерывного, на пользу общую, делания пятидесятилетний срок, как необычный, принято и обществом, и государством отличать особым чествованием и наградами, во славу делателя; тем более необычен этот срок на поприще иерархическом, ибо в истории Русской церкви не было еще ни единого примера такой продолжительной архипастырской деятельности...
>
> Мы знаем, конечно, что там, в превыспренней высоте духовного созерцания, для взора, вперенного вечность, исчезает такое обычное деление дней и лет, и не в мере времени полагается цена времени, — но тем не менее земному человеческому естеству все же свойственно прилепляться к этим урочным граням, без которых не мог бы человек и опознаться в пространстве бытия и на которых, как путнику на придорожных пристанищах, удобно ему, задерживая мыслью течение жизни, перевести дух, оглянуться назад на пройденное поприще, пытливо допросить пережитое и совершенное.]
>
> Но о каком же пройденном и еще проходимом поприще идет теперь речь? Какого подвига нагромоздилось полвека? Не о поприще ли святительского служения в полномочии преподанных Церковью даров Святого Духа? Не подвиг ли то молитв, борьбы, духовного совершенствования? Для такого подвига нет человеческого мерила. [Такого поприща вполне доброе прохождение граничит уже со святостью.] Служение Господу не есть служение царям; оно не приемлет здесь мзды; ему судьей только Бог да личная совесть, и между Богом и совестью нет места посторонним ценовщикам. Здесь всякая лесть — кощунство; здесь даже похвала нечестива. Прейдем же, с благоговейным молчанием, мимо этой области духа [и со смирением почтим чужое смирение]...

[202] *Аксаков*. Т. VII. С. 692.

Но есть и другая сторона архипастырского служения — [не одна святая, но и в простом смысле слова полезная; не подвиг только молитвы, не внутренняя только, личная деятельность духа, где безразлично и место и время, — но и] деятельность внешнего правления, вытесненная в условия места и времени. Митрополит Филарет, по своему положению, не только духовный вождь своей паствы... [, но и строитель наружного здания Церкви в ее земном, историческом смысле.] Его попечению поручено не одно отношение душ во вверенной ему Церкви к Богу, но и отношение Церкви к государству, к гражданскому бытию общества верующих. Такая деятельность может и должна подлежать строгому историческому суду, но время для него еще не наступило. Всякая поверхностная оценка такой деятельности была бы теперь неприлична и неуместна, а иная была бы не по силам ни нам, ни вообще современникам. Только история, раскрыв человеческое делание во всем его целом объеме, может беспристрастно поведать, сколько было в этом полувеке многотрудного архипастырского правления борьбы, побед или поражений, что совершено, что не достигло совершения, обилен или не обилен был плод, какие тернии и по чьей вине глушили церковную ниву... Та же история должна будет засвидетельствовать и оправдать обаятельную силу имени митрополита Филарета для его современников.

Пред этою-то бесспорною, вне всякого сомнения и воочию всего русского мира сущею силой, пред этою-то современною нам, живою действительностью мы и преклоняемся с уважением, вместе с целою Россией [, — не предвосхищая дерзостно ни суда Божьего, ни суда потомства]. Полвека светит светильник высокого ума, знания и всем явной жизни на всю Россию, не оскудевая, не померкая, но как бы питаясь приумножением лет и выступая ярче по мере надвижения вечернего сумрака жизни. Полвека, на виду у всех, стоит на страже Церкви огромная духовная сила, охраняющая, *из себя самой почерпаемою властью*,[203] неизменность обычая и целость церковных преданий. Полвека назидаются русские люди дивным примером неустанно бодрствующего духа, — встречает взор их недреманное око мысли. Полвека, и более полувека, раздается художественное важное[204] слово, то глубоко проникающее в тайны Богопознания, то строгою и мощною красотою одевающее разум Божественных истин...

В лице Филарета кафедра Московской митрополии обрела вновь свое древнее *всероссийское* значение — не действием внешних условий, ибо она есть и остается епархиальною, но внутренним действием его личного авторитета. Такое всероссийское значение признается за ним всею Россией, — и не только Россией, но и всем православным миром, — и не только православным миром, но даже и иноверцами, которых все мы видели несущими ему дань нелицемерного уважения.

[Таково чувствуемое в нынешний день историческое явление нравственной мощи духа, которым красуется Церковь, о котором радуется благодарно весь русский народ и вознеслись торжественные моления в храмах, да к накоплению лет приложатся и еще многая и многая лета...][205]

---

[203] *В первопубликации курсива не было.*

[204] *При перепечатке вместо этого слова употреблено*: веское.

[205] <*Аксаков И. С.*>. Москва, 5-го августа // Москва. 1867. 5 авг. № 100. С. 2

Отметим, что хотя в начале Аксаков и отталкивается от содержания катковской передовицы («...в истории Русской церкви не было еще ни единого примера такой продолжительной архипастырской деятельности...»), однако акцент делает все же на ином — не на *государственном* значении филаретовского делания, а на *религиозном* («Такого поприща вполне доброе прохождение граничит уже со святостью»; «...строитель наружного здания Церкви в ее земном, историческом смысле»). В 1880-х гг. этот накал чувств, видимо, показался ему излишне экстатическим, и он кардинально отредактировал статью о юбилее 1867 г.

Кончина святителя Филарета без всякого преувеличения стала событием ошеломляющей силы воздействия на русское общество. Гиляров, как раз в это время основавший свои «Современные Известия», чье имя, как упоминалось, с конца 1870-х гг. вошло в привычку сопричислять к именам Аксакова и Каткова, образуя тем самым некий метафорический «триумвират консерваторов», — писал 21 ноября 1867 г. своему приятелю К. П. Победоносцеву: «А каково событие? Монумент свалился; как-то жутко чувствует себя Москва. Образовалась пустота, в которой неловко. Москва без Филарета — это как-то неловко, непривычно. Любопытно, как пойдут теперь церковные дела, когда рассуждениям и различным мерам уже не предшествует обычный вопрос: а как на это смотрит Филарет?»[206] В событии ухода из жизни Московского первостоятеля современникам виделось подчас нечто эсхатологическое, точно «взят от среды удерживающий теперь» (2 Фес 2: 7), после чего не приходилось надеяться на лучшее; люди простодушно интересовались: «А кто теперь будет у нас *Филаретом*?»

Уже тот факт, что ходили оживленные толки о «тлетворном духе», исходившем от тела покойного и была даже сочинена эпиграмма об этом,[207] говорит, безусловно, о том, что в народном сознании святость Филарета подразумевалась сама собой. (Позднее, как известно, Достоевский, вспоминая это событие, писал сцену прощания с одним из любимейших своих героев — умершим отцом Зосимой в «Братьях Карамазовых» — в черновиках романа есть запись: «NB. По поводу провонявшего Филарета».[208]) Бытовали тревожные слухи и о покушении на святыню — профессор П. С. Казанский 23 ноября 1867 г. сообщал в Кострому своему брату: на лице Филарета обнаружили шрам, пошла молва, что святителя убили; вспомнили, что какой-то юродивый бродяга забегал накануне на подворье.[209] Поражали и совпадения — тот же профессор Казанский отмечал в письме к брату от 19 ноября: «Святитель скончался в один день с императором Александром I, которому обязан своим поставлением на высокое место».[210]

---

[206] *Разумевающие верой*. С. 67.

[207] См. ее текст (со знаковым стихом «Теперь по старшинству произведен в святые») в уже упоминавшемся дневнике князя В. Ф. Одоевского под 28 ноября 1867 г.: Текущая хроника и особые происшествия. С. 237.

[208] *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1976. Т. 15. С. 199.

[209] См.: *Беляев.* Вып. II. С. 164.

[210] Там же. С. 159.

Поэтому и не удивительно, что столь проникновенными были посвященные печальному событию передовицы, опубликованные в газетах московского «триумвирата».

Катков откликнулся двумя поминальными статьями. Первую из них он насыщает мемуарным элементом, вспоминая, в частности, как выглядел Филарет на недавнем своем юбилее («Мы живо помним святителя в этот день. Он предстоял собравшемуся сонму будто жилец другого мира. Изможденное тело его было как бы обликом духовного видения. <...> Его великий ум, обширная память, быстрота и глубина соображения не только не ослабевали с летами, но как бы восходили из силы в силу»[211]) и во время личного общения с ним («Имевшие доступ к нему не забудут впечатлений его речи, всегда мудрой, умевшей восходить и нисходить до всякого разумения, и с годами преклонной старости не старевшей, но приобретавшей как бы бóльшую мягкость и согревавшейся духовною теплотой»[212]). И по-прежнему Катков настаивает на общехристианском значении его личности: «Весть о кончине митрополита Филарета отзовется не только во всех концах России, но и во всех частях вселенской Восточной церкви. Россия лишилась в нем одного из преданнейших сынов своих, Русская церковь — знаменитейшего из своих иерархов, Церковь вселенская — одного из твердых столпов своих».[213] Интересна парадоксальная, на первый взгляд, мысль, высказанная Катковым: с одной стороны, святитель Филарет «был крепкий хранитель, — хранитель по преимуществу, остерегавшийся касаться даже того, что застеняет [214] красоту и славу хранимого», с другой — «вполне принадлежа» своей эпохе, «он духом своим возвышался над временами, и разум его не был пленен ни в какую тесноту», «на высотах своего разумения он усматривал относительное значение всех явлений в христианском мире как в пределах, так и за пределами Православной церкви».[215]

Спустя девять дней Катков снова публикует передовицу памяти усопшего святителя, в которой развивает образ метафизической какой-то пустоты, всеобъемлющего сиротства, живо чувствовавшихся многими в то время:[216] «И не в одной Лавре долго будет ощущаться пустота, оставленная этим погребением».[217] Пожалуй, первый именно Катков заговорил о насущности обнародова-

---

[211] <*Катков М. Н.*>. Москва, 20-го ноября // *МВед*. 1867. 20 нояб. № 255. С. 1; перепеч. под назв. «Кончина митрополита Филарета»: *Катков М. Н.* Собрание передовых статей «Московских Ведомостей», 1867 год. № 255. С. 665.

[212] Там же.

[213] Там же. С. 666.

[214] *Застеняет* — заслоняет, скрывает (*цркслв.*).

[215] *Катков М. Н.* Собрание передовых статей «Московских Ведомостей», 1867 год. № 255. С. 666.

[216] Ср. опубликованную ранее поминальную статью Аксакова (см. о ней ниже) и процитированное выше письмо Гилярова к Победоносцеву.

[217] <*Катков М. Н.*>. Москва, 29-го ноября // *МВед*. 1867. 30 нояб. № 262. С. 1; перепеч. под назв. «По поводу погребения митрополита Филарета»: *Катков М. Н.* Собрание передовых статей «Московских Ведомостей», 1867 год. № 262. С. 683.

ния и усвоения литературного наследия Филарета во всем его объеме: «Отныне он становится неистощимым предметом изучения, которое не преминет внести новые силы в наше сознание, в наше просвещение. Прошедшая жизнь великого ума, следившего за всем, на все отзывавшегося и во всем принимавшего участие, снова вступит в действие для созерцающей мысли и разумения».[218] Завершается статья публикацией тогда еще малоизвестного поэтического диалога Пушкина и Филарета 1828—1830 гг., позволившего Каткову сказать: «В каких чудных, неувядающих чертах запечатлелся здесь облик ныне оплакиваемого иерарха!»[219]

Для Аксакова в его поминальной передовице — именно той, которую частично через 15 лет воспроизвел в «Новом Времени» Суворин, — святитель Филарет прежде всего воплощение и средоточие идеального национально-русского начала (при этом Аксаков вполне демонстрирует свое недюжинное поэтическое дарование): «Упразднилась сила, великая нравственная общественная сила, в которой весь русский мир слышал и ощущал свою собственную силу <...>. Без этой силы, без этой славы какая пустота силы и славы почувствуется внезапно в Москве, да и во всем русском церковном мире! Кафедра Московского митрополита может, конечно, быть и будет занята; но место, которое занимал Филарет, пребудет пусто».[220] И столь же афористично и ярко выражает свою мысль о величии личности святителя, о ее эпохальной значимости: «В течение целого полустолетия Русской церкви ее представитель, предстатель и предстоятель (не вследствие внешних условий своего места и звания, а действием личного внутреннего достоинства), в течение же полувека был он и “свидетельствуяй” о ней пред всей Европой, пред всем миром инославным... Сходит в могилу целая историческая эпоха, — на смену ей движется эпоха новая <...>».[221]

Не удивительно, что профессор П. С. Казанский 23 ноября 1867 г. писал брату-архиерею: «Из передовых статей напечатанная в газете “Москва” Аксаковым отличается большею силою и впечатлением».[222] Впрочем, в других «широкоформатных» столичных газетах вовсе обошлись без передовых статей, посвященных кончине Филарета, в лучшем случае ограничиваясь более или менее тщательной перепечаткой материалов «Московских Ведомостей» (иногда и церковной периодики).[223] Выделяется, пожалуй, на этом фоне лишь «Голос» А. А. Краев-

---

[218] *Катков М. Н.* Собрание передовых статей «Московских Ведомостей», 1867 год. № 262. С. 683.

[219] Там же. С. 684.

[220] Москва, 21-го ноября // Москва. 1867. 21 нояб. № 184. С. 1; перепеч. под назв.: 1) «По случаю кончины митрополита Филарета»: *Аксаков.* Т. V. С. 609—610; 2) «И. С. Аксаков о кончине митрополита Филарета. (Из газеты “Москва” 1867 г.)»: *РА*. 1907. Т. III, вып. 12. С. 549—550.

[221] *Аксаков*. Т. V. С. 610.

[222] *Беляев.* Вып. II. С. 161.

[223] См., например: *РВед*. 1867. 21 нояб. № 136; 23 нояб. № 137; 25 нояб. № 138; 28 нояб. № 139 (всюду: С. 1—2); *СПбВед*. 1867. 23 нояб. № 324. С. 2.

ского, где была помещена оригинальная корреспонденция (впрочем, в ряде мест текстуально близкая к передовицам Каткова) с упором, как и у Аксакова, на национальное значение почившего святителя: «Он был русский в душе, русский по помыслам, русский по делам».[224]

Последним из «триумвирата» москвичей откликнулся на кончину Филарета Гиляров[225] — и по вполне понятной причине: его газета «Современные Известия» начала выходить только в декабре 1867 г. (потому, кстати, он не писал и о юбилее) — этой передовой статьей и начинается самый первый номер издания, поскольку имелась тому и формальная причина: 1 декабря — день тезоименитства Филарета. Гиляров, с одной стороны, развивает некоторые суждения и образы своих собратьев по перу, с другой — подчас их переосмысливает и оспаривает. Причем в полной мере демонстрирует здесь высоко ценимый современниками свой талант философа-публициста и художника слова, согретого сердечной мыслью.[226]

Начинается статья с того же эмоционально емкого образа *пустоты*, оставленной после себя великим человеком, что встречался у Аксакова: «Смерть замечательных деятелей оставляет после себя пустоту...», — которую, убежден Гиляров, поначалу принципиально невозможно заполнить сколько-нибудь взвешенной оценкой современников: «Мы не можем отрешиться от того, в чем сами живем, и потому не можем произнести ясного суждения».[227] Однако, перечисляя далее имена таких выдающихся церковно-государственных деятелей, как святитель Димитрий Ростовский, архиепископ Феофан (Прокопович), митрополит Платон (Левшин), даже более близких по времени — митрополита Евгения (Болховитинова) или святителя Иннокентия (Борисова) и др., — Гиляров пишет о них, противопоставляя им Филарета: «Не затруднимся оценкою <...> для всех, не долго блуждая, отыщем место, которое должны они занять в истории».[228] И тут он противопоставляет аксаковскому афоризму о Филарете как представителе своего времени, возвышавшемся над ним, — свой: «Он не был представителем эпохи; он сам и был эта эпоха; он не выражал свое время, а ру-

---

[224] <*Без подписи*>. Кончина Филарета, митрополита Московского (корреспонденция «Голоса») // Голос. 1867. 22 нояб. № 323. С. 2.

[225] О его непростых взаимоотношениях со святителем см. главу 1.3, а также нашу статью «История одного увольнения (Митрополит Филарет и Н. П. Гиляров-Платонов в 1855 году)»: Филаретовский альманах. М., 2008. Вып. 4. С. 158—183.

[226] Уже приводилась оценка Аксаковым присланной ему Гиляровым для публикации в «Руси» статьи «Откуда нигилизм?» (в письме от 26 ноября 1884 г.): «Ваша статейка — это [брю<ссельские>] алансонские тончайшие кружева, и как Вы хотите, чтоб я этой многоценной тончайшей кружевной работе мысли, к которой не знаю человека способнее Вас (и которая совершенно непригодна для тем практических), не дал места?» (*Аксаков в письмах*. Т. III. С. 444; уточнено по автографу: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 13. Л. 30).

[227] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Внутренние известия // *СИ*. 1867. 1 дек. № 1. С. 2; перепеч. под назв. «Филарет, Митрополит Московский»: *Сб. соч*. Т. II. С. 435—439.

[228] Там же. С. 436.

ководил время».[229] Гиляров усиливает и другое встречавшееся у Аксакова суждение, — что святитель Филарет находился во главе церковного управления «не саном своим или местом служения, а исключительно влиянием своей нравственной силы».[230]

Столь же мастерски публицист-философ отталкивается от высказывания Каткова о всегдашней насущной потребности филаретовских творений для всего русского общества, а не для одного духовного сословия.[231] Он парадоксально заостряет свою мысль: «Нужды нет, кто из нас выработался своим воспитанием: ханжа, нигилист или здравомыслящий христианин. Все мы приняли первоначальное учение веры по книгам Филарета; все имели учителей, еще полнее воспитавшихся под влиянием воззрений того же высшего учителя. Так или иначе, прямо или косвенно, усвоением или противодействием, сознательно или бессознательно, но все мы отнеслись к направлению, данному Филаретом, стоим с ним в связи и от него зависим».[232] Еще один виток мысли — и новый, на первый взгляд, парадокс: Гиляров восстает против неумеренной хвалы в адрес почившего, справедливо полагая, что «восхваление личных достоинств, если они дарованы от природы, всегда основано на недоразумении и заключает в себе некоторую безнравственность: недозволительно хвалить никого из людей за то, в чем можно видеть только славу Божию; хвалить человека можно только за то, что принадлежит самому человеку, что есть плод свободного употребления дарованных сил».[233] Но и в этом проявилась уникальность Филарета, о котором нельзя сказать традиционное: «Добрый семьянин, сострадательный человек, приятный собеседник, верный друг...», ибо «напрасно стали бы мы искать у него того разделения жизни на официальную и конфиденциальную, которая столько нам всем свойственна».[234] Гиляров подытоживает: «Он был епископ с утра до вечера и от вечера до утра».[235] (П. С. Казанский и другие современники восхищались этим определением. Он писал брату 7 декабря 1867 г., цитируя по памяти: «У Гилярова в первой статье его газеты есть одна очень удачная фраза: “Он был епископ с утра до вечера и с вечера до утра”».[236])

Завершается статья по законам кольцевой композиции, ее автор снова возвращается к вопросу о возможности оценить такое «необыкновенное историческое явление», каковым являлся Филарет: «Не оценке теперь время или попыткам

---

[229] *<Гиляров-Платонов Н. П.>*. Внутренние известия. С. 436. Это выражение гиляровской статьи, как и ряд других, сразу же стало крылатым.

[230] Там же. С. 436—437.

[231] См.: *Катков М. Н.* Собрание передовых статей «Московских Ведомостей», 1867 год. № 166. С. 411.

[232] *Сб. соч.* Т. II. С. 437.

[233] Там же.

[234] Там же. С. 437, 438.

[235] Там же. С. 438.

[236] *Беляев.* Вып. II. С. 179.

восстановить его целый образ, а воспоминаниям частностей, а приведением в известность, по возможности, всего, что им сделано, написано, сказано».[237] Иными словами, тут между прочим — вслед за Катковым — ставится задача издания Полного собрания творений святителя (не решенная и по сей день). Концовку, возможно тоже по примеру Каткова, Гиляров делает поэтической, приводя текст знаменитого (к тому времени, правда, напечатанному лишь единожды[238]) переложения Филаретом с греческого оригинала «Увещательной песни» св. Григория Богослова и отмечая в нем три необходимые составляющие, возводящие поэтическое моление на высоту настоящего искусства: «художественную красоту», «верность подлиннику» и «силу молитвенного возношения».[239]

Столь, казалось бы, высокие и вовсе не свойственные светской печати, особенно же в 1860-е гг., оценки церковного деятеля тремя московскими консерваторами (причем далеко не единомышленниками по весьма многим общественно-религиозным и политическим вопросам), проницательно определившими должное место в национальном сознании своему великому старшему современнику, — вполне оправдались впоследствии, и особенно зримо в первый посмертный юбилей святителя Филарета, приуроченный к столетию со дня его рождения, — в январе 1883 г.[240] Тем более что, как свидетельствовал Аксаков в своей вышецитированной передовице, инициатива его устроения исходила от представителей духовного сословия, казалось бы наиболее настрадавшегося от бывшего владыки (тут Аксаков имел в виду упоминавшуюся «обличительную» статью Терновского). Он задавался вопросом: «Да и как понять, почему то самое духовенство, которое, судя по упомянутым статьям, должно бы питать к его памяти чуть ли не злобу, вспоминает о нем чуть не с благоговением и по *собственному* почину (а вовсе не почину начальства) затеяло празднование столетнего юбилея?»[241]

Редакторы трех крупнейших к тому времени русских консервативных газет — Катков, Аксаков и Гиляров, — чьи имена тогда нередко произносились вместе, не могли не откликнуться на это событие. Оставляем за рамками настоящей работы подробный разбор их печатных выступлений, кратко упомянем лишь самое основное.

Катков напечатал сразу три передовицы, посвященные юбилею: в двух из них он продолжил свой экскурс в филаретовское «учение о государственной мудрости», сделав довольно обширную выборку из творений святителя и настаивая на все возрастающей актуальности этих его суждений для решения узловых

[237] *Сб. соч.* Т. II. С. 438.
[238] *ДЧ.* 1867. Ч. III, сент. С. 34—35.
[239] *Сб. соч.* Т. II. С. 439.
[240] Поначалу было принято решение устроить торжество 26 декабря 1882 г., но позднее его перенесли на 9 января 1883 г.
[241] *Аксаков.* Т. VII. С. 690.

проблем русской жизни,[242] и инициировал тем самым сходную по задаче работу В. В. Назаревского «Государственное учение Филарета, митрополита Московского» (М., 1883; 3-е изд., вновь доп.: 1888). Третья, предельно резкая, передовая статья написана по поводу статьи Терновского, который, по выражению Каткова, «приберег к юбилейному дню Филарета запас камердинерских анекдотов». Публицист восклицает: «Зато какое должно быть одичание чувства, чтобы на тожество в память всеми уважаемого деятеля явиться с нечистотами».[243]

О юбилейной статье Аксакова в «Руси» 1883 г. говорилось выше. Отметим только, что, помимо полемики с Терновским и перепечатки извлечений из своей передовицы о юбилее 1867 г., в этой аксаковской статье с еще большим убеждением звучит мысль о том, что место святителя «пребудет пусто», а время его оценке не пришло: «Величавый образ Филарета, более полувека осенявший Русскую церковь, а с нею и всю Россию, не только не умалился с течением времени, а как будто еще более вырос, *ничем и никем доселе не заслоненный*, — так что даже не вмещается вполне сознанием современников. Действительно, для него еще не наступила пора полной исторической оценки; нужно еще более подвинуться в даль времен для верности перспективы; нужно всестороннее раскрытие не одной его личной, но и государственной, и общественной жизни России того долгого ряда лет, в течение которых неустанно бодрствовал <...> дух знаменитого иерарха».[244]

И, наконец, Гиляров, ранее всех откликнувшийся на предстоящий юбилей, опубликовал три аналитические статьи о Филарете, насыщенные интересными мемуарными свидетельствами. И если в первой из них[245] он только развивает основные положения своей поминальной статьи 1867 г. (например: «Если уже архиерей, то отнимается от него право быть частным человеком <...>»;[246] «...каждая строка Филарета должна быть издана»[247]), то две другие статьи[248] по-

---

[242] <*Катков М. Н.*>: 1) Москва, 24 декабря // *МВед*. 1882. 5 дек. № 357. С. 2—3; перепеч. под назв. «Столетний юбилей митрополита Филарета»: *Катков М. Н.* Собрание передовых статей «Московских Ведомостей», 1882 год. М., 1898. № 357. С. 672—678; 2) Москва, 8 января // *МВед*. 1883. 9 янв. № 9. С. 3 (не перепечатывалась).

[243] <*Катков М. Н.*>: 1) Москва, 12 января // *МВед*. 1883. 13 янв. № 13. С. 2; перепеч. под некорректным назв. «Годовщина кончины митрополита Филарета»: *Катков М. Н* Собрание передовых статей «Московских Ведомостей», 1883 год. М., 1898. № 13. С. 20.

[244] *Аксаков*. Т. VII. С. 689.

[245] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 6 декабря // *СИ*. 1882. 7 дек. № 338. С. 1—2; перепеч. под назв. «Столетие со дня рождения митрополита Филарета»: *Вопросы веры и церкви*. Т. II. С. 325—329.

[246] Там же. С. 327.

[247] Там же. С. 328.

[248] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>: 1) Москва, 24 декабря // *СИ*. 1882. 25 дек. № 356. С. 2—3; 2) Москва, 9 января // Там же. 1883. 10 янв. № 9. С. 2; обе перепеч. под тем же назв. «Столетие со дня рождения митрополита Филарета»: *Вопросы веры и церкви*. Т. II. С. 332—337.

священы воссозданию некоторых черт личности святителя, в том числе и довольно непривлекательных.

Отметим, что та статья, что увидела свет в конце декабря, на наш взгляд, как раз и дала толчок Терновскому для написания его обширного очерка для «Нового Времени». Совпадения разительны. Гиляров: «...Филарет был совершенно лишен того, что называют “инициативой”. <...> Он веровал во власть, признавал обязанным ей покоряться, не только за страх, но и за совесть <...>».[249] Терновский: «Митр<ополит> Филарет правительственной инициативы вовсе не имел и потому не только не тяготился указаниями высшей власти, но всегда робко и послушно искал, на что бы опереться в своих распоряжениях».[250] Порой Терновский спорит с Гиляровым, не называя своего оппонента. К примеру, пишет: «...при раздаче мест владыко <*так!*> Московский был довольно свободен от нередкого у архиереев *непотизма*, т. е. пристрастия к племянникам и другим родственникам»,[251] тогда как Гиляров свидетельствовал: «Его обвиняли, что он усиленно выводил своих родственников, раздавая им места по епархии».[252] Однако в целом, безусловно, пером последнего двигало стремление разобраться и понять реальную противоречивость великого человека, его статьи всё же исполнены любви и подчас горечи сожаления, — например, в связи с излишней осторожностью Филарета: «...при необыкновенных дарованиях и властном положении, до которого никто из иерархов новейшего времени не достигал, он не сделал многого для внешнего положения Церкви, чего именно от него позволительно было бы ожидать».[253] В то же время в очерке Терновского слишком чувствуется ожесточение автора, и потому его произведение не лишено пафоса рассчитанной на скандал разоблачительности, переходящей в некоторое даже злорадство.

И Аксаков, и Гиляров в своих статьях, приуроченных к столетнему юбилею, писали о насущной нужде в тщательном изучении биографии Филарета, не исключая и таких ее сюжетов, как, например, «борьба его, Московского митрополита, ныне чествуемого и празднуемого, с гусарским полковником, обер-прокурором Синода» (отсюда чисто славянофильское умозаключение: «Филарет и граф Протасов! Одно это сопоставление характеризует вполне петербургский период нашей истории и дает ключ к разрешению многих недоумений <...>»[254]). При этом Гиляров настаивал на необходимости биографии научной, а «не только риторического упражнения»,[255] созданного в панегирическом жанре.

Понятно, что в тот период — после цареубийства (1881 г.) — подобные призывы не всем представителям власти казались благовременными. Так, 8 декаб-

[249] Там же. С. 333.
[250] *НВр*. 1883. 10 янв. № 2467. С. 1.
[251] Там же.
[252] *Вопросы веры и церкви*. Т. II. С. 334.
[253] Там же. С. 335.
[254] *Аксаков*. Т. VII. С. 689—690.
[255] *Вопросы веры и церкви*. Т. II. С. 334.

ря 1882 г. синодальный обер-прокурор К. П. Победоносцев писал профессору Московской духовной академии Н. И. Субботину (реагируя на самую первую, вполне еще «невинную» статью Гилярова): «В Москве газеты пошли болтать о юбилее митр<ополита> Филарета. Оставили бы имя это в мире. Вот, вчера и Никита Гиляров подал с пылу статью свою. По мнению моему, не время пускать имя Филарета в полемику».[256]

Тем не менее, подходы к изучению жизни и трудов Филарета, заложенные в прочувствованной публицистике московского «триумвирата» консерваторов, к счастью, оказались востребованными отечественной филаретикой, особенно же начиная с XX столетия;[257] их учет может быть полезен и в наши дни.

2.5. Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ, И. С. АКСАКОВ, Н. С. ЛЕСКОВ И ДР.: ПРЕОДОЛЕНИЕ «ВЕРОИСПОВЕДНОЙ КСЕНОФОБИИ» ПО ОТНОШЕНИЮ К СТАРООБРЯДЧЕСТВУ (1860—1880-е)

К середине XIX в., к периоду либеральных реформ Александра II, в России сложилась парадоксальная ситуация в вероисповедной области. И из правительственных кругов, и из разных партийных кружков, от радикальных до охранительных включительно, то и дело исходили призывы к религиозной толерантности по отношению ко всем исповеданиям, даже достаточно далеким от господствующего православия (к иудаизму, буддизму, исламу, шаманству и др.), но только, как правило, не к тому явлению русской духовной жизни, которое было принято называть канцелярски корявым выражением «раскол старообрядства» и которое произрастало из единого корня с верой, поставленной в империи в наиболее привилегированное положение.

Сторонники такой дискриминации подчас и оправдывали себя, как это ни странно, тем обстоятельством, что староверие слишком родственно православию и приверженцев древлего благочестия вообще нельзя считать исповедниками особой веры. Так, бывший старообрядец, известный игумен Парфений (Аггеев) напрочь отказывал своим прежним единоверцам в религиозном статусе их духовных воззрений. Он писал в 1868 г., споря с Ив. Аксаковым: «Да разве раскол есть вера? Есть вера языческая, вера еврейская, вера магометанская, вера армянская, вера католическая, вера протестантская; эти веры терпимы в государстве, а раскол не есть особая вера, но семейный *раздор* и политические идеи, а не вера другая. А раздор необходимо усмирять гражданскою властью».[258]

---

[256] *Марков В. С., <прот.>*. К истории раскола-старообрядчества второй половины XIX столетия: Переписка проф. Н. И. Субботина, преимущественно неизданная, как материал для истории раскола и отношений к нему правительства (1865—1904 гг.). М., 1914. С. 298.

[257] См., например, большинство материалов сборника «Филарет, митрополит Московский: 1867 — 19 нояб. — 1917: К годовщине пятидесятилетия со дня блаженной кончины Филарета, митрополита Московского» (Сергиев Посад, 1918).

[258] *СИ*. 1868. 11 марта. № 69. С. 2.

Подобными публичными выступлениями оправдывались правительственные гонения, в обществе же искусственно поддерживалась вероисповедная ксенофобия. Однако при этом ни усилия проповедников-миссионеров, ни полицейские меры никак не способствовали разрешению проблемы — ни полюбовному, ни насильственному. Это тем более удивительно, что, казалось бы, к гонимым и отверженным, даже и к явным преступникам, должны естественным образом возникать жалость и сострадание. Но литература 1860—1870-х гг. в какой-то мере, можно сказать, навязывала обществу эту нетерпимость по отношению к значительной части русского народонаселения.

Крупные писатели мало интересовались темой старообрядчества. А. И. Герцен и его последователи, поначалу делавшие ставку на возможные социалистические и антицерковные инстинкты угнетаемых в течение двух веков соотечественников, довольно скоро махнули на них рукой. Сами же старообрядцы быстро разочаровались в своих защитниках, революционизировавших раскол, вроде казанского профессора А. П. Щапова. Как позже писал Лесков в своей статье «Народники и расколоведы на службе» (1882), староверы, «увидав, что их предков хотят представить политическими неслухами и “умыслителями”, — смутились».[259]

Так в обществе эпохи великих реформ исподволь установилась репутация староверов как косной и невежественной массы, противящейся своей эмансипации, да и недостойной ее, как и не стоящей сочувствия и гуманного к себе отношения. В литературе такой взгляд на старообрядчество поддерживался двумя основными способами.

Во-первых, *публицистическим шаржем* — предвзятым изображением нравственного состояния его видных представителей. Особенно тут постарался специализировавшийся на этой теме литератор Ф. В. Ливанов. Его известное четырехтомное сочинение «Раскольники и острожники» (СПб., 1868—1873) представляет собой впечатляющую, хотя и явно тенденциозную картину морального разложения в среде староверов и сектантов. Причем автор предпочитал изображать шокирующие черты из быта, если воспользоваться протасовской классификацией 1842 г., «вреднейших сект» (духоборцев, молокан, скопцов, хлыстов и беспоповцев, отвергающих брак и моление за царя), создавая впечатление, что все староверы, даже представители так называемой «менее вредной» поповщины, имеют какое-то внутреннее повреждение, неискоренимое влечение к пороку. Гиляров справедливо писал: «...Ливанов готов был видеть (да и искал) в каждой без исключения ветви раскола гнездо обыкновенных уголовных преступлений против общего права <...>».[260]

Чтобы сострадать непривлекательным «темным личностям», по-видимому вполне справедливо преследуемым государственной машиной, конечно, нужно какое-то особое усилие над собой, душевный надрыв. А вот чувство опасности и брезгливой неприязни персонажи Ливанова порождали легко. Однако следует

[259] *Лесков Н. С.* Собр. соч.: В 11 т. М., 1958. Т. 11. С. 40.
[260] *Сб. соч.* Т. II. С. 196.

отметить, что именно такое незаслуженно грубое отношение в обществе к староверам как к изгоям могло по контрасту вызывать в них самих переживание одновременного сопребывания и в настоящем времени, и в героической эпохе первохристианства. Гиляров описывал в одной из передовых статей 1870 г. психологический механизм такого явления, цитируя полицейский протокол: «...испытываемое преследование внезапно возвышает дух преследуемого, и он, воображая себя на месте древних мучеников, начинает сам говорить языком древних Четиих-Миней: "Придохом пред мучителя и глаголахом ему. Он же отвещав рече..." И это о становом приставе или квартальном надзирателе, в которых на сей раз прозревается изувером какой-нибудь *епарх* или *претор* времен Диоклетиана!»[261]

Во-вторых, некоторые талантливые писатели не избежали того, что можно назвать *художественной дискредитацией* старообрядчества. Тут прежде всего должна идти речь о П. И. Мельникове-Печерском. Он прошел путь от чиновника особых поручений Министерства внутренних дел по искоренению церковного раскола до либерально-снисходительного покровителя его в своей публицистике. Однако его художественная рефлексия — и в «рассказе из раскольничьего быта» «Гриша» (1861), и в дилогии «В лесах» (1871—1874) и «На горах» (1875—1881) — оказывалась в целом однозначно полемической по отношению к старообрядцам, образы которых получались и утрированно тенденциозными, и порой психологически упрощенными. В свое время богослов М. М. Тареев не случайно в своей статье «Типы религиозно-нравственной жизни» (1902) низший из этих типов, когда религия для человека — только «одно из ценных средств достижения земных целей, удовлетворения земных страстей», иллюстрировал образом центрального персонажа дилогии чревоугодника и сладострастника Патапа Максимыча Чапурина, у которого под «прозрачным покрывалом уставной чинности мятутся и клокочут сердечные страсти в первобытной несдержанности, в широком разгуле <...>».[262] Современный же исследователь М. М. Дунаев прямо заявлял, что Мельников-Печерский «осмыслял истину» бытия церкви «опосредованно» — через отрицание «антицеркви», т. е. «жизни староверов и сектантов».[263] Та же мысль, но с иным акцентом, апологетическим по отношению к старообрядчеству, проходит красной нитью через работы В. В. Боченкова.[264]

---

[261] *СИ*. 1869. 14 апр. № 102. С. 2.

[262] *Тареев М. М.* Основы христианства. 2-е изд. Сергиев Посад, 1908. Т. IV: Христианская свобода: Система религиозной мысли. С. 8.

[263] *Дунаев М. М.* Православие и русская литература: В 6 ч. 2-е изд., испр. и доп. М.: Христиан. лит., 2003. Ч. IV. С. 397.

[264] *Боченков В. В.* 1) «Писатель с некоторым пристрастным отношением к расколу»: Особенности создания художественного характера старообрядца в произведениях П. И. Мельникова (Андрея Печерского) // Старообрядчество в Тверском крае. Прошлое и настоящее: Материалы круглого стола, состоявшегося в Тверском гос. ун-те 16 февраля 2007 г. Тверь; Ржев, 2007. С. 65—72; 2) П. И. Мельников (Андрей Печерский): мировоззрение, творчество, старообрядчество. Ржев, 2008.

Вместе с тем нельзя не отметить, что уже в произведениях Мельникова-Печерского, как и в рассказе Лескова того периода «Запечатленный ангел» (1873), возникли и противоположные тенденции в постижении старообрядчества литературой — сочувственного воспроизведения ярких, самобытных личностей, не порабощенных мертвой догмой, и эстетического любования духовными ценностями этого обособленного мира — древней иконописью, легендами, поверьями, песнями, обрядами, традиционными праздниками.[265] Эта освежающая фольклорная струя в романах Мельникова-Печерского во многом восполняет недостаток художественной искренности, идущий от предвзятого замысла во что бы то ни стало сорвать маску с раскольников, уличив их в ханжестве или лицемерии, нередко гипертрофированных.

Все это уже подготавливало следующий этап в осмыслении феномена старообрядчества в русской литературе, пришедший на смену *обличительно-публицистическому*, — его можно назвать *философским*. В первой половине 1880-х гг. эта тема становится одной из основных в публицистике Н. С. Лескова и Гиляров; не последнее место занимает она и в творчестве И. С. Аксакова, друга Гиляров на протяжении тридцати лет.

Аксаков, как известно, в начале 1880-х гг. давал место в своей газете «Русь» неоднозначным по своей оригинальности в постановке острых вопросов, а нередко и недопустимо скандальным в глазах его единомышленников статьям Вл. Соловьева о Русской церкви, в чем сам потом печатно каялся. Однако еще до того, публикуя в сентябре—октябре 1882 г. статью мыслителя «О церкви и расколе» (позднее она была переработана и получила название в «О расколе в русском народе и обществе»), Аксаков видел в критическом осмыслении Соловьевым взаимоотношений церкви и старообрядчества не «обличение нечестивое», а «ту ревность о чистоте идеала, которая негодует о всяком пятне, помрачающем его внешний образ».[266]

Кроме того, Аксаков усматривал заслугу Соловьева в том, что тот нисколько не затенял, а, напротив, выставлял на вид в качестве достоинств «приверженность к старому обряду», «крепкую связь старообрядцев с национальною *историческою* почвой», «протест против жестоких гонений, воздвигнутых против них не по разуму Христову усердными радетелями “господствующей” церкви». А их «неправда, — утверждал Аксаков, — в том, что не Духу Животворящему, а букве мертвящей воздали они Божеские почести; что превыше вселенскости, кафоличности церкви — единой во времени и пространстве, в которой нет ни старого, ни нового, ни местного, но лишь вечное и истинное — превознесли они

[265] См. об этом: *Булгаков В. И.* К вопросу о фольклоризме романа Мельникова-Песчерского «В лесах» // Языкознание и литературоведение. Ростов н/Д, 1972. С. 54—60; *Фодор Е.* Староверы и русская литература (П. И. Мельников-Печерский, Н. С. Лесков) // Romanoslavica. 1994. <Vol.> 31. С. 81—88.

[266] *Аксаков И. С.* По поводу статьи В. С. Соловьева «О церкви и расколе» // *Аксаков И. С.* Отчего так нелегко живется в России? М., 2002. С. 812.

начало *старины* и *племенное* начало, и от сих человеческих начал поставили в зависимость действие Божественной благодати...»[267]

Аксаков уверен, что «еще никогда в нашей литературе вопрос о расколе <...> не был поставлен так верно и правильно, и на той высоте созерцания, откуда обнимаются взором все его стороны и широко раздвигаются облегающие этот вопрос так тесно внизу горизонты времени и места».[268] Эти и последующие похвалы работе Вл. Соловьева не самоценны — они подчинены нравственно-практической задаче вероисповедного объединения нации. Его работа, считает Аксаков, — вызов, который не должен остаться без ответа. Он вопрошает: «И в самом деле — не настала ли уже пора? Не знаменует ли сам Господь ниспосылаемыми нашей земле испытаниями время благопотребно для упразднения нашей братской розни, для восстановления нашего единства церковного <...>».[269] И далее описывает ревнителей древлего благочестия совсем не так, как еще недавно это делали Ливанов и Мельников-Печерский: «Все мы жалуемся на оскудение в нас церковного духа, все толкуем о необходимости оживления его, о подъеме... Но возможно ли это, когда столько миллионов наших братьев, и едва ли не из лучших сынов русского народа по благочестию и строгости нравов, по крепости духа, по верности отеческим, народным, историческим преданиям — разъединены с нами?..»[270]

Фактически в публицистике Аксакова создается художественно убедительный образ некоего нового блудного сына, трагедия которого состоит в том, что он и вернулся бы в отчий дом, однако, с одной стороны, его не ждут отчие объятья, а с другой — он сам никак не может увериться, что «как бы ни была велика мерзость запустения на *месте святе*, самое место оттого не менее свято и не перестает быть святым».[271]

Не удивительно, что именно в «Руси», как бы в продолжение этих рассуждений Соловьева и Аксакова, увидели свет два очерка Гилярова: мемуарный «Урезанный документ» (1884) и философский «Логика раскола» (1885). В первом из них автор вспоминает историю изъятия митрополитом Московским Филаретом (Дроздовым) резолюции его предшественника, авторитетного в вопросах раскола иерарха, митрополита Платона (Лёвшина), о бесполезности полемики со старообрядцами («Церкви Христовой пастырю, и самому просвещенному, невозможно иметь с раскольниками прение и их в заблуждении убедить»[272]). Это категоричное мнение опиралось на ту самоочевидную истину, что нельзя прийти к согласию, если спорящие исходят из несхожих начал. Но такое мнение противоречило церковной политике 1850-х гг., действовавшей только посредством односторонних обличений и репрессий.

---

[267] *Аксаков И. С.* По поводу статьи В. С. Соловьева «О церкви и расколе». С. 812—813.
[268] Там же. С. 813.
[269] Там же. С. 814.
[270] Там же. С. 815.
[271] Там же. С. 812.
[272] *Из пережитого*. Т. 2. С. 187.

В суть проблемы, в этом очерке представленной *художественными* средствами, Гиляров уже *аналитически* углубляется в статье «Логика раскола» (1885), написанной в форме писем к И. С. Аксакову (их всего четыре), — может быть, лучшем философском этюде, выясняющем, по слову автора, «физиологию» русского раскола. Тут важно учесть, что интерес к нему был как у автора, так и у его корреспондента далеко не поверхностный: они и сдружились во многом благодаря общности взглядов на этот предмет. Аксаков, как известно, в 1848 и 1851 гг. был командирован, соответственно, в Бессарабскую и Ярославскую губернии и в результате этих поездок составил ряд служебных записок о положении там раскольников. Гиляров же, как отмечалось выше, начиная с 1848 г. преподавал в Московской духовной академии учение о вероисповеданиях, ересях и расколах, а в 1854 г. — уже непосредственно историю раскола в России на новооткрытом Миссионерском отделении. По просьбе Аксакова он написал в 1853 г. Записку о расколе и мерах по его преодолению на путях легализации и внутреннего переубеждения его последователей. Через два года эта Записка была затребована графом Д. Н. Блудовым и была читана императрицей.[273] Впоследствии, за 20 лет редактирования ежедневной газеты «Современные Известия», Гиляров написал сам и поместил у себя сотни статей других авторов по старообрядчеству, в том числе и ценные материалы по его истории, с публикацией уникальных документов, которые потом постоянно находились в поле зрения духовно-академических расколоведов. Поэтому «Логика раскола» — это глубокое обобщение настоящего знатока дела.

Он объясняет название своей статьи тем, что признает раскол «разумным явлением», и добавляет: «Не в том смысле, чтобы я соглашался с его догматикой или с его нравственными идеалами, а в том, что он был естественным продуктом нашей истории, логически истекшим из ее данных, и в том, что сам внутри себя развивался и развивается с замечательной потребностью».[274] Вместе с тем Гиляров воспринимал раскол как национальную трагедию, как кровоточащую рану русского религиозного сознания, которую следует не растравлять репрессиями, но залечивать самоотверженным подвигом миссионерской любви.[275]

Он классифицирует вызывающие эти репрессии точки зрения на раскол, называя их *внешними*, скользящими по поверхности и не «вникающими в душу» его. Во-первых, это *полемический* взгляд, которого, в отличие от митрополита Платона, придерживался митрополит Филарет. Стоящие на этой позиции обличают раскол с точки зрения догматической истины. Во-вторых, *полицейский* взгляд, к приверженцам которого причисляются Ливанов и Мельников-Печер-

[273] См. подробнее: *Дмитриев А. П.* Н. П. Гиляров-Платонов и С. Т. Аксаков (к истории знакомства и взаимоотношений) // Русская литература. 2010. № 4. С. 196—197, а также главу 1.3.

[274] *Сб. соч.* Т. II. С. 194.

[275] См. подробнее об этом в брошюре ученика Гилярова: *Сенатов В. Г.* Философия истории старообрядчества. М., 1908. Вып. I. С. 5—7, 23—25.

ский, поскольку они осуждают раскол с точки зрения государственного порядка. И, наконец, *культурный* взгляд, идеализирующий раскол: его сторонники «полагают, что Россия, наоборот, должна от сект ожидать духовного возрождения».[276] Представителей этой последней категории Гиляров не называет, но он намекает на И. Аксакова. Еще больше сюда подошел бы Лесков.

Рассматривая же старообрядчество *изнутри*, Гиляров обращается к природе верования как такового и показывает, что оно «не только мнение», а «один из видов удовлетворения религиозной потребности, определяемый историческими духовными задатками, в которых ни отдельные лица, к нему принадлежащие, ни весь он как особый мир не вольны».[277] Поэтому и «миссионер призван действовать на все существо верующего и всем своим существом <...> плод миссионерства есть переворот духовной жизни, а не принятие таких мнений и отказ от других».[278] Неудачи же насильственной борьбы с расколом онтологически объясняются тем, что «вера предполагает свободу, непременный внутренний почин, а не внешний».[279]

Этими тезисами только начинается длинная цепь рассуждений, доказывающая пагубность предпочтенного правительством и духовенством мертвенного «фронтового» идеала, под который они тщетно стремятся подогнать «цельное, живое явление» староверия.

Следует упомянуть, что в своих «Современных Известиях» Гиляров регулярно помещал материалы по старообрядческой тематике, так что его ежедневная газета до сих пор является источником уникальных сведений о жизни староверов в 1860—1880-х гг., а в десятках передовых статей провидчески предлагал правительству те меры по гуманному, просветительскому преодолению церковного раскола, для которых, по справедливому заключению современного исследователя, «нужны были 1900—1905 гг., чтобы некоторые важные идеи и рекомендации автора осуществились в указах Николая II 26 февраля 1903 г. “О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка”, 17 апреля 1905 г. “Об укреплении начал веротерпимости” и особенно 17 октября 1906 г. “О порядке образования и действия старообрядческих общин”».[280]

Между прочим, Гиляров, осуждая «*огульность* в суждениях», «свойственную большинству воззрений на раскол», упоминает Мельникова-Печерского, который, по его словам, «считает даже такую секту, как странники, дармоедами».[281] Видимо, это замечание не прошло мимо Лескова, весьма пристально интересовавшегося в 1880-х гг. вопросами раскола. В 1882 г., в «Народниках и расколо-

[276] *Сб. соч.* Т. II. С. 199.
[277] Там же.
[278] Там же. С. 203.
[279] Там же. С. 204.
[280] См. об этом: *Водолазко В. Н.* Н. П. Гиляров-Платонов о пореформенном старообрядчестве // Старообрядчество: история, культура, современность: Материалы V науч.-практ. конф., г. Москва, 20—21 ноября 2000 г. М., 2000. С. 45.
[281] *Сб. соч.* Т. II. С. 196.

ведах на службе», он признавался: «Взгляд на раскол я по убеждению принял мельниковский, ибо взгляд покойного Павла Ивановича, по моим понятиям, есть самый верный и справедливый. “Раскол не на политике висит, а на вере и привычке” — таково было убеждение покойного Мельникова <...>».[282] Тут, несомненно, содержался полемический выпад против концепции А. П. Щапова, в оценке которой Лесков отождествлял себя с самими старообрядцами, воспринявшими политизацию своей веры как демагогическое искажение. В поздней же мемуарной заметке «Лексинские доживалки (их “умное делание”, посмертные труды и плоды красноречия)», сохранившейся в архиве Лескова,[283] он вслед за Гиляровым дает одинаково неприязненную характеристику обоим этим расколоведам. По его словам, «ни Мельников, ни Щапов не были справедливыми истолкователями духа раскола. Мельников видел в расколе темность и буквоедство, а Щапов под видом “борьбы за веру” прозревал “борьбу против учреждений”. Начитанные люди в расколе выразили очень меткое мнение о вышеупомянутых писателях, о которых говорили так, что Щапов читал по верхам, а Мельников — по ребрам. А сердце раскола ни тот, ни другой не прочитали, идеал староверия совсем не то, что у Мельникова или у Щапова: его идеал, может быть, главным образом выражается в заботе его искреннейших последователей особиться от всего мира и быть образцом совершенств».[284]

Лесков — одна из наиболее знаковых фигур в преодолении предвзятого отношения к староверам — смотрел на эту свою деятельность как на важное общественное служение. Ему была чужда официально-церковная точка зрения на раскол, получившая наиболее авторитетное воплощение в трудах митрополитов Филарета (Дроздова) и Макария (Булгакова) и затем популяризировавшаяся в работах, например, такого недоброжелателя Лескова, каковым был профессор Московской духовной академии Н. И. Субботин. Для Лескова эта точка зрения была вредна тем же, чем и революционная идеологизация Щапова, — она политизировала религиозные устремления, тем глубже загоняя староверов в менталитет сектантов.

Но Лесков, в отличие от И. Аксакова и Гилярова, шел к защите староверия с другого конца — не от союза с Церковью, а от разлада с нею: он с конца 1870-х гг. стал производить в своем мировоззрении решительную переоценку духовных первооснов православного быта, и прежде всего вероучительных.[285]

---

[282] *Лесков Н. С.* Собр. соч.: В 11 т. Т. 11. С. 36.

[283] РГАЛИ. Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 68. Л. 1—1 об.

[284] Цит. по: *Агеева Е.* Тайна Старой веры в русской литературе (по архиву Н. С. Лескова и библиотеке Ф. М. Достоевского) // II Международный симпозиум «Русская словесность в мировом культурном контексте»: Избр. докл. и тез. М., 2008. С. 382—383.

[285] См.: *Сидяков Ю. Л.* Лесков в борьбе с церковной реакцией // Литература и публицистика: Проблемы взаимодействия: Тр. по рус. и славян. филологии. Тарту, 1986. С. 38—49. (Учен. зап. Тарт. гос. ун-та; Вып. 683); *Румянцев А. Б.* Н. С. Лесков и русская православная Церковь // Русская литература. 1995. № 1. С. 212—217; *Кольцова Ю. Н.* Духовные искания Н. С. Лескова: Кризис христианской идеи в творчестве Лескова 1870-х гг. //

Он теперь начал склоняться к опыту североевропейских народов, к их логически ясному лютеранству. И люди древлего благочестия постольку кажутся ему истинными христианами, поскольку они напоминают ему лютеран. В очерках «Благословенный брак» и «О рижских прелестницах и благословенных браках» (оба — 1885) Лесков уравнивает «в благодатном отношении староверческих наставников с лютеранскими пасторами»,[286] стремясь возвеличить духовный статус первых. И если в этом случае он мог бы найти себе единомышленника в лице Гилярова, высказывавшего сходные суждения,[287] то в ряде других случаев его не поддержал бы никакой авторитетный автор. Лескова заносило, и он даже на вершине известности (в последние годы) не прочь был прибегнуть к «перлам красноречия» из арсенала своей молодости, когда в литературе задавала тон радикальная публицистика. Так, еще Достоевского возмутила явная неправда того сюжетного хода в «Запечатленном ангеле», когда православные чиновники, «запечатывая» старинные иконы, ставят печати прямо на ликах.[288] А петербургский расколовед И. Ф. Нильский поймал увлекшегося писателя на фальсификации в его очерке «Благословенный брак», где Лесков опубликовал приобретенный у букиниста «чинок», который принял за неведомое науке чинопоследование брака, будто бы бытовавшее среди староверов поморского согласия. Желая придать этому «чинку» (составленному молоканами и потому от церковных Таинств далекому) вид поморского документа, Лесков прибавил слова «поют молебен», то есть определил от себя это последование не как таинство, а как требу. Нильский уличал: «...автор “Соборян”, “для оправдания” раскольников, живущих в “благословенном браке”, решился на подлог и тем показал себя не исследователем, а “последователем” раскола, ревнивым к чести и интересам заблуждающих больше, чем сами раскольники <...>».[289]

Малоизвестный, но показательный эпизод разногласий в среде самих писателей, ратующих за сближение со старообрядцами, произошел в июне 1885 г. Гиляров опубликовал 7 июня в своей газете «Современные Известия» очерк «Недоумение федосеянки», героиня которого, купеческая жена Анна Ефремовна Спиридонова, жалуется старцам-наставникам, что «муж требовал от нее, чтобы она задушила или утопила своих малюток для того, чтобы спасти и их и себя от адских мучений», и слышит в ответ: «...как только родится ребенок, на-

Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19: Лингвистика и межкультур. коммуникация. 2000. № 4. С. 87—95; *Мартыненкова З. М.* К вопросу о духовных исканиях Н. С. Лескова // Славяне: Письменность и культура. Смоленск, 2002. С. 34—42; *Ильинская Т. Б.* Русское разноверие в творчестве Н. С. Лескова. СПб., 2010.

[286] *Лесков Н. С.* Иродова работа: Русские картины, наблюдения, опыты и заметки: Ист.-публиц. очерки по Прибалт. вопросу, 1882—1885 / Вступ. ст., сост., подгот. текстов, коммент. А. П. Дмитриева. СПб.: Пушкинский Дом, 2010. С. 309.

[287] См.: *Разумевающие верой*. С. 267.

[288] См.: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1980. Т. 21. С. 55—57.

[289] *Нильский И. Ф.* К вопросу о бессвященнословных браках: (Критические замечания на статью г. Лескова «Благословенный брак») // *ХЧ*. 1886. Ч. I, янв./февр. С. 261.

до его немедленно крестить и утопить, вот он и примет мученический венец. <...> Все брачные женщины должны считаться потаскушками».[290] Гиляров (а уж его-то невозможно заподозрить в пристрастии в таком вопросе), комментируя этот рассказ, настаивает на его невымышленности: «...это дагерротипный снимок с происшествий совершавшихся и совершающихся»[291] и призывает власти обратить внимание на это «гнездалище, скрывающее пороки и преступления под видом древнего благочестия».[292] Он же так формулирует новый догмат федосеевцев, узаконенный на тайном соборе: «...во времена антихриста брак, как и молитва за Царя, — великий грех, который не отпустится ни в сем веке, ни в будущем».[293]

12 июня Лесков в своей неподписанной заметке «Безобразная утка»,[294] не скрывая раздражения, пытается опровергнуть эту информацию. Он, еще в 1863 г. познакомившийся с федосеевцами Москвы, Пскова и Риги, счел совершенно неправдоподобными сообщения об умерщвлении младенцев самими федосеевцами и их отказе молиться за царя (в 1848 г. они официально признали такое моление). Однако при этом он игнорировал тот факт, что в издании Гилярова речь идет о *новых*, причем радикально-реформистских, явлениях в среде старообрядцев: «бракоборцы», актуализировавшие свою изначальную веру в совершившееся пришествие антихриста, одержали верх над «новоженами» и «тропарниками» (приемлющими брак и моление за царя) и постановили гнать их из своей среды (отлучать от «церкви»).

Тут Лесков, казалось бы, буквально следовал принципу, сформулированному самим Гиляровым в его «Логике раскола»: «...политика в отношении к иноверным должна руководиться не исповедной формулой, а практикой, которая ее осуществляет; практика же федосеевцев вообще уживается и с браком, и с верноподданством».[295] Однако в данном конкретном случае Лесков невольно противоречил своему обычному принципу предпочитать реальную жизненную практику теоретизированию о ней: он решительно отказался верить сообщениям очевидца, имеющим подтверждение в литографированных постановлениях «бракоборного собора», голословно объявляя их «безобразной уткой».

Предлагались борцами с вероисповедной ксенофобией и нетривиальные меры по умиротворению ситуации и будущему воссоединению староверов с Матерью-Церковью, к сожалению не услышанные тогда правительством. Так, Гиляров в ряде передовых статей выдвигал на повестку дня новый пересмотр богослу-

---

[290] *Д—ъ И. <Дьяконов И. В.>*. Греховодники: (Из жизни федосеевцев и филипповцев). XXVII. Недоумение федосеянки // *СИ*. 1885. 7 июня. № 139. С. 2. Источник атрибуции см. в изд.: *Лесков Н. С.* Иродова работа. С. 513—514.

[291] *Вопросы веры и церкви*. Т. II. С. 500.

[292] Там же. С. 501.

[293] Там же. С. 498.

[294] Петербургская Газета. 1885. 12 июня. № 158. С. 1.

[295] *Сб. соч*. Т. II. С. 197.

жебных книг,[296] а в своем очерке «Нечто о Русской церкви в обер-прокурорство К. П. Победоносцева» (Лейпциг, 1887) ратовал за учреждение в Москве «единоверческого епископства»,[297] и, как и прежде, видел решение проблемы в отеческом воздействии на душу человека, на его верования.

Деятельное сочувствие, выраженное к старообрядчеству в статьях Вл. Соловьева, И. Аксакова, Гилярова, Лескова, а вслед за ними и литераторами пониже рангом, не могло не содействовать как преодолению психологической ксенофобии по отношению к старообрядцам, так и их законодательной эмансипации и наделению гражданскими правами, пусть пока и частично. Так, 3 мая 1883 г. было издано Высочайше утвержденное мнение Государственного совета «О даровании раскольникам некоторых прав гражданских и по отправлению духовных треб».[298]

Литературный же опыт по нагнетанию в общественном сознании ксенофобии, страха перед инаковерующими был использован позднее большевистской атеистической пропагандой уже в борьбе с влиянием Церкви на души людей. И опять — вольно или невольно содействовали этой идеологической кампании и художники слова, даже такие как Александр Блок (он, конечно, непредумышленно) с его образом карикатурного «попа» («И крестом сияло брюхо на народ»). Они же потом, в недавнее время, опять же способствовали новому преодолению ксенофобии (Ч. Айтматов, В. Тендряков и др.).

2.6. ПАСТЫРСКОЕ БОГОСЛОВИЕ В ПУБЛИЦИСТИКЕ Н. П. ГИЛЯРОВА-ПЛАТОНОВА (1860—1880-е)

Периоды некоторого упадка церковной жизни, перемежаемые с ее возрождением, как известно, переживались в России неоднократно. В XIX в. наиболее рельефным оказался такой переход, пришедшийся на рубеж 70-х и 80-х гг. В идейной подготовке выхода из духовного кризиса не последнюю роль сыграло публицистическое слово Гилярова. Обращение к его передовым статьям, почти полтораста лет пребывающим под спудом, могло бы быть весьма полезно сегодня, когда возрождение церковной жизни, в частности должных взаимоотношений клира и паствы, как и прежде, стоит на повестке дня.

В отличие от большинства церковно-общественных деятелей пореформенной эпохи, лишь время от времени получавших возможность публиковаться в чужих повременных изданиях, у Гилярова была своя собственная трибуна — его газета «Современные Известия», которую он издавал в продолжение двадцати лет, отчетливо ориентируясь на самые широкие слои населения. Мнения редактора, как правило ежедневно писавшего передовые статьи, и многочисленных корреспондентов бывали так оригинальны и интересны, что, как уже

[296] *СИ*. 1885. 24 февр. № 53. С. 2; *Вопросы веры и церкви*. Т. II. С. 479—482.
[297] *Разумевающие верой*. С. 270.
[298] Полн. собр. законов. Собр. 3-е. СПб., 1886. Т. III: 1883. С. 219—221, № 1545.

отмечалось, ссылками на «Современные Известия» пестрели рубрики «Из периодической печати» всех больших газет страны.[299]

При этом в так называемом образованном обществе репутация гиляровского издания в эпоху «хождения в народ» и господства позитивистских настроений была однозначно негативной, и именно по той причине, что он постоянно шел против течения, немалую часть газетных полос посвящая религиозным темам. В значительной мере эти передовые статьи Гилярова были посмертно собраны его учеником князем Н. В. Шаховским и переизданы на средства К. П. Победоносцева.[300]

Ученик Гилярова публицист И. Ф. Романов-Рцы в одном из своих мемуарных очерков писал, что общее мнение о «Современных Известиях» было презрительно-однозначным: это — «орган попов». «Да ведь это, батенька, знакомое *постное масло?*» — говорили о газете.[301] Сходное суждение московского обывателя с «передовыми» взглядами приводил другой ученик Гилярова С. К. Эфрон: «Газета постная, на лампадном масле».[302] Очень любивший Гилярова византолог Никодим Кондаков (он женился на его племяннице Вере) вспоминал, как пришедший к нему в гости Илья Мечников (они в 70-х годах служили в одном университете в Одессе) «опрокинувши <...> разом два или три стакана на стол и ухвативши эту газету (“Современные Известия”) <...> стал вытирать мокроту, говоря: “Грязью грязь вытираю”».[303]

И вот в период такого антирелигиозного общественного ожесточения Гиляров вышел на проповедь возрождения церковной жизни, причем — как один из видных богословов своего времени и наиболее сведущих знатоков церковного быта (выходец из духовной среды), ставя перед собой возвышенную цель, в чем сознавался в письмах к К. П. Победоносцеву: «...совлечь с себя парадные одежды публициста-генерала и в рубище, свойственном простому люду, потолковать с ними о том, что им знать желательно <...>» (20 октября 1867 г.);[304] «А для этого надобно прежде всего ниспуститься до публики, до некоторой степени пожертвовать собою <...>» (6 декабря 1872 г.).[305] По сути, Гиляров в 1870-е гг. делал то, чему в предыдущее десятилетие посвятил жизнь А. М. Бухарев (архимандрит Феодор), — нес в литературно-общественные сферы богословское знание, стремясь сделать его удобопонятным и насущным для широкой публики. Сходную задачу ставили перед собой шедшие во встречном направлении — к Церкви

[299] См. подробнее: *Дмитриев А. П.* Н. П. Гиляров-Платонов и его газета // Москва. 2008. № 5. С. 209—215.

[300] *Вопросы веры и церкви*. Т. I—II. Далее в настоящей главе при ссылках на это издание даются даты выхода газеты, в которой помещена цитируемая передовая статья.

[301] *Рцы <Романов И. Ф.>*. Как я нашел Никиту Петровича // Русский Труд. 1898. 3 янв. № 1. С. 16.

[302] *Эфрон (Литвин) С.* Миссионеры и начетчики. М., 1908. С. 6.

[303] *Кондаков Н. П.* Воспоминания и думы. Прага, 1927. С. 43.

[304] *Разумевающие верой*. С. 61. См. эти слова в контексте в главе 1.8, на с. 117.

[305] Там же. С. 121.

от во многом уже обмирщенной культуры — славянофилы, Достоевский, Л. Толстой.

Из всего многообразия поднятых Гиляровым религиозных проблем затронем лишь одну — об учительстве духовенства и его сближении с обществом, являющуюся, пожалуй, первостепенной для пастырского богословия. Она же, очевидно, и наиболее существенная в свете возрождения церковной жизни. Сразу, однако, сделаем две оговорки. Во-первых, понятие «общество» у Гилярова означает не один только «народ самосознающий», как у его друга и сподвижника И. С. Аксакова,[306] а собственно всех мирян, весь верующий народ в его совокупности. И, во-вторых, учительство духовенства и его сближение с обществом-народом являлось для Гилярова единым взаимообусловленным, неразрывным процессом.

Разрабатывал он этот вопрос в период несомненного церковного кризиса, когда в печати установился, по определению Гилярова, «клерикально-бюрократический подход» к вопросам веры: «Направление это не знает “церкви”; для него существует только духовенство, и притом только белое, и именно в противоположении “черному”»;[307] «вместо того чтобы видеть церковь, они видят клир, забывая о верующем народе».[308] При этом панацеей от всех бед провозглашалось улучшение материального быта. «В клерикально-бюрократической печати, — констатировал Гиляров, имея в виду прежде всего “Церковно-Общественный Вестник” (1874—1886), — сделалось казенным общим местом воззрение: дайте хорошее содержание, и будут хорошие пастыри».[309] И в этом он видит воздействие на умы «нигилистической» эпохи, ведь основывается такое требование на десакрализации пастырского труда и отождествлении его с любым другим физическим «напряжением мышц или же с коммерческим делом», зависящим от материального вознаграждения. Все же то, к чему еще недавно считался призванным священник: «любовь, ревность о спасении заблудшего, полагание души за своих овец, жар проповедания, духовная радость и скорбь, совесть и вера — все это признается возникающим, возвышающимся и ослабляющимся по мере пенязей. Лучшей проповеди материализм для себя не может искать <...>».[310]

Такое положение вещей, отмечал Гиляров, породило «полицейский» взгляд на взаимоотношения клира и верующих и имело два неизбежных следствия: с одной стороны, клир свою неспособность просветить паству оправдывал якобы неискоренимыми грубостью и невежеством народа,[311] а в самом обществе установился, как мягко выразился Гиляров, «недостаток сердечного расположения к духовенству».[312]

---

[306] *Аксаков И. С.* Отчего так нелегко живется в России? М., 2002. С. 137.

[307] *Вопросы веры и церкви*. Т. II. С. 190 (3 мая 1880 г.).

[308] Там же. С. 199 (18 мая 1880 г.).

[309] Там же. С. 151 (10 декабря 1879 г.).

[310] Там же.

[311] См.: Там же. Т. I. С. 37—42 (5 августа 1868 г.).

[312] Там же. С. 50 (22 августа 1868 г.).

Исследуя глубинные причины того, как разрушались «первозданные отношения русского духовенства к прихожанам», Гиляров в ряде статей совершает исторические экскурсы — в XVII век с «первым колебанием» изначальной гармонии, выразившемся в старообрядчестве; в Петровское и Екатерининское время с их церковными преобразованиями, нередко по протестантским и католическим лекалам.

В результате, во-первых, «степень прав на пастырское звание стала по-лютерански измеряться степенью учености»,[313] семинарским образованием, которое могли получать исключительно дети духовенства, замыкавшегося таким образом в касту: «Отдаляет духовенство от народа — школа; замыкает духовенство в касту школа».[314]

Во-вторых, уже в эпоху Просвещения стало казаться нелепым, что не один только епископ, но и невежественная паства оценивает претендента на священническое место, — и у приходов было отнято избирательное право. Сформировалось убеждение, «что священник должен быть навязываем народу, что народ должен существовать для духовенства и что духовенство, чрез подмен понятий исключительно называемое церковью, должно быть покровительствуемо в ущерб народу, без всякого внимания к желанию народа».[315]

В-третьих, духовенство потеряло «местное» значение: подобно католическим клирикам — «солдатам папы», — «духовные лица стали простыми делегатами епархиальной власти: они бросаемы были архиерейским произволом туда и сюда»; «местные нужды и желания» оказывались второстепенны, «вообще — близость к народонаселению» утрачивалась. «Итак, — заключает Гиляров, — единство духовенства с народом было разрушено, связь порвана, сначала внутренняя, а затем и внешняя».[316]

Выход из этого нравственного тупика, по убеждению публициста-богослова, возможен лишь при осознании клиром своего отчуждения от народа бедствием, объяснимым исторически. Однако именно этого не произошло: в эпоху реформ 60-х годов духовному сословию в его массе были свойственны два основных заблуждения (Гиляров использует образы «слепоты», «самообмана», характеризуя ими кризис пастырского сознания), сходные в том, что они лишь усугубляли разрыв клира с приходом.

С одной стороны, вопрос о содержании причтов однозначно решался в пользу казенного жалованья, а не освященных традицией доброхотных пожертвований паствы. Гиляров риторически вопрошает: «Кто из духовных не желал бы сесть на жалованье от государства? Мысль о том, чтоб содержаться от приходов, возбуждает отвращение».[317] Это для священника (цитирует Гиляров статью из

---

[313] Там же. С. 55 (23 августа 1868 г.).
[314] Там же. Т. II. С. 65 (23 января 1876 г.).
[315] Там же. Т. I. С. 503 (18 сентября 1873 г.).
[316] Там же. С. 55 (23 августа 1868 г.).
[317] Там же. С. 258 (25 октября 1870 г.).

«Церковно-Общественного Вестника») — «рабская зависимость, столь унизительная и оскорбительная для его достоинства». Почему же тогда, — находит остроумный контраргумент Гиляров, — доктор «не находит ни унизительным, ни оскорбительным» брать за визиты, а адвокат получать гонорары от клиентов?[318] И с горечью подытоживает: духовенство жаждет «получить казенное жалованье и вполне преобразиться в казенных чиновников»; ему «кажется безусловным, что народ должен существовать для духовенства, а не духовенство для народа».[319]

С другой стороны, не менее остро тогда встал вопрос об учительстве священников. Общераспространенным стало мнение: «Духовное лицо по существу совсем даже и не есть прирожденный учитель <...> он есть отправитель треб; является добродушное забвение понятий о пастырстве и мольба о том, чтобы видели в нем простую, внешнюю, механическую силу, распорядителя, станового пристава, вообще известное колесо в государственной машине».[320] При этом Гиляров делает интересное сопоставление: на Западе «духовенство оттирается повсюду, во Франции, Италии, Германии, Швейцарии, даже Англии» от дела образования, где оно прежде было «исключительно клерикальным», но борется отчаянно с этой секуляризацией. «Государство, высвобождая своих подданных из-под церковного, точнее — клерикального, плена, само в свою очередь подставляет себя на место церкви, требуя власти не только над поступками гражданина, но и над его душою».[321] Русское же духовенство принуждается правительством к образованию народа. «Но нам не до того, отвечает у нас духовенство: да притом заплатите нам за это хорошенько, тогда мы посмотрим, ведь это не наше дело». В этой позиции, пишет Гиляров, нет ответственности за судьбу страны, ведь «устранение духовенства от воспитания есть только преддверие безверию».[322]

Беда в том, отмечает Гиляров, что правительство пошло на поводу этих чаяний. Он критикует реформы обер-прокурора Св. Синода графа Д. А. Толстого, программа которых, по его мнению, была задана либеральной публицистикой священника И. С. Беллюстина и Д. И. Ростиславова, и объясняет причины их провала.

Во-первых, улучшение содержания духовного сословия решено было осуществить за счет значительного сокращения количества приходов. Однако увеличения доходов не получилось, потому как люди просто перестали ходить к исповеди, заказывать требы: «Должно было предвидеть, что с ослаблением предложения духовных услуг ослабится спрос, — совершенно обратно обычному экономическому закону».[323] Наряду с охлаждением веры, были и другие тяже-

[318] *Вопросы веры и церкви*. Т. II. С. 200—201 (18 мая 1880 г.).
[319] Там же. Т. I. С. 502 (18 сентября 1873 г.).
[320] Там же. С. 259 (25 октября 1870 г.).
[321] Там же. Т. II. С. 53 (30 декабря 1875 г.).
[322] Там же. Т. I. 455, 456 (20 декабря 1872 г.).
[323] Там же. Т. II. С. 17 (11 мая 1874 г.).

лые последствия: окончившие духовные школы остались без вакансий и образование им стало в наказание: семинариста «в сельские работники и лавочные сидельцы не возьмут; в ученики ремесленного заведования поздно»;[324] крестьянам-храмоздателям, «отщипывавшим от себя последние копейки, чтобы устроить у себя, на свою кровную лепту, дом Божий», приходилось «затем видеть этот дом Божий запустелым»[325] и т. д. В итоге, констатирует Гиляров, эта мера «кончилась полной неудачей. В иных местах она произвела раскол, в других — отпадение от христианства, повсюду — отчуждение от духовенства и в довершение — ничуть не улучшила положения оставшихся членов клира. Все это легко было предвидеть».[326]

Во-вторых, законоучительство и начальное обучение было объявлено только «нравственной обязанностью» духовенства, но не безусловной принадлежностью иерейского звания. И сразу многие школы лишились учителей в рясах. С начала 1870-х гг. власти пошли на попятную и прибегли к «косвенному понуждению»: выполнение учительских и псаломщических обязанностей стало условием получения священнических мест. Тут Гиляров призывал отказаться от полумер и «действовать прямее; грамотность (а кстати — знание и нужнейших молитв) в приходе возложить на *ответственность* приходского духовенства. Одновременно с нравственным давлением на самих крестьян, с одной стороны, и с поощрительными мерами — с другой <...>».[327] Как уже говорилось, в этом вопросе у Гилярова были немаловажные заслуги: еще в преддверие реформ он написал для императрицы Марии Александровны записку «О первоначальном обучении народа», в январе 1862 г. прочитанную ею и Александром II, который, по свидетельству графини А. Д. Блудовой, всецело согласился с Гиляровым: «в руках духовенства должно оставаться образование первоначальное».[328] Запиской вдохновился митрополит Филарет (Дроздов), распорядившийся опубликовать ее в ближайшей книжке академического журнала (мартовской за 1862 г.).[329] Важностью Записки проникся и М. Н. Катков, тут же перепечатавший ее в приложении к «Русскому Вестнику».[330] А в начале 1880-х гг. уже С. А. Рачинский поместил ее в своей знаменитой книге о сельских школах как идеологическое обоснование системы церковноприходского образования.[331]

В том же, что «духовенство не причисляет народного учительства к своим обязанностям», стремясь ограничиться одним требоисполнением, Гиляров видел роковое недоразумение, поскольку «при отсутствии церковного обучения

---

[324] Там же. Т. I. С. 313 (24 октября 1871 г.).

[325] Там же. Т. II. С. 17.

[326] Там же. С. 15.

[327] Там же. Т. I. С. 360—361 (13 января 1872 г.).

[328] Цит. по: *Шаховской Н., кн.* Н. П. Гиляров-Платонов как инициатор церковноприходской школы // *РО*. 1896. Т. 37, февр. С. 572.

[329] *ПкТСО*. 1862. Ч. 21. С. 165—180.

[330] Современная летопись «Русского Вестника». 1862. № 30. Июль. С. 17—19.

[331] *Рачинский С.* Заметки о сельских школах. СПб., 1883. С. 111—123.

надобность в самых требах наконец иссякает».[332] Ведь чтоб народ был верующим и заказывал требы, участвовал в таинствах, его сначала надо катехизировать, просветить истинами веры, образовать, нравственно облагородить, смягчить его нравы.

Среди других конкретных мер по воссозданию должных взаимоотношений между клиром и мирянами Гиляров предлагал возвратиться к апостольскому правилу избрания священников: «Выборное начало есть истинно церковное, тесно связанное с самою соборностью церкви»,[333] которое, между прочим, может решить и проблему обеспечения духовенства: «...вместе с допущением к праву голоса при избрании пастырей, пасомые несомненно окажутся и более щедрыми в отношении к тем, кого не насильно в их пастве водворила чужая воля, но о ком испрашивалось и их одобрительного единомыслия».[334]

Существенной помехой в деятельности духовенства Гиляров считал избыток делопроизводственной нагрузки, никак не связанной с его непосредственным призванием, особенно «нотариальные обязанности»: заполнение оспенных ведомостей («просто сочиняются и никогда никакой действительности не изображают»); ведения метрических книг, фиксирования статистических сведений («неудобных для статистиков») и т. п. Гиляров призывал: «Снимите с причтов обязанность казенной регистрации, предоставив вместе с тем полную свободу церковной проповеди: духовная жизнь закипит».[335] Тем самым он снова и снова поднимал вопрос об учительстве духовенства, так определяя «главнейший пробел современной жизни»: «Нет церковной проповеди, не слышится от пастырей живого слова: единственною воспитательною силою церкви, при современном ее положении, остается общественное богослужение <...>».[336] Здесь тоже была своя историческая обусловленность: в России, в отличие от лютеранских стран, «проповедание слова Божия считается в духовенстве не неотъемлемою принадлежностью звания, а роскошью, парадною, праздничною церемонией»,[337] «повинностью».[338] Однако «каким успехом, авторитетом, влиянием овладевает всякий проповедник, лишь только <...> заслышится в его слове хоть искра действительного огня, хоть капля живого, искреннего отношения к предмету проповеди!».[339] Да и успех штундистов и пашковцев, замечал Гиляров, показывает, «что жажда слышать христианскую проповедь есть в народе; что живая проповедь непременно повлечет за собою перевоспитание народа <...>».[340]

---

[332] *Вопросы веры и церкви*. Т. I. С. 457 (20 декабря 1972 г.).
[333] Там же. Т. II. С. 282 (23 июня 1880 г.).
[334] Там же. Т. I. С. 505 (29 сентября 1873 г.).
[335] Там же. Т. II. С. 60 (5 января 1876 г.).
[336] Там же. С. 170 (5 марта 1880 г.).
[337] Там же. С. 178 (13 апреля 1880 г.).
[338] Там же. С. 397 (16 января 1884 г.).
[339] Там же. С. 179.
[340] Там же. С. 180.

Отметим, что проблемы пастырского богословия (прежде всего связанные с учительством духовенства и его сближением с паствой) Гиляров неоднократно затрагивал и в своих воспоминаниях «Из пережитого» (1884—1887), отмеченных печатью художественности и психологической глубины,[341] а потому позволивших, пожалуй, более выразительно и действенно, нежели в газетной публицистике, противостоять «клерикально-бюрократическому» направлению русской мысли тех лет.

В статьях, приуроченных к переизданию тома богословских сочинений А. С. Хомякова с предисловием Ю. Ф. Самарина, Гиляров так выразил, по его словам, «существо <...> их церковного служения и общественное значение этого служения» — «эманципация религиозного сознания», использовав выражение Самарина. Гиляров продолжал: «Эта заслуга эманципации принадлежит им двоим, принадлежит не в России только, а в целом человечестве».[342] Безусловно, рядом с именами этих двух славянофилов-богословов по праву должно стоять и имя третьего участника упомянутого издания — самого Гилярова (переводившего французские брошюры Хомякова и редактировавшего предисловие Самарина). При этом его заслуга для русского общества в практическом, так сказать, отношении оказалась, пожалуй, и больше, поскольку он сложные богословские и церковно-исторические сведения умел как никто другой из его современников перелагать на удобопонятный для читающей публики язык и, таким образом, деятельно участвовал в возрождении церковной жизни в стране.

2.7. Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ О ПРОБЛЕМЕ ЦЕНЗУРЫ И СВОБОДЫ СЛОВА (1860—1880-е)

О благотворной роли Гилярова, в 1863 г. назначенного членом Комиссии по пересмотру проекта Устава о книгопечатании, в выработке «Временных правилах о цензуре и печати» 1865 г., особенно в усилении либеральных тенденций этого законодательного акта говорилось выше. Приведем мнение автора некролога Гилярову, опубликованного в газете «Новое Время» (скорее всего, он принадлежит перу самого издателя А. С. Суворина), в котором содержится сожаление, что правительство не приняло систему цензурных предупреждений в той форме, как ее предлагал Гиляров: «...он смотрел на предостережения как на переходную меру к суду и доказывал необходимость поставить назначение их в полную зависимость от Совета, то есть от коллегиального учреждения, а не в том виде, в каком это вошло в Закон о печати, где Совет играет роль служебную».[343]

---

[341] См. современное переиздание в академической серии «Литературные памятники»: *Из пережитого*. Т. 1—2.

[342] *Вопросы веры и церкви*. Т. II. С. 213 (11 сентября 1880 г.).

[343] <*Суворин А. С.?*>. Гиляров-Платонов: Некролог // *НВр*. 1887. 15 окт. № 4177. С. 1.

За 20 лет редакторской деятельности Гиляров поместил в своих «Современных Известиях», по нашим подсчетам,[344] около 120 передовых статей, где специально рассматривалось положение печати в России. В них излагался идеальный взгляд на периодику как на союзницу правительства в деле преуспеяния России и под этим углом зрения осуждались случаи отхода журналистики от нравственных критериев, ее коммерциализация. Но больше всего волновала Гилярова не всегда оправданная правительственная репрессивная политика по отношению к печати. Так, он акцентировал положительные моменты даже в прекращении Государственным советом аксаковской «Москвы»: «...дорого то, что последнее издание <...> судимо было хотя без присяжных, но, по крайней мере, верховным судом империи: ибо, конечно, то был суд, а не произвол. Не лишено значения и то, что дело прошло чрез департамент Сената, общее собрание Сената и дошло в общее собрание высшего из государственных учреждений, на всех ступенях встречая законное препятствие к запретительному решению. Слишком довольно обеспечений для печати! Но поэтому-то и надобен для нее суд присяжных».[345]

В «Современных Известиях» всесторонне комментировались все новые, в том числе только планировавшиеся, постановления по цензурному вопросу. Так, в связи с известием об учреждении Особой комиссии для пересмотра действующих постановлений о цензуре и печати под председательством князя С. Н. Урусова (работала в 1870—1871 гг.) Гиляров призывал правительство не идти на попятную, возвращаясь к предварительной цензуре, а, напротив, двигаться в направлении дальнейшего освобождения журналистики. Он утверждал: «Расширение прав предупредительной цензуры было бы обратным вызовом тех печальных болезней, которыми страдала общественная жизнь в былые времена <...>».[346]

Ужесточение цензурных правил в 1872—1873 гг., по убеждению Гилярова, порождало в Европе представление о ликвидации свободы печати в России и было вредно в принципе, поскольку учет оппозиционных мнений полезен правительству. Неоднократно Гиляров порицал практику цензурных предостережений (особенно выносимых благонамеренным консервативным изданиям): в глазах населения они выглядели не как наказание за отдельные промахи, а как осуждение всего направления охранительного органа печати. В связи с предостережением, вынесенным «Московским Ведомостям», Гиляров предлагал вместо подобной кары в таких случаях помещать в официозном «Правительственном Вестнике» подробный разбор статей, вызвавших недовольство властей, что служило бы полезным уроком для всей печати и демонстрировало бы, что прави-

---

[344] Ср. также выводы статьи, специально посвященной теме настоящей главы: *Федотова М. А.* Цензурный вопрос в газете Н. П. Гилярова-Платонова «Современные Известия» // Вопросы отечественной истории: Межвуз. сб. науч. работ мол. ученых. М., 2001. Вып. 4. С. 135—146.

[345] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 30 апреля // *СИ*. 1869. 1 мая. № 117. С. 1.

[346] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 8 ноября // Там же. 1869. 8 нояб. № 307. С. 1—2.

тельство «изъявляет недовольство не на все направление издания, а на случайные его промахи, выражалось в официальном органе простое осуждение укоризненных статей, то было бы — веха, маяк; издание знало бы, чего избегать, чтоб не подвергнуться каре. Публике кажется, что правительство осуждает направление издания, злонамеренность его, выражается недоверие к изданию».[347]

Чтоб привлечь внимание общественности к вредной политике административных взысканий, Гиляров регулярно публиковал в своей газете сведения о карах в отношении различных органов печати, независимо от их партийной принадлежности.

Непродуманность цензурной политики, по мнению Гилярова, проявилась, между прочим, в том, что правительство невольно стало проводником идей нигилизма и анархизма из-за одного своего распоряжения, вызванного тотальным недоверием ко всей журналистике, включая самые благонамеренные консервативные издания. За год с небольшим до цареубийства, 5 декабря 1879 г., в откровенном письме к князю Н. В. Шаховскому Гиляров винил высшую власть: «Я не одобряю вот чего: популяризации революционных идей, совершаемых самим правительством <...>. Оно запретило нам печатать свои отчеты о политических делах, а велело руководствоваться “Правительств<енным> Вестником”, и притом заимствовать из него отчеты *без изменений и сокращений!* “Правительственный же Вестник”, к несчастию, слишком добросовестно передает показания преступников. Разве это не пропаганда?»[348] Гиляров, впоследствии автор одной из наиболее глубоких статей, исследующих генезис русского революционного движения, — «Откуда нигилизм?» (1884), конечно, знал, о чем говорил.[349]

В 1880 г., во время работы Комиссии по пересмотру цензурных законов под председательством графа П. А. Валуева, Гиляров в очередной раз возвысил голос за полную отмену цензуры и выступил с развернутой критикой нововведений 1870-х гг. карательного характера: права негласных временных распоряжений, принуждавших печать молчать по насущным общественно-политическим вопросам; права запрещать розничную продажу изданий и печатание объявлений и др. Он утверждал: «Печать должна быть освобождена от произвола. Она должна быть подчинена закону. <...> В чем была наша беда?

1) В том, что печать подчинена была *единоличной* власти министра или, пожалуй, даже начальника главного управления.

2) В том, что цензура действовала безгласно.

3) В том, что обвиняемому и наказуемому не дано было права защиты, — ему не объявлялось даже, за что он подвергается наказанию».[350] Гиляров доказывал,

---

[347] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 11 января // Там же. 1870. 12 янв. № 11. С. 2.

[348] *Переписка с Шаховским*. С. 64.

[349] См. также: *Кругликова О. С.* Публицистика Н. П. Гилярова-Платонова: антинигилистический дискурс // Русская публицистика в духовно-нравственной жизни общества: идеалы и ценности / Под ред. Л. П. Громовой. СПб.: СПбГУП, 2014. С. 53—68.

[350] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 22 июля // *СИ*. 1880. 23 июля. № 201. С. 2

что все эти стеснения и породили нелегальную печать, пропагандировавшую терроризм: «Стеснения породили зло — тайную печать, свившую постоянное гнездо внутри России».[351]

Будучи приглашен графом П. А. Валуевым на заседание Комиссии в ноябре 1880 г., Гиляров призвал правительство смотреть на печать как на друга, а не как на врага. Спустя три месяца он требовал в своей газете максимальной гласности при обновлении цензурного законодательства и сетовал: «Новые законы о печати заготавливаются в удивительной тиши. <...> Неоднократно было заявлено желание о возвращении печати хотя к положению 1865 года. Жестокий закон о сожжении книг остается еще в силе; отчеты об общественных собраниях подлежат еще предварительной цензуре; ее иго не снято с коммерческих объявлений, и притом в изданиях даже, изъятых от предварительной цензуры».[352]

Об административном произволе по отношению к журналистике Гиляров неоднократно высказывался в 1870-х—1880-х гг. в письмах к К. П. Победоносцеву.[353] Гиляров проводил мысль, что гласный суд над журналистикой должны творить не случайные присяжные и не юристы и чиновники разных ведомств (как предлагалось многими в то время), а несменяемые, специально ведающие дела печати независимые лица, политически и нравственно образованные, для чего предлагал учредить особый департамент Сената как высшую инстанцию для печати.

В отличие от большинства консервативных издателей Гиляров печатно осудил Закон 27 августа 1882 г., по которому вопрос закрытия периодических изданий решался не в судебном порядке, а Особым совещанием четырех министров (внутренних дел, просвещения, юстиции и обер-прокурора Синода). Еще до публикации этого Закона он с тревогой передавал молву о предполагавшемся «четырехэтажном управлении печатью и возвращении газет под цензуру», убеждая, что «печать нужно не придавить, а, напротив, поднять и возвысить».[354] При этом Гиляров весьма скептически оценивал возможности цензуры остановить реальное зло, распространяемое печатью: «Тенденция может сказываться не только в отзывах о лицах или в критике событий, но в самом выборе известий, в их окраске, иногда в самых умолчаниях: всё такие вещи, которые цензура в редких случаях способна предупредить или остановить».[355]

Когда же Закон увидел свет, Гиляров разочарованно писал, что его «существо <...> состоит собственно в двух пунктах: 1) в возврате бесцензурных изданий под цензуру, и 2) в обязательстве открывать административной власти имена авторов». Особенно возмущал его этот второй пункт, поскольку «редактор в этом случае есть своего рода духовник: даже ближайшие автору лица остаются в неве-

---

[351] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 5 мая // *СИ*. 1880. 6 мая. № 123. С. 2.

[352] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 19 февраля // Там же. 1881. 20 февр. № 50. С. 2.

[353] См.: *Разумевающие верой*.

[354] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 20 августа // *СИ*. 1882. 21 авг. № 230. С. 2.

[355] Там же. С. 1—2.

дении о писавшем, и иногда именно от ближайших-то лиц имя и укрывается».[356] По поводу же первого пункта Гиляров писал как о давно наболевшем: «О том, что предварительная цензура не составляет ограждения, писано так много, что повторять эту истину излишне, тем более когда она засвидетельствована самым наглядным опытом: нигилизм есть порождение подцензурной печати. Остается пояснить, отчего так происходит. От того, что по общему правилу dubia benignius inter pretantor: судья в сомнительных случаях должен предпочитать благоприятное истолкование. Цензор не может не следовать этому правилу. Цензор затем неизбежно останавливается на отдельных частностях: на отдельных фразах, на отдельных статьях, на отдельных нумерах».[357]

Потому и подвергнутые наказанию издания, вопреки замыслу законодателей, караются за частности, а «не за направление, которое выражается не в частностях»: «...мы не знаем примера административной кары за направление и утверждаем решительно, что с самым красным, самым радикальным направлением периодическому изданию у нас существовать возможно без цензуры, не подвергаясь каре, а и того удобнее — под крылом цензуры. Все дело в своего рода дипломатии и стратегии: прямота, будь она самого охранительного направления, более всего подвержена опасности».[358]

Как видим, Гиляров не изменил идеалам своей молодости и, так же как в 1850-х гг. его друзья-славянофилы ратовали за свободу печати, так и он в конце своей жизни выступал за возможно бóльшую независимость печатного слова, в чем смыкался с публицистами либерального направления. Протестом против засилья цензуры в России была и предсмертная публикация Гиляровым за границей его книги «Нечто о Русской церкви в обер-прокурорство К. П. Победоносцева. Вып. I: Нечто о Российской церкви в настоящее время» (Лейпциг, 1887; под криптонимом «Р. С. Т.»).

2.8. Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ О СУДЬБАХ КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКОГО НАСЛЕДИЯ И ВСЕСЛАВЯНСКОГО ЕДИНСТВА. ПОЛЕМИКА С Вл. С. СОЛОВЬЕВЫМ (1885)

В отличие от некоторых своих единомышленников (М. П. Погодина, А. Ф. Гильфердинга, П. А. Бессонова, И. С. Аксакова, протоиерея А. М. Иванцова-Платонова и др.[359]) Гиляров вплоть до последних лет жизни специально не высказывался в печати по кирилло-мефодиевской проблематике, которая приобрела популярность уже с начала 1860-х гг., упрочивая в сознании русского общества идею всеславянского единства.

---

[356] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 16 сентября // *СИ*. 1882. 17 сент. № 257. С. 1.

[357] Там же.

[358] Там же. С. 2.

[359] См., например, статьи, включенные в книгу, отпечатанную в Московской Синодальной типографии при ближайшем участии Гилярова: *Горский А. В.* Жития св. Кирилла и Ме-

Впрочем, хотя 18 марта 1863 г. и был опубликован Синодальный указ, определяющий 11 мая ежегодным «церковным празднованием» памяти Первосвятителей, ее чествование — и на церковном уровне, и на государственном — долгое время осуществлялось весьма скромно, даже формально и являлось будто бы прерогативой одних Славянских комитетов да отдельных ученых обществ.

Причины такого положения вещей впоследствии вскроет Гиляров. По его мнению, «Кирилл и Мефодий не живут в народной памяти, и не живут потому, что не они просветители наши в христианстве. Церковь потому не имела прямого основания их возвеличить, а к государственной истории нашей и совсем не имели они отношений; между тем память народная обращается у нас чествованием к деятелям исключительно в этих двух сферах».[360] Однако парадоксальным образом Солунские братья оказывались не менее, а более значимы для русского национального самосознания, чем те же Равноапостольные князь Владимир и княгиня Ольга и, пожалуй, даже Апостол Андрей Первозванный. Гиляров продолжал: «Тем не менее Кирилл и Мефодий для нас значат более, нежели кто-либо и нежели для кого-либо. Они наши просветители, просветители вообще, а не в частности просветители христианством; они родоначальники нашего народного и государственного единства».[361] Эта мысль — о решающей роли кирилло-мефодиевского наследия в формировании русской нации и ее религиозно-державных устоев, а также в обеспечении их жизнестойкости — относилась к числу самых задушевных в историософии Гилярова.

Однако прежде чем обратиться к подробному изложению суждений Гилярова о Первоучителях, упомянем, что в редактировавшейся им газете «Современные Известия» время от времени публиковались сообщения о чествовании Кирилла и Мефодия в различных ученых обществах и учебных заведениях. Так, в феврале 1869 г. в качестве передовой статьи был напечатан отчет о торжественном собрании в Московском университете, посвященном 1000-летию со дня кончины Св. Кирилла, и приведены фрагменты речи М. П. Погодина, кото-

---

фодия: Рассуждение; *Погодин М. П.* Речь <...> в память о св. Кирилле и Мефодие; *Гильфердинг А. Ф.* О Кирилле и Мефодии в тысячелетней их годовщине; *Бессонов П. А.* В память первоучителей славянства; *Аксаков И. С.* 11 мая в Москве (1862): (Отрывок из письма) // Кирилло-Мефодиевский сборник: В память о совершившемся тысящелетии славянской письменности и христианства в России, изданный по определению Московского общества любителей русской словесности М. П. Погодиным. М., 1865. С. 5—42, 81—208, 449—509, 534—539. См. также: *Бильбасов В. А.* Кирилл и Мефодий: <В 2 ч.>. СПб., 1868—1871. Ч. I—II; *Иванцов-Платонов А. М., свящ.* Слово в день тысячелетней памяти св. Кирилла, просветителя славянского... // Празднование тысячелетней памяти Первосвятителя славян Св. Кирилла, 14-го февраля 1869 г., в С.-Петербурге и Москве. V Praze, 1869. С. 92—109; *Беляев И. В.* Св. Константин (нареченный Кирилл) и Мефодий. М., 1876; 4-е изд.: 1885; *Бахметева А. Н.* Преподобные Кирилл и Мефодий, просветители славян: К тысячелетию памяти св. Мефодия М., 1885, и др.

[360] *Вопросы веры и церкви*. Т. II. С. 484—485.

[361] Там же. С. 485.

рый с усвоением кирилло-мефодиевским наследия напрямую увязывал характерные, по его убеждению, для Древней Руси симфонические отношения между Церковью и государством (они «шли у нас рука об руку»), а в самих Первоучителях видел прежде всего залог славянского единения: «Они, эти Св. братья, истинные и, к сожалению, единственные панслависты».[362]

Существенно иначе смотрел на их роль Гиляров. Он вообще скептически относился к возможности объединения славянских народов на основе лишь языковой общности при разительных конфессиональных различиях. 2 ноября 1886 г. Гиляров писал своему ученику, публицисту И. Ф. Романову-Рцы: «Начните с того, что я не *славянофил*. *Лингвистическую* народность я ставлю ни во что, даже прямо ее отрицаю».[363]

Свои взгляды мыслитель изложил в восьми передовых и «подпередовых» статьях «Современных Известий» в феврале — апреле 1885 г., когда в России с большим размахом отмечалось 1000-летие со дня кончины Св. Мефодия. Современный историк справедливо пишет: «Апрель 1885 года по праву считается кульминационным моментом в истории чествования Солунских братьев в дореволюционной России».[364]

Одна из первых передовиц была опубликована в № 52 от 23 февраля и приурочена к решениям Московской городской думы принять участие в апрельском праздновании и, в частности, «увековечить в Москве память о Свв. Кирилле и Мефодии постройкой <...> часовни-храма во имя упомянутых святых, на Красной площади, у стены Кремля, в середине между Никольскими и Спасскими воротами <...>».[365] Эта «святыня всех славян» призвана была напоминать «святую истину о непреложности нравственного единения всех славян между собой».[366] Как видим, часовню собирались возвести на том месте, где впоследствии водворился ленинский мавзолей.[367] Гиляров, приветствуя этот проект, все же отметил, что он «несколько поспешен своею подробностью».[368]

Вместе с тем, по его убеждению, предстоящие празднества должны отличаться особой торжественностью — в связи с католической интригой: 6-го же апреля (но по новому стилю), в день кончины Св. Мефодия, в бывшем центре Моравского княжества Велеграде (ныне чешский городок Старе Место), где с 1205 г. находилась базилика Солунских братьев, планировалось устроить альтернатив-

---

[362] *<Гиляров-Платонов Н. П.>*. Москва, 14 февраля // *СИ*. 1869. 15 февр. № 44. С. 1.

[363] *Письма к Рцы*. С. 248.

[364] *Огрызко В. В.* Праздник на все времена: Об истории чествований славянского слова и памяти Славянских Первоучителей — Кирилла и Мефодия. М.; София, 1991. С. 25.

[365] *Вопросы веры и церкви*. Т. II. С. 475, 476.

[366] Там же. С. 476.

[367] Этот проект не был осуществлен. При жизни Гилярова в Москве освятили одну-единственную церковь во имя Свв. Кирилла и Мефодия (8 февраля 1887 г., при Земледельческой школе).

[368] *Вопросы веры и церкви*. Т. II. С. 476.

ное их чествование. Дело в том, что папа Лев XIII еще в сентябре 1880 г. издал энциклику «Grande munus», провозгласившую почитание Свв. Кирилла и Мефодия в Католической церкви. Их наследие стало актуализироваться на Западе как залог единой Церкви, без разделения ее на конфессии (но, конечно, на основе католицизма). Гиляров подробно разъясняет замысел этого нового «крестового похода» как религиозно-политическую «манифестацию против России и Православия».[369] Тема идейного противостояния обманному Велеградскому торжеству оказывается сквозной — она проходит через все печатные выступления Гилярова по поводу чествования Солунских братьев. В этом смысле особенно важны три его передовые статьи.

В первой из них (в № 56 от 27 февраля) он приводит слова хорватского политического деятеля Анте Старчевича, возмущавшегося, что в Велеград приглашаются чехи, хорваты и поляки — народы, которые от учения Св. Мефодия «имеют меньше, чем магометане от Христа и немецкие католики от Лютера».[370] Невозможным считает Старчевич и соединение Церквей на подобном празднестве по сценарию Рима — «уничтожением одной из Церквей или созданием третьей из двух существующих».[371]

В другой передовице (в № 60 от 3 марта) Гиляров выявляет в этих папских происках и отчетливый «польский след», превращающий религиозное торжество в Велеграде в провокационную политическую акцию. Он пишет, что и для России, и для Австрии «католический панславизм опасен как политическая доктрина, и тем более опасен, что агитацию ведет народность, привыкшая пользоваться чужими стремлениями для своих целей, — поляки».[372]

Наконец, в третьей из упомянутых передовых статей (в № 67 от 10 марта) Гиляров предвещает настоящую войну, которая, по логике вещей, неизбежно должна быть инспирирована Римом ради окатоличивания России: «...возбуждая энтузиазм к памяти Первоучителей, надеются их именем искусственно соединить славян под знаменем Ватикана и идти на нас походом, сначала не вещественным, но он обратится скоро и в поход крови и железа».[373] (Здесь Гиляров отсылает к известному поэтическому отклику Тютчева на воинственные заявления Бисмарка — в стихотворении «Два единства», 1870.)

Такое акцентирование внимания читателей на подготовке Велеградского празднества, какого не было ни в одной другой ежедневной газете того времени, на наш взгляд, объясняется полемическими целями. Гиляров был возмущен равнодушием к будущему всероссийскому чествованию памяти Первоучителей, во-первых, со стороны интеллигенции («Нам из Петербурга пишут, что приго-

---

[369] *Вопросы веры и церкви*. Т. II. С. 476.

[370] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 25 февраля: Дневное обозрение // *СИ.* 1885. 27 февр. № 56. С. 1—2.

[371] Там же. С. 2.

[372] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 2 марта: Дневное обозрение // *СИ.* 1885. 3 марта. № 60. С. 2.

[373] *Вопросы веры и церкви*. Т. II. С. 486.

товления к славянскому празднику там в обществе почти не имеют отзвука. То же и в Москве <...>», с. 484),[374] а во-вторых, — со стороны церковной иерархии («...не без прискорбия слышим, что в здешнем епархиальном мире не делается никаких приготовлений <...>. Верить или нет слуху, но говорят, что и высокопреосвященный не прибудет к тому времени. <...> Желаем, чтобы мы предохранены были от этого стыда <...>»[375]). Для Гилярова же такое «безучастное молчание» в связи с Велеградским спектаклем означало предательство кирилло-мефодиевских заветов и предельную степень нравственного унижения.[376] О самих этих празднествах Гиляров, как и большинство редакторов других газет, поместил впоследствии лишь телеграмму «Северного телеграфного агентства» с краткой информацией.[377]

Не исключено, что именно горячие статьи Гилярова поставили перед необходимостью серьезнее взглянуть на чествование памяти Первоучителей — К. П. Победоносцева, его приятеля (они сдружились еще осенью 1860 г.), в то время обер-прокурора Св. Синода (всегда внимательнейшим образом прочитывавшего «Современные Известия»). Тот 3 апреля отчитывался перед императором о причинах особого внимания к подготовке предстоящих празднеств. По его словам, католики «теперь выдумали присваивать себе Кирилла и Мефодия из политических целей, отвергнув изобретенную ими кириллицу».[378] И далее сообщает о дьяковарском епископе Йосипе Штросмайере, стремившемся «объединить всех славян австрийских под знаменем католичества и внесть ту же пропаганду в среду православных»: «К 6-му апреля он, при содействии Рима, давно готовит громадную демонстрацию в Велеграде. Эти приготовления заставили и нас озаботиться о торжественном, по возможности, праздновании этого дня в России».[379]

Впрочем, Гиляров оказался необыкновенно близок к Победоносцеву и, вообще, к официальной позиции правительства и Церкви и когда высказывает самые общие мысли о значении наследия Солунских братьев для России. У Побе-

---

[374] Ср. подобные же сетования в статье В. О. Михневича: *Коломенский Кандид.* Взгляд и нечто по поводу Кирилло-мефодиевского юбилея // Новости и Биржевая Газета. 1885. 7 апр. № 94. С. 1.

[375] *<Гиляров-Платонов Н. П.>*. Москва, 25 февраля: Дневное обозрение. С. 2. Об этом Гиляров узнал от Н. Н. Дурново, который писал И. С. Аксакову: «...относительно празднования дня Свв. Кир<илла> и Меф<одия>. Епархиальное начальство этому не сочувствует и ввиду этого митрополит И<оанни>кий в Москву на Пасху не приедет. Я поведал Никите Петровичу. Он хотел возбудить в Думе предложение о праздновании и о приглашении в Москву митрополита» (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. Ед. хр. 197. Л. 2—2 об.). Впервые этот фрагмент письма опубликован в составе статьи О. Л. Фетисенко «Вл. Соловьев в “Голосе Москвы” (новые материалы)» (вых. дан. см. в коммент. 401 на с. 246).

[376] См. об этом особенно: *Вопросы веры и церкви*. Т. II. С. 477.

[377] *СИ*. 1885. 27 марта. № 82. С. 2.

[378] *Победоносцев К. П.* Великая ложь нашего времени. М.: Рус. книга, 1993. С. 411.

[379] Там же. С. 411—412.

доносцева: «...нельзя не признать, что семя всей нашей исторической культуры заложено в азбуке, изобретенной Кириллом и Мефодием, и в книгах, ими переложенных на славянский язык и доныне составляющих драгоценное достояние *духа* народного в России».[380] У Гилярова: «Не изобрети Святой Кирилл азбуки, не потрудись Святые братья над переводом части священных книг, откуда и в каком виде приняли бы христианство? <...> Рим, Германия, Польша — вот чьей бы было добычей русское племя; всей величавой истории русского государства тогда не существовало бы <...>».[381] Сходно рассуждал и М. Н. Катков: «Если бы Кирилл и Мефодий не освятили наш первобытный язык, не возвели бы наше слово в Богослужебный орган, не осталось бы места и не было бы сосуда для Восточно-Православной Церкви, некому было бы исполнять дело ее судеб. <...> Где была бы наша Святая Русь, наше отечество?»[382]

Или, еще показательней, в газете А. С. Суворина: «Национальная славянская Церковь как основа просвещения и в широком смысле слова культуры — вот эта могучая скала, воздвигнутая трудами Кирилла и Мефодия, с которой не сбросили Русь ни княжеские усобицы, ни татарское иго <...>».[383] Здесь, однако, встречаем не только почти дословные соответствия с вышецитированной передовой статьей Гилярова от 10 марта (Солунские братья как «наши просветители, просветители вообще»), но и полемику с ним: «Не время препираться с нашими строптивыми братьями о значении нынешнего праздника <...>».[384]

Своеобразие же взгляда Гилярова в его рассуждениях о судьбах кирилло-мефодиевского наследия выразилось, с одной стороны, в предельно заостренной постановке этой проблемы в макроисторическом и широком геополитическом контексте, а с другой — в том, что его историософским построениям сопутствовали нетривиальные общественно значимые предложения практического порядка.

Особенно значима передовая статья в праздничном номере от 6 апреля.[385] Здесь в полной мере проявились те особенности гиляровского стиля, благода-

---

[380] *Победоносцев К. П.* Великая ложь нашего времени. С. 412.

[381] *Вопросы веры и церкви*. Т. II. С. 485.

[382] <*Катков М. Н.*>. Москва, 5 апреля // *МВед*. 1885. 6 апр. № 93. С. 3. Ср. также редакционные статьи 1885 г. в других ежедневных газетах со сходными высказываниями: Новости и Биржевая Газета. 21 февр. № 51. С. 2; 23 февр. № 53. С. 2; Московский Листок. 24 февр. № 55. С. 2; 25 февр. № 56. С. 2; 26 февр. № 57. С. 2; Новости Дня. 6 апр. № 92. С. 1—2; Голос Москвы. 6 апр. № 93. С. 1—2; *НВр*. 7 апр. № 3270. С. 3; Южный Край. 9 апр. № 1474. С. 2.

[383] <*Суворин А. С.?*>. Светочи славянства // *НВр*. 1885. 6 апр. № 3269. С. 1.

[384] Там же.

[385] Она сопровождает большой церковно-исторический очерк «Свв. Кирилл и Мефодий», составленный в традиционном ключе: *СИ*. 1885. 6 апр. № 92. С. 1—2. Подпись: *П...* Вероятный автор — постоянный сотрудник «Современных Известий» Ф. П. Преображенский (см.: <*Гальперсон А. М.*>. Список сотрудников «Современных Известий» <ноябрь? 1887 г.> // ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 65. <№ 1>. Л. 1—1 об.).

ря которым «Современные Известия» в 1870-е — в начале 1880-х гг. заслуженно считались одной из популярнейших в России газет. Выше приводилось (в другой связи) интереснейшее свидетельство М. С. Сковронской: «...И. С. Аксаков удивлялся, отчего в его газете <“Москва”. — *А. Д.*>, имевшей в виду народ, совсем не было корреспондентов из народа, а в “Современных Известиях” писали многие крестьяне. Не припомню кто (кажется, Погодин), объяснил это тем, что тогдашним грамотным крестьянам, учившимся не по популярным руководствам, а по церковным книгам, удобопонятен был язык статей Гилярова-Платонова, напоминавший иногда проповеди».[386] При этом его мастерски отточенная «публицистическая гомилия» никогда не грешила высокопарной отвлеченностью, — она брала за живое подобно пронзительным нравоучениям Иоанна Златоуста, к которым и восходила.

Высокая риторика, обеспеченная церковнославянским синтаксисом, в самом начале гиляровской передовицы — «Чему празднует ныне Россия?» — сразу же переходит у него в ясное и простое изложение сути его историософии. При этом он, правда не явно, отсылает читателя к славянофильскому наследию, к идеям и даже отдельным формулировкам друзей своей молодости. Так, говоря о значении праздника, Гиляров подчеркивает: «Но не в грамотности дело, а в просвещении, ею принесенном, и в характере просвещения, выделившем русский народ из среды других европейских <...>»,[387] и эти слова соотносятся уже даже с названием статьи И. В. Киреевского «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России» (1852) и известного ответа на нее А. С. Хомякова.

Проповедь Солунских братьев, по убеждению Гилярова, носила провиденциальный характер, явившись своего рода историческим «водоразделом»: «От Кирилла и Мефодия пошло деление новой христианской Европы на Восток и Запад».[388] Более того — Гиляров настаивает на мистике хронологических совпадений: «Тысячелетие Руси (1862 год) совпало с первым началом раздора между Римским и Константинопольским престолами. Поводом к раздору послужил болгарский народ.[389] А к тому же времени относится и деятельность Солунских братьев, их проповедь славянам <...>».[390] Только благодаря подвигу Первоучи-

---

[386] *Сковронская М.* За четверть века: (Из воспоминаний) // Наблюдатель. 1897. № 2. С. 222.

[387] *Вопросы веры и церкви*. Т. II. С. 493.

[388] Там же.

[389] Имеются в виду следующие события: в 864 г. был крещен «со всем народом» болгарский царь Борис I (Богорис, в крещении Михаил; правил в 852—890 гг.), однако спустя два года, опасаясь, как бы церковная зависимость от Византии не перешла в политическую, он обратился к папе римскому с просьбой прислать ему епископов и священников, а те вскоре вытеснили греческое духовенство. Тогда патриарх Константинопольский Фотий в своем Окружном послании обличил «латинские новшества» — искажения Символа веры. Кризис закончился в 870 г., когда в Константинополе был назначен для Болгарии первый архиепископ.

[390] *Вопросы веры и церкви*. Т. II. С. 495.

телей было обеспечено прямое «непрерывное преемство» православного предания, однако славяне распорядились этим драгоценным достоянием по-разному: «Наследие Кирилла и Мефодия одними из славян было презрено под давлением того же папства; другими сохранено, но осталось без движения под игом мусульманским <...>. Лениво двигались и мы <...>. Но почти не ступив далее преподанного, во всяком случае мы берегли предание; просвещение, скудное количеством, сохранилось на старом основании <...>».[391] И лишь в русском народе, «несущем в своих жилах смешанную кровь, кроме славянской и финскую и татарскую», «действует <...> склад умственный и душевный, образовавшийся чрез Православие, которое в свою очередь всосалось в душу через общедоступность умственного и нравственного содержания веры, преподанного и воспринятого на родном языке».[392]

К слову сказать, в подобных высказываниях Гилярова трудно не заметить их существенного сходства с рассуждениями Достоевского о русском народе-Богоносце. Именно это вызывало раздражение, например, гиляровского приятеля Т. И. Филиппова, который все же безосновательно упрекал друга (в письме от 16 апреля 1885 г.), намекая якобы на какую-то недостойную предвзятость его убеждений: «Мне одно больно видеть в Вашем образе мыслей: в тех случаях, когда два начала — церковное и племенное — входят в столкновение, Вы отдаете перевес низшему над высшим и чрез то впадаете в общий недуг нашего времени, *порабощенного* идее народности до забвения того, что выше ее. Может ли это быть Вами осознано? Или сгиб Вашей мысли, издавна сложившийся, не разгладится?»[393] Сам Филиппов при этом как раз и прибегал к нереалистическим для того времени проектам. В газете «Утро Москвы», выходившей под редакцией его ученика Н. В. Васильева, 6 апреля появилась передовица, написанная если не самим Филипповым, то явно не без его участия, в которой звучал призыв к преодолению разделений поместных Церквей и единению их на основе Православия: «Не пресловутый *панславизм*, но обуреваемый несдержанными стремлениями современных нам национальных вопросов *панкафолицизм* лежит у нас теперь на сердце: вот что составляет теперь важнейшую и величайшую задачу и русского, и вселенского православного единства»...[394]

Подобно Хомякову, Гиляров в этой своей статье о кирилло-мефодиевском наследии (от 6 апреля) резко разводит три главные ветви христианства.[395] Особенно же язвительной критике подвергается им католицизм, — очевидно, прежде всего в связи с интригами Ватикана по отношению к Солунским братьям: «латинствующий Запад, — пишет он, — задним числом приплетает их в насиль-

[391] *Вопросы веры и церкви*. Т. II. С. 494, 495.

[392] Там же. С. 495.

[393] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 713. Л. 9.

[394] <*Филиппов Т. И.?*>. Москва, 5 апреля // Голос Москвы. 1885. 6 апр. № 93. С. 2.

[395] Ср. большую цитату из Хомякова в поминальной речи Гилярова «О судьбе убеждений»: *РБ*. 1860. Кн. II (XX). Отд. VII. С. 82—83.

ственную родню папизму <...>».[396] Гиляров отказывает Католической церкви даже в праве именоваться Церковью, так как, на его взгляд, «христианский Рим только продолжил дело языческого Рима, оставшись на той же основе; тем же мечом распространялась и вера, в то же внешнее учреждение, основанное на начале насилия, обратилась Церковь. Цезарь подменен был папою <...> папство положило оковы на души и ум <...>».[397] И в этом свете деяния Первоучителей славян приобретают еще большее значение для судеб христианской цивилизации.

Но существенно, что эти антикатолические инвективы имели еще один адресат, а именно — Вл. С. Соловьева с его идеями воссоздания церковного единства (и это не было пока замечено соловьевоведами). Едва намеченная и тут же затухшая полемика между мыслителями имела свою предысторию. 14 февраля того же 1885 г. Гиляров откликнулся на две публикации «Варшавского Дневника», в которых сообщалось о переговорах между Римской курией и Константинопольским патриархатом о соединении Церквей,[398] причем это «сенсационное известие» увязывалось с празднованием тысячелетнего юбилея со дня кончины Св. Мефодия. По этому поводу Гиляров писал: «...ни оригинальное воззрение, с которым выступил В. С. Соловьев, ни склонность к унии, приписываемую Константинопольскому патриарху, мы не считаем достойными не только серьезного спора, но даже серьезного упоминания. Уния! Мысль о ней есть нечто даже забавное, не говоря о том, что к вере она не имеет отношения. В унии весь вопрос о дисциплине, о власти <...>».[399] И далее показывал люциферические корни католицизма, не замечавшиеся его оппонентом: «Придумывая унию новейшей конструкции, и В. С. Соловьев находит ее нужной тоже лишь для внешнего единства <...> которое логически может быть завершено только признанием непогрешимости папы, где бы он ни сидел, в Риме или другом месте. А духовная непогрешимость в единоличном воплощении — это есть демонизм вместо христианства, перенесенный в Церковь». И — как вывод: католицизм «везде мертвит, душит и порабощает».[400]

Несомненно, на наш взгляд, что именно эта негодующая гиляровская реплика, к тому же брошенная будто бы походя, с показной небрежностью, побудила Соловьева «в одну ночь» написать статью «Церковные дела. Письмо первое», опубликованную Филипповым в «Голосе Москвы» под псевдонимом Варсонофий Максимов.[401] Во всяком случае, соловьевские тезисы представляют собой

---

[396] *Вопросы веры и церкви*. Т. II. С. 495.

[397] Там же. С. 494.

[398] Варшавский Дневник. 1885. 4 февр. № 28. С. 3; 11 февр. № 34. С. 1.

[399] *<Гиляров-Платонов Н. П.>*. Москва, 13 февраля: Дневное обозрение // *СИ*. 1885. 14 февр. № 43. С. 2.

[400] Там же.

[401] Атрибутирована и републикована Н. В. Котрелевым без указания гиляровской передовицы как повода для полемического ответа Соловьева. Хотя эта опасная в цензурном отношении статья и была напечатана только 14 марта (№ 73. С. 2), написана она не позд-

аргументы в пользу унии с Ватиканом, оспаривающие как раз основные положения гиляровской статьи. Так, характеризуя Св. Мефодия: «Византиец, апостол славян, ставленник римского папы, он олицетворяет собою живое единство этих различных религиозно-исторических стихий», — Соловьев, скорее всего, метит именно в Гилярова: «А у нас теперь во имя Св. Мефодия громко объявляют такое единство невозможным».[402] (Впрочем, Соловьев не мог не сознавать всю уязвимость своей позиции, когда пытался полемизировать со столь серьезным богословом. Любопытно его признание в письме к Н. Н. Страхову от 26 октября 1887 г., вскоре после кончины Гилярова: «Для меня смерть его имеет некоторое значение. Он оставался единственным из наших писателей, который мог бы при случае — если не с силой, то с некоторым подобием силы — выступить против меня по церковному вопросу».[403])

В отличие от честолюбиво-оригинальных, хотя и вполне искренних религиозно-философских построений Т. Филиппова, Вл. Соловьева или К. Леонтьева, так или иначе инициированных Кирилло-мефодиевскими торжествами, Гиляров не ограничился одними общетеоретическими рассуждениями, а вышел с важными практическими инициативами, позволяющими достойно отметить знаменательный юбилей. **(**Леонтьев, правда, судя по его переписке, сознательно игнорировал юбилей Солунских братьев как якобы официозное мероприятие, навязанное сверху. Но как раз к этому времени относится весьма меткая полемическая реплика Гилярова в связи с выходом в свет 1-го тома исследования Леонтьева «Восток, Россия и Славянство» (М., 1885).[404]**)**

Во-первых, он поднял вопрос о возрождении Московского славянского благотворительного общества, закрытого правительством в 1878 г. за осуждение итогов Берлинского конгресса, который имел негативные последствия для судьбы России. По мнению Гилярова, именно Москва должна была встать во главе движения, объединяющего различные ученые и художественные общества в чествовании Солунских братьев, резонно замечая: «На голос Москвы вся Русь откликнется и под хоругвию Святых Первоучителей засвидетельствует о себе, чем она есть».[405] Такой хоругвью, правда утраченной Москвою, Гиляров и называет Славянское общество и не без остроумия сетует, что оно провинилось «лишь своим патриотизмом»: «Но патриотизм не такое же преступление, за которое

нее 18 февраля **(**см.: Вестник Русского Христианского Движения. 1990. № 1 (158). С. 148—149**)**, т. е. вскоре после выхода в свет гиляровской статьи. См. также важную по представленным в ней неизвестным источникам работу О. Л. Фетисенко «Вл. Соловьев в “Голосе Москвы” (новые материалы)» (Минувшее и непреходящее в жизни и творчестве В. С. Соловьева: Материалы междунар. науч. конф. 14—15 февр. 2003 г. СПб., 2003. С. 388—395).

[402] Голос Москвы. 1885. 14 марта. № 73. С. 2.

[403] *Соловьев Вл.* «Неподвижно лишь солнце любви...»: Стихотворения. Проза. Письма. Воспоминания современников. М.: Моск. рабочий, 1990. С. 252.

[404] *СИ*. 1885. 24 сент. № 245. С. 2. Републ. нами: *Гиляров. ИМБР*. С. 651—653.

[405] *Вопросы веры и церкви*. Т. II. С. 477.

даже прощения не полагается».[406] Это предложение было с большим воодушевлением поддержано газетой Суворина. Он напомнил, что Московское славянское общество «стало центром общественного всероссийского, а не московского только движения в 1876 году <...>».[407] А при чествовании Солунских братьев Москва как объединительный центр, по убеждению Суворина, была бы куда предпочтительнее чиновного Петербурга: «Она — гораздо партикулярнее, так сказать. Ей же не привыкать стать идти во главе общественного движения».[408]

Во-вторых, Гиляров счел необходимым и благовременным выйти с предложением исправления богослужебных книг: «...желали бы, чтобы восчествована была память Свв. наших Первоучителей деянием, прямо относящимся к оставленному им наследию. Пересмотр текстов богослужебных книг давно ждет своей очереди; славянский текст Библии также заслуживает пересмотра».[409] И далее: «...всероссийское чествование Святых Первоучителей дает нам <...> повод и право сказать: “Пора! Се время благоприятно! Пересмотру славянского текста и Библии, и богослужебных книг во славу Свв. Кирилла и Мефодия должно быть положено прочное основание; в видах умиротворения Церкви и к утверждению просвещения на основании, нам от начала поданном”».[410]

Актуальность этого нового исправления, полагал Гиляров, вызвана самой жизнью, в частности — развитием системы церковноприходского образования, ибо важно, чтобы церковнославянская книга «не содержала искажений, уклонений, невежественных поправок».[411] Попутно он говорит и о значении этой формы обучения, у истоков которой, к слову сказать, сам и стоял в начале 1860-х гг.,[412] непосредственно связывая ее с судьбой кирилло-мефодиевского наследия: «Первоначальное наше просвещение и вся наша письменность назданы на наследии Кирилла и Мефодия, на церковной литературе; колыбель нашего языка в его культурном состоянии там же. Порывать связь с этим наследием, сбегать с этого основания, помимо даже отношения к вере, значит порывать с преданием, с историею, искажать духовную народную личность».[413]

Гиляров напомнил и об обыкновенных опасениях против исправления богослужебных книг: «как бы не произвести раскола» — и тут же их отмел, так как пересмотр богослужебных и библейских славянских текстов Никоновского

---

[406] Там же. С. 478.

[407] <*Суворин А. С.*>. Ежедневное обозрение: С.-Петербург, 24-го февраля // *НВр*. 1885. 25 февр. № 3231. С. 1.

[408] Там же.

[409] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 23 февраля: Дневное обозрение // *СИ*. 1885. 24 февр. № 53. С. 2.

[410] Там же. «Се время благоприятно» — неточная цитата из послания Апостола Павла (2 Кор 6: 2).

[411] Там же.

[412] См.: *Шаховской Н., кн.* Н. П. Гиляров-Платонов как инициатор церковноприходской школы // *РО*. 1896. Т. 37, февр. С. 572—589.

[413] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 23 февраля: Дневное обозрение. С. 2.

и Елизаветинского времени, напротив, «облегчит примирение старообрядцев с Церковью».[414] Любопытно, что газета Суворина откликнулась и на эту инициативу Гилярова: ее обозреватель привел обширную цитату из передовицы «Современных Известий», но выразил сомнение, что исправление Библии не произведет волнений среди верующих, пошутив, что Гиляров надеется вышибить «клин клином».[415]

Тот в № 57 своей газеты (от 28 февраля) отозвался целым мемуарным очерком, в котором рассказал о беседах с митрополитом Филаретом (Дроздовым) по этому вопросу, в результате чего «исключено было и исправлено несколько “блазненных мест” в богослужебных книгах»,[416] объяснил, почему в тот период не могло быть создано необходимое для этих целей специальное учреждение «наподобие Археографической комиссии».[417] В конце статьи Гиляров представлял новые доводы в пользу своего проекта: «Великое дело общего пересмотра книг не только было бы необходимо для блага Церкви, для общенародного просвещения и для освежения связи между единоверческим славянством и даже славянами вообще, — оно было бы сравнительно и легко. <...> В духовном ведомстве существуют синодальные типографии; они дают доход <...>».[418]

К сожалению, ни одно из двух предложений Гилярова тогда не было реализовано, и исправление богослужебных книг, до сих пор ограничивающееся внесением частных поправок (в 1910-х, 1970—1980-х гг.) и не выходящее к итоговому кодифицированному тексту, становится для Церкви проблемой все более острой.

Таким образом, Гиляров, издатель-редактор довольно влиятельной ежедневной газеты, считал необходимым воспользоваться празднованием большого юбилея Св. Мефодия для решения насущных общественно-церковных и национально-политических проблем практического характера, а не для доктринальных, подчас весьма отвлеченных, а то и попросту прекраснодушных рассуждений о славянском либо церковном единстве. Особенно близка для него оказалась мысль, впервые прозвучавшая со страниц суворинского «Нового Времени»[419] — о том, что чествование Солунских братьев не должно стать одним из многих официальных церковных либо так называемых «табельных» праздников, а ему необходимо приобрести широкое общественное звучание. Гиляров писал: «И вот значение для нас Славянских Первоучителей! Оно менее церковное и государственное, чем общественное. Они родоначальники нашего образованного языка, нашей осмысленной речи, и праздник их ближе всего праздник общества, праздник народный и чрез то государственный и церковный».[420]

---

[414] *<Гиляров-Платонов Н. П.>*. Москва, 23 февраля: Дневное обозрение. С. 2.

[415] Среди газет и журналов // *НВр*. 1885. 26 февр. № 3232. С. 2.

[416] *Вопросы веры и церкви*. Т. II. С. 480.

[417] Там же. С. 481.

[418] Там же.

[419] См.: *<Суворин А. С.>*. Ежедневное обозрение: С.-Петербург, 24-го февраля. С. 1.

[420] *Вопросы веры и церкви*. Т. II. С. 485—486.

Гиляров, конечно, смотрел на проблему глубже — на путях заповеданного усвоения кирилло-мефодиевского наследия, «под хоругвию Святых Первоучителей», он, с одной стороны, видел возможность консолидации народа и преодоления разрыва между светским и духовным в русской жизни (в чем сближался с такими национальными деятелями, как Победоносцев, И. Аксаков и даже Катков). С другой стороны, по убеждению Гилярова, наследие Солунских братьев давало ключи к постижению сложной историософской проблематики Нового времени: «Политическое призвание России, определение места славян среди других народов, освобождение болгар, разность в направлении и характере двух христианств, восточного и западного, с особенностью просвещения, на том и другом основанного, связываются в один узел».[421]

2.9. Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ И К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ: ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫЕ ВОПРОСЫ В ГАЗЕТНОЙ И ЭПИСТОЛЯРНОЙ ПОЛЕМИКЕ (1860—1880-е)

Как известно, в феврале 1886 г., вскоре после кончины признанного главы славянофильства И. С. Аксакова, обер-прокурор Св. Синода К. П. Победоносцев, ученый-правовед и религиозный мыслитель, откликнулся на эту горестную для русской культуры утрату прочувствованным мемуарным некрологом «Аксаковы»,[422] о чем в день выхода его из печати известил своего московского приятеля и давнего корреспондента Гилярова: «Кончина И. С. Аксакова глубоко огорчила меня. Вы близко знали его и потому хорошо понимаете, что его не заменишь, а в Москве без него совсем пусто. Чувствуя потребность сказать об нем вкратце, я написал урывками, перед сном, статейку об Аксаковых, которая и пущена в сегодняшнем № “Гражданина”».[423]

На ответ Гилярова (он, вероятно, не сохранился), содержавший просьбу воспроизвести некролог в его газете, 24 февраля 1886 г. последовало новое письмо Победоносцева: «Очень рад, достопочтенный Никита Петрович, что моя статейка об Аксаковых, от души написанная, пришлась Вам по душе. Рад и тому, что Вы ее перепечатываете, ради большего распространения. Люди эти достойны, чтобы память об них жила, ибо, в сущности, были они люди не партии, а люди правды, и притом русской правды».[424]

Однако не менее нежели к И. Аксакову это удивительно емкое выражение — *люди русской правды* — приложимо и к Гилярову, и, безусловно, к самому Победоносцеву. Самоочевидное свидетельство тому — их живые голоса, которые сохранила нам двусторонняя переписка мыслителей, дошедшая до нас пусть и не в полном своем составе, но, судя по всему, с небольшими потерями. Этот один

[421] Там же. С. 496.
[422] Гражданин. 1886. № 12. 9 февр. С. 1—3, с подписью: *К. П.*
[423] ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 57. Л. 1.
[424] Там же. Л. 3.

из наиболее важных для изучения биографии и творчества как Гилярова, так и Победоносцева эпистолярных комплексов позволяет реконструировать их взаимоотношения и является ценным источником прежде всего для исследования редакционной политики Гилярова-журналиста и его публицистической деятельности в целом.

Извлечения из этой переписки (с частичным пересказом) впервые были напечатаны в 1888 г. С. Ф. Шараповым в статье «Памяти Н. П. Гилярова-Платонова (13 октября 1887 года)»[425] и затем, в 1899 г., — князем Н. В. Шаховским во вступительной статье к подготовленному им двухтомнику сочинений мыслителя.[426] Однако полностью публиковать эту переписку Шаховской считал преждевременным — он сообщал в письме к другу юности Гилярова фольклористу П. А. Бессонову от начала сентября 1893 г.: «...К. П. Победоносцев — мне передал огромное количество пис<ем> к нему Н<икиты> П<етровича>, заключающих в себе большею частию материал, не подлежащий оглашению, но знание которого для биографа необходимо».[427] В 2010 г. шесть писем Победоносцева к Гилярову за 1873—1874 гг. напечатал В. В. Ведерников,[428] но он, к сожалению, не избежал ошибочных прочтений. В 2011—2013 гг. нами была предпринята публикация этой переписки в полном объеме.[429]

Охватывает переписка большой, 27-летний, период — с 1860 по 1887 г. Нам удалось обнаружить 94 письма (39 Гилярова и 55 Победоносцева); они хранятся разрозненно — в архивах Петербурга и Москвы, причем большинство их — в виде не только чистовых автографов, но и копий, выполненных князем Шаховским, а некоторые — также в черновых вариантах; не исключено, что дальнейшие архивные разыскания увенчаются успехом и в будущем удастся обнаружить недостающие письма, отсутствие которых иногда прерывает для нас нить оживленного разговора о самом главном, что волновало двух собеседников, — о России, о вере, о судьбе русского слова. Более всего этот эпистолярий ценен содержащимися в нем откровенными характеристиками различных лиц и событий и интереснейшими суждениями по острым церковно-общественным вопросам.

---

[425] *РД*. 1888. 8 окт. № 41. С. 1—5. Здесь приведены шесть небольших выдержек из писем Гилярова к Победоносцеву за 1867—1875 гг. Дело в том, что сразу после кончины Гилярова эти письма Победоносцев передал их общему близкому другу фольклористу и археографу Е. В. Барсову, а тот познакомил с ними А. М. Гальперсон, которая и сделала копии для С. Ф. Шарапова. Ср.: *Тесля А. А.* Газетная история // *Гиляров: ИМБР*. С. 830.

[426] См.: *Шаховской Н., кн.* Никита Петрович Гиляров-Платонов // *Сб. соч.* Т. I. С. XXVII—XXXI, XXXIV—XXXVI, LI—LII.

[427] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 68. Л. 6 об.

[428] См.: *Победоносцев К. П.* «Будь тверд и мужествен...»: Статьи из еженедельника «Гражданин», 1873—1876; Письма / Под ред. В. В. Ведерникова. СПб.. 2010. С. 324—326.

[429] См.: *Разумевающие верой; Дмитриев А. П.* К истории благотворительности в России: (Неопубликованные письма Н. П. Гилярова-Платонова к К. П. Победоносцеву, 1866—1867) // *Гиляров: ИМБР*. С. 837—876.

Заочно Гиляров и Победоносцев были знакомы со времен «Русской Беседы», автором и цензором которой был Гиляров и где Победоносцев, как известно, в 1859 г. опубликовал четыре стихотворения на религиозно-нравственные темы и статью по юриспруденции. О том, когда по-настоящему сблизились Гиляров с Победоносцевым, последний сообщал в письме к князю Шаховскому от 29 января 1898 г., отвечая на его прямой вопрос: «Время моего знакомства с Гиляровым определяется годом издания “Христианского начала семейной жизни” — книги, которую цензуровал Гиляров».[430] Речь идет об анонимно опубликованном Победоносцевым переводе сочинения немецкого теолога Г. В. Тирша «Христианские начала семейной жизни» (М., 1861). Цензурное разрешение подписано Гиляровым, в тот период служившим в Московском цензурном комитете, 19 декабря 1860 г. Причем он, как ему было свойственно всегда, отнесся к делу далеко не формально: правил стиль, исключал некоторые «неудобные» места, а иные переписывал или снабжал подстрочными примечаниями.[431] Возвращая Победоносцеву его труд, в сопроводительной записке от 21 декабря 1860 г. Гиляров полушутливо пенял автору (видимо, по поводу их частых встреч и бесед в этот период), что все же остаются сомнения и «нужно смягчить или изменить места, но дума об этом отнимет еще несколько времени; а Вы и так зело мучили меня своим *хождением*».[432] Завязалось знакомство еще весной, и зиждилось оно тогда во многом на общности взглядов на цензуру — на том славянофильском убеждении, что Россия остро нуждается в свободе слова. 15 апреля 1860 г. Победоносцев писал К. Д. Кавелину: «Цензура у нас стала просто черным кабинетом. Щербинин вместе с зятем своим Прибылем терзают и режут все печатное; циркуляры сыплются один за другим из П<етер>бурга, и каждый из них дышит духом ancien régime.* Драшусова уж отставили. Единственный затем толковый цензор — Гиляров — убирается вон заблаговременно. Литературе нашей очень плохо приходится. Кажется, именно московская литература привлекает все эти громы. А какой-нибудь “Современник” с своими балаганными глумлениями, верно, будет процветать по-прежнему».[433]

В дальнейшем Гиляров и Победоносцев оставались приятелями: после переезда последнего в Петербург регулярно переписывались. По смерти Гилярова, с 1899 по 1906 г., Победоносцев — случай для него исключительный! — издал на свои личные средства восемь сборников статей и отдельных работ бывшего приятеля, подготовленных к печати князем Шаховским.[434]

---

[430] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 148. Л. 11.

[431] См. републикацию примечаний Гилярова к этой книге: *Разумевающие верой*. С. 29—31.

[432] Там же. С. 29.

* старого режима (*фр.*).

[433] ИРЛИ. Сигн. 20 627. Л. 1 об.

[434] См. перечисление этих изданий во Введении, на с. 12. Обстоятельства подготовки гиляровских произведений к печати содержатся в сохранившейся в РНБ переписке Победоносцева и князя Шаховского (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 75—78, 147—155), публикуемой в Приложении к наст. изд.

Первое десятилетие приятельских отношений Гилярова и Победоносцева — наименее изученный период биографии Гилярова, когда он, неожиданно для всех отказавшись от стези писателя — и *учено-литературной* (а ранними трудами 1850-х гг. он заявил о себе как о многообещающем богослове, историке, социологе), и *публицистической* и *литературно-критической* **(**как упоминалось, его яркие статьи о творчестве С. Т. Аксакова, инока Парфения (Агеева) и Кохановской (Н. С. Соханской), помещавшиеся в «Русской Беседе», стали общепризнанными эстетическими манифестами славянофильства**)**, — с головой ушел в сугубо практическую деятельность, которую понимал как честное служение отечеству и русскому народу. Такое служение в области литературы уже не могло вполне удовлетворять его, так как после кратковременной «эпохи гласности» зримо и неотвратимо сужались рамки дозволенной начальством *свободы слова.* Кое в чем нередко не соглашавшийся с друзьями-славянофилами, в этом требовании он был всегда с ними единомыслен.

Победоносцев начиная с 1861 г. жил в Петербурге — он, как известно, тогда начал преподавать законоведение наследнику цесаревичу Николаю Александровичу и великим князьям, в их числе будущему императору Александру III (позднее обучал и его старшего сына, венчанного на царство с именем Николай II). Гиляров, как говорилось, сначала, в августе 1862 г., был уволен от цензорской должности, а вскоре, в июне 1863 г., и вовсе выведен за штат Министерства народного просвещения. Знакомство с Победоносцевым, очное и по переписке, возобновилось, когда Гиляров с августа 1863 г. занял пост управляющего Синодальной типографией в Москве и, особенно, когда в марте 1865 г., по рекомендации Победоносцева и графини Блудовой, он, наряду с Победоносцевым, был избран великой княгиней Еленой Павловной одним из двух светских членов учрежденного ею Московского комитета по вспомоществованию бедным лицам духовного звания (позднее Братство Святителя Николая).

О своей плодотворной духовно-просветительской (хотя и не собственно научно-литературной) деятельности за те пять лет, что он руководил Синодальной типографией, Гиляров подробно писал, защищаясь от наговоров недоброжелателей, 8 ноября 1883 г. Победоносцеву, в то время уже обер-прокурору Св. Синода.[435] Это итоговое осмысление прежней деятельности служит хорошим комментарием к письмам 1867—1868 гг., которые интересны живым и непосредственным откликом на события, в частности на то и дело сгущавшиеся над ним «тучи» начальственного недовольства и интриг, о чем Гиляров регулярно ставил в известность Победоносцева — и дружески исповедуясь ему, и, одновременно, надеясь на его связи при Дворе и, стало быть, заступничество. Вместе с тем, не довольствуясь одним лишь административно-экономическим руководством Типографией, осуществлявшимся исключительно добросовестно и творчески, Гиляров немало времени посвящал редакторским трудам, которые,

[435] Цитаты из этого письма приведены в главе 1.7. Полностью: *Разумевающие верой.* С. 205—216.

конечно, не имели отношения к его прямым обязанностям и за которые он брался, ставя перед собой задачу духовного просвещения. Особой его заслугой, как отмечалось выше, стало спасение им старинных книг и рукописей, а также начатая по его инициативе реставрация здания Печатного двора, возвращающая его исконный вид, и препятствование синодальным властям в продаже городу под торговые помещения типографских зданий — как памятников истории и культуры. В этот период Победоносцев по просьбе приятеля помогал в прохождении казусных дел в Сенате, обсуждал с ним перипетии еврейского вопроса в западных губерниях, проявлял интерес к положению дел в Синодальной типографии; Гиляров дорожил его мнением о своих передовицах в аксаковской газете «Москва» и др.

Шесть обстоятельных писем Гилярова (с марта 1866 г. по январь 1867 г.)[436] позволяют судить о том, с какой душевной самоотдачей они как члены Братства Святителя Николая занимались благотворительностью, помогая недостаточным семьям священников и церковнослужителей, поскольку целью Братства было «попечение о нуждах воспитания беднейших детей духовного сословия, обучающихся в духовных училищах»,[437] и способствуя преодолению изоляционизма духовенства от остального общества.

Переписка Гилярова с Победоносцевым конца 1860-х гг., когда Гиляров приступил к изданию общедоступной ежедневной газеты «Современные Известия», содержит ценные свидетельства о том, с какими трудностями довелось столкнуться Гилярову на первых порах, когда его конкуренты, прежде всего «Русские Ведомости» Н. С. Скворцова, пытались добиться льгот для своих изданий в ущерб гиляровскому, а он сам был брошен на произвол судьбы своим компаньоном литератором Н. А. Основским.

Главное же то, что именно Победоносцеву Гиляров решил поверить свои заветные мысли о том, с какой целью собирался издавать газету, — мысли, всецело проникнутые идеями самоотверженной любви к «малым сим». 20 октября 1867 г. он писал приятелю: «Молю Бога, чтобы Он дал мне успех, не потому только, что это выгодно, а и потому, что это общеполезно. Скромная, общенародная газета, это — мысль моя с юных лет».[438]

Плодотворное изучение истории «Современных Известий» и редакционной политики их издателя невозможно без учета переписки Гилярова с Победоносцевым ряда последующих лет (особенно интенсивной она была в первой половине 1870-х гг.), тем более что она носит односторонний характер: ее темы главным образом связаны со служебными и издательскими проблемами Гилярова. Победоносцев же, изначально не одобрявший планы товарища по изданию газеты, здесь выступает как необыкновенно преданный друг и неустанный ходатай по делам приятеля, чуть ли не как его Ангел-Хранитель: он специально

[436] *Гиляров: ИМБР*. С. 838—852.

[437] Устав Братства Святителя Николая. М.: В Синодал. тип., 1865. С. 2.

[438] *Разумевающие верой*. С. 61.

встречается с влиятельными петербургскими сановниками, дабы склонить их на сторону Гилярова, уберечь его издание от репрессий либо ослабить их действие. При этом он постоянно подсказывает, как избегать цензурных кар, а попутно делится своими суждениями о журналистике.

Так, 9 ноября 1872 г. Победоносцев сообщал: «Вот видите ли — Вам на днях дважды угрожала опасность — и именно за те самые статьи, на которые я Вам указывал. По статье о народных школах, именно о выражениях, мною замеченных, был о Вас особый доклад в Глав<ном> управ<лении> ценз<уры>. К счастью, незадолго перед тем была моя беседа с Лонгиновым,[439] так что впечатление его, еще свежее, побудило его пройти вскользь и оставить доклад без последствий. <...> Видите ли, любезный друг, как надо быть осторожным! Ради Бога, оглаживайте Ваши выражения. В последних нумерах Ваших все было гладко и в меру».[440]

В письме от 11—12 октября 1872 г.: «Смотрите за своей *иронией* и не доверяйтесь ей в коротких заметках. Так срывается иногда с языка неудобное слово... Имейте в виду, что люди надзирающие не знают *пропорций* и не умеют понять фразу *в связи* с *контекстом*. Этого от них не ожидайте и не спрашивайте. Они чувствуют только в том месте кожи, в которое их уколет».[441]

Снова в письме от 30 октября 1872 г.: «Ну, теперь проводите свою барку между шхерами осторожнее! Вы видите, кажется, с кем имеете дело. Я все не умею вас поставить на свою точку зрения, — что надо наблюдать более всего за *отдельными словами* и *фразами* и не успокаиваться на той мысли, что общую идею статьи или общее направление не оценят. Такой оценки не дождетесь и полагаться на нее наивно».[442]

В некоторых письмах Победоносцев, хорошо осведомленный о настроениях, господствовавших в Главном управлении по делам печати и в министерствах, давал своевременные практические советы. 11—12 октября 1872 г. он предупреждал: «Осторожнее обходитесь с вопросом о рабочих и об ассоциациях. Вы иногда приступаете к нему как-то патриархально, по началам филантропии. Так можно было прежде, а нынче дело это слишком горячо и деликатно поставлено. Не горячитесь очень из-за присяжных: по этому поводу у Вас срываются резкие и горячие слова. *Не стоит*, по правде Вам скажу».[443] Или совет в письме от 23—24 октября 1873 г.: «Берегитесь *Самарского голода*. Это предмет очень деликатный в настоящую минуту, равно как Земство вообще. <...> Об этом предмете теперь не терпят никаких намеков».[444] Победоносцев имел в виду то, что газете

---

[439] Михаил Николаевич Лонгинов (1823—1875), библиограф, мемуарист, критик, поэт-любитель, библиофил, в 1871—1875 гг. занимал пост начальника Главного управления по делам печати.

[440] *Разумевающие верой*. С. 113.

[441] Там же. С. 101.

[442] Там же. С. 111.

[443] Там же. С. 101.

[444] Там же. С. 111.

Гилярова сочувственно было прокомментировано опубликованное в «Московских Ведомостях» известное письмо Л. Н. Толстого от 28 июля 1873 г. «о бедственном положении крестьян Самарской губернии, вызванном неурожаем и близком к голоду» и отклики газет на него,[445] а также одну из передовых статей, которую Гиляров начал словами: «Голодающие самарцы — вопрос не одного сострадания, а предмет для размышления: каким образом это возможно? Всякий согласится, что голод в Архангельской губернии не представляет ничего удивительного; но <...> чтоб житница России и пол-Европы дошла до таких бедствий <...>».[446]

Любопытно, что Победоносцев и позднее, находясь уже на вершине власти, имел весьма невысокое мнение о чиновниках цензурного ведомства, считая их решения зачастую непоследовательными, а то и просто вздорными. 23 июля 1893 г. он писал П. И. Бартеневу по поводу подготавливавшихся последним к изданию в «Русском Архиве» писем историка Н. И. Костомарова: «Задержанную цензурой переписку Костомарова[447] я пропустил бы, снабдив оговорками в примечании. Но ведь цензура “дышит где хочет”[448] — и про ее облака и тучи можно сказать стихами Лермонтова: “Куда они, зачем, откуда — кто их спросит?”[449]»...[450]

Победоносцев искренне переживает за друга и с тревогой открывает каждый свежий номер его газеты. 11 января 1874 г. он признается: «Удивительно, что я всегда чую по Вашим статьям опасность и что это чутье меня не обманывает. Прочтя в 1 № “Совр<еменных> Изв<естий>” Вашу политическую статью, я почувствовал опасение за Вас. Статья мне не понравилась, — в ней проведены штрихом резкие черты <...>».[451] 21 февраля 1874 г.: «Ах, любезнейший Никита Петрович, как Вы неосторожны, как Вы даете волю побуждению минуты. Вчерашняя Ваша статья, сейчас прочитанная мною, может Вас подвергнуть большой опасности и во всяком случае поставить Вас на черную доску в цензурн<ом> ведомстве».[452] Как читатель Победоносцев относился к гиляровской газете неоднозначно — по крайней мере, всегда отдавал предпочтение катковским «Московским Ведомостям» (о них и их редакторе-издателе приятели нередко спорят[453]). Некоторые публикации «Современных Известий» возмущали

---

[445] *<Без подписи>*. По очередным вопросам // *СИ*. 1873. 25 авг. № 233. С. 2. См. также: Там же. 27 авг. № 235. С. 2; 29 авг. № 237. С. 2.

[446] *<Гиляров-Платонов Н. П.>*. Москва, 23 сентября // Там же. 24 сент. № 263. С. 2.

[447] Предположительно, речь идет о переписке Н. И. Костомарова с И. С. Аксаковым о Малороссии, увидевшей свет только после значительных цензурных послаблений: *РА*. 1906. Кн. III, вып. 12. С. 537—548.

[448] Евангельская цитата (Ин 3: 8).

[449] Из стихотворения «Памяти А. И. Одоевского» (1839); у Лермонтова пунктуация иная.

[450] РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 585. Л. 261—261 об.

[451] *Разумевающие верой*. С. 160.

[452] Там же. С. 164.

[453] См.: Там же. С. 82, 121, 131, 149—150, 164, 166, 194—195. См. об этом также, в частности, в главе 2.1.

Победоносцева — особенно на церковные темы: серия статей об игуменье Митрофании (Розен), инспирировавших начало громкого судебного процесса о мошенничестве;[454] ряд корреспонденций из Костромы об игуменье Марии (Давыдовой), обличавших ее суетность, тщеславие и корыстолюбие;[455] передовицы о московском купце А. А. Пороховщикове и его нечистоплотных финансовых сделках с синодальными властями.[456]

Вместе с тем иные публикации Гилярова приводили Победоносцева в восторг: очень порадовали его, например, руководящие статьи рубежа 1870—1880-х гг. в защиту Добровольного флота и в поддержку Японской православной миссии, возглавлявшейся епископом Николаем (Касаткиным). В обоих предприятиях Победоносцев принимал близкое участие и, по выходе газет из печати, просил приятеля выслать ему дополнительные экземпляры для раздачи высокопоставленным сановникам.[457] Некоторые статьи он давал читать друзьям. Так, 12 января 1879 г. Победоносцев писал Ф. М. Достоевскому, с которым в тот период особенно сблизился и нередко встречался субботними вечерами: «Почтеннейший Федор Михайлович. Рекомендую вам прочесть фельетон в прилагаемом <номере> “Соврем<енных> Известий”. В нем метко выражена основательная мысль и подмечено явление, слишком обыкновенное в нашем обществе».[458] И все же нередкое несовпадение во мнениях и суждениях пересиливало моменты гармонического согласия. Уже в середине 1870-х гг. сердечные приятельские отношения Победоносцева и Гилярова дали трещину. С начала же 1880-х гг. взаимоотношения стали портиться необратимо.

Когда Победоносцев занял пост обер-прокурора Св. Синода, Гиляров приветствовал в передовой статье его и вслед за ним получившего пост министра финансов Н. Х. Бунге: «Из всех назначений на государственные должности, состоявшихся за последнее время, особенным сочувствием приветствованы были назначения К. П. Победоносцева и Н. Х. Бунге. Чему это приписать? Мы приписываем тому, что прежняя деятельность обоих сановников не ограничивалась одним повышением по ступеням бюрократической лестницы, а состояла в трудах, которыми выступали они на суд всенародный; кроме казенного формуляра чиновников, они имеют за собою еще другой формуляр — публичных деятелей».[459]

Гиляров, вероятно, надеялся, что теперь, кроме всего прочего, в лице сановного приятеля он получит и надежного защитника для своего издания и ему будет проще делиться со своими читателями задушевными идеями общенационального звучания. К тому же после трагического события Первого марта «Совре-

---

[454] См.: *Разумевающие верой*. С. 118, 122—123, 132.

[455] См.: Там же. С. 169.

[456] См.: Там же. С. 49, 101, 104—105, 111, 113, 115, 209—210.

[457] См.: Там же. С. 185.

[458] *Победоносцев К.* Церковь и государство: В 2 т. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2011. Т. I. С. 546.

[459] *<Гиляров-Платонов Н. П.>*. Москва, 18 июля // *СИ*. 1880. 19 июля. № 197. С. 2.

менные Известия» приобрели как бы второе дыхание: их популярность и общественное влияние, как, впрочем, и других консервативных изданий, заметно возросли.

Однако Победоносцев уже не столь охотно выручал Гилярова из цензурных тенёт; порой же и сам предлагал начальнику Главного управления по делам печати Е. М. Феоктистову объявить «Современным Известиям» предостережение либо запретить их розничную продажу.[460] Свое недовольство некоторыми публикациями гиляровской газеты Победоносцев высказывал и в письмах к другим лицам. Так, 12 февраля 1884 г. он писал расколоведу Н. И. Субботину в связи с опубликованными в «Современных Известиях» материалами о старообрядцах: «Да и Гилярова, уже продавшего себя на газетные гроши, не убедишь, что он такой вздор не должен был печатать, да еще с почтением».[461] Когда же Субботин намеревался опубликовать возражение на очерк Гилярова «Логика раскола», Победоносцев отговаривал его: «Боюсь я, как бы статья Ваша против Никиты Гилярова <...> не подняла бестолковой полемической пыли. Никита молчать не будет, наговорит вздору и по бурсацкой привычке станет щипать и колоть».[462]

О резко изменившемся отношении Победоносцева к бывшему приятелю и, одновременно, о возросшей популярности Гилярова среди москвичей особенно красноречиво свидетельствует небольшое письмо сравнительно недавно назначенного обер-прокурором Победоносцева к министру внутренних дел графу Н. П. Игнатьеву — в жанре доноса-предостережения, которое стоит привести целиком:

«Достопочтеннейший
Граф Николай Павлович!

Вчера читал в газетах телеграмму из Москвы, якобы предполагается там выбрать в головы Гилярова-Платонова, издателя “Современных Известий”, и ожидается в пользу его громадное большинство.

Я хочу по этому поводу предупредить Вас.

Выбор головы в эту минуту для Москвы весьма важен. Там в Думе идет неладно. Образовалась там какая-то черная сотня мещанская: мужики-горланы входят в силу и путают все дела, возбуждаемые газетчиками, в числе коих главную роль играл тот же Гиляров.

Гилярова я давно знаю. Он человек умный и добрый, но совершенно *бесхарактерный*, и *неряха* в материальном и в нравственном смысле. В свое время я крепко уговаривал его не браться за издание газеты, пророча ему, что он растратит свою

[460] См. письма Победоносцева от 3 апреля 1885 г. и 16 января 1887 г. (Литературное наследство. М., 1935. Т. 22/24. С. 517, 524).

[461] *Марков В. С., <прот.>*. К истории раскола-старообрядчества второй половины XIX столетия: Переписка проф. Н. И. Субботина, преимущественно неизданная, как материал для истории раскола и отношений к нему правительства (1865—1904 гг.). М., 1914. С. 366.

[462] Там же. С. 434.

силу и разменяется на дрянную мелочь. Он меня не послушал, и пророчество мое оправдалось.

Как голова он будет весьма вреден, ибо станет орудием всевозможной агитации. Как неряха он может допустить всяческие растраты, — хотя и нисколько в них не участвуя. Он был когда-то управляющим Синодальной типографией и оставил большие беспорядки в счетах. Затем, после Сербской войны, когда в Редакцию присылались деньги на пособие славянам, деньги, при беспорядке, расхищались, и, по доносу на Гилярова, начато было в Москве уголовное следствие о растрате.[463] Под него всегда подделываются проходимцы всякого рода и орудуют через него.

Предупреждаю Вас об этом: выбор Гилярова был бы несчастным выбором для Москвы.

Душевно предан<ный>

К. Победоносцев

22 декабря 1881 г.».[464]

Этим своим письмом Победоносцев будто бы хотел нейтрализовать другую, хвалебную, характеристику Гилярова, написанную для Игнатьева (о которой мог знать от графа же) их общим приятелем И. Аксаковым за полтора месяца до этого письма (9 ноября 1881 г.) в связи с предстоявшей аудиенцией Гилярова у Игнатьева:

«Многоуважаемый Граф.

Никита Петрович Гиляров-Платонов, редактор “Современных Известий”, просит у меня письма к Вам, не в смысле рекомендации, а с тем, чтоб удостоиться более продолжительной беседы с Вами. Он человек замечательных талантов и учености: был профессором, и блистательным, историк расколов в России в Троицкой Духовной Академии; потом, не поладив с духовным начальством, был, по ходатайству покойного графа Блудова, назначен цензором и участвовал в Редакционных комиссиях по составлению цензурных правил, — наконец, в течение 12 лет издает газету, занимающую в журналистике особое положение. Хотя эта газета принадлежит к разряду, который зовется la petite presse * и мало имеет читателей в высшем кругу общества, но бесспорно, что все передовые статьи, писанные самим Гиляровым, особенно же по вопросам церковным, всегда замечательны. Некогда он был сотрудником моих изданий — “Дня” и “Москвы”».[465]

Вместе с тем Победоносцев, действительно необычайно высоко ценя дарования Гилярова — исследователя и мыслителя, еще с того времени, как тот затеял издание газеты, неизменно считал, что ему следовало бы сойти со «скользкого

---

[463] См. подробно: Документы следственного дела по доносу М. С. Сковронской о растрате сумм, пожертвованных на славян (1877—1879) / Публ. А. П. Дмитриева // *Гиляров: ИМБР*. С. 336—428, а также главу 1.8.

[464] РГИА. Ф. 1561. Оп. 1. Д. 19. Л. 1—2.

* малая печать (*фр.*).

[465] ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Ед. хр. 2258. Л. 13. Благодарю Д. А. Бадаляна, ознакомившего нас с содержанием этого письма.

пути журналиста» и заняться фундаментальной наукой. И. Аксаков, общий приятель Гилярова и Победоносцева и постоянный корреспондент того и другого, пытался изменить отношение последнего к газетной деятельности. Он объяснял Победоносцеву, каково должно быть требование правительства к искренней и серьезной патриотически-ориентированной прессе в условиях современной идейно-политической борьбы. При этом Аксаков не столько выступал с защитой своего еженедельника «Русь», сколько, по всей видимости, выгораживал именно издателя ежедневных «Современных Известий», материалы которых то и дело раздражали синодального обер-прокурора. Так, 12 февраля 1882 г. Аксаков писал Победоносцеву: «...частная, независимая газета, орган частного лица, имеет право быть и повольнее в своих речах. Почему Ты находишь нужным убеждать *меня* в необходимости поддерживать центральную власть, когда я только это и делаю, и кажется, энергичнее, чем кто-либо?! Но поддерживать не значит хвалить каждое ее деяние или утверждать ее в ложном направлении; напротив, надобно стараться вывести ее на прямой путь, и в честности моих отношений к власти никто сомневаться не может».[466]

И далее (продолжим цитировать это крайне важное письмо) Аксаков исповедует свои взгляды, из которых логически вытекает требование свободы слова и которым всегда сочувствовал и сам Гиляров: «Мне кажется, государственная мудрость состоит именно в том, чтоб признать *неизбежный* закон развития и прогресса [самой] истины в *человеческих обществах,* а закон этот таков: без $^1/_4$ пакости не обходится никакое явление добра. Где люди — там и пакость. Из 12 учеников Христа — нашелся Иуда. Мы любим вспоминать первые века Христианства, но они являются нам в перспективе времен, а если б Ты, любезный мой друг Константин Петрович, жил ну хоть бы в IV веке, как изныла бы Твоя душа, чутко слыша всяческую неправду в душе Константина! Если бы в те времена спросили Тебя — созывать ли вселенские соборы, которые мы признаем теперь святыми, Ты представил бы столько основательных исторических резонов против их созыва, что они бы, пожалуй, и не состоялись... Таково теперь Твое отношение и к печати. Страшный вред производит она, но и большое добро, — и добро это обусловливается допущением той свободы, которая дает место и вреду. Такова жизнь, и такого снаряда не существует, чтоб фильтрировать только одно добро, без примеси зла. Исторгая плевелы, не следует исторгать и пшеницу, и лучше [допустить] не исторгать плевел, чем исторгнуть хоть один колос пшеницы. Так и во всем. Твоя душа слишком болезненно чувствительна ко всему ложному, нечистому, и потому Ты стал отрицательно относиться ко всему *живому*, усматривая в нем примесь нечистоты и фальши. Но без этого ничто живое в мире и не живет, и нужно верить в силу добра, которая преизбудет лишь в свободе... А если дать силу унынию, нечем будет и осолиться».[467]

---

[466] РГБ. Ф. 230. Карт. 4391. Ед. хр. 4. Л. 1 об.

[467] Там же. Л. 2 об. Ср.: «Ибо всякий огнем осолится, и всякая жертва солью осолится» (Мк 9: 49).

Победоносцев, в молодости, может, и сочувствовавший мечтам друзей-славянофилов о свободном слове, с начала 1880-х гг. все более утверждается в кардинально противоположных мнениях. Цесаревичу он писал 31 октября 1880 г. (как раз в период либеральной «диктатуры сердца»), что продолжает «обычные свои споры» с графом М. Т. Лорис-Меликовым, ослабившим цензурные вожжи, вот о чем: «Я думаю, что правительство не должно выпускать из своих рук надзор за печатью, не должно снимать с себя бремя этой ответственности. Сложить его на суд — значит снять с печати всякую узду; и тут будет великий вред для государства и для народа. Думаю, что правительство, которое знает, на чем оно стоит и чего оно хочет, не может признать печать какою-то силою, независимо от него действующею».[468]

Впрочем, позиция Победоносцева, тем не менее, оставалась в какой-то мере двойственной. Он, например, 3 февраля 1881 г. довольно взвешенно писал М. М. Стасюлевичу, в 1881-м — начале 1882 г. издававшему ежедневную газету «Порядок»: «Обличительных статей появляется много в газетах; но немногие пишутся с знанием дела и основаны на фактах, добросовестно проверенных. Действительного зла может быть и гораздо более того, на что указывают обличители, но, к сожалению, желающие обличать делают это сгоряча, без разбора и критики; я испытываю это ежедневно, ибо не оставляю без проверки ни одного значительного факта, на который указывается в газетах, и прихожу в изумление от той массы сплетней и фантастических выдумок, которые при том обнаруживаются. Очень жаль, — ибо корреспонденции подлинно серьезные могли бы быть весьма полезны».[469] Однако по поводу вполне достоверных сообщений и корреспонденций в газете «Современные Известия» — о возмущавшем паству фактическом умалении Успенского собора по капризу митрополита Иоанникия (Руднева),[470] бесчинстве начальства Тифлисской семинарии,[471] недостойных провинциальных пастырях и др. — Победоносцев разражался филиппиками в адрес бывшего приятеля, не желал слышать никаких доводов, требовал наказаний для издания. То, что он, вопреки представляемым Гиляровым документальным подтверждениям, видел в неугодных ему материалах, по сути, сфабрикованные в угоду бульварной публики «газетные утки», следует расценить как печальный психологический факт, граничащий с девиацией сознания.

Перед тем как в 1887 г. в первый раз приехать в Петербург хлопотать об аренде «Московских Ведомостей»,[472] 20 августа, Гиляров писал к их общему знакомому, чиновнику Министерства народного просвещения И. П. Корнилову об охлаждении в отношениях к нему бывшего друга: «Победоносцев хотя и старый мой приятель и бывший всегдашний мой ходатай пред властями, теперь имеет против меня зуб. Незадолго до этого, прошлым годом выходило было,

---

[468] Письма Победоносцева к Александру III. <М.>: Новая Москва, 1925. Т. I. С. 302.

[469] ИРЛИ. Ф. 293. Оп. 1. Ед. хр. 1130. Л. 4—4 об.

[470] См.: *Разумевающие вер*ой. С. 238—250.

[471] См.: Там же. С. 339, 415.

[472] См. об этом подробно главу 1.9.

что Нечаев-Мальцев[473] готов был принять материальное участие в моей газете. Но, не зная меня лично, он не вполне удостоверен был в моей политической благонадежности. Тогда посоветовали ему обратиться с запросом к Победоносцеву, а мне — предупредить об этом Победоносцева. Мой доверенный отправился с моим письмом к Константину Петровичу, но тот принял его, по его выражению, "как собаку": раскричался, что ни слова не скажет в мою пользу. Раз газета моя была приостановлена именно по ходатайству Победоносцева».[474] И далее обращался к Корнилову с просьбой: «Я буду на днях в Петербурге, многоуважаемый Иван Петрович; мне нужно там быть за документами по одному судебному делу. Придется быть и у Победоносцева (не явиться к нему — оскорбить его). Но желательно было бы, чтобы проложена была до того времени к его сердцу дорога; чтобы кто-нибудь выразил ему удивление на недоброжелательство его ко мне. Переданное мною выше я уполномочиваю не скрывать. Напротив, мне именно желательно, чтобы до него дошли жалобы мои на несправедливое ко мне его отношение. <...> P. S. А как же быть с Константином Петровичем? Толстой[475] хотя не будет за меня прямо, но не будет и против. А родные-то братья когда поссорятся, знаете — бывают злее чужих. Так и Победоносцев ко мне».[476]

В первую поездку Гилярову встретиться с Победоносцевым не удалось. Но сведения о его настроениях были самые неутешительные. 30 августа Гиляров писал Анне Гальперсон о сообщенном ему начальником Главного управления по делам печати: «Феоктистов сказал мне между прочим, что самый неприязненный мне господин есть Победоносцев; прочитал мне его письмо, с выражением негодования, что мне разрешена розничная продажа. "Это я получил, — сказал он, — на другой же день, как разрешена была продажа. Я не настолько компетентен в церковных вопросах, как Конст<антин> Петр<ович>; но советую бояться его и не раздражать. В цензурных делах (а он именно и есть верховный обер-цензор) Вы у него типун на языке"».[477]

Последняя встреча двух приятелей в Петербурге 13 октября 1887 г. внесла в их отношения немало драматизма, сделав Победоносцева невольным виновником внезапной смерти Гилярова спустя несколько часов после свидания.[478]

Любопытен такой эпизод. Профессор-расколовед Н. И. Субботин после кончины Гилярова дал ему откровенно неприязненную характеристику: «Его герменевтика, или, как называлась она, история екзегеса, состояла из насмешек над Свв. Отцами: студенты хохотали, слушая комическое изложение аллегорических толкований Климента, св. Кирилла Александрийского и др. <...> Конечно, дух отрицания и неверия проник бы и иным путем в Академию; но что первый

[473] Известный меценат Юрий Степанович Нечаев-Мальцев (1834—1913).
[474] РНБ. Ф. 847. Ф. 377. Ед. хр. 592. Л. 5; цит. по: *Из пережитого. 2009*. Т. 2. С. 502.
[475] Упомянут граф Д. А. Толстой, в 1882—1889 гг. министр внутренних дел.
[476] РНБ. Ф. 377. Ед. хр. 592. Л. 6, 7 об.
[477] *Из пережитого*. Т. 2. С. 223.
[478] См. об этом главу 1.9, с. 148—151.

внес его сюда Гиляров, это несомненно. <...> Если следовать правилу de mortius aut bene, aut nihil,* то в отношении к Гилярову было бы лучше избрать nihil <...>».[479] Победоносцев решительно вступился за приятеля: «Покойного Гилярова я знал близко, со всеми его достоинствами и недостатками, и *первые* я высоко ценил, сокрушаясь о последних. При глубине и остроте мысли ему вредило и испортило судьбу его *неряшество* той же самой мысли. Когда вспоминаешь о либеральных его выходках в прежнюю эпоху, то надобно припомнить, что был общий порок молодых академиков, — повинны в том были многие, увлекаясь веяниями, — многие и образумились. Гилярова сгубило то, что он разменялся на мелкую монету в журналистике, бросился, чая найти свободу, — и попал в рабство. Мир душе его!»[480]

Полное духовное примирение Победоносцева с покойным другом произошло уже спустя 10 лет после кончины последнего, когда Победоносцев (с помощью кн. Н. В. Шаховского) приступил к переизданию его сочинений, с какой целью в 1897 г. официально стал собственником гиляровского архива,[481] однако, по требованию А. М. Гальперсон, на ограниченный (трехлетний) срок...

Еще, по-видимому, пахнущий свежей типографской краской первый том Победоносцев поспешил 11 мая 1899 г. послать Николаю II с припиской: «Позволю себе представить Вашему Величеству только что вышедшее из печати издание мое: Сборник сочинений Гилярова. Покойный Гиляров был человек большого ума и образования; в Москве известна его литературная деятельность в одном кружке с Самариным, Хомяковым и Аксаковым. Все, что он писал, носит на себе печать ума глубокого. Я знал его близко. И потому озаботился издать его сочинения в пользу бедной вдовы его и на сооружение ему памятника».[482]

Думается, что, несмотря на трещину, которую дали отношения Победоносцева и Гилярова в оставшиеся последнему лет двенадцать жизни, их идейная общ-

---

* О мертвых либо хорошо, либо ничего (*лат.*).

[479] *Марков В. С., <прот.>*. К истории раскола-старообрядчества... С. 489.

[480] Там же. С. 489—490.

[481] Сначала 30 апреля 1888 г. вдова В. А. Гилярова-Платонова и сыновья продали права собственности на все литературные и научные труды Гилярова губернскому секретарю А. Н. Кроллау, другу С. И. Гальперсона, бывшего заведующего Конторой «Современных Известий» (см. Свидетельство об этом: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 201), и в дальнейшем архивом распоряжалась жена последнего А. М. Гальперсон. В сентябре 1897 г. А. Н. Гиляров, младший сын писателя, успевший подзабыть события 10-летней давности, попытался выяснить, принадлежат ли ему и его близким какие-либо права на бумаги отца, и обратился за разъяснениями к С. И. Гальперсону. Тот 11 октября 1897 г. напомнил обстоятельства, связанные с продажей архива Кроллау, и сообщил: «...для того, чтобы увековечить имя Никиты Петровича, поставить ему памятник на могиле и помочь в то же время и Вере Алексеевне, Анна Михайловна переуступила безвозмездно свои права, перешедшие к ней от Кроллау, К. П. Победоносцеву. Он с своей стороны обещал издать труды Никиты Петровича на свои средства, распространять их и на собранные деньги все устроить» (Там же. Ед. хр. 951. Л. 1 об.).

[482] Письма Победоносцева к Александру III. <М.>: Новая Москва, 1926. Т. II. С. 318—319.

ность и нравственная близость при поразительной широте кругозора и энциклопедичности знаний обоих были таковы, что их хочется сравнить с теми взаимодополняющими отношениями, что соединяли, к примеру, Каткова и П. Леонтьева, однако если Гиляров все-таки дорожил дружбой с Победоносцевым во многом ввиду служебных возможностей и влияния последнего в правительственных сферах, то для Победоносцева приятельские отношения с Гиляровым были драгоценны, помимо всего прочего, и как реальная связь со славянофильскими надеждами молодости и задушевной атмосферой московской жизни. Победоносцев как раз в этом однажды признался Гилярову (в письме от 5 августа 1873 г.): «Я пробыл два месяца за границей, в Англии. Вернувшись, с большим интересом просматривал Ваши номера и как будто беседовал с Вами. Люблю запах московского жилья и через Ваше окошко точно заглядываю в любезную Москву».[483]

Впрочем, если Гиляров в своих отношениях к Победоносцеву и не испытывал подобных дуновений лирического чувства, то справедливости ради следует сказать, что видимая утилитарность этой приятельской привязанности с его стороны все же была лишена корыстно-эгоистической окраски. Ведь свою публицистическую деятельность Гиляров расценивал как Служение, всяческое содействие которому искренне считал благодеянием не себе лично, а общенациональному делу.

Изучение жизненных и творческих взаимоотношений Победоносцева и Гилярова,[484] нашедших отражение в их двусторонней переписке и публицистике, позволяет не только открыть неведомые ранее факты биографии двух выдающихся «людей русской правды», но и по-новому взглянуть на их церковно-общественные взгляды в 1860—1880-е гг. и скорректировать представления как о личности обоих писателей, так и о существенных, но остававшихся до сих пор неведомыми и потому не изученными подробностях того переломного периода русской истории, в который им довелось жить и который имеет немало соответствий в нынешнем периоде развития России.

2.10. Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ И Т. И. ФИЛИППОВ: НРАВСТВЕННО-ПРАКТИЧЕСКИЕ МОТИВИРОВКИ ЖУРНАЛИСТСКИХ УБЕЖДЕНИЙ (1872, 1882—1887)

О взаимоотношениях Гилярова с видным представителем консервативной мысли второй половины XIX в. Тертием Ивановичем Филипповым (1825—1899) сегодня можно получить представление исключительно из их писем, кото-

[483] *Разумевающие верой*. С. 139.

[484] См. подробнее: *Дмитриев А. П.* К. П. Победоносцев — приятель, оппонент, издатель Н. П. Гилярова-Платонова // Константин Петрович Победоносцев: мыслитель, ученый, человек. С. 127—136. В этой статье впервые цитируется ряд писем Победоносцева и Гилярова.

рыми они успели обменяться за свою сравнительно долгую жизнь. Сохранилось их совсем немного, в общей сложности четырнадцать,[485] да и едва ли намного больше было и написано. Возможно, в силу такой эпизодичности их эпистолярное общение, соединявшее две российские столицы, подчас сверх меры насыщено любопытными оценками современных им событий и людей и попутными экскурсами в историю — даже в тех случаях, когда иной раз запрос или ответ на него ограничиваются рамками краткой записки. А свойственное их авторам стремление, так сказать, историософски проживать факты быстротекущей жизни, осмыслять их в перспективе грядущих судеб России и мира, а то и заглядывать за эсхатологические горизонты — не дает их эпистолярию (наравне, впрочем, с другими сочинениями — прежде всего непосредственно историко-философской и богословской проблематики) утратить читательскую актуальность.

Познакомились Гиляров и Филиппов, по всей видимости, году в 1855-м, когда славянофилами замышлялся журнал «Русская Беседа» и Гилярову планировалось предложить его редактирование.[486] Как известно, первым редактором тогда стал не Гиляров, а Филиппов, за которого как за помощника (соиздателя) А. И. Кошелева ратовал И. В. Киреевский («Для журнальной деятельности это клад»),[487] но чья кандидатура мало устраивала других славянофилов, так как церковно-общественные взгляды Филиппова казались им слишком косными, если не сказать — ретроградными. (При этом Гиляров, очевидно, изначально относился к Филиппову иначе: в своем письме к профессору Московской духовной академии А. В. Горскому от 4 октября 1856 г. он причислил Филиппова к представителям «оптинского» православия — подлинной церковности, отвергающей мертвенный формализм и одухотворяющей народно-бытовую жизнь во всех ее проявлениях.[488]) А вот убеждения изгнанного из Московской духовной академии (в том же 1855 г.) свободомыслящего Гилярова вполне отвечали принципиальным мировоззренческим установкам славянофилов. Однако плану сделать его ответственным редактором затевавшегося журнала не суждено было реализоваться — главным образом из-за возложенных на него с мая 1856 г. цензорских полномочий (Гиляров, впрочем, как отмечалось выше, поместил в «Русской Беседе» девять статей и одно время был ее цензором).

Впоследствии Филиппов переехал в Петербург и сделал блестящую чиновничью карьеру по ведомству Государственного контроля, которое в 1889 г. и воз-

---

[485] Впервые в полном объеме опубликованы нами в 2009 г.: *Переписка с Филипповым.* Фрагменты ранее опубликованы в статье: *Фетисенко О. Л.* Н. П. Гиляров-Платонов, Т. И. Филиппов и К. Н. Леонтьев в их жизненных и литературных взаимоотношениях // *Возвращение.* С. 98—118.

[486] См. об этом в письме Гилярова к И. Ф. Романову-Рцы от 2 ноября 1886 г.: *Письма к Рцы.* С. 248.

[487] Письма И. В. Киреевского к А. И. Кошелеву / Сообщ. М. В. Беэр // *РА.* 1909. Кн. II, вып. 5. С. 106.

[488] См.: *РО.* 1896. Т. 42, дек. С. 997.

главил. Гиляров же, напротив, пройдя последовательно поприща цензора, чиновника особых поручений при министре народного просвещения и, наконец, управляющего Московской Синодальной типографией, в августе 1868 г. навсегда оставил казенную службу, незадолго перед тем, в декабре 1867 г., основав частную газету «Современные Известия».[489]

Именно с публицистической деятельностью Гилярова и связано было возобновление давнего знакомства: в октябре 1872 г. Филиппов откликнулся на одну из передовиц своего приятеля о греко-болгарской церковной распре, сочувственно ее процитировав в своей статье «Определение Константинопольского собора по вопросу о Болгарском экзархате».[490] Речь шла о драматическом моменте в жизни Болгарской православной церкви, добивавшейся автокефалии от Константинопольского патриархата, зависимость от которого возникла в конце XIV в. в связи с потерей Болгарией государственности (без каких-либо церковно-юридических мотивировок) и действия которого в XIX в. во многом диктовались идеологией панэллинизма. Русская церковь заняла выжидательную позицию, призывая конфликтующие стороны к разумному компромиссу. 28 февраля 1870 г. османское правительство приняло решение прекратить спор, издав фирман об учреждении особого церковного округа — Болгарского экзархата; Константинопольский патриарх объявил этот фирман неканоничным и высказался за созыв Вселенского собора по Болгарскому вопросу, но это предложение было отклонено Русской церковью, советовавшей Константинополю принять фирман.

Все же Филиппов усмотрел в этих событиях нарушение основополагающего соотношения между национальным и вероисповедным: во Христе «несть еллин ни иудей» (Кол 3: 11) — и проявление апостасийного духа буржуазно-либерального времени, и потому поддержал идею созыва Вселенского собора. Во второй части своей статьи, посетовав на то, что не только его позицию никто не поддерживает, но и попросту игнорируются его суждения, он продолжал: «Но в настоящее время появляются уже по этому вопросу мнения, которые почти совершенно сходятся с нашими, что выводит нас из того одиночества, на которое мы были до сих пор обречены и которое, при всей его тягости, нужно было переносить из чувства долга, в ожидании той поры, когда захотят наконец взглянуть Греко-болгарскому вопросу прямо в лицо и судить о нем на основании его истинной природы, а не по каким-нибудь случайным его очертаниям».[491] И далее сочувственно процитировал передовую Гилярова по той же проблеме от 18 июня 1872 г., не согласившись в ней только с тем, что собор не обязателен, если б Константинопольский патриарх, умерив властолюбие, из христианской любви даровал Болгарской церкви независимость. Гиляров писал: «Оно правда, без собора можно было обойтись; патриарх имел совершенное право отпустить и сам Болгарскую церковь на самостоятельность; но он сам просил братски рас-

[489] См. об этом подробнее главы 1.6 — 1.8.

[490] Гражданин. 1872. № 23, 24, 26, 27.

[491] *Филиппов Т. И.* Современные церковные вопросы. СПб., 1882. С. 199.

судить распрю, принимавшую огорчительный ход. Не случись этого, — *разрыв должен был последовать*».[492]

20 октября 1872 г. в письме к Филиппову Гиляров подробно разъяснял свою позицию: «Вы между прочим не согласны со мною, что цареградский патриарх мог без собора обойтись. Я продолжаю быть в этом уверенным. Собор ли подчинил Болгарскую церковь Константинопольскому престолу? Не турецкая ли власть? С этой точки зрения даже магометанская власть могла и снова отложить. Но пусть это будет зайти слишком далеко. Чтоб отпустить болгар *совсем*, для этого достаточно было доброй воли <...> никто не мешал дать болгарам больше того, чем они просили, дать всё, больше чего нельзя желать, и для *этого* не нужно никакого собора. Собор оказывается нужным только по нежеланию патриархата дать всё, другими словами, по его властолюбию и корыстолюбию. Но освободиться от уз любочестия и корысти опять нет надобности в соборе».[493]

В ответном письме от 7 ноября 1872 г. Филиппов констатировал: «Мы во многом еще разномыслим по Греко-болгарскому вопросу (отчасти, может быть, и потому, что я видел все тайны этого дела из подлинных документов, которые были предоставлены в мое распоряжение); но весьма важно для меня то, что Вы стоите, за одно со мною, за собор, как за наилучшее, по моему же мнению даже единственное, средство: это — главное. Когда Церковь, собравшись вся, с полною свободою от посторонних влияний произнесет свое слово, то ему должны подчиниться как патриархия, так и болгаре».[494]

Он будет упрекать Гилярова и спустя 13 лет, в письме от 16 апреля 1885 г.: «Мне одно больно видеть в Вашем образе мыслей: в тех случаях, когда два начала — церковное и племенное — входят в столкновение, Вы отдаете перевес низшему над высшим и чрез то впадаете в общий недуг нашего времени, *порабощенного* идее народности до забвения того, что выше ее». Гиляров же это обвинение легко переадресовывал своему приятелю-оппоненту: «...еще нельзя судить, — писал он в издававшейся им газете сразу же по прочтении в филипповской статье 1872 г. скрытых упреков в свой адрес, — кто правильнее подпадает под осудительное определение: болгары ли, желавшие себе возврата древней церковной самостоятельности, или патриархат, отказывавший им в этом по пристрастию к греческой *национальности*».[495]

А в 1885 г. Гиляров, ничуть не поколебавшийся в своих убеждениях, опубликовал рецензию на вышедший тогда первый том сборника статей единомышленника Филиппова К. Н. Леонтьева «Восток, Россия и славянство», где, полемизируя с оценкой Леонтьевым греко-болгарской распри, словно бы отвечал одновременно и на упреки Филиппова в свой адрес: «Характеристика самих болгар и греков как национальностей, представляемая автором, верна и глубо-

---

[492] Цит. по: *Филиппов Т. И.* Современные церковные вопросы. С. 201—202.

[493] *Переписка с Филипповым*. С. 334.

[494] Там же. С. 338.

[495] *<Гиляров-Платонов Н. П.>*. Москва, 16 октября // *СИ*. 1872. 17 окт. № 286. С. 1.

ка. Верно и заключение, что болгары канонически неправы: в одном городе не может быть двух епископов. Но само это церковное правило безусловно? И оно останется таким и должно остаться до Второго пришествия? Мы сомневаемся. Сомневаемся, чтоб не наступило время, когда Церковь, собравшись вполне свободно от всех посторонних влияний, от необходимости приспособлять свое устройство к определенному строю определенного государства, — мы сомневаемся, повторим, чтобы Церковь тогда поставила одну *территориальность* верховным началом для своей иерархии. Болгары неправы, нечего и говорить; но неправы и греки, прикрывая собственный фелитизм каноническим правилом. Мы хотим сказать, что искать будущего в сохранении всего того, что выработано во внешнем устройстве Церкви под воздействием византийской, отчасти языческой, государственности — ошибка».[496]

Важно и другое суждение Гилярова в этой рецензии, также косвенно касавшееся и принципиальных взглядов Филиппова: «Мы верим в грядущий период всемирной культуры; верим в великое призвание России и вообще Востока (иначе история России и ее существование были бы бессмыслицей). Но если возрождение состоится (а по-видимому, должно бы), то никак не на византийском основании, а против него и с его разрушением. / Автор ошибется, если

[496] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 23 сентября: Дневное обозрение // *СИ*. 1885. 24 сент. № 245. С. 2; рецензия републикована нами: *Гиляров: ИМБР.* С. 651—653. О взаимоотношениях Гилярова и Леонтьева см.: *Фетисенко О. Л.* Из московских встреч: Леонтьев и Н. П. Гиляров-Платонов // *Фетисенко О. Л.* «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики: (Идеи русского консерватизма в литературно-художественных и публицистических практиках второй половины XIX — первой четверти XX века). СПб.: Пушкинский Дом, 2012. С. 186—197. Исследовательница также анализирует незавершенную статью Леонтьева «Кто правее?», в которой Леонтьевым дан «развернутый комментарий на рецензию Гилярова» (см.: Там же. С. 194—196), на наш взгляд, малоубедительный. Отметим, в дополнение к ценному исследованию О. Л. Фетисенко, что Гиляров, как и И. Аксаков, ответил отказом на просьбу Леонтьева перепечатать в «Руси» и «Современных Известиях» его известную рецензию на рассказ Л. Толстого «Чем люди живы?» — «Страх Божий и любовь к человечеству» (1882), справедливо увидев в ней «фарисейскую закваску», не оставляющую места истинной христианской свободе. В августе 1882 г. Гиляров написал письмо Леонтьеву с подробным обоснованием этого своего решения, где без обиняков предлагал: «Хотите, я вам скажу, как вкратце назвать основание вашего нравственного мировоззрения? Не обидьтесь: фарисейство, фарисейство не в смысле лицемерия, которого, разумеется, я не заподозреваю, а в смысле преувеличенного служения букве и форме. <...> В краткое пояснение я вам скажу только, что фарисейство (в том общемировом смысле, в котором я его беру) приводит к ниспровержению самых святейших начал и личной и общественной нравственности, к Лойоле и Торквемаде. “Повинуйся церкви”, “ее учение есть истина” — верно; но отсюда выводится, что Галилея сажают в тюрьму, других влекут на костер, третьим ломают члены за неосторожное слово, за добросовестное сомнение; а четвертого учат и воровству, и прелюбодеянию, ad maiorem Dei gloriam <к вящей славе Божией (*лат.*)> и на пользу церкви» (*Гиляров: ИМБР*. С. 655; впервые: *РА*. 1889. Кн. III, вып. 11. С. 425—428).

причислит наш отзыв филетизму и вообразит, что мы стоим на пошлом и узком преклонении пред началом племенной национальности. Напротив, мы вполне того же мнения, как и он, об этом, из ложного начала истекающем, хотя и превознесенном теперь этнографическом начале; славянство как славянство не заключает в себе никаких задатков никакой новой культуры. Ко всему, что он пишет против идеала буржуазной эгалитарности, готовы мы тоже подписаться обеими руками. Но мы не согласны в давно прошедшем искать будущего. Если будущее в православии (с чем мы согласны), то <будет> ошибкою, по нашему мнению, определять православную культуру только независимостью от романо-германских идей или от католичества-протестантства. Возьмите раньше, и нам кажется, нужно уйти очень далеко, до времен Константина».[497]

Гиляров, свободный от отвлеченной доктринальности и куда более профессионально, нежели Филиппов и Леонтьев, вникавший в церковно-исторические проблемы, видел и другую сторону медали — нетерпимое засилье в Болгарии греческого духовенства, которое выразилось, например, в вытеснении церковнославянского языка из богослужения и стало тормозом для национального возрождения страны. Гиляров при этом тоже ссылался на Новый Завет: «И апостол не проповедовал в Риме по-еврейски и к фессалоникийцам не писал по-латыни».[498] Тут на первый план, как всегда у Гилярова, выдвигаются нравственно-практические мотивировки.

Сближало Филиппова и Гилярова общее требование ими Вселенского собора, на котором могли бы быть решены, между прочим, и проблемы Русской церкви, получившей в Петровскую эпоху, по их убеждению, недолжное, неканоническое устройство. Филиппов, как чиновник столичного министерства (Государственного контроля), писал об этом глухо, полунамеками, например, в той же статье 1872 г.: «Не говорим уже о том, что для самой Русской церкви созвание собора было бы началом восстановления из того печального и униженного положения,

---

[497] *Гиляров: ИМБР.* С. 651. Филиппову Леонтьев писал 1 октября 1885 г.: «...Гиляров-Платонов, который меня 10 лет “игнорировал”, напечатал теперь большую и очень лестную статью: “глубоко одно”, “верно другое” и т. д., хотя и с весьма странными возражениями (напр<имер>, что для настоящего Православия нужно не то, что я зову “Византизмом”, избави Боже! а надо вернуться ко временам *до Константина*, что же это? *Языческого* императора нужно? Гонения? *Политеиста*-государя непременно, мусульмане за веру собственно не гнали, они преследовали политические и даже просто гражданские поползновения христиан. Надо отвергнуть и Никейский Символ веры, ибо до Константина его не было и т. д. — чудно что-то?). А все-таки его статья доставила мне удовольствие» **(**Пророки Византизма: Переписка К. Н. Леонтьева и Т. И. Филиппова (1875—1891) / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. О. Л. Фетисенко. СПб.: Пушкинский Дом, 2012. С. 296—297**)**. Как видим, Леонтьев здесь (возможно, нечаянно) полностью исказил мысль Гилярова, предлагавшего вернуться «до времени Константина», когда христианство стало государственной религией, а никак не «ко временам *до Константина*», и далее, пустившись по ложному следу, дает волю своему богатому воображению.

[498] *<Гиляров-Платонов Н. П.>*. Москва, 16 октября. С. 1.

в которое она повержена многими исторически сложившимися причинами и более всего лишением соборного начала, составляющего “исходища ее жизни” <...>».[499] Гиляров неоднократно писал о том же с осени 1868 г., но с куда большей свободой. Так, 30 сентября в № 269 своей газеты под рубрикой «Иностранные известия» он, откликаясь на известия о задуманном папой Пием IX Римском соборе, предлагал в противовес ему созвать Вселенский православный собор, между прочим — и для возвращения Русской церкви канонического, досинодального управления: «Се, ныне время благоприятно. На очереди церковный вопрос, на очереди давно; но теперь более, чем когда, приступить к очищению внешнего вида церкви от всего, случайно к ней приросшего, не церковного, было бы и славно, и достойно».[500] И в первом письме к Филиппову он отмечал: «Падение духовенства поразительно. Историческое воспитание принесло свои плоды. Если желали чиновников на место иерархов и пастырей, то получили, и уже более ничего как чиновников. Желал бы Вселенского собора именно потому, что на него нельзя явиться с теперешним устройством церкви».[501]

Эти смелость в суждениях и стремление к выяснению истины, что называется, в последней инстанции и провозглашению ее во всеуслышание берут начало, на наш взгляд, еще в задушевной атмосфере московской общественной жизни второй половины 1850-х гг., исполненной молодых славянофильских надежд на лучшее, в частности — на то, что народу (или «земле», согласно исторической концепции К. С. Аксакова) будет наконец-то предоставлено «полное право мнения и слова».[502] Позднее, в пореформенные годы, как справедливо отмечал Н. И. Цимбаев, именно Гилярову «была отдана» «философская часть» славянофильского учения.[503] Можно добавить, что и Филиппов, хотя его и не принято напрямую причислять к последователям славянофилов, тоже развивал в своей публицистике 1860—1890-х гг. их мировоззренческую проблематику, особенно ее религиозно-общественные аспекты.

В первых письмах нащупываются и другие точки соприкосновения, прежде всего по готовившейся тогда реформе духовного суда, о чем Гиляров высказывался в том же письме от 20 октября 1872 г., имея в виду Синод: «...здесь совершается колоссальный подмен понятий. Всероссийским собором величают собрание 12 архиереев. Однако кем назначенных? — спрашиваю я».[504]

Любопытно, впрочем, что, высказываясь по этому вопросу в «Современных Известиях», Гиляров, к слову, будто бы давал урок приятелю, остававшемуся все-таки дилетантом в своих попытках безапелляционного решения сложных

---

[499] *Филиппов Т. И.* Современные церковные вопросы. С. 205.

[500] *Вопросы веры и церкви*. Т. I. С. 67.

[501] *Переписка с Филипповым*. С. 334.

[502] *Аксаков К. С.* Полн. собр. соч.: <В 3 т.>. М., 1861. Т. I. С. 296.

[503] См.: *Цимбаев Н. И.* Славянофильство: Из истории рус. обществ.-полит. мысли XIX в. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. С. 78.

[504] *Переписка с Филипповым*. С. 333.

проблем канонического права с помощью ссылок (убедительных только на первый, поверхностный взгляд) на те или иные церковные правила, поскольку последние не обладали вневременной непреложностью: «Защитники епископского полновластия совершают <...> подмен, когда под именем правил церковных подставляют в виде указаний государству то, что было применением к государственным же требованиям, только требованиям иных времен и народов. Прежде чем прибегать за охраною епископского самовластия к поспешным ссылкам на церковные законы, необходимо было еще разъяснить себе, что в церковных законах принадлежит прямо церкви, что ее государственному положению; что к церкви безразлично и что, напротив, есть даже выражение внешнего гнета, остающегося, может быть по преданиям языческого права, в христианском государстве».[505] Впоследствии, уже в середине 1880-х гг., сходные упреки Гиляров будет адресовать Вл. Соловьеву и К. Леонтьеву.[506]

За обменом письмами в 1872 г. последовало десятилетнее молчание. Почему же переписка возобновилась, и именно в начале 1882 г., став при этом довольно оживленной? Дело в том, что, как мы видели, Гиляров в продолжение длительного периода имел преданного друга и неустанного ходатая по своим служебным и издательским делам, обретавшегося в петербургских коридорах власти, — в лице К. П. Победоносцева, тоже приятеля со времен «Русской Беседы». Победоносцев в 1870-х гг. специально встречался с влиятельными петербургскими сановниками, дабы склонить их на сторону Гилярова, уберечь его издание от цензурных репрессий. Однако вскоре после того как Победоносцев в 1880 г. возглавил Св. Синод, началось охлаждение в их отношениях и он уже не только не выручал Гилярова из цензурных ловушек, а порой и сам предлагал объявить «Современным Известиям» предостережение либо запретить их розничную продажу.[507]

Во взаимоотношениях же Филиппова и Победоносцева, особенно начиная с 1880-х гг., как известно, преобладали интриги и мелкое самолюбие.[508] И словно бы в пику своему сановному недоброжелателю теперь Филиппов становится деятельным заступником Гилярова в его невзгодах: хлопочет перед руководством Государственного банка о предоставлении ему кредита на выгодных условиях,[509] ходатайствует о разрешении ему издавать бесцензурную иллюстрированную газету («Радуга»),[510] даже помогает найти в Петербурге дельного корреспондента для «Современных Известий»,[511] а незадолго до кончины приятеля

---

[505] *Вопросы веры и церкви*. Т. I. С. 309.

[506] См.: *СИ*. 1885. 14 февр. № 43. С. 2; 24 сент. № 245. С. 2.

[507] См. подробнее в главе 2.9.

[508] См. об этом: *Алексеева С. И.* К. П. Победоносцев в оценке Т. И. Филиппова // Константин Петрович Победоносцев: мыслитель, ученый, человек. С. 120—126.

[509] *Переписка с Филипповым*. С. 340—341, 343.

[510] Там же. С. 343—344, 348.

[511] Там же. С. 344—345, 348.

всячески обнадеживает, поддерживая его кандидатуру в качестве преемника М. Н. Каткова на посту редактора-издателя «Московских Ведомостей».[512]

Но главное, как и некогда Победоносцев, Филиппов делается словно бы Ангелом-Хранителем гиляровской газеты, предотвращая цензурные репрессии или ослабляя их силу, причем усматривая в этом не более не менее как дело «государственной важности». Филиппов признавался в письме к другу от 16 апреля 1885 г.: «Кроме личного моего участия к Вам, я дорожу Вашим изданием, как прибежищем пригнетенной истины в делах Церкви, которая из глубины потопляющих ее зол вопиет к нам о помощи, обязательной для чад во дни бедственных испытаний Матери».[513] И это притом, что Филиппов во многом согласен с Победоносцевым в оценке прессы. 19 сентября 1882 г. он писал Гилярову: «Победоносцев, действительно, очень озлоблен на газеты; человеку, уважающему что-либо, нельзя и не озлобиться. Разве оставлено что-нибудь во вселенной, чего бы не осквернило прикосновение газетного суждения?» И тут же, имея в виду «Современные Известия» Филиппов продолжал: «Но потому-то Правительству до крайности нужно если не поддерживать, то, по крайней мере, уважать и оставлять в покое и на свободе такие издания, которые именуют Имя Божие и брань творят со змием».[514]

Особенно же, как видно из переписки, сблизил их эпизод со временной приостановкой «Современных Известий» в апреле 1885 г. из-за публикации корреспонденции некоего К. К. «Из Тифлиса»,[515] причем не на месяц, как первоначально распорядился министр внутренних дел граф Д. А. Толстой, а — благодаря заступничеству Филиппова — с сокращением этого срока наполовину. В трагическом эпизоде избиения доведенным до отчаяния 24-летним семинаристом С. Джибладзе своего ректора протоиерея П. И. Чудецкого, бесчеловечно относившегося к своим воспитанникам, как Гиляров, так и его корреспондент увидели проявление остро ощущавшегося ими духовного кризиса. Помимо многолетней безнравственно-жесткой политики синодальных властей по отношению к Грузинской церкви,[516] вызывали особое неприятие неразумные русификаторские действия отдельных архиереев на этой и некоторых других имперских окраинах: тут подчас взамен любви и свободы культивировались далекие от христианства духовное насилие и угнетение.

Пунктирно в переписке 1880-х гг. возникают и новые темы для обсуждения, только подтверждающие существенное единомыслие Гилярова и Филиппова во

[512] Там же. С. 361.

[513] Там же. С. 355.

[514] Там же. С. 348. В конце цитаты — отсылка к Апокалипсису (Откр 12: 17; 17: 14).

[515] *СИ*. 1885. 2 апр. № 88. С. 1.

[516] Развернутую гиляровскую оценку этой проблемы см.: *Р. С. Т. <Гиляров-Платонов Н. П.>*. Грузинская церковь под управлением Правительствующего Всероссийского Синода // Р. С. Т. Нечто о Русской церкви в обер-прокурорство К. П. Победоносцева. Лейпциг, 1887. Вып. 1. С. 114—124.

взглядах на современную жизнь: оба отторгают утилитарную педагогику барона Н. А. Корфа, внеположную религиозно-национальным традициям;[517] сокрушаются о «падении духовенства»,[518] сосредоточившегося на вопросах материального благополучия (или, как это было принято тогда называть, — «улучшения быта»), и о «слепоте и упорстве в заблуждениях» «стоящих у кормила»;[519] об опасности из-за сиюминутных политических амбиций разрыва вековых связей с братскими церквами (в частности, с Константинопольским патриархатом в апреле 1885 г.);[520] о курьезах нового Университетского устава[521] и др. Краем касаются и болезненного «еврейского вопроса», причем в эсхатологическом плане («жиды» как «могущественнейшее орудие разложения христианских общежитий»), и проблемы развращающего влияния либерально-буржуазной прессы. Наиболее они были близки в своих требованиях — во искупление исторической несправедливости — официальной легализации старообрядчества и более продуманной государственной политики в отношении к единоверию, но эти важные темы остались за пределами их переписки. Оба они, в отличие от Победоносцева, крайне негативно оценивали деятельность митрополита Московского Иоанникия (Руднева) (проведение в храмах в Великий пост духовных концертов вместо служб, назначение священников в приходы вопреки пожеланиям паствы, окружение себя излишней роскошью и др.), видя, что ею справедливо оскорбляются религиозные чувства москвичей. В письме от 16 октября 1882 г. Филиппов упоминал его как синодального чиновника, далекого от идеалов архипастырства: «Иоанникий испугался, что его сочтут за клерикала: нет, брат! шалишь. Не по чину берешь! Феофаново семя — это так!»[522]

При этом оба собеседника — и противник каких-либо схем и застывших догм Гиляров, и склонный к некоторому, так сказать, начетничеству Филиппов, — как правило, деликатно избегают моментов несогласия, обходят острые углы, дорожа объединяющими их «случаями единомыслия».[523] Их двусторонняя переписка представляет важный материал для исследования ряда неоднозначных проблем общественно-политической и духовно-нравственной жизни России и, что особенно важно для нас, выявляет мировоззренческие позиции обоих мыслителей-журналистов, чему способствует дружеский настрой и искренняя приязнь корреспондентов.

---

[517] *Переписка с Филипповым*. С. 350.
[518] Там же. С. 334.
[519] Там же. С. 356.
[520] Там же.
[521] Там же. С. 358, 359.
[522] Там же. С. 350.
[523] Ср. в письме Филиппова от 7 ноября 1872 г.: «...я не гонюсь ни за чьим согласием (хотя случаям единомыслия бываю всегда рад до глубины души)...» (Там же. С. 339).

Часть III

Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ КАК МЕМУАРИСТ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК

Творческие диалоги с современниками

3.1. РАННЯЯ БЕЛЛЕТРИСТИКА, СЕМИНАРСКИЕ ОПЫТЫ И ДНЕВНИКОВАЯ ПРОЗА (1830—1840-е): СТАНОВЛЕНИЕ РЕЧЕВОЙ ЛИЧНОСТИ ХРИСТИАНИНА

В мемуарах «Из пережитого» (1884—1887) Гиляров посвящает целую главу (XXXIX, озаглавленную «Письменные работы») своим юношеским беллетристическим опытам 1836—1840 гг. и, в частности, отмечает: «Масса писанного мною в течение первых двух лет изумительна для меня самого. Если измерять внешним объемом, то наберется не одна стопа писчей бумаги, переписанной начисто, чему предшествовали черняки. Я писал сочинения на заданные темы и на свои. Из них не одна сотня поданы в классе, большинство мною, часть моими клиентами, на которых я работал. Но добрая половина оставалась при мне, и никто о ней даже не догадывался. Нахожу перевод целой книги (латинской) гомилетического содержания,[1] историческую повесть,[2] дневники, которые неоднократно начинал и чрез несколько дней бросал,[3] критические отзывы о прочитанных книгах.[4] Я одержим был какою-то графоманией. За недостатком чистой бумаги писал на метрических графленых листах, должно быть, отмененного образца[5] и потому остававшихся у отца без употребления, писал даже на бумаге исписанной, братниных черняках, лавочных счетах, случайно попадав-

[1] Сохранилась исписанная мелким почерком сшитая тетрадь, на первой странице которой значится: «Наставления и правила для образования проповедников Слова Божия. Перевод с латинского. Сочинение Александра Наталя. Перевод Никиты Гилярова. Москва. 1840 года» (ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 19. 48 л.). Автор — близкий к галликанизму французский теолог и историк Александр Наталис (Natalis; 1639—1724).

[2] «Последние дни Помпеи. Картина нравов первого века» (см. об этой повести ниже).

[3] Свод дошедших до нас юношеских дневников Гилярова за 1837—1843 гг. — «Нечто, собрание кое-чего, или Мои мечты и думы» — опубликован нами: *Из пережитого*. Т. 2. С. 101—132.

[4] Эти отклики с более или менее пространными выписками из разных книг и периодических изданий Гиляров включал в поденные дневниковые записи.

[5] Т. е. на листах из метрической книги, предназначенной для официальной регистрации в церквах актов рождения, брака и смерти. Например, на таких листах, сложенных вдвое и прошитых, Гиляров написал свою повесть «Последние дни Помпеи»

шихся; переворачивал лист или четвертку боком и писал поперек строк».[6] До самого последнего времени предполагалось, что все эти пробы пера до нас не дошли, кроме разве что фрагментов дневника, опубликованных в 1903 г.[7] Но оказалось, что в не разобранном до сих пор архиве Гилярова, хранящемся в Рукописном отделе Пушкинского Дома, находятся рукописи его сочинений 1838—1842 гг.[8] — того периода, когда он, выпускник Коломенского духовного училища, обучался в Московской духовной семинарии и жил у своего старшего брата диакона (позднее священника) Александра в Поддевичьем; отдельные семинарские сочинения Гилярова отложились и в фонде князя Н. В. Шаховского в РНБ.[9] Когда же Никита в 1842 г. перебрался на жительство на Зацепу, в дом Богдановых, он некоторую часть семинарских тетрадей оставил у брата и впоследствии вернул их, именно они и сохранились.

Племянник Гилярова, Федор Александрович Гиляров, включивший выдержки из дядиного дневника 1840 г. в свои воспоминания, поначалу недоумевал: «Переписывая эти строки дневника Никиты Петровича, узнаю в них что-то очень знакомое, давным-давно когда-то читанное, но где?.. Так, не ошибаюсь: в детстве читал именно тот самый дневник, читал не раз, а много раз; иначе как бы через десятки лет могли запомниться эти отвлеченные риторические размышления? Припоминаю далее: в конце 70-х годов, будучи уже соредактором Никиты Петровича в издаваемой им газете “Современные Известия”, я, разбирая семейные бумаги, нашел в них этот самый дневник и отдал его автору. По внезапном разрыве младшего брата со старшим дневник остался у моего отца и, при великом уважении в нашем доме ко всякой книге и рукописи, легко сохранился с 40-х по 70-е годы».[10] И далее: «Дневник этот был под руками у покойного Никиты Петровича, когда он писал свое “Из пережитого” <...> он извлек отсюда все нужное, фактическое <...>».[11]

Те же рукописи, что Гиляров забрал с собой в зацепский дом, по его собственному признанию, сгорели у него на даче (летом 1856 г.). В главе XXV («Новая атмосфера»), описывая события лета 1837 г., Гиляров вспоминал о своих несохранившихся дневниках: «Чрез полтора года ровно, под заглавием “Святочные

---

[6] *Из пережитого*. Т. 1. С. 264.

[7] Отрывки из дневника Н. Гилярова // Щукинский сборник. М., 1903. Вып. II. С. 498—521.

[8] Частично опубликованы нами в 2009 г.: *Гиляров-Платонов Н. П.:* 1) Юношеские опыты // *Из пережитого*. Т. 2. С. 101—178, 409—446; 2) Последние дни Помпеи: Семинарские опыты в стихах и прозе (1837—1843) / РАН. ИРЛИ; Вступ. ст., сост., подгот. текстов, коммент. А. П. Дмитриева; Отв. ред. Б. Ф. Егоров. СПб.: Пушкинский Дом, 2009. 528 с.

[9] Опубликованы нами в 2013 г.: *Дмитриев А. П.* Из ученических работ Никиты Гилярова: I. «Почему Церковь ветхозаветная ограничена была в одном народе еврейском, тогда как Бог всем хощет спастися и в разум истины прийти?» (1843—1844?); II. «О достоинстве искусства как чувственной формы знания» (1849?) // *Гиляров: ИМБР*. С. 234—244.

[10] Воспоминания Ф. А. Гилярова // *РА*. 1904. Кн. I, вып. 3. С. 482.

[11] Там же.

досуги", составлено было мною обстоятельное описание моего первого приезда в Москву. Это была довольно объемистая тетрадка, оканчивавшаяся целою страницей письменного, весьма лестного отзыва, данного о моем труде профессором. Тетрадка эта с другими бумагами погибла потом во время пожара, бывшего у меня».[12]

Несомненно, в юности Гиляров серьезно подумывал о будущем писательстве. В его дневниках исподволь традиционные записи уступают место беллетристическим наброскам. Но вскоре пришло разочарование от этих первых проб пера, — причем далеко не только из-за сознаваемой их несамостоятельности (Гиляров, между прочим, был увлечен фантастической прозой Осипа Сенковского). Семинарист словно бы опасается девальвации слова с его духовной наполненностью, которое, впрочем, он — если иметь в виду только формально-техническую сторону дела — довольно легко научился приручать, используя для своих художественных опытов.

Столь же решительно нравственно чуткий юноша преодолел искушение стать бойким светским публицистом, в мемуарах он прямо об этом говорит: «Если бы с риторической скамьи мне перескочить прямо в печать, я оказался бы не хуже многих других борзописцев. Но потому-то невысоко я ценю хлестких борзописцев, даже пользующихся известностью; я читаю в них близко знакомого мне ученика Риторики в Московской семинарии; ясен мне процесс, как заносятся к ним в голову слова, принимаемые ими за понятия, как усвоиваются без мысли готовые положения, заслушанные и вычитанные ими и в механической перестановке предлагаемые публике под видом надуманных суждений».[13]

Тем не менее примыкающие к дневникам Гилярова его ранние художественные произведения представляют несомненный интерес, причем не только для изучения его собственного творчества, но и в общетеоретическом плане — как путь освоения светской культуры активно воцерковляющейся личностью. Очевидно, что, вопреки его увлеченности тем же Сенковским, со временем усиливалось неприятие молодым Гиляровым романтической беллетристики с ее любовными коллизиями и придуманной фантастикой. Привлекало его в этой литературе, пожалуй, ее мистическое напряжение; ситуация же двоемирия и исключительность героев притягивали их отдаленным сходством с агиографическими сюжетами и персонажами. Его интуитивно влекло к качественно иной прозе — откровенно христианской по содержанию, а в образно-стилевом отношении не уступающей лучшим образцам современной ему светской художественной литературы. Сверхъестественный элемент религиозного мировидения самым естественным образом вплетается в ткань его беллетристических опытов.

Ни в одном из юношеских произведений Гилярова нет любовного романтического конфликта, что в общем-то необычно во всех отношениях: и если иметь в виду его возраст, и с точки зрения литературных вкусов того времени. Очевид-

[12] *Из пережитого.* Т. 1. С. 163.
[13] Там же. С. 265.

но, это ему претило, он инстинктивно видел неправду в художественном познании жизни не с точки зрения умственной и эмоциональной целомудренности, которую обеспечивает не распыляемая эротизмом всецелая собранность душевных сил. Не удивительно поэтому, что Гилярову так понравился социально-психологический роман Уильяма Годвина. 25 августа 1839 г. он записал в дневнике: «Я прочел вчера роман “Калеб Виллиамс”. Вот роман совершенно в моем вкусе. Тут есть страсти, но нет любви. Право, странно, почему во всяком романе все завязка одна — любовь. Исключения редки. И к чему в миллионный раз говорить об этой пошлой, истасканной материи, — не понимаю. “Калеб” принадлежит к исключениям, и очень мне понравился. Мне особенно нравятся романы и повести, в которых показывается глубокое знание сердца человеческого; где писатель разбирает ощущение души, рассматривает все изгибы сердца, следит за нашими движениями души и резкою картиною показывает следствия наших страстей».[14]

Тема эта, как никакая другая, выявляет своеобразие творческих установок Гилярова, делает их наиболее отчетливыми, и стоит поэтому посмотреть, каким образом затрагивается она в поздних мемуарах, важнейшей задачей которых было скрупулезное и беспощадно честное воссоздание своего же психологического облика в ранний период жизни.

Из детских лет Гилярову запомнилось то недоумение, с которым он читал и перечитывал «несколько раз» переводную книгу «Путешествие г. Вальяна во внутренность Африки, чрез мыс Доброй Надежды, в 1780, 81, 82, 83, 84 и 85 годах» (М., 1793). В главе XVIII «Из пережитого» («Книжный мир») Гиляров пишет: автор, французский орнитолог Франсуа Левайан, «был женат; из путешествия это видно. Но с тем вместе он же сам говорил о своих близких отношениях супружеского свойства к одной готтентотке. Я поразился этим и никак не мог примирить несообразности. Да как же это, ведь он женат и у него жена во Франции? Так ли я понимаю?» И вывод: «Этим сказалась высокая целомудренность отца и вообще непорочная чистота нашей семьи. А не монастырски же мы воспитывались; всё мы свободно могли слышать и видеть, и несомненно слышали и видели, но в сознании преломлялись не те лучи, которые пускались. Душа просто не воспринимала многого, для чего в ней не было почвы».[15] И соответствующий уже не книжный пример, а из жизни: «На одном дворе с нами, в нашем же садике, в пяти шагах от нашего дома жил в своей избушке на нашей земле Петр Яковлевич, овчинник, которого я маленьким называл, картавя, “Покрака” <...>. С ним жила, заменяя ему кухарку и хозяйку, младшая тетка моя Татьяна Матвеевна. Какие их были отношения? <...> странное сожительство моей тетки с чужим ей Покракой не возбуждало вопроса, хотя я точно знал, что они и не родные и не муж с женой».[16]

---

[14] *Из пережитого.* Т. 1. С. 112.

[15] Там же. С. 124.

[16] Там же. С. 124—125.

В 18-летнем же возрасте Гилярову уже не казалось необычным, что его товарищи по Семинарии «не все сознавали себя чистыми против седьмой заповеди»,[17] то есть «Не прелюбы сотвори» (Исх 20: 13). Тем не менее перед ним самим даже не возникало вопроса о ее нарушении. Видимо, во многом из-за этого нравственного обаяния к нему так тянулись некоторые соученики, причем далеко не безупречного поведения. Василий Покровский («Перервенец»), с его «склонностью начинать роман прямо прозаическим концом»[18] и на деле показывал, как надо соблазнять фабричных девушек: «Он увлек какую-то далее пределов, допускаемых девичьим целомудрием, и хвалился потом своею победой»,[19] и любил искушать Никиту, строя планы, как склонить к связи свояченицу Наташу, даже водил приятеля показать предмет своих воздыханий. Позднее Гиляров вспоминал: «И был я, и видел; действительно пышная, красивая женщина, и сердце мое сжалось. Цель ухаживания, понятно, была самая грязная; у приятеля был низкий замысел, между прочим, поймать свояченицу врасплох, даже подпоить ее. Я пытался представить ему всю гадость поступка, но говорил стене. “Не я, так другой”, — отвечал он. <...> Если б я не предохранен был всем внешним прошлым и внутренним самовоспитанием, скорее могло случиться, что я бы низвергся в бездну, увлеченный приятелем».[20]

Потому, видимо, Гилярову нетрудно было преоборoть и прямой соблазн, когда он — благодаря услужливости «сострадательного» товарища (Н. А. Розанова) — оказался лицом к лицу с падшей женщиной. Гиляров пишет: «...он зазвал меня, и притом в грязный трактир, для того, чтобы посвятить меня во “взрослого”. <...> Николай Алексеевич провел меня в особенную комнату и <...> велел позвать “Пелагею”, представил ей меня и мне ее, поручая нас взаимному вниманию. Это был первый раз в жизни, но он же был и последний, что я видел вблизи особу такого сорта. Р<озанов> рекомендовал ее как выделяющуюся из других своею степенностию; из его слов я понял, что он смотрел на нее как на ремесленницу, не отличая ремесла ее от других ремесл. Меня это поразило <...>».[21] В этом же ряду и эпизод с братниной кухаркой Евгешкой, пришедшей к Никите Петровичу в комнату ночью: «...среди сна слышу я прикосновение чьей-то руки к моей руке. Я мгновенно проснулся как ужаленный; негодование, омерзение, я не знаю, как и назвать это чувство, закипело во мне. “Прочь! прочь! пошла вон!” — закричал я, насколько позволяла ночная тишина».[22]

Конечно, в такой стойкости перед нечистыми эротическими искушениями можно усмотреть как раз воздействие и романтической модели поведения, не случайно юноше так врезались в память рассказы А. П. Талистова о несчастной, но всепоглощающей любви графа Г. Г. Орлова к своей кузине, статс-даме

[17] Там же. С. 357.
[18] Там же. С. 336.
[19] Там же.
[20] Там же. С. 295.
[21] Там же. С. 299.
[22] Там же. С. 343.

Е. Н. Зиновьевой: «...князь Григорий Григорьевич, везущий в Швейцарию свою молодую, едва расцветшую супругу <...>. Там она умрет, убьет ее именно любовь мужа, слишком страстная, и главный виновник переворота 1762 года будет тосковать по ней безутешный».[23] Но куда как более существенно другое — а именно полнейшая волевая и умственная непричастность, даже лучше сказать — внеположность, непреоборимым, казалось бы, требованиям естества: «Никогда ни малейший помысел не увлекал меня против целомудрия; никогда в отдаленнейших мечтах не грезились мне любовные похождения. Читая об них в романах, я верил им только наполовину, признавая в них отчасти украшенное скотоподобие или напыщенное описание чувства человеческого, но — по моему представлению — непременно более тихого, нежели описывается. Опьянеть от любовной страсти казалось мне прямо невероятностию. Муция Сцеволу, Стефана Первомученика, Галилея я понимал, но Вертера отказывался признать, а тем более уважать его или сочувствовать ему».[24] Такие умонастроение и душевная устремленность, такая всецелая предрасположенность к возвышенному в личной сфере, безусловно, коренились в глубинной *воцерковленности*, каковым понятием, пожалуй, только и можно максимально точно обозначить их религиозно-нравственный источник.

Но помимо личностного настроя на телесную и умственную чистоту, важен еще один аспект этой проблемы — уже напрямую касающийся художественного творчества. Существенно, что, вкладывая опыт такого рода в свои пробы пера, юный Гиляров невольно касается узловых проблем зарождавшегося тогда реалистического метода. В этих своих эстетических склонностях он подчас упреждает самого Гоголя, который только через три года, в «Театральном разъезде после представления новой комедии» (1842), устами одного из персонажей сформулирует свое кредо (в связи со спорами вокруг «Ревизора»): «Да, если принимать завязку в том смысле, как ее обыкновенно принимают, то есть в смысле любовной интриги, так ее точно нет. Но, кажется, уже пора перестать опираться до сих пор на эту вечную завязку. Стоит вглядеться пристально вокруг. Все изменилось давно в свете. Теперь сильней завязывает драму стремление достать выгодное место, блеснуть и затмить, во что бы то ни стало, другого, отмстить за пренебреженье, а насмешку. Не более ли теперь имеют электричества чин, денежный капитал, выгодная женитьба, чем любовь?»[25]

Более того — 15-летний Гиляров в своих дневниках словно бы прозревает и более отдаленные горизонты русской культуры, — его литературные взгляды соотносятся с установками того же Салтыкова-Щедрина, вслед за Гоголем утверждавшего — в очерке «Что такое “ташкентцы”?» (1869), — что «роману предстоит выйти из рамок семейственности»: «Роман современного человека разрешается на улице, в публичном месте — везде, только не дома; и притом

[23] *Из пережитого.* Т. 1. С. 276.

[24] Там же. С. 342—343.

[25] *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: <В 14 т.>. <М.; Л.>: Изд-во АН СССР, 1951. Т. V. С. 142.

разрешается самым разнообразным, почти непредвиденным образом. Вы видите: драма начиналась среди уютной обстановки семейства, а кончилась бог знает где; началась поцелуями двух любящих сердец, а кончилась получением прекрасного места, Сибирью и т. п.».[26]

Большинство дошедших до нас беллетристических и поэтических произведений Гилярова-семинариста — «Последние дни Помпеи», «Честолюбец», «Случай, каких немного», «Два бедняка», «Смерть грешника», «Страшный суд» — объединяет эсхатологическая тема, в основу их положена новозаветная по существу проблема греха, его искупления и воздаяния за него. Юного автора попросту не интересовали традиционные для светской литературы облегченные темы и сюжеты. Есть все основания говорить об устойчивом движении его в сторону христианского, духовного реализма.[27] И даже учебные упражнения по риторике носят следы этой внутренней работы духа: пусть приглушенно, но в них звучат мотивы приправленной теплым юмором покаянной исповедальности (рассказ «Беспечный семинарист»), прославления Богозданного природного мира (стихотворение «Летняя ночь»), жертвенного подвижничества (этюд «Леонид при Термопилах»).

Подзаголовок самого крупного гиляровского произведения семинарского периода, исторической повести «Последние дни Помпеи», — «Картина нравов первого века» — указывает на его добротную эпичность. Конечно, с точки зрения сюжетосложения (в основе — мотивы коварства и предательства, искупающихся драматической развязкой) и расстановки персонажей (отъявленный злодей Песцений, невинный страдалец Нумаций, идеально прекрасная Туллия и др.) это типично романтическое произведение.

Источником фактических сведений о быте и нравах римлян эпохи зарождения христианства послужило для Гилярова описание помпейских руин в книге Н. С. Всеволожского «Путешествие чрез Южную Россию, Крым и Одессу в Константинополь, Малую Азию, Северную Африку, Мальту, Сицилию, Италию, Южную Францию и Париж в 1836 и 1837 годах» (М., 1839. Т. I. С. 44—65): восторженная оценка этой книги содержится в юношеском дневнике Гилярова: «Как просто и приятно, — наивно написано путешествие г-на Всеволожского, путешественника, как заметно, умного и скромного. Я читал его, и не раз».[28] Основным литературным источником стал одноименный с гиляровской повестью роман Э. Дж. Булвер-Литтона «Последние дни Помпеи» (1834), первый русский перевод которого (с французского) увидел свет в Москве в 1842 г. (цензурное разрешение от 19 ноября 1841 г.).

---

[26] *Салтыков-Щедрин М. Е.* Собр. соч.: В 20 т. М., 1970. Т. 10. С. 33—34. Эта же проблема волновала другого современника Гилярова — А. О. Осиповича-Новодворского в его рассказе «Роман» (1881). См. о нем: *Дмитриев А. П.* Возвращение А. О. Осиповича-Новодворского // Русская литература. 2007. № 2. С. 203—205.

[27] Используем термин, апробированный академической наукой. См.: *Любомудров А. М.* Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б. К. Зайцев, И. С. Шмелев. СПб., 2003.

[28] *Из пережитого*. Т. 2. С. 110.

Возможно и то, что Гиляров пользовался самой обстоятельной русской книгой на эту тему — «Прогулки русского в Помпеи» А. И. Левшина (СПб., 1843): в «Последних днях Помпеи» немало мест, текстуально близких к соответствующим пассажам Левшина, например:

Гиляров. *Из пережитого*. Т. 2	**Левшин. Прогулки русского в Помпеи**
«...Диомед <...>, наполнив вином кубок, сперва пролил несколько капель в честь Бахуса...» (с. 156).	«На столе увидим <...> изображение Бахуса. Мы должны сделать пред ними возлияния вином...» (с. 159).
«...испив немного, сам передал кубок сидевшему подле него Песцению, который, испив, передал следующему, и таким образом кубок обошел вокруг стола. Это служило символом братства пирующих» (с. 156).	«Царь пира начнет тем, что нальет круговую чашу и, первый отведав из нее виноградной влаги, пустит ее в ход от соседа к соседу. Это залог согласия, которое должно одушевлять собеседников во время обеда» (с. 162—163).
«...тут же из вежливости провозгласил любезному <хозяину> тост и сам первый выпил за его здоровье столько покалов <*так*!>, сколько букв в его имени» (с. 156).	«...когда дойдет до *здоровья* присутствующих почетных лиц или самого царя пиршества, то мы должны будем осушить по бокалу за каждую букву его имени» (с. 163).
«Смотритель <...> вышел с арены особым отгороженным входом; но, видя невозможность перепрыгнуть чрез решетку, отделявшую его от зрителей, возвратился в клетку...» (с. 173).	«Сверх стены была железная решетка <...>. Такая предосторожность была нужна для большей защиты зрителей от прыжков зверей из арены; с тою же целию и главные входы в арену были запираемы железными решетками» (с. 90).
«...из Везувия выходит огромное облако в виде исполинской сосны. Лесина вся черная, а ветви, час от часу распрост<раняясь> над их главами, горели разноцветными огнями, белыми, желтыми, красными, голубыми и зелеными» (с. 174).	«Оно подымалось кверху и распространялось в обе стороны наподобие сосны...» (с. 8).

Последнее описание, конечно, основано также на свидетельстве Плиния Младшего, отмечавшего, что вулканическое облако «по своей форме больше всего походило на пинию»,[29] а образ многоцветного дерева Гиляров составил по

[29] См.: Письма Плиния Младшего / Изд. подгот. М. Е. Сергеенко, А. И. Доватур. 2-е изд., перераб. М.: Наука, 1983. С. 105. (Лит. памятники).

книге Всеволожского. Ср.: «появилось облако необыкновенной величины и фигуры; вид его уподоблялся ели, высоко возросшей и распространяющей ветви свои, белые, черноватые и разноцветные, далеко по пространству неба».[30]

Однако предположение о книге Левшина как об одном из источников повести Гилярова позволяет отодвинуть верхнюю хронологическую границу при установлении датировки произведения. Кроме того, не исключено знакомство Гилярова с другими отечественными обработками помпейского сюжета — прежде всего поэмой А. В. Склабовского «Помпея» (Харьков, 1822) и повестью А. И. Шлихтера «Последний день Помпеи» (СПб., 1834), написанной под тем неизгладимым впечатлением, которое произвел на современников К. П. Брюллов своей знаменитой картиной.[31]

Во всех этих литературных произведениях для усиления драматизма используется совершенно недостоверное, как сегодня установлено, известие (встречающееся только в «Римской истории» Диона Кассия), будто бы в момент извержения Везувия помпеяне сидели в амфитеатре и наслаждались борьбой гладиаторов.[32] Применяет этот сюжетный ход в качестве кульминации и Гиляров. Однако если у Булвера-Литтона главный герой (Главк) должен быть прилюдно отдан на съедение льву за уголовное преступление (якобы совершенное им убийство), то у Гилярова собираются казнить трех христиан именно и прежде всего за исповедуемую ими новую веру. Правда, и у английского романиста потом к Главку присоединяется христианин Олинф, которого обрекают когтям тигра и который говорит речь о каменных языческих богах, что «не могут мстить»,[33] а потом, перед казнью, в темнице наставляет Главка в истинах христианства. Эти и другие сюжетные совпадения и переклички (особенно в подробном описании последней помпейской трагедии[34]), тем не менее, только больше оттеняют новаторство повести Гилярова.

Он принципиально сводит все сюжетные линии к событию *чуда,* поскольку извержение Везувия осмысляется им, конечно, не как обусловленный физическими причинами природный феномен, но как зримое участие высших сил в жизни человека, как проявление Божьего гнева, наказание за нечестие. И это чудо уже как элемент сюжетосложения, безусловно, имеет мало общего с эстетикой романтизма, но служит, по представлениям Гилярова, откровением о гря-

---

[30] *Всеволожский Н. С.* Путешествие чрез Южную Россию, Крым и Одессу в Константинополь, Малую Азию, Северную Африку, Мальту, Сицилию, Италию, Южную Францию и Париж в 1836 и 1837 годах. М., 1839. Т. I. С. 45.

[31] Возможный дополнительный источник гиляровских сведений о Помпее — сборник переводных статей: Собрание описаний картины Карла Брюллова «Последний день Помпеи». СПб., 1833.

[32] Ср.: «...пепел засыпал целиком два города: Геркуланум и Помпеи (в тот час все граждане Помпей сидели в театре)» (*Кассий Дион Коккейан.* Римская история // Поздняя греческая проза / Пер. с др.-греч. под ред. М. Е. Грабарь-Пассек. М.: ГИХЛ, 1960. С. 479).

[33] См.: *Бульвер.* Последние дни Помпеи. М., 1842. Ч. III. С. 199—200.

[34] Там же. Ч. IV. С. 194—258.

дущем преображении человека и мира, возвратом к утраченной гармонии. Не случайно любимые герои Гилярова, Нумаций и Диомед, спасутся, вырвавшись — тоже *чудом* — из объятого огнем города. При этом последний, по ходу действия повести совершивший грех предательства друга, а потом, раскаявшись в содеянном, самоотверженно спасавший его из темницы, обретает новую жизнь в крещении. Этим повесть и завершается: «Драма, которой Диомед был действующим лицом, так сильно на него подействовала, что он сделал<ся> самым ревностным христианином».[35]

Гиляров написал произведение, сопрягающее в своей идейно-образной структуре церковно-историческое содержание, строго апологетическую трактовку изображаемых событий и развлекательную фабулу светской остросюжетной повести (не говоря уже о попытках — не всегда, правда, вполне успешных — создания психологического портрета, использования разного рода тропов и др.). Несколько затянутые, заметно замедляющие ход повествования проповеди старца Ипподрома, обличающего своих мучителей и их богов-истуканов и предрекающего наступление последних дней, а также его беседы с учениками в катакомбах и позже в темнице, убедительно свидетельствуют о существе литературных исканий юного автора.

Христианские мотивы превалируют и в подчас наивно дидактических рассказах «Честолюбец» и «Случай, каких немного», включающих автобиографические мотивы. Сошедшему с ума от своего «необузданного честолюбия» герою первого из этих произведении, Евгению Д—скому, автор передоверяет свои собственные чувства и размышления «первого ученика» семинарии, которые позднее нашли частичное отражение и в книге «Из пережитого». При этом откровенно сатирические приемы, несколько утрированные описания и ремарки (к примеру: «Отчаяние грызло его грудь, чахотка точила сердце!»[36]) и при этом попытка изобразить психологическую драму жаждущего почестей, но неспособного стать «вкрадчивым изгибалом» героя — все это может свидетельствовать и о том, что в раннем творчестве Гиляров изживал собственные — реальные, а подчас и мнимые — свои несовершенства в процессе непрекращающегося самовоспитания. К рассказу «Честолюбец» тематически примыкает произведение «Я еще молод», построенное как саморазоблачение исповедующегося героя, но, к сожалению, оставшееся недописанным (либо несохранившимся) — до нас дошел лишь черновой набросок начала.

Рассказ «Случай, каких немного», представляющий собой внутренний монолог умирающего от чахотки героя, который после кончины становится участником события Страшного суда, имеет традиционную мотивировку — сон героя, находящегося между жизнью и смертью, которому все только привиделось. Впрочем, если судить по варианту названия, отвергнутому позже, — «Письмо с того света»,[37] — не исключено, что первоначальный замысел Гилярова был куда

[35] *Из пережитого*. Т. 2. С. 177.

[36] Там же. С. 137.

[37] ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 3. <№ 11>. Л. 12 об.

более оригинален: послание свидетеля посмертного воздаяния как бы наводило мост из мира пакибытия в мир земной эмпирики. Следы сохранились и в окончательном тексте: в самом конце герой настаивает на реальности своего видения: «...это не мой суе<тный> вымысл, не за<тем> мне так снилось, что это *мечта*, *сон*!..»[38]

На замысел этого произведения несомненно оказало влияние чтение фантастической повести О. И. Сенковского «Записки домового» (1835), с которой Гиляров познакомился в августе 1839 г.:[39] ее начало также представляет собой монолог умирающего от чахотки; рассказ Гилярова изобилует образно-стилистическими соответствиями с повестью Сенковского. Однако вторая половина повести последнего с ее остросатирическими, гротесковыми образами мертвецов, чертей, домовых, а также любовными мотивами, как видно, оставила равнодушным юного читателя-семинариста. Он насыщает свое произведение покаянно-автобиографическими чертами (герой умирает «на чужой стороне», хотя и у родных, к нему приезжает отец, — это соотносится с жизнью Гилярова в семье старшего брата в период обучения в Московской семинарии) и строит сюжет в духе христианского реализма: после смерти героя и по прошествии многих «лет, веков, тысячелетий» он становится свидетелем апокалипсических событий. В этой части произведения Гиляров широко использует свое учебное сочинение по риторике «Страшный суд».[40]

Упомянутые беллетристические опыты Гилярова интересны и своими стилистическими экспериментами, в которых он от ученического подражательства Карамзину, Гоголю, Сенковскому возвращается к читательским пристрастиям своего детства, к словоупотреблению и синтаксису церковной книжности — прежде всего житийной прозы и гомилий (особенно это очевидно для «Случая, каких немного» с его непосредственной опорой на Евангелие от Матфея), при этом как бы *воцерковляя* под своим пером современную ему светскую прозу. Тогда, во второй четверти XIX в., реформа литературного языка была как раз живым фактом. У Гилярова налицо попытка удержать смыслообразование и ценностный потенциал духовной литературы при переходе от традиционных, защищавшихся Шишковым и его единомышленниками, речевых норм к карамзинистско-пушкинским. При этом заметный порой у Гилярова переизбыток метафор и эпитетов в романтическом вкусе, подчас неумеренное использование образно-семантических клише, заимствованных из рядовой журнальной беллетристики, соприкасаясь с архаическими пластами речи, создают не вполне ровный и художественно оправданный, но весьма выразительный стиль.

Стихотворения «Два бедняка» и «Смерть грешника», наряду с пейзажной зарисовкой «Летняя ночь», — представляют собой единственные известные на сегодня версификаторские опыты Гилярова. Они прежде всего любопытны в свете

[38] *Из пережитого*. Т. 2. С. 144.

[39] См. дневниковую запись от 26 августа 1839 г. (Там же. С. 115).

[40] ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 3. <№ 12>. Л. 1—2.

высказываний Гилярова, что он никогда не сочинял стихов. В мемуарах (глава «Книжный мир») он писал: «Замечательная вещь: к стихам я вкуса не имел и не имел терпения их читать. Признаюсь в своем недостатке: стихотворная форма до сих пор не находит отзвука в моей душе; хотя я не лишен способности ценить стих, но ценю его внешним образом. Никогда во всю свою жизнь не мог я выжать из себя стишонка и никогда к этому не чувствовал позыва».[41] Гиляров считал такое восприятие стихов своей личной особенностью и называл ее идиосинкразией. Показательна в этой связи одна ремарка историка и издателя П. И. Бартенева (литературного недоброжелателя Гилярова): «Чувство изящного слабо развито вообще у лиц происхождения духовного, может быть, от идеалов недостижимой святыни, в которых они вырастают. Вспомним, что Н. П. Гиляров, при всей своей даровитости, вовсе не ценил стихов Пушкина».[42] Д. А. Хомяков выступил с решительным опровержением этой легенды (о якобы чуть ли не патологическом нечувствии Гиляровым пушкинского поэзии).[43] Об этом, между прочим, самоочевидно свидетельствуют также пять гиляровских статей о «величайшем из наших поэтов»,[44] своими идеями предвосхитивших некоторые оценки Пушкина в знаменитой речи Достоевского 1880 г. и более поздних работах русских религиозных философов, как это убедительно показал Б. Ф. Егоров.[45]

Сюжетное стихотворение «Два бедняка» мелодическим рисунком напоминает духовные стихи, и прежде всего ту группу, которую принято называть «Праведники и грешники (раскаявшиеся и нераскаявшиеся)»,[46] и из них самое хрестоматийное — «Два Лазаря». Правда, у юного Гилярова налицо попытка выйти за рамки жанра — фабула его произведения ориентируется не столько на евангельскую притчу, сколько на басню с ее откровенно дидактической концовкой и насыщенностью посторонними, отнюдь не вневременными, деталями (главный герой крестится на церкви, поселяется в избе, он разорен кредиторами и др.), и даже побочными персонажами (богач с говорящим именем Златон). Есть тут и попытка изобразить психологическую эволюцию героя (правда, не объясняя ее никак) — его нравственное падение. К тому же и справедливое воздаяние за него получает он не в загробном мире, а уже в земном.

Стихотворение «Смерть грешника», впрочем, по содержанию еще больше напоминает именно духовные стихи — вроде таких, как «Ожидание смерти», «Плач души грешной» и т. п. Но у Гилярова тут уже и формально не речитатив-

---

[41] *Из пережитого*. Т. 1. С. 122.

[42] Цитируем подстрочное редакционное примечание к публикации мемуаров Ф. А. Гилярова в «Русском Архиве» (1904. Кн. II, вып. 6. С. 285).

[43] *Д. Х. <Хомяков Д. А.>*. Н. П. Гиляров о Пушкине // Там же. 1900. Кн. III, вып. 12. С. 640—642.

[44] См.: *Сб. соч*. Т. II. С. 476—492.

[45] См. об этом: *Егоров Б. Ф.* Православные мыслители о Пушкине // *Егоров Б. Ф.* От Хомякова до Лотмана. М.: Языки слав. культуры, 2003. С. 153—155.

[46] См.: Стихи духовные / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Ф. М. Селиванова. М.: Сов. Россия, 1991. С. 190—220.

ный акцентный стих, а почти всюду последовательно выдержанный шестистопный ямб, да и покаянные мотивы стихотворения слишком проникнуты личным сознанием с его всеразъедающей рефлексией (размышлениями о бытии Божием, о реальности ада), что еще более отдаляет его от фольклорного источника. Интересны тут и языковые эксперименты: на фоне лексических и стилистических церковнославянизмов («приидет», «при дверях гроба», «на одре болезни смертной» и др.) повышенную эмоциональность приобретают немногие просторечия («бабий бред», «россказни»). Все это усиливает ощущение психологической достоверности предсмертного монолога лирического героя. То же можно сказать и об упоминавшемся выше этюде «Страшный суд» с традиционным для народной поэзии образом Христа как Божественного Судии. Любопытно, что одним из источников образно-стилистических заимствований и подражаний в «Смерти грешника» и «Страшном суде» стало описание помпейской трагедии в той же книге Н. С. Всеволожского «Путешествие чрез Южную Россию...» (М., 1839).

«Летняя ночь» — наиболее совершенный опыт гиляровской версификации. И безусловно, это восторженное, исполненное свежим, молодым чувством излияние не могло выйти из-под пера Гилярова, не будь он внимательным читателем не только Ломоносова, также размышлявшего в своей пейзажной лирике «о Божием величии», но и Жуковского с Пушкиным. Торжественно размеренное описание в начале:

Вот солнца луч чуть-чуть трепещет,
И бледный свет на небе блещет,
И тихо, тихо заходило
Великолепное светило —

исподволь переходит в бытовую зарисовку с прерывистым ритмом:

Потом вдруг вспыхнул огонек
На берегу большой реки,
Где ужинали рыбаки;
А тут прохладный ветерок
Пахнул, и в ту ж минуту вдруг
Преисполняется весь луг
Душистым запахом цветов.

Мир человеческий тут встроен в мир природный и сосуществует во взаимодополняющем единении с ним именно как элемент дарованной Свыше гармонии.

Историко-публицистическое сочинение «Александр Благословенный, или Упование на Бога все побеждает» представляет собой черновой, не перебеленный текст, содержащий обильную правку (не исключено, что — хотя бы частично — не только самого Никиты Петровича, но и его брата о. Александра). Это типичное риторическое рассуждение по гражданской истории со всеми особенностями классической ораторской речи. Следует отметить, что здесь Гиляров проявляет свою обширную начитанность, в качестве дополнительных аргумен-

тов к доказательству выдвигаемых им тезисов упоминая многоразличные факты как Священной истории, так и современной ему всемирной (события наполеоновских войн). Завершается сочинение, выдержанное в высокоторжественном, витийственном стиле, несколько неожиданно — народной пословицей «Надейся на Бога, да и сам не плошай!», звучащей не как логически выверенный вывод, а как своего рода ответвление от темы, факультативный штрих.

Среди наиболее вероятных источников, на которые опирался Гиляров, называя те или иные факты из жизни Александра I, следует назвать упомянутые в его дневниках труды: 1) История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812-м году. С официяльных документов и других достоверных бумаг Российского и Французского генерал-штабов, сочиненная его императорского величества флигель-адъютантом полковником Д. Бутурлиным. С французского же на российский язык переведена Свиты его императорского величества по квартирмейстерской части, генерал-майором А. Хатовым. 2-е изд. СПб.: В Воен. тип., 1837. Т. I. <2>, XV, 415, 9 с.; 1838. Т. II. <4>, 418, V с.; 2) Записки о походе 1813 года А. Михайловского-Данилевского. 2-е изд. <СПб.: Тип. Рос. академии>, 1836. <4>, X, 559 с.,[47] а также: Письма русского офицера о Польше, австрийских владениях, Пруссии и Франции. С подробным описанием похода россиян противу французов в 1805 и 1806, также Отечественной и заграничной войны с 1812 по 1815 год. С присовокуплением замечаний, мыслей и рассуждений во время поездки в некоторые отечественные губернии. Писаны Федором Глинкою. М.: Тип. С. Селивановского, 1815. Ч. I—VII; 1816. Ч. VIII. Все эти дорогие издания Гиляров скорее всего брал на прочтение в библиотеке купца И. И. Мещанинова, в московском доме которого был нередким гостем.[48]

Если в «Александре Благословенном» на первый план выходит проблема безоглядной веры в Божественный промысл, то в центре сходного по замыслу сочинения (оба писались под впечатлением от чтения любимого Гиляровым Плутарха) — и тоже по гражданской истории — «Леонид при Термопилах» — идеи самопожертвования и патриотизма.

Очень интересно гиляровское упражнение по риторике — «параллель» «Две Цицероновы речи за Архия и за Марцелла». Как и сочинение о вожде спартанцев, оно принципиально лишено, казалось бы, напрашивающихся религиозных аллюзий (в случае с Леонидом, например, — христоподобные черты его подвига). Из двух знаменитых речей римского оратора Гиляров, как и следовало ожидать, предпочитает не гладкую и досконально расчисленную речь «за поэта Архия», а сказанную без всякой подготовки эмоциональную речь за бывшего сенатора, изгнанника Марцелла. Тут сказалась, конечно, гиляровская любовь к вдохновенной импровизации, словесному творчеству здесь и сейчас, на глазах у слушателей, без предварительного обдумывания, превращающего, по его убеждению, публичное выступление в схоластическое упражнение, убивающее живую душу

[47] См.: *Из пережитого*. Т. 2. С. 110—112.
[48] См.: Там же. С. 104, 123.

трактации, как было принято в семинарии называть ораторские речи и церковные гомилии (проповеди), созданные по всем правилам риторического искусства. «Эта речь говорена языком живого неприготовленного разговора. Та же сила и разительность в выражениях; та же живость в оборотах, какие слышим в изустной беседе» — в устах Гиляров это высшая похвала. Сознавая все же, что «в отношении расположения речь за Архия своею правильностию далеко превосходит речь, говоренную за Марцелла» и что в апологии Архия «мы не найдем ни одного слова лишнего или стоящего не на месте; здесь все кстати, все к месту»,[49] — он тем не менее предпочитает именно речь в защиту Марцелла, ее цитирует обильно, а из речи за Архия приводит лишь три фрагмента, без которых не обойтись, — прежде всего знаменитый гимн о пользе наук и искусств, в русской культуре приобретший популярность благодаря Ломоносову. «На обертке каждой азбуки, — отмечает Гиляров, приводя неточную цитату, — вы найдете:

Науки юношей питают,
Отраду старости дают и проч.».[50]

Потому и о русском проповедничестве Гиляров всегда был невысокого мнения. В мемуарах (глава XVI «Приход») он пишет: «...церковное красноречие, начиная с киевских ораторов, наехавших в Москву двести лет назад, и до сего времени, было более риторством, нежели ораторством, не было сердечною, от души идущею проповедью. Исключений немного. И народ, сердцем прослышав это, в общем, холодно отнесся к проповеди, доселе не признав за нею существенного дополнения к богослужению».[51] В главе LII «Проповедничество» Гиляров подробно описывает свои страдания, когда требовалось составить церковное «слово», и шлейф, протянувшийся на всю жизнь от этих переживаний: «...меня десятки лет посещал кошмар в виде приближающейся обязанности писать проповедь. Беспокойство, страх, невероятное напряжение ума и... полное бессилие!»[52] Это была все та же внутренняя неспособность к фальши, к расчетливой декоративности, плетению словес, раз дело касалось сокровенной духовной жизни, и тут он ничего не мог поделать со своим врожденным максимализмом: «Проповедническая деятельность есть апостольская деятельность; Апостолы, разнесшие и утвердившие христианство, были, прежде всего, проповедники. Слово есть одно из двух естественных орудий, которым, наряду с примером, образом жития, возбуждается и воспитывается вера. <...> Пред вами законы слова и законы души человеческой в обоюдном подчинении законам истории <...>».[53]

---

[49] *Гиляров-Платонов Н. П.* Последние дни Помпеи: Семинарские опыты в стихах и прозе (1837—1843). С. 130.

[50] Там же. С. 133.

[51] *Из пережитого.* Т. 1. С. 113.

[52] Там же. С. 360.

[53] Там же. С. 363, 364.

Тем не менее сохранившиеся в архиве две проповеди Гилярова семинарского периода — «Слово в неделю XXXII по Пятдесятнице» и «Слово в день Святителя и Чудотворца Николая и тезоименитства благочестивейшего Государя Императора Николая Павловича» — представляют собою классические гомилетические рассуждения: первая — об «истинном милосердии» и вторая — о библейском понимании «радости» и «скорби». Не случайно ректор Семинарии архимандрит Алексий (Ржаницын), славившийся как раз как искусный проповедник, дал им довольно высокую оценку в своих рецензиях. Собственно «рассуждения» на богословские темы представлены в уцелевших семинарских бумагах Гилярова наиболее широко, причем немалая их часть написана по-латыни. Беря за основу различные их жанровые модификации, условно (по ключевому аспекту, оказывающемуся в центре разбора) их можно классифицировать таким образом: *догматическое* («Каким образом Догматическое Богословие удовлетворяет стремлению человека к истине, добру и блаженству?»), *логическое* («Рассуждение о разделении свойств Божиих»), *экзегетическое* («О упразднении власти диавола крестом Иисуса Христа»), *церковно-историческое* («Что в продолжение трех первых веков христианства сделало для церкви более вреда: гонения или ереси?»), *филологическое* («Какой смысл выражений Священного Писания: *ходить во свете* и *ходить во тме*?»). Перечисленные здесь «рассуждения» опубликованы нами в 2009 г. в сборнике «Последние дни Помпеи».

Назначение своих дневников, которые Гиляров вел в 1837—1843 гг., он довольно точно определил присвоенным им названием в романтическом вкусе — «Нечто, собрание кое-чего, или Мои мечты и думы». Бóльшая их часть до нас не дошла, некоторые разрозненные страницы, как упоминалось выше, были опубликованы в 1903 г.; два фрагмента дневника — за 1839 и 1843 гг. обнаружены нами в архиве Гилярова.[54]

Эти дневники прежде всего давали ему самую простую возможность самовыражения, когда перехлестывало через край творческое возбуждение, переполняли душу впечатления от увиденного, услышанного и, особенно, прочитанного. 30 июля 1839 г. он записывал в дневнике: «Писать, писать беспрестанно, потому что письмо не может мне наскучить, не может утомить меня, и я их не сбываю куда-нибудь, — если это приятно, не только не тяготит меня, но еще облегчает мою голову, наполненную разными мечтами и думами. Итак, вот определение моего *нечто* и причина, по которой я начал его писать. Мое *нечто* есть сброд всех дум и мечтаний, теснящихся в моей голове <...> нечто, *собрание кое-чего*, сброд кое-каких мыслей, а если угодно, по моему определению, не может иметь строгого плана, ни особенной цели или сознательной необходимости. Это так.... *нечто*».[55]

Однако помимо желания «облегчить голову» дневники выполняли и другие функции — прежде всего самопознания и исповеди. Вот 13-летний подросток

[54] ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 32. Л. 1—6 об.; Ед. хр. 58. <№ 1>. Л. 1—3 об.

[55] *Из пережитого*. Т. 2. С. 107.

впервые, укоряя себя в лености, формулирует нравственные принципы, звучащие пока по-детски наивно: «Я буду писать о других, а о себе ничего. Жалко потерять день понапрасну! Да, понапрасну! Болтать пустяки грех, а я читал *от нечего делать*, следствен<но>, пустяки! <...> Что же делать? Бог милостив! Что-то будет завтра? Такой ли день пустяшной или дельной какой?» (запись от 10 сентября 1837 г.).[56] И, к примеру, — спустя годы — в очередной раз предъявление требований к себе, сменяющееся отчаянием с апелляцией к евангельской мудрости (Мф 26: 41; Мк 14: 38): «Я намерен, или, лучше сказать, я желал бы, вести жизнь самую регулярную, в которой бы было все расчислено по часам, когда и чем заниматься, делом или бездельем, и даже если делом, то именно каким. Но — Боже мой! — сколько я давал себе таких обещаний?! Дух бодр, а плоть немощна» (запись от 1 января 1843 г.).[57] Есть здесь место и религиозным сомнениям. Юный Гиляров записывает: «Конечно, Св. Отцы во многом ошибались <...> они не везде правду говорили. Этому лучшим доказательством служит то, что мнения одного Отца противоречат другому. <...> И это ничуть не опровергает их святости. Эти добрые старики молились Богу и делали добро, и за это попали в святые...» (запись от 27 декабря 1840 г.).[58]

Задача запечатлеть свою эпоху («Как любопытно бы было мне писать историю моего времени»[59]) тоже ставилась Гиляровым, но она все-таки несколько отодвигалась на задний план. Да он и не способен был вести регулярный дневник-хронику по самому складу своей натуры, ему недоставало для этого необходимой меры педантизма. Поэтому он, с одной стороны, несколько раз начинал дневник и бросал его, а с другой — у него получалась какая-то смесь, действительно — «собрание кое-чего»: поденные записи в собственном смысле вперемежку с выдержками из книг и журналов, размышлениями, эмоциональными выплесками, случайными заметками. Встречаются в юношеских дневниках упоминания о ближайшем окружении — о родных и знакомых, однако несомненно, что главным объектом Гилярова всегда была его собственная персона, он сам — погруженный в свои переживания, обретающийся в «фантастических полетах»,[60] стремящийся понять и объяснить себя.

Дневники подтверждают и то, что в юности Гиляров серьезно подумывал о будущем писательстве. Очевидно, что некоторые их фрагменты, прежде всего те, где особенно заметен налет романтической рефлексии и избыток тропов, подверглись тщательной художественной обработке и, видимо, были перенесены в дневник из предварительных черновиков. Не случайно же и его выписки из художественных произведений выглядят чаще как некие сюжетно-стилистические образцы, а не как подборка, к примеру, «мудрых мыслей». Исподволь

[56] Там же. С. 106—107.
[57] Там же. С. 131.
[58] Там же. С. 130.
[59] Там же. С. 117.
[60] Там же. Т. 1. С. 138.

традиционные дневниковые записи уступают место беллетристическим наброскам и приобретают жанровые приметы записных книжек, а то и вовсе писательских творческих рукописей.

Но поначалу юный автор вчитывается в журнальную прозу своего времени и проходит через искус подражательства, понемногу изживая на кончике своего пера литературные штампы рядовой беллетристики. Случай из собственной жизни, например, описывается им так, как требовал тогдашний «стилистический этикет»: «Кто вообразит мою радость? Я сам не могу этого описать и, по примеру многих писателей, сказал бы, что бросаю перо в такую минуту, если бы не было мне стыдно писать ложь пред читателями, которые тотчас заметили бы, что после самых слов *бросаю перо* — я начинаю продолжать. Часу во втором какой-то мальчик в сильно изношен<ном> сюртуке шел с кулечком по дороге из Поддевича к Рого<жской> заставе. Кто это? Это я, я сам, собствен<ною> своею особою» (запись от 30 июля 1839 г.).[61]

То и дело в дневниках воспроизводятся традиционные для литературы того времени образно-семантических клише. Однако при этом, прорываясь сквозь подобную, эпигонскую, по сути, словесную вязь, регулярно актуализируется христианский контекст: «Уж полночь! — подумал я. Как скоро летит время; я не видал, как прошел вечер. Да я и не заметил даже, как пролетела вакация!.. Завтра первое сентября, настал конец отдыха. *Кончилось, конец* — какие несносные слова! Они всегда напоминают мне тленность всего земного. Все здесь кончится; кончится и наша жизнь, и горе тому, кто не успел надлежащим образом располагать временем, кто во всю жизнь собирался только жить и просыпается лишь тогда, как грозная коса засверкает над его головою».[62]

Любопытно, что в юношеских дневниках находим и попытку Гилярова теоретически осмыслить свои эстетические искания. Он видит в усваиваемой им риторической культуре и литературном творчестве вообще исключительно средство душеспасения. При этом стилистически это его задушевное исповедание, естественным образом включающее в себя библейские реминисценции, приближается к проповеди: «Если я что-нибудь знаю и если я еще что-нибудь приобрету, еще сколько-нибудь уменья говорить красноречиво (а у меня его еще так мало!), то куда его употребить, как не на пользу ближним? <...> Если я обратил кого-нибудь к добродетели, значит, я умею убедить. Убедить — приятная мысль! Но в чем убедить? Убедить не в пустых каких-нибудь умозаключениях, сделать впечатление не суетное или даже порочное, возбудить страсти не злые и порочные, как некоторые писатели, хвастающие своим уменьем действовать на душу. О, нет! <...> внушить <...> любовь к добродетели и ненависть к пороку — вот истинная и славная победа над умом и сердцем человеческим, вот истинная слава красноречия!» И далее: «...я вижу одну только пользу от наук, и для одной

[61] *Из пережитого*. Т. 2. С. 108. Здесь редакторы издательства «Наука» унифицировали «Поддевича», заменив его на «Поддевичья».

[62] Там же. С. 116.

только цели, думаю, должно учиться. Эта цель — Бог и добродетель. Все, что может способствовать к большему нашему познанию Бога и нашему приближению к Нему, то я считаю полезным, а что служит только к суетному надмеванию ума нашего, то — вред, жестокий яд <...>»[63] (запись за июнь 1840 г.).[64]

Таким образом, определив для себя принципы писательского делания как некоей жизненной жертвы, подвижничества во имя ближних, Гиляров поначалу предпринял эксперимент: отталкиваясь от современной ему светской беллетристики, он искал новые пути в творчестве и интуитивно подходил к искусству дидактического, морализаторского характера. Между прочим, в том же русле шли духовные поиски и у великих — например, у Пушкина с его поздней молитвенной лирикой, у Гоголя с его «Выбранными местами из переписки с друзьями» или у Л. Толстого с его религиозно-нравственными трактатами. Даровитый семинарист сердцем ощутил тот предел, «где дышат почва и судьба» русской литературы, где для нее начинались не только названные произведения, но и, например, «Семейная хроника» С. Аксакова и романы Достоевского, где во весь голос звучал специфически русский ответ миру на вечные вопросы.

Ощущение некоей несовместимости изящной словесности с ее образно-стилистической игрой, порой только услаждающей, но не просветляющей душу, и христианского мирочувствия, настраивающего ее на строгий, аскетический лад, видимо, явилось главной причиной того, что Гиляров впоследствии избрал научную и публицистическую стези в литературе. Причем до конца жизни, за малыми исключениями, вовсе не подписывал своих статей либо публиковал их под различными псевдонимами. Как уже упоминалось выше, делал это из принципиальных христианских соображений: он всегда хотел, чтобы истина говорила сама за себя, убеждая читателя самоочевидными доводами, а, к примеру, не давя на его сознание авторитетом дипломированного ученого и не служа источником авторского тщеславия.

Какого масштаба художника слова потеряла при этом русская литература, показала гиляровская книга «Из пережитого», которую от семинарских дневниковых и беллетристических опытов отделяло более сорока лет. В ней ярко и выпукло, как ни в каком другом русском мемуарном источнике, воссоздан исконный православно-русский быт, причем не со стороны, а изнутри, любовно и со знанием дела. В сущности, эти мемуары с их принципиальной установкой на автобиографизм и выросли из звучащих в юношеских поденных записях религиозных сомнений и покаянных мотивов, с которых начинался длительный процесс самовоспитания, умственного и духовного саморазвития в духе христианского гуманизма, ставшего, по убеждению, например, Н. П. Аксакова, глав-

[63] Там же. С. 119, 120.

[64] Подробнее о юношеских дневниках Гилярова см.: *Дмитриев А.* Становление речевой личности христианина (на материале дневников и писем молодого Н. П. Гилярова-Платонова) // Dzienniki, notatniki i listy pisarzy rosyjskich: Ego-dokument i literatura / Instytut Rusycystyki Uniwersytetu Warszawskiego. Warszawa, 2007. С. 47—62.

ным делом жизни Гилярова: «Вся жизнь его была посвящена выработке в себе полного, внутреннего человека, своеобразно и самобытно отзывающегося на все человеческое, чутко стоящего на страже всего человеческого, где бы таковое ни проявлялось».[65]

3.2. «АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ» «ИЗ ПЕРЕЖИТОГО» (1884—1887): ЖАНР, КОМПОЗИЦИЯ, ТВОРЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ, ПРИЖИЗНЕННАЯ КРИТИКА

В последнем письме к князю Н. В. Шаховскому (оно было прервано смертью и оказалось недописанным) Гиляров высказался о своем понимании религиозной веры как основы самосовершенствования и духовного возрастания человека, с одной стороны, и главного условия общественно полезного творческого делания и подлинной свободы, с другой: «Духовный мир есть мир свободы, и внутренний прогресс возможен только личный, истекающий из веры <...>».[66] И здесь же дал довольно суровую оценку нравственного состояния современного ему русского общества: «Вера утрачена или обращается в фетишизм; должно естественно при этом иссякать и творчество, и чувство свободы».[67]

Это был вкратце сформулированный гиляровский ответ на ключевой вопрос эпохи «Что делать?». В развернутом виде этот ответ получил впечатляющее воплощение в обширном мемуарном повествовании «Из пережитого», обладающем существенными жанровыми чертами эпопеи, поскольку хронологически оно посвящено важному, кризисному периоду в духовно-нравственной жизни страны, пришедшемуся на вторую четверть XIX столетия и подготовившему национально-исторический переворот, связанный с эпохой Великих реформ. Гиляровские воспоминания являют собой, пожалуй, самую выразительную картину быта и нравов русского православного духовенства XVIII—XIX вв. В этом смысле они, соизмеримые по своим художественным достоинствам и познавательной ценности с лучшими образцами отечественной мемуарной прозы, представляют в определенном смысле параллель к такой, например, эпопее, как «Былое и думы» Герцена, только изображаемое Гиляровым дано изнутри православно-русского сознания, а не либерально-западнического. Впрочем, как справедливо считал Гиляров, «ни в одном космополите не вытравливается никогда дочиста народность; оттого и в Герцене, несмотря на его атеизм, сказывался православный и даже ближе — православный русской народности»,[68] что, очевидно, и стало внутренним источником эпического мироотношения в «Былом и думах».

---

[65] Речь Н. П. Аксакова на могиле Н. П. Гилярова-Платонова // *СИ*. 1887. 21 окт. № 288. С. 2.

[66] Цит. по: *Шаховской Н. В., кн.* Никита Петрович Гиляров-Платонов: Краткий публиц. очерк. Ревель, 1893. С. 70. См. полный текст письма в наст. изд., на с. 475—483.

[67] Там же. С. 69.

[68] *Сб. соч.* Т. II. С. 218 (очерк «Логика раскола, 1885).

Отметим, впрочем, что В. А. Котельников предпочитает более осторожное, образное определение жанра «Из пережитого» — «движение в сторону эпики». Он пишет: «Вдумчивая наблюдательность Гилярова, направленная и на оригинальные человеческие экземпляры, и на внешние и внутренние свойства разнообразных типов, с помощью даровитого пера его обогатила мемуары зарисовками самобытных личностей и характерных “анекдотов” того времени. <...> Таких тем, фигур, сюжетов у него оказывается очень много, и при чрезвычайной плотной и достоверной фактической основе, при углубленной нравственно-психологической рефлексии его мемуарное повествование очевидно движется в сторону настоящей автобиографической эпики».[69] Не менее важно учитывать и такую черту жанрового своеобразия «Из пережитого», как публицистический, или, лучше сказать, учительно-проповеднический, его элемент, конечно, ненавязчивый, далекий от сухой, нехудожественной дидактики. На это обратил внимание О. Г. Панаэтов: «Повествование Гилярова можно отнести к так называемой “одушевленной публицистике”. Так писали Н. В. Гоголь (“Выбранные места из переписки с друзьями”), Ф. М. Достоевский (“Дневник писателя”), Л. Н. Толстой (“Исповедь”), К. Н. Леонтьев (“Четыре письма с Афона”), В. В. Розанов (“Опавшие листья”, “Уединенное”)».[70]

Известно, что неудержимое развитие личностных жанров — воспоминаний, дневников, писем исповедального характера, — характерное для эпохи романтизма с его «апофеозом личности», во второй четверти XIX в., в период детства и юношества Гилярова, несколько тормозилось неподходяще суровыми для их публикации условиями Николаевского правления. И только с началом нового царствования, в эпоху либеральных реформ, начинается массовое печатание этих ценных материалов: они выходят отдельными изданиями и в составе сборников, их охотно публикуют «толстые» журналы, еженедельники и даже ежедневные газеты. В 1863 г. возникает особый журнал, специализирующийся на произведениях мемуарно-дневникового характера, — «Русский Архив»; позднее к нему добавляются «Русская Старина», «Исторический Вестник», «Киевская Старина» и др. Причем печатаемые здесь свидетельства прошедших времен находятся в центре общественного внимания, интерес к ним вовсе не ограничивается узким кругом архивистов и историков.

Любопытно, что Чернышевский, к примеру, в 1856 г. объяснял необыкновенный успех аксаковской «Семейной хроники» (который ему в целях литературно-партийной полемики, конечно же, хотелось несколько умалить) просто наличием в обществе «сильной потребности в мемуарах».[71]

Острое ощущение непреходящей ценности быстротекущей жизни во всех ее проявлениях и желание сохранить на бумаге многоразличные мелочные по-

---

[69] *Котельников В. А.* Ἱστορία-historia-история: история и эпика в их единстве и раздельности // *Гиляров: ИМБР*. С. 30.

[70] *Панаэтов О. Г.* Тема семьи в мемуарной прозе Н. П. Гилярова-Платонова // *Возвращение*. С. 47.

[71] *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч.: В 15 т. М.: Гослитиздат, 1947. Т. III. С. 699.

дробности своего времени были присущи Гилярову с раннего возраста. Первые попытки реализации этих творческих замыслов относятся еще к периоду обучения в Коломенском духовном училище (правда, дошли до нас только отдельные дневниковые записи за 1837 г.). В 16 лет, 1 января 1840 г. он, в очередной раз начиная свой дневник, высказывает свое заветное желание: «Как любопытно бы было мне писать историю моего времени».[72]

В эту семинарскую пору, особенно же с 1842 г., как упоминалось выше, близким другом Гилярова становится Василий Сперанский, который тогда же начинает писать свои мемуары под названием «История моей жизни». Первая часть, посвященная раннему детству[73] и учебе в духовном училище и семинарии, создавалась в 1844 г., вторая, описывающая годы учебы в Московской духовной академии, — в 1846, 1856—1857 и 1869 гг., а третья, посвященная преподавательской и пастырской службе в 1850-х гг., — в 1859 г.[74] По крайней мере, о существовании первой, недописанной, части этих воспоминаний не мог не быть осведомлен Гиляров. Любопытно, что одна из пяти главок должна была называться «Мои предки» (она не написана вовсе) — почти так же, как и глава II «Из пережитого» («Предки»).

Во «Вступлении» Сперанский декларировал: «...история каждого отдельного лица должна состоять не только из повествования о внешних обстоятельствах и происшествиях, имевших на него влияние, но и из раскрытия его внутренней, духовной жизни, т. е. должна еще показать, как постепенно развиваются в нем способности познавательные, чувствовательные и деятельные и как одна берет перевес над другою. Точно так и я стану изображать свою жизнь».[75] Можно предположить, что друзья в свое время обсуждали принципы, так сказать, образцового мемуарного повествования как некоего психологического исследования своей личности, особого «романа воспитания», основанного на процессе кропотливого самопознания, потому что гиляровские воспоминания, написанные 40 лет спустя, в общем-то не отступают от позиций, избранных в юности Сперанским. При этом необходимо заметить, что добросовестная, хотя и куда более скромная по своим задачам «История моей жизни» добавляет немало интересных подробностей к картине, созданной Гиляровым, однако, безусловно, проигрывает последней в художественном отношении.

Важные свидетельства о том, что Гиляров писал мемуары о своем детстве и юности в годы обучения или, во всяком случае, в период преподавательской деятельности в Московской духовной академии, содержат дневниковые записи Веры Аксаковой за 1854—1855 гг.

---

[72] *Из пережитого*. Т. 2. С. 117.

[73] Об этой части воспоминаний см. в главе 1.1. См. также: *Панаэтов О. Г.* Тема семьи в мемуарной прозе Н. П. Гилярова-Платонова // *Возвращение*. С. 46—57.

[74] Воспоминания Сперанского отложились в РГБ (Ф. 649. Карт. 1. Ед. хр. 4—6). Объем, соответственно: 19, 48 и 34 л.

[75] Там же. Ед. хр. 4. Л. 1.

После одного из первых, судя по всему, визитов Гилярова в Абрамцево, 17 ноября 1854 г., она, находясь под сильным впечатлением от его устных воспоминаний, отмечает: «Гиляров — человек очень умный и замечательный; его рассказы чрезвычайно интересны; он знает жизнь с таких сторон, какие мало известны между нами. Он обещал прочесть свои записки».[76] Но тут же добавляет о какой-то безотрадности, повеявшей на слушателей, когда они вслед за своим речистым проводником прошлись по неведомым им ранее мрачным закоулкам духовного быта, и о сочувствии к драматическим изломам в судьбе талантливого молодого ученого: «Но личность его как-то делает тяжелое и унылое впечатление, и в характере его есть черты не очень приятные. Положение его, как лица, вышедшего из духовного звания и постоянно находящегося под гнетом духовной власти, давящей всякое свободное движение жизни в душе человека, весьма тягостное».[77]

Через 5 месяцев, 19 апреля 1855 г., — новая запись о Гилярове: «Много рассказывал он нам чрезвычайно любопытного о своем детстве, юношестве, о том, через какие темные стороны жизни должен был он пройти: у него есть записки его жизни, которые он давно уже обещает прочесть нам. Они должны быть чрезвычайно любопытны во всех отношениях».[78] Больше в дневнике В. Аксаковой об этих ранних гиляровских мемуарах не упоминается, да они и не сохранились.

Почему же Гиляров так и не показал Аксаковым свою рукопись, хотя неоднократно обещал сделать это? Можно предположить, что записки его в то время только создавались, были в сыром, далеком от завершения виде. А потом, очевидно, погибли в огне. О пожаре, случившемся у Гилярова на даче летом 1856 г., он сообщал в вышецитированном письме к одному из своих бывших слушателей по Московской духовной академии Н. Ф. Глебову (от 25 октября 1857 г.): «...Вы, вероятно, знаете о моем прошлогоднем несчастии. На даче, где я жил прошлого года, у меня был пожар; и почти все мои бумаги сгорели. Потеря ужасная и почти невознаградимая».[79]

Подтверждает тот факт, что Гиляров в молодости действительно работал над своими воспоминаниями, и его признание в уже упоминавшемся письме к Суворину от 23 августа 1872 г. Говоря о годах своего обучения в начальной и средней духовной школе, он писал: «Эта часть жизни могла бы дать занимательное содержание мемуарам, которые было я и начал когда-то».[80]

Видимо, уже в первых вариантах отчетливо выявлялся автобиографизм как принципиальная черта этих воспоминаний. Продолжим выписку из дневника В. Аксаковой. Сразу же после пространных рассказов Гилярова о его детстве и юности разговор в абрамцевской гостиной «перешел как-то на то разнообра-

[76] *Аксакова.* С. 88.
[77] Там же.
[78] Там же. С. 192.
[79] ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 4.
[80] *Из пережитого*. Т. 2. С. 208.

зие самолюбия в каждом человеке <...> Константин сказал Гилярову откровенно и добродушно, что он, т. е. Гиляров, слишком постоянно занят самим, т. е. беспрестанно с самим собой возится, в себя самого погружен, что это ему мешает обращать внимание на других <...>».[81]

К написанию «Из пережитого», или, по первоначальному, более нейтральному названию журнальной публикации, — «Из прожитого»,[82] Гиляров приступил, казалось бы, по внешне случайному поводу в марте 1884 г. Оказавшись на грани разорения, он, как уже говорилось, обратился к Суворину за помощью. 8 февраля 1884 г. Гиляров писал ему: «В бытность в Петербурге я просил Вас в случае открыть моим трудам приют на столбцах “Нового Времени”. Случай этот наступил».[83] Суворин ответил 20 февраля, не проявив при этом особой радости от приобретения в лице Гилярова нового сотрудника.[84] Тот, видимо, не позднее начала марта отправил в Петербург свое письмо (оно сохранилось частично), где и содержатся первые упоминания о будущих мемуарах. Гиляров подтверждал здесь, что его обстоятельства беспросветны: «Я в положении критическом; чрез несколько дней могу очутиться *буквально* без куска хлеба и без крова на завтрашний день».[85] На комплимент Суворина, что слово Гилярова «веско» (тот, однако, понял это как упрек, опасение за возможную резкость гиляровской критики тех или иных явлений жизни), он отвечал: «Я резок тогда лишь, добрейший Алексей Сергеевич, когда пишу под собственною ответственностью. А потом, разве нет безобидных тем? Я некогда занимался еврейским вопросом, и у меня остались материалы. В портфеле моем есть наброски экономических статей. Давно думаю писать мемуары. Мог бы писать критические разборы. Неужели все это или хотя часть не могло бы найти у Вас места? <...> Не смею думать о себе слишком многого, но статьи мои во всяком случае не будут лишены занимательности <...>».[86]

Вскоре Гиляров, приступивший к написанию мемуаров, уже мог выслать Суворину начальные главы своего труда, — конечно же, с тайной надеждой, что тот их опубликует. В архиве князя Шаховского сохранилось недатированное черновое письмо Гилярова: «На днях я Вам пришлю две первые главы моих мемуаров. В сущности, им место было бы в какой-нибудь толстой книжке, но там проваляется несколько месяцев. Во всяком случае, мне любопытно слышать Ваш отзыв. Вы публику знаете и решите, сколь велик интерес найдет она в моих

[81] *Аксакова.* С. 192.

[82] Самое первое название было и вовсе аскетически непритязательным — «Из прошлого», но уже в беловой рукописи начальных страниц мемуаров (переписчик, судя по почерку, вероятнее всего, старший сын Гилярова — Николай Никитич) оно зачеркнуто и сверху Гиляровым написано: «Из прожитого» (ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 28. Л. 1).

[83] РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 915. Л. 12.

[84] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 700. Л. 6—6 об.

[85] РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 915. Л. 13—13 об.

[86] Там же. Л. 13 об.

записках, по моему мнению, любопытных».[87] К сожалению, точно неизвестно, отправил ли Гиляров Суворину, как собирался, эти главы и даже предваряющее их письмо (в суворинском архиве оно не обнаружено). Но уже в майской книжке «Русского Вестника» за тот же 1884 г. началась публикация мемуаров.

Редактор этого журнала, М. Н. Катков, с которым Гиляров во второй половине 1850-х — в 1860-х гг. находился в приятельских отношениях, впоследствии не раз становился мишенью довольно язвительной критики «Современных Известий» — за подчас обскурантистское содержание передовиц арендовавшихся им «Московских Ведомостей».[88] Но, несомненно, он, с одной стороны, не мог не оценить высокий художественный уровень гиляровской мемуарной прозы, а с другой — ему, видимо, было лестно оказать благодеяние собрату, редактору одной из крупнейших русских консервативных газет, и, судя по всему, он назначил Гилярову неплохой гонорар. Гальперсон вспоминала: «Работал он необычайно быстро. Каждая глава “Из пережитого”, из которых многие занимают более полулиста печатного, давалась ему в один присест. Он писал с увлечением, весь погружаясь в воспоминания, а написав, говорил: “Вот и еще сто рублей на покупку бумаги для газеты!” или “Теперь можно уплатить в типографию!” Эти переходы от нравственного и умственного наслаждения к денежным расчетам, притом расчетам не личным, а вызванным опасениями, что закроется единственный орган его мыслей, комментарий не требуют».[89]

Должен был понравиться Каткову и общий замысел мемуаров, как он вырисовывался из первых глав. Это была апология традиционной русской жизни с ее устойчивым укладом и многостороннее и вместе с тем любовное, какого до того, пожалуй, и не знала отечественная мемуаристика, изображение духовного быта. Он даже чуть ли не сразу заказал для «Московских Ведомостей» отзыв о гиляровских воспоминаниях (тот и назывался «К истории русского быта»), который составил театральный критик и педагог С. В. Флеров[90] по первой их порции, опубликованной в майской книжке «Русского Вестника».[91] И это оказалась, пожалуй, лучшая статья о мемуарах, впоследствии особо ценимая Гиляровым (он будет цитировать ее в своей газете).

---

[87] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 483. Л. 7—7 об.

[88] Наиболее откровенно Гиляров высказался о «Московских Ведомостях» в своем письме к Победоносцеву от 24 октября 1880 г.: «Они были органом всякой реакции, глашатаем всякой репрессии, противником всякой свободы. Аракчеевщина — вот был их идеал». Там же о самом редакторе: «При своем несомненном таланте, при уме и образовании Катков движется только личным самолюбием, безграничным самолюбием» (*Разумеваю-щие верой*. С. 194, 195). См. подробнее в главе 2.1.

[89] *<Гальперсон А. М.>*. Москва, 20 октября // *СИ*. 1887. 21 окт. № 288. С. 1.

[90] *Z. <Флеров С. В.>*. К истории русского быта: «Из прожитого» Н. П. Гилярова-Платонова. Главы I—V. «Русский Вестник», 1884, май // *МВед.* 1884. 25 июня. № 174. С. 3. Краткий анализ этой статьи см. ниже.

[91] Возможно, Флеров читал воспоминания по рукописи, так как в тексте его отзыва они названы по первоначальному заглавию «Из прошлого».

Безусловно, сходной, то есть достаточно высокой, была оценка воспоминаний и со стороны самого Каткова. Однако с самого начала сотрудничество с ним обернулось для Гилярова неожиданными для него огорчениями. Позже он поделился ими с Романовым-Рцы (в письме от 23 ноября 1886 г.): «Вы полагаете, что я мог бы писать в "Русском Вестнике". Скрепя сердце я писал свою Автобиографию (деньги были нужны); но подвергался таким глупым вычеркам (от собственной руки Михайла Никиф<оровича>), что только руками разводил. Я терпел, имея в виду, что в издании книгою воспроизведу зачеркнутое».[92]

Любопытно признание Гилярова в письме к Романову-Рцы от 18 декабря 1886 г.: «...самые главы я писал большею частью в один присест каждую».[93] О том же он говорил и своему приятелю протоиерею П. А. Смирнову, а тот воспроизвел его слова в «речи пред панихидою»: «Он был не на своей дороге. Но и среди страшных и, подчас, безвыходных затруднений он сумел сохранить целыми и свою мысль, и свое чувство. Блестящее доказательство сего — его чудные "Воспоминания". Можно ли поверить, что этому живейшему воспоминанию подробностей юности и детства самого раннего, этому тщательнейшему выяснению житейских отношений не помогала ни одна черта какой-либо записи, сделанной заранее? Все это воспроизводилось по памяти, по живому сердечному чувству. И иногда такою обильною рекою выливались из его сердца эти мысли и чувства, что один вечер давал целую главу "Воспоминаний" давно, давно прошедшего, и столь картинных. Да, это было замечательное, необыкновенное дарование».[94]

Но на самом деле такая напряженная работа продолжалась только до тех пор, пока не были написаны коломенские главы, и вдохновение постепенно покинуло Гилярова, когда действие мемуаров было перенесено в Москву (так как в 1838 г. он поступил в Московскую духовную семинарию): в «Русском Вестнике» коломенская часть и самое начало московской напечатаны единым «куском» — с мая по ноябрь 1884 г., а потом наступил 4-месячный перерыв, после чего было опубликовано три главы — в апрельской книжке 1885 г., — и снова молчание до июльской книжки (еще четыре главы), на которой публикация была внезапно оборвана (об этом скажем ниже). Так что в катковском журнале Гилярову удалось напечатать только 53 из 63-х глав будущей книги, и то смиряясь с «идеологическими» вторжениями редактора в свой текст.

Он продумывал объем мемуаров и определялся, на чем должен остановиться. Начальнику Главного управления по делам печати Е. М. Феоктистову Гиляров писал 26 сентября 1884 г.: «Благодарю Вас за лестный отзыв о моих Воспоминаниях. Колеблюсь их далеко продолжать. Начнутся уже живые лица, о которых

---

[92] *Письма к Рцы.* С. 306. Подробно об искажении текста Гилярова Катковым см. в главе 2.1, на с. 168.

[93] *Письма к Рцы.* С. 314.

[94] Сочинения протоиерея Петра Смирнова, настоятеля С.-Петербургского Исаакиевского кафедрального собора. СПб., 1897. Вып. II. С. 259—260.

говорить затруднительно; да кроме того, цель моя главная: дать материал а) для истории быта, б) для психологии и в) педагогии. А там, где мой рост уже кончился, эти три интереса кончаются, начинаются другие, пусть не менее важные, но я не решил еще, благовременно ли выступать с ними в свет».[95]

На четыре месяца — с ноября 1884 г. по февраль 1885 г. — работа над мемуарами была приостановлена. Это вполне соответствовало неуемному характеру и разносторонней натуре Гилярова: ему претили регулярные, однообразные занятия, требовалось переключение на иные литературные труды. Его друзья встревожились. Князь Шаховской сетовал в письме Гилярову от 20 ноября 1884 г.: «Искренно, душевно жаль, что Вы обрываете Ваши воспоминания на самом интересном. Если не для печати, то для друзей продолжите Ваши записки».[96]

Впрочем, у Гилярова были и более существенные причины для окончания мемуаров на описании семинарского курса. 17 ноября 1884 г. он подробно объяснял это тому же князю Шаховскому: «А все-таки я скоро должен остановиться. Вы недоумеваете, почему я хотел остановиться на предпоследней книжке. Потому, между прочим, что здесь начинаются живые лица; что Вы прикажете с ними делать? Совершенно объективное, беспристрастное изложение невозможно; поэтому при описании семинарского периода я не стал держаться хронологического порядка. Выходом из семинарии я уже должен остановиться, хотя, не утаю, для читателей, подобных Вам, самою интереснейшею должна стать именно дальнейшая половина. Здесь, в семинарском периоде, у меня была болезнь “искания формальной истины”, как я ее назвал. Но, начиная с конца семинарии (Богословского класса) и далее пойдет мучительный процесс истины уже не формальной, религиозно-философские сомнения, их процесс и выход из них».[97]

Пугала Гилярова и громадность будущей работы, — скакать же по верхам, писать крупными мазками, без тщательной прорисовки деталей он просто не мог по самому складу своей натуры. Он продолжал: «Но мне излагать свою исповедь по многим причинам неудобно; не говоря о других, потому уже, что потребовался бы не один том, а несколько. В конце одной из глав я намекнул, что по окончании учебного курса я переучивался. Это буквально. Так перечислять все работы, все чтения, которым я подвергал корифеев науки! Да перечислить мало: это самохвальство, а необходимо изложить, восстановить рецензии, слагавшиеся в уме по прочтении того или другого писателя... Да ведь это адский труд! Пришлось бы отчасти воспроизвести свои лекции, читанные в течение семи лет. Вот почему я должен остановиться, отчасти и к собственному сожалению».[98]

И уж принципиально отказывался Гиляров, даже в далекой перспективе, описывать пореформенное время, так как не желал привносить в свои мемуары

[95] ИРЛИ. Сигн. 9112. Л. 2.
[96] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 720. Л. 8—8 об.
[97] Там же. Ед. хр. 503. Л. 10—10 об.
[98] Там же. Л. 10 об.

неизбежного субъективизма. Он высказывал это свое убеждение еще в 1867 г., в поминальной статье, посвященной митрополиту Филарету (Дроздову): «Мы не можем отрешиться от того, в чем сами живем, и потому не можем произнести ясного суждения. Суждение будет основано на впечатлении, на ограниченном личном опыте, и потому непременно будет односторонне, неполно и непременно пристрастно в ту или другую сторону».[99]

Главная вдохновительница воспоминаний Гальперсон 25 января 1885 г. с огорчением писала князю Шаховскому: «Никита Петрович ничего не пишет теперь: это я пишу уж по собственной инициативе. Ему даже неприятны напоминания о "Прожитом" и письмах для "Руси".[100] Несколько дней занят был составлением записки в думскую финансовую комиссию о "неправильности в городской смете"».[101] Спустя 10 дней, в письме от 4 февраля, она поясняла: «...у него положительно разбрасывание происходит от внутреннего богатства, и дело это непоправимое. Сколько трудов у него начато, сколько статей, сколько сочинений дельных почти кончено, но он не завершает их, потому что является новый интерес, и он сосредоточивает на нем все свои силы. <...> Теперь мы заняты глаголами. <...> А воспоминания "Из прожитого" и письма для "Руси" пока остановились — не потому, впрочем, что не хватает у Никиты Петровича времени заняться ими, а потому, что он успел охладеть и к тому, и к другому и вдохновить его может случайное какое-нибудь обстоятельство. Я предлагаю ему съездить на Зацепу, где прошли первые его годы после окончания Академии: оживятся воспоминания, и мы услышим и увидим тогда продолжение "Прожитого"».[102]

Наконец, проходят еще две недели, и 17 февраля Гальперсон сообщает князю Шаховскому, что у Гилярова полный упадок сил из-за домогательств кредиторов: «Никита Петрович в последнее время очень расстроен. Я боюсь расспрашивать, но думаю, что денежные дела играют не малую роль в этом настроении. Его рвут на части, ему приходится выносить невозможные вещи, и он поэтому никак не соберется с мыслями. Я употребляла все средства, чтобы привлечь его мысли к старым воспоминаниям или к вопросам, которые дали бы возможность написать отдельную статью. <...> Он утверждает, что отжил уже свой век, что он представляет собою выжатый лимон, что пора умирать, очищать место другим, и много такого, от чего сердце разрывается слушая».[103]

Но, возможно, как раз столь тяжелое финансовое положение в то время и подвигло Гилярова на продолжение хорошо оплачиваемых мемуаров, и он опубликовал еще семь глав в апрельской и июльской книжках «Русского Вест-

---

[99] *Сб. соч.* Т. II. С. 436.

[100] *Гиляров-Платонов <Н. П.>*. Откуда нигилизм? // Русь. 1884. 15 дек. № 24. С. 13—26. Предполагалось продолжение этого цикла «писем к И. С. Аксакову», так и не осуществленное Гиляровым.

[101] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 104. Л. 1 об.

[102] Там же. Л. 3 об.—4.

[103] Там же. Л. 7 об., 8.

ника». А вскоре разразилась гроза. Об этом Гиляров рассказывал Романову-Рцы в письме от 23 ноября 1886 г.: «Но потом вынужден был взять рукопись из редакции по следующему случаю. Помните, я обличил Мисаила, что произнес под именем своим чужую и притом уже *напечатанную* речь? За это в “Московских Ведомостях” буквально меня обругали и даже назвали *антихристом* (sic), и потом я услышал, что решено не печатать моей Автобиографии в “Русском Вестнике”. Видите, какие отношения! Если придется что серьезное печатать, то обращусь, делать нечего, к Стасюлевичу в “Вестник Европы”. Удивляетесь? Но Стасюлевич со мной хорош, а Пыпин выражался обо мне даже с отменнейшим уважением и любит читать “Современные Известия”».[104] (Следует, к слову, упомянуть: либерал М. М. Стасюлевич поместил в своем издании неподписанный некролог Гилярову, автор которого писал о его газете «Современные Известия», что он «всегда находил в ней больше практического смысла, чем в “Руси”, больше беспристрастия и уважения к противникам, чем в “Московских Ведомостях” <...>».[105] А. Н. Пыпин, постоянный, в течение многих лет, сотрудник «Вестника Европы», опубликовал обстоятельную одобрительную рецензию на воспоминания «Из пережитого»,[106] а позднее — и на посмертный «Сборник сочинений».[107])

История же с прекращением печатания мемуаров в «Русском Вестнике» по духу вполне гиляровская. Понимая, что многим рискует, он не смог удержаться, чтобы не сообщить в своей газете (передовая «Москва, 9 сентября») о «психологическом факте»: викарий Московской епархии, епископ Мисаил (Крылов), открывая публичные собеседования со старообрядцами, «произнес *чужую* речь, сказанную при подобных же обстоятельствах в Калуге преосвященным Владимиром Калужским за год назад и даже напечатанную»;[108] при этом Мисаил не сослался на речь епископа Владимира (Никольского), что, по мнению Гилярова, могли использовать недоброжелатели московского викария из старообрядческой среды. Причем следует отметить, что он не первый предал гласности это событие, а перепечатал сообщение о нем из другого издания («Вестника Литературного, Политического, Научного, Художественного, с Афишами») и назвал поступок архиерея простой «оплошностью». Однако в благожелательном как будто тоне Гилярова было немало ядовитой иронии, да он и раньше критически высказывался о приемах, которые практиковал Мисаил в своей миссионерской полемике.

Уже через три дня в передовой статье «Московских Ведомостей» («Москва, 12 сентября») «Современные Известия» именовались Катковым «органом общественного безобразия», а сама «недостойная газетная выходка» была сделана, по его словам, «с нахальством, ожесточением и злобою, которые могут быть

---

[104] *Письма к Рцы.* С. 306.
[105] *ВЕ.* 1887. Т. 128, кн. 11. С. 452.
[106] Там же. 1887. Т. 125, кн. 5. С. 392—396.
[107] Там же. 1900. Т. 204, кн. 7. С. 392—397.
[108] *СИ.* 1885. 10 сент. № 231. С. 2.

понятны только разве со стороны вожаков раскола».[109] В том же номере было опубликовано «Письмо к издателю».[110] Его автор, подписавшийся криптонимом «А. М.», истерично нападая на газету Гилярова («Это — печальная и позорная эмблема самой редакции: “отступничество и продажничество”. Редакция забыла, что она идет против святого дела, в угоду ослепленным тьмой неведения...»), переходил к личным оскорблениям в адрес издателя («...Церковь воспитала его на свои средства, дала ему возможность к жизни, а он вместо хлеба подает камень, вместо рыбы — змею, уязвляющую слабых и немощных в вере и жизни» и т. д.), но при этом прямо не называл его антихристом, а только «врагом Церкви», однако прибавлял: «...горько говорить, кто этот враг. Слова Св. Апостола Иоанна отвечают на это (1 посл. 2, 18—19)». Имелось в виду пророчество Иоанна Богослова о последних временах, в частности: «...придет антихрист, и теперь появилось много антихристов...»

Гиляров, перепечатав обе статьи в своей газете (такова изначально была его принципиальная позиция — давать место любым мнениям, а потом, если необходимо, аргументированно их опровергать), сопроводил их остроумным комментарием, завершающимся словами: «...а ведь из публики многие упрекают редакцию “Современных Известий”, наоборот, в клерикализме: вот и пойдите!»[111] Кроме того, Гиляров не сдержался и косвенно уколол Каткова, очень дорожившего репутацией своей газеты: «Не будем допытываться и о причинах, доведших А. М. до столь полного забвения и всяких приличий, и ответственности за печатное слово».

Вскоре Гиляров получил уведомление, что может забрать рукопись из редакции «Русского Вестника». Имеется свидетельство, что добивался этого личный секретарь Каткова, близкий его семье человек С. И. Соколов. Князь Шаховской предупреждал Гилярова в 1886 г. (письмо датируется по содержанию): «В редакции “М<осковских> В<едомостей>” есть человечек, небольшой, но как бы пришитый к особе Мих<аила> Ник<ифоровича>. Это его секретарь. Вот он имеет зуб против Вас, и зуб этот, помнится, вырос в тот самый день, как Вы продернули Мисаила за собеседование с раскольниками. Соколов величает Вас в редакции громогласно “Никитой Пустосвятом” — слов<ом>, старался Вас вышучивать».[112]

Прошло более года, и в январской книжке журнала «Дело» за 1887 г., издававшегося в тот период приятелем Гилярова И. С. Дурново, увидели свет еще две главы воспоминаний: «Дядюшка Петр Иванович» — самая, пожалуй, художественно выразительная, заставляющая вспомнить о лучших образцах лесковской прозы, и «Дон Кихоты просвещения» — одна из наиболее глубоких, на наш взгляд, с точки зрения мировоззренческого наполнения. (Не случайно пер-

[109] *МВед.* 1885. 13 сент. № 253. С. 2.
[110] Там же. С. 3.
[111] *СИ.* 1885. 16 сент. № 237. С. 2.
[112] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 720. Л. 30.

вую из названных глав Гиляров прочел 14 декабря 1886 г. в публичном заседании Общества любителей российской словесности.[113])

К этому времени, несмотря на то что ему все не удавалось завершить работу над мемуарами, уже была объявлена подписка на отдельное издание «Из пережитого»; причем выход в свет первого тома намечался на конец 1885 г. 9 апреля этого года Гиляров, имея в виду приостановку на месяц издания своей газеты, писал князю Шаховскому: «“Из прожитого”, первую часть которого я надеюсь <закончить> в неожиданно выпавшие мне неприятные каникулы, хотел бы я издать отдельной книгой, не возьмется ли Суворин? Наведите, родной, справку».[114] Однако этот план не удалось реализовать, и мемуары позже были отпечатаны в типографии не суворинской, а московского Товарищества М. Г. Кувшинова. Гиляров питал надежду, что, если он предпримет энергичные усилия, его сочинение принесет доход.

Объявление под названием «О подписке на книгу» он отпечатал на особом листке (цензурное разрешение от 6 ноября 1885 г.), где привел выдержки из ряда повременных изданий («Московских Ведомостей», «Нового Времени», «Южного Края», «Русских Ведомостей») с хвалебными отзывами в адрес мемуаров. В этом объявлении также отмечалось: «Вся книга будет состоять из двух частей, *свыше 20 листов в каждой*, на лучшей бумаге в 8 долю листа. Цена за обе части 3 руб., с пересылкою 3 руб. 50 коп. <...> Выписывающие вместе с “Современными Известиями” и книгу “Из пережитого” получают оную, при годовой подписке на газету, по уменьшенной цене — за 2 руб. (иногородные за пересылку прилагают 50 коп.)». Очевидно, что Гиляров делал ставку на своих постоянных подписчиков, потому и предоставлял им льготную скидку.

Эти расчеты, однако, не оправдались. Через год, в письме от 16 ноября 1886 г., Гиляров на похвалы Романова-Рцы в адрес своих мемуаров горько иронизировал: «Моя автобиография недурна? Даже очень, как все хвалили, все издания наперерыв. А Вы думаете, много раскупят книгу, когда она выйдет? Как Вы полагаете? А вот как. Я объявил заранее подписку, с тем именно, чтобы попытать. Несчастный, несмотря на предостережения жизни, надеялся, что ну хоть треть моих подписчиков захотят меня читать и воспользуются льготными условиями! А ведь подписалось-то, с Вами включительно, всего двадцать человек; да и того нет. Уразумевайте!»[115]

---

[113] *Мендельсон Н. М.* Общество любителей российской словесности при Московском университете: Ист. записки и материалы за сто лет, 1811—1911. М., <1911>. Прил. С. 151. Московский обозреватель журнала «Дело» отметил, что «наиболее деятельным участником» публичных чтений в Обществе любителей российской словесности «в этот сезон явился г. Гиляров-Платонов, выступивший с рядом своих личных воспоминаний из дореформенной эпохи, причем им был обнаружен крупный художественный талант» (1887. № 1. Отд. III. С. 56—57).

[114] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 502. Л. 12.

[115] *Письма к Рцы.* С. 295—296.

Чтобы привлечь внимание своих читателей, Гиляров пошел даже на такой, казалось бы, беспрецедентный шаг, как публикация в «Современных Известиях» авторецензии на свои же мемуары — под названием «О “Воспоминаниях” Н. Гилярова-Платонова»,[116] а также воспроизведение напечатанных в «Русском Вестнике» четырех разноплановых глав, дающих представление о мемуарах в целом.

Точно известно, когда Гиляров поставил точку в своей работе над воспоминаниями. Он тут же поспешил поделиться этим с Романовым-Рцы, которому писал 18 декабря 1886 г.: «Вторая часть “Из пережитого” мною кончена, с чем Вас, как подписчика, и имею честь поздравить. А с тем вместе почтительнейше уведомляю, что послесловие (Вы его увидите, оно под чертою, едва ли его будет строк пятьдесят) стоило мне почти *двух недель*, когда самые главы я писал большею частью в один присест каждую. Вот Вам наглядное объяснение, что я разумел под болезнью *систематики*. Сто раз обдумывал, десять раз черкал и рвал написанное. И до сих пор недоволен: не ясно, не точно, не вразумительно. А потому-то на десятой странице догматического серьезного изложения я и умер бы от истощения».[117] Через два дня, 20 декабря, о том же Гиляров сообщал князю Шаховскому: «Вторую часть своего “Пережитого” я кончил. Насчет послесловия сомневаюсь; если приедете в Москву, сочту долгом прочесть Вам и спросить совета. <...> Послесловие объясняет, почему я остановился на данном пункте и почему не могу в бытописательной форме передать хода моей умственной жизни в Академии».[118]

В первом очерке из цикла «Логика раскола» Гиляров вновь вернулся к этому вопросу: «Между прочим слышу ожидания (в числе других и от уважаемого А. М. Иванцова-Платонова), что в своих воспоминаниях, печатаемых под заглавием “Из прожитого”, я изложу свое отношение к кафедрам, которые занимал в Духовной академии. Этого не будет: в автобиографии курсам наук не место».[119]

Книга «Из пережитого» в полном объеме увидела свет в 1886—1887 гг. — она была издана в Москве товариществом М. Г. Кувшинова в двух частях. В отдельном издании Гиляров, как и собирался, восстановил исконный текст мемуаров и, кроме того, внес в него стилистическую правку. В 1977 г. это издание было воспроизведено репринтным способом в США, в г. Ньютонвилле, штат Массачусетс (текст снабжен небольшой вступительной статьей профессора Брандисского университета Грегори Фриза и составленной им краткой библиографией работ о Гилярове и духовном образовании в дореволюционной России вообще), а в 2009 г. по инициативе Б. Ф. Егорова воспоминания вышли в академической

---

[116] *СИ.* 1885. 17 окт. № 268. С. 2. Текст этой заметки, чрезвычайно важной для понимания авторского замысла, будет приведен ниже, на с. 315—317.

[117] *Письма к Рцы.* С. 314.

[118] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 503. Л. 13—13 об.

[119] *Сб. соч.* Т. II. С. 195.

серии «Литературные памятники», в приложении опубликован свод мемуарной и дневниковой прозы Гилярова, причем некоторые тексты впервые, по архивным источникам (издание подготовлено А. П. Дмитриевым, И. Г. Птушкиной и Л. В. Дмитриевой).[120]

О времени выхода томов из печати можно судить по переписке Гилярова с Победоносцевым, которому книги высылались в первую очередь. 9 февраля 1886 г. тот благодарил Гилярова за первую часть, высоко оценив мемуары в целом и упомянув, что с их содержанием он «довольно уже знаком, ибо читал с живым любопытством многие из статей <...> в “Русском Вестнике”». При этом добавлял: «Вообще, мне некогда читать, но эти статьи так меня интересовали, что я всякий раз поджидал появления следующей. Авось либо Вы на этом не остановитесь».[121] 12 марта 1887 г. Победоносцев отправил Гилярову столь же лестное письмо: «Сердечно благодарю Вас за присылку мне второй части Ваших записок. Прочитав первую, могу представить себе, как интересна вторая, и надеюсь встретить в ней нечто подобное главе о Святославском. Положил книгу на первом месте, чтоб отдать ей первые свободные минуты».[122]

* * *

Несмотря на столь очевидную неудачу с подпиской на воспоминания Гилярова, нельзя сказать, чтобы они были обойдены вниманием критики и читателей. Печатались отклики на них во многих столичных и крупных провинциальных газетах уже по мере журнальной публикации отдельных глав. Как правило, все эти отзывы были очень благожелательными. Рецензенты с удовольствием пересказывали целые страницы из мемуаров, цитировали отдельные, наиболее колоритные места.[123] При этом высказывались весьма лестные для автора общие суждения, вроде такого: «Под его пером типы и сцены недавнего прошлого живо восстают перед нами».[124]

---

[120] В академическом издании в полной мере был использован автограф воспоминаний, включающий черновые наброски большинства глав, беловые рукописи, подготовленные для издательства самим Гиляровым и близкими ему людьми (сыном Николаем, А. М. Гальперсон, неустановленными сотрудниками редакции «Современных Известий») и содержащие правку автора, — эти материалы (главы I—XXX, L, LII—LXIII) в значительной части сохранились в РО ИРЛИ (Ф. 71. Ед. хр. 28—31), так же как и автографы очерков «Урезанный документ» и «Возрождение Общества любителей российской словесности в 1858 году».

[121] *Разумевающие верой*. С. 228.

[122] Там же. С. 252. Упомянута глава XLII «Из пережитого» («Светский послушник»).

[123] См., например: Русская печать // Новости и Биржевая Газета. 1884. 4 июня. № 152. С. 3; Среди газет и журналов // *НВр.* 1884. 4 окт. № 3090. С. 2; 7 нояб. № 3124. С. 2; Русская печать // *СПбВед*. 1884. 5 июня. № 153. С. 3; 5 нояб. № 306. С. 3; 6 дек. № 337. С. 3; Обозрение газет и журналов // Южный Край. 1884. 21 нояб. № 1333. С.1; Журнальное обозрение // *ЧОЛДП*. 1885. Кн. III/IV. Отд. II. С. 302—314.

[124] Обозрение газет и журналов // Южный Край. 1884. 30 нояб. № 1354. С. 1.

Порой, в зависимости от общественно-политической ориентации издания, эпизоды из воспоминаний могли служить поводом для выпада в адрес противников. Например, в консервативной харьковской газете «Южный Край» воспроизводился рассказ о первой встрече Гилярова со своим дальним родственником (племянником жены старшего брата) А. Н. Островским, тогда студентом университета, который, еще обучаясь в гимназии, «читал Софокла».[125] Рецензент с иронией восклицал: «Как будут изумлены гг. отрицатели эстетики, узнавши, что А. Н. Островский воспитался на великих произведениях греческой литературы, о которых “Профаны”, “Заурядные читатели” и т. п. корифеи “критики” привыкли отзываться не иначе, как с улыбкой снисхождения».[126]

Тогда же, в 1884 г., были опубликованы, помимо уже упоминавшейся статьи С. В. Флерова «К истории русского быта» в «Московских Ведомостях», еще три более или менее развернутых критических отзыва на мемуары Гилярова — в дружественной ему аксаковской «Руси» и в неприязненно настроенных к нему «Газете А. Гатцука» и «Русских Ведомостях».

Особенно важны непредвзятые оценки и довольно глубокие суждения, представленные в статьях Флерова и Аксакова.

Приводя обильные выдержки из текста «в высшей степени любопытных воспоминаний», Флеров подчеркивает их необычайную образно-семантическую многослойность, жанрово-стилистический синтетизм: «История перехода от одного строя к другому; описание этого исчезнувшего строя в картинах отдельных его типических групп и лиц; анекдотические рассказы о прошлом и рядом с ними психологические анализы, бытовые параллели, указания на причинную связь явлений; общее и частное, автобиография на фоне бытовых описаний и жанровых картин, эпическое повествование летописателя минувших дней и рядом с этою эпикой психологическое, историческое и критическое освещение минувшего — вот впечатление, которое производят воспоминания Н. П. Гилярова-Платонова».[127]

Любопытно, что с легкой руки Флерова, заявившего: «Это не мемуары и не записки; это *воспоминания*», — жанровая особость «Из пережитого» станет позже предметом обсуждения и других критиков. Он же сделал акцент на художественных достоинствах воспоминаний: «С точки зрения литературной они отличаются мастерски выработанным, живым слогом; с точки зрения исторической они

---

[125] *Из пережитого*. Т. 1. С. 316. О взаимоотношениях Гилярова и Островского см. нашу статью: *Дмитриев А. П.* Гиляров-Платонов Никита Петрович // А. Н. Островский: Энциклопедия / Гл. ред. и сост. И. А. Овчинина. Кострома; Шуя, 2012. С. 105—106.

[126] Обозрение газет и журналов // Южный Край. 1884. 11 дек. № 1365. С. 1. Подразумеваются сотрудники «Отечественных Записок», критики Н. К. Михайловский (автор цикла литературно-общественных обозрений «Записки профана», 1875—1877) и А. М. Скабичевский (печатался под псевдонимом «Заурядный читатель»).

[127] *Z. <Флеров С. В.>*. К истории русского быта: «Из прожитого» Н. П. Гилярова-Платонова. Главы I—V. «Русский Вестник», 1884, май // *МВед.* 1884. 25 июня. № 174. С. 3.

представляют чрезвычайно интересный бытовой материал».[128] К тому же Флеров, как педагог, увидел немало ценного в прикладном значении «Из пережитого», помогающего зримо представить, как, по его словам, «индивидуальность привести к нужной цели».

Столь же высоко оценил гиляровские воспоминания и Аксаков в своей передовой «Москва, 1 июля»: «Это драгоценнейший материал для бытовой истории России. Рассказ, написанный живо и, разумеется, со свойственным автору умом и талантом, с правдивою, но, так сказать, теплою объективностью, без всякой предумышленной отрицательной закваски, досягает до прадедов, и читатель имеет, таким образом, пред собою очерк домашней жизни и быта четырех священнических поколений, составленный по семейным преданиям и личным детским впечатлениям и воспоминаниям автора».[129] Поразила Аксакова, однако, чрезвычайная неприхотливость и беспросветность правдиво изображенного быта духовенства XVIII — первой половины XIX в.: «...бедная, мелочная, будничная жизнь плетется себе потихоньку, с своими обычными радостями и невзгодами, бок о бок с крупными историческими событиями и крупными общественными преобразованиями, подчас словно придавливаемая ими, но вообще туго и больше по внешности поддающаяся их воздействию».[130]

По всей видимости, Аксаков усмотрел в этом общий изъян духовной жизни как результат петровских преобразований: «Но если вспомнить, что пред вами развернута картина преемственного, чуть не в течение столетия, *пастырства и учительства церковного,* т. е. что дело идет о четырех поколениях приходских *священников,* — если к заглавию: “Из прожитого” прибавить заглавие: *“Около алтаря”,* то вы поразитесь отсутствием в этой картине всякого *идеализма,* всякого намека на высшие внутренние задачи святого звания: до такой степени мало отражалась в их домашнем обиходе духовная сторона их великой священнослужительской профессии!»[131]

Вместе с тем гиляровские мемуары, по убеждению Аксакова, позволяют поставить неутешительный диагноз состоянию церковноприходской жизни в пореформенный период: «А между тем лица, выставленные автором, большею частью достопочтенные и умом не обиженные, да и вообще нельзя признать за ними и за всем их жизненным строем достоинства бытовой кротости, верности церковному преданию и обычаю и полной искренней близости к народу, почти нераздельности с ним. Несравненно выше они, во всяком случае, священников новейшей формации, — модной “либеральной” окраски, весьма развязных по части церковного предания, чуждых душой и сердцем народу, даже презирающих его с высоты своего семинарского образования, почитывающих Писарева — и цинически “эксплуатирующих” народное “суеверие” и “невежество”».[132]

---

[128] Там же.

[129] *<Аксаков И. С.>.* Москва, 1 июля // Русь. 1884. № 13. 1 июля. С. 4.

[130] Там же.

[131] Там же.

[132] Там же.

В сентябре в либеральных «Русских Ведомостях» появился отзыв Арс. И. Введенского (Аристархова), который, столь же высоко оценив мемуары, удивлялся авторскому отношению к изображаемым в них событиям: «В интересных воспоминаниях г. Н. Гилярова-Платонова («Р<усский> Вестн<ик>»), написанных с большим толком, представляющих ценный источник для характеристики старого быта русского духовенства и постепенного изменения этой среды, и не только быта духовенства, а вообще старого уездного общества, читатель, однако же, не находит успокоения. <...> Г. Гиляров-Платонов останавливается из не особенно великолепных явлений тогдашнего времени только на бурсе, на семинарии и на не весьма приятных интригах и высшего, и низшего духовенства; но достаточно и их, чтобы сердце сжалось тоскою, чтобы вспомнились впечатления недавние, почти всеми нами испытанные. Сам автор относится к невеселым явлениям прошлой своей жизни добродушно — это дело темперамента».[133]

Особо задержался Введенский на описании бурсацкого быта, на его взгляд, «совершенно тождественном с “Очерками бурсы” Помяловского». И снова критик не смог согласиться с авторской позицией: «И единственное, чем можно отличить автора от Помяловского, это — то, что г. Гиляров-Платонов снисходительно относится к жестокому начальству и презрительно к своим бывшим товарищам-ученикам, считая их забитыми тупицами, а Помяловский — совершенно наоборот, — и, кажется, правее, — видел в учениках еще только забиваемых способных людей, а в жестоких начальниках — уже вполне забитых тупиц, потерявших даже элементарное представление о своих обязанностях к зависящему от них, молодому и неопытному люду, для которого нужно руководительство, а не жестокосердое истязание».[134]

Совершенно особняком стоит злопыхательская заметка литературного недруга Гилярова А. А. Гатцука, опубликованная в еженедельнике последнего. В недопустимо развязном тоне, вымещая какие-то свои личные обиды, он ядовито передергивал факты из жизни Гилярова и на все лады склонял первоначальное название мемуаров «Из прожитого»: «Прочтя это заглавие, мы думали, что дело идет *о прожитом* г. издателем-редактором чужом состоянии <...>».[135] Далее давалась очевидно несправедливая, нарочито предвзятая оценка самим воспоминаниям, несмотря на то, что их идейный замысел, казалось бы, вполне удовлетворял охранительным началам, пропагандировавшимся «Газетой А. Гатцука»: «...перед нами какая-то идеалистическая размазня <...> воспоминания эти, на которые по имени автора было обращено некоторое внимание, по нашему мнению, пустоцвет <...>».[136] Уподоблялось же произведение Гилярова «замеча-

---

[133] *Аристархов <Введенский А. И.>*. Литературные беседы: <...> Старина в воспоминаниях Гилярова-Платонова. — Помяловский и Гиляров-Платонов. <...> // *РВед*. 1884. 30 сент. № 271. С. 2.

[134] Там же.

[135] *<Гатцук А. А.>*. Воспоминания // Газета А. Гатцука. 1884. 18 авг. № 32. С. 528.

[136] Там же.

тельно бессодержательным» мемуарам Б. М. Маркевича со сходным заголовком «Из прожитых дней», публиковавшимся в «С.-Петербургских Ведомостях».[137] Вполне возможно, что поводом к изменению названия гиляровских воспоминаний (на «Из пережитого») и послужил разносный отзыв Гатцука.

Нравственно поддерживали Гилярова в таких ситуациях его читатели. Так, смоленский помещик Б. В. Балабин писал в редакцию «Современных Известий» 10 декабря 1884 г.: «Я, русский мужичок, с умилением сердца вычитываю воспоминания Гилярова в “Русском Вестнике” — и с каким же омерзением прочитал я у Гатцука статьи на эти же воспоминания — и у вас-то видно в борьбе за существование один для другого идет на все пакости — ужасно!»[138]

Отметим и некоторые другие оценки «Из пережитого», встречавшиеся в период их создания в эпистолярных источниках и, безусловно, оказывавшие влияние на творческий процесс.

Победоносцев писал Гилярову 5 сентября 1884 г., предостерегая от язвительных ноток, пробивающихся в авторской интонации: «Воспоминания Ваши, коих я успел прочесть 2 часть, весьма мне нравятся и интересуют меня очень. Конечно, в них есть некоторый тон иронической колкости, от которого редко бывают свободны *этого рода* описания, — но это неважно, вообще же тон благодушен. Непременно буду читать продолжение <...>».[139]

Интересно одно анонимное письмо[140] — от 10 декабря 1885 г., — автор которого, подписчик «Современных Известий», интуитивно сравнивает «Из пережитого» с мемуарной книгой С. Т. Аксакова (ведь на нее, безусловно, ориентировался Гиляров): «Я так высоко ценю Ваш журнал и в особенности Вашу личность (особливо после написанных Вами мемуаров, которые мне живо напомнили “Семейную хронику” Аксакова), что готов бы вносить посильную лепту литературную и более крупную, хотя бы, например, в виде переводов с немецкого и французского».[141] Сходно мнение современного исследователя: «Сочинения С. Т. Аксакова близки мемуарной прозе Н. П. Гилярова-Платонова не только тематически (история семьи), но и по творческой установке — воспроизводить абсолютно достоверный жизненный материал».[142]

Обращались к Гилярову и с просьбой прислать журнальные публикации его воспоминаний. Так, публицист С. К. Эфрон писал 27 июня 1885 г. из Вильны:

---

[137] См.: Там же. С. 529.

[138] ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 51. <№ 6>. Л. 1.

[139] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 680. Л. 11. «2 часть» — вторая порция глав, опубликованная в июньской книжке «Русского Вестника» за 1884 г.

[140] Его автор (возможно, военнослужащий) оправдывался: «Своей фамилии я, по крайней мере до известного времени, обнаружить не могу всего более потому, что обращаюсь по обстоятельствам в такой сфере, где литературный труд считается чуть не смертельным грехом и наказывается очень сурово» (ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 51. <№ 3>. Л. 2).

[141] Там же. Л. 1—1 об.

[142] *Панаэтов О. Г.* Тема семьи в мемуарной прозе Н. П. Гилярова-Платонова // *Возвращение*. С. 46.

«Я был бы Вам очень признателен, если б Вы прислали мне продолжение Ваших, поистине полных интереса, замечательных записок. Я осмеливаюсь утруждать Вас этой просьбой потому, что в нашем краю не имею возможности достать “Русс<кий> Вест<ник>”, а между тем интерес, возбужденный во мне, да и во всех Ваших читателях чтением первых трех отрывков, заставляет меня почтительнейше просить Вас прислать мне продолжение записок».[143]

Впрочем, Гиляров и по своей инициативе посылал оттиски из «Русского Вестника» знакомым или людям, чье мнение было для него особенно важно. В своих мемуарах он, помимо воспоминаний С. Аксакова, несомненно учитывал и опыт автобиографической трилогии Л. Толстого. Поэтому отправил в Ясную Поляну журнальные оттиски за 1884 г. (№ 5—11) и попросил дать отзыв.[144] Однако после кратковременного сближения в начале 1880-х гг. между Толстым и Гиляровым произошла серьезная размолвка (по поводу резко отрицательного отзыва последнего на «Исповедь»),[145] и знаменитый писатель не пожелал удовлетворить просьбу бывшего приятеля. Присланные Гиляровым оттиски сохранились в Яснополянской библиотеке,[146] их просмотр позволяет заключить, что Толстой если и читал, то только две первые из семи подборок (майскую и июньскую), особенно же внимательно главу X («Первый училищный искус») — лишь здесь почти на каждой странице выделены карандашом отдельные слова и на полях отчеркнуты заинтересовавшие писателя фрагменты.

Старший современник Гилярова А. Д. Галахов, филолог и мемуарист, родом из соседней Рязанской губернии, прочитав коломенские страницы «Из пережитого», так отзывался о них в письме к Гилярову от 24 марта 1886 г.: «Вы, Никита Петрович, очень скромны, говоря, что я прочитаю их без скуки. Нет, я прочитал их с жадностию, всласть».[147] И тут же вспоминал, как сам, учась в Московском университете, ежегодно ездил на каникулы из Москвы в Рязань: «Все станции Московско-Коломенского тракта могу перечесть и теперь».[148] При этом Галахов ревниво противопоставлял «купеческой» Коломне своей юности родную «дворянскую» Рязань: «Коломна, где останавливались часа на три или на четыре, казалась мне чрезвычайно скучным городом, несмотря на множество каменных домов. Сидишь, бывало, в жаркой, исполненной мухами комнате постоялого двора и слышишь только на дворе звон колокольчиков, а под окнами разговор

[143] ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 47. <№ 31>. Л. 1.

[144] См. недатированное письмо Гилярова к Толстому: Материалы для биографии Н. П. Гиляров-Платонова // *РО*. 1896. Т. 42, дек. С. 1013—1014.

[145] См. подробнее: *Эфрон С.* Н. П. Гиляров-Платонов и гр. Л. Н. Толстой: (Из воспоминаний) // Русский Листок. 1902. 13 окт. № 281. С. 1.

[146] Шифр: 22в 1/48. Оттиски в плохом состоянии, с лисьими пятнами, потертостями, многие листы с загнутыми углами.

[147] Письма к Н. П. Гилярову-Платонову о воспоминаниях «Из пережитого» и очерке «Экскурсии в русскую грамматику» (1884, 1886) / Публ. А. П. Дмитриева // *Гиляров: ИМБР*. С. 472.

[148] Там же. С. 473.

ямщиков, сидящих у ворот на лавке. Прилечь на диване или на кровати нельзя — клопы искусают. Выйдешь на улицу (большую, проездную), пройдешь по ней малую толику: окна во всех домах затворены, а если и отворено одно какое-нибудь, то в него высунулась какая-нибудь баба, большею частию кормилица в повойнике. Видно, что купеческий город (думал я) не то, что Рязань: в этой дома хоть большею частию деревянные, но дворянские — окна все подняты».[149]

Но таково уж обаяние творческой манеры Гилярова — его пристрастия к любовному перечислению многоразличных бытовых примет, его умения вжиться в события уходящей эпохи, его ясного, прозрачного языка, кажущегося лишенным какой-либо отделки, нарочитой образности, а потому очень естественного, исполненного свежести и красоты исконной народной речи, меткой и живой, — что заурядный как будто уездный городок Коломна стал в его изображении восприниматься как средоточие русского традиционного быта, духовной культуры и исторической памяти.

Но, конечно, самым главным советчиком и вдохновителем мемуаров, помимо Гальперсон, был молодой князь Н. В. Шаховской.[150] В своих письмах к Гилярову он его подбадривает, восхищается отдельными сценами и рассуждениями, дает советы, делится мыслями по поводу прочитанного. Так, 15 ноября 1884 г. он писал: «Ваши воспоминания возбуждают во мне все больший и больший интерес. Странно, почему Вы хотели их оборвать на предыдущей книжке. Я не знаю в настоящее время ни одного произведения, которое отличалось бы такою талантливостью, такою глубиною и серьезностью, такою наблюдательностью, как Ваши статьи “Из прожитого”. Грех в себе таить такие сокровища».[151]

Особенно ценными казались князю Шаховскому философско-публицистические и историософские отступления от основного сюжета, как бы импровизационно появлявшиеся в тексте: «Я почему-то глубоко убежден, что многие остроумные и блестящие отступления — эти искры ума, разбросанные повсюду, — приходили Вам в голову кстати по поводу написанного, некоторые, быть может, тут же впервые. Не сосредоточивайся Вы на прошлом, на пережитом, пожалуй, все эти перлы, которые, я думаю, иногда для Вас самих кажутся загадкой, возникают как бы по волшебству, совершенно бы пропали для нас, не избалованных по части новых мыслей, оригинальных наблюдений, блестящих сопоставлений».[152]

Активно поддерживал Шаховской и саму идею «автобиографических» воспоминаний. В том же письме он указывал на воспитательное их значение для молодого поколения: «Главное, не смущайтесь тем, что Вам приходится о себе

---

[149] Там же.

[150] Знакомство Гилярова и Шаховского состоялось в 1874 г. (см.: *Шаховской Н. В., кн.* Никита Петрович Гиляров-Платонов: Краткий публиц. очерк. С. 39); последний тогда учился еще в гимназии, где ему преподавал словесность Ф. А. Гиляров, племянник мыслителя.

[151] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 720. Л. 1.

[152] Там же. Л. 1—1 об.

самом говорить. Много ли есть людей на свете, которые могли бы о себе самих что-либо сказать? Образец жизни человека мыслящего и талантливого, его внутренняя школа и дисциплина не та, в которой нас учили чему-нибудь и как-нибудь, — право, это уже *одно* для нашего хилого, беспринципного, безжизненного, материалистического поколения должно иметь громадное отрезвляющее значение, должно возбуждать высокие интересы».[153] И снова та же просьба: «Дай Бог Вам здоровья, Никита Петрович, на продолжение Ваших записок и да не смутится сердце Ваше писать их неустанно и неослабно. Вы еще сами не знаете, сколько сокровищ в Вас сидит».[154]

В другом письме, от 20 ноября 1884 г., Шаховской снова возвращается к характеристике гиляровских отступлений: «Ну как же это не искры? Если их начинаешь раздувать, то получаешь яркое пламя, которое озаряет предметы, которые рядом с нами, но которых мы не замечали, мимо которых проходили без внимания, погруженные в суету».[155] И далее говорит о выгодном отличии «Из пережитого» от других воспоминаний: «Мне много приходилось читать мемуаров, но наблюденья, в них встречающиеся, имеют, так сказать, археологический, антикварный интерес и попадут, быть может, в будущую инкрустацию истории. Всякий замечает, что способен, что в силах заметить».[156]

Для молодежи, по убеждению Шаховского, основная ценность воспоминаний — «пример саморазвития, искания истины, труды, ошибки, муки, победы».[157] Он пояснял свою мысль: «Самое же интересное и для нашего брата дорогое — это Ваше искание формальной истины. Правдивое, скромное изложение истории человеческой души, развития человеческого мышления, — без рисовки, без идеальничанья, без того таинственного жреческого покрывала, которым окружают себя обыкновенно выдающиеся таланты, — да что может быть более и интереснее этого?»[158] Заслугу Гилярова он и видел в раскрытии тайн духовной жизни, в углубленном психологизме, которого, по его мнению, недоставало художественной литературе того времени: «Романисты показывают нам человека уже готового — в борьбе, в действии. Но самый процесс роста человеческого духа остается загадкой. Выработка нормальных условий развития человека есть еще вопрос будущего. По крайней мере, до сих пор, насколько я понимаю, есть истины модные, но настоящих нет. Всех детей воспитывают и обучают так, как воспитывается и обучается — без определенного плана и без понимания последствия того или другого приема».[159]

Позже князь Шаховской будет говорить о гиляровских мемуарах как о высокохудожественном произведении и настаивать на этом: «Эти воспоминания до-

[153] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 720. Л. 1 об.—2.
[154] Там же. Л. 2.
[155] Там же. Л. 5 об.
[156] Там же. Л. 5 об.—6.
[157] Там же. Л. 7—7 об.
[158] Там же. Л. 6 об.
[159] Там же. Л. 6 об.—7.

стойны занять место рядом с “Семейной хроникой” Аксакова по живости красок, правдивости рассказа, наблюдательности, бытовым чертам недавнего, но далекого уже от нас прошлого, по тонкому психологическому анализу собственной души и ее последовательного раскрытия».[160] И его поддержит Гальперсон в своем письме к нему от 20 апреля 1893 г.: «Я, помнится, тоже говорила, что “Пережитое” дает мало биографического материала и может быть рассматриваемо только как замечательное литературное произведение».[161]

Уже упоминалось об авторецензии «О “Воспоминаниях” Н. Гилярова-Платонова», напечатанной в «Современных Известиях» в октябре 1885 г. Ею, с одной стороны, рекламировались мемуары, запланированные к выходу в свет отдельным изданием, с другой — автор объяснял, какие задачи ставил перед собой. Приведем полностью текст этой любопытной заметки, приоткрывающей дверь в творческую мастерскую Гилярова:

> «Раз, минувшим летом, именно 25 июня, был помещен у нас фельетон, под заглавием “Бегство”,[162] который без сомнения привел в недоумение многих. Какой-то отрывок, неизвестно откуда, и притом относился ли к вымыслу или к были, — объяснения об этом не было присоединено. Это была одна из тех комических случайностей, которая почти неизбежна в газетном деле, что попадает иногда 2-я страница на место 3-й, перебиваются строки и т. д. Рассказ “Бегство” предназначался не для печати в “Современных Известиях”, а для произнесения в публичном заседании Общества любителей российской словесности (где он и был прочитан).[163] Но рукопись лежала рядом с другою, назначенною в фельетон, написанною тем же почерком, на той же бумаге, в том же формате; по недосмотру сдана была в типографию вместо фельетона, набрана и напечатана. Ошибка усмотрена была, когда поправить ее было уже поздно.
>
> Читатель вправе недоумевать и на это позднее объяснение. Но его недоумение рассеется, когда мы скажем, что
>
> 1) Рассказ, им прочтенный, есть отрывок из автобиографических Воспоминаний редактора “Современных Известий”.
>
> 2) Воспоминания эти печатались в “Русском Вестнике” прошлым и нынешним годом, под заглавием “Из прожитого”.
>
> 3) С добавлением нескольких глав, в печати еще не явившихся, и с дополненным по местам текстом тех, которые напечатаны, автор предполагает их издать отдельною книгою.
>
> Писать себе рекламу неприлично; но и оставлять постоянных своих читателей в неведении о труде, принадлежащем тому же перу, которое вот уже почти 18 лет руководит изданием, ими получаемым, тоже невежливо по крайней мере.
>
> С этою целию, помимо рассказа “Бегство”, случайно попавшего в фельетон, мы передадим также под чертою еще несколько глав “Из прожитого”, которые могут

---

[160] *Шаховской Н. В., кн.* Никита Петрович Гиляров-Платонов: Краткий публиц. очерк. С. 4.

[161] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 105. Л. 2 об.

[162] *СИ.* 1885. 25 июня. № 157. С. 1—2. Впервые: *РВ.* 1885. Т. 176, апр. С. 648—658.

[163] Гиляров прочел главу «Бегство» в 371-м публичном заседании Общества любителей российской словесности, состоявшемся 7 марта 1885 г. (см.: *Мендельсон Н. М.* Общество любителей российской словесности... Прил. С. 147).

дать понятие о характере и цели Воспоминаний. О том и другом между прочим объясняет сам автор на первых же страницах:

"После тесной родительской храмины с лежанкой, полатями и светелкой; после этой невозмутимой тишины, где шел один день за другим, ничем не разнообразясь, кроме того, что сегодня скоромный, а завтра постный день, а вот скоро наступит храмовой праздник или «Светлый день»; после школы с ее секциями, кулачными боями и насекомыми; после мира, в котором горячий, оживленный интерес возбуждали вопросы, как править службу, когда сойдутся Благовещение, храмовой праздник и Великая Пятница в один день; после умственной почвы, где на фоне Четьих-Миней, легенд, бытовых песен, улегались как-то и последняя книжка «Телеграфа», и латинская грамматика; после этого и из этого — участие в водовороте быстро текущей всемирной жизни, ученая и отчасти полная арена, аудитория, кабинеты министров и дворцовые залы, знакомство с лицами, имевшими историческое значение для отечества, круги литературные и ученые, собственное, хотя и маловажное участие в немаловажных событиях. После полувека оглядываешься назад и на прадедушку Болону, и на тетушку Марью Матвеевну, на эту семью, в которой чай был редкость, а кофе знаком был только по слухам, для которой городничий представлял грандиозную фигуру, а семинарист «первого разряда» почтенную величину; припомнишь мир, посеявший в тебе первые духовные зерна, задумаешься о всем ходе твоего развития: нет, мне кажется, это не должно пропасть; нужно поделиться с другими".

Как отчасти можно судить и из приведенной выписки, автором руководило желание дать материал: 1) для истории быта; 2) для педагогии; 3) для психологии. Ввиду последних двух целей, автор смотрит на себя как на лицо постороннее и следит, как совершился духовный его рост среди данного быта, при данных пособиях и помехах.

Ввиду тех же целей книга, предлагаемая к изданию, остановится на моменте перехода из отроческого возраста в юношеский. Хотя не вполне точно, этот переход был одновременен переступлению из среднего учебного заведения в высшее (Духовную академию). С поступлением в Академию начался совершенно новый период, — период самовыработки, углубление в научные данные и выводы, с их критическою переверкою и усвоением основных убеждений, богословских, философских, социальных и политических, послуживших окончательным фундаментом дальнейшего, продолжившегося в зрелом возрасте. Это время, как и период служебной и литературной деятельности автора, отлагается до будущего, если время позволит. А иное при жизни даже явиться не может.

Помимо случайно выпущенного рассказа "Бегство", выбираем из 57 глав, уже напечатанных, еще три. Каждая из них представляет особое целое. — Глава "Бегство" была в тесном смысле биографическою; в ней описывалось, как 16-летнему мальчику довелось скитаться несколько дней без приюта и даже провести ночь без крова. Предлагаемая сегодня под заглавием „Цивилизация" имеет в виду интерес преимущественно *бытовой*. Будут потом представлены еще две, из которых одна — из мира *педагогического*; другая — очерк одной оригинальной семьи, которую довелось автору зазнать в детстве.[164] Представить главу, которая бы имела

[164] Позже Гиляровым были републикованы главы XXIX («И. И. Мещанинов») и XXXIII («Воспитание воли»): *СИ*. 1885. 22 окт. № 273. С. 1—2; 23 нояб. № 305. С. 1—2.

специальный психологический интерес, затрудняемся; такие главы без связи с другими будут не вполне освещены».[165]

Любопытно, что Гиляров настаивает здесь на утилитарном значении своих воспоминаний: они предназначены, по его словам, дать материал для истории быта, педагогии и психологии. Но эта декларация исключительно прикладного значения мемуаров не должна вводить в заблуждение, скорее она объясняется особенной смиренностью, отсутствием претензии на лавры писателя-беллетриста. Вместе с тем интересно здесь определение книги «Из пережитого» как некоего научно-экспериментального исследования, которое правильнее, однако, было бы назвать «романом воспитания» особого рода. Чувствуется здесь влияние позитивистских веяний эпохи, породивших, между прочим, творчество Золя.

В том же 1885 г. выступил со своими воспоминаниями ученик Гилярова по Московской духовной академии, а позже его сослуживец и близкий друг протоиерей Г. П. Смирнов-Платонов. Начинает он их с сопоставления разных образцов мемуарной прозы и при этом высказывает любопытные суждения о жанровом своеобразии «Из пережитого». Он пишет: «Я никогда не думал писать моих мемуаров — ни по примеру старцев, которые, будучи чужды современной действительности, удовлетворяют только естественной потребности поговорить о прошлом или, отвращаясь от современности, жить душою в минувшем, но, во всяком случае, пишут, совсем не сознавая того, что делают, — ни по примеру серьезных деятелей, которые ведут важное общественное или даже государственное дело и своевременно ведут о том свои “записки”, — ни по тенденциозному способу людей, заглавляющих свои мемуары так: “Былое и думы”, т. е. факты и тенденции, — ни по новому, замечательному способу, каким написаны печатающиеся в “Русском Вестнике” воспоминания “Из прожитого”, которые можно сравнить с дневником путешественника, описывающего свой дальний путь и впечатления, — с тою особенностию, что при каждом воспоминании о бывшем на длинной дороге жизни, хотя бы относилось оно к годам детства, автор смотрит на каждый факт как на вызывающий вопрос, к каждому случаю прилагает всю массу шестидесятилетнего опыта и пускает во всю ширь рефлексию сильного ума, еще в молодости, во времена студенчества, выходившего на ратоборство с тогдашним “царем мысли” Гегелем».[166]

Гиляров печатал тома своих воспоминаний с более чем годовым интервалом, но верил в финансовый успех предпринятого издания все меньше. Незадолго до выхода в свет второй части «Из пережитого» он спорил на этот счет с Романовым-Рцы (в письме от 31 декабря 1886 г. — 1 января 1887 г.): «Я продолжаю быть совершенно несогласным относительно “Пережитого”. Да хоть бы аршин-

[165] Там же. 1885. 17 окт. № 268. С. 2.

[166] *Смирнов-Платонов Гр., прот.* «Curriculum vitae»: Из области воспоминаний и мечтаний // *Смирнов-Платонов Гр., прот.* «Детская Помощь»: К читателям и сотрудникам. М., 1885. С. 19.

ными буквами на всех перекрестках публиковали, ничего не выйдет. Не выписывают и не будут покупать не от того, что не знают о выходе, а от того, что не слыхали о достоинстве содержания. Правда, отзывались хорошо; да мало ли что хвалят? Русскому интеллигенту нужен специальный мотив, чтобы заинтересоваться книгой. Кто же ему толковал? Ну, вот возьмитесь Вы быть таким толкователем, когда выйдет вторая часть. Пошлите в какой-нибудь журнал; Вы же так прекрасно и горячо пишете».[167] Таким «специальным мотивом», как хорошо понимал Гиляров, могла стать разве что антиправительственная тенденция, вообще политически запретная начинка литературного произведения, но никак не правдивое воспроизведение в нем национального быта и честный разговор о судьбе традиционных ценностей.

Тем не менее, он не сдавался и ввиду будущего отдельного издания и сразу после выхода двухтомника в свет рассылал в редакции крупных газет и журналов письма с просьбой поместить отзывы «пообстоятельней».[168]

Надо сказать, что вышеприведенной своей авторецензией, в общем-то повторявшей, но более концентрированно, аналитически формулировку общего замысла, данную Гиляровым во Вступлении к мемуарам, он предопределил содержание и даже композицию большинства критических откликов на отдельное издание «Из пережитого». Их авторы видели в книге прежде всего материал для истории быта, а затем высоко оценивали ее педагогическое и психологическое значение. По-разному высказывались они, пожалуй, только о художественных достоинствах мемуаров.

Из семи выявленных нами рецензий, опубликованных в апреле — августе 1887 г., самая сдержанная и сухая принадлежит перу анонимного рецензента суворинского «Нового Времени». Хотя он и избегает прямых негативных оценок, но общий неприязненный тон его заметки, реплики вроде: «Там и сям автор впадает в мистицизм <...>»[169] — недвусмысленно свидетельствуют о его в целом недоброжелательном отношении к книге.

Сдержанным оказался и отзыв А. Н. Пыпина в «Вестнике Европы», мягко упрекнувшего Гилярова за чрезвычайные «привязанности к старине» и несочувствие «взглядам людей “сороковых годов”», то есть либералов-западников. Но важно, что критик почувствовал во многих размышлениях мемуариста приближение к исконно народной точке зрения и объяснил это его происхождением из духовного сословия: «...иногда ему действительно случается ставить вопросы на ту почву здравого смысла, которую способна давать непосредственная

---

[167] *Письма к Рцы.* С. 320.

[168] См., например, его переписку по этому поводу с А. С. Сувориным («Новое Время»), Г. П. Данилевским («Правительственный Вестник»), Л. Н. Майковым («Журнал Министерства Народного Просвещения»): РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 915. Л. 15—15 об.; ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 50. <№ 11>. Л. 1; Ф. 166. Оп. 3. Ед. хр. 338. Л. 1—1 об.

[169] *<Без подписи>*. Из пережитого. Автобиографические воспоминания Н. Гилярова-Платонова. В двух частях // *НВр.* 1887. 1 мая. № 4011. С. 3. (Библиография).

близость с народом, хотя бы только в пору воспитания».[170] Если Пыпин с немалой долей недоумения отнесся к тому, что Гиляров, описывая духовную школу, «горячо защищает многие ее достоинства, и нравственные, и дидактические»,[171] то рецензенты большинства других изданий, особенно церковных,[172] именно это и ставили ему в заслугу.

Так, в неподписанной рецензии «Правительственного Вестника», составленной, очевидно, самим главным редактором этой газеты Г. П. Данилевским,[173] «Из пережитого» предстает как раз «лучшим осуждением односторонности» обличительной литературы о бурсе и духовном быте вообще (называются имена Н. Г. Помяловского и священника И. С. Беллюстина). Критик убежден в полной беспристрастности Гилярова: «В его сочинении, полном искренности и столько же далеком от панегиризма, как и от глумления, быт и характер нашего духовенства, в более или менее близкое к нам время, и состояние духовных учебных заведений представлены с наглядною и несомненною правдою, от которой автор не уклоняется ни в темной, ни в светлой стороне своих личных впечатлений».[174] Одно из главных педагогических достоинств старой семинарии рецензент вслед за Гиляровым видит в развитии «самодеятельности учащихся», относительно чего, замечает он, «в настоящее время с автором согласны многие педагоги, как у нас, так и за границею».[175]

Сходно рассуждает и критик «Исторического Вестника», скрывший свое имя за криптонимом «С. Т—в» (предположительно, это историк и дипломат С. С. Татищев). Он констатирует, что духовная школа, «несмотря на огромные недостатки, в изображении г. Гилярова выходит гораздо привлекательнее печальной бурсы Помяловского».[176] По мнению критика, «подобных талантливых автобиографий не много наберется в русской литературе».[177]

Проблемы обучения будущих священнослужителей и в центре неподписанной рецензии, помещенной в журнале «Северный Вестник». Ее автор глубже

---

[170] *А. П. <Пыпин А. Н.>.* «Из пережитого». Автобиографические воспоминания Н. Гилярова-Платонова. В двух частях. М., 1886—87 // *ВЕ.* 1887. Т. 125, № 5. С. 393. (Лит. обозрение).

[171] Там же.

[172] См., например: <Без подписи>. Летопись общественной жизни // Церковный Вестник. 1887. № 17. 25 апр. Ч. неоф. С. 303.

[173] См. его обещание в письме к Гилярову от 28 марта 1887 г.: «Отзыв об издании непременно напечатаю вскоре» (ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 50. <№ 11>. Л. 1).

[174] *<Данилевский Г. П.>.* «Из пережитого». Автобиографические воспоминания Н. Гилярова-Платонова. Две части. Москва, 1886—87 гг. // *ПВ.* 1887. 1 мая. № 92. С. 2. (Библиография).

[175] Там же.

[176] *Т—в С. <Татищев С. С.?>.* Из пережитого. Автобиографические воспоминания Н. Гилярова-Платонова. В двух частях. Москва, 1887 // *ИВ.* 1887. Т. 29, авг. С. 453. (Критика и библиография).

[177] Там же.

других воспринял гиляровскую идею о том, что «дурные стороны» старой педагогической системы («главным рычагом» которой был страх, а «главным методом» — «отупляющая долбня») искупаются тем, что она «носила характер семейный, была чужда сухого, бюрократического формализма».[178] Критик, кроме того, восхищается «описаниями быта средних обывателей в уездных городах начала нынешнего столетия»;[179] он убежден: «В отношении бытовом и культурном книга г. Гилярова-Платонова представляет особенный интерес и может принести большую пользу нашим беллетристам».[180] Таким образом, здесь «Из пережитого» рассматривается как источник ценных исторических сведений, вопрос же о художественном значении самих мемуаров даже и не ставится.

Иначе взглянул на этот вопрос рецензент «Исторического Вестника». Он пишет: «...г. Гиляров подчас возвышается до истинно художественной изобразительности, делая меткие и рельефные характеристики то своих друзей (глава “Три друга”) и самого себя в разные периоды жизни (“Фантастические убежища”, “Временное отупение”, “Раздумье”, “На оселке жизни”), то своих товарищей по училищу и семинарии (“Товарищи” и “Состав учащихся”, “Богословский класс”), своих родственников (“Предки”, “Родительское гнездо”, “Два брата”), то начальствовавших и учителей (“Два ректора”, “Поп Захар и поп Родивон”), то, наконец, близких знакомых — особенно типичных и почему-либо интересных. Таковы, например, главы “И. И. Мещанинов”, “Дядюшка Петр Иванович”, “Дон Кихоты просвещения” <...>».[181] Однако это перечисление «художественных» глав не влечет за собой дальнейших обобщений на сей счет, ибо критика смущает необычайная безыскусственность стиля, и далее он утверждает: «Полноте содержания и ценности соответствует сжатый, точный, хотя несколько сухой и бледный язык, которым г. Гиляров владеет весьма бойко, как талантливый публицист, но не как художник слова».[182] То же отмечали и другие рецензенты, например Г. П. Данилевский: «Что касается изложения автобиографических воспоминаний г. Гилярова-Платонова, то оно отличается полною безыскусственностью и вместе с тем простотою литературной формы, как в описательной, так и в диалогической части рассказа».[183]

Но уже тогда появились критические отзывы, в которых говорилось о вкладе Гилярова в русскую художественную литературу. Автор хвалебной заметки о его воспоминаниях в «Русской Мысли» (не исключено, что им был бывший соредактор этого журнала и близкий друг Гилярова и Гальперсон С. А. Юрьев) называет «Из пережитого» «одним из очень заметных и талантливых произведений

---

[178] *<Без подписи>*. «Из пережитого», автобиографические воспоминания Н. Гилярова-Платонова, в двух частях. Москва, 1886—87 гг. // Северный Вестник. 1887. № 7. Отд. II. С. 124. (Новые книги).

[179] Там же. С. 125.

[180] Там же. С. 127.

[181] *Т—в С. <Татищев С. С.?>*. Из пережитого. С. 454.

[182] Там же.

[183] *<Данилевский Г. П.>*. «Из пережитого». С. 2.

нашей теперешней литературы».[184] Даже «рассказы о давно минувшем житье-бытье провинциального духовенства, городского и сельского, — удивляется критик, — выходят настолько живыми и яркими, что их нельзя отличить от личных его воспоминаний, от виденного и пережитого им самим».[185] К слову сказать, в письме к Гилярову от 3 октября 1887 г. Юрьев писал о необычайном успехе его воспоминаний у священнослужителей: «А какую пользу приносит в среде духовенства здесь Ваша автобиография! У меня ее просто расхватали».[186]

О художественном значении «Из пережитого» впоследствии (в том же 1887 г., в связи с безвременной кончиной Гилярова) писали составители некрологов. Так, автор «Журнала Министерства Народного Просвещения» (вероятно, друг Гилярова и редактор этого издания Л. Н. Майков) констатировал: «После того как в “Русском Вестнике”, в коем Н. П. Гиляров-Платонов, в начале шестидесятых годов, был постоянным сотрудником, начался и затем закончился уже отдельным изданием замечательный автобиографический труд покойного “Из прожитого”, в коем проявился впервые беллетристический талант Н. П. Гиляров-Платонова, давшего в этом произведении превосходную характеристику эпохи своей молодости».[187] Ему вторил автор «Вестника Европы» (возможно, А. Н. Пыпин или сам редактор М. М. Стасюлевич): «Недавний автобиографический труд Гилярова-Платонова “Из прожитого” обнаружил в нем способность бытописателя и бросил яркий свет на целую область русской жизни, в двадцатых и тридцатых годах нынешнего века».[188]

К своду печатных критических суждений о гиляровских воспоминаниях добавим некоторые интересные оценки, встречающиеся в письмах его друзей и знакомых. Видный чиновник Министерства народного просвещения, член Совета Главного управления по делам печати Н. Н. Новиков писал Гилярову о своем впечатлении от первых глав, печатавшихся в журнале (в письме от 26 октября 1884 г.): «“Рус<ский> Вестник” получаю и прежде всего читаю “Из прожитого”, а прочитавши, досадую, что продолжения придется ждать целый месяц. В безутешном содержании описываемой жизни Вы сумели мастерски выставить таившийся в нас спасительный дух, неудержимо творивший и характеры, и светлое миросозерцание в людях с характером. Яркими красками написали Вы и карти-

---

[184] <*Юрьев С. А.?*>. Из пережитого. Автобиографические воспоминания Н. Гилярова-Платонова. В двух частях. Изд. Товарищества М. Г. Кувшинова. Москва, 1886—1887 гг. // Русская Мысль. 1887. Кн. 5. С. 287. (Библиогр. отдел).

[185] Там же. С. 286.

[186] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 723. Л. 4.

[187] <*Майков Л. Н.?*>. Н. П. Гиляров-Платонов // *ЖМНП.* 1887. Ч. 254, нояб. Отд. 4: Соврем. летопись. С. 38. Гиляров писал Майкову 24 марта 1887 г., высылая ему в дар свой двухтомник: «Так как одна из целей книги — педагогическая, то, может быть, нашлась бы возможность почтить ее отзывом на страницах издаваемого Вами “Журнала”» (ИРЛИ. Ф. 166. Оп. 3. Ед. хр. 338. Л. 1—1 об.).

[188] <*Без подписи*>. Н. П. Гиляров-Платонов // *ВЕ.* 1887. Т. 128, кн. 11. С. 452. (Из обществ. хроники).

ну печального духовного саморазрушения, которым жили и учителя, и ученики в пройденных Вами училищах; но еще ярче и светлее вышли блики индивидуального самоспасения талантливых людей. Но сердце сжимается при мысли, сколько же гибло ординарных сил».[189] И далее Новиков проницательно пишет о Гилярове как о художнике слова, и особенно *русского* слова, и мастере литературной формы: «Не пишу я ни литературного разбора, не льщу вам и панегириком. Но мастера литературного слова должны позавидовать русскости Вашего слова. Глубоко же Вы черпнули в родниках родного языка и красоту, и меткость, и пластичность, и силу выражений: ни единого признака побирательства в чужих языках — ни единой черты и намеренного крохоборства в родном: каждое Ваше слово в свою силу стоит на своем месте в Вашем бытовом, столько же философски-мудром, сколько поэтически-увлекательном рассказе и о своем быту, и о бытовом саморастлении окружавшей нас среды. Завидное вышло произведение по форме, манере и приемам литературным. Люди с самомалейшею долею понимания художественных и стилистических красот в словесных произведениях не могут не любоваться Вашим живым и полным, захватывающим душу содержанием очерком. Очень буду польщен, и непременно перечитаю, когда подарите меня отдельною книжкою».[190]

Историк и публицист И. П. Корнилов выявлял «славянофильский» нравственный подтекст мемуаров (в своем письме от 18 августа 1887 г., где благодарил за полученный в дар двухтомник): «С живейшим интересом читал Вашу исповедь. Какой богатый материал для бытовой нашей истории, так мало еще разработанной. Глубокое Вам спасибо за высокое наслаждение, которое испытываю. Так и веет родной русской стариной, в которой столько прекрасного и доброго, несмотря на ее иногда грубоватую, неказистую внешность. Как грустно, что в нашей неразборчивой погоне за Европою мы воспользовались главнейшим образом только ее фраками, прическами и разговорными языками, но утратили многие свои положительные серьезные качества и нравственно понизились и опошлились».[191]

Бывшая гимназическая учительница Гальперсон, М. И. Гозадинова, писала ей из Херсона 27 марта 1887 г., ставя «Из пережитого» в контекст европейской мемуаристики и раскрывая своеобразие книги Гилярова: «Что же касается “Воспоминаний”, то нельзя не признаться, что среди многочисленных и не всегда бесцветных воспоминаний, появлявшихся в последнее время на страницах европейских журналов, эти “Воспоминания” выдаются не только как живая картина недавнего прошлого, но и — скажу так — как психологический этюд».[192]

---

[189] Письма к Н. П. Гилярову-Платонову о воспоминаниях «Из пережитого» и очерке «Экскурсии в русскую грамматику» (1884, 1886) / Публ. А. П. Дмитриева // *Гиляров: ИМБР*. С. 466.

[190] Там же.

[191] РНБ. Ф. 377. Ед. хр. 347. Л. 1.

[192] ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 50. <№ 10>. Л. 1 об.

Существенно и то, как, будучи начитанной и вообще высокообразованной женщиной, Гозадинова определяла место Гилярова в русской литературе: «Я не говорю, что по слогу мы можем судить о человеке: слог может только показать — и то не всегда — его темперамент; но миросозерцание человека показывает нам его душу; и если б я читала “Воспоминания” лет десять тому назад, я бы сказала, что уважаемый Никита Петрович есть последний из идеалистов. В настоящее время я не могу сказать „последний“, так как я вижу появление нового поколения людей, имеющих идеальные стремления».[193] Творчество Гилярова, как можно судить, автору этого письма казалось неким связующим звеном между лучшими образцами литературы 1840—1850-х гг. (в одной из передовых статей 1882 г. Гиляров писал: «Мы, те люди, которых зовут людьми сороковых годов <...>»[194]) и теми ее достижениями, что подготавливали расцвет культуры на рубеже веков.

* * *

Выше говорилось о «Былом и думах» Герцена как некоей «либерально-западнической» параллели к воспоминаниям Гилярова. Но если вести речь о прямых предшественниках Гилярова, то, как уже упоминалось, прежде всего следует назвать «Семейную хронику» и «Воспоминания» С. Аксакова, а также автобиографическую трилогию и «Исповедь» Л. Толстого.

В своей рецензии 1856 г. на аксаковские произведения Гиляров высоко оценил явленное в них «беспристрастное сочувствие к народной жизни в высшем ее смысле, отсутствие отвлеченности и условности в воззрении, стремление художественно примирить высшие начала жизни с формами народной действительности».[195] Спустя три десятилетия в книге «Из пережитого» он показал, несомненно, собственный опыт такого художественного примирения и гармонизации «высших духовных начал с осмеянными, оплеванными, презренными формами жизни».[196]

Определяющей для Гилярова становится глубоко прочувствованная нравственная оценка разнообразных событий исторической и частной жизни, имеющая, между прочим, педагогическую задачу, то есть как раз то, чем он восхищался, читая С. Аксакова: «Да, в этой книге слышите вы столько художественно воспроизведенной правды, столько нравственной чистоты, столько, чувствуете, положено в ней сочувствия к доброму, и единственно к доброму, что не обинуясь мы поставили бы ее в число первых книг к нравственному воспитанию юношества».[197]

Гиляров же и адресовал «Из пережитого» прежде всего молодому поколению России. Не забудем, что 1860—1880-е гг. стали печально знамениты как период

---

[193] Там же.

[194] *Сб. соч.* Т. II. С. 500.

[195] *Гиляров-Платонов Н. П.* Семейная хроника и Воспоминания. С. Аксакова. Москва. 1856 // *Сб. соч.* Т. I. С. 82.

[196] Там же. С. 94.

[197] Там же. С. 103.

политического террора, период разрыва связи времен. Гиляров написал книгу, высветляющую самое главное и лучшее в русской культурной традиции и в русском национальном характере — как раз то, что, сами не сознавая того, представители «передового» молодого поколения обрекали на гибель в пучине революционного хаоса. Он писал князю Шаховскому 17 ноября 1884 г.: «Я бы очень утешен был, если бы мои Воспоминания оказали на молодежь влияние. Ах, как бы я этого желал! Не поверите моему восторгу, когда мне сказали вчера, что студент, живущий в одних со мною нумерах, зачитался, начав читать одну из последовательных частей; то есть зачитался буквально, не дохлебывал чая и потом стал умолять Евдокию Ивановну[198] дать ему начало и продолжение. <...> Я мечтаю о том, чтобы книга, когда она выйдет вполне, не только читалась, но оказала просветительное влияние».[199]

Еще один важный аксаковский урок, хорошо усвоенный Гиляровым, касается — воспользуемся его же словами — «естественности слововыражения».[200] Противопоставив прозрачный и ясный стиль Аксакова «резкой свежести» оригинального гоголевского стиля, Гиляров продолжал проводить аналогичные параллели и дальше. Он писал: «Язык г. Аксакова напоминает нам аккуратную прозу Пушкина и Лермонтова, но отличается, однако ж, от нее опять отсутствием тщательной выделки, которая, как ни искусно скрыта у обоих этих писателей, однако все-таки слышна и представляет, правда мало заметную, какую-то напряженность».[201] (Как раз необычайная безыскусность образного и живого слова Гилярова ставила некоторых его критиков в тупик, вынуждала, словно против их воли, отказывать его мемуарам в художественности.[202])

О сложных взаимоотношениях, личных и творческих, связывавших Гилярова с Л. Толстым, еше пойдет речь. Несомненно, сугубый психологизм, отличающий лепку автобиографического образа в мемуарах «Из пережитого», восходит к художественным достижениям раннего Толстого. Внимательно читал Гиляров и роман «Война и мир», возможно способствовавший воспитанию в нем вкуса к эпичности, и в одном из первых номеров своей газеты поместил очень теплую рецензию на отдельное издание произведения.[203] О толстовской же «Исповеди», отзыв Гилярова о которой так оскорбил богословствовавшего писателя,[204] есть

---

[198] Речь идет о сироте, дочери трагически погибшего мастерового, строившего дачу Гилярову, Е. И. Орловой, которая жила в доме Гиляровых на правах приемной дочери и помогала в занятиях по конторе.

[199] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 503. Л. 11.

[200] *Гиляров-Платонов Н. П.* Семейная хроника и Воспоминания. С. Аксакова. С. 114.

[201] Там же. С. 116.

[202] См. рецензии Г. П. Данилевского (*ПВ.* 1887. 1 мая. № 92. С. 2) и С. С. Татищева (*ИВ.* 1887. Т. 29, авг. С. 454).

[203] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Новые книги: <Рец. на: Толстой Л. Н. Война и мир. М., 1968. Т. I—III> // *СИ.* 1868. 11 янв. № 10. С. 1—2.

[204] *Гиляров-Платонов Н. П.* Письмо к С. А. Юрьеву об исповеди гр. Л. Н. Толстого // *Сб. соч.* Т. II. С. 287—291. Републиковано нами: *Гиляров. ИМБР.* С. 644—648.

интересное упоминание в его письме к князю Шаховскому от 17 ноября 1884 г. Он тогда колебался, стоит ли ему описывать последние годы пребывания в семинарии и учебу в Академии, ибо это был период «религиозно-философских сомнений», но был уверен: «Исповедь об этом представила бы параллель жалкой исповеди Толстого, который был и есть, при всем таланте, все-таки игнорант прежде всего».[205]

Вместе с тем в художественных поисках Гилярова можно видеть предвозвестие будущих достижений писателей новой генерации — того же Марселя Пруста («По направлению к Свану») и Ивана Бунина («Жизнь Арсеньева»), правда, без их изысканной образности и подчас причудливо оригинальной выделки слога. Прежде всего имеем в виду элементы импрессионизма, пристрастие к необычным ассоциациям, эмоциональную утонченность и поглощение вещной конкретики всепроникающим интеллектуальным началом, возводящим отдельные жизненные явления к их метафизическим азам.

Гиляровский «роман воспитания», как и произведения Аксакова и Толстого, основан на абсолютно достоверных событиях, конечно, из тех, что удержаны и отсортированы памятью. В то же время неприкрашенные житейские реалии не превращают воспоминания Гилярова в подобие обличительных «Очерков бурсы» Помяловского или же ироничных «Мелочей архиерейской жизни» Лескова. Заслуга Гилярова в том и состоит, что он сумел при возможно более полном беспристрастии очень искренно, главным образом на примере своей семьи, рассказать о судьбе духовного сословия через столетие после коренного перелома русской жизни, связанного с петровскими преобразованиями. При этом реальное содержание мемуаров с первых же страниц переросло рамки семейной хроники.

В одном из писем к Романову-Рцы (от 23 ноября 1886 г.) Гиляров заметил: «Христианство, известным образом понятое и усвоенное, и составляет один из элементов русской народности. В связи с этими, физиологически духовными, как я сказал, или, точнее, этнопсихическими задатками, вера с народностью составляет целое, нераздельное. Без так называемого Православия исчезает русская народность как таковая <...>».[206] Отсюда понятно, что глубокое и всестороннее изображение Гиляровым православной среды было одновременно и даже по преимуществу попыткой отобразить русский национальный характер.

Свои взгляды на то, как следует изображать русский быт и жизнь русского народа, если не забывать при этом о нравственной ответственности за печатное слово, Гиляров высказывал в 1867 г. в одной из неопубликованных передовых статей (для газеты «Москва»). Здесь он полемизировал с либерально-обличительной и радикальной литературой своего времени. Приведем обширную выдержку из этой программной статьи: «Бесплодно и гибельно было отрицательное направление, недавно у нас господствовавшее и еще не совсем исчезнувшее, —

[205] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 503. Л. 10—10 об.
[206] *Письма к Рцы.* С. 302.

законное дитя колоссального отрицания, которое совершено над нами самою историею. Но тем ли оно было и бесплодно, и гибельно, что относилось к явлениям русской жизни отчасти с презрением, отчасти с негодованием? Тогда члены английского парламента, расписывающие по временам в мрачных красках свои общественные неустройства, были бы жестокими нигилистами; а пустозвонство француза, восхищающегося всем французским, было бы признаком высокой положительности. Наши отрицатели протестовали против явлений русской жизни, но во имя явлений же, только чужой жизни, или во имя исторических начал, но чужих, или во имя начал даже не исторических, а во имя отвлеченных идей и фантастических упований. Это было и безумно, и бесплодно, потому что народная жизнь может здраво развиваться только на собственном корню. Наконец, это было и гибельно: все сырое чужое и все неорганическое отвлеченное, вводимое в организм народный, действует на него так же разрушительно, как разрушительно действуют чужие, не перебродившие соки или минеральные кислоты, вводимые в организм растительный».[207]

Понимание и любовное приятие коренных основ национальной жизни и дает нравственное право на критическое отношение к ее несовершенствам и порокам: «Но отличите начала от явлений, но признайте русский народ, его веру, его язык, его историю, его бытовой и нравственный склад. Из-за этих идеалов протестуйте потом, сколько хотите, против явлений русской же жизни: ваш протест, ваше отрицание будут возбуждением к жизни, созиданием, а не разрушением; они способны разрушить только ложь и призрак, одно то, что само в себе носит зерно разрушения. И чем выше будете вы чтить свои начала, тем строже и беспощаднее отнесетесь вы к самой жизни, тем сильнее будет ваше негодование и тем оно будет плодотворнее <...> строго потребуете гораздо большего, сознавая высокие задатки нашей истории, сознавая высокий долг, наложенный ими на нас, и памятуя по сему, что русский народ (скажем словами Хомякова, которые он говаривал) выше всех *возможных,* как английский выше всех *действительных*».[208]

Глубокому же воплощению Гиляровым русского национального характера способствовало то, что в центре его внимания оказывается уездное коломенское духовенство, живущее будто во вневременном континууме, «многоярусном быте». Время тут словно бы остановилось. Гиляров пишет: «Духовенство же есть вообще особенный мир; а семья, среди которой я вырос, была и среди особенных особенная: она жила в XVII веке, по крайней мере на переходе в XVIII».[209]

Патриархальностью отличался и учебный процесс в Коломенском духовном училище. Любопытно, что в русской церковной школе — при всех ее недостатках, которых автор и не думает скрывать, — успешно апробировались педагогические приемы и методы, вставшие на повестку дня в светской школе по-настоя-

[207] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 352. Л. 2 об.
[208] Там же. Л. 2—2 об.
[209] *Из пережитого*. Т. 1. С. 6.

щему, пожалуй, только в XX в.: уважение личного достоинства ученика, дифференцированное обучение в зависимости от способностей ребенка, приучение к самостоятельности и самодисциплине. Причем в духовном училище, в общем-то, была та же обстановка семейственности, очень теплая, основанная на чувстве взаимопонимания и справедливости («Справедливость, — замечает писатель, — своего рода конституция»[210] духовной школы).[211] Характерны здесь примеры, приводимые Гиляровым: о протесте бурсаков против жестокого учителя Малинина, — протесте, который в любой светской школе был бы принят за бунт и привел бы к наказанию самих ребят, или об озорных насмешках шалуна над отцом ректором (в духе библейского Хама), исправленных почти тут же приношением корзины с фруктами.

И вообще, яркие, выпуклые образы, глубокие, далеко не тривиальные мысли и задушевный тон повествования Гилярова, присущие первоклассным художественным произведениям, покоряют читателя с первых же страниц. Чего стоит изображение пустых страхов, когда жители покинули Коломну, опасаясь нашествия французов в 1812 году! И замечательное по художественной точности и лаконичности описание возвращения с использованием такого вот образа: «Было не только все спокойно, но оказалось и все сохранно. Не дохваченный на дорогу кувшин с молоком, случайно оставшийся на крыльце, стоял в том же положении; только вместо молока в нем была уже сметана».[212]

Талант публициста-философа проявился в мемуарах в полной мере, и прежде всего там, где реалии полузабытого и уходящего в прошлое сопоставляются с деталями эпохи, современной Гилярову в последний период его жизни — 1880-х годов. Впрочем, зачастую такое сопряжение *старого* и *нового* наделяется возможностью порождать универсальные ассоциации и спорадически приобретать актуальное звучание. Например, как не задуматься о мертвящем воздействии на нас сегодняшних тотальной «казарменной» стандартизации, когда читаешь у Гилярова об административных преобразованиях в Коломне, упразднивших в ней епископскую кафедру в 1799 г.: «Опустела родина. Она подошла под тот тип казенщины, который там раньше, там позже, но неуклонно повсюду овладевает Россией, стирая все бытовое, местное, историческое, не щадя ни одного уголка, ни одного отправления общественной жизни. Раньше развенчаны Ростов и Переславль, позже или одновременно с Коломной Белгород и Переяслав».[213]

Или сравнение русских приверженцев Наполеона в 1812 году с либералами, для которых слова *родина*, *патриотизм* — пустой звук: «В числе тогдашнего образованного общества были сочувствовавшие Наполеону, и молодежь преимуще-

[210] Там же. С. 51.

[211] См. об этом подробнее: *Дмитриев А. П.* Вопросы веры у Гилярова-Платонова // *Возвращение*. С. 31—45; *Егоров О. Г.* Духовная школа в России 1820—40-х гг. в трудах Н. П. Гилярова-Платонова // Педагогика. 2014. № 8. С. 83—92.

[212] *Из пережитого*. Т. 1. С. 54.

[213] Там же. С. 32.

ственно. Сличая с настоящим временем, приравниваю тогдашних поклонников Наполеона к теперешним либералам-космополитам. То были тоже либералы и тоже космополиты. Наполеон — не только великий человек, но чадо революции, наследник великих идей свободы и восстановления человеческих прав. Грубая, невежественная, рабская Россия получит свет и свободу от всемирного гения».[214]

Следует отметить и то, что, хотя в центре внимания Гилярова — родственная ему с рождения духовная среда, его мемуары претендуют на некоторую энциклопедичность в изображении русской жизни 1780—1840-х годов. Перед нами галерея не только представителей белого и черного (монашествующего) духовенства, но и дворян (самодуры князья Черкасские; помещик Похвиснев, вольнодумец «Новиковской школы»; широко образованный, но спившийся Талистов), купцов (прежде всего Мещаниновы, соседи и благодетели семейства священника Петра Никитского, отца Гилярова), чиновников (дядя Гилярова Федор Матвеевич мало чем отличается от старых подьячих из щедринских «Губернских очерков»), полицейских (например, замечательный сыщик дядюшка Петр Иванович), ямщиков, печников, лакеев... Точно сказал в одной из своих статей коломенский поэт и краевед Р. В. Славацкий: «Мы бродим по старой Коломне, по гиляровскому городу. Но улицы молчат, они мертвы для нас — давно исчезли старики, что хранили предания XVIII и XIX столетий... Но стоит взять первый том “Из пережитого”, и, словно полуденное солнце, вспыхивают видения давних дней — то забавные, то страшные, то таинственные. Идут надменные купцы, юркие стряпчие, степенные батюшки, их говором, их насмешливыми присказками наполняются древние улицы. Прошлое возвращается».[215]

Существуют косвенные сведения, будто Гиляров время от времени приезжал в Коломну, после того как уже обосновался в Москве. Они не подтверждаются, однако, свидетельством вдовы Гилярова Веры Алексеевны, которая в 1893 г. рассказывала князю Шаховскому, что только один раз они с мужем побывали в Коломне, «приезжали поклониться могиле родителей его».[216] И если это действительно так, то, значит, Гиляров относился к тому разряду людей, которые свято и трепетно берегут в душе свои детские представления и ощущения и не хотят их перемешивать с новыми впечатлениями, словно бы суеверно опасаясь за их неповрежденную целостность. Образ родины, города детства остался в сознании Гилярова как бы застывшим в вечности, светлым и праздничным, не тронутым разъедающей рефлексией зрелых лет. Поэтому, видимо, так легко легли на бумагу воспоминания о Коломне и так увлекательно их читать. Впрочем, Гиляров всегда поддерживал связи с коломенскими родственниками и знакомыми, и коломенская тема никогда не иссякала в его газете.

---

[214] *Из пережитого*. Т. 1. С. 57.

[215] *Славацкий Р.* Гиляров // Благовестник. <Коломна>, 2004. Июль. № 7. С. 2.

[216] *Шаховской Н. В., кн.* Матерьялы для биографии Н. П. Гилярова-Платонова // РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 49. Л. 46 об.

Надо подчеркнуть, что симпатии славянофилов, исходя из их мировоззренческих установок, всегда были на стороне *провинции*, в идеале воплощавшей близость к природе, средоточие нерастраченных народных сил, полноту христианской духовности, — в противоположение *столице*, по их представлениям, нравственно порабощенной экспансией чуждой, европейской цивилизации. Не случайно провинциальный топос предрасполагал к разрешению наиболее существенных, проклятых вопросов русской действительности («разговоры в Подмосковной»), а Абрамцево и Богучарово предпочитались для жизни обеим столицам, но прежде всего, конечно, Северной. Безусловно, Гиляров всецело сочувствовал славянофильской реабилитации русской провинции, что и подтверждается его книгой «Из пережитого», в самой двухтомной структуре которой *провинция* (Коломна, где родился автор и прожил до 12 лет) уравнена со *столицей* (Москвой, в отличие от Петербурга, «хорошей, славянофильской» столицей). Причем коломенские страницы согреты большей сердечной теплотой, повествование здесь исполнено эпической свободы, ощущения внутреннего покоя и защищенности (несмотря на изображение мрачных сторон жизни в период обучения в Коломенской бурсе); от московской же части, сюжеты которой более динамичны, где на смену провинциальному простодушию приходят эгоистический расчет и жесткость во взаимоотношениях людей, веет тревогой, холодом, чувством бездомности.[217]

Вместе с тем в московской части воспоминаний повествование становится более сюжетным, это особенно касается страниц, где Гиляров увлекательно рассказывает о своих блужданиях по Москве (после «бегства» из Поддевичья от старшего брата), последующей жизни на Зацепе, в доме священника Богданова, и о сближении с его семьей.

Удивительно выразительна, красочна и своеобычна гиляровская Москва — она стремительно меняет свой облик, то и дело перестраивается, но при этом не отказывается от своей вековечной роли — быть средоточием русской духовности. Вместе с тем памятники, дома, площади, улицы, сады увидены как бы впервые — глазами приехавшего покорять столицу провинциального юноши. Все его впечатления очень свежи и непосредственны. К тому же мемуаристу важно показать городские реалии в потоке времени. То и дело встречаются упоминания тех или иных объектов с добросовестным перечислением имен их владельцев, которые удержались в памяти автора, — вроде таких: «в сад Чижова (прежде Милюковой, а теперь Ганешина)», «в доме князя Белосельского-Белозерского, на Тверской (дом Малкиеля потом, теперь Носовых)».[218]

---

[217] См. подробнее: *Дмитриев А. П.* Апология провинции у славянофилов (черновой набросок статьи К. С. Аксакова «Провинция и столица» и воспоминания Н. П. Гилярова-Платонова «Из пережитого») // Печать и слово Петербурга: Петербургские чтения-2016: XVIII Всерос. науч. конф.: Сб. науч. тр.: В 2 ч. СПб., 2017. Ч. 2: Литературоведение. Лингвистика. С. 50—55.

[218] *Из пережитого*. Т. 1. С. 279, 295.

Обучение в столичной семинарии отличалось большой интенсивностью, потому что, помимо выполнения обязательных письменных работ и других заданий профессоров, Гиляров занялся самообразованием, окунулся в мир «большой» философии и богословия. У него началась выработка сознательных убеждений, неизбежно проходивших через «горнило сомнений». Это был благотворный опыт, позволивший впоследствии находить все новые аргументы в пользу дореформенной семинарской системы (правда, под пером Гилярова она несколько идеализируется). В одной из передовых статей 1868 г. он сетовал: «...в обществе никакой умственной устойчивости; видим увлечения, почти не видим убеждений». И тут же предлагал рецепт: «Не то бы было, если бы школьное образование было не простым усвоением, а сопровождалось размышлением и критикою, с полною свободою сомнений направо и налево. Ничто тогда не застращало бы молодого ума, ничто не увлекло; ничего бы он не допустил до себя без критической проверки, и всего менее те теории, которые идут наперерез преданиям».[219]

Если в бытии коломенского духовенства само понятие «общественная жизнь» было чем-то абсолютно не актуальным и даже неведомым (Гиляров пишет: «Обойду ли молчанием общественную жизнь родного города в более обширных пределах, нежели приход? Ее не было; но в том и дело»[220]), то в Москве юноша мало-помалу проникается сознанием непреложной силы духовного единства, которое реально связывает его с соотечественниками всех социальных слоев снизу доверху, а средства этой связи — отеческая вера, родной язык, народные обычаи, исторические легенды и предания, проверенный временем государственный строй. И все это одухотворяет интимное человеческое бытие и, исполняя его религиозно-практическим идеализмом, придает ему действенный смысл. В мемуарах этот процесс обобщается в лапидарной формулировке: «Но кроме школьной подготовки была другая, жизненная; кроме умственной выправки — другая, духовная; кроме образования — культура».[221] Настоящий же прорыв совершается, когда герой книги, выходя из скорлупы герметического самопознания и самолюбования, вдруг задается нетерпеливым вопросом: «Чем живет душа квартального?»[222]

Конечно, от такого выдающегося участника литературно-общественного движения, как Гиляров, современники вправе были ожидать дальнейшего развития мемуарного действия, портретов и характеристик видных деятелей культуры, с которыми его сталкивала жизнь, оригинальных оценок важных религиозно-общественных и литературных явлений и событий. Об этом прямо писали рецензенты его воспоминаний: «Может быть, когда-нибудь автор нам расскажет о своей деятельности на ученой и политической арене, на своем издательском, журнальном поприще? Будем надеяться»;[223] «От всей души желаем, чтоб

---

[219] *<Гиляров-Платонов Н. П.>*. Москва, 24 мая // *СИ*. 1868. 24 мая. № 140. С. 2.

[220] *Из пережитого*. Т. 1. С. 113.

[221] Там же. С. 302.

[222] Там же. Т. 2. С. 49.

[223] *Т—в С. <Татищев С. С.?>*. Из пережитого. С. 454.

уважаемый автор, не откладывая вдаль, принялся за этот новый труд, который, несомненно, представит собою весьма ценный материал для истории просвещения и движения идей в России за последние пятьдесят лет».[224] Выше уже упоминалось, почему Гиляров даже не планировал такого продолжения «Из пережитого», к тому же поначалу предполагал завершить книгу, написав только 46 глав (всего же их оказалось 63).

Тем не менее, если и не учитывать два мемуарных очерка, описывающих события 1852 и 1858 гг., уже в «автобиографических воспоминаниях» встречаем и развернутые характеристики, и отдельные штрихи, складывающиеся в запоминающиеся портреты таких замечательных деятелей истории и культуры, как митрополит Филарет (Дроздов) и его личный секретарь А. П. Святославский, А. С. Хомяков, опальный богослов архимандрит Феодор (Бухарев), юродивый И. Я. Корейша, профессора Московской духовной академии Ф. А. Голубинский, П. С. Делицын, А. В. Горский и многие другие.

Да и в целом меткость и оригинальность гиляровских суждений, живописность изображения давнопрошедшего, точность психологических мотивировок и словесно-стилистическое изящество делают книгу «Из пережитого» уникальным мемуарным источником и замечательным литературным памятником.

Самой же ценной интеллектуальной посылкой, берущей свое начало еще из опыта первой юности и не утратившей своего значения в перспективе всей последующей жизни Гилярова, была буквально выстраданная им мысль о вожделенной свободе человеческого духа. В Послесловии он призывает своих читателей к осознанию именно этого: «А вечная, неотступная боль о формальной истине <...> гнала неугомонный ум от писателя к писателю, от вопроса к вопросу, не останавливая на авторитете, подвергая критике каждого; не останавливаясь и на критике, а для каждого явления, мнения, верования ища оснований в жизни; поселив окончательно убеждение, ставшее потом для меня коренным: в призрачности всех формул; в добросовестном самообмане всех мнений, как бы ни казались они бесспорными; в зависимости всех мнений и верований от душевных требований нравственного или животного порядка, смотря по обстоятельствам».[225]

* * *

Примыкают к основному корпусу «Из пережитого» два мемуарных очерка, написанных Гиляровым в тот же период: «Урезанный документ» (1884) и «Возрождение Общества любителей российской словесности в 1858 году» (1886; опубл. 1891). Первый из них имел подзаголовок «Отрывок из воспоминаний», указывающий на фрагментарность изображаемых событий: взят один лишь эпизод, происшедший в июле 1852 г., в период преподавательской деятельности автора в Московской духовной академии. О втором очерке (первоначально — *реги* в заседании Общества) библиограф Д. Д. Языков говорил: «Эта “Речь” любо-

[224] *<Юрьев С. А.?>*. Из пережитого. С. 287.
[225] *Из пережитого*. Т. 2. С. 98.

пытна как важный материал для истории Общества любителей российской словесности <...> и как живая характеристика нескольких литературных деятелей, особенно Константина Сергеевича Аксакова, М. Н. Лонгинова и А. С. Хомякова. Кроме того, ее можно считать интересным продолжением автобиографических "Воспоминаний" Н. П. Гилярова-Платонова».[226]

В очерке «Урезанный документ» при сохранении увлекательной живости мемуарного повествования автор сумел с необычайной, афористической емкостью изобразить суть двухвековой полемики со старообрядчеством и гонений на него. Это, наряду с циклом «Логика раскола», была своего рода апология принципиальных научных и — более того — гражданских убеждений, выработанных еще в 1840-е гг. Гиляров упорно шел вразрез с государственным репрессивным курсом (правда, ставшим либеральнее в пореформенный период). Стоит ли удивляться силе негодования его противников, прямо утверждавших о Гилярове: «На страницах своего издания — "Современные Известия" — он выступал не менее прилежным защитником религиозных прав "старообрядчества", чем Н. С. Лесков. Мало этого, "Современные Известия" были прямо-таки органом раскольников, в них появлялись то и дело раскольнические "протесты", "недоумения", "жалобы" и проч.».[227]

Хотя в центр очерка поставлена фигура Филарета (Дроздова) и он первоначально (в черновом автографе) имел название: «Аутодафе митрополичьего мнения»,[228] — владыка здесь мало похож на инквизитора. Гиляров вспоминал, как вольно обращался Филарет с историческими документами, в частности уничтожив письменное свидетельство митрополита Платона (Левшина) — резолюцию на книге старообрядческого инока Никодима «О преданиях церковных» — о его опыте полемики с раскольниками, приведшем к убеждению в тщете этих попыток переубеждения инаковерующих, тем более путем репрессий (текст рецензии успел скопировать любимый ученик Гилярова И. А. Вениаминов, и впоследствии его анализировали, в частности, Вл. С. Соловьев и В. В. Розанов[229]). В нить рассказа, воспроизводящего диалоги сослуживцев по Академии, перемежаемые их оценками, Гиляров мастерски вплетает краткий исторический очерк противораскольничьей полемики в России. Поначалу Гиляров послал свой очерк в «Русскую Старину», но ее редактор М. И. Семевский не решился его опубликовать, посчитав нецензурным. И тогда положение спас И. С. Аксаков, напечатавший воспоминания друга в № 19 своей газеты «Русь» от 1 октября 1884 г.

---

[226] *Языков Д. Д.* Обзор жизни и трудов покойных русских писателей. М., 1893. Вып. 7. С. 21—22.

[227] *Марков В. С., <прот.>*. К истории раскола-старообрядчества второй половины XIX столетия: Переписка проф. Н. И. Субботина, преимущественно неизданная, как материал для истории раскола и отношений к нему правительства (1865—1904 гг.). М., 1914. С. 90.

[228] ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 29. <№ 1>. Л. 2.

[229] См.: *Соловьев Вл.* Вопрос о «самочинном умствовании» // *ВЕ*. 1892. Т. 158, кн. 12. С. 866—867; *Розанов В.* Папская «непогрешимость» как орудие Реформации без революции // *НВр*. 1902. 19 февр. № 9326. С. 2.

В очерке «Возрождение Общества любителей российской словесности в 1858 году» Гиляров опирается на статью М. Н. Лонгинова «Общество любителей российской словесности при Императорском Московском университете»,[230] некоторые фактические сведения для которой в свое время поставлял автору он сам.[231] Прочитанный в публичном заседании в качестве юбилейного доклада (Обществу исполнялось 75 лет), да и приуроченный специально к этой дате, он первоначально имел точно такой же подзаголовок, что и «Урезанный документ», — «Отрывок из воспоминаний».[232] В письме к Романову-Рцы от 18 декабря 1886 г. Гиляров упоминал об успехе, выпавшем на его долю: «Два воскресенья сряду (7 декабря и 14) я читал в Обществе любителей словесности <...> в первое — о пробуждении упомянутого Общества в 1858 году, чему я был свидетелем и отчасти участником. Общество замирало на 24 года, потом встало. Инициаторами были: К. и С. Аксаков и Хомяков, а с ними и Лонгинов. Пришлось коротенько сказать о всех четырех. Эта речь будет напечатана в Сборнике, который издает Общество по поводу своего 75-летнего юбилея (то же обстоятельство послужило к произнесению речи). Приняли меня *очень* хорошо; неумолкаемыми рукоплесканиями проводили чтение, оценив, впрочем, сколько мог заметить, только *юмор*, которым, видите, я богат».[233]

И действительно, описание Гиляровым переломного момента в существовании одного из наиболее почтенных русских литературных сообществ оказалось необыкновенно ярким, эмоциональным и вместе с тем изобиловало многими ценными подробностями. Оно проникнуто тем воодушевлением и светлым оптимизмом, которое испытывало его поколение в период подготовки либеральных реформ.

Да и впоследствии Гиляров не был разочарован в деятельности Общества и помогал ему, как мог, например, с 1871 г. бесплатно помещал в своей газете его объявления.[234] А в передовой, посвященной итогам Пушкинского праздника 1880 г., он писал о воспитательном значении Общества, преодолевающего «разложение нравственное и умственное», которому подверглась русская жизнь в 1840—1870-е гг., «как, в сущности, ни мал размер его деятельности и его обычный личный состав»: «Но в течение двадцати лет со времени его восстановления ни разу оно не потеряло такта, ни разу не уронило своего достоинства перед публикой; ни разу не изменяло своему призванию. Скажем более: как ни скудны бывали, по временам, литературные силы и средства Общества, ни разу

---

[230] *РВ*. 1858. Т. XV, июнь, кн. 2. С. 596—612.

[231] См. недатированное письмо Гилярова к Лонгинову с сообщением об изменениях цензурных требований к изданию Трудов Общества любителей российской словесности в 1842 и 1854 гг.: ИРЛИ. Сигн. 23147. Л. 11.

[232] *Мендельсон Н. М.* Общество любителей российской словесности... Прил. С. 151.

[233] *Письма к Рцы.* С. 313—314.

[234] См.: *Клеймёнова Р. Н.* Общество любителей российской словесности, 1811—1930. М.: Academia, 2002. С. 106.

не были пусты залы его собраний и ни об одном из его публичных заседаний нельзя было сказать, чтобы оно прошло без впечатлений на общество, и впечатлений чистых, высоких, благородных».[235] Именно с высоты прошедших трех десятилетий Гиляров смотрел на событие 1858 г. как на одно из самых отрадных из тех, непосредственным участником которых он был.

К ярким образцам гиляровской мемуарной прозы относятся также его речь о Хомякове («О судьбе убеждений»)[236] и многочисленные поминальные статьи, посвященные умершим политическим и церковным деятелям, а также писателям, художникам, артистам и ученым, в качестве передовых печатавшиеся в «Современных Известиях» на протяжении всех 20 лет их издания.[237] Особенно важны публикации о близком друге и единомышленнике Гилярова в течение более 40 лет И. С. Аксакове (о них еще скажем ниже), позволяющие дополнить книгу «Из пережитого» воспоминаниями о наиболее значительном, особенно волновавшем самого Гилярова и составлявшем существенное содержание его жизни в 1870—1880-е гг., когда он был редактором ежедневной газеты.

3.3. Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ И С. Т. АКСАКОВ: К ИСТОРИИ ЗНАКОМСТВА И ВЗАИМООТНОШЕНИЙ (1852—1859)

Гиляров в конце своей жизни оказался последним из тех, кто входил в тесный славянофильский кружок в 1850-х — начале 1860-х годов (это, между прочим, подтверждается и составом московского кружка славянофилов, восстанавливаемым по 23 портретам литераторов и ученых, которые были размещены по линии карниза в знаменитой «голубой гостиной» хомяковского дома в Богучарове[238]), — наряду разве что со своим приятелем И. С. Аксаковым, которого пережил всего на полтора с небольшим года. Им двоим прежде всего и выпало быть наиболее авторитетными исповедниками и, если можно так выразиться, нравственными гарантами того творческого, живого консерватизма, которым характеризовалось мировоззрение их старших единомышленников — прежде всего отца и сына С. Т. и К. С. Аксаковых, братьев И. В. и П. В. Киреевских, А. С. Хомякова.

Вместе с тем в кругу славянофилов, как выше упоминалось, Гиляров всегда оставался своего рода «белой вороной», что проявлялось в разногласиях и принципиальных (отношение к панславизму, к расстановке политических сил на мировой арене и др.) [239] и в некоторых частных, ситуативных. Так, он писал

---

[235] *Сб. соч.* Т. II. С. 490.

[236] См. о ней в главе 3.7, на с. 390.

[237] Частично републикованы князем Шаховским: *Сб. соч.* Т. II. С. 435—523.

[238] См.: *Троицкий Н. И.* С<ело> Богучарово. Родина Ал. Ст. Хомякова: Ист.-археол. записка. Тула, 1914. С. 21.

[239] См. об этом, в частности, во Введении, на с. 6—7.

С. А. Юрьеву 7 февраля 1886 г. в связи с кончиной И. Аксакова по поводу панславистской идеологии: «В *этнографическом родстве* я *не признаю родства духовного*, не считаю его основанием к *братству*. Единоплеменник может быть *союзником*, но какой же он *брат*? В силу чего? В силу того, что говорит он языком, похожим на мой? Только? Это наконец смешно. *Братство* условливается единством Культуры <...> я не утверждаю того, чтобы мы обязаны были нравственно служить болгарам (мнение Аксакова). Я ничуть не славянофил в Аксаковском смысле, опять по тому самому, что единоплеменности и единоязычию не придаю существенной цены».[240] Играло немаловажную роль и социальное положение Гилярова. В отличие от большинства славянофилов, отпрысков довольно родовитых дворянских семейств, он был выходцем из священнической среды, причем провинциальной, коломенской, и преподавателем духовной академии.

Уже говорилось, что быстрое сближение Гилярова со славянофильским кружком произошло прежде всего благодаря свежести мысли молодого бакалавра при внутренней глубине и основательности его познаний. Его авторитет как богослова и, кроме того, основательного знатока Гегеля был непререкаем в славянофильском кругу. Вскоре после знакомства со славянофилами он уже оказался востребованным автором ряда программных статей в «Русской Беседе» по эстетике, методологии истории, литературной критике, философии; а получив в мае 1856 г. место цензора, ограждал любимое детище славянофилов от репрессивных мер.[241]

При этом многие убеждения изгнанного из Духовной академии свободомыслящего преподавателя вполне отвечали мировоззренческим установкам его новых друзей. Д. Ф. Самарин во время беседы с биографом Гилярова, князем Н. В. Шаховским, состоявшейся 28 сентября 1893 г., вспоминал: «Славянофил<ов> поразило сходство в убеждениях молодого бакалавра, который совершенно особым, своим путем дошел до поразительного сходства даже в выражен<иях> и некоторы<х> убежден<иях> с ихними. После переезда в Москву были постоянно свидания и обмен мыслей».[242]

Когда же познакомились с Гиляровым С. Аксаков и все его семейство и при каких обстоятельствах это произошло?

Князь Шаховской в одной из своих биографических статей зафиксировал: «А. С. Хомяков и Аксаковы познакомились с Гиляровым-Платоновым в одно из посещений Троице-Сергиевой лавры, куда особенно часто езжали Аксаковы ввиду близости от Троицы их имения Абрамцева, находящегося около Хотькова. Из сохранившегося в семье Гилярова предания об этом знакомстве мы узнали, что оно состоялось после того, как либо Константин Аксаков, либо Хомя-

[240] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 510. Л. 2. Копия князя Н. В. Шаховского.

[241] См. об этом главу 1.4.

[242] *Шаховской Н. В., кн.* Матерьялы для биографии Н. П. Гилярова-Платонова // РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 49. Л. 56.

ков, попав на лекцию Гилярова в Московскую духовную академию, поразился сходством направления, которое проводилось с кафедры молодым бакалавром, с тем, которое высказывалось славянофилами».[243] Основывался Шаховской, как выясняется по его записям 1893 г., на свидетельствах трех человек: 1) приятеля Гилярова в 1850-х гг. (а позднее его литературного недоброжелателя) историка и издателя П. И. Бартенева: «Со славянофилами Аксаковыми, Погодиным (?) и Хомяковым, а равно и гр. Блудовым, Гилярова познакомил П. И. Бартенев»;[244] 2) племянника Ф. А. Гилярова, филолога и журналиста: «Он же говорил, что знакомство К. С. Аксакова с Гиляровым началось, еще когда Н<икита> П<етрович> был профессором *Академии*. Аксаков попал к нему на лекцию и был изумлен сходству его воззрений с своими»;[245] 3) супруги В. А. Гиляровой-Платоновой: «С Аксаковым Н<икита> П<етрович> познакомился у Троицы, еще когда он был профессором. К<онстантин> С<ергеевич> восхитился его лекцией, случайно попадя на нее, — и тут же самого познакомил со старико<м> Аксаковы<м>, с ним познакомились. — Впоследствии — двое сынов<ей> Ник<олай> и Алексей были крестниками Ольги Семеновны Аксаковой».[246] Получается, что знакомство состоялось сначала с К. Аксаковым на лекции в Духовной академии, куда тот попал по подсказке Бартенева (о «случайности» их встречи говорила только вдова Гилярова — более других двух респондентов далекая от славянофильского кружка).

Важное свидетельство, которое князь Шаховской упустил из виду, еще раньше, сразу после смерти Гилярова, оставил Н. П. Аксаков со слов Ю. Ф. Самарина, сказанных ему при первом знакомстве летом 1868 г. (он тоже определенно указывает на К. Аксакова как «открывателя» Гилярова для славянофильского кружка): «Заговорив о Гилярове, Юрий Федорович рассказал и историю знакомства “славянофилов” с Гиляровым. К. Аксаков во время жизни семейства Аксаковых в Абрамцеве под Троицей (во время остракизма Сергея Тимофеевича) посещал по временам и духовную академию и, однажды, возвратился домой восхищенный и вдохновленный. Он слышал лекцию молодого еще тогда профессора, Н. П. Гилярова-Платонова. С этого времени и началось, собственно говоря, знакомство. Позднее открылось и еще одно удивительное обстоятельство. Ни Хомяков, ни Гиляров-Платонов еще не видали друг друга; но Хомяков в Москве и Гиляров у Троицы высказывали зачастую одни и те же оригинальные мысли и чуть ли не в одних и тех же типических и своеобразных выражениях. Очевидно, с разных путей приближались они к истине и одинаковым образом постигали ее. В Гилярове сразу оценили и самобытный, замечательный ум, за-

---

[243] *Кн. Н. В. Ш. <Шаховской Н. В., кн.>*. Н. П. Гиляров-Платонов и А. С. Хомяков: (По сочинениям и письмам Гилярова) // *РО*. 1895. Т. 36, нояб. С. 14.

[244] *Шаховской Н. В., кн.* Матерьялы для биографии... Л. 44 об.

[245] Там же. Л. 45 об.—46.

[246] Там же. Л. 46 об.—47.

мечательную, выдающуюся эрудицию и с этой поры славянофилы глубоко уважали его и высоко его ценили».[247]

В каком же году это было? Ставший крестником О. С. Аксаковой старший сын Гилярова Николай Никитич, родился 21 ноября 1854 г. В известном Дневнике В. С. Аксаковой первые упоминания о Гилярове — госте в Абрамцеве — датированы 17 ноября 1854 г.,[248] однако они содержатся чуть ли не в самых начальных записях Дневника. В письмах к кузине М. Г. Карташевской в Петербург, которые Вера Сергеевна писала с завидной регулярностью не реже одного раза в неделю, нам удалось обнаружить упоминание о первом посещении Гиляровым имения Абрамцево, состоявшемся 24 января 1853 г. Оно зафиксировано в письме Веры от 26 января (правда, имя Гилярова здесь не названо): «...в субботу у нас были гости от Троицы, наш доктор с одним профессором Академии, необыкновенно умным и замечательным человеком, так что мы с любопытством его слушали. — Он сам воспитанник Троицкой академии, разумеется, человек без состояния, даже без здоровья и с больной женой. — Хотя речь его и отзывается несколько изложением профессорским, но все его рассказы про тот мир духовных людей, который для нас неизвестен, и про некоторые замечательные лица нас очень заинтересовали».[249] Впоследствии поездки Константина Аксакова в Сергиев Посад не обходились без встреч с Гиляровым. Например, в письме С. Т. Аксакова к сыну Ивану от 18 декабря 1853 г. как бы невзначай сообщается: «Вчера Константин ездил к Троице: был у Горского, у Гилярова и заходил на почту <...>».[250]

И еще одно значимое мемуарное свидетельство выпало из поля зрения князя Шаховского, а оно позволяет датировать знакомство Аксаковых с Гиляровым, по крайней мере, весной 1852 г.; причем инициатором знакомства с ним называет С. Т. Аксакова.[251] Публицист и педагог А. П. Владимиров, обучавшийся в Московской духовной академии в 1848—1852 гг., вспоминал: «Скоро слава лекций Никиты Петровича стала выходить за стены Академии. В один день мы были удивлены, увидевши пред началом его лекции вошедшего в аудиторию и севшего между студентами человека патриаршего облика. Взошел затем Никита Петрович и, раскланявшись со студентами, немедленно начал свою лекцию, не обращая внимания на “постороннего”. Ударил звонок, — Никита Петрович раскланялся со студентами и, подошедши к “постороннему”, дружественно поздоровался

[247] *Аксаков Н.* Воспоминание о Н. П. Гилярове-Платонове // Русский Курьер. 1887. 19 окт. № 288. С. 1.

[248] *Аксакова.* С. 87—88.

[249] ИРЛИ. Сигн. 10620. Л. 5 об.—6. Упомянутый доктор — А. А. Брызгалов.

[250] Там же. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 14. Л. 3. Упомянут профессор А. В. Горский, впоследствии, в 1862—1875 гг., ректор Московской духовной академии.

[251] Отметим, что это ценное свидетельство не было учтено в недавнем справочном издании: Летопись жизни и творчества С. Т. Аксакова (1791—1859 гг.) / Сост.: В. В. Борисова, Е. П. Никитина. Уфа: Изд-во БГПУ, 2010. 236 с. Тираж 100 экз.

с ним рукопожатием, и оба вместе вышли из аудитории. Этот “посторонний” был Сергей Тимофеевич Аксаков, автор пленявшей тогда все умы “Семейной хроники” и глава славянофилов».[252] **(**А. П. Владимиров по окончании Академии в 1852 г. некоторое время преподавал греческий язык в Касимовском духовном училище, а потом жил в Лондоне, куда попал в качестве переводчика при одном коммерсанте, в Москву вернулся только в 1854 г. Так что ошибка памяти (если бы, допустим, Владимиров побывал на лекции в Академии в 1853 г. и увидел там С. Аксакова) невероятна.**)**

Интересен дальнейший рассказ Владимирова, показывающий необыкновенно теплое отношение С. Аксакова к Гилярову. Он вспоминает: «В последовавшую за лекцией Никиты Петровича перемену я с несколькими товарищами гулял по Академическому саду; навстречу нам идет Сергей Тимофеевич Аксаков и, поздоровавшись с нами, вступил с нами в разговор, восхваляя Академию вообще и в заключение сказавши: “Я завидую вам, господа, что можете слушать такого великолепного профессора, как Никита Петрович, вполне достойный принадлежать к плеяде наших академических знаменитостей. Прошу вас не быть на меня в претензии, если еще несколько раз я *стесню* вас своим присутствием на лекциях Никиты Петровича, пока я буду жить в вашем соседстве”. Мы, естественно, отвечали, что посещение им нашей аудитории почитаем за честь и гордимся этим».[253]

Через некоторое время С. Аксаков перестал бывать в Академии — причем, по сведениям Владимирова, чтоб не навредить молодому бакалавру в глазах властей. Приведем и это свидетельство: «И действительно, Сергей Тимофеевич, проводивший это лето в своем имении, не в далеком расстоянии от Сергиевского посада, еще несколько раз был на лекциях Никиты Петровича, но потом скоро перестал посещать их, убежденный к тому, как мне после сделалось известно, славянофилами, чтобы не компрометировать молодого профессора в глазах московского генерал-губернатора Закревского, имевшего на подозрении всех славянофилов, почитая их ультракрасными, а самого Сергея Тимофеевича Аксакова демагогом».[254] «Однозначно враждебное»[255] отношение графа А. А. Закревского к славянофилам было в Москве притчей во языцех, их характеристики в его секретных доношениях на Высочайшее имя пестрели явно неправдоподобными определениями: «красный», «готовый на всё» и т. п.[256] Но в последнем из приведенных мемуарных фрагментов любопытно еще то, что, как считал Вла-

---

[252] *Владимиров А.* Памяти Никиты Петровича Гилярова-Платонова // *РО*. 1897. Т. 47, окт. С. 851—852.

[253] Там же. С. 852.

[254] Там же.

[255] См.: *Егоров Б. Ф.* Старшие славянофилы о власти и обществе // Власть, общество и реформы в России в XIX — начале XX века: Исследования, историография, источниковедение / Отв. ред. А. Н. Цамутали. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 90—102.

[256] См.: ИРЛИ. Р. I. Оп. 10. Ед. хр. 9.

димиров, Гиляров к середине 1852 г. был известен всему славянофильскому кружку, представители которого его оберегали.

Взаимоотношения Гилярова с Аксаковыми, несомненно, окрепли осенью 1854 г., и вот по какой причине. В эти годы их особенно волновал вопрос, связанный с гонениями властей на старообрядцев; интерес к нему подогревался служебными командировками И. Аксакова в 1848—1851 гг. в Бессарабскую область и Ярославскую губернию по изучению положения раскольников. А Гилярову, как отмечалось выше, 21 сентября 1854 г. было поручено преподавание русской церковной археологии и истории раскола в России на только открытом при Академии Миссионерском отделении (первая лекция состоялась 3 октября). Несомненно, эти курсы не могли не заинтересовать славянофилов, и прежде всего Ивана Аксакова. Не случайно, получив по неофициальным каналам первое известие о нем еще за год до его учреждения, Гиляров тут же извещает его через Константина в письме от 20 сентября 1853 г. (оно повреждено по краям, утраты восстановлены по смыслу): «<Если> бы Иван Сергеевич был в Абрамцеве, мне переговорить с ним было бы необходимо, хотя, кажется, уже и поздно. В чем дело, можно рассказать в двух словах. / *По требованию светского начальства, будут открыты специальные курсы для миссионеров против раскола*; но..... / Впрочем, не говори<те об этом> пока слишком громко: <пред>писан строжайший *секрет*, даже от меня. Остальное угадываете».[257]

Вскоре после этого письма (кстати, первого из сохранившихся гиляровских писем, адресованных им в Абрамцево), той же осенью 1853 г., Гиляров составил Записку о расколе, о которой писал П. И. Бартеневу 16 марта 1855 г.: «Мое письмо писано было в октябре 1853 г., при первых только слухах о затевавшихся новостях и, с другой стороны, после уже того, как сделаны были общие предначертания предположенной меры. Кроме этого, письмо косвенно предназначалось лицу, которому в то время я был совсем или почти совсем неизвестен».[258] Тут упоминается, безусловно, учреждение 13 февраля 1853 г. Секретного комитета «для пересмотра постановлений о расколе и составления новых правил». Из письма Гилярова к И. Аксакову от 17 марта 1855 г. (год не указан; установлен по содержанию) становится ясно, что именно он был адресатом Записки о расколе, которая была составлена по просьбе И. Аксакова, видимо заочной, переданной Гилярову через Сергея Тимофеевича или Константина. Гиляров писал: «Третьего дня я получил письмо такого содержания, что “из Петербурга настоятельно просят о доставлении моего известного письма к Вам. Сказывают, в теперешнее время оно может быть очень полезно”».[259] Как выше говорилось,[260] Записку о расколе в 1855 г. просил прислать граф Д. Н. Блудов (через Бартене-

[257] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 362. Л. 1—1 об.

[258] РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 552. Л. 85—85 об. Это письмо опубликовано в другой редакции: *РА*. 1912. Кн. II, вып. 6. С. 317.

[259] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 359. Л. 25 об.

[260] См. главу 1.3.

ва) — ввиду разрабатывавшихся в начале нового царствования мер по умиротворению старообрядцев. Гиляров несколько обновил ее содержание и переправил в Петербург. Там с ней, судя по письму графини А. Д. Блудовой к Гилярову от 12 июля 1855 г., была ознакомлена молодая императрица.[261]

Гиляров предлагал бороться с расколом не запретительными мерами, а просвещением, «внешней терпимостью», устройством школ для детей старообрядцев, урегулированием гражданского брака и другими практическими шагами со стороны государства.[262] Безусловно, точно так же относились к старообрядчеству и его новые друзья-славянофилы. Ценные рекомендации Гилярова несмотря на их историческую перспективность, конечно, были несбыточны при его жизни.

Упоминавшиеся оценки супругов Гиляровых в Дневнике и в письмах В. Аксаковой несколько неприязненны. Но они важны, поскольку, несомненно, представляют собой общее мнение всего семейства и, следовательно, его главы Сергея Тимофеевича. Приведем некоторые из этих характеристик по письмам В. Аксаковой к кузине от 15 и 19 мая 1855 г.: «Гилярова жена крайне болезненная и телом и духом женщина, неглупая, но со всеми понятиями и привычками[263] губернских духовного звания, она дочь священника. — Гиляров тоже хворый, всегда расстроен, унылый, хотя очень умный и даровитый человек, но много пострадавший от своего духовного воспитания, я тебе, кажется, говорила о нем, впечатление, производимое им, всегда как-то болезненно»;[264] «Вчера опять приезжал Гиляров, жалкой человек во многих отношениях».[265] Как бы подытоживая наблюдения членов своего семейства над новым знакомым, ставшим уже довольно близким им, И. Аксаков давал Гилярову такую беспощадную характеристику в письме к своему казанскому приятелю Б. И. Ордынскому от 28 октября 1858 г.: «...нерешительность — есть свойство, общее всем даровитым семинаристам. В самом деле, семинарское воспитание такого рода, что человек выходит или пошлым дураком, забитым, или же с головой — отлично вышколенной, с эрудицией необыкновенной, но весь нравственно надломанный, болезненный, расколотый, нервный, мнительный, нерешительный... Таков, между прочим, у нас в Москве Никита Петрович Гиляров».[266]

Сам С. Т. Аксаков обычно высказывался о Гилярове сходным образом, однако с большей сердечностью. Вот первая реакция на перемену в его судьбе —

---

[261] См.: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 592. Л. 1.

[262] См. об этом: *Водолазко В. Н.* Н. П. Гиляров-Платонов о пореформенном старообрядчестве // Старообрядчество: история, культура, современность: Материалы V науч.-практ. конф., г. Москва, 20—21 ноября 2000 г. М., 2000. С. 39—45.

[263] *Далее зачеркнуто*: москов<ских>.

[264] Крымская война в истории России и в жизни славянофильского семейства: Переписка Веры Аксаковой и Марии Карташевской, 1853—1856 / ИРЛИ РАН; Изд. подгот.: А. Дмитриев и Д. Федоров. СПб.: Росток, 2016. С. 159.

[265] Там же. С. 165.

[266] *«Русская Беседа»*. С. 379.

в письме к И. Аксакову от 29 сентября 1854 г.: «Вчера у нас был Гиляров: он должен оставить службу при Академии; подлые враги его, злоба и невежество, постарались о том. Я очень этому рад, потому что он сам никогда бы не решился на такой поступок и, будучи не в состоянии опошлиться, — непременно бы погиб. Боюсь только, не поздно ли? не носит ли он и теперь в себе семя неизлечимой болезни духовной и телесной. Он очень смущен и жалок».[267] И еще: «Натура его так болезненна и телесно и духовно, что я даже не знаю, способен ли он на что-нибудь»,[268] — цитируем письмо к тому же адресату от 5 января 1856 г. Впрочем, тут важно отметить, что написано оно еще до того, как Гиляров опубликовал свою знаменитую рецензию на мемуарную книгу С. Т. Аксакова. Есть и другое свидетельство — зафиксированное в Дневнике В. Аксаковой под 19 апреля 1855 г., когда в абрамцевской гостиной зашел нелицеприятный разговор о том, что Гиляров «слишком постоянно занят самим, т. е. беспрестанно с самим собой возится, в себя самого погружен <...>».[269] Вера отметила: «Гиляров расспрашивал отесеньку о впечатлении, сделанном им в первый раз, и очень удивлялся, что оно было выгодно».[270] Впрочем, не исключено, что С. Т. Аксаков, пожалев самокритичного гостя, решил сгладить впечатление от довольно резких оценок своих детей, прежде всего Константина.

Для Гилярова же довольно частое посещение Абрамцева было своего рода отдушиной. Здесь он — чуть ли не впервые в своей жизни — попадал в родственную, теплую атмосферу, причем проникнутую высокими духовными интересами, где мог высказать задушевные мысли, поделиться самым сокровенным. Вера, например, записывает (19 апреля 1855 г.), что он «сообщал любопытные свои расследования и открытия в памятниках древнего церковного пения», «много рассказывал <...> чрезвычайно любопытного о своем детстве, юношестве».[271] Известно, что, обучаясь в семинарии, Гиляров серьезно подумывал о будущем писательстве, в его архиве сохранились историческая повесть, рассказы, стихотворения.[272] Во многом именно поэтому наиболее притягательным для него членом семейства был, конечно, С. Т. Аксаков, пред талантом которого он преклонялся и в молодости, и на склоне лет.

Если не считать богословских сочинений, публиковавшихся в специальном академическом журнале «Прибавления к Творениям Св. Отцов», то гиляровским дебютом в печати стала открывшая критический отдел первой книги «Русской Беседы» обстоятельная рецензия на «Семейную хронику» и «Воспоминания» С. Т. Аксакова, которой была уготована роль литературного манифеста славянофильства. Не случайно впоследствии, в 1860 г., И. Аксаков решил пере-

[267] Там же. Оп. 3. Ед. хр. 14. Л. 102 об.
[268] Цит. по: *Аксакова.* С. 429—430.
[269] Там же. С. 192.
[270] Там же. С. 193.
[271] Там же. С. 192.
[272] См. главу 3.1.

вести именно эту статью на немецкий для предполагавшейся хрестоматии славянофильских материалов **(**изданы Фр. фон Боденштедтом только первые два тома из задуманной серии под названием «Русские фрагменты. К познанию государственной и народной жизни в ее историческом развитии» (Лейпциг, 1862)**)**. 3 апреля 1860 г. И. Аксаков набросал для брата Константина примерный план этого издания, в котором значились лишь две литературно-критические статьи — самого К. Аксакова («Обозрение современной русской литературы», 1857) и «критическая статья Гилярова, по поводу “Семейной хроники”; несколько сокращенная. Она важна своею общею частью. (“Б<еседа>” 1856. Т. I)».[273]

На написание этой рецензии Гилярова (снабженной — по образцу подобных же программных статей у Белинского — экскурсом в предыдущие этапы развития русской литературы, причем с вынесением довольно нелицеприятных оценочных приговоров даже великим — Пушкину, Лермонтову, Гоголю), безусловно, Гилярова благословили сами Аксаковы, и она предназначалась поначалу для «Русского Вестника». 9 февраля 1856 г. Сергей Тимофеевич писал, беспокоясь, сыну Ивану: «Гиляров взялся написать статью для Каткова, но статья не готова и едва ли поспеет в четвертую книжку».[274] Чуть позднее, 23 февраля, сообщал: «Скоро явится большая статья о моей книге».[275]

Однако эта рецензия, как отмечалось выше, послужила дополнительным стимулом для размежевания литературных партий. С. Т. Аксаков писал Ивану 1 марта 1856 г.: «Статья Гилярова о моей книге не принята в “Русский Вестник”: ибо содержит в себе резкие славянофильские убеждения... итак, Катков выведен на свежую воду и наши имена должны быть исключены из числа участников».[276] В неопубликованной переписке сестер Веры Аксаковой и Марии Карташевской содержатся подробности этой истории, свидетельствующие о том, что М. Н. Катков и П. М. Леонтьев хотели опубликовать рецензию Гилярова, но потребовали снять ряд «славянофильских» высказываний, на что не пошел автор. В. С. Аксакова писала об этом кузине в начале апреля 1856 г.: «Мы знаем, что статья Гилярова, назначенная для “Вестника”, об отесенькиной книге, подверглась некоторым замечаниям со стороны редакторов, они просили исключить многие места, в которых слишком резко выражалось его направление, вследствие чего Гиляров отдает ее в “Беседу”».[277]

Гиляров увидел в произведениях С. Т. Аксакова «стремление художественно примирить высшие начала жизни с формами народной действительности»[278]

---

[273] ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 53. Л. 2. Опубликовано нами: *«Русская Беседа»*. С. 363—369.

[274] ИРЛИ. Оп. 3. Ед. хр. 14. Л. 123 об.

[275] Там же. Л. 125 об.

[276] *Аксаков в письмах*. Т. II. С. 448. Уточнено по автографу: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 14. Л. 127 об.

[277] ИРЛИ. Сигн. 10623. Л. 202 об.—203.

[278] *Гиляров-Платонов Н. П.* Семейная хроника и Воспоминания. С. Аксакова. Москва. 1856 // *Сб. сот*. Т. I. С. 82.

и позднее в книге «Из пережитого» шел по пути, проторенному старшим товарищем. Не исключено, что именно беседы в Абрамцеве, где Гиляров, судя по дневниковым записям В. Аксаковой, охотно рассказывал о своем детстве и юности, способствовали кристаллизации замысла мемуаров и впоследствии его воплощению в жизнь.

После публикации рецензии Гилярову ставили в вину слова: «Поэзия Пушкина, — это была поэзия игривая и беззаботная <...>. Художественной кистью поэт рисовал все, что ему попадалось под руку, без ярко очерченных духовных интересов, без определенно выдержанных нравственных стремлений».[279] Однако разговор о поэте начинается с утверждений, которые в тот период еще не всем казались безусловными: «Пушкин был первым народным поэтом. <...> Пушкин был эпохой в нашей литературе».[280] А в выше приведенных словах критика о поэзии «без ярко очерченных духовных интересов» очевиден публицистически заостренный прием — пушкинское творчество здесь выступало как отражение заемной жизни общества, подражавшего иноземным образцам, и по контрасту противополагалось творчеству С. Т. Аксакова, сумевшего «художественно примирить высшие духовные начала с осмеянными, оплеванными, презренными формами жизни»[281] и потому, по мысли Гилярова, открывшего новую литературную эпоху. Выше говорилось, о том, какое значение придавал Гиляров прозрачному и ясному стилю прозы С. Аксакова, когда писал о присущей ему по преимуществу «естественности слововыражения»[282] и противопоставлял его в этом отношении стилю Гоголя, Пушкина и Лермонтова, который, по словам Гилярова, «представляет, правда мало заметную, какую-то напряженность».[283]

Правда, некоторые частные оценки Гилярова огорчили С. Аксакова, показались ему несправедливыми придирками, объясняемыми чисто вкусовыми пристрастиями начинающего критика и его субъективными ощущениями художественной пропорциональности в описаниях. С. Аксаков выделил три таких места в рецензии Гилярова. Во-первых, тот счел, что в главе «Добрый день Степана Михайловича» природные зарисовки оказались самодовлеющими, смещая героя «на второй план»: «Описание прекрасной оренбургской природы, которой столько сочувствует автор, заслоняет несколько пред нами самого Степана Михайловича. Читая это в высшей степени превосходное само в себе описание, вы более видите пред собой добрый день Оренбургской губернии, а не добрый день Степана Михайловича, — тихий, ясный июньский день, с припекающим солнцем, с жужжаньем комаров, с поспевающей клубникой, со свежо взрытыми пашнями и с прудом, на котором так весело удить...»[284] С. Аксаков возражал, полагая, что никаких пропорций в описании героя и его обстановки он не нарушил:

[279] Там же. С. 88.
[280] Там же. С. 87.
[281] Там же. С. 94.
[282] Там же. С. 114.
[283] Там же. С. 116.
[284] Там же. С. 133.

«...мне кажется, что старик Багров настолько окружен описанием природы, как атмосферы, в которой он жил, насколько это необходимо для полноты изображения».[285] Во-вторых, идентичная претензия была предъявлена Гиляровым к обрисовке Куролесова: «Напрасно автор скупится на рассказы о действиях своего героя. “Я рассказал”, говорит он, “десятую долю того, что знаю”, и действительно касается поступков Куролесова более только общими описаниями <...> автор хотел пощадить читателей, уволить их от созерцания действий, возмущающих чувство человечества. Но с художественной точки зрения этот расчет не совсем верен».[286] Критик увидел в такой недоговоренности о поступках Куролесова с «ясно выраженным судом о них» приближение «к искусству ораторскому», возбуждающему страсти, и опять-таки нарушение пропорций «поэтического описания». С. Аксаков парировал: «...я остаюсь убежденным, что частностей о Куролесове рассказано довольно и что если б их было более, то художественность впечатлений была бы нарушена».[287]

Наконец, особенно задело С. Аксакова подозрение критика, что в раннем рассказе «Буран» (1834) он оказался под «влиянием риторической эпохи» и потому детали его описания здесь недостоверны: «неестественность языка», «расчет на внешние эффекты и отсутствие внутренней необходимости в ходе действия»,[288] «отвне навязываемая мораль»[289] и др. Для С. Аксакова, хорошо понимавшего природу своего дарования, признававшегося сыну Ивану в письме от 17 сентября 1856 г.: «Я ничего не могу выдумывать: к выдуманному у меня не лежит душа, я не могу принимать в нем живого участия, мне даже кажется это смешно, и я уверен, что выдуманная мною повесть будет пошлее, чем у наших повествователей. Это моя особенность <...>», — такое критическое суждение было равнозначно облыжному обвинению. Приведя из статьи Гилярова обширную цитату о «Буране», С. Аксаков писал: «На все это я скажу, что происшествие, мною рассказанное, — действительный факт, случившийся неподалеку от моей деревни, слышанный мною со всеми подробностями от самих действовавших в нем лиц».[290] Призывая читателя стать арбитром в этом споре, С. Аксаков приведенные выше возражения предпослал републикации рассказа в своем сборнике «Разные сочинения» (М., 1858. С. 329—344).

Важен тот факт, что, довольно категорично возражая Гилярову на эти его претензии, С. Аксаков не преминул показать свою доброжелательную готовность принять критику справедливую и доказательную: он «совершенно согласен и искренно благодарен» «рецензенту за его замечания о “втором периоде гимназии и об университете”».[291]

---

[285] *Аксаков С. Т.* Буран: Вступление // Собр. соч.: В 4 т. М.: ГИХЛ, 1955. Т. 2. С. 403.
[286] *Гиляров-Платонов Н. П.* Семейная хроника и Воспоминания. С. Аксакова. С. 131—132.
[287] *Аксаков С. Т.* Буран: Вступление. С. 404.
[288] *Гиляров-Платонов Н. П.* Семейная хроника и Воспоминания. С. Аксакова. С. 120.
[289] Там же. С. 121.
[290] *Аксаков С. Т.* Буран: Вступление. С. 404.
[291] Там же. С. 405.

Этой публичной размолвке добавляло психологической остроты то, что Гиляров для Сергея Тимофеевича был близким, домашним человеком, к тому же принадлежал к кружку единомышленников, и услышать от него упреки с позиций отвлеченной эстетической теории было обидно; молодой же критик в своем первом литературно-критическом опыте впадал в преувеличения, во-первых, из-за присущей ему склонности к перфекционизму, а во-вторых, потому, что в юности сам находился под сильным влиянием «риторической эпохи», сочинял рассказы во вкусе эпигонского романтизма, теперь же его литературные взгляды кардинально переменились.

Неправоту Гилярова остро почувствовал Ап. Григорьев, вдобавок еще ревниво отнесшийся к тому, что славянофилы избрали на роль ведущего критика «Русской Беседы» не его, а «семинариста» Гилярова. Чуть позже, около апреля 1857 г., Григорьев писал М. П. Погодину: «Н. П. Гиляров: огромная ученость по его части, ум смелый, прямой и честный, но воспитанный в семинарских словопрениях, ради ergo готовый на всякий парадокс — и главное, с отсутствием всякого носа, т. е. всякого чувства изящного».[292]

Вместе с тем в 1850-е гг. у Гилярова с С. Т. Аксаковым находились особо объединявшие их общие темы разговоров и обсуждений. Так, в одном из писем к К. Аксакову (вероятно, от января 1854 г.) Гиляров сообщал: «Исполняя желание Сергея Тимофеевича, посылаю для него отрывок, который весь, от начала до конца, писан с муками рождения неописанными. Предмет отрывка — историческое краткое изложение отступления Армянской церкви — то же самое, о чем беседовал я с Вами прошлый раз».[293]

В Дневнике В. Аксаковой сообщается о какой-то записке Гилярова, посланной им в Абрамцево 19 апреля 1855 г.,[294] которая, очевидно, не сохранилась. Объяснить это можно ее формальным характером: Гиляров жил неподалеку в Сергиевом Посаде, и его записки скорее всего не содержали сведений о чем-либо значительном — о таком он всегда мог рассказать лично во время визита. Известно и о нескольких посещениях его дома представителями семейства Аксаковых,[295] помимо упомянутого выше (в письме С. Т. Аксакова к сыну Ивану от 18 декабря 1853 г.).

Поэтому трудно переоценить значение двух писем Гилярова к С. Аксакову, хранящихся в архиве князя Шаховского:[296] вероятнее всего, они были переданы

---

[292] *Григорьев Ап.* Письма / Изд. подгот. Р. Виттакер, Б. Ф. Егоров. М.: Наука, 1999. С. 129. (Лит. памятники).

[293] Цит. по: *Шаховской Н., кн.* Н. П. Гиляров-Платонов и К. С. Аксаков: (По статьям и письмам Гилярова) // *РО*. 1895. Т. 36, дек. С. 538.

[294] См.: *Аксакова*. С. 191.

[295] См.: Там же. С. 98 (6 декабря 1854 г.), 111 и 162 (8 января и 11 марта 1855 г.).

[296] Опубликованы нами: *Дмитриев А. П.* Н. П. Гиляров-Платонов и С. Т. Аксаков (к истории знакомства и взаимоотношений) // Русская литература. 2010. № 4. С. 194—210. Извлечения из первого письма были опубликованы князем Н. В. Шаховским в составе одной из его статей (см.: *Шаховской Н., кн.* Н. П. Гиляров-Платонов и К. С. Аксаков. С. 540—

ему О. Г. Аксаковой уже после кончины Гилярова и А. Ф. Аксаковой, когда Шаховской приступил к написанию обстоятельной биографии своего учителя и друга и начал сбор материалов. В том, что эти письма были единственные, едва ли можно сомневаться, поскольку второе из них (от 24 июля / 5 августа 1857 г. из Эмса) начинается с фразы: «Ни раза не доводилось мне даже из Москвы посылать Вам письма, достопочтеннейший Сергей Тимофеевич <...>»,[297] то есть это было настолько исключительным явлением в их отношениях, что Гиляров напрочь забыл о первом письме, посланном в Абрамцево в разгар Крымской войны.

Написано оно было рано утром 1 сентября 1855 г. (Гиляров сообщал: «...спешу в класс»[298]) — по довольно случайному поводу: он давал совет, как быть, если сын знакомого Аксаковым церковнослужителя не явится вовремя в семинарию с вакаций (1 сентября — начало индикта — приступали к занятиям), но затем — на едином дыхании — им высказывались чувства и мысли человека, врасплох застигнутого вестью о трагическом переломе в ходе войне, граничащем с поражением своей страны. В тот же день это письмо было получено адресатом, о чем не преминула записать в Дневнике Вера: «Сегодня получил отесенька от Гилярова письмо отчаянное, в котором он высказывает все свои мрачные предчувствия и соображения и совершенную безнадежность отвратить грядущие бедствия. Он ожидает внутренних страшных возмущений, видит в народе недовольство; письмо его вполне выражает настоящую тягостную минуту, и мы хотим его сохранить».[299]

Из этого письма и пришедших с той же почтой газет Аксаковы и узнали про падение Севастополя. Потому-то чуть ли не дословно совпадают некоторые фразы в письмах Гилярова, с одной стороны, и С. Аксакова и его дочери — с другой, — написанных в тот же день, 1 сентября, близким людям. Так, Гиляров пишет: «Севастополь взят, или отдан, — как хотите назовите... <...> давно ждал такого исхода... <...> чрезвычайно тяжело дожить до исполнения своих ожиданий».[300] С. Т. Аксаков сообщал сыну Ивану в Черниговскую губернию, где тот находился в ополчении: «Сегодня поутру получили мы горестное известие о взятии или об отдаче Севастополя. Нельзя сказать, чтоб я не ожидал этого, особенно после несчастного нападения на Федюхины горы, где 12 т<ысяч> французов отбили и разбили 40 т<ысяч> русских.[301] <...> Я верю, что частных явлений храбрости

541), однако с существенной правкой стилистического характера, сглаживающей как раз то в языке Гилярова, что он особенно ценил в литературе.

[297] *Дмитриев А. П.* Н. П. Гиляров-Платонов и С. Т. Аксаков... С. 207.

[298] Там же. С. 205.

[299] *Аксакова.* С. 201.

[300] Цит. по: *Дмитриев А. П.* Н. П. Гиляров-Платонов и С. Т. Аксаков... С. 204.

[301] Имеется в виду ожесточенный бой на Федюхиных высотах (расположены между Сапун-горой и рекой Черной в 7 км к юго-востоку от вершины Севастопольской бухты) в период Чернореченского сражения 4 августа 1855 г., которому посвящена известная «солдатская» песня Л. Толстого «Как четвертого числа...»: «На Федюхины высоты / Нас пришло всего три роты, / А пошли полки!..».

было много, но общего духа — не было, да и быть не могло».[302] И обреченно обобщает: «Вера русского человека тиха и спокойна, он может за нее умирать, а не побеждать».[303] Вера Аксакова в своей комнате в тот же день так начинает очередное письмо к кузине Марии Карташевской: «Друг мой милый, пишу тебе под влиянием[304] ужасного, тягостного известия,[305] которое поразило нас сегодня: Севастополь взят или лучше отдан; напрасны были все неимоверные усилия, труды, все страшные потери <...>».[306]

Свое разочарование и тревожные предчувствия Гиляров, сознавая, что пишет к художнику слова, передает в виде живописной картины: «Мне кажется, что я как будто бы теперь в лесу; чрезвычайная тишина в воздухе и удушье; но слышу отдаленные раскаты грома, чувствую, что уже трещат и валятся недалекие деревья, вот тихий ветерок уже пронесся по вершинам; падают сухие листья. Жду страшной грозы <...>».[307]

Ответа на это письмо, судя по всему, не было, да и Гиляров его едва ли ждал, тем более что уже вскоре, 25 сентября, посетил Абрамцево.[308]

Второе письмо Гиляров написал С. Аксакову из-за границы спустя два года, 5 августа (24 июля) 1857 г. Оно также отличается необычной для эпистолярного жанра художественной отделкой. В формулярном списке Гилярова отмечено: «Высочайшим приказом по гражданскому ведомству, 31-го маия 1857 года № 118, уволен в отпуск за границу в Германию, Италию и Францию на 3 месяца для пользования минеральными водами и морским купаньем, в каковом отпуске находился с 28 июня по 5-е сентября».[309] Ехал он с женой и, действительно, из-за сильно расстроенного напряженной работой здоровья. Поскольку в связи с распоряжениями правительства жалованье чиновникам в период таких отпусков не выплачивалось, то, как уже говорилось, всегдашний покровитель Гилярова граф Д. Н. Блудов, возглавлявший Еврейский комитет, придумал для него задание «собрать точные сведения об устройстве заграничных училищ еврейских и особенно раввинских, а также о литературной деятельности евреев, с выдачею на путевые издержки единовременно 700 руб. сер. из еврейского училищного капитала, состоящего в ведении Министерства народного просвещения».[310] Гиляров, однако, вместо формального отчета-отписки в течение трех лет работал над историко-публицистической книгой «В каком смысле могут принадлежать евреям права гражданства в христианских государствах: На основании сочине-

[302] ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 14. Л. 98, 98 об.
[303] Там же. Л. 98 об.—99.
[304] *Далее зачеркнуто*: такого.
[305] *Слово* известия *вписано сверху над зачеркнутым*: события.
[306] Крымская война в истории России и в жизни славянофильского семейства... С. 213.
[307] Цит. по: *Дмитриев А. П.* Н. П. Гиляров-Платонов и С. Т. Аксаков... С. 205.
[308] См. упоминание об этом в письме В. Аксаковой к кузине от 29 сентября: Там же. С. 224.
[309] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 197. Л. 2.
[310] Там же. Л. 4 об.

ний Паулуса составил и собственными примечаниями дополнил Н. Г.» (М., 1860), однако это издание так и не состоялось.[311]

С. Аксаков сочувственно следил за сборами Гилярова в дорогу, о чем сообщал в письме к сыну Ивану от 4 мая 1857 г.: «Всё собирается в чужие края; даже Гилярова отпускают с жалованьем, но ему совестно и он не будет уметь этим воспользоваться».[312]

Но, как ни странно, в его письме к С. Аксакову ни слова не говорится о служебном задании по еврейскому вопросу. Проводя бóльшую часть времени в немецком курортном городке Эмсе, знаменитом своими термальными минеральными источниками, Гиляров много гуляет по живописным окрестностям и талантливо их описывает. При этом любопытно одно поразившее его наблюдение. Создается даже впечатление, что ради того, чтоб поделиться им, и было написано все письмо. Гиляров ни в самом Эмсе, ни в лесах, которыми поросло окружающее город низкогорье, не видит птиц и не слышит их пения. Он изумлен: «Ничто не вспорхнет, ничто не отзовется; все пусто. Странно, какое-то неприятное впечатление мертвенности...» И при этом вспоминает родину: «...признаюсь, мне, как русскому человеку, привыкшему везде встречать голубей, галок, воробьев, приятно было бы видеть хоть одно вольное созданье Божие <...>».[313]

Надо сказать, что тут Гилярова подвело его семинарское образование, почти начисто в годы его обучения (1830—1840-е) лишенное естественнонаучного компонента. Ведь как раз в августе большинство птиц замолкает: они поют в мае—июне, когда «столбят» участки, выбирают партнеров и ухаживают за ними, строят гнезда и пока самка сидит на яйцах; у нескольких видов есть осенняя песнь, уже перед отлетом в теплые края.

Но для Гилярова это непонятное ему природное явление вырастает в самоочевидное подтверждение славянофильских представлений о «загнивающем» Западе. И более того — Гиляров не случайно пишет об этом именно С. Аксакову. Причем не только потому, что в свое время, уверенно говоря в упоминавшейся выше рецензии о влиянии его на Гоголя, приводил колоритную цитату из «Записок ружейного охотника Оренбургской губернии»:[314] «На ветвях дерев, в чаще зеленых листьев и вообще в лесу живут пестрые, красивые, разноголосые, бесконечно разнообразные породы птиц: токуют глухие и простые тетерева, пищат рябчики, хрипят на тягах вальдшнепы, воркуют, каждая по-своему, все породы диких голубей, взвизгивают и чокают дрозды, заунывно, мелодически перекликаются иволги, стонут рябые кукушки, постукивают, долбя деревья, разноперые дятлы, трубят желны, трещат сойки; свиристели, лесные жаворонки, дубоноски

---

[311] Подробнее см.: *Шаховской Н., кн.* Н. П. Гиляров-Платонов о евреях // *РО*. 1897. Т. 43, янв. С. 148—185, а также главу 2.3.

[312] ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 14. Л. 138 об.

[313] Цит. по: *Дмитриев А. П.* Н. П. Гиляров-Платонов и С. Т. Аксаков... С. 208.

[314] См.: *Гиляров-Платонов Н. П.* Семейная хроника и Воспоминания. С. Аксакова. С. 79.

и все многочисленное крылатое, мелкое певчее племя наполняет воздух разными голосами и оживляет тишину лесов <...>».[315]

Именно в изображении С. Аксаковым природы, равно как и в его бытописании русской жизни, Гиляров несомненно усматривал то, что соответствовало его пониманию народного своеобразия — в отличие от представлений других членов славянофильского кружка — на его взгляд, больше отвлеченных теоретиков, нежели объективных мыслителей, каковым он считал себя, или интуитивных художников, каким был для него С. Аксаков.

Об этом кардинальном своем отличии от приятелей-славянофилов (впрочем, сближающем его с С. Аксаковым) он писал Романову-Рцы 2 ноября 1886 г.: «Многое есть в письме вашем, на что бы нужно ответить. Между прочим нашел слово *самосознание*, да еще подчеркнутое. Ой, подумал я, по прямой линии это идет от К. Аксакова через И. С. Аксакова. А это пункт, в котором я коренным образом расходился с Константином Сергеевичем и об нем-то без устали спорил. Схема такова (гегелевская): с народными началами порвано; пойдет потом возврат, усвоение их *сознанием*.[316] Я это в основании отвергаю, утверждая напротив, что сознание народных начал есть предвестие смерти. А я не думаю, чтобы русский народ умер. Вы понимаете, что при таком моем воззрении я должен во многом расходиться с славянофилами в понимании истории вообще и русской в частности».[317]

3.4. Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ И СПИРИТИЗМ. ИЗ ИСТОРИИ ТРАКТАТА К. С. АКСАКОВА «О ТАК НАЗЫВАЕМОМ ЧУДЕСНОМ, ИЛИ СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОМ» И ЕГО ВСЕПОДДАННЕЙШЕЙ ЗАПИСКИ «О ВНУТРЕННЕМ СОСТОЯНИИ РОССИИ» (1853—1856, 1884)

Из семьи Аксаковых ближе всех к Гилярову был Константин. Когда они познакомились (в 1852 г.), им было соответственно 28 и 35 лет. Они регулярно навещали друг друга, но жажда общения была столь велика, что и переписывались, причем эта переписка была вполне откровенной, поскольку ее содержание не контролировалось почтовыми чиновниками-перлюстраторами (письма из Абрамцева в Сергиев Посад и обратно доставлялись посыльными). До наших дней дошли только ответы Гилярова за 1853—1857 гг. (хранятся в РНБ и ИРЛИ) — их ровно 12 (письма К. Аксакова сгорели во время пожара на даче Гилярова в 1858 г.). На их основе князь Н. В. Шаховской в свое время составил уже неоднократно цитировавшийся нами очерк «Н. П. Гиляров-Платонов и К. С. Аксаков (По статьям и письмам Гилярова)».[318] Поэтому здесь обратимся лишь к двум сюжетам, не затронутым в этом очерке.

---

[315] *Аксаков С. Т.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1956. Т. 4. С. 381.

[316] См. об этом, например: *Аксаков И. С.* О взаимном отношении народа, государства и общества // *Аксаков И. С.* Отчего так нелегко живется в России? М., 2002. С. 132—156.

[317] *Письма к Рцы.* С. 250.

[318] *РО.* 1895. Т. 36, дек. С. 509—545.

В литературе пока не освещался тот факт, что 1853 год в семье Аксаковых был отмечен повышенным интересом к спиритическим явлениям, так что вечерами с ранней весны по позднюю осень гостиная Абрамцева нередко отдавалась под опыты по столоверчению и стологаданию. Впрочем, эта увлеченность Аксаковых была непродолжительна, имела характер модной «салонной» забавы и была вызвана не какими бы то ни было внутренними потребностями, а общим поветрием того времени. Современный историк отмечает, что в этот период спиритизм «перекочевал и в Россию» в «сложившейся форме — в виде столоверчения», причем с «поистине эпидемической силой»: «Увлечение спиритизмом охватило не только Петербург и Москву. В том же 1853 году спиритические сеансы устраивались уже в Харькове, Уфе, Воронеже, Херсоне и других городах. Несколько позже эпидемия столоверчения проникла и в глубинку».[319] На нее откликнулся авторитетнейший церковный деятель эпохи митрополит Филарет (Дроздов) — брошюрой «О стологадании» (М., 1853). Позднее, как известно, эти медиумические развлечения обыграл Л. Толстой в своей комедии «Плоды просвещения» (1890).

Кратковременный интерес к спиритизму в семье Аксаковых послужил Константину Сергеевичу темой для его трактата «О так называемом чудесном, или сверхъестественном» (1854). Он не был опубликован — возможно, не в последнюю очередь из-за серьезной критики, которой его подверг Гиляров. Рукопись статьи К. Аксакова находится в архиве Пушкинского Дома[320] и еще ждет своей публикации (текст подготовлен нами для Собрания сочинений К. Аксакова), а отзыв Гилярова, составивший его подробное письмо к другу (автограф — в Российской национальной библиотеке[321]), был почти целиком, правда с некоторыми неточностями, опубликован в 1895 г. в составе исследования князя Н. В. Шаховского,[322] однако без какого-либо комментария (далее выдержки из писем Гилярова цитируются по автографам).

Но сначала приведем свидетельства о столоверчении в Абрамцеве,[323] сохранившиеся в единственном известном нам источнике подобного рода сведений — в переписке Веры Аксаковой с ее двоюродной сестрой Марией Карташевской (эти свидетельства важны для понимания как трактата К. Аксакова, так и рецензии Гилярова).

Первые спиритические опыты состоялись в Абрамцеве, по-видимому, в апреле 1853 г. 4 мая Вера сообщала: «Я забыла тебе написать в последнем письме

---

[319] *Винокуров И. В.* Духи и медиумы. М.: Олимп; ООО «Изд-во АСТ-ЛТД», 1998. С. 76.

[320] ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 7. Ед. хр. 24. 70 л.

[321] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 362. Л. 19—22 об.

[322] См.: *Шаховской Н., кн.* Н. П. Гиляров-Платонов и К. С. Аксаков. С. 518—521.

[323] См. об этом: *Дмитриев А. П.* Столоверчение в усадьбе Абрамцево (по неопубликованной переписке В. С. Аксаковой с М. Г. Карташевской и К. С. Аксакова с Н. П. Гиляровым-Платоновым) // Абрамцево. Материалы и исследования: Сборник докладов науч. конф. 15—16 октября 2015 / Гос. ист.-худож. и лит. музей-заповедник «Абрамцево». Абрамцево (Моск. обл.), 2017. С. 40—51.

о наших опытах над столами, они были совершенно удачные с первого раза; разумеется, я в них не участвую. Столы, тарелки ходят, кружатся и т. д. — Пробовали и над людьми с таким же успехом. — У нас даже все девушки делают эти опыты. — Признаться, мне уж они надоели. — Разумеется, интересно было убедиться в новых проявлениях известной уже магнетической силы, но повторение этих опытов наскучает; у нас, впрочем, никто не испытал никакого особенного расстройства, кроме некоторой усталости. В Москве также все этим занимаются».[324] Как видим, Вера изначально дистанцировалась от этих сеансов и смущалась даже говорить о них. Мария откликнулась 13 мая 1853 г.: «Неужели и у вас вертели столы, мой милый друг, я едва поверила своим глазам, когда это прочла. Никто, кажется, у вас не отличается крепким здоровьем; я говорю про сестер, и они решились делать опыт, признанный вредным. У нас маменька не соглашается, а я бы желала. Теперь рассказывают чудеса все более и поразительнее. Но так как эти опыты тебе надоели, то мы не будем говорить об этом более».[325]

В письме от 23 июня Вера, однако, возобновляет разговор о столоверчении — в Абрамцево тогда приехали петербургские гости: давний, еще со времен учебы в Казанской гимназии и университете друг Сергея Тимофеевича А. М. Княжевич, в тот период директор Департамента государственного казначейства, с племянниками Максимом и Антонином (32-х и 27-ми лет соответственно). Вера пишет: «Столы у нас опять пошли в ход и не только двигались, но даже и прорицали. В самом деле Антон<ин> Княжевич заставлял их отвечать; приведя стол в движение, он одним словом заставлял его останавливаться и делал вопрос такого рода: сколько Оличке лет или сколько книг на такой-то полке? Стол начинал качаться на одну сторону, подымал ножку и ударял столько-то раз ею, иногда поразительно верно, иногда же, надобно правду сказать, совершенно ошибочно».[326] Иным было отношение старшего племянника, скептически настроенного к этим опытам. Вера продолжает: «Но вот что, строгий Макс Княж<евич> не верит движению столов, уверяя, что это движение сообщают столу сами люди, бессознательно передавая его столу, и как мы ни спорили с ним, надобно, однако ж, согласиться, что он имеет полное право это утверждать, потому что с ним ни один опыт не удается, когда он его делает вдвоем с кем-нибудь, в нем есть какая-то противодействующая сила».[327]

Развлечения со стологаданиями продолжались в Абрамцеве все лето и вечерами составляли любимое времяпрепровождение семьи — судя по письму Веры от 9 августа, где она сообщала сестре: «Мне приходит в голову, что вы, может быть, будете в Петерб<урге>, когда Иван приедет и тогда уже он вряд ли поедет к вам в Кобрино, потому что, вероятно, будет спешить воротиться. Он тебе рас-

[324] ИРЛИ. Сигн. 10620. Л. 38 об.

[325] Там же. Сигн. 10647. Л. 46.

[326] Там же. Сигн. 10620. Л. 41 об.—42. Упомянутая Оличка — 5-летняя дочь среднего сына Аксаковых Григория и его жены Софьи, оставленная родителями в Абрамцеве на время их заграничного путешествия.

[327] Там же. Л. 42.

скажет про все предсказания столов».[328] Иван Сергеевич несколько раз тогда приезжал в Северную столицу хлопотать о разрешении ему участвовать в трехлетнем кругосветном плавании на фрегате «Диана», в чем ему было отказано из-за цензурной истории с «Московским сборником» (1852), который он редактировал. Зато в его пользу оказалось решение Русского Географического общества — он, как известно, получил задание описывать ярмарки Малороссии, чем и занимался в 1854 г. 29 августа 1853 г. Мария описывала посещение И. Аксаковым усадьбы Кобрино и упоминала: «Ваничка столько чудесного рассказывал нам про столы, что мы чуть-чуть не принялись за опыт с его помощию, хотя все мы немного трусим».[329]

Спустя без малого три недели, 17 сентября (И. Аксаков тогда в очередной раз выехал в Петербург), Вера рассказывала сестре о новых спиритических новостях из Абрамцева: «Верчение столов после отъезда Ивана у нас усовершенствовалось. Сестры делали разные опыты, вертелся даже большой круглой стол в гостиной и даже подымали его только на больших пальцах, по приказанию подняться он начинает отделяться от пола то с той, то с другой стороны и, наконец, подымается совсем и, поддерживаемый только большими пальцами, идет по воздуху, куда ему угодно. Несомненно, это сила, действующая даже на неодушевленные предметы, но, разумеется, все его <стола> предсказания и ответы вздор и только забавляют и не страшны. Иногда стол так распляшется, что его остановить трудно».[330] Вера спрашивала: «Отчего же вы боитесь попробовать? Впрочем, это иным может быть вредно? — Сестры было пробовали делать опыты друг над другом, но это очень страшно, и отесенька запретил. Человек приходит в род какого-то со<м>намбулума, сам не понимая, почему и как исполняет мысленные приказания тех, которые его держат. — Наденька заставляет стол бить такт своему пению, и он это делает очень верно».[331] Мы видим, что в спиритических сеансах деятельно участвовал С. Т. Аксаков, удерживавший, впрочем, дочерей от крайностей из опасения повредить их душевному здоровью. Мария откликнулась 29 сентября: «Вот какие чудеса ты пишешь о столах и какие открытия! Здесь говорят, столы пишут с помощию карандаша, воткнутого сбоку как-то».[332] И призналась, что у Карташевских тоже предпринимались попытки заставить стол двигаться, правда безуспешные: «А у нас без Ванички стол и обыкновенным образом не хотел вертеться. Будем ждать его возвращения для ответов и сообщения нам новых открытий по этому предмету».[333]

Вера, судя по дальнейшим ее письмам, все более увлекается спиритическими опытами. Так, 9 октября она сообщает: «Столы и у нас пишут, и это поразительно,

[328] ИРЛИ. Сигн. 10620. Л. 52 об.
[329] Там же. Сигн. 10647. Л. 64.
[330] Там же. Сигн. 10620. Л. 58 об.—59.
[331] Там же. Л. 58—59 об.
[332] Там же. Сигн. 10647. Л. 75.
[333] Там же.

только у нас нет удобного снаряда, и потому слово выходит и вкось и вкривь»,[334] на что 18 октября отзывается Мария: «Вот как вы усовершенствуете движение столов, у нас же решительно не клеится».[335] 27 октября, по поводу приезда в Абрамцево общей кузины Марии Воейковой, собравшейся в то время замуж за Н. В. Петровского, Вера отправила в Петербург письмо с рассказом о новых спиритических экспериментах: «Вообрази же, какой забавный случай: перед приездом Машеньки сестры вертели тарелку с карандашом и спросили, с кем мы познакомились еще в продолжение года. Тарелка написала между прочими известными нам именами: Петровский, это имя Машенькиного жениха, — надобно тебе знать, что столы теперь заменены тарелкой, в край которой воткнут карандаш и который пишет иногда целые ответы, совершенно неожиданные, истинно удивительно».[336] Далее Вера высказывается о сути этих сеансов, и в ее словах слышатся не только ее собственные выводы о виденном, но и умозаключения старшего брата Константина, который тогда уже работал над исследованием о столовращении. Вера писала: «Нет сомнения, что сила движущая есть магнетизм и что ответы не что иное, как отражение наших собственных мыслей или представлений воображения, справедливо сравнивают или объясняют это явление теми же неисследуемыми законами, которые двигают и располагают представлениями сна. — Также странно, почему мы видим именно иногда не то, о чем думаем. Между тем оно не может быть не что иное, как отражение же нас самих. Мы сами не можем всегда сознавать, что у нас происходит в голове и соследить за всеми образами, промелькающими в нашем воображении. Но, конечно, это может быть вредно и не должно долго упражняться в этом. — Предсказания, или ответы, имеют также всю правдоподобность сна».[337]

В ответном письме от 29 октября Мария Карташевская восклицала: «Каков стол и каков сюрприз нам сделала Маш<енька> Воейкова. <...> В самом деле ответы столов совершенно изумительны <...>».[338] Вместе с этим в окружении сестер были и люди, непримиримо относившиеся к увлечению спиритизмом, например, их общая знакомая Катерина Петровна Липранди, о которой Мария писала, что она «о столах же просто говорить не может, и чуть-чуть на этом пункте не сходит с ума»: «Религиозно возмущается способностию стола говорить! Как бы она поразилась этой еще новой подробностию, и в самом деле странно!» Сама же Мария, тем не менее, надеялась осуществить у себя абрамцевские опыты под руководством И. Аксакова: «Будем ждать Ваничку, чтобы сделать ответ; без него стол нас не слушается».[339] И уже 5 ноября Мария писала в Абрамцево о пребывании у них Ивана Сергеевича, который оказался превосходным учите-

[334] Там же. Сигн. 10620. Л. 64.
[335] Там же. Сигн. 10647. Л. 83 об.
[336] Там же. Сигн. 10620. Л. 67.
[337] Там же. Л. 67—67 об.
[338] Там же. Сигн. 10647. Л. 86.
[339] Там же. Л. 86 об.

лем: «Разумеется, мы воспользовались Ваничкиным приездом, чтобы вертеть тарелку, которая оказалась послушною и написала несколько ответов весьма явственно».[340]

Вера отвечала 6 ноября, солидаризуясь с Е. П. Липранди: «Пожалуйста, мой милый друг, не придавай значение этому пустому случаю, что тарелка нашла у нас имя Петровский прежде, это только вздор, на котором не стоит останавливаться; и как скоро придавать этим явлениям таинственное значение и верить их предсказаниям недолжно, то недолжно и заниматься этим. Многие дошли до того, что задают вопросы о будущей жизни, вызывают давно отживших и т. д. и сами почти помешались; это неизбежное наказание дерзости человеческого ума. — Совершенно согласна с Кат<ериной> Петр<овной>, нельзя не возмущаться таким святотатством».[341] Далее Вера сообщает о визите супругов Путят, Николая Васильевича и Софьи Львовны (свояченицы Е. А. Баратынского), которым принадлежало имение Мураново, в 8 верстах от Абрамцева: «У нас на днях были наши соседи Путята, муж с женой. Жена, урожденная Энгельгардт, и хотя умная женщина, но с способностью с ума сойти, и, право, я боюсь, чтоб она не помешалась на своем столике, к которому она уже чувствует привязанность (ее слова), как к милому ребенку; этот столик дал себе имя, употребляет в разговоре с ними разные ласковые слова и т. п. Как ее ни уговаривала оставить этот столик, не может решиться».[342] Очевидно, что в отношении Аксаковых к С. Л. Путяте ощутима доля самокритики: видя перед собой пример карикатурно-уродливого пристрастия к столоверчению, они уже готовы отказаться от модного развлечения. И действительно, в дальнейшей переписке эта тема все более сходит на нет, чему способствовала и начавшаяся Крымская война.

В очередном письме (от 13 ноября) Мария предлагала взглянуть на столоверчение с другой, светлой стороны, видя в нем один из аргументов в пользу бытия потустороннего мира, а также и неисчерпаемости даров, ниспосланных Свыше человеческой природе: «Вижу, мой милый друг, что ты встревожена столами, или, лучше, последствиями этого открытия, и желаешь успокоить тоже меня. Но это явление наводит на меня самые успокоительные, религиозные мысли. Конечно, предосудительно и соблазнительно не самое явление, а то употребление, какое осмеливаются из него делать».[343] В ответном письме (от 18 ноября) Вера подхватила слова сестры «Я очень желаю знать, мой милый друг, твои мысли по поводу столов, тарелок и т. д. — Я с тобой согласна, что не самое явление предосудительно, а употребление, которое из него делают; само же по себе оно делается совершенно праздной забавой».[344]

Вызванная на этот разговор Мария объяснялась в письме от 25 ноября: «Ты спрашиваешь мое мнение о столах, моя милая Верочка, но я тебе все сказала

[340] ИРЛИ. Сигн. 10647. Л. 89.
[341] Там же. Сигн. 10620. Л. 73 об.—74.
[342] Там же. Л. 74—74 об.
[343] Там же. Сигн. 10647. Л. 91 об.—92.
[344] Там же. Сигн. 10620. Л. 80 об.

в предыдущем письме. Я считаю предосудительным то злоупотребление, которое из них делают; преступным — обращать это открытие в серьезное гадание, — наконец, больно видеть, какой всеобщий почти соблазн производит это явление, — но само по себе может ли оно быть предосудительно? Вредно для здоровья, — это так. Я никак не умею себе объяснить это явление иначе, как проявлением человеческой же силы, способности, уже не раз являвшейся и в магнетизме, и в снах, и в предчувствиях. В них искра Божества, — кому и где поведаны ее пространство и сила, и знает ли кто-нибудь из нас, *что́* именно покрывает эта телесная оболочка. Для меня это явление более назидательно, чем соблазнительно. Оно вместе с тем нисколько не наводит меня на какие-нибудь гордые мысли о человеке, которого заслуга не есть в громадности им полученных даров, а в приложении их и любви. Но забавно видеть, как многие, поражаясь этим явлением и не зная, как его объяснить, считают для себя обидно сказать: "не знаю" и вопреки всякой очевидности утверждают, что не пишет и не двигается стол, что все это плутни».[345] При этом Марию разочаровала выше упоминавшаяся брошюра митрополита Филарета «О стологадании» — отсутствием глубокого анализа духовного явления, занимавшего общество; об этом она сообщает далее: «Слышала ли ты о каком-то письме Филарета, из которого выписка напечатана по поводу столов. Нам прислали эту выписку. Слышав столько от тебя похвал Филарету, мой милый друг, я принялась читать с жадностию. Но обманулась на этот раз; что тут сказано весьма слабо, неудовлетворительно, далеко не художественно; не удовлетворяет даже весьма простым требованиям, — не нападает на корень зла. Может быть, даже это ошибка, что Филарета. Читала ли ты, мой милый друг?»[346]

2 декабря Вера отвечала: «Мы также прочли выписку из письма Филарета, но это, мой милый друг, не может дать ни малейшего понятия об его проповедях. Кроме того, что с взглядом можно спорить во многом, но и написано, конечно, оно слишком неполно. — Об столоверчении и вообще об такого рода явлениях я тебе, может быть, хотя нескоро, пришлю целую статью, впрочем, я тебе все только обещаю. — Магнетизм, конечно, есть одна из сил нашей природы, но эта сила не духовная, а материальная и потому весьма может быть злоупотреблена, но теперь не время пускаться в эти рассуждения».[347] «Целая статья», о которой говорит Вера, — первое упоминание об трактате К. Аксакова «О так называемом чудесном, или сверхъестественном». Скорее всего, к тому времени Константин познакомил сестру с первым вариантом этого произведения, озаглавленном «О чудесном».[348] Впоследствии оно было переработано автором и получило название «О чудесном, или сверхъестественном».[349] Наконец, его переписала Вера,

[345] Там же. Сигн. 10647. Л. 95 об.—96 об.
[346] Там же. Л. 96 об.
[347] Там же. Сигн. 10620. Л. 85 об.—86.
[348] ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 7. Ед. хр. 24. Л. 19—32.
[349] Там же. Л. 1—18 об.

а Константин в этот экземпляр снова внес правку,[350] обозначив в конце, после подписи, принципиальный для него хронотоп трактата: «1854 года. Абрамцево». Именно эту редакцию, как будет показано, в сентябре 1854 г. К. Аксаков прислал на просмотр Гилярову, а позднее, в мае 1856 г., — на суд цензору Н. Ф. фон Крузе.

Впоследствии Вера регулярно сообщала о трактате брата: 11 декабря 1853 г.: «...перепишу тебе статью Хом<якова> и тогда перешлю. Статья же о столоверченьи не готова»;[351] 18 декабря: «Статья о чудесном готова, но еще должна быть поправлена, и потом я пришлю тебе ее на прочтение, мой милый друг»;[352] 25 декабря: «Очень желаю тебе послать статью по этому поводу, но она еще не переписана»[353] — здесь Вера явно сообщает о себе, поскольку именно она переписывала окончательный текст; 22 января 1854 г.: «...статья не списана еще <...>»;[354] наконец, 4 февраля: «Я могла бы прислать статью о чудесном, с тем чтоб ты ее тотчас же возвратила по прочтении, но как и с кем это сделать?»;[355] 14 февраля: «С ним <художником К. А. Трутовским> пришлю я тебе статьи, давно обещанные, но только для прочтения, потому что не успеем переписать»;[356] 20 февраля: «...думала вместе и всё прислать с Трутов<ским>. Но он решился не ехать; и так опять все мои посылки остались, не знаю, кого найти для передачи их тебе, мой милый друг»; [357] 15 марта: «Статью о чудесном, если успею, пошлю завтра, но возврати ее немедленно по прочтении, у нас другого экземпляра нет»;[358] 29 марта: «...получила ли ты статью о чудесном; не могу понять, отчего ты не пишешь».[359] 25 марта Мария сообщала о своем впечатлении: «Благодарю тебя очень за статью о чудесном; мне было чрезвычайно любопытно ее прочесть. Взгляды на магнетизм как на явление не духовное, а материальное мне нов, и я буду теперь себе задавать вопросы с этой точки и поверять ее; что же касается до того, что в столах говорим *мы*, с этим я совершенно согласна и точно так же говорила и сама об этом явлении. Отошлю немедленно статью <А. Ф.> Гильфердингу <...>».[360] Хотя в письме от 4 мая она рассказывала о новых злоключениях, связанных с трактатом: «Теперь, мой друг, жалуюсь вам на Гильфердинга и очень сожалею, что вас послушалась и отдала ему статью. Стоит он! До сих пор он еще не всю прочитал!!!! Как вам это покажется, три недели она у него!!»[361] и т. д.

[350] ИРЛИ. Л. 33—52 об.
[351] Там же. Сигн. 10620. Л. 90 об. Упомянут трактат А. С. Хомякова «Церковь одна» (в письмах девушек он именуется «О вере»).
[352] Там же. Л. 96 об.
[353] Там же. Л. 98 об.
[354] Там же. Сигн. 10621. Л. 9 об.
[355] Там же. Л. 14.
[356] Там же. Л. 17.
[357] Там же. Л. 19—19 об.
[358] Там же. Л. 35.
[359] Там же. Л. 40 об.
[360] Там же. Сигн. 10648. Л. 30—31 об.
[361] Там же. Л. 38.

В конце 1853 г. в переписке сестер в последний раз упоминаются спиритические сеансы. В письме от 20 декабря Мария затронула эту тему, чтоб рассказать сестре о негативном влиянии на мать семейства Надежду Тимофеевну Карташевскую случайного предсказания о младшей дочери Надежде: «Надобно тебе сказать, что стол сказал Наде, что она в Опере никогда не будет. Разумеется, сначала это не произвело ни малейшего впечатления; но, когда сначала маменькино нездоровье, потом то, другое, наконец, беспокойство и огорчение о Яше, все отделяло от нас мысли о Театре, — маменька начала сильно смущаться этим предсказанием. Разумеется, все восстали против такого суеверия, но уговоры в таких случаях не действительны, и потому надобно было истребить зло в самом основании. Мы решились заставить стол солгать и послали за билетом в первую предстоящую оперу. Давали Moise, — под названием Zora»,[362] т. е. оперу Дж. Россини (1818). Вера откликнулась 25 декабря: «Я очень рада, мой милый друг, что вы доказали милой тетеньке ложь стола, в этом сомневаться нельзя».[363]

Но вернемся к трактату К. Аксакова. Когда рукопись вернулась из Петербурга в Абрамцево, автор решил дать ее на отзыв Гилярову, авторитет которого как богослова был необыкновенно высок в московском кружке славянофилов. Гиляров позже, в письме к И. Ф. Романову-Рцы от 3 ноября 1886 г., вспоминал: «...Хомяков, Константин Аксаков подвергали моей предварительной критике свои сочинения <...>».[364]

Довольно обширный трактат К. Аксакова «О так называемом чудесном, или сверхъестественном» требует отдельного сосредоточенного исследования, здесь же взглянем на него только сквозь призму критики Гилярова (существенно дополняющей вышеприведенные краткие оценки из переписки В. Аксаковой с М. Карташевской). Скажем только, что трактат выдержан в жанре научного рассуждения, имеет двухчастную структуру с анализом гаданий и столоверчения, которые объясняются не потусторонними причинами, а воздействием на духовную природу человека «чувственной стихии», выражающейся в особой «магнетической силе». Описание спиритических сеансов К. Аксаков основывает на личном опыте. Здесь он безапелляционен в своих выводах: «...что бы ни писали столик или тарелка, пишут они то, что проходит через человека бессознательно для него, — и все ответы столика и тарелки есть непременно отражение или инстинкта, или же собственной фантазии человека».[365] Оказывается, он ставил эксперименты с тарелками наедине самим собой и только тогда мог противостоять наваждению: «Когда гадаешь один тарелкой, особенно когда следишь за собой, то видишь, что пишешь собственное свое убеждение; когда же силишься от него освободиться и гонишь всякую мысль свою, а между тем анализ напряжен — то тарелка чертит, и больше ничего».[366] «Вообще же, — заключает

[362] Там же. Сигн. 10647. Л. 102—102 об.
[363] Там же. Сигн. 10620. Л. 98 об.
[364] *Письма к Рцы*. С. 256.
[365] ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 7. Ед. хр. 24. Л. 51.
[366] Там же.

К. Аксаков, — весь этот необъятный мир чувственной силы — есть мир темный, и предаваться ему — значит отдавать себя чувственности, материи. Путь человека есть иной — путь духа, сознательный и ясный. В это великое ведение темной силы не стоит простого силлогизма — малейшего отблеска сознательной мысли, малейшей искры того духовного мира, где горит свет Разума и Премудрости, свет Свободы и Бессмертия».[367]

Когда именно Константин передал свой трактат о столоверчении Гилярову, можно судить по письму последнего об этом, которое хоть и не датировано, но содержит упоминание: «Благодарю за коротенькое известие об Альминской битве. Жажду услышать подробности, о которых Вы намекаете».[368] Как известно, это сражение произошло 8 сентября 1854 г.; значит, около середины сентября рукопись оказалась в руках Гилярова, а спустя два дня он написал свой отзыв (см. в начале следующего письма: «Статью Вашу пробежал я третьего дня»[369]). Но, уже только взглянув на первые фразы, Гиляров был неприятно удивлен терминологией К. Аксакова: при толковании о духовных реалиях тем использовался понятийный аппарат гегельянства, а не православного богословия. Гиляров пишет: «...на самый первый раз, взглянув на Вашу статью, я почувствовал, что с первых же слов меня покоробило. Вы говорите, что человек есть *бесконечный* дух. Извините меня, человек есть дух конечный. Выражение, подобное Вашему, идет вопреки христианству. Знаю, что Вы придаете своему выражению не совсем тот смысл, какой оно имеет само по себе; Вы взяли его из словоупотребления спиритуалистически-абстрактной философии, которая, играв словами целые полтора столетия, наконец в Гегеле нашло свое высшее выражение и конечный результат, к которому должно было необходимо прийти односторонне-взятое направление мышления, начатое механическим идеализмом Лейбница, продолженное трансцендентальным идеализмом Канта, субъективным — Фихте, объективным — Шеллинга и, наконец, — абсолютным — Гегеля».[370] К. Аксаков, как известно, в молодости испытал сильное влияние гегелевской формальной логики; вполне справедлива оценка С. А. Венгеровым его диссертации о Ломоносове: «...вся сущность книги гегелианская, потому что задача автора только в том и состоит, чтобы в истории русской литературы вообще и в истории литературной деятельности Ломоносова в частности найти моменты, установленные германским философом в качестве абсолютных и непреложных условий всякой истории литературы <...> представить иллюстрацию теорий излюбленного учителя <...>».[371] Поэтому критика Гилярова, убежденного во внеположность гегельянства теизму, имела самоочевидный педагогический акцент. Он продолжал:

[367] ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 7. Ед. хр. 24. Л. 52—52 об.
[368] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 362. Л. 17.
[369] Там же. Л. 19.
[370] Там же. Л. 17—18.
[371] *Венгеров С. А.* Собр. соч. СПб.: Прометей, 1912. Т. III: Передовой боец славянофильства — Конст. Аксаков. С. 131—132.

«Итак, вы сознательно не идете вопреки христианству, и в нем положенному миросозерцанию, и в частности — психологии. Но таково Ваше миросозерцание само в себе: последовательно проведенное, оно разрушает религиозный элемент в мышлении».[372]

При этом Гиляров заранее просил К. Аксакова приготовиться к самому нелицеприятному разбору его трактата, в чем особенно ярко проявилась присущая Гилярову-критику категоричность в подходе к рецензируемым либо цензурируемым им сочинениям, в следовании известному правилу «Amitus Plato, sed magis amica veritas»: «Сделаю, что могу, и попрошу у Вас извинения за откровенность, с какою буду спорить с Вами, как прошу извинения и теперь. / Будьте уверены, что откровенность, довольно грубая, есть следствие моей искренней любви и уважения к Вам».[373]

Следующее письмо, уже целиком посвященное трактату, Гиляров начинает обобщающей оценкой рукописи К. Аксакова (ее композиции и концепции): «Если Вы хотите знать о построении статьи, то, откровенно говоря, я недоволен. Недовольство это основывается впрочем на несогласии, собственно, в общих понятиях».[374] Затем кратко излагает ее план: «О чем ваша статья? Заглавие “О чудесном или сверхъестественном”, а рассуждает она, если мне не изменяет память, следующим образом:

1. В мире вещественном есть общая связь *симпатии.*
2. Симпатия эта является на высшей степени как *инстинкт.*
3. Далее является как *чутье.*
4. Высшее выражение и проявление чутья есть *магнетизм.*
5. Одним из явлений должно быть почтено *движение столов.*

Затем следует рассуждение о том, что явления столодвижения прилагаются к магнетизму и объясняются им.

Итак, таков скелет Вашей статьи».[375]

Из чего Гиляров заключает, что содержание рукописи не соответствует ее названию: «Спрашивается: говорите ли Вы о чудесном? — Нисколько. <...> Собственно говоря, вы рассуждаете о столах, и все предыдущее подогнано для объяснения столов <...>. Итак, что касается до постройки, по моему мнению, всю статью должно бы озаглавить: “Объяснение столодвижения” или как там угодно, вроде этого».[376] И не возражая на предложенную К. Аксаковым аргументацию, опять-таки оспаривает применяемые им определения: «Слов *чудесное* и *сверхъестественное*, ради Бога, не употребляйте. Если Вы мне доверяете сколько-нибудь, то прошу на первый раз уважения хоть по этому, — разумеется, самому в себе недостаточному и не совсем разумному, — моему личному для Вас

[372] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 362. Л. 18—18 об.
[373] Там же. Л. 18 об.
[374] Там же. Л. 19.
[375] Там же. Л. 19—19 об.
[376] Там же. Л. 19 об.—20.

авторитету. Оба термина — термины христианские, и в христианстве должны найти объяснение: они суть выражения откровенного элемента в религии. <...> Философия и вообще образование, прогрессивно движущееся в мирознании, почасту дает название чудесного и сверхъестественного всему, что не подходит под законы природы, состроенные им на основании *узнанного — уже*».[377] По словам Гилярова, «животное самодовольство ума» называет «все недоведомое для него именем суеверия, будет ли это магнетизм, явление лешего или воскрешение мертвых через Христа».[378] Не менее вредно такое «безразличие» в наименовании духовных явлений, если их огулом отнести к области чудесного. Критикует Гиляров и основной прием К. Аксакова, сводящего анализ столоверчения к ссылке на «магнетизм», «чутье», «инстинкт» и «симпатию»: «...Вы невольно впадаете в иллюзию; воображаете, будто объясняете, а объяснения никакого не даете. Даете общее понятие, но понятие это *непонятно,* потому самому, что нечем его поверить на действительности <...>»;[379] «Я мог бы выдумать другое слово, совершенно бессмысленное, сказав, что это слово будет обнимать как понятие общее все факты внешних явлений, не объяснимых современно-ведомыми законами природы, — например, хоть слово: *нервизм.* Результат будет один и тот же».[380] И главная цель, преследуемая К. Аксаковым, по мнению рецензента, не достигается: «Эта цель — уверение тех, кто ничему выходящему из круга будничной жизни не верит. Но Ваши рассуждения их не уверят, если эти люди сколько-нибудь последовательны <...>».[381]

Критика Гилярова возымела действие: Константин Сергеевич изменил название трактата, добавив слова «О так называемом...», т. е. в самом заглавии высказав свое ироническое отношение к обывательским суждениям о непознанном вообще и, в частности, о столоверчении, и — положил рукопись в долгий ящик (впрочем, тогда еще действовал цензурный запрет на публикации славянофилов). Весной 1856 г., когда готовились к печати первые книжки журнала «Русская Беседа», К. Аксаков послал рукопись на отзыв московскому цензору Н. Ф. фон Крузе, славившемуся своим либерализмом. Тот 19 мая одобрил очерк к печати,[382] оставив на полях несколько карандашных ремарок с доброжелательными советами по улучшению текста.[383] Однако К. Аксаков передумал публиковать свое произведение: наступила эпоха нового царствования, жизнь требовала больших социальных преобразований; столоверчение же, потеряв всякую актуальность, было вытеснено из общественного сознания более насущными проблемами.

---

[377] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 362. Л. 20—21.
[378] Там же. Л. 21.
[379] Там же. Л. 21 об.
[380] Там же. Л. 21 об.—22.
[381] Там же. Л. 22.
[382] Там же. Л. 52 об.
[383] Там же. Л. 48 об., 52.

Хотя нелишне упомянуть, что именно семейство Аксаковых и дало впоследствии России крупнейшего специалиста в области спиритизма — Александра Николаевича Аксакова, племянника Сергея Тимофеевича. Гиляров же в 1870—1880-х гг. сблизился с ним на почве интереса к явлениям из области таинственного и непознанного, о чем свидетельствовал С. И. Уманец, живший в семье Гилярова — своего опекуна. Он вспоминал, что тот, бывая в Петербурге, «заезжал <...> всегда» к его крестной матери Т. П. Пассек (она же приходилась, как известно, кузиной Герцену и двоюродной теткой Ип. А. Пашкову, чиновнику МИДа, с 1877 г. публиковавшегося в «Современных Известиях», близкого Гилярову человека). И далее: «У нее нередко встречался Никита Петрович с А. Н. Аксаковым, известным, ныне здравствующим поборником спиритизма. К спиритизму Н<икита> П<етрович> чувствовал, особенно в конце жизни, особенное влеченье и очень уважал А. Н. Аксакова за его смелость упорно бороться с иронией и даже злобой, замечаемыми в интеллигентном обществе против явлений, не поддающихся рассудочному анализу. <...> В Москве, у себя в доме, он иногда устраивал спиритические сеансы, но я не помню, чтобы на них было что-нибудь выдающееся».[384] Уманец также вспоминал: «Н<икита> П<етрович> очень любил рассказывать о разных странных, таинственных явлениях жизни и был мастер в этом деле: он так, бывало, рассказывал разные страшные истории, что невольно мороз подирал по коже».[385] Несколько подобных историй приведено и в книге «Из пережитого», печатались они и на столбцах «Современных Известий», за что Гилярову попадало от авторов либерально-позитивистских изданий.[386] По свидетельству М. С. Сковронской, к спиритическим опытам приобщил Гилярова один из сотрудников «Современных Известий» начала 1870-х гг. (его имя не названо): «Развлекая его, он незаметно наводил его на любопытство заняться спиритическими сеансами. Терпеливо в течение двух или трех часов держал с редактором руки на тарелке, и духи писали им, например, продолжение “Мертвых душ” Гоголя <...>».[387]

Свою позицию по отношению к спиритизму Гиляров наиболее определенно высказал в связи с небольшой полемикой о сверхъестественном в жизни, которой дал место в своей газете в мае 1884 г.[388] Начал ее постоянный сотрудник «Современных Известий» В. Ф. Пелешевский очерком «Из области не совсем объяснимого»,[389] где с увлечением восхвалял спиритов: «Есть одно замечатель-

[384] *Уманец С.* Кое-что из воспоминаний о Никите Петровиче Гилярове-Платонове // *РО*. 1897. Т. 47, окт. С. 858.

[385] Там же.

[386] См.: *Скромный наблюдатель <Лукин А. П.>*. Наблюдения и заметки: Гиляровская чертовщина. Вещие сны // *РВед*. 1884. 13 мая. № 131. С. 2.

[387] *Сковронская М. С.* Быль и думы. М., 1900. С. 312

[388] См. ее изложение: *Рцы <Романов И. Ф.>*. Н. П. Гиляров-Платонов о спиритизме: (Неизд. письмо покойного <от 15 августа 1884 г.>) // *РД*. 1888. 22 апр. № 17. С. 20—21 (републ. нами: *Возвращение*. С. 343—351).

[389] *СИ*. 1884. 5 мая. № 120. С. 3.

ное свойство людей, верящих в спиритизм, — людей, признающих существование на земле сверхъестественного; это — то, что во всех них есть страх Божий. Спириты, вообще, люди более или менее нравственные, сердечные и любящие ближнего; следовательно, с этой стороны распространение спиритизма — желательное явление. <...> Их идеализм ни за что не снизойдет до подлости, до чего зауряд доводит крайний реализм и материализм верующих в положительное только. Как там ни глумятся герои духа времени над бреднями спиритизма, а все же нужно сказать правду, что спириты — это лучшие люди нынешнего века, люди, живущие в душе на основании высших принципов, люди, не запятнанные жаждою наживы и хищения».

Спустя две недели Гиляров опубликовал развернутую реплику киевлянина И. Ф. Романова-Рцы, своего будущего корреспондента и ученика, подписанную названием первой буквы его фамилии «Эр», под названием «Солнце и сальная свеча».[390] Рцы отталкивался от противопоставления спиритов материалистам и утверждал: «Вникая в сущность спиритизма, я прихожу к заключению, что это тот же материализм, но утонченный, подкрашенный, замаскированный, это та же религия безнравственности, или необходимости, апофеоз бессмысленной неволи над могилой заживо погребенной разумной свободы». Пояснял он это заключение тем, что спириты якобы властны над духами умерших людей и, значит, с точки зрения спиритизма, потусторонний мир — «настоящее царство неволи, самой бессмысленной, унизительной, постыдной. В юдоли земной мы еще тяготимся фикцией свободы, там — полное торжество необходимости. <...> Подуем мы на уголек, ты начнешь стучать под столом, прошепчем заклинания, станешь паясничать за ширмою, выкинем магическое коленце, понесешь всякую белиберду при посредстве “автоматического письма”, непременно белиберду, ибо неволя неразумна».

Итоги спора подвел Гиляров в сопроводительной передовой статье, заняв золотую середину: он выступил, как пояснил в первом письме к Рцы (от 15 августа 1884 г.), против и «поклепа на спиритов, которого они не заслуживают», и «поклонения, им возданного Пелешевским».[391] Согласившись с Рцы, что спиритизм «есть только переодетый материализм», Гиляров оспорил «замечание, что будто, по учению и практике спиритов, разные манипуляции живых имеют силу вызывать умерших хочешь не хочешь <...>».[392] В последовавшем затем обмене письмами Гиляров по просьбе Рцы уточнял свой взгляд на спиритизм. Приведем пространную цитату из того же письма от 15 августа: «Наряду с другими и это явление мне приходилось изучать в истории человечества. <...> Сущность спиритизма заключается в положении, что *между загробным миром и здешним возможно и бывает сообщение*. Это есть основание, а далее идет разноголосица

[390] *СИ*. 1884. 18 мая. № 133. С. 2.

[391] *Письма к Рцы*. С. 232.

[392] *<Гиляров-Платонов Н. П.>*. Москва, 17 мая: Дневное обозрение // *СИ*. 1884. 18 мая. № 133. С. 2.

и толкования. Аллан Кардек, Оуен, Вагнер[393] — каждый придумывает свою теорию. Я, положим, имею свою догадку, хотя в ней не уверен, а тем менее согласен с Кардеком. Филарет объяснял спиритические явления злым духом,[394] что по мне тоже односторонне. Вопрос в том, есть ли, бывают ли сообщения? Несомненные факты спиритизма, которых бесчисленное множество, означают ли реальное выступление умерших или собственное наше, потенцированное видение? Я себе ставлю так вопрос и признаюсь, не берусь решать его. Покойный В. И. Даль[395] получил "откровение" (назову так) от умершего Вышеславцева (в первый раз слышанная им фамилия) с просьбою написать известного рода утешение здравствующему сыну такому-то, в таком-то селе (ни то, ни другое не было Далю известно). Даль написал письмо к лицу, в существовании которого не был уверен, и в село, незнамо, действительное или мнимое. Написал и получил ответ. Вот Вам факт из бесчисленных, мне лично известных. Факт фактом, а объяснение стройте, какое угодно. Поэтому-то спирита обвинять с решительностью в материализме или в отрицании свободы непозволительно, по моему мнению: обвиняйте в том и другом того из спиритов, кто явления, им дознанные, объясняет материалистически, но это не единственное объяснение, для них возможное».[396]

Путь Гилярова к подобным выводам, основанным на длительном опыте осмысления сверхъестественных явлений, вероятно, и начался с рецензирования рукописи трактата К. Аксакова, который как раз «явления, им дознанные,

---

[393] Аллан Кардек (Allaine Cardec; наст. имя — Ипполит-Леон Денизар Ривайль; 1803—1869) — французский спирит, театральный режиссер. Перевод на русский язык наиболее известного его сочинения, изданного в Париже в 1858 г., был литографирован в Москве уже в 1861 г.: Книга духов, заключающая в себе правила спиритского учения о бессмертии души, о природе духов и их отношениях к людям, о нравственных законах, о настоящей жизни и о будущности человечества, составленная из наставлений высших духов, полученных чрез посредство многих медиумов, приведенная в систематический порядок Аллан Кардеком: (Пер. с фр.). [730] с. Однако эта же книга, подготовленная к изданию в 1889 г. (под названием «Спиритуалистическая философия»), была запрещена цензурой. Роберт Дейл Оуэн (Owen; 1801—1877) — английский спирит. В русском переводе К. Полянского опубликована его книга «Спорная область между двумя мирами: Наблюдения и изыскания в области медицинских явлений» (СПб., 1881. 282 с.; 2-е изд., доп. СПб., 1901. 312, V с.). Николай Петрович Вагнер (1829—1907) — зоолог, прозаик. Заметки в защиту спиритизма помещал главным образом в журнале «Ребус», на страницах которого полемизировал с Д. И. Менделеевым, Ф. М. Достоевским, Н. Н. Страховым и др.

[394] Свои суждения о спиритизме митрополит Филарет (Дроздов) высказывал главным образом в письмах к своему духовнику архимандриту Антонию (Медведеву). См.: * <*Смирнов А. П.*>. Митрополит Филарет в его отношениях к миру таинственных явлений // *ДЧ*. 1883. Ч. 2, май. С. 3—33. О его брошюре «О столоверчении» упоминалось выше.

[395] Известно, что В. И. Даль увлекался спиритизмом и учением Э. Сведенборга. Гиляров посвятил Далю прочувствованный некролог (Москва, 23 сентября // *СИ*. 1872. 24 сент. № 263. С. 2) и впоследствии неоднократно в своих статьях и очерках упоминал о встречах, беседах и спорах с ним.

[396] *Письма к Рцы*. С. 232—233.

объяснял материалистически», и только, что не могло удовлетворить взыскательного Гилярова ни в 1854 г., ни в 1884-м.

* * *

Вскоре после того как в разгар Крымской войны, 18 февраля 1855 г., скончался Николай I и на престол взошел Александр II, К. Аксаков, как известно, обратился к нему с запиской «О внутреннем состоянии России». Она вполне встраивалась в традицию, идущую от Н. М. Карамзина с его трактатом «О древней и новой России в ее политических и гражданских отношениях» (1811; опубл. 1861), и впоследствии, будучи напечатана его братом Иваном спустя два месяца после цареубийства 1881 г.,[397] послужила напутствием и для очередного императора, Александра III.

Предваряло публикацию письмо К. Аксакова на Высочайшее имя, датированное, судя по автографу, 8 апреля 1855 г.[398] Впоследствии И. Аксаков собирался напечатать в своей газете «Русь» еще два письма брата к Александру II, первое из которых сохранилось в двух редакциях. Каждая из них, наряду с подлинником (черновым отпуском), имеет и копию с расшифровкой, выполненной в свое время Верой Аксаковой, а позднее уточненной и подготовленной к набору Иваном. Этот проект тогда не состоялся (видимо, по цензурным условиям). Письма К. Аксакова к Государю опубликованы нами.[399]

Неоднократные обращения Константина к Государю в год его восшествия на престол, исполненные надежд на скорую победу в кровопролитной войне и упований на счастливое будущее отечества, зиждились на стремлении, наконец, превратить славянофильское книжное слово в реальное дело, в практику решительного преобразования российской жизни, прежде всего на путях борьбы с ее бюрократизацией, с засильем чиновничества.

Толчком, на наш взгляд, послужила история с отказом предводителя московского дворянства А. Д. Черткова подать адрес Александру II с изъявлениями своих чувств. 24 февраля Вера Аксакова с возмущением писала в Петербург двоюродной сестре Марии Карташевской: «...все наше общество, именно наш круг, особенно одушевлен в настоящую минуту, так искренно желает выразить Государю свое горячее сочувствие, и что же не допускают исполнить это желание! Таких минут не надобно стеснять, и мы уверены, что Государю приятнее было бы видеть искренние, а не казенные выражения сочувствия своих подданных».[400]

---

[397] Записка К. С. Аксакова «О внутреннем состоянии России», представленная Государю Императору Александру II в 1855 г. // Русь. 1881. 9 мая. № 26. С. 11—15; 16 мая. № 27. С. 17—20.

[398] ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 7. Ед. хр. 27. Л. 3.

[399] *Дмитриев А. П.* Неизвестные проекты писем К. С. Аксакова к Александру II в связи с потерей Севастополя (по переписке Н. П. Гилярова-Платонова, В. С. Аксаковой и М. Г. Карташевской) // Аксаковские чтения: (Материалы XV Аксаковских чтений. Уфа, 24—26 сентября 2015 г.). Уфа: Изд-во БГПУ, 2015. С. 81—96.

[400] ИРЛИ. Сигн. 10622. Л. 35—35 об.

Мария так откликнулась на слова Веры в письме от 3 февраля: «Как досадно, что ваш предводитель берет смелость так распоряжаться. Разумеется, весьма хорошо бы было вам отозваться на слова Государя Александра Николаевича».[401] Чуть позднее, 10 марта, Вера снова вернулась к разговору о молодом царе: «...всё, что мы ни читаем, ни узнаем со всех сторон о новом Государе, — всё радует и наполняет душу отрадными надеждами. Да поможет ему Бог. В сочувствии и содействии России он не может сомневаться».[402]

Но в регулярной переписке сестер, видимо из опасения перлюстрации, ничего не сообщается о посланиях Константина к Государю, кроме разве что глухого упоминания в письме Веры от 19 мая: «Константин также ждет из Петерб<урга> Трушковского, которому поручал известное вам дело; может быть, его известия будут такого рода, которые заставят Константина ехать самого, это должно решиться на днях».[403] Дело в том, что записку «О внутреннем состоянии России» отвез в Петербург племянник Гоголя Н. П. Трушковский, передавший ее там графу Д. Н. Блудову, который уже препроводил ее Александру II.

Но был в ближайшем окружении К. Аксакова человек, которому он сообщал в письмах о работе над своей запиской и, возможно, советовался в связи с конкретными ее формулировками. Это — Гиляров. До наших дней, как уже говорилось, дошли только его ответные письма, в которых и содержатся сведения о ходе работы над запиской на Высочайшее имя. 14 марта 1855 г. Гиляров писал: «...благодарен судьбе и за то, что по приезде домой, нашел у себя Вашу записку. Вы говорите о своей теперешней работе, об *уроке*, который Вы желали бы кончить, и это уже подействовало благодетельно на меня, по обыкновению страшно расстроенного».[404] Не прошло и недели, как Гиляров нашел и писца с каллиграфическим почерком (скорее всего, из студентов Вифанской семинарии или Духовной академии) и тот уже готовил список записки для царя: сестры Константина писали довольно разборчиво, однако не так изящно, как требовалось. 20 марта 1855 г. Гиляров сообщал: «О статье Вашей могу сказать, что она немного не переписана, и переписывается хорошо, очень хорошо. (Я призывал писца, понукал его, и видел переписку.) Больше ничего не могу сказать. Сегодня и завтра опять буду справляться».[405] 8 апреля, как выше упоминалось, Константин подписался под сопроводительным письмом к записке.

Тогда же в письме Гилярова от 20 марта проскальзывает любопытная нотка, позволяющая говорить о том, что у Константина с ним подчас было больше точек соприкосновения, нежели даже с Верой. Гиляров жалуется другу, поборнику «свободного слова»,[406] на формализацию проповедничества, требуемую началь-

[401] Там же. Сигн. 10649. Л. 21.
[402] Там же. Сигн. 10622. Л. 41—41 об.
[403] Там же. Л. 88 об.—89.
[404] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 362. Л. 10—10 об.
[405] Там же. Л. 8 об.
[406] Ср. название стихотворения К. Аксакова «Свободное слово» (1854).

ством: «Нам, профессорам, велено писать и говорить *военные* проповеди, по случаю современных обстоятельств... А? как Вам это кажется? Вы скажете: это хорошо. Оно почти так, если взять отвлеченно самое приказание высшего начальства, т. е. Синода. Но если бы Вы знали, что выходит из среднего начальства, т. е. митрополита <Филарета (Дроздова)>, и из низшего!.. т. е. при столкновении с рутиной. Митрополит подробно изъяснил, *что* и *как* мы должны говорить, — и это ужас!... (Вера Сергеевна, впрочем, должна этому радоваться)».[407] Гиляров пояснял: «Вот что: "война посылается в наказание за грехи; теперешнее продолжение ее показывает, что Бог еще находит в нас нечто стропотное: итак, молитесь и кайтесь, православные..." и проч. Заключение со стороны нашего, и без того чересчур смиренного народа, следовательно, будет вот какое: "А, война поделом, за грехи наши. Ну так уж доброго для нас ничего из этого не выйдет. Так что ж уж тут и противиться. Пусть Бог карает; буди Его Всесвятая воля". Словом, результат — противоположный цели, уныние, а не воодушевление».[408] Однако подобные несогласия всё же редки, маргинальны.

Основные оценки событий, звучащие в письмах как Гилярова, так и В. Аксаковой с М. Карташевской, весьма сходны,[409] а отражение их в посланиях К. Аксакова к Александру II позволяет утверждать, что он стремился воплотить в них, конечно, не отдельное частное убеждение, а поистине «глас народа». Не случайно письмо к Государю с просьбой назначить А. П. Ермолова начальствующим над русским войском в Крыму (сентябрь—декабрь 1855 г.) он начал словами: «Позвольте Вашему подданному сказать несколько слов со всею прямотою правды. — Настоящие обстоятельства требуют всего более — правды от Государя к народу и от народа к Государю. Молчание в настоящую минуту есть вина перед Россиею и Вами»,[410] и закончил еще более категорично: «Но какое право имею я говорить своему Государю то, что почитаю истинным и полезным для России? Я русский и Ваш подда<нный>, вот мои права. / Пишучи эти строки, я исполняю свой долг перед совестью, Россией и Вами».[411]

3.5. Н. П. ГИЛЯРОВ И И. С. АКСАКОВ: СОТРУДНИЧЕСТВО НА ФОНЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ДИСГАРМОНИИ (1853—1886)

Сохранившаяся двусторонняя переписка И. Аксакова и Гилярова охватывает 30-летний период дружеского общения и творческого сотрудничества — с 1855 по 1885 год — и затрагивает широкий тематический спектр от вопросов международной политики, проблем цензурного ведомства и противодействия революю-

[407] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 362. Л. 8 об.

[408] Там же.

[409] См., например, в главе 3.3 их отклики на известие о падении Севастополя.

[410] *Дмитриев А. П.* Неизвестные проекты писем К. С. Аксакова к Александру II в связи с потерей Севастополя... С. 88.

[411] Там же. С. 89.

ционному движению — до обмена сведениями о близких родственниках и друзьях. Письма отложились в нескольких архивохранилищах: ИРЛИ, РНБ, РГАЛИ. Однако при этом следует учитывать, что корреспонденты жили в одном городе, 1—2 раза в неделю встречались (известно, что Гиляров регулярно посещал «субботы» Аксаковых, а И. Аксаков бывал на гиляровских «воскресеньях»). Поэтому обнаруженные в архивах 53 письма — это довольно большой эпистолярный комплекс.

Взаимоотношения Гилярова и Аксакова не всегда были безоблачными, они переживали периоды охлаждения, порой довольно резкого (когда Гиляров цензуровал славянофильские издания и не хотел, рискуя своей должностью, отстаивать те или иные материалы, непроходимые в цензурном отношении[412]). Но все же цену они друг другу всегда знали. Мемуарные оценки, данные Гиляровым Аксакову,[413] по праву относятся к лучшему, что написано о нем. Не менее одобрительно обычно высказывался (причем заглазно) о Гилярове Аксаков.

Вот одна из оценок из раннего периода их общения. 17 декабря 1861 г., при первых известиях, что происходит смена министров народного просвещения и графа Е. В. Путятина заменит А. В. Головнин, И. Аксаков пишет князю Д. А. Оболенскому: «...спешу попросить тебя отрекомендовать Головнину — *Гилярова*. Ты, если не знаешь его лично, то хорошо знаешь, что он наш, из нашего круга, сотрудник “Беседы” и “Дня”, и теперь вместе с Юр. Самариным работает над богословскими сочинениями Хомякова. — Человек необыкновенно умный, талантливый и ученый. — Он был профессором Академии, но по некоторым неприятностям с Филаретом вышел оттуда и сделан был Цензором <...> ты обязан <...> обратить его внимание на этого замечательного человека».[414] То же было и в последующем. Их современник, публицист А. Н. Молчанов вспоминал (о событиях, судя по контексту, 1883 г.): «Однажды я получил от Н. Гилярова-Платонова в подарок его портрет и показал Аксакову. И<ван> С<ергеевич> взял портрет в руки и сказал: “Вот человек, про которого можно смело сказать, что он никогда и ничего не эксплоатировал... Большой талант, прекрасное перо, огромная начитанность, масса разнородных познаний... Но Русь матушка еще не умеет ценить по части грамоты”...»[415]

Как было установлено по письму В. Аксаковой к М. Карташевской от 26 января 1853 г., первое посещение Гиляровым Абрамцева состоялось 24 января,[416]

---

[412] См. об этом главы 1.4, 1.5 и 1.6, посвященные цензорской деятельности Гилярова вообще и его надзору над «Русской Беседой» и «Днем» в частности.

[413] Переизданы нами: *Гиляров-Платонов Н. П.* <Воспоминания об И. С. Аксакове>: I. <Речь на первом заседании Славянского благотворительного общества 2 мая 1877 года>; II. <Некролог>; III. <Похороны И. С. Аксакова> // *Из пережитого*. Т. 2. С. 214—219, 487—497. См. анализ этих произведений в главе 3.6.

[414] ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 30. Л. 52—53.

[415] *Молчанов А.* Воспоминания об И. С. Аксакове // *ИВ*. 1886. Т. 25, июль. С. 379.

[416] ИРЛИ. Сигн. 10620. Л. 5 об.—6. См. выше, в главе 3.3, на с. 337.

и там в это время жил Иван: в усадьбе он встретил Новый год, а в Москву выехал только 29 января.[417]

Можно выделить четыре больших этапа их творческих взаимоотношений. Условные названия для них сориентируем на биографию Гилярова, причем в той мере, в какой это было связано с их взаимными интересами:

1) *Раскольнический* (1853—1855). Знакомство с Гиляровым, представителем духовно-академического мира, в тот период оказалось для Ивана как нельзя более кстати в связи с его изучением старообрядческих поселений. Как известно, он в 1849 и 1851 гг. составил три служебные записки о раскольниках в Бессарабской и Ярославской губерниях и о секте странников, или бегунов. Благоприятствовало общению соседство Абрамцева и Троице-Сергиевой лавры, где в Академии Гиляров преподавал на кафедре библейской герменевтики и учения о вероисповеданиях, ересях и расколах, а затем, в сентябре 1854 г., был назначен преподавателем русской церковной археологии и истории раскола в России на Миссионерском отделении Академии. Для И. Аксакова в октябре 1853 г. Гиляров составил Записку о расколе.[418] В некрологе И. Аксакову Гиляров писал о встречах в том же 1853 году: «Вспоминаются тогдашние беседы наши о расколе, который только что перед тем был предметом служебных занятий Ивана Сергеевича».[419] Тема старообрядчества живо интересовала и Константина: в 1850 г. он пишет записку «<Расколы в России>», до последнего времени остававшуюся неопубликованной.[420]

2) *Цензорский* (1856—1862). Гиляров — цензор «Русской Беседы», «Паруса», «Дня» (и автор первого и третьего изданий), которые редактировал И. Аксаков.[421]

3) *Типографский* (1863—1867). Гиляров — управляющий Синодальной типографией. Он тогда подвергся оговору со стороны бывшего инспектора Типографии фольклориста П. А. Бессонова и его приятеля П. И. Бартенева, а также Н. Н. Новикова, распространявших сплетни о нем в московском обществе (это была своего рода месть Бессонова, болезненно воспринявшего назначение Гилярова, человека со стороны, управляющим Типографией, где сам Бессонов служил с 1858 г.; были и другие причины для конфликта). Биограф Гилярова князь Н. В. Шаховской записал в 1893 г.: «Бартеневу рассказывали Бессонов и Новиков о злоупотреблениях Н<икиты> П<етровича> по управлению Синод<аль-

[417] См.: Аксаков Иван Сергеевич: Материалы для летописи жизни и творчества / Под ред. С. В. Мотина; сост.: С. В. Мотин, И. И. Мельников, А. А. Мельникова. Уфа: УЮИ МВД России, 2011. Вып. 3: В 2 ч. Ч. 1: 1851—1857. С. 57—59.

[418] См. об этом подробно в главе 1.3, на с. 42—46.

[419] *Из пережитого*. Т. 2. С. 217.

[420] Напечатано нами: *Дмитриев А. П.* Неопубликованные статьи К. С. Аксакова о расколах в России и национальной русской идее: К 200-летию со дня рождения писателя // Текст и традиция / РАН. ИРЛИ, Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна»; гл. ред. Е. Г. Водолазкин. СПб.: Росток, 2017. Т. 5. С. 429—442.

[421] См. о взаимоотношениях Гилярова и И. Аксакова в этот период в главах 1.4, 1.5 и 1.6.

ной> типограф<ией>, что будто он типографски<х> рабочих употреблял для постройки своей дачи в Петровск<ом>-Разумов<ском> и что на увезенном из Типографии шрифте основал свою типографию. / = Это надо тщательно проверить и опроверг<нуть>».[422] И. Аксаков тогда взял сторону Гилярова и помогал ему устроить нечто вроде «очной вставки» с его врагами, о чем свидетельствует его недатированная записка (написанная до февраля 1865 г., поскольку с этого времени Бессонов уже служил в Вильне, а в настоящем письме он упомянут как живущий в Москве): «Истинно, любезный Никита Петрович, ничего больше не знаю, как то, что «говорили о даче» и т. п. Бартенева я разругал, и вообще мы с ним почти не видимся. Разумеется, мне никто не станет бранить и обвинять Вас, иначе как общими словами. Но про *случай* подумаю. Я позову г. Бартенева, а с Бессоновым мы не говорим. Ваш *И. А.*».[423] Кроме того, как упоминалось,[424] Гиляров в 1867 г. стал автором ряда передовых статей в газете И. Аксакова «Москва».

4) *Издательский* (1867—1886). Гиляров как издатель-редактор ежедневной московской газеты «Современные Известия», а Аксаков (с 1880 г.) — «Руси». Внутри этого периода был важный этап подъема славянского движения, связанный с Русско-турецкой войной 1877—1878 гг., в который Аксаков как один из его признанных общественных лидеров работал рука об руку с Гиляровым, а тот бесплатно публиковал в своем издании многочисленные воззвания и объявления Славянского благотворительного общества и сведения о доброхотных пожертвованиях населения.

Вместе с тем у Аксакова было немало претензий к редакционной политике Гилярова в его «Современных Известиях», которые в 1870-е гг. фактически были единственным славянофильским органом. Аксаков писал матери 26 октября 1875 г.: «Говорят, Гиляров, получивший на днях второе предостережение, получил еще и третье, или еще имеет получить; тогда на некоторый срок приостановится издание газеты. Надобно признаться, что в последнее время она издавалась очень дурно и наполнялась статьями самыми бестактными, особенно относительно банков; не только не успокаивала публику, но еще более тревожила ее и подрывала доверие к банкам, ни в чем не повинным, так что Чижов и я, мы посылали к нему нарочного, чтоб унялся. К тому же, по разным своим соображениям, Гиляров остался жить на своей даче и издает газету оттуда; он намерен и всю зиму остаться там, что́ для редактора ежедневной газеты просто нелепость».[425]

Ряд сюжетов, связанных со взаимоотношениями Аксакова и Гилярова, освещался в литературе последних лет. В частности, Д. А. Бадалян опубликовал

---

[422] *Шаховской Н. В., кн.* Матерьялы для биографии Н. П. Гилярова-Платонова // РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 49. Л. 44 об.—45.

[423] ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 13. Л. 40 (копия князя Н. В. Шаховского: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 580. Л. 6).

[424] См. об этом главу 1.7.

[425] ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 15. Ед. хр. 17. Л. 12.

часть их переписки, а также некоторые другие документы о проекте, по слову Гилярова, «русского “Times”» на средства московского купечества (1884),[426] мы делали обзор статей Гилярова, помещенных им в аксаковской газете «День» (1862),[427] писали об отношении Аксакова к социологическим взглядам Гилярова в связи с переводом его статьи «Личное и общественное» на немецкий язык (1860),[428] о переписке Гилярова с Аксаковым по поводу первых поэтических опытов Алеши Гилярова (1874),[429] о неприязненном отношении их к личности и поведению Победоносцева после его назначения на пост синодального обер-прокурора (1883),[430] о печатном отклике Гилярова на «Биографический очерк Ф. И. Тютчева» (1886)[431] и др.

В письмах содержится немало других интересных сюжетов, которые, правда, часто даются полунамеками, потому как обмен письмами совершался лишь в крайнем случае при наличии регулярного живого общения. Именно поэтому в сохранившихся письмах упоминается о возникавших конфликтах и недоразумениях и то и дело выясняются отношения между друзьями. Это были как раз те поводы, которые требовали немедленного разрешения, и они писали друг другу, не дожидаясь встречи.

У этих размолвок были свои психологические причины, и прежде всего — нерешительность, склонность к самокопанию и сомнениям, иногда капризность в чем-то женственной натуры Гилярова (в этом он признавался себе сам в мемуарах «Из пережитого») противостояла твердости и максимализму мужественного Аксакова, во взаимоотношениях с друзьями и единомышленниками доходящего подчас до нравственного деспотизма.

Выше цитировалось письмо Аксакова Б. И. Ордынскому от 28 октября 1858 г., в котором Гиляров характеризовался так: «...с эрудицией необыкновенной, но весь нравственно надломанный, болезненный, расколотый, нервный, мнительный, нерешительный <...>»,[432] приводились сходные оценки в письмах С. Т. Аксакова к сыну Ивану, например, от 5 января 1856 г.: «Натура его так болезненна

---

[426] *Бадалян Д. А.*: 1) Н. П. Гиляров-Платонов и И. С. Аксаков в 1880-е годы: К истории взаимоотношений двух журналистов // *Возвращение*. С. 119—129; «Мы с вами — последние могикане...»: (Н. П. Гиляров-Платонов, И. С. Аксаков и проект новой общероссийской газеты в письмах и документах 1884 г.) // *Гиляров: ИМБР*. С. 614—635.

[427] *Дмитриев А. П.* Н. П. Гиляров-Платонов — цензор и автор газеты «День» // *«День» Аксакова*. Ч. 1. С. 52—80.

[428] *Дмитриев А. П.* Жизнь есть подвиг или наслаждение?: Православная социология и «русская идея» в оценке «либерального консерватора»: Н. П. Гиляров-Платонов versus И.-К. Блюнчли // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2007. Т. 8, вып. 1. С. 104—116.

[429] См.: *Гиляров: ИМБР*. С. 698—703.

[430] См.: *Разумевающие верой*. С. 216—221.

[431] См.: *Гиляров: ИМБР*. С. 685—697.

[432] *«Русская Беседа»*. С. 379.

и телесно и духовно, что я даже не знаю, способен ли он на что-нибудь».[433] Совершенной противоположностью был Аксаков, который, по сообщению Романова-Рцы (в его книге «Листопад», 1891), даже «говорил густым basso profundo».[434] Хорошую иллюстрацию этого психологического противоположения представляет письмо И. Аксакова к Гилярову по поводу Кирилло-Мефодиевских торжеств 1885 г. (оно опубликовано в томе писем И. Аксакова, изданном Публичной библиотекой в 1896 г., правда, с неверной датировкой — «1885 г. (Май?)», а также с неточностями и даже изменениями текста[435]).

Гиляров в передовой статье № 52 «Современных Известий» от 23 февраля высказался за возрождение Московского славянского общества, не без иронии упомянув, что оно провинилось «лишь своим патриотизмом»: «Но патриотизм не такое же преступление, за которое даже прощения не полагается».[436] Аксаков в тот же день пишет Гилярову, будто начальник подчиненному, по пунктам жестко предписывая, как надо действовать: «Статья Ваша очень хороша, но нужно бы что-нибудь забористее, побольше бы задеть самолюбие московское городское. — Должен непременно устроиться какой-нибудь Комитет для празднования. Ну хоть бы по инициативе Общ<ест>ва Пения.[437] Этот Комитет должен тотчас объявить в газетах: “Приглашаются-де бывшие члены Слав<янского> общ<ест>ва на совещание туда-то”. Как соберутся, так и предложить: “Подать прошение о восстановлении Московск<ого> Славянск<ого> общ<ест>ва г<осподину> М<инист>ру Вн<утренних> Дел” — с присоединением, пожалуй, титула: “Кирилло-Мефодиевского”. Тем лучше, что моего участия и имени не будет. В члены комитета выберите Л. Майкова. Он меня терпеть не может (из зависти), и тем охотнее будет действовать, что меня тут не будет и вся честь — ему. Да и Долгоруков меньше будет артачиться: Майков ему свой. А восстановление Общ<ест>ва будет иметь значение бомбы в чужих краях».[438] О Майкове, в тот период помощнике директора Императорской Публичной библиотеки, конечно, не могли напечатать слова «терпеть не может (из зависти)» и заменили фразой «не особенно долюбливает».[439] Порой И. Аксаков просто разражался ругательствами, если Гиляров поступал не так, как, по мнению Аксакова, было необходимо. Например, в вышеприведенной записке конца 1861 г. Гилярову адресовались следующие слова: «Чорт Вас возьми совсем, скоты вы все и более ничего! <...> Вы отвратительны просто».[440]

---

[433] РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 3. Ед. хр. 2. Л. 24 об.

[434] *Рцы* (*Романов И. Ф.*). Собр. соч.: В 2 т. / Изд. подгот. А. Дмитриев и Д. Федоров. СПб.: Росток, 2016. Т. I: Нагота рая. С. 112.

[435] *Аксаков в письмах*. Т. III. С. 447.

[436] *Вопросы веры и церкви*. Т. II. С. 478.

[437] Имеется в виду учрежденное в Москве 6 декабря 1880 г. Общество любителей церковного пения.

[438] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 580. Л. 8.

[439] *Аксаков в письмах*. Т. III. С. 447.

[440] ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 13. Л. 39. См. эту записку целиком в главе 1.6, на с. 81.

Гиляров, философ по своей натуре, накопившееся уже за первые годы знакомства разочарование такой бесцеремонностью друга обобщил в непубликовавшемся письме, написанном в связи со спорами о программе газеты «Парус» и проекте объявления о ней в октябре 1858 г. Приведем большую выдержку из этого письма (оно пострадало от огня, его поля обгорели, конец отсутствует): «Вы говорите, что в положении моем относительно пропуска Вашего объявления не может быть вопроса о честности. Почему? Потому ли, что это Ваше объявление и что Вы его составили так, а не иначе? <...>. Итак, что я делаю, когда я подписываю такое объявление? Не правда ли, я лгу, обманываю, назовите, как хотите, — но, во всяком случае, я действую против совести. Или, скажу опять, когда дело коснется до угод<н>ого Вам, это ничего! <...> Оставляю в стороне Ваши замечания о том, что <...> *Вы* мной *недовольны*. <...> я <...> не раз заявлял Вам свое мнение об этом тоне, — как сказать? указов или грамот, которыми Вы объявляете свои благоволения. <...> Я прибавлю к сказанному только одно. Свобода и рабство выражаются разным образом. Кто громко восклицает о свободе, и в то же время не умеряет собственной личности насупротив других, тот не жрец свободы, а деспот. Свобода состоит в уменье уважать других столько же, сколько в собственном самоуважении. Одно на другом основывается. Необузданность собственных личных стремлений, к чему бы они ни относились, есть такое же рабство, как и рабство пред чужою волею, и тем опаснее, что тут очень легок путь к самообольщению».[441] Упрек в эгоизме, психологическом насилии над окружающими был справедлив, и, думается, Аксаков нуждался в таком беспристрастном воспитательном воздействии со стороны друга.

Таким образом, взаимоотношения Гилярова и Аксакова складывались непросто, однако всегда оказывались плодотворными. Думается, известные психологические расхождения этому только способствовали. Они вели себя как люди родные, из одной семьи, когда внезапно вспыхнувшая ссора вела не к углубляющемуся со временем ожесточению, а к скорому примирению. Аксаков, пусть и не сознавая того, нуждался в урезонивании со стороны Гилярова, в его умных советах, а тот, часто несобранный, сомневающийся, — в руководстве энергичного и властного Аксакова.

3.6. И. С. АКСАКОВ В ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ И МЕМУАРНОЙ ПРОЗЕ Н. П. ГИЛЯРОВА-ПЛАТОНОВА (1877, 1886)

Хотя славянофилы и придавали литературной критике немалое значение, они, как известно, занимались ею эпизодически. Тем не менее оставили своего рода шедевры этого жанра — весьма выдающиеся даже на фоне более известных и в свое время, и сегодня сочинений Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Писарева. Стоит только вспомнить такие статьи, как «Нечто о характе-

[441] ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 1—2 об.

ре поэзии Пушкина» (1831) И. В. Киреевского, «О мнениях “Современника” исторических и литературных» (1847) Ю. Ф. Самарина, «Обозрение современной литературы» (1857) К. С. Аксакова. Во многом благодаря этому стали возможны высшие достижения собственно национальной русской критики, представленной именами Ап. А. Григорьева, Н. Н. Страхова, Ю. Н. Говорухи-Отрока, В. В. Розанова.

В ряду лучших памятников славянофильской эстетической мысли стоит и обширная рецензия Гилярова на «Семейную хронику» и «Воспоминания» С. Т. Аксакова, которой в 1856 г. открывался критический отдел первой книжки журнала «Русская Беседа». Это был одобренный московским кружком литературный манифест всего идейного течения.[442] В дальнейшем Гиляров — и в этом, первом периодическом, органе славянофилов, и затем в своей ежедневной газете «Современные Известия», которую издавал в Москве в 1867—1887 гг., — не прекращал литературно-критической деятельности, изредка посвящая передовые статьи творчеству Пушкина и Л. Толстого, Достоевского и Тургенева, Герцена, К. Леонтьева, Вл. Соловьева и др. При этом он был знаменит тем, что чуждался так называемого «культурного лицемерия» и даже о недавно умерших писателях говорил зачастую до такой степени нелицеприятно, что его оценки и характеристики порождали подчас оживленную газетную полемику.

Поэтому, когда по кончине И. Аксакова его вдова Анна Федоровна переиздала книгу мужа о своем отце, Ф. И. Тютчеве,[443] и попросила Гилярова откликнуться на нее в «Современных Известиях», можно было не сомневаться, что его рецензия, несмотря на теплые отношения, связывавшие его с семейством почившего писателя, будет написана со знанием дела и вполне беспристрастно. Вот почему тем более показательно, что свой отзыв Гиляров начинает эпитетами в превосходной степени: «Историко-критическое исследование о Тютчеве, скромно и даже не совсем соответственно названное “Биографиею”, безусловно, есть лучшее из всех произведений покойного публициста, глубокое и блестящее».[444] А далее оно прямо ставится на пьедестал: «...“Биография Тютчева” есть не только лучшее произведение Аксакова, но, без преувеличения сказать, лучший критический труд по истории русской литературы вообще. Мы, по крайней мере, не знаем монографии ни об одном из наших писателей, которая по глубине, тонкости и обстоятельности разбора равнялась бы с произведением Аксакова о Тютчеве».[445]

Как известно, оно впервые увидело свет под названием «Федор Иванович Тютчев (Биографический очерк)», причем заняло всю октябрьскую книжку

---

[442] См. об этом подробнее в главе 1.4, на с. 55—56.

[443] *Аксаков И. С.* Биография Федора Ивановича Тютчева. М.: Тип. М. Г. Волчанинова, 1886. 327 с.

[444] *<Гиляров-Платонов Н. П.>*. <Рец. на кн.:> Биография Федора Ивановича Тютчева. Сочинение И. С. Аксакова. Москва, 1886 г. // *СИ*. 1886. 30 окт. № 299. С. 1.

[445] Там же.

журнала «Русский Архив» за 1874 г., было издано и отдельно.[446] Но тогда книга подверглась цензурному запрещению.[447] Гиляров не сразу ее прочел, хотя и получил экземпляр в дар. Еще до публикации очерка Аксаков 20 января 1874 г. в Обществе любителей российской словесности конспективно изложил суть своих представлений о месте Тютчева в отечественной культуре и — шире — о русской поэзии вообще. Сожалея, что Гиляров не присутствовал на этом заседании, Аксаков в письме к нему от 3 февраля того же года сообщал: «Я излагал тут целый трактат о судьбе русской поэзии, или русского стихотворчества, и гадал о его будущем <...>. Я думаю, что поэзия в стихотворной форме (заметьте притом: чужой и заемной) у нас — момент отжитой. Поэзия пушкинского периода носит на себе *исторический признак* — именно признак исторической *необходимости*, — искренности, не только личной, авторской, но и исторической. Она запечатлена *свежестью* формы, на самой форме слышна *победа* над материалом искусства (словом), — чувствуется радость художнического обладания. — Она была "священнодействием"; отношение к искусству походило на *веру* в искусство. Во всех искусствах были такие моменты, и они не повторяются. <...> преимущество прелести, свежести, искренности всегда останется за ними. Эта историческая печать свежести не сотрется».[448] Затем, по Аксакову, начинается упадок поэзии: «От отрицательного до тенденциозного направления (где поэзия обращается в средство, отодвигается на задний план) — один только шаг. У нас он был пройден».[449] Тут под «отрицательным» направлением подразумевается поэзия Лермонтова, а под «тенденциозным» — Некрасова и его школы. И далее Аксаков, так сказать, «весьма по-славянофильски» предвещает: «Очень может быть, для нашей поэзии настанет период возрождения, новый период искренности, в новой, более *оригинальной*, более *народной* форме».[450]

И, наконец, приведем из этого же письма суждение Аксакова о современном ему (в 1870-е гг.) состоянии поэзии — суждение, которое его вдова в свое время не решилась предать гласности в полном объеме из-за известной смелости слововыражения. Потому и публикуем его по автографу: «Стихотворная форма, в наше время, — это проститутка, публичная женщина, которую только ленивый не употребляет»,[451] — писал Аксаков Гилярову. И еще: «...стихи новейшие как-то не нужны».[452] В книге эта мысль будет облечена в облагороженную фор-

[446] *Аксаков И. С.* Федор Иванович Тютчев: (Биогр. очерк). М.: Тип. В. Готье, 1874. 406 стб.

[447] См. об этом: *Бадалян Д. А.* Книга И. С. Аксакова «Биография Федора Ивановича Тютчева» и цензура (по материалам Главного управления по делам печати) // Аксаковские чтения: Материалы XI Всерос. науч. конф. (Уфа, 2 октября 2009 г.) / Ред. В. В. Борисова и др. Уфа, 2009. С. 69—74.

[448] *Аксаков в письмах*. Т. III. С. 429, 430.

[449] Там же. С. 430.

[450] Там же.

[451] ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 13. Л. 13 об.

[452] *Аксаков в письмах*. Т. III. С. 430.

мулировку: «На стихотворениях нашего времени уже не лежит, кажется нам, печати этой *исторической необходимости* и искренности, потому что самая историческая миссия стихотворства, как мы думаем, завершилась. Они могут быть, они и действительно более или менее талантливы, но или звучат как отголоски знакомого прошлого, уже лишенные прежнего обаяния, или же преисполнены внешних, чуждых искусству, тенденций».[453]

Эти и другие положения, подробно развитые уже в самой аксаковской книге, оказываются и в центре внимания Гилярова в его рецензии 1886 г. Ознакомился же он с книгой друга летом 1875 г., когда откликнуться на нее в печати из-за ее цензурного запрещения не представлялось возможным. В письме от 15 января 1876 г. Гиляров сообщал Аксакову: «Книгу Вашу о Тютчеве я удосужился прочитать только летом».[454]. Загруженный поденной работой по редактированию газеты, он и взял в руки это исследование, по-видимому, чтоб составить собственное мнение о нем в связи с пересудами недоброжелателей из окололитературных кругов: «Вы говорите об успехе в Общ<естве> люб<ителей> словесности. Я слышал другое: что “слишком длинно”, что Аксаков “расписывает Тютчева, потому что он его тесть”. <...> Когда я прочитал книгу, я увидел, что отзыв совершенно несправедлив; но как угодно, он был произнесен».[455]

Но, отведя обвинения завистников, Гиляров с огорчением пишет о некоем «смешении жанров» как о существенном, на его взгляд, недостатке аксаковского труда: «...я пожалел глубоко, что столько художественного чутья и тонкого разбора, можно сказать, убито в книге. Неизмеримо более силы и практического плода имели бы все Ваши замечания, если бы они явились вне биографии Тютчева: одно другим заслонено, и то и другое пропало».[456] Гиляров сетует, что не мог оценить книгу до ее выхода в свет (этот фрагмент письма приведем по автографу, поскольку он опубликован с погрешностями): «Жаль, что я не был тогда на заседании Общества, когда происходило чтение. Это бы мне в свое время дало возможность сказать что-нибудь о Вашей книге. Вольно Вам было не познакомить с нею раньше! Читали же ее Самариным во время писания; это хорошо, но и другим сообщить не мешало, вроде меня, например, особенно».[457]

Первоначальное впечатление Гилярова от книги Аксакова было, таким образом, не вполне благоприятно. Согласно логике его замечаний, следовало бы разделить книгу на два независимых исследования: *историко-теоретическое* о судьбе русской поэзии на широком фоне мировой культуры (у Аксакова, например, Лермонтов довольно убедительно типологически соотнесен с Гейне) и *собственно биографическое*.

---

[453] *Аксаков И. С.* Биография Федора Ивановича Тютчева. М., 1886. С. 82.

[454] Материалы для биографии Н. П. Гилярова-Платонова / Сообщ. кн. Н. В. Шаховской // *РО*. 1896. Т. 42, дек. С. 1005.

[455] Там же.

[456] Там же.

[457] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 359. Л. 16—16 об.

Однако этот упрек можно переадресовать самому Гилярову, стоит вернуться к его уже упоминавшейся рецензии на произведения С. Т. Аксакова: там они анализируются подобным же образом — их детальный разбор предваряется обстоятельным обозрением русской литературы «под теоретическим углом зрения», и при этом «главными принципами» выступают: «приоритет нравственного начала, утверждение положительных основ жизни, пафос народности искусства».[458] Более того — заметно, что Аксаков, может и безотчетно, отталкивался от концепции Гилярова, впрочем кардинально ее корректируя: если у последнего к отрицательному направлению причисляется не только Лермонтов, но и Пушкин, поскольку он, по мнению критика, «не покорял в своем поэтическом представлении жизнь ее высшей нравственной, тем менее — религиозной истине»,[459] а далее, начиная с Гоголя, усматривается прорыв к воплощению в литературе положительных начал жизни, за дальнейшее развитие которого и ратует Гиляров, — то у Аксакова Пушкинский период в литературе, к которому относится и творчество Тютчева, осмысляется, так сказать, «с точностью до наоборот» — как время, когда поэзия носила характер «бескорыстной, самой для себя, свободной, личной, не обращенной в средство для достижения посторонней цели, — поэзии, не знающей тенденций»,[460] и только с Лермонтова, наследие которого отличается «отрицательным характером содержания»,[461] начинается падение искусства как такового и превращение его в «средство», — падение, достигшее своей низшей точки в явлении «тенденциозной поэзии» 1860—1870-х гг. Впрочем, указанное различие между концепциями Гилярова и Аксакова во многом сглаживается тем, что первый ставит во главу угла религиозно-нравственный критерий, а второй — эстетический.

В книге Аксакова Гиляров особенно отмечает несколько аспектов, заметно выделяющих ее из современной ей литературной критики.

Во-первых, считая достоинством, казалось бы, вовсе излишнюю для литературоведческих исследований художественную форму и образность его стиля, Гиляров пишет об Аксакове: «В своем критическом отчете приводя отрывки из разбираемого поэта, он сопровождает их объяснениями, дышащими такою художественностью, что недоумеваешь иногда, прекраснее ли стихотворная поэзия Тютчева или поэтическая проза Аксакова?»[462] В качестве примера Гиляров приводит его комментарий к «Весенней грозе»: «Так и видится молодая, смеющаяся вверху Геба, а кругом влажный блеск, веселье природы и вся эта майская *грозовая потеха*».[463]

---

[458] *Егоров Б. Ф.* Н. П. Гиляров-Платонов как эстетик и литературный критик // *Гиляров: ИМБР*. С. 40.

[459] *Сб. соч*. Т. I. С. 88.

[460] *Аксаков И. С.* Биография Федора Ивановича Тютчева. М., 1886. С. 80.

[461] Там же. С. 81.

[462] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. <Рец. на кн.:> Биография Федора Ивановича Тютчева. Сочинение И. С. Аксакова. Москва, 1886 г. С. 1.

[463] Там же.

Во-вторых, Гиляров делает акцент на таком достижении Аксакова, как многоступенчатость его анализа (произведение — автор — общество — народ — время), обеспечивающая содержательную всеохватность исследования: «Он рассматривает произведения в связи с внутреннею и внешнею историею личности автора и в связи с характером общества, среди которого он жил и действовал, в связи с характером народа, на котором висело это общество, и с характером исторического периода, который оно проживало».[464]

В-третьих, Гиляров отмечает мастерство идейного анализа при разборе политических и исторических воззрений Тютчева, заставляющее вспомнить лучшие передовые статьи самого Аксакова в его изданиях («День», «Москва», «Русь»), а также рассуждает о «тонкости» психологического анализа «с его художественно меткими определениями»[465] и о «критической чуткости Аксакова, обнаруженной в разборе отдельных стихотворений, отдельных картин, даже эпитетов».[466]

Наконец, приводя обширные цитаты из той части книги, где Аксаков характеризует «состояние общества, современное Тютчеву», Гиляров пишет: «...достойно замечания, между прочим, объективное отношение критика к направлению, которого в последние годы он сам служил главным представителем».[467] И цитирует слова Аксакова о славянофильстве, которое, по словам последнего, есть не «учение, воспринимаемое в полном объеме послушными адептами, а направление, освобождающее русскую мысль из духовного рабства перед Западом и призывающее русскую народность стать на степень самостоятельного просветительного органа в человечестве <...>».[468]

Особенно же поразительным считает Гиляров необычайное беспристрастие Аксакова, звучащее в следующих его словах: «Самое прозвище “славянофильство” может быть покинуто и забыто <...>. Но тем не менее раз возбужденное народное самосознание уже не может ни исчезнуть, ни прервать начатой работы и оправдает, конечно, со временем многие высказанные славянофильством положения, кажущиеся теперь мечтательными».[469] Гиляров констатирует: «Замечательна скромность этого отзыва тем именно, что сам Иван Сергеевич как публицист оставался свято верен всем формулам, которые высказаны были родоначальниками славянофильства (К. С. Аксаковым между прочим). Но здесь, как критик целого периода литературы, он поднимается беспристрастием выше собственных личных мнений».[470]

---

[464] Там же.

[465] Там же.

[466] Там же. С. 2.

[467] Там же.

[468] *Аксаков И. С.* Биография Федора Ивановича Тютчева. М., 1886. С. 62.

[469] Там же. С. 62, 63.

[470] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. <Рец. на кн.:> Биография Федора Ивановича Тютчева. Сочинение И. С. Аксакова. Москва, 1886 г. С. 2.

Кроме того, Гиляров говорит и о не проясненных Аксаковым (а может, и в принципе неразрешимых) проблемах, связанных с творчеством Тютчева: «Как объяснить этот недостаток популярности при несомненном общественном значении? Эту несоразмерность внешнего объема литературной деятельности с обнаруженной автором силой дарований?.. Но и здесь еще не конец недоумениям, нередко возбуждаемым именем Тютчева. Ко всем единодушным отзывам нашей периодической печати об его уме и таланте, раздавшимся вслед за его кончиной вместе с выражениями искренней скорби, мы позволим себе прибавить еще и свой: Тютчев был не только самобытный, глубокий мыслитель, не только своеобразный, истинный художник-поэт, но и один из малого числа носителей, даже двигателей нашего русского, народного самосознания».[471]

Заканчивая рецензию, Гиляров признает: «Указание всех достоинств этой книги не может уместиться в пределах газетной статьи».[472]

Таким образом, Гиляров на примере исследования И. Аксакова о Тютчеве (к которому вполне можно применить известное выражение Фета — «томов премногих тяжелей») первый по достоинству оценил его выдающийся вклад в русскую литературную критику и литературоведение.

* * *

Как известно, помимо биографического очерка о Тютчеве, а также «Сборника стихотворений» мужа, А. Ф. Аксакова сразу после кончины мужа приступила к изданию его публицистического наследия — главным образом передовых статей из трех его газет: «День», «Москва» («Москвич») и «Русь», а также его речей в разных публичных собраниях. Первым двум томам, получившим названия соответственно «Славянский вопрос» и «Славянофильство и западничество», предпосланы неподписанные предисловия. До самого последнего времени было неизвестно, кто их автор. В 2015 г. переиздавая в составе 12-томного собрания сочинений И. Аксакова первый том (в двух книгах), мы републиковали и Предисловие к нему, обозначив его предположительными авторами О. Ф. Миллера и С. Ф. Шарапова.[473] Мы в этом случае доверились мнению авторитетнейшего аксаковеда Н. И. Цимбаева, писавшего, что «основная работа легла на плечи Ор. Ф. Миллера и С. Ф. Шарапова, публицистов, наиболее близких к Аксакову в последние годы его жизни. Именно они приводили в порядок архив Аксакова после его смерти и ликвидировали дела газеты “Русь”»;[474] также (вслед за

---

[471] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. <Рец. на кн.:> Биография Федора Ивановича Тютчева... С. 2.

[472] Там же.

[473] См.: <*Миллер О. Ф., Шарапов С. Ф.*?>. Предисловие (1886) // *Аксаков И. С.* Собр. соч.: В 12 т. Т. 1: Славянский вопрос. Кн. 1 / ИРЛИ РАН; Изд. подгот.: А. П. Дмитриев и Д. А. Федоров. СПб.: Росток, 2015. С. 13—14.

[474] *Цимбаев Н. И.* И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М.: Изд-во МГУ, 1978. С. 9.

Т. Ф. Пирожковой[475]) мы упомянули, что «активное участие в подготовке томов принимали А. Д. Давыдович и М. А. Стахович, взявшие на себя основную черновую работу».[476] Впрочем, об авторстве предисловий Цимбаев ничего не говорил.

Уже после выхода в свет 1-й книги тома член Редколлегии, петербургский аксаковед Д. А. Бадалян засомневался как в предположенной атрибуции Предисловия, так и в целом — в том, что Миллер и Шарапов готовили Собрание сочинений И. Аксакова, и провел небольшое исследование, опубликованное нами в конце 2-й книги 1-го тома.[477] Выяснилось, что в разных исследованиях царит разнобой: помощниками А. Ф. Аксаковой в подготовке издания назывались А. Д. Давидович и М. А. Стахович (Т. Ф. Пирожкова, 1988), Вл. С. Соловьев (А. А. Носов, 1991), «вероятно»: О. Ф. Миллер и С. Ф. Шарапов (В. Н. Греков и Н. А. Смирнова, 2002). Затем Бадалян приводит целый ряд эпистолярных, дневниковых и мемуарных данных, в том числе архивных, надежно свидетельствующих о том, что Шарапов не мог участвовать в подготовке издания, а Миллер если и помогал вдове, то незначительно, эпизодически. Окончательный вывод исследователя таков: «...единственным составителем Сочинений мы можем считать только А. Ф. Аксакову, а ее помощниками в этом деле — секретаря редакции “Руси” в 1883—1886 гг. А. Д. Давидовича и М. А. Стаховича, будущего политика, члена Первой Государственной думы и Государственного совета». А тот факт, что в 7-м томе было помещено Предисловие, подписанное Вл. Соловьевым, позволил Бадаляну «сделать вывод: если бы автором Предисловия к первому (а также и ко второму) тому был кто-то другой, А. Ф. Аксакова, так же как и в седьмом томе, указала бы его имя, а раз это не было сделано — Предисловие написано именно ею».[478]

Помещая статью Бадаляна, мы первоначально снабдили ее примечанием, в котором соглашались, что приведенные доводы вполне позволяют предположительно атрибутировать Предисловие к первому тому Собрания сочинений Аксакова 1886 г. его вдове Анне Федоровне и вместе с тем — поправляют оплошность, допущенную при републикации этого Предисловия. Вместе с тем, мы указали на небезусловность главного, хотя, казалось бы, и довольно сильного, аргумента — отсутствия подписи под Предисловием в первом томе, поскольку оно, по мнению исследователя, написано составительницей, и наличия подписи Вл. С. Соловьева в Предисловии к седьмому тому.

Дело в том, что существует, так сказать, амбивалентный аргумент, хотя опять-таки косвенный. Это публичное заявление самой Анны Федоровны, на-

---

[475] *Пирожкова Т. Ф.* Примечания // *Аксаков И. С.* Письма к родным, 1844—1849. М.: Наука, 1988. С. 554. (Лит. памятники).

[476] *Аксаков И. С.* Собр. соч.: В 12 т. Т. 1, кн. 1. С. 8.

[477] *Бадалян Д. А.* О составителе посмертного Собрания сочинений И. С. Аксакова и Предисловия к его первому тому // *Аксаков И. С.* Собр. соч.: В 12 т. Т. 1: Славянский вопрос. Кн. 2. СПб., 2015. С. 669—672.

[478] Там же. С. 672.

печатанное в газете «Новое Время» еще во время подготовки Собрания сочинений. Оно начинается так: «Друзья и почитатели Ивана Сергеевича Аксакова просят меня, чтобы независимо от воспроизведения сочинений, уже видевших свет, была обнародована и его обширная *переписка*. Находя это и с своей стороны полезным, намереваюсь приступить к этому делу вслед за окончанием продолжающегося теперь полного издания сочинений».[479] Анна Федоровна этим заявлением предупреждала появление в печати писем Аксакова, не согласованное с нею (прежде всего со стороны С. Ф. Шарапова, претендовавшего на роль «продолжателя дела Аксакова»), хотя и, тем самым, поступала наперекор существовавшей практике: рукописи покойного принадлежат наследникам, но его письма — собственность адресатов. (Это ее решение как необычайное своеволие осудил Н. С. Лесков в заметке «Небывалая строгость», опубликованной в № 332 «Петербургской Газеты» от 3 декабря 1886 г.) Однако, помимо того что А. Ф. Аксакова упоминала о своей работе по подготовке Собрания сочинений, существенен тот факт, что не она автор текста заявления, под которым подписалась, — его составил как раз Гиляров: он включен в состав его письма к князю Н. В. Шаховскому от 8 ноября <1886 г.>, который и взялся согласовать его с Анной Федоровной.[480] Отсюда, отмечали мы, она вполне могла попросить кого-либо из друзей или учеников мужа написать и краткое Предисловие к первому тому. Завершая примечание, мы от лица Редколлегии выразили надежду, что «будущие архивные находки могут преподнести нам еще не один сюрприз».

И эти сюрпризы не замедлили. Когда уже был готов макет 2-го полутома, в Рукописном отделе Пушкинского Дома удалось обнаружить исключительно важные для нашей темы документы. Книга была задержана печатанием. И вот что нам удалось выяснить.

В архиве Гилярова (фонд 71), пока еще не прошедшем полной систематизации, научно не описанном, а разобранном лишь предварительно, нашлись шесть небольших листочков (10,5 × 13,5 см), на которых рукой Гилярова карандашом был написан полный текст Предисловия к первому тому (небольшая стилистическая правка дополнительно позволяет атрибутировать текст именно ему). Буквально точно это Предисловие было воспроизведено в Собрании сочинений. Исключение составляет подстрочное примечание, в рукописи Гилярова начинавшееся так: «Книжка стихотворений, на днях изданная для подписчиков “Руси” в вознаграждение за недополученные №№ газеты, не относится к настоящему изданию». В вышедшем томе эта фраза была слегка изменена: «Книжка стихотворений, напечатанная для подписчиков “Руси” в вознаграждение за недополученные №№ газеты и на днях вышедшая вторым изданием, не относится к настоящему изданию».[481] 2-е издание «Сборника стихотворений» Аксакова увидело свет не ранее 9 апреля 1886 г., но уже 2 апреля оно печаталось одновре-

[479] *Аксакова Анна.* Письмо в Редакцию // *НВр.* 1886. 1 дек. № 3865. С. 3.

[480] См.: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 503. Л. 8—9 об.

[481] *Аксаков И. С.* Собр. соч.: В 12 т. Т. 1, кн. 1. С. 13.

менно с томом «Славянский вопрос» (см. об этом письмо А. Ф. Аксаковой к деверю Г. С. Аксакову от 2 апреля 1886 г.[482]) — это позволяет датировать Предисловие серединой — второй половиной апреля.

Косвенно подтверждает такую датировку «Оговорка» на с. III 1-го тома 1886 г., объявлявшая, что одна из статей, по ошибке включенная в том, «принадлежит Н. П. Гилярову-Платонову, как бывшему сотруднику “Москвы”».[483] То есть Анна Федоровна, отпечатав основной корпус тома, препроводила его Гилярову, согласившемуся написать Предисловие. Пробегая том приятеля, он и обнаружил свою статью о значении русского языка как средства межславянского общения, напечатанную в свое время в качестве передовицы,[484] и сообщил об этом А. Ф. Аксаковой. Отношение же Гилярова к подписи под его напечатанными сочинениями, как упоминалось выше, было всегда особое и в чем-то сродни взгляду на этот вопрос древнерусского книжника: истина должна самоочевидно свидетельствовать о своей непреложности — без опоры на авторитет автора и без потакания его честолюбию. Поэтому он обыкновенно либо вовсе не подписывал свои произведения, либо ограничивался инициалами и псевдонимами.

В небольшом Предисловии к тому «Славянский вопрос» Гиляров делает три основных акцента: во-первых, на неутраченной свежести публикуемых статей и речей, актуализованной новой фазой волнений на Балканах в 1885 г., во-вторых, на непреходящем значении принципиальных славянофильских воззрений по Восточному вопросу, которые, однако, мало усвоены русским общественным сознанием, в-третьих — на личной роли И. Аксакова как незаурядного деятеля славянского движения. Гиляров пишет в свойственной ему афористичной манере, с точными, нередко неожиданными эпитетами, о «современном интересе к восточным делам, оживившемся после сухой Филиппопольской революции и последовавших за нею событий, не улегшихся вполне и до сих пор»,[485] имея в виду народное восстание, произошедшее в сентября 1885 г. в Филиппополе (ныне Пловдив), в ходе которого было провозглашено объединение Восточной Румелии с Болгарией, и Сербско-болгарскую войну в ноябре того же года; а в 1886 г. — союзническое соглашение между Турцией и Болгарией в январе и отречение от престола болгарского князя Александра Баттенберга в августе. Статьи Аксакова «о славянском значении России и налагаемой отсюда на нее обязанности» даже 25-летней давности, по мнению Гилярова свежи, и «ни одна строка по восточным делам не только не потеряла своей современности, но многие, даже из самых первых, как будто писаны вчера».[486]

---

[482] Там же. Кн. 2. С. 675.
[483] Там же. Кн. 1. С. 6.
[484] Москва. 1867. 2 авг. № 97. Стб. 6—9.
[485] *Аксаков И. С.* Собр. соч.: В 12 т. Т. 1, кн. 1. С. 13.
[486] Там же.

Гиляров считает необходимым подчеркнуть роль Аксакова как поборника и выразителя национального самосознания и продолжателя дела старших славянофилов. Он пишет: «Но важнее меткости тех или других частных замечаний общая идея, связывающая все статьи и речи: освежение ее в современном сознании тем важнее, чем одностороннее судят еще о славянофильстве многие», выделяя, между прочим, «общие суждения о связи между народностями и верою, о действии, оказываемом на молодые балканские народы соблазном внешней цивилизации, о неразрывной зависимости, в которую поставлена историческая жизнь славянских народов от России и обратно» и подчеркивая: «все это не настолько еще вошло в кругооборот общественного сознания, чтобы утратить свою свежесть».[487] Особо выделяется Гиляровым сплав слова и дела в жизненном кредо Аксакова: «Характер деятеля, впрочем, проходит по всему периоду. “День” уже застает Аксакова секретарем того Комитета, которого он был потом столь славным председателем; сколько нам известно, самое учреждение Славянского комитета состоялось не без прямых внушений Ивана Сергеевича, с которыми он обращался к своим старшим друзьям после впечатлений и наблюдений, вынесенных им из путешествия по славянским землям в 1859 году».[488] Последнюю цитату приводим по первопубликации Предисловия Гилярова, чтоб указать на нечаянные фактические ошибки автора, которые едва ли допустили бы специалисты-славяноведы вроде О. Ф. Миллера, но которых не избежал Гиляров, выступающий здесь как вдохновенный оратор, а потому позволяя себе делать ошибки памяти. Так, путешествие Аксакова по славянским землям он датирует 1859 годом, а не 1860-м; учреждение Славянского благотворительного комитета относит ко времени после возвращения Аксакова в Москву, а не к 1858 г., а его речи на Славянском съезде 1867 г. фактически объявляет неопубликованными, отметив, что они «могут увидеть свет только после полного разбора бумаг, оставшихся от издателя “Руси”», хотя они были в свое время напечатаны неоднократно[489], и Гиляров просто забыл об этом.

Предисловие ко второму тому («Славянофильство и западничество») еще более интересно. Композиционно оно делится на три части: в первой дается краткий тематический обзор материалов, составивших том, во второй определяется специфический вклад И. Аксакова в развитие славянофильского учения и, наконец, в третьей он характеризуется как писатель, художник слова. Гиляров отмечает, что в томе помещены статьи, в которых «по преимуществу раскрывались самые основы славянофильского учения о русской народности, о русской самобытности, о развитии народного самосознания, об отношениях России к западноевропейскому миру, о различии начал и задач русской и западноевро-

---

[487] *Аксаков И. С.* Собр. соч.: В 12 т. Т. 1, кн. 1. С. 13.

[488] *Аксаков*. Т. I. С. VI—VII.

[489] См., помимо газет, сборники: Всероссийская этнографическая выставка и Славянский съезд в Москве 1867 года. М., 1867. С. 251—252, 340—342; *Русский славянин*. Первый Всеславянский съезд в России, его причины и значение. М., 1867. С. 63, 110—112.

пейской жизни, о различии древнерусского допетровского и нового послепетровского строя и развития русской жизни, о жалких последствиях отступления от народных начал, искажениях народности, подделке под народность и т. под.»,[490] добавляя, что И. Аксаков находил разъяснение этих проблем «в высшей степени необходимым для развития общественного самосознания».[491]

Назвав имена основных представителей московского кружка, чье учение разрабатывал и популяризировал, по словам Гилярова, «горячий пропагатор»[492] И. Аксаков, автор Предисловия, скептически относившийся к идеям панславизма, не случайно называет старших славянофилов «незабвенными деятелями самобытной русской жизни»,[493] без упоминания их славянских симпатий. И описывает методологию публицистической деятельности И. Аксакова как разнонаправленный, но, по сути, двуединый подход к осмысляемым явлениям — от общего к частному («Но поистине никто более И. С. Аксакова не сделал для развития основ славянофильского учения и распространения их в общественном сознании, для применения их к самым разнообразным сферам и вопросам общественной и политической жизни»[494]) и обратно — от частного и преходящего к «корням» («По поводу каждого сколько-нибудь значительного общественного события, по поводу каждого частного вопроса он, не ограничиваясь ближайшими частными разъяснениями общественных явлений, старался приводить читателей к самым корням — самым основам народного самосознания, на которых он сам неуклонно держался»[495]). Поэтому, по мнению Гилярова, «в полном собрании и отдельном издании публицистические статьи И. С. Аксакова получают особенный характер, какой едва ли могли бы иметь собранные вместе статьи какого-нибудь другого публициста».[496] Говорит Гиляров и о педагогическом значении публицистики И. Аксакова для национального сознания, прогнозируя в этом смысле их непреходящее значение: поскольку раскрываемое им «учение в высшей степени самобытное и народно-русское», эти статьи «не только могли иметь значение для современных ему читателей, но, может быть, еще более будут иметь для поколений позднейших, воспитывая их в духе самобытного, народного русского воззрения».[497]

Собственно литературная деятельность И. Аксакова характеризуется в этом Предисловии с двух сторон. Он для Гилярова, прежде всего, мастер художественной формы: «Наследник лучших литературных традиций, человек с высоко развитым эстетическим вкусом и природным, можно сказать, наследственным ли-

[490] *Аксаков*. Т. II. С. III.
[491] Там же.
[492] Там же. С. IV.
[493] Там же. С. III.
[494] Там же. С. IV.
[495] Там же.
[496] Там же.
[497] Там же. С. V.

тературным талантом, строгий чтитель и блюститель достоинства литературной формы, чистоты и изящества языка, И<ван> С<ергеевич> в своих статьях <...> никогда не допускал неряшливости, небрежности, необработанности и тем более чего-либо нравственно-нечистого и недостойного».[498] Но важнее для Гиляров иные свойства деятельности И. Аксакова-писателя, «так отличавшие ее в ряду других произведений публицистической литературы»:[499] он говорит «о постоянно возвышенном духовном настроении, с каким он писал свои статьи, о серьезнейшем, можно сказать — благоговейном отношении к служению *публициста*, непреклонной честности, гражданском мужестве, свободе, искренности, независимости убеждений, горячности и одушевлении, с какими он раскрывал свои задушевные идеи и отстаивал дорогие народные интересы».[500] Поэтому, убежден Гиляров, переизданием публицистического наследия И. Аксакова «выполняется серьезный литературный и общественный долг».[501]

Б. Ф. Егоров, автор наиболее обстоятельной статьи о Гилярове-критике, справедливо отмечал: «В обширном творческом наследии Гилярова литературная критика занимает весьма скромное место. Собственно говоря, *чистой* литературной критикой он занимался только в начале своей журналистской деятельности, в 1850-х гг. А затем отдельные литературно-критические характеристики и оценки перешли в научные исследования гуманитарного плана, в юбилейные журнальные и газетные статьи, в некрологи».[502] И именно последнее — газетные передовицы поминального характера[503] и, крайне редко, речи, полемические статьи и рецензии (их Гиляров писал, как правило, по настоятельным просьбам друзей, которым не мог отказать) и стали основными литературно-критическими жанрами в зрелый период его творческой деятельности — в 1860—1880-е гг. На примере рассмотренных выше, впервые атрибутируемых Гилярову предисловий к двум первым томам посмертного Собрания сочинений И. Аксакова и рецензии на его книгу о Тютчеве хорошо видны черты его литературной критики, в которой он остается публицистом-философом; мастером эпидейктической речи, добивающимся утонченного изящества и художественности в изложении (уже приводилась восторженная оценка И. Аксаковым очерка Гилярова «Откуда нигилизм?» в письме от 26 ноября 1884 г.: «Ваша статейка — это [брю<ссельские>] алансонские тончайшие кружева, и как Вы хотите, чтоб я этой многоценной тончайшей кружевной работе мысли, к которой не знаю человека способнее Вас <...> не дал места?»[504]); его оценки, обычно лапидарные и обоб-

[498] *Аксаков*. Т. II. С. V.

[499] Там же. С. V—VI.

[500] Там же. С. VI.

[501] Там же.

[502] *Егоров Б. Ф.* Н. П. Гиляров-Платонов как эстетик и литературный критик // *Гиляров: ИМБР*. С. 40.

[503] В значительной части собраны князем Н. В. Шаховским: *Сб. соч*. Т. II. С. 437—524.

[504] *Аксаков в письмах*. Т. III. С. 444. Уточнено по автографу: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 13. Л. 30.

щающие, всегда точны и убедительны в системе национально-религиозных традиционалистских ценностей, поскольку их непредвзятость обеспечивается принципиальной установкой на эти последние.

Этими же, в сущности, особенностями отличаются и характеристики писателей и литературных явлений в мемуарной прозе Гилярова. И. Аксакову были посвящены три таких очерка: первый в жанре речи (на первом заседании Славянского благотворительного общества, состоявшегося 2 мая 1877 г., когда правительство запретило наименование «комитет»), а два других — в жанре некролога, или, точнее, поминальной передовой статьи.[505]

В торжественной речи 1877 г., не лишенной интимных, теплых интонаций, Гиляров от имени остальных членов Славянского общества приветствовал «нового» председателя И. Аксакова (он же был и «прежний» председатель Славянского комитета) и говорил о «семье Аксаковых, державшей вместе с Хомяковым, Киреевскими и Погодиным знамя славянского направления», о «великом движении христиан на Балканском полуострове».[506] При этом оратор не преминул деликатно поправить позицию друга, слишком большой упор делавшего на *славянском* единстве, на *славянских* интересах, назвав его «не просто славянистом, но чтителем русской народности, прежде всего оценивающим славянство сквозь призму русских начал, русских чувств, русских интересов»,[507] а в конце речи, продолжая настаивать на этой своей мысли (приоритете русского альтруизма и, одновременно, русских интересов над идеологией панславизма) помянул «всех русских», «чьи благословения провожают теперь родных наших братьев и сынов, кровью запечатлевающих на Дунае и за Кавказом вековое призвание России, современное всенародное чувство Руси».[508] Гиляров, таким образом, переносил акцент на свое собственное неизменное убеждение, — напомним уже приводившиеся нами довольно жесткие и прямолинейные слова из его письма к И. Ф. Романову-Рцы от 3 ноября 1886 г. по поводу принципиальных взглядов старших славянофилов на славянский вопрос: «Говоря “Славянская держава”, как бы предполагают нечто высшее и во всяком случае более обширное и общее, нежели Русская держава; как будто Русь (народ) и Россия (государство) суть часть какого-то более обширного и более высокого целого. Ведь это вздор <...>: Русская держава и русский народ суть русские и не более того; им принадлежат мировое значение и мировое будущее, не славянам, хотя они и порываются кичиться чем-то».[509] Этот прием сродни как раз добротной литературной критике, автор которой стремится не к разносу писателя, замеченного в погрешностях и заблуждениях, а к тому, чтобы отечески, ненавязчиво вразумить его.

Поминальные статьи Гилярова об И. Аксакове особенно богаты мемуарным элементом, но они обладают и выразительной художественной формой. В пер-

---

[505] Републикованы нами: *Из пережитого*. Т. 2. С. 214—219, 487—497.
[506] Там же. С. 214.
[507] Там же. С. 215.
[508] Там же.
[509] *Письма к Рцы*. С. 257.

вой из них, написанной сразу по получении известия о смерти («Москва, 28 января»), даны филигранно отточенные оценки-характеристики, подчас приобретающие форму афоризма: «И. С. Аксаков был не только литератор, публицист, общественный деятель: он был знамя, он был общественная сила»;[510] «он подвергал вопросы общественные и политические оценке с точки зрения народной, а не казенной, московской, а не петербургской»; «честен, как Аксаков; это почти была пословица»; «он не льстил никому и не подлаживался ни в верху, ни в низу, ни с боков»; «его слово для иных звучало укором совести, для других служило нравственною уздою»; «памятный 1876 год <...> преобразил его из вещателя в деятеля»; «не он вызвал народное движение, но народное движение нашло в нем чуткое орудие»; «народное движение к освобождению балканских христиан нашло своего Минина»[511] и др. И. Аксаков предстает в этой статье действительно как народный вождь, если и возглавляющий «партию», «славянофильскую или панславистскую, как они ее называют», то такую, в которой (Гиляров приводит его ответ «одному иностранному путешественнику») состоит «вся Россия».[512]

Для жанра некролога более чем уместными оказались напоминания о преследованиях И. Аксакова со стороны властей — и за независимую журналистскую позицию, и за руководство славянским движением в России («...Славянский комитет представлялся революционным гнездилищем, готовым и способным низвергнуть государства»), и особенно за цензурные гонения вследствие якобы «недостаточного патриотизма» И. Аксакова: Гиляров применяет здесь впечатляющую метафору: «Но когда к физической болезни сердца присоединяются еще нравственные удары, бьющие в то самое, чем жил и для чего жил человек, — сосуд не устоит, и нравственное страдание прекратит физическую жизнь».

Во второй поминальной статье, приуроченной к похоронам писателя («Москва, 31 января»), подача мемуарных свидетельств отдаленно напоминает литературный прием «потока сознания», типичный для литературы модерна, — в небольшом объеме текста конспективно, набегая одно на другое, отразились многочисленные встречи, впечатления, оценки, запечатлевшиеся в памяти за 33 года довольно тесного общения и поддерживаемые структурно лирическим «вздохом» посередине статьи: «А время бежит, бежит...»[513] При этом все эпизоды поданы выпукло, наделены художественными деталями, остаются в памяти, а два из них представлены особо рельефно, как сценки. Приведем первую из них, датируемую предположительно мартом 1857 г.:[514] «Припоминается и еще вечер, — нет, это было днем, когда исследователь, окончив предисловие к своему статистическому труду <«Исследование о торговле на украинских ярмарках»

[510] *Из пережитого*. Т. 2. С. 215.

[511] Там же. С. 216.

[512] Там же. С. 217.

[513] Там же. С. 219.

[514] Датируем по письму И. Аксакова к родным от 13 марта 1857 г. и предуведомлению А. Ф. Аксаковой к его публикации (*Аксаков в письмах*. Т. III. С. 3—4).

(СПб., 1858)>, читал его в кругу близких, а вечно памятный родитель его, Сергей Тимофеевич, бывший в числе слушателей, вечно юный, несмотря на свои семидесятые годы, всегда отзывчивый, восторженный, отозвал пишущего эти строки, среди самого чтения, в другую комнату. “Вы запомните это слово, запомните, — сказал он, — Иван будет *великим* писателем, *великим*!” Старца поразила основательность и глубина исследования; поразило в особенности мастерство, с каким *поэт* (а только поэтом числился пока его сын в литературе) справился с сухим предметом, с данными, состоявшими из мертвых цифр, только из цифр — и умел осветить их не только точно, но и художественно».[515]

Вторая «сценка» (приведем только ее начало) — с напутственным словом Хомякова И. Аксакову, отбывающему в ополчение, важным для Гилярова в связи с обыкновенными и, конечно, несправедливыми упреками в адрес славянофилов (продолжающимися поныне), что они не люди дела, а непрактичные краснобаи-празднословы: «Но вот и отъезд в ополчение, и напутствие друзей, и благословение А. С. Хомякова, отвечавшего на возражение некоторых о бесполезности Ивана Сергеевича в этой новой деятельности. “Нет, *должно*, чтобы из нас, людей слова и мысли, *делом* засвидетельствовали свое слово и мнение”».[516]

В конце статьи Гиляров мастерски возвращается к обоим этим эпизодам, следуя принципу композиционного кольца: «Предсказание отца сбылось. “Иван” сделался великим писателем, но не писателем только, а деятелем, чего не предвидел, по крайней мере, не предсказывал ни Сергей Тимофеевич, ни Хомяков».[517]

Как видим, то «возвышенное духовное настроение <...> непреклонная честность, гражданское мужество, свобода, искренность <...> горячность и одушевление»,[518] а также «высоко развитый эстетический вкус»,[519] которые Гиляров-критик находил в публицистике И. Аксакова, в полной мере были присущи и ему самому.

3.7. Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ И А. С. ХОМЯКОВ: СЛУЧАИ РАЗНОГЛАСИЯ В ОБЩЕНИИ ЕДИНОМЫШЛЕННИКОВ (1853—1860) *

Личные и творческие взаимоотношения с современниками А. С. Хомякова — тема, сравнительно неплохо изученная.[520] При этом ее более тщательное исследование, безусловно, актуально ввиду той роли, которую Хомяков играл в рус-

[515] Там же. С. 218.
[516] Там же.
[517] Там же. С. 19.
[518] *Аксаков*. Т. II. С. VI.
[519] Там же. С. V.

* Выполнено при поддержке РФФИ (научный проект № 17-04-00170а).

[520] См. некоторые из работ: *Князев Г. М.* Хомяков и граф А. Толстой // *РВ*. 1901. Т. 276, нояб. С. 136—156; Дек. С. 515—530; *Соколов Н. М.* А. С. Хомяков и Н. Я. Данилевский //

ской культуре как один из создателей национально ориентированной идеологии и поэтического стиля, отличающегося высокой ораторской патетикой, утверждающей возвышенные идеалы. Особый интерес представляет изучение его литературных и научных контактов с младшим единомышленником Гиляровым. Их личное общение продолжалось в течение семи последних лет жизни Хомякова и оказалось весьма плодотворным для развития мировоззренческих установок их обоих. Вскоре после кончины Гилярова этой теме посвящались статьи их идейных последователей: князя Н. В. Шаховского[521] и И. Ф. Романова-Рцы.[522] Они опирались главным образом на имевшуюся в их распоряжении переписку Гилярова, а также его статьи и мемуары 1870—1880-х гг., где он высказывается о Хомякове как о своем оппоненте в спорах и вместе с тем единомышленнике во многих религиозных, исторических и литературных вопросах. Документов 1850-х гг., которые могли бы свидетельствовать о взаимоотношениях Хомякова и Гилярова, не сохранилось. Выявленные в архивах новые материалы позволяют уточнить и существенно расширить сложившиеся научные представления об изучаемой проблеме.

Об истории сближения Гилярова со славянофильским кружком, произошедшим в 1852—1853 гг., подробно говорилось выше. Сам Гиляров позже вспоминал в письме к князю Н. В. Шаховскому от 2 февраля 1886 г., особо подчеркивая свою связь именно с Хомяковым: «...для Хомякова я был даже *единственным* человеком, с которым он признавал полное свое согласие»,[523] а И. Ф. Романову-Рцы писал 3 ноября того же года: «...Хомяков, Константин Аксаков подвергали моей предварительной критике свои сочинения <...>».[524]

Приведем непубликовавшийся отзыв, зафиксированный князем Н. В. Шаховским, который в 1893 г. сумел пообщаться со знакомыми и родственниками

Там же. 1904. Т. 292, июль. С. 137—193; *Маймин Е. А.* «Борис Годунов» Пушкина и исторические драмы Хомякова // Пушкинский сборник. Псков, 1972. С. 3—16; *Дробат Л. С.* Л. Н. Толстой — читатель А. С. Хомякова // Толстовский сборник. Тула, 1978. С. 115—122; *Анненкова Е. И.* Исторический путь и этика православия в концепции А. С. Хомякова и Н. В. Гоголя // Христианство и русская литература: Сб. ст. СПб., 1994. <Сб. 1>. С. 209—223; *Благова Т. И.* Родоначальники славянофильства: Алексей Хомяков и Иван Киреевский. М., 1995. 352 с.; *Каплин А. Д.* А. С. Хомяков и С. М. Соловьев: два подхода к русской истории // Московский журнал. 1996. № 1. С. 4—7; *Каменский З. А.* Философия славянофилов: Иван Киреевский и Алексей Хомяков. СПб., 2003. 536 с.; *Кошелев В. А.* Хомяков и граф А. К. Толстой русская историческая мифология в литературном осмыслении // Русская литература. 2004. № 4. С. 85—105.

[521] *Кн. Н. В. Ш. <Шаховской Н. В., кн.>.* Н. П. Гиляров-Платонов и А. С. Хомяков: (По сочинениям и письмам Гилярова) // *РО*. 1895. Т. 36, нояб. С. 14—32.

[522] *Рцы.* Гиляров и Хомяков: Одна характеристическая особенность их творчества, в значительной степени затрудняющая изучение трудов названных писателей // *РД.* 1888. 15 окт. № 44. С. 3—5 **(**совр. переизд.: *Рцы* (*Романов И. Ф.*). Собр. соч.: В 2 т. СПб.: Росток, 2016. Т. 1: Нагота рая. С. 47—54**)**.

[523] *Из пережитого*. Т. 2. С. 489.

[524] *Письма к Рцы.* С. 256.

мыслителя (он предполагал опубликовать сборник писем Гилярова и мемуарных свидетельств о нем[525]) и, в частности, нанес визит его вдове В. А. Гиляровой-Платоновой: «С Хомяковым Н<икита> П<етрович> тоже познакомился в бытность его профессором в Моск<овской> духов<ной> академии у Троицы; бывало, идет, расск<азывает> Вера Алексеевна, небольшого роста человек в тулупчике, кушаком подпоясанный, в крест<ьянской> шапке. — Увидит его Гиляров: “Ах, да это Алек<сей> Ст<епанович>” — и сейчас бежит опередить его, встречает. Пройдут в кабинет и часы целые сидят, разговаривают».[526]

Видимо, наиболее интенсивно общение Хомякова и Гилярова и происходило в Сергиевом Посаде до переезда семьи последнего в Москву в конце ноября 1855 г. Оба заядлые спорщики и энциклопедически образованные люди, они здесь оставались один на один друг с другом и получали полную свободу для удовлетворения потребности страстных своих натур в выяснении истины — прежде всего в обсуждении сложных религиозно-философских проблем.

Первоначальному сближению как раз и способствовало разительное сходство преимущественных философских и богословских интересов Хомякова и Гилярова.

Известно, что оба они, можно сказать, досконально изучили «Науку логики» Гегеля, оба дали глубокую критику гегелевского рационализма, осудив его вненравственность, и у них не оказалось в этом никаких существенных разногласий. Печатно они высказались о Гегеле в «Русской Беседе», причем Хомяков двумя годами ранее Гилярова — в статье, опубликованной в первой книжке за 1857 год: «По поводу отрывков, найденных в бумагах И. В. Киреевского», а затем в первой книжке за 1859 год — в статье, написанной в форме открытого письма к Ю. Ф. Самарину «О современных явлениях в области философии». Гиляров в третьей книжке за тот же 1859 год поместил обстоятельный очерк «Рационалистическое движение философии новых времен». Правда, он представлял собой часть его полукурсовой философской диссертации «Об онтологии Гегеля размышление», написанной 14-ю годами ранее, в 1846 г. (за нее, как отмечалось, Гиляров получил почетную прибавку к своей фамилии — «Платонов»).

Гиляров, фактически ставший первым переводчиком на русский «Науки логики» и «Феноменологии духа», с позиций православной этики вскрыл односторонность гегелевского панлогизма. Система Гегеля, по его определению, «есть освящение всякого насилия теории над жизнью, фаталистически-бездушный оптимизм по отношению к каждому ничтожному факту, соединенный с полнейшим нравственным безразличием»;[527] «...нельзя найти во всей филосо-

---

[525] См. об этом подробнее: *Шаховской Н. В., кн.* Проект матерьяла, который может войти в Сборник <памяти Н. П. Гилярова-Платонова> (1893) / Публ. А. П. Дмитриева // *Гиляров: ИМБР*. С. 479—482.

[526] *Шаховской Н. В., кн.* Матерьялы для биографии Н. П. Гилярова-Платонова // РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 49. Л. 47 об.

[527] *Сб. соч.* Т. I. С. 362.

фии Гегеля ни одного пункта, согласного с мнениями христианской философии; если и найдем такой, то он не будет иметь достаточной общности для того, чтобы служить критерием. Все, чем бы мы ни стали опровергать эту философию, все это там уже объяснено так, как выгодно для нее».[528]

Сходные формулировки находим и у Хомякова: «*Сущее* должно быть совершенно отстранено. Само понятие, в своей полнейшей отвлеченности, должно было все возродить из собственных недр. Рационализм или логическая рассудочность должна была найти себе конечный венец и Божественное освящение в новом создании целого мира».[529] «Корень же общей ошибки Гегеля лежал в ошибке всей школы, принявшей рассудок за целость духа. Вся школа не заметила, что, принимая понятие за единственную основу всего мышления, разрушает мир: ибо понятие обращает всякую ему подлежащую действительность в чистую, отвлеченную возможность».[530]

Это поразительное сходство в оценке системы Гегеля, с осуждением ее «полнейшего нравственного безразличия», было проявлением и кардинального родства основных воззрений Хомякова и Гилярова. Перу последнего принадлежит наиболее яркая поминальная речь о Хомякове («О судьбе убеждений»), в которой, формулируя суть его взглядов, Гиляров, безусловно, декларировал и свои убеждения: «Если б спросили меня, как вкратце выразить воззрения Хомякова, я бы отвечал одним словом: *любовь*. Любовь — это, действительно, первое и последнее слово, к которому сводились все его убеждения. В любви Хомяков признавал не только высшее начало деятельности в практическом смысле, но и высшее начало знания, единственное твердое обеспечение истины»,[531] отсюда, по Гилярову, глубокое обоснование Хомяковым церкви как «сферы, где осуществляется это начало»: «Вне общения с церковию он отрицал всякую полноту жизни нравственной и даже умственной».[532] Справедливо наблюдение В. А. Кошелева, разбиравшегося, по его выражению, в «разветвленной идеологической и поэтической системе» этой речи Гилярова, что в основе ее лежит «целая система» же парадоксов, вместе с тем являющихся «основной формой, в которой проявлялось “убеждение” Хомякова».[533]

Известно, что присущие Гилярову и Хомякову энциклопедизм и универсализм воплощались, так сказать, в творческой экспансии на многие сферы жизни. Если перечислить основные занятия, которым предавался в продолжение своей жизни Хомяков (социология, богословие, публицистика, философия, историософия, политэкономия, гомеопатия, лингвистика, литературная критика),

---

[528] *Сб. соч.* Т. I. С. 372.

[529] *Хомяков А. С.* Полн. собр. соч.: <В 8 т.>. 3-е изд., доп. М., 1900. Т. 1. С. 267.

[530] Там же. С. 299.

[531] *Сб. соч.* Т. II. С. 44.

[532] Там же. С. 47.

[533] *Кошелев В. А.* «Любовь это действительно первое и последнее слово...»: Н. П. Гиляров о Хомякове // *Возвращение*. С. 83—94.

то придется признать, что во всех этих областях знания несомненны достижения и Гилярова. Так, последний, в свое время опубликовавший большую статью о гомеопатии,[534] 15 ноября 1886 г. писал Романову-Рцы: «...Хомяков и лечился, и лечил гомеопатиею и другой медицины не хотел знать. Но я столько же сочувствую гомеопатии, сколько лечению животным магнетизмом, сколько верю спиритизму. Ничего этого не отвергаю (и даже изучал), но ни за что не держусь».[535]

Даже в сферах сельскохозяйственного производства и технического изобретательства они оба достигли заметных результатов. Хомяков увлеченно занимался винокурением и сахароварением, получил патент на изобретенную им паровую машину,[536] разработал дальнобойное ружье. Успехи Гилярова были не столь впечатляющи, но и после его кончины на рынках Москвы долго продавался выведенный им сорт «гиляровской клубники»,[537] вполне профессионально он занимался пчеловодством.[538] А управляя писчебумажной фабрикой, проводил в лаборатории химические опыты с еловыми иголками ради производства дешевой бумаги,[539] активно интересовался местной железистой водой и торфоразработками.

Об этих последних предметах интереса Гилярова вспоминал его сын Николай (приведем это любопытное свидетельство как характерное для многих других его увлечений): «При Брынковской фабрике имелся колодезь с железистой водой. <Н. И.> Шумов говорил, что он якобы думал устроить *курорт*. Льстецы уверяли Н<икиту> П<етровича>, что колодезь — клад. Н<икита> П<етрович> произвел сам химический анализ воды и убедился, что вода содержит окись железа, и на этом остановился. В 1879 г. Н<икита> П<етрович> задумал паровую машину в типографии топить торфом. Кто-то порекомендовал склад Никитинского на Покровке. Отопление торфом длилось недолго, не привилось. Деньги

---

[534] *Вес. Долгий <Гиляров-Платонов Н. П.>*. Что такое гомеопатия и аллопатия? // *СИ*. 1876. 28 янв. № 26. С. 1—2; 2 февр. № 31. С. 1—2; 8 февр. № 37. С. 1—2; 22 февр. № 50. С. 1—2. Псевдоним состоит из перевода с латинского фамилии автора (Вес<елый> = Гиляров) и указания на его высокий рост. О гомеопатии Гиляров писал и позднее. См., например, передовую «Москва, 28 октября. Дневное обозрение» (*СИ*. 1886. 29 окт. № 298. С. 2).

[535] *Письма к Рцы*. С. 288.

[536] См.: Description of the «Moskovka», a new Rotatory Steam Engine, invented and patented by A. Khomiakoff of Moscow. L., 1851 (пер.: Описание «Московки», новой вращательной паровой машины, изобретенной и запатентованной А. Хомяковым из Москвы).

[537] См.: *<Гальперсон А. М.>*. Москва, 20 октября // *СИ*. 1887. 21 окт. № 288. С. 2.

[538] См. об этом: *Дмитриев А. П.* Н. П. Гиляров-Платонов как пчеловод // *Гиляров: ИМБР*. С. 428—437.

[539] См. свидетельство П. И. Бартенева, зафиксированное князем Шаховским в 1893 г.: «Бартенев сам попался на проек<т>ерстве и обольстительн<ой> речи Гилярова-Платонова о выгоде изделия бумаги из еловых игол, что он по собственной инициативе производил на своей фабрике. Бартенев законтрактовал Гилярову и пострадал на этом деле: бумага вышла отвратительная <...>» (*Шаховской Н. В., кн.* Матерьялы для биографии Н. П. Гилярова-Платонова // РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 49. Л. 19—19 об.).

за торф получал сын Никитинского, бывший студент Технического училища, и как-то познакомился с Н<икитой> П<етровичем>. Н<икита> П<етрович> любил ездить на фабрику в компании, повез и молодого Н<икитинск>ого. Н<икитин>ский узрел торфяные болота около фабрики на земле крестьян. Торф годился для отопления фабричного паровика, а потому Н<икита> П<етрович> задумал арендовать эти болота у мужиков, но толку из аренды не вышло ровно никакого».[540]

Единственными сферами, недоступными Гилярову, остались живопись (Хомяков был неплохим портретистом и иконописцем) и поэзия: Гиляров признавался в книге «Из пережитого»: «...к стихам я вкуса не имел и не имел терпения их читать. Признаюсь в своем недостатке: стихотворная форма до сих пор не находит отзвука в моей душе; хотя я не лишен способности ценить стих, но ценю его внешним образом».[541] Вместе с тем нельзя отрицать, что в своей мемуарной прозе, а отчасти и в публицистике Гиляров выступает как художник слова.

Причем из-за этого универсализма, нежелания сосредоточиться на одном деле жизни — как его оборотная сторона — и Хомякову, и Гилярову был присущ элемент дилетантизма. Например, в письме Гилярова к И. Ф. Романову-Рцы от 23 ноября 1886 г. содержится такая иллюстрация к этому тезису: «Самарин, послушник и почитатель Хомякова, скорбел за своего учителя, когда тот пытался говорить об экономических вопросах: он называл рассуждения Хомякова в этой области детскими, и они были действительно таковы. Думаю, что даже в письмах Самарина должны сохраниться следы почтительной мольбы, с которою он обращался к учителю не отдавать себя на смех вторжениями в незнакомую область».[542] Многие проекты и замыслы Гилярова и Хомякова реализовывались лишь отчасти (впрочем, для Романова-Рцы это не более и не менее, как «тайная характеристическая особенность русской народности», именуемая им «мозаичностью творчества»[543]). Ю. Ф. Самарин осудил поминальную речь М. П. Погодина, который нетактично упомянул об этом недостатке Хомякова.[544] Еще более эта особенность, или «контрапунктный строй личности» (выражение В. А. Викторовича[545]), была свойственна Гилярову.

---

[540] *<Гиляров Н. Н.* Воспоминания об отце (1893)> / Публ. А. П. Дмитриева // *Гиляров: ИМБР*. С. 513.

[541] *Из пережитого*. Т. 1. С. 122.

[542] *Письма к Рцы*. С. 304.

[543] *Рцы* (*Романов И. Ф.*). Собр. соч. Т. 1. С. 50. Рцы образно пояснял свою мысль: «При этом выражении нам рисуется такая картина: груда камней, из которых каждый по своей замысловатой художественной отделке заслуживает удивления знатока, но из этой груды беспорядочно друг на друга наваленных камней *можно* восстановить целое величественное здание, каждая стена которого в свою очередь представляет чудо искусства, в виде ли художественно задуманного барельефа, или артистически сложенной мозаики...» (Там же).

[544] См. об этом в главе 3.8, на с. 399.

[545] *Ред. <Викторович В. А.>*. Предисловие // *Возвращение*. С. 7.

Наиболее же существенные разногласия между ним и Хомяковым затрагивали область богословия и в полной мере выявились при подготовке к изданию 2-го тома Полного собрания сочинений Хомякова в 1860-х гг.

И это при том, что в середине 1850-х гг. они удивлялись своему «умственному родству». Гиляров писал в мемуарах: «И я, и Алексей Степанович часто поражались до буквальности иногда доходившим сходством некоторых наших воззрений и отыскивали причину. Привожу два особенно поразительные примера. Когда вышла первая из богословских брошюр Хомякова (по поводу Тютчева и аббата Лоранси), я прочел в ней сравнение индульгенций с банковыми чеками. Это было мое сравнение, которое я передавал слушателям на лекциях. На целых двух страницах ход мыслей и почти выражения были у нас тождественны».[546] Упомянутая работа «Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях. По поводу брошюры г. Лоранси» была опубликована Хомяковым в Париже в 1853 г. на французском языке. Поводом к ее написанию послужило сочинение видного католического публициста П. С. Лоранси «Папство, ответ г. Тютчеву, советника Е<го> В<еличества> императора России» (1852), полемизировавшего со статьей Ф. И. Тютчева «Папство и Римский вопрос с точки зрения Санкт-Петербурга» (1849). Упоминаемое Гиляровым сравнение содержится и в этой, и в более развернутом виде — во второй брошюре Хомякова: «Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях. По поводу одного окружного послания парижского архиепископа», опубликованной в 1855 г. в Лейпциге также на французском языке. Ее перевод, выполненный Гиляровым, увидел свет в январской и февральской книжках журнала «Православное Обозрение» за 1864 год (см. эти места в переводе, переработанном Ю. Ф. Самариным[547]).

Гиляров продолжал: «В другой раз, беседуя с Алексеем Степановичем, я сказал, что евангелист, если бы теперь жил, употребил бы не *Логос*, а, пожалуй бы, *субъект-объект*, говоря о Второй Ипостаси Божества. Хомяков рассмеялся и сказал: именно это самое я пишу теперь и на это выражение *субъект-объект* указываю (в одной из следующих брошюр)».[548] Речь идет о сочинении «Еще несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях. По поводу разных сочинений латинских и протестантских о предметах веры», опубликованном Хомяковым в 1858 г. отдельной брошюрой в Лейпциге также на французском языке. Перевод был впервые опубликован в составе 2-го тома Полного собрания сочинений Хомякова (Прага, 1867), но его автор не Гиляров, а Самарин, правда пользовавшийся консультациями первого.[549] Однако здесь в триадологических рассуждениях Хомякова применительно к Богу-Слову употребляет-

[546] *Из пережитого*. Т. 1. С. 206.
[547] *Хомяков А. С.* Полн. собр. соч.: <В 8 т.>. 4-е изд. М., 1900. Т. 2. С. 53, 117, 122, 123, 126.
[548] *Из пережитого*. Т. 1. С. 206.
[549] См. об этом подробнее в главе 3.8.

ся лишь термин «Объект».[550] Об «объект-субъективации» мыслитель говорит по отношению к третьей Божественной ипостаси — Святому Духу — в латинской заметке о Св. Троице.[551] Хомяков указывает и источник терминологии — «философские системы, подобные нынешним, германским».[552]

В письме к И. Ф. Романову-Рцы от 23 ноября 1886 г. Гиляров также упоминает этот эпизод: «Я говорил на лекциях: Христа назвали Логос, а теперь совершенно правильно назвали бы его Субъект-Объект. Прихожу к Хомякову, между прочим говорю это. А он мне в ответ: вообразите, это самое я говорю в брошюре, которую пишу».[553] Кроме того, в рецензии на богословские сочинения Хомякова, опубликованной в газете «Современные Известия» от 11 сентября 1880 г., Гиляров отмечал: «В предисловии читается, что трудившимся в переводе Хомякова был Н. П. Гиляров-Платонов. Следы своего косвенного участия усматриваем до некоторой степени даже в содержании; определение, которое дает Хомяков некоторым из таинств, и заметка об условном значении термина “Логос” напоминают нам о наших изустных беседах и прениях. Затем — оценка, которую дает Хомяков католичеству и протестантству (в первых своих брошюрах) сошлась с собственною нашею, которая, независимо от того, раскрывалась на лекциях в Духовной академии, до поразительного, до буквального тождества примеров и сравнений».[554]

Отметим, что подобный модернизм в богословской терминологии оскорблял некоторых их единомышленников. В связи с этим, например, археограф Н. П. Барсуков, по свидетельству князя Шаховского, «считает его <Гилярова> человеком неверующим, да и в Хомякове он не видит крепкой веры. — О Св. Троице, которой он поклоняется с верою, они толковали ежедневно, жонглируя логическими тонкостями мысли “Субъект-Объект” 2-е лице Св. Троицы».[555] К тому же, как вспоминал Гиляров в письме к Романову-Рцы от 11 января 1887 г., «Алексей Степанович был острослов, любил рассказывать комические анекдоты (особенно из религиозной сферы, что значительно смущало верующих людей, не знавших его ближе; не иначе как с негодованием отзывались они об этом неистощимом кощунстве над святынею)».[556]

Так вот Гиляров, работая над переводом богословских брошюр Хомякова, не согласился с терминологией, используемой Хомяковым, и предложил Самарину обратиться к традиции издания на русском языке сочинений византийских церковных писателей (служа в Московской духовной академии, Гиляров редактировал новые переводы святоотеческих творений для академического журна-

---

[550] См.: *Хомяков А. С.* Полн. собр. соч. Т. 2. С. 238—239, 241—242.
[551] Там же. С. 513.
[552] Там же. С. 238.
[553] *Письма к Рцы.* С. 302.
[554] *Вопросы веры и церкви*. Т. II. С. 212.
[555] *Шаховской Н. В., кн.* Матерьялы для биографии Н. П. Гилярова-Платонова. Л. 27 об.
[556] *Письма к Рцы.* С. 326.

ла[557] и, стало быть, обладал известным опытом в этой сфере литературно-богословской деятельности). О подробном его письме к Самарину на эту тему (от 13 ноября 1866 г.) будет сказано ниже.[558]

О других своих несогласиях с Хомяковым Гиляров упоминал в письмах к ученикам Романову-Рцы и князю Шаховскому. Интересно такое воспоминание в письме к первому из них от 12 ноября 1886 г.: «Сам Хомяков сказал раз, когда по обыкновению своему спорил я с ним: “А знаете ли, гг., изо всех нас Н<икита> П<етрович> всех одномысленнее со мною, и ни с кем между нами не бывает столь постоянных и столь частых споров”. Он выразился даже как-то сильнее о тождестве наших взглядов. Они действительно тождественны, но и различны».[559] Важны и другие признания Гилярова Романову-Рцы: «А мне, главное, хочется поставить Вас на точку, откуда идет мое разногласие с Хомяковым при согласии с ним. Я назвал его *односторонним*; точнее будет выразиться, что он *неполон*»[560] (письмо от 23 ноября 1886 г.); «Вы обращались ко мне, в надежде видеть комментатора Хомякова. Но я от Хомякова совершенно независим и потому взаимные объяснения наши будут только взаимными недоразумениями».[561]

Сближало его с Хомяковым свободное отношение к церковным обрядам. В феврале 1886 г. он писал князю Шаховскому: «Хомяков, благоговейнейший [исполнитель] хранитель всей обрядности, сводил исполнение церковных уставов к требованию любви, [следовательно] придавал им условную нравственную обязательность, чтобы “не оскорбить братьев по вере”».[562] Но Гиляров считал неприемлемой некоторую идеализацию Хомяковым «исторического православия». 3 ноября 1886 г. он писал Романову-Рцы: «Но я нахожу оценку исторического Православия, сделанную Хомяковым, узкою и отчасти неверною. Слишком искусственным и произвольным находил я особенно толкование таинств; также — определение свободы личного критического разума. Последнее верно в идее, но не верно в применении к *историческому* Православию, как и толкование таинств, которых Хомяков не досчитался. Да и понятно: седмеричное число — католическое изобретение XI-го века.[563] Говорю это к тому, что *историческое*

---

[557] Гиляров, наряду, в частности, с архимандритом Феодором (Бухаревым), в журналах Редакционного комитета Московской духовной академии назван в числе преподавателей, принимавших участие «в трудах по переводу святоотеческих творений, начатому изданием с 1843 года» (*Корсунский Иван.* К истории изучения греческого языка и его словесности в Московской духовной академии. Сергиев Посад, 1894. С. 45).

[558] См. главу 3.8.

[559] *Письма к Рцы.* С. 271.

[560] Там же. С. 305.

[561] Там же. С. 325.

[562] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 505. Л. 15—15 об.

[563] Формула седмеричного числа таинств впервые зафиксирована в завещании епископа Оттона Бамбергского (ок. 1062—1139), обращенном к жителям Померании.

Православие, как оно развилось в Восточной Церкви, я не признаю абсолютом, хотя и ценю его».[564]

23 ноября 1886 г. Гиляров возвращался к этой теме, поясняя суть своих богословских расхождений со старшими славянофилами: «В понятии о Православии мы с Вами разойдемся, как расходился я с И. В. Киреевским и отчасти с Хомяковым. Я Вам писал уже, что различаю Православие историческое и Православие in se; * последнее охотно назову Христианством просто. Как бы Вам сказать это покороче? Истина Божественная (боюсь недоразумения) неописуема; чтобы принять оболочку *явления*, стать фактом историческим и житейским, она должна заимствоваться от чисто человеческого элемента истории. Отсюда она, воплощаясь в народах и отдельных лицах, принимает разные формы, не переставая быть тою же. А отсюда как вера может одухотворять народность и ее специфировать духовно, так и, наоборот, народные задатки, духовно-физиологические, выражусь так, видоизменяют веру, не вводя ее этим, однако, на ложную дорогу. <...> Христианство, известным образом понятое и усвоенное, и составляет один из элементов русской народности. В связи с этими, физиологически духовными, как я сказал, или, точнее, этнопсихическими задатками, вера с народностью составляет целое, нераздельное. Без так называемого Православия исчезает русская народность как таковая; но и Православие в таком виде, как усвоено русским народом, есть не то, что было и есть у греков etc.».[565]

Именно поэтому Гиляров не мог принять основную идею «Семирамиды» Хомякова о механическом заимствовании верований народами. 12 ноября 1886 г. он писал: «Дойдя *своим умом* до признания основного фактора в истории в известном антитезе *свободы* и *необходимости*, определяя совершенно или почти тождественно *дух* и *материю*, я восставал (и восстаю) против механичества преемства верований, которое проводил Хомяков в "Семирамиде" ("Записках о всеобщей истории"). Это *существеннейшее* разногласие; о некоторых частных я уже писал Вам. Поэтому на вопрос: "Неужели и Хомяков узок?" — я отвечу: и *да*, и *нет*. Правильнее будет ответить, что нахожу некоторую односторонность».[566] Спустя десять дней, 23 ноября 1886 г., Гиляров по просьбе Романова-Рцы возвратился к этой теме: «Механическое заимствование что такое? Вы спрашиваете. Хомяков радовался, находя у какого-нибудь народа верования, схожие с верованием другого, древнего, и начинались догадки о переселении и тому подобное. Я этому переносу духовных поверий придаю третьестепенное значение. Воплощения Вишны списаны с Христа или наоборот? По-моему, ни то, ни другое. Так и во всем. Народ как духовная личность всякий способен к творчеству; силы у всех одни и те же, хотя материал разный. Однородность обстановки создает однородный материал, а отсюда может создаться и однородное верова-

[564] *Письма к Рцы.* С. 260.

* само по себе (*лат.*).

[565] *Письма к Рцы.* С. 302.

[566] Там же. С. 271.

ние».[567] Нельзя не признать, что, получив систематическое образование в лучшей православной богословской школе, Гиляров имел надежный критерий поверки религиозно-исторического учения Хомякова, а творчески развивая его, оказывался подчас прозорливее и глубокомысленнее своего старшего товарища...

Романов-Рцы в одной из мемуарных статей («Как я нашел Никиту Петровича», 1898) сравнил своих учителей Хомякова и Гилярова. Приведем в заключение это его сопоставление: «Хомяков был все-таки поэт, и не в стихах, а именно в своей чарующей прозе, Гиляров, наоборот, — прозаик. Инстинкт реального, чувство действительности было глубоко присуще последнему. Этим он был выше Хомякова и ниже, сильнее и слабее его. Хомяков манил, возвышал, увлекал. Трезвый прозаик, Гиляров не мог улететь в заоблачные пространства, но зато его идеал, хотя и тождественный с хомяковским, действовал отчасти расхолаживающим образом».[568] В чем-то этот отзыв сходен с образным же противопоставлением мыслителей, сделанным профессором Киевской духовной академии В. З. Завитневичем в письме к князю Шаховскому от 10 ноября 1898 г.: «Хомяков и Гиляров — ягоды одного поля, но разных разновидностей; у Хомякова голова больше созидающая: он больше строит, чем разрушает; у Гилярова больше ум критический, отрицающий: он больше разрушает, нежели строит».[569] Там же Завитневич сопоставил Гилярова и Хомякова в их отношении к духовно-академической науке XVIII—XIX вв.: «Их сходство особенно рельефно выступает в отрицательном отношении к нашей старой богословской школе схоластического направления, более видным представителем которого является Макарий. Будущий историк поставит их в основу возрождения нашей богословской науки, которая, к нашему стыду, все еще никак не может выбиться из старой своей колеи <...>».[570]

Еще более убедителен был Романов-Рцы, когда в статье «Гиляров и Хомяков» (она выше уже цитировалась) привел довод, сближающий позиции мыслителей — им обоим, как мало кому другому, был присущ специфически «русский взгляд на вещи». Он писал: «Духовная близость Хомякова и Гилярова при всем их индивидуальном различии заключается, по нашему, в необычайной *руссости* того и другого, в их глубоком, до последних изгибов души, проникновением духом русской народности. В Хомякове и Гилярове всего осязательнее, всего, так сказать, рельефнее отразился русский гений, русская душа, *русский взгляд на вещи*. Оттого и сходство такое между ними, оттого они так близки, дороги и понятны нам, или, если угодно — с какой горечью это выговариваешь! — наоборот... Если бы дремлющие, подспудные силы темной России могли богословствовать, они, без сомнения, выразили бы свой символ веры не чуждыми и малопонятными нам формулами католико-протестантских учебников, но чудными словами

[567] Там же. С. 303.
[568] *Рцы* (*Романов И. Ф.*). Собр. соч. Т. 1. С. 299—300.
[569] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 121. Л. 4—4 об. Выше, в главе 1.8, уже цитировалось это письмо.
[570] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 121. Л. 4 об. Упомянут митрополит Макарий (Булгаков).

богословских брошюр Хомякова; если бы они могли философствовать, то вопросы исторические, социальные, политические были бы ими поставлены и разрешены не иначе, как ставил их и разрешал Гиляров...»[571]

Таким образом, творческие и дружеские взаимоотношения писателей-славянофилов и религиозных мыслителей Хомякова и Гилярова, оказались довольно плодотворны для обоих. Это общение содействовало развитию и уточнению их взглядов по широкому кругу проблем от отношения к системе Гегеля и «историческому православию» до выработки адекватной богословской терминологии, учитывающей как новейшие достижения немецкой философии, так и традицию переводов на русский язык святоотеческого наследия.

3.8. Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ И Ю. Ф. САМАРИН В РАБОТЕ НАД ИЗДАНИЕМ БОГОСЛОВСКОГО НАСЛЕДИЯ А. С. ХОМЯКОВА (1860—1867)

Когда именно состоялось личное знакомство Ю. Ф. Самарина и Гилярова, точно неизвестно, но предположительно — уже после начала издания журнала «Русская Беседа» (1856—1860), автором и цензором которого был Гиляров и в котором деятельно сотрудничал Самарин. Наиболее близким себе по основным мировоззренческим интуициям (особенно во взглядах на религию, историю и современную им философию) оба считали Хомякова, да и тот нередко отдавал предпочтение именно им, призывая их к творческой полемике — как в устной форме (дружеский споры в гостиной), так и в печати.[572] Не случайно после кончины Хомякова Гиляров и Самарин по-настоящему сблизились, и прежде всего — в связи с подготовкой к изданию его литературного наследия.

Регулярного обмена письмами между Гиляровым и Самариным, жившими в разных городах, не было — они предпочитали общаться через И. Аксакова. Фрагментарно сохранившаяся переписка (7 писем Самарина и 7 — Гилярова) частично опубликована князем Н. В. Шаховским и П. И. Бартеневым.[573] Настоящая глава основана главным образом на впервые вводимых в научный оборот эпистолярных материалах, хранящихся в фонде Шаховского в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки.[574]

---

[571] *Рцы* (*Романов И. Ф.*). Собр. соч. Т. 1. С. 48—49.

[572] См.: *Дмитриев А. П.* А. С. Хомяков и Н. П. Гиляров-Платонов (к истории знакомства и творческих взаимоотношений) // Исследовательский журнал русского языка и литературы. Тегеран, 2015. Vol. 6, № 2. С. 91—106, а также главу 3.7.

[573] *Сб. сог.* Т. II. С. 63—67; *Кн. Н. В. Ш. <Шаховской Н. В., кн.>*. Н. П. Гиляров-Платонов и А. С. Хомяков: (По сочинениям и письмам Гилярова) // *РО*. 1895. Т. 36, нояб. С. 23—26; *<Бартенев П. И.>*. Н. П. Гиляров о «Семирамиде» А. С. Хомякова // *РА*. 1901. Кн. I, вып. 1. С. 175.

[574] *Гиляров-Платонов Н. П.* Письма к Ю. Ф. Самарину, 1860—1868 // РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 474. 11 л.; *Самарин Ю. Ф.* Письма к Н. П. Гилярову-Платонову, 1860—1868 // Там же. Ед. хр. 686. 18 л. (Копии князя Н. В. Шаховского).

Как известно, Гиляров выступил 6 ноября 1860 г. в заседании Общества любителей российской словесности, посвященном памяти Хомякова, с яркой речью «О судьбе убеждений. По поводу смерти А. С. Хомякова».[575] Самарин, не присутствовавший на заседании, ознакомился с поминальными выступлениями месяц спустя. Его возмутила речь М. П. Погодина «Воспоминание об Алексее Степановиче Хомякове», нетактично, в бравурном тоне исчислявшая многие области знания, интересовавшие покойного, не желавшего сосредоточиться на одном деле жизни, отчего его творческие замыслы реализовывались лишь отчасти.[576] 13 декабря 1860 г. он сообщал Гилярову: «Вчера прислал мне Вяземский речь Погодина об А. С. Хомякове. Крепко она мне не нравится. Тон ее несерьезен, многое неточно, много сказано и ради красного словца и ефекта <*так!*>, а главное — тема совершенно ошибочно взята. Мы все знаем, а особенно враги покойника, — что он рассыпался во все стороны и брался за всё. Об этом нечего толковать; а напротив, для тысяч, кто не близко знал его или не хотел понимать его, нужно воссоздать его духовный образ в его цельности и единстве. Погодин это-то и упустил из виду».[577]

Гиляров, как следует из его ответного письма Самарину от конца декабря, учел эту критику, дорабатывая свою речь для печати: «Вспомните Ваше письмо и высказанное Вами неудовольствие на речь Погодина: оно совершенно право, по моему мнению. Но иного и трудно было ждать от Погодина. Я своею речью думал именно восполнить недостаток, который так чувствителен у Погодина. Мне именно хотелось было воссоздать цельный образ Хомякова...»[578]

Но, вместе с тем, известный в кругу друзей своим перфекционизмом Гиляров писал: «Сейчас кончил исправление своей речи, читанной в Обществе Любителей. Затем присел читать присланный Вами отрывок “Семирамиды”, а после того прочитал лист цензурируемого теперь мною Белинского... Какое странное сочетание! А не без плода между тем оно осталось, и плод его первый перед Вами — мое письмо. Да, с каким глубоким интересом прочитал я отрывок “Семирамиды”! Как пуст и мелок показался мне Белинский, теперь в особенности (и, как нарочно, пришлась статейка о Славянофильском направлении)! А, наконец, чрезвычайно гадка мне показалась моя собственная речь. Далеко не то следовало бы и не то хотелось бы мне сказать. <...> Но в настоящую минуту я, право, начинаю бояться, не написал ли я Луку Федотом. Я судил о Хомякове по тем впечатлениям, которые оставили мне личные сношения с ним, частью печатные сочинения. Но я, конечно, слишком мало его знал (т. е. сравнительно с людьми ближайшими, например, Вы), а потом я совсем не читал прежде “Семирамиды”.

---

[575] См. о ней в главе 3.7, на с. 390.

[576] *Погодин М. П.* Воспоминание об Алексее Степановиче Хомякове // *РБ*. 1860. Кн. II (20). Отд. VI. С. 2—28.

[577] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 686. Л. 7.

[578] Цит. по: <*Бартенев П. И.*>. Н. П. Гиляров о «Семирамиде» А. С. Хомякова // *РА*. 1901. Кн. I, вып. 1. С. 175.

Теперь, как я прочитал этот отрывок, он произвел на меня такое впечатление, как будто я заглянул в отверстие колодезя, чрезвычайно глубокого и даже страшного. После этого мое изображение Хомякова показалось мне такою пошлостью, что, просто, становится стыдно и даже боязно, не подбавлю ли я, с своей стороны, еще материала к составлению фальшивого и отчасти оскорбительного суждения о покойном».[579] Здесь упомянута XI часть «Сочинений В. Белинского» (М.: Изд. К. Т. Солдатёнкова и Н. М. Щепкина, 1861), в которой впервые без цензурных изъятий, по рукописи был напечатан его «Ответ “Москвитянину”», полемизирующий с известной статьей Самарина «О мнениях “Современника”, исторических и литературных» (1847) и содержащий многочисленные выпады против «славянофильского направления», а также пересланный Гилярову на цензуру для публикации в последней книжке «Русской Беседы» обширный фрагмент из «Семирамиды» («Записок о всемирной истории») Хомякова, снабженный предуведомлением Самарина («От редакции»).[580]

В письме от 23 января 1861 г. Самарин откликается на речь «О судьбе убеждений», в целом солидаризуясь с Гиляровым в его оценках Хомякова и, особенно, в его обобщающих отступлениях философского характера: «Ваша статья превосходна. Если уж придираться, то я сказал бы, что в начале в изложении заметна некоторая неповоротливость; видно, что перо еще не расходилось; но середина и конец безукоризненны. Вы прелестно возвели вопрос об отношении лица к его обстановке на степень общего вопроса об отношении живого убеждения к мертвой общественной среде; но разумеется, Вы не исчерпали и не могли исчерпать полной характеристики. Нам еще придется многое сказать».[581]

Тут же Самарин, отталкиваясь от призыва Гилярова, «чтобы теперь же составлен был полный план издания сочинений Х<омякова> и чтоб работа роздана была по рукам», предлагает свое видение томов с «Семирамидой» и богословскими сочинениями, а также план-конспект предисловия к последним,[582] впервые (в этом письме 1861 г.) называя Хомякова «учителем Церкви нашего времени» и настаивая на необходимости самоотверженного сотрудничества в издании его трудов: «...возможность для меня этой работы представляется мне не иначе, как при Вашей помощи. Одно я считаю необходимым: это полнейшую правдивость, даже до грубости, без всякого снисхождения и без недомолвок. Дело слишком серьезно <...>».[583]

Подумывал Самарин и о продолжении собственных богословских исследований, начатых магистерской диссертацией «Стефан Яворский и Феофан Про-

---

[579] *<Бартенев П. И.>*. Н. П. Гиляров о «Семирамиде» А. С. Хомякова. С. 175.

[580] *Хомяков А. С.* Отрывок из Записок А. С. Хомякова о всемирной истории: Распадение Римской империи. — Движение германских и славянских народов. — Религиозные споры на Востоке // *РБ*. 1860. Кн. II (20). Отд. II. С. 101—178.

[581] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 686. Л. 1.

[582] Там же. Л. 1—3; опубл.: *Кн. Н. В. Ш. <Шаховской Н. В., кн.>*. Н. П. Гиляров-Платонов и А. С. Хомяков. С. 23—26.

[583] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 686. Л. 3.

копович» (1844), в свое время сочувственно встреченной Хомяковым;[584] чьи идеи и должно было развивать новое сочинение. Об этом он признавался брату Д. Ф. Самарину в письме от 27 февраля 1875 г.: «Мысль бросить все и поднять с земли нить размышлений, выпавшую из рук умиравшего Хомякова, меня много раз занимала; но я сознаю слишком глубоко, что до этой задачи я далеко не дорос умственно и неподготовлен душою (это главное)».[585]

Но, кроме того, здесь кроется и основная причина, почему Самарин стремился заручиться поддержкой Гилярова в подготовке к печати богословских сочинений Хомякова, и прежде всего — в переводе с французского трех знаменитых брошюр 1850-х гг.: Самарин критически относился к собственным богословским познаниям и потому обращался к Гилярову, воспитаннику и бывшему преподавателю Московской духовной академии. Тот вспоминал на склоне лет, в письме к князю Н. В. Шаховскому от 2 февраля 1886 г.: «...покойный Ю. Ф. Самарин склонялся предо мной (по моему мнению, даже сверх заслуженного); для Хомякова я был даже *единственным* человеком, с которым он признавал полное свое согласие».[586]

По поводу «Семирамиды» (после того как А. Ф. Гильфердинг подготовит ее текст по рукописям) Самарин предлагал Гилярову: «...чтоб Вы просмотрели все, касающееся до истории Церкви и ересей, а также сделали бы нужные пояснения и поправки».[587] Сначала планировалось, что богословские брошюры переведут старшие дети Хомякова Дмитрий и Мария, Самарин писал: «...я рассчитывал, что Вы возьмете пополам со мною труд исправить эти переводы. Издать надобно текст с переводом вместе».[588] 7 ноября 1861 г., однако, Гиляров сообщал Самарину: «...спешу Вас уведомить, что перевод французских богосл<овских> сочинений мною окончен вчерне, за исключением нескольких страниц письма к Бунзену. <...> Вопреки обещанию, перевода своего к Вам не посылаю; напротив, нахожу даже нужным, вопреки уговору, отдать здесь переписать свой перевод. Дело в том, что конченный вчерне, он требует поправки: тогда переписчик может разобрать только при моем непосредственном смотрении. Да потом, опять нужно будет промыть перевод, и тогда я уже пришлю Вам, и — вместе с предисловием, которое у меня довольно сложилось в голове».[589]

Самарин поначалу так откликнулся на присланную ему Гиляровым рукопись (назовем ее *1-м вариантом*): «Вашего перевода я не имел времени сверить; он

---

[584] См. подробнее в монографии: *Хондзинский Павел, протоиерей.* «Церковь не есть академия»: Русское внеакадемическое богословие XIX века. М.: Изд-во ПСТГУ, 2016. С. 209—220.

[585] *Самарин Ю. Ф.* Сочинения. М.: Изд. Д. Ф. Самарина, 1887. Т. 6: Иезуиты и статьи богословско-философского содержания. С. 485.

[586] Цит. по: *Из пережитого*. Т. 2. С. 488—489.

[587] *Кн. Н. В. Ш. <Шаховской Н. В., кн.>*. Н. П. Гиляров-Платонов и А. С. Хомяков. С. 24.

[588] Там же. С. 25.

[589] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 474. Л. 3.

мне показался совершенно удовлетворительным».[590] Перевод первых двух брошюр увидел свет в журнале «Православное Обозрение» (1863. № 10—11; 1864. № 1—2); публикацию третьей брошюры запретила цензура. Автор перевода здесь не указан, но В. М. Лурье, комментируя современное издание богословских сочинений Хомякова, уверенно называет переводчиком Гилярова,[591] и это подтверждается эпистолярными свидетельствами. Поправим, кстати, неточность В. М. Лурье, считавшего, что «публикация первой брошюры прошла мимо внимания цензуры, скорее всего, потому, что именно в 1864 г. Н. П. Гиляров-Платонов перестает быть членом Московского цензурного комитета».[592] На деле Гиляров был уволен из цензоров 11 августа 1862 г.;[593] к тому же «Православное Обозрение» было подведомственно не светской цензуре, а духовной, и Гиляров, даже если б оставался в своей должности, никак не мог влиять на этот журнал и его цензоров.

Однако потом, по внимательном прочтении и сверке с оригиналом, Самарин разочаровался в переводе Гилярова, очевидно заметив и распространение «сжатых хомяковских фраз», и «явное изменение смысла — то ли по непониманию или несогласию, то ли по цензурным соображениям»,[594] и решил сам перевести все три брошюры. Связано это было с необыкновенной суггестивной образностью и, вместе с тем, изысканностью стиля брошюр, парадоксально сочетавшего, по оценке аббата Гюстава Мореля, синтаксис XVII в. с лексиконом XIX-го: «...французский язык Хомякова не просто правилен и даже изящен, в нем не только различаются наитончайшие оттенки смысла слов, но более того, предложения — всегда остающиеся легкими, несмотря на свою длину — развиваются с гармонией и плодовитостью, напоминающей лучших прозаиков великого столетия».[595]

Самарин позднее (26 октября 1866 г.) сообщал княгине Е. А. Черкасской, переводившей с английского письма Хомякова к В. Пальмеру, о своих муках слова: «Со времени переводов из Тацита, которые задавал мне Шевырев, я не испытывал такой мучительной возни со словом. Как ни переворачивай и ни прикидывай, а все выходит как-то бесцветно и вяло, или чересчур топорно и как-то свинчено. Обыкновенно, кто пишет не на родном языке или не на том, на котором обыкновенно думает, тот довольствуется общечеловеческими конструкциями и оборотами, свойственными всем языкам; поэтому и перевод дается легко; но у Хомякова было не то. Он употребил в дело все идиотизмы фран-

---

[590] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 686. Л. 2.

[591] *Хомяков А. С.* Сочинения: В 2 т. М.: Моск. филос. фонд; изд-во «Медиум»; журн. «Вопросы философии», 1994. Т. 2: Работы по богословию. С. 352, 353, 355 и сл.

[592] Там же. С. 352. Та же ошибка закралась и в статью: *Кошелев В. А.* «Любовь это действительно первое и последнее слово...»: Н. П. Гиляров о Хомякове // *Возвращение*. С. 91.

[593] *Из пережитого*. Т. 2. С. 543.

[594] *Хомяков А. С.* Сочинения: В 2 т. Т. 2. С. 352.

[595] Пер. В. М. Лурье; цит. по: Там же. С. 351.

цузского языка и не то что одел в него свою мысль, а точно извлек ее из него, так что оторвать мысль от выражения становится почти невозможным».[596]

Завершив свой перевод брошюр (условно: *2-й вариант*), вероятно, в начале 1864 г., Самарин послал его на суд Гилярову. Однако тот не спешил исполнить просьбу приятеля: возглавив 20 августа 1863 г. Синодальную типографию, он был поглощен другими заботами. О том, как идет работа Гилярова над сверкой перевода Самарина с оригиналом хомяковских брошюр и над предисловием к ним (поначалу предполагалось, что его напишет Гиляров) Самарин в течение всего 1864 г. неоднократно запрашивал его через Аксакова и неизменно получал неутешительные ответы: Аксаков, 31 мая: «Гиляров купил себе дачу, переехал туда <...>. Понукаю его всячески насчет хомяковских сочинений: все дело за ним»;[597] Самарин, 16 июля: «...окончил ли Гиляров исправление перевода брошюр Хомякова и написал ли он предисловие?»;[598] Аксаков, 27 июля: «Гиляров <...> уверяет, что работает, что предисловие у него в голове совсем готово, и т. д. Этого человека ничто не берет»;[599] Самарин, 7 сентября: «Что делает Гиляров с переводом? Неужели придется бросить всякую надежду на его содействие?»;[600] Самарин, 5 октября: «А что Гиляров? Неужели не окончил предисловия и исправления перевода?»;[601] Самарин, 24 декабря: «А что делает Гиляров? Чует мое сердце, что он и не приступал к делу и что по приезде я застану его в том же положении, в каком оно было год тому назад».[602]

Наконец, Самарин, вернувшись из-за границы весной 1865 г. и добившись от Гилярова поправок к своему переводу, перебрался в имение брата Васильевское на Волге (ныне с. Приволжье Самарской обл.), где с лета того же года по позднюю осень 1866 г. интенсивно работал над брошюрами Хомякова, поставив перед собой трудноразрешимую задачу создания русского текста, конгениального французскому оригиналу. В том же письме от 26 октября 1866 г. Самарин сообщал княгине Е. А. Черкасской: «Поселившись в деревне на харчах у брата и не имея решительно никаких хозяйственных забот, я принялся за приготовление к печати второго тома богословских сочинений Хомякова <...> с тем, чтобы на этот раз непременно окончить этот труд. Трудом можно его назвать без всякого преувеличения. У меня перед глазами было два перевода, сделанный Гиляровым и мой; оба были два раза прочтены и проверены им и мною, и все-таки, при окончательной сверке, я забраковал почти всё без остатка и принялся переводить вновь. <...> По-настоящему, надобно бы все передумать сызнова и пере-

---

[596] Из писем Ю. Ф. Самарина // *Нольде Б.* Юрий Самарин и его время. М.: Эксмо, 2003. С. 535—536.

[597] *Переписка Аксакова и Самарина*. С. 185.

[598] Там же. С. 192.

[599] Там же. С. 194.

[600] Там же. С. 201.

[601] Там же. С. 206.

[602] Там же. С. 209.

дать по-русски, так, как бы он передал, но, разумеется, это уж был бы не перевод, и я за это не возьмусь».[603]

Гиляров не остался в стороне и, как мог, помогал приятелю в создании этого *3-го варианта* перевода. Об этом можем судить по его письму к Самарину от 13 ноября 1866 г.,[604] где он делился своим переводческим опытом. Еще только приступая к работе над брошюрами Хомякова, Гиляров столкнулся с тем, что его терминология, хотя и была свободна от схоластической закваски, свойственной русскому богословию того времени, однако мало учитывала традицию издания на русском языке святоотеческого наследия. Гиляров писал: «Терминология Хомякова и, кажется, Киреевского <...> по-моему мнению, — неправильная. Они называли *разумом* противоположность вещественному; человек, поколику он невещественное, есть разум. Это неверное означение, и притом означение путающее. Противоположность веществу есть дух <...>».[605]

Объяснялось это тем, что Хомяков исходил из закономерностей французского языка: «...ему представлялось прежде всего все-таки l'intelligence, удивительно убогое слово этого убогого на высшие понятия языка», а также «мешала правильному словоупотреблению гегелевщина. Der Geist, хоть и есть собственно дух, у Гегеля превратился в нечто собирательное <...> например, *дух писателя* или *дух времени*».[606] Удачным заимствованием из церковных сочинений могло бы стать «умный» в значении «духовный»: «...слова *умный*, в смысле отеческом, не только не следует избегать, но необходимо вводить его понемногу из литературы чисто церковной в обыкновенную, житейскую».[607] Гиляров продолжал свои новаторские экскурсы в лингвистику: «Выражение "вера *осмысленная*", по моему разумению, неправильно. Осмысленным должно быть названо то, чему дается смысл отвне, со стороны <...>. Но вера непременно смыслящая (в действительном залоге), коль скоро с нею соединяется *собственное ее* разумение. В страдательном залоге можно употребить в этом смысле слово *просветленная*».[608]

Том богословских сочинений, как известно, Самарин сумел напечатать только за границей (Прага, 1867), и он не был одобрен к выходу в России как раз из-за терминологии: в синодальном определении 1869 г. отмечалось, что в нем «много выражений неопределенных и темных, могущих подать повод к неверным заключениям о мысли автора, будто бы не согласной с православным учением»,[609] разрешение «к обращению в России» этого тома было получено только в 1879 г.

И хотя позднее, в письме к баронессе Э. Ф. Раден от 20 декабря 1869 г., Самарин самокритично упоминает свои «крайне несовершенные переводы французс-

---

[603] Из писем Ю. Ф. Самарина. С. 535, 536.

[604] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 474. Л. 7—8 об. Не вполне точно опубл.: *Сб. соч.* Т. II. С. 63—67.

[605] Там же. С. 65.

[606] Там же.

[607] Там же. С. 65—66.

[608] Там же. С. 66.

[609] Цит. по: *Хомяков А. С.* Сочинения: В 2 т. Т. 2. С. 353.

ских брошюр Хомякова»,[610] все же эти переводы, впервые опубликованные в 1867 г. (*3-й вариант*), — плод коллективного творчества, что сам Самарин указал в подстрочном примечании к Предисловию: «Перевод с французского текста сделан Ю. Ф. Самариным и Н. П. Гиляровым-Платоновым <...>»,[611] где неалфавитный порядок расположения имен определяет, чье участие было основным. Поэтому некорректны попытки представить единственным переводчиком брошюр в издании 1867 г. либо Гилярова, пусть и с оговоркой, что они «редактировались Ю. Ф. Самариным и Д. А. Хомяковым» (как это делает В. М. Лурье[612]), либо Ю. Ф. Самарина (например, в комментариях Т. Ф. Пирожковой и В. Ю. Шведова[613]).

В заключение упомянем о другом важном проекте, творчески объединившем Гилярова и Самарина в те же годы и развивавшем критику Хомяковым католичества. Когда 2 мая 1864 г. живший в Париже иезуит И. М. Мартынов написал письмо И. Аксакову в защиту своего ордена (в ответ на передовую статью газеты «День» в № 12 от 21 марта, при републикации в VII томе Собрания сочинений Аксакова в 1887 г., озаглавленную: «По поводу слуха об учреждении иезуитской коллегии при католической церкви в Петербурге»[614]), редактор «Дня» обратился к Гилярову с просьбой написать ответ отцу иезуиту. 31 мая Аксаков сообщал Самарину: «Письмо Мартынова поставило меня в немалое затруднение. Отвечать его <*так!*> мог бы вполне удачно Хомяков, затем ты. Я просил Гилярова написать ответ, — по крайней мере, как материал для ответа, и он взялся, но, кажется, надувает. <...> Тут дело идет не обо мне лично и не о *“Дне”* <...> тут “*День*” является пред лицом всего иезуитства как бы представителем православия, и это придает делу особенную важность, налагает тяжелую нравственную ответственность».[615] По убеждению Аксакова, без ответных возражений публикация письма Мартынова была невозможна. Но и осенью дело не сдвинулось с мертвой точки, о чем Аксаков жаловался в письме к Соханской от 12 сентября: «...так как я не специалист-богослов, то я поручил было составить ответ бывшему профессору Троицкой духовной академии Гилярову, он и взялся, но ничего до сих пор не сделал, так что письмо осталось без ответа и до сих пор».[616]

Спас положение Самарин, и в № 45/46 «Дня» от 20 ноября 1865 г., наконец, было опубликовано письмо Мартынова в составе передовой статьи Аксакова[617] в сопровождении первого из пяти «писем об иезуитах» Самарина. Однако Гиляров участвовал в публикации как этого, так и последующих писем, сообщения

---

[610] *Самарин Ю. Ф.* Собр. соч.: В 5 т. СПб.: Росток, 2016. Т. 3: Русское самосознание. С. 661.

[611] Там же. СПб., 2014. Т. 2: Церковь и общество. С. 595.

[612] *Хомяков А. С.* Сочинения: В 2 т. Т. 2. С. 351.

[613] *Переписка Аксакова и Самарина.* С. 406, 491.

[614] <*Аксаков И. С.*>. Москва 21 марта // День. 1864. 21 марта. № 12. С. 1—3; перепеч.: *Аксаков.* Т. VII. С. 475—483.

[615] *Переписка Аксакова и Самарина.* С. 186.

[616] *Переписка Аксаковых и Кохановской.* С. 326.

[617] День. 1865. 20 нояб. № 45/46. С. 1061—1065.

о чем содержатся в переписке Аксакова и Самарина. Например, 9 августа Самарин просил: «...ускорь печатание второго письма и заставь Гилярова прочесть его в корректуре; я уже распорядился, чтоб к нему посылали. Мне его замечания нужны»;[618] 17 августа: «Теперь все зависит от тебя; ускорь печатание и присылку, потребуй от Гилярова, чтоб он доставил замечания».[619]

Одновременно, для ускорения дела, Самарин написал и Гилярову, который ответил ему 16 августа: «Душевно благодарю Вас, любезнейший Юрий Федорович, за Ваше письмо. Воспоминание о Вас и представление о Вашем труде несколько оживило меня среди пошлой, мелкой, бесплодной деятельности, которую теперь я веду и которая способна довести меня до одурения (да и начинает доводить уже). Нет нужды говорить, что поручение Ваше я исполню с великим удовольствием, и с нетерпением ожидаю времени, когда статья Ваша будет получена здесь».[620] Аксаков сообщал Самарину 29 августа: «...2-го письма может быть набрано только тысяча строк, которые и пошлются к тебе в Самару и нынче или завтра отсылаются к Гилярову. Но, конечно, ты бы не этого желал. Ты хотел бы, вероятно, иметь и самому возможность, дать и Гилярову возможность прочесть статью всю, в ее полном объеме, а не по частям»;[621] 2 сентября: «Гилярову экземпляр корректуры доставлю».[622] Снова Самарин — 15 октября: «...пришлю тебе корректуру на будущей неделе. Но где же обещанные замечания Гилярова? Неужели он и в этом случае поленится и не сдержит обещания? А мне его совет нужен, почти необходим»;[623] 20 октября: «...попросил бы поручить продержать корректуру кому-нибудь из надежных и знающих латинский язык. Всего бы лучше было Гилярову. Его бы я мог уполномочить даже на поправки; но ведь на него нельзя положиться».[624] Сам Гиляров в конце жизни, в письме к И. Ф. Романову-Рцы от 2 ноября 1886 г., упоминал об этих событиях: «Ю. Ф. Самарин, слагавший предо мной оружие, умолявший писать “Иезуитов” и только после моего решительного отказа взявшийся писать (и написавший монографию, по глубине и ясности не имеющую подобия) <...>».[625] Названо отдельное издание писем Самарина, вышедшее под заглавием «Иезуиты и их отношение к России» (М., 1866. 304 с.; 2-е изд.: 1868. 480 с.; 3-е изд.: 1870. 510 с.)[626] и позднее высоко оцененное Гиляровым в некрологе Самарину: «Какое тонкое понимание, какой прорезающий анализ в его “Иезуитах”! Лучшей оценкою

618 *Переписка Аксакова и Самарина*. С. 216.
619 Там же. С. 217.
620 РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 474. Л. 5.
621 *Переписка Аксакова и Самарина*. С. 217.
622 Там же. С. 219.
623 Там же. С. 228.
624 Там же. С. 229.
625 *Письма к Рцы*. С. 248.
626 Поправим ошибку Т. Ф. Пирожковой и В. Ю. Шведова, утверждающих, что было только два издания (1866 и 1868) и что второе из них якобы вышло в Петербурге (см.: *Переписка Аксакова и Самарина*. С. 482).

силы этого сочинения служит то, что орден Лойолы не дерзнул даже выступить с ответной полемикой <...>».[627]

В конце 1860-х или в начале 1870-х гг. между Самариным и Гиляровым случилась серьезная размолвка по поводу одной корреспонденции из Праги, опубликованной в «Современных Известиях»,[628] поскольку в ней был задет племянник Самарина граф Ф. Л. Соллогуб, якобы в нарушение приличий не пришедший вместе с А. А. Пороховщиковым на представление, устроенное специально для них чешскими друзьями. Самарин отчитывал Гилярова: «Свидетельством Пороховщикова, моего племянника и президента Общества доказано: 1) что русские гости никакого приглашения на представление, *специально для них устроенное*, ни от кого не получали, 2) что *предугадать* намерение членов общества и задуманного последними приготовления они не могли, не имея к тому никакого повода, 3) что они не давали никому *такого обещания*, которое бы налагало на них *обязанность* явиться или, в случае невозможности, предупредить о своей неявке и оправдать ее. Из этого логически вытекает, что взведенное на Пор<оховщикова> и Сол<логуба> обвинение в нарушении приличия есть чистая напраслина».[629] После обмена несколькими письмами: негодующими Самарина, оправдательными Гилярова — Самарин, спохватившись, извинился, напомнив товарищу совместную работу над переводами хомяковских брошюр и книгой об иезуитах (приводим целиком это непубликовавшееся письмо, как нельзя лучше характеризующее духовную высоту их взаимоотношений):

> «“Даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати” [630] и т. д. — Эта молитва, к которой мы все давно прислушались, иногда задевает и совесть, заставляя человека оглядываться на себя. Не запрещается *судить*, запрещается *осуждать*, а еще хуже осуждения — оскорбление без предшествовавшего суда, наносимое другому для удовлетворения собственной нашей досады. Прав ли я был, осуждая Вас по законам литературного и общественного приличия? — оставим это; дело идет о правде иного рода, перед которою виноватым выхожу я, а не Вы. Мы вместе работали над одним делом, которым оба одинаково дорожили, вместе и согласно передумали многое, были у нас и общие скорби. Все это ставило нас настолько близко друг к другу, что когда я почувствовал на Вас досаду, следовало бы прийти объясниться, не давая нависать этому чувству. Повторяю: я виноват перед Вами, виноват в дурном побуждении, а не в недодуманном слове, и чистосердечно прошу у Вас прощения. Зная Вас, не сомневаюсь, что получу его, и потому заочно братски Вас обнимаю.
>
> Преданный Вам душевно
> Юрий Самарин».[631]

---

627 *Сб. соч.* Т. II. С. 467—468.

628 Выявить эту статью не удалось, ее содержание известно нам по недатированной двусторонней переписке Гилярова и Самарина, хранящейся в РНБ (Ф. 847. Ед. хр. 474, 686).

629 РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 686. Л. 10. Копия князя Шаховского.

630 Из молитвы преподобного Ефрема Сирина «Господи и Владыко живота моего...».

631 РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 686. Л. 9. Копия князя Шаховского.

3.9. Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ — КРИТИК ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИДЕЙ Л. Н. ТОЛСТОГО (1862, 1884)

Давно замечено, что во взаимоотношениях целого ряда писателей-современников нередко перемежались периоды тесной *дружбы* и скрытой, а подчас и ожесточенной *вражды*. Стоит вспомнить хотя бы Тургенева и его противостояние Достоевскому и Гончарову, его ссоры с Л. Толстым и Некрасовым.[632]

В самое последнее время Гиляров, как незаурядный русский мыслитель, все чаще сопоставляется с великими: Гоголем, С. Аксаковым, Хомяковым, Достоевским, исследователи отмечают в его сочинениях прозрения, позволяющие говорить о «конгениальности» Гилярова выдающимся его предшественникам и современникам.[633] Сделаны и первые подступы к теме «Л. Толстой и Гиляров»,[634] безусловно нуждающейся в кропотливой проработке и требующей привлечения новых, пока еще не введенных в литературоведческий круг архивных и газетных материалов.

Во взаимоотношениях писателей выделяются два периода: ранний, ограничивающийся 1862 годом, когда Гиляров был цензором журнала «Ясная Поляна», и более продолжительный поздний период (1882—1887), когда Гиляров издавал в Москве ежедневную газету «Современные Известия». В настоящей главе предпринята попытка осветить события 1862 года, воссоздав оригинальную позицию Гилярова по отношению к толстовской педагогике в контексте его собственных педагогических идей, а также представив по архивным документам обстоятельства цензурного прохождения статей Толстого.

Хотя Гиляров был только цензором (а впоследствии также издателем и критиком) некоторых толстовских сочинений, он — по своей отзывчивой натуре — не мог не сделать попытку стать доброхотным советчиком молодого писателя, как и вообще всех тех авторов, публикация сочинений которых зависела от него. В славянофильском кругу эта участливость Гилярова всегда приветствовалась:

---

[632] См. также тематику докладов на организованных журналом «Новое литературное обозрение» II Банных чтениях, озаглавленных «Дружба/вражда: из истории литературных отношений»; они проходили 27—28 июня 1994 г. в помещении Российской библиотеки по искусству (Новое литературное обозрение. 2003. № 59. С. 516—517).

[633] Так, Б. Ф. Егоров отмечает сходство Пушкинской речи Достоевского и статей Гилярова о поэте, опубликованных в преддверие Пушкинского праздника 1880 г., уточняя свои наблюдения: «...говорим не о заимствовании, а именно о совпадении, о конгениальности...» (*Егоров Б. Ф.* Православные мыслители и литературные критики XIX в. о Пушкине // *Егоров Б. Ф.* От Хомякова до Лотмана. М.: Языки слав. культуры, 2003. С. 155). Целую систему таких совпадений выявляет В. А. Викторович в своем недавнем исследовании: *Викторович В. А.* Перепутья русского консерватизма: (Ф. М. Достоевский и Н. П. Гиляров-Платонов) // *Гиляров: ИМБР.* С. 47—95.

[634] См., например: *Панаэтов О. Г.* Н. П. Гиляров-Платонов и К. Н. Леонтьев: Споры о Толстом. Краснодар: КубГУ, 2002. 75 с.; *Краснов Г. В.* В полемике с Л. Н. Толстым // *Возвращение.* С. 95—97.

ему давали на рецензию рукописи новых сочинений К. С. Аксаков, Ю. Ф. Самарин, А. С. Хомяков. Советы Гилярова были дельными и полезными — шла ли речь о сути рассматриваемых проблем либо о форме их изложения.

Однако всегда независимый в своих идейных поисках Л. Толстой, как увидим далее, и не собирался принимать интеллектуальное содействие Гилярова, оказывавшегося нередко первым читателем его статей в январе—августе 1862 г. Познакомил Гилярова с Толстым М. Н. Катков, дружественно настроенный по отношению к писателю, однако не сочувствовавший его стремлению издавать педагогический журнал, видевший в этом его измену своему истинному предназначению. Прочтя в рукописи программную статью, написанную для первой книжки «Ясной Поляны» («О народном образовании»), Катков 7 января 1862 г. делился с автором своими впечатлениями: «...я окончательно убедился, что вы грешите против своего призвания, предпринимая это издание. С основаниями статьи, конечно, я не согласен. <...> Мне было бы легче наговорить вам по поводу этой статьи тысячу комплементов, но я не хочу кривить душой, да и вы, без сомнения, желаете услышать от меня не ложь, а искреннее мое мнение».[635] Далее Катков сообщал, что уже похлопотал о журнале Толстого в отношении надзирающих органов: «Цензура, как я думаю, не сделает затруднений, кроме, может быть, двух-трех выражений. Я уже писал к Гилярову, прося его взять цензуру вашего издания».[636] То есть Катков частным образом предложил взять «Ясную Поляну» под свое крыло человеку, не только имевшему репутацию одного из наиболее либеральных цензоров (Гиляров служил в Московском цензурном комитете в 1856—1862 гг.), но и лично высоко ценимому им литератору и редактору: в тот же период он по просьбе М. Н. Каткова и П. М. Леонтьева принял на себя заведование литературной частью редакции «Русского Вестника».[637]

Первую, январскую, книжку «Ясной Поляны» Гиляров подписал довольно оперативно, 18 января 1862 г. Материалы же последующих номеров нередко задерживались, поскольку цензор не видел возможности публикации некоторых мест без нарушения должностных инструкций. Позднее, в 1884 г., полемизируя в печати с Ю. Н. Говорухой-Отроком (об этом подробнее ниже), Гиляров вспоминал: «...автору “Ясной Поляны” лично высказывали мы свое мнение об его

---

[635] Переписка Толстого с М. Н. Катковым / Публ. Ф. В. Буслаева // Литературное наследство. М., 1939. <Т.> 37/38: Л. Н. Толстой; <кн.> II. С. 189.

[636] Там же. Публикатором ошибочно вместо «к Гилярову» прочтено «к Галахову» и прокомментировано: «известный составитель учебников по русской литературе, профессор Петербургского университета». На деле Алексей Дмитриевич Галахов (1807—1892), во-первых, в университете не преподавал, а в 1856—1892 гг. возглавлял кафедру русской словесности при Николаевской академии Генерального штаба, одновременно (1865—1882) будучи профессором русской словесности Историко-филологического института; во-вторых же, к Цензурному ведомству он в этот период никакого отношения не имел и потому не мог никакого издания (тем более московского) взять для цензуры.

[637] См. письмо к нему М. Н. Каткова и П. М. Леонтьева от 1 марта 1862 г.: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 654. Л. 1—2.

педагогических воззрениях еще в самый момент, когда “Ясная Поляна” издавалась, более 20 лет назад <...>».[638] В другой мемуарной статье Гиляров тепло писал о тех впечатлениях, что стимулировали интерес писателя к сельской школе: Толстой, по его словам, «поразился этою непочатою почвою, этими неизмятыми душами, этою чистою любознательностью, ничем не засоренною, найденною им в крестьянских детях. Он учредил школу (в Ясной Поляне), начал даже издавать журнал педагогический; но потом остыл, по-видимому, о чем и жалеть, впрочем, не приходится».[639] И далее разъяснял суть своих претензий, предъявляемых к журналу, которые оказались напрямую связаны с его славянофильскими убеждениями: «Как во всем увлекающийся, основатель Яснополянской школы довел до абсурда уважение к детской свободе и веру в любознательность ребят, возлагая всё на природу, на манер Жан Жака Руссо, и не считаясь с историею, а отсюда и с душою народа, взятого в его совокупности. Дети, хотя и крестьянские, суть не просто человеческие существа, но русские люди, и русские не по физическому только происхождению и окружающей непосредственно природе, а дети народа, прошедшего известную историческую жизнь, и дети определенной церкви».[640]

Как видим, лаконично формулированное здесь мнение Гилярова в первой своей части (об увлечении крайностями руссоизма) совпадало с тем, в чем Толстого-педагога упрекали наиболее проницательные критики его журнала «Ясная Поляна»: Н. Г. Чернышевский и Д. И. Писарев, А. Н. Пыпин и Е. Л. Марков. Вместе с тем Гиляров словно бы вторил Н. Н. Страхову, писавшему: «Положительная сторона “Ясной Поляны” состоит в необыкновенном поэтическом чутье всех явлений души русских детей».[641] Оригинальным же в критике Гилярова, кроме всего прочего, было выдвижение на первый план национально-религиозного критерия в оценке народной педагогии Толстого и утверждение, что тот в своей воспитательной системе не опирается на специфику русско-православной психо- и пневматологии.

Столкновение, о котором больше всего сегодня известно, произошло из-за статьи «Воспитание и образование», датированной 2 июля 1862 г. Толстой предполагал напечатать ее в задержавшейся июньской книжке, но из-за неуступчивости Гилярова та вошла только в июльскую книжку, притом подписанную в печать лишь 20 сентября. Именно спорами об этой статье объясняется комментаторами единственное упоминание Гилярова в Дневнике Толстого (под 30 августа 1862 г.): «Утро работал. Помешал Тимирязев. Разозлил Гиляров. Дома обедал, заснул <...>».[642] Впрочем, когда статья, уже к тому же исправленная, на-

---

[638] *<Гиляров-Платонов Н. П.>*. Москва, 22 мая: Дневное обозрение // *СИ*. 1884. 23 мая. № 138. С. 2.

[639] *<Гиляров-Платонов Н. П.>*. Москва, 16 мая: Дневное обозрение // Там же. 1884. 17 мая. № 132. С. 1.

[640] Там же.

[641] *Страхов Н.* Новая школа // Время. 1863. № 1. С. 151—152.

[642] *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: <В 90 т.>. М.: Гослитиздат, 1952. Т. 48. С. 42.

конец увидела свет, она огорчила даже близких Толстому людей, каков был помещик И. П. Борисов, сообщавший 22 ноября 1862 г. И. С. Тургеневу: «В июльской книжке “Ясн<ой> Поляны” есть громовая статья против университетов наших вообще, и профессоров казнит без пощады».[643]

Компромисса без привлечения третьих лиц цензору журнала и его издателю достичь так и не удалось. 11 августа Гиляров был вынужден оставить цензорское место из-за того, что, по убеждению управляющего Министерством народного просвещения А. В. Головнина, «неприлично быть цензором человеку, находящемуся в дружеских отношениях с редакторами и участвующему в литературе».[644] 5 сентября 1862 г. было датировано отношение № 564 Московского цензурного комитета «О статье гр. Толстого “Воспитание и образование”», подписанное его председателем М. П. Щербининым. Составил текст, судя по его стилю и содержанию, сам Гиляров,[645] а не цензор Ф. И. Рахманинов, ставший его преемником, хотя характерно, что отношение было отправлено в Петербург через два месяца после создания Толстым статьи и уже после ухода Гилярова из Цензурного ведомства (однако по вышецитированной записи из Дневника Толстого видно, что Гиляров не был сразу отстранен от курирования «Ясной Поляны»). Очевидно, что председатель Московского цензурного комитета, посылая в Петербург донесение по начальству со списком претензий к статье «Воспитание и образование», не разрешил ее печатать без серьезных поправок и стремился обезопасить себя.

Либерально же настроенный министр А. В. Головнин счел возможным пропустить в статье Толстого все его обличения, направленные против воспитания, если оно «опирается на насилие и произвол», и защиту только того образования, что основано на «полной свободе». Министр пояснял свою позицию: подобные суждения должны инициировать плодотворную полемику, «так как

---

[643] Письма к И. С. Тургеневу и письма о нем. И. П. Борисов / Публ. Е. М. Хмелевской // Тургеневский сборник. Л.: Наука, 1967. Т. III. С. 365.

[644] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 378. Л. 10 об. (письмо Гилярова к графине А. Д. Блудовой от 1 августа 1862 г.).

[645] Отношение было отправлено в Главное управление цензуры в копии переписчика: РГИА. Ф. 773. Оп. 1. Д. 240. 1862 г. Л. 1—2; получено там 10 сентября. По копии воспроизведено в Полн. собр. соч. Толстого в 90 т. (Т. 8. С. 556). Характерно следующее разночтение. В подлиннике РГИА: «Автор ни за кем не признает права воспитания в принципе и только в виде уступки утвердившимся веками традициям оставляет его за семьею, Церковью и Государством и безусловно отнимает его у общества» (л. 1). В опубликованной копии в этой фразе вместо «традициям» стоит: «и обычаям (предрассудкам?)». Тут встречаем типично гиляровский концепт «предрассудок» не в привычном бытовом смысле, а в значении: «*до*рассудочное знание», «основа человеческой морали и регулятор общественного порядка»; Гиляров, по убеждению современного исследователя, дал «наиболее откровенную в русской философской традиции реабилитацию “предрассудка”» (*Межуев Б. В.* Вл. Соловьев, Н. П. Гиляров-Платонов и «разложение славянофильства» // История философии. 2000. № 6. С. 51, 50).

в университетах и гимназиях многие лица будут отвечать автору и объяснять, в чем он ошибается».[646] Особенное внимание министра привлекли следующие слова Гилярова: «...автор статьи силится ниспровергнуть всю систему общественного образования, принятую не только в России, но и в целом мире <...> он не ограничивается одними теоретическими рассуждениями, но делает при них практические выводы в применении ко всем существующим общественным учебным заведениям в России <...>».[647] В «запретительной» части своей резолюции Головнин полностью соглашается с этим заключением Гилярова: «...из этой статьи следует исключить все, что порицает учебные заведения других ведомств <...>».[648]

Как известно, в 1862 г. за периодическими изданиями надзирали чиновники не одного только Министерства народного просвещения, но и Министерства внутренних дел, поскольку по предложению Головнина готовилась передача цензуры в ведение последнего. Бурная полемика в печати по поводу педагогических нововведений, предлагавшихся в «Ясной Поляне», насторожила ведомство графа П. А. Валуева (находился во главе Министерства внутренних дел в 1861—1868 гг.), тем более что ходили слухи о том, что в Яснополянской школе учительствуют неблагонадежные студенты. В связи с этим 6—7 июля 1862 г. в поместье был произведен обыск, безуспешно искали типографский станок и прокламации. Когда же полицейский поход был предпринят против самого журнала Толстого, Головнин встал на его защиту. И помог ему именно Гиляров.

3 октября 1862 г. в своем официальном отношении, адресованном Головнину,[649] Валуев ставил в вину журналу, что тот «распространяет такие идеи, которые, независимо от их неправильности, по самому направлению своему, оказываются вредными» (л. 1). И далее разъяснял, что эти «направление и дух» издания Толстого «нередко низвергают самые основные правила религии и нравственности» (л. 1—1 об.). Отягчающим обстоятельством оказывалась художественность изложения. Валуев подчеркивал: «...издатель, обладая замечательным и, можно сказать, увлекательным литературным дарованием, не может быть заподозрен ни в злоумышленности, ни в недобросовестности своих убеждений. Зло заключается именно в ложности и, так сказать, эксцентричности этих убеж-

[646] РГИА. Ф. 773. Оп. 1. Д. 240. 1862 г. Л. 1.

[647] Там же. Л. 1 об.—2.

[648] Там же. Л. 1.

[649] Отношение (за исходящим № 598 и входящим № 1540) сохранилось в деле Особенной канцелярии Министерства народного просвещения «По отношению Министра Внутренних Дел, о направлении журнала “Ясная Поляна”» (РГИА. Ф. 773. Оп. 1. Д. 283а. 1862 г. Л. 1—26 об.). Это дело было опубликовано В. С. Спиридоновым в составе его статьи «Л. Н. Толстой-педагог на суде цензуры и критики шестидесятых годов» (Ученые записки / Ленингр. гос. пед. ин-т им. М. Н. Покровского. Л., 1940. Т. IV: Фак. яз. и лит. Вып. 2. С. 93—119), однако с пропусками и рядом неверно прочитанных слов, поэтому далее оно цитируется в настоящей главе по подлинникам с указанием прямо в тексте порядкового номера листа.

дений, которые, будучи изложены с особенным красноречием, могут увлечь на этот путь неопытных педагогов и сообщить неправильное направление делу народного образования» (л. 1 об.).

Получив это отношение 9 октября, Головнин тут же встретился с Валуевым, о чем на следующий день на левом поле документа была сделана запись: «Его Пр<евосходительство> г. Упр<авляющий> М<инистерством> Н<ародного> Пр<освещения> изволил отозваться, что он переговорил уже с г. М<инист>ром Вн<утренних> Д<ел> и отдал распоряжение о рассмотрении “Ясной Поляны”. Настоящую бумагу приказал принять к сведению. 10 октября 1862» (л. 1). Головнин смог дать официальный ответ Валуеву только 24 октября. Он сообщал о «Ясной Поляне»: «...вышедшие до настоящего времени книжки этого издания, несмотря на то, что М<инистер>ство Нар<одного> Пр<освещения> своевременно следило за оными, снова, по моему распоряжению, были подвергнуты тщательному пересмотру, и я долгом считаю препроводить у сего к Вам, Мил<остивый> Гос<ударь>, копию с донесения мне по этому предмету. Из этого донесения Ваше Пр<евосходительст>во изволите усмотреть, что в направлении помянутого издания нет ничего вредного и противного религии, но встречаются крайности педагогических воззрений, которые подлежат критике в ученых педагогических журналах, а никак не запрещению со стороны цензуры» (л. 2—2 об.).

Обстоятельное донесение, составленное в промежуток между 10 и 24 октября, не было подписано и имело заголовок «Мнение о “Ясной Поляне”, педагогическом журнале, издаваемом графом Л. Н. Толстым». В. С. Спиридонов, опубликовавший его, замечает: «Автор “Мнения” нам неизвестен. <...> Автор был довольно объективен в оценке Толстого, но вместе с тем на протяжении всего “Мнения” он определенно стремился реабилитировать Толстого от обвинений, взведенных на него Министерством внутренних дел. <...> “Мнение” — одна из лучших статей об “Ясной Поляне”, написанных в 60-х годах».[650]

Кто же автор «Мнения»? Безусловно, Гиляров. Даже если бы в архивном деле находилась копия переписчика, а не автограф, отличающийся характерным почерком и присущим автору обыкновением писать довольно узкими столбцами, оставляя большие поля, — все равно и содержание «Мнения», и его специфичные синтаксические обороты, и лексические особенности, и особое внимание, уделенное религиозным аспектам статей Толстого, — все указывает на авторство Гилярова, к тому времени снискавшего известность и как неординарный литературный критик, и как богослов. Да и кто, кроме Гилярова, более полугода надзиравшего за журналом «Ясная Поляна», мог в короткий срок (не более чем за неделю, учитывая пересылку бумаг из Петербурга в Москву и обратно) дать всестороннюю пространную оценку этого издания? К нему и обратиться было очень просто, поскольку с 11 августа 1862 г. он в течение года состоял чиновником особых поручений V класса при Головнине; причем тот, не решив пока окончательно, чем бы занять Гилярова, 14 августа велел ему приступить к со-

[650] *Спиридонов В. С.* Л. Н. Толстой-педагог на суде цензуры... С. 106.

ставлению истории Министерства народного просвещения по архивным документам.[651] Так что Гиляров имел досуг, чтоб написать обширную служебную записку.

Исходя из того, что автор «Мнения», «хорошо осведомленный в истории педагогики, устанавливает связь педагогических воззрений Толстого с воззрениями Монтеня, Локка и Руссо»[652] биограф Толстого Н. Н. Гусев приводит версию о том, что «автором был К. К. Сент-Илер, впоследствии директор Петербургского учительского института и член Отдела Ученого комитета по рассмотрению книг для народного чтения».[653] Однако 28-летний зоолог Сент-Илер состоял чиновником Министерства действительно «впоследствии», в 1877—1897 гг., а педагогическими проблемами увлекся только в 1863 г., когда и опубликовал свою первую статью по этой тематике. Вместе с тем В. С. Спиридонов справедливо отмечал: «Критики 60-х годов, рассматривавшие “Ясную Поляну”, указывали на связь Толстого с Руссо, но никто из них не ставил вопроса о связи его воззрений с воззрениями Монтеня и Локка. Это впервые сделал автор “Мнения”».[654] Таким ученым, глубоко осведомленным, между прочим и в истории педагогической мысли, в то время и был Гиляров, которого не случайно близкий ему по взглядам современник назвал «гением-энциклопедистом».[655]

Как раз в тот переломный для страны период начала 1860-х гг., когда на повестку дня встали вопросы о судьбах будущих поколений,[656] Толстой основал Яснополянскую школу и задумал свой журнал, а Гиляров, конечно независимо от него, предложил свой план реформирования всей системы начального образования в России. Замечательно, однако, это единодушное совпадение у них, почти сверстников (Толстой был моложе Гилярова на четыре года), внутренних душевных потребностей послужить обществу на одном из самых сложных поприщ, пожертвовав на время решением основных своих жизненных задач, лежащих в первом случае в художественно-эстетической сфере и во втором — в области философии и богословия.

---

[651] Сохранился план этого фундаментального исследования, к сожалению не осуществленного; он опубликован кн. Н. В. Шаховским: *Сб. соч.* Т. II. С. 141—147.

[652] *Гусев Н. Н.* Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1855 по 1869 год. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 562.

[653] Там же. С. 561.

[654] *Спиридонов В. С.* Л. Н. Толстой-педагог на суде цензуры... С. 106.

[655] *Рцы <Романов И. Ф.>*. Памяти Н. П. Гилярова-Платонова // *РД*. 1887. 7 нояб. № 15. С. 3.

[656] Гиляров так и писал в 1860 г., упоминая о подготавливавшихся реформах: «...теперь вопрос о народном обучении есть вопрос <...> о будущем целой России, вопрос более важный, чем все вопросы о финансах, судопроизводстве, полиции и вообще о государственных учреждениях. Ибо как ни плохи будут учреждения, но когда дух народа цел, государство останется непоколебимо; а когда последовало в народе нравственное разложение, тогда самые превосходные учреждения не удержат государство от гибели» (*Гиляров-Платонов Н. П.* О первоначальном народном обучении // *Сб. соч.* Т. II. С. 139).

Как говорилось выше, Гиляров стоял у истоков создания церковноприходской школы — того именно типа и значения, какие получила она уже в следующее царствование, при Александре III. Свои мысли на сей счет он во второй половине 1850-х гг. неоднократно высказывал в устных беседах и переписке с графиней А. Д. Блудовой, а та передавала императрице Марии Александровне. В конце декабря 1861 г. по просьбе последней, переданной через Блудову, Гиляров составил для Высочайшего семейства «Записку о первоначальном образовании народа», как он ее сначала называл, и через графиню отправил ее в Зимний дворец.[657] 3 января 1862 г. та ему сообщала: «Ваша записка об обучении народа была прочтена самому Государю, который ею очень доволен, разделяет Ваш образ мыслей и, как я достоверно узнала, твердо убежден, что в руках духовенства должно оставаться образование первоначальное».[658]

Митрополит Филарет (Дроздов), в свое время, в 1855 г., фактически изгнавший Гилярова из Московской духовной академии, где тот преподавал учение о расколе (слишком объективно, а не «обличительно»),[659] — ознакомившись с его рассуждениями об обновлении системы образования, всецело согласился с ними. 1 января 1862 г. Гиляров писал графине Блудовой о своей Записке: «Читал я ее, между прочим, Филарету, и он был так доволен, что принимался несколько раз благодарить и в заключение спросил: нельзя ли бы ее напечатать?»[660] Владыка передал ее для публикации в ближайшей книжке академического журнала (мартовской за 1862 г.), где она и увидела свет под названием «О первоначальном народном обучении».[661] Важностью Записки проникся и М. Н. Катков, тут же перепечатавший ее в приложении к «Русскому Вестнику».[662]

Существенно и то, что, подобно Толстому, открывшему школу у себя в имении, Гиляров сумел уже в 1860-х гг. частично воплотить свои идеи в жизнь. В своих мемуарах «Из пережитого» (1884—1887) он писал: «...я предложил одному протоиерею дать совет благотворителю, недоумевавшему, как употребить капитал, назначенный им на церковь: “Советуйте учредить церковноприходскую школу”. Совет принят, и я достиг, что сама Императрица присутствовала при открытии заведения».[663] Речь идет о протоиерее В. И. Романовском и купце первой гиль-

---

[657] Эта Записка приложена к письму Гилярова к Блудовой от 23 декабря 1861 г. (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 377. Л. 8—12 об.). Через неделю, 30 декабря, графиня отвечала: «Благодарю Вас искренно за записку о школах, которую читала с истинным душевным наслаждением» (цит. по: *Шаховской Н., кн.* Н. П. Гиляров-Платонов как инициатор церковно-приходской школы // *РО*. 1896. Т. 37, февр. С. 572).

[658] Цит. по: Там же.

[659] См. подробнее: *Дмитриев А. П.* История одного увольнения: (Митрополит Филарет и Н. П. Гиляров-Платонов в 1855 году) // Филаретовский альманах. М.: Изд-во ПСТГУ, 2008. Вып. 4. С. 158—183.

[660] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 377. Л. 14.

[661] *ПкТСО.* 1862. Ч. 21. С. 165—180.

[662] Современная летопись «Русского Вестника». 1862. № 30 (Июль). С. 17—19.

[663] *Из пережитого*. Т. 2. С. 78.

дии Б. В. Глинском, отделавшем на свои средства церковь Параскевы Пятницы на Пятницкой улице (д. 23) и пожертвовавшем на богоугодные цели 16 тыс. рублей. Построенная им по инициативе Гилярова первая в Москве церковно-приходская школа нового типа (Пятницкая), одноклассная, для детей обоего пола, была открыта 14 декабря 1862 г.;[664] в это время Толстой еще издавал свой журнал.

Так что критиковал Толстого специалист, заслуги которого в назревших преобразованиях системы образования получили признание и правительства, и церкви, и — отчасти — общества. Возвращаясь к «Мнению» Гилярова, уклонимся от его всестороннего анализа (в рукописи насчитывается 46 страниц, и подобный анализ должен в будущем стать предметом сосредоточенного историко-педагогического исследования) и отметим только наиболее важные моменты полемики Гилярова с идеями Толстого, отразившиеся в документе.

По своему обыкновению, сначала Гиляров как бы предоставляет слово автору, сочувственно излагая его воззрения относительно «а) метода образования, б) отношения учащихся к учащим и в) соответствия народных школ с характером и потребностями народа» (л. 4). Отвлекаясь от «исключительности и крайности некоторых взглядов» (л. 9), критик усматривает главное достоинство толстовской педагогики в ее демократизме и опоре на любовь как на идеал отношений, родственных семейственным. Он заключает: «Положить в основу народного воспитания природу детей вообще и природу русского простолюдина в особенности <...> освободить уроки от всякого принуждения и механизма; устроить из школы как бы семейство, где начальники заступают место добрых, попечительных отцов и матерей, — что может быть лучше этого, желательнее и плодотворнее?..» (л. 9—9 об.).

Гиляров к тому же, скрыто отсылая к неприязненному мнению из отношения Валуева о языке педагогических сочинений Толстого, подходит к вопросу с другой стороны и подчеркивает, что художественность стиля, напротив, является их существенным достоинством: по его словам, писатель «рассказам своим о самом, по-видимому, сухом и неблагодарном предмете, каково чтение или письмо, умеет сообщать жизнь, увлекательность и поэтический колорит» (л. 10).

Рассматривая педагогические суждения Толстого в контексте воззрений прежде всего М. Монтеня, Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо и И. И. Бецкого, а также И.-Г. Песталоцци, И.-Б. Базедова, Ж.-Ж. Жакото и Дж. Ланкастера, Гиляров находит и тут нечто положительное и достойное оправдания — он приходит к выводу, что пренебрежение, высказываемое Толстым к этим его предшественникам, говорит только о том, что писатель «дорожит своим предметом как русский и частию как славянофил» (л. 15), но на деле во многом повторяет сказанное до него. «Существенно новое» в педагогических взглядах Толстого, считает Гиляров, —

[664] См.: *Романовский В., свящ.* Открытие церковноприходской Пятницкой школы в Москве, в присутствии Ея Императорского Величества Государыни императрицы Марии Александровны, 14 декабря 1862 года // *ДЧ.* 1863. Ч. I, февр. Отд.: Изв. и заметки. С. 27—33.

это, во-первых, то, что у него «нет никакой предначертанной системы; следов<ательно>, здесь и рассуждать не о чем» (л. 12), кроме как похвалить графа за его *поиски* «системы народного русского образования» (л. 12 об.); во-вторых, «Толстой предоставляет учителю совершенно пассивную роль», «по требованиям “Ясной Поляны”, преподаватель в своих уроках покорно и даже рабски следует за учащимися...» (л. 12), и, наконец, «педагогические опыты и наблюдения» производятся «над русскою простонародною молодежью» (л. 13 об.), а не над отпрысками образованных классов, как обыкновенно делалось прежде. Главным образом в этом, кстати, Гиляров и усматривает свидетельство того, что Толстой как педагог близок к славянофилам. Развивая свою мысль, Гиляров пишет: «По славянофильским воззрениям, он думает, хотя и не высказывает прямо своей мысли, что славянам вообще, и русским славянам преимущественно, суждено заявить миру последнее, самое истинное слово во всех науках, в том числе и в педагогии. Этим объясняются невыгодные, даже презрительные отзывы “Ясной Поляны” о заграничной педагогической литературе и о заграничных народных школах» (л. 15).

Несмотря на возложенную на себя Гиляровым задачу написать апологию толстовской педагогики, он не уклоняется от указания ее «неудобств и недостатков».

Во-первых, он считает идеи Толстого утопическими, неприменимыми в условиях народной школы: «Так учить, как хочет учить “Ясная Поляна”, можно только одного, двух, трех. Школа, которую она хочет устроить, может существовать только в семье, под надзором чадолюбивых родителей...» (л. 16 об.). Фактически, по мысли Гилярова, Толстой психологически отталкивается от методов жесткого воспитания своего гувернера француза П. А. Сен-Тома (St.-Jerome из «Отрочества») и создает нечто противоположное им, но пригодное для дворянской семьи. Гиляров подтверждает свой вывод остроумной ссылкой на «педагогический» роман Руссо, находившегося «в выгоднейшем положении: у него был один питомец — Эмиль, и тот воображаемый» (л. 17).

Второй ошибкой Толстого Гиляров называет неучет им психологии учебного процесса — его «усилия передавать науку шутя или с незаметною для учащихся работою» (л. 18 об.—19), тогда как «вся жизнь наша есть труд» (л. 18 об.). Более того: «Труд есть обязанность учащегося. Пусть в этой обязанности привыкает он находить и удовольствие и награду» (л. 19 об.). Гиляров утверждает: «...непрочны для умственного развития и положительно вредны в нравственном отношении те приемы и способы, которыми мы хотим освободить детей от всякого труда и передать им знания легко, приятно и даже сладко» (л. 18 об.).

В-третьих, заблуждением Толстого Гиляров называет его подход к воспитанию эстетического вкуса, имея в виду довольно экстравагантные суждения писателя на сей счет из его статьи «Яснополянская школа за ноябрь и декабрь месяцы». Критик пишет: «Безусловно доверяясь детской натуре и почти вовсе не доверяя тому, что сделала до сих пор педагогия, он каждое требование ученика считает законным, каждое понятие его правильным, и его неразвитым вкусом

определяет хорошее или дурное в области поэзии. <...> ...ставит лирические стихотворения Пушкина и симфонию Бетховена ниже простонародных русских песен и напевов, на том основании, что эти напевы и песни доступны чувству крестьянского мальчика, а Пушкин и Бетховен нет, забывая, что для усвоения красоты истинно-художественных произведений необходимо пройти чрез низшие и высшие школы, что к пониманию и художественной и нравственной красоты восходят постепенно, путем долгих упражнений» (л. 19 об.—20).

Самое же существенное в своей критике Толстого (как для себя самого, так и в связи с запросом министра внутренних дел) Гиляров оставил напоследок. Не без горечи он пишет о том, что Толстому оказалась чуждой всесторонне обоснованная им идея доверить начальное образование народа приходским священникам: «В “Ясной Поляне” есть несколько неблагоприятных отзывов о духовных лицах <...>. Она — против поручения народных школ духовному ведомству» (л. 25 об.). И тут же Гиляров встает на защиту писателя, позволившего себе критику сельских причтов: «Но смешивать понятия журнала о духовенстве с его понятиями о религии и нравственности не только не благовидно, но и решительно несправедливо. Служитель веры и сама вера не одно и то же. Предмет, которому служат, непреложен и свят; а те, которые служат, могут, по общечеловеческой слабости, быть более или менее достойны, могут быть вполне достойны, равно как и вовсе недостойны. Великие святители церкви, проповедуя чистоту и непоколебимость христианства, весьма часто обличали грехи священства и монашества» (там же).

Гиляров выделяет еще два аспекта той же темы — об «отношении народного образования к религии» (л. 21 об.).

Приведя пространную цитату из статьи Толстого «О народном образовании» (в частности: «Но какое положение школы нашего времени, оставшейся на тех же догматических принципах, когда, рядом с классом заучивания истины о бессмертии души, ученику стараются дать уразуметь, что нервы, общие человеку и лягушке, суть то, что прежде называли душою; когда после истории Иисуса Навина, переданной ему без объяснений, он узнает, что солнце никогда не ходило вокруг земли...»), критик настаивает, что Толстой здесь использует художественный прием, аналогичный несобственно-прямой речи: «Разве автор говорит здесь от себя и о себе? Он говорит от лица духа времени и о духе этого времени. Он замечает только существующий и видимый многими, если не всеми, факт — ослабление веры в непогрешимость того или другого знания, упадок религиозного чувства. Не он, конечно, думает, что нервы и душа — одно и то же: это есть учение материализма» (л. 22 об.).

Кроме того, Гиляров находит в статье «Яснополянская школа за ноябрь и декабрь месяцы» такие рассуждения писателя, которые могут смутить «иных читателей»-пуристов, — взгляд Толстого на Библию как на художественное произведение: «Не как христианин только, но и как поэт, он приходит в восторг от поэтического достоинства Библии, говоря, что каждое слово в ней “справедливо как откровение и справедливо как художество”; что нет ни одного произведе-

ния, которое “соединяло бы в себе в столь сжатой поэтической форме все стороны человеческой мысли”» (л. 24). Гиляров вынужден пояснять таким, «фарисейски» настроенным, читателям «Ясной Поляны», что имел в виду издатель: «...слово “поэтический” прилагается гр. Толстым не к содержанию, а к форме Откровенного Писания <...> оно употреблено не как синоним “вымышленного”, “фантастического”, а в смысле красоты выражения, передающего Откровение» (л. 24—24 об.).[665]

В окончательном своем выводе Гиляров категоричен: «Нет, не антирелигиозные тенденции видны в журнале гр. Толстого, а скорее совершенно противные, т. е. религиозные. Современный материалист и нигилист не сойдется с ним ни под каким видом. Он не сойдется с “Ясной Поляной” ни за ее благоговение перед книгами Св. Писания; ни за ее уважение к религиозному настроению народа, которое она вовсе не признает за невежество и суеверие; ни за ее мнения об историческом ходе народной судьбы, в котором нигилизм видит ряд ошибок и кривых путей и который поэтому считает бесполезным изучать; ни за ее стремление развивать фантазию дитяти и пробуждать в нем чувство изящного — пустое и ненужное в современной жизни, по словам нигилистов...» (л. 24 об.—25).

Гиляров, как отмечалось выше, завершил разбор книжек «Ясной Поляны» не позднее 20 октября 1862 г. И именно в октябре писатель принял окончательное решение о прекращении издания. Еще в десятых числах этого месяца Толстой писал свояченицам Татьяне и Елизавете Берс: «По правде сказать, журнальчик мой начинает тяготить меня, особенно необходимые условия его: студенты, корректуры et cet. А так и тянет теперь к свободной работе <...>»,[666] а 15 октября записал в Дневнике: «Журнал решил кончить, школы тоже — кажется».[667]

Толстой тогда заметно охладел к практической реализации своих педагогических идей, хотя в первой половине 1870-х гг., как известно, вернулся к преподаванию в Яснополянской школе, написал «Азбуку» (1871—1872), позднее «Новую азбуку» и «Русские книги для чтения» (1874—1875).

Однако Толстой своим почином «разбудил» 29-летнего московского профессора, биолога и математика С. А. Рачинского, которому суждено было на практике сначала опробовать его педагогические идеи, а затем посвятить жизнь осуществлению того плана церковноприходского образования, что наметил в своей Записке 1861 года Гиляров. 22 мая 1862 г. Рачинский писал Толстому: «Во многих из Ваших положений, которые кажутся парадоксами в силу привычки к совсем иному, лежит неотразимая истина. Я, конечно, не могу говорить

---

[665] В качестве авторитетных прецедентов такого разбора Библии с эстетической точки зрения Гиляров приводит раздел «Лирические песнопения религиозные» в «Чтениях о словесности» И. И. Давыдова (М., 1837. Курс 3. С. 56—73) и статью Е. В. Амфитеатрова «Общий характер св<ященной> поэзии евреев» (*ПкТСО.* 1847. Ч. 5. С. 331—362), опубликованную, как особо подчеркнул Гиляров в своем «Мнении», «под надзором митрополита Филарета» (л. 24 об.).

[666] *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: <В 90 т.>. Т. 60. С. 451.

[667] Там же. Т. 48. С. 47.

об этом предмете с авторитетом опыта, но у меня нет педагогических предрассудков, и я помню собственное детство и детство моих товарищей <...>».[668] Этот опыт появился у Рачинского через десятилетие, начиная с 1872 г., когда он вернулся в родовое село Татево Смоленской губернии и вскоре построил первую в России сельскую школу с общежитием. Начав как последователь идей Толстого, с которым к тому времени близко сошелся, и немецкого педагога-новатора К.-Ф. Стоя, Рачинский к началу 1880-х гг. выступил как главный идеолог начального образования под сенью церковных приходов; его всемерно поддержали К. П. Победоносцев и Александр III. В изданных же Рачинским «Заметках о сельских школах» (СПб., 1883) в качестве приложения, на с. 111—123, была републикована Записка Гилярова (статья «О первоначальном народном обучении»), правда, как и в 1862 г., без указания автора, анонимно.

Гиляров с полным правом утверждал в своих мемуарах: «...я проектировал церковноприходские школы по той программе, какая, несколько уже анахронически, усвоена теперь...», имея в виду Высочайше утвержденные 13 мая 1884 г. «Правила о церковноприходских школах». Как известно, если в то время их численность составляла 4,4 тысячи со 105 тысячами учеников, то уже через 10 лет возросла до 30 тысяч школ с 917 тысячами учеников. Современники видели в этом заслугу прежде всего Победоносцева и Рачинского, хотя те воплощали в жизнь проект, изложенный Гиляровым в его Записке.

В том же 1884 году Гиляров подвел черту под своим критическим осмыслением педагогии Толстого — довольно резкой по тону репликой.

Идею церковноприходского образования горячо поддержал М. Н. Катков. В своих «Московских Ведомостях» он поместил обширную корреспонденцию о сельской школе последователя Рачинского, педагога-энтузиаста Н. М. Горбова (1859—1921),[669] впоследствии автора учебных пособий по русской истории и искусствоведа. Гиляров тут же перепечатал эту публикацию у себя в газете,[670] а в передовой статье отметил, что Рачинский «по справедливости должен быть признан отцом истинной русской народной школы. По его стопам идет г. Горбов...» И тут же сопоставил их «высокое нравственное служение» с педагогической деятельностью Толстого в начале 1860-х гг.: по его словам, оно, это служение, «остается подвигом, именно подвигом, а не игрушкою, чем служило некогда то же занятие для одной из наших знаменитостей, Л. Н. Толстого».[671]

Уже через неделю Гиляров был вынужден извиняться. Дело в том, что обозреватели нескольких газет обвинили его в «глумлении» над почтенным писателем по поводу его педагогической деятельности. Особенно жестко и непримиримо полемизировал видный публицист и литературный критик Ю. Н. Говоруха-Отрок (в тот период ведущий сотрудник харьковской газеты «Южный Край»), за-

---

[668] Письма Толстого и к Толстому: Юбил. сб. М.; Л.: Госиздат, 1928. С. 212.

[669] *Горбов Н.* Из села Глухова. Апрель 1884 // *МВед*. 1884. 15 мая. № 133. С. 3.

[670] Письмо г. Горбова // *СИ*. 1884. 17 мая. № 132. С. 1—2.

[671] *<Гиляров-Платонов Н. П.>*. Москва, 16 мая: Дневное обозрение. С. 1.

являвший: «...злостная клевета, будто то дело, в которое Л. Толстой клал свою душу, было для него лишь “игрушкою” <...>».[672] Гиляров, оспаривая своих критиков, по этому поводу объяснялся: «В своем отзыве мы согласны смягчить разве одно слово “игрушка”, употребленное нами, впрочем, не в том смысле, в каком, по-видимому, приняли его наши возражатели. Л. Н. Толстой искренен и отдается с пылом всему, но переходчив. Нисколько он не думал играть детьми; напротив, скорее поклонялся им и служил. Но какую долю его деятельности и его души занимала Яснополянская школа сначала и какое после? Придумывайте название, но во всяком случае отношение его было другое, а не тот подвиг, на который обрек себя С. А. Рачинский, на что мы и хотели собственно указать».[673] Вместе с тем Гиляров настаивал, что применительно к 1862 году вполне справедливо говорить об «экзальтации» «скоропоспешливого мыслителя», и «если знаменитый писатель не остался при тогдашних увлечениях, жалеть об этом, повторим, нечего; напротив, нужно отдать честь Л. Н. Толстому».[674]

Далее Говоруха-Отрок упрекал Гилярова в непризнании «огромных заслуг» Толстого, хотя разговор о заслугах принципиально оставался за рамками краткой передовой статьи; тем не менее редактор «Современных Известий» обвинялся обидной гамлетовской фразой: «Презренных душ презрение к заслугам». По словам Говорухи-Отрока, в процессе педагогической деятельности «великий мастер» «именно лишь под непосредственным воздействием народной стихии мог воплотить свое огромное дарование в целом ряде колоссальных и глубоких созданий, которые несомненно послужат одним из краеугольных камней для создания русской культуры».[675] Помимо этой «стороны дела, самой главной и важной», критик указывал и на другие его аспекты: «Яснополянская школа графа Л. Толстого воспитала несколько поколений крестьянских детей — это во-первых; а во-вторых, несмотря ни на какие увлечения, столь свойственные людям даровитым да еще предпринимающим совершенно новое дело, все же эта школа является первою попыткою выработать тип своей, оригинальной школы. И попыткой, предпринятой в какое время? Среди самого разгара различных педагогических неистовств, во имя которых только разве ленивый не глумился тогда над Л. Толстым и его делом. В конце же концов гр. Толстой все же первый указал на необходимость учить крестьянских детей тому и так, чему и как хочет сам народ».[676]

И все же разгоревшийся между Гиляровым и Говорухой-Отроком спор был вызван во многом недоразумением, поскольку оба настаивали, что Толстой-педагог, образно говоря, «славянофильствовал». Критик «Южного Края», имевший репутацию раскаявшегося нигилиста (в разгар «хождения в народ» он подверг-

---

[672] *Никто <Говоруха-Отрок Ю. Н.>*. Взгляд и нечто // Южный Край. 1884. 20 мая. № 1170. С. 2.

[673] *<Гиляров-Платонов Н. П.>*. Москва 22 мая: Дневное обозрение. С. 2.

[674] Там же. С. 1, 2.

[675] *Никто <Говоруха-Отрок Ю. Н.>*. Взгляд и нечто. С. 2.

[676] Там же.

ся аресту и длительному одиночному заключению, впрочем не сопоставимому с его реальной виной), увидел в педагогических опытах Толстого признаки здорового умаления интеллигенции перед народной «правдой». Говоруха-Отрок поэтому оспаривал тезис Гилярова о том, что Толстой-педагог, проповедуя «культ детской свободы», «не считался с историею, а отсюда и с душою народа, взятого в его совокупности».[677] У писателя, по словам харьковского критика, является «черта робкой неуверенности», и «именно вследствие глубокого сознания, что народ имеет свой органически-выработанный тип, свое твердо-сложившееся миросозерцание, свое вековое просвещение, с которым необходимо считаться, которое необходимо понять и усвоить нам, людям, оторванным от почвы, от преданий, от народа».[678] Но при этом сам же Говоруха-Отрок, не замечая того, утверждал гиляровскую мысль о том, что педагогическая деятельность Толстого в конечном счете имела не самоценный, а подсобный характер: «...знаменитый автор “Войны и мира”, столь глубоко постигший самую глубокую сущность души русского человека, в качестве школьного учителя не столько учил, сколько учился сам <...>».[679]

В начале того же 1882 года начался четырехмесячный период тесного общения Гилярова и Толстого. Современник свидетельствовал: «Не меньше двух-трех раз в неделю заезжал он к нему. Визиты графа были довольно продолжительны»; первыми же словами Толстого были следующие: «Давно-таки мы с вами не виделись. <...> Я вас никогда не забывал, Никита Петрович».[680] В «Современных Известиях» увидело свет известное воззвание Толстого «О переписи в Москве», было условлено о публикации там же задуманной в то время повести «Смерть Ивана Ильича».[681] Но в апреле Гиляров одним из первых прочел толстовскую «Исповедь», по просьбе С. А. Юрьева и с ведома Толстого, однако, вместо того чтобы написать пояснительное предисловие, которое позволило бы беспроблемно опубликовать произведение, оценил его резко отрицательно.[682]

Наступившее охлаждение затем сменилось и прямо враждебным отношением Толстого к Гилярову. Писатель не сменил гнев на милость ни когда Гиляров осудил разбор К. Н. Леонтьевым рассказа «Чем люди живы» (за «фарисейские»,

---

[677] *<Гиляров-Платонов Н. П.>*. Москва, 16 мая: Дневное обозрение. С. 1.

[678] *Никто <Говоруха-Отрок Ю. Н.>*. Взгляд и нечто. С. 2.

[679] Там же.

[680] *Эфрон С.* Н. П. Гиляров и гр. Л. Н. Толстой // Русский Листок. 1902. 13 окт. № 281. С. 1.

[681] Там же.

[682] По Москве ходило несколько списков гиляровского письма к С. А. Юрьеву, отличающихся многочисленными разночтениями, поскольку их изготовил сам Гиляров, подходивший к переписыванию своего письма творчески. Известно, что он послал копии Толстому в Ясную Поляну и своему московскому приятелю М. Н. Лопатину, отцу философа. Впервые напечатано А. М. Гальперсон под названием «Н. П. Гиляров к *** (Об “Исповеди” графа Л. Н. Толстого)»: *РА*. 1889. Кн. 3, вып. 11. С. 428—432. Вновь опубликовано князем Н. В. Шаховским по другому списку под названием «Письмо к С. А. Юрьеву об исповеди гр. Л. Н. Толстого»: *Сб. соч.* Т. II. С. 287—291.

псевдохристианские тенденции этой критики),[683] ни когда в конце 1884 г. дружески прислал в Ясную Поляну журнальные оттиски своих воспоминаний «Из пережитого»,[684] а потом, в начале 1885 г., прочитав статью Толстого «В чем счастье?», отправил ему оттиск ранней статьи «Личное и общественное» (1859), надеясь на диалог по вопросам политэкономии и социологии, ни когда в 1886 г. печатал в «Современных Известиях» статьи в защиту народных рассказов Толстого от огульного обличения их в духовной журналистике.[685] И уж совсем сократились шансы на примирение, когда Гиляров, взволнованный, как ему покажется, оскудением художественного дара Толстого, первым бросит в одной из своих заметок словцо «юродство»: «Автор “Войны и мира” способен к юродству и проявлял его и в деятельности своей и в сочинениях. В детских рассуждениях об историческом фатализме, которыми, в нарушение художественного единства, прошпикована “Война и мир”, то же юродство, что в журнале “Ясная Поляна”, что в позднейших сочинениях, претендующих на философское и богословское мышление, и во всей теперешней деятельности».[686] Это словцо из ходовой московской газеты было сразу же подхвачено современниками и вплоть до Ульянова-Ленина неоднократно переосмыслялось ими.

Вместе с тем, в этот же период Гиляров встречался с Л. Толстым в обществе, даже в столь узком кругу, о каком читаем в письме философа Н. Я Грота к брату от 14 февраля 1887 г.: «В четверг вечером у меня были Л. Н. Толстой, А. А. Фет и Гиляров, и я им читал свой реферат о *свободе воли* для Психологического общества. Толстому он очень понравился».[687] И очевидно, что хозяин дома, пригласивший к себе Гилярова вместе с именитыми писателями, поостерегся бы это делать, если б, например, Толстой высказал недовольство перспективой оказаться в одной компании с Гиляровым.

---

[683] См. письмо Гилярова к Леонтьеву (по содержанию датируется августом 1882 г.), с обоснованием отказа перепечатывать в «Современных Известиях» статью, позднее озаглавленную автором «Страх Божий и любовь к человечеству». Впервые опубликовано А. М. Гальперсон под назв. «Письмо к ***: (О рассказе “Чем люди живы”)» (*РА*. 1889. Кн. III, вып. 11. С. 425—428).

[684] См. об этом недатированное письмо Гилярова к Л. Толстому, начинающееся словами: «Я послал вам оттиски своих воспоминаний (“Из пережитого”), желая слышать ваш отзыв и прося о нем. Вы мне не отвечали. Не знаю, получили ли вы, прочли ли» (Материалы для биографии Н. П. Гилярова-Платонова // *РО*. 1896. Т. 42, дек. С. 1013). Толстой получил посланное, но прочел только начальные страницы: оттиски сохранились в его библиотеке. См. подробнее: *Дмитриев А. П.* Н. П. Гиляров-Платонов и его «автобиографические воспоминания» // *Из пережитого*. Т. 2. С. 295, 324—325, 335, 337.

[685] Републикованы нами в изд.: *Гиляров: ИМБР*. С. 639—648, 659—682, 703—706. Наиболее важная из этих статей написана самим Гиляровым и носит знаковое название «За что гонение?» (*СИ*. 1886. 10 февр. № 40. С. 1—2; републиковано нами: *Гиляров: ИМБР*. С. 659—668).

[686] *<Гиляров-Платонов Н. П.>*. [Рец.:] Первый винокур. Комедия Льва Толстого. Издание фирмы «Посредник» // *СИ*. 1886. 5 июля. № 182. С. 1.

[687] Цит. по: *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: <В 90 т.>. Т. 26. С. 752.

Но все эти факты, как и ряд других — малоизвестных и вовсе пока еще не введенных в научный оборот, — требуют отдельного сосредоточенного исследования, которое, собственно, и явит во всех подробностях не лишенную драматизма историю взаимоотношений великого писателя с его выдающимся современником.

3.10. Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ ОБ А. Н. ОСТРОВСКОМ И РУССКОМ ТЕАТРЕ КАК «ПОСОБНИКЕ ХРИСТИАНСКОЙ НРАВСТВЕННОСТИ» (1867—1886)

Гиляров приходился свойственником знаменитому драматургу: его старший брат, священник Александр Гиляров, состоя диаконом Новодевичьего монастыря в Москве, 17 февраля 1829 г. женился на тетке будущего драматурга Татьяне Федоровне Островской. На свадьбе, как упоминается в письме отца братьев Гиляровых священника П. М. Никитского к сыну Александру от 31 октября того же года, коломенцы познакомились с московской родней, в том числе с Николаем Федоровичем и Любовью Ивановной (ур. Саввиной), в будущем родителями драматурга.[688] В изложении Ф. А. Гилярова: «Дед благодарит моих родителей “за угощение и ласковый прием”, по-видимому на свадьбе моих родителей. “Сестры[689] также Вас благодарят за присланный гостинец; а Никита (ему тогда шел 6-й год) Татьяну Федоровну, как он говорит, любит очень, очень-преочень, да только не видал ее и не знает, какая она; братца же Сашу немного поменьше”».[690]

Как говорилось выше, обучаясь в Московской духовной семинарии, Гиляров в 1838—1842 гг. жил в доме своего брата Александра близ Новодевичьего монастыря на Малой Царицынской улице. Юный Островский приезжал в дом тетки; по семейному преданию, она любила театр и способствовала приобщению к нему племянника.[691] Академик Н. П. Кондаков, первым браком женатый на племяннице Гилярова Вере Александровне, в своих мемуарах создал колоритный портрет своей тещи: «...я лично ее обожал и, приходя, целовал много раз ей руки и щеки. Правда, все дети этой семьи также обожали мать, и я никогда не видывал столько любви в действительности, так как в то же время Татьяна Федоровна напоминала собою заботливую наседку и, неподвижно сидя при этом на диване — она страдала сердечной болезнью, — клохтала и кукарекала при появлении каждого члена семьи, наседая на него с укорами, попреками, заботами и хло-

---

[688] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 740. Л. 41. Это письмо приведено в выдержках в рукописных мемуарах племянника Гилярова и сына о. Александра Федора Гилярова. Две первые главы этих воспоминаний опубликованы нами: *Гиляров Ф. А.* <Главы о коломенской старине из «Воспоминаний»> / Публ. А. П. Дмитриева // *Гиляров: ИМБР*. С. 199—226.

[689] Мария, Авдотья и Анна Петровны Никитские.

[690] *Гиляров Ф. А.* <Главы о коломенской старине из «Воспоминаний»>. С. 217.

[691] См.: *Лакшин В. Я.* Александр Николаевич Островский. 2-е изд., испр. и доп. М.: Искусство, 1982. С. 32.

потами, а все они в то же время к ней лезли, как к маменьке».[692] Тестя Кондаков жаловал куда меньше, и это объяснимо: по его утверждению, о. Александр был «полный алкоголик», обладавший, помимо «пристрастия к вину», еще и «непокорным нравом».[693]

Но личное знакомство с Островским тогда не состоялось из-за болезненной застенчивости Гилярова, о чем тот вспоминал в своих мемуарах «Из пережитого»: «Был и еще студент; раза два, три он даже приезжал в дом брата, близкий его родственник, родной ему племянник по жене. Но я сидел в своем углу при этих визитах; никто меня не вызывал, никто не представлял гостю, и гость едва ли ведал о моем существовании, хотя я сильно им интересовался. Я знал, что он кончил курс с отличием в гимназии; слышал, что он в гимназии читал Софокла. Но что он теперь? Девочка-племянница[694] сказала мне раз, что гость-студент привез, между прочим, ноты и сидит теперь, их читает. Это известие окончательно повергло меня в ничтожество: читает ноты как книгу! Этот гость-студент, племянник моей невестки, был А. Н. Островский, столь известный теперь драматург».[695]

С весны 1852 г. Гиляров, будучи бакалавром Московской духовной академии, как выше говорилось, сближается с кружком славянофилов, становится своим человеком в доме Аксаковых в Абрамцеве и после увольнения из Академии, в 1856—1860 гг., принимает ближайшее участие в издании журнала «Русская Беседа». На одном из редакционных вечеров он и познакомился с драматургом. В мемуарах Гиляров сообщал: «Для “Русской Беседы” в одну из начальных ее книжек назначалась пьеса Александра Николаевича, и автор должен был прочесть ее в кругу ближайших к редакции лиц, к которым и я принадлежал. Кроме Кошелева и Филиппова, тут были Хомяков и Константин Аксаков. Кто был еще и где это происходило? У Кошелева и Хомякова? Нет. У Елагиных, у Аксаковых? Не помню. Но это было в 1856 году, и событие запечатлелось во мне, может быть, именно по воспоминанию о студенте, читавшем про себя ноты в том доме, где другой юноша, ему незнаемый, так сильно им интересовался, между прочим, из желания знать поближе, какие такие бывают студенты, кончившие курс с отличием в гимназии».[696] Речь идет о комедии «Доходное место», работа над которой была завершена 20 декабря 1856 г., а чтение состоялось предположительно в конце декабря.[697] Пьеса была опубликована в первой книжке «Русской Беседы» за 1857 г., вышедшей в марте.

Средний брат Гилярова, Сергей, также обучавшийся в Московской духовной семинарии (в 1824—1830 гг.), по родственной протекции за год до окончания

---

[692] *Кондаков Н. П.* Воспоминания и думы. Prague, 1927. С. 44.

[693] Там же. С. 44, 42.

[694] Вера Александровна Гилярова (1839—1913), дочь о. Александра.

[695] *Из пережитого*. Т. 1. С. 316.

[696] Там же. С. 317.

[697] См.: *Коган Л. Р.* Летопись жизни и творчества А. Н. Островского. <М.>: Госкультпросветиздат, 1953. С. 80.

курса поступил приходящим домашним учителем в дом Н. Ф. Островского на Малой Ордынке и в течение шести лет давал уроки чтения и письма племянникам своего брата: будущему драматургу (ему было всего 6 лет) и его сводному брату Михаилу (2 года); впоследствии о. Сергий стал священником Успенской церкви в с. Черкизово Коломенского уезда и благочинным. В мемуарах Гиляров брату дана колоритная характеристика (для него «обычаи светского и именно высшего общества были верховным кодексом <...>»;[698] «конец своей учебной жизни он проводил в приятном и приличном обществе; знаком был, между прочим, с артистами театров и с артистами-музыкантами. Он нравился женщинам, рассказывали о его похождениях с крылошанками в Новодевичьем монастыре <...>»[699]), но вряд ли правомерно отсюда заключать, будто Н. Ф. Островский «имел основание быть недовольным им как учителем и стал приискивать сыновьям другого наставника»:[700] Сергей, окончив в июне 1830 г. семинарию, пять лет жил у брата, однако в сентябре 1835 г. должен был ехать к месту новой службы и потому оставил своих воспитанников.

Воспоминания Гилярова содержат также ценные подробности о жизни родни драматурга в 1830—1840-е гг., в частности его деда монаха Феодорита (Островского), отца, дяди Геннадия Федоровича, обеих теток (Татьяны Гиляровой и Марии Груздевой) и их мужей. Дополнительный материал об этом представлен в мемуарах двоюродного брата драматурга, племянника Гилярова, филолога, публициста и издателя Ф. А. Гилярова[701] (к слову сказать, не только он, но и его старший брат Петр активно сотрудничал в «Современных Известиях»).

Несмотря на известное сходство эстетических воззрений и наличие родственных связей, творческого сближения Гилярова с Островским не произошло. Не исключено, что тут сыграло свою роль неприятие личности Гилярова другом драматурга Ап. Григорьевым. **(**Последний при всем своем почтении к М. П. Погодину постоянно осуждал его за любовь к Гилярову и веру в него как в серьезную литературную силу, в частности, из-за выраженного в статье о С. Аксакове сомнения насчет нравственного достоинства пушкинского творчества. В сентябре 1860 г. Григорьев писал Погодину: «Для Гилярова, равно как для тушинцев и равно как для попов, и равно как для славянофилов, — вообще для всех теоретиков, Пушкин — скорее предмет ненависти, чем любви и почтения»,[702] а в ноябре того же года подтверждал свою позицию: «Не верю я ни в Вашего Гилярова, купно с его 5000 попами <...>. В попов как в деятелей я вообще мало верю — а в Гилярова верить Вы меня ничем не заставите (относительно нашего дела)».[703]**)**

---

[698] *Из пережитого*. Т. 1. С. 103.

[699] Там же. С. 203.

[700] *Лакшин В. Я.* Александр Николаевич Островский. С. 20.

[701] *Гиляров Ф. А.* Воспоминания // *РА*. 1904. Кн. I, вып. 1—4; Кн. II, вып. 5—6.

[702] *Григорьев Ап.* Письма / Изд. подгот. Р. Виттакер и Б. Ф. Егоров. М.: Наука, 1999. С. 234. (Лит. памятники).

[703] Там же. С. 241.

Однако, когда в конце 1867 г. Гиляров решил издавать ежедневную газету «Современные Известия», предполагалось, что драматург станет в ней курировать вопросы театральной жизни. 20 октября 1867 г. Гиляров спрашивал своего приятеля К. П. Победоносцева: «...позволите ли Вы назвать Ваше имя в объявлении, по поводу того, что у меня предполагается Юридическая хроника?»,[704] а в письме от 24 октября пояснял: «...я и полагал назвать троих, советами которых предполагаю пользоваться; каждым по своей части: *Далем* для народного быта, *Островским* для театра и Вами».[705] Ответные письма Победоносцева неизвестны. Однако по каким-то причинам это сотрудничество не состоялось.

В газете Гилярова, вопреки ее репутации в либеральном обществе как реакционного «органа попов»,[706] всегда уделялось большое внимание театру как важному средству воспитания общественной нравственности. Имея в виду, между прочим, творчество Островского, Гиляров писал: «Многими, и притом наилучшими своими произведениями, драматическое искусство является несомненным пособником высшей нравственности, и именно христианской».[707]

То и дело появлялось на страницах газеты и имя драматурга. В апреле 1880 г. была помещена заметка «Отказ А. Н. Островского от должности» (председателя Общества русских драматических писателей», по болезни).[708] В дни Пушкинских торжеств была републикована его речь о поэте.[709] Регулярно сообщалось о новых пьесах Островского и постановках старых, например, только с октября 1880 г. по март 1881-го в «Современных Известиях» появилось шесть таких статей, по большей части неподписанных: «Новая комедия А. Н. Островского» («По гроб одолжил»),[710] «“Светит да не греет”. Драма в 5 действиях Островского и Соловьева»,[711] «Новая пьеса А. Н. Островского и Невежина» («Блажь»),[712] «Два слова о комедии Невежина и А. Н. Островского “Блажь”»[713] (автор двух последних — М. А. Дмитриев, под псевдонимом «Заурядный зритель»), «Исполнение комедии “Лес” труппой театра б. п. Пушкину»,[714] «Восстановленная пьеса» («Свои люди — сочтемся»).[715] В связи с аудиенцией, данной драматургу Александром III, и пожалованием ему пенсии Гиляров писал о необходимости

[704] *Разумевающие верой*. С. 62.
[705] Там же. С. 65.
[706] См.: *Рцы <Романов И. Ф.>*. Как я нашел Никиту Петровича // Русский Труд. 1898. 3 янв. № 1. С. 16—17.
[707] *СИ*. 1871. 30 авг. № 238. С. 1.
[708] Там же. 1880. 3 апр. № 92. С. 2.
[709] Там же. 1880. 12 июня. № 160. С. 2.
[710] Там же. 1880. 22 окт. № 292. С. 2.
[711] Там же. 1880. 12 нояб. № 313. С. 2—3.
[712] Там же. 1880. 22 окт. № 292. С. 2.
[713] Там же. 1880. 22 дек. № 354. С. 2.
[714] Там же. 1881. 22 янв. № 21. С. 2.
[715] Там же. 1881. 2 марта. № 60. С. 2.

государственных субсидий для деятелей культуры; в этих событиях он усматривал отрадный знак, что «служение идее не осуждено у нас на полное сиротство» и что «труженики искусства» «не пасынки государства».[716]

В траурные июньские дни 1886 г. в газете Гилярова появляется большое количество корреспонденций, связанных с поминовением усопшего драматурга: сообщения о его последних днях, кончине, похоронах, панихидах по нему. В своей поминальной передовой статье в № 153 «Современных Известий» от 6 июня Гиляров стремится, по своему обыкновению, непредвзято, избегая каких-либо этикетных славословий, оценить жизненный путь выдающегося современника. Островский — для Гилярова это несомненно — «авторитет, который задавал тон драматической литературе», «достойный преемник Гоголя на драматическом поприще».[717] При этом критик подчеркивает его внутреннюю связь со славянофильством, восходящую к участию в «молодой редакции» «Москвитянина».

Однако отношение к творчеству Островского у Гилярова было весьма неоднозначным. Типологически он уподобляет драматурга Д. В. Григоровичу: «Толчок, данный Островским, можно сравнить с подобным же, произведенным повестью "Антон Горемыка". Но Григорович был счастливее нашего драматурга: он если повел к преувеличениям, то в смысле идеализации крестьянина, тогда как изображатели купеческого и подьяческого быта остались на карикатуре».[718] То есть Островский как талантливый мастер «жанровых пьес» из замоскворецкого быта породил, по убеждению Гилярова, целую школу поденщиков-эпигонов, в сочинениях которых купеческий быт «с изуродованною речью и с грубостью нравов» чересчур утрирован и далек от действительности. Заслугой Островского Гиляров считает то, что он все-таки впоследствии преодолел эту жанровую узость и «стал пробовать силы на характерах и драматических положениях более общего значения и на пьесах исторического содержания»,[719] которые, однако, не были ему так «сродны», как ранние комедии. Другим достоинством Островского Гиляров счел тот факт, что под влиянием «сценического успеха», обычно портящего писателей, «драматург наш совсем не обратился в ремесленника» и сумел в полной мере выразить себя в искусстве: «Как автор, едва ли бы Александр Николаевич подарил нас еще чем-нибудь замечательным».[720] И, тем не менее, Гиляров заключает: «Но потеря, во всяком случае, очень велика: оркестр потерял капельмейстера. Сцена остается при посредственностях, которые, однако, чуть не лезут в Шекспиры, но не возвышаясь, разумеется, далее риторических декламаций и голой морали».[721]

---

[716] *СИ*. 1881. 1884. 13 марта. № 70. С. 2.
[717] *Сб. соч*. Т. II. С. 519.
[718] Там же. С. 520.
[719] Там же. С. 519.
[720] Там же. С. 520.
[721] Там же.

Любопытно следующее наблюдение в одной из последующих передовиц «Современных Известий» (автор — не сам Гиляров, а один из его сотрудников, однако, судя по тексту, редактирование этой статьи со стороны издателя было творческим, на грани соавторства) — в № 166 от 19 июня 1886 г., — написанной по поводу предполагавшегося назначения Н. А. Чаева преемником Островского в должности начальника репертуара московских театров: «По странному совпадению случилось то, что ожидаемое возрождение театра и возвращение ему его истинного и прямого назначения как кафедральной школы нравов и трибуны, от чего он так было уклонился в сторону опереточности и скандалезности, досталось на долю костромичей. Островский был костромич-кинешемец; Потехин (управляющий репертуаром в Петербурге) — костромич-юрьевец; Чаев — костромич-нерехотец».

3.11. Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ И Н. С. ЛЕСКОВ: ПОЛЕМИЧЕСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ И МОМЕНТЫ ЕДИНОМЫСЛИЯ В ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫХ ВОПРОСАХ (1869—1885)

Одна из недостаточно изученных тем лесковедения — взаимоотношения писателя с его современниками. И наиболее интересны тут, на наш взгляд, параллели с представителями церковных кругов, религиозно-общественными деятелями, литераторами славянофильского направления — именно к ним внутренне тяготел Лесков, особенно начиная со второй половины 1860-х гг., когда после выхода в свет романа «Некуда» он, как известно, оказался в положении изгоя в литературном мире.

Гиляров, выходец из провинциального духовенства, как уже говорилось, с 1848 г. преподавал в Московской духовной академии библейскую герменевтику и учение о вероисповеданиях, ересях и расколах, а с 1854 г. — русскую церковную археологию и историю раскола в России — богословские дисциплины, которые особенно живо интересовали Лескова. Впоследствии газета Гилярова имела в обществе стойкую репутацию «органа попов» — именно за то, что шла против позитивистского мейнстрима. Правда, сам издатель на склоне жизни в письме к ученику И. Ф. Романову-Рцы (от 23 ноября 1886 г.) писал об этом так: «И Вам говорили, и сами Вы думали, что это “орган попов”. Вы теперь видите, что я не орган попов; но газета не игнорирует ни Бога, ни Церкви, и этого достаточно».[722] Как видим, и в этом отношении точек соприкосновения Лескова с Гиляровым намечалось предостаточно.

Кроме того, в 1856—1862 гг. последний был цензором в Москве и, одновременно, активным участником славянофильских изданий: журнала «Русская Беседа» и газеты «День», а позже и газеты «Москва». Тесные дружеские и деловые отношения начиная с 1853 г. связывали его с И. Аксаковым,[723] который, как из-

[722] *Письма к Рцы.* С. 301.
[723] См. главы 3.5, 3.6, 3.10.

вестно, состоял в переписке с Лесковым и в своей газете «Русь» опубликовал несколько его программных произведений.

Нам неизвестно, встречались ли Гиляров и Лесков. Вполне могли — например, в период до 1861 г. в какой-либо литературной гостиной Москвы; впоследствии Лесков обосновался в Петербурге, куда Гиляров наезжал редко, но и там не исключено было личное общение в публичных собраниях.

Одним их первых случаев, сведших их в печати, была газетная полемика о старообрядческих училищах, в которой Лесков не просто участвовал, но которую он несколько раз инициировал и возобновлял. В июле—августе 1863 г. Лесков по поручению «либерального» министра А. В. Головнина был командирован от Министерства народного просвещения к псковским и рижским старообрядцам, чтобы обследовать устроенные ими — в нарушение существовавшего законодательства — тайные школы для детей, но не в видах будущих репрессий (как это могло быть в предыдущее, Николаевское, царствование), а для изучения на месте вопроса о возможности — с учетом этого рижского опыта — организации правительственных общеобразовательных школ для детей раскольников по всей России. В итоге была составлена служебная записка «О раскольниках г. Риги, преимущественно в отношении к школам» (СПб., 1863), а также написан ряд статей, из которых выделяются: заметка «Раскольничьи школы» (1863), цикл «Искание школ старообрядцами» (1869), очерки «С людьми древлего благочестия» (1863—1865), «Иродова работа» (1882) и «Народники и расколоведы на службе» (1883).

В упомянутом цикле из четырех статей об «искании школ», печатавшемся с января по май 1869 г. в «Биржевых Ведомостях», Лесков подводил читателя к сочувственному восприятию убеждения, к которому в тот период пришли старообрядцы: «...они видят, что настал час борьбы *за существование* и стремятся хотя бы насильно загнать свою “египетскую тьму” в училище <...>».[724] Ту же позицию занял и Гиляров. В передовой статье № 223 «Современных Известий» от 16 августа 1869 г., оценивавшей взгляды как противников, так и защитников этих училищ, он писал о ведущем стремлении их учредителей «быть просвещенным и оставаться старообрядцем», отмечая, что «для большинства старообрядцев, ценящих и веру и образование, видится это только чрез посредство особых старообрядческих школ».[725]

В тот же период Лесков нередко солидаризируется с Гиляровым, рассуждая о скопцах и при этом цитируя материалы «Современных Известий». Например, в свою передовую статью «Санкт-Петербург. 1-го февраля»[726] Лесков целиком включил корреспонденцию из Моршанска, подписанную криптонимом «Никак не-скопец», помещенную в № 28 «Современных Известий» от 30 января

[724] *Лесков Н. С.* Полн. собр. соч.: В 30 т. М.: Терра, 1999. Т. VI. С. 423.
[725] *Вопросы веры и церкви.* Т. I. С. 168.
[726] *Лесков Н. С.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. VI. С. 442—446.

1869 г., а в передовой «Санкт-Петербург. 15-го февраля»[727] поддержал Гилярова в той его мысли, что детям старообрядцев необходимо преподавать Закон Божий, чтобы они не дошли «до полного безверия или, по крайней мере, до индифферентизма», — в мысли, не раз им высказываемой и при этом подвергавшейся насмешкам других газет, авторы которых иронизировали в том духе, что «заботливость “Современных Известий” о религиозном образовании раскольников весьма почтенна, но едва ли не излишня».[728] Возвращаясь в передовице «Санкт-Петербург. 8-го марта» к нашумевшему «Моршанскому делу» о скопческой секте, Лесков решительно не соглашается с высказанным в газете «Голос» мнением о нежелательности предавать гласности некоторые подробности из истории скопчества (прежде всего о том, что скопцы выдавали своего главу Кондратия Селиванова за спасшегося Петра III). И снова обращается к газете Гилярова: «“Современные Известия” гораздо справедливее смотрят на это дело, когда говорят, что потемки, в каких держалась скопческая секта доселе, всего более способствовали ее успеху».[729] Лесков здесь имеет в виду слова из передовых статей Гилярова 1869 г. — в № 28 от 30 января: «...более всего нужна гласность. Только тогда можно быть уверенным, что распутаются все узлы <...>»;[730] в № 44 от 15 февраля: «...таинственность самой секты... Мрак впереди, мрак сзади, мрак кругом <...>».[731]

Спустя без малого три месяца уже Гиляров в № 60 от 3 мая, обращаясь к газетным откликам на «Моршанское дело», выделяет неподписанные статьи Лескова (не зная, конечно, об его авторстве) как самые дельные: «...на столбцах “Нового Времени”, “Биржевых Ведомостей” и отчасти “Голоса” являются от времени до времени сведения и общие рассуждения о скопческой секте; некоторые, и между прочим в “Биржевых Ведомостях”, обличают знающую руку».[732] А месяцем позже, в № 93 «Современных Известий» от 5 июня 1869 г., Гиляров с похвалой откликается на передовицу «Биржевых Ведомостей», автор которой ратует за обязательное преподавание Закона Божия в единоверческих школах и использование в них старопечатных книг: «Нельзя не сочувствовать мысли “Биржевых Ведомостей” <...>».[733] Не исключено, что эта передовица тоже принадлежала перу Лескова (по содержанию она соотносится с вышеупомянутой его статьей «Санкт-Петербург. 1-го февраля»), хотя в настоящее время ему не атрибутирована и не включена в издаваемое ныне Полное собрание его сочинений.

Все эти переклички, несомненно, свидетельствуют о единомыслии Лескова и Гилярова в их восприятии раскола — как национальной трагедии, с которой

[727] Там же. С. 463—468.
[728] Цит. по: Там же. С. 468.
[729] Там же. С. 492.
[730] *Вопросы веры и церкви*. Т. I. С. 100.
[731] Там же. С. 106.
[732] Там же. С. 108.
[733] Там же. С. 116.

бессмысленно бороться репрессивными мерами, но можно совладать на путях терпеливого миссионерского просвещения, основанного на началах христианского гуманизма.

Когда в начале 1870 г. в Лондоне умер Герцен, Гиляров опубликовал в своей газете (№ 10 от 11 января 1870 г.) обширный некролог ему, где сетовал: «Нерадостная судьба! <...> Пожалеем о несомненном таланте, погибшем для России и вместо громадной пользы, которую способен был бы принести, доставившем вред, вред существенный, ощущаемый доселе»,[734] отмечая, однако, что он «своею судьбою доказал на деле всю благотворность свободной печати, всю опасность от ее принужденного молчания».[735] Лесков откликнулся на эти оценки в статье из цикла «Русские общественные заметки», посчитав, что в последнем случае слово «судьба» неуместно, ибо «она совсем не свидетельство о его “косвенной полезности”: она только поучение для тех “бесповоротных” увлечений, которым служил Герцен...»[736] В остальном в своих отзывах об умершем оба публициста были единодушны, особенно в изображении его душевной драмы, указании на внутренние противоречия, мучившие его в конце жизни («Воля его и ложный стыд шли бунтом против его чувств и рассудка...»[737]).

На протяжении 1870-х гг. других таких встреч Лескова и Гилярова на газетных столбцах, видимо, не было, если не считать откликов рецензентов «Современных Известий» на новые произведения Лескова. Например, в № 51 от 28 февраля 1878 г. был опубликован подробный пересказ рассказа «Некрещеный поп», а в № 338 от 7 декабря 1880 г. — очерка «Неуловимый многоженец».

Молчание было прервано в 1881 г. передовицей Гилярова в № 308 от 7 ноября 1881 г., в которой он откликнулся на статью Лескова «Безбожные школы в России», под криптонимом Z напечатанную в «Новом Времени» (№ 2044 от 5 ноября).[738] При этом он, не называя имени писателя, прозрачно указывает на него: «По перу узнаем ее автора и принимаем к сердцу его упрек, нами, может быть, более других заслуженный, что не отозвались в свое время на книгу, разосланную от Министерства народного просвещения по всем редакциям, с изложением безотрадного положения, в которое поставлено множество народных школ по отношению к преподаванию в них Закона Божия».[739] Речь идет о составленном Лесковым по поручению своего начальства по Ученому комитету докладе «О преподавании Закона Божия в народной школе» (СПб., 1880), вышедшем ограниченным тиражом (80 экз.) и в продажу не поступавшем.

---

[734] *Сб. соч.* Т. II. С. 448.

[735] Там же. С. 444.

[736] *Лесков Н. С.* Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 2007. Т. X. С. 208.

[737] Там же. С. 209.

[738] Статья републикована: *Майорова О. Е.* «...Жаль наших православных...»: (О затерянной статье Н. С. Лескова «Безбожные школы в России») // Путь: Междунар. филос. журнал. 1994. № 5. С. 183—193.

[739] *Вопросы веры и церкви.* Т. II. С. 297.

Приведя статистические данные, свидетельствовавшие о том, что Закон Божий не преподается священниками в 20% школ, Лесков предлагал дозволить это обучение светским лицам. Гиляров увидел в этом предложении «превратную постановку дела», поскольку «начальное обучение народа, и притом не одному Закону Божию, а вообще, есть *обязанность* духовенства <...>».[740] Он так подытоживал сказанное Лесковым: «Причины, почему в требуемом числе не отыскивается законоучителей из священников, сводятся к следующим трем: 1) *они не могут*; 2) *они не хотят*; 3) *они не умеют. Они не могут*, где завалено их время или где училищ настолько больше числом, что законоучительского персонала не достает. *Они не хотят*, когда торгуются, находят другие занятия или даже безделье более для себя приятным и выгодным. *Они не умеют* <...> обучить тому, чему способна обучить каждая благочестивая мать семейства, даже нянька, даже простая баба, сколько-нибудь развитая».[741] Таким образом, в этом случае Гиляров и Лесков парадоксально разошлись в своих практических рецептах исправления нетерпимой ситуации. Первый шел от идеала (истинный священник призван к законоучительству), однако настаивал на *принуждении* к этому несознательного духовенства, а второй стоял на почве реальности, но призывал к *добровольному* приходу в школы энтузиастов из мирян.

Ответил Лесков Гилярову спустя полтора года в статье «Вероисповедная реестровка», опубликованной в № 65 «Новостей и Биржевой Газеты» от 7 июня 1883 г.,[742] где снова поднял вопрос о священниках — «нежелателях» учить детей. Поводом к ее написанию послужила передовица в № 148 «Современных Известий» от 1 июня 1883 г., в которой Гиляров приветствовал издание Высочайше утвержденного мнения Государственного совета от 3 мая 1883 г. «О даровании раскольникам некоторых прав гражданских и по отправлению духовных треб». В связи с послаблениями старообрядцам и освобождением православного духовенства от полицейских по существу функций надзора за ними Лесков вслед за Гиляровым отмечает нехватку пастырей для преподавания Закона Божия в сельских школах. Обеспечение этими учителями, на его взгляд, напрямую связано с нравственным состоянием и материальным достатком священства. При этом Лесков вводит тему свободы совести — как потребности в живой вере, которую из опасения гонений приходится сберегать ценой лицемерия. Правда, на сей раз иллюстрация этой темы у Лескова — такие секты протестантского типа, как редстокизм. Лесков, кроме того, предлагает упразднить «исповедные росписи», имеющие в виду исключительно фискальные задачи, далекие от душепопечительных, и ссылается при этом на практику других христианских конфессий

[740] Там же. С. 299.

[741] Там же. С. 300.

[742] Републиковано нами: *Лесков Н. С.* Иродова работа: Русские картины, наблюдения, опыты и заметки: Историко-публицистические очерки по Прибалтийскому вопросу, 1882—1885 / Вступ. ст., сост., подгот. текстов и коммент. А. П. Дмитриева. СПб.: Пушкинский Дом, 2010. С. 322—327, 490—500.

(«...совершенное уничтожение исповедных росписей, без коих благополучно обходятся церкви католическая и протестантская»[743]), чему всегда сочувствовал Гиляров, проводя эти идеи и в публицистике, и в книге «Из пережитого».

Вернувшись в этот период к разговору о положении старообрядцев Риги, начатому после поездки в этот город в 1863 г., Лесков в очерках «Иродова работа» (1882) и «Русские деятели в Остзейском крае» (1883) отталкивается от помещенных в № 41 «Современных Известий» от 11 февраля 1882 г. оценок губернатора князя А. А. Суворова. Лесков не уточняет, что заинтересовавшая его публикация являлась дословной перепечаткой передовой статьи из газеты «Рижский Вестник» (№ 28 от 5 февраля 1882 г.), автором которой, вероятно, был редактор этого издания Е. В. Чешихин. Она называлась «Генерал-губернаторство князя Суворова в Прибалтийском крае» и, в свою очередь, излагала содержание статьи, опубликованной в связи с кончиной князя в одной из рижских немецкоязычных газет.[744] Тем не менее, Лесков именно Гилярову приписывает нелицеприятную характеристику князя, прежде всего — «недоброжелательство Суворова русским людям, интересами которых он в Остзейском крае постоянно жертвовал в пользу немцев».[745]

В том же 1882 г. Лесков упоминает о Гилярове в статье «Вечерний звон и другие средства к искоренению разгула и бесстыдства (Справка для сведущих людей)», рассуждая об общественных язвах: «...язвы эти, по справедливому выражению г. Гилярова, у нас хотят лечить не правильными приемами медицинской науки, а только одними старинными лекарствами, имевшими место у знахарей... Это не действует и, как в старину же говорили, — только “загоняет болезнь внутрь”».[746] Здесь, как видим, внимание Лескова привлекло образное публицистическое слово Гилярова.

Наиболее продуктивно для русской культуры было, на наш взгляд, противостояние Лескова и Гилярова в области художественного изображения быта духовенства. Для нас несомненно, что одним из важнейших импульсов к созданию последним мемуарной книги «Из пережитого» (1884—1887) послужили «Мелочи архиерейской жизни» (1878—1880) Лескова. Однако этот вопрос требует тщательной проработки и выносится за рамки настоящего исследования.

Наконец, последнее из обнаруженных нами обращений Лескова к статьям Гилярова и другим материалам его газеты — неподписанная острополемическая заметка «Безобразная утка».[747] Лесков возвращается к теме, непосредственно касающейся рижских старообрядцев, и, не скрывая раздражения, пытается опровергнуть информацию сенсационного характера, помещенную в «Современных Известиях», — о московском Преображенском старообрядческом кладбище,

---

[743] Там же. 325.
[744] Zeitung für Stadt und Land. 1882. № 26—28.
[745] *Лесков Н. С.* Иродова работа. С. 89.
[746] *ИВ*. 1882. Т. 8, июнь. С. 602.
[747] Петербургская Газета. 1885. № 158. 12 июня. С. 1.

центре беспоповцев-федосеевцев.[748] В своем искреннем возмущении («...откуда автор статьи "Совр<еменных> Известий" почерпнул сведение об умерщвлении, или утоплении, беспоповцами младенцев? Без сомнения, он смешал их со скопцами...»[749]) Лесков, однако, противоречит своему принципу предпочитать реальную жизненную практику — теоретизированию о ней: он отказывается верить представленным в статье неоспоримым доказательствам и объявляет их «безобразной уткой».[750] При этом Лесков показывает знание биографии своего оппонента, в течение шести лет служившего в Московском цензурном комитете: «Нельзя не удивляться, как г. *Гиляров-Платонов,* бывший очень долго цензором и *считавшийся цензором самым взыскательным,* может допускать подобные дикие статьи в своей газете?»[751]

Таким образом, в общении двух писателей, происходившем главным образом по инициативе Лескова, случаи полемического противостояния объяснялись, как правило, не различием принципиальных позиций, а психологическими мотивами или недоразумениями и уравновешивались моментами единодушия по важным церковно-общественным вопросам. Прежде всего объединяло их деятельное сочувствие гонимым властями старообрядцам.

3.12. Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ И И. С. АКСАКОВ О Ф. М. ДОСТОЕВСКОМ: РАСХОЖДЕНИЯ, НЕСОГЛАСИЯ, СОВПАДЕНИЯ (1880—1886)

В первые десятилетия после кончины Достоевского в печати происходила, как известно, его заметная идеализация, и совершалась она в ходе невиданной по размаху критической войны, разгоревшейся по поводу религиозно-философских сочинений Л. Толстого, когда два крупнейших писателя стали восприниматься как антиподы.

В этой связи несомненный интерес представляет восприятие позднего Достоевского И. Аксаковым и Гиляровым, религиозными мыслителями и консервативными журналистами, которые, подобно К. Н. Леонтьеву, негативно встретили философскую публицистику Л. Толстого, однако, вместе с тем, критически отнеслись и к богословствованию Достоевского.

Аксакову показался неприемлемым подмеченный им стилистический разнобой «Дневника писателя» (то, что он называл «тоном»), чреватый, как ему казалось, профанацией святыни. 23 августа 1880 г. он писал Достоевскому: «Мы с Вами стоим под знаменем Христа и хотим непостыдно, гласно исповедовать его имя. Но это имя — святыня; но оно налагает на исповедовающего его перед

---

[748] *Д—ъ И. <Дьяконов И. В.>*. Греховодники: (Из жизни федосеевцев и филипповцев). XXVII. Недоумение федосеянки; *<Гиляров-Платонов Н. П.>*. Москва, 6 июня // *СИ*. 1885. № 139. 7 июня.

[749] *Лесков Н. С.* Иродова работа. С. 353.

[750] См. об этом подробнее в главе 2.5, на с. 225.

[751] *Лесков Н. С.* Иродова работа. С. 353. См. подробнее об этой полемике на с. 224—225.

другими обязанность сообразоваться, приводить в некоторое соответствие с этой святыней — и свое собственное настроение и свое *слово* <...> есть что-то негармоничное между исповедованием, частым поминанием Христа и умышленно-оскорбительною для Вашего противника речью <...>».[752] Вместе с тем Аксаков имел высокие представления об учительстве Достоевского: «...Вы, мне кажется, призваны *популяризировать* в общественном сознании нравственную истину христианства, переводя ее из *храма* — на *улицу*, в жизнь, — следя и раскрывая ее в нашей ежедневности, во всех крупных и мелких случаях <...>».[753] Это доброжелательство Аксакова, на наш взгляд, объясняется тем, что его учителем в богословии, как и большинства славянофилов, а также и Достоевского, был Хомяков.[754] При этом представители духовно-академической науки, сторонники старых катехизических формул, в 1860—1870-е гг. отзывались о хомяковском богословии обыкновенно негативно, хотя признавали положительное значение за его стремлением религиозно просвещать общество. Так, профессор Московской духовной академии П. С. Казанский писал в 1868 г.: «Хомяков создал свое понятие о Церкви, и все раскольнические, даже еретические мысли свои, наивно себя обманывая, прикрывал голосом Церкви».[755] Указывал Казанский и на источники таких отклонений Хомякова от православной догматики: «Он изучал христианское учение по тем же западным книгам, и на нем отразилось влияние вместе и католичества, и протестантства. У первого он заимствовал преданность Церкви, а у второго — свободомыслие, неуважение к Церкви на деле. <...> Он невольно надышался атмосферою своих противников. Сделав этот винегрет из двух исповеданий Запада, бессознательно для себя самого он назвал его православием».[756] Как известно, сходным образом характеризовал богословские сочинения Хомякова и ректор Московской духовной академии протоиерей А. В. Горский.[757]

Иначе относился к религиозным построениям Хомякова Гиляров. Но если взаимоотношения Достоевского с Аксаковым достаточно выяснены в науке,[758]

---

[752] Письма И. С. Аксакова к Ф. М. Достоевскому / Публ., вступ. ст. и коммент. И. Л. Волгина // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. М., 1972. Т. XXXI, вып. 4. С. 356.

[753] Там же.

[754] См. в этой связи глубокие работы В. М. Лурье: 1) Догматические представления А. С. Хомякова: (Очерк становления и развития) // Славянофильство и современность: Сб. ст. СПб.: Наука, 1994. С. 158—176; 2) Догматика «религии любви»: Догматические представления позднего Достоевского // Христианство и русская литература. СПб.: Наука, 1996. Сб. 2. С. 290—309.

[755] Переписка профессора Московской духовной академии Петра Симоновича Казанского с Александрой Николаевной Бахметевой / Сообщил прот. А. Беляев // У Троицы в Академии, 1814—1914 гг.: Юбил. сб. ист. материалов. М., 1914. С. 545.

[756] Там же. С. 546.

[757] См.: <*Горский А. В., прот.* Замечания на богословские сочинения А. С. Хомякова> // Славянофильство: pro et contra: Творчество и деятельность славянофилов в оценке рус. мыслителей и исследователей: Антология. СПб.: Изд-во РХГА, 2006. С. 541—564.

[758] См.: *Белов С. В.* Энциклопедический словарь «Ф. М. Достоевский и его окружение». СПб.: «Алетейя»; РНБ, 2001. Т. I. С. 21—24 (библиогр.).

то жизненные и творческие связи писателя с Гиляровым пока мало привлекали внимания исследователей; отрадное исключение — исследование В. А. Викторовича «Перепутья русского консерватизма (Ф. М. Достоевский и Н. П. Гиляров-Платонов)».[759] И это понятно: Гиляров упоминается лишь в одном письме Достоевского (к вдове поэта графине С. А. Толстой от 13 июня 1880 г.), и то по случайному поводу. В то же время Достоевский, несомненно, следил за материалами на церковно-общественные темы, находившими место в «Современных Известиях»: у него встречаются ссылки на газету Гилярова, причем чаще писатель не полемизирует, а соглашается с доводами московского публициста (анализ некоторых таких перекличек представлен в работе В. А. Викторовича).

Тем не менее А. С. Долинин, комментируя в свое время это письмо с упоминанием имени Гилярова, имел все основания предполагать: «Достоевский был, по всей вероятности, с ним лично знаком; он должен был встречать его у Ив. Аксакова, в газетах и журналах которого Гиляров был неизменным и всегда очень высоко ценившимся сотрудником. Нам неизвестно, что именно читал Достоевский из его писаний, но по целому ряду вопросов (отношение к чиновникам официальной церкви, к духовенству, к расколу) у них много общего; единомыслие, может быть, установилось у них благодаря личным беседам».[760]

На своих разногласиях с Хомяковым (а косвенно — и с Достоевским) по богословским вопросам сам Гиляров останавливается по просьбе своего ученика, молодого публициста И. Ф. Романова-Рцы, в письмах к нему (1886).[761] Важнее, однако, моменты удивительного сходства Достоевского и Гилярова в их религиозной публицистике.

Б. Ф. Егоров недавно установил, что некоторые суждения Достоевского в его Пушкинской речи во многом совпадают с положениями передовой статьи гиляровских «Современных Известий», посвященной открытию памятника поэту в Москве:[762] «Автор изложил здесь свои главные “пушкинистские” идеи, оказавшиеся удивительно созвучными, даже конгениальными идеям Достоевского, которыми тот насытит свою блистательную речь два дня спустя».[763] Гиляров оставил свои непосредственные впечатления от речи Достоевского в передовой статье от 9 июня (№ 157): «Никогда с такою глубиною не анализирован был наш великий поэт отчасти, а отчасти и идеалы русского народа. Это была молния, прорезавшая небо».[764] Главное значение Пушкинской речи Гиляров усматривал в вызванном ею «подъеме русского духа», примирившего представителей «разногласных, по-видимому, направлений» (прежде всего западников и славя-

[759] *Гиляров: ИМБР*. С. 47—95.

[760] *Достоевский Ф. М.* Письма: В 4 т. / Под ред. и с примеч. А. С. Долинина. М.; Л.: Госиздат, 1959. Т. IV. С. 428.

[761] *Письма к Рцы*. С. 209—364. См. об этом в главе 3.7.

[762] *СИ*. 1880. 6 июня. № 154. С. 2.

[763] *Егоров Б. Ф.* Православные мыслители о Пушкине // *Егоров Б. Ф.* От Хомякова до Лотмана. С. 154.

[764] *Сб. соч*. Т. II. С. 486.

нофилов): «Это был праздник действительно совершившегося единства в сознании».[765]

Но, когда Гиляров прочел Пушкинскую речь в августовском выпуске «Дневника писателя»,[766] он несколько скорректировал свое мнение (в письме к И. Аксакову от 22 августа 1880 г.): «Речь Достоевского в печати оказалась далеко не тем, чем казалась в чтении. Как чтец, Достоевский действует магнетически (сила искренности и глубины убеждения). Вы можете быть несогласны со мною, но меня не привлекает *мессианизм* его. Это экзальтация, лишенная реальной основы, праздная и потому развращающая. Гадать можно о чем угодно, но решительно утверждать такое или другое историческое призвание народа можно только *после* пройденного им поприща. Мыслящий русский человек может взвешивать сравнительные условия, географические, исторические, этнографические, социальные, под которыми мы поставлены, и отсюда предвидеть, что может быть впоследствии, но определять назначение русского человека так решительно, как делает Достоевский, это чересчур смело».[767]

Важно, что И. Аксаков, судя по всему, был вполне солидарен с Гиляровым. Он не считал идеи Пушкинской речи оригинальными и в письме к О. Ф. Миллеру от 17 августа 1880 г. утверждал, что они «не новы ни для кого из славянофилов. Глубже и шире поставлен этот вопрос у Хомякова и у брата Константина Сергеевича».[768] Самому же Достоевскому И. Аксаков писал через три дня, 20 августа, развивая образ из июньской гиляровской передовицы: «...речь сверкнула молнией, которая мгновенно пронзила туман голов и сердец и так же быстро, как молния, исчезла, *прожегши души немногих*».[769] Еще не зная мнения Гилярова о «мессианизме» и «праздной экзальтации», Аксаков также упрекает Достоевского в том, что, выступая как мыслитель, он остается художником: его пассажи религиозно-профетического содержания слишком многозначны: «Иногда у Вас в скобках, между прочим, скачок в такой отдаленный горизонт, с перспективою такой новой дали, что у иного читателя голова смущается и кружится, — и только скачок».[770] Особенно же ценен взвешенный вывод Аксакова (в том же письме к Миллеру) о том, что «ошибочно считать речь Достоевского за трактат, за какое-то догматическое изложение и подвергать в этом смысле критике».[771]

Но в одном существенном вопросе мнения Аксакова и Гилярова по поводу религиозной публицистики Достоевского разошлись. В письме к Миллеру Акса-

[765] Там же. С. 486, 487.

[766] Любопытно, что речь Достоевского (впервые опубликованная в «Московских Ведомостях») была перепечатана в гиляровских «Современных Известиях» 14 июня (№ 162. С. 1—2), но тогда ее «магнетизм» был еще слишком силен и она не вызывала возражений.

[767] Материалы для биографии Н. П. Гилярова-Платонова. III. Письма к И. С. Аксакову // *РО*. 1896. Т. 42, дек. С. 1007. Исправлено по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 359. Л. 19.

[768] Литературное наследство. М., 1973. Т. 86. С. 515.

[769] Письма И. С. Аксакова к Ф. М. Достоевскому. С. 353.

[770] Там же. С. 354.

[771] Литературное наследство. Т. 86. С. 514—515.

ков, делясь своими впечатлениями от посвященных поэту торжеств, оговаривался, что автор Пушкинской речи «отважился в упор публике, совсем не под лад ему и его направлению настроенной, высказать несколько мыслей, резко противоположных всему тому, чему она только рукоплескала <...>».[772] (Имелись в виду характеристики Пушкина в речах либеральных литераторов и общественных деятелей.) Через 6 лет, 13 ноября 1886 г., Гиляров, сравнивая себя как публициста с Достоевским, заметит в письме к Романову-Рцы: «Приходило и мне не раз в голову издавать "Дневник" вроде Достоевского: но что возможно было Достоевскому и даже Аверкиеву,[773] то недостижимо для меня. Вы уверяете, что я в накладе не остался бы; но я опытом убежден в противном».[774] В следующем письме (от 15 ноября) Гиляров пояснит свою мысль: «Вы меня сочли чистым славянофилом, тогда как с ними со всеми я спорил горячо. Что же Вы мне ставите в пример Достоевского? Тот был плоть от плоти общества. Я знаю, меня читают, потому что я не обделен художественным даром и умею излагать ясно. Но целые пучины недоразумений неотступно преследуют меня, потому что я одинок, самородок, если хотите».[775]

Характерный пример. Уже спустя пять лет после кончины Достоевского, 3 ноября 1886 г., Гиляров в письме к Романову-Рцы возвращался к известному тезису писателя «Константинополь должен быть наш» (между прочим, и по поводу философско-политической концепции К. Леонтьева): «Скажу еще, что собственно Константинополя Россия, по моему мнению, не только не должна добиваться, но обладание им принесет нам если не кончину и разложение, то величайшее бедствие и крайнее изнурение. <...> С нравственной стороны стремление к Константинополю есть чувство лакея, мечтающего поспать на постеле барина. "Москва есть третий Рим": слышите в этом изречении наших предков и гордость, и лакейство вместе? Тщеславиться преемством чему? Риму и Византии! Фу! Народ, так рассуждающий (представители этого направления — старообрядцы), отказывается от собственной личности в истории, отрицает существование собственных задач».[776] Как видим, возвышенные представления о предназначении России и русского народа, свойственные как Гилярову, так и Достоевскому, могли находить диаметрально противоположную тактическую реализацию в их историософии. «Плоть от плоти общества» в устах Гилярова и означало, что Достоевский в своей публицистике 1870-х — начала 1880-х гг. выражал глубинные нравственно-религиозные подвижки в общественном сознании, не удовлетворявшемся более идеями социального радикализма, причем озвучивал их языком и в манере, доступными широкому кругу его читателей

[772] Там же. С. 515.

[773] Драматург, прозаик, театральный критик и публицист Дмитрий Васильевич Аверкиев (1836—1905) ежемесячно в Петербурге издавал свой «моножурнал» «Дневник Писателя» (1885—1886).

[774] *Письма к Рцы.* С. 281.

[775] Там же. С. 287.

[776] Там же. С. 262.

и «магнетически» на них действовавшими; выстраданное им слово было в тот период особенно востребовано.

Кстати, во многом сходную оценку дал Достоевскому в связи с его кончиной их общий «ближний приятель»[777] К. П. Победоносцев — в письме к И. Аксакову от 30 января 1881 г.: «*Тяжко*, пишешь ты, еще не знав о кончине Ф. М. Достоевского. А вот, у его гроба и вдвое тяжко. Я близко знал этого человека. <...> В нынешнюю пору как раз он пришелся ко времени. И теперь незаменим, ибо *стоял сам по себе*».[778] Однако, как видим, Победоносцев словно в чем-то и поправляет будущее мнение Гиляров, настаивая на признании писателя вполне независимым нравственным авторитетом.

Впрочем, и нелицеприятная гиляровская оценка нисколько не умаляла заслуг Достоевского, хотя и указывала на мировоззренческую высоту, до которой, по мнению редактора «Современных Известий», русское общество с его «писателем-пророком» еще не доросло. К Достоевскому, тем не менее, Гиляров относился с пиететом, что рельефно отразилось в поминальной статье, написанной в день погребения писателя, причем эта передовица вообще уникальна для Гилярова — обыкновенно он давал своим выдающимся современникам в связи с их кончиной весьма нелицеприятные характеристики, никак не укладывавшиеся в традиционные жанровые рамки некролога: он считал делом принципа дать сразу максимально точную градацию реальных заслуг и недостатков покойного и отказывался от его двоедушного превознесения. Здесь же он подчеркивал: «Не все разделяли его образ мыслей, но никто не мог отказать в почтении тому, *что мысли эти выстраданы, куплены ценою не одного отвлеченного, праздного кабинетного умствования, но ценою незаслуженной каторги,* каторги во всем ее буквальном смысле, *ценою Мертвого Дома.* И к этому художественный талант с глубиною и проницательностью психического анализа, от которого каждому читателю его творений становилось подчас страшно! Не просто художественная, но *нравственная сила* <...>».[779]

Уклоняясь от разговора о конкретных достижениях Достоевского в области богословского знания, Гиляров ставит его в один ряд с Пушкиным, Гоголем, К. Аксаковым, Хомяковым, И. Киреевским, имея в виду сходство их творческого развития, в одиночку преодолевающего общественную косность и потому содержащего «*пропасть трагического*»: «*...они искали внутреннего нравственного*

[777] 2 февраля 1881 г. Победоносцев писал своему брату Александру: «Кончина Достоевского очень огорчила меня: это был мой ближний приятель. Он нередко ходил ко мне, для чего у меня был отведен ему тихий час в субботу после всенощной, и мы засиживались за полночь в уединенной беседе» **(**Из писем Победоносцева / <Сообщ. П. П. Николаев> // Русская Мысль. 1911. Кн. V. С. 138, 137 (паг. 2-я)**)**. Приводим пространную выдержку в связи с тем, что этот эпистолярный комплекс остался вне поля зрения составителей «Летописи жизни и творчества Ф. М. Достоевского».

[778] ИРЛИ. Сигн. 22 583. Л. 14 об.—15.

[779] *Сб. соч.* Т. II. С. 493.

и даже прямо религиозного идеала, его признавали право на господство и к нему взывали».[780]

Любопытно, что Гиляров, тяготевший к прозе С. Аксакова («Семейная хроника») и молодого Л. Толстого (автобиографическая трилогия) и к их стилю, так сказать, естественного дыхания, вероятнее всего, внутренне не принимал эстетику Достоевского и его, как однажды выразился Победоносцев, «тяжелые, болезненные книги», к примеру, одна из которых — «Преступление и наказание» — «во многих местах производит слишком сильное впечатление и действует на нервы».[781] Тем не менее, проницательно определив истинный масштаб Достоевского и его роль в русской культуре, Гиляров опубликовал в своей газете, не считая перепечаток из других изданий, 15 посвященных покойному писателю оригинальных статей, мемуарных заметок, писем в редакцию из провинции (в том числе очерк библиографа А. В. Смирнова[782] и четыре корреспонденции из Петербурга журналиста Ф. Ф. Серно-Соловьевича[783]).

Отдельно скажем об одной публикации в «Современных Известиях», ставшей существенным контраргументом в спорах о якобы «розовом православии» Достоевского. В 1880-е гг. возмущение церковных публицистов вызвала та часть брошюры К. Н. Леонтьева «Наши новые христиане» (М., 1882),[784] в которой язвительной критике с точки зрения православной аскетики подверглась Пушкинская речь Достоевского. Предвзятость леонтьевских аргументов, по мнению законоучителя Катковского лицея священника И. И. Соловьева, становится явной, стоит лишь вспомнить Катехизис: Достоевский прав, считая залогом спасения и счастья любовь, а не страх Божий (плод любви).[785] С. А. Пономарев более обстоятельно выясняет смысл «всепрощающей любви», ключевого понятия в воззрениях Достоевского, показывая (главным образом на материале

---

[780] Там же. С. 495.

[781] Из писем Победоносцева. С. 138, 137. Цитируются письма к брату А. П. Победоносцеву от 23 декабря 1886 г. и 21 января 1879 г.

[782] *Сми-в А.* <*Смирнов А. В.*>. Ф. М. Достоевский: (Биогр. сведения) // *СИ*. 1881. 12 февр. № 42. С. 1—2.

[783] *С—г Ф.* <*Серно-Соловьевич Ф. Ф.*>: 1) На панихиде по Ф. М. Достоевском // Там же. 1 февр. № 31. С. 2; 2) Перенесение тела Ф. М. Достоевского // Там же. 2 февр. № 32. С. 2; 3) Проводы тела Ф. М. Достоевского // Там же. 3 февр. № 33. С. 2; 4) Погребение Ф. М. Достоевского // Там же. 4 февр. № 34. С. 2.

[784] Литературу о полемике К. Леонтьева с Достоевским см.: *Дмитриев А. П., Дмитриева Л. В.* Христианство и новая русская литература XVIII—XX веков: Библиогр. указ., 1800—2000 / Под ред. В. А. Котельникова. СПб.: Наука, 2002 (по Алфавиту имен).

[785] *ЧОЛДП*. 1883. Кн. III/IV, ч. II. Отд. II. С. 163—177. Рецензия подписана криптонимом «У—в» и потому приписывалась Н. А. Уманову; авторство священника Иоанна Ильича Соловьева установлено по публикации: *Леонтьев К. Н.* Тетради с наклейками / Сост. и подгот. текста (в соавт. с Е. В. Ивановой), коммент. А. П. Дмитриева // В. В. Розанов и К. Н. Леонтьев Материалы неизданной книги «Литературные изгнанники». Переписка. Неопубликованные тексты. Статьи о К. Н. Леонтьеве. Комментарии / РАН. ИМЛИ. СПб.: Росток, 2014. С. 478.

«Братьев Карамазовых»), что она никоим образом не сводится к гуманности, лежащей в основе утилитарного прогресса. Мировоззрение писателя, убежден Пономарев, «вполне и строго православно»: «Называть его сентиментальным или розовым православием неуместно и несправедливо».[786]

В связи с этой полемикой, то и дело оживляющейся и по сей день, в особенности же с утверждениями К. Леонтьева в его поздних работах и в переписке с В. Розановым о том, что насельники Оптиной критически отнеслись к картине монастырской жизни в «Братьях Карамазовых»,[787] и важен уникальный документ, увидевший свет в газете Гилярова 9 февраля 1881 г. Это письмо из Оптиной пустыни,[788] напечатанное как корреспонденция с редакционным, по всей видимости, названием:[789]

«Из Козельска, Калужской губ.

5 февраля

Памяти Ф. М. Достоевского

Какое светлое впечатление оставил Ф. М. Достоевский в бытность свою в Оптиной пустыне, Козельского уезда! Это было три года тому назад, когда он приехал с В. С. Соловьевым, доктором философии, сыном известного историка, погостить в нашу обитель. Прожили дня четыре.[790] Федор Михайлович познакомился между прочим с уважаемым известным многим старцем о. Амвросием и некоторыми монахами. О. Амвросий — это одно из действующих лиц в «Братьях Карамазовых». Достоевский описал его так верно и правдиво, что многие, знающие Амвросия, узнавали его в образе художника.[791]

---

[786] *Пономарев С.* Любовь как начало единения: (По поводу брошюры о Ф. М. Достоевском) // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. 1884. Кн. I, ч. I. Отд. I. С. 101.

[787] См. об этом, с приведением убедительных контраргументов: *Котельников В.* Православные подвижники и русская литература: На пути к Оптиной. М., 2002. С. 281—282.

[788] Впервые републиковано нами в составе статьи: *Дмитриев А. П.* «Муж Креста Христова» или «плоть от плоти общества»?: (Духовные писатели и религиозные мыслители 1880-х — начала 1890-х гг. о Достоевском) // Достоевский и мировая культура: Альм. / О-во Достоевского. Моск. отд-ние; Гл. ред. К. А. Степанян. М., 2009. № 25. С. 445—470.

[789] Перед началом текста — по обычаю, заведенному в редакции, — поставлен символ якоря, означавший, что за этот материал ответственен один из сотрудников редакции (предполагаем, что Ф. П. Преображенский), возможно подвергший его некоторой стилистической обработке.

[790] Ошибка памяти: Достоевский и Вл. Соловьев пребывали в Оптиной три дня — с 25 по 27 июня 1878 г. (см.: Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. СПб.: Акад. проект, 1995. Т. III. С. 278).

[791] Ср. в письме К. Леонтьева к Розанову от 8 мая 1891 г.: «В Оптиной “Братьев Карамазовых” *правильным правосл<авным> произведением не признают, и старец Зосима ничуть ни учением, ни характером* на *отца Амвросия не похож.* Достоевский описал только его наружность, но *говорить* его заставил совершенно *не то,* что он говорит, и не в *том стиле,* в каком Амвросий выражается» **(***Розанов В. В.* Литературные изгнанники: Н. Н. Страхов. К. Н. Леонтьев. М.: Республика, 2001. С. 337. (Собр. соч.; <Т. 13>)**)**.

Когда дошла до нас весть о кончине Федора Михайловича, мы истинно пожалели писателя-психолога, симпатичного человека и истинного христианина. Монастырское начальство, узнав о смерти Достоевского, распорядилось поминать его на литургии, и мы в обедню на Сретение услышали ектенью протодиакона, молившегося о рабе Божием Феодоре, и многие, знавшие, кого поминают, и хотя несколько слышавшие о нем, усердно молились. Горько, горько мне стало за обедневшую семью наших писателей, лишившуюся таких столбов русской литературы, как Писемский[792] и Достоевский. С каждым годом все уменьшается эта семья».[793]

Как видим, эта корреспонденция, составленная от имени всей братии Оптиной пустыни и, вероятно, с благословения настоятеля обители, содержит уникальное свидетельство о том, как в знаменитой обители восприняли кончину Достоевского, и дает основание заподозрить в определенной пристрастности К. Леонтьева, а также исследователей, развивавших и пропагандировавших его суждения на сей счет, прежде всего Н. А. Бердяева, протоиерея В. В. Зеньковского, Л. А. Зандера, К. В. Мочульского, И. М. Концевича, В. М. Лурье. Впрочем, как и в церковных проповедях, Достоевский здесь не объявляется ни богословом, ни православным учителем, а только «писателем-психологом, симпатичным человеком и истинным христианином»...

Позиция Гилярова, убеждения которого основаны на прочном фундаменте традиционного богословского образования, кажется нам особенно плодотворной на фоне высказываний духовных писателей и церковных публицистов о Достоевском в первое десятилетие по его кончине:[794] Гиляров, как никто другой из них, сумел деликатно и в меру церковную оценить реальный вклад почившего в духовную жизнь России, не превращая того в некоего новоявленного «отца Церкви» или «мирского святого», но и не умаляя значение его религиозного вдохновения подозрением в инославном еретичестве.

3.13. Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ И И. Ф. РОМАНОВ-РЦЫ: ИСТОРИЯ ПЕРЕПИСКИ С УЧЕНИКОМ И ЕЕ ПУБЛИКАЦИИ (1884—1904)

В 1897 г. ученик и биограф Гилярова князь Н. В. Шаховской приступил к подготовке двухтомника основных произведений мыслителя, издание которого решил профинансировать обер-прокурор Св. Синода К. П. Победоносцев и который вышел в свет в Москве в 1899—1900 гг. под названием «Сборник сочинений».[795]

---

[792] А. Ф. Писемский скончался за неделю до Достоевского, 21 января 1881 г.

[793] *СИ*. 1881. 9 февр. № 39. С. 3.

[794] См. их обзор: *Дмитриев А. П.* «Муж Креста Христова» или «плоть от плоти общества»?: (Духовные писатели и религиозные мыслители 1880-х — начала 1890-х гг. о Достоевском). С. 445—470.

[795] О взаимоотношениях Победоносцева и Гилярова см. главу 2.9.

За десятилетие, минувшее со дня кончины Гилярова, благодаря усилиям его почитателей и единомышленников, прежде всего близкого друга и бывшей заместительницы по редакции А. М. Гальперсон, а также молодых публицистов князя Н. В. Шаховского, И. Ф. Романова и С. Ф. Шарапова, были опубликованы самые важные из оригинальных трудов покойного, сохранившихся в его архиве, и значительная часть его эпистолярия — в виде отдельных подборок писем или обильного их цитирования в статьях, посвященных Гилярову. Однако наиболее ценный, по общему мнению, эпистолярный комплекс — переписка Гилярова с публицистом славянофильского направления Иваном Федоровичем Романовым-Рцы[796] (1861—1913) — оставался все еще неопубликованным (не считая больших фрагментов трех из 16-ти писем, напечатанных с небольшими изменениями текста А. М. Гальперсон в 1890 г.[797]).

В подготавливаемое князем Шаховским издание гиляровских сочинений не предполагалось включать архивные материалы, однако он, тем не менее, 12 ноября 1897 г. послал Победоносцеву для ознакомления список гиляровских писем к Романову, делая легкий акцент на их значении как бы предсмертного «духовного завещания» мыслителя: «Глубокоуважаемый Константин Петрович, не пожелаете ли прочитать замечательные письма Гилярова к И. Ф. Романову, писанные им незадолго до смерти?»[798] Уже через неделю, 17 ноября, Победоносцев отвечал: «Премного благодарен вам за сообщение крайне интересных писем Гилярова. Много тут разбросано искрами глубокой мысли, которую никогда не удавалось Гилярову соединить в одно целое вместилище... Но потому-то именно это — чтение *для немногих*.[799] Для многих будет отчасти непонятно, отчасти соблазнительно». И далее находит формальную причину, чтоб не предавать гласности гиляровские письма: «Итак, не вижу возможности включить это или часть этого в наше издание, тем более что в него войдут лишь напечатанные уже статьи».[800] Завершается письмо Победоносцева вопросом: «Кто этот Романов? Я не слыхал об нем».[801]

Сказано это о литераторе, сочинения которого отмечены запоминающейся индивидуальной манерой слововыражения, который к тому же уже около 15 лет активно сотрудничал со столичными периодическими изданиями консерватив-

---

[796] Хотя этот писатель вошел в историю культуры под своим псевдонимом *Рцы*, однако в тот период, к которому относится его переписка с Гиляровым, он делал только первые шаги в литературе и в гиляровском кругу его называли только настоящим именем. Потому в дальнейшем в настоящей главе при его упоминании, как правило, указывается его подлинная фамилия *Романов*.

[797] Из бумаг Н. П. Гилярова-Платонова: Письма к одному из его читателей // *РА*. 1890. Кн. I, вып. 2. С. 316—324.

[798] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 75. Л. 27.

[799] С такой отметкой — «Для немногих» — сам Победоносцем опубликовал, например, «Отрывки из школьного дневника. 1842—1845 гг.» (СПб., 1885).

[800] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 148. Л. 7.

[801] Там же. Л. 8.

но-охранительного направления («Русь», «Русское Дело», «Современные Известия», «Благовест», «Русский Труд», «Гражданин» и др.). И. С. Аксаков 15 июня 1884 г. писал ему, 23-летнему юноше, лестные слова: «Хотя Вы и ученик Хомякова, Константина Сергеевича,[802] Самарина и др., но Вы самостоятельно восприняли основы их мировоззрения и Ваши заметки блещут оригинальностью, свидетельствуют о силе и глубокой искренности Ваших убеждений».[803]

Впрочем, как и Гиляров, почти до конца жизни подписывавший свои статьи либо инициалами, либо криптонимами, Романов-Рцы практически не был известен русскому читателю под своей настоящей фамилией.[804]

Впоследствии в некрологе Романову В. В. Розанов, его многолетний корреспондент и друг, так будет объяснять, отчего творческое наследие почившего оказалось невостребованным при его жизни: «Он отличался необыкновенно сильным и проницательным умом, обширной начитанностью в литературе, истории и богослужении, но эти качества, которые могли бы выдвинуть его в первые ряды публицистической литературы, сопровождались слишком капризной и оригинальной формою выражения, формою письма, которая была очень хороша “на любителя”, но сыграла роковую роль в признании его вообще читающим обществом». И далее — о своеобразии мировоззрения и литературного самоопределения Романова: «С трагедией в душе, он вечно шутил; он хотел рассказать анекдот среди крови и гробов, сам истекая в сердце кровью. “Рцы” и “шутка” неотделимы: тогда как мало было умов среди современников его, которые были бы так преданы самым высоким темам бытия, религии и истории. <...> Он вообще был истомленная душа, измученная душа».[805]

При некоторых чертах различия (особенно проявляющихся в склонности Романова к довольно причудливой шутке, к стилевому эпатажу либо нарочито провокационному эстетству) нельзя не признать, что в лице молодого талантливого «совопросника» Гиляров, столь же одинокий, нравственно истомленный и измученный, встретил родственную душу.

Именно этим и объясняется, почему в переписке с еще вчера незнакомым читателем вышла на поверхность подспудная жажда высказать вдруг и с беспощадной откровенностью глубоко потаенное и очень личное. Ведь в какой-то мере и сам Гиляров воспринял эту «встречу в письмах» как провиденциальное для своей жизни событие. Заваленный беспросветной работой по редактированию ежедневной газеты, ощущая себя подчас каторжником, «прикованным к тачке»,

---

[802] Аксакова, старшего брата Ивана Сергеевича.

[803] Письмо И. С. Аксакова к И. Ф. Романову // *РД*. 1886. 5 июня. № 6. С. 13.

[804] Победоносцев, согласно позднему свидетельству самого Романова, все же был знаком с его публицистикой и, писал он, «дарил нас своим сочувственным вниманием еще в самую раннюю эпоху нашей литературной деятельности» **(**Рцы: Литературная газета. 1912. № 15 (Нояб.). С. 4**)**.

[805] *Розанов В. В.* Иван Федорович Романов («Рцы»): (Некролог) // Полн. собр. соч.: В 35 т. СПб.: Росток, 2017. Т. 5. С. 125.

он регулярно отправляет в Киев, где в то время жил Романов, длинные письма и с некоторым удивлением признается: «Ваши письма меня трогают <...>. И вот Вам доказательство, как я ценю Ваши откровенные, горячие упреки. Я обыкновенно *никому* не пишу писем. Вы можете хвалиться моим автографом, потому что едва ли после моей смерти найдется по России еще десяток подобных <...>»[806] (письмо от 2 ноября 1886 г.). А через день поясняет: «Мне хочется с Вами говорить. Я так мало избалован, не скажу отзывами о моих способностях, а о значении моем для общественного самосознания, что совершил бы великий грех, когда бы оставил в недоумении одного из тех весьма немногих, которые от меня ожидают большего, чем я оказываю, и признают меня, пользуюсь Вашим выражением, "хозяином" и "мастером" в области высшего мышления».[807]

Возможность *исповеди* — и интеллектуальной, мировоззренческой (причем во многих аспектах: богословском, философском, общественно-литературном, политическом), и задушевно-личной, позволившей с высоты прожитых лет по-новому осветить изломы собственной судьбы и наиболее важные моменты пережитого, — была полностью реализована Гиляровым в этой переписке. Впрочем, порой он болезненно реагировал на очередное пространное послание своего киевского корреспондента: «Вы меня приводите в отчаяние своими письмами. В них столько души, что совестно на них не отвечать, а временем я не очень располагаю; отвечать же полусловами совестно»[808] (письмо от 15 ноября 1886 г.) — или: «Довольно. Пишите покороче»[809] (от 16 ноября).

Иногда Гиляров, пытаясь немногословно и вместе с тем как можно четче пояснить то или иное свое убеждение, выражается очень сухо, афористически. Осознавая это, он извиняется: «Пишу отрывочно, едва ли ясно. Но, может быть, не удастся в другой раз высказать»[810] (письмо от 23 ноября 1886 г.). Здесь сквозь конкретную приуроченность вежливой оговорки прорывается весьма существенное. Не будет большим преувеличением, если скажем, что в письмах к Романову Гиляров запечатлел свой «символ веры». И он торопится высказаться по самым основополагающим вопросам своего мироотношения.

Поэтому не удивительно, что эти письма представляют богатейший материал как для изучения жизни и творчества самого Гилярова, так и для исследования ряда сложных богословских и философских понятий, а также ряда неоднозначных проблем общественно-политической и духовно-нравственной жизни России, причем не только второй половины XIX в. Ведь уже последователи Гилярова (князь Шаховской, Шарапов, Романов, иногда и Розанов) настойчиво указывали на профетическое значение и серьезных научных трудов Гилярова, и его текущей, злободневной, казалось бы, публицистики. А. М. Гальперсон в од-

[806] *Письма к Рцы*. С. 247.
[807] Там же. С. 256.
[808] Там же. С. 287.
[809] Там же. С. 296.
[810] Там же. С. 305.

ном из писем к князю Н. В. Шаховскому (от 18 февраля 1894 г.) спрашивала: «Но отчего же всё, что он предсказывал, всё, что советовал, впоследствии осуществилось само собой? Так во внешней политике, так во внутренней, так в вопросах городского благоустройства и т. п. <...> В письме к Романову, кажется, Н<икита> П<етрович> говорит, что впоследствии, перечитывая его статьи, какой-нибудь читатель подивится, что “это не утратило значения и для нашего времени”. У меня все время такое чувство, когда я читаю его статьи в “Совр<еменных> Изв<естиях>”».[811]

Внешняя канва взаимоотношений Гилярова и Романова намечена в мемуарных очерках последнего, напечатанных в издававшихся С. Ф. Шараповым газетах «Русское Дело» и «Русский Труд».[812] Новонайденное письмо Романова в контору гиляровской газеты, датируемое предположительно маем — июнем 1884 г., когда проходила подписка на второе полугодие, позволяет уже уверенно закрепить за этим временным промежутком хронологическую черту, за которой рядовой провинциальный читатель стал благодарным учеником, корреспондентом «Современных Известий», единомышленником и сподвижником Гилярова. Приведем это небольшое письмо полностью: «Прилагая при сем *шесть* руб<лей>, покорнейше прошу Контору редакции “Совр<еменных> Известий”:

1) Выслать мне и в следующее полугодие газету.

2) Выслать (если возможно) следующ<ие> пять №№ “Совр<еменных> Известий” за *прошлый 1883 год*: №№ 314, 315, 316, 317 и ***342.*** Романов».[813]

Но еще раньше, в январе того же года, произошел обмен письмами, правда не личными, а открытыми, между Романовым и Гиляровым. Это удалось выяснить благодаря письму Романова к В. В. Розанову от 28 февраля 1901 г., которое начиналось словами: «Анафематствование Льва Толстого не делает ли своевременным ознакомить публику с “чином православия”? Этим чином я занимаюсь с 1883 года. С этого чина началось мое заочное знакомство с Гиляровым. Статьей

---

[811] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 109. Л. 6, 7.

[812] *Рцы*: 1) Н. П. Гиляров-Платонов о спиритизме: (Неизданное письмо покойного) // *РД*. 1888. 22 апр. № 17. С. 20—21; 2) Как я нашел Никиту Петровича // Русский Труд. 1898. 3 янв. № 1. С. 16—17; обе статьи републикованы нами дважды: 1) *Возвращение*. С. 343—351; 358—364; 2) *Рцы* (*Романов И. Ф.*). Собр. соч.: В 2 т. / Изд. подгот. А. Дмитриев и Д. Федоров. СПб.: Росток, 2016. Т. I: Нагота рая. С. 298—300, 364—371.

[813] ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 78. Л. 1. Вопрос, почему именно эти номера газеты понадобились Романову, нуждается в дополнительном изучении. Если иметь в виду редакционные статьи, то их содержание весьма разнообразно: тут материалы и «славянофильской» проблематики: о похоронах А. И. Кошелева (16 нояб. № 316. С. 2) и о Кахановской комиссии (17 нояб. № 317. С. 1—2), и вероисповедной — в связи с положением старообрядчества (12 дек. № 342. С. 1—2), и по сугубо частным, практическим вопросам московского быта: о мерах по борьбе с пьянством (14 нояб. № 314. С. 1—2) и о водоснабжении Первопрестольной (15 нояб. № 315. С. 1). Не исключено, что уже в каком-либо из этих выпусков «Современных Известий» участвовал Романов — допустим, в качестве анонимного корреспондента.

об анафеме я дебютировал в “Совр<еменных> Известиях”».[814] Имеется в виду открытое письмо Рцы к Гилярову, опубликованное тем в составе его передовой статьи «Москва, 27 января».[815] Здесь, кстати, Романов призывал редактора к обличению Вл. Соловьева, «ревностного адепта папского престола», «ученого проповедника унии истины с ложью», и защите «гиганта Хомякова» от духовно-академических профессоров, которые «с гаденьким зубоскальством издеваются» над его творениями (видимо, подразумевая протоиерея А. В. Горского), и др. — эта тема пройдет красной нитью через всю их будущую переписку. Гиляров, не ввязываясь в объяснения «о Вл. Соловьеве, проповедующем унию, о том, какие есть шатающиеся в правоверии профессора духовных академий», раскрывает сущность церковной анафемы не как проклятия и «зложелательства», а только как констатации факта: «ты не со мной — стало быть, ты — не мой».[816]

Но это, повторимся, была обычная для Гилярова практика полемики со своим читателем, которому он позволил высказаться на столбцах газеты, и затем оспорил его мнение. Настоящее, личное знакомство, опять-таки заочное (Гиляров и Рцы никогда не встречались) произошло в мае того же года в связи с полемикой о спиритизме и сверхъестественном в жизни вообще, когда Рцы отправил в газету философское эссе «Солнце и сальная свеча. Заметка по поводу статьи г. Пелешевского “Из области не совсем объяснимого”» и оно было опубликовано.[817]

Переписка с Романовым прошла два этапа: обмен письмами летом 1884 г. по поводу упомянутой полемики о спиритизме и — основной период (сюда относятся 15 из 16-ти гиляровских писем), датируемый октябрем 1886 г. — февралем 1887 г. и затрагивающий большой круг проблем, начиная от вероучительных и геополитических и вплоть до частных вопросов гомеопатии, языкознания или откровенных признаний автобиографического характера.

Важно, что отправной точкой многих размышлений обоих собеседников послужило религиозно-историософское учение А. С. Хомякова, горячим приверженцем которого был в те годы Романов. Кроме того, вся переписка носит отчетливо полемический характер: корреспондент Гилярова не из тех людей, кто будет почтительно, без выражения несогласия и выдвижения своих контраргументов, внимать пусть даже и очень авторитетному корреспонденту. В ходе этих бесед Гиляров делится воспоминаниями и откровенно высказывается по целому ряду литературно-философских, политических и богословских проблем (эти его письма цитировались в нашей книге). При этом, как покажет будущая публицистическая деятельность Романова, эти споры были для него весьма плодотворны: многое из того, с чем он никак не мог согласиться, против чего восставал со

---

[814] *Рцы* (*Романов И. Ф.*). Собр. соч.: В 2 т. СПб.: Росток, 2016. Т. II: Плюсы жизни. С. 526.

[815] *СИ*. 1884. 28 янв. № 27. С. 2. Републиковано нами: *Рцы* (*Романов И. Ф.*). Собр. соч. Т. II. С. 354—355.

[816] См.: *СИ*. 1884. 28 янв. № 27. С. 1—2.

[817] Там же. 18 мая. № 133. С. 2. Подпись: *Эр*. Републиковано нами: *Рцы* (*Романов И. Ф.*). Собр. соч. Т. I. С. 364—371. См. также главу 3.4, с. 362—363.

всей горячностью молодого темперамента, станет для него позднее непреложным и само собой разумеющимся (об этом, впрочем, он и сам свидетельствовал, публикуя некоторые из гиляровских писем в 1904 г.).

Обрывается переписка будто бы на полуслове — письмом от 13—14 февраля 1887 г. Но в предыдущем — от 9 февраля — содержится, по-видимому, и разъяснение. Гиляров несколько раздражен неуступчивостью собеседника, он устал от безуспешных попыток переубедить его. И пишет: «С Вашими рассуждениями о *государстве* я тоже наполовину не согласен, как и о *рассудке*. Но оставляю без возражения, которое будет для обоих бесполезно. Пойдем каждый своею дорогой: Ваши мнения, вижу, тоже *выношены*, а не случайно схвачены».[818]

А. М. Гальперсон, которую в свое время Гиляров знакомил с письмами Романова (потом сам Романов дал ей переписать ответы Гилярова), позже, поссорившись с последним, так его характеризовала князю Н. В. Шаховскому в письме от 13 апреля 1893 г.: «Романов — человек несомненно ненормальный, и эта ненормальность в нем теперь сильнее, нежели прежде. Но и тогда она проявлялась настолько, что Ник<ита> Пет<рович> потерял терпение и просил его прервать переписку».[819] И — чуть выше — вспоминала, что Гиляров возлагал на Романова немалые надежды (в одном из писем — от 23 ноября 1886 г. — он прямо звал его в Москву, предлагая место сотрудника в своей газете и помощника в подготовке к изданию сочинений Гилярова). Гальперсон писала князю Шаховскому: «Вы, естественно, не можете себе представить, как это Ник<ита> Пет<рович> такого человека принимал всерьез. Однако он не только всерьез его принимал, но не раз шутя высказывал, что завидует его талантливости, и многого ждал от него в будущем».[820]

О нравственно-психологическом конфликте, разведшем в разные стороны и сделавшем чужими друг другу Романова, Гальперсон и князя Шаховского, скажем ниже. Сразу же после кончины Гилярова общее горе их объединило, и Романов виделся поначалу чуть ли не ключевой фигурой — тем, кому суждено поднять «упавшее знамя». Ведь известно, что Гиляров высоко оценивал его статьи («Вы прекрасно владеете пером, способны излагать очень умные вещи в очень художественной форме; Вы литературная сила, и применить ее к делу ближе подходило бы к Вашему призванию»[821] — в письме от 23 ноября 1886 г.), даже те из них, которые не публиковал у себя, справедливо отмечая: «...ежедневная газета вовсе не место для философских (равно как и богословских) рассуждений: ими большинство скучает»[822] (письмо от 15 августа 1884 г.). Вместе с тем, помещая, например, почти вслед за своей поминальной передовой, посвященной М. Н. Каткову, сходный по основным мыслям некролог, составленный Ро-

[818] *Письма к Рцы.* С. 335.
[819] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 104. Л. 14—14 об.
[820] Там же. Л. 13 об.—14.
[821] *Письма к Рцы.* С. 305.
[822] Там же. С. 231.

мановым, Гиляров писал в сопроводительной заметке: «С изображением трех могильных крестов вместо заглавия получили мы следующее письмо от уважаемого корреспондента, подписывающегося псевдонимом *Рцы*. Печатая это письмо, присоединяемся всем сердцем к каждой его букве. Некоторые строки представляют даже буквальное повторение сказанного нами вчера. Читатели оценят, надеемся, всю глубину и всю правду этого горячего некролога».[823] Романов, републикуя его впоследствии, отмечал: «Никогда с большею силою не свидетельствовал покойный Н<икита> П<етрович> о полном нашем с ним единомыслии...»[824]

Впрочем, Романов постоянно в беседах с друзьями и в письмах к ним настаивал на своем особенном духовном родстве с почившим учителем. 30 июня 1893 г. он, в частности, писал князю Шаховскому: «Безо всякой сентиментальной скромности скажу, что я имею претензию воображать, что я *глубочайшим образом* понимаю Никиту Петровича, понимаю *дух* его трудов, т. е. способен был бы выразить взгляд о событии сегодняшнего или завтрашнего дня приблизительно так, как бы на него взглянул Гиляров, или, наоборот, о событиях минувшего повторить Никиту Петровича, не читая его статьи по данному вопросу».[825]

В завязавшейся в тот период переписке с В. В. Розановым Романов прежде всего хочет открыть ему Гилярова, увлечь им, для чего высылает оттиски статей последнего. Он сообщает 29—30 сентября 1891 г.: «Писал я у Гилярова. Знаете? Никита Петр<ович> Гиляров, что издавал 20 лет газету “Современные Известия”? Это ***почти*** двойник Хомякова, и во всяком случае второй по нем, его родной брат — колоссальное явление... Так вот, у него писал. Хвалил даже до очевидного пристрастия, до явного заблуждения насчет моих сил».[826] Спустя год (в письме от 7 октября 1892 г.): «Я, напр<имер>, наблюдал поразительное сходство *умов* между собою и покойным Гиляровым — (само собою, с соблюдением настоящей пропорции, как 1 : 1 000 000): пишет он, напр<имер>, передовую статью в Москве, а я ему из Киева шлю корреспонденцию, в которой не только мысли (по поводу одного и того же события), но даже и выражения повторялись. Или раз я задумал целую философскую систему построить на словечке *“так”*. <...> Буквально те же мысли 20 лет тому назад высказаны Гиляровым в одной из его какой-то абсолютно никому неведомой журнальной статье! Это поразительно! А между тем мы отлично разбирали друг друга. Он свободно дешифровал мой почерк, я — его».[827] И далее Романов говорит о «сродстве душ, сердец, *пафоса*, что ли».[828]

Глубоко прочувствованными некрологами почтили уход Гилярова и Романов, и Гальперсон, и Шарапов. Однако монолог Романова о почившем учителе

---

[823] *СИ*. 1887. 26 июля. № 203. С. 2

[824] *Рцы*. Листопад: Неповременное издание. М., 1891. С. 15.

[825] *Рцы* (*Романов И. Ф.*). Собр. соч. Т. II. С. 364.

[826] Там же. С. 395.

[827] Там же. С. 429—430.

[828] Там же. С. 431.

оказался таким вдохновенным панегириком, что, по настоянию младшего сына Гилярова, Алексея Никитича, его не опубликовали в последнем номере «Современных Известий»,[829] а Шарапов, давший ему место на страницах своего «Русского Дела»,[830] вынужден был сопроводить романовский некролог своей подстрочной ремаркой: «Молодой автор, искренность чувства которого так трогательна, впадает, сдается нам, в некоторое преувеличение, возвышая покойного Н<икиту> П<етрови>ча до степени чуть ли не мирового гения».[831] Не был напечатан в «Современных Известиях» и первый отклик Романова на смерть Гилярова — его телеграмма от 15 октября, также увидевшая свет в издании Шарапова: «И его не стало! Этот мало кому ведомый публицист, этот удивительный гений, лучи которого некогда озарят вселенную, этот писатель, этот человек-загадка, непонятый, непризнанный, назвавший лишь первый слог нового великого слова, а остальные унесший в могилу, этот великий русский ум, честь, слава и гордость России — его уже нет! Знает ли, поймет ли православная Русь, кого она лишилась вчера, кого завтра опустит в могилу? Знает ли кто на Руси, что после Хомякова большего не рождала Земля Русская? Безумное, не правда ли, слово? Но его вспомнят и повторят, когда через сто лет станут всем русским миром воздвигать памятник великому русскому человеку».[832] Шарапов поддержал тогда своего сотрудника: «Один из немногих в России, г. Рцы верно разгадал значение и размер духа покойного. Нет, не безумно его слово! Гилярова поймут и оценят лишь много лет спустя и благоговейно преклонятся пред его памятью».[833]

Вскоре после кончины Гилярова А. М. Гальперсон, ставшая собственницей его архива, надеялась именно Романова приобщить к трудам по расшифровке черновых рукописей и подготовке к изданию как их, так и разбросанных по газетам и журналам многочисленных статей покойного. Фактически она исполняла пожелание самого Гилярова, который в свое время писал Романову: «Если бы Вы были здоровы, я бы Вас непременно перетащил в Москву, где Вы между прочим помогли бы мне и в систематизации моих многочисленных статей, помогли бы мне и указаниями, что нужно где дополнить и выяснить»[834] (письмо от 23 ноября 1886 г.). В неотправленном письме от 10 марта 1888 г. Гальперсон тоже зовет Романова в Москву: «Если бы Вы знали, с каким нетерпением я жду Вас сюда. Что письма? Вот прошло две недели, я не могла написать ни строчки. Лич-

[829] С. К. Эфрон писал А. М. Гальперсон 5 ноября 1887 г.: «Полагаю, что, если Ал<ексей> Ник<итич> наложил свое veto на письмо Рцы, когда Вы хотели его напечатать в последнем выпуске “Совр<еменных> Изв<естий>”, то это не может служить нам препятствием видеть напечатанными драгоценные строки, уясняющие так много <...> в другом издании» (ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 47. Л. 1).

[830] *Рцы*. Памяти Н. П. Гилярова-Платонова // *РД*. 1887. 7 нояб. № 15. С. 3—4. Републиковано нами: *Рцы* (*Романов И. Ф.*). Собр. соч. Т. I. С. 25—28.

[831] *РД*. 1887. 7 нояб. № 15. С. 3.

[832] Там же. 1887. 17—24 окт. № 12/13. С. 1

[833] Там же.

[834] *Письма к Рцы*. С. 305.

но мы скорее сговорились бы; Вы дали бы мне совет, увидав ясно положение мое. На днях я перечитывала письма ко мне Никиты Петровича. Какие надежды возлагал он на мою заботу о его трудах и каким упреком звучит это теперь для меня! Мне приходится разбрасываться: я перечитываю статьи в "Современных Известиях", перечитываю и переписываю филологический труд, читаю политическую его экономию! Но как мало времени приходится на каждое в отдельности, не говоря о том, что громадная переписка остается неразобранною, что *фрагментикам*, как пренебрежительно отзывался Шарапов, грозит гибель у Барсова,[835] что, наконец, ни одна строка не увидала еще света!»[836]

Однако Романов уклонился от этой кропотливой текстологической работы, причем — по идейным основаниям. Свои обязательства перед памятью Гиляров усматривал в ином. В уже упоминавшемся письме к князю Шаховскому от 30 июня 1893 г. Романов рассуждал так: «Другое дело, могут ли единомысленники ограничить свой долг из памяти этого во всяком случае великого человека *только* добросовестным изданием его сочинений? Не естественно ли было бы, чтобы у единомысленников предносилась мысль о создании той *школы*, о которой мечтал Н<икита> П<етрович>? Не логично ли было бы с их стороны стремиться *продолжить его дело*? Поднять знамя, которое вывалилось из его охладевших рук? Каждодневно в сознании общественном растворять его мысли, вместо того чтобы на полку антиквария сложить вновь перепечатанные томы его соч<инений>, которых все равно читать никто не станет? Немцы, конечно, так бы и сделали... Но у нас нет энергии, нет сплоченности, нет организаторского таланта...»[837]

Здесь же он высказывает свое мнение, как надо публиковать переписку Гиляров: «Относительно издания писем я полагал бы так: чем больше сам Гиляров будет говорить о себе, тем лучше. Давать лишь необходимые реплики для уяснения его письма — ничего больше!»[838]

Дело в том, что к 1893 г. уже, по крайней мере, дважды предпринимались попытки напечатать гиляровские письма к Романову. Первый такой опыт, как уже упоминалось, был осуществлен А. М. Гальперсон в 1890 г., причем, судя по ее письму к Романову от 10 марта 1888 г., к подготовке издания она приступила в первые месяцы по смерти Гилярова: «С этой же почтой посылаю Ваши письма к Никите Петровичу и его к Вам. Между присланными мне письмами Н<икиты> П<етровича> нет письма от 11 января 1887 г., а между бумагами Н<икиты> П<етровича> я нашла копию с него, написанную рукою Сенатова.[839] Что это

---

[835] Имеется в виду Елпидифор Васильевич Барсов (1836—1917), фольклорист, археограф; близкий друг Гилярова с 1860-х гг.

[836] ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 44б. Л. 4 об.

[837] *Рцы* (*Романов И. Ф.*). Собр. соч. Т. II. С. 364—365.

[838] Там же. С. 365.

[839] Василий Гаврилович Сенатов — бывший старообрядец, присоединившийся к Православию вместе с отцом из федосеевского беспоповского согласия 29 марта 1887 г. В этот пе-

значит? Было ли оно Вами получено? Начинается оно словами: “Итак, Вы, рьяный антипапист...”».[840] То есть, как можно понять, Анна Михайловна за четыре месяца, прошедшие с похорон, успела скопировать присланную ей Романовым переписку и вернуть ее ему. При этом он никак не оградил своих авторских прав, а предоставил право свободно распоряжаться письмами (об этом — в письме Гальперсон к князю Шаховскому периода ссоры с Романовым, от 14 июня 1894 г.: «Романов поразителен. Не махнуть ли действительно на него рукой. Лично он ничего не прибавит к имеющимся у Вас материалам, а широко пользоваться письмами к нему Никиты Петровича он давно уже разрешил. И Бог с ним самим!»[841]). Впрочем, первоначально Романов сам собирался издать письма Гилярова — через месяц после его кончины, 13 ноября 1887 г., он писал издателю «Русского Архива» П. И. Бартеневу об этих письмах, по его словам, «представляющих не только биографический, но также высокий философский и исторический интерес».[842] И добавлял: «Надеюсь со временем привести в порядок эти замечательные письма и, снабдив надлежащим комментарием (без которого они не могут быть поняты), издать их».[843] Поскольку Бартенев с середины 1860-х гг. неприязненно относился к Гилярову и ему претили восторженные оценки Рцы, поместить их в «Русском Архиве», к чему тактично подводил Рцы, было невозможно. Позднее Бартенев так писал о Гилярове: «...ученостию и дарованиями превосходил и Каткова, и Аксакова; но к нему можно отнести сказанное мне про графа Л. Н. Толстого одним из бывших у него в Ясной Поляне учителей сельской школы: очковая змея, овладеет в человеке всем, что в нем есть, а потом кидает его как совершенно ненужное».[844]

Гальперсон в 1890 г. ограничилась публикацией всего лишь трех из 16-ти писем Гилярова, да и то с пропусками и небольшими изменениями текста, поэтому в 1891—1893 гг. Романов вернулся к своему замыслу их издания. Но начать он хотел, видимо, со своих писем к Гилярову. В 1891 г. им планировалось выпустить, по меньшей мере, два оригинальных публицистических сборника, по своему жанру предвещающих розановские «Опавшие листья» и «Мимолетное». В первом из них — «Листопад: Неповременное издание» (М., 1891. <4>, 150 с.) — он с грустью констатировал: «...со времени кончины Н. П. Гилярова-Платонова, всегда радушно открывавшего нам страницы своей газеты, издателю настоящей

риод Сенатовы сблизились с Гиляровым и были частыми гостями на его обедах. См.: *Эфрон* (*Литвин*) *С.* Миссионеры и начетчики. М., 1908. С. 7, 24—59. В. Г. Сенатов, впоследствии обучавшийся в Московской духовной академии, оставил о Гилярове интересные воспоминания: *Сенатов В. Г.* Философия истории старообрядчества. М., 1908. Вып. 1. С. 5—7, 22—25.

[840] ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 44б. Л. 5 об.

[841] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 109. Л. 17 об.

[842] ГИМ. Ф. 368 (Материалы редакции журнала «Русский Архив»). Ед. хр. 1. Л. 34 об.

[843] Там же.

[844] *РА*. 1912. Кн. II, вып. 6. С. 312.

книжки писать более *негде*. Негде нам писать. Вот причина возникновения настоящего издания...» (с. 149). Все последующие планировавшиеся книжки были, однако, запрещены цензурой, что, впрочем, предвидел сам Романов. Он писал В. В. Розанову 29—30 сентября 1891 г.: «Вот затеял я изданьице. Хочу выпустить серию маленьких книжечек, хочу открыть подписку <...> но разве цензура не арестует? Обязательно арестует!»[845] Позднее, в январе—феврале 1892 г., когда предвидение сбылось, писал об уже набранном в типографии объявлении о подписке: «Но одним ударом п<одле>ц Феоктистов[846] разрушил мечты и надежды мои. Объявление было запрещено».[847]

Тем не менее, Рцы опубликовал «Содержание» второго из запланированных сборников — в анонсе, напечатанном на 4-й странице обложки романовской брошюры «Тексты перепутал! По поводу “Крейцеровой сонаты” Л. Н. Толстого. Из черновых набросков Рцы. Отд. отт. из повременного издания “Благовест”» (Пг., 1891. 8 с.). Здесь говорится: «В непродолжительном времени выйдет в свет новая книга того же автора “Славянофильство и славяномания”. Сборник статей Рцы» и далее расписывается «Содержание». Любопытно, что значительная часть материалов так или иначе связана с Гиляровым: «Статьи полемические. <...> Смысл Восточного вопроса. Статьи разного содержания. <...> Заметка о спиритизме. Поминальные статьи. † И. С. Аксаков. — † М. Н. Катков. — † Н. П. Гиляров-Платонов. Хомяков и Гиляров». Самое же для нас важное — раздел «Из переписки», в котором планировался подраздел «Из писем к Н. П. Гилярову-Платонову (Сознание и самосознание. — Круговая порука. — Кто двигает народное сознание? — Глупая голова. — Мозаичность творчества. — Хомяков и Гиляров. — В чем трагизм? — Плач о разделении Болгарии. — Что такое народ? — Народно-церковные организмы. — Conditio sine qua non. * — Из-за чего и с кем война? — Вавилонское столпотворение.— О призвании России. — Как узнать желания народа. — “Бесовский силлогизм”. — Роковая дилемма. — Лингвистическая народность. — Призыв к высшей деятельности. — Катков. — Узка ли точка славянофилов? — Заключение)». Таким образом, благодаря этой росписи можно получить некоторое представление о содержании не выявленных на сегодняшний день писем Романова к Гилярову.

В этот же период Романов готовил к печати и письма самого Гилярова. Упоминания об этом встречаем в переписке Гальперсон с князем Шаховским. Так, 13 июня 1893 г. она писала о Романове: «...я слышала, что он уже готовил как-то к печати переписку свою с Никитою Петровичем и что хотя проект его в исполнение приведен не был, но рукопись вполне готова. Говорил он Вам об этом? Мне помнится, он обещал Вам “приготовить”, а не передать уже готовое».[848]

---

[845] *Рцы* (*Романов И. Ф.*). Собр. соч. Т. II. С. 396.

[846] Евгений Михайлович Феоктистов (1828—1898) — начальник Главного управления по делам печати в 1883—1896 гг.

[847] *Рцы* (*Романов И. Ф.*). Собр. соч. Т. II. С. 400.

* Необходимое условие (*лат.*).

[848] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 106. Л. 4.

И далее: «Мне кажется, придется уже снова прибегнуть к Вашему личному или письменному с ним общению и тем или иным способом испросить у него то, что им сделано. Возможно, конечно, что в готовой рукописи у него приведены не все письма Никиты Петровича. Вообще, я с каждым разом убеждаюсь, что Романов — человек, с которым обыкновенный образ действий не приводит ни к чему: для себя он не признает никаких законов общежития. Если бы не так ценны были письма к нему Н<икиты> П<етровича>, на него давно следовало бы махнуть рукой. Он даже не поинтересовался тем письмом Н<икиты> П<етровича>, которое я для него привезла, и я, должно быть, отвезу его обратно. Конечно, я могла бы передать ему через третьи руки, но меня просто злит его поведение, и это будет маленькой местью».[849]

Чуть позже, 6 июля, Гальперсон добавляла: «Романов со своей болезненною раздражительностью гораздо опаснее; притом письма к нему Н<икиты> П<етровича>, очевидно дружеские, придают ему апломб, которого ни у Шарапова, ни у многих других быть не может».[850]

Поводом к выяснению отношений, как становится понятно из письма Рцы к П. И. Бартеневу от 13 ноября 1887 г., послужила история с неосуществленной публикацией в «Русском Архиве» статьи «Н. П. Гиляров-Платонов о спиритизме», включающей его письмо к Романову от 15 августа 1884 г. Хотя эта статья мемуарного характера о недавно почившем писателе вполне соответствовала профилю его издания, давний недоброжелатель Гилярова Бартенев отказал, и спустя пять месяцев эта статья увидела свет в газете С. Ф. Шарапова.[851] Бартенев в ответном письме рассказал Романову нечто такое, что заставило его разочароваться в учителе. 28 ноября он отвечал издателю «Русского Архива»: «Приношу Вам глубочайшую благодарность за письмо Ваше, способствовавшее рассеянию сомнений, лежавших тяжелым камнем на моей душе. Не знаю чувства обиднее, больнее, как чувство разочарования... Этому именно последнему чувству суждено, по-видимому, сменить во мне высокое мое мнение о Гилярове. С разных сторон, даже с таких, откуда всего бы менее можно было ожидать, долетают до меня отзывы не вполне благоприятные для памяти покойного; видно, придется — хотя это и очень больно — помириться с мыслью, что нравственный уровень Гилярова был ниже его умственной высоты...»[852] В том же письме Романов предлагал прислать Бартеневу в полное его распоряжение «злосчастное», по его слову, письмо Гилярова от 11 января 1887 г., где упоминалось, что Хомяков «был острослов, любил рассказывать комические анекдоты (особенно из религиозной сферы, что значительно смущало верующих людей <...> с негодованием отзывались они об этом неистощимом кощунстве над святынею)»,[853]

---

[849] Там же. Л. 4 об.—5.
[850] Там же. Л. 8 об.—9.
[851] *РД*. 1888. 22 апр. № 17. С. 20—21.
[852] ГИМ. Ф. 368. Ед. хр. 1. Л. 36.
[853] *Письма к Рцы*. С. 326.

намекая на то, что такое мемуарное свидетельство лучше бы уничтожить. Бартенев, имевший в московском обществе нелестную репутацию сплетника, познакомил с письмами, присланными ему, Анну Гальперсон.

Последовало ее объяснение с Романовым. Дальнейшее его поведение уже совсем вывело ее из себя. Она, в частности, писала князю Шаховскому 13 апреля 1893 г.: «Посылаю Вам, многоуважаемый Николай Владимирович, письмо ко мне Романова о злополучном письме Ник<иты> Пет<ровича>. Я снова перечитала его и снова вижу, что мне Романов представил поступок свой не в том виде, как он выясняется из писем его к Бартеневу. <...> Из письма Романова ко мне Вы увидите, что в Бартеневе он видит злейшего врага Н<икиты> Пет<ровича>, а ему, то есть Бартеневу, сколько мне помнится, он пишет, что благодаря ему глаза его открылись и теперь Гиляров для него как нравственная величина перестал существовать. <...> Я до сих пор не могу прийти в себя от этого поступка Романова, которому не нахожу названия».[854]

В письме от 20 апреля она добавляла новые подробности: «Романов в Н<икиту> П<етровича> верит — это несомненно. Все письма его после злосчастной истории с письмом к Бартеневу до самых последних дней были тому свидетельством. Но сфинксом он тем не менее остается. В то время как из письма к Бартеневу видно, что он разочарован в нравственном облике Н<икиты> П<етровича>, мне он пишет полное негодования письмо по адресу Алексея Никитича, осмелившегося в беседе с ним закидывать грязью доброе имя Н<икиты> П<етровича>. Я не могу себе представить, каким путем размышления человек доходит до того, что принимает на веру слова чужого человека, голословно называющего кого-либо клеветником, и отворачивается от речей сына, приводящего “факты”, подтверждающие будто бы греховность отца. Если тут нет лицемерия, а я его допустить не хочу, то что же это?»[855]

Накладывалась на это и обида на изменившееся отношение Романова к Гилярову, его «отступничество», чем он запросто делился с князем Шаховским (в письме от 30 июня 1893 г.): «...Вы *чувствуете* его не только не хуже моего, но даже лучше, это — несомненно. Главное, у Вас сохранилась та восторженность к памяти покойного, которую я — увы! — частью растерял... Вас, верно, способен оскорбить отзыв Филарета о Гилярове: “возбужденный, но не управленный”, а меня не коробит».[856] Но еще до этого признания Романова Гальперсон дала ему едкую психологическую характеристику (в письме к князю Шаховскому от 6 июня 1893 г.): «Я уже давно стала замечать, что Романов принадлежит к тем непризнанным художникам слова, которые в просторечии называются вралями, хотя это слово не вполне их характеризует. Эти люди, очерчивая, например, чью-нибудь худобу, не остановятся до тех пор, пока не уподобят ее толщине почтового листа; желая сказать, что кто-нибудь толст, они не помирятся

[854] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 104. Л. 13—13 об.
[855] Там же. Ед. хр. 105. Л. 1—1 об.
[856] Там же. Ед. хр. 159. Л. 5.

на меньшем, нежели объем земного шара. Уловив один ничтожный штрих, они со страстностью набрасывают целую картину и не успокоятся, пока она не получит самой крайней яркости и выпуклости. <...> Перечитайте письма Романова <...> ничуть и ни в чем он не останавливается на средине».[857] И позднее (в письме от 17 октября того же года): «Удивительное направление мыслей у Романова! Он, кажется, теперь отмщает памяти Н<икиты> П<етрови>ча за прежнее свое поклонение».[858]

Следует сказать, что гораздо более беспощадно характеризовал Романова В. В. Розанов в одном из писем к С. Ф. Шарапову, предположительно датируемом ноябрем—декабрем 1898 г.: «...ведь какой даровитый человек **(**хоть и ужасный подлец, даже до гадости, весь сплетенный из зависти, недоброжелательства, лени, притворства и благочестия, истинный Тартюф или, вернее, "племянник Рамо" (философская повесть Дидро)**)**, какой проницательный, как умеет заглядывать в самую глубь предметов и явлений, хотя по местам — ужасно наивен, до отрочества <...>».[859]

Во всяком случае, как можно судить по сохранившимся архивным материалам, довольно тесное общение Гальперсон и князя Шаховского с Романовым в 1893—1894 гг., приведшее в конце концов к полному разрыву отношений, объясняется третьей, правда, столь же безуспешной попыткой издать переписку Гилярова с Романовым. 13 апреля 1893 г. Гальперсон писала князю Шаховскому о Романове: «Из писем Ник<иты> Пет<ровича> к нему, копии с которых я рассчитываю переслать Вам в скором времени, Вы увидите, что вопросы, которые затрагивал в своих письмах Романов, оправдывали это серьезное к нему отношение. Оно оправдывается еще и тем, что Романов — страстный хомяковец, а в виду умственного своего родства с Хомяковым Ник<ита> Пет<рович> мог ждать от него такого же к себе отношения, да таково оно и было».[860] В ряде писем Гальперсон к князю Шаховскому этого периода содержатся свидетельства о том, что она проводила текстологическую работу, готовя гиляровские письма к Романову к печати, например в письме от 9 июня 1893 г.: «Представьте себе! Письмо к нему Никиты Петровича, которое мы с Вами нашли в последнее наше свидание, оказалось без конца или, вернее, с концом от другого какого-то письма, тоже, по-видимому, очень интересного. Может быть, конец одного и начало другого письма находятся в числе тех, которые взяты Вами в последний раз для просмотра <...>»[861] (сложности с выявлением точного состава текста каждого конкретного письма были связаны с тем, что Гиляров любил писать даже

[857] Там же. Ед. хр. 106. Л. 6—6 об.
[858] Там же. Ед. хр. 107. Л. 8 об.
[859] Переписка В. В. Розанова и С. Ф. Шарапова (1893—1910) / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. О. Л. Фетисенко // Русская литература. 2009. № 1. С. 193.
[860] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 104. Л. 14.
[861] Там же. Ед. хр. 106. Л. 3.

весьма длинные письма на маленьких листочках, число которых, таким образом, могло достигать нескольких десятков).

В 1896 г. резко осложнились отношения между Гальперсон и князем Шаховским, публиковавшим в тот период свое большое биографическое исследование о Гилярове и использовавшего для него копии материалов из архива, хранившегося у Гальперсон. Анна Михайловна сочла, что сама сможет лучше распорядиться бумагами Гилярова и, как жаловался князь Шаховской Победоносцеву в письме от 7 февраля 1897 г., лишила его «права пользоваться копиями».[862]

В том же году, как упоминалось выше, князь Шаховской предлагал Победоносцеву опубликовать письма к Романову в «Сборнике сочинений» Гилярова. При этом он советовался, можно ли разрешить профессору Киевской духовной академии В. З. Завитневичу, готовившему к печати свою докторскую диссертацию об А. С. Хомякове,[863] использовать в ней богословские суждения Гилярова из этих писем. Он писал: «Завитневич пришел от них в восторг и умолял меня позволить ему привести в примечаниях к богословским воззрениям Хомякова параллельно взгляды Гилярова. Он говорил, что при сопоставлении их со взглядами Хомякова явится возможность представить целое самостоятельное и живое направление русской богословской мысли».[864] Далее князь Шаховской объяснял свои опасения: «Без Вашего совета и указания я не решусь представить в распоряжение Завитневича разбросанные в письмах отрывки богословских мнений Гилярова, вследствие некоторой радикальности их и недостаточного развития, хотя думаю, что специальная богословская подготовка Завитневич может служить порукою тому, что он сумеет избежать соблазна в распоряжении мнениями Никиты Петровича».[865]

Победоносцев отвечал уклончиво: «Что касается до сообщения Завитневичу, то право не знаю что сказать. Завитневича не знаю и не могу судить о пропорциях ума его. Он издает 2 тома о Хомякове,— и на эту тему можно много фантазировать».[866] И тут же предложил новый план публикации гиляровских писем к Романову (тоже не осуществившийся): «Однако жаль, если пропадут эти письма. Мне приходит на мысль — не напечатать ли их особою брошюркою за границей, в Берлине? В небольшом количестве. Это можно бы устроить».[867]

Последняя попытка опубликовать письма Гилярова была предпринята самим Романовым в 1904 г. в издававшемся им малотиражном журнале «Летописец». Розанов в поминальной заметке писал: «Бедный и милый Рцы: *кое-кто* вечно не забудет его. Ни его “Летописца”, с картинками, пустяками и глупостями — главного “сокровища” его литературного сердца. Он издавал его, почти сек-

[862] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 75. Л. 21 об.
[863] Опубликовано: *Завитневичъ В. З.* Алексей Степанович Хомяков. Киев, 1902—1913. Т. I—II.
[864] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 75. Л. 27—27 об.
[865] Там же. Л. 27 об.
[866] Там же. Ед. хр. 148. Л. 7—8.
[867] Там же. Л. 8

ретно от всех, и печатал что-то в семидесяти экземплярах, за недостатком подписчиков, читателей и денег. Скорбел, нуждался — и все-таки печатал».[868]

В «Летописце» (№ 1/2, 3/4, 9, 10, 12) Романову удалось опубликовать лишь четыре гиляровских письма — от 31 октября — 12 ноября 1886 г., из них ни одно не было напечатано Гальперсон в 1890 г. Издание писем сопровождалось не только лаконичными эмоциональными пояснениями Романова, но и особым приложением «Из письма Ив. Ф. Романова к Н. П. Гилярову-Платонову».[869] Кроме того, уже в самом первом выпуске своего журнала Романов дал под названием «Автограф Н. П. Гилярова-Платонова» фототипическое изображение первой странички письма от 12 ноября 1886 г. Сопоставление с авторской рукописью изданного Романовым текста, с одной стороны, и копии, сделанной Гальперсон, — с другой, показывает, что Романов лучше понимал почерк Гилярова (у Гальперсон — только на этой странице три некорректно прочитанных слова).

Местонахождение автографов писем к Романову установить не удалось. В связи с этим, когда в 2007 г. мы предприняли полную публикацию сохранившейся переписки Гилярова и Рцы,[870] хотя за основу ее взят текст наиболее полного рукописного списка, выполненного Гальперсон,[871] при подготовке писем, изданных в 1904 г. Романовым, более авторитетным считался именно этот печатный текст. При этом все существенные разночтения были отмечены в подстрочных примечаниях.

В заключение следует сказать, что Романов надеялся в дальнейшем полностью опубликовать свою переписку с Гиляровым. В предпринятом им опять-таки камерном, малотиражном издании «Рцы. Литературная Газета» (1907—1912) (в год выходил, как правило, один номер объемом в четыре страницы) [872] он напоминал о переписке, напечатанной в «Летописце», добавляя: «О письмах покойного Н. П. Гилярова-Платонова к Ив. Ф. Романову К. П. Победоносцев, бесспорно умный критик и тонкий ценитель, отозвался кратко, но метко: “Сокровище!”, — сказал он, прочтя названные письма в рукописном списке. Начатую в журнале “Летописец” переписку Никиты Петровича Гилярова-Платонова предполагается продолжить на страницах “Литератур<ной> Газеты”».[873] Однако это намерение так и осталось нереализованным.

Важно, однако, то, что Романов-Рцы к концу жизни вернулся к Гилярову и снова, как и в молодости, мог сказать: «...мы следуем заветам незабвенного

---

[868] *Розанов В. В.* Иван Федорович Романов («Рцы»). С. 126.

[869] Републиковано нами: *Возвращение.* С. 352—357; *Рцы* (*Романов И. Ф.*). Собр. соч. Т. II. С. 355—358.

[870] См.: *Письма к Рцы.*

[871] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 469. 142 л.

[872] См. подробнее: *Дмитриев А. П.* Санчо Панса русской журналистики И. Ф. Романов (Рцы) и его «Литературная Газета “Рцы”» // Петербург газетный, 1711—1917 / Под ред. Е. С. Сониной; С.-Петерб. гос. ун-т, Ин-т «Высш. шк. журн. и масс. коммуникаций». СПб.: Свое издательство, 2016. Вып. II. С. 186—203.

[873] От редакции // Рцы: Литературная Газета. 1908. № 7/8 (Нояб./дек.). С. 3.

Н. П. Гиляров-Платонова, которого считаем своим учителем и в важнейших принципиальных случаях и посейчас — мудрым руководителем на многотрудном пути публицистики».[874]

В последнем номере газеты «Рцы», вышедшем в свет за полгода до его кончины, он вспоминал свои первые шаги в литературе и отсчет начинал с двух статей о болгарских событиях,[875] напечатанных Гиляровым в «Современных Известиях»: «Собственно эти две последние статьи должны почитаться по отношению к нашей литературной деятельности как *юбилейные*, т. е. полагающие известный "предел от коего" — terminus a quo. * Эти статьи впервые подписаны псевдонимом "Рцы", который и удержался до настоящего времени, и даже, как наиболее к нам как-то приросший... С точки зрения личных воспоминаний, отмечу, что названные статьи попали в "обзоры" печати, например в "Нов<ое> Вр<емя>", и послужили затем темою нескольких прекрасных статей самого Никиты Петровича Гилярова-Платонова, писавшего в "передовой" того же № 227 основанной им газеты "Современные Известия", между прочим, следующее: "Русское общество несомненно взволнованно болгарскими событиями; доказательством, в числе прочих, служат и приводимые ниже рассуждения г. Рцы, служащие продолжением к напечатанной вчера заметке того же автора" и проч. / Отсюда же, т. е. всё по поводу указанных статей, у нас возникла несколько позднее крайне любопытная переписка с покойным Никитою Петровичем <...>».[876]

Как видим, этот эпистолярный диалог с учеником, ставшим Гилярову по сути «духовным сыном», позволил ему ретроспективно взглянуть на свой путь в науке и журналистике; подытожить сделанное на разных поприщах, и прежде всего на литературном; проясняя для собеседника, уточнить и для себя самого внутреннюю связь своего мировоззрения со взглядами наиболее близких ему мыслителей и художников слова (Хомякова, отца и братьев Аксаковых, Самарина, Даля и др.) и вместе с тем расхождение с ними в некоторых существенных моментах, доходившее до ощущения трагического одиночества и при их жизни, и, тем более, когда Гилярову довелось их всех пережить.

---

[874] <*Романов И. Ф.*>. Горé сердца! // Там же. 1908. № 3 (Февр.). С. 2.

[875] Имеется в виду публикация в двух номерах газеты: *Рцы* <*Романов И. Ф.*>. По поводу болгарских дел. Антракт // *СИ*. 1886. 18 авг. № 226. С. 2; 19 авг. № 227. С. 2. Гиляров сопроводил ее передовицей «Москва, 17 августа. Дневное обозрение» (Там же. 19 авг. № 227. С. 1—2), в которой мотивировал публикацию необычной по своему экспрессивному стилю статьи Романова уже первой фразой («Русское общество, несомненно, взволновано болгарскими событиями...») и, споря с автором, критически оценивал позицию болгарской интеллигенции («надули им уши о их возможном величии»). Свою полемику Гиляров продолжил и в последующих передовых, см.: *СИ*. 1886. 20 авг. № 228. С. 1—2; 21 авг. № 229. С. 1—2. См. также обстоятельный критический отклик С. Ф. Шарапова на эти передовые: Москва, 29 августа // *РД*. 1886. 29 авг. № 19. С. 1—4.

* хронологическая граница, исходная точка (*лат.*).

[876] Рцы: Литературная газета. 1912. № 15 (Нояб.). С. 3.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

После кончины Гилярова в октябре 1887 г., как говорилось выше, ближайшие его ученики филолог и экономист князь Н. В. Шаховской и журналист и переводчица А. М. Гальперсон задумались над изданием собрания его сочинений и писем. К работе предполагалось привлечь киевского публициста И. Ф. Романова-Рцы, с которым в последние три года жизни Гиляров обменивался письмами исповедального характера; он также надеялся привлечь его к постоянному участию в «Современных Известиях».[1]

Перед учениками Гилярова были примеры: в 1861 г., вскоре после смерти И. Киреевского, Хомякова и К. Аксакова, И. Аксаков и Кошелев издали первые тома их Полных собраний сочинений (в случае Киреевского сразу два тома); в 1886 г., не прошло и двух месяцев со дня кончины И. Аксакова, как его вдова Анна Федоровна приступила к изданию 7-томного Собрания сочинений, выпустив его в течение полутора лет.

Романов-Рцы, разрешив князю Шаховскому и Гальперсон публиковать гиляровские письма к нему, от текстологической работы уклонился, оправдывая себя (в письме к князю Шаховскому от 30 июня 1893 г.) тем, что «вместо того чтобы на полку антиквария сложить вновь перепечатанные томы его соч<инений>, которых все равно читать никто не станет», важнее «стремиться *продолжить его дело*»,[2] проводя в публицистике его идеи.

В 1893 г. князь Шаховской, в то время чиновник особых поручений при министре внутренних дел, начал подготовку к изданию сборника воспоминаний о Гилярове и его писем, которые надеялся выпустить у К. Т. Солдатёнкова или И. Д. Сытина (издание не состоялось),[3] и тогда же князь Шаховской поместил в июльском выпуске «Русского Архива» статью «Из приготовительных работ по биографии Гилярова», которой начал целый цикл биографических исследований о мыслителе, основанных на публикации его переписки, и где отмечал:

---

[1] См. об этом подробнее главу 3.13.

[2] *Рцы* (*Романов И. Ф.*). Собр. соч. Т. II. С. 365.

[3] См. его план: *Шаховской Н. В., кн.* Проект матерьяла, который может войти в Сборник <памяти Н. П. Гилярова-Платонова> (1893) / Публ. А. П. Дмитриева // *Гиляров: ИМБР.* С. 479—482.

«Писания Гилярова надо исследовать и объяснять; о нем по-настоящему надо читать лекции».[4] Редактор журнала П. И. Бартенев в предуведомлении к статье князя Шаховского писал: «...надеемся, что со временем выйдет в свет и собрание сочинений Н. П. Гилярова».[5]

Хранящаяся в Отделе рукописей РНБ переписка князя Шаховского с К. П. Победоносцевым начинается как раз с недатированного письма последнего, в котором он благодарит князя Шаховского за присланный оттиск этой статьи из «Русского Архива». Всесильный сановник Победоносцев, приятель Гилярова с начала 1860-х гг. и его многолетний корреспондент, в этот период присматривался к его ученику князю Шаховскому и протежировал его по службе, неожиданно для многих выдвинув его в 42-летнем возрасте в председатели С.-Петербургского цензурного комитета, через год — в члены Совета Главного управления по делам печати, а еще через год — в исполняющего обязанности начальника цензурного ведомства. Победоносцев откликнулся на статью князя Шаховского так: «Я прочел ее с величайшим интересом — Вы знаете, как и мне дорога память покойного Никиты Петровича. По Вашему слову, от Вас слышанному, жду с нетерпением появления первого Тома Статей его».[6] За этот же 1893 год сохранился еще фрагмент чернового письма князя Шаховского от середины декабря, в котором он просил Победоносцева посодействовать прошению вдовы Гилярова Веры Алексеевны о назначении ей пожизненной пенсии.[7]

В последующие три года и Анна Гальперсон (в газете «Русское Дело» и журнале «Русский Архив»), и князь Шаховской (главным образом в журнале «Русское Обозрение») опубликовали целый ряд документов из гиляровского архива. Причем, поскольку основные материалы находились у Гальперсон, князь Шаховской периодически брал у нее те или иные бумаги для списывания. В конце 1896 г. Гальперсон неожиданно запретила князю Шаховскому что-либо публиковать из тех документов, что находились у нее. Помимо ревности к памяти друга-учителя, играл свою роль корыстный мотив — полагавшийся за публикации в журналах гонорар (впрочем, князь Шаховской все эти деньги отдавал вдове Гилярова). В письме от 17 декабря князь жаловался Победоносцеву: «...г-жа Гальперсон извещает меня, что она собирается сама распорядиться письмами и рукописями Гилярова, у нее хранящимися» и просил забрать у нее подлинники его переписки с Гиляровым («бóльшая часть коей <...> вряд ли в настоящее время подлежала бы оглашению»), поскольку она не может быть ее собственностью (эти письма Победоносцев передал своему общему с Гиляровым другу ис-

---

[4] *Шаховской Н. В., кн.* Из приготовительных работ по биографии Гилярова // *РА*. 1893. Кн. II, вып. 7. С. 430.

[5] Там же. С. 427.

[6] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 156. Л. 2 об.

[7] Там же. Ед. хр. 78. Л. 12—12 об. Датировано по указанию, что 10 декабря пришлось на пятницу (это было в 1893 и 1899 гг.), и упоминанию хлопот по назначению пенсии В. А. Гиляровой-Платоновой.

торику Е. В. Барсову, а тот отдал Гальперсон).[8] Победоносцев обратился к Гальперсон, и та предъявила нотариальный акт, согласно которому она обладала правами литературной собственности на все писанное Гиляровым. Оказалось, что сразу после кончины мыслителя и вдова, и оба сына, оказавшись в сложном положении, отказались от прав на бумаги покойного за вознаграждение в 200 рублей и впоследствии эти права перешли к Гальперсон.

Уже 10 декабря 1897 г. письма Гилярова к Победоносцеву последний забрал у Гальперсон и переслал князю Шаховскому в Москву, где тот занимал цензорскую должность.[9] При этом Победоносцев предложил на свои средства издать репрезентативный том сочинений Гилярова. Соревнование между Гальперсон и князем Шаховским продолжалось — они оба представили Победоносцеву списки статей, которые могли бы составить такой сборник. Список Гальперсон нами не обнаружен в архивах, но в письмах князя Шаховского имеется его уничижительная критика; список же его самого полностью совпадает с опубликованным Д. Д. Языковым в его известном «обзоре жизни и трудов покойных русских писателей».[10] Из письма князя Шаховского от 17 января того же 1897 г. узнаем, что Победоносцев вплоть до своего назначения обер-прокурором Св. Синода отбирал передовые статьи Гилярова по церковным вопросам и еще в 1894 г. передал эту коллекцию князю Шаховскому.[11]

В письме от 11 января 1897 г. Шаховской сообщал Победоносцеву: «По моему вычислению, объем книги, если в нее включить все 26 статей, превысит 600 страниц».[12] Однако тут же оговаривался: «Издавать ли? Во всяком случае, думается мне, не иначе, как заручившись *правом* безотчетного употребления материала, который г-жа Гальперсон Вам доставит, и притом на основании *твердого*, во всех потребных местах скрепленного, *документа*. Иначе не оберетесь хлопот». Позднее, когда Победоносцев попросил князя Шаховского заняться подготовкой тома Гилярова, тот продолжал сомневаться: «...я с радостью готов служить своим трудом делу издания сочинений Гилярова, раз Вы будете полным его хозяином. Только во всех отношениях было бы спокойнее и надежнее, если бы г-жа Гальперсон *про*дала, а не *пере*дала Вам свое право <...>. В Ваше распоряжение я готов отдать не только свой труд, но и все собранные *мною* статьи лишь при том непременном условии, что Вы *купите* (хотя бы за 5000) у Гальперсон все ее права, совершенно таким образом с нею развяжетесь и устраните всякое ее участие в деле издания Гиляровских статей».[13]

Наконец, 4 февраля Победоносцев сообщил князю Шаховскому: Гальперсон «принесла бумагу с переуступкою мне всех прав на издание всех *напечатанных*

[8] См.: Там же. Ед. хр. 75. Л. 1—2 об.

[9] Там же. Л. 3—4 об.

[10] *Языков Д. Д.* Обзор жизни и трудов покойных русских писателей. М., 1892. Вып. 7: Русские писатели, умершие в 1887 году. С. 19—22.

[11] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 75. Л. 12 об.

[12] Там же. Л. 6 об.

[13] Там же. Л. 13, 15 об.

сочинений Гилярова, с тем что ежели в 3 года я не воспользуюсь, то право возвращается к ней. Могущие быть прибыли назначаются — на памятник и на пособие вдове. За собой она оставляет статьи “Соврем<енных> Известий”.

Вот положение. Если я готов взяться за это дело, то единственно из интереса памяти Гилярова и литературного; ибо иначе все может погибнуть или достаться к<акому>-нибудь промышленнику. Вы сами, видите, лишены прямой возможности взяться за это дело по отношениям к владетельнице прав, но можете из-под меня руководствовать делом издания».[14]

7 февраля князь Шаховской уже предлагал свой план: «Издание придется сделать в 2-х томах, потому что для одного материала слишком много и пришлось бы употребить слишком мелкий и неприятный для чтения шрифт. Как назвать издание? Я над этим долго ломал голову и не мог придумать иного названия, как: “Сочинения Н. П. Г<илярова>-П<латонов>а. — Статьи, напечатанные там-то”».[15] При этом он просил включить не только статьи из журналов и газет, но и некоторые письма, в том числе письмо к С. А. Юрьеву по поводу «Исповеди» Л. Н. Толстого.[16] И сетовал: «...я было задумывал широко поставить дело: мне хотелось предпослать статьям краткий биографический очерк и снабдить самые статьи примечаниями, в коих заключались бы не только указания относительно времени напечатания статей, но и сообщение обстоятельств, при которых некоторые из них были написаны, толков и отзывов, которые они вызывали, и мнений о них самого Гилярова. Но теперь, после “гнева” на меня г-жи Гальперсон, лишившей меня пользования имеющимися у меня копиями Гиляровских бумаг, подобная задача вовсе неосуществима».[17] В ответном письме (от 12 февраля) Победоносцев соглашался, что «если бы могли быть присоединены к тексту примечания, <...> это могло бы лишь возвысить значение всего издания» и предлагал свой вариант названия: «*Сборник* сочинений и статей Н. П. Гилярова-Платонова»,[18] который, с усечением слова «статей» и стал окончательным.

В дальнейших письмах содержатся подробные расчеты Синодальной типографии о себестоимости двухтомника с избранным форматом и шрифтом, в зависимости от тиража. В итоге был избран довольно большой тираж — 3 тысячи экземпляров и цена двухтомника составила в продаже 2 рубля. В январе 1898 г. были готовы образцы корректурных листов.

Однако тут случилась и небольшая размолвка. Восторженный поклонник Гилярова, князь Шаховской стал предлагать к публикации неопубликованные письма, собранные им у адресатов либо у их родственников: в письме от 13 февраля 1897 г. он пишет Победоносцеву: «...позвольте предложить для Сборника

[14] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 148. Л. 1—1 об.
[15] Там же. Ед. хр. 75. Л. 22 об.
[16] Там же. Л. 22.
[17] Там же. Л. 21—21 об.
[18] Там же. Ед. хр. 148. Л. 3—3 об., 4.

замечательное письмо Н<икиты> П<етровича> к Ю. Ф. Самарину о философской терминологии Хомякова».[19] Победоносцев разрешил. 31 октября князь Шаховской выслал отрывки из писем Гилярова к архимандриту Вениамину (Карелину), его младшего товарища по Московской духовной академии, содержавшие отклики на споры в духовной среде о бытии Божием.[20] Тут уж Победоносцев отказал, обосновав это так: «Потому именно что это *отрывки* <...> неудобно пустить их в обращение. Иное дело, когда бы это было цельное и всестороннее рассуждение».[21] Наконец, 12 ноября князь Шаховской предлагает Победоносцеву ознакомиться с письмами Гилярова к Романову-Рцы и каким-то большим письмом к о. Вениамину (Карелину), посвященными богословским вопросам. Теперь Победоносцев отрезал: «...это — чтение *для немногих*. Для многих будет отчасти непонятно, отчасти соблазнительно. Итак, не вижу возможности включить это или часть этого в наше издание, тем более что в него войдут лишь напечатанные уже статьи»,[22] впрочем, предлагал напечатать эти письма «особою брошюркою за границей, в Берлине <...> в небольшом количестве».[23] Кроме того, Победоносцев отверг ряд докладных записок Гилярова: о цензуре, о преобразовании духовной школы и др.

С начала января 1898 г. приступили к набору первого тома «Сборника сочинений» Гилярова, причем князь Шаховской постоянно присылал на согласование примечания, которыми собирался снабдить публикуемые статьи, с конца февраля началось печатание первого листа. Победоносцев не всегда соглашался с главным цензором, но свое несогласие выражал тактично, например в письме от 24 июля 1898 г.: «Думаю, что предполагаемые Вами примечания весьма могут быть включены в книгу. Может быть, удобнее выпустить некоторые строки, мною замаранные».[24] Одновременно Победоносцев посылал гранки Гальперсон («дабы она знала, что дело не стоит»), которая не без ревности следила за ходом издания.[25]

Попутно, зная, как интересует Победоносцева журнал «Русское Обозрение», князь Шаховской кратко излагал содержание новых его выпусков, поступавших к нему на цензуру,[26] а также уточнял детали жизненных связей Гилярова и Победоносцева.

В самом конце 1898 г. князь Шаховской отправил Победоносцеву биографический очерк, которым должен был открываться двухтомник, а 2 января получил его с пометами цензорского характера и пояснением: «...я предложил бы

[19] Там же. Ед. хр. 75. Л. 24 об.
[20] Там же. Л. 26 об.
[21] Там же. Ед. хр. 148. Л. 6.
[22] Там же. Л. 7.
[23] Там же. Л. 7 об.
[24] Там же. Л. 18.
[25] См.: Там же. Л. 19.
[26] См.: Там же. Ед. хр. 77. Л. 1—2 об.

некоторые, думаю, незначительные изменения ради осторожности и в том еще соображении, что издание соединено с моим именем». Например: «На стр. 37 лучше выпустить 3 строки о Каткове. Они <...> могут подать повод к недоразумениям и возбудить полемику. Катков натура сложная, и в 3 строках его не охарактеризуешь, а тут требуется лишь показать в общих чертах отличие его как публициста от Гилярова. Тут же в письме Аксакова я выпустил бы несколько слов», «в конце изменил поклонника на почитателя. Ничьим поклонником еще не называл себя».[27]

Поэт и критик Д. П. Шестаков писал в рецензии на двухтомник: «В двух лежащих перед нами больших томах, с превосходным изяществом изданных одним из литературных друзей Гилярова, заключено обширное наследство его газетных и журнальных статей, и сейчас не утративших своего интереса и привлекательности. Можно сказать более: в наше время, когда в современной печати все более распространяется печальный тип писателя без убеждений и видимой горячности слова, без внутреннего тепла, тем ярче и звучнее слово старого писателя, проникнутого всей убедительностью искреннего чувства и самостоятельной мысли».[28]

В позднейших письмах Победоносцева и князя Шаховского за 1903—1906 гг. речь идет о других пяти изданиях Гилярова, предпринятых ими уже после смерти Гальперсон: «Университетский вопрос» (1903), «Вопросы веры и церкви» (1905—1906), «Откуда нигилизм?» (1904), «Экскурсии в русскую грамматику» (1904) и др., и о памятнике на могиле Гилярова, поставленном 21 июня 1904 г. на деньги, вырученные за «Сборник сочинений» Гилярова («саркофаг в греческом стиле, сделанный из темного мрамора с крестом наверху»[29]); остальной доход был направлен в качестве вспоможения вдове Гилярова и его сыновьям.

Последнее письмо, адресованное Победоносцевым князю Шаховскому, датировано 3 августа 1906 г., а 12 августа он приехал на дачу П. А. Столыпина, для того чтобы испросить себе отпуск. Был тяжело ранен при взрыве на даче и спустя неделю скончался от заражения крови. Публикация литературного наследия Гилярова прервалась более чем на столетие.

Таким образом, подготовке первого научного собрания сочинений Гилярова сопутствовала уникальная ситуация, когда чиновники такого уровня, как обер-прокурор Св. Синода (К. П. Победоносцев) и начальник Главного управления по делам печати (князь Н. В. Шаховской), получив на три года у наследников права на издание трудов Гилярова, придерживавшегося на многие проблемы внутренней и внешней политики России далеко не официозной точки зрения, приступили к кропотливой составительско-редакторской работе, в результате чего в непродолжительном времени (1898—1906 гг.) увидели свет 5 обстоятель-

---

[27] См.: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 149. Л. 1—2 об.

[28] Литературное приложение к «Литературно-Промышленной Газете». 1900. 10 сент. № 35. С. 2. (Критика).

[29] *РВед*. 1904. 22 июня. № 172. С. 3.

ных томов и 3 небольшие книги Гилярова, подготовленные на достаточно высоком для своего времени профессиональном уровне.

* * *

Творческое наследие Гилярова, к собиранию, классификации и публикации которого современные исследователи приступили начиная с 2008 г., представляет богатый материал для изучения ряда неоднозначных проблем общественно-политической и духовно-нравственной жизни России, причем не только второй половины XIX в. Ведь уже последователи Гилярова (князь Шаховской, Шарапов, Романов-Рцы, иногда и Розанов) настойчиво указывали на профетическое значение и серьезных научных трудов Гилярова, и его текущей, злободневной, казалось бы, публицистики, и его эпистолярия. Гальперсон в одном из писем к князю Шаховскому (от 18 февраля 1894 г.) спрашивала: «Но отчего же все, что он предсказывал, все, что советовал, впоследствии осуществилось само собой? Так во внешней политике, так во внутренней, так в вопросах городского благоустройства и т. п.».[30]

Думается, и в наше время, уже в XXI столетии, этот вопрос неизбежно встанет на повестку дня, выдвинув наконец Гилярова — самоочевидно для всех — в число наиболее востребованных и глубокомысленных пророков и мыслителей России.

Профессор Б. В. Никольский, автор, пожалуй, самых глубоких статей, выяснявших место Гилярова в русской культуре, справедливо писал: «Он был и ученым, и публицистом, и чиновником, но это была только внешность: он, в сущности, всегда и везде был только философом в лучшем, благороднейшем смысле этого слова. Он всем своим существом участвовал в жизни русского духа, он всем существом своим ощущал, носил в себе и отражал дух нашей жизни. <...> Все было у него всеобщее, во всем он был сердцем со всеми. <...> Надо притом заметить, что трудно представить себе более увлекательное чтение. Прелестный язык, прозрачный слог, неотразимо прекрасное сердце автора, которое чувствуется в каждой строке, им написанной, возвышенный и благородный строй его мыслей — все в нем покоряет читателя, все возбуждает мысль, все увлекает сердце. Евангельская чистота ума и безупречная искренность мысли соединяются в нем с совершенно исключительною широтой и беспристрастием воззрений»;[31] «Гиляров-Платонов — первоклассный ум, выдающийся писатель, которого если сравнивать, то только и можно сравнивать с Хомяковым, Киреевским, Страховым. <...> Тут не только богатство мысли, роскошь ума, цвет просвещения: тут родной нам дух, тут речь, идущая прямо к сердцу русского человека».[32]

Д. П. Шестаков в упоминавшейся выше рецензии проницательно указывал как на самое существенное в творчестве Гилярова — на его отношение к русско-

[30] РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 109. Л. 6.

[31] *Никольский Б.* Философ духа жизни // *НВр.* 1900. 25 июля. № 8767. С. 2.

[32] *Никольский Б.* <Рец. на кн.: *Сб. соч.* Т. I—II> // *ИВ.* 1900. Т. 81, июль. С. 271, 272.

му слову как к святыне, живому источнику и средоточию национально-религиозной идентичности, нуждающейся в заботливом охранении, — отношение особенно целомудренное, не допускавшее духовной девальвации языка и употребления его в нечистых целях. Шестаков писал: «...все отрасли литературной деятельности Гилярова, как и у всякого подлинного писателя, сводятся к небольшому, но уже кровно близкому ему и до глубины продуманному зерну. Это писатель-историк, писатель — богослов и националист, которому русское слово дорого, как старинная народная святыня, и который в каждом новом писателе ищет того же охранения этой бесценной старины во всей ее чистоте и святости. Оттого так понятны и близки Гилярову простодушные и прозрачно-светлые, как огонек вечерней лампады, семейные рассказы старика Аксакова. Оттого он с таким наслаждением упивается ароматом старины во внешне-потешных иногда повествованиях о странствиях благочестивого инока Парфения. И по той же самой причине с долею нравственной брезгливости отзывается Гиляров, как критик, о некоторых писателях, владевших красивым словом, но употреблявших его не в неукоризненно-прекрасных целях. С неумытыми руками, с мелкими и своекорыстными страстишками нельзя подходить к чистой, как невозмущенный родник русского леса, святыне народного слова».[33]

И даже недолюбливавший Гилярова П. И. Бартенев отдавал ему справедливость, воздвигая его в русской истории на пьедестал: «Этот писатель не умрет в потомстве, благодаря самобытности своих мыслей, их широте и в то же время психологической чуткости. Н. П. Гиляров — лицо вполне историческое. В нем довольно сходства со Сперанским, но Гиляров глубже знаменитого деятеля, и если бы случай открыл для него поприще государственное, он оставил бы по себе след в русской жизни еще более решительный и, может быть, благодетельный».[34]

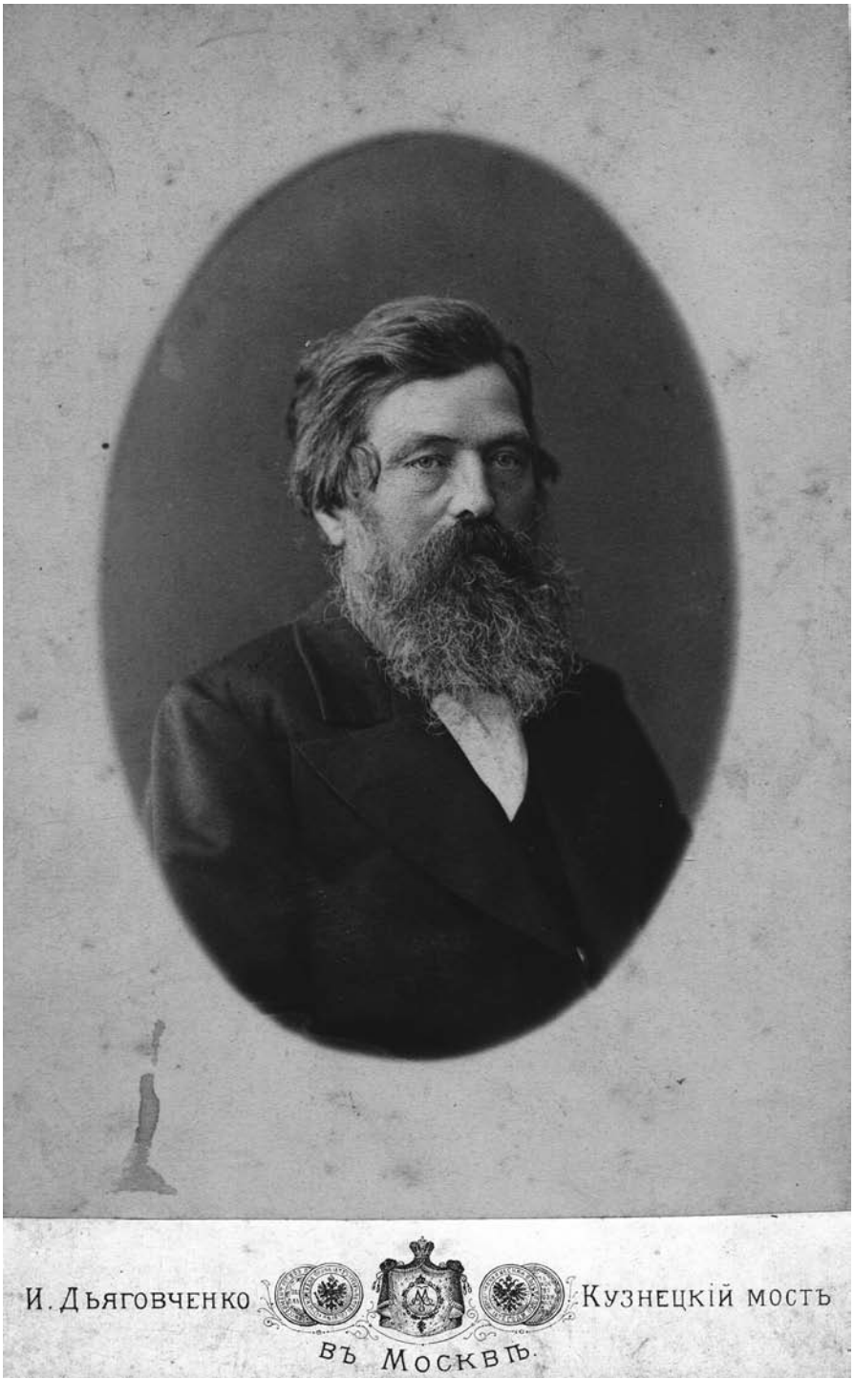
Гиляров, как уже говорилось, мечтал о создании всеобъемлющей энциклопедии, освещающей все предметы с православно-русской точки зрения и, собственно, к этому и шел всю жизнь, потому как всей совокупностью своей научной, публицистической, литературно-критической и даже служебной деятельности, во многом незавершенной, или, по слову И. Ф. Романова-Рцы, отличающейся «мозаичностью»,[35] стремился выразить точку зрения на культуру, которая рассматривала бы ее с глубоко самобытных позиций. Этот все еще недооцененный творческий опыт выдающегося писателя является хорошим заделом на будущее, поскольку такой общенациональный проект неизбежно предстоит нашей науке и культуре, и потому наследие Гилярова нуждается в кропотливом изучении и осмыслении, которое в наши дни только начинается.

---

[33] Литературное приложение к «Литературно-Промышленной Газете». 1900. 10 сент. № 35. С. 2.

[34] *П. Б.* <*Бартенев П. И.*>. Новые книги: <Рец. на кн.: *Сб. соч.* Т. I> // *РА*. 1899. Кн. II, вып. 6. С. 2 обл.

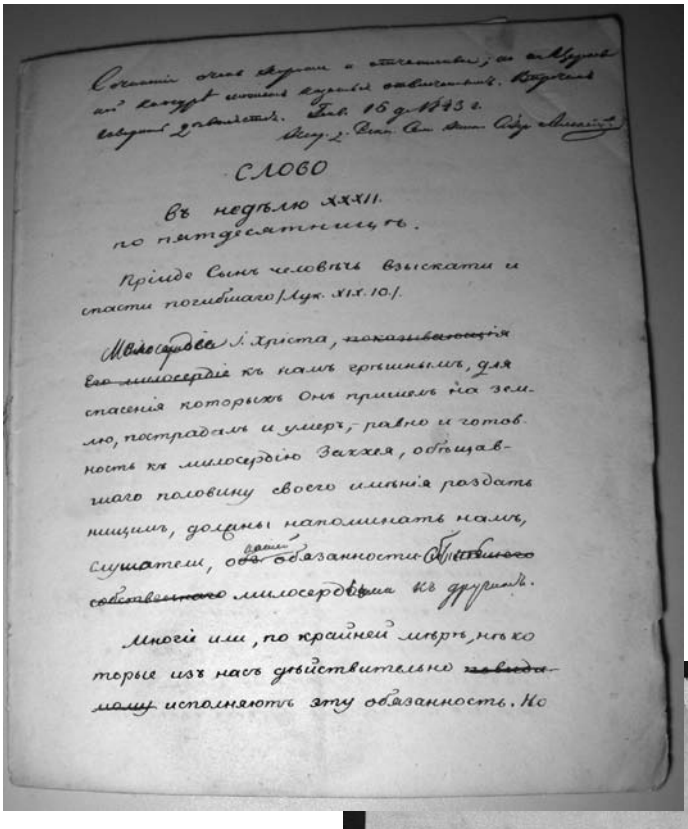
[35] *Рцы* (*Романов И. Ф.*). Собр. соч. Т. I. С. 50.

Н. П. Гиляров-Платонов. Фотография И. Г. Дьяговченко. 1881.
Архив А. М. Гилярова

Церковь Никиты Мученика в Коломне. Художник И. Н. Фатуллаев. 2007.
Частное собрание

СЛОВО

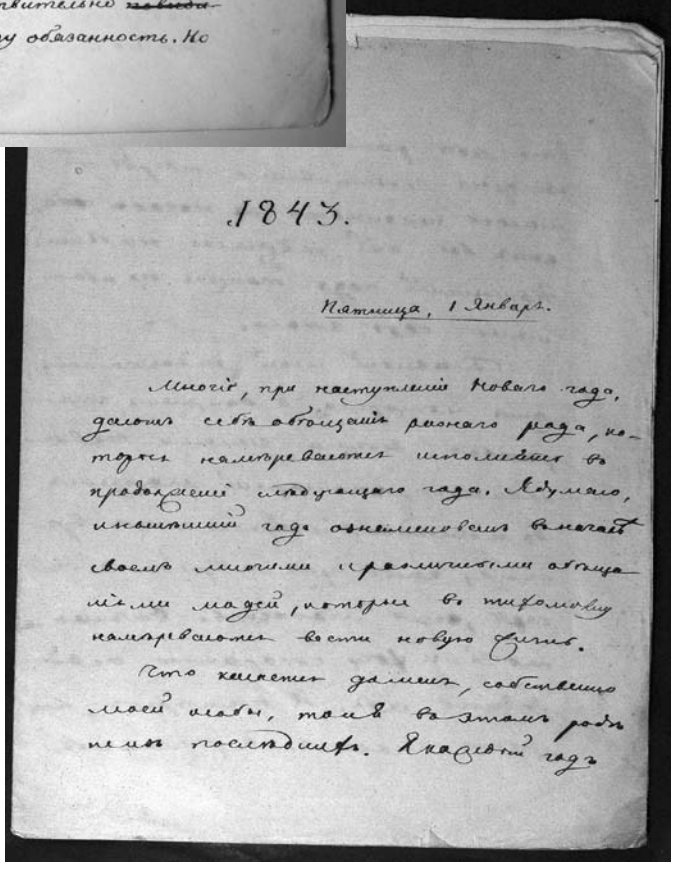
въ недѣлю XXXII
по пятьдесятницѣ.

Пріиде Сынъ человѣческій взыскати и спасти погибшаго [Лук. XIX. 10.]

Милосердіе Іисуса Христа, показывающееся его милосердіе къ намъ грѣшнымъ, для спасенія которыхъ Онъ пришелъ на землю, пострадалъ и умеръ; равно и готовность къ милосердію Закхея, обѣщавшаго половину своего имѣнія раздать нищимъ, должны напоминать намъ, слушатели, объ обязанности нашей собственнаго милосердія къ другимъ.

Многіе ли, по крайней мѣрѣ, изъ тѣхъ, которые изъ насъ дѣйствительно помнятъ нашу исполняютъ эту обязанность. Но

Первая страница семинарской проповеди.
РО ИРЛИ. Ф. 71

1843.

Пятница, 1 Января.

Многіе, при наступленіи Новаго года, дѣлаютъ себѣ обѣщанія разнаго рода, которыя намѣреваются исполнить въ продолженіи слѣдующаго года. Я думаю, что нынѣшній годъ ознаменуется и моими обѣщаніями, достойными обѣщаній людей, которые въ тридцатую намѣреваются встрѣтить новую жизнь.

Что касается до меня, собственно моей души, то я въ этомъ родѣ имѣю послѣднія. Нынѣшній годъ

Первая страница «Дневника 1843 года».
РО ИРЛИ. Ф. 71

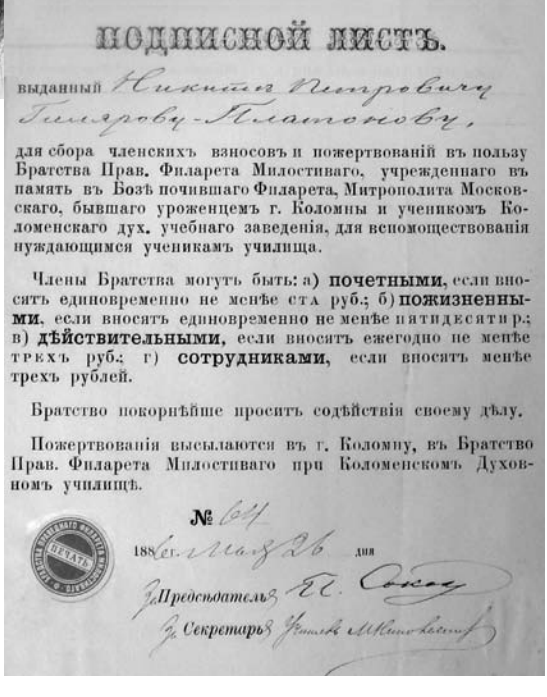
Новодевичий монастырь в Москве. Литография с тоном. 1840-е.
Музей ИРЛИ

Вид Свято-Троицкой Сергиевой лавры. Литография. 2 июля 1866 г.
Музей ИРЛИ

Митрополит Филарет (Дроздов). Акварельный портрет работы В. И. Гау. 1854. *ГИМ*

ПОДПИСНОЙ ЛИСТЪ.

выданный Никите Петровичу Гиляров-Платоновъ,

для сбора членскихъ взносовъ и пожертвованій въ пользу Братства Прав. Филарета Милостиваго, учрежденнаго въ память въ Бозѣ почившаго Филарета, Митрополита Московскаго, бывшаго уроженцемъ г. Коломны и ученикомъ Коломенскаго дух. учебнаго заведенія, для вспомоществованія нуждающимся ученикамъ училища.

Члены Братства могутъ быть: а) **почетными**, если вносятъ единовременно не менѣе ста руб.; б) **пожизненными**, если вносятъ единовременно не менѣе пятидесяти р.; в) **дѣйствительными**, если вносятъ ежегодно не менѣе трехъ руб.; г) **сотрудниками**, если вносятъ менѣе трехъ рублей.

Братство покорнѣйше проситъ содѣйствія своему дѣлу.

Пожертвованія высылаются въ г. Коломну, въ Братство Прав. Филарета Милостиваго при Коломенскомъ Духовномъ училищѣ.

№ 64

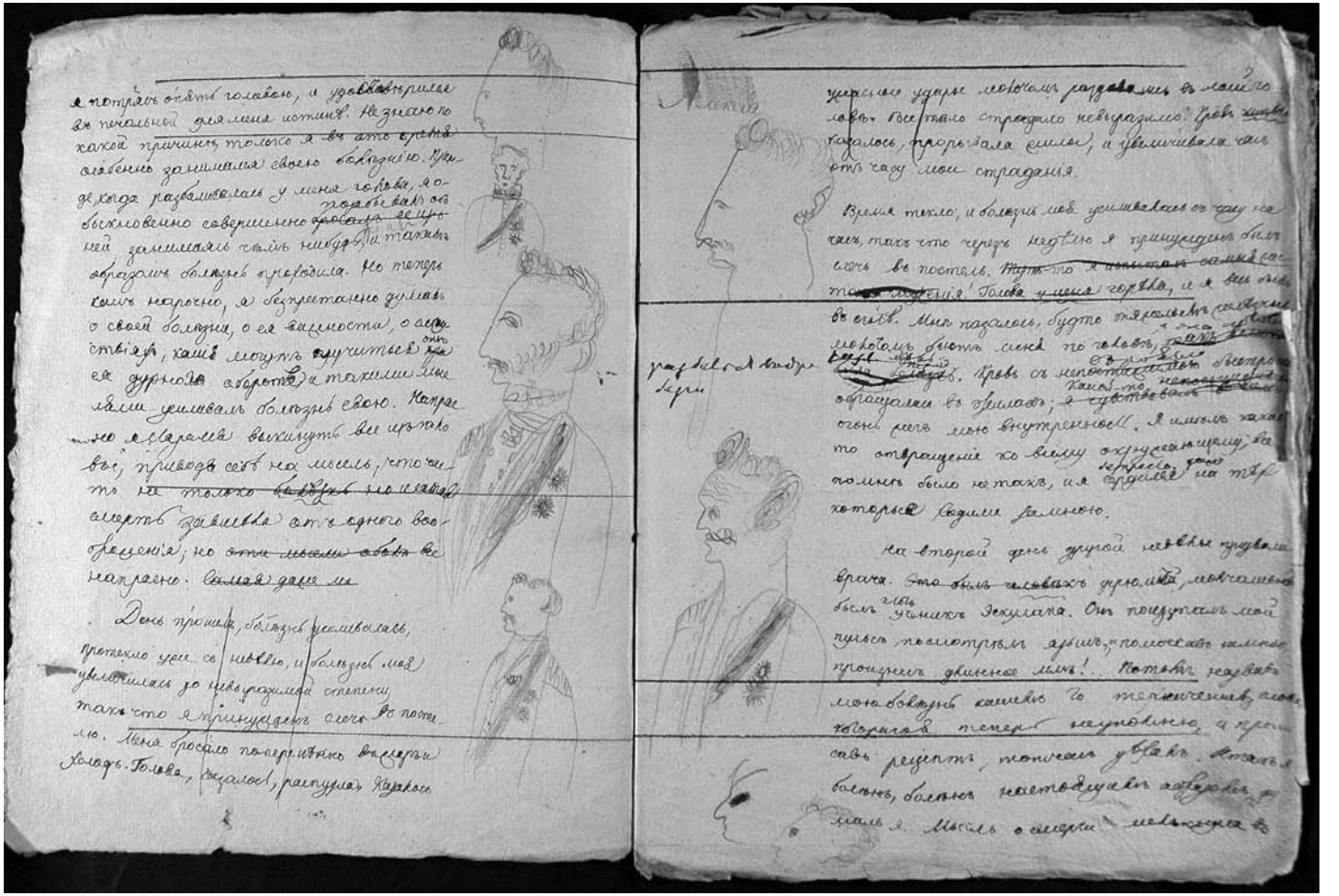
188 6 г. Мая 26 дня

Печать

За Председателя [illegible]

За Секретаря [illegible]

Подписной лист в пользу Братства Прав. Филарета Милостивого при Коломенском духовном училище. 26 мая 1886 г. *РО ИРЛИ. Ф. 71*

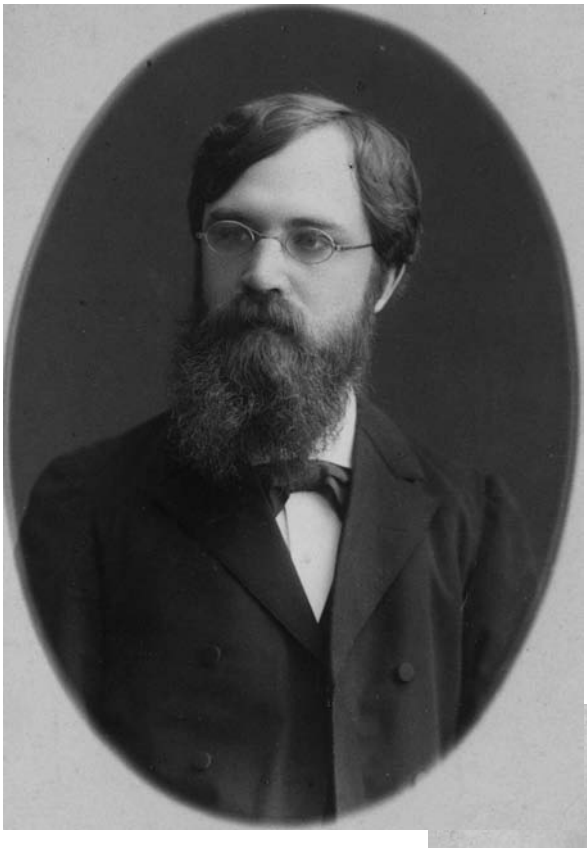
Вторая и третья страницы черновой рукописи рассказа «Случай, каких немного». *РО ИРЛИ. Ф. 71*

Диплом о присвоении степени магистра Московской духовной академии. Ноябрь 1850 г. *ИРЛИ. Ф. 71*

В. А. Гилярова-Платонова с сыновьями Алексеем и Николаем.
Фотография. Начало 1860-х гг.
Архив А. М. Гилярова

А. Н. Гиляров, младший сын писателя. Фотография. 1887.
Архив А. М. Гилярова

В. Г. Гилярова (ур. Кишкина), жена А. Н. Гилярова. Фотография. Середина 1880-х гг.
Архив А. М. Гилярова

ОБЩЕСТВО

ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ,

УЧРЕЖДЕННОЕ

ПРИ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ,

ВЪ ЗАСѢДАНІИ 10 НОЯБРЯ 1858 ГОДА,

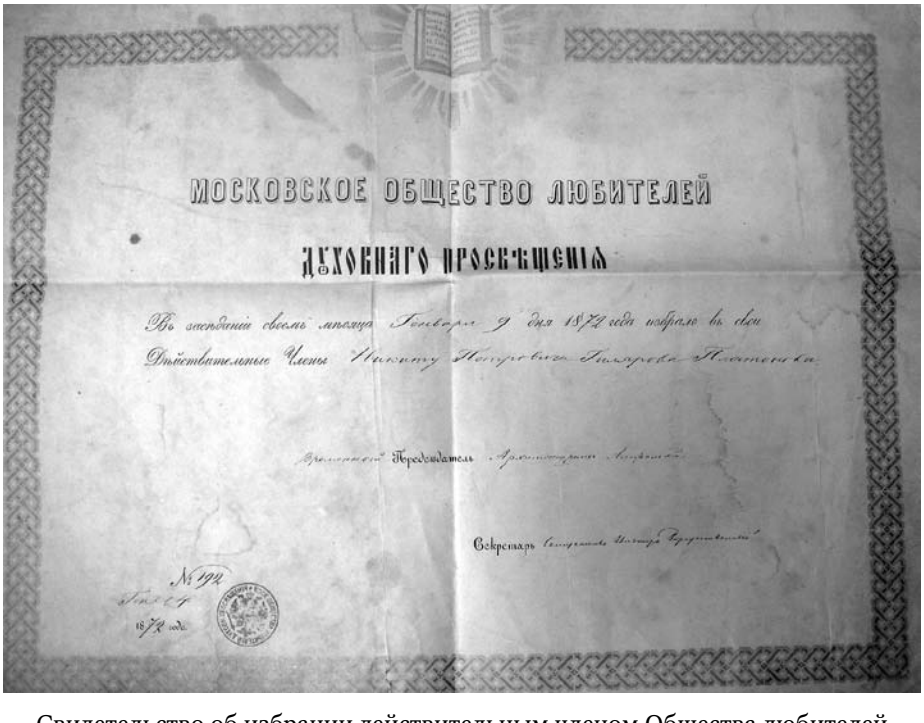
ИЗБРАЛО ВЪ ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫЕ ЧЛЕНЫ

НИКИТУ ПЕТРОВИЧА ГИЛЯРОВА-ПЛАТОНОВА.

Председатель Алексѣй Хомяковъ

Секретарь Михаилъ Михиловичъ.

Свидетельство об избрании действительным членом Общества любителей российской словесности. 10 ноября 1858 г. *РО ИРЛИ. Ф. 71*

МОСКОВСКОЕ ОБЩЕСТВО ЛЮБИТЕЛЕЙ

ДУХОВНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

Въ засѣданіи своемъ января 9 дня 1872 года избрало въ свои

Дѣйствительные Члены Никиту Петровича Гилярова Платонова

Председатель

Секретарь

№ 192

1872 г.

Свидетельство об избрании действительным членом Общества любителей духовного просвещения. 9 января 1872 г. *РО ИРЛИ. Ф. 71*

ЊЕГОВА СВЕТЛОСТ

ПРЕМИЛОСТИВИ ГОСПОДАР И КЊАЗ НАШ

МИЛАН М. ОБРЕНОВИЋ IV.

ВРХОВНИ ЗАПОВЕДНИК ВОЈСКЕ,

На предлог министара војног благоволео је, превисоким указом својим од данашњег 1877. даровати Вам „Таковски крст" врсте, установљен 1865 у име признања и одликовања за особите заслуге, које сте Књазу и отаџбству учинили за време рата са Турцима у 1876. год.

Бр. № 1876.
15. Марта 1877. год.
Београд

Министар војни.
Пуковник,

Господину Редакцеру Совретеных Ив. Гиларову-Планинову

Свидетельство о награждении Таковским крестом за № 3876 «за заслуги в войне против Турции». 15 марта 1877 г. *РО ИРЛИ. Ф. 71*

Год тринадцатый.

СОВРЕМЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ, ЦЕРКОВНАЯ, УЧЕНАЯ, ЛИТТЕРАТУРНАЯ, ХУДОЖЕСТВЕННАЯ.

№ 56 — ПОДПИСКА — СРЕДА 27 ФЕВРАЛЯ 1880 ГОДА. — ОБЪЯВЛЕНІЯ — № 56

ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНІЕ 360 №№ ВЪ ГОДЪ.

СПРАВОЧНЫЯ СВѢДѢНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА СОВРЕМЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ на 1880 годъ.

ПРОГРАММА ДУХОВНАГО КОНЦЕРТА,

ПИКОНЪ

ЛЕОНЪ КАСТИЛЬОНЪ,

СПЕЦІАЛЬНО

БОЛѢЗНИ

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ Екатерининскаго и Александровскаго институтовъ П. ДАВЫДОВЪ.

Ѳ. Ѳ. ФАГОНСКІЙ

СПЕЦІАЛИСТЪ

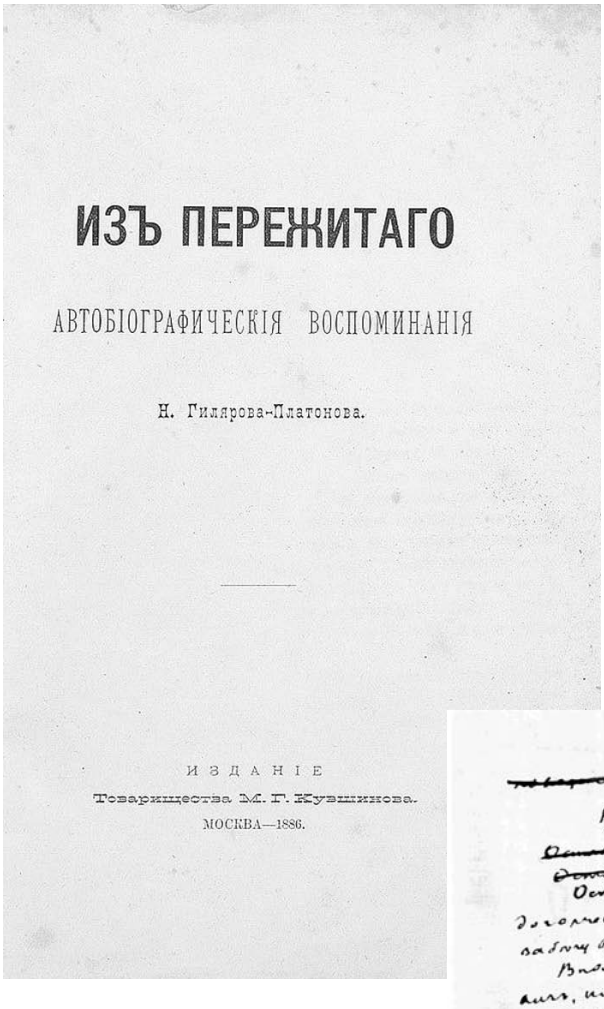
БОЛѢЗНИ

ПЛЪННИКИ.

МОСКВА 26 ФЕВРАЛЯ.

Дневное обозрѣніе.

Газета «Современные Известия». Первая полоса № 56 от 27 февраля 1880 г.
РНБ

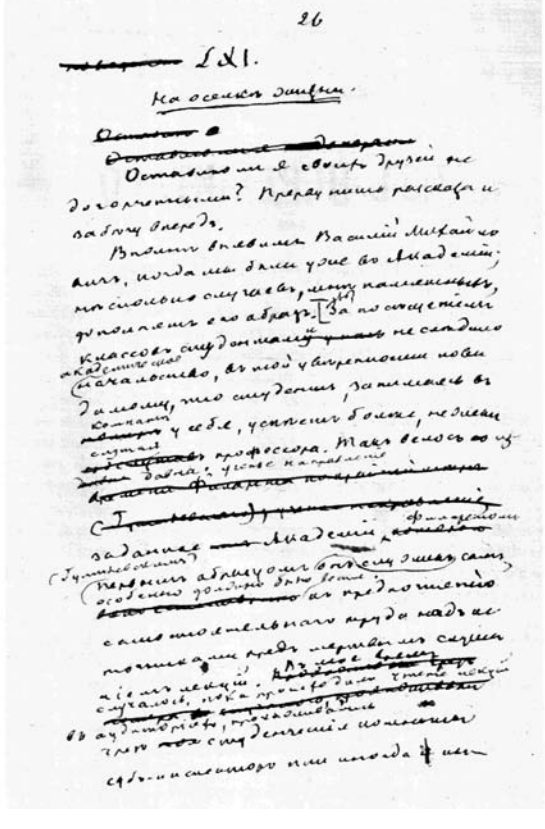
ИЗЪ ПЕРЕЖИТАГО

АВТОБІОГРАФИЧЕСКІЯ ВОСПОМИНАНІЯ

Н. Гилярова-Платонова.

ИЗДАНІЕ
Товарищества М. Г. Кувшинова.
МОСКВА—1886.

Титульный лист отдельного издания «Из пережитого» (М., 1886. Ч. I)

26

LXI.

На осенних экзаменах.

Остаться ли мне с своими друзьями по
гимназии, когда мы будем уже во Академии?
Продолжим наши рассказы и
забудем вперед.

Вспомним впервые Васю Михайлова
гимназии, когда мы были уже во Академии;
по своим отличным успехам, нашим наклонностям,
дружбе с его отцом [За последствием
классов студент мог не сходиться
Академии
с начальством, в чем я уверился позже
Домашние
Домашние, занимавшие
у себя, усаживали больше, нежели
служат
профессора. Так велось со
Вася был у нас
Академии
(Гуляев, Ягодинский)
Академии
(Первый абитуриент, экзамен сам
особенно должно быть
самостоятельного труда над ис-
точниками перед первыми лекциями
Из них
случалось, пока прочтут
в аудитории,
сведения полученные
субъективного или иногда

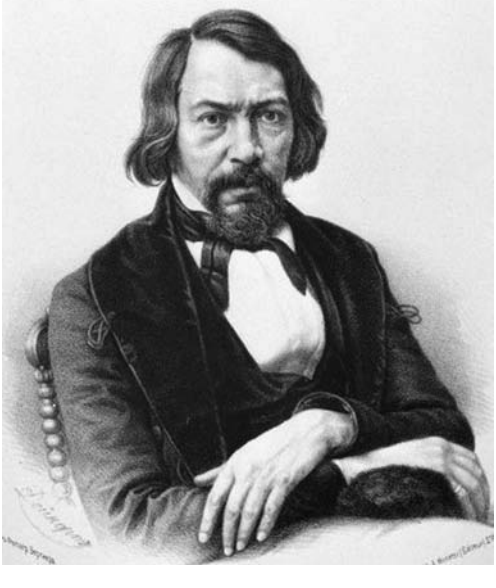
Первая страница чернового автографа главы LXI «Из пережитого». *РО ИРЛИ. Ф. 71*

С. Т. Аксаков. Литография с фотографии ателье А. Бергнера. 1856. *РНБ*

К. С. Аксаков. Литография П. Ф. Бореля с фотографии К. А. Бергнера. 1869. *ГИМ*

А. С. Хомяков. Литография А. Э. Мюнстера с фотографии К. А. Бергнера. 1858. *РНБ*

И. С. Аксаков. Литография А. Э. Мюнстера с портрета работы П. Ф. Бореля. 1869. *ГИМ*

М. Н. Катков. Литография П. Ф. Бореля
с фотографии неизвестного. 1860-е.
Музей ИРЛИ

Ю. Ф. Самарин.
Гравюра И. П. Пожалостина. 1886.
РНБ

Т. И. Филиппов. Фотография
С. Л. Левицкого. 1870-е гг. *Музей ИРЛИ*

К. П. Победоносцев. Фотография
С. Л. Левицкого. 1870-е. *Музей ИРЛИ*

Рцы (И. Ф. Романов) и В. В. Розанов. Фотография с надписью: «R<tcy> fecit. 1901» (Рцы создал, *лат.*)

С. Ф. Шарапов. Фотография Д. С. Здобнова. 1880-е гг. *Музей ИРЛИ*

А. М. Гальперсон. Фотография. Конец XIX в. *Архив М. А. Ивановой*

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

ПЕРЕПИСКА Н. П. ГИЛЯРОВА-ПЛАТОНОВА С КНЯЗЕМ Н. В. ШАХОВСКИМ (1885—1887)*

За полтора года до своей безвременной кончины, 2 февраля 1886 г., Гиляров писал своему юному другу и ученику князю Николаю Владимировичу Шаховскому (1856—1906): «...дух мой падает иногда при сознании, что у меня нет учеников, что меня игнорируют и что потому я бесполезен. Кончина Аксакова и восклицания, которые слышу: “Поднимите знамя”, воскрешают эту мысль снова. Я игнорирован, я замолчан <...>» (п. 18). О том же он писал и ранее, в 1884 г., в мемуарах «Из пережитого»: «Я занимал кафедру и пользовался редким вниманием слушателей; я увлекал; затаив дыхание, мне внимали. <...> Но я не породил и не воспитал учеников. <...> Чем порождена не отступавшая ни на минуту гамлетовщина, недоверие к своей силе, сомнение в своем нравственном праве, вечное опасение переступить предел чужой свободы? Не бесплодно ли после того, может быть, и пройдена жизнь?»[1]

И об этом сетовал человек, у которого были настолько преданные ученики, готовые без остатка посвятить ему всю свою жизнь, каких мало кто имел из русских писателей его современников. Как уже говорилось, помимо князя Шаховского, в конце жизни у Гилярова появилось еще два верных ученика: философствующий публицист Иван Федорович Романов (1850—1913), больше известный под псевдонимом Рцы и по своему прозвищу «маленький Розанов»,[2] и журналистка, переводчица и критик Анна Михайловна Гальперсон (ур. Эпштейн; 1856—1902), заведующая редакцией газеты «Современные Известия»

---

* Начало этой публикации (преамбула и первые 11 писем за 1879—1885 гг.) см.: «...У Вас есть преданные люди, способные Вас оценить...»: Переписка Н. П. Гилярова-Платонова с кн. Н. В. Шаховским / Вступ. ст., подгот. текстов и коммент. А. П. Дмитриева // Христианство и русская литература / ИРЛИ РАН; Отв. ред. В. А. Котельников, О. Л. Фетисенко. СПб.: Наука, 2012. Сб. 7. С. 55—95. Окончание, подготовленное тогда же, в сентябре 2012 г., по не зависящим от нас причинам публикуется только теперь. Поскольку не только настоящий эпистолярный комплект связан с князем Шаховским, но и следующие два материала: его записная книжка (*Приложение 2*) и большой комплекс писем о наследии Гилярова (*Приложение 3*), — имеет смысл здесь републиковать преамбулу 2012 г. хотя бы в сокращении.

[1] *Из пережитого* Т. 1. С. 300.

[2] См. об их взаимоотношениях в 1884—1887 гг. в главе 3.13.

[3] См. нашу публикацию: «Да, много Вы моей души занимаете»: Письма Н. П. Гилярова-Платонова к А. М. Гальперсон // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007—2008 годы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 171—251.

(1883—1887).[3] Следует назвать еще историка раскола и религиозного публициста Василия Гавриловича Сенатова (1868—не ранее 1916), развивавшего идеи учителя в труде «Философия истории старообрядчества» (М., 1908. Вып. I—II); журналиста и экономиста Сергея Федоровича Шарапова (1855—1911), посвятившего Гилярову книгу «Неопознанный гений» (М., 1903); прозаика, драматурга и журналиста Савелия Константиновича Эфрона (псевд. — С. Литвин; 1849—1925), оставившего прочувствованные воспоминания об учителе в книге «Миссионеры и начетчики» (М., 1908); публициста и филолога Бориса Владимировича Никольского (1870—1919), автора статьи «Философ духа жизни».[4]

Но, безусловно, князь Н. В. Шаховской, познакомившийся с Гиляровым еще в 18-летнем возрасте и ставший впоследствии его биографом и публикатором его сочинений, занимает в этом ряду особое место. Представил князя Шаховского Никите Петровичу его племянник, филолог и педагог Ф. А. Гиляров, преподававший русский язык в 5-й Московской мужской гимназии, где обучался Шаховской. В тот период Гиляров издавал в Москве ежедневную газету «Современные Известия». Князь Шаховской позднее вспоминал: «Мы зазнали Никиту Петровича в 1874 г. и с тех пор пользовались особым счастием состоять с ним в добрых отношениях до самой его смерти».[5]

По кончине учителя князь Шаховской, выпускник историко-филологического факультета Московского университета (1880), явился зачинателем научного гиляроведения.[6] Кроме того, князь Шаховской — автор интересных статей по зарубежной литературе[7] и трудов по экономике,[8] а также юмористических поэм на политические темы и стихотворных шуток, из которых до нас дошли единичные произведения.[9]

Начиная с 1894 г. князь Шаховской, словно бы повторяя путь Гилярова, служил цензором в Москве; потом, в 1898 г., даже дошел до поста председателя С.-Петербургского цензурного комитета, а в 1900—1902 гг. возглавлял Главное управление по делам печати и, таким образом, находился в самом центре лите-

---

[4] *НВр*. 1900. 25 июля. № 8767. С. 2—3.

[5] *Шаховской Н., кн*. Никита Петрович Гиляров-Платонов: Крат. публиц. очерк. Ревель, 1893. С. 39.

[6] Перечень его статей и книг о Гилярове, а также подготовленных им к изданию трудов писателя см. во Введении к монографии, на с. 11—12.

[7] *Шаховской Н., кн*.: 1) Легенда и первая народная книга о Фаусте // *ЖМНП*. 1881. Ч. 211, окт. Отд. II. С. 369—401; 2) Фауст на английской сцене: Марло // *РВ*. 1881. Т. 151, февр. С. 754—780.

[8] *Шаховской Н., кн*.: 1) Земские повинности в Эстляндской губернии. Ревель, 1888; 2) Сельскохозяйственные отхожие промыслы. М., 1896; 3) Частное землевладение в Южно-Уссурийском крае. СПб., 1899; 4) Земледельческий отход крестьян. СПб., 1903, и др.

[9] См., например, его поэму 1884 г. «Правительственный пролог (нечто совершенно невероятное в стихах и прозе)» (РГИА. Ф. 46. Оп. 2. № 462. 7 л.), стихотворения «Пьяная пиявка» и др. (РНБ. Ф. 847. № 67. 3 л.). См. об этой стороне его творчества: *Гофштеттер И.* Памяти кн. Николая Шаховского // Русский Голос. 1906. 28 авг. № 215. С. 2—3.

ратурно-общественной жизни.[10] Как и его учитель Гиляров, князь Шаховской снискал славу либерального цензора: он, в частности, добился разрешения журнала «Русское Богатство» и газеты А. В. Амфитеатрова «Россия», публикации «Воскресения» Л. Толстого и «трудных» в цензурном отношении рассказов М. Горького и Л. Андреева. Смещен был за то, что цензурное ведомство проглядело главу из сатирического романа Амфитеатрова «Господа Обмановы», в персонажах которого были выведены российские императоры начиная с Николая I.[11] Однако в некоторых принципиальных вопросах князь Шаховской солидаризовался с теми, кто когда-то выступал гонителями гиляровского издания. Консервативный публицист М. О. Меньшиков с горечью отмечал, что князь Шаховской, как и все либеральные сановники, боялся «благонамеренных, но слишком независимых голосов», относясь «с гораздо большею терпимостью к начинавшейся революции, чем к независимому национальному движению».[12] Тот же Меньшиков писал: «Кн. Шаховской безмерными страданьями и смертью заплатил за невольное, конечно, шатание своей гуманной мысли»,[13] имея в виду его гибель из-за заражения крови от раны, полученной во время террористического акта на Аптекарском острове 12 августа 1906 г. Разумеется, жизнь и творчество этого ученого, литератора и государственного деятеля заслуживают отдельного кропотливого исследования.

Здесь же очень кратко отметим наиболее интересные моменты переписки учителя и ученика. Особенно любопытно самое первое письмо Гилярова, с которого и начался их эпистолярный диалог (от 5 декабря 1879 г.) и которое явилось развернутым редакторским и одновременно дружеским ответом на не дошедший до нас публицистический опыт князя Шаховского, — о внутреннем положении России в год начала повсеместного революционного террора и о правительственной политике, во многом и породившей его. Юный князь требовал жестких мер по обузданию распоясавшегося нигилизма и ратовал о возвращении к репрессивным мерам времен царствования Петра I и Николая I — Гиляров же указывал на общее духовно-нравственное неблагополучие пореформенной России и приводил примеры того, как безответственные действия властей, а также их идеологических служителей (вроде М. Н. Каткова) провоцировали резкое обострение ситуации в стране. Свои надежды Гиляров возлагал (как и многие в этот период) на взвешенную политику графа М. Т. Лорис-Меликова, опиравшегося на здоровые силы общества и успешно справлявшегося с революционным напряжением в таком университетском центре, как Харьков.[14]

Выделяются также и два письма религиозно-историософского характера за февраль 1885 г., в которых развиваются те же темы (эти письма фактически яв-

[10] См. об этом подробнее в Заключении к монографии.

[11] См.: *С. У. <Уманец С. И.>*. Мозаика: (Из старых записных книжек) // *ИВ*. 1912. Т. 130, дек. С. 1037—1038.

[12] См. об этом: *Меньшиков М.* Злая воля // *НВр*. 1910. 12 авг. № 12362. С. 2—3.

[13] Там же. С. 3.

[14] См.: *Переписка с Шаховским.* С. 60—69.

ляются и продолжением известного очерка Гилярова «Откуда нигилизм?», опубликованного в аксаковской «Руси»). Инициировал мысль Гилярова опять-таки князь Шаховской — на этот раз своим этюдом «Лучше ли стало?» (1885), увидевшим свет в «Современных Известиях». Переходом к историческому экскурсу служит тут фраза: «Состояние современной общественности действительно напоминает старый Рим...», когда «исчезал *міръ* как *мир*, испарялись нравственные основания» (п. 12). Гиляров рассуждает о внутреннем родстве нигилизма с его «озлобленной волей» и набегов варваров на Римскую империю, которые равно не в состоянии были обновить нравственно одряхлевший мир, и противопоставляет им христианство с его отречением от материальных благ и проповедью нового идеализма, которое только и смогло духовно возродить человечество.

Богатый фактический материал дают письма, связанные с православно-русским присутствием в Прибалтике (старший брат Шаховского, князь Сергей Владимирович, занимал пост эстляндского губернатора, да и сам Николай начинал свою службу в Ревеле); с откликами на «философские отступления» в мемуарах Гилярова «Из пережитого» и события внешней политики (Болгарский вопрос, российско-германский кризис); с празднованием юбилея друга Гилярова, певца и дирижера Д. А. Агренева-Славянского в 1887 г. (князь Шаховской помог его организовать благодаря своим великосветским связям); с борьбой за право аренды «Московских Ведомостей» после смерти М. Н. Каткова и др.

Переписку с самого начала подпитывала сердечная теплота и чуткость ко всем обстоятельствам жизни друг друга, и это трогательное взаимное участие к внутренней и бытовой жизни с годами только ширилось: не случайно у Гилярова прорывается нежное: «Вас любящий»,[15] а в одном из писем князя Шаховского — даже уменьшительно-ласкательное «дорогой мой Никитушка» (п. 33).

В одной из самых первых своих работ об учителе князь Шаховской так подытожил наблюдения над личностью мыслителя, пытаясь определить его роль в русской культуре: Гиляров «был человеком замечательным как по своим необыкновенным дарованиям, так и по редкой высоте образования и умственного развития, на которую он поднялся упорным, неусыпным трудом. Можно с уверенностью сказать, что вряд ли на Руси кто из его современников достиг такой широты и силы мысли, как он. <...> Он был более чем “свой” в современном научном просвещении, он на многие его стороны посмотрел сверху, как судья».[16] И далее князь Шаховской рассуждал о необычайной многогранности дарования Гилярова и трагической невоплощенности многих его научных замыслов: «Он был широк в самом, если можно так выразиться, глубоком смысле этого слова: и богослов, и исследователь раскола, и философ, и экономист, и критик, и филолог, и лингвист, и публицист. В каждой из этих областей он был полным хозяином, оригинальным и самостоятельным. Так на всех поприщах у нас требуется

[15] *Переписка с Шаховским.* С. 93.

[16] *Шаховской Н., кн.* Никита Петрович Гиляров-Платонов. С. 3, 6.

самостоятельное отношение к делу, так у нас его мало, что можно ли поставить в вину крепкому и самобытному уму, что он разбрасывался, что он чувствовал необходимость и там и здесь сказать свое слово и потому оставил после себя более недоконченного, но гением начатого, чем цельного и завершенного?»[17]

1 (12)
Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Москва, конец февраля (?) 1885 г.

Когда «Русь» возродится?[1] Ее нет, и я лишен удовольствия, мой молодой друг, беседовать с Вами печатно. А Вы так снисходительны ко мне, что цените мое слово, просите его, и я сам возбужден Вашими размышлениями: «Лучше ли стало?»[2] Но Вы надавали мне столько тем, что я затрудняюсь. Чтоб найти какую-нибудь точку опоры, беру Вашу статью и мои два письма к И. С. Аксакову о нигилизме, продолжения которых Вы желаете.

Беру смелость резюмировать за Вас Вашу статью. «Стало не лучше, а хуже, пожалуй; прогресс в смысле внешних удобств увеличился, но человек с своим нравственным злом остался тем же. Преступления и разврат переменили форму, но, пожалуй, даже умножились»? Это Вы хотели сказать? Хочу думать, что это, и Вы, сказавши, остановились, чувствуя необходимость нравоучительного вывода, но недоумевая, куда его направить. Вы было прибавили несколько слов по адресу властей, но я удержал Вашу руку. Вы зашли бы в трущобу полицейских правил, о которых Вам могут сказать: «Да позвольте, докажите еще их право стеснять личную свободу и докажите, что педагогическая задача им под силу».

Здесь пункт, где связываются Ваши размышления с моими. Я размышлял о происхождении нигилизма. Нигилизма исток из озлобленной воли, возмущающейся лицемерием окружающего порядка; теоретическое же его основание — протест против предрассудков. «Долой предрассудки!» — вот знамя умозрительного нигилизма. Но я не думал писать трактата о нигилизме; не совсем я ожидал даже, чтобы письма мои попали в печать. Мое первоначальное намерение было <указать> И. С. Аксакову, что Н. Я. Данилевский неверно поставил вопрос, признав в нигилизме систему и предположив самостоятельный катихизис.[3] Уважаемый редактор нашел полезным напечатать мое письмо,[4] но просил добавить разъяснение недоумения о «предрассудках», которые в первом письме я признал неизбежными для человечества. Я вынужден был на второе письмо.[5]

«Если коснулись Вы теоретического основания и вторым письмом развили подробнее тщету мечты об истреблении *предрассудков*, то ожидаются подробности об *озлобленной воле*; Вы сами намекнули об “отношении, на которое к себе нигилизм уполномочивает своих сограждан”». Вот между прочим одно из Ваших требований и вот пункт, где наши размышления, с разных сторон исходя, сближаются.

[17] Там же. С. 49.

Но с глазу на глаз мы с Вами уже толковали о трудности развивать указанную тему. Лицемерие порядка, возмущающее нигилиста, разве[a] позволительно защищать? Нет, и мы в этом оба согласились. Так нигилизм прав, стало быть, в своем практическом выводе? То есть оправдан *исторически*; да: он был неизбежен. Но если Вы согласны с моим определением,[b] то прошу обратить внимание, что нигилизм есть возмущение именно *воли,* и притом воли *озлобленной*. Может возмущаться окружающим ум, находя неразумность, непоследовательность, неосновательность, безнравственность; может возмущаться и содрогаться сердце, испытывать отвращение — ну к чему бы, например? — к развратным оргиям, к убиванию времени в праздности, к ханжеству, сдружающемуся с хищничеством,[c] к человекоугодничеству,[d] соединенному с эксплуатацией[e] трудящихся, но иное дело отвращаться, брезгать, негодовать, возмущаться; иное[f] взять револьвер и динамитную капсулю, со словами: «Так нате же Вам!» *Ты кто еси судяй чуждему рабу*?[6] Вот эти слова и следовало бы припомнить кандидату в нигилисты.

Исчезал *міръ* как *мир*, испарялись нравственные основания. Над государственной верою смеялись, и сам бывший консул удивлялся, как авгуры могут без улыбки смотреть друг на друга;[7] латифундии захватили полсвета (тогда известного); жить стало тяжело не только обделенным судьбою, но и награжденным и набалованным. Последним не тяжело, но надоело, так надоело, что явилось taedium vitae,[8] пресыщение жизнию, тоска о смерти. Мыслящий ум не находил цели жить, ни смысла. В мире материального наслаждения все испробовано; Лукулл и Красс[9] ели и кормили так, что изобретательность далее отказывалась[g] придумать более дорогое разваренных жемчужин и изысканнее рыбных печенок. Все виды полового разврата перейдены, и с противоестественными удовольствиями, которыми раболепно пытались разбудить притупившуюся чувственность скучающего Тиверия, может поспорить разве только современный Вавилон. Но что Вам говорить? Тацита, без сомнения, читали.[10] Даже бой гладиаторов с человеческою кровью, льющеюся на арене, оказывался зрелищем пресным,[h] не вполне пикантным.

Я люблю останавливаться на характеристических изречениях, знаменующих или эпоху, или миросозерцание. К изречениям Григория IV[11] и Пететена,[12] приведенным во втором письме о нигилизме, просит мысль присоединить еще два.[i] Припоминаю негодование, смешанное с ужасом, выразившееся в изречении Старшего Плиния, что человек, к несчастию, лишен даже того утешения, чтобы

[a] *Далее зачеркнуто*: достой<но>.
[b] *Далее зачеркнуто*: нигилизма.
[c] *Далее зачеркнуто*: к низкопоклонству, к лести, соединенной.
[d] *Далее зачеркнуто*: пред высшим.
[e] *Далее зачеркнуто*: низших.
[f] *Далее зачеркнуто*: дело идти.
[g] *Далее зачеркнуто*: что-нибудь.
[h] *Далее зачеркнуто сначала*: недостато<чно>, *затем*: едва.
[i] *Далее зачеркнуто*: Что может быть ярче.

несомненно убедиться[a] в отсутствии личного бессмертия.[13] Прибавьте к этому обычное приветствие гладиаторов: «Ave, Caesar, morituri te salutant».[14] Разберите психологию изречения: отдают человека на травлю диким зверям; травят его не за преступление и не для достижения каких-либо высших целей, а ради забавы и для возбуждения нервов у зрителей. У этого варвара есть семья, отец, жена, дети; там, где-нибудь на Дунае, ему улыбаются во время сонных <полетов> чрез родные поля. Но его бросают на арену: он не только мирится с неизбежностью, да еще приветствует мучителя, с которым,[b] однако, не связан он даже ни верноподданничеством, ни единокровием. Нет, способно приводить в трепет это состояние *міра,* потерявшего возможность мира,[c] способность уладить общежитие, найти общую цель и в общем чувстве и деятельности обретать успокоение и радость!

Но явилась в Иудее секта, потом стала разрастаться. Вы не потребуете от меня повторения первых глав новозаветной истории. Я хочу сказать только то, что, когда на зов пошли страждущие и обремененные и образовали общество, оно не выступало с оружием; напротив, оно только умирало и проповедовало, и проповедовало не ненависть, а любовь, или же бежало в пустыни Сирии и Фиваиды. Явилось и еще общество обновить[d] старый мир, это уже и с оружием в руках. Но за ним не было идеалов; оно нагрянуло с теми же[e] материальными[f] целями,[g] в которых потерял смысл старый мир. Разница между старым и новым была только в живости аппетита, разница между сытым и голодным; но мир обновлен был не варварами.

Социалисты всех народов, Вы знаете, любят себя приравнивать и к христианам первых веков, и к варварам, разрушившим Римскую империю. Состояние современной общественности действительно напоминает старый Рим, и поход Бакунина с анархистскими покушениями[15] — набеги варваров. Но дальнейшее заключение, будто социализм призван обновить мир, лишено основательности, ибо обновило старый мир именно христианство, а не варвары, не жадность к материальным благам, а отречение от них, не нападение на существующий порядок, а бегство от него. Они бежали от мира, но мир их позвал к себе; положим — и развратил тем самым потом. Но общество не может существовать без идеалов, вот в чем сущность, и когда оно почувствовало, что вера испарилась, божество обратилось в кумир, над которым все смеются, оно обратилось туда само, где видит служение духу, с презрением плоти и отречением от личности. Начало обновленного мира не с набега вестготов, а с победы Константина над

---

[a] *Далее зачеркнуто*: что со смертью все кончается.
[b] *Далее зачеркнуто*: притом же.
[c] *Далее зачеркнуто*: без умения.
[d] *Далее зачеркнуто*: старое общество.
[e] *Далее зачеркнуто*: живо<тными>.
[f] *Далее зачеркнуто*: аппетитами.
[g] *Далее зачеркнуто*: которыми пресыщен был.

Максентием.[16] Варвары и оставили бы от Европы то, что[a] вандалы, в частности, от Карфагена:[17] произошел бы второй потоп; пришлось бы начинать всю историю общежития сызнова, чуть не с положения, в котором очутился Робинзон Крузо.

Общение первых христиан в имуществе соблазняет коммунистов, но[b] забывается опять[c] прямая противоположность существенной постановки; ее можно выразить двумя грамматическими наклонениями: «ничего не присваиваю», — говорит один; «ничего не присваивай», — говорит другой. В том и другом выходит общение, но отправляются воззрения и деятельность с противоположных концов. «Все отдай» и «все возьми», — последним предполагается уже *творчество* и *свобода*; выражение «все возьми» есть уже их последствие, вопрошаемое в *любви*. Говорящий «все отдай» начинает с *принуждения*. Но если из-под палки даже в обыкновенном быту работа не спорится, то в общем строении человечества формула, основанная на одном приобретении, ведет если не к разрушению, то к застою. Творчества не может быть, потому что нет свободы, а следовательно, нет и зиждительной силы и нет цемента, связывающего общежитие. «Христианский социализм»[18] есть не меньшее недоразумение, как Австрийская монархия; это есть contradictio in adjecto.[19] Спартанский[d] коммунизм (единственный, просуществовавший некоторое время в истории) имел смысл, ибо основывался на принуждении и он мог просуществовать именно потому опять, что был культом идола, который назывался городом, по-теперешнему — государством. Но коммунизм, основанный не <на>[20] подчинении личного общему, а обратно, есть невозможность, носящая разрушение сама в себе. А именно таков идеал идеалистического коммунизма: устройство человечества на началах и с целию личного животного аппетита.

Я мог бы пройти с Вами по этому поводу экономические теории и дополнить свою мысль разбором тех Эльдорад, которые сулятся в умозрительных социалистических построениях. Но надеюсь, Вы уволите меня от этого труда, при котором неизбежно было бы коснуться односторонностей в определении труда, капитала, ценностей, богатства вообще. Удовольствуюсь указанием ошибки, в которой повинен не социализм только, но вся экономическая наука всех лагерей в том, что в утилитарном (корыстном) и животном признали начала духовного. Понятие превратное, похожее не более как на то, как если бы дерево вообразили стоящим на ветвях корнями вверх. Но я спешу к выводу, который избран главною темою для письма. Не только разрушение не имеет зиждительной силы, но и озлобление лишено ее, тем более если оно перейдет в деятельность. А потому прежде всего оно бесполезно, то есть неспособно служить утилитарной

---

[a] *Далее зачеркнуто*: Гейсерих.

[b] *Далее зачеркнуто*: разница опять в существенной постановке.

[c] *Далее зачеркнуто*: существо.

[d] *Далее* (*с нового абзаца*) *зачеркнуто начало предложения*: Сомневаюсь, чтобы предшествующие строки были вполне ясны; но для меня связь.

цели, которая и имеется в виду при разрушении современного порядка. В этом-то смысле, как[a] я намекал в первом письме, нигилизм осужден на погибель. Отдельный представитель нигилизма, *никудышка*, неспособный ни к чему приладиться, лишний человек. При зарождении его и вообще при переходе из легального, выражусь так, обычной среды человека в отмеченного нигилиста самоубийства и бывают нередкими явлениями; сорвалась ладия с течения; сперва ее повертит, потом она потонет, хотя после и выплывет. Судьба не меняется, если дело идет не об индивидууме, а о кучке: самоубийство буквальное или метафорическое их удел.

Но Вы повторите мне вопрос: на какое же отношение к себе уполномочивает своих сограждан нигилизм? Я хотел сказать, что нигилизм после того, чем он есть, не должен же и жаловаться, когда от него отворачиваются, мало того — когда его преследуют. Он сам себя извергает из общества. Хорошо оно или дурно, вопрос другой, но по пословице «с волками жить, по-волчьи выть»; в полном нравственном разобщении жить со стаей непоследовательно. Я бы сказал *нечестно*; но понятие о честном предполагает кодекс, которого нигилизм, может быть, и не разделяет и по-настоящему не должен разделять, если он последователен. Ты желал бы перевернуть общество, оно тебе противно, и ты зол на него, может быть, и основательно, но каждый из этих всех, кого ты называешь обществом, хочет жить по-своему. Переделать ты их[b] не в силах, как не в силах[c] сдвинуть Царь-колокол; сам переродиться не хочешь, да, может быть, и не в состоянии. Так беги, беги, куда хочешь, в Америку, в Сахару, в Новую Гвинею, куда угодно. Правда, найдешь ты везде то же общество на тех же несправедливых и устарелых, по-твоему, началах. По прихоти законов духовной природы, американцу и негру ты простишь то, против чего скрежещешь у себя дома, и не будешь подкладывать динамит под Тихоокеанскую дорогу,[21] хотя для тебя и в новом отечестве те же основания для вражды против дисциплины, уставляемой современным буржуазным устройством мира. Не уживаешься и там? Беги со света. Вы понимаете, что я вовсе не даю этого совета, а только поясняю, что разорвавший все с обществом, недостоин общества.

Боюсь, что Вы потребуете от меня нравоучительного, педагогического вывода. Отказываюсь. Но я напомню Вам о полемике, которая происходила в русской печати лет пять тому назад. Два мнения боролись. Одно, главнейшим представителем которого был Достоевский, говорило: углубись в себя лично, лично совершенствуйся, и общий строй исправится. Другое настаивало на исправлении общественных учреждений, в несовершенстве их находя причину испорченности нравов; по их, все зависит от условий, при которых совершается личное развитие. Как бывает часто, обе стороны были правы и обе виноваты, потому что односторонни. Как часто припоминается в таких случаях указание Гегеля, что

---

[a] *Далее зачеркнуто*: я писал.

[b] *Далее зачеркнуто*: не можешь.

[c] *Далее зачеркнуто*: поднять.

истина не в «или, или», entweder oder и не в эклектической, отвлеченной середине, а в живом взаимодействии «и, и». Превосходные нравы уживаются с отвратительными учреждениями и иногда даже по милости их: упругость духа[a] тем сильнее напрягается, чем усиленнее внешнее давление. И наоборот, разврат царить способен при превосходных учреждениях. Благо[b] стране, в которой то и другое, внешние условия и внутреннее народное развитие, идет нога в ногу. Поучительнейший пример нам доставляют Англия с Францией. Свободнейшая из стран есть аристократическая олигархия; телесное наказание не отменено и закон, еще, кажется, запрещающий публиковать парламентские прения и присутствие посторонних в парламентской зале; страна строжайших обрядов и свободнейших мыслей в одно время, а вместе страна образцовой семейной нравственности и трудолюбия, о котором восточный материк, просиживающий ночи за винцом, с трудом составляет себе понятие. Чем все держится? Хартиею? Нет, народным духом, который приобрел и хартию и который без хартии развился бы все равно в то же самое. А откуда дух? Свободные учреждения помогли отчасти, но еще более помогла — мое, по крайней мере, мнение таково — религия. Нигде и быт и педагогия не связаны так крепко с верою, как в Англии; славнейший из периодов Англии есть период борьбы с папством,[22] которую односторонне называть борьбою с королевскою властью, потому что через корону велась борьба собственно с куриею. И затем достаточно указать на филантропические общества, которых родина, можно сказать, есть Англия, и на Библейское Общество.[23] Церковь в Англии многое утратила в своем лике, но зато общество, можно сказать, оцерковилось, взяв на себя многое, чего ожидалось бы собственно от церкви. Посмотрите затем на другую сторону Канала,[24] на стройные учреждения, по-видимому представляющие высочайшее обеспечение свободы, и с ними рядом необыкновенная легкость диктатуры, раболепство, разврат, возведенный чуть не в культ, и безбожие рядом с грубейшим суеверием.

Судьба нашего отечества несчастна именно тем, что развитие внешних учреждений с развитием народа шли совсем порознь. Бóльшая часть учреждений надевались на страну по французскому манеру, придуманные отвлеченно. Отсюда принудительная сила формы и за нею ничего,[c] царство фасадов, как выразился зло один из путешественников.[25] Вера утрачена или обращается в фетишизм; должно естественно при этом иссякать и творчество, и чувство свободы. Никакие учреждения,[d] понятно, не помогут, когда во всем изверились, да и духу народному воспитаться не из чего, особенно когда утилитаризм открыто объявил себя господствующим началом. Вспомните одно, что за «улучшением быта» крестьян целые двадцать пять лет следовали одна за другою потуги на «улучшение быта» то тех, то других. Выражение, из лицемерной скромности подменив-

[a] *Далее зачеркнуто*: еще.
[b] *Далее зачеркнуто*: народу.
[c] *Далее зачеркнуто*: вера утрачена или же обращается в фетишизм.
[d] *Далее зачеркнуто*: при этом.

шее более точную формулу «освобождение», повело к тому, что материальный быт признан за первое и последнее, о чем достойно и славно заботиться. Последствия и вкушаем, и между прочим в виде нигилизма.

Вы ставите в своей статье вопрос на более общую точку, рассуждая о материальном прогрессе всего человечества. Вы недоумеваете, отчего при всех усовершенствованиях гражданственности и при всем успехе знаний жизнь с ее радостями и печалями, преступлениями и развратом остается та же. Да оттого и остается та же, что прогресс по существу материален и знание витает в сфере принуждения.[a] Духовный мир есть мир свободы, и внутренний прогресс возможен только личный, истекающий из веры. Вопрос, однако, все тот же, что обсуживала печать пять лет назад, только в более широкой форме: внешние условия и внутреннее развитие, и ответ на него правильный тот же, что дан выше об общественных учреждениях и общественной нравственности. Добытая истина, что сумма углов треугольника равна двум прямым, ничего не прибавила человеческой душе против того, что было до Эвклида; печальная весть по существу не станет радостнее от того, передают ли ее по телеграфу или на письме. Социология вывела, что виною всех преступлений бедность и голод (богатые и сытые, должно быть, все добродетельные люди); психология потянула за нею и, обобщив, объяснила, что душа человеческая есть итог внешних влияний. При общей сытости должно произойти общее довольство.[26]

Печатается полностью впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 505. Л. 1—14 об. Впервые напечатано: Письма Н. П. Гилярова-Платонова к кн. Н. В. Шаховскому. II // Ревельские Известия. 1893. 25 марта. № 66. С. 1; 1 апр. № 69. С. 2; 7 апр. № 74. С. 2, с пометкой: «Это то неоконченное письмо, о котором Н<икита> П<етрович> упоминал в приведенном выше письме» (от 22 февраля 1885 г.; см.: *Переписка с Шаховским*. С. 91, 93).

[1] Речь идет о приостановке издания газеты «Русь» в 1885 г. (№ 6 вышел 9 февраля, а № 7 — 17 августа) в связи с полугодовым крымским отпуском Аксакова, вызванным резким ухудшением его здоровья.

[2] Имеется в виду историко-публицистический этюд: *Кн. Н. Ш. <Шаховской Н. В., кн.>*. Лучше ли стало? // Русь. 1885. 19 февр. № 3. С. 13—16.

[3] См.: *Данилевский Н. Я.* Происхождение нашего нигилизма // Там же. 1884. 15 нояб. № 22. С. 12—22.

[4] *Гиляров-Платонов <Н. П.>*. Откуда нигилизм? // Там же. 1884. 15 дек. № 24. С. 13—26. Аксаков так оценивал это вступительное «письмо» Гилярова в конце 1884 г. в письмах к автору: «Ваша статейка — это алансонские тончайшие кружева, и как Вы хотите, чтобы я этой многоценной тончайшей кружевной работе мысли, к которой не знаю человека способнее Вас (и которая совершенно непригодна для тем практических), не дал места?» — и предлагал: «А если Вы напишете хоть десять писем, тем лучше» (*Аксаков в письмах*. Т. III. С. 444, 446).

[5] Очерк «Откуда нигилизм?» и состоит из двух «писем» к издателю.

[6] Рим 14: 4. В Синодальном переводе: «Кто ты, осуждающий чужого раба?»

[a] *Далее зачеркнуто*: а не свободы. Прогресс внутренний возможен только личный.

[7] Имеется в виду знаменитое место из трактата Цицерона «О гадании»: «Очень хорошо известны слова Катона, который говорил, что он удивляется, почему не смеется гаруспик, когда видит другого гаруспика». То есть у Катона речь шла о лицемерных гаруспиках, гадателях по внутренностям птиц, а не об авгурах, гадателях по полету и крику птиц. Именно о смеющихся авгурах упоминал Пушкин в черновых строфах к «Путешествию Онегина» и Лермонтов в «Княжне Мери».

[8] Это выражение в значении «отвращение к жизни» встречается, например, в «Аттических ночах» Авла Геллия (VI, 18) и в «Метаморфозах» Овидия (X, 298).

[9] Упомянуты прославившиеся своими роскошными обедами знатные римские полководцы и политики: Луций Лициний Лукулл, консул 74 г. до н. э., и Марк Лициний Красс (115—53 гг. до н. э.), триумвир.

[10] Ныне считается установленным, что император Тиберий описан Тацитом крайне субъективно. См. об этом: *Вержбицкий К. В.* Образ Тиберия в «Анналах» Тацита и проблема его достоверности // Университетский историк: Альм. СПб., 2002. Вып. 1. С. 27—42.

[11] К этому месту князь Шаховской сделал примечание: «“Я возлюбил правду, ненавижу беззаконие, потому умираю в изгнании”. В этом изречении Н<икита> П<етрови>ч видел “гордую самонадеянность папы, уверенного в непогрешимости и на этом основании присвоившего власть сокрушать царства и господствовать над миром матерьально и духовно”. — “Откуда нигилизм” — “Русь” 1884 г. № 24». Григорий IV — папа римский в 827—844 гг.

[12] Гиляров писал: «Энциклопедист и атеист Пететен (Petetin) умирал со следующим признанием: Nudus veni, dubius vixi, quo vadam nescio. Ens Entium miserere mei (Наг пришел, в сомнении жил, куда пойду — не знаю. Существо Существ, помилуй меня)» (*Сб. соч.* Т. II. С. 185). Ансельм Пететен (1807—1873) — французский публицист.

[13] Эта ламентация содержится в кн. II «Естественной истории» Плиния Старшего (гл. 1, ст. 27).

[14] «Славься, Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя» (*лат.*). По сообщению римского историка Гая Светония Транквилла (в его сочинении «Жизнь двенадцати цезарей», гл. «Божественный Клавдий», ст. 21), этими словами при императоре Клавдии (41—54 гг.) его приветствовали гладиаторы, отправляющиеся на арену.

[15] Упомянута революционная деятельность анархиста Михаила Александровича Бакунина (1814—1876).

[16] Речь идет о победе Константина Великого над Максенцием в 312 г. в битве у Мульвийского моста.

[17] Король вандалов Гейсерих (Гейзерих, Gaisericus; ок. 389—477), правивший в 428—477 гг., взял Карфаген 19 октября 439 г.

[18] Здесь Гиляров, скорее всего, имеет в виду программу социальных реформ О. фон Бисмарка, которую тот называл «прикладным христианством» и «государственным социализмом».

[19] противоречие в определении (*лат.*).

[20] В угловые скобки заключена вставка князя Шаховского карандашом на полях

[21] Видимо, подчеркивается тот факт, что впервые динамит был применен не в Европе, где его изобрел А. Нобель, а в 1867 г. в США при строительстве Тихоокеанской железной дороги — для прокладки полотна через хребет Сьерра-Невада.

[22] Речь идет об основных событиях Реформации в Англии, произошедшей в 1530-х гг. при короле Генрихе VIII «сверху».

[23] Очевидно, имеется в виду Российское Библейское общество, занимавшееся распространением и переводом Библии (1813—1826).

[24] Подразумевается Франция, находящаяся по другую сторону Ла-Манша от Великобритании.

[25] Имеется в виду выражение маркиза Астольфа де Кюстина «Россия — фасадная империя» («Un empire de façades»), употребленное в его книге «La Russie en 1839» (Paris, 1843). Возможно, Гиляров отталкивался от одной из передовиц И. Аксакова из газеты «День» (от 27 января 1862 г.), в которой отмечалось: «Справедливо сказал один путешественник, что Россия есть царство фасадов» (*Аксаков*. Т. II. С. 24).

[26] Здесь письмо обрывается. Князь Шаховской по этому поводу замечал: «На этом прерывается замечательное письмо, которое ответило уже на поставленный вопрос. “Не много остается, чтобы кончить”, — говорил об этом письме Н<икита> П<етрович> в вышеприведенном 1-м письме. Какая жалость, что смерть помешала Н<иките> П<етровичу> развить свою мысль; мы имели бы драгоценный памятник истинно самостоятельной русской мысли» (Ревельские Известия. 1893. 7 апр. № 74. С. 2). Судя по этим словам, данное письмо так и не было отправлено адресату, а обнаружилось в бумагах Гилярова уже после его кончины.

2 (13)
Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Москва, 9 апреля 1885 г.

Москва, 9 апреля 1885.

Дорогой Николай Владимирович.

Вы знаете о каре, меня постигшей.[1] Но на меня стряслась еще другая беда, худшая, в которой я прошу Вас помочь мне. По неисправности моей во взносе процентов (которая в свою очередь произошла вследствие неимоверно тугих обстоятельств) залогодатель, которому принадлежит залог за «Современные Известия», требует залог обратно, и мне дано всего две недели срока для внесения нового залога. Другими словами, через две недели «Современные Известия» или должны идти под цензуру, или остановиться, помимо административного взыскания.

Залогодатель — хороший человек, Василий Александрович Лебедев,[2] профессор Петербургского университета, живет на Васильевском острову,[a] 5-я линия, дом 2 (кажется, так). Я ему пишу от сего же числа письмо, посылаю в нем счета для получения следующих мне платежей, с излишком равных по сумме процентам, следовавшим с меня за прошедший год, и прошу его 1) проценты за текущий год подождать до мая месяца; 2) подать обратное заявление в Главное Управление по делам печати, то есть о том, что он оставляет залог, отказавшись от требования. Сделайте милость, родной, съездите немедленно и упросите его немедленно же это сделать. Не только в две недели, но и в месяц (на который приостановлена газета) я не в состоянии буду приискать нового залога при те-

[a] *Далее зачеркнуто*: 2-я.

перешнем моем положении, в котором я, к несчастию, совсем лишен кредита. Если я успокоюсь с этой стороны, тогда я буду ходатайствовать о сокращении мне срока кары, в чем, надеюсь, мне не откажут. А без этого руки отваливаются. Между тем время для газеты теперь самое горячее: интерес в публике пробудился.

Итак, съездите к Лебедеву и *немедленно* меня уведомьте о результате.

Еще просьба, требующая не столь немедленного исполнения. «Из прожитого», первую часть которого я надеюсь <закончить> в неожиданно выпавшие мне неприятные каникулы, хотел бы я издать отдельной книгой, не возьмется ли Суворин?[3] Наведите, родной, справку.

В ожидании ответа

Ваш Н. Гиляров-Платонов.

Анна Михайл<овна> Вам кланяется. По моему совету, она должна была обратиться к Вам за советом по одному своему делу.[4]

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 502. Л. 11—12.

[1] 6 апреля 1885 г. «распоряжением управляющего Министерством внутренних дел» газета Гилярова была приостановлена на месяц (см.: *ПВ*. 1885. 7 апр. № 75. С. 1) за публикацию корреспонденции К. К. «Из Тифлиса» (*СИ*. 1885. 2 апр. № 88. С. 1). В ней рассказывалось о неоправданно жестоких, унижающих личное достоинство воспитанников, порядках в Тифлисской духовной семинарии, приведших к тому, что доведенный до отчаяния один из семинаристов — заканчивавший курс Сильвестр Джибладзе (в статье он назван Финбладзе) — 12 марта напал на ректора протоиерея П. И. Чудецкого и избил его. (Благодаря хлопотам помощника Государственного контролера Т. И. Филиппова, к которому Гиляров обратился за помощью, срок наказания газеты был сокращен вдвое.) См. подробнее: *Переписка с Филипповым*. С. 332, 352—357.

[2] Василий Александрович Лебедев (1833—1909) — кандидат прав Казанского университета (1857), с 1866 г. преподаватель (с 1886 г. профессор) финансового права С.-Петербургского университета.

[3] Книга «Из пережитого» была издана (в 1886—1887 гг.) не А. С. Сувориным, а кредитором Гилярова московским купцом М. Г. Кувшиновым.

[4] В чем состояла просьба А. М. Гальперсон, установить не удалось.

3 (14)
Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Село Черкизово Московского уезда, лето 1885 г.

Я не за тридевять земель, а в Черкизове, лежащем непосредственно за Преображенской заставой.[1] В Москве не бываю. Если Ваша милость будет навестить меня, буду рад несказанно, и всегда Вы меня застанете.

А Вы надолго ли?

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 503. Л. 14. Записка написана карандашом. Датируется предположительно по времени приобретения дачи в Черкизове (Гиляров, упоминая о ней, указывает ее месторасположение — как еще незнакомое князю Шаховскому, которому регулярно сообщал о событиях своей жизни).

[1] *Черкизово* — крупное село к востоку от Москвы, известное с XVI в.; ныне исторический район между Преображенской площадью (бывшая застава) и Щелковским шоссе. Так же называлось родовое гнездо предков Гилярова — село Черкизово Коломенского уезда (видимо, это обстоятельство сыграло свою роль, когда он собрался приобрести новую дачу).

4 (15)
КНЯЗЬ Н. В. ШАХОВСКОЙ — Н. П. ГИЛЯРОВУ-ПЛАТОНОВУ
С.-Петербург, 2 октября 1885 г.

Мойка 73 2/X. СПб.

Дорогой Никита Петрович,

я был в Департаменте Полиции и говорил по делу Навродского.[1] Там взгляд на молодого человека не особенно благодушный, так что теперь нельзя заводить речи о помиловании. Что же касается до жительства его при родителях, то, по всем вероятиям, отцу нетрудно будет это устроить. Пусть он явится в Департамент Государственной Полиции и обратится к секретарю Зволянскому,[2] который и сведет его к Директору Дурново.[3]

Затем я говорил с начальником раскольничьего Отделения М<инистерства> В<нутренних> Д<ел>[4] о том, что раскольники, признающие брак, хотят подать прошение о пересмотре устава. — Он мне сказал, что, конечно, Министерство готово сделать все в пользу умеренных и в ущерб крайним, а потому пусть они явятся и подадут прошение в Министерство Внутренних Дел, а генерал-губернатору Московскому[5] — лучше сделают — если не подадут.

Конечно, Вам известно о новом законе касательно государственного языка в Прибалтийском крае.[6] Отчего бы Вам не сказать по этому поводу несколько теплых слов? Надо надеяться, что после этой меры дадут хоть какое-нибудь место русскому языку и в народных школ<ах> Остзейского края.

В Питере все с ума сходят от скандального процесса Мироновича.[7] Тоже жду от Вас статью по этому поводу.[8] Для меня сомнений нет, что убила психопатка и останется все-таки безнаказанной, как раз уже оправданная по суду. Мирович же ни за что ни про что отбыл два года тюремного заключения. По моему мнению, это вопиющая небрежность суда и ужасающий произвол.

Будьте, голубчик, здоровы и не забывайте искренно Вас

любящего Н. Шаховского.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 720. Л. 25—26 об. Датируется по упоминанию процесса Мироновича.

[1] Неустановленное лицо.

[2] Сергей Эрастович Зволянский (1854—1912) — выпускник Училища правоведения, участник Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. В июне 1883 г. поступил на службу в канцелярию Департамента полиции в должности секретаря; с 1887 г. — делопроизводитель Департамента полиции, с 1895 г. — вице-директор, в 1897—1902 гг. — директор Департамента полиции; позднее сенатор, тайный советник.

[3] Петр Николаевич Дурново (1845—1915) — видный государственный деятель, министр внутренних дел (1905—1906). Пост директора Департамента полиции Дурново занимал в 1884—1893 гг.

[4] Это отделение (второе, занимавшееся старообрядческими делами) входило в состав Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД, располагавшееся в здании Министерства на наб. Фонтанки, 57; его возглавлял действительный статский советник Иван Викторович Коренев.

[5] Подразумевается московский генерал-губернатор князь Владимир Андреевич Долгоруков (1810—1891), занимавший этот пост в 1865—1891 гг.; он был известен своим самоуправством, мог, скорее всего, не дать хода прошению старообрядцев. Предположительно (судя по заинтересованности Гилярова в этом деле) оно исходило от его друга, бывшего наставника федосеевского согласия Гаврилы Васильевича Сенатова, к тому времени разуверившегося в беспоповстве с его требованием безбрачия.

[6] Гиляров исполнил пожелание князя Шаховского, опубликовав подпередовую статью по этому вопросу: *СИ*. 1885. 10 окт. № 261. С. 2. Однако он требовал более радикальных нововведений: «Введением русского языка в официальное употребление и преобразованием городского устройства законодательство сделало половину дела, необходимого для объединения балтийских губерний с сердцем России. <...> За введением государственного языка в делопроизводство должно следовать, должно бы даже предшествовать ему, введение того же языка в учебное употребление...» При этом Гиляров удивлялся, «почему с Дерптским рассадником германизма церемонятся» и предлагал закрыть университет.

[7] Имеется в виду крайне запутанное, до сих пор неясное в своих деталях дело бывшего полицейского И. И. Мироновича, владельца ссудной кассы на Невском пр., д. 57, обвиненного в убийстве 13-летней дочери его приказчика Сарры Беккер, якобы совершенного им в ночь на 27 августа 1883 г. Первый процесс по делу проходил в С.-Петербургском окружном суде с 27 ноября по 3 декабря 1884 г., вердиктом присяжных Миронович был признан виновным и осужден на 7-летние каторжные работы. По его кассационной жалобе в Сенат, с 23 сентября по 2 октября 1885 г. состоялся новый процесс с тем же составом присяжных (о нем и идет речь в письме князя Шаховского). Миронович был освобожден из-под стражи прямо в зале суда.

[8] В день написания письма князем Шаховским Гиляров опубликовал небольшую подпередовую о процессе по делу Мироновича, где говорил о его необычайной запутанности: *СИ*. 1885. 2 окт. № 253. С. 2; и следом еще одну: Там же. 1885. 3 окт. № 254. С. 2, в которой определял «отношение публики к процессу и даже суда» как «несколько психопатическое».

5 (16)
КНЯЗЬ Н. В. ШАХОВСКОЙ — Н. П. ГИЛЯРОВУ-ПЛАТОНОВУ
С.-Петербург, 30 ноября 1885 г.

30/XI 85 СПб. Клинический Институт В<еликой> К<нягини>
Елены Павловны. Кирочная.[1]

Дорогой Никита Петрович,

вероятно, до Вас еще не долетела весть о внезапных бедствиях, меня постигших. В конце октября я заболел брюшным тифом и по сие время обретаюсь в Клини-

ческом Институте Елены Павловны, куда меня стащили для лечения, ибо в меблированных комнатах[2] положение мое было совершенно безвыходным. В больнице я было стал довольно быстро поправляться, но от непонятных причин со мной приключился рецидив, который на две с лишком недели снова уложил меня в постель. Сегодня первый день, что мне позволено сидеть, и я тороплюсь воспользоваться этой малой долей свободы, чтобы отвечать на Ваше письмо.

Само собою разумеется, что Вы, как всегда, можете рассчитывать на полную с моей стороны готовность помочь Вам в осуществлении Вашего желания. В.[3] здесь, но он еще у меня не был. Брат[4] говорил мне, что он собирается ко мне зайти, — тогда я с ним переговорю и сообщу Вам его ответ и требования. Его адрес: Спасская, д. № 6.[5] Адрес графа Николая Павловича:[6] Мойка № 26.[7] Я с своей стороны время от времени могу присылать Вам заметки о Прибалтийском крае. Как Вам нравятся мои письма в «Москов<ских> Вед<омостях>»?[8]

Затем я могу под сурдинкой сообщать о ходе работ по разбору дел Кахановской комм<иссии>,[9] ибо в этих разборах я, вероятно, буду принимать участие.

Впрочем, все это не ранее, как в будущем году. Когда я буду в силах выйти из больницы — я на месяц уеду из Петербурга в Ревель[10] и там буду поправляться в уединении и вести гигиеническую жизнь, столь необходимую после тифа.

Пока до свиданья, дорогой Никита Петрович, от всего сердца желаю успеха Вашему делу и надеюсь, что оно пойдет прекрасно.

Ваш Николай.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 720. Л. 13—14.

[1] Клинический институт великой княгини Елены Павловны был открыт 2 июня 1885 г. в доме 41 по Кирочной улице. Ныне здесь — Медицинская академия последипломного образования.

[2] Имеется в виду доходный дом по наб. Мойки, 73, где жил князь Шаховской.

[3] Неустановленное лицо. Судя по контексту, предполагалось участие этого знакомого князя Шаховского в «Современных Известиях» в качестве корреспондента.

[4] Скорее всего, имеется в виду средний брат Н. В. Шаховского князь Лев Владимирович Шаховской (1849—1897), публицист и историк, женатый на дочери М. Н. Каткова Варваре, служившей фрейлиной при Дворе.

[5] В 1894 г. этот дом принадлежал вице-адмиралу Федору Гедеоновичу Стаалю (см.: Адресная книга города С.-Петербурга на 1894 г. СПб., 1894. <Отд. I>. Стб. 189).

[6] Имеется в виду генерал-адъютант граф Николай Павлович Игнатьев (1832—1908), в тот период (1884—1888) президент Общества для содействия русской промышленности и торговли, ранее — дипломат-панславист (1856—1878), министр государственных имуществ (1881) и внутренних дел (1881—1882).

[7] Дом принадлежал Министерству иностранных дел (см.: Адресная книга города С.-Петербурга на 1894 г. <Отд. I>. Стб. 20).

[8] Подразумевается цикл статей, из которых к 31 ноября увидели свет три первые: *Русский <Шаховской Н. В., кн.>*. Наши прибалтийские дела // *МВед*. 1885. 17 нояб. № 318. С. 3—4; 18 нояб. № 319. С. 3—4; 26 нояб. № 327. С. 4. Князь Шаховской призывал к русификации Прибалтики; в первой статье цикла он констатировал: «Остзейский край в сущности есть отдельный мирок, ничего общего с Империей не имеющий... <...> Это

небольшое государство в государстве. <...> Балтийские провинции представляют из себя ныне некий эдем для поселившихся в них потомков рыцарей немецкого происхождения» (с. 3—4). Большое внимание было уделено судьбам Православной церкви в крае. (Псевдоним князя Шаховского «Русский» не указан в Словаре Масанова.)

[9] Под этим названием известна *Особая комиссия для составления проектов местного управления,* Высочайше утвержденная, под председательством статс-секретаря Михаила Семеновича Каханова (1833—1900), от 20 октября 1881 г. Комиссия вырабатывала законопроекты о преобразовании губернских и уездных административных учреждений, а также о соответственном изменении учреждений земских, городских и крестьянских. Еще до окончания своих работ, 1 мая 1885 г., комиссия была закрыта. Министерство внутренних дел взяло разработку реформы в свои руки и, видимо, в этой преобразованной, уже не собственно Кахановской, комиссии предполагал работать князь Шаховской.

[10] Князь Н. В. Шаховской поехал именно в Ревель (ныне Таллин), поскольку пост эстляндского губернатора в тот период (1885—1894) занимал его старший брат князь Сергей Владимирович Шаховской (1852—1894).

6 (17)
КНЯЗЬ Н. В. ШАХОВСКОЙ — Н. П. ГИЛЯРОВУ-ПЛАТОНОВУ
Ревель, 27 января 1886 г.

Ревель 27/I. 86.

Дорогой Никита Петрович,

я вам пообещал написать что-нибудь об прибалтийских делах. Плохое еще состояние моего здоровья, недостаток сил не позволяют мне вникать подробно в жгучие вопросы дня, да, по правде сказать, их и поубавилось-таки за последнее время. Видя, что с ними не шутят, балты становятся сговорчивее и менее ершатся, хотя ни одного посягательства на т<ак> н<азываемые> права свои и привилегии[1] не спускают без боя. — Я теперь хочу поделиться с Вами прежней своей работой. Минувшею осенью я изучал религиозное положение Эстляндии. Мне хотелось для себя выяснить, насколько созрело в народе убеждение в превосходстве православия перед лютеранством и насколько благоприятны шансы к массовому переходу эстонцев в лоно православия. Для этой цели необходимо было познакомиться с существующим в губернии положением Лютеранской церкви, отношение<м> л<ютеранского> духовенства к пастве, а также народа к своим духовным господам. Черпать необходимые сведения из немецких источников не представлялось возможным, ибо можно было наперед с уверенностью сказать, что освещение и подбор данных будут односторонними.

К счастью, в прошлом году вышла книжка Остерблома «Новейшие религиозные движения в Эстляндии». Остерблом — псевдоним, его настоящая фамилия Трусман.[2] Он эстонец по происхождению, воспитан в православн<ой> духовн<ой> академии, где кончил курс со степенью доктора богословия.[3] Ныне он занимает место цензора в городе Ревеле. Эта книжка Трусмана и послужила для меня единственным руководством, к которому я мог отнестись с доверием. При-

лагаемые при сем листы представляют из себя довольно подробное извлечение из сочинений Трусмана. Я посылаю Вам их, ибо книжка Трусмана напечатана не для публики и в продаже не имеется, а между тем матерьял, в ней заключающийся, представляет существенный интерес ввиду имеющего быть несомненно широкого разлива в крае православия.[4]

Только что написал эти строки, как прочел телеграмму о кончине Ивана Сергеевича...[5]

Умер лучший русский человек, и в нем угасло честное русское направление. Семья Аксаковых блеснула в русской исторической жизни своими талантами и высокими душевными качествами, блеснула и погасла. Без Ив<ана> Сер<геевича> сиротство будет чувствоваться долго. Самородки, люди крепкие духом и независимые уходят. Кто явятся к ним на смену?? Страшно становится от этого оскудения. Однако же надо подумать об том, чтобы обтрепанное, истерзанное ненавистниками, но все же доблестное и честное знамя, которое высоко держал Иван Сергеевич, не было сдано в архив исторических памятников. Ведь на этом знамени начертано: Православие, самодержавие, народность. Матерьял, из которого было сделано знамя: любовь к отечеству и его слава, правдивость, искренность, честность. Такое знамя нельзя передать в чьи-либо шаткие, неопытные, неуверенные руки. «Русь»[6] не должна погибнуть. Иначе погибнет традиция, преемство, т. е. то, чем держится и живет известное начало. Нельзя же так-таки похоронить незабвенного Ивана Сергеевича с тем, что он носил в своем сердце. Ив<ан> Серг<еевич> не был мыслитель, он жил и думал одним сердцем, а сердце не умирает, не должно умирать...

Дорогой Никита Петрович — я убежден, что Вы один в силах поднять опять падающее знамя и дать ему должный авторитет. При Вашем уме, Ваших познаниях и Вашем сердце Вы это сделаете. За Аксаковым при всех высоких качествах его души стояло то, что он Аксаков, а не другой кто. Но Вы принадлежите к тому же кружку, Вы связаны узами тесного общения с представителями т<ак> н<азываемого> славянофильского направления. Подберите стяг и водрузите его опять на прежнее месте. Мы за Вами пойдем и сделаем, что только возможно, чтобы он сиял и горел по-прежнему. Нравственная маета без Ивана Сергеевича, его свободного слова мне представляется понятием столь же несообразным, как внешняя Москва без Ивана Великого, Сухаревой башни или Царя Колокола.[7]

Москва хоронит Ивана Сергеевича Аксакова.... Часть сути своей она закапывает в землю. Она прощается с частью своего значения — для России это горе вообще, но личное как-то еще больнее. Будучи в Москве, не бывать у Ивана Серг<еевича>, не слушать его, не беседовать с ним, не находить опоры, поддержки и похвалы в лучших сторонах человеческой своей сути! Больно и обидно. —

Прощайте, дорогой Никита Петрович. Христос с Вами. Напишите мне несколько строк и сообщите известные Вам подробности этого горького события, а также что Вы намереваетесь предпринять.

Весь Ваш Н. Шаховской.

Печатается впервые полностью по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 721. Л. 3—6 об. Фрагмент о кончине И. С. Аксакова напечатан: Письма Н. П. Гилярова-Платонова к кн. Н. В. Шаховскому. IV // Ревельские Известия. 1893. 8 апр. № 75. С. 1, а также в составе вступительной статьи О. Л. Фетисенко к ее публикации: Переписка И. С. Аксакова и С. Ф. Шарапова (1883—1885) // Русская литература. 2005. № 1. С. 151.

[1] Когда в ходе Северной войны 1700—1721 гг. Прибалтика вошла в состав России, капитулировавшему и присягнувшему Петру I лифляндскому рыцарству было обещано, что в регионе сохранится главенствующая роль немецкого дворянства, Лютеранской церкви и немецкого языка. Действия князя С. В. Шаховского на посту губернатора создали ему репутацию обрусителя края и борца с привилегиями «остзейских баронов».

[2] Георгий Георгиевич Трусман (1854—1930) — специалист по чудской истории, филологии и этнографии.

[3] Князь Шаховской ошибается: Трусман окончил в 1883 г. курс С.-Петербургской духовной академии кандидатом богословия, в следующем году защитил магистерскую диссертацию.

[4] Гиляров опубликовал присланный князем Шаховским конспект: *-ский*. Религиозный вопрос в Эстляндии // *СИ*. 1886. 12 февр. № 42. С. 2—3; 17 февр. № 47. С. 1—2. (Псевдоним не указан в Словаре Масанова.) Сделав краткий исторический экскурс в средневековое прошлое края, князь Шаховской делает подстрочное примечание: «Все дальнейшие сведения о нынешнем религиозном положении Эстляндии мы заимствуем из книги Юлия Остерблома (псевдоним) — эстонца по происхождению: “Новейшие религиозные движения в Эстляндии”. СПб. 1885 г.».

[5] И. Аксаков скончался 27 января 1886 г.

[6] Еженедельная газета «Русь» издавалась И. Аксаковым с 15 ноября 1880 г. по день его кончины.

[7] Названы московские достопримечательности: *Иван Великий* — самая высокая звонница Москвы, возведенная в 1600 г. на территории Кремля, названа по церкви Иоанна Лествичника, находящейся в нижнем ярусе колокольни; *Сухарева воротная башня*, сооруженная в 1695 г. близ Стрелецкой слободы полка Л. П. Сухарева, разобрана в 1934 г.; самый большой в мире *Царь-колокол*, отлитый в яме на Ивановской площади Кремля в 1735 г. И. Ф. и М. И. Моториными, весит свыше 12 тыс. пудов; в 1836 г. он был поднят и водружен на постамент, сооруженный по проекту А. А. Монферрана.

7 (18)
Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Москва, 28 января 1886 г.

28 января 1886, Москва.

Дорогой Николай Владимирович,

В письме к брату Вашему я выразил недоумение о том, куда направить мое письмо, в Ревель, значащийся в заголовке Вашего письма, или в Петербург.

Вы недовольны корреспонденциею о Тилло[1] и подозреваете, не сам ли он даже писал. Нет, но достойно внимания, что корреспондент приписал конфиденциальную для меня оговорку, что «панегирик Тилло написан в противодействие немцам, чтобы осадить их». Что-то вроде этого. Тогда я не понял этой

оговорки; Ваши слова мне ее объясняют. Может быть, корреспондент вел хлебсоль с Тилло или что-нибудь подобное.

Вы извиняетесь в длинноте своего письма. Она действительно непростительна, и я Вам не прощу. О каком-нибудь Тилло, о каком-нибудь корреспонденте исписал целых *три* листа! Это ужасно. Вам достаточно было написать три строки о Тилло, а остальное посвятить более интересным предметам; у Вас непременно куча новостей, предположений, затруднений и проч. и проч. и проч. Хотя Вы и обещаетесь написать, да я Вам не верю и потому длинноты повествований о Тилло не прощаю.

Помимо Тилло, корреспондент хороший человек; я его давно знаю, без малого тридцать лет.[2] Имени Вашего не скажу, но уведомлю его, что панегирик его не одобряется, и вызнаю, не дружен ли был он с Тилло.

А сейчас я, родной, с панихиды об Аксакове, скончавшемся (как Вы знаете, вероятно) вчера почти скоропостижно. Очень жаль и очень тяжело. Убираются понемногу старые богатыри. А курносая смотрит на меня и кивает, говорит: за тобой черед.

Скверно. Обнимаю Вас.

Н. Гиляров-Платонов.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 502. Л. 13—13 об.

[1] Речь идет о неподписанной публикации: Из Ревеля. *14 января*: Отъезд вице-губернатора. Интриги балтов и нахальные выходки против него местной немецкой газеты // *СИ*. 1886. 20 янв. № 19. С. 3. В ней рассказывается о трехлетнем пребывании в крае Адольфа Андреевича Тилло (1846—1918) (сначала советника Губернского правления, затем — вице-губернатора), которое, по словам корреспондента, «составляет, так сказать, эпоху в летописи Прибалтийского края». И далее в возвышенном тоне, в частности, сообщалось, что в отсутствие губернатора «он стойко и мужественно управлял губернией, окруженный немецкими чиновниками и преследуемый кознями ненавидевших его баронов и других классов немецкого населения». К 14 января Тилло, оставив Ревель, убыл к новому месту службы в Саратов. Князю Шаховскому, старший брат которого князь Сергей Владимирович был непосредственным начальником Тилло, очевидно, этот чиновник был известен с другой, неприглядной, стороны.

[2] Имеется в виду педагог и публицист Александр Александрович Чумиков (1819—1902), сотрудничавший с «Современными Известиями» с 1870 г. См. письмо Чумикова к Гилярову из Ревеля от 30 октября 1885 г. (ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 47. <№ 8>. Л. 1—2).

8 (19)
Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Москва, 2 февраля 1886 г.

Москва, 2 февраля 1886.

Дорогой Николинька (извините, что я Вас так называю), приехавши из Троицы с последних проводов Аксакова, я нашел Вашу посылку и в ней письмо; пробежал его и сейчас же отвечаю на то, что прямо ко мне относится. «Подни-

мите упавшее знамя», — вот что Вы пишете. В близком к тому же смысле читаю я еще в письме из Киева;[1] слышал вроде того от одного приятеля в Москве. В этих благожеланиях, ко мне обращенных, я нахожу недоразумение. Что значит поднять знамя? Разве я нес какое-нибудь другое? Или я должен изменить своему направлению, если оно было какое другое?

«Русь» не должна погибнуть, говорите вы. «Русь» считает себе пять лет, а с 1868 по 1881 Аксаков не издавал ничего.[2] С прекращением «Москвы» знамя исчезло, валялось под лавкой? Нет, потому что Аксаков был жив, и Вы чрезвычайно верно заметили, что с потерею Аксакова Москва потеряла часть значения. То есть именно как Аксакова, а не как редактора «Руси»; то есть он оставался тою же Сухаревою башнею, тем же Иваном Великим (употребляю Ваше сравнение), как и без газеты.

Итак, Аксаков невозвратим. И вникните: что ему давало значение? Статьи ли его? Нет, совсем нет; статьям его придавалось значение, потому что они исходят от Аксакова. Россия и Европа признали его представителем и вождем известного направления (а Европа — даже партии). Признав бытие такого направления, такой партии, предположили в ней известную силу и стали к ней прислушиваться, отчасти даже бояться. В своей поминальной, первой о почившем статье я сказал, что слово его «звучало для иных укором совести, для других было нравственною уздою».[3] Другими словами: в нем олицетворили славянофильство (он и был его прямым выразителем и продолжателем), за которым признали честность, а некоторые и правду (то есть за направлением): вот и значение Аксакова.

Итак, родной, голубчик, сила Аксакова не в нем была, а в тех, кто его признавал. Вы понимаете, что я не отрицаю его дарований и его общественных подвигов, но если позволите уже продолжить Ваше сравнение, то в Москве, сверх Ивана Великого и Сухаревой башни, есть еще терема, и Вы их не назвали. Обращусь к другим образам в том же сравнении. Когда я в прошлом году уговаривал покойного издавать русский «Times» вдвоем со мною;[4] когда я уговаривал капиталистов, что орган будет иметь чрезвычайное значение, если во главе будет стоять имя Аксакова, я прибавлял: Аксаков есть имя европейское; приезжий иностранец смотрит в Москве Царь-пушку[5] и Царь-колокол и ищет случаев видеть Каткова и Аксакова. Но в том же Кремле есть пушка Единорог;[6] об ней не говорят, и гиды ее не упоминают. Я о себе не великого мнения, но, однако, и не маленького, но я не признан, вот что, родной! Я в положении какого-то Дон Карлоса.[7] Аксаков меня ценил, ставил меня очень высоко; во многих случаях я был для него авторитетом. Мало того: покойный Ю. Ф. Самарин склонялся предо мной[8] (по моему мнению, даже сверх заслуженного); для Хомякова я был даже *единственным* человеком, с которым он признавал полное свое согласие.[9] И однако Д. Ф. Самарин,[10] например, смотрит не то косо, не то сухо. Когда Аксаков начал издавать «Москву»[11] и предложил мне писать руководящие статьи с неограниченною властью (я и писал их), он выбрал в официальные заместители себя по редакции — Н. А. Попова!!![12] Этого пустомелю, ничтожнейшего из профессоров, и не заикнулся ни раза мне предложением соредакторства. Не-

многие знали даже, что некоторые из самых серьезнейших передовых принадлежали мне. Итак, Единорог оставлен был в тени. Не помню, чуть ли даже я не жаловался Вам, что дух мой падает иногда при сознании, что у меня нет учеников, что меня игнорируют и что потому я бесполезен. Кончина Аксакова и восклицания, которые слышу: «Поднимите знамя», воскрешают эту мысль снова. Я игнорирован, я замолчан: неославянофилы, народившиеся, когда я был уже в цвете сил (вроде Ламанского и Миллера[13]), имеют обо мне только внешнее понятье, благоволят знать только понаслышке; покойный Гильфердинг, в глазах моих, Хомякова и К. Аксакова, мальчик некогда и ученик, умер превознесенным и препрославленным; он был авторитет и председатель Славянского общества.[14] Я не авторитет ни для кого; ни раза никто меня не назвал кандидатом на выдающееся общественное положение.

Прибавлю еще мелочь в существе, но она дорисовывает положение. Покойному Государю меня нужным сочли представить как одну из московских умственных сил.[15] Но дать обо мне понятие настоящему ни тогда, когда он был Наследником, ни по его воцарении никто не догадался, и бывший друг Константин Петрович <Победоносцев> ни раза мне об этом не заикнулся. Недавно я узнал, что Бартенев произведен в генералы (из Коллежских Ассессоров в Действительные Статские) за издание «Архива».[16] Это рекомендует мелочность Бартенева, но не лишено значения, что Бартенев запасается известным весом наверху, обеспечивающим ему и общественное положение: с ним постеснится начальство поступить, как с другим-третьим ввиду *личной известности*.

«И Вы погибли бы, как погибли тысячи других, которых я не знаю... Но у Вас есть друзья...»[17] и проч. Вот что некогда сказал Николай Павлович Самарину, привезенному из Петропавловской Крепости к нему в кабинет. Да, у Самарина были друзья, и он был двоюродный брат таких-то, племянник таких-то, и ему не дали сгнить в крепости. И Аксакова положение социальное таково было, что его нельзя было забельшить как иголку. Он был известен Двору; Анна Федоровна[18] там и выросла; товарищи и знакомые — на высших степенях государственной службы; словом, большие связи и притом даже не в России только, — вот что давало ему значение вождя и влияние до известной степени, по крайней мере отрицательное. В этом смысле положение Аксакова не повторится, и не от меня уже, милейший мой, это зависит.

Прибавлю к этому: Аксаков *должен был* умереть, *не мог не умереть*.[19] Я намекнул об этом, сказав, что к причинам смерти его должно отнести страдание, причиненное восточной политикой (моя первая о нем статья).[20] Это несомненно. Помимо негодования, которое в нем возбуждалось подлым, унизительным, предательским направлением дипломатии, в нем не могло не произойти разочарования. Он не признавался в этом; он отбивался, но в глубине души не мог же не чувствовать, что идеал славянского братства, начертанный его учителями (Хомяковым и К. Аксаковым), разлетается; на распростертые объятия «братья» отвечают пренебрежением, завистью, коварством, зложелательством. Пусть виноват Берлинский трактат[21] и позорная дипломатия; пусть верно (до известной

степени, однако, только), что нельзя отожествлять народов с правительствами, но... Вот этого-то «но» он не мог не чувствовать, и он умер, как умер Хомяков и К. Аксаков накануне освобождения крестьян,[22] как Самарин унесен смертию накануне второй Восточной войны.[23] Теперь тоже канун, и если не 27 января, то в марте, в апреле, нынешним годом во всяком случае, Аксаков перестал бы жить. Тот пост, который занимал он в Славянском вопросе, во всяком случае, бы пустовал. Русское великодушие к славянам упраздняется самими обстоятельствами, самою историею. Я это предсказывал еще в 1878 году,[24] я об этом настаивал: но кому же нужно было меня слушать?

О последних часах Аксакова Вы узнаете из газет; я прибавить мог бы немногое. Да и рука устала, и бумаги не хватает. Благодарю, друг, за присылку тетради[25] и за теплые Ваши строки. Тетради еще не развертывал.

Куда же, однако, направлять Вам газету? Надолго ли Вы в Ревеле?

Кланяйтесь Вашему брату; письмо мое[26] (с вложенным письмом к Вам), вероятно, он получил.

Обнимаю Вас. Н. Гиляр<ов-Платонов>.

Печатается по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 502. Л. 14—17 об. Впервые это письмо было напечатано с купюрами А. М. Гальперсон (*РА*. 1889. Кн. III, вып. 10. С. 267—269), а затем переиздано самим князем Шаховским (также с некоторыми пропусками: *Сб. сот*. Т. II. С. 516—518) и нами в составе комментариев к изданию: *Из пережитого*. Т. 2. С. 488—490.

[1] Подразумевается письмо от И. Ф. Романова-Рцы (не сохранилось).

[2] Неточность: последний номер аксаковской газеты «Москва» действительно вышел в 1868 г. (22 октября), однако газета «Русь» издавалась не с 1881-го, а с 1880 г. (15 ноября).

[3] Не вполне точная автоцитата из поминальной редакционной статьи об И. Аксакове: Москва, 28 января: Дневное обозрение // *СИ*. 1886. 29 янв. № 28. С. 1; републикована нами: *Из пережитого*. Т. 2. С. 215—217.

[4] См. об этом проекте «большой московской газеты» обстоятельную публикацию Д. А. Бадаляна: «Мы с Вами — последние могикане...»: Н. П. Гиляров-Платонов, И. С. Аксаков и проект новой общероссийской газеты в письмах и документах 1884 г. // *Гиляров: ИМБР*. С. 614—635.

[5] Царь-пушка калибром 890 мм была отлита из бронзы в 1586 г. мастером Андреем Чоховым и установлена в Китай-городе для обороны переправы через Москву-реку. С начала XVIII в. находилась во дворе кремлевского Арсенала, в 1835 г. отлиты декоративный лафет и чугунные ядра. Ныне помещается близ собора Двенадцати Апостолов в Москве.

[6] Имеется в виду тяжелая пушка из кремлевской коллекции — «Инрог», или «Единорог», отлитая в 1670 г. московским мастером Мартьяном Осиповым и названная в честь сказочного зверя (чудовища с телом быка или лошади). Ее калибр — 225 мм, длина — 7,56 м, а вес — 12,76 т. Пушка украшена пышным орнаментом из листьев и трав, среди которых изображены фигуры людей и медведей. На дульной части справа — рельефное изображение единорога. Ствол покоится на чугунном декоративном лафете, отлитом в 1835 г. на заводе Чарльза Берда.

[7] Дон Карлос (1545—1568) — наследник испанского престола, находившийся в ссоре со своим отцом, королем Филиппом II, и умерший в заточении в возрасте 23 лет. Его судьба легла, в частности, в основу драматической поэмы Фр. Шиллера «Дон Карлос» (1783—1787) и созданной на ее основе оперы Дж. Верди (1867).

[8] О взаимоотношениях Гилярова с Самариным см. главу 3.8. Именно Самарин, очень ценивший Гилярова как философа и богослова, в свое время вызывал его на публичное обсуждение популярного среди шестидесятников бюхнеровского материализма. В № 2 «Дня» от 21 октября 1861 г. Самарин опубликовал знаменитое «Письмо о материализме к Н. П. Гилярову-Платонову»; в тот же период они трудились над совместным переводом с французского богословских брошюр Хомякова. Гиляров посвятил Самарину поминальную передовую статью: Москва, 20 марта // *СИ*. 1876. 21 марта. № 78. С. 1—2. Позднее в газете был помещен его же отклик на похороны Самарина: Москва, 30 марта // Там же. 1876. 31 марта. № 88. С. 1—2.

[9] О взаимоотношениях Гилярова и Хомякова см. главу 3.7. О своей близости к Хомякову Гиляров упоминал и в своих мемуарах: «И я и Алексей Степанович часто поражались до буквальности иногда доходившим сходством некоторых наших воззрений и отыскивали причину» (*Из пережитого*. Т. 1. С. 206).

[10] Младший брат Ю. Ф. Самарина, общественный деятель и гласный московского земства Дмитрий Федорович Самарин (1831—1901), публицист и издатель, недолюбливал Гилярова, считая, в частности, его неправым в немногих конфликтах, которые случались у него с Ю. Ф. Самариным. Тому же Романову-Рцы Гиляров писал 2 ноября 1886 г. об одном из них: «...Юрий Федорович заносился на меня по поводу того, что я посмел коснуться кн. Щербатова в его деятельности по городскому управлению» (*Письма к Рцы*. С. 248). Князь А. А. Щербатов был московским городским головой в 1863—1869 гг., и его деятельность на этом посту (см.: Отчет московского городского головы князя Щербатова о деятельности Московской городской думы за шестилетие с 1863 по 1869 год. М., 1969. <2>, 169 с.) время от времени вызывала критические отклики «Современных Известий». Д. Ф. Самарин в разговоре с князем Шаховским, состоявшемся 9 сентября 1893 г., также упомянул, что размолвка его брата с Гиляровым произошла, между прочим, «по поводу разг<ромной> статьи Гиля<рова> о кн. Щербатове» (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 49. Л. 56 об.).

[11] Первый номер газеты «Москва» увидел свет 1 января 1867 г.

[12] Упомянут историк, архивист и славяновед Нил Александрович Попов (1833—1891), профессор Московского университета (с 1869 г.), член-корреспондент С.-Петербургской Академии наук (1883); управляющий Московским архивом Министерства юстиции.

[13] Названы Владимир Иванович Ламанский (1833—1914), славист-историк, филолог, этнограф, издатель и общественный деятель, профессор С.-Петербургских университета (1871—1888) и духовной академии (1872—1897), и Орест (Оскар) Федорович Миллер (1833—1889), фольклорист, историк литературы, критик, публицист, профессор С.-Петербургского университета (1870—1887).

[14] Александр Федорович Гильфердинг (1831—1872) — славяновед, фольклорист, член-корреспондент С.-Петербургской Академии наук (1856). При основании в 1867 г. петербургского отделения Славянского благотворительного общества он был избран первым его председателем.

[15] Гиляров был представлен императрице Марии Александровне и Александру II через посредство главноуправляющего Второго отделения Собственной Его Величества канцелярии графа Д. Н. Блудова и его дочери Антонины, с которыми сблизился еще

в 1853 г. Произошло это после того, как Гиляров написал по просьбе графини А. Д. Блудовой для императрицы сначала «Записку о расколе» (1855), а затем «Записку о первоначальном образовании народа». Последнюю он 23 декабря 1861 г. послал графине Блудовой (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 377. Л. 8—12 об.). 3 января 1862 г. та сообщала Гилярову: «Ваша записка об обучении народа была прочтена самому Государю, который ею очень доволен, разделяет Ваш образ мыслей и, как я достоверно узнала, твердо убежден, что в руках духовенства *должно* оставаться образование первоначальное» (цит. по: *Шаховской Н., кн.* Н. П. Гиляров-Платонов как инициатор церковноприходской школы // *РО*. 1896. Т. 37, февр. С. 572). Точная дата Высочайшей аудиенции нам неизвестна.

[16] Историк и библиограф Петр Иванович Бартенев (1829—1912) издавал журнал «Русский Архив» с 1863 г. Он дружил с Гиляровым с начала 1850-х гг., но впоследствии, в середине 1860-х гг., между ними возникли неприязненные отношения из-за конфликта, произошедшего у Гилярова, в тот период управляющего Московской Синодальной типографией, с его подчиненным по службе П. А. Бессоновым, приятелем Бартенева. Действительный статский советник — по Табели о рангах, гражданский чин 4-го класса — соответствовал званию генерал-майора в армии. Звание коллежского асессора было на две ступени ниже (6-й класс).

[17] Неточно приведены слова, сказанные Николаем I во время личного объяснения с Самариным после его ареста за распространение «Писем из Риги» (он был заключен в Петропавловскую крепость на 12 дней, с 5 по 17 марта 1849 г.). Эту беседу с императором Самарин описал в предисловии к первому из шести выпусков «Окраин России», называвшемуся «Русское Балтийское поморие в настоящую минуту (как введение в первую серию)» (Прага, 1868).

[18] Жена И. Аксакова (с 1866 г.) и дочь поэта Анна Федоровна Аксакова (ур. Тютчева; 1829—1889) с 1853 г. была фрейлиной великой княгини (с 1856 г. императрицы) Марии Александровны.

[19] Не исключено, что выделяя фразу «Аксаков должен был умереть», Гиляров откликается на сходные рассуждения Н. Н. Страхова, так начавшего свою известную статью «Поминки по И. С. Аксакове»: «Вовремя умер И. С. Аксаков. Разумеется, вовремя для себя, а не для нас, не для русской литературы, не для России. <...> Если этому бодрому деятелю, этому богатырю по телу и по духу предстояли разочарования, если ему суждено было впереди переходить от уныния к унынию, то нельзя разве сказать, что смерть вовремя избавила его от неминуемых горестей?» (*НВр*. 1896. 7 марта. № 3599. С. 1). Эту же мысль Гиляров, опять-таки отталкиваясь от слов Страхова, развивал в письме к И. Ф. Романову-Рцы от 19 октября 1886 г.: «Кто-то сказал в печати, что И. С. Аксаков умер для себя вовремя. Я этого не высказывал, но совершенно с мнением согласен. Если б он и остался жить после 28 января, он бы и вторично, и в третий раз умер. Иллюзия о *славянском* братстве встречает слишком осязательное разочарование. Россия есть дойная корова, на которую в случае беды можно прислониться, — вот чувство, которым отвечают на наши братские объятия; но при первом же случае обернутся к нам спиною и предадут нас. Сравнивая же с этими братушками, ну, хотя грузин, которые соединились с нами во имя высшего начала, нежели этнографическое, какая разница в преданности!» (*Письма к Рцы*. С. 237).

[20] Речь идет о первой поминальной передовой статье Гилярова, посвященной И. Аксакову: Москва, 28 января: Дневное обозрение // *СИ*. 1886. 29 янв. № 28. С. 1. Она заканчивалась так: «К числу причин, сведших его в могилу, мы несомненно уверены, относилось и то глубочайшее страдание, которое испытывал он при виде направления,

принимаемого политикою в Балканском вопросе. Говорят, была болезнь сердца, но, однако, врачебные знаменитости даже за несколько часов до кончины обещали ему еще много лет при "спокойной жизни". Но когда к физической болезни сердца присоединяются еще нравственные удары, бьющие в то самое, чем жил и для чего жил человек, — сосуд не устоит, и нравственное страдание прекратит физическую жизнь».

[21] Берлинский трактат — международное соглашение, подписанное 1 июля 1878 г.; оно в ущерб России и славянским народам Балканского полуострова изменило условия ранее (19 февраля того же года) заключенного Сан-Стефанского прелиминарного мирного договора, которым была завершена победоносная для России Русско-турецкая война 1877—1878 гг. Гиляров в свое время в целом ряде программных передовых статей рассматривал значение Берлинского договора и его негативные последствия для судьбы России и европейских держав. Наиболее важные: *СИ*. 1878. 1—3, 5—8, 10, 11, 15, 16, 20, 25 июля. № 178—180, 182—185, 187, 188, 192, 193, 197, 202.

[22] Оба скончались в 1860 г., незадолго до отмены крепостного права: Хомяков 23 сентября от холеры, а К. Аксаков — 7 декабря от чахотки.

[23] Ю. Ф. Самарин умер 19 марта 1876 г. от заражения крови после оперирования руки. «Вторая Восточная война» (т. е. Русско-турецкая; первой Восточной называли Крымскую войну) началась с официального объявления ее Россией Турции 12 апреля 1877 г.

[24] Подразумевается неблагодарное, по убеждению Гилярова, поведение болгар по отношению к своим освободителям. Так, 19 октября 1886 г. он писал Романову-Рцы: «...даже во время войны братушки держали себя преподло (из них были главные шпионы). Это народ эгоистический, без идеалов; торгаш и скопидом, лишенный поэзии» (*Письма к Рцы*. С. 236). О подобных фактах (зажиточные болгары отказываются продавать сено русским войскам, служат шпионами у турок и др.) Гиляров неоднократно писал в 1877—1878 гг., во время Русско-турецкой войны. См., например: *СИ*. 1877. 14 сент. № 253. С. 1—2; 24 сент. № 263. С. 2.

[25] Очевидно, речь идет о сделанном князем Шаховским реферате книги Ю. Остерблома (см. коммент. 4 к п. 17 на с. 490).

[26] Местонахождение этого письма Гилярова к князю С. В. Шаховскому неизвестно.

9 (20)
Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Москва, февраль 1886 г.

Действие Вашего теплого письма об «упадающем знамени», дорогой Николай Владимирович, не ограничилось минутным впечатлением. Вы перечислили начала: «православие, самодержавие, народность», — и я задумался над глубоким недоразумением, которое кроется в каждом из этих понятий. Кому бы ни[a] принадлежало первое провозглашение этой формулы, императору ли Николаю, как говорят, или Уварову,[1] славянофилы усвоили ее лишь отрицательно, и сама она в себе только отрицательна. «Самодержавие»... кто-то произнес некогда при мне Константину Аксакову. — Да, отвечал он, но... новгородское! То же с православием. Хомяков, благоговейнейший[b] хранитель всей обрядности, сводил ис-

[a] *Далее зачеркнуто*: было.

[b] *Далее зачеркнуто*: исполнитель.

полнение церковных уставов к требованию любви,[a] придавал им условную нравственную обязательность, чтобы «не оскорбить братьев по вере».[2] Народность по-видимому определеннее формулирована, но она сокращалась в заповедь: не трогай быта. В быту же драгоценнейшим представлялось мирское устройство, счастливо совпавшее с церковным идеалом православия. Во всяком случае, как о самодержавии и православии нужно спросить *какое*? — так по совершившемся разгроме быта и требование народности обратилось в X, потому что цивилизация Петровская не осталась внешним ярмом, но всосалась и всасывается в народ. Константин Аксаков[b] смотрел на это мистически; только снимите гнет с[3]

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 505. Л. 15—15 об.

[1] Традиционно эта идеологема все же считается именно «Уваровской триадой». 21 марта 1833 г., при вступлении в должность министра народного просвещения, Уваров писал в своем «циркулярном предложении», разосланном попечителям учебных округов: «Общая наша обязанность состоит в том, чтобы народное образование, согласно с Высочайшим намерением Августейшего Монарха, совершалось в соединенном духе Православия, Самодержавия и народности» (*ЖМНП*. 1834. Ч. I, № 1. С. XLIX—L).

[2] Подразумеваются католики и протестанты.

[3] Здесь письмо обрывается.

10 (21)
КНЯЗЬ Н. В. ШАХОВСКОЙ — Н. П. ГИЛЯРОВУ-ПЛАТОНОВУ
Деревня Симеиз Ялтинского уезда Таврической губернии, 26 сентября 1886 г.

Симеиз 26/IX 86.

Дорогой Никита Петрович,

посылаю Вам окончание «Православия в Пр<ибалтийском> крае» — хотите разбейте на три главы, хотите печатайте целиком все, что́ теперь вам посылаю.[2] Я здесь вовсю наслаждаюсь природой. Солнце печет как летом, растительность роскошная — особенно меня пленяют кипарисы и пирамидальные тополя, под ногами красивое, лазурное море, за спиной высокие, крутые горы, в саду цветы и десятки журчащих горных источников, все прогалинки между деревьями и полянки полны созревшим виноградом, сладким и душистым, — вот в какой природе я живу. Семейная среда, в которой я обретаюсь, до последней степени привлекательная, скорее серьезная, полная постоянного труда, немножко в пуританском духе. У графа[2] роскошная библиотека, еще старая Киселевская, полная редких книг и прекрасных гравированных изданий. Словом, бери что хочешь — все манит и все заставляет сосредоточиваться. Тем не менее я плоти

[a] *Далее зачеркнуто*: следовательно.

[b] *Далее зачеркнуто*: относился к этому [вопросу мистически; ему представлялось, что сними гнет с народа] мистически, и при продолжавшем неразумном режиме, это.

посвящаю более забот, чем духу, и более делаю вздора, чем следовало бы в моем положении.

Очень Вас благодарю за присылку «Совр<еменных> Изв<естий>», но, к своему прискорбию, замечаю, что мне приходится реже Вам внимать, чем я думал. В последних нумерах Ваша звездочка почти не всходила — всё больше фигурировали иные знаки.[3] Надеюсь, что Вы мне пришлете циркуляр о Славянском.[4] Жду с нетерпением Ваши о нем статьи по поводу его концертов. Меня немножко неприятно удивляет, что после всех моих совершенно бескорыстных хлопот о Дм<итрии> Ал<ександровиче> — никто из его семьи не удосужился строчки мне черкнуть сюда. Неужели и они ухаживают за человеком, ласкают его, только пока он им нужен. Не таков должен быть истинно русский артист, именно народный деятель. Впрочем, может быть, я и ошибаюсь.

Обратили Вы внимание на последнюю статью Шарапова по поводу издания II т<ома> соч<инений> Аксакова на тему «замалчивания» будто печатью взглядов и теорий Ив<ана> Серг<еевича>.[5] Как он подчас эксплуатирует эту мысль, имея очевидно в виду одного себя, ибо Аксаковских взглядов никто не замалчивает, но, напротив, все органы упоминали об них, овии вели с ним борьбу, овии[6] защищали. Замалчивал один Катков. — Что скажете про кашу, заварившуюся с Болгарией? Первые шаги Каульбарса[7] не обличают в нем способного человека, ведь он собственно ярый западник.

Целую Вас крепко. Жду Вашего письма, побольше и поинтереснее.

Ваш всем сердцем Н. Шахов<ской>.

Печатается впервые полностью по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 721. Л. 7—8 об. Фрагмент о С. Ф. Шарапове впервые опубликован О. Л. Фетисенко в составе вступительной статьи к ее публикации: Переписка И. С. Аксакова и С. Ф. Шарапова (1883—1885) // Русская литература. 2005. № 1. С. 151.

[1] Начало этого цикла очерков опубликовано: *Наш <Шаховской Н. В., кн.>*. Православие в Прибалтийском крае // *СИ*. 1886. 20 сент. № 259. С. 2, а продолжение: Там же. 1886. 13 окт. № 282. С. 1. (Псевдоним не учтен в Словаре Масанова.)

[2] Судя по упоминанию ниже «Киселевской библиотеки», речь идет о бывшем военном министре (1861—1881) графе Дмитрии Алексеевиче Милютине (1816—1912). Он приходился племянником по матери ближайшему сподвижнику Николая I графу Павлу Дмитриевичу Киселеву (1788—1872), министру государственных имуществ (1837—1856). После отставки Милютин почти безвыездно жил в своем имении в Симеизе; сюда и приехал погостить князь Шаховской (его брат Сергей был женат на дочери графа).

[3] 23 ноября 1886 г. Гиляров писал Романову-Рцы: «Вы студентом обратили внимание на знаки зодиака в моей газете. Вы понимаете, конечно, что это значки авторов. А знаете ли Вы, какой мой знак? И отличаете ли Вы мои статьи от других? Мне это любопытно. <...> Я пишу под знаком *, то есть маленькой звездочки. Различали Вы это или нет?» (*Письма к Рцы*. С. 305). Авторские значки, упомянутые Гиляровым, ставились в «Современных Известиях» в самом начале каждого материала.

[4] Имеется в виду циркуляр о предстоящем чествовании в связи с 25-летием сценической деятельности певца-тенора и дирижера Дмитрия Александровича Агренева-Сла-

вянского (1836—1908), собирателя народных песен, основателя «Славянской капеллы», приятеля Гилярова. Князь Шаховской через свои родственные и дружеские связи поспособствовал тому, чтоб это мероприятие было разрешено властями.

[5] Возмущение князя Шаховского было вызвано, в частности, следующими, исполненными неумеренного пафоса словами С. Ф. Шарапова в его подпередовой статье: «...печать *замалчивала* Ив. Серг. Аксакова; замалчивала *все* его издания. <...> Позор, глубокий позор русской печати за это замалчивание. Позор потому, что в основе его лежали мерзкие, чисто лавочнические инстинкты конкурента. Сохрани Бог выдвигать и *рекламировать* (вот это подлое слово!) противника. Если его идеи войдут в курс, его газета убьет нашу. Умер — ну теперь хвали, теперь не конкурент!» (*РД*. 1886. 20 сент. № 22. С. 1—2).

[6] Овии (*цркслв.*) — иные, некие.

[7] Речь идет о Болгарском политическом кризисе 1885—1887 гг., связанном с соперничеством Турции, Великобританиии, Австро-Венгрии и России за влияние в Болгарии. Генерал-майор барон Александр Васильевич Каульбарс (1844—1925), в 1882 г. бывший военным министром Княжества Болгарского, в сентябре-ноябре 1886 г. пребывал в Болгарии с особым дипломатическим поручением, однако эта его миссия окончилась полной неудачей.

11 (22)
Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Москва, 8 ноября 1886 г.

8 нояб<ря>.

Вот Вам, родимый, новая редакция письма. По-моему, она будет лучше: и яснее, и тверже, и в то же время вежливее. Думаю, что Вы одобрите, а равно и Анна Фед<оровна>.[1]

Ваш Н. Г.

См. следующую страницу.

Г. Издателю «Нового Времени»

М<илостивый> Г<осударь>.

Друзья и почитатели Ивана Сергеевича Аксакова просят меня, чтобы независимо от воспроизведения сочинений, уже видевших свет, была обнародована и его обширная *переписка*. Находя это и с своей стороны полезным, намереваюсь приступить к этому делу вслед за окончанием продолжающегося теперь полного издания сочинений. Ввиду этого, чрез посредство Вашей газеты, обращаюсь с усердною просьбою ко всем лицам, имеющим у себя письма Ивана Сергеевича, переслать их мне, по адресу: Москва, Большой Знаменский переулок, д. Угрюмова.

Выбор писем, которые могут быть обнародованы и которые должны оставаться, хотя бы до известного времени, в рукописи, равно и порядок издания их, я предоставляю себе. Об этом считаю нужным также оповестить чрез Вашу газету настоящим письмом, дабы предупредить появление в печати таких писем, на обнародование которых я не могу дать согласия.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 503. Л. 8—9 об. Записка написана карандашом.

[1] См. коммент. 18 к п. 19 на с. 496. Нижеследующее «Письмо в редакцию» появилось в № 3865 «Нового Времени» от 1 декабря 1886 г. (с. 3) за подписью: *Анна Аксакова*; причем с минимальной правкой (*чрез* вместо *чрез* и т. п.).

12 (23)
КНЯЗЬ Н. В. ШАХОВСКОЙ — Н. П. ГИЛЯРОВУ-ПЛАТОНОВУ
С.-Петербург, 21 ноября 1886 г.

СПб. 21/XI 86.

Дорогой Никита Петрович.

Все время нахожусь в хлопотах и по устройству служебной позиции, и по устройству логовища. Теперь я устроился *на Литейной, д. Маринской больницы.*[1] *Кв. Смотрителя*. По этому адресу молю Вас снабжать меня «Современными Известиями», которых уже несколько дней не читал и по которым тоскую.

О статье, которую Вы мне читали в день нашего расставания, я очень хочу с Вами побеседовать, но для этого должен предварительно еще раз прочитать со всем вниманием Ваше произведение. Теперь же к тому досуга не имею: меня более поглощают заботы о том, где купить получше и подешевле письменный стол, комод, диван и пр. Т<ак> к<ак> две комнаты, уступленные мне Ушаковым (смотрителем),[2] пока совершенно пусты.

Чтобы Вы на меня не сердились на то, что я пустяками отнимаю у Вас время, сообщу Вам сказанное мне на днях одним приятелем моим, Контролером Госуд<арственного> Контроля, соображение о невозможности и невероятности нашего столкновения с Германи<ей>[3] в ближайшем будущем. Точка зрения самая реальная. На мои слова по поводу совершающихся событий, в сплетении коих видна рука Бисмарка, и о возможности столкновен<ия> с Германи<ей>, он мне ответил: «Я в дипломатических тонкостях не понимаю ничего и совершенно равнодушно отношусь к политике, но тем не менее вижу, что Германия: несмотря на самый вызывающий образ действия с нашей стороны, должна силою вещей пасовать. Более 4 лет занимаюсь я контролем наших заграничных займов, что дает мне возможность видеть то, что скрыто от глаз публики. Не мы в зависимости от Германии, а она от нас, ибо все наши колоссальные заграничные *долги сосредоточены ныне в Германии*. Страшный финансовый крах, последствия которого для благосостояния и самостоятельности Германии трудно предвидеть, — грозит ей, если она вздумает объявить нам войну. Это было бы равносильно тому, если бы кредитор, имеющий получить крупную сумму с своего должника, в надежде этого достигнуть взял и застрелил его. Для нас выгоды войны, наоборот, были бы неизмеримы: всякая военная издержка обошлась бы нам дешевле разорванных долговых обязательств. Вот какова речь контролера.

Ее бы не худо иметь в виду всем, которые трусят нашего столкновения с Германиею.

До свидания. Крепко Вас обнимаю и желаю Вам всего лучшего.

Весь Ваш Н. Шаховской.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 720. Л. 17—18 об.

[1] Мариинская больница, основанная в 1803 г., расположена по адресу: Литейный пр., 56. Князь Шаховской, как и многие петербуржцы в тот период, называет Литейный проспект улицей (так он официально именовался изначально, до 1792 г.).

[2] Не исключено, что этот Ушаков был родственником товарища князя Шаховского по службе — чиновника особых поручений при министре внутренних дел V класса действительного статского советника Василия Семеновича Ушакова.

[3] В этот период резко обострились межгосударственные отношения в связи с оккупацией Англией Египта, нацеленной, между прочим, на то, чтобы помешать России утвердиться на Балканах. Германия поддержала Англию. См., например: *Молчанов А.* Болгария и Египет // *НВр*. 1886. 8 нояб. № 3842. С. 1; *А. Б.* <*Маслов* (*Бежецкий*) *А. Н.*>. Военные заметки: Близость большой войны // Там же. 1886. 2 дек. № 3866. С. 2—3.

13 (24)
Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Москва, 26 ноября 1886 г.

М<осква>. 26 ноября 1886.

Получаете ли газету, родной? Немедленно по получении Вашего письма я распорядился.

«Личное и общественное»[1] поищу, нет ли у меня еще экземпляра; и если есть, перешлю Вам.

Но вот Вам просьба; исполните ее *немедленно*; Вы увидите, почему нужна скорость.

В Москве идет слух, что «Русским Ведомостям» велено *умереть,* то есть запрещено объявлять подписку на будущий год.[2] Подписка действительно не появляется. Вы имеете возможность справиться, достоверно ли это. Вероятно, редакция и ходатайствует: тогда мне нужно знать, есть ли надежда на успех ходатайства или дело решено бесповоротно. Мне знать это нужно для того, чтобы успеть перехватить подписчиков, которые, конечно, разбредутся по разным газетам. Зная вовремя, я успею принять меры.

Когда справитесь, отвечайте немедленно.

Суждение контрольного чиновника не ново; его печатно высказал уже Шарапов,[3] и оно вполне верно.

Обнимаю Вас

Н. Гиляров-Платонов.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 502. Л. 18—19.

[1] Имеется в виду отдельный оттиск статьи: *Г—в Н. П. <Гиляров-Платонов Н. П.>*. Личное и общественное: (По поводу статьи г. Дубенского «Свобода и рабство». «Ж<урнал> З<емлевладельцев>». № 22) // *ЖЗ*. 1859. Т. VI, № 24. Отд. I. С. 411—438. Гиляров незадолго до этого, 12 ноября 1886 г., послал эту свою работу в Киев Романову-Рцы и в письме к нему же от 23 ноября 1886 г. так ее охарактеризовал: «"Личное и общественное" касается существеннейшей темы периода, проживаемого теперь человечеством. Решением этого вопроса и живет теперь человечество. Резче всего он обозначается на экономической и политической почве, в виде борьбы между либерализмом и социализмом, буржуазиею и пролетариатом, парламентарностью и коммуною etc. Та же борьба переносится и в сферу этики и даже в метафизику и естественные науки. Но центр — в экономических вопросах, в размежевании капитала с трудом» (*Письма к Рцы*. С. 303).

[2] 20 октября 1886 г. была воспрещена розничная продажа номеров ежедневной московской газеты либерального направления «Русские Ведомости» (взыскание снято 10 февраля следующего года); других цензурных кар по отношению к этому изданию в тот период не последовало.

[3] С. Ф. Шарапов, действительно, не раз в своих передовицах утверждал, что Германии война с Россией невыгодна, — см., например: «Германии нужен мир во что бы то ни стало; за этот мир она отдаст всю свою политику, все свои национальные замыслы будущего; она будет покорна России, лишь бы только отвести грозу франко-русского союза» (Москва, 13 сентября // *РД*. 1886. 13 сент. № 21. С. 2). Но и в данном примере, и в других случаях Шарапов не писал о финансово-экономической подоплеке германского миролюбия. Однако этому вопросу была посвящена особая публикация в его издании: *Москвич*. Кое-что о немецкой дружбе: (Письмо к редактору «Русского Дела») // Там же. 9 авг. № 16. С. 9—10. Видимо, ее и подразумевал Гиляров.

14 (25)
КНЯЗЬ Н. В. ШАХОВСКОЙ — Н. П. ГИЛЯРОВУ-ПЛАТОНОВУ
С.-Петербург, 2 декабря 1886 г.

Дорогой Никита Петрович.

Слух о смерти «Рус<ских> Вед<омостей>» по особому докладу совершенно не оправдался. Я справлялся у больших и малых чинов пресекающих — и они мне категорически отрицали существов<ание> подобного факта даже в предположении: запрещена лишь розничная продажа. Затем отношение Гл<авного> Упр<авления>[1] к «Р<усским> В<едомостям>» будет зависеть вполне от поведения профессорской газеты.

Не могу скрыть от Вас, что здесь Ольга Христофоровна.[2] Она меня разыскала в адресном столе и пожаловала ко мне с своей племянницей. Следствием визита было временное порабощение моей личности. Я был поставлен в необходимость носиться по разным учреждениям, дабы узнавать, дали <ли> разрешение из Петербурга на рассылку циркуляра к юбилею Славянского. Оказалось, что за разрешением *еще никто не обращался* и здесь еще никто не знает ничего об этой затее. Ольга Христоф<оровна>, конечно, взмыла благородным негодованием, хотела посылать Вам тревожные телеграммы. Но я ее отговорил от решительных поступков и обещал Вам об этом написать.

О<льга> Х<ристофоровна> была у Вл<адимира> Ал<ександровича>.[3] Вручила наконец записку и теперь ждет благосклонного ответа. Рассказывала мне об оказанном ей любезном приеме и, исходя из него, развила передо мной целые планы будущих восхождений Дм<итрия> Ал<ександровича> по ступеням служебной лестницы. С фантазией трудно совладать, когда подкладкой ей служит голое честолюбие. О<льга> Х<ристофоровна> решилась добиться для добрейшего Дм<итрия> Ал<ександровича> высокого положения директора Имп<ераторских> Театров. Русские песни, образцовый хор, издания — все это побоку, — положение и чины как награда и могила для прошлого. Вот на какой подкладке у нее *идея* и *русск<ое> дело*, вот как избиты взбалмошной женщиной репутация и заслуги человека почтенного. Грустно!

Я все это время был занят довольно скучной и утомительной процедурой разборки книг и составления каталога, покупки мебели, обивки и т. п. Слава Богу, имею свой собственный угол и живу, т<ак> ск<азать>, своим хозяйством пополам с Ушаковым.

Сегодня приехал брат Сергей и я с ним носился целый день по нужным местам. Устал как собака. До свидания. Целую Вас, дорогой, крепко. Если что занадобится, молю не миновать меня.

Всей душой Ваш Николай.

2/XII 86 г.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 720. Л. 19—20 об.

[1] Подразумевается Главное управление по делам печати.

[2] Ольга Христофоровна Агренева-Славянская (ур. Позднякова; 1847—1920) — жена Д. А. Агренева-Славянского, фольклористка и этнограф, член Императорского Русского географического общества, Общества авторов и композиторов в Париже, Тверской ученой архивной комиссии.

[3] Великий князь Владимир Александрович (1847—1909) — младший брат Александра III, генерал от инфантерии (1880); в 1884—1905 гг. занимал пост Главнокомандующего войсками гвардии и С.-Петербургского военного округа.

15 (26)
Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Москва, 20 декабря 1886 г.

М<осква>. 20 декабря.

Сейчас прочел, что «Русское Дело» приостановлено на три месяца:[1] скоренько! Впрочем, полагаю, что при своем пронырстве Шарапов успеет умилостивить, и срок сократят. А я только что сбирался Вас спросить: правда ли, что Шарапова представляли Государю? По крайней мере, он сам об этом говорил одному молодому чеху. Это еще не столь важно, а мне передавали еще, что будто бы «Русское Дело» попало в Гатчину,[2] где его отожествляют с Аксаковым. Такое опасение выражает между прочим и Анна Федоровна. Это уже поважнее; а Шарапов так

умеет эксплуатировать имя покойного своего патрона; к нему и обращаются как к истинному преемнику Ивана Сергеевича.[3]

Нашел я еще оттиск «О личном и общественном»;[4] посылаю его по обещанию, хотя не знаю, застанет ли он Вас; думаю, что Вы не укосните побывать в Москве на Святках. Али нет?

С юбилеем известного Вам мужа[5] стряслось нечто. Подал я просьбу, а мне вопрос: где же доказательство 25-летия? Потрудитесь представить. А сохранили ль они афишу от тех времен?

Два воскресенья сряду я читал в Обществе Любителей Российской Словесности: раз главу из «Пережитого», другой раз — Воспоминания о возрождении упомянутого общества в 1858 году,[6] чему я тогда был свидетелем и участником. При этом представлена была характеристика того времени и несколько слов о Хомякове, С. и К. Аксаковых и о М. Н. Лонгинове.[7] Приняли меня *очень* хорошо. Анна Михайловна[8] выражала сожаление, что Вас не было в числе слушателей; по ее мнению, от Вас последовало бы сообщение куда-нибудь, ибо в «Новое Время» Курепин сказал обо мне только мимоходом, остановившись только на Пругавине,[9] тогда как мне были, без преувеличения, овации: подымали рукоплесканиями после того, как я уже сел; подходили благодарить etc. А я даже не обижаюсь; кумовство свое берет.

Вторую часть своего «Пережитого» я кончил. Насчет послесловия сомневаюсь; если приедете в Москву, сочту долгом прочесть Вам и спросить совета. Но, впрочем, *публика* ли Вы? Вот вопрос; а мне важно, взял ли я в надлежащий тон относительно публики. Послесловие объясняет, почему я остановился на данном пункте и почему не могу в бытописательной форме передать хода моей умственной жизни в Академии.[10]

У нас здесь назначают Вышнеградского министром финансов; увольняют Толстого с назначением в вице-президенты Госуд<арственного> совета; а М. Н. Каткова возводят в министры иностранных дел.[11] В какой мере все это вопрос?

Обнимаю Вас.

Н. Гиляров-Плат<онов>.

Печатается впервые полностью по копии князя Шаховского: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 503. Л. 12—13 об. Опубликовано в сокращении: Письма Н. П. Гилярова-Платонова к кн. Н. В. Шаховскому. V // Ревельские Известия. 1893. 9 апр. № 76. С. 1. Автограф неизвестен.

[1] Московский еженедельник «Русское Дело», издававшийся в 1886—1890 гг. публицистом и экономистом Сергеем Федоровичем Шараповым (1855—1911), был приостановлен на три месяца 19 декабря 1886 г. за нарушение конфиденциального «распоряжения, объявленного редакторам бесцензурных повременных изданий 20-го августа 1886 г.» (*ПВ*. 1886. 20 дек. № 279. С. 1), — по поводу трактовки вопросов внешней политики России. В своей передовой «Москва, 16 декабря» (*РД*. 1886. 16 дек. № 34/35. С. 1—2), вызвавшей цензурное наказание, Шарапов в связи с болгарскими событиями говорил о враждебном отношении Германии к России, причем это государство (правительство

которого входило в тайный «Союз трех императоров») называлось «кровным племенным и историческим врагом» России (с. 2).

[2] Гатчинский дворец, как известно, был официальной резиденцией Александра III.

[3] Гиляров писал о том же 1 января 1887 г. Романову-Рцы: «Жалеете Вы о судьбе Шарапова? Не видал я вдовы Аксаковой; полагаю, она рада, как и ближайшие друзья Аксакова, все возмутившиеся, что без всяких нравственных прав и полномочий сей г<осподин> вздумал эксплуатировать имя покойного редактора “Руси”, вопреки воле вдовы его овладевши списком подписчиков “Руси” etc. etc.» (*Письма к Рцы*. С. 320). Шарапов в 1881—1886 гг. был сотрудником аксаковской газеты «Русь».

[4] См. п. 24 и коммент. 1 к нему.

[5] Подразумевается Д. А. Агренев-Славянский (см. коммент. 4 к п. 21 на с. 499—500).

[6] 7 декабря 1886 г. состоялось 386-е торжественное публичное заседание, посвященное 75-летию Общества, на котором Гиляров прочел «отрывок из воспоминаний» «Возрождение Общества любителей российской словесности», а 14 декабря — 387-е публичное заседание, где Гиляров снова читал «отрывок из воспоминаний» — под названием «Дядюшка Петр Иваныч» (*Мендельсон Н. М.* Общество любителей российской словесности при Московском университете: Исторические записки и материалы за 100 лет. 1811—1911. М., <1911>. Прил. С. 151). В отдельном издании «Из пережитого» рассказ «Дядюшка Петр Иванович» (название немного изменено) составил LVII главу; впервые же он был опубликован в журнале «Дело» (1887. № 1. С. 73—85).

[7] Михаил Николаевич Лонгинов (см. о нем коммент. 439 на с. 254) — библиограф, мемуарист, критик. При его деятельном участии в 1858 г. были возобновлены заседания Общества любителей российской словесности. В 1859—1864 гг. он был секретарем Общества.

[8] А. М. Гальперсон.

[9] О первом выступлении Гилярова (7 декабря) журналист и драматург Александр Дмитриевич Курепин (1847—1891), в рассматриваемый период регулярно публиковавший в «Новом Времени» обзоры московской общественной жизни, действительно упомянул походя: «Наши любители словесности открыли, наконец, сезон своих литературных матинэ <фр. matinée — утренник>. / Первый блин комом не вышел. Хорошенький рассказ г. Мамина-Сибиряка, интересные воспоминания г. Гилярова-Платонова и не менее интересная “козери” г. А. Пругавина о религиозных кружках в Москве — словесность и история в разных видах, — чего же больше желать? / Страницы, написанные гг. Маминым и Гиляровым, скоро имеют появиться в печати. Я остановлюсь на очерке г. Пругавина, тем более что этот “первый отрывок” из истории религиозных кружков в Москве будит во мне кое-какие воспоминания» (*К.* Московский фельетон: Утро любителей словесности: Сибиряк, Гиляров-Платонов и А. Пругавин. Из истории редстокизма в Москве; светская картинка. <...>: *10-го декабря* // *НВр*. 13 дек. № 3877. С. 2). Александр Степанович Пругавин (1850—1920) — исследователь старообрядчества и сектантства, публицист, революционер-народник.

О втором выступлении Гилярова (14 декабря) Курепин сообщил так: «В это воскресенье г. Нефедов читал “Свекра”, а г. Гиляров-Платонов — новую главу “Воспоминаний”, посвященную проницательному квартальному Петру Ивановичу, который сразу умел распознавать преступников. Так как обе эти вещи скоро появятся в печати, то я не стану лишать их интереса новизны, хотя бы и кратким пересказом» (*К.* Московский фельетон: <...> Новости у словесников. <...>: *17-го декабря* // *НВр*. 20 дек. № 3884. С. 2).

[10] Гиляров имеет в виду следующие свои объяснения: «Кладу перо. Описание моих студенческих занятий обратило бы мой рассказ в собрание ученых и критических трактатов. <...> Во всяком случае, интерес *бытовой, педагогический и психологический*, который приписываю я своему детству и отрочеству, кончился, потому что *рост* кончился. Дальнейшие события моей жизни если заслуживают внимания, то не по себе, а потому, что дали видеть и знать людей, прямо или косвенно двигавших судьбами и просвещением России; интерес *исторический*. Но то предмет для особого труда в виде монографий, не нуждающегося в хронологической связи и не обязанного к ней» (*Из пережитого*. Т. 2. С. 97).

[11] Эти слухи оправдались только в отношении государственного деятеля и ученого Ивана Алексеевича Вышнеградского (1831—1895), который 1 января 1887 г. возглавил Министерство финансов. Упомянутые министр внутренних дел и шеф жандармов (с 1882 г.) граф Дмитрий Андреевич Толстой (1823—1889) и редактор-издатель «Московских Ведомостей» Михаил Никифорович Катков (1818—1887) приписываемых им молвой постов не получили.

16 (27)
Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Москва, 1 мая 1887 г.

1 мая 1887. Москва.

Ну, что Вы скажете об юбилее,[1] которого первый-то виновник-то ведь Вы? Я прожил очень тягостные дни; но обошлось гораздо лучше, нежели я ожидал, — не в смысле вещественных последствий лично для юбиляра, но в общественном смысле. Королева Виктория,[2] Гуно,[3] разные иностранные консерватории и оперные театры выручили;[4] не говорю уже о Пастере и Буланже.[5] Нашим консерватористам и музыкантам-специалистам, которые не только не приняли ни малейшего участия, но присылали даже оскорбительные письма, я вижу в юбилее поставленный длинный нос. Хотелось бы мне, хотя не знаю, успею ли, сопоставить этот факт с лакейством перед Брандесом, или как было, года два, что ли, перед Шпильгагеном.[6]

Как Вы нашли мою речь?[7]

Психологически любопытно между прочим, как за несколько дней до юбилея даже кажущиеся единомышленники начали один за другим оставлять лагерь.[8] Первый убежал Забелин, хотя один из учредителей. Затем Чаев, тоже учредитель и даже обещавший прочитать серьезный трактат о русской песне и ее будущем. Его речь мы предполагали самою капитальною частью заседания, к которой речь Барсова[9] должна была относиться как пояснительный пример только. Юрьев, третий учредитель, тоже не читал, хотя обещал.[10] Но он по крайней мере был на заседаниях; а те двое даже на заседаниях не были. Мужества не хватило: позор!

А Ольга Христофоровна? Ничего! Ее сообщение вышло хоть куда.[11]

Теперь отсыпаюсь от нравственного утомления: сплю по четыре часа даже днем.

А Вы хороши! Уехали не простясь; я в серьезном за это на Вас неудовольствии.

Ваш Н. Гиляров.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 503. Л. 1—2 об.

[1] См.: «25 апреля, в час дня, в Москве, в большой зале Российского Благородного Собрания, происходило чествование Д. А. Агренева-Славянского по случаю 25-летия его артистической деятельности» (Юбилей народного певца Д. А. Агренева-Славянского // *СИ*. 1887. 26 апр. № 112. С. 2). И в следующем номере продолжение этой статьи: «в воскресенье, 26 апреля, во второй день юбилея, в большой зале Российского Благородного Собрания происходило ученое заседание при многочисленной публике» (27 апр. № 113. С. 2). Помимо Гилярова, Е. В. Барсова и О. Х. Агреневой-Славянской, речи произнесли С. Ф. Шарапов и В. А. Скрипицын (опубл.: 1 мая. № 117. С. 1), а также Ф. Н. Плевако (не во время офиц. чтений; опубл.: 27 апр. № 117. С. 1—2). См. также объявление: «Обед в честь Д. А. Славянского назначается на 25 апреля в 5 часов пополудни, в доме баронессы Шеппинг, на Большой Дмитровке. Во время обеда капеллою Славянского будут исполняемы любимейшие публикою песни» (*СИ*. 1887. 22 апр. № 108. С. 1).

[2] Первое сообщение об этом см. в заметке «Европейские сочувствия юбилею Д. А. Славянского»: «...в числе заграничных приветствий <...> одно прислано от ея величества Британской королевы...» (Там же. 1887. 24 апр. № 110. С. 2). Позднее газета вернулась к этому событию: «...председателем были прочитаны телеграммы <...> из Англии от ея величества королевы Виктории...» Далее приводится текст: «Ея величество, королева Виктория, поздравляет господина Агренева-Славянского с празднованием 25-летия его артистической деятельности» (Там же. 1887. 26 апр. № 112. С. 2).

[3] См. неподписанную заметку «Двухдневное торжество народного певца», где упомянуто, что перед заседанием 25 апреля 1887 г. была прочтена между прочими телеграмма «из Парижа от знаменитого д-ра Пастера», а после заседания — «от композитора Гуно» (Там же. 1887. 28 апр. № 114. С. 2).

[4] См.: «Из Западной Европы получено более 100 телеграмм, между прочим <...> от Парижской и Женевской консерваторий. Из Лейбах директор Музыкального общества Грибар прислал такую телеграмму: «Победителю на поле музыки, исполнителю народных песен, прославителю славянского имени — слава!..» (Там же. 1887. 27 апр. № 113. С. 2). В передовой статье «Москва, 28 апреля» Гиляров упоминает также приветствие «от Берлинского оперного театра» (Там же. 1887. 29 апр. № 115. С. 1).

[5] См. заметку «Заграничные приветствия Д. А. Славянскому», где приведен текст телеграммы «от Французского военного министра *Буланже*: (на имя юбилейного Комитета)»: «Присоединяюсь от всего сердца к празднику, который вас соединяет в честь Славянского, которому я адресую мои заверения уважения и симпатии. *Генерал Буланже*, почетный член юбилейного Комитета» (Там же. 1887. 28 апр. № 118. С. 3).

[6] Задуманная статья, по всей видимости, так не была написана. Гиляров упоминает газетные публикации («факт лакейства») в связи с посещением России в 1887 г. датским литературоведом и публицистом Георгом Моррисом Кохеном Брандесом (Brandes; 1842—1927) и по случаю 65-летия в 1884 г. необыкновенно популярного в России немецкого романиста Фридриха Шпильгагена (Spielhagen; 1829—1911). Так, В. В. Чуйко писал в статье «Фридрих Шпильгаген и его литературная деятельность»: «Тургенев несомненно выше как психолог и художник; Шпильгаген имеет перед ним преимущество мыслителя и резко определившегося публициста» (Новости и Биржевая Газета. 1884. 8 марта. № 67. С. 2), а в столичной Думе шли дебаты о почестях, которые должно оказать немецкому гостю (см. стенограмму: Вопрос о чествовании Шпильгагена Думою // Там же. 1884. 13 марта. № 72. С. 3). Гиляров тогда же откликнулся на эти события в под-

передовой статье «Москва, 14 марта», где, в частности, писал: «...нам пришло на память лакейство, столь знаменито показанное в Петербурге на днях перед Шпильгагеном; потом припомнилось, с каким относительно слабым участием отпразднован был у нас юбилей родного великого человека, отца русской музыки Глинки <...>. Знаете ли, как в Петербурге почтили Шпильгагена, этого иностранного, пусть и замечательного, но все-таки не гениального писателя? Так, что он сам смутился и признал в себе, по собственному, буквальному выражению, "сову среди ворон", и даже немецким газетам стало совестно за петербуржцев, что они "пересолили". Еще хорошо, что городское управление не вышло на вокзал встречать немецкого романиста; а ведь требовали некоторые даже этого триумфа! Это значит — немец пожаловал» (*СИ*. 1884. 15 марта. № 72. С. 2). См. сходное с гиляровским отношение к «опереточному триумфальному шествию по случаю Шпильгагена» в статье Ю. Н. Говорухи-Отрока «Взгляд и нечто» (Южный Край. 1884. 14 марта. № 1112. С. 1—2; подпись: *Никто*).

[7] Опубликована: Значение деятельности Агренева-Славянского: Речь Н. П. Гиляров-Платонова, произнесенная на юбилейном заседании 26 апреля 1887 г. // *СИ*. 1887. 27 апр. № 113. С. 1—2. См. также: Поправки // Там же. 1887. 28 апр. № 114. С. 1.

[8] Причиной разлада в среде юбилейного комитета послужили главным образом бесцеремонное вмешательство в его работу О. Х. Агреневой-Славянской (см. о ней коммент. 2 к п. 25 на с. 504) и скандальная шумиха, поднятая в прессе по поводу невиданной рекламы праздника, вызвавшей 748 поздравительных телеграмм из России и 327 из-за рубежа, а в связи с этим и споры о вкладе А. Д. Агренева-Славянского в русскую культуру и о масштабах его дарования.

[9] Опубликовано без подписи (очевидно, по оплошности): Русская женщина в народных песнях // *СИ*. 1887. 29 апр. № 115. С. 1—2.

[10] См. сообщение для публики: «Чтения С. А. Юрьева и Н. А. Чаева не могли состояться по их внезапной болезни» (Двухдневное торжество народного певца // Там же. 1887. 28 апр. № 114. С. 2).

[11] Сообщение О. Х. Славянской инкорпорировано во вторую часть пространной неподписанной публикации: К юбилею Д. А. Агренева-Славянского: I. Биографический очерк; II. Концерты за границей // Там же. 1887. 28 апр. № 114. С. 1—2.

17 (28)
КНЯЗЬ Н. В. ШАХОВСКОЙ — Н. П. ГИЛЯРОВУ-ПЛАТОНОВУ
С.-Петербург, 7 мая 1887 г.

7/V 87.

Дорогой Никита Петрович.

Как я в сущности ожидал, без крупного скандала юбилей не обошелся. Куда замешается почтенная Ольга Христофоровна, там непременно жди каких-нибудь бестактностей. Та оборотная сторона юбилея, которая столь нас с Вами возмущала, просочилась-таки через всю помпу юбилейных торжеств и теперь в виде корреспонденции в «Новом Времени» Русского Странника сделалась достоянием всей читающей публики.[1] Ольга Христофоровна восприняла то, что она вполне заслужила; но мне очень жаль добрейшего Дмитрия Александровича, который во всех затеях своей супруги всегда играл роль пассивной жертвы.[2]

Он выходил и говорил написанные женою мелочи, не отдавая себе в большинстве случаев отчета в том, что он делает. Может быть, разоблачения «Н<ового> В<ремени>» послужат О<льге> Х<ристофоровне> уроком для будущего. — По моему мнению, если она желает загладить справедливые не нее нарекания, то она должна сойти с общественной арены, на которой ей быть неприлично, и скромно заняться изданием и переложением на хоровое исполнение тех песен, которыми набит ее шкаф.[3] Если бы она сначала всю свою энергию устремила именно на издание песен, а не на выколачивание денег, то ни у кого не поднялся бы против нее голос.

Ваша речь превосходна. Вы одни определили и истолковали значение заслуг Славянского. Все прочие говорили по поводу деятельности Славянского разные выспренние слова. Недурна речь Барсова, но суха для избранной им темы; она высматривает плохим исследованием. При произнесении таких речей оратор всегда должен извиняться в том, что «краткий срок», «скудность времени» и т. д., не позволившие ему сказать все, что он хотел бы и мог бы сказать.

В общем, я считаю юбилей удавшимся вполне. О большем Славянский не имел бы права мечтать. Однако все-таки будет гнусно с его стороны, т. е. со стороны О<льги> Х<ристофороны>, если он будет эксплуатировать юбилейные приветствия в качестве рекламы при дальнейших концертах.

Я нахожусь в самом подлом настроении, чувствую какую-то апатию ко всему.

Что же Ваш приезд сюда? Я жду, по обещанью, что Вы остановитесь у меня. Компот Ваш Вас ждет.

Целую Вас крепко.

Ваш Н. Шаховской.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 720. Л. 21—22 об.

[1] Имеется в виду статья публициста Евгения Львовича Кочетова (псевд.: Евгений Львов, Русский странник и др.; 1845—1905), опубликованная в «Новом Времени» под его персональной рубрикой «Московские письма» (1887. 4 мая. № 4014. С. 1). Считая Агренева-Славянского хотя и второстепенной фигурой, но имеющей немалые заслуги в деле культурного просвещения и единения славянских народов, Кочетов прямо писал об оттолкнувшей общественность и давшей обильную пищу газетному зубоскальству *форме* юбилейных торжеств, организатором которых выступила супруга певца, о бросавшимся всем в глаза «беззастенчивой рекламе», «коммерческой подкладке» (например, чрезвычайно завышенных ценах на концерты — по 5 руб. за кресло), «грубых бестактностях» и др.

[2] Кочетов так иронизировал по тому же поводу: «...г-жа Славянская 25 лет играла, а г. Славянский все время ей подпевал. Кроме того, подпевал ей и во время юбилейных подготовительных работ...» И далее: «...дело здесь идет не о даме, а о личности, признающей себя артисткой, берущей на себя немалую долю заслуг мужа, держащей в железных руках всю капеллу от мальчика до регента включительно, руководившей и обстановкой юбилея, и комитетом и, наконец, произносившей застольные и публичные речи».

[3] Будто вняв таким советам знакомых, О. Х. Агренева-Славянская впоследствии издала обработки песен из репертуара Славянской капеллы — «Сборник песен, исполня-

емых в народных концертах Дмитрия Александровича Агренева-Славянского, собранных в России и в славянских землях» (М., 1896). Она же составила сборник «Описание русской крестьянской свадьбы с текстом и песнями обрядовыми, голосильными, причитальными и завывальными» (М., 1887—1889. Ч. I—III; 2-е изд.: Тверь, 1896).

18 (29)
Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Москва, 20 мая 1887 г.

20 мая 1887. Москва.

Дорогой Николай Владимирович,

Вот Вам поручение. Вы видите письмо;[1] уполномочиваю Вас его прочитать, а потом заклеить и передать адресату. Посылаю его через Вас, потому что, говорят, не все письма до Каткова доходят. Если же те, которые и доходят до него, может быть, предварительно прочитываются его секретарем, то я не желал бы этого ни в каком случае, и Вы легко поймете почему.

Опасением, что не все по слухам письма доходят, объясните и Вы причину, почему я посылаю письмо через Вас. А знаете ли Вы содержание письма, объявлять об этом или не объявлять, предоставляю вашему такту. Скажу только, что я очень желал бы успеха своему письму.

В письме я выразился, что «мною не были не довольны»; но они были чрезвычайно довольны, Катков даже выражал сожаление, что резолюции, которые я писал на рукописях, остаются не напечатанными: так они ему нравились.

Ожидаю от Вашей дружбы всего для меня лучшего.

Ваш Н. Гиляров.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 503. Л. 3, 4.

[1] Далее по содержанию видно, что речь идет о письме к М. Н. Каткову, в котором Гиляров просил взять его на освободившееся место заведующего редакцией «Русского Вестника». В. П. Клюшников, исполнявший эти обязанности с 1883 г., решил тогда переехать в Петербург. В архиве князя Шаховского сохранился недатированный черновик этого гиляровского письма. Приведем его текст:

«Мн<огоуважаемый> М<ихаил> Ник<ифорович>.

Мне сказывали, верно или нет, не знаю, что В. П. Клюшников оставил занятия свои по “Русскому Вестнику”. Вспоминаю, что некоторое время на мне лежали приблизительно обязанности, которые перешли потом к Н. А. Любимову и В. П. Клюшникову, и Вы с Павлом Михайловичем не были мною недовольны. Если справедливо сообщаемое об уходе В. П. Клюшникова, то я с охотою принял бы его обязанности, вполне уверенный, что найду и досуг для них, и достаточно в себе добросовестности, чтобы в точности следовать Вашим указаниям» (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 421. Л. 5—6).

19 (30)
Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Москва, 29 мая 1887 г.

М<осква>, 29 мая 1887.

По некоторым признакам я заключаю, что я затруднил Вас поручением передать известное письмо. Правду сказать, я спохватился, но уже отправив Вам письмо. Я задал себе вопрос: да еще известно ли Мих<аилу> Никифоровичу, что Вы ко мне до некоторой степени близки? Сколько знаю Ваш характер, Вы можете и не иметь на этот случай «мужества личного мнения», как выразился о нашем Царе Бисмарк. Говорю это не в упрек, да дело и не в том, а сообщаю Вам, что «юбилей» не обойдется без судебного разбирательства, и притом не только гражданского, а пожалуй, уголовного: поведение наших юбиляров пахнет мошенничеством, которое и всплывет наружу при судебном разбирательстве.

Из многого передам следующее. Мы с Барсовым на юбилей соглашались под условием, что сбор с первого концерта образует фонд для изучения русской песни. Подписан был протокол в этом смысле, в присутствии юбиляров. О<льга> Х<ристофоровна> после того стала метаться: «Как это можно! Не сбор, а часть сбора» и проч. Уступил я. Но последовало вот что: после юбилея юбиляры буквально бежали, скрылись и ни словом, ни даже намеком не вспомнили о своем обязательстве. Мало того: они оставили неоплаченными некоторые издержки по юбилею, даже такие, как угощение капеллы по их просьбе. Счеты поступают, и между прочим ко мне. Так баловаться нельзя, и надо проучить; а при этом, говорю, окажутся вещи уголовного свойства, как, например, заказ штемпелей с именами членов Комитета без нашего позволения и распоряжение этими штемпелями. Будет противно, и поделом.

Прошу у Вас совета. Эти люди не понимают, над какою страшною пропастью они стоят; между прочим, они компрометируют Великого Князя[1] пред началом дела, которое, сколько вижу, неминуемо откроется, не следует ли мне, как председателю бывшего Комитета, предуведомить Бобрикова,[2] между прочим даже ввиду того, что эта барыня может прикинуться угнетенною и наврать Бог знает что; это ей нипочем.

Жду ответа.

Ваш Н. Гиляров.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 503. Л. 5—6 об.

[1] Речь идет о великом князе Владимире Александровиче (см. коммент. 3 к п. 25 на с. 504).

[2] Николай Иванович Бобриков (1839—1904) — русский военный и государственный деятель; в 1884—1897 гг. — генерал-лейтенант, начальник штаба войск гвардии и С.-Петербургского военного округа.

20 (31)
КНЯЗЬ Н. В. ШАХОВСКОЙ — Н. П. ГИЛЯРОВУ-ПЛАТОНОВУ
С.-Петербург, после 29 мая 1887 г.

Дорогой Никита Петрович.

С чего это Вы взяли, что Вы меня затруднили поручением? Я всегда душевно рад оказать Вам какую-нибудь услугу. Ваше письмо[1] пришло ко мне очень кстати, ибо в этот день как раз у нас обедал Катков. После обеда я ему вручил письмо, сказав, что Вы препроводили письмо через меня, чтобы быть вполне уверенным, что оно непременно до него дойдет. Я ничего не говорил Каткову о том, что знаю содержание письма, и Катков письмо Ваше у нас не читал, но положил его в карман. Я счел за самое лучшее и благоразумное не соваться к Каткову с моим советом или мнением по Вашему делу — ибо, зная строптивость его нрава, зная, что он не выносит как советов, так и возражений, — я боялся, что только напорчу Вам, и напорчу непоправимо. Мужество — признать и засвидетельствовать, что Вы мне человек близкий, у меня всегда было и будет — и Катков это прекрасно знает из неоднократных моих с ним о том разговоров. Не понимаю, за что Вам вдруг вспало на ум меня наказывать, основываясь при том на «некоторых признаках», которые, очевидно, Вас вводят в заблуждение.

В редакции «М<осковских> В<едомостей>» есть человечек, небольшой, но как бы пришитый к особе Мих<аила> Ник<ифоровича>. Это его секретарь.[2] — Вот он имеет зуб против Вас, и зуб этот, помнится, вырос в тот самый день, как Вы продернули Мисаила за собеседование с раскольниками.[3] Соколов величал Вас в редакции громогласно «Никитой Пустосвятом»[4] — слов<ом>, старался Вас вышучивать. Но я не думаю, чтобы Катков в таком важном деле, как редактирование «Р<усского> В<естника>», спросит мнения Соколова. С своей стороны, я не слыхал о кандидате на место Ключникова.[5]

«И кончился пир наш бедою».[6] Я, по правде сказать, ждал от юбилея скандала в смысле крупной публичной бестактности или вопиющего нахальства, но не чаял, что оно даст пищу для судебного разбирательства. Мне кажется, что если Вы знаете, что есть что-либо имеющее скомпрометировать Вел<икого> Кн<язя>, то Ваш долг предварить о том Бобрикова — но надо сделать это так, чтобы фурия[7] не пронюхала. Ведь Вы знаете дерзость ее натиска — лучше от него вовремя посторониться. —

До свиданья, добрый Никита Петрович, обнимаю Вас крепко и прошу никогда не полагаться на «некоторые признаки» и не обижать Вашего друга.

Н. Шаховской.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 720. Л. 29—30 об.

[1] Имеется в виду письмо с просьбой о замещении должности заведующего редакцией «Русского Вестника» (см. коммент. 1 к п. 29 на с. 511).

[2] Речь идет о сотруднике «Московских Ведомостей» и личном секретаре М. Н. Каткова Сергее Ивановиче Соколове (1852—1912), впоследствии служившем цензором Московского цензурного комитета (1890—1912).

[3] Мисаил (в миру — Михаил Иванович Крылов; 1837—1919) — в рассматриваемый период (1885—1889) епископ Дмитровский (с 1885 г.), викарий Московской епархии (впоследствии епископ Олонецкий и Петрозаводский). О конфликте с ним Гиляров рассказывал Романову-Рцы в письме от 23 ноября 1886 г.: «Помните, я обличил Мисаила, что произнес под именем своим чужую и притом уже *напечатанную* речь? За это в "Московских Ведомостях" буквально меня обругали и даже назвали *антихристом* (sic), и потом я услышал, что решено не печатать моей Автобиографии в "Русском Вестнике"» (*Письма к Рцы*. С. 306). См. подробнее о нем в главе 3.2, на с. 303—304.

[4] Прозвище Никита Пустосвят было присвоено суздальскому священнику, идеологу раскола и писателю Никите Константиновичу Добрынину, казненному в 1682 г.

[5] Виктор Петрович Клюшников (Ключников) (1841—1892) — прозаик, переводчик; журналист, редактор журналов «Нива» (1871—1875, 1887—1892) и «Кругозор» (с 1876 г.). См. о нем также коммент. 1 к п. 29 на с. 511.

[6] Неточная цитата из «Войны мышей и лягушек» (1831) В. А. Жуковского. Надо: «Так закончился...».

[7] Подразумевается О. Х. Агренева-Славянская.

21 (32)
Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Москва, 6 июля 1887 г.

1887 г. Июля мес<яца> 6 дня.

Дражайший князь,

Дни М. Н. Каткова, говорят, сочтены, и мне советуют многие искать издательства «Московских Ведомостей» после него, тем более что и срок аренды «Ведомостей», как говорят, оканчивается.[1] Едва ли допустят новую аренду на чисто коммерческом основании: потребуется имя редактора серьезное. Научите, что делать, к кому обратиться. А может быть, преемник уже предопределен? Я и этого не знаю, хотя генерал-губернатор[2] ответил мне на этот вопрос отрицательно.

Посоветуете ли ехать к Толстому в деревню?[3]

Кроме того, нужно заручить Делянова как главного хозяина «М<осковских> Вед<омостей>».[4] Об этом я похлопочу.

Вообще, справьтесь и дайте совет, родной. В случае нужды не поскупитесь на телеграмму.

Обнимаю Вас.

Н. Гиляров-Платонов.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 503. Л. 7—7 об. На бланке редакции «Современных Известий».

[1] «Московские Ведомости» были правительственным, а не частным изданием и принадлежали Министерству народного просвещения (с 1806 г. находились в непосредственном ведении Московского университета). О том же Гиляров писал графине А. Д. Блудовой в июле 1887 г.: «Графиня, дни М. Н. Каткова сочтены, говорят. Для правительства, полагаю, не безразлично, кто будет преемником ему по изданию "Моск<овских> Вед<омостей>". А срок аренды "Ведомостей" и без того, говорят, наступает. Многие указыва-

ют на меня как на естественного преемника по заведован<ию> столь важны<м> органом и настаивают, чтобы я не допускал "Ведом<остей>" в сомни<тельные> или бездарны<е руки>. Выбор зависеть будет, конечно, от графа Д. А. Толстого и от И. Д. Делянова» (цит. по черновику: ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 5. Л. 1).

[2] Подразумевается князь В. А. Долгоруков.

[3] Имеется в виду граф Д. А. Толстой, занимавший пост министра народного просвещения в 1866—1880 гг. (см. о нем также коммент. 11 к п. 26 на с. 507), по болезни часто уединявшийся в своем имении Маково Рязанской губ. Гиляров не поехал туда, а послал Толстому письмо (черновик опубликован нами: *Из пережитого*. Т. 2. С. 516).

[4] Граф Иван Давыдович Делянов (1818—1897) — в рассматриваемый период (1882—1897) министр народного просвещения; в 1850-х гг. хороший знакомый Гилярова.

22 (33)
КНЯЗЬ Н. В. ШАХОВСКОЙ — Н. П. ГИЛЯРОВУ-ПЛАТОНОВУ
С.-Петербург, 10 июля 1887 г.

10/VII 87.

Приехал сегодня в Петербург и спешу ответить Вам, дорогой Никита Петрович, — на встретившее меня здесь письмо Ваше. Сочтены ли дни М<ихаила> Н<икифоровича> — вот в чем вопрос. Мне почему-то сдается, что не теперь настала для него последняя минута. Он такой богатырь в физическом отношении, что его организм может справиться с недугом, который для другого человека его лет и даже моложе носил бы смертельный исход.

Во всяком случае я думаю, что не совсем ловко теперь же предпринимать какие-либо шаги для того, чтобы заручиться своевременно «М<осковскими> В<едомостями>». Всякий такой шаг в настоящее время может, по моему мнению, уронить Ваши шансы, так как Вы должны будете искать у друзей М<ихаила> Н<икифоровича>, которые боятся громко сказать, что М<ихаил> Н<икифорович> может скоро умереть. Мне кажется, что все зависит во всяком случае от Делянова. Толстой, я думаю, — совершенно ни при чем: газета университетская, а потому он утвердит того редактора, который будет представлен Деляновым.

Я боюсь, что серьезным (?!) конкурентом для Вас может выступить Кн<язь> Вово Мещерский, для которого хотят создать официозный орган в Петербурге:[1] такое на всех нашло помрачение, что Вово считают полезным и представителем правительственных взглядов!!

Может быть, мы с Вами скоро увидимся. Я приехал из Ревеля по телеграмме из Министерства,[2] — которое меня командирует в Новочеркасск. Вероятно, после 20<-го> я выеду и если не потребуют от меня марш-марша[3] до места назначения, то я дня два проведу в Москве, в каковое время загляну и к дорогому моему Никитушке.

Что можно, стороною по Вашему делу проведаю: мне ведь нужно действовать еще осторожнее Вашего.

Пока обнимаю Вас, дорогой мой Никита Петрович.

Ваш душой Н. Шахов<ской>.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 720. Л. 23—24 об.

[1] Князь Владимир Петрович Мещерский (1839—1914), публицист, прозаик, издатель-редактор журналов «Гражданин» (1872—1877, 1883—1914), «Добро» (1881), «Воскресение» (1887—1894) и др., пользовался особым расположением Александра III как близкий друг в его детские годы. Проект, о котором слышал князь Шаховской, воплотился уже 1 октября 1887 г., когда газета-журнал В. П. Мещерского, до того выходившая дважды в неделю на 16 полосах, превратилась в ежедневную газету (выходила на 4 полосах большего формата). Благодаря обновленной подаче материалов, интенсивному потоку самых свежих новостей и слухов, особенно из жизни правительственных сфер, и информации справочного характера (в каждом номере публиковались приемные дни и часы высокопоставленных чиновников) газета Мещерского хотя и стала «официозным органом», но особой популярности среди читающей публики не приобрела.

[2] Подразумевается Министерство внутренних дел.

[3] *Марш-марш* — ускоренное движение (*уст.*).

23 (34)
Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
С.-Петербург 11 октября 1887 г.

Родной Николинька, при сем прилагаю письмо к Софье Петровне,[1] буде она захочет не раздвоять своей просьбы (что во всех отношениях лучше) и если согласится именно мне предложить редакцию. Тогда самое заявление должно быть изменено, то есть названо мое имя и приложено настоящее мое письмо: ибо порядок требует, чтобы избираемый в редакторы заявил свое согласие. Жаль, не знаю адреса Павла Михайловича.[2] Во всяком случае, сообщите ему об этом, равно и о том, что согласно уговору я его жду к себе сегодня. Целый день я дома.

Обнимаю Вас. Ваш Н. Гил<яров>.

Печатается по автографу: ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 49. <№ 12>. Л. 1. Дата установлена по содержанию последующего письма. Письма 34 и 35 были опубликованы нами в составе комментариев к изд.: *Из пережитого*. Т. 2. С. 534, 535, там же см. обоснование датировки.

[1] Упомянута вдова М. Н. Каткова Софья Петровна Каткова (ур. княжна Шаликова; 1832—1913). Гиляров набросал от ее имени письмо для представления его в Комитет четырех министров, который должен был решить, кому будут переданы в аренду «Московские Ведомости».

[2] Князь Павел Михайлович Катков-Шаликов (1859—1930) — в тот период (1887—1891) поручик гвардии в Кавалергардском полку; впоследствии генерал-майор, автор брошюр о обучении фехтованию; младший сын М. Н. Каткова. Он проживал по адресу: Захарьевская ул., д. 31.

24 (35)
Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
С.-ПЕТЕРБУРГ, 11 ОКТЯБРЯ 1887 Г.

С.-П<етер>бург, 11 октября.

Дорогой Николай Владимирович.

Хотя я Вам оставил письмо на квартире, но посылаю вдогонку за Вами еще следующее. Тому письму к Софье Петровне, которое я набросал, не должно давать хода. Это и само собою разумеется, потому что самое заявление Софьи Петровны[1] Вы попридержите. Но, кроме того, согласие мое на принятие редакции не может быть оставлено в настоящем виде еще и по тому соображению, что, безусловно выраженное, оно может дать повод к перетолкованиям. Дело в том, что, как я выразился вчера, пускай она выбирает хоть дворника. Дело не в том, а в том, чтобы обуздать Петровского.[2] С другой стороны, ни мои, ни Софьи Петровны нравственные интересы не допускают, чтобы мое имя стояло на газете рядом с ее и опять возбуждало в публике ложные мнения о полной солидарности. Я есмь я, Катков был Катков и не повторится. Мое имя, поставленное на листе газеты, обязывало бы меня говорить что-нибудь от себя, на что я не имею ни права, ни желания. Пока газета в руках Софьи Петровны, моя услуга должна оставаться в пределах внешнего доброжелательства, так сказать, отрицательною охраною стоять над газетою с одним veto. До известной степени газета обезличится этим, оказенится; в интересах С<офьи> П<етров>ны это нужно, но моего интереса нет, чтобы прямому моему участию приписали эту казенность. Итак, если и назовет меня Софья Петровна пред Главным Управлением, то должно быть поставлено условием, чтобы подписи моей не было, а сохранялась старая фирма, красовавшаяся при Михайле Никифоровиче. А может быть, еще лучше было бы, когда бы С<офья> П<етровна> назвала столь же неизвестное лицо, как Петровский, или еще более неизвестное, но поставила его или вообще редакцию под мой надзор с целию обуздания публицистического задора.

Ваш Н. Г.

<*На конверте*:> Редакция «Современных Известий»
Его Сиятельству князю Николаю Владимировичу Шаховскому

Печатается по автографу: ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 49. <№ 13>. Л. 1.

[1] Имеется в виду заявление С. П. Катковой, что «она не может продолжать дела с Петровским, изберет другого редактора, которого просит утвердить; в противном случае приостановит газету» (*Из пережитого*. Т. 2. С. 242), сочиненное Гиляровым вместе с князем Шаховским и подписанное С. П. Катковой.

[2] Сергей Александрович Петровский (1846—1917) — магистр государственного права Московского университета (1875); преподаватель русского права там же (1873—1878); сотрудник (с 1880 г.) и редактор-издатель (1887—1896) газеты «Московские Ведомости».

Приложение 2

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА КНЯЗЯ Н. В. ШАХОВСКОГО «МАТЕРЬЯЛЫ ДЛЯ БИОГРАФИИ Н. П. ГИЛЯРОВА-ПЛАТОНОВА. 1893 ГОД»

Кн. Н. В. Шаховской

МАТЕРЬЯЛЫ ДЛЯ БИОГРАФИИ Н. П. ГИЛЯРОВА-ПЛАТОНОВА. 1893 ГОД

Слово, сказанное Архимандр<итом> Сергием[1] при отпевании Н<икиты> П<етровича> (Церков<ный> Вестн<ик>. 1887 г. № 43).[2]

«Чрезвычайные умственные дарования почившего, сквозь тяжкие нужды и лишения, чрез суровую духовную школу проложили себе путь в высшее святилище науки. Даровитый первенец с фамилией Платонова в 18-летнем еще возрасте стал носителем духа и силы Платона (Митрополита), а в этом Платоне, по признанию и западных ученых, как бы ожил гений древнего Платона философа и осенял достойных носителей его имени. —

Преподаватель сперва библейской герменевтики, нынешнего обличительного богословия и русской церковной археологии, почивший был потом блестящим преподавателем истории раскола; сумел придать оригинальную, строго научную философскую постановку этой зарождавшейся тогда науке, в особенности же истории мистических раскольничьих сект. Оставив, по воле судеб, кафедру, он от юности до старости и до смерти жил одним тяжелым, изнурительным самоотверженным трудом писательским. Какая масса фолиантов исписана этим в своем роде «адамантовым» писателем! Но, поистине, *приложивый разум,* по слову Премудрого, *приложит печаль,*[3] и такую, какая *иссушит кости.*[4]

Талантливый бывший профессор — экзегет, богослов, историк, археолог и философ — примкнул к кружку светских философов-богословов, славянофилов. Первые славянофилы, после долгого искания истины в области немецкой философии, устремились в недра православной церкви и богословской науки и, заимствуя от нее *свет, просвещающий всякаго человека, грядущаго в мир,*[5] сами привнесли в нее приток свежей, глубокой мысли и чувства. Навстречу этому течению научному вышел он с свежею и обильною струею мысли цельной, возвышенной, глубокой и прочувствованной и, заимствуясь многим от них, сам немало привнес к ним, предохраняя их от *философии по стихиям мира, а не по Христе* (Кол. II, 3) (от увлечения Гегелевою философиею). Если они не создали философии русской, самобытной, то вместе с ними он много потрудился над созиданием философии истории русской греко-славянской и философии религии этих православных народов. Философ-богослов их главной школы, он не переставал

быть сотрудником, другом и советником Хомякова и Аксакова, а также Каткова и Леонтьева, когда издавал свой орган печати и, легко сказать, в течение 20 лет. Прекрасно дополнявший собою любого из лучших славянофилов, он искусно примирял, сближал его с литературною семьею Каткова и во многом примирял с ним западников. И в этом великая его заслуга литературная и нравственно-общественная: потому что нет ничего труднее, как примирять людей различных воззрений и убеждений, не только вполне сложившихся, но и руководящих общественным мнением, и нет ничего важнее, как эту великую общественную силу — печать — направить к одной общей цели, к созиданию, а не разорению общественного блага. Затем, кто более его друзей и его самого способствовал столь желательному для всех сближению светской науки с духовною? И его публицистическая, политическая проповедь, как и их, была нередко дополнением к проповеди слова Божья — церковной, она будила в обществе религиозно-нравственную мысль, возбуждала дух церковности и лучшие, нравственно-политические понятия, воспламеняла возвышенный патриотизм — религиозный, православный, поддерживала общественную мысль на высоте церковного, православно-народного сознания, что особенно важно и благопотребно было в его смутное время. И его печатные произведения, как и названных талантов, носят на себе отпечаток их серьезности и дельности, высоты и быстроты полета мысли, ясного сознания и как бы ясновидения, чуткости и отзывчивости к вопросам общественной жизни, философской проницательности и наблюдательности тонкого и глубокого анализа, классической художественности слова — выразительного, живописующего, мощного. Правда, в печати и на кафедре, после целого ряда превосходных чтений и статей, с ним случались иногда обрывы, измельчания, раздражительность; но с кем они не случаются, начиная с гениального Платона, по немощи человеческого естества, в истоме физической и нравственной?

Питомец строгой школы, не научной только, но и жизненной, в жизни, по слову апостола, "лишенный, скорбящий, но и в скорби радующийся" (Евр. XI, 87; Иак. I, 2), ты, незабвенный почивший, в вере и добродетели находил для себя опору и утешение, а без веры и добродетели не из-за чего и невозможно было подъять и совершить такой страстотерпческий подвиг. Если чья жизнь была борьба и подвиг, то твоя по преимуществу. И это была борьба не с страстями чувственными и душевными, которые поборала в тебе сила ума и воли и благодати Божией, и не с клеветою и неприязнию людскою, которая уязвляла тебя, как и всех "людей не от мира сего";[6] это была борьба с чрезвычайными, таинственными испытаниями, ниспосланными Промыслом потому, что твоя натура была чрезвычайно даровитая и сильная: по мере сил наших ниспосылаются нам и испытания».

Из Моск<овских> Церк<овных> Ведом<остей>.[a7]

— —

[a] *Далее зачеркнуто*: Ник<иту> Петр<овича> надо было знать лично, чтобы любить его, всякое изображение его будет бледно и невнушительно.

Письмо Н. П. Гилярова к К. К. Толстому[8] 5 марта 1885 г.
Русское Дело. № 19. 1887 г.

М<илостивый> Г<осударь> Конст<антин> Конст<антинович>.

К великому моему сожалению, не могу я у себя поместить вашу статью, по той же причине, по которой статью «Откуда нигилизм?» поместил не у себя, а в «Руси»,[9] и свои воспоминания «Из прожитого» печатаю в «Русском Вестнике».[10] Публика «Совр<еменных> Изв<естий>» совсем другая, и ей Ваша статья не по зубам, по пословице «не в коня корм».

А жалко. Это отнимает у меня способ печатно объясниться с Вами. Вы даете предрассудку более частное значение, нежели придает ему логика. Устарелое мнение, опровергаемое новооткрытыми данными, есть уже не предрассудок, а заблуждение. Это вещь иная. Предрассудок же может и не быть заблуждением; его особенность та, что он без критики *принят и удерживается, или по косности,* или *по уважению к авторитету стада.* Говоря о нигилизме, я должен был иметь в виду предрассудок именно в этом истинном его значении, п<отому> ч<то> нигилизм отрицает не заблуждение, а обычай, даже сам по себе безразличный, но служащий цементом общества. К условной одежде, прическе, обращению нигилизм относится враждебно, п<отому> ч<то> это предрассудок, унаследовано.

Что касается устарелых мнений, то, ставши на Вашу точку, мы попадаем в круг. В том-то и дело, что признавать устарелым и опровергнутым? Многое кажущееся опровергнутым в сущности не опровергнуто, а только отвечает наклонностям исторического периода и классов, руководящих умственным движением. Вот почему глубочайшее основание истины знания (по-моему) и лежит в нравственном чувстве. Всякое эмпирическое ли познание, априористическое ли измышление к истине жизни безразлично и в большинстве заключает в себе самообман, или же для общежития имеет не более значения, чем запись Ивана Ивановича, или Ивана Никифоровича, не помню кого, в повести Гоголя: «сия дыня съедена такого-то числа».[11]

Примите уверение в уважении Вашего покорного слуги

Н. Г<илярова>-Пл<атонова>.

Письма Гилярова к И. Ф. Романову

<1>

За час до Нового
1887 года.[12]

Письмом своим, сейчас мною полученным, Вы мало того что удивили, нет, а поразили меня несказанно. Вы спрашиваете: «Нужна ли малейшая вера для действительности таинства?» — и, не отвечая на него, как бы предполагая ответ несомненным, просите моего ответа, совершится ли таинство при едином погружении во имя Св. Троицы?

Вы спрашиваете кроме того: «Есть ли таинство чудо?» — и отвечаете: «Без сомнения, нет, т. е., конечно, оно нечто чудесное, но не чудо».

Чем я поражен? — Да как же не поразиться? Стало быть, по-Вашему, таинство действительно без веры, и это потому, что оно не чудо, а только чудесное. Во-первых, вникните в несуразность этого различения: не чудо, хотя чудесное. Во-вторых, откуда же Вы зашли, чтобы рассуждать о таинствах, когда есть более прямая дорога, минуя о чуде и знамении. А наконец, меня просто ошеломляет самое положение, что для действительности таинства будто не нужно веры.

Да именно тогда-то и действительно таинство, когда оно принимается верою. Противное тому учение есть известное opus operatum[13] ультракатолическое. Церковное учение тем и отличается от католического, что не признает этого магизма. Логическим выводом из этого магизма и служат инквизиции, индульгенции и всякое католическое безумие.

А есть ли таинство чудо? Нимало, и даже оно не есть нечто чудесное. За исключением, впрочем, елеосвящения, которое именно я и сравнивал с Иверскою, п<отому> ч<то> действие елеосвящения предполагается в *физическом* организме и притом помимо физических законов.[14] Остальные таинства действуют духовно и на духовную сторону человека, не исключая евхаристии, которая питает нас *духовным* телом. (Прекрасный пример у Хомякова: принимаем не *мясо*, а *тело* Христово.)[15] А поэтому ни *чудо*, ни *чудесное* сюда не приложимо, ибо и то, и другое предполагает нарушение законов физических, а таинство их не нарушает; напротив, можно сказать, восстановляет естественные законы *духовной* природы, нарушенные грехом.

На вопрос Ваш, будет ли таинство при едином погружении, я бы не сказал ни да, ни нет, когда бы не был предупрежден Церковью, соборно постановившею не признавать единого погружения.[16] Но an sich, * когда бы постановления этого не было, я бы, как уже объяснил сейчас, не сказал ни да, ни нет, потому что «смотря по...».

«У младенца какая вера? А все-таки он будет окрещен», — рассуждаете Вы. Удивительно, как это пришло к Вам католическое воззрение, хотя Вы и изучили Хомякова! После того отчего не крестить насильно?

«А все-таки будет крещен». То есть что же это такое значит? Совершенно наружное действие? Да. А что дальше, внутри произошло?

Я уже писал Вам, что со времени перевода я не заглядывал в Хомякова, но именно страницы о крещении и миропомазании у него, помнится, блистательнейшие. Миропомазание без крещения невозможно; но крещение есть еще не полное вступление в Церковь, а, если можно выразиться так, лишь в потенции, внешнее и отрицательное. Этим только и оправдывается крещение младенцев, правило, основательно принятое, но, по-моему, содействовавшее к засорению Церкви, выражусь так, фиктивными членами.

Вопрос, за решение которого Вы много бы мне дали, есть вопрос специально русский, историею специально ей поставленный. Для всех таинств полагается благословение;

---

* в себе (*нем.*). Здесь употреблено в качестве философского термина, означающего «в возможности, в сущности своей».

1 января

а форма благословения *определенная* необходима ли для действительности таинства? Вот вопрос, из которого родилось старообрядчество. Двуперстие есть благословение Христианское,[a] указанное Христом при вознесении на небо. По сказанию евангелиста, Он, возносясь, *благословил*;[17] а как Он благословлял, это указал тот же евангелист изображением Христа на иконе, им же писанной (Тихвинской).[18] Изменение *этого* благословения лишает таинства их силы. А потому в Церкви нет таинств, нет иерархии, а следовательно, царствует антихрист, ибо такое положение может наступить только с пришествием антихриста.

Вот логика, по которой двигался раскол, к объяснению которой я приступил было в «Руси» своими статьями, прерванными смертью Аксакова,[19] и которой подробным изложением были мои академические лекции по расколу. — Сущность, как изволите видеть, в вопросе, который поставлен Вами мне применительно к числам погружения при крещении, — вопрос о связи между наружным и внутренним в таинствах. Церковь в прошлом своем этого не решила; задачи ее по части формул были другие, на другой почве выросшие. Века Вселенских соборов[20] занимались переложением *Откровенного учения*[21] *с семитических форм на индоевропейские*. Вот где была тогдашняя задача; ко второй половине задачи подошла было церковь только Седьмым Вселенским собором, отстояв принцип свободы внешнего Богопоклонения и права внешности вообще.[22] Но на этом остановилось, и дальнейшее решение принадлежит собственно нам и нашей жизни, по особенным условиям, при каких принято Христианство русским народом и продолжалось в нем. *Намек* на это найдете в моей рецензии на историю Макария,[23] где я для Вас даже отчеркнул карандашом положительную часть моего взгляда.

Как я уже писал Вам, помнится, всемогуществу Божию нет предела; не смеем указывать Его и благодати. Раскольники основательно говорят: крестились же мученики кровью, не быв крещены не только погружением, но и водою; пустынножители причащались же духовно;[24] мореплаватель, с верою во Христа и надеждою умирающий во время крушения без священника, умален ли в Царствии Небесном против того, кто в городе или селе призвал попа пред смертию? Надеюсь, что и Вы на последний вопрос ответите «нет», хотя и не согласитесь с выводами, которые скачком извлекает отсюда федосеевец,[25] что таинств уже нет или что может наступить период, когда положение мореплавателя среди крушения становится общим для всего христианства.

Не знаю, внятны ли Вам мои рассуждения? — сильно опасаюсь противного. Но прошу Вас вникнуть, что в процессе спасения три элемента: Христос, верующая личность — Церковь. Для Христа нет пределов, а для верующего лица они есть. Минуя Церковь, я лишаю себя союза с ее Главой, но Христос не скован в своем действии на верующего грешника. Я, язычник или еврей, говорю: верую

[a] *В копии Гальперсон*: Христопреданное (*Письма к Рцы*. С. 317).

во Христа, хочу идти за Ним и к Нему, но помимо Церкви, хотя и знаю, что Он основал ее и в ней пребывает. Тщетная надежда давать такие указы благодати и ожидать, что Христос снизойдет такой гордыне. Но Христос, давая обетования Церкви, разве давал обязательства, под контракт подписывался? Но если не гордыня, а та же смиренная вера, и притом верующая не только во Христа, но и в Церковь, минует по неотвратимым обстоятельствам, по немощной совести и даже по лжетолкованию, однако добросовестному, — минует, не остывая в вере, и даже в силу самой веры, внешние установления Церкви, — суд, произнесенный над таким, будет слишком смел, если Вы признаете такового лишенным благодати, и Христа Вы низведете на степень церковного приказчика с Его места Главы.

Вы употребили слово магизм, в каком смысле, неясно для меня, было, по крайней мере, неясно во время чтения. Если где Христос, то уже не магизм; магизм — отрицание Христианства, как и наоборот. Боюсь смутить Вас, как смутил таинствами, но скажу, что некоторыми учреждениями Церковь наша склонилась к магизму и, что покажется Вам еще ужаснее, — по некоторым пунктам католицизм в этом отношении чище нас. Говорю именно о миропомазании. Разве Христос и Апостолы миром[26] мазали? Они возлагали руки, как и доселе возлагают католические епископы. А магизм здесь в том, что благодать представляется каким-то веществом, в мире сохраняющимся; масло есть вместилище благодати. Доходит до того, что, подобно гомеопатам, при освящении нового мира непременно в новое вливают часть старого, понимая в столь грубом вещественном смысле преемство благодати.

Наши катихизисы уклончиво толкуют, стараясь не распространяться: «Совершение миропомазания принадлежит епископам, но (как будто это одно!) совершается священниками посредством мира, освященного архиереем».[27] От этого взгляда прямой шаг к молитве родильнице или исповеди в шапку — обычаям, державшимся в невежественной Руси. Не все ли равно, самому ли попу дать родильнице молитву или прочитать ее над шапкою, которую потом наденут на родильницу? Результаты этого заочного магизма оказались очень важными для судеб Христианства. Крестить дозволено и младенцев. Это ничего, допустимо, может быть; но когда соединилось с крещением миропомазание, то таинство обратилось в обряд, лишенный смысла. Вот здесь-то и следует спросить: а младенец-то разве верует? Но из этого вопроса не следует, чтобы таинство проявляло свою силу помимо веры, а, напротив, следует ошибочность обычая, применяющего конфирмацию (католики правильно так называют это таинство)[28] над неразумными и еще не имеющими веры, да и не могущими ее иметь.

Боюсь, что смущаю Вас. Вы спросите: однако же так Церковь установила? Да, так завелось, и к несчастию завелось: невидимая Церковь от видимой отделилась еще более широкою бездною. Как отделилась она еще и прежде заменою гласной исповеди негласною,[29] да и еще прежде гешефтмахерством Симона.[30] Но и в понятиях-то о Церкви не следует держаться фетишизма, как не следует благодать объяснять магически. Не буду распространяться далее об этом пред-

мете; только оговорюсь, что протестантство, спасаясь от фетишизма, само создало себе фетиша; а потому отстранять фетишические понятия, к чему бы они ни прилагались, не значит ни впадать в протестантство, ни отрицать Церковь.

Подробностей о смерти Хомякова не знаю, т. е. знал, да забыл. Помню, что он пользовал себя гомеопатически (аптечку он с собою возил).[31] Кончина последовала, как я писал Вам, в дороге, между двумя имениями. Мог бы рассказать подробности старший сын его, Дм<итрий> Ал<ексеевич>.[32] Но с кончины родителя я почти не вижу его.

Я продолжаю быть совершенно несогласным относительно «Пережитого». Да хоть бы аршинными буквами на всех перекрестках публиковали, ничего не выйдет. Не выписывают и не будут покупать не от того, что не знают о выходе, а от того, что не слыхали о достоинстве содержания. Правда, отзывались хорошо;[33] да мало ли что хвалят? Русскому интеллигенту нужен специальный мотив, чтобы заинтересоваться книгой. Кто же ему толковал? Ну, вот возьмитесь Вы быть таким толкователем, когда выйдет вторая часть. Пошлите в какой-нибудь журнал; Вы же так прекрасно и горячо пишете.

Кстати, я не шутил, оставив[a] «Поверите ли?». Но я не признаю ее забракованною тем, что не поместил. Прекрасная и верная мысль в ней о двойном течении; остальное же, и притом бóльшая часть, было повторением того, что только что мною было сказано, за день, за два назад. По этой последней причине я и не поместил ее, как отчасти лишнюю после сказанного.

Жалеете Вы о судьбе Шарапова?[34] Не видал я вдовы Аксаковой; полагаю, она рада, как и ближайшие друзья Аксакова, все возмутившиеся, что без всяких нравственных прав и полномочий сей г<осподин> вздумал эксплуатировать имя покойного редактора «Руси», вопреки воле вдовы его овладевши списком подписчиков «Руси» etc. etc.[35] Но Вы знаете ли, что он сделал еще? Статью свою, за которую приостановлен,[36] он считал, должно быть, настолько победоносною, что разослал в литографированных списках по редакциям германских газет. Знай, мол, каков я, Шарапов!!!

<2>

11 янв<аря> 1887.[37]

Итак Вы, рьяный антипапист, для которого «папизм» служит шибболетом,[38] непременным заклинанием чрез каждые десять строк, оселком, на котором всё пробуете, боясь и тени папизма, — Вы и оказываетесь более папистом, нежели папа. Вы и opus operatum признаете, и требуете compelle intrare, вручая власть насильственного крещения не только иерархии, но и государству и подпирая эту власть обязанностью любви. Мило даже видеть, как Вы почти буквально повторяете аргументы самых заядлых ультрамонтан.[39] Но такова неумолимая логика лжи. Я, помнится, писал Вам, что от Вашего воззрения до инквизиции и костров недалеко; но Вы уж и дошли, только не отдаете себе отчета. И Вы не-

[a] *У Гальперсон, видимо, правильнее*: о статье (*Письма к Рцы*. С. 320).

годуете на Владимира Соловьева! Он только развивает Вашу мысль. Обязанность насильного крещения требует именно той Феократии, о какой он бредит.[40] То единодушие Церкви с государством, в котором эти два организма должны соревновать насильственным совершением первых двух таинств[41] и требует именно единого всемирного архиерея вместе с единым всемирным царем, что ему, Соловьеву, предносится верховным идеалом.

Удивительного, впрочем, ничего нет: есть же раскольники, которые, отстаивая обряд, идущий, по их мнению, от Апостолов, отвергают самих Апостолов. С Вами то же самое: Вы впадаете в самый грубейший папизм, воображая ратовать против папизма. В страстности Вы не замечаете даже богохульства и подлога, совершаемого Вами софистическим вопросом: «А по какому праву меня родили?» При Вашем несомненном уме, как Вы не заметили, что ставите вопрос, совершенно не имеющий аналогии с тем, о котором идет рассуждение? (Силлогизм таков: Бога нельзя спрашивать, по какому праву Он меня создал. Также и попа, а по-Вашему, и квартального[42] нельзя спросить, с какого права он крестил этого ребенка.) — «По какому праву меня родили?» Кто? О ком это Вы говорите? О Боге, по какому праву Он вывел меня в жизнь? Опомнитесь! А если вопрос к родителям, то дети ведь не пироги, которые в воле кухарки печь из ржаной и крупитчатой, с начинкой и без оной. Можно в Брюсселе заказать голубя известной масти, но ребенка, и притом известного пола и индивидуальных свойств, заказать нельзя и сделать их по произволу. Мы с Вами от родителей рождены, но не родителями. Вопрос, Вами предполагаемый, был бы богохулен.

Утомительно следить за странным сочетанием Ваших мыслей и не менее странною терминологиею.

По-Вашему, папизм есть доктрина. Но существо его — *дисциплина*, а не доктрина, которая есть во всяком исповедании, и в Церкви между прочим. Вопрос в том, что *над* чем и что *под* чем; папизм к доктрине равнодушней, нежели Церковь: сегодня она у него одна, завтра — другая.

Рассуждать далее отказываюсь. В состоянии Вашего духа и мысли всякие противообъяснения бесполезны. Вы не обратили внимания ни малейшего на возражения, представленные мною в прошлом письме. Вы ухитрились даже вычитать совершенно противоположное тому, что я думаю, т. е. будто склоняюсь к обязательной определенности таинств. Вы тот прямолинейный ум, о котором я говорю в одной из последних глав «Пережитого», который выслушивает в течение получаса Ваши возражения и потом заканчивает вторую половину фразы, которую Вы прервали своею речью.[43]

Вы отказываетесь понять, что же я разумею под «рационализмом», я точно так же не понимаю, что Вы под ним разумеете. Мое объяснение было напечатано в 1859 году.[44]

Когда Вы пояснили мне свое ad intra и ad extra * Церкви, как Вы не сообразили, куда же Вы денете Апостолов и заповедь «шедше научите»[45] etc.? Вместо не-

* к внутренней... к внешней (*лат.*).

лепого (извините) вопроса, по какому праву меня родили, как Вы не задаете себе более уместного и логического вопроса: почему же Апостолы не всех крестили или даже почему не сделал того сам Христос?

Впрочем, в струе Вашей мысли Апостолы должны представляться величиною, которою можно и пренебречь. Апостолы возлагали руки, а не миропомазали.[46] Ну, что ж! Да ведь второе таинство, совершаемое чрез руковозложение, усвоено папизмом; вот Вам и достаточно; можно и Апостолов за борт.

Со стороны наблюдать этот психический процесс даже любопытно; но в данном случае мне и тяжело, и больно, и жалко Вас до смерти.

Разубеждать я Вас не стану; да это и бесполезно. Я всегда держался и продолжаю держаться мнения, что полемика ни к чему не ведет. Более или менее, но каждый читает в другом себя, а не того, кто ему говорит. Для третьих лиц, свидетелей, полемика оказывает значение, да и то умеренное. К чему же нам попусту бить воздух? Вы обращались ко мне в надежде видеть комментатора к Хомякову. Но я от Хомякова совершенно независим и потому взаимные объяснения наши будут только взаимными недоразумениями, о чем я уже не раз Вам сообщал. Итак, прекратим все разглагольствия наши «по вопросам высшего порядка», как Вы их называете.

От Хомякова осталась куча детей, чуть не до десятка.[47] Дмитр<ий> Алекс<еевич> (старший) замечательного ума человек, его статьи или статья была, кажется, в «Руси». Но вообще к литературе он касательства не имеет.[48]

Когда я наблюдал во время оно над семьей Хомякова, предо мною выплывало не на них только обнаруживающееся явление, что *у замечательных людей дети воплощают в себе родительские особенности* (*чаще всего недостатки*) *в преувеличенной степени,* и большею частью в отвлеченной форме, иначе — отраженно от других качеств, присущих родителям. Алексей Степанович был острослов, любил рассказывать комические анекдоты (особенно из религиозной сферы, что значительно смущало верующих людей, не знавших его ближе; не иначе как с негодованием отзывались они об этом неистощимом кощунстве над святынею). То, что у отца было сопутствием других качеств, у детей явилось главным, почти единственным. Бывало, за столом остроты и анекдоты сыпались у этой многочисленной семьи взапуски.

Вы воображаете себя *публикой*. Тогда я не понимаю Вашего разговора о войне, который мог родиться только в Вашем кабинете. Поминки по Чайковском[49] можно бы напечатать, но мешает оригинальность изложения: что принадлежит Чайковскому, что Вам, где Ваши слова кончаются, где его начинаются, совершенно не разберешь.

<3>

М<осква>. 22 янв<аря> 1887 г.[50]

Вы обиделись последним моим письмом, дорогой Иван Федорович; это крайне жаль. Вы увидели в нем неспокойное состояние духа, желчность; если бы Вы видели меня в кругу моих ближайших, когда я прочел Ваше письмо

с проектом насильного крещения младенцев; если бы Вы слышали мои о Вас рассуждения и рассуждения двух упомянутых: Вы бы посмотрели иначе, и участия, истинно отеческого, не приняли бы за полемический задор.

Вам показалось бранным даже эпитет *прямолинейный*. Если у Вас в Киеве найдется январская книжка «Дела» (впрочем, она еще не вышла, по-видимому), прочтите в ней главу из «Пережитого», под заглавием «Дон-Кихоты Просвещения»,[51] Вы увидите, в укорительном ли смысле я принимаю слово *прямолинейность*.[52]

Что касается до выражений *подлог*, *софизм*, *богохульство*, *нелепость*, то в печати я их не употребил бы; да и не стал бы останавливаться на мнениях, подобных Вашему. Но простите, для головы, рассуждающей последовательно из начал христиански-православных, эти сказуемые неизбежны в характеристике. Вопрос, *по какому праву меня родили*, есть богохульство, а ставить его в аналогию с крещением есть логическая нелепость: в одном случае представляется смертный человек и пред ним живое существо, существующее существо, сказать бы так; в другом — Бог и пред Ним ничто, nihil, nonsens, ибо в момент создания или рождения личность, о выведении которой на свет говорится, еще не существует. Как юриста[53] Вас смущает слово *подлог*, но я говорю, и Вы, надеюсь, понимаете, о подлоге добросовестном, который тем не менее остается софизмом и ведет к логическому абсурду.

Когда я пишу, я не уверен, чтобы Вы к понятию «логический» не отнеслись с предубеждением, как некогда к понятию «систематический». Вы сказали тогда нечто вроде того: «Да нет и ничего хуже системы; сочинения Хомякова тем и прекрасны, что не система!». Я Вам ничего тогда не отвечал на это замечание, видя, что недоразумение между нами начинается с азов. И теперь вижу у Вас словоупотребление, в котором речение *«рассудок»* приводится Вами в непонятных для меня сочетаниях. Предполагается какая-то особенная психология, по которой рассудок есть нечто злое, от которого нужно отметаться. А если так, то и «логическое» должно быть чем-то очень гадким вроде «системы» (система = логика). Предносится мне, что такое воззрение основывает себя на Хомякове, который противопоставляет (и верно) свободу логической необходимости, основывая на этом противоположении всю всемирную историю. Но все-таки связь понятий, в силу которой Вы так враждебно смотрите на *рассудок* и *систему*, отказываюсь восстановить; вижу только, что у меня и у Вас те же понятия, точнее сказать, те же слова иначе определены.

Вот почему едва не с первого письма я постоянно толковал, что между нами туча недоразумений; посему постоянно просил не возбуждать меня к длинным письмам. Да в самом деле, не в каждом ли письме я повторяю одно и то же: «*недоразумение*»? В последнем же (точнее, предпоследнем) я истинно ужаснулся, читая рассуждения, будто выписанные из ультрамонтанских богословов, причем видя, что все мои усилия различить Вам Церковь видимую и невидимую остались тщетными. Вы не обратили ни малейшего внимания. Я не намерен был разубеждать; но я желал Вам выяснить мою точку зрения. Но Вы повторяете свое,

продолжаете выводы из *своей* точки зрения, тогда как я объяснил уже, что я с ней-то не согласен. Понятно, после этого праздны разговоры. С улыбкой смотрю я на проявление «женской» <логики>[54] (опять, пожалуй, примете за брань и неспокойное состояние духа) и в последнем Вашем письме. Вы упоминаете о неспокойном состоянии духа, в котором я будто бы рассуждал о Восточном вопросе. Верите ли, как это мне смешно! Стало быть, Вы остаетесь при этом мнении, несмотря на все мои объяснения, что я всегда так понимал восточное призвание России, никогда иначе и не понимал, никогда не проповедовал *славяно*фильства, никогда не признавал *обязанности* России пред славянами и даже пред кем бы то ни было. Всё это я толковал Вам и растолковывал; но Вы, минуя всё это, как будто письма пропали на почте, остаетесь в уверенности, что союз с турками я проповедую par dépit! * Дай Бог Вам прожить долго; лет через пяток, десяток Вы прочитаете это странное упорство приписывать другому свою точку зрения и на основании того приписывать ему «неспокойное состояние духа», страстное увлечение; Вы тогда сами улыбнетесь и объяснение в страстности перенесете на другую сторону.

Кончаю тем, что было мною сказано в прошлом моем письме: соболезную о Вас до смерти, не обидьтесь снова: Вы — Сютаев[55] или, если это Вам не нравится, — Гус[56] в зачатке. И таково естественное последствие келейного напряженного духовного саморазвития. Audite juvenes senem, quem juvenem audivere senes: ** могу Вам это сказать. Замечание, сейчас высказанное, внушено искренним уважением к Вам и душевною любовию, состраданием. В этом отношении я прожил век недаром и недаром изучал психологию верований и сравнительным, и историческим путем. Состояние души Вашей ясно для меня и отчасти путь, каким Вы до него дошли. Жалеть ли, что переписка между нами началась? Был момент, когда я готов был даже жалеть, опасаясь, что я смущаю Вашу веру. Теперь на этот счет я спокоен: Вы кристаллизовались, непоколебимы, и мои с Вами несогласные мнения способны возбуждать в Вас только удивление, как это я такие странные вещи утверждаю, а затем и объяснения — «страстным состоянием духа». При спокойном-де состоянии я непременно заговорил иначе, а взяв Хомякова в руки, вывел бы то самое, что Вы выводите, не правда ли так?

Вы приходите в изумление, что я приписываю Вам *чудовищности*. Какого рода мнения Вы так обзываете, не знаю. Я приписываю Вам только *opus operatum* и *compelle intrare*. Более ничего, кажется. Но обязанность совершать над *всяким* младенцем два первые таинства, вручаемая Вами иерархии и государственной власти, и есть именно то, что разумеется под *compelle intrare* (заимствованное из Евангелия, когда Иисус *понуди внити* в корабль).[57] *Opus operatum*, кажется, нечего объяснять: таинство, благодать исполняет свое дело, совершает действие независимо от веры крещаемого и миропомазуемого; надеюсь, что Вы именно это утверждаете, а это и называется *opus operatum*. Что же Вы разумеете под «чудо-

* с досады (*фр.*).

** Слушайте, юноши, старика, который юношей слушал стариков (*лат.*).

вищными»? Что Вы стоите на дороге В. Соловьева и на шаг от инквизиции? Склонен верить, что Вы не дойдете до этого; но это будет непоследовательность, обычная, впрочем, в верованиях. Показать родоначальникам нашего раскола, современникам книжного исправления, теперешние рассуждения беспоповцев о духовной церкви, — они сказали бы: мы этого не говорили, это ересь. А тем не менее беспоповцы вполне последовательны, как «трясучки»,[58] с одной стороны, Бруно Бауер[59] — с другой, суть верные последователи Лютера, хоть он и проклял бы их, когда бы они явились при его жизни.

Поэтому-то оставим разговоры о высших материях. Оказалось, что они повели не только к недоразумениям, но даже к огорчениям. Я огорчаюсь *за* Вас, а Вы, по-видимому, огорчаетесь *на* меня. Если я Вас огорчил, простите; но еще раз уверяю Вас, что ни малейшего чувства досады, а тем менее вражды не поднималось во мне, а одно чувство самого сердечного сострадания.

На политическом небе мрачно.[60] Пройдет ли без грома февраль и март? Конвенция-то с Германией, говорят, действительно заключена, и говорят — даже в худшем смысле, нежели пишут в газетах.[61]

Vale. *

Поминальную речь о Хомякове[62] получил обратно: благодарю.

---

13 апр<еля> 1893

А. И. Остроумов рассказывал, что когда Гиляров был начальником Синодальной типографии, то к нему явился представляться директор Хозяйственной части Лавров,[63] которого Н<икита> П<етрович> принял в халате, причем ноги положил либо на стол, либо на стул, а ноги были обуты в чулки и туфли. Лавров же был в форменном вицмундире и при звез<д>е — отсюда и месть. Неудовольствие же это в Петербурге. — Затем представленная Н<икитою> П<етровичем> записка о преобразованиях в Типографии была снабжена, испещрена ядовитейшими примечаниями Лаврова, лишившими ее всякой силы.

10 апр<еля>

Ольга Николаев<на>[64] (служащ<ая> у П. И. Бартенева[65]) рассказала мне о Сковронской.[66] Это была не глупая и недурная собою женщина, только очень беспорядочная, с коротко обстриженными волосами, в костюме-неглиже. Она действительно жила с Гиляров<ым>,[67] и он ей безгранично доверял, и она злоупотребляла его доверием. Растрата сумм, пожертвованных на Сербскую войну. Внесено Аксаковым. Авдотья Ивановна[68] была в услужении у Сковронской, потом по удалении ее осталась и затем была прислугою в редакции и сделалась будто даже любовниц<ей> Н<икиты> П<етровича>.

Разочарование с Сковронской было ударом для Н<икиты> П<етровича>, — кот<орый> чуть-чуть из-за нее не попал на скамью подсудимых.[69]

П. И. Бартенев говорил про Н<икиту> П<етровича> гадость, что будто Авдотья Ивановна была его дочерью и что он, стало быть, жил со своею дочерью.

---

* Будь здоров (*лат.*).

Но этого не может быть, т<ак> к<ак> Авдотья Ивановна старше тех лет, какие она должна бы иметь, будь она действительно дочерью Н<икиты> П<етровича> от Сковронской. —

Бартенев сам попался на проек<т>ерстве и обольстительн<ой> речи Гилярова-Платонова о выгоде изделия бумаги из еловых игол, что он по собственной инициативе производил на своей фабрике.[70] Бартенев законтрактовал Гилярову и пострадал на этом деле: бумага вышла отвратительная, и Б<артенев> потерпел убыток.

10 апр<еля>

Смирнов-Платонов[71] тоже сделал, не в осуждение Г<илярова>, темный намек на любовны<е> его грешки. — Перед силою же и широтою его ума он преклоняется. Воспоминания сводятся главным образом к Академии, где он два года был слушателем Н<икиты> П<етровича>. — Он для сборника[72] хочет написать о взглядах Гилярова на православие.

—

«Из пережитого». 1, 110[73]

«По-настоящему, при каждом училище должно бы быть место для отседа менее способных, пожалуй, и столь же, даже более способных, но по другому роду развития. В неоднократных беседах с покойным А. П. Ахматовым[74] (быв<шим> обер-прокур<ором> Св<ятейшего> Синода перед Гр<афом> <Д. А.> Толстым), в виду предпринимавшегося преобразования духовных училищ (последнего), я раскрывал ему эту мысль подробно, *чуть ли не подал об этом даже записку*».

—

«Из пережитого». 1, 118—119

Лет 20 тому назад один из петербургских духовно-ученых, отец Никольский, попытал изложить в довольно объемистой книге Церковно-Богослужебный Устав,[75] и мне пришлось пробегать его для составления рецензии на рукопись, имевшую притязание изложить систему устава для учебного руководства. Начальство (*я служил тогда управляющим Синодальною типографией*[76]) *поручило мне рассмотреть представленную рукопись*. — Она оказалась совсем негодною, с грубейшими ошибками; но и труд отца Никольского преисполнен промахов. Так пробел в этой части духовно-учебного курса остается пробелом.

«Из пережитого». 118

«*Православной богословской науки вообще не начиналось еще; все, что имеем мы, продолжает быть компиляцией с западных богословов*, у одних более удачною, у других менее, но компиляцией — не далее. В самое последнее время явившиеся диссертации магистров и докторов богословия — те же компиляции, хотя и высматривающие свысока, с цитатами из первоисточников. Знакомый с западною литературой, однако, легко открывает, что ученые изыскания авторов идут не далее вторых рук и во всяком случае через них».

«Церковная археология — вполне законное дитя протестантства, для которого вся церковь, в смысле внешнего учреждения, стала отжитою древностью. Протестант смотрит на обряд, да иначе и смотреть не может, подобным же образом, как смотрит русский ученый на употребление кун или на обычай “выдавать головой”».

Ibid. 119—120

«Исполнение устава служб и техника пения есть дело дьячковское, немногим выше искусства звонить: вот глубочайшая, на дне лежащая посылка, в силу которой ум богослова отвращается от казуистики устава и от церковных нот».

«Пренебрежение к этим[a] двум статьям духовно-учебной программы истекало именно из ложного аристократизма, из боязни уронить свое достоинство и затем из практических соображений бесполезности.[b]

А жаль. Пробел в этом певческом искусстве и в этих дьячковских познаниях — одна их причин пасторского бессилия, холодности народа к церкви и порождения сект. Народ связывается с церковию все-таки через богослужение, и самое главное, чем можно привязать его к церкви или отвратить от нее, есть отношение служителя церкви ко внешнему отправлению богослужения; здесь исходная точка, откуда пошли старообрядчество в одну сторону, молоканство, духоборство, хлыстовщина — в другую».

«Читать в церквях не только дьячки, которым и Бог простит, но диаконы, иереи, даже епископы не умеют. Сносный, не говорю вполне удовлетворительный — мне не удавалось еще таких встречать — чтец привлекает в церковь тысячи одним чтением. Народ теснится, когда настоятель, читающий во всяком случае удовлетворительнее дьячка, выходит на середину церкви возглашать Покаянный канон.[77] Подумаешь: как мало нужно, чтоб удержать в церкви народ и привлечь к ней, и как мало для того делается пока! Демократизация, которая сделалась модой, и сюда, впрочем, стала проникать. Чрез полстолетия с удивлением будут читать наши внуки о времени, когда священнослужители не умели ни читать, ни петь и не умели править службы, потому главное, что считали практику в этом для себя унизительною».

«Из Пережитого» 1, 146—147

«В понятиях духовенства, по крайней мере московского, столичный диакон выше священника уездного, тем паче сельского. Перворазрядный студент семинарии брезгал, продолжает, вероятно, брезгать и теперь, священническим местом в селе, при вероятности получить дьяконское, но в Москве; дьяконскими в Москве местами не пренебрегали и кандидаты Академии. Образовались *два вида духовенства, столичное и уездное, качественно различные, даже отрезанные*

[a] *У Гилярова*: к упомянутым.

[b] *У Гилярова*: о бесполезности. Да для чего-де это мне певческое искусство, эти дьячковские познания?

взаимно; так что семинарист, хотя бы перворазрядный, попав в село, уже *терял надежду выбраться в Москву*, тогда как дьякону московскому, хотя бы второразрядному, переход на священническое место в столице не закрывался. Идти из дьяконов московских в сельские и даже уездные попы, это почти разжалование. Если же бы сельский иерей стал просить перемещения в Москву, хотя бы заслуженный, он в консистории возбудил бы не только удивление, но негодование, как забывшийся нахал; нужды нет, что на то же место завтра поступит диакон из второразрядных и третьеразрядных семинаристов, притом ничем не выдающийся на службе, тогда как сельский священник вместе и примерный благочинный.....

Бытовая иерархия превозмогает церковную и даже отчасти государственную. Последнее в том смысле, что и награды духовенству сообразовались, в те времена по крайней мере, не с самым служением, а с *местом*, где оно проходилось..... (147 стр.)

Если в положении, усвоенном со времени Сперанского,[78] и даже ранее, со времен Прокоповича,[79] что школьное образование есть главная принадлежность священства, заметен оттенок протестантства, то возвышение столичного диаконства перед сельским священником было шагом к латинству, — тому латинству, которое пресвитеров и диаконов царствующего Рима поставило в сане кардиналов выше даже епископов.[80] Священнослужительское место есть награда за успешное окончание курса наук, а в самой должности священнослужителя существеннейшее есть доход, с нее получаемый: понятна и эта мораль установившегося порядка».

———

150—151

Переменой быта сказывается боязнь унизиться до простонародья или желание вырваться из него, поползновение на барство и прибавлю — барство в смысле тунеядничества... Цветом благородства[a] признавалось совершенное отрешение от народа.

154.

Останавливаю внимание на трех[b] типах, п<отому> ч<то> они живут в обществе и теперь. Старина не рассуждающая, живущая как жила — один; другие не прочь принять обычай новый, но свободно, по справедливым требованиям гуманности, удобства, денежных средств; третий тип: рабская погоня за внешностью высших нас по состоянию и общественному положению.[c] Как известно, теперь есть еще и четвертый тип — нахального неряшества, намеренного, почти насильного пренебрежения внешностью, хвастовства незнанием приличий. Он

[a] *У Гилярова*: «благородства», конечно.

[b] *У Гилярова*: на этих трех.

[c] *Далее у Гилярова*: На этой стадии мы, младшие члены семьи, и стояли в описываемое время.

народился в последние 25 лет вместе с натянутым демократизмом разных видов: это то же рабство, только с переменой кумира и с утратой прежней добросовестности.

Из пережитого. 1, 170

Рецензия Н<икиты> П<етровича> на книгу «Странствование инока Парфения»:

«Среди нас и с нами, говорил я, живет другой мир, нам незнакомый, с другим строем мысли, чуждым нам и непонятным, хотя лица эти известны нам, мы сталкивались с ними, говаривали, ведем с ними постоянные сношения. Но есть события, совершающиеся в этом, чужом для нас мире, которые нами не замечаются, не подозреваются в своем существовании, не узнаются, когда мы их и видим. Равно события и идеи нашего мира не замечаются и не понимаются этими людьми, среди нас живущими, но с мыслию, обонпол[81] лежащею; совершенно в другом освещении представляется окружающее и нам и им. Это я и называю *полосатым общественным развитием*. Как быт живет в разных ярусах, так и мысль общественная течет разными струями одновременно, притом качественно разными, а не количественно; одна не есть степень другой. Невнимание к этому обстоятельству способно часто обмануть расчеты законодателя, обратить в ничто и даже во вред самые благонамеренные предначертания, и чем обширнее круг ими обнимаемый[a] и чем они по-видимому основательнее теоретически, тем опаснее грозит разочарование».

1, 173. *Коломна* (*40-е годы*)

Семья наша и все, кого случалось слыхать и видать, относились, очевидно, к крепостному праву, как относятся к стихийной силе, молнии и дождю, или к физическому закону тяжести, с которыми не спорят в существе и с которыми только обходятся так или иначе, покоряясь им, облегчая себя от них подходящими средствами, но не объявляя им войну самим в себе.

Предполагались бы в городе, и сравнительно немалом, общие городские интересы. Какие они были? *Никогда никакого проблеска, никакой мысли о возможности органического, совокупного общественного труда на общественное благо.* Есть то, что есть, прилаживайся к нему каждый; вот по-видимому была общественная мораль.

174

Были какие-нибудь у кого-нибудь разговоры с каким-нибудь политическим оттенком? Ни у кого, никогда, никаких. Всего каких-нибудь три, четыре года перед тем произошло усмирение польского мятежа,[82] восемь лет тому назад случилось 14 дек<абря>.[83] Никогда не слышал я от окружающих ни слова ни о том, ни о другом.

---

[a] *Далее у Гилярова*: и чем они по-видимому основательнее теоретически, тем опаснее грозит разочарование.

175

Жизнь горожане вели затворническую. Лавка и церковь, вот единственные места выходов, и первая притом исключительно для мужского населения, если не считать торговок, сидевших в палатках или с лотками на открытом воздухе. Откуда этот теремной режим, когда в высшем сословии терем уже кончился, а в низшем, т. е. крестьянском, его даже не бывало?

«Пережитое». 1, 244.
В Москве 1837 г.

Через полтора года ровно, под заглавием «*Святочные Досуги*», составлено было мною *обстоятельное описание моего первого приезда в Москву*. Это была довольно объемистая тетрадка, оканчивавшаяся целою страницей письменного, весьма лестного отзыва, данного о моем труде профессором. *Тетрадка* эта с *другими бумагами погибла* потом *во время пожара*, бывшего у меня.[84] Кроме того, я вел *дневник* в самое это время краткой побывки в Москве. Я был так переполнен виденным и слышанным, что из меня переливалось чрез край невольно; я боялся затерять приобретенное, не уберечь. *Часть дневника сохранилась*.[а] — То было излияние, то была исповедь.

Пережитое — *247*

Жизнь столичного приходского духовенства отличается от уездного только в потенции. Те же требы, то же «славленье», то же «что́ позвонишь, то и получишь», то же улаживанье отношений к прихожанам, *унижение пред богатыми, почти пренебрежение к бедным, та же материальная сторона впереди, тот же главный фон, даже не загрунтованный лицемерием*, и это нужно отнести к великой чести духовенства, оно себя не корчит.

Монастырь другое дело; там звонят по уставу, службу правят как предано; *на первом плане аскетизм, глубокие поклоны, долгая служба*. Не в том вопрос, искренне ли это, а в том, где лицевая сторона. С незнакомым монах чувствует себя обязанным держать постное лицо, говорить «о Боге и Его правде, о человеке и его неправде»,[85] воздыхать, повествовать о чудесах, о пользе молитвы.

Попади я в мужской монастырь, одно из двух, смотря по обстоятельствам: меня возмутило бы лицемерие; если не лицемерие, то несоответствие показной стороны с действительностью: из меня вышел бы второй Ростиславов;[86] или же бы я экзальтировался, как экзальтировались после некоторые из моих сверстников, возмечтавшие о пустыне, афонских подвигах, и надевшие клобук.

а *Далее у Гилярова следует*: Но я и начал его поздно и прервал рано; прервал потому, что нашел записи брат, прочел их, не говоря мне ни слова и не говоря же мне ни слова испестрил помарками, отнесясь к ним, как к ученическому упражнению. Но то было не упражнение <...> (*Из пережитого*. Т. 1. С. 163).

248—249

В Новодев<ичьем> монастыре аскетическая жизнь ведена была не напоказ, а искренне; но сестры не тунеядствовали, а большинство прокармливалось работой, подобно тому как было полторы тысячи лет назад в Фиваиде. Впрочем, это уже общее отличие женских монастырей от мужских, удивительное, пожалуй, даже возмутительное. Монах садится на даровой хлеб, на даровую квартиру, участвует в дележе кружки. Сестра, поступая в монастырь, обязана внести *приданое*, купить келью и содержаться на свой счет.

24 апр<еля> 1893 г.

М. Г. Черняев[87] мне говорил, что в 1879 (?) г.[a] Н<икита> П<етрович> собирался баллотироваться в Московские городские головы и будто был вполне уверен, что его выберут, но получил только 12 избирательных шаров. Черняева же он подбивал идти в гласные, но тот не согласился пускаться на авось.

Н<икита> П<етрович> во время Сербской войны поддержал штаб Черняева от возведенной клеветы в растрате денег. По этому поводу он напечатал присланный Черняевым отчет и снабдил его горячей статьей[88] — отсюда сближение. — Неблагоприятное мнение о нравственной личности Н<икиты> П<етровича>.

Черняев мне далее рассказал, что после смерти М. Н. Каткова он через Воронцова-Дашкова[89] представил Государю[90] записку, в которой ходата<й>ствовал о назначении его редактором «Моск<овских> Вед<омостей>». Воронцову Государь сказал, что действительно это было бы желательно, что его деятельностью как редактор<а> «Русского Мира»[91] Он доволен, что, правда, Черняев — человек увлекающийся и может зарваться, но что на это есть узда. — Воронцов передал это Черняеву с разрешением ему сказать это Делянову,[92] что Государю будет приятно, если Черняев будет издателем «М<осковских> В<едомостей>». — Накануне еще Черняев встретился с Деляновым на улице и говорил о смерти Каткова и о том, кому бы передать издание «Моск<овских> Вед<омостей>»; при этом Д<елянов> находил потерю невознаградимой и не усматривал достойного заместителя. —

На другой день после этого разговора Чер<няев> является к нему и[b] спрашивает, как бы он посмотрел на то, если бы он — Черняев — просился бы в заместители Каткова. Черн<яев> никогда не видел Д<елянова> в таком раже, как после этой своей просьбы. Он рвал и метал и наотрез отказал ему. Тогда Ч<ерняев> передает ему разговор с Воронцовым и желание Государя. «Мало ли что Государь желает. Хорошо, я представлю Вас в числе кандидатов, но не ручаюсь в успехе».

---

[a] *Далее приписано карандашом и дважды подчеркнуто*: ***1885 г.***

[b] *Далее зачеркнуто*: передает, что.

Это Черняев передал Гилярову и предостерегал его от чрезмерной надежды на успе<х> ходатайства его о «Моск<овских> Вед<омостях>».

Далее Черняев, стоявший во время последнего приезда Н<икиты> П<етровича> в Петербурге осенью 1887 г. рядом с ним в гостинице «Бельвю», припоминает, что Н<икита> П<етрович> приехал к нему страшно взволнованный и убитый после разговора с К<онстантином> П<етровичем>,[93] который на него будто накричал и отказал в поддержке.

—

Шарапов,[94] по его мнению, повредил памяти Н<икиты> П<етровича> своей чересчур восторженной поминальной статьей.[95]

Н. П. Барсуков[96] неодобрительно отозвался о нравственной личности Н<икиты> Пет<ровича> — его семейной жизни. Он считает его человеком неверующим, да и в Хомякове он не видит крепкой веры. — О Св. Троице, которой он поклоняется с верою, они толковали ежедневно, жонглируя логическими тонкостями мысли «Субъект-Объект» 2-е лице Св. Троицы.[97] — Не оттого ли и Филарет его убрал с кафедр.[98]

С Погодиным[99] Н<икита> Пет<рович> познакомился со времени издания «Русской Беседы».[a]

Письма есть, только он не готов их выдавать, говорит, что не имеет права в чужие руки даже ни одного лоскутка из архива Погодина.

—

Барсуков возмущался на славянофилов, котор<ые> были богаты и влиятельны и не поддержали Ник<иту> Петр<овича>, дали ему тянуть убивавшую его лямку.

1, 319. Пережитое. Когда готовилось новое преобразование духовно-учебных заведений (третье) *в конце шестидесятых годов* <...> наука не поднялась, да и нечем было подняться.

Бартенев мне рассказывал, что будто Гиляров был *большой игрок в карты*, страстно любивший игру.

Эфрон[100] мне говорил, что ссора Н<икиты> П<етровича> с сыном Алексеем[101] произошла оттого, что раз сын застал отца целующего его жену[102] в лоб в знак отеческой благодарности за хорошо сделанную ею работу по сведению счетов за объявления газеты, и Алексей Никитич будто назвал тут же отца старым развратником, а тот немедленно выгнал его вон из дому. Они жили тогда вместе, занимая трехэтажный дом на углу Знаменки и Ваганьков<ского> пер<еулка>. —

Ссора с сам<им> Эфроном, назвавшим Гиляров<а> старым псом за то, что тот не хотел печатать целиком какой-то отчет Э<фрона> о благотворит<ельном> спектакле.

[a] *Далее приписано карандашом*: нет — он ему писал из Академии.

К знакомству с славянофилами

Пережитое. *I, 310*

С Хомяковым-писателем я познакомился лично спустя двадцать лет после того, как зазнал его впервые брат.[103] И я и Алексей Степанович часто поражались до буквальности иногда доходившим сходством некоторых наших воззрений и отыскивали причину. * Независимо от общей (случайного тождества литературы по известным отраслям, служившей подкладкой тому и другому) могла иметь свою долю значения и частная. Не могло ли случиться, что какое-нибудь замечание А. С. Хомякова запало в брата, усвоено, развито и в каком-нибудь виде передано мне, а у меня тоже пустило росток?

11 мая

Г. А. Иванов[104] о Гилярове

«Он был брезглив в отношениях с людьми, всегда брюзжал, точно вечно был чем-то недоволен».

Существуют, по его мнению, люди двух категорий: одни много говорят, но мало делают; другие много делают, но мало говорят. Гиляров, на его взгляд, принадлежал к первой категории.

18 мая

Бартенев рассказывал, что неряшество Н<икиты> П<етровича> доходило до того, что он основал «Совр<еменные> Изв<естия>», будучи еще управляющим Синодальной типограф<ией>, на шрифте этой типографии, что это утверждал Бессонов,[105] котор<ый> тоже служил тогда в типографии; что будто Гиляров употреблял для газеты некоторых чиновник<ов> синодальн<ого> ведомства, своих подчиненных.

По словам Б<артенева>, Н<икита> П<етрович> был страстным игроком в карты, котор<ый> целые дни напролет способен был проигрывать в карты.

Иванов. 6 июня

Гилярова упрекают в беспорядочности и неряшливости. Разве это такое преступлен<ие>? Говоря о Каткове, никто его не упрекает в беспорядочности, а у него всегда был хаос на столе и в кабинете.

У Гилярова был полный порядок в мыслях и велико<лепная> память; так что он для писаний своих не нуждался в необходимости иметь под рукой справочный матерьял, содержа в голове все данные. Поэтому он никогда и не заботился о внешнем порядке, необходимом более всего[a] при постоянной работе для выужива<ния> всех потребных справо<к>, <дабы любая> была под рукою, чтоб не терять лишнего времени на ее подыскивани<е> и отнесение к должному месту среди другого матерьяла. Всего этого, повторяет, Гилярову не было надобно,

---

* Привожу два особенно поразительные примера. Когда вышла первая из богословских брошюр Х<омякова> — и др. <*Примеч. князя Н. В. Шаховского.*>

[a] *Далее зачеркнуто*: для.

ибо все лежало у него в соответствующем порядке на дне памяти и в каждую нужную минуту без труда и усилий могли быть или будут извлечено для дела.

Воспоминания свои, представляющие величайшую стройность изложения, писаны были им без единой справки с каким-либо матерьялом, только по *памяти.* Надо отдать дань удивления и природному его дару необыкновенн<ой> памяти и труду, истраченно<му> на ее большее развитие и обращение ее, так сказать, в переносный архив, в избранную библиотеку, которая переносила<сь> с ним вместе всюду, где бы он ни был, и никогд<а> ему не изменяла.

———

Иванов. 28 ию<ня?>

Влияние славяноф<ильского> учения и направления сказало<сь> в критич<еской> статье его о Семейной хронике Аксакова[106] — стр. 49—54.

———

Москва 20 авг<уста>

Гиляров-Платонов, будучи профессором исповеданий, читал в то же время о расколе,[a] давал темы для сочинений, котор<ые> подавались на степень магистра и представлялись Академиею в Св. Синоде на утверждение и одобрение. В числе таких тем Ивану Васильевичу Беляеву[107] на последнем академич<еском> курс<е> Гиляровым была дана тема — о Стоглаве.[108] Ввиду того, что в нем встречаются постановления, на коих утверждаются раскольники, православ<ная> духовна<я> наука отвергает подлинность этого постановления. — Беляев же, руководимый Никитою Петровичем и при помощи своего двоюр<одного> брата Ивана Дмитриевича Беляева,[109] извест<ного> профессора Моск<овского> ун<иверситета>, — доказал подлинность как самого собора, так и соборного постановления. — Это сочинение было представлено в Петербург в Синод. Последний поручил рассмотрение этого сочинения *Макарию,*[110] будущему знаменитому историку Церкви. Макарий од<о>брил сочинение и — включил бóльшую его часть в свою историю Р<усской> Церкви.[111] — Таким образом прикрыв своим авторитетом вывод<ы> Беляева — провел в науке новый взгляд на подлинность Стоглава.[112]

— От Смирнова-Платонова же я слышал, что при описании рукописей Синодальной библиотек<и> в Москв<е>[113] Горский нашел, что полная Библи<я> была у нас переведена только в XVI век<е>, а до тех пор постепенно, т<ак> ск<азать> по мере возникновения потребности, появлялись переводы то той, то другой части Библии. За этот вывод Горскому пришлось испытать неудовольствие высшего Синодального Управления, но Филарет его отстаивал.

———

Ольга Николаевна, служащая у Бартенева, мне рассказывала, что будто Алексей Никитич Гиляров отбивал у отца его любовницу Сковронскую и отбил,[114] за что, узнав, Н<икита> П<етрович> — в порыве безумной ярости топтал Сковронскую ногами.

---

[a] *Далее зачеркнуто*: задавал сочинения.

Подтверждение этого.

Из письма Сковронской к Гилярову:

«Побудительной причиной к связи с Алексеем Никитичем было то, что я готова была на всякую жертву за то, что один из Гиляровых со мною хорош».

«Помнишь, я тебе на даче сказала, что молилась всю ночь и что теперь особенно верую в Бога. Я молилась всю ночь и благодарила Бога от души, что Он меня наказал тем же, чем я согрешила пред тобой относительно Алексея Никитича, и что Он дал мне испытать то, что испытывал ты».

«За побои благодарю от души».

«Припомнилось мне, что, узнав историю с Алексеем, ты сказал: “Лучше бы я не знал”».

—

Из Дела Моск<овского> Ценз<урного> Ком<итета>
о газете «Сов<ременные> Изв<естия>» 1862—1888 г.

а) № 14 — 1867 —

1) Программа газ<еты> «Сов<ременные> Изв<естия>», утв<ержденная> в окт<ябре> 1867.

б) № 8 1871 г. —

Донесение цензора Федорова[115] по поводу помещения в № *135* статей, сообщающ<их> слух о путешест<вии> Г<осударя> И<мператора> за границу и разреш<ении> Госуд<арственного> Совет<а> устр<оить> перв<ую> русск<ую> гимназию в Ревеле.[116]

— о ст<атьях> № *38* и *39* о придан<ом> прин<цессы> Луизы.[117]

Ц<ензурный> К<омитет> — донес<ение> в Петер<бург> о всенарод<ных> молебнах (*№ 209*),[118] неуважительные отзывы о духовенстве составляют вообще отличительную черту в направле<нии> «Сов<ременных> Изв<естий>».

Объяснение Гилярова 9 авг<уста> 1871 г. в Ценз<урный> Комитет (№ 214 «С<овременных> И<звестий>»[119]).

— Из бумаги *Шидловского*,[120] завед<ующего> Гл<авным> Упр<авлением> по дел<ам> печ<ати> о ст<атье> *209* № —

«путем разных выходок можно постепенно развить в массе народа неуважение к форме и обрядам религии, тем более что наш простой народ при своей *неразвитости* держится преимущественно именно этой самой *внешности обрядов, о которых неприлично отзыв<ается> автор*».[121]

За отм<еченную> стат<ью> = воспрещение розничной продажи —

Оценка № *279* о духовно-судебной реформе[122] — «тон», «*неуместность*», подт<екст?>. Тон стат<ей> в «С<овременных> И<звестиях>».

Дело 1872 г. № 14

— «За выражение Шувалов — “*глава тайной полиции*” — предупр<еждение> Гиляр<ову> сообщ<ено> 31 дек<абря> 1871 г.» —

= *Объяснение Гиляр<ова>* 4 фев<раля> 1872 г.

по напечат<анию> без цензур<ы> Губер<нского> Совет<а> о дворян<ских> выбор<ах> Моск<вы> и прен<иях> по повод<у> предлож<ения> Самарина

и речь Орл<ова>-Дав<ыдова>[123] — за это Ценз<урный> комит<ет> пред<ставил> Гиля<рова> — ***суду***.

док<лад> в Гл<авное> Упр<авление>

= По поводу[a] письма к № 129.

«Новый штундист», где представл<ено> новое доказат<ельство> безжизнен<ности> нашего духов<енства> и нерадения пастыр<ей> Церкви о своих обязанн<остях>.[124]

Распор<яжение> Мин<истра> Вн<утренних> Д<ел>

18 м<ая> 1872 г.

Принимая в соображение, что в статье об уличных неприличиях, напечат<анной> в № 129 «С<овременных> И<звестий>», заключает выражения, унижающие достоинство военн<ого> звания, «в высшей степени оскорбительна для чести армии».[125] —

2-е пред<остережение>

Предупрежд<ение> из Гл<авного> Упр<авления>, что повторение резких отзывов об администрации повлечет восстанов<ление> воспр<ещения> розн<ичной> прод<ажи>.

1873 г.

по повод<у> № 28 от 29 ян<варя> о приеме Губер<натором> Долгорук<овым>[126] Лямина.[127]

№ был арестован в количестве 2933 <экземпляров> при Тверском съезжем доме.

— докл<ад> в Г<лавное> У<правление>

о стат<ье> № *93* «По поводу одного циркуляра» — «стремление разъяснить последн<ее> распоряж<ение> Мин<истра> юст<иции> в тоне не только в[b] неприменительном к простому смыслу, но ироническом,[128] — вообще помещение статей, кот<орые> возбуждают публику против некот<орых> распоряж<ений> Пр<авительств>а.

о ст<атье> *108* о закрытии прав<ославных> церквей в селах с целию наибольшего обеспечения духов<енства>».[129]

в Гл<авное> Упр<авление>

о ст<атье> № 122 — с Нижегор<одской> ярмарки.

1874 г.

Распоряжение М<инистр>а В<нутренних> Д<ел>

11 апр<еля> 1874 г.

Приним<ая> во вним<ание>, что ст<атья>, напечат<анная> <в №> 87 газ<еты> «С<овременные> Из<вестия>», возбужд<ает> вражд<ебные> отнош<ения> низших классов общ<ества> к высш<им>.[130] —

— третье пред<упреждение> и приост<ановка> по «причинам неудоб<ных> налог<ов> — 3 нед<ели>».[131]

---

[a] *Далее зачеркнуто*: статьи.

[b] *Далее зачеркнуто*: неприличном.

№ *106* перед<овая> ст<атья> по поводу сокращ<ения> *штатов* и закр<ытия> храмов[132] — в том же № *письмо извощик<а>* о том, как лупят одры, на котор<ых> возят Иверск<ую>.[133]

Там же с юго-вост<очного> Кавказа.[134]

№ 107 перед<овая> ст<атья> по поводу плохого состояния наших учеб<-ных> завед<ений>, резко о жен<ских> гимн<азиях>.[135]

1875

Гл<авное> Упр<авление>.

В № 257 — «По гигиене войск»[136] и о пожертвовании Орлов<ским> земст<вом> 1000 р<ублей>[137] — Шеф жанд<армов>[138] дов<ел> до свед<ения> Госуд<аря>, котор<ый> к этой стать<е> выразил свое неудовольствие.

= выговор Моск<овскому> Ценз<урному> Комит<ету> за недолож<ение> в свое врем<я> об этих стат<ьях>.

Гиляров предупрежден.

1876

Из отнош<ения> Потапова (нач<альника> III О<тделения>)

В М<инистерство> Вн<утренних> Д<ел>

«По удостов<ерению> Кн. Долгорукова, редак<ция> газеты "Сов<ременные> Изв<естия>" постоянно офиц<иально> сообщ<ает> разные скандалы, слухи, в бол<ьшинстве> случ<аев> неподтв<ерждаемые> и измышл<енные> только для привле<чения> подпис<чиков>».

15 ноя<бря> 1876 — разреш<ение> возвы<шения> подпи<ски> с 6 р<ублей> 75 на 9 р<ублей>.

16 ноя<бря> <18>76 — разрешено помещать в фельетонах произвед<ения> беллетристичес<кие>.

Телегр<амма> 29 дек<абря>

«Министр[139] разрешил возобнов<ить> изд<ание> «С<овременных> И<звестий>» с 1 ян<варя>».

1877

Объясне<ние> Гиляр<ова> № 7.[140]

Из Гл<авного> упр<авления> о ст<атье> № 224.

письм<о> А. Ш<абардин>а против Англ<ии> и сочув<ственная> перед<овая> статья.[141]

= неприличие.

1878

17 фев<раля> 1878 утвержд<ен> в звании 2-го редактора *Ф. А. Гиляров.*

Из Глав<ного> Упр<авления> 19 ав<густа>

внушение Гилярову за ст<атью> № 215,[142] заключ<ающей> резкое, огульное обвинение нашего дипломатич<еского> персонала в заурядн<ой> неподготовленности, «глумление над тексто<м> Трой<ственного> Союз<а> о ратифик<ации> Берл<инского> тракт<ата>».[143]

Из Г<лавного> Уп<равления>

предупреж<дение> за нап<равление> в № 293 кор<респонденции> из Ташкента о том, как два солдата избили офицера.[144]

перед<овая> ст<атья> № 330 — о вновь проект<ированной> линии сообщ<ения> меж<ду> Балт<ийским> и Чер<ным> мор<ями>.[145]

1880 г.

о ст<атье> 82 по пов<оду> статьи газеты «Берег»[146] о необход<имости> привлечь в состав буржуазии раскольников.

= внушение, чтоб не касаться подоб<ных> вопр<осов>.

1879

№ 356 <18>79 г. фельетон[147]

— 29 ——

«Пожирательницы мужчин».[148]

Объяснение по этому поводу Гиляр<ова>, котор<ое> призна<но> удовлетворит<ельным>.

Письмо Гиляр<ова> 17 м. 1879 о ст<атье> № *350*

1883 г.

Ф. А. Гиляр<ов> сложил с себя звание редактора.

1885 г.

5 апр<еля> — залогодат<ель> Лебед<ев>[149] желае<т> возв<ратить> 5000 зал<ога>.

20 апр<еля> — Леб<едев> заяв<ил> о согласии с Гиляр<овым> и с остав<лением> залог<а>.

по пов<оду> ст<атьи> *298* о том, что наша диплома<тия> смотр<ит> австр<ийскими> глазами,[150] — внушение.

1887

по пов<оду> 52 №[151]

— Из Глав<ного> упр<авления> 22 окт<ября>

1888 г.

На точном основании ст<атьи> 121 Уст<ава> Ценз<уры> Св<ода> Зак<онов>, т<ом> XIV изд<ания> 1887 г., издание газеты «С<овременные> Из<вестия>», право на которое приобретено было в последнее время потомств<енным> поч<етным> гражд<анином> Подлигайловым,[152] не появлявшейся в качестве периодич<еского> изд<ания> в течение года, признано окончательно прекративш<имся>.

От С. И. Соколова[153]

В дек<абре> 1887 г. в Сиротск<ом> Суде прошел торг на право изд<авать> «С<овременные> Изв<естия>». Торговались *Елишев*[154] и Соколов, Ел<ишев> выставил 5 т<ысяч>

Н. А. Зверев,[155] Корнилов, *Кувшинов*[156]

5 т<ысяч>

Кувшинов — поставщик бумаги, котор<ый> держал в руках долгами и был истинный распорядит<ель> «Сов<ременных> Изв<естий>» — об этом спро-

сить у Дмит<рия> Афан<асьевича> Бонч-Бруевича,[157] бывш<его> управ<ляющего> кувш<инниковской> типограф<ией> **(**жив<ет> около церкви Трех Свят<ителей> у Пр<ечистенских> ворот в переулке (Типогр<афия> своя)**)**.

26 авг<уста>

Свидание с Михаилом Симоновичем Боголюбским,[158] священником церкви *Зачатия* в углу в Зарядьи. О Гилярове.

Он не из поклонников Н<икиты> П<етровича>, говорил, что весь выпуск был силен и что Гиляров резко не выделялся, что нрава он был вообще приветливого. «Иногда ходит целые дни задумавшись и ни с кем не говорит ни слова; иногда же весел и разговорчив и общителен». В Автобиографии[159] некоторые факты им преувеличены и как бы присочинены. У него была болезненная фантазия, над которою товарищи постоянно смеялись. Потом, вспоминая свои учебные годы, он фантазию свою представил действительностью, идеал свой тогдашний представил осуществленным. Так о его познания<х> и занятиях математикою: он в математике был плох и в семинарии, и в Академии. В последней, будучи по всем предметам первым, в математике он числил<ся> в третьем разряде.

Окончил он 2-м, а не первым потому, что ректор Академии Алексий[160] не сумел защитить перед Филаретом, очень придирчивым к курсовым сочинениям студентов, его диссертацию на тему: О необходимости воплощения Сына Божия. Была на эту тему проповедь Филарета, тезисом которой и надлежало прежде всего воспользоваться для стяжания от него одобрительного отзыва, потом бы можно было приводить и другие доказательства. Гиляров же утвердился прежде всего на некоторых доводах, почерпнутых из учения Отцов Церкви, — а не на Филаретовских, и не угодил Владыке, вследствие чего и съехал с первого места на второе в выпуске.

Вообще по отзыву о. Боголюбског<о>, Гиляров всегда был приветли<в> с старыми товарищами, не горд. Он, будучи управляющим Синод<альной> Моск<овской> типографи<ей>, собирал своих старых товарищей священников, для того чтобы предпринять работу — сличение параллельных мест Библии.[161] Эта работа была оставлена за выходом Гилярова из упр<авляющих> Тип<ографией>. —

Гиляров был челов<ек> не практический и пускался на разные предприятия. Так, он пытался устроить образцов<ую> прачечну<ю>, ухлопал на это кое-какие свои деньжонки и прогорел. — То же с разведением клубники на своей даче в Петр<овском>-Разум<овском>, разведением крапивы для выделки из нее ткани, и самой постройкой дачи, на чем он был обворован.

———

Епископ Веньямин (Карелин)[162] умер в 1874 году епископом Рижским. — Это был твердый и положительн<ый> человек, к котор<ому> Боголюбс<кий> относится с живой симпатией. — В Астрахани, где он был ректором семинарии, он служил при архиер<ее> — Афанасии,[163] том самом, благодаря доносу коего, в бытн<ость> его ректо<ром> Пет<ербургской> академ<ии>, подписанного не

читая митр<ополитом> С.-П<етер>б<ургским> Серафим<ом>,[164] — митрополиты Филарет Московск<ий> и Филарет Киевск<ий>[165] были обвинены в неправославии, и Филарету Моск<овскому> было воспрещено присутствовать в Синоде.

Вениамин Яковлеви<ч> Федоров — начальник Москов<ской> цензуры — отлично знал Н<икиту> П<етровича>. Был его товарищем по цензуре и цензор<ом> «С<овременных> Изв<естий>», — преклоняется перед его умом и восхищается им. Часто приходил<ось> у него сиживать и, конечно, не был молчал<ив> и поучался. — Когда И<ван> С<ергеевич>[a] издав<ал> газе<ту> «День»,[166] то ему неоднократно приходилось беседовать с Фед<оровым>, и между прочим о Гилярове. О Гилярове Аксаков отзывался восторженно: «Посмотрите на это лицо — совсем славянский тип; эти голубые глаза, эта добрая улыбка, это страдальческое выраж<ение> лица. — Что он вытерпе<л> муче<ний> от Митрополита Филарета, который все внутренности у него расцарапал».

У Федорова есть записка Н<икиты> П<етровича>, и между прочим о спиритизме, кот<орым> Н<икита> П<етрович> очень увлекался одно время.

27 август<та>

2 ч. «Пережитого» 333 стр.

Когда бывший министр Головнин,[167] поручив мне писать историю Министерства народного просвещения, пожелал, чтобы я представил программу будущего труда, я занесся так далеко и высоко,[168] что, вероятно, поверг министра в недоумение; один из знаменитых публицистов даже посмеялся мне в глаза на мою наивность, заподозрив (совершенно неосновательно), что я думал поразить министра глубиною.

—

2 ч. стр. 300

Скончался преосвященный Вениамин,[169] епископ Рижский, однокашник мой по Академии. Эта душа хрустальной чистоты открыта была мне со школьной скамьи. Долгие, долгие бессонные ночи просиживали мы, беседуя, причем младенческая простота Василия Матвеевича (так в мире звали Вениамина) предоставляла мне положение старшего брата-руководителя. В важных случаях трудной обязанности пастыря новообращенных эстов, в затруднениях должности ректорской и потом епископской, в смущениях по вопросам высшего умственного порядка он не переставал время от времени обращаться ко мне.[170] Скончался он, и я ни слова; и тем мучительнее для меня об этом воспоминание, что один из подчиненных почившего архиерея, по-видимому, даже и родственник, письмом из Балтийского края напомнил мне о моей обязанности почтить память усопшего, столь близкого мне духовно; высказал ожидание и просьбу. Достопочтенный иерей или протоиерей остался, полагаю, сильно разочарованным в отзывах, слышанных обо мне от архипастыря; счел меня, может быть, бездушным эгоистом.

[a] *Далее зачеркнуто*: начал свою издател<ьскую> деятельность.

Этот Афанасий <(Дроздов)> кончил тем, что на старости лет сделался совершенным нигилистом. Он[171] товарищ по выпуску XIII с нынешним митрополитом Москов<ским> Сергием.[172]

Арх<имандрит> Иоанн, ректор Казанск<ой> дух<овной> акад<емии>, — был *Соколов*,[173] знаменит<ый> проповед<ник> и ученый. Он умер давно, и брат его умер.[174]

О Василии Михайловиче *Сперанском* и Иване Николаевиче Александровском.

«Из пережитого», ст. 300 и др.

О Вениамине было говорено в «Богословском Вестнике» за прошлый год в[a] воспоминаниях Поспелова.[175]

——

Поспелов жив и находится в Костроме на должности кафедрального протоиерея.

Со славянофилами Аксаковыми, Погодиным (?) и Хомяковым, а равно и гр. Блудовым, Гилярова познакомил П. И. Бартенев. —

——

Бартеневу рассказывали Бессонов и Новиков[176] о злоупотреблениях Н<икиты> П<етровича> по управлению Синод<альной> типограф<ией>, что будто он типографски<х> рабочих употреблял для постройки своей дачи в Петровск<ом>-Разумов<ском> и что на увезенном из Типографии шрифте основал свою типографию.

= Это надо тщательно проверить и опроверг<нуть>.

Из «Пережитого». 2 ч. стр. 32.

Когда Н<икита> П<етрович> был еще в семинарии, назначен туда профессором словесности Н. И. Надеждин,[177] «здравствующий доселе в сане московского протоиерея».

1 сен<тября>

Ф. А. Гиляров[178b] опроверг утверждение Бартенева со слов Бессонова, что будто Гиляров построил себе дачу помощью типографских рабочих, по его утверждению дача была выстроена на следующие средства — сестра жены Гилярова Тихобразова[179] передала Ник<ите> Петр<овичу> для положения в банк 91 т<ысячу> р<ублей>. На эти деньги он и выстроил дачу. Ей же выплачивал эту сумму постепенно в течение нескольких лет, переплатив, в сущности, более полученного. —

——

Ф. А. <Гиляров> утверждает, что Бессонов нравственно нечистопл<отно> вышел из Синод<альной> Типографии, что он зачитыв<ал> там книги и руко-

[a] *Далее зачеркнуто*: статье.

[b] *Далее зачеркнуто*: мне.

писи и будто даже едва ли не хапнул;[180] что Никита его выпер и здесь надо искать причины ссоры.

—

Он же говорил, что знакомство К. С. Аксакова с Гиляровым началось, еще когда Н<икита> П<етрович> был профессором *Академии*. Аксаков попал к нему на лекцию и был изумлен сходству его воззрений с своими. —

—

Бартенев в 1856 г. свез Гилярова в Нескучный к гр. Д. Блудову,[181] и вскоре Н<икита> П<етрович> у них сделался своим человеком.

—

Ф<едор> А<лександрович> рассказывал мне еще, что Н<икита> П<етрович> в детстве, когда еще был в семинарии, как-то взял у его отца [182] 10 р<ублей> и потом пропал: так никогда и не отдал.

—

На стене в словолитне Синод<альной> типографии речь Н. П. Гилярова по поводу смерти Филарета[183] — говорена у *Троицы.* —

—

В «Москве» печатал Н<икита> П<етрович> о Телецком озере[184] в Сибири: (из письма Архимандриту).

Вера Ал<ексеевна> Гиляр<ова>[185] говорила мне, что Н<икита> П<етрович> поехал в Петербург в свою последнюю роковую поездку, благодаря настоянию Анны Михай<ловны> Гальперсон и ее мужа;[186] что он все время находился в нерешительности и был очень склонен остаться, что ему просто не хотелось ехать — супруги же Гальперсон постоянно ему напоминали, чтоб он торопился, а не то опоздает к поезду.

—

После получения известия о смерти Н<икиты> П<етровича> сама В<ера> А<лексеевна> видела, как из комнаты Н<икиты> П<етровича> пронесли огромный узел каких-то бумаг — не то к Барсову,[187] не то к Гальперсон.

—

В Коломне Н<икита> П<етрович> с нею был раз (году[a]), приезжали поклониться могиле родителей его.[188]

—

С Аксаковым Н<икита> П<етрович>познакомился у Троицы, еще когда он был профессором. К<онстантин> С<ергеевич> восхитился его лекцией, случайно попадя на нее, — и тут же самого познакомил со старико<м> Аксаковы<м>,[189] с ним познакомились. — Впоследствии — двое сынов<ей> Ник<олай>[190] и Алексей были крестниками Ольги Семеновны Аксаковой.[191] —

—

[a] *Оставлено незаполненное место для цифры.*

Малышев,[192] содержатель типографии на Пречистенск<ом> бульваре.

Попов Иван Васильевич[193] был сначала *лакеем*, управляющим дачей — жил 20 лет и постоянно был при Никите Петров<иче> — (Анна Михайловна[194] знает где). Теперь в *Смоленской губернии* = к Шарапову в имение[195] управл<яющим>. = Запл<атил> штраф 700 р<ублей> (отк<аз> постав<лять> — и войн<а> 1876).

С Хомяковым Н<икита> П<етрович> тоже познакомился в бытность его профессором в Моск<овской> духов<ной> академии у Троицы, бывало, идет, расск<азывает> Вера Алексеевна, небольшого роста человек в тулупчике, кушаком подпоясанный, в крест<ьянской> шапке. — Увидит его Гиляров: «Ах, да это Алек<сей> Ст<епанович>» — и сейчас бежит опередить его, встречает. Пройдут в кабинет и часы целые сидят, разговаривают. —

Припоминает Вера Алекс<еевна> небрежность Н<икиты> П<етровича> относительно одежды. Когда уже он был назначен управляющим Синод<альной> типографи<ей>, бывало, ходит он в присутствии — где служаки встречают его: «Ваше превосходительство», «Ваше превосходительство», бросаются стянуть с него верхнее платье и калош<и>. А он себе ходит в старом тулупчике, таком, что другому совестно было бы даж<е> наде<ть>. Уже сколь<о> раз, бывало, говорила ему: «Ты бы завел себе новеньк<ую> шубу». Так нет же, не хочет, и так, говорит, ничего, я люблю свой тулупчик. Вот, видя, что добровольно он не согласится променять свой старый[a] полушубок на новую шубу, я решилась сразу поновить этот полушубок. Купила потихоньку новой хорошей материи и велела портному в одну ночь спороть прежнюю материю с полушубк<а> и покрыть новою, — утром хочет идти из дому, подают полушубок. Это не мой, говорит. — Тут уж ему сказала, что перебила материю.

Раз Юрий Федорович[196] поехал с Н<икитой> П<етровичем> куда-то на вечер, и Н<икита> П<етрович> был так небрежно одет, что когда они разделись в передней, чтобы зайти в гостиную, то Ю<рий> Ф<едорович> сделал даже Гилярову выговор за его платье. Приехал Н<икита> П<етрович> домой рас<с>троенный и говорит жене: кажется, Ю<рий> Ф<едоров>ич даже сделал выговор за мой туалет.[197]

Александровский Николай Иванович,[198] сын протоиер<ея>,[199] близкого друга Гилярова, доктор — детской больницы Св. Ольги на 1-й Мещанской — постарается найти в бумагах отца письмо Н<икиты> П<етровича> и вообще все, что о нем там есть.

Сам Н<иколай> Ив<анович> приятель и товар<ищ> по гимназии[200] Ал<ексея> Никит<ича>.[201] Он опровергает факт связи А<лексея> Н<икитича> с Сковронской, говоря, что она лгала Никите Петровичу. Тогда А<лексей> Н<икитич> уже был женихом. Он женился тотчас после[b] окончания курса в гимн<азии>. — Сковронская к нему лезла с предложениями, но он отверг. Отец вследствие это-

---

[a] *Далее зачеркнуто*: тулупчик.

[b] *Далее зачеркнуто*: выхода из.

го ложного утвержд<ения> Сковронск<ой> будто прогнал сына. — После его свадьбы он опять с отцом помирился и стал заниматься в редакции с женою и жили с родителями в одном доме. По рассказу Ал<ексея> Ник<итича>, последний и самый окончательный разрыв с отцом произошел оттого, что будто Н<икита> П<етрович> стал приставать к его жене.[202] Тогда Ал<ексей> Ник<итич>[a] из дома отца выехал.

— «Совр<еменные> Изв<естия>» шли очень хорошо до тех пор, как Никита Петрович связался с Сковронск<ой>. С того времени все пошло на убыль — и газета, и материальные средства, и самый дух Гилярова. И дарование стало падать, и вместе с тем пошли разные предприятия с целью поправить дела.

К числу предприятий, по словам Александровского, относится, напр<имер>, следующее. В одну из критических минут, когда нечем было платить необходимые расходы и не на что было выпустить № газеты, Н<икита> П<етрович> едет к Овчинникову,[203] забирает у него лично серебра, не платит, конечно, а дает свой адрес — в Редакц<ию> «Сов<ременных> Изв<естий>». — Ему верят. Он тотчас отправляет<ся> и закладывает вещи в банке, и магазину выплачивает в продолжение нескольких лет.

— По утвержд<ению> Александ<овского>, у Н<икиты> П<етровича> будто была мания величия.

С его отцом они не были в переписке, но часто встречались, ибо Н<икита> П<етрович> жил на Знаменке, а он жил у Арбат<ских> ворот. Бывало, Н<икита> П<етрович> приход<ил> к его отцу обыкновенно в час ночи, когда уже все спят, и так проговорят всю ночь.

По восп<оминаниям> Ал<ександровского>, Н<икита> П<етрович> был очень силен. На похоронах его отца, умершего незадолго до кончины самого Ник<иты> Пет<ровича>, последний удивил его выносливостью: он не только свободно выстоял обедню, но и пешком провожал тело до кладбища.

Оригинальное остроумие в беседе. Мимика выразительная, умение посмотреть на предмет с особой, совершенно неожиданной точки зрения.

«Со Сперанским[204] у Н<икиты> П<етровича> была ссора, они 10 последних лет жизни Василия Михайловича не видались, п<отому> ч<то> Сперанск<ий> отказал Н<иките> П<етровичу> дать взаймы денег, когда тот знал, что они у него были».

—

В последние годы жизни Н<икита> П<етрович> был будто на содержании у какого-то жида.[205]

—

Необыкновенная наблюдательность. — Ему бы быть естественником. — Склонность к практическому, но неудачно.

—

[a] *Далее зачеркнуто*: от.

Н<икита> П<етрович> восстановил доброе имя свящ<енника> Александровского и возбудил своими горячими статьями в газете к нему симпатии общества, в его столкновении с матерью Митрофанией.[206]

Доктор Лепешинский

Степан Петрович[207] (Лефорто<во>. 3-й кадет<ский> корпус) — женат на дочери свящ<ященника> Василия Карелина, — впосл<едствии> преосвящ<енного> Вениамина, Еп<ископа> Рижского и Литовского.

Еп<ископ> Вениамин, по его словам, очень любил и почитал Никиту Петровича — и всем читал письма, которые от него получал, и дочитывал их до того, что о подрясник свой, из котор<ого> постоянно их доставал, обшаркивал их так, что стиралось под конец написанное.

Кое-какие письма сохранились — но немногие. Обещал дать.

———

По впечатлению от писем Н<икиты> П<етровича>[a] Лепешинского, Ник<ита> Петр<ович> в отношении религии не избежал модного влияния позитивизма, особенно проглядывающего в том, что он будто отвергает подлиннос<ть> Свящ<енных> книг Нов<ого> Зав<ета> всех <?>.

У В. Я. Федорова — затруднения в чтении старых дел. Надо спросить Феоктистова.[208] = О Гилярове: он всегда преклонялся перед его умом, но не перед жизнью — всяческий беспорядок в доме.

В последние годы жизни через Кн<язя> В. А. Долгорукова он пользовался деньгами от Полякова.[209] Однажды 15 июл<я> Федоров[210] вместе с Гиляровым на поздравлении с Ангелом[211] у Долгорукова. Ожидают в приемной, беседуют; входит Поляков. Гиляров отходит от Федорова и с Поляковым о чем-то переговаривается, возвращается и говорит Федорову: «Что прикажете делать — нужда заставляет обращать<ся> и к Полякову. — О моей книжке, что при чтении ее перед ним живо возник образ Никиты Петровича. —

Мария Савельев<на> Сковронская — замужем за Богуславским.

———

Купец *Морокин* Алекс<андр>[212] в переписке с Гиляр<овым>.

———

Ольга Николаевна Балашева слышала от Сковронской, что будто после последнего ребенка у Веры Алексеевны Гиляровой молоко бросилось в голову и она была очень больна. Доктора, исследовав болезнь ее, решили, что она больше детей не должна иметь, и вследствие этого запрещено *было ей быть на деле женой Гилярова* — отсюда связь Гилярова со Сковронской состоялась отчасти не без ведома и согласия самой Веры Алексеевны.

———

Что касается до связи с нею Ал<ексея> Ник<итича>, то, конечно, в его видах было рассказывать про нее, как про клевету Сковронской. Сковронская была прислугой.

---

[a] *Слова*: от писем Н<икиты> П<етровича> — *вписаны над строкой.*

Душа,[213] по утвержд<ению> Ол<ьги> Ник<олаевны>, не была дочерью Сковронской, а дочерью рабочего, убившегося до смерти на работах на ее даче в Петровс<ком> до смерти, и взятою ею 4-х лет на воспитание.

——

Сковр<онская> — поступила служить в редакцию, по словам О<льги> Н<иколаевны>, в 1869 году.[a]

9 сент<ября>

Виделся с протоиереем Дм<итрием> Ив<ановичем> Языковым,[214] товарищем Гилярова по студенчеству в Академии. — Не был близок к Ник<ите> Петр<овичу>, который вообще был плохой товарищ, держал себя особняком, любил поострить и посмеяться над товарищам<и>. Язык что бритва. Отто<го> вообще и товарищи от него отдалялись. Не потому ль на последнем годе старшего курса он совсем вышел из студенческого общежит<ия> и выпросил себе в Бакалаврском отделении одну из профессорских комнат.[215] В лат<инском> яз<ыке> он не был силен, сближение с Александровским приписывает светскому образованию Ал<ександровского>, его загранич<ному> воспитанию, с прекрасным знанием иностранных яз<ыков>.[216] —

Был вольнодумец в вопросах религиозных в Академии. Во время всенощн<ой>, бывало, все время разговаривает и сидит на задних скамейках. — Я<зыков> считает Гилярова гордым. Ум его счита<ет> необыкновенно слабым логикою и анализом, по содержанию мысли небогатым.

От Ник<иты> Петр<овича> его оттолкнуло его отношение к Вере Алексеевне, котор<ую> назыв<ает> почтен<ной>, скромной, достойной.

——

В воспомин<аниях> «Из переж<итого>» Яз<ыкову> неприятно было читать это самовозвеличивание Гилярова и его братства.[217]

——

В Акад<емии> Гиляр<ов> не жаловался на рек<тора> Алекс<ия> и его обращение.

——

Об о. Иоанне Соколове — неприятность за знаменитую проповедь по поводу освобождения крестьян.[218]

12 <сентября>

Вчера виделся с Архиепископом Саввою,[219] Тверским архиереем. Он многого мне не смог или не захотел сказать. Заметил, что особенно близок к покойному не был; что более всего его знал как профессора. Лекциями его доволен не был: мало давали знаний. «Он обладал даром слова: придет, бывало, на лекцию, разложит перед собою на кафедру французские и немецкие книжки и начинает импровизировать. Ругал Златоуста и вообще недружелюбно относился к Отцам Церкви». Еще курс, на котором был иеромонах Савва,[220] терпел такое отноше-

[a] *Далее приписано зеленым карандашом*: 1868 г.

ние Гилярова к Отцам Церкви. В следующий же курс слушателем оказался грек Анфим, будущий экзарх Болгарский.[221] Он был возмущен лекциями Гилярова и донес о них митр<ополиту> Филарету, который и уволил Гилярова. Но, уволивши, все-таки тайно помогал ему деньгами до приискан<ия> им места.[a]

Сам владыка[222] из<-з>а Гилярова едва не провалился на экзамене выпускном — Гиляров, импровизируя в течение всего года, имел обыкновение к экзамену выдавать студентам несколько листиков курса, каковые списывались и запоминались. — Армянская церковь — не успел заучить выписку из Отца Церкви. Достался именно этот билет. Остановился в ответе. Митр<ополит> Филарет обратился к Гилярову, тот тоже не знал.

——

Сочинение курсовое о необходимости воплощения Н<икита> П<етрович> написал в неправославном духе, за что Филарет и ссадил его с первого места на второе.

Когда Гиляров был бакалавром, а Савва — ризничим, то он помогал Н<иките> П<етровичу> в возложенном на последнего труде описать и разобрать раскольн<ичьи> книги Лаврской библиотеки и распределить их между Академией, К<а>з<анской> сем<инарией> и Моск<овской> семи<нарией>.[223]

Потом Савва редко встреч<ался> с Гиляровым: был сочленом с ним и К. П. Победоносцевым в Братстве св. Николая, в коем принимала участие В<еликая> Кн<ягиня> Елена Павловна.[224]

Незадолго до смерти Н<икита> П<етрович> привозил к Савве в Тверь крестить еврейку с мужем.[225]

Какой-то старичок сидел во время моей беседы у Высокопр<еосвященного> Саввы, и, когда зашла речь о времени заведывания Гиляровым Синод<альной> типографией, он сказал: «Тогда говорили, что Гиляров свою газету основал на шрифте Типографии». Потом какая<-то> тут же присутствовавшая старушка, по-видимому либо жена, либо сестра старичку, тоже вставила о Ник<ите> Петр<овиче> свое слово, что он не любил и бранил духовенство.

У Веры Ал<ексеевны>: вчера. — Она со злобой и презрением отзывалась о Сковронской, считает ее интриганкой, воровкой, совершенно завладевшей доверчивым и бесхаракт<ерным> Н<икитою> П<етровичем>, оттершим ее. Как только Н<икита> П<етрович> принял ее в сотрудницы, все пошло вверх дном. В<ера> А<лексеевна> постоянно меняла квартиры и не жила с мужем. — В редакции начальн<ица> новая, так завелся т<ак> наз<ываемый> женский труд, появились *сороки*-сотрудницы, ничего не делали, только обирали Н<икиту> П<етровича>, объедали и дурно себя вели. Ков<ронская> его обобрала.

«Вхожу я однажды в кабинет Н<икиты> П<етровича> (я к нему редко входила) и говорю ему прямо: прогоните М<арью> С<авельевну>, она дрянь и воровка. В это время входит Ск<овронская> и Н<икита> П<етрович> ей говорит:

[a] *На полях против этого предложения приписано синим карандашом*: неверно.

про Вас В<ера> А<лексеевна> говорит, что Вы дрянь и воровка. Н<икита> П<етрович> страшно рассердился.

Фабрику ей продавец предлагал за 25 т<ысяч> р<ублей>, Гилярову — за 55 т<ысяч> р<ублей>.

Е. В. Барсов говорил, что М. С. Сковронская была первоначально просто публичная женщина; поступив в «Сов<ременные> Изв<естия>» корректорш<ей>, она постепенно с большою ловкостью протеснялась к Гиляров<у>, сумела оттереть Веру Ал<ексеевну> и всю семью, переменить состав Редакции, заполнив его женщинами и студентами. Она уронила т<аким> о<бразом> «Сов<ременные> Изв<естия>» и извратила всю жизнь и деятельность Н<икиты> П<етрович>а. К тому же она была больная в половом отношении (по свидет<ельству> Ф. А. Гил<ярова>, «бешенство матки»). — Авд<отья> Ив<ановна>, по слухам, была ее незаконная дочь. — Сперва Н<икита> П<етрович> ничего и слышать прот<ив> нее не хотел, вполне подчинившись ее обаянию.

В свидетельских показаниях Барсова по делу о донос<е> Сковронской рассказана вся история отношений ее к Гилярову. Она вооружал<а> Н<икиту> П<етровича> против В<еры> А<лексеевны>, внушая ему подозрение в том, что В<ера> А<лексеевна> хочет ее отравить.[226]

Знаком с Н<икитой> П<етровичем> с 1867 г. — Он не имел этич<еской> веры, но имел широкое стройное мировоззрение.

28 сент<ября>

Вчера был у Дм<итрия> Ф<едоровича> Самарина,[227] которому передал письмо Юрия Федоровича к Гилярову и получил обещание, что он в обмен пришлет мне в Петербург несколько философских писем Никиты Петров<ича> к Ю. Самарину. —

Об отношении Ю<рия> Ф<едоровича> к Н<иките> П<етровичу> Дм<итрий> Ф<едорович> сказал следующее: Познакомились они, кажется, еще когда Гиляров был профессором Академии. Славянофил<ов> поразило сходство в убеждениях молодого бакалавра, который совершенно особым, своим путем дошел до поразительного сходства, тождества даже в выражен<иях> и некоторы<х> убежден<иях> с ихними. После переезда в Москву были постоянно свидания и обмен мыслей.

— Перевод и издание сочинений Хомякова еще более сблизил Ю. Ф. Самарина и Н<икиту> П<етровича>.[228] Во время этой совместной работы и возникает между ими философ<ская> переписка.

— = (О жидах[229] *Ю<рий> Ф<едорович> в Петер<бурге>*.)

Размолвка 1) По поводу статьи, кот<орую> Н<икита> П<етрович> написал по поводу преб<ывания> Ф. Соллогуба[230] с Порохов<щиковым>[231] в Праге,[232] 2) по поводу разг<ромной> статьи Гиля<рова> о кн. Щербатове[233] и 3) у Кошелевых Ю<рий> Ф<едорович> посмеялся над Н<икитой> П<етровичем>, когда тот явился к Кошелеву во фраке и с орденом Анны на шее.[234]

— Письмо от Н<икиты> П<етровича>, в котором он высказывал обиду на это последнему, говоря, что для того обществ<енного> полож<ения>, кот<о-

рое> занимает Юр<ий> Ф<едорович>, это все равно почти. Н<икита> П<етрович> находится в иных услов<иях>.

— Близости не было, было взаимное уважение. Природная сила ума и широта образования. — Под конец жизни охлаждение.

Вера Алексеев<на> про Сковронскую: до того она восстановила Н<икиту> П<етровича> против нее, что тот стал бояться принимать какую-либо пищу из ее рук, ожидал отравл<ения> и давал сперва пробовать Сков<ронской>. Однажды сидят они вдвоем на диване, приношу я любимое его блюдо. Он посмотрел на М<арью> С<авельевну> и говорит: «Благодарю Вас, я не хочу. Мар<ья> Сав<ельевна> — попробуйте». Она растлила Ал<ексея> Ник<итича>, когда ему было всего 14 лет. Разрыв произошел оттого, что Душа перехватила и передала Ник<ите> Петр<овичу> письмо М<арьи> С<авельевны> к Экземплярскому.[235] Деньги на продовольствие и личные расходы выдавала Вере Ал<ексеевне> Ск<овронская>. Однажды, когда полученные 6 р<ублей> у В<еры> А<лексеевны> вышли, она проходит к Н<иките> П<етровичу> и просит денег. Он с гневом ей говорит: «Помилуйте, да Вы меня совсем разорите, на Вас не напасешься денег. Еще третьего дня Вы взяли из кассы 200 р<ублей>» — это он говорил, очевидно, со слов Сковр<онской>.

В деле «Сов<ременных> Изв<естий>» показалось, как при действии одного «усмотрения» отдельное лицо с его случайными симпатиями и антипатиями, — нет иного пути, как, пожалуй, «замолвленное словечко», — иррегулярны ходы, показать это — из хлопот Победоносцева — по поводу кар, постигавших Гилярова-редактора.

—

Необходимо снять с памяти Н<икиты> П<етровича> обвинения 1) в употреблении шрифт<ов> Син<одальной> тип<ографии> на завед<ение> типогр<афии> «Сов<ременных> Изв<естий>»; 2) в употреблении в свою пользу пожерт<вованной> на слав<ян> суммы. —

Он *никогда не менял* убеждений из личных выгод, не применялся в изложен<ии> взглядов к мыслям начальствующих лиц и вообще влиятельных. Пример: записка, поданная гр. <Д. А.> Толстому о школах;[236] Тимашеву — по поводу предостереже<ний>,[237] Победоносц<еву> — о Синод<альной> типографии.[238]

Против церкв<и> Георг<ия>[239] и рядом с *домом Арм<янской> ц<еркви>*[240] красн<ым?> пом<еченные> ворота — у дворник<а> <спросить?> д<ом> Гольденштейна — Вера Алекс<еевна> Гилярова.

Поступило <?> = 1894.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 49. 58 л.

[1] Епископ Сергий (в миру Иван Иванович Соколов; 1844—1893) — церковный историк, проповедник; магистр Московской духовной академии (1868), архимандрит, ректор Могилевской, Пензенской семинарий; епископ Чебоксарский (с 1888 г.), Новгород-Северский (с 1891 г.), Черниговский и Нежинский (с 1893 г.).

[2] Речь опубликована в составе неподписанной статьи: Отпевание Н. П. Гилярова-Платонова // Церковный Вестник. 1887. № 43. 24 окт. С. 738—739. (Разные известия и заметки).

[3] Еккл 1: 18.

[4] Прит 17: 22.

[5] Ин 1: 9.

[6] Ин 18: 36.

[7] Очевидно, князь Н. В. Шаховской предполагал сделать выписку из статьи: <*Рождественский В. П., прот.*>. Москва, 25 октября // *МЦВед*. 1887. № 43. 25 окт. С. 547—549.

[8] Константин Константинович Толстой (1842—1913) — врач, публицист, сотрудник газет И. С. Аксакова («Русь»), С. Ф. Шарапова («Русское Дело», «Русский Труд») и др.

[9] *Гиляров-Платонов <Н. П.>*. Откуда нигилизм? // Русь. 1884. 15 дек. № 24. С. 13—26.

[10] См. об этом подробнее в наст. изд., на с. 168—169, 299—304.

[11] Выражение из «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Н. В. Гоголя (гл. I).

[12] Копия этого письма Гилярова к Романову-Рцы, выполненная князем Шаховским, имеет ряд расхождений (некоторые из них значительны) с впервые опубликованной нами копией А. М. Гальперсон. См.: *Письма к Рцы*. С. 316—323.

[13] Латинским термином opus operatum обозначается католическое учение, о церковных таинствах, согласно которому их истинность и спасительное действие вообще не зависят от достоинства и нравственного облика лиц, совершающих таинства.

[14] Профессор Киевской духовной академии В. З. Завитневич, ознакомившийся с письмами Гилярова к Романову-Рцы по списку, присланному ему князем Н. В. Шаховским, сравнивал в этой связи взгляды Гилярова и Хомякова (в ответном письме от 10 ноября 1898 г.): «Их различие особенно резко бросается в их отношении к таинствам вообще и — к таинству *елеосвящения* в частности. Гиляров это таинство отрицает (сравнивает с верою в Иверскую), Хомяков дает ему замечательное толкование, до какого не додумался ни один из профессиональных богословов» (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 121. Л. 4 об.).

[15] Имеется в виду воспоминание Хомякова, включенное им в брошюру «Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях. По поводу одного окружного послания парижского архиепископа» (Лейпциг, 1855): «...раз, когда мне случилось переводить вслух рассуждение некоторых римских богословов в их полемике против протестантов, один благочестивый, хотя и неученый священник, бывший при том, воскликнул в благочестивом ужасе: “Господи, что же это они говорят такое? Они, кажется, принимают Тело Христово за мясо Христово?”» (*Хомяков А. С.* Соч.: В 2 т. М., 1994. Т. 2: Работы по богословию. С. 100).

[16] Запрет «единого погружения» в воду при крещении был провозглашен 50-м апостольским правилом, опирающимся на завет Спасителя (Мф 29: 18) крестить народы «во имя Отца, и Сына, и Святого Духа» (Книга правил Святых и Апостол, святых соборов вселенских и поместных и Святых Отец. М., <1893>. С. <20—21>).

[17] Лк 24: 50—51.

[18] Согласно церковному преданию, евангелист Лука написал икону Божией Матери и послал ее правителю Антиохии Феофилу вместе с Евангелием и Деяниями апостолов. Впоследствии образ пребывал в Иерусалиме, Константинополе, а в 1383 г. явился над водами Ладожского озера и затем остановился при реке Тихвинке, где был возведен храм, а позднее монастырь. Икона Тихвинской Божией Матери особо почиталась старообрядцами, так как на ней у благословляющего Спасителя сложены не три, а два перста.

[19] *Гиляров-Платонов Н.* Логика раскола: Письма И. С. Аксакову // Русь. 1885. 17 авг. № 7. С. 15—17; 24 авг. № 8. С. 8—10; 7 сент. № 10. С. 10—14. Неоконченное письмо IV, найденное в архиве Гилярова после его смерти, впервые опубликовано князем Н. В. Шаховским: *РО*. 1895. Т. 35, окт. С. 228—235.

[20] Семь Вселенских соборов, признаваемых Православной Церковью, проходили с 325 по 787 г.

[21] Откровенное учение, или Откровение, — Священное Писание.

[22] Седьмой Вселенский собор проходил в Никее в 783—787 гг. и был посвящен вопросу об иконопочитании.

[23] Имеется в виду статья «История Русской Церкви Макария, епископа Винницкого. Том I, II и III. СПб., 1857 г., в 12» **(***РБ*. 1859. Кн. III (15). Отд. III: Критика. С. 1—36**)**, датированная автором 5 января 1858 г. Здесь Гиляров резко критикует периодизацию истории Церкви в рецензируемом труде, — основанную на несущественном, на его взгляд, признаке — номинальной зависимости от Константинопольского патриархата и освобождении от этой зависимости. В 1858 г. Гиляров также опубликовал статью об исследованиях преосвященного Макария (в миру Михаил Петрович Булгаков; 1816—1882), правда не называя прямо имени историка, — «Несколько слов о механических способах в исследовании истории» **(***РБ*. 1858. Кн. I (9). Отд. III: Критика. С. 66—87**)**, датированную 9 января 1858 г., но напечатанную на полтора года раньше вышеназванной. Обе статьи подписаны сокращенным именем: *Н. Г—в.* См. подробнее об этих сочинениях, в том числе об их непростой цензурной истории: *Шаховской Н. В., кн.* Н. П. Гиляров-Платонов об «Истории Русской Церкви» преосвященного Макария // *РО*. 1897. Т. 44, апр. С. 591—619.

[24] Прежде всего имеется в виду зачинатель отшельничества преподобный Павел Фивейский (ок. 228—358), подвизавшийся в египетской Фиваидской пустыне в течение 107 лет (с 251 г.). Следует упомянуть и преподобную Марию Египетскую (VI в.), причастившуюся лишь перед самой кончиной после 47-летнего пребывания в Заиорданской пустыни на покаянии.

[25] *Федосеевец* — представитель беспоповщинского толка, основателем которого был дьячок из Крестецкого Яма Феодосий Васильев (1664—1711). Отличительной особенностью федосеевского раскола было требование всеобщего безбрачия и, следовательно, апокалипсическое по духу отрицание таинства брака. Центром толка стало Преображенское кладбище в Москве. Гиляров в своей газете уделял самое пристальное внимание жизни московских федосеевцев. См.: *Вопросы веры и церкви*. Т. I—II.

[26] *Миро* — особое вещество, в состав которого входят оливковое масло, белое вино, различные бальзамы, ладаны и др., употребляется Церковью в таинстве миропомазания. Освящается оно раз в году в Великий четверг на Страстной неделе.

[27] Согласно 6-му правилу Карфагенского Вселенского собора (419 г.), право освящения мира принадлежит только епископу, но ни в коем случае не священнику (см.: Книга правил Святых Апостол... С. <188>).

[28] *Конфирмация* (от *лат*. confirmatio — утверждение <в вере>) — таинство миропомазания у католиков, совершаемое епископом и приобщающее уже крещенных во младенчестве детей к церкви — как правило, в годы отрочества.

[29] До конца V в. в Церкви существовали две формы исповеди: перед пресвитером и всенародная («гласная») в храме. С начала VI в. единственной формой становится тайная исповедь.

[30] Под «гешефтмахерством Симона» Гиляров подразумевает практику симонии — продажи и покупки священного сана. Родоначальник гностицизма Симон Волхв предлагал деньги апостолам Петру и Иоанну за передачу ему их «секрета» — сообщения даров Св. Духа рукоположением (Деян 8: 18—24).

[31] Л. М. Муромцев, сосед Хомякова по имению, вспоминал о его предсмертных часах: «Лишним считаю пересчитывать, сколько десятков раз я его умолял принять моего лекарства, послать за доктором и, следовательно, сколько раз он отвечал отрицательно и при этом сам вынимал из походной гомеопатической аптечки то veratum, то mercurium» (*РА*. 1879. Кн. III, вып. 11. С. 363).

[32] Дмитрий Алексеевич Хомяков (1841—1918) — старший сын писателя, действительный статский советник, автор многих статей по крестьянскому вопросу, богословию, истории искусства.

[33] Имеются в виду многочисленные краткие отклики на отдельные главы «Из пережитого» (в связи с выходом соответствующей книжки «Русского Вестника») в большинстве ежедневных газет и в ряде журналов — повременной печати.

[34] Газета С. Ф. Шарапова «Русское Дело» 19 декабря 1886 г. была приостановлена министром внутренних дел на три месяца за нарушение конфиденциального «распоряжения, объявленного редакторам бесцензурных повременных изданий 20-го августа 1886 г.» (*ПВ*. 1886. 20 дек. № 279. С. 1), — по поводу трактовки вопросов внешней политики России.

[35] Гиляров спрашивал князя Н. В. Шаховского в письме к нему от 20 декабря 1886 г.: «Правда ли, что Шарапова представили Государю?». И далее: «Мне передавали еще, что будто бы “Русское Дело” попало в Гатчину, где его отождествляют с Аксаковым. Такое опасение выражает между прочим и Анна Федоровна. Это уже поважнее; а Шарапов так умеет эксплуатировать имя покойного своего патрона; к нему и обращаются как к истинному преемнику Ивана Сергеевича» (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 503. Л. 12). Анна Федоровна — вдова И. Аксакова.

[36] Речь идет о передовой Шарапова «Москва, 16 декабря» (*РД*. 1886. 16 дек. № 34/35. С. 1—2), в которой в связи с болгарскими событиями говорилось о враждебном отношении Германии к России, причем это государство (правительство которого входило в тайный «Союз трех императоров») называлось «кровным племенным и историческим врагом» России (с. 2).

[37] Копия этого письма Гилярова к Романову-Рцы, выполненная князем Шаховским, имеет ряд расхождений (некоторые из них значительны) с впервые опубликованной нами копией А. М. Гальперсон. См.: *Письма к Рцы*. С. 324—327.

[38] *Шибболет* по-древнееврейски означает «поток», т. е. «канал», а также «ветвь» или «колос». Это слово служило пропуском для переправы через Иордан: ефремляне не могли выговорить его, как жители Галаада, на стандартном библейском иврите: они из-за разницы в произношении в разных диалектах говорили «сибболет» и, выдав свою племенную принадлежность, умерщвлялись (Суд 12: 1—6).

[39] *Ультрамонтаны* (от лат. ultra montes — за горами, т. е. за Альпами) — сторонники полной власти папы не только в церковной, но и в светской сфере.

[40] См.: *Соловьев Вл.* История и будущность теократии: (Исследование всемирно-исторического пути к истинной жизни). Загреб, 1887. Т. 1: Предисловие. Вступление. Философия библейской истории. XXV, 396 с.

[41] Подразумеваются таинства крещения и миропомазания.

[42] *Квартальный* — полицейский, под надзором которого находилась известная часть города (квартал).

[43] *Гиляров-Платонов Н. П.* Из моих воспоминаний. II. Дон-Кихоты Просвещения // Дело. 1887. № 1. С. 88. (Очерк составил главу LIX книги воспоминаний «Из пережитого».)

[44] Речь идет о статье «Личное и общественное (По поводу статьи г. Дубенского “Свобода и рабство”. “Ж<урнал> З<емлевладельцев>”, № 22)» (*ЖЗ*. 1859. Т. 6, № 24. Отд. I. С. 411—438), которая, в переводе на немецкий язык, должна была войти в особую антологию «Russische Ideen», составленную из лучших материалов, опубликованных славянофилами в «Русской Беседе», «Сельском Благоустройстве» и др. изданиях. Этот замысел был осуществлен Фр. Боденштедтом в 1862 г. См. главу 2.2. Ср.: *Шаховской Н., кн.* Годы службы Н. П. Гилярова-Платонова в Московском цензурном комитете, 1859-й год // *РО*. 1898. Т. 50, апр. С. 538.

[45] Мф 29: 18.

[46] Ср.: Деян 8: 17. Обрядом возложения рук, заимствованным из ветхозаветной традиции (см.: Числ 27: 18), сопровождалось в раннехристианский период таинство восприятия Духа Божьего, и только в III в. оно стало сопровождаться помазанием — и получало название миропомазания.

[47] У Хомякова было 5 дочерей и 2 сына.

[48] Д. А. Хомяков опубликовал в «Руси» несколько статей по вопросам религии и искусства, подписывая их инициалами («Д. Х.»).

[49] Михаил Станиславович Чайковский (Czajkowski, иначе Садык-паша; 1808—1886) — польский прозаик, историк. В 1851 г. поступил на турецкую службу, приняв ислам. В 1873 г. перешел в Православие и получил разрешение жить в Киеве. Покончил жизнь самоубийством в своем хуторе Борки Остерского уезда Черниговской губ. 5 января 1886 г. Очевидно, заметка Романова-Рцы была посвящена годовщине его смерти.

[50] Копия этого письма Гилярова к Романову-Рцы, выполненная князем Шаховским, имеет ряд расхождений (некоторые из них значительны) с впервые опубликованной нами копией А. М. Гальперсон. См.: *Письма к Рцы*. С. 328—332.

[51] См. коммент. 43. Очерк напечатан на с. 86—95.

[52] Имеется в виду характеристика встреченных Гиляровым на жизненном пути нескольких «эксцентриков, людей идеи во всяком случае, честнейших и одаренных умом, даже не дюжинным, но... несколько помешанных. <...> И понятия у них свои, и логика своя; в довершение — неуклонная прямолинейность» (Там же. С. 88).

[53] В письме к В. В. Розанову от 29—30 сентября 1891 г. Романов-Рцы писал: «Окончив кандидатом прав в Катковском лицее в Москве университетский курс, я перебрался на службу в Киев» **(***Рцы* (*Романов И. Ф.*). Собр. соч.: В 2 т. СПб.: Росток, 2016. Т. II: Плюсы жизни. С. 395**)**.

[54] Пропущенное слово восстановлено по копии Гальперсон (*Письма к Рцы*. С. 329).

[55] Василий Кириллович Сютаев (1819—1908) — крестьянин дер. Шевелиной Новоторжского уезда Тверской губ.; религиозный мыслитель, основатель секты, полностью отрицающей церковную обрядность. В 1876 г. был подвергнут судебному преследованию за отказ крестить внука.

[56] Ян Гус (Hus; 1369—1415) — чешский реформатор. В славянофильских кругах господствовал взгляд, что гуситское религиозное движение выражало собой противоположность славянского духа западноевропейскому.

[57] Мк 6: 45.

[58] Имеются в виду квакеры (от англ. Quakers, буквально — трясущиеся), члены христианской общины, основанной в середине XVII в. в Англии Георгом Фоксом. Они отвергают институт священства и церковные таинства, однако мотивировано это, в отличие от лютеранства, своеобразным учением о внутреннем непосредственном вдохновении от Св. Духа, согласно которому, например, воплощение и земная жизнь Христа мыслятся как Его таинственное рождение и пребывание в душе человека.

[59] Бруно Бауэр (Bauer; 1809—1882) — немецкий философ, религиовед и либеральный библеист. Отвергал достоверность Евангелий и само существование Христа.

[60] В тот период обострился Восточный кризис, накалились отношения между Францией и Германией. Гиляров писал в передовой «Москва, 21 января. Дневное обозрение»: «Война неминуема; когда она разразится, чрез десять дней или десять лет, это неизвестно...» (*СИ*. 1887. 22 янв. № 21. С. 1).

[61] Возможно, речь идет о подготовке так называемого «Перестраховочного договора между Россией и Германией, заключенного 6 (18) июня 1887 г. в Берлине (Сборник договоров России с другими государствами, 1856—1917. М., 1952. С. 267—270).

[62] *Г—в Н. <Гиляров-Платонов Н. П.>*. О судьбе убеждений: По поводу смерти А. С. Хомякова: (Речь, произнесенная в заседании Общества любителей российской словесности 6 ноября 1860 г.) // *РБ*. 1860. Кн. II (20). Отд. VII: В память об Алексее Степановиче Хомякове. С. 61—88.

[63] Василий Алексеевич Лавров (1823—1875) — директор Хозяйственного управления при Св. Синоде (1863—1875).

[64] Ниже названа ее фамилия: Балашева.

[65] То есть в редакции журнала «Русский Архив». Петр Иванович Бартенев (см. коммент. 16 на с. 496) — историк, археограф, библиограф; чиновник московского Главного архива МИДа (1853—1858); издатель-редактор «Русского Архива» (с 1863 г.).

[66] Мария Саверьевна (Каверцовна) Сковронская (во втором замужестве Богуславская; 1840 — после 1904) — прозаик, журналист; сотрудница газеты «Современные Известия» (1868—1878).

[67] Слухи об этом из корыстных целей распространяла сама Сковронская.

[68] Авдотья Ивановна Буренкова (или Бурова; в замужестве Орлова) — сирота, воспитанница М. С. Сковронской; работала в конторе «Современных Известий».

[69] Подразумевается начатое производством по доносу Сковронской уголовное преследование Гилярова. См.: Документы следственного дела по доносу М. С. Сковронской о растрате сумм, пожертвованных на славян (1877—1879) / Публ. А. П. Дмитриева // *Гиляров: ИМБР*. С. 336—428.

[70] Писчебумажная фабрика была куплена Гиляровым в 1873 г. у штабс-ротмистра Н. И. Шумова в с. Брынкове Рузского уезда Московской губ. за 50 тысяч рублей (15 тысяч внесено наличными, на остальные 35 тысяч оформлены векселя). См. Свидетельство о покупке фабрики от 12 июля 1873 г. и ее Опись (ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 66).

[71] Протоиерей Григорий Петрович Смирнов-Платонов (1825—1898) — магистр Московской духовной академии (1850), духовный писатель, церковный историк, редактор-издатель журналов «Православное Обозрение» и «Детская Помощь»; ученик и сослуживец Гилярова (был студентом Академии в 1846—1850 гг., а с января 1851 г. преподавал там библейскую историю, с 1853 г. — патрологию, в том же году был переведен в Московскую семинарию).

[72] Речь идет о Сборнике, в который предполагалось включить воспоминания о Гилярове и его избранные письма; его князь Шаховской собирался издать у К. С. Солдатён-

кова или И. Д. Сытина в 1893 г. См.: *Шаховской Н. В., кн.* Проект матерьяла, который может войти в Сборник <памяти Н. П. Гилярова-Платонова> (1893) / Публ. А. П. Дмитриева // *Гиляров: ИМБР*. С. 479—482.

[73] Здесь и далее указаны тома и страницы прижизненного отдельного издания воспоминаний Гилярова «Из пережитого» (М., 1886—1887. Т. 1—2). В комментариях отмечаются только значительные погрешности в передаче текста (пропуски, изменения слов и др.).

[74] Алексей Петрович Ахматов (1817—1870) — обер-прокурор Св. Синода (1862—1865), до этого (с 1860 г.) харьковский военный генерал-губернатор.

[75] Пособие к изучению устава богослужения Православной Церкви Константина Никольского, священника церкви Успения Пресвятыя Богородицы. СПб., 1862. XVI, 649 с.; 7-е изд., испр. и доп.: СПб., 1907 (репринт: М., 1995). XVI, 878 с. Протоиерей Константин Тимофеевич Никольский (1825—1911) — духовный писатель, автор справочных пособий по богослужебной практике.

[76] Гиляров состоял в этой должности с 20 августа 1863 г. по 14 августа 1868 г.

[77] Имеется в виду «Великий покаянный канон», созданный св. Андреем Критским и насчитывающий около 250 тропарей (в других канонах их обычно не более 30-ти). Он читается по частям с понедельника по четверг на первой неделе Великого поста на церковной службе, называемой повечерием, а также весь целиком — в четверг пятой недели того же поста на утреннем богослужении.

[78] Граф Михаил Михайлович Сперанский (1772—1839) — ближайший советник Александра I (1808—1812), автор плана либеральных преобразований; генерал-губернатор Сибири (1819—1821); фактический глава II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии (с 1826 г.). Духовно-педагогические взгляды Сперанского нашли отражение во всех основных документах по народному образованию, издававшихся в 1804—1812 гг.

[79] Архиепископ Феофан (в миру Элеазар Прокопович; 1681—1736), малороссийский и русский государственный и церковный деятель, писатель; сподвижник Петра I, глава Ученой дружины; епископ Псковский, Изборский и Нарвский (с 1718 г.), архиепископ Новгородский и Великолуцкий (с 1725 г.). Он ставил вопрос об открытии школ для простого народа в составленном им «Духовном регламенте» (СПб., 1821).

[80] Титул кардинала стал вторым после папы в иерархии католической церкви постепенно — начиная с 1059 г., когда римские кардиналы (первоначально — настоятели главных, окружных церквей) получили право выбора папы. С 1586 г. число кардиналов было определено в 70 человек: из них 6 кардиналов-епископов, 50 кардиналов-священников и 14 кардиналов-диаконов.

[81] *Обонпол* — по ту сторону, на другой стороне (*цркслав.*).

[82] Имеется в виду восстание, начавшееся в Царстве Польском в ноябре 1830 г. и подавленное правительственными войсками в октябре 1831 г.

[83] Восстание на Сенатской площади в 1825 г.

[84] Имеется в виду пожар на даче Гилярова в 1856 г.

[85] Цитата из «Слова в Великий пяток» (из сборника «Страстная седмица», 1835) архиепископа Иннокентия (Борисова): «...уста мои невольно заключаются, при виде Господа, почивающего во гробе. <...> И что можно сказать вам о Боге и Его правде, о человеке и его неправде, чего стократ сильнее не говорили бы сии язвы?» (Сочинения Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического. СПб.; М., 1901. Т. IX. С. 225).

[86] Имеется в виду Димитрий Иванович Ростиславов (1809—1877), церковный историк и публицист; профессор физико-математических наук С.-Петербургской духовной академии (1835—1846), автор получивших громкую известность «обличительных» историко-публицистических книг, изданных в Лейпциге: «Об устройстве духовных училищ в России» (1863. Т. I—II) и «Черное и белое духовенство в России» (1866), а также труда «Опыт исследования об имуществах и доходах наших монастырей» (СПб., 1876).

[87] Генерал Михаил Григорьевич Черняев (1828—1898) сблизился со славянофильским кружком на рубеже 1860—1870-х гг., когда после ухода с поста военного губернатора Туркестанского округа справедливо ощущал себя жертвой военно-канцелярского режима и пронемецки настроенного дипломатического корпуса. Письмо генерала М. Г. Черняева, опубликованное в «Современных Известиях», было вызвано клеветнической кампанией, развернутой против него представителями либерально-демократической прессы. Эти нападки на заслуженного, нравственно безупречного героя, ставшего в глазах русских людей символом общеславянского единства, показались Гилярову слишком похожими на преследование его самого со стороны М. С. Сковронской, поддержанное судебными властями.

[88] Эта статья была написана племянником Гилярова. Републиковано нами: + <*Гиляров Ф. А.* Передовая статья в защиту М. Г. Черняева от нападок либеральной прессы> (1877) // *Гиляров: ИМБР*. С. 411—414. Несмотря на предваряющий публикацию символ «+», указывающий на авторство Ф. А. Гилярова, следует предположить активное участие Гилярова в написании или хотя бы редактировании этой передовой статьи: об этом свидетельствуют ее стилистические особенности (прежде всего ораторский пафос). См. также: *Гиляров-Платонов Н. П.* Письмо М. Г. Черняеву <дек. 1877 г. или янв. 1878 г.> // Там же. С. 414—415.

[89] Граф Илларион Иванович Воронцов-Дашков (1837—1916)—генерал-лейтенант (1876), министр Императорского двора и уделов (1882—1896); Кавказский наместник (1905—1915).

[90] Александру III.

[91] *«Русский Мир»* — ежедневная газета, выходившая в Петербурге в 1871—1880 гг.

[92] Граф Иван Давыдович Делянов (см. коммент. 4 на с. 515) — в тот период (1882—1897) министр народного просвещения.

[93] Победоносцевым.

[94] О С. Ф. Шарапове см. коммент. 195 на с. 568.

[95] <*Шарапов С. Ф.*>. Москва, 24 октября // *РД*. 1887. 17—24 окт. № 12/13. С. 1. Здесь, в частности, отмечалось, что Гиляров «велик как глубокий и оригинальный, скажем смело над его могилой, — как гениальный русский мыслитель».

[96] Николай Платонович Барсуков (1838—1906) — историк, археограф, издатель, библиограф.

[97] См. об этом подробнее в главе 3.7.

[98] О взаимоотношениях Гилярова и митрополита Филарета (Дроздова) см. главу 1.3.

[99] Михаил Петрович Погодин (1800—1875) — прозаик, драматург, публицист, издатель, историк. Высоко ценил Гилярова (см. его отзыв на с. 5).

[100] Савелий Константинович Эфрон (псевд. — С. Литвин; 1849—1925) — прозаик, драматург, публицист; считал себя учеником Гилярова.

[101] Алексей Никитич Гиляров (1856—1938) — историк философии, литературовед, переводчик; младший сын Гилярова-Платонова.

[102] Вера Григорьевна Гилярова (ур. Кишкина; ?—1921 или 1922) — жена А. Н. Гиляровa.

[103] Ранее Гиляров рассказывал о старшем брате Александре, который «жил в доме и был учителем у Киреевских». И далее: «Сестра Киреевского <М. А. Хомякова> была мать А. С. Хомякова, который бывал у дяди и не мог не быть известен брату, хотя пребывание брата у Киреевских, кажется, совпало главным образом с периодом военной службы Хомякова. Но брат гащивал в Богучарове, имении Хомяковых, хорошо знал Хомякова-отца <С. А. Хомякова>» (*Из пережитого*. Т. 1. С. 206).

[104] Гавриил Афанасьевич Иванов (1826—1901) — филолог-классик, профессор, декан историко-филологического факультета (1885—1887, 1894—1899) и ректор Московского университета (1887—1893).

[105] Петр Алексеевич Бессонов (1827—1898) — филолог, фольклорист, этнограф; приятель Гилярова в период обучения в Московской семинарии.

[106] *Г—в Н. <Гиляров-Платонов Н. П.>.* Семейная хроника и Воспоминания. С. Аксакова. Москва. 1856 // *РБ*. 1856. Кн. I. Отд. III: Критика. С. 1—45.

[107] Ошибка в имени. Речь идет об Илье Васильевиче Беляеве (ок. 1826—1867) — магистре Московской духовной академии (1850), профессоре гражданской всеобщей и русской истории Московской семинарии (с 1852 г.).

[108] *Стоглав* — сборник решений Стоглавого собора (1551), состоящий из 100 глав (101-я глава добавлена после окончания собора), которые касаются, в частности, острых вопросов церковного землевладения.

[109] Иван Дмитриевич Беляев (1810—1873) — историк, ординарный профессор Московского университета по кафедре русского законодательства (с 1860 г.).

[110] Митрополит Макарий (в миру Михаил Петрович Булгаков; см. коммент. 23 на с. 555) — богослов и церковный историк; епископ Винницкий (с 1851 г.), Тамбовский и Шацкий (с 1857 г.), Харьковский и Атырский (с 1859 г.), архиепископ Литовский и Виленский (с 1868 г.), митрополит Московский и Коломенский (с 1879 г.).

[111] «История Русской церкви» митрополита Макария (Булгакова) была издана в 1883 г. в 12 томах (переиздана в 1994—1996 гг.).

[112] Протоиерей Г. П. Смирнов-Платонов, учившийся на одном курсе с И. В. Беляевым, вспоминал: «И. В. Беляев написал диссертацию о Стоглаве и благодаря участию Горского и Ив. Д. Беляева открыл новые памятники (сведения о них напечатаны были в “Архиве” <Н. В.> Калачева), которые совершенно переменили церковный взгляд на значение Стоглава: Беляевым отысканы наказы, при которых рассылались списки Стоглава к областным иерархам. Этот переменившийся взгляд можно следить в Истории Русской церкви м<итрополита> Макария, в которую внесено несколько страниц из сочинения Беляева» (*Смирнов-Платонов Гр., прот.* «Curriculum vitae»: Из области воспоминаний и мечтаний // *Смирнов-Платонов Гр., прот.* «Детская Помощь»: К читателям и сотрудникам. М., 1885. С. 37).

[113] Речь идет о фундаментальном шеститомном исследовании: *Горский А. В., прот.; Невоструев К. И.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1855—1917. Работа над ним была начата в августе 1849 г. и продолжалась вплоть до кончины ученых. Протоиерей Александр Васильевич Горский (1812—1875) — историк, археограф; ректор Московской духовной академии (с 1862 г.).

[114] На деле М. С. Сковронская соблазнила младшего сына Гилярова.

[115] Вениамин Яковлевич Федоров (1828—1897) — секретарь (1858—1865), цензор (с 1867 г.) и председатель (с 1884 г.) Московского цензурного комитета.

[116] Имеется в виду неподписанная корреспонденция «Из Петербурга. 16 мая», где, в частности говорится: «По слухам, Государь Император намерен съездить на некоторое время за границу». После сообщения о решении Государственного совета устроить в Ревеле русскую гимназию следовали иронические рассуждения: «То-то бароны этому обрадуются! <...> Теперешний губернатор кн. Шаховской совершенно покорен им. Рассказывают, что однажды в театре немецкие актеры запели: *Die wacht am Rhein* <Стража на Рейне (*нем.*)>; русские офицеры вышли из театра, а губернатор остался» (*СИ*. 1871. 19 мая. № 135. С. 3).

[117] Принцесса Луиза Великобританская (1848—1939) — четвертая дочь британской королевы Виктории; в замужестве — герцогиня Аргайл. Вышла замуж в марте 1871 г.

[118] Первое запрещение розничной продажи последовало с 7 августа по 30 октября 1871 г. — за публикацию в составе передовой статьи корреспонденции Г. Г. Урусова о холере в Москве и о мерах борьбы с нею, с призывом помогать немощным москвичам, вместо того чтоб заказывать дорогие молебны (см.: <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 31 июля // *СИ*. 1871. 1 авг. № 209. С. 2).

[119] Очевидно, по поводу публикации в качестве передовой статьи неподписанного открытого письма: Право домохозяина есть ли его обязанность? (Письмо редактору) // *СИ*. 1871. 6 авг. № 214. С. 2. В связи с распоряжением московской полиции красить и штукатурить дома, когда они «еще не обсохли от весенней сырости».

[120] Михаил Романович Шидловский (1826—1880) — начальник Главного управления по делам печати (1870—1871), генерал-лейтенант, ранее — тульский губернатор (1865—1870).

[121] В связи с публикацией в составе передовой статьи письма Г. Урусова об устройстве дорогостоящих молебнов в Москве по случаю холеры вместо реальной помощи населению: <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 31 июля // *СИ*. 1871. 1 авг. № 209. С. 2.

[122] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 9 октября // Там же. 1871. 10 окт. № 279. С. 1—2.

[123] Граф Владимир Петрович Орлов-Давыдов (до 1856 г. — Давыдов; 1809—1882) — обер-церемониймейстер, писатель, меценат.

[124] *Сл....ский К—н*. Московский штундист: (Письмо редактору) // *СИ*. 1872. 13 мая. № 129. С. 1. Статья, напечатанная в качестве передовой, об успешной сектантской проповеди среди простонародья одного выпускника Московского университета (фамилия не названа). Это происходит, считает автор (житель Сергиева Посада), «от неподвижности и нерадения пастырей церкви». Гиляров в послесловии поддержал его мысль о «безжизненности духовенства».

[125] Речь идет о приведенном в качестве подпередовой статьи особо не озаглавленном и неподписанном письме читателя об «уличном сквернословии» в Лефортово «госпитальных солдат, разгуливающих с безобразными камелиями» (Там же).

[126] О московском губернаторе князе В. А. Долгорукове см. коммент. 5 на с. 486.

[127] Номер отсутствует в газетных залах книгохранилищ. На следующий день читатели были оповещены редактором: «№ нашего издания, назначавшийся к выходу вчера, 29 января, не мог быть выпущен в свет по независевшим обстоятельствам» (<*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 29 января // *СИ*. 1873. 30 янв. № 29. С. 1). Иван Артемьевич Лямин (1822—1894) — купец 1-й гильдии, основатель и владелец товарищества «Покровская мануфактура»; в 1865—1868 гг. председатель Московского биржевого комитета; учредитель и в 1870—1891 гг. председатель совета Московского купеческого банка;

с 1885 г. действительный статский советник. В 1863—1894 гг. гласный Московской городской думы, в 1871—1873 гг. московский городской голова.

[128] *Один из недоумевающих*. По поводу одного циркуляра: (Письмо редактору) // *СИ*. 1872. 5 апр. № 93. С. 1. Письмо опубликовано в качестве передовой статьи и обсуждает циркуляр министра юстиции о том, «сидеть ли нижним воинским чинам в камере мировых судей, когда там бывают начальники их».

[129] *Один из попечителей бедного сельского храма*. <По поводу статей Д. Ф. Самарина об обеспечении духовенства> // Там же. 1872. 22 апр. № 108. С. 1. В конце: *14 апреля 1873 г., г. Кадом*. Письмо опубликовано в качестве передовой статьи.

[130] *П—ский В. <Пелешевский В. Ф.>*. Причины неудобных налогов // Там же. 1874. 29 марта. № 87. С. 2. Статья, напечатанная в качестве передовой, об учрежденном в Москве новом налоге в «пользу общественного благоустройства» — по 1,6 руб. сер. «за личный труд», не затрагивающий привилегированные сословия.

[131] Имеется в виду приостановка издания по Распоряжению министра внутренних дел от 11 апреля 1874 г.: «Принимая в соображение, что статья "Причины неудобных налогов", напечатанная в № 87 газеты "Современные Известия", возбуждает враждебные отношения низших классов общества к высшим, — министр внутренних дел, на основании ст. 29 главы II Высочайше утвержденного 6 апреля 1865 г. мнения Государственного совета и согласно заключению Совета Главного управления по делам печати *определил*: объявить третье предостережение газете "Современные Известия", в лице издателя-редактора статского советника Гилярова-Платонова, и приостановить издание оной на три недели» (Там же. 1874. 5 мая. № 100. С. 1). Автор инкриминированной статьи подписался криптонимом «В. П—ский» (видимо, это постоянный корреспондент газеты В. Ф. Пелешевский). № 99 датирован 13 апреля 1874 г., а № 100 — 5 мая; следовательно, газета, действительно, не выходила в течение 3 недель.

[132] Имеется в виду передовая статья «Москва 10 мая», написанная по поводу письма о сокращении церковных штатов, опубликованного в «Русских Ведомостях» (оно же перепечатано в составе статьи) и осуждавшего эту правительственную «меру», о которой Гиляров писал: «В иных местах она произвела раскол, в других — отпадение от христианства, повсюду — отчуждение от духовенства и в довершение — ничуть не улучшила положения оставшихся членов клира. Все это легко было предвидеть» (*СИ*. 1874. 11 мая. № 106 С. 2).

[133] Письмо с подписью «Извощик» опубликовано не в № 106, а в № 108 от 13 мая (с. 1—2) и прокомментировано в передовой статье Гилярова «Москва 12 мая». Возмущение в Цензурном комитете вызвал следующий фрагмент письма: «Всякий у нас по нескольку раз видел путешествие по Москве Иверской иконы Божией Матери, и всякий, конечно, заметил: едут не на лошадях, а одрах, у которых вместо ног какие-то подставки, и как же лупят бедных лошадей! <...> Спрашивается: кто тут виноват, извозчик или потребители? Верный ответ, что потребители, потому что платят 150 р. в месяц за шесть лошадей, ездят с 4 часов до 6 вечера, делая по 60 и 70 визитов в день».

[134] Имеется в виду неподписанная корреспонденция: С юго-восточного Кавказа. 16 апреля: Краткие сведения о Закаспийском крае и о Каспийской военной флотилии // *СИ*. 1874. 13 мая. № 108. С. 3.

[135] *<Гиляров-Платонов Н. П.>*. Москва, 11 мая // Там же. 1874. 12 мая. № 107. С. 1.

[136] См.: *М. М.* По гигиене войск // Там же. 1875. 18 сент. № 257. С. 2. Статья помещена в качестве передовой. Внизу дата: «11-го сентября 1875 года». В статье доказывается,

что «новая военная реформа <...> мало, однако же, коснулась улучшения самой жизни наших солдат».

[137] См. заметку «Нам пишут из Орла...», данную в качестве подпередовой статьи крупным шрифтом, в которой, в частности, сообщалось: «14 сентября в Орловском уездном земском собрании постановлено пожертвовать 1000 рублей в пользу “пострадавших от восстания герцеговинских семейств”» (Там же).

[138] Упомянут Александр Львович Потапов (1818—1886) — генерал-адъютант (1866), генерал от кавалерии (1874), шеф жандармов и главноуправляющий Третьим отделением (1874—1876).

[139] Министром внутренних дел в этот период (1868—1878) был Александр Егорович Тимашев (1818—1893) — генерал-адъютант (1859), генерал от кавалерии (1872).

[140] Видимо, имеется в виду Объяснительная записка Гилярова по поводу его передовой статьи (Москва, 7 января // *СИ*. 1877. 8 янв. № 7. С. 2), где он размышляет о враждебной России политике Турции и европейских стран, поддерживавших последнюю.

[141] См.: + <*Гиляров Ф. А.*>. Москва, 15 августа; *Шабардин А., купец.* <Письмо из Киева от 24 июля 1877 г.> // *СИ*. 1877. 16 авг. № 224. С. 1—2. По поводу активного участия англичан в сражениях с русскими на стороне турок. А Шабардин от имени купечества предложил выдавать русским морякам за каждое уничтоженное английское военное судно 15 000 руб. сер., а «американцам и другим мореплавателям» — по 3000 руб. сер. премии.

[142] Подпередовая статья, набранная крупным шрифтом: <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 6 августа: Дневное обозрение // Там же. 1877. 7 авг. № 215. С. 2. Начало: «Предсказывают общее обновление нашего дипломатического персонала».

[143] См. этот фрагмент статьи Гилярова: «...повторились снова те же времена Священного союза, даже без перемены действующих лиц. Дошло до того, что по заключении “тройственного союза”, издавались даже открытые официально-дипломатические провозглашения, что Россия памятует Священный союз и не хочет изменять его преданиям. Берлинский конгресс был достойным венцом этой реставрации в политике» (Там же).

[144] <*Без подписи*>. Из Ташкента. 30 сентября // *СИ*. 1878. 24 окт. № 293. С. 3.

[145] <*Без подписи*>. Москва, 29 сентября: Дневное обозрение // Там же. 1878. 30 нояб. № 330. С. 1. Автор, судя по идентификационному значку, не Гиляров.

[146] *«Берег»* — ежедневная газета-официоз, издававшаяся в Петербурге в 1880 г.

[147] *Аде* <*Дмитриев А. М.*>. Мимоходом: Бал; наши идолы. — Забытая деревня; ее житье-бытье. — Контрасты. — Концерты в пользу псковитян. — «Издательское Общество»; его газеты; возможные направления их. — Железнодорожная газета; ее цели. — Новый благотворитель России; предлагаемый им откуп // *СИ*. 1879. 27 дек. № 356. С. 1—2. В частности, в фельетоне говорилось о введении нового откупа на спички, рассматриваемого правительством, из-за чего спички могут подорожать вдвое.

[148] *NN*. Пожирательницы мужчин // *СИ*. 1879. 30 янв. № 29. С. 1. Очерк из жизни гимназисток, ведущих фривольные разговоры о мужчинах, задирающих их на улице («Душка военный, милка статский») и обожающих своих учителей (например, «незаметно, но чувствительно, целуют его спину, фалды фрака и т. п.»). Гимназия представляется так: «Это действительно не Эдем, а Содом и Гоморра».

[149] О петербургском профессоре В. А. Лебедеве см. коммент. 2 на с. 484. Он дал в Цензурное ведомство залог за газету Гилярова.

[150] В передовице «Москва, 15 ноября: Дневное обозрение» Гиляров писал: Россия «вся, как один человек, уверена, что политика русская по Восточному вопросу есть по-

литика австрийская; что, к глубочайшему прискорбию, русская дипломатия смотрит австрийскими глазами, повинуется австрийским видам и им содействует, безразлично к тому, согласны ли австрийские виды с русскими интересами или идут наперекор» (*СИ.* 1885. 16 нояб. № 298. С. 2).

[151] Возможно, имеется в виду политическая передовица о русско-австрийских отношениях: <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 22 февраля // Там же. 1887. 23 февр. № 52. С. 1.

[152] Павел Никитич Подлигайлов — журналист, издатель, автор книг «Местное управление в России» (СПб., 1884) и «Национальные задачи России и меры к их осуществлению» (СПб., 1888).

[153] О С. И. Соколове см. коммент. 2 на с. 513.

[154] Алексей Иванович Елишев (1853 — не ранее 1908) — публицист, журналист.

[155] Николай Андреевич Зверев (1850—1917) — юрист, профессор Московского университета (с 1884 г.), политик и общественный деятель.

[156] Михаил Гаврилович Кувшинов — московский издатель, потомственный почетный гражданин; писчебумажная торговля Кувшиновых основана в 1810 г.

[157] Дмитрий Афанасьевич Бонч-Бруевич (1840 — после 1904) — землемер, управляющий типографией.

[158] Протоиерей Михаил Симонович Боголюбский (1826—1902) — сотоварищ Гилярова по Московской духовной академии, профессор словесности и латинского языка, затем — греческого языка и катехизического учения Московской семинарии (1848—1852); протоиерей в Москве; проповедник, духовный писатель.

[159] Подразумевается книга «Из пережитого».

[160] Архиепископ Алексий (в миру Руфин Иванович Ржаницын; 1812—1877) — ректор Московских семинарии (с 1843 г.) и духовной академии (с 1847 г.), епископ Дмитровский (с 1853 г.), Тульский и Белевский (с 1857 г.), Таврический и Симферопольский (с 1860 г.), архиепископ Рязанский и Зарайский (с 1867 г.), Тверской и Кашинский (с 1876 г.).

[161] См. объемную беловую рукопись Гилярова «Свод четырех Евангелий (Луки, Матфея, Марка, Иоанна)», с обозначением параллельных мест (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 335).

[162] Вениамин (в миру Василий Матвеевич Карелин; 1822—1874) — сотоварищ Гилярова по Московской духовной академии; ректор Астраханской (с 1859 г.), Пермской (с 1862 г.); епископ Ревельский (с 1866 г.), Рижский и Митавский (с 1870 г.).

[163] Архиепископ Афанасий (в миру Александр Васильевич Дроздов; 1800—1876) — ректор Пензенской (с 1828 г.), Костромской (с 1829 г.), Рязанской (с 1837 г.), Херсонской (с 1840 г.), С.-Петербургской (с 1841 г.) духовных семинарий; епископ Винницкий (с 1842 г.), Саратовский и Царицынский (с 1847 г.), Астраханский и Енотавский (с 1856 г.; архиепископ с 1858 г.), с 1870 г. на покое; библеист, ботаник, астроном.

[164] Митрополит Серафим (в миру Стефан Васильевич Глаголевский; 1757—1843) — проповедник, богослов; епископ Дмитровский (с 1799 г.), Вятский и Слободской (с 1804 г.), Смоленский и Дорогобужский (с 1805 г.), архиепископ Минский и Литовский (с 1812 г.), Тверской и Кашинский (с 1814 г.), митрополит Московский и Коломенский (с 1819 г.), Новгородский, Санкт-Петербургский, Эстляндский и Финляндский (с 1821 г.).

[165] Святитель Филарет (в миру Федор Георгиевич Амфитеатров, в схиме Феодосий; 1779—1857) — проповедник; епископ Калужский и Боровский (с 1819 г.), Рязанский

и Зарайский (с 1825 г.), архиепископ Казанский и Свияжский (с 1828 г.), митрополит Киевский и Галицкий (с 1834 г.).

[166] И. С. Аксаков издавал еженедельную газету «День» с октября 1861 г. по декабрь 1865 г.

[167] Александр Васильевич Головнин (1821—1886) — министр народного просвещения (1862—1866).

[168] Эта программа опубликована князем Шаховским: *Сб. соч.* Т. II. С. 141—147.

[169] Епископ Вениамин (Карелин) умер 21 августа 1874 г.

[170] В Академии В. М. Карелин был на одном курсе с Гиляровым. Впоследствии, уже став архимандритом, о. Вениамин обратил внимание на статьи в «Русской Беседе», подписанные криптонимом «Н. Г—в», и догадался, кто их автор. 3 августа 1859 г. он признавался Гилярову: «Влияние Вашего духа на меня неотразимо, неизгладимо; если хотите, руками ощупаю и в сердце, и в голове чувства и мысли, порожденные или возбужденные Вами...» (цит. по: *Шаховской Н., кн.* Годы службы Н. П. Гилярова-Платонова в Московском цензурном комитете, 1859 год // *РО.* 1898. Т. 49, янв. С. 105). Так было положено начало оживленной переписке двух старых товарищей, продолжавшейся вплоть до кончины Вениамина, в 1866 г. ставшего викарным епископом Ревельским, а в 1870 г. — епископом Рижским и Митавским. Письма Гилярова и Вениамина были в извлечениях опубликованы князем Н. В. Шаховским (Там же. С. 98—117). В его фонде в РНБ хранятся 5 писем Гилярова к Вениамину за 1860—1869 гг. (Ф. 847. Ед. хр. 387, 388) и 47 писем Вениамина к Гилярову за 1859—1872 гг. (Там же. Ед. хр. 599—603). Одно из писем Гилярова к другу его молодости опубликовал священник П. А. Флоренский под заголовком «Церковь и богословие» (*БВ.* 1914. Т. 1, февр. С. 208—222).

[171] Подразумевается епископ Вениамин (Карелин).

[172] Неточность: о. Сергий (Ляпидевский) окончил XIV курс Академии (1840—1844), а В. М. Карелин — XVI курс (1844—1848). Митрополит Сергий (в миру Николай Яковлевич Ляпидевский; 1820—1898) — духовный писатель; епископ Курский и Белгородский (с 1861 г.), архиепископ Казанский и Свияжский (с 1880 г.), Кишиневский и Хотинский (с 1882 г.), Херсонский и Одесский (с 1891 г.), митрополит Московский и Коломенский (с 1893 г.).

[173] Епископ Иоанн (в миру Владимир Сергеевич Соколов; 1818—1869) — проповедник, религиозный публицист, богослов; ректор С.-Петербургской семинарии (с 1855 г.), Казанской (с 1857 г.) и С.-Петербургской (с 1864 г.) духовных академий; епископ Выборгский (с 1865 г.), Смоленский и Дорогобужский (с 1866 г.).

[174] Лицо неустановленное.

[175] Протоиерей Иоанн Григорьевич Поспелов (1821—1910) — духовный писатель, проповедник; магистр Московской духовной академии (1848), настоятель костромского Успенского собора. См.: *Поспелов Иоанн, протоиерей.* Восемнадцатилетнее служение в Лифляндии: (Рассказ священника) // *БВ.* 1892. Т. 1, март. С. 507—518; Т. 3, авг. С. 285—307. См. также его статью: Воспоминания о высокопреосвященном Платоне <(Городецком)>, архиепископе Рижском, впоследствии митрополите Киевском, и о преосвященном Вениамине <(Карелине)>, еп. Рижском // Там же. 1897. Т. 1, янв. С. 109—125.

[176] Возможно, Николай Николаевич Новиков (1827 или 1831—1898), впоследствии (с 1887 г.) член Совета Главного управления по делам печати.

[177] Протоиерей Николай Иванович Надеждин (1813—1890) — духовный писатель, преподаватель Московской семинарии, настоятель Покровского (Василия Блаженного)

собора, председатель Московского комитета по исправлению церковно-богослужебных книг.

[178] Федор Александрович Гиляров (1841—1895) — племянник Гилярова-Платонова, филолог, педагог, мемуарист, публицист и издатель; соредактор «Современных Известий» (1878—1883).

[179] Марья Алексеевна Тихобразова (ур. Богданова) — дочь протоиерея А. И. Богданова, свояченица Гилярова; овдовела в 1848 г. Воспитывалась бездетной епифанской помещицей Надеждой Федоровной Козловой (? — ок. 1835), оставившей ей значительное состояние.

[180] В архиве князя Шаховского сохранился «Реестр книг и рукописей, взятых советником г. Бессоновым из Типографской библиотеки в разное время», включающий 14 книг 1625—1837 гг. издания, а также 8 рукописей и 9 «картин при книге венчания на царство Михаила Федоровича» (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 347. Л. 1—2). Поводом для ухода Бессонова из Синодальной типографии в 1865 г. (где он служил с 1858 г.) послужил отказ Гилярова печатать его вступительную статью к одному из изданий Типографии (посвященному 300-летию первой русской книги — «Апостолу»). Гиляров писал С. А. Соболевскому 12 августа 1865 г.: «Предисловие, подготовленное Бессоновым, на мой взгляд, не годилось никуда, ибо представляло высокопарный набор слов с двумя-тремя фактами, и только. Издавать подобное разглагольствие, с точки зрения ораторской, может быть, и недурное, было крайне неудобно, когда издание идет от имени Святейшего Синода и когда предисловие, следовательно, пошло бы тоже от имени Синода, по меньшей мере — от имени Типографии. Что затем произошло, отчасти Вам известно. Бессонов ушел» (РГАЛИ. Ф. 450. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 202—202 об.). Тот оправдывался печатно: *Бессонов П.* Об юбилейном издании Московской Синодальной типографии: (Письмо к издателю «Русского Архива»). <М., 1867>. 8 с.

[181] Граф Дмитрий Николаевич Блудов (1785—1864) — министр внутренних дел (с 1832 г.), главноуправляющий II Отделением Собственной Его Имп. Величества Канцелярии (с 1839 г.), председатель Государственного совета (с 1862 г.). здесь ошибка памяти: знакомство с Блудовыми произошло раньше: июлем 1855 г. датированы самые ранние из сохранившихся писем графа и его дочери к Гилярову. В Нескучном саду, принадлежавшем Дворцовому ведомству, Блудовы останавливались во время наездов в Москву.

[182] Имеется в виду священник Александр Петрович Гиляров (1803—1871), проповедник, настоятель ряда церквей в Москве; старший брат Гилярова-Платонова.

[183] Вероятно, содержание этой речи легло в основу поминальной передовой статьи: *<Гиляров-Платонов Н. П.>*. Внутренние известия // *СИ*. 1867. 1 дек. № 1. С. 2; перепеч. под назв. «Филарет, Митрополит Московский»: *Сб. соч*. Т. II. С. 435—439.

[184] *Телецкое озеро* расположено на северо-востоке Алтайских гор.

[185] Вера Алексеевна Гилярова-Платонова (ур. Богданова; 1820—1904) — дочь московского протоиерея, жена Гилярова (с 1849 г.).

[186] Анна Михайловна Гальперсон (ур. Эпштейн; 1856—1902) — журналист, критик, заведующая редакцией «Современных Известий», владелица архива Гилярова; ее муж Сергей Исаакович Гальперсон — заведующий конторой этой газеты.

[187] Елпидифор Васильевич Барсов (см. о нем коммент. 835 на с. 452) — фольклорист, исследователь древнерусской письменности; хранитель рукописей Румянцевского музея (с 1870 г.); друг Гилярова.

[188] Родители Гилярова, Никитские: Петр Матвеевич (1778—1854), священник коломенской Никитской церкви (1809—1844) и Мавра Федоровна (ур. Руднева; ок. 1780—1830).

[189] Имеется в виду писатель Сергей Тимофеевич Аксаков (1791—1859).

[190] Николай Никитич Гиляров (1854—1909) — старший сын Гилярова, сотрудник «Современных Известий».

[191] Ольга Семеновна Аксакова (ур. Заплатина; 1793—1878) — жена С. Т. Аксакова (с 1816 г.).

[192] Иван Петрович Малышев — владелец типографии на Пречистенском бульваре (ныне Гоголевский), в доме Иерусалимского подворья.

[193] Лакей И. В. Попов был пойман на противозаконной продаже водки и взят Гиляровым на поруки; позднее он занимал важное место в редакции; А. М. Гальперсон в 1887 г. писала о нем: «*Иван Васильевич Попов*, раздатчик газет для городских подписчиков и розницы, в то же время и кассир» (ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 65. <№ 1>. Л. 1).

[194] А. М. Гальперсон.

[195] Экономисту, публицисту, издателю и беллетристу Сергею Федоровичу Шарапову (1855—1911) принадлежало имение Сосновка в Вяземском уезде Смоленской губернии.

[196] Юрий Федорович Самарин (1819—1876) — философ, историк, общественный деятель, публицист, переводчик (совместно с Гиляровым) богословских брошюр Хомякова; один из идеологов славянофильства; член Редакционных комиссий (1859—1860).

[197] В. А. Гилярова-Платонова сохранила довольно легковесное воспоминание о происшествии, чуть было не приведшем к разрыву отношений между Гиляровым и Самариным. Подробности Гиляров сообщил в недатированном письме к И. Аксакову, фактически призывающем его стать третейским судьей и помирить его с Самариным; публикуем его целиком:

«Любезнейший Иван Сергеевич,

Я имел неосторожность обидеть Самарина письмом, написанным мною тоже под влиянием глубокого огорчения, которое доставил мне он сам. Вы знаете лучше других, сколько я Самарина уважаю, и потому лучше других оцените мое теперешнее огорчение.

Дело стало из-за того, что сегодня я, возвращаясь с официального визита домой, заехал по дороге к Кошелеву. Понятно, что пришлось мне быть у него в мундире. Застаю тут я Самарина. Тот долго потешался надо мною по поводу моего одеяния, а потом наконец сказал серьезно и наставительно, что я *мундиром своим никого не удивлю*. Последние слова меня глубоко тронули и огорчили. Итак, подумал я, Самарин предполагает, что я способен надеть мундир на удивление других! Понятно, что, должно быть, имеет же он обо мне мнение! Под влиянием этого чувства я по приезде домой написал Самарину письмо, в котором возразил, что мнение, выразившееся в его наставлении, я принимаю как факт, который я и прежде предполагал, т. е. что я не очень-то пользуюсь значительным мнением с его стороны. К сожалению, при этом я употребил выражение, которое, кажется, более всего задело Самарина. Выражение это *барская спесь*. Я писал, что можно независимому человеку надсмеиваться над людьми, вынужденными поневоле носить служебную ливрею; зато и последние могут понимать это не за иное что, как за барскую спесь. Таков был выпад моего письма, и в нем заключалась более общая сентенция, чем упрек, обращенный лично к Самарину; да притом, если бы это и был упрек, право, это еще не очень обидно, потому что слабость спеси очень извинительна, как справедливо объяснил мне в ответном письме и сам Самарин.

Как бы то ни было, а Самарин в ответ объявляет мне, что он разрывает со мною знакомство. Что ж, должно быть, уже такая на меня черная полоса нашла!

Самарин находит в моем письме желание оскорбить его. Посторонний человек, конечно, лучше способен взвесить, до какой степени письмо мое непристойно; и если оно действительно таково, да если бы даже оно и не таково было, все равно, — я чрезвычайно сожалею о происшедшем, и не знаю, чем его загладить. Во всяком случае, говоря по совести, желания оскорбить у меня решительно не было, а было только выразить и уяснить, до какой степени обидно от человека, которого уважаешь, слышать столь нелестные предположения о совершенной нравственной пустоте твоей.

Нервы расстроены у меня ужасно. И вчера и сегодня такое беспокойство и волнение, что — стыдно сказать — со мною делается что-то вроде истерических припадков, чего никогда со мною прежде не было.

Ваш *Н. Гиляров*» (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 359. Л. 32—33 об.).

[198] Николай Иванович Александровский (1857 — не ранее 1899) — врач-терапевт, старший ординатор Московской детской больницы Св. Ольги.

[199] Протоиерей Иоанн Николаевич Александровский (1824—1886) — близкий друг Гилярова в годы учебы в Московских семинарии и духовной академии, профессор и помощник инспектора Вифанской семинарии (1848—1854), законоучитель и священник нескольких московских храмов; протоиерей церкви Бориса и Глеба у Арбатских ворот (с 1871 г.).

[200] Речь идет о 6-й Московской гимназии, где учились оба сына Гилярова.

[201] А. Н. Гиляров, младший сын Гилярова-Платонова.

[202] Упомянута В. Г. Гилярова (ур. Кишкина). См. коммент. 102 на с. 561.

[203] Павел Акимович Овчинников (1830—1888) — придворный ювелир Императорского двора (с 1865 г.), владелец фабрики по производству золотых и серебряных изделий, основанной в 1851 г.

[204] Протоиерей Василий Михайлович Сперанский (1825—1878) — близкий друг Гилярова в годы учебы в Московских семинарии и духовной академии; профессор логики, психологии, патрологии и латинского языка Московской семинарии (1848—1855); протоиерей в Москве.

[205] Видимо, эти слухи были связаны с тем, что одним из основных кредиторов Гилярова был миллионер, коммерции советник Самуил Миронович (Шмуил Меерович) Малкиель (1836—?), владелец механико-литейного завода в Москве, разбогатевший на интендантских подрядах. 7 декабря 1879 г. К. П. Победоносцев писал Гилярову: «Правду ли пишут, любезнейший Никита Петрович, про газету Вашу, издавна боровшуюся с жидовством, будто она переходит в собственность московского жида Малкиеля? Я прочел это на днях в немецкой газете «S<t>.-P<eters>b<ur>g<er> Herold» (*Разумевающие верой*. С. 193). Имелась в виду заметка «Moskauer Tageschronik» («Московское дневное обозрение»), подписанная криптонимом «H. S.», в которой, в частности, говорилось: «Wie man uns mitteilt, sollen die hier erscheinenden russischen “Sowremenn<ije> Iswest<ija>”, welche sich durch ihre permanenten Angriffe gegen das Judenthum auszeichnen, in die Hände des bekannten reichen Israeliten Malkiel übergehen» (St. Petersburger Herold. 1879. 5 Dec. № 339. S. 5), т. е. «как нам сообщают, выходящие здесь русские “Современн<ые> Извест<ия>”, которые отличаются постоянными нападками на еврейство, должны перейти в руки известного богатого израильтянина Малкиеля».

[206] Игуменья Митрофания (в миру баронесса Прасковья Григорьевна Розен; 1825—1899) — фрейлина Императорского двора; игуменья Владычне-Покровского монастыря

(1861—1875). В начале 1873 г. во многом благодаря принципиальности Гилярова были преданы широкой гласности ее неблаговидные дела — подделка завещаний, векселей и других денежных документов. Судебное заседание происходило в Московском окружном суде 5—18 октября 1874 г.; подробнейшие отчеты публиковались, в частности, в «Современных Известиях». В книге «Из пережитого» Гиляров писал, что посоветовал о. И. Н. Александровскому открыть церковноприходскую школу: «Староста, безнадежно больной, составил завещание и обратился к батюшке, чтобы надоумил, как распорядиться частию имущества, предназначенного им на богоугодные дела. Совет и здесь принят. Купец умирает; дела его принимают душеприказчики. Но прознала о завещании известная мать Митрофания; уговорила дать ей капитал, назначенный на церковь и школу; заручилась разрешением митрополита (Иннокентия). Иван Николаевич, сохраняя всю почтительность к архипастырю, противостал этому хищению, нарушавшему волю завещателя, и поплатился за ревность о правде и о доме Божием: он немедленно переведен был с достаточного прихода в бедный. Я уже издавал газету. Стороною услышал о происшествии, навел справки и написал заметку, оканчивавшуюся словами: “Враги церковного просвещения, посягатели на церковную собственность, радуйтесь”. Намеренно я не виделся с пострадавшим; я знал, что он упросил бы меня воздержаться от огласки. Но я исполнил долг, как понимал его. После Иван Николаевич был вознагражден за невзгоду, им перенесенную, и получил один из видных приходов» (*Из пережитого*. Т. 2. С. 78).

[207] Степан Петрович Лепешинский (1836 — не ранее 1916) — врач, действительный статский советник.

[208] О Е. М. Феоктистове см. коммент. 846 на с. 454.

[209] Лазарь Самуилович Поляков (1842—1914) — таганрогский купец 1-й гильдии (с 1869 г.); основатель (1873 г.) в Москве крупного банкирского дома.

[210] Имеется в виду В. Я. Федоров.

[211] 15 (28) июля — день преставления Владимира Равноапостольного (1015).

[212] Александр Федорович Морокин (1836—1911) — экономист, земской деятель, промышленник, основатель ткацкой фабрики (1865); публицист, автор путевых очерков, корреспондент «Современных Известий».

[213] Душа — Авдотья Буренкова (см. коммент. 68 на с. 558).

[214] Протоиерей Димитрий Иванович Языков (1824—1908) — духовный писатель, законоучитель 3-й Московской мужской гимназии; одновременно с Гиляровым стал магистром Московской духовной академии (1848).

[215] Отдельная комната полагалась Гилярову по статусу — после прибавления в 1846 г. к его фамилии почетного дополнения «Платонов».

[216] Отец И. Н. Александровского в 1832—1837 гг. служил настоятелем придворной русской церкви в Гааге. Гиляров писал о друге: «Иван Николаевич <...> был человек света, посетитель театра и собраний, впрочем, посещавший их не по влечению, а более в качестве невольного кавалера родственниц и знакомых. Он был солидно обучен музыке и сам играл на фортепиано; играл, полагаю, лучше двух тогдашних моих товарищей, которые славились между нами этим искусством, один как импровизатор по преимуществу, игравший собственные фантазии, осенявшие его, когда он садился за инструмент, другой — как отчетливый исполнитель трудных пьес» (*Из пережитого*. Т. 2. С. 70).

[217] Подразумевается духовное братство, соединившее в Академии Гилярова с И. Н. Александровским и В. М. Сперанским.

[218] Речь идет о «Слове об освобождении крестьян» архимандрита Иоанна (Соколова) (Православный Собеседник. 1859. Ч. I, № 3. С. 334—355), которое вызвало общественный резонанс, поскольку в нем критиковал крепостное право за два года до осуществления Крестьянской реформы. Был ужесточен цензурный гнет в отношении этого казанского журнала, редактировавшегося о. Иоанном.

[219] Архиепископ Савва (в миру Иван Михайлович Тихомиров; 1819—1896) — епископ Можайский (с 1862 г.), Полоцкий и Витебский (с 1866 г.), Харьковский и Ахтырский (с 1874 г.), Тверской и Кашинский (с 1879 г., архиепископ с 1880 г.); археограф, мемуарист.

[220] Иеромонах Савва (Тихомиров) обучался на XVII курсе (1846—1850).

[221] Анфим I (в миру Атанас Михайлов Чалыков; 1816—1888) — общественно-политический деятель Болгарии; выпускник Московской духовной академии (1856), митрополит Преславский (с 1861 г.), Видинский (1868—1872, 1878—1888), экзарх Болгарский (1872—1877).

[222] То есть Савва (Тихомиров).

[223] См. об этом в главе 1.2, на с. 36.

[224] Великая княгиня Елена Павловна (1806—1873) — известная благотворительница.

[225] Речь идет об А. М. и С. И. Гальперсонах.

[226] См.: «Сковронская вторгалась в семью и продолжала добиваться еще большего значения в доме. В моем также присутствии, за столом или за чаем, она также мимоходом начинала заговаривать, что В<ера> А<лексеевна> за хозяйственность ее на нее сердится, что она ей не кланяется, затем, что она ходит к колдунам, что она будто бы хочет ее испортить и наконец стала решительно заявлять, что она боится, чтоб В<ера> А<лексеевна> совсем ее не отравила и т<аким> о<бразом> постепенно расстроила Г<иляров>а с своей женой» (Показание Е. В. Барсова / Публ. А. П. Дмитриева // *Гиляров: ИМБР*. С. 386—387).

[227] О Д. Ф. Самарине см. коммент. 10 на с. 495.

[228] См. об этом главу 3.8.

[229] Ю. Ф. Самарин на рубеже 1850—1860-х гг. был членом Еврейского комитета и пытался добиться разрешения на публикацию книги Гилярова «В каком смысле могут принадлежать евреям права гражданства в христианских государствах? На основании сочинений Паулуса составил и собственными примечаниями снабдил Н. Г.».

[230] Граф Федор Львович Соллогуб (1848—1890) — театральный художник, актер и поэт-любитель; сын графини М. Ф. Соллогуб, сестры Ю. Ф. Самарина.

[231] Александр Александрович Пороховщиков (1809—1894) — купец, член Московского Славянского комитета, меценат.

[232] См. об этом в главе 3.8 на с. 407.

[233] В письме к И. Ф. Романову-Рцы от 2 ноября 1886 г. Гиляров упоминал об этом: «...Юрий Федорович заносился на меня по поводу того, что я посмел коснуться кн. Щербатова в его деятельности по городскому управлению» (*Письма к Рцы*. С. 248). О князе А. А. Щербатове см. коммент. 10 на с. 495.

[234] См об этом коммент. 197 на с. 568—569.

[235] Константин Федорович Экземплярский — студент медицинского факультета Московского университета, сотрудник «Современных Известий»; любовник М. С. Сковронской; позднее — коллежский советник, фабричный врач г. Коврова.

[236] См.: *Гиляров-Платонов Н. П.* Записка о преобразовании высшего управления духовно-учебными делами // РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 309. 27 л.

[237] Опубл.: *СИ*. 1867. 8 дек. № 7. С. 26—27. См. также: *Гиляров-Платонов Н. П.* Об изменениях в Цензурном уставе // ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 21. 86 л.

[238] Имеется в виду подробнейшее письмо Гилярова к К. П. Победоносцеву от 8 ноября 1883 г. (см.: *Разумевающие верой*. С. 205—216).

[239] Церковь Георгия Великомученика в Грузинах (Б. Грузинская ул., 13).

[240] Дом принадлежал клиру армяно-григорианской Успенской церкви в Грузинах (Б. Грузинская ул., 20).

Приложение 3

СУДЬБА НАСЛЕДИЯ Н. П. ГИЛЯРОВА-ПЛАТОНОВА В НЕИЗДАННОЙ ПЕРЕПИСКЕ ЕГО УЧЕНИКОВ И ПОЧИТАТЕЛЕЙ (1885—1906)

I. ПЕРЕПИСКА А. М. ГАЛЬПЕРСОН И КНЯЗЯ Н. В. ШАХОВСКОГО (1885—1902)

1
А. М. ГАЛЬПЕРСОН — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Москва, 25 января 1885 г.

Января 25 дня 1885 г.

Многоуважаемый князь,

Никита Петрович по горло занят городскими и земскими делами,[1] редакционными занятиями и тому подобным. Ему, однако, хотелось поскорее ответить на Ваше письмо,[2] и потому он мне поручил исполнить это. Надеюсь, что разочарование Ваше будет не слишком велико.

Никита Петрович вполне одобряет выбранную Вами тему для статьи или, вернее, для целого ряда статей. Он утверждает, что если Вы серьезно отнесетесь к вопросу, у Вас может выйти капитальное сочинение. Для того чтобы не быть голословным, он советует Вам тщательно просмотреть все те журналы, о которых Вы говорите в своем письме, и просмотреть не за одну неделю, а за несколько месяцев, хотя бы и за прошедшее время, и тогда только приняться за труд. Ваша тема настолько пришлась по душе Никите Петровичу, что после Ваших статей он думает сам двинуться с «тяжелой артиллерией» (его собственное выражение).

Никита Петрович ничего не пишет теперь: это я пишу уж по собственной инициативе. Ему даже неприятны напоминания о «Прожитом» и письмах для «Руси».[3] Несколько дней он занят был составлением записки в думскую финансовую комиссию о неправильностях в городской смете. Записка вышла прекрасная, как всё, что Никита Петрович пишет. Она помещена в сегодняшнем № «Совр<еменных> Изв<естий>».[4] Теперь же он совершенно освободился от этого труда и мог бы приняться за «Прожитое» по крайней мере (для «Руси», он уверяет, у него нет готовых тем). Меня очень обрадовало, что Вы также напоминаете ему о продолжении. «Дайте мне тему, говорит он, и я стану писать». Я неизобретательна: не дадите ли Вы? Никита Петрович, впрочем, и сам сказал: «Пусть подумает он обо мне и пусть даст тему, я тогда исполню его желание». Теперь, следовательно, от Вас зависит продолжение его статей.

Позвольте поблагодарить за память обо мне. Никита Петрович передал мне Ваш поклон, но забыл передать Вам мою благодарность.

Примите уверение в искреннем уважении.
А. Гальперсон.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 104. Л. 1—2 об. На бланке со штампом в левом верхнем углу: «Контора редакции / ежедневной газеты / «Современные Известия» / № __ / Москва. / Января 25 дня 1885 г.».

[1] Гиляров в тот период состоял гласным Московской городской думы.

[2] См. письмо князя Н. В. Шаховского к Гилярову от 21 января 1885 г. (*Переписка с Шаховским*. С. 85—86). На его первой странице, на верхнем поле, Гиляров пометил: «Ответ<ил> 25/I».

[3] Имеется в виду статья «Откуда нигилизм?» (1884); предполагалось продолжение этого цикла «писем к И. С. Аксакову», так и не осуществленное Гиляровым.

[4] См.: <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Заметки на городскую смету // *СИ*. 1885. 25 янв. № 24. С. 2. Набранная довольно мелким шрифтом и изобилующая подстрочными примечаниями, эта «Записка» занимает всю вторую полосу газеты. Ей предпослана на первой полосе обстоятельная передовая статья, в которой сообщается, что Гиляров подал эту «Записку» в Финансовую комиссию «в качестве гласного» «как материал для суждения о состоянии городского хозяйства и для изысканий о способах его улучшить и упорядочить» (Там же. С. 1). В связи с этой запиской Гиляров писал князю М. В. Шаховскому-Глебову-Стрешневу: «Высокоуважаемый князь Михаил Валентинович, я подал в Финансовую комиссию думы [некоторые] заметки на Городскую смету. Может быть, в свободное время Вы не найдете для себя обременительным пробежать их. Дело не в смете настоящего года, а в хозяйстве городском вообще. Мне хотелось указать слабые стороны, на которые должно бы, по моему мнению, обратить внимание.

Заметки таки стоили мне труда, и было бы жаль, если бы они прошли совсем бесследно.

<*Второй вариант*:>

Вчерашний наш разговор подал мне мысль послать Вам мои заметки на Городскую смету, с предисловием. Городскими делами Вы, я вижу, не перестаете интересоваться.

Знаю, что Вы со многим будете не согласны, но все-таки пробегите.

А о Сокольниках вопрос поставить в настоящем свете очень бы не мешало.

Позвольте уверить [Вас] Ваше Превосход<ительство> в душевно<м> уважении» (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 525. Л. 1—1 об. Черновик). Сокольническая роща, арендовавшаяся городом, приносила убыток его казне.

2
А. М. ГАЛЬПЕРСОН — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Москва, 4 февраля 1885 г.

Москва. 4 февраля 1885 г.

Многоуважаемый князь!

Я очень благодарна за Ваше письмо и охотно отвечу на Ваши вопросы. Я намеренно умолчала в прошлом письме и о себе, и о Вашей статье,[1] потому что

речь шла не обо мне и все письмо шло как бы не от меня. Я гораздо свободнее и охотнее пишу, когда могу высказывать все, что приходит в данную минуту в голову.

Начать хотя бы с того, что обращение, употребленное мною, мне очень не по душе и подсказано мне Никитой Петровичем. Я нахожу, что оно чересчур официально и стесняет свободу обращения. Вполне уверенная в Вашей снисходительности, я позволю себе называть Вас Николай Владимировичем.

Я совершенно согласна с Вами, многоуважаемый Николай Владимирович, относительно всего, что Вы говорите о Никите Петровиче. Он не вправе зарывать в себе своих знаний, своих воззрений, своего опыта. Он обязан поделиться всем этим с нами и не должен задумываться над малочисленностью своих читателей. Если его поймут трое, четверо, то и тогда его труд не будет потерян, и я всегда твержу ему это. Он иногда соглашается со мною, согласился теперь и с Вами, но все-таки писать не будет или, по крайней мере, не напишет всего того, что мог бы написать. Никита Петрович постоянно обвиняет меня в разбрасывании. По-моему, и он разбрасывается. Не знаю, чем вызвано это у меня, но у него положительно разбрасывание происходит от внутреннего богатства, и дело это непоправимое. Сколько трудов у него начато, сколько статей, сколько сочинений целых почти кончено, но он не завершает их, потому что является новый интерес, и он сосредоточивает на нем все свои силы. Около него постоянно должен был бы находиться человек, свободный от этого недостатка, способный помогать ему во всем, одинаково с ним развитой, и дело пошло бы на лад. Меня на это не хватит![a]

Теперь мы заняты глаголами.[2] Моя помощь очень недостаточна. Мне нужно прежде усвоить то, что уже написано, а потом только в состоянии я буду помогать. Я утешаюсь по крайней мере тем, что самое сочувствие мое этому труду[b] несколько его вдохновляет, и дело подвигается. А воспоминания «Из прожитого» и письма для «Руси» пока остановились — не потому, впрочем, что не хватает у Никиты Петровича времени заняться ими, а потому, что он успел охладеть и к тому, и к другому и вдохновить его может случайное какое-нибудь обстоятельство. Я предлагаю ему съездить на Зацепу, где прошли первые его годы после окончания Академии:[3] оживятся воспоминания, и мы услышим и увидим тогда продолжение «Прожитого».

Вы спрашиваете меня, довольна ли я своим делом. Ваше знакомство с Никитой Петровичем может подсказать Вам, что под руководством такого человека всякий труд покажется приятным. Тем не менее, мне постоянно кажется или, вернее, я постоянно помню, что делаю слишком мало, что следовало бы работать больше и что со стороны труд мой может показаться очень и очень ничтожным. Вот Вам и ответ на вопрос, довольна ли я собою? Я подозреваю, что Ники-

[a] *Здесь и далее подчеркиванием обозначены фрагменты, подчеркнутые же в письмах их адресатами.*

[b] *Далее зачеркнуто*: все<-таки>.

та Петрович успел намекнуть Вам на вечное мое недовольство собою. Он этим очень[a] раздражается, хотя и сам соглашается, что я могла бы работать гораздо больше, если бы не было препятствия со стороны внешнего моего положения. Но дело не в этом.

Ваша статья в «Руси» мне очень понравилась, но... Вы простите меня за это но... Я имею несчастную привычку все обобщать. Мне кажется, что Вы не годитесь в моралисты, что Ваша сфера — сатира. Этим, вероятно, и объясняется мнение мужского пола о Вашей статье. И удивление «как же это так», и мнение о чрезмерной благонадежности, и даже замечание, что статья похожа на ученическое сочинение, вызвано близким знакомством с Вами. Вы сами в письмах к Никите Петровичу просите указать нам путь, по которому мы должны идти. У нас нет определенного мировоззрения. Мы знаем, чего не должно бы быть, но не можем сказать, что должно быть. У Вас нет недостатка в остроумии, в иронии, даже в сарказме. С этой точки зрения мне Ваш Фауст[4] и понравился, хотя Вы и назвали его сумасшедшим произведением. **У Вас** наверное выходили бы прекрасные статьи, если бы Вы не старались держаться на высоте моралистического тона, а позволили бы себе писать так, как у Вас выливается из-под пера**.**

Очень и даже очень возможно, что я ошибаюсь, но таково мое впечатление, и я осмеливаюсь преподнести его Вам.

«Чужую беду руками разведу, к своей ума не приложу». Если бы я так же ясно видела, на что я способна, если бы я могла наметить себе путь! Я кидаюсь на одно, на другое; одного не кончаю, за другое принимаюсь и ни до чего не дохожу. Мне кажется, что и Никита Петрович скоро махнет на меня рукой.

«Совр<еменные> Из<вестия>» Вы не получаете. Это очень на нас похоже. У нас все делается спустя рукава. Никиту Петровича окружают ужасные люди или, лучше, его никто не окружает. Почти все приходится ему делать самому; все служащие в редакции пользуются его добротой и бесхарактерностью и запускают совершенно редакционное дело. Оттого в «Совр<еменных> Известиях» только то и хорошо, что пишет Никита Петрович, к чему он прикладывает свою руку. Я думаю, впрочем, что теперь наконец стали уж посылаться Вам номера газеты.

Ваши заметки о Вогюэ удивили нас обоих. Всего несколько месяцев назад мы с Никитой Петровичем восхищались глубоким знанием русской природы и русской души, выказанным им в «Зимних рассказах».[5] Я тоже, грешный человек, думала вначале, что Вы не поняли Страхова. А теперь, прочитав его статью, думаю, что он исказил Вогюэ.[6] Я так заинтересована этим, что постараюсь достать тот номер «Revue des Deux Mondes», в котором помещена его статья.

Простите за болтовню. Вы, впрочем, сами вызвали меня и теперь пеняйте на себя. Впредь постараюсь быть более краткою, если Вы удостоите меня ответом.

Глубоко уважающая Вас
А. Гальперсон.

---

[a] *Далее зачеркнуто*: недо<волен>.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 104. Л. 3—5.

[1] *Н. Ш. <Шаховской Н. В., кн.>*. Несколько слов по поводу статьи Вогюэ о Л. Н. Толстом // *СИ*. 1885. 2 февр. № 32. С. 2.

[2] Об исследовании Гилярова о русском глаголе см. главу 1.9.

[3] На Зацепе находился дом протоиерея А. И. Богданова, тестя Гилярова, который проживал здесь с семинарских лет (с 6 ноября 1842 г.), став учителем своего будущего шурина Игнатия Богданова.

[4] *Шаховской Н., кн.*: 1) Легенда и первая народная книга о Фаусте // *ЖМНП*. 1881. Ч. 211, окт. Отд. II. С. 369—401; 2) Фауст на английской сцене: Марло // *РВ*. 1881. Т. 151, февр. С. 754—780.

[5] «Зимние рассказы» (Histoires d'hiver // Revue des deux Mondes. 1884. 1-er février) французского дипломата, археолога, литературного критика, историка литературы графа Эжена Мельхиора де Вогюэ (Vogüé; 1848—1910) были опубликованы в газете И. С. Аксакова в переводе А. Д. Давидовича (секретаря издания): Русь. 1884. 15 февр. № 4. С. 25—38; 1 марта. № 5. С. 41—48; 15 марта. № 6. С. 28—43. И. Аксаков в кратком предуведомлении к публикации этих, по его словам, «замечательных и талантливых» рассказов писал: «Среди отрицательного отношения к русской народной самобытности в русской литературе нельзя не удивиться, что от иностранцев приходится нам теперь получать указания на *положительные* начала и стороны нашей народности! Трудно было бы даже допустить мысль, что они способны будут проникнуть так глубоко в духовные особенности русского народа, и однако же — как жалки перед ними большинство наших писателей о народе, не говоря уже о "народниках-беллетристах"! Впрочем, г. де Вогюэ долго жил в России, женат на русской, перевел даже роман "Война и мир" и написал немало статей о русской литературе и искусстве в "Revue des Deux Mondes", которого он постоянный сотрудник» (Там же. 1884. 15 февр. № 4. С. 25).

Страхов в начале своей «Французской статьи об Л. Н. Толстом» писал об этом произведении: «Не говорим о мастерстве рассказа, которое так обыкновенно у французов, самое приятное и даже удивительное то, что этот иностранец относится к русской жизни не только без неприязни, не только с серьезным пониманием, а даже с явным пристрастием, что он умеет сочувствовать очень глубоким, доступным только сердечному вниканию, свойствам русской натуры. К такой искренней ласке мы не привыкли» (Там же. 1885. 12 янв. № 2. С. 13).

[6] Интересно, что и в дальнейшем интерес к творчеству Вогюэ в гиляровской газете не иссякал. См., например, подробную рецензию на путевые очерки французского писателя о Крыме: *Петровский С. А.* В Крыму: (En Crimée, par Eugene Melchior de Vogüé. Revue des deux Mondes. 1 Decembre 1886) // *СИ*. 1886. 28 дек. № 357. С. 1.

3
А. М. ГАЛЬПЕРСОН — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Москва, 18 февраля 1885 г.

Москва. 18 февраля 1885 г.

Многоуважаемый князь!

Ваше письмо застало меня в припадке самого сильного уныния. Я говорила Вам, что недовольство собою никогда меня не оставляет, но иногда оно доводит

меня чуть не до самоубийства, и письмо Ваше пришло в такое именно время. Вы поймете, что писать в такое время письма очень неудобно, и несмотря на все желание поддержать переписку с Вами, я едва не махнула рукой и на это. Мне казалось, что подавленное состояние никогда меня не оставит, а отправить письмо, состоящее из охов и ахов (оно уж и было мною написано), мне не хотелось.

Ваше отношение к себе хотя и напоминает несколько мое, но Вы все-таки счастливее меня. Вам не нравится и не может, конечно, нравиться Ваша служба. Когда мы с Вами остались вдвоем в маленькой комнатке Никиты Петровича и Вы на мой вопрос изложили мне, в чем состоит служба чиновника особых поручений,[1] я ждала от Вас выражение недовольства и удивилась, что ожидания мои не оправдались: мое представление о Вас, составленное по рассказам Никиты Петровича, не вязалось с таким легким отношением к своему призванию, какое показалось мне в Вашем ответе. Ваш протест против службы, ничего не дающей душе и уму, мне совершенно понятен. Но у Вас есть влечение к моральной философии, говорите Вы, и в этом Вы счастливее меня. У Вас есть способности, есть знания, есть влечения. Задача разрешена: Вы пойдете по пути, по которому Вас влечет, знания и способности Вам помогут; у Вас впереди свет. У меня впереди ничего. Никита Петрович часто спрашивает меня, к чему меня особенно влечет; я не могу ответить. Нет науки, нет поприща, к которым[a] меня не влекло бы никогда: мое разбрасывание в том и состоит, что вдали мелькает то одна, то другая звезда, и каждая из них в свое время бывает так же ясна, так же ярка, как другая, заменяющая ее чрез известный промежуток. Не было системы в моем первоначальном образовании, хотя я и прошла гимназию; мне приходится восстановлять, пополнять самые элементарные знания, и в этом отчасти лежит причина моего разбрасывания...

Я, однако, замечаю, что мое намерение избежать нытья не совсем мне удалось. Я возвращусь к Вам.

Мое мнение о Вашей статье в «Руси» должно было показаться Вам очень дерзким после того, как Вы узнали о впечатлении, произведенном ею на особу, к которой была она обращена. Если могла она хоть одному человеку указать истинный путь, осветить дорогу, Вы должны очень гордиться ею. Я была несколько введена в заблуждение Вашей устной речью и отчасти письменною. Она блещет живостью, остроумием, и если бы под статьей не было подписи, я бы Вас в ней не узнала. Конечно, несколько подумав, я должна была бы сообразить, что разговор наш тогда у Никиты Петровича был легкого содержания, а Ваш «Фауст» написан был с целию написать «сумасшедшее произведение», и хотя я в нем ничего безумного не нашла, я должна была бы понять, что с серьезной стороны я Вас еще не знаю.

Никита Петрович в последнее время очень расстроен. Я боюсь расспрашивать, но думаю, что денежные дела играют не малую роль в этом настроении. Его рвут на части, ему приходится выносить невозможные вещи, и он поэтому

[a] *Было*: которому.

никак не соберется с мыслями. Я употребляла все средства, какие были в моем распоряжении, чтобы привлечь его мысли к старым воспоминаниям или к вопросам, которые дали бы возможность написать отдельную статью. Для «Руси» он хотел уже писать, когда узнал, что Аксаков болен, что его отсылают в Крым и газета на время закроется. Где можно поместить статьи, которые годились бы для «Руси»? Мы думали, думали и ничего не придумали. Соответствующего журнала нет, по крайней мере в Москве, да и в Петербурге, сколько мне известно.

Я уверена, что Никита Петрович воспрянул бы духом, если бы прекратил издание газеты. Все мелкие неприятности отпали бы сами собою, кредиторы удовлетворили бы себя его имуществом, а он, свободный ото всего этого, занялся бы серьезно, писал бы много и прекрасно провел бы остаток своей жизни. Он сам сознается, что газета погубила его, отклонила от настоящей дороги; но слышать не хочет о добровольном прекращении ее. Конечно, он с нею сжился: восемнадцать лет — немалое время, но сделать эту операцию необходимо. Как Вам кажется? Он утверждает, что отжил уже свой век, что он представляет собою выжатый лимон, что пора умирать, очищать место другим, и много такого, от чего сердце разрывается слушая. Но ведь это говорится под влиянием тяжелой обстановки: всякое малейшее улучшение в ней приободряет его, и в нем оказывается сила, которой позавидует любой юноша, только вступающий в жизнь. Как же, однако, вырвать его из этой обстановки? Не правда ли, прежде всего надо отказаться от газеты? Одному или даже вдвоем (я готова была бы все силы положить на это) ее не поднять. Найти людей трудно. Средств нет и не предвидится. Между тем Никита Петрович настолько известен своими знаниями, что без труда нашел бы себе соответствующее занятие, конечно, если бы был свободен. Он никогда и говорить не дает об этом: всегда перебьет с первого слова.

Каким людям дают гибнуть?

Никита Петрович прочитал мне последнее Ваше письмо к нему. Вы стараетесь заинтересовать им графиню Толстую.[2] Как было бы хорошо, если бы на него обратили внимание сверху. Он сам не умеет привлекать к себе это внимание, хотя и мог бы.

Вы, конечно, отбыли уже свою повинность присяжного? Никита Петрович ожидает, что Вы воспользуетесь своими наблюдениями и напишете что-нибудь. Вот где Ваше остроумие пригодится! Я убеждена, что заметки Ваши выйдут прекрасными.

Я ходатайствовала о высылке Вам газеты, но так как добиться чего-нибудь у нас очень трудно, то я высылаю тот номер, в котором помещена Ваша статья,[3] хотя, может быть, Вы его уж и получили.

Вы, конечно, не станете мстить мне молчанием. Уныние мое, я надеюсь, надолго прошло, и я теперь буду отвечать скорее.

Глубоко уважающая А. Гальперсон.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 104. Л. 6—8 об.

[1] В 1882 г. князь Шаховской был переведен из Министерства иностранных дел, где с 1881 г. служил при Московском Главном архиве, в Министерство внутренних дел чиновником особых поручений при министре и переехал в Петербург.

[2] Речь идет о камер-фрейлине Императорского двора графине Александре Андреевне Толстой (1817—1904), двоюродной тетке Л. Н. Толстого.

[3] «Современные Известия» от 2 февраля 1885 г. См. коммент. 1 на с. 577.

4
А. М. ГАЛЬПЕРСОН — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Москва, 3 апреля 1893 г.

Москва, 3 апреля 1893 г.

Многоуважаемый Князь,
Николай Владимирович!

Достигнутый Вами результат превзошел и мои ожидания: о Ф. А. Гилярове я и не заикалась, потому что до сих пор не встречала в нем никакого сочувствия к каким бы то ни было начинаниям ради памяти Никиты Петровича; никогда ни одной строчки не написал он в честь него. Впрочем, пускай ему всё простится за предстоящую его услугу.

Смирнов, о котором Вы спрашиваете, назван в некрологах о Никите Петровиче протоиереем Исаакиевского собора. Имени его не знаю, а начальные буквы имени и отчества И. А.[1]

Кстати, у меня приготовлены для Вас некрологи о Никите Петровиче. Если Вам не придется быть у меня до отъезда, сообщите, пожалуйста, когда и куда препроводить для Вас этот сборник.

Не знаю, как и благодарить Вас за то, что Вы воскресили во мне надежду на возможность сделать что-нибудь в память Никиты Петровича.

Не показалась Вам странною угроза Ф. А. Гилярова придраться к сборнику, если он выйдет помимо его участия? Странное благоговение к памяти дяди, разделять которое никому не дозволено.

Заметили Вы в «Московских Ведомостях» выдержку из Ваших воспоминаний о Ник<ите> Пет<ровиче>?[2]

Воспоминания Ваши очень интересны, и жаль только, что под руками у Вас было сравнительно мало документов.

Еще раз благодарю Вас.

Уважающая Вас
А. Гальперсон.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 104. Л. 9—10.

[1] Имеется в виду протоиерей Петр Алексеевич Смирнов (1831—1907) — духовный писатель, историк, педагог, магистр Московской духовной академии (1854), священник (с 1858 г.) и законоучитель (с 1860 г.); настоятель Исаакиевского собора (с 1886 г.),

председатель Учебного комитета при Св. Синоде (1897—1905), редактор газеты «Церковные Ведомости» (1888—1905).

[2] <*Без подписи*>. Н. П. Гиляров-Платонов и граф Л. Толстой // *МВед.* 1893. 1 апр. № 88. С. 4. (Дневник печати). Здесь процитирован пересказ князем Шаховским в «Ревельских Известиях» (№ 62) письма Гилярова к С. А. Юрьеву о толстовской «Исповеди», впервые полностью опубликованного только в 1900 г. (*Сб. соч.* Т. II. С. 287—291).

5
А. М. ГАЛЬПЕРСОН — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Москва, 5 апреля 1893 г.

Москва, 5 апреля 1893 г.

Многоуважаемый Николай Владимирович! Просматривая некрологи о Ник<ите> Пет<ровиче>, я нашла, что глубже всех оценил покойного в своем отзыве Н. П. Аксаков.[1] Так как он в этом же некрологе обещается в другой раз поговорить о[a] Н<иките> П<етровиче> подробнее, то мне и пришло теперь в голову привлечь и его к участию в предстоящем издании. Как Вы об этом думаете? Я откладываю свидание с ним до получения от Вас ответа.

Свящ<енник> Александровский умер года два или три тому назад,[2] а Смирнов и есть тот самый настоятель Исаакиевского собора, о котором Вы спрашивали меня раньше и начальная буква имени которого в печати была переврана.[3]

О возможности посягательства кредиторов на сочинения Ник<иты> Пет<ровича>, конечно, подумать следует, но[b] та книга воспоминаний, которую Вы замыслили издать[4] и которая, надеюсь, издана будет, не может ведь быть названа изданием сочинений Н<икиты> П<етровича>, так что опасений, относительно нее по крайней мере, быть не может.

Говорил Ф. Гиляров лично Вам о том юмористическом сочинении Ник<иты> Пет<ровича>, о котором передавала Вам его знакомая? Я по крайней мере об этом ничего не слышала.

Статья, о которой упоминает митрополит Филарет, касалась Первоначального народного образования.[5] У меня, кажется, есть она.

В «Рус<ской> Беседе» Ник<ита> Пет<рович> писал и внутренние обозрения.[6] У меня есть несколько оттисков, может быть, и все.

Что писал Ник<ита> Пет<рович> в «Рус<ском> Вестн<ике>»,[7] я не знаю. Порыться не мешает.

Уважающая Вас
А. Гальперсон.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 104. Л. 11—12.

[a] *Инициалы:* Н. П. — *вставлены над зачеркнутым*: нём.
[b] *Далее зачеркнуто*: ведь.

[1] Николай Петрович Аксаков (1848—1909) — публицист, критик, прозаик, поэт, историк, философ, богослов. См.: *Аксаков Н. П.* Воспоминание о Н. П. Гилярове-Платонове // Русский Курьер. 1887. 19 окт. № 288. С. 1; Речь Н. П. Аксакова на могиле Н. П. Гилярова-Платонова // Там же. 1887. 21 окт. № 290. С. 2.

[2] Протоиерей И. Н. Александровский скончался 2 октября 1886 г.

[3] См. п. 4, где указаны инициалы «И. А.» вместо «П. А.».

[4] О проекте сборника воспоминаний о Гилярове и его писем см. коммент. 72 на с. 558—559.

[5] При жизни издано трижды: <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. О первоначальном образовании народа // *ПкТСО*. 1862. Ч. XXI. С. 165—180; то же: Современная Летопись «Русского Вестника». 1862. № 30. Июль. С. 17—19; то же с подзагол. «Извлечено из 2-й кн. прибавлений к “творениям Св. Отцов”, 1862 года»: *Рачинский С. А.* Заметки о сельских школах. СПб., 1883. С. 111—123.

[6] Эти обозрения не обнаружены. Предположительно, Гальперсон ошибается и речь идет о газете «Москва».

[7] Известна только одна публикация Гилярова в этом журнале: *Ц. <Гиляров-Платонов Н. П.>*. Библиографическая заметка <о статье А. Н. Муравьева «Обличение на книгу “О возможном соединении Церкви Российской с Западною”», содержавшей критику на сочинение графа Н. Б. Голицына> // *РВ*. 1859. Т. XX, апр., кн. 1. Отд. II. С. 245—250.

6
А. М. ГАЛЬПЕРСОН — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Москва, 13 апреля 1893 г.

Москва, 13 апреля 1893 г.

Посылаю Вам, многоуважаемый Николай Владимирович, письмо[a] ко мне Романова о злополучном письме Ник<иты> Пет<ровича>. Я снова перечитала его[b] и снова вижу, что мне Романов представил поступок свой не в том виде, как он выясняется из писем его к Бартеневу.[1] Очень жалею, что не попросила Вас прочитать мне эти письма подробнее.

Из письма[c] Романова ко мне Вы увидите, что в Бартеневе он видит злейшего врага Н<икиты> Пет<ровича>, а ему, то есть Бартеневу, сколько мне помнится, он пишет, что благодаря ему глаза его открылись и теперь Гиляров для него как нравственная величина перестал существовать. *Мне* он пишет далее, что Д. А. Хомяков писал ему, Романову, motu proprio, * а из письма к Бартеневу видно, что Хомяков отвечал на прямое к нему обращение.

Я до сих пор не могу придти в себя от этого поступка Романова, которому не нахожу названия.

Узнав Романова с этой стороны, Вы, естественно, не можете себе представить, как это Ник<ита> Пет<рович> такого человека принимал всерьез. Однако

---

[a] *Было*: два письма.

[b] *Это слово написано над зачеркнутым*: их.

[c] *Было*: Из писем.

* по собственной инициативе (*лат.*).

он не только всерьез его принимал, но не раз шутя высказывал, что завидует его талантливости, и многого ждал от него в будущем. Из писем Ник<иты> Пет<ровича> к нему, копии с которых я рассчитываю переслать Вам в скором времени, Вы увидите, что вопросы, которые затрагивал в своих письмах Романов, оправдывали это серьезное к нему отношение. Оно оправдывается еще и тем, что Романов — страстный хомяковец, а ввиду умственного своего родства с Хомяковым Ник<ита> Пет<рович> мог ждать от него такого же к себе отношения, да таково оно и было.

Романов — человек несомненно ненормальный, и эта ненормальность в нем теперь сильнее, нежели прежде. Но и тогда она проявлялась настолько, что Ник<ита> Пет<рович> потерял терпение и просил его прервать переписку.[2]

Об Ахматове,[3] о котором Вы говорили в последнем Вашем письме, я ничего не знаю и даже имя его в связи с именем Ник<иты> Пет<ровича> я слышу впервые. Я спрошу о нем у Веры Алексеевны Гиляровой.

Ник<ита> Пет<рович> писал еще в аксаковском «Дне».[4] Есть у Вас возможность просмотреть этот журнал?

Когда минует для Вас надобность в письме Романова, Вы будете так любезны и перешлете его обратно. В беседе своей с Романовым Вы, конечно, можете о нем упомянуть.

Прошу Вас безо всякого стеснения обращаться ко мне за всевозможными справками и рассчитывать на мою помощь во всем, что Вы предпринимаете во имя Ник<иты> Пет<ровича>. Вы этим оказываете мне большую услугу, освобождая меня хоть отчасти от угрызений совести за то, что я так мало до сих пор сделала для прославления имени Ник<иты> Пет<ровича>.

Я думала сперва переслать Вам два письма ко мне Романова, но потом нашла, что второе будет для Вас малоинтересно. В нем есть всего несколько строк, прямо относящихся к делу: он говорит, что не пересылает мне чернового наброска с письма своего к Бартеневу, потому что потерял надежду убедить меня в естественности своего поступка. Теперь нежелание его показать мне это письмо представляется мне в ином свете.

Надеюсь, Вы не почтете за пустое любопытство просьбу мою сообщить мне хоть вкратце о ходе Вашей беседы с Романовым.

Уважающая Вас
А. Гальперсон.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 104. Л. 13—15 об. Письмо на бланке с напечатанными словами: «С. И. Гальперсон. / Москва».

[1] См. упомянутые письма И. Ф. Романова-Рцы к П. И. Бартеневу от 13 и 28 ноября 1887 г. (Наст. изд. С. 663—672).

[2] См. об этом главу 3.13, с. 449.

[3] Об А. П. Ахматове см. коммент. 74 на с. 559. Будучи обер-прокурором Св. Синода (1862—1865), покровительствовал Гилярову. Они встречались для бесед, обменивались письмами.

[4] О статьях Гилярова в газете «День» см. главу 1.6.

7
А. М. ГАЛЬПЕРСОН — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Москва, 20 апреля 1893 г.

Москва, 20 апреля 1893 г.

Многоуважаемый
Николай Владимирович!

Чтоб не сбиться и ничего не пропустить, отвечу на Ваше письмо по пунктам.

1. Романов в Н<икиту> П<етровича> верит — это несомненно. Все письма его после злосчастной истории с письмом к Бартеневу до самых последних дней были тому свидетельством. Но сфинксом он тем не менее остается. В то время как из письма к Бартеневу видно, что он разочарован в нравственном облике Н<икиты> П<етровича>, мне он пишет полное негодования письмо по адрессу <*так!*> Алексея Никитича,[1] осмелившегося в беседе с ним закидывать грязью доброе имя Н<икиты> П<етровича>. Я не могу себе представить, каким путем размышления человек доходит до того, что принимает на веру слова чужого человека, голословно называющего кого-либо клеветником, и отворачивается от речей сына, приводящего «факты», подтверждающие будто бы греховность отца. Если тут нет лицемерия, а я его допустить не хочу, то что же это?

Интересует меня также, какова, на Ваш взгляд, немощность этого тела.

2. Корнилова звали Иваном Петровичем. Но он уже умер.[2] После него осталась дочь,[3] которая, несомненно, должна знать, что заключается в бумагах, оставленных отцом. Сколько мне известно, она не замужем и живет в Петербурге. Она была другом своего отца и разделяла его умственные интересы.

3. О Ф. В. Виноградове[4] постараюсь навести справки.

4. Все бумаги, касающиеся Синодальной типографии, я приведу в хронологический порядок и постараюсь найти проект преобразований в типографии, о котором Вы говорите. Кроме того, попрошу Сенатова познакомить меня с казначеем Син<одальной> типографии,[5] о котором он говорил при Вас. Надеюсь от него получить сведения, которыми можно будет воспользоваться.

5. Записка о переменах в Цензурном уставе, или, вернее, о порядке административных взысканий за злоупотребления в печати, подана была Н<икитой> П<етровичем> в марте 1863 г. в законодательную комиссию по преобразованию законов о печати. Напечатана эта записка в «Современных Известиях» (№ 7 1867 г.) при замечательной статье по тому же вопросу.

6. Пересматривая все письменные документы, имеющиеся у меня, найду, может быть, и письмо к Вяземскому.[6]

7. Я, помнится, тоже говорила, что «Пережитое» дает мало биографического материала и может быть рассматриваемо только как замечательное литературное произведение. Так как дневника не осталось, то надо спешить воспользоваться устным материалом, пока живы еще сотоварищи, ученики и родственники Н<икиты> П<етровича>. Я этим и думаю заняться при посредстве и содействии В. А. Гиляровой.

п<ункт> 8, последний и самый для меня тяжелый. От всей души благодарю Вас, что Вы прямо высказали мне свое неудовольствие, и жалею только об одном, что Вы тогда же не[a] высказали мне упрека и не дали мне возможности тогда же облегчить свою душу.

Наступала первая годовщина после смерти Н<икиты> П<етровича>. Молчание кругом было ужасающее. Никто ни словом не упоминал о покойном уже несколько месяцев, и казалось, что даже на могилу его никто не вспомнит придти. Шарапов, которому я в числе прочих высказала свою заботу, с горячностью вызвался написать самую пламенную статью, если я дам ему соответствующий материал. Жил он это время в Москве, виделись мы с ним чуть не каждый день, и я рассчитывала, что при его талантливости статья выйдет действительно хорошая, если я наложу узду на пылкость его воображения и на самоуверенную небрежность исполнения. Но, получив от меня материал, Шарапов уехал в свое имение, там среди хозяйственных хлопот действительно хаотически распределил содержание своей статьи и приподнес ее мне[b] в корректуре за два дня до выхода № «Русского Дела».[7] Тут, пожалуй, начинается моя вина. Мне бы[c] следовало предпочесть полное молчание такому напоминанию о покойном, но с мыслию об этом игнорировании я помириться никак не могла. Если бы я еще знала, что, кроме меня, найдется еще кто-либо, кого это огорчит, я, может быть, и нашла бы в себе силы задержать печатание Шараповской статьи, но... Я этого не знала по сей день. Если я виновата, так я искупила свою вину волнениями, которые тогда пережила и которые оживило во мне Ваше письмо.

Не помню, говорили мы с Вами о Т. И. Филиппове? У него много писем Н<икиты> П<етровича>, и ему должно быть очень многое известно из жизни Н<икиты> П<етровича>.[8]

У Кошелева[9] все-таки должно быть много писем Н<икиты> П<етровича>, потому что у Н<икиты> П<етровича> было немало писем от него. Н<икита> П<етрович> до последних дней отзывался о Кошелеве с любовью и уважением, и о ссоре я ничего не слышала.[10]

Глубоко уважающая Вас
А. Гальперсон.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 105. Л. 1—4 об.

[1] Имеется в виду А. Н. Гиляров, младший сын Гилярова-Платонова.

[2] Ошибка: И. П. Корнилов скончался в 1901 г.

[3] У Корнилова, овдовевшего в 1861 г., были две дочери: Александра и Мария (последняя умерла в 1870 г.).

[4] Возможно, Федор Виноградов, ученик Гилярова в Московской духовной академии в 1852—1855 гг., окончивший курс 6-м магистром (1856).

[a] *Далее зачеркнуто*: написали.

[b] *Далее зачеркнуто*: за.

[c] *Далее зачеркнуто*: пожалуй.

[5] 15 ноября 1883 г. Гиляров писал К. П. Победоносцеву, что в Синодальной типографии в период его управления ею был «казначеем истинно святой человек, то, что я называю *иконным письмом*. Жив ли он, не знаю (Смыслов)» (*Разумевающие верой*. С. 219). Григорий Петрович Смыслов (ок. 1827—?) — выпускник Московской семинарии (1848), казначеем служил в 1860—1870-х гг.

[6] См. письмо Гилярова к князю П. П. Вяземскому от 10 сентября 1882 г. (РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 4132. Л. 1—2: черновик: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 394. Л. 2—4; опубл. нами: *Переписка с Филипповым*. С. 362—363. Письма Гилярова к князю П. А. Вяземскому неизвестны.

[7] См.: <*Шарапов С. Ф.*>. Ко дню памяти Н. П. Гилярова-Платонова // *РД*. 1888. 9 апр. № 15. С. 1.

[8] См. главу 2.10 и нашу публикацию: *Переписка с Филипповым*.

[9] Александр Иванович Кошелев (1806—1883) — публицист-славянофил, издатель «Московского Сборника» (1852), журналов «Русская Беседа» (1856—1860), «Сельское Благоустройство» (1858—1859).

[10] Ссора с Кошелевым случилась в 1859 г. из-за нежелания Гилярова-цензора пропустить некоторые статьи по крестьянскому вопросу. См. об этом главу 1.4.

8
А. М. ГАЛЬПЕРСОН — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Москва, 28 апреля 1893 г.

28 апреля 1893 г.

Многоуважаемый
Николай Владимирович!

Последние Ваши два письма совпали с болезнью моих детей,[1] внушавшей мне тем более опасений, что на одной лестнице с нами умерла от дифтерита 14-летняя девочка. Я поэтому не могла собраться с мыслями, чтобы отвечать на все поставленные Вами вопросы и обратиться к Вам с теми, которые возникли у меня за последнее время.

Сколько мне известно, в оставленных бумагах Н<икиты> П<етровича> нет чернового наброска с записки его К. П. Победоносцеву по поводу управления его типографией.[2] Говорю «сколько мне известно» потому, что замечаю в себе в самое последнее время ужасающее ослабление памяти и все больше и больше перестаю доверять ей. Не в первый раз пересматривая теперь имеющиеся у меня бумаги Н<икиты> П<етровича>, я встречаю документы и имена, о которых меня спрашивали и о которых я отзывалась незнанием, тогда как их вид и содержание напоминают мне, что они мне и раньше были знакомы. Страх, который внушило мне это открытие в самой себе, заставил меня заняться составлением описи всего рукописного наследства Н<икиты> П<етровича>. Когда она будет у меня окончательно составлена, я с большей уверенностью буду отвечать тогда на Ваши вопросы.

Писем Юрьева[3] в бумагах Н<икиты> П<етровича> очень немного; у Юрьева же должно было их быть немало. Я обращусь к дочери Юрьева[4] и узнаю от нее

обо всем. Ее можно застать дома только по праздникам, так как она служит на железной дороге, так что визит свой к ней я оставляю до воскресенья.

Веселовский — профессор Московского университета.[5] Бумаги Юрьева находились у него в руках, вероятно, только во время составления статьи о нем.[6] Мне говорили, что Юрьев-сын сохраняет в порядке и неприкосновенности все, оставшееся после отца. Впрочем, я узнаю обо всем этом в подробности.

Сенатову я писала еще до Вашего письма, но ответа не получила.[7] Может быть, он все еще в Москве (я писала в Академию), а здешнего его адресса я не знаю. Впрочем, здесь он мне и не нужен. Когда бы он в Академию ни возвратился и когда бы ни передали ему мое письмо, он сделает всё, о чем я его прошу.

У И. В. Павлова[8] действительно писем Н<икиты> П<етровича> очень много, и все они представляют собою высокий интерес. Он был управляющим Казенною палатою в Витебске до последних дней Н<икиты> П<етровича>. Где он теперь, я не знаю. Думаю, что в Петербурге Вам будет нетрудно узнать о нем: он — видное чиновное лицо.

Теперь не время спорить, да и не я стану, конечно, тормозить едва начавшееся дело издания трудов Н<икиты> П<етровича>, но, по моему крайнему разумению, издание все-таки должно бы начаться с неизданных трудов, а не с газетных статей, как советует Победоносцев. То, что находится на газетных столбцах, погибнуть уже не может и рано или поздно увидит свет в отдельном издании. Рукописи же могут и сгореть и поблекнуть и истлеть, а главное — для издания их требуется труд не механический, каким более или менее будет издание и объединение газетных статей, а почти творческий. Нужно спешить с этим, пока живы мы, люди, которым дорога каждая строка Н<икиты> П<етровича>, которые лично от него получили кое-какие[a] указания. Я знаю, что в настоящую минуту речь идет о сборнике в память Н<икиты> П<етровича>, а не о собственных его трудах, но знаю и то, что, когда наступит момент издания этих последних, поздно уже будет сговариваться. Я высказываю свое мнение, а в решении вполне подчинюсь мнению большинства лиц, которые принимают этот вопрос близко к сердцу.

Неизвестно ли Вам или не можете ли Вы узнать от других, представлял ли Н<икита> П<етрович> какой-либо доклад о своей заграничной командировке для изучения еврейского вопроса? В рукописях очень много относящегося к этой командировке, а мне помнится, что Н<икита> П<етрович> как-то вскользь упоминал о напрасно потерянных трудах.[9] У меня осталось впечатление, что он не мог собраться, чтобы объединить весь собранный материал.

У меня находится под руками интересная бумажка: запись отца Н<икиты> П<етровича> о рождении его детей.[10] Н<икита> П<етрович> был тринадцатый по счету и родился, как я говорила Вам, 23 мая 1824 г.

Собрала я большую переписку Н<икиты> П<етровича> с Лавровым,[11] а записки, о которой Вы говорили, *пока* нет. Не решаюсь сказать, что ее *совсем* нет.

---

[a] *Было*: какие-либо.

Аксаков[12] очень желает участвовать в сборнике.

О бумагах Кошелева узнаю.

Удалось Вам узнать что-нибудь о письмах Н<икиты> П<етровича> к И. С. Аксакову?[13] Там должен быть целый клад.

Уважающая Вас
А. Гальперсон.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 105. Л. 5—8 об. Письмо на бланке с напечатанными словами: «С. И. Гальперсон / Москва». Красным карандашом князь Шаховской сделал отметку о получении или ответе: «30 ап<реля>».

[1] У Гальперсон было пятеро детей: Владимир, Евгения, Николай, еще одна дочь (ее имя нам неизвестно) и сын Сергей; по семейному преданию, Анна Михайловна умерла при родах очередного ребенка. Известно, что Евгения Сергеевна Гальперсон (в замужестве Хохлова) стала переводчицей, а Сергей Сергеевич Гальперсон (1893—1952), женившись на дочери известного эндокринолога Евгении Васильевне Барановой (1895 — кон. 1970-х), впоследствии взял фамилию жены, работал редактором «Научного книгоиздательства», в 1930 г. был репрессирован, умер в тюрьме.

[2] Имеется в виду письмо Гилярова к Победоносцеву от 8 ноября 1883 г. (*Разумеващие верой*. С. 205—216).

[3] Сергей Андреевич Юрьев (1821—1888) — критик, издатель, председатель Общества любителей российской словесности (с 1878 г.), математик и астроном; друг Гилярова.

[4] Доминика Сергеевна Юрьева.

[5] Алексей Николаевич Веселовский (1843—1918) — литературовед, профессор Московского университета и Высших женских курсов; председатель Общества любителей российской словесности (1901—1904), почетный академик (с 1906 г.); автор работ по западноевропейской литературе.

[6] Статья Алексея Веселовского о Юрьеве («Из воспоминаний о старом друге») опубликована в изд.: В память С. А. Юрьева: Сборник, изданный друзьями покойного. М.: Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерева и К°, 1890.

[7] Более раннее письмо В. Г. Сенатова к Гальперсон (от 27 сентября 1889 г.) см.: Наст. изд. С. 686—688.

[8] Иван Васильевич Павлов (псевд. Л. Оптухин; 1823—1904) — врач, литератор.

[9] Гиляров, очевидно, имел в виду запрещение его книги по еврейскому вопросу, подготовленной им к изданию в 1861 г. См. подробнее: *Дмитриев А. П.* Цензура и еврейский вопрос в год освобождения крестьян: (Запрещенные книги Н. П. Гилярова-Платонова и А. Б. Думашевского по архивным материалам Главного управления цензуры) // Цензура в России: история и современность: Сб. науч. тр. СПб.: РНБ, 2011. Вып. 5. С. 125—143. Также см. главу 2.3.

[10] Опубликовано нами под назв.: Записка священника Петра Матфиевича Никитского указанием дней рождения его детей // *Гиляров: ИМБР*. С. 228—231.

[11] Сохранилось 24 письма Гилярова к директору Хозяйственного управления при Св. Синоде В. А. Лаврову за 1863—1867 гг. (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 431—434).

[12] Назван Н. П. Аксаков.

[13] По этому вопросу князь Шаховской списывался с наследовавшей Аксаковский архив О. Г. Аксаковой, племянницей Ивана Сергеевича.

9
А. М. ГАЛЬПЕРСОН — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Москва, 5 мая 1893 г.

Многоуважаемый Николай Владимирович!

Вы забыли сообщить мне, кто указал Вам на Эфрона[1] и были ли Вы предупреждены относительно одной его черты, которую нужно необходимо иметь в виду. Эфрон — человек несомненно искренно и глубоко уважающий память Н<икиты> П<етровича>, но он в высшей степени недостоверный свидетель. Он настолько прикрашивает каждый свой рассказ вымышленными подробностями, что отделить правду становится совершенно невозможно, тем более что и сам он не знает при этом, где кончается правда и начинается вымысел. Он и Н<икиту> П<етрови>ча ставил неоднократно в неловкое положение, когда Н<икита> П<етрович> на основании его слов сообщал о чем-нибудь в газете, а нас он тем более может ввести в заблуждение, что рассказывает о фактах, лично нам неизвестных. Если он напишет свое воспоминание о знакомстве Н<икиты> П<етровича> с графом Толстым,[2] надо будет, мне кажется, самого графа попросить о проверке этого воспоминания.

Если бы я знала, что Вы увидитесь с Эфроном, я попросила бы Вас узнать у него, что сталось с[a] четвертой главой «Логики раскола», которую он обещал мне пристроить в одном из петербургских исторических журналов и которая вот уже два года находится в его руках. Мне кажется, что всего лучше будет прямо потребовать ее от него, и если Вам это нетрудно, будьте так добры, скажите ему от моего имени, чтобы он передал ее Вам.[3] Я больше года не имела никаких известий об Эфроне и на последние письма, в которых просила возвратить рукопись, не получила ответа; они, вероятно, им и не получены, потому что он мог уже с тех пор и квартиру переменить.

Разумеется, сообщение мое о болезненной черте Эфрона останется между нами.

Вы меня просто испугали сообщением о Корнилове. Он жив, и я, стало быть, либо смешала его с кем-нибудь, либо должна занести еще один факт к тем, которые подтверждают ослабление моей памяти. Для дела, конечно, хорошо, что он жив: у него и переписка с Н<икитой> П<етровичем> была большая[4] и лично он может о нем сообщить много.

Как хорошо Вы сделали, что написали митрополиту Михаилу:[5] я уверена, что кроме писем он сам что-нибудь даст для сборника. Редко кто так тепло относился к Н<иките> П<етровичу>, как он.

Почему Вам казалось, что записка Н<икиты> П<етровича> о командировке за границу должна быть в Вашем министерстве?[6] Н<икита> П<етрович> командирован был Министерством народного просвещения, для изучения вопроса о том, как привлечь евреев в общие учебные заведения. Впрочем, может быть,

[a] *Далее зачеркнуто*: письмом.

я и ошибаюсь:[a] инструкция написана на листе, не имеющем никакого заголовка, и подписана кн. Вяземским.[7]

Аксаков мне говорил, что и он слышал от Н<икиты> П<етровича> жалобу на то, что труд его пропал даром, и что записка, по всей вероятности, подана не была.

Едва ли Н<икита> П<етрович> писал кому-либо из-за границы.[8] Не в его привычках было делиться внешними впечатлениями. Ни в одном его письме вообще ничего подобного не замечается, так что если он кому и писал оттуда, так эти письма того материала не дадут, какого Вы ждете.

Формуляр Н<икиты> П<етровича> должен находиться в руках его жены. Для чего он мог Вам понадобиться? Для хронологии его службы?

Бессонов, если и жив, не может быть полезен для сборника. Знакомство его с Н<икитой> П<етровичем> началось со страстной дружбы, о которой Н<икита> П<етрович> упоминает даже в своих воспоминаниях,[9] а окончилось враждой, следы которой остались в имеющихся у меня документах.

Не может ли Эфрон припомнить, в какое время был фельетонистом названный им Ник<олай> Алексеевич? Я по фамилиям почти всех знаю, а по имени и отчеству почти никого.

Из бывшего при мне состава редакции вряд ли кто может пригодиться: всё это люди мелкие, и если даже были расположены к Н<иките> П<етровичу>, так едва ли понимали его. Он с некоторыми переписывался, но, думаю, что письма были[b] больше делового содержания.

Павел Прусский[10] и архимандрит Златоустинского монастыря,[11] если он еще не перемещен, действительно могут сообщить кое-что.

В Петербурге должны быть очень интересные письма Н<икиты> П<етровича> к И. А. Пашкову, сыну Т. П. Пассек: Пашкова в живых уже нет[12] (это факт: с Пашковым я лично была знакома), но у него была жена,[13] которая должна была сохранить его бумаги. Пашков служил в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел. Где теперь его жена, я не знаю.

Почему Вам кажется, что издать сборник в Петербурге лучше, чем в Москве? Может быть, в Петербурге удобнее, но в Москве было бы приличнее уже потому, что Н<икита> П<етрович> жил в Москве и любил ее.

Поведение Романова действительно странно, но я не допускаю, чтобы он руководствовался при этом дурным чувством. Он ленив и в своих болезнях находит самый удобный предлог к тому.

У меня опять больна младшая дочь, и тревожное мое состояние виновато в нескладности и отрывочности письма.

Уважающая Вас
А. Гальперсон.

---

[a] *Далее зачеркнуто*: бумага, котор<ая>.

[b] *Слова*: письма были — *написаны над строкой*.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 105. Л. 9—12 об. Письмо на бланке с напечатанными словами: «С. И. Гальперсон / Москва».

[1] Речь идет о С. К. Эфроне.

[2] Опубликовано 10 лет спустя: *Эфрон С.* Н. П. Гиляров и гр. Л. Н. Толстой // Русский Листок. 1902. 13 окт. № 281. С. 1

[3] Князь Шаховской опубликовал эту рукопись: *Гиляров-Платонов Н. П.* Логика раскола: (Письма к И. С. Аксакову): Письмо IV / Предисл. Князя Н. Ш<аховского> // *РО*. 1895. Т. 35, окт. С. 456—466.

[4] Известно только 4 писем Гилярова к И. П. Корнилову за июль-сентябрь 1887 г. (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 592).

[5] Митрополит Михаил (в миру, до 1853 г., Милое Милованович Йованович; 1826—1898) — выпускник Киевской духовной академии (1853), епископ Шабацкий (с 1854 г.), митрополит Сербский (1859—1881, 1889—1898).

[6] Князь Шаховской с 1882 г. служил чиновником особых поручений при министре внутренних дел.

[7] Упомянут князь Петр Андреевич Вяземский (1792—1878), поэт, критик, мемуарист; товарищ министра народного просвещения (1855—1858), обершенк Двора, член Государственного совета и сенатор (с 1859 г.).

[8] Помимо заграничных писем Гилярова родным, известно его письмо С. Т. Аксакову от 24 июля / 5 августа 1857 г. из Эмса / Публ. А. П. Дмитриева // Русская литература. 2010. № 4. С. 207—210.

[9] Отсылка к главе LX («Три друга») книги «Из пережитого».

[10] Павел Прусский (в миру, до 1848 г., Петр Иванович Леднёв; 1821—1895) — миссионер, архимандрит (1880), духовный писатель; старообрядец-федосеевец (до 1868 г.), затем присоединился к единоверию, настоятель (1848—1851, 1852—1867) старообрядческого Войновского монастыря в Экертсдорфе (Восточная Пруссия, ныне Польша); настоятель московского Никольского единоверческого монастыря (с 1868 г.).

[11] Возможно, речь идет об архимандрите Григории (в миру Николай Иванович Воинов, при рождении Борзецовский; 1832—1896), настоятеле Златоустинского монастыря в Москве в 1867—1873 гг., духовном писателе.

[12] Дипломат и журналист Ипполит Александрович Пашков (1847—1889) был знаком с Гиляровым с 1860-х гг.; он приходился не сыном, а племянником мемуаристке Татьяне Петровне Пассек (ур. Кучина; 1810—1889).

[13] Жена И. А. Пашкова — русско-французская журналистка и литератор Лидия Александровна Пашкова (ур. княжна Глинская, в первом браке Телешова; 1850 — после 1917). Она автор нескольких романов и пьес, петербургская корреспондентка французской газеты «Figaro» и харьковской газеты «Южный Край».

10
А. М. ГАЛЬПЕРСОН — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Москва, 13 мая 1893 г.

Многоуважаемый
Николай Владимирович!

Благодарю за присланную брошюрку[1] и за исполнение моей просьбы. Последним Вы меня даже смутили: я рассчитывала на случайную встречу Вашу с Эфроном и никак не думала беспокоить Вас специальным к нему визитом.

Очень жаль, что в последнем письме Вы не упоминаете, виделись ли Вы снова с Романовым. Ввиду «афронта» у Суворина[2] Романов мог бы попытать почву у Афанасия Васильевича Васильева,[3] издателя «Благовеста» и главного правительственного контролера железных дорог или Общества Российских железных дорог (названия всяких должностей для меня камень преткновения). Васильев — человек идеи, и если Романов заинтересует его Н<икитой> П<етрови>чем, можно надеяться, что он нам поможет.

Я за предшествующие годы истощила свою изобретательность и совершенно не могу придумать, к кому бы я еще могла здесь обратиться, кто не успел уже раньше отказать мне в содействии. Когда Вы приедете сюда, можно будет обратиться к М. Н. Лопатину:[4] он лично едва ли в состоянии помочь, но, может быть, укажет, к кому обратиться.

Как Ваши зубы?

Искренно уважающая Вас
А. Гальперсон.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 105. Л. 13—14 об.

[1] Речь идет об издании: *Шаховской Н. В., кн.* Никита Петрович Гиляров-Платонов: Краткий публицист. очерк. Ревель, 1893. 84 с.

[2] *Афронт* — зд.: неудача. Алексей Сергеевич Суворин (1834—1912) — журналист, издатель, публицист, театральный критик, прозаик. Видимо, он отказался участвовать в издании сборника писем Гилярова и воспоминаний о нем.

[3] Афанасий Васильевич Васильев (1851—1929) — публицист славянофильского направления, генерал-контролер Департамента железнодорожной отчетности (1893—1896), издатель журнала «Благовест» (1890—1896), в котором Романов-Рцы сотрудничал.

[4] Михаил Николаевич Лопатин (1824—1900) — тайный советник, председатель департамента Московской судебной палаты; отец философа Льва Лопатина; близкий друг Гилярова.

11
А. М. ГАЛЬПЕРСОН — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Москва, 20 мая 1893 г.

Москва, 20 мая 1893 г.

Многоуважаемый
Николай Владимирович!

Прежде нежели Вы будете говорить с Петровским,[1] мне хотелось бы указать Вам на людей, имена которых не внесут в сборник никакого диссонанса и о которых вспомнила я уже после свидания с Вами.

Кроме Ф. Н. Плевако,[2] участие которого очень желательно, изданию сборника, может быть, не отказались бы помочь: 1. Петр Кузьмич Прянишников,[3] вла-

делец книжного магазина в Петровских линиях, издатель многих книг и бывший член фирмы Кувшинова,[4] которою издана книга «Из пережитого»; 2. Александр Федорович Морокин, фабрикант и бывший корреспондент «Совр<еменных> Изв<естий>» из Вичуги. 3. Василий Семенович Щеколдин,[5] фабрикант, с которым Н<икита> П<етрович> имел какие-то дела и с которым был очень дружен. 4. Кольчугин,[6] бывший настоящий старшина Мещанского общества, председатель Правления[a] Средних рядов, владелец типографии.

Если эти лица не захотят помочь[b] изданию единолично, может быть, каждый из них внесет свою лепту, которые не могут быть малы, потому что всё это люди со средствами. Может быть, Плевако укажет кого-нибудь еще. Петровского же, мне кажется, следует оставить на самый последок, когда свет сойдется клином. Как Вы полагаете?

Оставленную Вами рукопись я прочла и заключение свое о ней передам Вам лично.

Не заметили ли Вы лишнего листочка в письмах Н<икиты> П<етровича> к Романову, которые переписаны мною. Не досчитываюсь я начала одного письма.

Уважающая Вас
А. Гальперсон.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 106. Л. 1—2.

[1] Видимо, назван Сергей Александрович Петровский (см. коммент. 2 на с. 517) — преподаватель русского права в Московском университете (1873—1878); сотрудник (с 1880 г.) и редактор-издатель (1887—1896) «Московских Ведомостей».

[2] Федор Никифорович Плевако (1842—1908) — адвокат, юрист, судебный оратор; приятель Гилярова. См. речь Плевако над могилой Гилярова: Московский Листок. 1887. 20 окт. № 292. С. 2.

[3] Петр Кузьмич Прянишников (1851 — не ранее 1904) — совладелец писчебумажной фабрики в Тверской губернии, председатель Московского общества велосипедистов-любителей; редактор-издатель.

[4] О М. Г. Кувшинове см. коммент. 156 на с. 565.

[5] В. С. Щеколдин владел писчебумажной и картонной фабрикой в Костромской губернии; он выручал Гилярова, одалживая ему деньги или отпуская бумагу в долг.

[6] Александр Григорьевич Кольчугин (1830—1899) — основатель (1870) крупнейшего в России предприятия по обработке цветных металлов (ныне в г. Кольчугино). Возглавлял (с 1888 г.) общество Верхних торговых рядов на Красной площади; владел типографией.

[a] *Далее зачеркнуто*: Верхн<их>.

[b] *Это слово вписано над зачеркнутыми*: участвовать в.

12
А. М. ГАЛЬПЕРСОН — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
С.-Петербург, 9 июня 1893 г.

С.-Петербург, 9 июня 1893 г.

Многоуважаемый Николай Владимирович! Я в Петербурге с сегодняшнего утра, никого и ничего не успела видеть и пишу Вам только для того, чтобы Вы знали, куда обратиться, если Вам понадобится сообщить мне что-нибудь или спросить о чем-либо.

С Романовым рассчитываю повидаться завтра. Представьте себе! Письмо к нему Никиты Петровича, которое мы с Вами нашли в последнее наше свидание, оказалось без конца или, вернее, с концом от другого какого-то письма, тоже, по-видимому, очень интересного. Может быть, конец одного и начало другого письма находятся в числе тех, которые взяты Вами в последний раз для просмотра, но Вам трудно будет догадаться о них, если они и попадутся Вам под руку.

В Москву возвратиться я рассчитываю 16 или 17-го числа. Вы, кажется, около этих же чисел думали приехать с дачи для встречи Вашего брата,[1] так что нам можно будет повидаться до отъезда моего в деревню.

Морокину я напишу уже отсюда. Сама себя жестоко браню, что так долго задержала свое к нему письмо, так[a] Вы уже не браните.

Уважающая Вас
А. Гальперсон.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 106. Л. 3—3 об.

[1] Вероятно, речь идет о князе С. В. Шаховском.

13
А. М. ГАЛЬПЕРСОН — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
С.-Петербург, 13 июня 1893 г.

С.-Петербург, 13 июня 1893 г.

Многоуважаемый
Николай Владимирович!

В день, назначенный для свидания с Романовым, он не явился вследствие очень прозаической болезни. Я, конечно, другого дня не назначала, но думала, что у него хватит настолько благовоспитанности, чтобы придти с визитом или хоть написать извинительное письмо. Ни того, ни другого до сих пор не произошло. Между тем я слышала, что он уже готовил как-то к печати переписку свою с Никитою Петровичем и что хотя проект его в исполнение приведен не

[a] *Далее зачеркнуто*: что.

был, но рукопись вполне готова. Говорил он Вам об этом? Мне помнится, он обещал Вам «приготовить», а не передать уже готовое.

Мне кажется, придется теперь снова прибегнуть к Вашему личному или письменному с ним общению и тем или иным способом испросить у него то, что им сделано. Возможно, конечно, что в готовой рукописи у него приведены не все письма Никиты Петровича. Вообще, я с каждым разом убеждаюсь, что Романов — человек, с которым обыкновенный образ действий не приводит ни к чему: для себя он не признает никаких законов общежития. Если бы не так ценны были письма к нему Н<икиты> П<етровича>, на него давно следовало бы махнуть рукой. Он даже не поинтересовался тем письмом Н<икиты> П<етровича>, которое я для него привезла, и я, должно быть, отвезу его обратно. Конечно, я могла бы передать ему через третьи руки, но меня[a] просто злит его поведение, и это будет маленькой местью.

Уважающая Вас
А. Гальперсон.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 106. Л. 4—5.

14
А. М. ГАЛЬПЕРСОН — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Москва, 6 июля 1893 г.

6 июля 1893 г.

Многоуважаемый Николай Владимирович! Сфинкс и для меня начинает выясняться, но не знаю, так ли для Вас, как для меня.

Я уже давно стала замечать, что Романов принадлежит к тем непризнанным художникам слова, которые в просторечии называются вралями, хотя это слово не вполне их характеризует.

Эти люди, очерчивая, например, чью-нибудь худобу, не остановятся до тех пор, пока не уподобят ее толщине почтового листа; желая сказать, что кто-нибудь толст, они не помирятся на меньшем, нежели объем земного шара. Уловив один ничтожный штрих, они со страстностью набрасывают целую картину и не успокоятся, пока она не получит самой крайней яркости и выпуклости. Если речь идет о смирении собственном или чужом, пределом ему служит падение ниц со всеми аксессуарами; если превозносить, так уж до небес.

Перечитайте письма Романова (впрочем, у Вас их немного), но если бы Вы просмотрели несколько кряду, Вы увидали бы, что нигде и ни в чем он не останавливается на средине. Заговорите с ним о гениальности Никиты Петровича, только о гениальности,[b] без отношения к тому, кто будет знакомить публику

[a] *Далее зачеркнуто*: немножко.
[b] *Слова*: только о гениальности — *вписаны над строкой.*

с этим гением, и он, увлекшись словом, непременно скажет, что столетия пройдут, пока его поймут, и то лишь наполовину. У меня есть его письмо, в котором он приблизительно в таком смысле высказывается о Н<иките> П<етровиче>.

Я не знаю, что было в Вашем письме к Р<оманову>, но уверена, что одно какое-нибудь слово или общее от письма впечатление затронуло в нем жилку самомнения, а может быть, просто заставило его подумать о том, что́ требуется для издателя сочинений Н<икиты> П<етровича>, и картина выросла у него постепенно из-под пера, для него самого неожиданно.

А интересно было бы спросить его, если у Гилярова был ум «возбужденный, но неуправленный»,[1] какого рода дух нужен человеку, который берется проникнуть в *дух* его трудов? Какую систему можно найти в подобных[a] трудах? А ведь последняя выписанная Вами фраза из его письма сама собою вытекала из предшествующего: занесшись, автор письма не мог уж остановиться, не добравшись до Геркулесовых столбов.

Очень жаль, что Вы раздумали отвечать ему именно в том духе, как хотели. Вы совершенно верно говорите, что по одной оригинальности воззрений Н<икиты> П<етровича> никак нельзя вообразить, какую сторону предмета он бы выдвинул и осветил в каждом данном случае. Но Вы правы, впрочем, и в том, что кроме раздражения от Романова ждать нечего. И в раздражении он так же мало умеет останавливаться на средине, как и в смирении и самовознесении и во всем остальном.

Да, вопрос о сборнике, который вначале страшил нас одной материальной стороной, становится все более затруднительным. Это еще полбеды, если Романов вздумает в «Благовесте» уличать в чем-нибудь составителей сборника. Гораздо хуже будет положение, если сам он напишет что-нибудь такое, в чем нам придется потом уличать его.

Шарапов не страшен. Предисловие к его сочинениям[2] — сплошное фанфаронство, и вред от него может быть только для самого автора. Всякий, ни разу не слышавший раньше имени Гилярова, прочитав о нем у Шарапова, подумает, что вот-де имя, очевидно славное, упоминается человеком, который никогда ничьим учеником не был, не будет и быть не может. Притом Шарапов, припертый к стене, всегда легко отречется от того, что́ им высказывается так же неожиданно для других, как и для самого себя. Романов со своей болезненною раздражительностью гораздо опаснее; притом письма к нему Н<икиты> П<етровича>, очевидно дружеские, придают ему апломб, которого ни у Шарапова, ни у многих[b] других быть не может.

Очень бы мне хотелось, чтобы Вы написали ему письмо, как думали, упомянув как-нибудь[c] вскользь, что в сущности он мало читал того, за кого берется говорить безошибочно. В высшей степени интересно и впечатление, которое про-

---

[a] *Это слово вписано над зачеркнутым*: его.

[b] *Это слово вписано над строкой.*

[c] *Было*: где-нибудь.

изведет на него непосланное письмо Ваше к Павлову. С такими людьми, как Романов, надо говорить властно.

Письма к Желтухину[3] заслуживают ли переписывания? Если в них мало интересных сведений, не напрасно ли Вы трудитесь? Я думаю, в подобных случаях достаточно перечитать все письма и отметить лишь то, что в действительности интересно.

Я вчера только возвратилась в Москву, и не успела еще приняться за занятия. Как только мои работы начнутся, я стану сообщать Вам о них с той же точностью, с какой Вы делитесь со мною своими, за что я Вам бесконечно благодарна.

Глубоко уважающая Вас
А. Гальперсон.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 106. Л. 6—9 об. Письмо на бланке с напечатанными словами: «С. И. Гальперсон. / Москва».

[1] Согласно изустному преданию, так в свое время охарактеризовал Гилярова митрополит Филарет (Дроздов).

[2] Речь идет об издании: *Шарапов С. Ф.* Сочинения. СПб.: Рус.-слав. кн. склад, 1892. Кн. 1.

[3] Алексей Дмитриевич Желтухин (1820—1865) — публицист, издатель-редактор «Журнала Землевладельцев» (1858—1860), член Редакционных комиссий по подготовке Крестьянской реформы.

15
А. М. ГАЛЬПЕРСОН — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Москва, 8 августа 1893 г.

Москва, 8 августа 1893 г.

Многоуважаемый Николай Владимирович!

Ваше письмо получено было мною в самый разгар переезда с квартиры на квартиру, и потому я замедлила ответом. А между тем Вы меня очень заинтересовали отрывком Новикова[1] о Никите Петровиче. Вот они «мнения и отзывы очевидцев». Как хотите, а я не могу себе представить Никиту Петровича, в каких бы условия жизни он ни был поставлен, в образе «чиновника», рассчитанно холодного, мало интересующегося вверенным ему делом. Не было дела, в котором он не сумел бы найти глубины, общего интереса, которому он не захотел бы придать порядка, какой ему казался наилучшим, внести систему, от которой все дело приобретало бы единство.

Это вообще. Но от того времени, когда Никита Петрович управлял Синодальной типографией, сохранилось множество документов, где не только он входит в малейшие подробности дела, находя, например, неудобным сохранять библиотеку в холодном помещении и с свойственной ему логичностью приводя всевозможные доводы в пользу своего мнения, но даже является в образе забот-

ливого начальника, отечески увещевающего одного из своих подчиненных прекратить пьянство, потому что семья его страдает от этого материально и нравственно.

Для меня отзыв Новикова до того показался неожиданным и ни с чем несообразным, что я готова была предположить, уж не смешал ли он одного какого-нибудь управляющего Синодальной типографией с другим.

Вы ни словом не обмолвились о том, какое на Вас впечатление произвело письмо Новикова, а это мне чрезвычайно интересно, так как и Вы видели Никиту Петровича в разные времена и в разных положениях.

С цензором Федоровым,[2] я думаю, хорошо знаком Ф. А. Гиляров. Но мне кажется, что Вам никакие «ходы» не нужны. Федоров хотя довольно сухой чиновник, но человек, искренно и открыто уважавший Никиту Петровича. Цель, которую Вы преследуете, собирая о нем сведения, несомненно вызовет в Федорове сочувствие.

Романов так и не откликается? А время идет!

Мой новый адресс: Архангельский пер. у Чистых прудов,[a] д. Елисеевых, кв. № 4.

Глубоко уважающая Вас
А. Гальперсон

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 106. Л. 10—11 об. Письмо на бланке с напечатанными словами: «С. И. Гальперсон. / Москва».

[1] О Н. Н. Новикове см. коммент. 176 на с. 566. В свое время, будучи секретарем, а затем инспектором Синодальной типографии, он распространял сплетни о своем начальнике Гилярове. Видимо, он их повторил в письме к князю Шаховскому в 1893 г.

[2] О В. Я Федорове см. коммент. 115 на с. 561.

16
А. М. ГАЛЬПЕРСОН — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Москва, 16 августа 1893 г.

Архангельский пер., д. Елисеевых, кв. № 4.

16 августа 1893 г.

Многоуважаемый Николай Владимирович!

Пишу наугад, почти уверенная, что письмо мое Вас уже в Ивановском не застанет, так как погода нисколько не располагает к дальнейшему пребыванию на даче. Отвечу Вам поэтому коротко.

Я ничего не могла бы возразить против составленной Вами публикации,[1] если бы мне не казалось, что прямое указание на лиц, от которых ожидаются сведения, ведет скорее к цели. Впрочем, не зная Ваших соображений, не хочу настаивать на своем мнении.

[a] *Слова*: у Чистых прудов — *вписаны над строкой.*

Заметку в «Нов<ом> Вр<емени>» я разыскала уже после Вашего письма и нахожу, что она составлена не в Эфроновском духе. Подумала я было еще на Шарапова, но, во-первых, и он пишет не так, как написана заметка, а во-вторых, ему ничего неизвестно о переписке Ник<иты> Пет<ровича> с Великой Княгиней Еленой Павловной. Известие получено «Нов<ым> Временем», очевидно, от человека, совсем постороннего, потому что никто, сколько-нибудь знавший Ник<иту> Пет<ровича>, не назовет его «публицистом-славянофилом».

О своих работах сообщу Вам уже лично.

Глубоко уважающая Вас
А. Гальперсон.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 106. Л. 12—12 об. Письмо на бланке с напечатанными словами: «С. И. Гальперсон. / Москва».

[1] *Шаховской Н. В., кн.* Из приготовительных работ по биографии Гилярова // *РА*. 1893. Кн. II, вып. 7. С. 427—430.

17
А. М. ГАЛЬПЕРСОН — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Москва, 29 сентября 1893 г.

29 сентября 1893 г.

Многоуважаемый
Николай Владимирович!

Вы спрашиваете, нет ли у меня чего-либо, касающегося цензурной службы Никиты Петровича. Забыла я тогда упомянуть о письме Н<икиты> П<етровича> к К. С. Аксакову (которое, впрочем, кажется, было уже у Вас в руках), о письмах к Н<иките> П<етрови>чу И. С. Аксакова, письмах Каткова и Леонтьева (кстати, я их не нахожу: не у Вас ли они?).

Кроме того, после Вашего ухода (или, впрочем, на другой день, потому что после Вашего ухода я слегла в сильнейшем нервном припадке) я нашла письмо некоего Щербинина,[1] касающееся увольнения Н<икиты> П<етровича> из цензоров. Щербинин приводит точную копию письма к нему министра Головнина.[2] Министр говорит, что Гилярова должно заменить лицом, которое ближе знакомо с современными требованиями. Вы это письмо увидите, конечно. Пишу же я Вам о нем для того, чтобы Вы приняли его к соображению при просмотре документов в Цензурном комитете.

Я нашла также две-три бумажонки, касающиеся дела, с которым Вы теперь знакомитесь.

Уважающая Вас
А. Гальперсон.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 107. Л. 1—1 об. Письмо на бланке с напечатанными словами: «С. И. Гальперсон. / Москва».

[1] Михаил Павлович Щербинин (1807—1881) — сенатор (с 1856 г.), председатель Московского цензурного комитета (с 1860 г.), начальник Главного управления по делам печати (1865—1866); историк, мемуарист.

[2] Об А. В. Головнине см. коммент. 167 на с. 566.

18
А. М. ГАЛЬПЕРСОН — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Москва, 5 октября 1893 г.

Надеюсь, глубокоуважаемый Николай Владимирович, что письмо мое застанет Вас еще в Москве и Вы успеете черкнуть мне словечко.

Как мне быть, если Бартенев обратится ко мне? Дать ему письмо графини Блудовой[1] мне бы не хотелось по многим причинам, которые я Вам когда-нибудь изложу, а не давать, — на что сослаться? Пожалуйста, дайте совет! Один только раз попробовала я иметь дело с Б<артеневым>, но у меня осталось впечатление такое, что повторения я бы не желала.

Если Вы посоветуете дать Б<артеневу> письмо, потрудитесь научить меня кстати, на каких условиях сделать это.

Ваше письмо вообще взволновало меня и подняло целую волну мыслей и чувств, но об этом в другой раз. Я знаю, что пред отъездом Вам будет не до меня, но очень и очень прошу Вас, если успеете, посоветовать, как говорить с Бартеневым.

Желаю Вам счастливо доехать, сохранить в Петербурге то здоровье, которое Вы успели накопить за лето, и продолжать начатое Вами дело так же успешно, как вели Вы его до сих пор.

Все мои шлют Вам поклон и пожелание счастливого пути.

Уважающая Вас
А. Гальперсон.

5 октября 1893 г.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 107. Л. 2—2 об. Письмо на бланке с напечатанными словами: «С. И. Гальперсон. / Москва».

[1] Графиня Антонина Дмитриевна Блудова (1812—1891) — камер-фрейлина императрицы Марии Александровны, писательница, мемуаристка. П. И. Бартенев просил письмо для публикации его в «Русском Архиве» (см. об этом ниже п. 20), но этот замысел не воплотился в жизнь.

19
А. М. ГАЛЬПЕРСОН — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Москва, 13 октября 1893 г.

13 октября 1893 г.

Глубокоуважаемый
Николай Владимирович!

Вы были так добры, доверили мне «на ушко» возникшую в Вас радостную надежду. Своим молчанием на это письмо я провинилась пред Вами дважды. В виде покаяния повинюсь пред Вами в большой неблагодарности.

Знаете ли, что Ваша радость отозвалась во мне не то что разочарованием, а как бы это сказать? Чувство мое было такое, какое должен испытывать офицер, разжалованный в рядовые. Я столько лет лелеяла в себе мысль, что изданием сочинений Н<икиты> П<етровича> займусь именно я, так внутренний мир заполнен был этой работой и связанной с ней деятельностью, что в первую минуту пустота образовалась невыносимая и поэтому в ответном письме своем к Вам я говорила только о Бартеневе и ни слова о том, что́ меня должно было заинтересовать не меньше Вашего.

В оправдание себе должна сказать, что чувство это было непродолжительно. Ведь в сущности ничего не изменилось. Ведь *работать* над изданием никто и ничто мне не мешает. Ведь мечтала я не о прославлении своего имени, которого и выставлять никогда не помышляла. Вы сами и указываете мне на то, что́ я должна делать. Можете быть уверены, что более преданной помощницы в этом деле Вам не найти и что Вы во мне больше никогда не встретите неблагодарности.

Составление оглавлений для статей в «Совр<еменных> Изв<естиях>» у меня подвигается, но мне немножко непонятно, почему труд о глаголах должен быть отложен. Н<икита> П<етрович> сам придавал этому труду громадное значение, а так как его, то есть труд этот, совсем уже никто не знает, то не должен ли он появиться в свет если не раньше, то хоть одновременно с другими сочинениями Н<икиты> П<етровича>?

Затем еще недоумение. Я читаю статьи, озаглавливаю их на карточках и, зная их содержание, не должна ли сама раскладывать их хотя бы по крупным делениям: иностранные, внутренние, церковные и т. п. Не будет ли для Вас обременительно при всех Ваших работах дополнять еще мои? Как Вы полагаете? И не проще ли будет по окончании всего чтения приняться за классификацию?

Бартенев ко мне еще не обращался. Мне кажется, что и в этом деле я немножко погрешила против Вас. Верно ли я поняла? Бартенев должен ко мне обратиться за непосредственным моим согласием или за тем, чтобы Вам дать свободу решения? Если верно последнее, то простите, пожалуйста, за бестолковость и поступайте, пожалуйста, по собственному побуждению, нисколько не стесняясь моим нежеланием иметь дело с Бартеневым.

Кстати, меня очень интересует, что он мог сообщить[a] Вам о наших сношениях. Он действовал с апломбом торгаша (простите за выражение!), сбивающего цену на товар, а я, пожалуй, играла при этом довольно глупую роль человека, не решающегося сказать своему собеседнику в глаза, что он неправ. Впрочем, Бог с ним!

Меня очень обрадовало полученное Вами от Алексея Ник<итича> письмо[1] и особенно тон его. Возможно, что на долю Вашу выпадет великое счастие примирить сына с памятью отца.

Сегодня годовщина смерти Н<икиты> П<етровича>. Не знаю, был ли кто на его могиле. Я не могла пойти, во-первых, потому, что теплое платье мое еще не готово, а во-вторых, вследствие франко-русских празднеств[2] я ложусь пред утром, так что встать рано для меня совершенно невозможно: обилие телеграмм из Парижа и Тулона задерживает меня на службе до 3 ч<асов> ночи и даже долее.

У меня есть к Вам просьба. Не можете ли Вы, при случае разумеется, узнать в Вашем министерстве, не значится ли там на службе Дмитрий Иванович Калиновский, и если значится, то может ли он по роду своей службы в министерстве занимать еще и частную должность? Простите за беспокойство. Разумеется, если просьба Вас затруднит, Вы не постеснитесь отказаться от ее исполнения.

От всего сердца желаю Вам всяких успехов в Вашем деле.

Уважающая Вас
А. Гальперсон.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 107. Л. 3—6. Письмо на бланке с напечатанными словами: «С. И. Гальперсон. / Москва».

[1] Имеется в виду письмо А. Н. Гилярова от 3 июня 1893 г., отличающееся сухим, отчужденным тоном (опубл.: Наст. изд. С. 754—755).

[2] Празднества были приурочены к заключению Франко-русского военно-политического союза (1891—1893).

20
КНЯЗЬ Н. В. ШАХОВСКИЙ — А. М. ГАЛЬПЕРСОН
Москва, середина октября 1893 г.

Душевноуважаемая Анна Михайловна,

Вы становитесь подозрительны, и это вынуждает меня на объяснение. Прежде всего обращусь к самой для меня острой части Вашего письма. Я Вам о Бартеневе написал сущую правду и по тону, и по существу[b]. Я Бартеневу рассказал о письме Блудовой, по какому поводу — не помню; он сейчас же запросил это письмо для «<Русского> Архива»[c]; на что я сказал, что письмо Бл<удовой> сдал

[a] *Далее зачеркнуто*: он.

[b] *Это слово вписано над зачеркнутым*: смыслу.

[c] *Слова*: для «Архива» — *вписаны над строкой*.

Вам, что без Вашего разрешения дать ему снятую копию не могу, а у Вас просить для него стесняюсь. Так, кажется, было. Тут никакой с моей стороны задней мысли не было, а я излагал Вам только факты. Бартенев тогда взял Ваш адрес и сказал, что сам к Вам обратится.

Обратится ли он в дейст<вительности>, не знаю[a]. Вы думаете, что я такой кружный путь избрал для того, чтоб помощью его получить свободу обнародовать списанные мною у Вас письма? Пощадите, Анна Михайловна, и лучше возьмите данные Вами бумаги и мною списанный и добытый материал и передайте работу другому лицу, чем когда-либо допустите в душу свою хоть тень подобного подозрения. Ужели такое чистое дело, как наше, не может обойтись без недоразумений? Тем-то мне и казались дороги наши отношения, что Вы, собственница всех рукописей, владетельница больших сокровищ, доверяете мне для снятия копий все бумаги и письма, не спрашивая даже с меня какой бы то ни было гарантии в употреблении этого материала, не ведя ему описи, даете полной рукой, не глядя, что даете. Ужели Вы думаете, что я этого не вижу, не понимаю и не ценю, что я не питаю в душе моей глубочайшей к Вам благодарности и безграничного уважения за это доверие, из ряду выходящее и не многим даже понятное, что я могу как бы то ни было злоупотребить этим доверием? Нет, это не Ваше собственное подозрение, а чей-то лукавый шепот, от которого Вам должно зажать уши. Знаете, мне было бы даже очень неприятно, если бы это письмо Блудовой было напечатано теперь в «<Русском> Архиве», ибо это отняло бы свежесть новизны у соответствующего места жизнеописания. Но я не сказал Вам этого, дабы не стеснять Ваше решение.

Что касается до издания сочинений (средства для коего пока еще только журавль в небе), то, право, нам с Вами не из-за чего ссориться; а Вам не под стать испытывать чувство разжалованного в рядовые офицера. Издателем будет тот, кто даст деньги. Мы же с Вами оба будем редактировать, и почему Вы будете моею помощницею, а не я Вашим помощником — не знаю. Мы оба будем помогать другу, оба, как служащие, употреблять на это дело наш служебный досуг, оба не получим и не можем получить от этого трудного, сложного и утомительного дела никаких выгод — и оба с одинаковою скромностью можем не выставлять наших имен, или с одинаковою смелостью можем их выставить. —[b]

Не знаю, чем мое письмо могло подать Вам повод к разочарованию и к горьким строкам, какие Вы мне написали, когда во время наших бесед о том же весною, при обсуждении[c] предполагалось достать денег на изда<ние>[d] у Солдатенкова,[1] Вы были в совершенно другом настроении?

---

[a] *Это предложение вписано над строкой.*

[b] *Далее зачеркнуто сначала*: Все дело только в том, что мне счастливится попадать на намеки о средствах; *затем*: Ведь Вы все равно нуждались бы в помощи всегда, и <Вам> угодно не скрывать этого.

[c] *Слова*: при обсуждении — *вписаны над зачеркнутым*: когда.

[d] *Слова*: на изда<ние> — *вписаны над строкой.*

Почему мне кажется, что труд о глаголе следует отложить пока вовсе? По следующим основаниям, если Вы их признаете заслуживающими уважения. 1) Мы с Вами, помнится, неоднократно беседовали о том, что следовало бы исследование о глаголе представить в Академию Наук для разработки по правилам науки и для издания от Академии[a], а также буде возможно для снискания премии; что издание его в таком сыром виде, в каком оно ныне находится, едва ли желательно для его успеха. 2) 20 лет издания «Совр<еменных> Известий» представляет главный материал, подлежащий опубликованию, требующий огромного труда классификации. Это дело отнимет более всего времени, между тем Дмитрий Федорович[2] может умереть или охладеть к этому предприятию и издание станет, особенно[b] если с самого начала[c] отвлечь силы к переписыванию и систематизации глагола, на что у Вас уйдет не менее года самого упорного труда. В год же Вы, если, быть может, и не покончите подбор статей, то подвинете эту работу значительно. —

Просьбою прислать мне дубли[d] карточек и предложением систематизировать, я хотел и[e] облегчить Ваш труд, и вместе привести для своей биографической цели в связь высказывавшиеся в «Совр<еменных> Изв<естиях>» вопросы с его работами, печатавшимися и писавшимися до газеты. Ведь не забудьте, что Ваше чтение «Сов<ременных> Изв<естий>» не может избавить меня от необходимости для изложения[f] мнений Н<икиты> П<етрович>а перечитать всю газету самому.

Затем я готов подчиниться всякому Вашему решению. —

Пока все сижу в Министерстве Нар<одного> Пр<освещения> и начал добираться до любопытных вещей. — В Публичной библиотеке я потерпел афронт: в описи бумаг, переданных Д. Ф. Тютчевой,[3] не нашлось ни одного письма Н<икиты> П<етрович>а. Придется обращаться с просьбою о разыскании писем к Ольге Григорьевне Аксаковой,[4] увезшей после смерти Ив<ана> Сер<геевича> два большие короба бумаг его. — Зато мне сказал Бычков,[5] что для меня разысканы письма Н<икиты> П<етровича> в бумагах гр. Блудовой, но, увы, писем этих оказалось только пять, и не знаю, от кого сданы[g]. О Бессонове Бычков невысокого мнения и полагает, что тот способен письма Н<икиты> П<етрович>а *продать*, причем сперва будет показывать менее интересные, более же важные приберегать.

С Иваном Федоровичем[6] виделся в воскресенье. Он делопроизводит<ель> Комиссии под председательством Сипягина,[7] об образовании новых штатов для

---

[a] *Слова*: от Академии — *вписаны над строкой.*

[b] *Это слово вписано над строкой.*

[c] *Слова*: с самого начала — *вписаны над строкой.*

[d] *Это слово вписано над зачеркнутым*: дубликаты.

[e] *Этот союз вписан над зачеркнутым*: только.

[f] *Это слово вписано над зачеркнутым*: характеристики.

[g] *Слова*: и не знаю, от кого сданы — *приписаны на полях.*

Министерства земледелия. — По его словам, он был все время мучеником долга и лишь накануне моего прихода несколько поосвободился. Разговоров было немало всякого рода. Роман<ов> считает Н<икиту> Петр<овича> — в подозрении относительно дел[a] Скопинск<ого> Банка.[8] Надо бы против этого подозрения тоже подобрать аргументы. Читая[b] «Сов<ременные> Изв<естия>», имейте это обст<оятельство> в виду[c]. —

Но не придавайте Бога ради моим словам тот смысл, что я Вам указываю, что Вы *должны* делать. Я в этом деле не считаю себя вправе играть роль набольшого.[d]

Печатается впервые по черновому автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 70. Л. 1—6 об.

[1] Козьма Терентьевич Солдатёнков (1818—1901) — московский купец, текстильный фабрикант и книгоиздатель.

[2] Д. Ф. Самарин.

[3] Дарья Федоровна Тютчева (1834—1903) — дочь Ф. И. Тютчева от первого брака с баварской графиней Элеонорой Ботмер, камер-фрейлина; сестра А. Ф. Аксаковой.

[4] Ольга Григорьевна Аксакова (1848—1921) — издательница аксаковского наследия, внучка С. Т. Аксакова; ей посвящены «Аленький цветочек» и «Детские годы Багрова-внука».

[5] Афанасий Федорович Бычков (1818—1899) — историк, археограф, библиограф, палеограф, академик (1869), директор Публичной библиотеки (1882—1899), член Государственной совета (с 1890 г.).

[6] И. Ф. Романов-Рцы.

[7] Дмитрий Сергеевич Сипягин (1853—1902), министр внутренних дел (с 1899 г.), в 1893—1894 гг. был товарищем министра государственных имуществ.

[8] Афера со Скопинским банком длилась с 1868 по 1882 год, и эта была самая знаменитая «финансовая пирамида» XIX в. в России. Началось с того, что в банке обнаружился дефицит, и дирекция, чтобы скрыть его, вывела фальшивый баланс, настолько благоприятный, что банк привлек вкладчиков со всех концов страны. По вкладам выдавалось 7,5%, в то время как другие банки платили 3%, и таким образом добывались огромные деньги. В отчетах указывались фиктивный учет векселей, фиктивные ссуды, фиктивные покупки процентных бумаг и фиктивные их продажи. Афере пришел конец, когда сознательные скопинцы опубликовали в московской газете «Русский Курьер» ряд разоблачительных материалов. В газете Гилярова, как и во многих других, регулярно публиковались рекламные предложения от Скопинского банка.

---

[a] *Это слово вписано над зачеркнутым*: краха.

[b] *Было*: Будете читать.

[c] *Слова*: имейте это обст<оятельство> в виду — *вписаны над зачеркнутыми*: обратите на это внимание и собирайте, что можно. *Далее зачеркнуто*: И зачем Вы со мной заговорили таким языком, как в Вашем последнем письме: Вы заставили меня взвешивать каждое слово моих писем и Вы нач<али> писать: Вы были *так добры, доверили* мне «на ушко».

[d] *Далее зачеркнуто*: Вообще Вы *<2 нрзб>*.

21
А. М. ГАЛЬПЕРСОН — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
МОСКВА, 17 ОКТЯБРЯ 1893 Г.

17 октября 1893 г.

Глубокоуважаемый
Николай Владимирович!

Упаси меня Бог когда бы ни было, по какому бы ни было поводу и под чьим бы то ни было влиянием проявить подозрительность по отношению к Вам, образ действий которого вызывал во мне до сих пор одну лишь живейшую благодарность и удивление к неутомимой энергии.

Заговорив вторично о Бартеневе, я, напротив, думала поправить неделикатность, которую, казалось мне, я совершила по отношению к Вам. Перечитав Ваше письмо о назойливости Бартенева, я пришла к заключению, что неверно поняла Вас с первого раза и что вопрос именно в том, чтобы, как и просил Бартенев, *Вам* получить мое согласие, а не ему.

Так поняв, я иначе и не могла поступить, как предоставить Вам свободу решения, нисколько не сомневаясь, что Вы изберете решение самое правильное[a].

В вопросе об издании сочинений Н<икиты> П<етрови>ча я, пожалуй, немножко и виновата, или, вернее, виновато вечно глодавшее меня сознание, что я так мало сделала, тогда как моя прямая обязанность была не покладая рук стремиться к осуществлению самого пламенного желания Н<икиты> П<етрови>ча. Если я не высказала Вам этого, когда разговор у нас шел о Солдатенкове, то только потому, что я нелегко привыкаю к людям и вообще не привыкла раскрывать свою душу пред кем бы ни было. Только глубокое мое доверие к Вам и виновно было в моей, неосторожной, как вижу теперь, откровенности. Всего менее здесь было недоброго чувства, если высказалась я[b] пред Вами, то есть пред лицом, в котором я видела издателя. Впрочем, я ведь и в прошлом письме сказала, что чувство разочарования было мимолетно, и сама прибавила, что в сущности ничто не изменилось, и я могу по-прежнему работать над тем, что мне так дорого.

Во всяком случае, простите за невольную обиду.

Карточки с оглавлением статей, разумеется, буду высылать Вам. Опять-таки прошу Вас не думать, что я усматриваю в этом вторжение в мой труд. Напротив, мне казалось, что для Вас это лишнее бремя. Впрочем, еще до получения от Вас ответа я вспомнила, что Вам ведь неизбежно прочесть *все*, написанное Н<икитой> П<етрови>чем.

Дело о Скопинском банке было, если не ошибаюсь, в половине семидесятых годов. Скоро ли я дойду до них? Удивительное направление мыслей у Романова!

---

[a] *Было*: самое правильное решение.
[b] *Далее зачеркнуто*: имен<но>.

Он, кажется, теперь отмщает памяти Н<икиты> П<етрови>ча за прежнее свое поклонение.

Получено Вами письмо Н<икиты> П<етровича> к К. Аксакову? Я послала его под бандеролью.

Искренно уважающая Вас
А. Гальперсон.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 107. Л. 7—8 об. Письмо на бланке с напечатанными словами: «С. И. Гальперсон. / Москва».

22
А. М. ГАЛЬПЕРСОН — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
МОСКВА, 18 ОКТЯБРЯ 1893 Г.

18 октября 1893 г.

Я никак не могу успокоиться, глубокоуважаемый Николай Владимирович! Перечитав Ваше письмо, я вижу, что, так поняв мое письмо, как Вы его поняли, Вы не могли не почувствовать себя оскорбленным. Это видно и из ужасной Вашей фразы: «Вы думаете, что я такой кружный путь избрал для того, чтобы помощью его получить свободу обнародовать списанные мною у Вас письма?»

Узнав от Вас, что Бартенев думает обратиться ко мне, я прежде всего под влиянием нежелания вступать с ним в деловые отношения кинулась за советом к Вам. Когда же мне после некоторого размышления показалось, что Бартенев обратится ко мне с просьбой предоставить Вам свободу распоряжения письмом графини Блудовой, я ни на мгновение не задумалась ответить Вам так, как мне подсказывала полная моя вера <u>в правильность Вашего решения</u>.

Я, может быть, повторяюсь, но мне так хотелось бы изгладить в Вас самое воспоминание о злополучном моем письме.

Относительно издания сочинений Н<икиты> П<етровича> Вы можете сказать, зачем было и писать о том, что было мимолетно и что потеряло уже значение, именно об исчезнувшем во мне чувстве разочарования. Вот подите же! У людей, не привыкших говорить о своих чувствах и вообще о себе, бывают моменты порывистой и неуместной откровенности. Сколько раз я ловила себя на подобных порывах и, отлично сознавая всю их неловкость, до сих пор не застрахована от их повторений. Но раз начавши, не могу не объясниться. <u>В[a] горячности, с какою Вы действуете для осуществления своей цели, я все время видела невольный упрек себе за потерю целых шести лет</u>. Скорее, впрочем, не видела, <u>а чувствовала</u>, не останавливаясь на этом мыслию. После Вашего письма о Самарине[1] предо мною на минуту прояснилось это чувство с особенной яркостью, но это же письмо и заставило меня объясниться с самой собою и придти к заключению, что я могу и теперь делать все, что́ от меня зависит, а взгляд, бро-

[a] *Далее зачеркнуто*: Вашей.

шенный назад на прошедшие шесть лет, заставил меня вспомнить, что я не могла сделать столько, сколько сделали Вы.

Я говорю урывками, останавливаясь только на части того, что было мною передумано и перечувствовано, но верьте, что мне самой тяжело сознание о причиненной Вам неприятности.

Искренне уважающая Вас
А. Гальперсон.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 107. Л. 9—10 об. Письмо на бланке с напечатанными словами: «С. И. Гальперсон. / Москва».

[1] Упомянут Д. Ф. Самарин.

23
А. М. ГАЛЬПЕРСОН — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Москва, 21 октября 1893 г.

21 октября 1893 г.

Глубокоуважаемый
Николай Владимирович!

Одновременно с этим письмом я посылаю Вам карточки с оглавлением статей Н<икиты> П<етровича> в «Совр<еменных> Изв<естиях>» за 1868 и 1869 гг. В таком же виде у меня списано еще первое полугодие 1870 г., но я думаю, что лучше посылать сразу за год. Притом это полугодие у меня еще не переписано. Я полагаю, что второй экземпляр[a] лучше иметь вписанным в тетрадь, а не на карточки: так будет удобнее разыскивать известную карточку либо статью; карточки удобны лишь для классификации их по отделам.

Вы увидите, что на некоторых карточках у меня поставлено по крестику, на других — по два крестика. Этим я обозначала статьи замечательные и еще более замечательные. Я было стала даже обозначать вопросительным знаком заметки и маленькие статейки, которым не должно быть места в общем собрании сочинений, но потом и от крестиков и от вопросительных знаков совсем отказалась. Подобное обозначение уже потому трудно, что иногда крошечная заметка ведет чрез некоторое время к какой-нибудь большой и очень важной статье. Разделение же на замечательные и весьма замечательные показалось мне слишком педантичным, не говоря о том, что и тут статьи оказываются связанными между собою и в общем составляют всё очень замечательное.

Читая «Совр<еменные> Изв<естия>», а главное — задумываясь над оглавлениями, в которых несколькими словами приходится высказать широчайшее и глубочайшее содержание статей, я все более убеждаюсь в удивительной меткости Вашей характеристики относительно способа доказательств Н<икиты>

[a] *Далее зачеркнуто*: удобно иметь.

П<етровича>. Вы говорили, что он имеет обыкновение отрицая утверждать. Этот способ утверждения положительно не дает себя втиснуть в несколько строк конспекта, именно потому, что дает удивительный размах перу.

О Скопинском банке первая статья, очень хвалебная, встречается в мае 1870 г. Сколько мне известно, это было время всеобщего восхищения этим банком.

Когда приметесь за чтение «Совр<еменных> Изв<естий>», имейте, пожалуйста, в виду, что у меня совершенно нет второй половины 1876 и первой половины 1877 гг.

Искренне уважающая Вас
А. Гальперсон.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 107. Л. 11—12 об. Письмо на бланке с напечатанными словами: «С. И. Гальперсон. / Москва».

24
А. М. ГАЛЬПЕРСОН — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Москва, 27 октября 1893 г.

Москва, 27 октября 1893 г.

Глубокоуважаемый Николай Владимирович! Спешу послать Вам брошюрку, которая, надеюсь, избавит Вас от некоторой части списывания. Я думаю, что именно этой брошюрки второй экземпляр нашли Вы при деле о назначении Н<икиты> П<етровича> членом Комитета по пересмотру законов о книгопечатании. Мне кажется, что я Вам даже и показывала ее, но Вы так много перевидали и перечитали в последние месяцы, что немудрено было и забыть об этом обстоятельстве.

Программа составления истории Министерства народного просвещения находится среди рукописей настолько в черновом виде, что воспользоваться ею невозможно.[1]

Интересно мне знать, согласились ли Вы с мнением Победоносцева, что «писание» подробной биографии преждевременно. Еще если бы он сказал «обнародование»! Я надеюсь, что Вы все-таки не откажетесь от мысли составить именно подробную биографию, пусть и не сейчас можно будет ее всю напечатать.

Как относитесь Вы к мысли об издании сперва статей, писанных до «Совр<еменных> Изв<естий>»? Если издавать статьи по вопросам (это несомненно и будет самым правильным изданием), то как отделить, например, «Логику раскола»[2] от статей по церковным вопросам в «Совр<еменных> Изв<естиях>» или «Личное и общественное»[3] ото всего, что писал Н<икита> П<етрович> по общественным вопросам, политической экономии и т. п. в «Совр<еменных> же Изв<естиях>»?

Издавая сочинения Н<икиты> П<етровича>, отбросить второстепенное, частное и временное непременно надо, но, перечитывая «Совр<еменные> Изв<естия>», Вы увидите, какая масса материала останется еще и после этого.

Относительно «Глагола» мне представляется совершенно основательным мнение Победоносцева, что в Академии можно натолкнуться на предубеждение того, кому будет поручено дело систематизации, тем более что труд Н<икиты> П<етровича> начинается с критики всех существующих систем исследования законов языка. Гг. ученые не особенно доброжелательно относятся к подобным новшествам.

Но и печатание в сыром виде, то есть в таком сыром, в каком находится труд сейчас, мне кажется рискованным опять-таки ввиду предубеждений. Пускай пока полежит.

Статью Сковронской[4] разыщу непременно. Не сделала этого до сих пор потому, что не выхожу из дому уже несколько дней вследствие нервной боли в ногах.

Смерть Чайковского[5] действительно ужасна, но страшная болезнь, очевидно, не оттолкнула от него общество. Или это издали так кажется? По газетным описаниям, у его гроба теснятся почитатели, а сами описания и все некрологи так беспримесно восторженны, что невольное отвращение к болезни, сведшей его в могилу, совершенно стушевалось.

Душевно уважающая А. Гальперсон.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 107. Л. 13—14 об. Письмо на бланке с напечатанными словами: «С. И. Гальперсон. / Москва».

[1] Тем не менее, в 1900 г. князь Шаховской опубликовал ее: *Гиляров-Платонов Н. П.* Программа для составления истории Министерства народного просвещения // *Сб. соч.* Т. II. С. 141—147.

[2] Вых. дан. см. в коммент. 19 на с. 555.

[3] Вых. дан. см. в коммент. 44 на с. 557.

[4] Речь идет о большом рассказе-пасквиле М. С. Сковронской «Страдания, мучения и гражданская смерть» (1883). См. подробнее в коммент. 7 на с. 614.

[5] П. И. Чайковский скончался 25 октября 1893 г. в Петербурге от холеры. Не исключено, что в словах Гальперсон содержится намек на циркулировавший тогда в обществе слух о самоубийстве Чайковского, который якобы отравился мышьяком в страхе перед преследованием за гомосексуализм.

25
А. М. ГАЛЬПЕРСОН — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Москва, 3 ноября 1893 г.

Москва, 3 ноября 1893 г.

Глубокоуважаемый
Николай Владимирович!

Я сегодня встала так поздно, что никак не успею приготовить к отсылке письма Аксакова,[1] и поэтому спешу хоть ответить Вам, чтобы не задержать Вашего ответа О. Г. Аксаковой.

Я не помню, есть ли у Вас копии этих писем. Если нет, мне кажется, следовало бы списать их. Но опять Вам списывать! Тогда не лучше ли задержать мне письма у себя, списать и тогда отправить. Я думаю, г-же Аксаковой достаточно будет ответить, что письма будут ей вручены.

Я так и поступлю: письма удержу до получения от Вас ответа, и если у Вас копий не окажется, поспешу переписать их и тотчас же отослать их Вам.

Благодарю Вас за Ваше большое подробное письмо. Как много уже у Вас материалов! Вы, пожалуй, правы, что в биографии лучше всего ограничиться общественной деятельностью Н<икиты> П<етровича>. Но это, конечно, не должно остановить Вас в собирании материалов, касающихся всех сторон его жизни.

О «Глаголе» я писала Вам, ничего не предрешая. Я могу возразить только против печатания в том чрезмерно сыром виде, в каком сейчас находится этот труд. Разумеется, совет или содействие какого-либо сведущего или влиятельного лица может все изменить.

Как же Вы думаете поступить с изданием статей Н<икиты> П<етровича> до «Совр<еменных> Изв<естий>»? Если решить печатать их, то ведь ничто не мешает приступить к этому сейчас же. Собрать их нетрудно, а о средствах[a] позаботится Самарин, пока у него еще свежо в памяти обещание его.

«Совр<еменные> Изв<естия>» продолжаю читать усердно. Прихожу к заключению, что, помимо всего прочего, придется считаться еще с громадным количеством опечаток, местами совершенно искажающих смысл. Придется восстановлять текст наугад, потому что не всегда можно уловить, в чем состоит искажение.

Что это Вы хвораете? Мне по опыту[b] знакомы Ваши припадки, но, по счастию, со мной они всегда случаются днем. Ночи у меня хотя часто проходят без сна, но без всяких физических страданий. Я могу себе представить ужас, который овладел Вами, когда[c] подобный припадок даже среди белого дня сопровождается у меня смертельной тоской.

Не злоупотребляете ли Вы своими силами? Заботитесь ли о развлечениях, отдыхе?

Не знаю, кто подвергся холере на Мытнинской, но не Шарапов, потому что этот день он провел в Москве и я видела его здравым и невредимым. Кстати, чем поразил он Вас? Я сперва подумала было, что Вы нашли его более скромным, нежели ожидали, но следующие слова Ваши опровергли эту[d] догадку.

Соловьев,[2] о котором он Вам говорил, действительно опровергает Дарвина, на мой взгляд, с несокрушимой логикой, но Шарапов, не умеющий ни в чем находить средины, превозносит его в ущерб всем ученым мира и всякую беседу, о чем бы она ни шла, сводит к Соловьеву, не забывая, впрочем, упомянуть, что этот гений отыскан им, Шараповым. Не этим ли и поразил он Вас?

---

[a] *Далее зачеркнуто*: ведь.

[b] *Слова*: по опыту — *вставлены над строкой.*

[c] *Это слово вставлено над строкой.*

[d] *Это слово вписано над зачеркнутым*: Вашу.

Материалы, относящиеся к Синодальному периоду,[3] вышлю, как только Вы о том напишете. Впрочем, может быть, они Вам и сейчас уже нужны?

Сколько мне известно, воспоминания Сковронской в свет еще не выпущены.[4]

Между хранящимися у меня бумагами есть небольшой печатный[a] отрывок — «Опыт синонимов: публика — народ».[5] Очень возможно, что письмо Н<икиты> П<етровича>[6] относилось к этой именно статье. Будь она вся налицо, можно было бы по многим указаниям в письме с уверенностью сказать, к ней или не к ней относится письмо.

Буду ждать ответа от Вас насчет писем Аксакова.

Уважающая Вас
А. Гальперсон.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 108. Л. 1—3 об. Письмо на бланке с напечатанными словами: «С. И. Гальперсон. / Москва». Зеленым карандашом князь Шаховской пометил на верхнем поле: «Пол<учено> 4 нояб<ря>».

[1] Имеются в виду письма И. Аксакова к Гилярову, находившиеся в архиве последнего; их предстояло выслать О. Г. Аксаковой в обмен на ответные письма Гилярова.

[2] Тимофей Петрович Соловьев (1861—1911) — помощник главного контролера Самаро-златоустовской железной дороги, статский советник, автор книги «Теория волевых представлений: Отношение ее к специации и элевации органического мира» (СПб.: Тип. Н. А. Лебедева, 1892. <2>, IV, II, 404 с.; 2-е изд.: 1896). С. Ф. Шарапов посвятил ему очерк «Русский Дарвин» (М.: Типо-лит. А. В. Васильева и К°, 1901).

[3] Подразумевается тот период, когда Гиляров занимал пост управляющего Московской Синодальной типографией — с 20 августа 1863 г. по 14 августа 1868 г.

[4] См. публ.: *Сковронская М.* За четверть века: (Из воспоминаний) // Наблюдатель. 1897. Янв. С. 201—227; Февр. С. 221—239.

[5] Речь идет о корректурных листах заметки К. С. Аксакова (Молва. 1857. 14 дек. № 56. С. 410—411), за допущение к печати которой Гиляров как цензор 23 декабря 1857 г. получил строгий выговор.

[6] Имеется в виду большое письмо Гилярова к К. Аксакову от 3 ноября 1857 г. (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 363. Л. 1—20), почти полностью опубликованное в составе статьи князя Н. В. Шаховского «Н. П. Гиляров-Платонов и К. С. Аксаков (По статьям и письмам Гилярова)» (*РО*. 1895. Т. 36, дек. С. 509—545).

26
А. М. ГАЛЬПЕРСОН — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Москва, 12 ноября 1893 г.

Москва, 12 ноября 1893 г.

Глубокоуважаемый
Николай Владимирович!

Вы могли подумать, что я воспользовалась Вашим разрешением не торопиться высылкой писем Аксакова и потому не отвечала так долго. А между тем

[a] *Это слово вписано над строкой.*

вызвано это было чистой случайностью. У меня захворали дети, и хотя серьезного ничего не было, но я, к сожалению, не умею сохранять в таких случаях спокойствия духа, и нить обычных занятий моих порвалась. Я уже целую неделю ничего не делаю и не могла даже собраться ответить Вам.

Имеющийся у меня отрывок «Опыт синонимов» трудно связать с письмом Н<икиты> П<етровича> к К. Аксакову. Очень может быть, что письмо вызвано было и этой статьей, но отрывок так мал, что общего понятия о статье не дает. Противоположение же образованного класса народу, хотя заключается и в отрывке, упоминается и в письме, не может, однако, кажется мне, служить руководящей нитью, потому что К. Аксаков в своих произведениях не раз возвращался к этой теме. Я выслала бы Вам отрывок, но думаю, что он Вам ни к чему не послужит.

Можно было ожидать, что Новиков[1] окажется таким, каким Вы его нашли. Он высказался достаточно в первом письме к Вам. Интересно, как он отнесся к Вашему меткому возражению о кавалергардах и пустынниках. Впрочем, такие люди, раз придя к какому-либо заключению, и не слышат возражений на них, как бы основательны они ни были.

Шарапов действительно скромностью пред Вами не отличился, а взаимными восхвалениями этот кружок давно меня возмущает и удивляет. Шарапов, вообще не лишенный вкуса, совершенно теряет его, когда речь заходит о его друзьях с Петербургской стороны,[2] и всякая плоскость Романова кажется ему верхом остроумия, каждая строка Розанова — океаном мудрости и т. п. Он сам, впрочем, рассказывает, что они на Петербургской стороне ведут совершенно замкнутую жизнь, ни с кем не видаются и ничего не читают, даже и друг друга. Какая же у них может быть перспектива?

Неизвестно Вам, кто писал в «Свете» о Н<иките> П<етровиче>?[3] Некоторые слова указывают на личное знакомство.[4] «Много поучительного представляет самая личность Гилярова с его оригинальною натурою», — если это подсказано не личным[a] знакомством, то писавший должен был много слышать о Гилярове, а это тоже важно.[5]

Однако немало неприятностей причинила Вам статья Ваша о Гилярове, Каткове и Аксакове.[6] Это может служить подтверждением мнения Победоносцева, что для подробной биографии Н<икиты> П<етровича> время еще не наступило.

Кстати. Мне известно, что статья или рассказ Сковронской, о котором сообщал Вам Алексей Никитич, помещен был в журнале «Друг Женщин»,[7] который издавался в Москве в восьмидесятых годах, но очень недолго и настолько был незаметен, что ни в одной библиотеке его нет.[8] Сходить же в Румянцевскую библиотеку[9] до сих пор не удосужилась. Вам не приходится бывать в Публичной библиотеке? Впрочем, это ведь не к спеху: я еще схожу в Румянцевскую.

О воспоминаниях Сковронской что-то не слышно. Не писала она Вам? Я думаю, она сообщит о выходе в свет своих «мемуаров».

---

[a] *Далее зачеркнуто*: выводом.

Вы находите неловким написать ей и спросить об этом? Ведь она сама отослала Вас к этим воспоминаниям, находя, что Вы достаточно почерпнете из них сведений для биографии.[10]

Как Вы себя чувствуете? Желаю Вам укрепить свои нервы. Не плохую ли услугу оказывают Вам предоставлением свеч для продолжения занятий? Вы, пожалуй, слишком долго засиживаетесь, забывая об отдыхе.

Уважающая Вас
А. Гальперсон.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 108. Л. 4—6 об. Письмо на бланке с напечатанными словами: «С. И. Гальперсон. / Москва». Зеленым карандашом князь Шаховской пометил на верхнем поле: «Пол<учено> 14 нояб<ря>».

[1] Н. Н. Новиков.

[2] Подразумеваются В. В. Розанов и И. Ф. Романов-Рцы, жившие в одном доме (№ 2) на Павловской (ныне Мончегорская) улице.

[3] Имеется в виду Н. А. Любимов и его заметка под личной рубрикой «Отголоски», посвященная брошюре князя Н. В. Шаховского «Никита Петрович Гиляров-Платонов: Краткий публицистический очерк» (Ревель, 1893. 84 с.): Свет. 1893. 29 окт. № 250. С. 3, с подп.: Н***. См. также: *<Любимов Н. А.>*. Летопись мимоидущего: «Отголоски» газ. «Свет», 1887. СПб.: Тип. В. В. Комарова, 1892. С. 508—509 («Кончина Н. П. Гилярова-Платонова»), 519—521 («Еще по поводу кончины Н. П. Гилярова»).

[4] Н. А. Любимов как человек, близкий М. Н. Каткову, был знаком с Гиляровым с конца 1850-х — начала 1860-х гг., когда последний сначала цензуровал журнал «Русский Вестник», а потом заведовал его редакцией.

[5] Интересно следующее сопоставление Любимова: «Парадоксальный К. Н. Леонтьев оставил по себе восторженных почитателей; образовалось нечто вроде маленькой секты его последователей. Серьезный Гиляров, и при жизни остававшийся всегда в тени, ныне в полном забвении. Между тем вклад, который вносил он своей деятельностью в нашу умственную жизнь, мало замечательный, пока на него не указали, много дороже того, как он оценяется» (Свет. 1893. 29 окт. № 250. С. 3).

[6] *Шаховской Н. В., кн.* Из приготовительных работ по биографии Гилярова (вых. дан. см. в коммент. 1 на с. 599).

[7] Речь идет о пасквиле М. С. Сковронской «Страдания, мучения и гражданская смерть» (Друг Женщин. 1883. Янв. С. 20—54). Здесь действие перенесено в Австрию и под вымышленными именами редактора венской газеты пана Лусткопфа и его помощницы, 20-летней вдовы барона Лерхенфельда Софьи Покорной были изображены Гиляров и Сковронская, причем их взаимоотношения показаны именно в том искаженном свете, в каком последняя рассказывала о них в своих показаниях следователю в ходе дознания по инспирированному ее доносом следственному делу о растрате сумм, пожертвованных на славян (1877—1880). См. подробно: *Гиляров: ИМБР*. С. 336—428.

[8] Ежемесячный феминистский журнал «Друг Женщин» издавался М. С. Сковронской (под фамилией своего второго мужа Богуславского) с марта 1882 г. по август 1884 г.

[9] Библиотека Румянцевского музея, основанного в 1831 г. в Петербурге, в 1861 г. была перевезена в Москву и впоследствии стала основой нынешней РГБ.

[10] Имеется в виду письмо Сковронской к князю Шаховскому от сентября 1893 г. (см.: Наст. изд. С. 746).

27
А. М. ГАЛЬПЕРСОН — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Москва, 22 ноября 1893 г.

Москва, 22 ноября 1893 г.

У меня снова, глубокоуважаемый Николай Владимирович, больные дети, кроме Жени, и я прошу у Вас извинения, что не могу отвечать на Ваше письмо. Пишу эти несколько строк только затем, чтобы уведомить Вас, что отсылаю все бумаги, относящиеся до Синодального периода деятельности Н<икиты> П<етровича>. Посылка приготовлена уже давно, в самый день получения Вашего письма, но я так все время озабочена, что забыла отослать.

Если Вас не затруднит, уведомьте, пожалуйста, о получении этой посылки и писем Аксакова.

Очень Вам благодарна за сведения о Калиновском. Вы действительно забыли раньше сообщить.

Простите, что пишу так отрывисто. Устала ужасно.

Уважающая Вас А. Гальперсон.

<*Адрес на почтовой карточке*:>
В С.-Петербург,
Михайловская площадь, д. Жербина,[1] кв. № 30
Его Сиятельству
Князю Николаю Владимировичу
Шаховскому

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 108. Л. 7—7 об. Почтовая карточка (штампы: «Москва. 23 нояб.»; «СПб. 24 нояб.»). Красным карандашом князь Шаховской пометил на верхнем поле: «Получ<ено> 24 н<оября>».

[1] Дом генерала Ф. И. Жербина был знаменит устраивавшимися в нем любительскими театральными представлениями с участием профессиональных актеров; сгорел в 1903 г. Ныне на этом месте находится Гимназия при Русском музее.

28
А. М. ГАЛЬПЕРСОН — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Москва, 29 ноября 1893 г.

29 ноября 1893 г.

Глубокоуважаемый
Николай Владимирович!

Снова прошу у Вас извинения, что не отвечала подробно на последнее Ваше письмо. На этот раз болезни, которым подверглись мои дети, были настолько серьезны, что требовали неусыпного моего наблюдения. У старшего сына Володи было воспаление слепой кишки, от которого смертельный исход не редок.

У младшей дочери была жаба при 40° жара, болезнь для ее 9-тилетнего возраста нелегкая, а самый маленький сынок мой был, очевидно, жертвой инфлуэнцы, хотя в течение целой недели нельзя было определить, в чем состоит его болезнь.

Теперь, слава Богу, все трое поправляются, и я начинаю оживать.

Я очень внимательно слежу за московскими журналами и за еженедельным приложением к «Новостям Дня»,[1] но нигде до сих пор не появлялось никаких воспоминаний Сковронской. Вам, конечно, обращаться к ней неудобно, если она не отвечала на Ваши письма.

Я давно не видела Веру Алексеевну и даже не знала о прошении, которое Вы для нее составили. Не могу Вам сказать, как меня обрадовала эта Ваша мысль! Меня давно заботит материальное положение Веры Ал<ексеевны>, и сама она не раз о нем говорила. Разумеется, самый верный путь — прошение на Высочайшее имя. Помимо Феоктистова, недурно было бы, чтобы о прошении знал и Победоносцев.[2] Он тоже может замолвить словечко, а в случае отказа может придумать средство для оказания Вере Ал<ексеевне> помощи, потому что ее ожидает нешуточная нужда. От Алекс<ея> Ник<итича> помощи ждать нельзя: он Вам писал, что сам нуждается, а родственники ни малейшего участия в Вере Алек<сеевне> не принимают.

На днях надеюсь выслать Вам оглавления статей в «Совр<еменных> Изв<естиях>» за 1870 г.

Надеюсь, и письма Аксакова, и документы Синодального периода Вами[a] получены. Беспокоят меня немножко письма Аксакова. Я хотела отправить их под бандеролью, но в почтамте моего посланного заставили сделать из них посылку с обозначением какой-либо цены, и меня не оставляет беспокойство, не произошло ли при этом какого-либо недоразумения. Со второй посылкой я уже сама приняла эти меры заблаговременно.

Еще раз благодарю Вас за сведения о Калиновском. Мне очень совестно, что Вы лично тратили время на поиски. Я думала, при случае Вы спросите об этом кого-либо, кому списки должны быть известны.

В скором времени можно Вас ждать уже и в Москву?

Желаю Вам полного здоровья.

Уважающая Вас
А. Гальперсон.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 108. Л. 8—9 об. Письмо на бланке с напечатанными словами: «С. И. Гальперсон. / Москва». Синим карандашом князь Шаховской пометил на верхнем поле: «Пол<учено> 1 дек<абря>».

[1] *«Новости Дня»* — ежедневная общественно-политическая и литературная газета, выходившая в Москве в 1883—1906 гг.

[2] Князь Шаховской воспользовался советом Гальперсон. См. его письмо к К. П. Победоносцеву от середины декабря 1893 г. (Наст. изд. С. 775).

[a] *Далее зачеркнуто*: уже.

30
А. М. ГАЛЬПЕРСОН — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Москва, 30 ноября 1893 г.

Москва, 30 ноября 1893 г.

Глубокоуважаемый
Николай Владимирович!

Прилагаемая вырезка[1] поразит Вас, конечно, не менее, чем поразила меня, и содержанием своим, и формой. Кто-то надоумил Веру Алексеевну обратиться к Пастухову за советом, но она не ожидала, что содействие его будет куплено ценою такого унижения. У него не хватило деликатности не сообщать по крайней мере адресса, чтобы не подвергать бедную старуху необходимости лично принимать пожертвования.

И главное — нужда-то не только не так велика, как пишет Пастухов,[2] но даже и совсем еще не наступала. Средства Веры Алек<сеевны> иссякают к Новому году или около этого времени. По счастию, она находится в таком возрасте, когда и чувства, и соображение притупляются.[3] Ее воззвание Пастухова, как я заметила сегодня, не особенно огорчило: она не представляет себе, каково ей будет, когда придется протянуть руку за предлагаемым пособием или отвечать на назойливые расспросы. Я, разумеется, не пыталась растолковать ей это, но упросила по крайней мере впредь обращаться прямо ко мне при малейшем недоумении или затруднении.

Она начала с того, что попросила как-нибудь устроить ее во Вдовьем доме.[4] Я пишу тотчас по возвращении от нее и ничего еще сделать не успела. Я не знаю даже, кто стоит во главе этого учреждения. Если Вы что-нибудь знаете, будьте добры, сообщите мне. Не знаю, что будет с Ник<олаем> Никитичем,[5] если мать поместится отдельно от него, но она говорит, что будет давать ему, сколько возможно, потому что и во Вдовьем доме ей будут нужны средства, и изыскать их необходимо.

Каково будет Алексею Никитичу[6] прочитать воззвание Пастухова! Да и Федору Александровичу,[7] я думаю, будет не особенно это приятно.

Вера Алек<сеевна> возлагает большие надежды на прошение Государю. Я читала его сегодня. Лучше составить его, мне кажется, нельзя. Как обидно, что оно задержано было здесь так долго. Федор Александрович, взяв на себя заботу о переписке, кажется, забыл о нем.

Я не могу отделаться от упреков совести. Мне все кажется, что если бы я раньше собралась к Вере Алек<сеевне>, я предупредила бы это возмутительное трепание имени Никиты Петровича.

Письмо Ваше я получила вчера, как только успела отправить свое. Сегодня я не успею ответить, да и не могу собраться с мыслями.[a] В «Моск<овском> Ли-

[a] *Далее зачеркнуто*: Сегодня в.

ст<ке>», говорят, помещена уже цифра первых приношений. Неужели Федор Александрович не мог бы вмешаться?

Уважающая Вас
А. Гальперсон.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 108. Л. 10—11 об. Письмо на бланке с напечатанными словами: «С. И. Гальперсон. / Москва». Синим карандашом князь Шаховской пометил на верхнем поле: «Пол<учено> 1 д<екабря>».

[1] По дальнейшему содержанию письма очевидно, что речь идет о заметке, опубликованной в качестве подпередовой (без заглавия и подписи) в газете «Московский Листок», издававшейся бывшим фельетонистом «Современных Известий» Н. И. Пастуховым (очевидно, он и написал заметку). Приведем ее текст:

«Тяжело, слишком тяжело сообщать общественному вниманию не только о превратности счастия, но и вопиющей заедающей нужде осиротелого семейства таких деятелей на поприще общественного разума и слова, коих нравственное воздействие еще не забыто первопрестольною столицей, и самый образ их еще живо предносится ее сознанию.

Речь наша — о супруге покойного Никиты Петровича Гилярова-Платонова, редактора исчезнувших вместе с ним “Современных Известий”.

Мы навестили достопочтенную старушку, супругу покойного, Веру Алексеевну, и сердце наше сжалось при виде убожества ее обстановки и полнейшей беспомощности ее для дальнейшего существования. Жалкая квартирка ее не топлена, средств для пропитания нет и не предвидится, а к тому же несчастный и больной сын на ее глазах — без всякой возможности врачебной помощи.

И в таком-то ужасном положении находится семья того, кто более двадцати лет озарял Москву лучами своего разума и зажигал ее сердце любовию к правде, добру и милосердию; того, кто умел стоять на высоте политической минуты и был ее пророком; того, кто орлиным взором охватывал общественную жизнь сверху донизу, проповедовал, учил, самоотверженно и безбоязненно, твердо и властно, с неотразимою логикой мысли, внедряя здравые политические понятия и уясняя самые основы православного миросозерцания и церковного канонического уклада для всех слоев общества. Кто в Москве из живых людей еще не помнит до сегодня Никиту Петровича и мощное слово его, раздававшееся в “Современных Известиях”?

И вот безотрадная и беспомощная доля, злая и заедающая нужда его престарелой супруги, с несчастным и больным сыном, теперь пред взорами Москвы и вопиет к ее помощи... Помощь требуется неотложная и непрерывная. Не сомневаемся, что образ покойного Гилярова-Платонова послужит напоминанием о нашем христианском долге, а горькая слеза его престарелой супруги зажжет сострадание в сердцах добрых москвичей, коими никогда не была скудна и доныне не оскудела наша православная и первопрестольная столица.

Адрес Веры Алексеевны Гиляровой-Платоновой: Большая Грузинская улица, дом Гольденштейна, квартира № 6. Вспомоществования принимаются также и в конторе “Московского Листка”» (Московский Листок. 1893. 29 нояб. № 332. С. 2).

Точнее, дом (№ 24) вдовы московского купца Гольденштейна, Терезии Бернардовны (см.: Адресная и справочная книга города Москвы на 1894 год. М.: Изд. А. С. Суворина, 1894. Ч. I. Стб. 82).

[2] Николай Иванович Пастухов (псевд. Старый знакомый; 1831—1911) — журналист, беллетрист, фельетонист «Современных Известий», издатель-редактор «Московского Листка» (с 1881 г.).

[3] В 1893 г. В. А. Гиляровой-Платоновой исполнилось 73 года.

[4] *Вдовий дом* — учреждение для призрения (попечения) неимущих, увечных и престарелых вдов лиц, состоявших на государственной службе. В. А. Гилярова-Платонова имела право поселиться там как вдова преподавателя Московской духовной академии, затем цензора и, наконец, управляющего Синодальной типографией. Вдовий дом в Москве находился на Кудринской (ныне Баррикадная) улице, д. 2.

[5] Старший сын мыслителя Н. Н. Гиляров.

[6] Младший сын мыслителя А. Н. Гиляров.

[7] Племянник мыслителя Ф. А. Гиляров.

31
А. М. ГАЛЬПЕРСОН — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Москва, 1 декабря 1893 г.

Москва, 1 декабря 1893 г.

Глубокоуважаемый
Николай Владимирович!

Вам действительно придется[a] преодолевать тоску при чтении всего необходимого Вам материала. Я, не щадя Вашего времени и Ваших глаз, собрала все самые с виду ничтожные лоскутки бумаги, в которых упоминалась Синодальная типография. Мне казалось, что для Вас картина деятельности Н<икиты> П<етровича> будет становиться от этого ясней и ярче. Но для публики не может предназначаться этот материал. Едва ли десятая доля может увидеть свет. Оттого, кажется мне, и переписывать нет надобности всего, да и то, что должно быть переписано, Вы только отметьте и перешлите сюда: я или сама перепишу, или поручу кому либо.

Свою жестокость по отношению к Вашему зрению я довела до того, что послала и оригиналы и копии, но мне казалось, что в черновиках Вам будет трудно разобраться, а в копиях Вы не всегда могли бы узнать произведение пера Н<икиты> П<етровича>, так как переписывать он поручал другим.

Мне очень приятно было узнать, что Аксаков[1] Вам понравился. Хотя он в своем кружке считается человеком скучным, но мне редко с кем приходилось так приятно проводить время, как с ним.

Кстати, я надеюсь, Вы не откажетесь дать мне прочитать переписку Н<икиты> П<етровича> с Самариным, которую дал Вам Д. Ф. Самарин.[2]

Я ничего не слышала о записке по расколу ни от Н<икиты> П<етровича>, ни от Аксакова, хотя не раз говорила с Аксаковым о Н<иките> П<етровиче>. О переговорах Лорис-Меликова[3] тоже слышать не приходилось. Впрочем, я просмотрю «Совр<еменные> Изв<естия>» за 1880 г. и тогда скажу определенно.

[a] *Было*: приходится.

Вчера вечером я узнала, что Вера Алексеевна может быть принята во Вдовий дом братьев Ляпиных.[4] Там жизнь при наилучших условиях обходится в 9—10 р<ублей> в месяц. Но опять-таки Николай Никитич не может находиться там при Вере Алек<сеевне>, и я никак не могу себе представить, как он будет жить один, хотя с мая месяца, по словам Веры Алек<сеевны>, он ведет себя весьма прилично. Я написала Вере Алек<сеевне> с указанием, куда обратиться и на кого сослаться. Мне все кажется, что в последнюю минуту она отступит от этого своего намерения.

Сегодня, слава Богу, первый раз после болезни дети разошлись по своим учебным заведениям. Едва ли такие болезни, какими они страдали каждый в отдельности, могут зависеть от квартиры. Притом они и прошлую зиму в другой квартире то и дело угощали меня своими болезнями. Не знаю, чем закалить их против простуды. Вообще они меня немало заботят физической своей слабостью.

Искренне уважающая Вас
А. Гальперсон.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 108. Л. 12—13 об. Письмо на бланке с напечатанными словами: «С. И. Гальперсон. / Москва». Простым карандашом князь Шаховской пометил на верхнем поле: «Пол<учено> 3 дек<абря>».

[1] Н. П. Аксаков.

[2] В архиве князя Шаховского сохранилось 13 писем Гилярова к Ю. Самарину и ответных (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 474, 686).

[3] Граф Михаил Тариелович Лорис-Меликов (1825—1888) — генерал от кавалерии (1875); председатель Верховной распорядительной комиссии (1880), министр внутренних дел (1880—1881). Возможно, речь идет о созванном графом 16 сентября 1880 г. совещании редакторов крупных изданий, в котором принимал участие Гиляров. Власти призывали прессу поддержать их в борьбе с нигилизмом.

[4] Имеется в виду Дом вдовьих квартир братьев Ляпиных (Б. Серпуховка, д. 37), содержавшийся на собственный счет учредителей.

32
А. М. ГАЛЬПЕРСОН — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Москва, 7 декабря 1893 г.

Москва, 7 декабря 1893 г.

Глубокоуважаемый
Николай Владимирович!

Вероятно[a], Вам известно уже через Фед<ора> Алек<сандровича>, что Великий князь Сергей Александрович[1] присылал к Вере Алексеевне своего чиновника с пособием[b] и поручением передать Вере Алек<сеевне>, чтобы она обраща-

[a] *Было*: Может быть.

[b] *Далее зачеркнуто*: от.

лась в генерал-губернаторскую канцелярию во всех случаях, когда у ней <*так!*> будет какая-либо нужда или какое-либо дело.

Мне кажется, что теперь возникает вопрос: нельзя ли и нашего генерал-губернатора привлечь к предпринятому Вами прошению на Высочайшее имя? И потом, самой ли Вере Алек<сеевне> обратиться к Великому князю с просьбой о поддержке ее прошения или Вы укажете иные пути? Конечно, все зависит от Вашего усмотрения, так как Вам там виднее, какие пути вернее ведут к цели, и самый факт внимания Великого Князя я сообщаю для Вашего соображения.

О, Ф<едор> Алек<сандрович> и мне сказал, что *сперва* надо было испробовать другие средства, а потом можно было бы уже прибегнуть к гласному пути. Когда я ему ответила, что, на мой взгляд, гласность вообще и могла, и должна была быть исключена, он со мной согласился с таким видом, как будто эта мысль ни разу не приходила ему в голову.

Разве Вы впервые слышали теперь о доносе насчет шрифта?[2] Мне казалось, что мы говорили с Вами об этом. Я, помнится, слышала об этом от самого Никиты Петровича в связи с именами Бессонова и Пороховщикова, но от них ли исходил письменный донос или они были лишь посредниками этого доноса, и не ошибаюсь ли я в самом имени Пороховщикова (в Бессонове я не сомневаюсь), — я утверждать не решаюсь. Я думаю, и Фед<ор> Алек<сандрович>, и Вера Алек<сеевна> могли бы назвать доносчика по имени. Возможно, впрочем, что и старец Ваш успел уже проболтаться.

Очень рада, что Вы скоро будете в Москве.

Глубоко уважающая Вас
А. Гальперсон.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 108. Л. 14—15. Письмо на бланке с напечатанными словами: «С. И. Гальперсон. / Москва». Простым карандашом князь Шаховской пометил на верхнем поле: «Пол<учено> 9 д<екабря>».

[1] Великий князь Сергей Александрович (1857—1905) — пятый сын Александра II; московский генерал-губернатор (с 1891 г.).

[2] То есть о доносе, что типография «Современных Известий» осенью 1867 г. была якобы основана на шрифтах Синодальной типографии, которой Гиляров в тот период управлял.

33
А. М. ГАЛЬПЕРСОН — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Москва, 9 января 1894 г.

Москва, 9 января 1894 г.

Возвращаю Вам, глубокоуважаемый Николай Владимирович, всё мною у Вас взятое, кроме книги Победоносцева,[1] которой еще не раскрывала.

Я нахожусь под впечатлением только что прочитанного письма к епископу Вениамину. Что за глубина! И что за жалость, что оно не все сохранилось! Для

скольких колеблющихся и сомневающихся оно могло бы послужить путеводной звездой. Хотелось бы мне списать его, но у меня так мало времени, что до Вашего отъезда мне с ним не справиться, а я не знаю, можете ли Вы мне его оставить с тем, чтобы мне после переслать Вам его по почте. Да и не страшно ли доверять почте такое сокровище?

Я снова к Вам с просьбой. Не можете ли Вы опять на один день дать мне Сборник «В путь-дорогу».[2] Если нельзя на день, хоть на несколько часов, словом, на такой срок, какой Вы сами назначите: моя сестра[3] не могла присутствовать на общем нашем чтении, а мне очень хочется познакомить ее с рассказом гр. Толстого.

Книгу Победоносцева возвращу до Вашего отъезда.

Искренно уважающая Вас
А. Гальперсон.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 109. Л. 1—1 об. Простым карандашом князь Шаховской пометил на верхнем поле дату получения: «10 янв<аря>».

[1] Предположительно, речь идет о книге: <*Победоносцев К. П.*>. Праздники Господни. СПб.: Тип. А. Бенке, 1893. 110 с.

[2] «Путь-дорога»: Науч.-лит. сб. СПб.: Изд. К. М. Сибирякова, 1893. VIII, 590 с., 27 л. ил. Здесь опубликована незаконченная повесть Л. Толстого «Ходите в свете, пока есть свет», над которой писатель работал в 1887 г.

[3] В Москве тогда жили обе сестры Анны Гальперсон: врач-педиатр и переводчица Берта Михайловна Эпштейн (1858 — после 1912) и Юлия Михайловна Денисова (ур. Эпштейн), одно время служившие в редакции «Современных Известий».

34
А. М. ГАЛЬПЕРСОН — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Москва, 25 января 1894 г.

Москва, 25 января 1894 г.

Тотчас по получении Вашего письма, глубокоуважаемый Николай Владимирович, я снова просмотрела переписанные статьи Никиты Петровича и снова убедилась, что они выписаны из «Современных Известий» за 1870 и 1872 гг. Больше нигде ничего переписанного нет: несомненно, затеряно или, может быть, и совсем переписано не было. Я знаю, что много раз Н<икита> П<етрович> поручал то одному, то другому списать ему то или другое, но все это оттягивалось, оттягивалось и потом совсем не исполнялось.

Слава Богу, что хоть у Аксакова сохранились целиком письма Н<икиты> П<етровича>. По ответам Аксакова видно было, как интересны были письма Н<икиты> П<етровича>. Буду с нетерпением ждать Вашего приезда, чтобы иметь возможность прочитать их.

Могу себе представить Ваше впечатление по получении письма Бессонова.[1] Этот человек — интересная психологическая загадка, но иметь дело с такой

психологической загадкой, когда притом преследуешь определенную цель, довольно-таки тягостно. Мне кажется, Ваша догадка справедлива: по сохранившимся письмам Бессонова можно судить, что переписка юных друзей состояла вся из бесконечного копания в душе своей и друг друга,[2] вроде того, о каком говорит Толстой в «Детстве» и «Отрочестве»: «О чем я думаю? — Я думаю, о чем я думаю. — А теперь о чем думаю? — Я думаю, что думаю, о чем думаю» и т. д.[3]

Пересмотрела я в библиотеке все произведения Сковронской, и ничего автобиографического в них не оказалось и никаких намеков на Н<икиту> П<етровича>. Некоторые вещи довольно длинные, но всё носит на себе следы институтского творчества.

Нас опять посетила инфлуэнца: сейчас лежит в жару мой старший сын Володя. Женя тоже хворала два дня, и другая дочь столько же времени. Это было между прочим причиной того, что я замедлила ответом на Ваше письмо.

Муж мой и дети благодарят Вас за пожелания и шлют Вам сердечный привет.

Искренно уважающая Вас
А. Гальперсон.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 109. Л. 2—3 об. Красным карандашом князь Шаховской пометил на верхнем поле: «пол<учено> 27 янв<аря>».

[1] Речь идет о письме П. А. Бессонова к князю Шаховскому из Харькова от 29 августа 1893 г. (Наст. изд. С. 719—722), которое последний счел оскорбительным.

[2] В бумагах Гилярова сохранились 4 письма к нему от 15-летнего Петра Бессонова за май—август 1842 г. Они наполнены душевными излияниями такого рода: «После того, что уже было между нами, после всех уверений в дружбе, после всех разговоров и писем, кажется, пора бы уже перестать сомневаться в истинности моей дружбы к тебе; да, пора бы» (письмо от 13 мая 1842 г.; РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 589. Л. 1).

[3] Имеется в виду окончание главы XIX повести Л. Н. Толстого «Отрочество» (1854): «Спрашивая себя: о чем я думаю? — я отвечал: я думаю, о чем я думаю. А теперь о чем я думаю? Я думаю, что я думаю, о чем я думаю, и так далее».

35
А. М. ГАЛЬПЕРСОН — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Москва, 29 января 1894 г.

Москва, 29 января 1894 г.

Моя память, глубокоуважаемый Николай Владимирович, опять сыграла со мною досадную шутку. Я нашла у себя несколько интересных документов, которые и раньше не раз попадались мне на глаза и содержание которых я отлично знала, но ни разу при Вас о них не вспомнила.

Все они относятся к периоду цензорства Никиты Петровича и все удивительно ясно рисуют отношение его к своим обязанностям.

В докладной записке Цензурному комитету от 9 марта 1859 г. он дает объяснение о своем отношении к статьям по крестьянскому вопросу.[1] В другой запис-

ке представляет свое мнение о возможности разрешить полное собрание сочинений Грибоедова (1857 г.).[2] В третьей объясняет, почему не был им подвергнут запрещению разосланный при газете «Акционер» отдельный листок.[3] И в четвертой, наконец, говорит о разрешенной им программе газеты «Парус».[4]

При этом находится еще замечательное письмо к какому-то автору, которого он цензировал. Письмо это было ответом на письменное же обвинение автором цензора в том, что цензор находится на ложном пути и, последовательно идя, может развиться до инквизитора. В ответе Н<икита> П<етрович> излагает свой взгляд на обязанности цензора, на свободу мнения и на отношение автора к своим героям.

Если все это Вам неизвестно, то, как Вы скажете, переслать это Вам или подождать Вашего приезда сюда? Если переслать, то не копию ли? чтобы не доверять оригиналов почте?

В какой стадии находятся теперь Ваши занятия? Получили Вы ответ от Аксаковой о записке Филарету?[5]

Я нашла у себя и печатную записку о народных школах и сперва приписала ее Н<иките> П<етрови>чу, но, прочитав, увидала, что составлена она на основании первоначальной записки Н<икиты> П<етрови>ча без прямого указания на него, и вспомнила, что Н<икита> П<етрович> даже сетовал на это чуть ли не в письме к Вам.[6]

Как Вы чувствуете себя при новом начальнике? Не увеличены Ваши занятия по министерству?

Желаю Вам здоровья!

Искренно уважающая Вас
А. Гальперсон

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 109. Л. 4—5 об. Красным карандашом князь Шаховской пометил на верхнем поле дату получения: «31 янв<аря>».

Опубл., очевидно, по другому списку: Докладная записка Н. П. Гилярова-Платонова <в Московский цензурный комитет от 9 марта 1859 г., по поводу «Московских Ведомостей»> / Публ. Н. А. Любимова // *РВ*. 1888. Т. 195, март. С. 422—426. Очевидно, Гальперсон считала, что находившаяся у нее на руках записка не напечатана.

[2] Опубл.: Доклад Гилярова Московскому цензурному комитету о разрешении к печати «Полного собрания сочинений Грибоедова» <от 8 февраля 1857 г.> // *РО*. 1896. Т. 42, нояб. С. 454—456.

[3] См.: *Гиляров-Платонов Н. П.* Объяснение в Московский цензурный комитет об основаниях, по которым не был запрещен листок «Особое приложение к “Акционеру”» от 13 сентября 1860 г. // РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 224. 2 л.

[4] 26 ноября 1858 г. Гилярову было объявлено строгое замечание за пропуск в печать объявления об издании газеты И. С. Аксакова «Парус», в котором содержались сведения, отсутствовавшие в официально утвержденной программе этого издания.

[5] Предположительно, речь идет о произведении Гилярова, к этому времени опубликованном (о чем Гальперсон и князь Шаховской еще не знали): Записка Гилярова-Платонова о надписи на антиминсах (23 октября 1863 г.) // Алфавитный указатель к Со-

бранию мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам и к переписке его с разными учреждениями и лицами духовными и светскими. СПб., 1891. Ч. II. С. 58—65.

[6] Гальперсон ошибается. Она имела в виду письмо Гилярова к И. Ф. Романову-Рцы от 16 ноября 1886 г., где говорилось: «А знаете ли Вы, что идея церковноприходских школ принадлежит мне; что об этом было мною подана записка (очень сильная) покойной императрице в 1863 году, потом напечатанная в "Творениях Св. Отцев", перепечатанная затем немедленно в "Современной Летописи" и воспроизведенная недавно, в Синодском ли издании или издании Рачинского? Об авторе нигде, разумеется, не упомянуто <...>» (*Письма к Рцы*. С. 295). См. также коммент. 5 на с. 582.

36
А. М. ГАЛЬПЕРСОН — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Москва, 14 февраля 1894 г.

Москва, 14 февраля 1894 г.

Глубокоуважаемый Николай Владимирович!

Своим последним письмом Вы очень меня обрадовали: и работа Ваша подвинулась, и дело Веры Алексеевны подвигается. С большим, большим нетерпением буду ждать времени, когда Вы ознакомите меня с началом Вашего труда.

Теперь не время отрывать Вашу мысль от той поры деятельности Никиты Петровича, которую Вы намереваетесь разработать, но не могу удержаться, чтобы не коснуться его журнальной деятельности, так как у меня она постоянно теперь пред глазами. Чем дальше подвигаюсь я в чтении «Совр<еменных> Изв<естий>», тем удивительнее мне становится, что на Н<икиту> П<етровича> смотрели и смотрят как на журналиста, неспособного практически разработать поднятый вопрос. Но отчего же всё, что он предсказывал[a], всё, что советовал, впоследствии осуществилось само собой? Так во внешней политике, так во внутренней, так в вопросах городского благоустройства и т. п. Отчего же он в таком случае как журналист должен уступать место другим?

В письме к Романову, кажется, Н<икита> П<етрович> говорит, что впоследствии, перечитывая его статьи, какой-нибудь читатель подивится, что «это не утратило значения и для нашего времени».[1] У меня все время такое чувство, когда я читаю его статьи в «Совр<еменных> Изв<естиях>». Меня очень интересует Ваше мнение на этот счет.

Веру Алексеевну мне совсем не приходится видеть. Я утешаю себя тем, что Вы, конечно, не оставляете ее уведомлениями о ее деле. Ее отделяет от меня такая даль, что целый день нужно потерять для визита к ней, а я и так со своим временем справиться не могу.

Желаю Вам здоровья.

Искренно уважающая Вас
А. Гальперсон.

[a] *Это слово вписано над зачеркнутым*: говорил.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 109. Л. 6—7. Синим карандашом князь Шаховской пометил на верхнем поле: «полу<чено> 16 ф<евраля>».

[1] См. в письме Гилярова к Романову-Рцы от 3 ноября 1886 г.: «Лет через двадцать-тридцать кропотливый историк нашей печати, нет сомнения, откроет и мои писания, отдаст справедливость моему “стилю”, оригинальным мыслям, подивится, может быть, что “эти строки и для нашего времени не утратили свежести” и т. п. Вот крайнее, на что я могу рассчитывать <...>» (*Письма к Рцы*. С. 256).

37
А. М. ГАЛЬПЕРСОН — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Москва, 23 февраля 1894 г.

Москва, 23 февраля 1894 г.

Простите, глубокоуважаемый Николай Владимирович, что не сразу исполнила Вашу просьбу о присылке докладной записки Н<икиты> П<етровича> относительно издания Грибоедова Лонгиновым и Бартеневым.[1] И теперь едва урываю минутку, чтобы написать несколько строк.

На этих днях надеюсь собраться написать Вам в ответ на Ваше письмо и вместе с тем позволю себе обратиться к Вам с просьбой, которую сейчас изложить не успею, так как очень спешу.

Если Вам будет нетрудно, уведомьте меня, пожалуйста, хоть строчкой о получении записки, с которой у меня не остается и копии.

Уважающая Вас
А. Гальп<ерсон>.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 109. Л. 8. Простым карандашом князь Шаховской пометил на верхнем поле дату получения: «14 м<арта>. Ре<вель>».

[1] О публ. этой записки см. коммент. 2 на с. 624. Гиляров добивался, чтобы увидел свет не искаженный цензорскими вмешательствами текст «Горя от ума». Князь П. А. Вяземский все же позволил тогда опубликовать комедию только в том виде, в каком она в тот период представлялась на сцене Императорских театров.

38
А. М. ГАЛЬПЕРСОН — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Москва, 14 марта 1894 г.

Москва, 14 марта 1894 г.

Пишу наугад, глубокоуважаемый Николай Владимирович, не уверенная, что письмо мое застанет Вас уже в Петербурге. В своем письме из Ревеля Вы не указали, сколько времени намерены оставаться там. Отчасти по этой причине, отчасти по болезни я промедлила с ответом на Ваши последние два письма.

Я читаю в настоящее время апрель 1871 г. и до сих пор не встречала статей о славянофилах. Ждать Вам меня придется, пожалуй, очень долго. Поэтому не остановиться ли мне пока в составлении конспекта статей и не пробежать ли год за годом одни только передовые, не отвлекаясь в сторону. Я так и решила сделать, но подожду Вашего ответа: может быть, кроме отношения к славянофилам, Вам понадобятся в Вашем труде указания и на другие какие-либо статьи, так я уже заодно буду и те отбирать.

Придуманное Вами заглавие бесспорно хорошее, но мне кажется, что по мере разработки своего труда Вы еще не раз измените название и самое[a] последнее будет всего более соответствовать внутреннему содержанию. В этом деле Вы можете быть единственным судьей, потому что для Вас яснее пока, нежели для кого-либо другого, что намерены Вы сказать своим трудом.

Мое указание на значение журнальной деятельности Н<икиты> П<етровича> Вы приняли за возражение на Вашу статью в «Р<усском> Ар<хиве>».[1] Напрасно! С Вашей статьей я была согласна от слова до слова, да там того и не было, против чего я возразила и о чем Вы мне как-то писали со слов Победоносцева, кажется, или кого-то другого. В Вашей статье Вы Никиту Петровича ставите выше роли журналиста, то есть считаете эту роль для него слишком узкою, а в том отзыве, который был Вами передан и который стоит не одиноко, Н<икита> П<етрович> выставлен как человек, не умевший находиться в вопросах практических. Между тем, переходя от предмета к предмету, говоря то о городских делах, то об общественных, государственных, политических, церковных, то[b] о законах языка, то о мостовых, то о роли России в мировых вопросах, то об освещении улиц, Н<икита> П<етрович> при всей глубине захвата всегда умеет и практически ответить на поставленный вопрос, а будущее, то есть наше настоящее, доказывает, что он не ошибался в своих указаниях.

Вчера я была у Веры Алексеевны и вынесла очень тяжелое впечатление. Силы ее заметно падают, и она мне созналась, что к физическим страданиям примешивается забота о будущем. Положим, будущее ее, несомненно, очень и очень ограниченно, но если Вам нетрудно, черкните ей несколько строк, в которых выскажите твердую уверенность в успехе Вашего ходатайства. Пускай дело окончится и неудачей, но уверенность в завтрашнем дне скрасит последние дни бедной женщины. Положение ее ухудшается еще и поведением Николая Никитича, который опять сильно запил и ведет себя безобразно.

Еще у меня есть к Вам просьба, уже личная. В этом году и даже в настоящую минуту в Вашем министерстве косвенным образом решается моя судьба, то есть решается вопрос: быть или не быть Северному Телеграфному Агентству.[2] В июне месяце кончается контракт Агентства с правительством, и учредители несколько месяцев[c] назад подали прошение о возобновлении контракта. Просьба моя

---

[a] *Это слово вписано над строкой.*

[b] *Это слово вписано над зачеркнутым*: иногда.

[c] *Далее зачеркнуто*: подряд.

состоит в том, чтобы Вы не отказались сообщить мне о результате ходатайства, если до Вас дойдет о том весть, потому что в случае отказа со стороны правительства мне придется подумать о себе заблаговременно.

При оценке отношений Н<икиты> П<етровича> к старшим славянофилам не пригодятся ли Вам статьи о положении России среди других славян, о значении России в ходе мирового прогресса и вообще такие статьи, которые косвенным образом указывают на сходство и различие взглядов Н<икиты> П<етровича> со взглядами славянофилов? Или этим слишком расширится Ваша задача? Может быть, Вы этому вопросу и не думаете отвести так много места? Жду Ваших указаний.

Искренно уважающая Вас
А. Гальп<ерсон>.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 109. Л. 9—12. Простым карандашом князь Шаховской пометил на верхнем поле: «Пол<учено> 18 м<арта>. Рев<ель>».

[1] Речь идет о статье князя Шаховского «Из приготовительных работ по биографии Гилярова» (вых. дан. см. в коммент. 1 на с. 599).

[2] Гальперсон заняла место переводчицы в 1883 г. в Северном телеграфном агентстве, основанном тогда (в 1882 г.) взамен Международного агентства. В 1896 г. переселившись в Петербург, она продолжала служить в агентстве, переименованном в 1894 г. в Российское.

39
А. М. ГАЛЬПЕРСОН — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Москва, 14 марта 1894 г.

Москва, 28 марта 1894 г.

Из Вашего последнего письма, глубокоуважаемый Николай Владимирович, я вижу, что одно письмо мое до Вас не дошло. Это было бы неважно, если бы я не просила Вас в том письме написать несколько успокоительных слов Вере Алексеевне,[1] которая чувствует себя физически очень плохо и страдает при этом нравственно от неуверенности в завтрашнем дне. Я просила Вас поэтому написать ей уверенно[a], что прошение ее на Высочайшее имя увенчается успехом. Мне кажется, что, если бы и последовал решительный отказ, от нее и можно и должно будет скрыть это; только придется тогда подумать о других средствах обеспечить ее несомненно сочтенные дни.

В том же письме на вопрос Ваш, не встречались ли мне статьи Никиты Петровича о славянофилах, я, ответив отрицательно, предложила бегло пробежать все года «Совр<еменных> Изв<естий>», останавливаясь лишь на нужных статьях, которые с первого взгляда бросятся мне в глаза. Не приступила же я пока

[a] *Было*: с уверенностью.

к этому беглому просмотру потому, что ждала от Вас ответа, не нужно ли Вам, кстати, указаний и на другие какие-либо статьи. Ждать же Вам от меня указаний при настоящем способе моего ознакомления со статьями Никиты Петровича пришлось бы очень долго, так как я, к стыду моему, подвигаюсь очень медленно. Впрочем, это только отчасти служит мне к стыду, потому что самое чтение невольно идет медленно: приходится отвлекаться в сторону, искать несомненных[a] признаков принадлежности статьи перу Н<икиты> П<етровича>, задумываться над самым конспектом их, в который должно войти все затронутое в статье, а это не всегда легко, — словом, вести дело так, чтобы после меня не пришлось снова приниматься кому-нибудь за этот же труд.

Итак, жду от Вас ответа на мое предложение о беглом просмотре. Потерей времени для меня это не будет; напротив, поможет легче и быстрее отличать статьи Н<икиты> П<етровича> от чужих.

Никогда еще я так не сочувствовала Вам в Ваших нервных страданиях, как сейчас. У меня возобновилась моя ужасная, невыносимая невралгия. Помимо жестокой боли, она действует раздражающе на всю мою нервную систему, и то нервное напряжение, в котором я себя всегда поддерживаю и которое одно дает мне силу работать, становится мне в это время почти не под силу.

Дай Вам Бог в водолечении найти средство для своего возрождения. Пробовали ли Вы общий массаж? Это ведь то же самое, но без мучительного привыкания к воде.

Искренно уважающая Вас
А. Гальп<ерсон>.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 109. Л. 13—14 об. Простым карандашом князь Шаховской пометил на верхнем поле сведения о получении письма: «20 м<арта> СПб.».

[1] Имеется в виду п. 38.

40
А. М. ГАЛЬПЕРСОН — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Москва, 22 апреля 1894 г.

Москва, 22 апреля 1894 г.

Вчера, глубокоуважаемый Николай Владимирович, я была у Веры Алексеевны. Вчера же она получила уведомление из Петербурга о назначении ей пенсии в 500 р. и поручила мне передать Вам ее глубокую благодарность за Ваши хлопоты о ней.

Как теперь здоровье Ваше? Надеюсь, кашель оставил Вас.

У меня был серьезно болен старший сын, и я не успела до сих пор прочитать доверенные Вами мне письма. Только сегодня я примусь за них. Письмо же Ни-

[a] *Это слово вписано над строкой.*

к<иты> Пет<ровича> к графу Блудову я в значительной степени разобрала, по крайней мере общий смысл его теперь ясен.

После свидания с Вами я все допытывалась, не было ли где-либо и кем-либо изложено учение славянофилов. По-видимому, не было, потому что никто не знает. Не думаете Вы, чтобы мог это на словах сделать Шарапов, который все-таки многое слышал от Ив<ана> Сер<геевича> Аксакова? Он как-то давно уверял, что отличие Ник<иты> Пет<ровича> от старых славянофилов ему ясно.

Желаю Вам здоровья.

Искренно уважающая Вас
А. Гальп<ерсон>.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 109. Л. 15—15 об. Простым карандашом князь Шаховской пометил на верхнем поле дату получения: «23 апр<еля>».

41
А. М. ГАЛЬПЕРСОН — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Москва, 29 апреля 1894 г.

Москва, 29 апреля 1894 г.

Глубокоуважаемый Николай Владимирович! Лето наступает, Вы, может быть, куда-нибудь уедете, а я и не знаю, удался ли Вам план с Сытиным,[1] и если удался, то какая часть труда выпадет на мою долю. Я летом свободнее, чем зимой, и могла бы усердно заняться.

На днях я была у Веры Алексеевны. Она мне рассказала, что ее ежемесячный доход равняется теперь 65 р. и что вдвоем с Николаем Никитичем они[a] с трудом перебиваются. Ей кто-то из родственников сказал, что она имеет право на пенсию из тех 50 000 р., которые Государем назначены для пенсий литераторам.[2] Я не знаю условий, при которых эти пенсии выдаются, и не могла дать ей никакого ответа. Будьте добры, если только правила назначения пенсий Вам известны, сообщите, пожалуйста, мне, есть ли шансы для Веры Алексеевны, не послужит ли препятствием получаемая ею[b] пенсия, и я тогда, если условия благоприятны, составлю для нее прошение.

Как Ваше здоровье? Что Ваши ноги?

Искренно Вас уважающая
А. Гальп<ерсон>.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 109. Л. 16—16 об.

[1] Иван Дмитриевич Сытин (1851—1934) — предприниматель, книгоиздатель.

[2] Вскоре была образована Постоянная комиссия при Академии наук для пособия нуждающимся ученым, литераторам и публицистам — во исполнение Высочайшего ука-

[a] *Это слово вписано над строкой.*

[b] *Слова*: получаемая ею — *вписаны над зачеркнутым*: существующая.

за 13 января 1895 г., которым повелено отпускать ежегодно из государственного казначейства по 50 000 руб.

42
А. М. ГАЛЬПЕРСОН — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Москва, 14 июня 1894 г.

Москва, 14 июня 1894 г.

Благодарю Вас, глубокоуважаемый Николай Владимирович, за весточку о себе. Я не знала даже, где Вы находитесь в настоящее время и выехали ли Вы уже из Москвы.

Я, к сожалению, все еще в Москве, и дети со мною. Письмо Ваше застало меня в момент величайшей нерешительности: с одной стороны, настоятельнейшая необходимость поправить здоровье и детей, и свое, с другой — почти непреодолимые препятствия, требующие для своего устранения и административных способностей, и решимости больше, нежели имеется у меня в наличности. На этих днях вопрос почти был решен: я собиралась с детьми на месяц в имение сестры Шарапова,[1] а здесь, на своем месте в Агентстве, оставляла сестру.[2] Время выбрала почти мертвое в политическом отношении, так что Агентство не могло быть на меня в претензии и сестру я бы не очень обременила. Но вдруг это ужасное событие: убийство Карно![3] Ужасно[a] оно не только в том смысле, что задерживает мой отъезд, а и само по себе: меня оно так ошеломило, что я и посейчас не могу придти в себя. Какое страшное доказательство несостоятельности[b] нынешнего порядка во Франции! Если бы у монархистов были настоящие люди: теперь самое подходящее время для претендентов.

Великие события отражаются и на маленьких людях. Пока во Франции все уляжется, мы остаемся в Москве. А я уже собиралась сообщить Вам свой новый адресс с просьбой, если Вам вздумается, написать мне туда.

Ваша новая работа, действительно громадная, вероятно, несколько затормозилась приездом в Ревель Великого Князя. Он, кажется, впрочем, уже уехал.

Лично для себя, то есть для своего здоровья, Вы ничего не предпринимаете на лето? А как здоровье Вашей матушки?[4] Племянница Ваша ничего не могла сообщить об этом моей Жене.

Романов поразителен. Не махнуть ли действительно на него рукой. Лично он ничего не прибавит к имеющимся у Вас материалам, а широко пользоваться письмами к нему Никиты Петровича он давно уже разрешил. И Бог с ним самим!

Остановка Ваша в составлении биографии не есть в сущности остановка. К Вам так быстро притекал материал, что весь его[c] запомнить и разложить в мозгу своем по клеточкам по мере поступления, мне по крайней мере кажется,

---

[a] *Было*: Ужасное.

[b] *Это слово вписано над строкой.*

[c] *Это местоимение вписано над строкой.*

совершенно невозможным. Может быть, это моя личная особенность, но я даже письма не могу написать под первым непосредственным впечатлением.

Я все-таки надеюсь уехать из Москвы не позже как через неделю, и потому на всякий случай сообщаю Вам свой адресс: Московско-Брестская дорога, ст. Мещерск, для передачи в с<ель>цо Сосновку, Наталье Федоровне Шараповой для меня.

Все мои кланяются Вам и желают всего хорошего.

Искренно уважающая Вас А. Гальперсон.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 109. Л. 17—18. Красным карандашом князь Шаховской пометил на верхнем поле сведения о получении: «Ревель, 18 ию<ня>».

[1] Наталья Федоровна Шарапова.

[2] Видимо, речь идет о Б. М. Эпштейн.

[3] Популярному во Франции президенту Сади Карно 24 июня 1894 г. после произнесения приветственной речи на выставке в Лионе было нанесено смертельное ножевое ранение итальянским анархистом Санте Казерио. Ночью 56-летний президент скончался.

[4] Княгиня Александра Павловна Шаховская (ур. Ефремова; 1823—1903).

43
А. М. ГАЛЬПЕРСОН — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Москва, 20 июля 1895 г.

Москва, 20 июля 1895 г.

Ужасно мне досадно, глубокоуважаемый Николай Владимирович, что оба раза Вы меня не застали. Я было хотела сама поехать к Вам, но вспомнила, что мне даже неизвестно, в Москве Вы или на даче. Поэтому будьте добры, сообщите мне, когда Вас можно видеть, или когда Вы могли бы ко мне заехать. Я теперь всегда дома от трех до позднего вечера, а в праздничные дни хожу на службу от 5 до 7 ч., так что до и после этого времени я свободна, но чтобы Вам снова даром не проехаться, будьте любезны, сообщите лучше заранее, о дне и часе, когда удобно нам повидаться.

Искренно Вас уважающая
А. Гальперсон.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 110. Л. 1—1 об.

44
А. М. ГАЛЬПЕРСОН — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Москва, 26 февраля 1896 г.

Глубокоуважаемый Николай Владимирович!

У меня к Вам просьба, исполнить которую Вы, надеюсь, не откажетесь. В интересах нашего попечительства (Сретенского)[1] прилагаемая заметка нуждается в возможно большем распространении. В «Московские Ведомости» у меня нет

никаких путей, и я прошу Вас от своего имени послать прилагаемую заметку в редакцию этой газеты с предписанием поместить ее целиком.[2] В других газетах[a] заметка эта тоже появится. Лекция, о которой в ней говорится, действительно будет интересна, особенно для попечительств, и я Вам рекомендую посетить ее, а если Вы будете еще так внимательны к чужому попечительству, что и другим порекомендуете то же самое, то благодарности нашей не будет конца.

Очень, очень Вам благодарна за оттиски. Вопрос о движении рабочих на юг[3] имеет для меня специальное значение, так как я родом из Херсона и с детства очень много и постоянно об этом слышала.

Вы помните, что я хотела спросить мнение о филологическом труде Никиты Петровича у одного молодого филолога. Я только вчера получила от него ответ. Он просит прислать существенные главы (не предисловие), а я не знаю, как смотреть на те главы, которые Вы давали Стороженке.[4] По-моему, в них много существенных положений, но они все-таки представляют собою предисловие. Что Вы скажете? На всякий случай, если можно, перешлите мне, пожалуйста, эти главы и сообщите свое мнение.

На исполнение просьбы очень надеюсь и остаюсь искренно

Вас уважающая А. Гальперсон.

26 февраля
1896 г.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 110. Л. 2—3.

[1] Речь идет о Городском попечительстве о бедных Сретенской части. Анна Гальперсон была деятельнейшим его членом.

[2] В «Московских Ведомостях» эта заметка не обнаружена. Ближайшая по времени публикация: Сретенское городское попечительство // *МВед.* 1896. 11 марта. № 70. С. 2. (Московская жизнь), — здесь кратко рассказывается об итогах общего годичного собрания членов попечительства.

[3] Вероятно, речь идет об издании: <*Шаховской Н. В., кн.*>. Отхожие сельскохозяйственные промыслы. <СПб.: Тип. «Правильств. Вестника», 1895>. <2>, VI, 157 с.

[4] Николай Ильич Стороженко (1836—1906) — литературовед; профессор Московского университета (с 1872 г.), председатель Общества любителей российской словесности (1894—1901).

45
А. М. ГАЛЬПЕРСОН — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
С.-Петербург, 29 ноября 1896 г.

СПб., 29 ноября 1896 г.

Глубокоуважаемый Николай Владимирович!

Совершенно случайно попалась мне на глаза последняя книжка «Рус<ского> Обозрения». Простите, что обращаюсь к Вам с недоумением, которое возбудило во мне то, что сдано Вами в эту книжку.[1]

[a] *Далее зачеркнуто*: она.

Какую цель можно достигнуть обнародованием «Материалов для биографии» в том сыром виде, как они появились теперь? До изъявления Вами желания писать биографию Никиты Петровича я тоже напечатала два-три письма в «Рус<ском> Архиве»,[2] но у меня была именно та цель, чтобы эти материалы напомнили знавшим Гилярова-Платонова, что биография еще не написана и что для нее имеется богатый материал, достойный обработки. Когда Вы заявили о своем намерении заняться этой биографией, я прекратила одиночное печатание материалов и передала Вам их в копиях, в ожидании, что они все войдут в Ваш труд.

Если Вами руководило то соображение, что, пока биография будет написана, имя Никиты Петровича от времени до времени должно напоминать о себе в печати, то неужели Вы находите, что «Русское Обозрение» достаточно распространенный для этого журнал? Если бы я знала, что Вы не думаете воспользоваться исключительно для биографии всем принадлежащим мне материалом, я бы давно стала частями сдавать его в журналы, имеющие больший круг читателей или, по крайней мере, в журналы исторические.

Вот мысли, которые возбудила во мне последняя книжка «Рус<ского> Обозрения». Надеюсь, глубокоуважаемый Николай Владимирович, Вы не посетуете на меня за то, что я Вам их высказала, и не откажетесь рассеять мое недоумение.

Искренно уважающая
Вас А. Гальперсон.

В. О. 2-ая линия, д. № 3, кв. № 10.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 110. Л. 4—5 об.

[1] Речь идет о публ.: Материалы для биографии Н. П. Гилярова-Платонова: I. Доклад Гилярова Московскому цензурному комитету о разрешении к печати «Полного собрания сочинений Грибоедова» <от 8 февраля 1857 г.>; II. Докладная записка — попечителю Московского учебного округа по поводу предложения занять в Московском университете кафедру философии; III. Письмо к Штекеру о социальном значении еврейства <1880>; IV. Два письма к А. Д. Желтухину (об издании газет и служении сословию, о положении сословий накануне крестьянской реформы, о лубочных картинах) <1859> / Сообщ. князь Н. В. Шаховской // *РО.* 1896. Т. 42, нояб. С. 454—470.

[2] Из бумаг Н. П. Гилярова-Платонова / <Публ. А. М. Гальперсон> // *РА.* 1889. Кн. III, вып. 10. С. 263—269; Вып. 11. С. 421—432; 1890. Кн. I, вып. 2. С. 316—324. Гальперсон опубликовала письма Гилярова к графине А. Д. Блудовой, К. Н. Леонтьеву, И. Ф. Романову-Рцы, князю Н. В. Шаховскому, С. А. Юрьеву, а также письма к нему И. С. Аксакова, князя П. А. Вяземского и др. материалы.

46
КНЯЗЬ Н. В. ШАХОВСКОЙ — А. М. ГАЛЬПЕРСОН
С.-Петербург, конец ноября 1896 г.

Это, думалось мне, та лепта, которую мы с Вами принес<ли> оба.

Впрочем, если Вы полагаете, что таким образом расточаю Вашу долю материала, то я впредь воздержусь для печатания той части материа<ла>, которая мною получена от Вас.

Печатается впервые по автографу, представляющему собой черновой набросок письма: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 110. Л. 5 об.

47
А. М. ГАЛЬПЕРСОН — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
С.-Петербург, 14 декабря 1896 г.

Спб. 14 дек<абря> 1896 г.
В. О. 2-ая линия, д. № 3, кв. № 10.

Многоуважаемый
Николай Владимирович!

Я очень рада, что Вера Алексеевна получит облегчение своего материального положения благодаря напечатанным Вами письмам Никиты Петровича, и не стану возражать против передачи ей гонорара. Я бы и сама напечатала кое-что для Веры Алексеевны, если бы знала, что нужда ее еще продолжается, но с Ваших слов в бытность Вашу в Петербурге я вывела заключение, что Вера Алексеевна впредь будет получать 90 р. в месяц. Вы сами находили, что для нее это достаточно.

Я знаю, что у Вас имеются письма Никиты Петровича, переданные Вам кроме меня и другими лицами как материал для биографии, которую Вы собирались писать. Вероятно, они дали согласие на печатание этих писем в сыром виде. Я так поняла Ваши слова, касающиеся печатаемых Вами в 12-й книжке «Рус<ского> Обоз<рения>» документов.[1] Но тот материал, который добыт Вами от меня, я бы покорнейше просила не печатать. С теми письмами и рукописями Никиты Петровича, которые хранятся у меня, я нашла <бы> способ распорядиться, на мой взгляд, целесообразнее в интересах имени Гилярова.

Уважающая Вас
А. Гальперсон.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 110. Л. 6—7.

[1] Речь идет о публ.: Материалы для биографии Н. П. Гилярова-Платонова: I. Письмо Гилярова к М. П. Погодину об открытии при Московской Духовной Академии миссионерского отделения <от 21 июля 1854 г.>; II. Письмо Гилярова к А. В. Горскому об обер-прокуроре Св. Синода А. П. Толстом как представителе «Оптинского» православия <от 4 октября 1856 г.>; III. Письма к И. С. Аксакову <от 28 января 1860 г., 7 февраля 1874 г., 15 января 1876 г., 22 августа 1880 г.>; IV. Письмо к неизвестному лицу (от 28 июля 1876 года) о возбуждении умов в России в 1876 году, о стихийной борьбе принципов, о двух типах народов: народах-хищниках и народах-рабочих; V. Письмо к Н. А. Алексееву по поводу вопроса о подаче Московскою Городскою Думой адреса по случаю поку-

шения на жизнь генерала Мезенцева; VI. Письмо к М. О. Кояловичу <от 18 декабря 1863 г.>; VII. Письмо к графу Льву Николаевичу Толстому / Сообщ. кн. Н. В. Шаховской // *РО*. 1896. Т. 42, дек. С. 988—1014.

48
А. М. ГАЛЬПЕРСОН — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
С.-Петербург, 14 марта 1899 г.

Многоуважаемый князь
Николай Владимирович!

Благодарю Вас за присылку Вашего превосходного предисловия к Сборнику сочинений Никиты Петровича.[1] Вы прекрасно поняли, что о Никите Петровиче нужно говорить его собственными словами. Вы с таким уменьем воспользовались оставленным им материалом, что он выступает в этом изображении как живой. Еще раз благодарю Вас за наслаждение, которое Вы мне доставили своей статьей.

Кстати, позвольте мне, многоуважаемый Николай Владимирович, обратиться к Вам с просьбой. Я не нахожу среди своих бумаг оттиска «Экскурсий в русскую грамматику»[2] с надписью Н<икиты> П<етрови>ча. Просьба моя к Вам состоит в том, чтобы Вы поискали у себя: не остался ли он у Вас, если, впрочем, он у Вас был: я не могу с уверенностью сказать, давала ли я Вам его.

Уважающая Вас
А. Гальперсон.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 110. Л. 8—8 об.

[1] *Шаховской Н. В., кн.* Никита Петрович Гиляров-Платонов // *Сб. соч.* Т. I. С. III—LX; отд. отт. с подзагол.: Предисловие к первому тому Сборника его сочинений, издания К. П. Победоносцева. М.: Синод. тип., 1899. LX с.

[2] *Г—в Н. <Гиляров-Платонов Н. П.>*. Экскурсии в русскую грамматику // Радуга. 1883. № 7. 22 февр. С. 142—144; № 22. 5 июня. С. 498, 500, 502; № 25. 26 июня. С. 564, 567—568; № 28. 17 июля. С. 636—638; отд. отт.: <М., 1883>. 26 с.

49
А. М. ГАЛЬПЕРСОН — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
С.-Петербург, 18 марта 1899 г.

Многоуважаемый князь
Николай Владимирович!

Не могу Вам сказать, как меня обрадовало, что мой экземпляр «Экскурсий» оказался у Вас. Пожалуйста, не посылайте его в типографию. У меня другого экземпляра нет, но, если Вы мне пришлете мой, я дам списать с него копию, которую и передам Вам. Или, если Вам удобнее, дайте Вы сами списать с него копию: я с удовольствием покрою расходы по списыванию. Я сочла бы с своей стороны

оскорблением памяти Никиты Петровича, если бы дала уничтожить оттиск с его надписью.

Если для Сборника понадобится письмо к митрополиту Михаилу,[1] я не замедлю его дать.

Мне кажется Ваша мысль прибавить и некоторые некрологи из «Совр<еменных> Изв<естий>»[2] очень счастливою.

Я, впрочем, не знаю состава ни первого, ни второго Тома. Не знаю также, вышел ли первый том, хотя думаю, что не выходил, потому что иначе в газетах появились бы публикации об этом, не говоря о том, что К. П. Победоносцев обещал уведомить меня о выходе.

Сжатость формы не помешала выразительности Вашего предисловия. Повторяю, оно очень ярко обрисовывает личность Гилярова, а его так мало знают. Но я могу себе представить, каково Вам было выбирать из такой массы материала и сжимать свою мысль, которая просилась вширь.

Уважающая Вас
А. Гальперсон.

Спб.
18 марта
1899 г.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 110. Л. 9—10 об.

[1] Имеется в виду письмо к Михаилу (Йовановичу), митрополиту Сербскому, опубликованное в газете С. Ф. Шарапова: Письмо Н. П. Гилярова-Платонова митрополиту Сербскому Михаилу / Сообщ. А. Г<альперсон> // Русский Труд. 1898. 3 янв. № 1. С. 5—7.

[2] *Гиляров-Платонов Н. П.* Поминальные статьи // *Сб. соч.* Т. II. С. 433—524.

50
А. М. ГАЛЬПЕРСОН — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
С.-Петербург, 14 июня 1899 г.

14 июня 1899 г.

Многоуважаемый князь
Николай Владимирович!

Если я верно поняла и Вам действительно нужно меня видеть, то имейте, пожалуйста, в виду, что я бываю дома по вторникам, четвергам и субботам от 12 до 2 ч. и от 6 до 8. Остальное время я или на службе, или на даче. Я потому и заехала к Вам в цензурный комитет,[1] что меня так трудно застать дома.

Искренно уважающая Вас
А. Гальперсон.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 110. Л. 11.

[1] С 21 декабря 1898 г. князь Шаховской занимал пост председателя С.-Петербургского цензурного комитета.

51
А. М. ГАЛЬПЕРСОН — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
С.-Петербург, 21 июня 1899 г.

Спб. 21 июня 1899 г.

Многоуважаемый князь
Николай Владимирович!

Я очень виновата пред Вами, хотя и невольно. При моей рассеянной жизни (если можно так назвать жизнь человека, имеющего две службы и семью на даче), я совершенно не располагаю своим временем. Поэтому я прямо попрошу Вас, если Вам можно, быть у меня завтра, во вторник, между 6 и 8 часами. Если же у Вас это время занято, то, пожалуйста, назначьте сами тоже какой-нибудь определенный день, имея в виду, что я могу распорядиться свободно только еще четвергом и субботой.

Надеюсь, что Вы на меня не очень сердитесь.

Искренно уважающая Вас
А. Гальперсон.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 110. Л. 12—12 об.

52
А. М. ГАЛЬПЕРСОН — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
С.-Петербург, 22 января 1900 г.

СПб. 22 янв<аря> 1900.

Многоуважаемый князь
Николай Владимирович!

Возвращая Вам корректуру, пользуюсь случаем, чтобы поздравить Вас и русскую печать с Вашим новым назначением.[1] Я хотела лично заехать к Вам, чтобы кстати указать Вам на одну статью Никиты Петровича, которая могла бы также войти во вторую часть Сборника, если в нем найдется место, но снова захворала, на этот раз, к счастью, не невралгией. Меня сразила довольно сильная простуда. Я позволю себе заехать к Вам, как только поправлюсь. Вы будете, может быть, так добры и укажете мне часы, в которые Вас можно наверное застать, то есть часы Вашего приема.

Еще раз от души поздравляю Вас.

Искренно Вас уважающая
А. Гальперсон.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 110. Л. 13—13 об.

[1] С 1 января 1900 г. князь Шаховской стал исполняющим обязанности начальника Главного управления по делам печати, с 15 июня 1900 г. — исправляющим эту должность, а 1 февраля 1901 г. был утвержден в ней.

53
А. М. ГАЛЬПЕРСОН — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
С.-Петербург, 5 июня 1901 г.

Многоуважаемый князь
Николай Владимирович!

Посылаю Вам контракт с Заграничными Агентствами и некоторое пояснение к нему, которое, надеюсь, удовлетворит Вас.

Кстати, считаю нужным сообщить Вам следующее. Вчера кн. Ухтомский, поездив по городу по каким-то делам, сказал мне, возвратившись в редакцию:[1] «Говорят, кн. Шаховской уходит из Главного Управления по делам печати. Вот будет несчастие, если его место займет какой-нибудь Бельгард».[2] — «Кто Вам сказал?» — спрашиваю я. — «Я слышал, говорит, из трех разных источников». — «Куда же уходит кн. Шаховской?» — продолжаю я спрашивать. — «Не знаю. Некоторые говорят, что в Министерство народного просвещения, а может быть, и еще куда-нибудь». Он прибавил еще, что и другие, передавшие ему это известие, находят[a] возможность Вашего ухода большим несчастием для печати.

Видите, как земля слухом полнится! Связанная словом, я, конечно, ничего не сказала, да, как видите, он был осведомлен достаточно хорошо: нечего было бы даже прибавить к его сведениям.

Господи, хоть бы у нас все наладилось до Вашего ухода. А за Министерство народного просвещения я все-таки буду рада.

Если позволите, я в субботу или в пятницу зайду узнать о Вашем впечатлении от прочитанного.

Искренно Вас уважающая
А. Гальперсон.

СПб.
5 июня
1901 г.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 110. Л. 14—15.

[1] Речь идет о редакции «С.-Петербургских Ведомостей», которые в 1896—1917 гг. издавал князь Эспер Эсперович Ухтомский (1861—1921), дипломат, ориенталист, публицист славянофильской ориентации, поэт, переводчик.

[2] Эти слухи не оправдались: князь Шаховской вынужден был оставить свой пост в 1902 г. из-за публикации в газете «Россия» памфлетного очерка А. В. Амфитеатрова

[a] *Далее зачеркнуто*: эту.

«Господа Обмановы». Сенатор Алексей Валерианович Бельгард (1861—1942) возглавлял Главное управление по делам печати позднее, в 1905—1912 гг.

54
А. М. ГАЛЬПЕРСОН — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
С.-Петербург, 10 октября 1902 г.

10 октября 1902 г.
С.-Петербург.

Многоуважаемый
князь Николай Владимирович!

Это письмо пишет под мою диктовку моя старшая дочь.[1] Я уже второй месяц прикована к постели болезнью, которая привела меня в Клинику. На днях мне сделали операцию (у меня был внутренний нарыв), и теперь, слава Богу, дело идет, по-видимому, к поправлению.[2]

Ваше письмо получилось за несколько дней до операции, когда я витала между жизнью и смертью. Вы понимаете, что тогда я ответить на него не могла.

Я не только согласна с Вашей мыслью, что теперь пора напомнить о статьях Гилярова, но мне самой не раз приходила в голову эта мысль. И только мои бесконечные занятия мешали мне остановиться на ней. Когда я несколько поправлюсь и Вы приедете, мы обсудим этот вопрос подробно.

А теперь у меня личное к Вам дело. Представьте себе, что Комаров[3] и К° воспользовались моей болезнью и отказали мне от места, не выждав даже полного месяца. Начиная с мельчайших коммерческих предприятий и кончая Правительственными учреждениями повсюду многолетним служащим дается месячный или даже двухмесячный срок для болезни. Моему бывшему товарищу Кавосу,[4] который был вторым переводчиком, ежегодно давали шестинедельный отпуск для поправления здоровья, а мне, прослужившей в этом деле девятнадцать лет, было отказано 28-го сентября, когда я захворала 4-го сентября. На протест Алфераки[5] против подобной несправедливости, а главное против лишения Агентства безусловно хорошего работника Нотович,[6] который играет теперь роль председателя, отвечал, что мое увольнение у них было давно решенный вопрос. За что? За то, что в течение двух лет я им сэкономила 4000 рублей; за то, что я работала за троих; за то, что я своей быстрой работой скрывала убогость состава всего Агентства?

Вся моя надежда теперь на Вас. Я не могу допустить мысли, чтобы подобная несправедливость осталась безнаказанной. А главное, когда знаешь, что всё это делается для спасения Пеца,[7] с которым положительно этих людей связывает какое-то общее преступление. Если Бог даст мне поправиться, я расскажу Вам подробно, что теперь делается в Агентстве.

На мое место приглашен Ваш подчиненный Военский,[8] не знающий английского языка и с трудом справляющийся с самыми простыми телеграммами.

Если Вам не трудно, многоуважаемый Николай Владимирович, утешьте меня несколькими словами, на домашний ли адрес (В. О. 2 лин<ия>, д. 3) или в клинику (Фонтанка, 148 — Императорский Клинический Повивальный Институт, 3-е отделение, 3-я палата).

Искренно уважающая Вас
А. Гальперсон.[9]

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 110. Л. 16—19 об.

[1] Евгения Сергеевна Гальперсон.

[2] Спустя 17 дней, 27 октября 1902 г., А. М. Гальперсон скончалась.

[3] Виссарион Виссарионович Комаров (1838—1907) — журналист, общественный деятель; полковник российской и генерал сербских армий; редактор-издатель газет «Русский Мир» (1871—1875), «С.-Петербургские Ведомости» (1878—1881) и «Свет» (1882—1907) и журналов «Звезда» (1886—1891) и «Славянские Известия» (1889—1891).

[4] Камиль Иванович Кавос — петербургский журналист.

[5] Ахиллес Николаевич Алфераки (1846—1919) — композитор; правитель канцелярии министра внутренних дел (с 1891 г.), директор Российского телеграфного агентства.

[6] Осип Константинович Нотович (1849—1914) — либеральный журналист, публицист, драматург, редактор-издатель газеты «Новости» (с 1876 г.).

[7] Альфред Васильевич (Вильгельмович) Пец (1853 — не позднее 1902) — помощник управляющего Российским телеграфным агентством.

[8] Константин Адамович Военский (де Брезе) (1860—1928) — историк, действительный статский советник, чиновник Главного управления по делам печати, член Литературно-художественного общества; позднее директор архива Министерства народного просвещения (1905—1915).

[9] Подпись-автограф.

II. ПИСЬМА С. К. ЭФРОНА К А. М. ГАЛЬПЕРСОН (1887—1889)

1
С. К. ЭФРОН — А. М. ГАЛЬПЕРСОН
С.-Петербург, 27 августа 1887 г.

Многоуважаемая Анна Михайловна.

Спешу сообщить Вам, что моя уверенность в успехе Никиты Петровича[1] после первого свидания с И. С. Д<ур>ново[2] выросла до необычайных размеров. Ему очень хорошо известно положение дел, и он говорит, что единственная крупная сила в публицистике наших дней — Никита Петрович и ему стоит только крепко захотеть, чтобы получить «Москов<ские> Вед<омости>». Он сам будет служить Никите Петровичу телом и душой, и победа Ник<иты> Петровича

будет для него праздником. На мое имя в конторе должно быть от него письмо, которое меня в Москве не захватило. Я прошу Вас письмо это распечатать и ознакомиться с его содержанием. Вы в нем найдете сделанную Дур<ново> характеристику Никиты Петровича, которая докажет Вам, что напрасно временами Гиляров-Платонов думает, что он не Гиляров-Платонов. Гиляров-Платонов был крупной величиной всегда и навсегда ею останется, и *Россия его знает*. Теперь, со смертию Каткова, это единственный крепкий дуб среди чахлого березняка русской журналистики.

Назову Вам соперников Ник<иты> Петр<вича>, о которых писал Корнилов,[3] не называя их: Татищев[4] — человек с определенными политическими взглядами; он играет роль в дипломатии; лично принадлежит к высшим Пет<ербург>ским сферам; относительно внешней политики прямой последователь катковских идей... Далее об этом кандидате я лишен возможности распространяться на бумаге, и я доскажу Вам остальное при личном свидании. По некоторым причинам кандидат этот скомпрометирован и не опасен. Ему в настоящее время даже запрещено писать по-русски. Второй кандидат — Георгиевский;[5] он опасен, и с ним надо бороться; за него Феоктистов, и он москвич; последнее в данном случае тоже серьезно. Вот два кандидата, о котор<ых> писал Корнилов. Затем еще называют Иловайского[6] и — о ужас! — кого бы Вы думали? Стыд, срам и позор!!... Баталина!..[7]

Последнее доказывает, как подл П<етер>бург, когда рядом с именами не скажу уж Ник<иты> Петр<овича>, а даже Татищева, Иловайского и Георгиевского он не краснея осмеливается выдвигать Баталина.

Но будет обо всех этих сплетнях. Повторяю, моя уверенность в успехе Н<икиты> П<етровича> теперь велика, и я заранее предвкушаю удовольствие при воспоминании о том, как я по уговору побью при Вашей помощи Сергея Исааковича[8] за его холодные ушаты, которыми он нас беспрерывно окачивал. Тоже повторяю, что в лице Ив<ана> Сер<геевича> Д<ур>ново Никита Петрович найдет здесь человека, который будет ему содействовать всеми имеющимися у него средствами, и по моим понятиям, средства его довольно солидны. И рад я главным образом потому, что сочувствие Ив<ана> Сер<геевича> к Никите Петровичу заключается единственно в глубоком понимании первого крупности и могучества последнего.

Ну до свидания, многоуважаемая Анна Михайловна; прошу простить мне бессвязность моего настоящего письма; пишу я его второпях и, кроме того, очень уж я разнервничался от бессонных двух ночей подряд.

Преданный Вам

С. Эфрон.

27 августа 87 г.

СПб-ург.

P. S. И. С. Д<ур>ново встретит завтра утром со мною вместе на вокзале Ник<иту> Петр<овича>.[9]

Печатается впервые по автографу: ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 47. <№ 15>. Л. 1—2.

[1] Речь идет о получении в аренду «Московских Ведомостей» после кончины М. Н. Каткова.

[2] Иван Сергеевич Дурново (1845—1911) — литератор, публицист; издатель журнала «Дело» (1886—1887). Гиляров опубликовал здесь в январе 1887 г. две главы книги «Из пережитое», а ранее, в 1884 г., предполагал передать ему права на издание «Современных Известий»: см. письмо Гилярова к Е. М. Феоктистову от 1 октября 1884 г. (ИРЛИ. Сигн. 9112. Л. 4).

[3] Иван Петрович Корнилов (1811—1901) — историк, публицист; чиновник Министерства народного просвещения.

[4] Сергей Спиридонович Татищев (1846—1906) — публицист, историк русской дипломатии; чиновник министерств иностранных дел (1864—1877), внутренних дел (1881—1883) и финансов (1898—1904).

[5] Александр Иванович Георгиевский (1830—1911) — историк, редактор «Журнала Министерства Народного Просвещения» (1866—1881), председатель Учебного комитета и член Совета министра народного просвещения.

[6] Дмитрий Иванович Иловайский (1832—1920) — историк, тайный советник, публицист; автор учебников по отечественной и всеобщей истории.

[7] Иван Андреевич Баталин (псевд. Оса; 1844—1918) — журналист, редактор изданий: «Петербургская Газета» (1876—1881), «Минута» (1880—1890), «Колосья» (1884—1891) и др.

[8] С. И. Гальперсон.

[9] И. С. Дурново жил у самого Николаевского вокзала в принадлежавшем Входо-Иерусалимской церкви доме № 1 по Орловскому переулку. Там находилась и редакция журнала «Дело».

2
С. К. ЭФРОН — А. М. ГАЛЬПЕРСОН
С.-Петербург, 25 сентября 1887 г.

25 сентября
87 г.

Многоуважаемая
Анна Михайловна!

Сообщаю Вам факты *вполне достоверные* о «Москов<ских> Ведом<остях>»:

1) С. П. Каткова от издательства *отказалась*,
2) Кандидатура Иловайского, Циона[1] и Мейна[2] *провалилась*,
3) Петровский[3] хлопочет о передаче издания ему, и, судя по его письму из П<етербур>га, ему многие обещали,
4) Георгиевский действительно выступает кандидатом и
5) Судьба издания обязательно должна быть разрешена в будущую пятницу,[4] ибо по закону объявление об издании нового контрагента должно быть напечатано за три месяца до выхода первого №. Вопрос этот будет разрешен

в П<етербур>ге до приезда графа Толстого[5] и его голосом будет распоряжаться князь Гагарин[6] (?).

Преданный Вам С. Эфрон.

Печатается впервые по автографу: ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 47. <№ 15>. Л. 5—6 об.

[1] Илья Фаддеевич Цион (1842—1912) — физиолог, доктор медицинских наук, агент Министерства финансов России во Франции, журналист, публицист.

[2] Александр Данилович Мейн (1836—1899) — публицист, сотрудник газет «Русские Ведомости» и «Голос»; дед М. И. Цветаевой по матери.

[3] С. А. Петровский. См. коммент. 2 на с. 517.

[4] Упомянутая пятница приходилась на 2 октября 1887 г.

[5] Министр внутренних дел граф Д. А. Толстой.

[6] Князь Константин Дмитриевич Гагарин (1843—1916) — в тот период товарищ министра внутренних дел, с 1890 г. сенатор.

3
С. К. ЭФРОН — А. М. ГАЛЬПЕРСОН
С.-Петербург, 12 октября 1887 г.

Многоуважаемая Анна Михайловна!

Обобщение, сделанное сегодня Вами об французской комедии,[1] не вполне верно; вернее было бы с Вашей стороны, если б Вы оговорились, что все Вами сказанное относится к так называемой французской *бульварной* комедии и драме; тогда с Вами всякий согласился бы и не стал бы спорить; теперь же можно Вам указать на произведения хотя бы Пальерона,[2] которые настолько суть французские, что ни переводу, ни переделке не поддаются. Таковы: «В Царстве скуки»,[3] «В Царстве веселия»,[4] «Римлянка», «Беби» и мног<ие> друг<ие>. Ко всем этим пьесам определение Ваше не подходит, ибо они суть продукт или верного воспроизведения господствующих нравов во Франции, точнее в Париже, или чрезвычайно остроумно скомбинированного фантазией случая, возможного в жизни.

Я настолько ценю, многоуважаемая Анна Михайловна, Ваше мнение, что даже под страхом вызвать Ваше неудовольствие, считаю своим долгом указать Вам прямо на неточность, которая, по-моему, вкралась в Вашем сегодняшнем фельетоне. Во всяком случае покорнейше прошу Вас простить мне за мое навязчивое мнение, вызванное исключительно симпатией к Вашему таланту.

Преданный Вам С. Эфрон.

P. S. Я у Вас не бывал последние две недели по весьма солидной и важной причине: боялся проговориться о том, о чем я говорить не имею права. Загадкой этой я готов с Вами поделиться лишь тогда, если Вы дадите мне Ваше слово, что никогда не поделитесь с тем, что я Вам сообщу, с Никитой Петровичем и никому, даже Вашему мужу, ничего не скажете об этом.

12 октября 87 г.

Печатается впервые по автографу: ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 47. <№ 15>. Л. 3.

[1] Имеются в виду следующие слова Гальперсон: «Французская современная комедия отличается или чрезмерною сальностью, или, как противовес ей, излишеством сантиментальности, иногда тем и другим вместе, ибо извращенное воображение французов требует излишества как в отрицательном, так и в положительном направлении. Поэтому же и интрига во французской комедии или драме основывается на необычайных случаях, разыгрывается при необычайных случаях и развязывается необычайным случаем. <...> Водевиль <...> у французов извратился в чудовищное сцепление чудовищных случаев безо всякой идеи и без индивидуальности действующих лиц» (*М. А.* <*Гальперсон А. М.*>. Театральная хроника: Немецкие спектакли в театре Парадиз. Бенефис г-жи Заньковецкой: «Бесталанна», драма в 5 действиях, г. Карпенко-Карого // *СИ*. 1887. 12 окт. № 281. С. 1).

[2] Эдуард Жюль Анри Пальерон (Пайерон, Pailleron; 1834—1899) — французский драматург, поэт и журналист.

[3] *Пальерон Эд.* В царстве скуки = (Le monde ou l'on s'ennuie): Комедия в 3 д. / Пер. А. М. Дмитриева и Н. П. Кичеева. М.: Литогр. С. Ф. Рассохина, <1883>. 136 с. Написано от руки и литографировано.

[4] *Пальерон Эд.* В царстве веселья = (Le monde ou l'on s'amuse): Комедия в 2 д. / Пер. с фр. А. М. Дмитриева. М.: Литогр. Моск. театр. б-ки С. Ф. Рассохина, <1883>. 56 с. Написано от руки и литографировано. См. также в другом переводе: *Пальерон Эд.* В царстве смеха = (Le monde ou l'on s'amuse): Комедия в 2 д. / Пер. П. И. Кичеева. М.: Тип. Н. Л. Пушкарева, 1883. 77 с.

4
С. К. ЭФРОН — А. М. ГАЛЬПЕРСОН
С.-Петербург, 5 ноября 1887 г.

Многоуважаемая Анна Михайловна!

Позволяю себе обратиться к Вам с покорнейшей просьбой выслать на мое имя копию письма Рцы под заглавием «Вся жизнь неудача...».[1] Мне было бы очень желательно поместить этот отрывок в прекрасной статье И. С. Дурново о Никите Петровиче;[2] тем более, когда этот отрывок вполне подходит к одному месту упомянутой статьи. Полагаю, что, если Ал<ексей> Ник<итич> наложил свое veto на письмо Рцы, когда Вы хотели его напечатать в последнем выпуске «Совр<еменных> Изв<естий>»,[3] то это не может служить нам препятствием видеть напечатанными драгоценные строки, уясняющие так много, Никиты Петровича в другом издании.

Если Вы разделяете мое мнение, то поспешите высылкой требуемой копии, ибо из-за нее остановили на 3 дня набор статьи Ив<ана> Сер<геевича>.

Я вчера очень даже хотел Вам по этому поводу отправить телеграмму, потом рассчитал, что все равно в субботу получится Ваш ответ.

Мой искренний и душевный поклон Сергию Исааковичу, Берте Михайловне[4] и M-elle Евгении Сергеевне,[5] M-me Фишет[6] тоже. Наследнику[7] Вашему крепко жму руку, а Колю трижды целую в сахарные уста.

Преданный Вам С. Эфрон.

5 ноября 87 г.

Адрес: СПб. Редакция журнала «Дело». Эфрону.

Печатается впервые по автографу: ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 47. <№ 15>. Л. 7—7 об.

[1] Имеется в виду фрагмент письма Гилярова к Рцы от 15 ноября 1886 г.: «Нет, я неудачник; вся жизнь моя неудача, именно от моего совершенно одинокого самовоспитания, от той боязни подпасть авторитетам, которою я вооружился с 17-летнего возраста» и т. д. (*Письма к Рцы*. С. 288).

[2] Эта статья (готовившаяся к изданию, как сказано ниже, в журнале «Дело») не была опубликована. Местонахождение рукописи нам неизвестно.

[3] Опубликовано в газете С. Ф. Шарапова «Русское Дело»: *Рцы*. Памяти Н. П. Гилярова-Платонова // 1887. 7 нояб. № 15. С. 3.

[4] Б. М. Эпштейн, сестра А. М. Гальперсон.

[5] Старшая дочь Гальперсон.

[6] Мадам Фишет (ниже она именуется иначе: Фишер) — предположительно, знакомая Гальперсонов педагог С. Н. Фишер.

[7] Владимир, старший сын Гальперсон.

5
С. К. ЭФРОН — А. М. ГАЛЬПЕРСОН
С.-Петербург, 2 декабря 1887 г.

Многоуважаемая Анна Михайловна!

Мне действительно было досадно, что отрывок из письма покойного Никиты Петровича не мог быть Вами выслан, но в то же время я очень хорошо понял, что Вы вполне справедливо отказали мне в моей просьбе, а потому не может быть и речи о том, чтобы я на Вас сердился, напротив, я Вам очень благодарен, что, прислав мне свой отказ, ясно и подробно формулировали причины, заставлявшие Вас так действовать, и вполне убедили меня, что причины эти действительно весьма вески.

Статья И. С. Дурново о Н<иките> П<етровиче>, как явствует из редакционного объявления на днях вышедшей книжки «Дела», отложена до следующей книжки,[1] и вот по секрету сообщу причину. Статья эта очень разрослась, и в ней подводятся некоторые счеты с различными лицами и литературными партиями, не хотевшими признать незабвенного Н<иките> П<етровиче> при жизни, или же просто не понимавшими его, а для этого недоставало кое-какого матерьяла, который только на днях получен. Как только статья будет набрана целиком, надеюсь иметь возможность выслать Вам корректурные оттиски, до появления ее в журнале.

Устроившимся я до сих пор себя не считаю, а буду себя считать таковым только тогда, когда получу назначение в Сибирь, о чем я весьма деятельно хлопочу.[2] Нравственно я очень надломлен, главным образом вследствие известного Вам своего шага, я все живу под страхом, что он обнаружится моим родным, а я здесь убедился, насколько угнетающе это может на них подействовать. Ах, как бы поскорее вон из Европейской России!!...

Судьба «Совр<еменных> Изв<естий>» меня теперь не интересует и интересовать не может: ведь без Н<икиты> П<етровича> газета эта, по-моему, никакого значения не может иметь; все равно, будет ли она либеральным или консервативным органом; могучего голоса своего издателя она лишилась, и не думаю, чтобы ее дальнейшее существование ознаменовалось чем-нибудь выдающимся. Если она меня интересует, то только в том отношении, хватит ли у нового издателя сметки поручить Вам театральный отдел, ибо мне было бы очень жаль, если б Вы не нашли места, где печатать свои статьи по театру,[3] которые, повторяю, весьма ценны для искусства.[4]

Преданный Вам
С. Эфрон.

2го декабря 87 г.

Печатается впервые по автографу: ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 47. <№ 15>. Л. 8—9.

[1] Следующая книжка «Дела» — январская за 1888 г. — оказалась последней (журнал закрылся за неимением подписчиков), но статья о Гилярове в ней так и не была опубликована.

[2] Это назначение не состоялось, Эфрон окончательно обосновался в Петербурге.

[3] В «Современных Известиях» начиная с ноября 1885 г. Анна Гальперсон опубликовала 41 статью о театральных событиях за подписью «А. М.». В 1888—1890 гг. стала постоянным театральным рецензентом газеты «Русское Дело» С. Ф. Шарапова, напечатав здесь, по нашим подсчетам, 27 статей о театре, в основном под «перевернутым» псевдонимом «М. А.». Кроме этого, она сотрудничала в «Новостях Дня» и других газетах.

[4] Сходного мнения придерживался и С. А. Юрьев, писавший Гилярову 3 октября 1887 г.: «Ее статьи о театре меня восхищают. Сколько в них высказано глубоких и тонких мыслей и замечаний, что жаль будет, если они затеряются в листах газеты. Надо бы собрать все статьи и напечатать или издать отдельной книжкой» (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 723. Л. 4). Это суждение тем более авторитетно, если иметь в виду, что в тот период Юрьев председательствовал в Обществе русских драматических писателей (с 1886 г.).

6
С. К. ЭФРОН — А. М. ГАЛЬПЕРСОН
С.-Петербург, 4 января 1888 г.

От всей души благодарю Вас, многоуважаемые Анна Михайловна и Сергей Исаакович, за добрую память. Я был очень тронут, получив Ваши карточки и почувствовав себя великою пред Вами свиньей. Во всяком случае, примите

мое хоть и заглазное, но тем не менее искреннее, от всей души, поздравление с новым годом и пожелания всего хорошего. В будущем году, когда Бог даст нам дожить счастливо, надеюсь мое поздравление принести Вам своевременно.

Мой искренний поклон и привет Берте Михайловне[1] (само собою разумеется, и мое поздравление с новым годом). Передайте ей, что я здесь встретился в одном доме с женщиной-врачом Долиской <*так*!>,[2] и она так восторженно отозвалась об Берте Михайловне, что меня в великое недоумение привело, ибо это был первый случай в моей жизни, чтобы женщина так хорошо отозвалась о женщине. По словам Долиской, Берта Михайловна самый лучший и самый нравственный человек их выпуска.[3]

О себе на этот раз Вам не пишу. На этих днях жду некоторые перемены в моей судьбе и тогда немедленно Вас извещу обо всем.

Всем Вашим деткам мой поклон и.... поцелуй. Разумеется, последнее не может отнестись к взрослой M-me Фишер, которой осмеливаюсь только почтительнейше кланяться.

Преданный Вам
С. Эфрон.

4-го января
1888 г.

Печатается впервые по автографу: ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 47. <№ 15>. Л. 10—11. Письмо на бланке с текстом: «Типография журнала “Дело”. С.-Петербург (Орловский пер., д. 1/2)».

[1] Б. М. Эпштейн, сестра Гальперсон.

[2] Возможно, врач Надежда Иосифовна Долинская, жившая на Гончарной ул., д. 7.

[3] В конце 1870-х — начале 1880-х гг. Берта Михайловна жила в Петербурге, где обучалась на Женских врачебных курсах при Медико-хирургической академии (они существовали под этим названием с 1877 г., были закрыты в 1887 г.).

7
С. К. ЭФРОН — А. М. ГАЛЬПЕРСОН
С.-Петербург, лето 1889 г.

Многоуважаемая
Анна Михайловна!

Наконец-то я дождался Вашего письма. Вы себе представить не можете, как беспокоили меня Ваше молчание: чего-чего только не передумал я, какие только нелепые мысли не лезли в голову... Да, сильно, очень сильно огорчало меня Ваше молчание, и не только огорчало, но страшно встревожило. Но, слава Богу, Вы живы, здоровы.

Ах, дорогая Анна Михайловна, если б Вы знали, с каким удовольствием я читал Ваше письмо, — тогда Вы бы не заставили меня так долго его дожидаться. Верьте Вы мне, что после моей Любы[1] я Вас считаю самым близким, самым до-

рогим существом в мире. Вы себе представить не можете, какими одинокими мы чувствуем себя среди новых петербургских знакомых, в которых, к слову сказать, у нас недостатка нет. Что это за мучение нам, людям простым, вечно следить за собой, чтобы не казаться смешными со своею чувствительностью и отзывчивостью, которые петербуржцы примут за глупость. Вообразите, за два года я здесь близко не сошелся ни с одним человеком, ни с кем не удалось поговорить по душе, поболтать вовсю... А литераторы петербургские! Что это за дрянь-народ! Ни души, ни сердца у них ни капельки... А петер<бург>ские редакторы — это чиновники-администраторы, литературными предприятиями заведывающие. Как вспомнишь его, Никиту Петровича, с его большим, всеобъемлющим умом и детским сердцем, с его постоянным исканием истины, с его поэтическими грезами и гигантским полетом его могучей фантазии; как вспомнишь этого могучего старца, в тиши[a] его незатейливой обстановки, вечно удрученного своими обстоятельствами и невзгодами и вечно неунывающего,— невольно скажешь: то был человек в высшем значении этого слова!

Прочитав Ваше письмо, я принялся перелистывать «Основные начала экономии».[2] Величавый образ дорого учителя предстал предо мною во всей своей нравственной красоте. Когда я перечитывал некоторые знакомые страницы, — мне казалось, что в ушах моих раздается тихий, мелодический голос Никиты Петровича, а его вдумчивые, голубые глаза устремлены на меня в упор, как бывало это в действительности, когда он уделял мне свой досуг, посвящая его расширению моего умственного кругозора. Да, если я способен логически мыслить, то ему одному этим я обязан: это он меня научил. Великое спасибо Вам за присылку «Основ». Это для меня большой подарок.

Да, многоуважаемая Анна Михайловна, потеря наша велика и невознаградима.

Сколько Вы перенесли нравственных мук и разочарований, я прочел в Вашем письме между строк. Понимаю, как Вам приходилось иногда тяжело. Но ведь Вы человек настоящий и в состоянии противостоять обстоятельствам, когда это требуется. Несмотря ни на что, Вы все-таки издали «Основы» и, Бог даст, издадите и другие сокровища, доставившиеся <*так!*> Вам в наследство от Никиты Петровича.

Не могу ли я Вам быть полезен вот в каком отношении: Вы, вероятно, знаете про письмо Никиты Петровича к Л. Н. Толстому по поводу исповеди последнего, которая была набрана для «Русс<кой> Мысли» и которую С. А. Юрьев прислал Никите Петровичу в гранках, с просьбой, чтобы Никита Петрович написал к этой исповеди предисловие, дабы[b] сделать ее цензурной. Н<икита> П<етрович> не только отказался написать предисловие, но написал на имя Л. Н. Толстого письмо, в котором, с свойственной ему горячностью и правдивостью подверг

[a] *Далее зачеркнуто*: своей.
[b] *Далее зачеркнуто*: оно.

беспощадному анализу его «Исповедь».[3] Совпадает это факт с тем временем, когда граф Толстой напечатал в «Совр<еменных> Изв<естиях>» даром статью «О Московской переписи»[4] и обещал Никите Петровичу прислать еще статьи. Вы знаете, каковы были тогда материальные средства Ник<иты> П<етро>вича и как было ему выгодно приобретение такого сотрудника, как Лев Толстой, — тем не менее, не задумываясь, он высказал ему правду, и правду жесткую, в глаза, и если хотите, то публично (письмо было гектографировано и разослано некоторым лицам) и, конечно, навсегда, навеки разошелся с графом. С этим эпизодом я хорошо знаком, ибо он совпал с моментом, когда Никита Петрович ко мне особенно благоволил, и, когда он получил знаменитые гранки, он послал за мной, заставил меня вслух читать их, а по окончании чтения передал мне о своем намерении высказать графу, насколько безнравственна его исповедь, что он в тот же день и выполнил. Если Вы найдете нужным, пришлите мне это письмо, копия которого, верно, сохранилась у Вас, и я его напечатаю в «Русс<ком> Вестнике» с разъяснениями, при каких обстоятельствах оно было[a] написано. Разумеется, что гонорар будет мною доставлен Вам на расходы по изданию «Филологического» труда Никиты Петровича. Хоть чем-нибудь хотелось бы Вам быть полезным в Ваших трудах[b], и если Вы найдете мое предложение подходящим, я буду в высшей степени доволен.

Мне положительно совестно говорить теперь[c] о себе. Но я желаю Вам выяснить, как оди<на>ково смотрим мы с Вами на литературу и как сходны наши литературные вкусы. Мои рассказы Вам знакомы лишь по отрывкам,[5] и я вполне понимаю, что Ваше чувство изящного было возмущено ими. Справедливо Ваше замечание, что лежачего не бьют. Сохрани меня Бог от роли бездушного палача. Живых лиц, кроме Засулич,[6] я никого в моих рассказах не вывел. Я дал только картину нравов тех негодяев, которые, кроме как быть пригвожденными к позорному столбу, ничего больше не заслуживают. Что же касается искренно заблудшихся фанатиков, то не только бросать в них камнем у меня рука бы не поднималась, но всегда я буду жалеть их, и душа моя будет о них болеть. Но достойных сожаления среди эмигрантов весьма ничтожное количество, и положение этих несчастных отчасти мною уже описано, а настоящим образом я изображу их в одном из дальнейших рассказов под заглавием «Возвращающиеся».[7] Хотя я знаю, насколько у Вас мало свободного времени, тем не менее убедительнейше прошу Вас зайти в Румянцевскую библиотеку и прочитать мой рассказ «Сашенька Франжоли», напечатанный в «С.-Петербургских Ведом<остях>» за этот год, №№ 18, 24, 25, 31 и 32.[8] Тогда Вы увидите, что я начал именно так, как это Вы мне советуете. Я бы Вам выслал эти №№, но их не только у меня нет, но и в Редакции. Два оттиска я высылаю Вам вместе с этим письмом. Когда вый-

[a] *Далее зачеркнуто*: напечатано.

[b] *Слова*: в Ваших трудах — *вписаны над строкой.*

[c] *Это слово вписано над строкой.*

дут мои следующие статьи, я Вам их вышлю, но с тем непременным условием, чтобы Вы так же резко и правдиво высказали мне всякий раз Ваше мнение, которое для меня гораздо важнее и дороже различных печатных отзывов (даже хвалебных) наших доморощенных критиков. Что касается громадного бал<л>аста, который я напечатал за этот год в «С.-Пет<ербургских> Вед<омостях>», то утруждать Вас его чтением не хочу. О моих больших работах я Вам сообщу в следующий раз.

Если Вам удастся собрать Ваши статьи о театре и текущей литературе, то ради Бога пришлите. В противном случае сообщите, в каких №№ какого издания они были напечатаны,[9] и я прочту их в Публичной библиотеке, хотя, между нами будь сказано, я терпеть не могу эту библиотеку.

Мой искренний поклон Берте Михайловне, Сергею Исаакиевичу и деткам.

Любовь Максимовна кланяется Вам и всем Вашим.

Преданный Вам

С. Эфрон.

Печатается впервые по автографу: ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 47. <№ 15>. Л. 10—11. Письмо на бланке с текстом: «Типография журнала “Дело”. С.-Петербург (Орловский пер., д. 1/2)». Датируется по упоминанию книги Гилярова, изданной, скорее всего, в июне 1889 г. (цензурное разрешение от 17 мая) и присланной в дар Эфрону.

[1] Жена С. К. Эфрона Любовь Максимовна; в 1899 г. они развелись.

[2] Основные начала экономии: Посмертный труд Н. П. Гилярова-Платонова / С предисл. проф. И. Т. Тарасова. М.: Изд. А. М. Гальперсон, 1889. <2>, XII, 142 с.

[3] Это письмо (апрель 1882 г.) было адресовано С. А. Юрьеву, но переписано самим Гиляровым и отправлено им Л. Толстому и ряду друзей, в частности — И. С. Аксакову и М. Н. Лопатину. Его впервые опубликовала Гальперсон под назв. «Н. П. Гиляров к *** (Об “Исповеди” графа Л. Н. Толстого)»: *РА*. 1889. Кн. III, вып. 11. С. 428—432; в 1900 г. вновь опубликовано князем Н. В. Шаховским под назв. «Письмо к С. А. Юрьеву об исповеди гр. Л. Н. Толстого» (*Сб. сот*. Т. II. С. 287—291) с многочисленными разночтениями. Републиковано нами: *Гиляров. ИМБР*. С. 644—648.

[4] *Толстой Л. Н*. О переписи в Москве // *СИ*. 1882. 20 янв. № 19. С. 1.

[5] Имеются в виду рассказы Эфрона о женевской эмиграции, печатавшиеся в периодике и позже собранные под одной обложкой: *Литвин С. К*. Смутьяны: Очерки и рассказы. 1893. СПб.: «Рус. Вестник», 1893. <4>, 252 с.

[6] Вера Ивановна Засулич (1849—1919) — народница, террористка, публицист, литературный критик, переводчик, мемуарист.

[7] Возможно, речь идет о будущей публикации, названной иначе: *Литвин С*. Из рассказов и признаний эмигранта. I. Концерт // *РВ*. 1892. Т. 219, март. С. 112—128.

[8] *Литвин*. Сашенька Франжоли: Рассказ // *СПбВед*. 1889. 18 янв. № 18. С. 2; 24 янв. № 24. С. 2—3; 25 янв. № 25. С. 2—3, 31 янв. № 31. С. 2—3; 1 февр. № 32. С. 2.

[9] Гальперсон в 1888—1889 гг. печатала свои статьи о литературе и театре в газете «Русское Дело».

8
С. К. ЭФРОН — А. М. ГАЛЬПЕРСОН
С.-Петербург, 12 ноября 1889 г.

СПБ. 12/11 89 г.

Многоуважаемая
Анна Михайловна,

Не сердитесь, ради Бога, на меня за мое долгое молчание. Мне было не до писем даже к такому хорошему, славному человеку, как Вы. Если б Вы знали, сколько горя, несчастья, нужды, бедствий выпало за это время на мою долю! Но, слава Богу, теперь все это миновало, прошло, и я не имею желанья описывать Вам все это в подробности потому, что, зная Вашу отзывчивую натуру, не хочу огорчать Вас.

Как бы то ни было, теперь мои дела поправились, и я с особенным удовольствием спешу с Вами побеседовать. Дорогая Анна Михайловна, ради всех святых, не считайте пустым комплиментом то, что я Вам скажу: Вы чуть ли не единственная женщина — человек из всех представительниц Вашего пола, с которыми мне случалось встречаться в жизни и вряд ли кто пользовался моим глубоким уважением, граничащим с благоговением, как Вы. Вы, по-моему, один из лучших экземпляров человеческой породы. Простите мою откровенность, я не мог не высказать Вам, что все, решительно все меня поражает в Вас: Ваш ум, Ваши вкусы, Ваша простота, Ваша беззаветная (не глупо сентиментальная, а осмысленная) преданность друзьям, Ваша честность, Ваша правдивость, Ваша деловитость и даже, по временам, Ваша резкость. — Теперь, Вы сами понимаете, что нужны были особенно неблагоприятные причины для того, чтобы я лишал себя в течение такого продолжительного времени удовольствия переписываться с Вами.

Да, эти причины были весьма грустного свойства и удручающего характера, но говорить о них теперь в подробности не стоит, да и незачем.

Я нахожусь теперь на пути к сытой жизни (поймите это выражение в смысле перспективы постоянного обеда и сносной квартиры), а после моей голодухи это для меня самое важное. Рад я главным образом тому, что выбился из нужды без сторонней помощи и никому ничем за это не обязан. Я состою теперь постоянным сотрудником журнала «Русский Вестник». Мои последние статьи «Рассказы из быта женевских бунтарей»[1] произвели большой шум, и большинство периодической печати («Новое Вр<емя>», «Свет», «Петер<бург>ские Вед<омости>», «Гражданин» и многие провинциальные издания) отнеслось к ним весьма серьезно. В Ред<акции> «Русс<кого> Вест<ника>» на меня смотрят как на крупное приобретение для журнала, что сам редактор[2] мне высказал. Значит, с этой стороны дело обстоит благополучно. Когда Вы сообщите мне Ваш адресс, я Вам немедленно вышлю оттиски моих рассказов и потребую от Вас Вашего

о них мнения, которое для меня лично важнее мнения многих присяжных критиков.

Но довольно о себе. Впрочем, нет — виноват: должен еще сообщить Вам, что у меня прибавилось еще двое детей, и все мальчики. Таким образом, кроме Никиты, которому теперь $2^1/_2$ года, у меня имеются Александр — год и 7 м<есяцев> и Леонид — 3 м<есяца>.[3] Любовь Максимовна перенесла со мною все невзгоды молодцом и несчастные обстоятельства послужили только к нашему взаимному еще большему сближению.

Теперь действительно довольно о себе.

Ну, как для Вас и Вашего семейства прошли эти два года? Как идут Ваши литературные занятия? Покончили ли Вы с изданием бумаг Никиты Петровича? Написали ли, как собирались, критический очерк современной французской литературы? Одним словом, убедительнейше прошу Вас написать мне подробно обо всем Вас касающемся.

Мой искренний поклон Сергею Исааковичу и Берте Михайловне, а всех деток Ваших целую (не обиделась бы этим M-elle Евгения, она уж, кажется, взрослая барышня и к тому <же> ученица самой M-me Фишер, а ведь это не шутка!), а Калину-Малину[4] с удовольствием даже ущипнул бы за щечку, против чего она всегда протестовала.

В ожидании Вашего ответа остаюсь, преданный Вам

С. Эфрон.

Адрес: СПб, Измайловский полк, 12 рота, 7.

Печатается впервые по автографу: ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 47. <№ 15>. Л. 12—13.

[1] *Литвин С.* Из жизни женевских бунтарей. Рассказ первый: Пиршество диких // *РВ*. 1889. Т. 203, июль. С. 91—130; II. Тайная типография // Т. 204, окт. С. 42—89; III. Папаша приехал; IV. Визит // 1890. Т. 207, апр. С. 122—134; V. Над трупом; VI. Родственные души // Т. 209, июль. С. 33—48; VII. Жданный гость // Т. 211, нояб. С. 173—193.

[2] Назван Федор Николаевич Берг (1839—1909) — поэт, прозаик; журналист, редактор журналов «Нива» (1878—1887), «Русский Вестник» (1887—1895) и «Родная Речь» (1900—1905), газет «Русский Листок» (1898—1899), «День» (1903—1909) и др.

[3] Никита Сергеевич Эфрон (1887—1933) стал видным дерматовенерологом, а о Леониде Сергеевиче Эфроне (1889—1942) известно, что в 1920 г. он был секретарем военной комиссии Канского уездного комиссариата, арестовывался и погиб на фронте.

[4] Калина-Малина — прозвище младшей дочери Гальперсон.

III. ПЕРЕПИСКА Д. Н. ШУБИНСКОГО С СУПРУГАМИ А. М. и С. И. ГАЛЬПЕРСОН (1887—1888)

1
Д. Н. ШУБИНСКИЙ[1] — С. И. ГАЛЬПЕРСОНУ
Нижний Новгород, 21 октября 1887 г.

Милостивый Государь,
Сергей Иванович![2]

В короткое свидание с Вами я все-таки мог вывести заключение о душевном расположении Вашем к покойному Никите Петровичу и истинно сочувствую этой тяжелой утрате. В тот же день, как получил это печальное известие, послал в «Биржевые Ведомости» прилагаемое краткое слово о покойном,[3] которое желал бы, чтобы было перепечатано в «Современных Известиях». —

Не можете ли Вы сообщить мне, что предполагается относительно продолжения газеты и будет ли желательно, чтобы я остался ее сотрудником, ибо в противном случае мне придется войти в соглашение с другой редакцией.

Мне весьма желательно было переговорить с покойным о средствах к освобождению его из рук Кувшинова,[4] но не удалось узнать его мнения. Я думаю, что Ф. Н. Плевако мог бы оказать большое в этом случае содействие.

Послан был мною в редакцию рассказ: «Колдун и кликуша»,[5] если он не пригодится к напечатанию, то будьте добры выслать мне обратно, за что буду много благодарен, ибо всегда пишу прямо и у меня никаких черновых не остается.

С душевным почтением

покорный и готовый слуга
Д. Шубинский.

21 окт<ября> 1887.

NB. Если у Вас будет г. Лебедев,[6] которому я давал письмо к покойному, то прочтите то письмо.

Печатается впервые по автографу: ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 47. <№ 13>. Л. 1.

[1] Дмитрий Николаевич Шубинский (1829—1897) — публицист, сотрудник газеты «Современные Известия» и других изданий, помещик Калязинского уезда Тверской губернии.

[2] Нечаянная ошибка: Гальперсона звали Сергеем Исааковичем.

[3] Некролог Гилярову, написанный Д. Н. Шубинским, напечатан на первой полосе под рубрикой «Голоса купечества» как корреспонденция (с пометкой «Нижний Новгород, 15 октября») под названием «Памяти покойного Н. П. Гилярова-Платонова». Приведем его текст: «Не стало в среде истинно русских людей еще одного честного, достойного, нравственно и умственно высокоразвитого человека. Никита Петрович Гиляров-Платонов бесспорно принадлежал к числу тех общественных деятелей, утрата которых чувствуется, сознается обществом, и которые, уходя не бесследно, — заставляют думать о том, кто будет продолжателем возделывания той почвы, над которою они много лет трудились и работали? — Читавшим его можно сказать: предсмертное откровение “Из

пережитого", понятно было, каким тяжелым путем достиг он жизненной опытности и устойчивости, а в *"Современных Известиях"* постоянно и неизменно проявлялось его патриотическое, христианское и благонамеренное направление. Вследствие этого он известен был не в одной Москве, месте непосредственного жительства и деятельности, но и в провинции имя его пользовалось симпатией и уважением: всем видно было, что он из печатного слова не извлекал коммерческих выгод, не гнался за доходной популярностью, но от начала до конца пользовался тем словом с одинаковой добросовестностью, хотя, как известно, в течение почти всей своей жизни терпел вещественные невзгоды и неудачи. Мы с почтением относимся к бессребреникам в монашеской, отшельнической жизни; нас удивляют подвиги отказа их от соприкосновения с мирскими заботами и желаниями, — что же сказать об человеке, который, не надевая на себя рясы отречения, но оставаясь в шумном водовороте общественной чреды, отказался от удобств, почета и привилегий и, будучи христианином по убеждению, был, вместе с тем, бессребреником по душе, по влечению высоких чувств. С глубоким, подавленным горем отнеслись к тяжкой потере трудившиеся с ним и под его руководством; с искренним сожалением помянут все знавшие его, и немало найдется тех, кто, не имея личных отношений к покойному, но ценя по проявлениям долговременной его деятельности, — выразят сочувственным крестом уважение к памяти умершего. — Мир праху истинно сожалеемому человеку, христианину и деятелю» (Биржевые Ведомости. 1887. 19 окт. № 268. С. 1).

[4] О М. Г. Кувшинове см. коммент. 156 на с. 565.

[5] Этот рассказ Шубинского не был опубликован в «Современных Известиях».

[6] Вероятно, Василий Александрович Лебедев (см. коммент. 2 на с. 484).

2
Д. Н. ШУБИНСКИЙ — С. И. ГАЛЬПЕРСОНУ
Нижний Новгород, 23 октября 1887 г.

Милостивый Государь,
Сергей Исакович!

Вчера, отправив к Вам письмо, я получил после этого с пришедшей почтой: последние нумера «Современных Известий» и уведомление из Москвы, что дальнейшее издание останавливается за неприисканием редактора. — В первых я мог видеть, что желание мое уже исполнено: статья из «Биржевых Ведомостей» перепечатана,[1] а относительно второго мне пришла мысль, не обратиться ли Вам к брату моему:[a] редактору «Исторического Вестника»?[2] — Не знаю, согласится ли он; вернее даже, что, вероятно, нет, но если нет никакого другого в виду, то попробуйте. Человек он дельный, умный и дело вести может. От Суворина[3] он получает, должно быть, около четырех тысяч; быть может, согласится на большее, что ему, как семейному человеку, не мешает. — Если дело подходящее, напишите ему и уведомьте меня, тогда напишу и я со своей стороны. — Адрес его следующий: С.-Петербург. Угол Знаменской и Итальянской, дом № 10—28, кв. 9. Его превосходительству Сергею Николаевичу Шубинскому.

[a] *Далее зачеркнуто*: изда<телю>.

Буде же есть, кто в виду, то долго не откладывайте: не отвыкли бы подписчики от газеты, получая за это время другие.

С искренним почтением
покорный и готовый слуга
Д. Шубинский.

23 окт<ября> 1887 г.
<*Адрес на конверте*:>
Москва.
Милостивому Государю,
Сергею Исааковичу Гальперсон.
Малый Знаменский переулок, дом Четвертинской.[4]

Печатается впервые по автографу: ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 47. <№ 13>. Л. 2. Штемпели на конверте: «Нижний Новгород. 25 окт. 1887»; «Москва. 26 октября 1887».

[1] См.: *СИ*. 1887. 21 окт. № 288. С. 2.

[2] Сергей Николаевич Шубинский (1834—1913) — историк и журналист, основатель и редактор журналов «Древняя и Новая Россия» (1875—1881) и «Исторический Вестник» (с 1880 г.).

[3] А. С. Суворин стал издателем «Исторического Вестника».

[4] Княгиня Надежда Федоровна Четвертинская (Святополк-Четвертинская; ур. княжна Гагарина; 1790—1883) — московская домовладелица.

3
Д. Н. ШУБИНСКИЙ — С. И. ГАЛЬПЕРСОНУ
Нижний Новгород, 24 декабря 1887 г.

Поздравляю Вас с праздником[1] и наступающим новым годом, уважаемый Сергей Исакович. Душевно желаю Вам всего возможно лучшего в жизни. —

Я все ждал объявления о выходе «Современных Известий», но, как видно, участь их будет весьма печальная, и если Петровский уронил «Московские»,[2] то покупщик «Современных» сам упадет под ними.

Все это время да и по сей час сильно хвораю, и хотя крайне нужно было бы побывать в Москве, но не могу этого исполнить в течение неопределенного и, надо полагать, продолжительного времени.

Один господин хочет издавать здесь газету;[3] он просил меня принять заведывание литературным отделом, — я отказался, ибо здоровье не позволяет мне такой работы. — При случае не могу ли я отрекомендовать Вас: поедете ли в Нижний и за какое вознаграждение?

Всегда покорный и готовый слуга
Д. Шубинский.

24 дек<абря> 1887 г.

Печатается впервые по автографу: ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 47. <№ 13>. Л. 4—4 об.

[1] С Рождеством.

[2] С. А. Петровский, с октября 1887 г. редактор «Московских Ведомостей».

[3] Этот замысел не был реализован: в 1887—1889 гг. в Нижнем Новгороде не основывались новые газеты.

4
С. И. ГАЛЬПЕРСОН — Д. Н. ШУБИНСКОМУ
Москва, конец декабря 1887 г.

Благодарю Вас[a] за поздравление и прошу от меня принять такое же, вместе с пожеланием всякого счастья в наступающем году. Глубоко сожалею, что здоровье Ваше все еще плохо; может быть, будущий год[b] принесет Вам улучшение.

«Современные Известия» не выходят, потому что владельцу их[1] не дано разрешения издавать их под своим редакторством, а он из тщеславия другого редактора не назначает. Мечтает он добиться разрешения в течение 1888 года и приняться за издание в сентябре или октябре; но едва ли ему это удастся. Это человек поверхностный, фразер, и его, должно быть, в Петербурге так и поняли.

Благодарю за лестное предложение относительно новой газеты. К сожалению, принять его не могу; по крайней мере, не могу переехать в Нижний. Но если будущий издатель нуждается в сообщениях отсюда, в телеграммах, фельетонах, корреспонденциях из Москвы, переводных рассказах, я могу доставлять их отсюда своевременно и недорого.

Кроме того, для проверки административной части я мог бы временами наезжать в Нижний, довольствуясь также небольшим вознаграждением, кроме расходов по поездке.

Печатается впервые по черновому автографу: ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 44б. <№ 11>. Л. 1—1 об. Написано карандашом А. М. Гальперсон от имени мужа С. И. Гальперсона. Чернилами приписано: «Письмо к Шубинскому от С. И. Гальперсона».

[1] Речь идет об А. И. Елишеве.

5
Д. Н. ШУБИНСКИЙ — С. И. ГАЛЬПЕРСОНУ
Москва, 27 июня 1888 г.

Не будете ли так добры, уважаемый Сергей Исакович, сообщить мне имя и отчество г. Шарапова, — издателя-редактора «Русского Дела». — Вот уже полгода посылаю ему статьи и нужно написать лично к нему, а, не зная имени и от-

[a] *Было*: Поздравляю Вас.

[b] *Далее зачеркнуто*: и в этом.

чества, сильно стесняюсь. — Много буду Вам благодарен за сообщение и вместе с тем прошу извинения за делаемое Вам беспокойство. —

«Современные Известия», как видно, погибли окончательно. Это искренно жаль. Если уведомите меня, как Вы сами устроились, то доставите большое удовольствие в случае сведения благоприятного. —

Примите уверение в душевном почтении и преданности.

Всегда покорный слуга
Д. Шубинский.

27 июня
1888 г.
Адрес тот же: Ильинка, дом Смирнова.[1]

Печатается впервые по автографу: ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 47. <№ 13>. Л. 5—5 об. Сверху в левом углу рукой С. И. Гальперсона помечено: «Ответ 17 июля / 1888 г.».

[1] Дом московского купца Арсения Васильевича Смирнова располагался по левой стороне Ильинской ул., д. 37 (см.: Адресная и справочная книга города Москвы на 1894 год. М.: Изд. А. С. Суворина, 1894. Ч. I. Стб. 122).

6
С. И. ГАЛЬПЕРСОН — Д. Н. ШУБИНСКОМУ
Москва, 1888 г.

Многоуважаемый
Дмитрий Николаевич![a]

Спешу сообщить Вам, что Шарапова зовут: *Сергей Федорович*.

«Современные Известия» еще не совсем погибли: Елишев надеется еще их выпустить в октябре м<еся>це.

К сожалению, благоприятных сведений о себе сообщить не могу. Я теперь стараюсь попасть бухгалтером в новое страховое общество «Москва»[1] (я знаю, что Вы не одобряете это общество). Вопрос решится только в половине июля. Одно время я даже хотел обратиться к А. А. Зевеке[2] с просьбою дать мне занятие у него. Авось в коммерческом круге устроюсь лучше. Газетные дела все плохи.

Если Вам, м<ного>ув<ажаемый> Д<митрий> Н<иколаевич>, понадобится от меня какая-нибудь услуга,[b] сделайте милость, обращайтесь без стеснения: с удовольствием буду исполнять.[c]

---

[a] *Далее зачеркнут вариант начала письма*: С готовностью на всякую Вашу просьбу, я и на это спешу В<ам>.

[b] *Далее зачеркнуто*: то.

[c] *Далее зачеркнуто*: Если Вы будете в Москве, то.

Как Вы себя теперь чувствуете?[a] Не сообщите ли Вы мне чего радостного о себе? Не собираетесь ли Вы в Москву? Если дела Вас призовут сюда,[b] просим милости к нам. Можете смело остановиться у нас насколько пожелаете[c].

Уважающий Вас С. Г<альперсон>.

Печатается впервые по черновому автографу: ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 47. <№ 13>. Л. 6—6 об.

[1] Страховое общество «Москва» было основано 19 февраля 1888 г., страховало от огня, было ликвидировано в 1893 г. из-за утраты резервов и основного капитала.

[2] Нижегородский предприниматель Альфред Александрович Зевеке (1822—1887) основал «Общество пароходства и торговли», московская контора которого располагалась на углу Большой Лубянки и Софийки, в доме княгини Голицыной (см.: Адресная и справочная книга города Москвы на 1894 год. М.: Изд. А. С. Суворина, 1894. Ч. II. Стб. 343).

IV. ПЕРЕПИСКА СУПРУГОВ А. М. и С. И. ГАЛЬПЕРСОН С А. И. ЕЛИШЕВЫМ И ЕГО БРАТОМ (1887)

1
С. И. ГАЛЬПЕРСОН — БРАТУ А. И. ЕЛИШЕВА
Москва, ноябрь (?) 1887 г.

Милостивый Государь,
Алек. Ан.

Не зная адреса Вашего брата Алексея Ивановича,[1] обращаюсь к Вам с вопросами, которые[d] очень важны для будущего успеха газеты. Вдова покойного редактора-издателя «Современных Известий»[2] покидает квартиру, в которой помещалась и контора. Куда девать все книги и документы, относящиеся к делу? Не оставить ли[e] контору пока на месте?

Кроме того, время уходит, а обменные объявления[3] очень важно пустить заблаговременно. Не распорядится ли он отсылкой объявления о предстоящем возобновлении газеты во все столичные и провинциальные издания? Не известит ли теперь подписчиков об этом[f] (о каком-либо соглашении с ними), дабы сохранить их (для своей газеты) на будущее время?

---

[a] *Далее зачеркнуто*: Не собираетесь ли.

[b] *Далее зачеркнуто*: то.

[c] *Было*: сколько пожелаете времени.

[d] *Далее зачеркнуто*: имеют.

[e] *Далее зачеркнуто*: квартиру.

[f] *Слова*: об этом — *вставлены над строкой рукой С. И. Гальперсона.*

Наконец, не нужно ли ему каких-либо указаний и помощи в хлопотах по разрешению издания? Некоторые знакомства в Петербурге дают мне возможность оказать ему немаловажное содействие.

Ввиду важности вышеприведенных вопросов не найдете ли Вы, Милостивый Государь, возможным[a] дать мне на них ответ немедленно. Всего скорее желательно узнать о[b] его намерениях относительно помещения для конторы.

Заведывание делами редакции «Современных Известий» лежало при Н. П. Гилярове-Платонове на мне. Ввиду этого,[c] не зная адресса Алексея Ивановича Елишева, обращавшегося уже ко мне за некоторыми указаниями,[d] обращаюсь ввиду того, что перед началом года многие газеты обмениваются даром[e]

Печатается впервые по черновому автографу: ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 44б. <№ 10>. Л. 1—1 об. Письмо написано полустершимся карандашом А. М. Гальперсон от имени ее мужа С. И. Гальперсона. Адресовано к брату А. И. Елишева, имя которого установить не удалось. Датировано с учетом того факта, что Гальперсонам не был известен адрес А. И. Елишева, выясненный ими к 1 декабря. Ни имя, ни фамилию брата (судя по отчеству, начинающемуся с «Ан.», не родного, а, возможно, двоюродного) выяснить не удалось.

[1] А. И. Елишев (см. о нем коммент. 154 на с. 565) — журналист, дворянин Смоленской губернии, воспитанник С.-Петербургского технологического института, корреспондент «Голоса» и «Живописного Обозрения»; редактор-издатель «Смоленского Вестника» (1879—1890), позднее инспектор народных училищ в Верейском уезде Московской губернии. В 1887 г. приобрел права на издание «Современных Известий», но не смог ими воспользоваться.

[2] Вера Алексеевна Гилярова-Платонова.

[3] *Обменные объявления* — реклама об открытии подписки, которая публиковалась безденежно, взаимозачетом в двух изданиях, договорившихся об этом.

2
С. И. ГАЛЬПЕРСОН — А. И. ЕЛИШЕВУ
Москва. 1 декабря 1887 г.

Милостивый Государь,
Алексей Иванович!

Любовь Федоровна[1] сейчас была у нас с просьбой снарядить Веру Алексеевну Гилярову в Петербург. Считаю долгом сообщить вам по этому поводу следующее.

[a] *Далее зачеркнуто*: известить Алексея Ивановича о них по телеграфу и попросить у него инструкций и уведомить меня немедленно.

[b] *Далее зачеркнуто*: помещ<ении>.

[c] *Далее зачеркнуто*: осмеливаюсь.

[d] *Далее зачеркнуто*: осмеливаюсь.

[e] *Эта строка написана рукой С. И. Гальперсона.*

Вера Алексеевна никогда в дела своего мужа не вмешивалась, понятия о них не имеет, и притом она так стара и дряхла, что скорее послужит для Вас бременем, нежели подмогой. Вам нужно собственно ее имя, а не она сама, ибо за ее подписью можно составить гораздо более убедительные письма, нежели будут убедительны ее слова.

Поэтому с согласия Любови Федоровны составлено нами письмо к К. П. Победоносцеву, под которым Вера Алексеевна подписалась и которое, несомненно, будет иметь вес. Кроме того,[a] от имени Веры Алексеевны моя жена[b] писала И. А. Пашкову. Письмо это Любовь Федоровна пересылает Вам с предложением лично его доставить: Ипполит Александрович — прекраснейший человек, очень уважал Никиту Петровича, много содействовал Вере Алексеевне и ради нее не откажется подать Вам совет[c].

Вера Алексеевна, кроме того, сегодня же подпишет докладную записку к генерал-губернатору,[2] которая подана будет князю лицом, очень им уважаемым, а именно археологом Е. В. Барсовым. Голос генерал-губернатора столь важен в этом деле, что, если бы в Вашу бытность здесь Вы нашли возможным явиться к нему от имени Веры Алексеевны, разрешение[d] было бы получено Вами[e] немедленно. Мы полагаем, впрочем, что и без Вашего присутствия записка Веры Алексеевны произведет свое действие.

Наконец сию минуту жена моя собирается[f] писать князю Шаховскому, служащему в Министерстве[g] Внутренних Дел. Он может указать, чрез кого следует воздействовать на графа Толстого.[3]

Мы с[h] Любовью Федоровной пришли к заключению, что Вам лучше всего уведомлять нас по телеграфу, когда и где нужно Вам имя Веры Алексеевны, и мы будем стараться в тот же день с курьерским поездом отсылать по указанному адресу письма за ее подписью.

Кстати, многоуважаемый Алексей Иванович, позвольте[i] подать Вам три[j] совета.

1. Теперь самое лучшее время для рассылки публикаций. Как только получите разрешение, пришлите нам телеграфическое уведомление, и мы составим[k]

---

[a] *Далее зачеркнуто*: я.

[b] *Слова*: моя жена — *вставлены над строкой.*

[c] *Далее зачеркнуто*: в случае нужды он укажет Вам, кого назвать редактором, чтобы разрешение было немедленно получено.

[d] *Далее зачеркнуто*: Вам издания.

[e] *Это слово вписано над строкой.*

[f] *Было*: я собираюсь.

[g] *Далее зачеркнуто*: Иностранных.

[h] *Далее зачеркнуто*: мужем и.

[i] *Далее зачеркнуто*: от имени моего мужа.

[j] *Это слово написано над зачеркнутым*: два.

[k] *Далее зачеркнуто*: объявление.

для рассылки обменное[a] объявление; в декабре многие газеты печатают подобные объявления даром; с нового года за них придется платить.

2. Если удосужитесь, побывайте в Северном Агентстве[4] и[b] поговорите с управляющим, не уступит ли он Вам телеграммы за 300 р. в месяц вместо 380 р., которые уплачивал Никита Петрович. Экономия выйдет немаловажная. Вы можете сослаться на неуверенность в доходах газеты.

3. Получаются очень выгодные от разных типографий предложения. Не условиться ли с какою-нибудь из них заранее? Так, один типографщик предлагает печатать по 37 рублей в день, если будет газета выходить в количестве 6 или 7 тысяч.

При желании Вам полного успеха остаюсь Вашим[c] покорным слугою.

Г<альперсон>.

Печатается впервые по автографу: ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 44б. <№ 10>. Л. 1—3. Черновик. Письмо написано А. М. Гальперсон от имени ее мужа С. И. Гальперсона (сначала написала от своего имени, а потом переделала).

[1] Предположительно, жена А. И. Елишева.
[2] Князь В. А. Долгоруков.
[3] Министр внутренних дел граф Д. А. Толстой.
[4] О Северном телеграфном агентстве см. коммент. 2 на с. 628.

3
С. И. ГАЛЬПЕРСОН — А. И. ЕЛИШЕВУ
Москва, 2 декабря 1887 г.

Из моей телеграммы Вы знаете[d], что докладная записка генерал-губернатору подана и принята им очень благосклонно. Подателю Елпидифору Васильевичу Барсову он сказал: «Передайте г-же Гиляровой, что я сделаю все от меня зависящее и сегодня же напишу Феоктистову». Генерал-губернатор известен всей Москве твердостью своего слова, и нет сомнения, что письмо Феоктистову будет написано.

Копию с докладной записки вышлю Вам завтра.[e]

Вчера я забыл упомянуть, что кроме перечисленных Вам писем послано еще письмо к правителю дел в Главном Управлении по делам печати Василию Семеновичу Адикаевскому.[1] Этот правитель дел — близкий друг Николая Яковлеви-

[a] *Было*: обменных.
[b] *Далее зачеркнуто*: условьт<есь>.
[c] *Далее зачеркнуто*: Милостивый Государь.
[d] *Это слово написано над зачеркнутым*: узнали.
[e] *Далее зачеркнуто сначала*: Барсов советует Вам с своей стороны телеграфировать генерал-<губернатору>; *затем*: Во вчерашнем письме.

ча Дубенского,[2] одного из бывших сотрудников «Современных Известий». От Дубенского и послано письмо с просьбою посодействовать Вам.

Примите[a]

Печатается впервые по черновому автографу: ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 44б. <№ 10>. Л. 4. Письмо написано А. М. Гальперсон от имени ее мужа С. И. Гальперсона.

[1] Василий Семенович Адикаевский (1835—1907) — помощник правителя дел канцелярии Главного управления по делам печати (с 1867 г.), правитель (с 1877 г.).

[2] Николай Яковлевич Дубенский (1822—1892) — агроном, писатель на сельскохозяйственные темы.

4
А. М. ГАЛЬПЕРСОН — А. И. ЕЛИШЕВУ (?)
Москва, декабрь 1887 г.

В письме должно быть упомянуто, что письмо вручается А. И. Елишеву самою вдовою,[1] которая просит о немедленном решении, в чем она материально заинтересована, т. е. в случае задержки издание должно будет прекратиться и это невыгодно отразится на ней.

Печатается впервые по черновому автографу: ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 44б. <№ 8>. Л. 1—1 об.

[1] Упомянута В. А. Гилярова-Платонова.

V. ПИСЬМА РЦЫ (И. Ф. РОМАНОВА) К П. И. БАРТЕНЕВУ (1887)

1
РЦЫ (И. Ф. РОМАНОВ) — П. И. БАРТЕНЕВУ
Киев, 13 ноября 1887 г.

Милостивый Государь,
Петр Иванович,

Не знаю, найдете ли Вы возможным поместить на страницах Вашего прекрасного сборника[1] посланную мною вчера статью о Н. П. Гилярове.[2] Если нет, не откажите возвратить мне рукопись назад, если да, позвольте попросить с Вас взятку, не деньгами, но натурою, пером и чернилами, так сказать... Вот в чем моя просьба, но прежде несколько слов о личности пишущего настоящие строки. Это отчасти необходимо, как выяснится, надеюсь, из последующего.

[a] *Письмо не дописано.*

«Хохол», черниговец по рождению,[3] думаю, воспитанием, всеми привязанностями и убеждениями я — москвич.[4] Заброшенный судьбою со школьной скамьи сперва в глухую провинцию на юг России, затем в Киев, где я недолго служил по судебному ведомству,[5] я, казалось, уже навеки порвал с любимою Москвою; случилось, однако, так, что сношения с нею возобновились, и притом не в узкой сфере знакомых и товарищей по Университету (и Лицею).

Некоторые события моей жизни заставили меня выскочить из столь обычной колеи «отлично-усердного»[6] прохождения службы. Высшие интересы, отвлеченные вопросы, дотоле как бы дремавшие где-то[a] на дне моей души заставили меня расстаться с Х т<омом> и Улож<ением> о наказ<аниях>,[7] вынудили покинуть исследование истины судебной для разыскания истины абсолютной. Вопросы *веры*, утраченной в треволнениях легкомысленной юности, поглотили меня всецело. Не стану, конечно, передавать историю этого болезненно-напряженного уединенного[b] труда, бесполезно было бы пытаться хотя отчасти изобразить психологическую драму, мною пережитую, скажу только, что она *закончилась Хомяковым*, это значит, что если до известного времени у меня было всего пять чувств, то с тех пор как счастливый случай натолкнул меня на величайшего из гениев, каких только знает история, у меня явилось новое *шестое* чувство, для которого открылся целый новый мир, неведомый и чудесный... Открытие Хомякова, никому почти доселе неведомого, возбудило желание попытаться и другим показать дорогу к нему (а сколько таких же, как и я, «г л а д о м г и б н у щ и х» и желающих — по неведению, единственно по неведению! — насытиться хотя бы «от рожец»!..[8]), отсюда робкие дебюты на литературном поприще, отсюда сношения с Москвою в области печатного слова, и в частности знакомство (заочное, увы!) с досточтимым Н. П. Гиляровым-Платоновым.

Началось оно именно с того письма по поводу спиритизма, которое приведено было в моей статье, и продолжалось, кажется, вплоть до 85 г., когда жесточайший тиф свалил меня с ног и, хотя не унес в могилу, но довел мой донельзя расслабленный предшествующими душевными потрясениями и непомерными умственными занятиями организм до такого состояния, что, кажется, и самая смерть была бы предпочтительнее тех невыразимых мук, которые я вынес за два почти года... Хотя и теперь я еще весьма и весьма далек от полного выздоровления, хотя и сейчас моя *Arbeitskraft* *, как говорят немцы, равная почти нулю, бóльшую часть времени заставляет проводить в тягостном бездействии, но уже зимою прошлого года я стал проявлять некоторые признаки жизни и тогда же[c] между прочим вновь возобновились сношения с Н<икитой> П<етровиче>м,[9] в результате которых явилась у меня целая серия писем покойного,[10] представляющих не только биографический, но также высокий философский и истори-

[a] *Это слово вписано над строкой.*

[b] *Это слово вписано над строкой.*

* рабочая сила (*нем.*).

[c] *Слова*: тогда же — *вписаны над строкой.*

ческий интерес. Надеюсь со временем привести в порядок эти замечательные письма и, снабдив надлежащим комментарием (без которого они не могут быть поняты), издать их. В настоящую минуту я позволю себе остановить Ваше внимание на двух из них, точнее на двух местах из двух названных писем, которые касаются Хомякова и которые вместе с тем дали мне повод утрудить Ваше внимание настоящими строками и испытать Вашу любезность очень большою просьбою.

Вот первое место:

«Алексей Степанович был острослов, любил рассказывать комические анекдоты (и особенно из религиозной сферы, что́ значительно смущало верующих людей, не знавших его ближе; не иначе как с негодованием отзывались они об ЭТОМ НЕИСТОЩИМОМ КОЩУНСТВЕ над святынею)...»[11]

Сказать ли Вам, как поразили меня эти слова? Из предыдущего уже видно, что́ для меня Хомяков: я не только преклоняюсь, благоговею перед ним, я испытываю по отношению к нему благодарную любовь, как к личному благодетелю, и вдруг такое сообщение! «Неистощимое кощунство»! Но ведь это значит, что Хомяков был лицемером, ибо как соединить искренность веры с хулою на святыню? Лицемерие... но ведь это, по-моему, худший из грехов! Откровенное безбожие разве не предпочтительнее, дерзну сказать, не почтеннее во сто крат? Но как, *лицемеру* могли быть даны такая прозорливость духовная, такая сила слова, такое глубокое постижение истины Христовой? Нет ли тут недоразумения? Ведь грех нечего таить, наш брат русский куда как падок на сквернословие (совсем цинично-грубое, как у простого народа, или более утонченное *интеллигентное*, но, может быть, не менее безнравственное), какой-нибудь пикантный анекдот о разжиревшем не в меру монахе или что-нибудь подобное ведь чего доброго и с уст святого, если он русский, может сорваться, но разве это будет кощунство?

Трогательная по своему смирению надпись на могильном памятнике Хомякова[12] напоминает прекрасные слова Златоуста: «Хотя он и Павлом был, но и Павел тоже человек был»,[13] да, хотя Алексей Степанович и зовется Хомяковым, но и он был грешным человеком, притом русским с русскими грехами человеком, но лицемер, но кощунник... Нет, я отказываюсь верить... Сколько раз я собирался обратиться к покойному Никите Петровичу за разъяснениями специально этого места его письма и так и не собрался! Я все откладывал этот вопрос до личного свидания. Мне так хотелось, я так жаждал увидеть этого «последнего из славных», как кто-то сказал на похоронах Гилярова,[14] но злая разлучница-смерть не дала исполниться моей мечте!

Но, ради Бога, не откажите Вы по крайней мере рассеять мои сомнения или, если уже на то пошло, закрепить их. Я приготовился услышать даже самое худшее, самое ужасное...

Вот второе место и вместе вторая моя просьба.

...«Приятнее мне Вас порадовать вестью, что отыскалась Записка Ю. Ф. Самарина о подслушанной молитве Хомякова,[15] в высшей степени интересная,

можно сказать — захватывающая. В бумагах покойного Самарина не оказалось ее, и он держал ее в секрете. Я читал ее в свое время и рекомендовал ее поискать Лясковскому,[16] специально занимающемуся Хомяковым;[17] указал пути, куда направить поиски. На днях» (письмо писано 9-го февр. 87 г.) «получил известие, что она найдена, и даже получил обещание, что список будет мне доставлен (Вам как почитателю Ал<ексея> Степановича, я тоже пришлю копию тогда)».[18]

1) О какой это молитве говорится? Хомяков некогда сочинил молитву, молился по ней, а Самарин подслушал когда-нибудь и записал? Так?

2) Не может быть, чтоб у Вас не имелось «списка», о котором здесь идет речь, и в таком случае не соблаговолите ли Вы обрадовать ревностного «хомяковца» (как называл меня Гиляров[19]) присылкою означенной молитвы или, вернее, записки Ю. Ф. Самарина о ней? Смерть не позволила, увы! бедному Никите Петровичу сдержать обещание, и я ничего от него не получил.

Простите, Милостивый Государь, мою бесцеремонность и примите уверение в совершенном уважении и глубочайшей преданности Вашего покорного слуги.

Ив. Романов.

Ноября 13-го дня
1887 года
Киев.
Адрес мой:
Киев, Золотоворотская, 1.
Ивану Федоровичу Романову.

Печатается впервые по автографу: ГИМ. Ф. 368 (Материалы редакции журнала «Русский Архив»). Ед. хр. 1. Л. 34—35 об.

[1] Имеется в виду журнал «Русский Архив», основанный П. И. Бартеневым в 1863 г. в Москве.

[2] Из дальнейшего содержания становится ясно, что в состав статьи Рцы было включено письмо Гилярова «о спиритизме». Значит, речь идет о статье, так и не появившейся в «Русском Архиве», но спустя пять месяцев увидевшей свет в московской газете: *Рцы <Романов И. Ф.>*. Н. П. Гиляров-Платонов о спиритизме: (Неизд. письмо покойного <от 15 августа 1884 г.>) // *РД*. 1888. 22 апр. № 17. С. 20—21 (переизд. нами: *Возвращение*. С. 343—351). Поскольку ответные письма Бартенева к Рцы не сохранились, можно только предположительно судить, почему тот отказался публиковать статью мемуарного характера о недавно почившем писателе, вполне соответствовавшую профилю его издания. (Предположительно потому, что Бартенев с середины 1860-х гг. неприязненно относился к Гилярову и ему претили восторженные оценки Рцы.)

[3] Рцы, по словам его сотоварища, публициста газеты «Россия», «выходец из потомственных дворян Черниговской губернии» (*Я—в Дм. <Якушев Д. П.>*. И. Ф. Романов (Рцы): (Некролог) // Россия. 1913. 18 мая. № 2303. С. 3).

[4] Рцы обучался в Катковском лицее и Московском университете, который окончил со степенью кандидата прав в 1881 г.

[5] С 17 ноября 1881 г. Рцы служил при Нежинском окружном суде (с 10 января 1882 г. на три месяца был командирован в помощь к судебному следователю 2-го участка Коно-

топского уезда), а 29 августа 1882 г. переведен в распоряжение прокурора Киевской судебной палаты. 2 декабря 1882 г. получил чин коллежского секретаря. 10 января 1883 г. Рцы уволился от службы по прошению. См. его Аттестат: РГИА. Ф. 381. Оп. 29. Д. 18340. Л. 137—139.

[6] От канцелярского выражения «в воздаяние отлично-усердной службы и неутомимых трудов», употреблявшегося при награждении чиновников.

[7] Названы: X том Свода законов («Свод законов гражданских и межевых») и «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» (СПб., 1845) — первый уголовный кодекс в истории России.

[8] Реминисценция евангельской притчи о блудном сыне. Ср.: «И желаше насытити чрево свое от рожец, яже ядаху свиния <...> аз же гладом гиблю...» (Лк 15: 16—17).

[9] Эпистолярное общение с Гиляровым возобновилось в октябре 1886 г., когда Рцы прислал для публикации в «Современных Известиях» одну за другой две свои статьи. См. также коммент. 875 на с. 460.

[10] До наших дней дошло 16 писем Гилярова к Рцы, не считая ответа Гилярова на открытое письмо о смысле церковной анафемы, опубликованного в составе передовой статьи: <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 27 января // *СИ*. 1884. 28 янв. № 27. С. 1—2 (перепеч. князем Н. В. Шаховским в 1906 г. под назв. «О церковном отлучении»: *Вопросы веры и церкви*. Т. 2. С. 404—405). Письмо Рцы, увидевшее свет в той же передовой статье, републиковано нами в изд.: *Рцы* (*Романов И. Ф.*). Собр. соч.: В 2 т. СПб.: Росток, 2016. Т. II: Плюсы жизни. С. 354—355.

[11] Цитата из письма Гилярова к Романову-Рцы от 11 января 1887 г. (*Письма к Рцы*. С. 326).

[12] На памятнике А. С. Хомякова в московском Новодевичьем монастыре высечено несколько библейских изречений, в частности — на лицевой стороне: «Аще беззакония назриши, Господи, Господи, кто постоит!» (Пс 129: 3), на правой стороне: «Аще <же> умрохом со Христом, веруем яко и живи будем с ним» (Рим 6: 8).

[13] Источник изречения — начало 10-й главы 1-й Беседы святителя Иоанна Златоуста на послание к Галатам.

[14] Фрагмент надписи на одном из погребальных венков. См.: <*Рождественский В. П., прот.*>. Москва, 25 октября // *МЦВед*. 1887. № 43. 25 окт. С. 547.

[15] Впервые опубл.: Отрывок из записок Ю. Ф. Самарина: (Сообщено баронессою Э. Ф. Раден) // Татевский сборник. СПб.: Изд. С. А. Рачинского, 1899. С. 128—133. «Молитвой» Хомякова Гиляров называет его исповедальный рассказ в связи с кончиной его супруги Екатерины Михайловны (ур. Языковой; 1817—1852), позволивший «проникнуть в тайное этой непрерывной беседы его с Богом».

[16] Валерий Николаевич Лясковский (1858—1938) — общественный деятель, исследователь славянофильства, литературовед; лесовод.

[17] Речь идет о работе В. Н. Лясковского над исследованием «Алексей Степанович Хомяков. Его жизнь и сочинения» (М., 1897. VIII, <2>, 176, II с.; впервые: *РА*. 1896. Кн. III, вып. 11).

[18] Цитата из письма Гилярова к Романову-Рцы от 9 февраля 1887 г. (*Письма к Рцы*. С. 334).

[19] В письме от 23 ноября 1886 г. (см.: Там же. С. 302).

2
РЦЫ (И. Ф. РОМАНОВ) — П. И. БАРТЕНЕВУ
Киев, 28 ноября 1887 г.

Милостивый Государь,
Петр Иванович,

Приношу Вам глубочайшую благодарность за письмо Ваше, способствовавшее рассеянию сомнений, лежавших тяжелым камнем на моей душе. Не знаю чувства обиднее, больнее, как чувство разочарования... Этому именно последнему чувству суждено, по-видимому, сменить во мне высокое мое мнение о Гиляровe.[1]

С разных сторон, даже с таких, откуда всего бы менее можно было ожидать, долетают до меня отзывы не вполне благоприятные для памяти покойного; видно, придется — хотя это и очень больно — помириться с мыслью, что нравственный уровень Гилярова был ниже его умственной высоты...

Как бы, однако, его ни судить, думаю все-таки, что Гиляров — лицо историческое, а потому и письма, им написанные, тем более такие, как имеющиеся у меня, принадлежат истории. На днях я узнал, что уже существует намерение издать его переписку; обратятся, значит, и ко мне. Имею ли я какое-нибудь право (нравственное, а не юридическое) отказать в присылке писем, предполагая, что будет обращена ко мне подобная просьба? Мне кажется: нет. Как же тогда быть с письмом, в котором заключается известный отзыв о Хомякове? Убедительнейше прошу Вас позволить мне обратиться к Вам с этим вопросом. По-моему, вопрос идет о деле *исторической совести* — вот основание, чтоб обратиться не к кому другому, как именно к Вам.

Историческое письмо, может, так. Отзыв исторически известного человека о современнике, которого первый близко знал, отзыв, положим, явно несправедливый, допустим даже — клевета... Не уничтожить ли письмо? Без сомнения, пресмыкающаяся зависть, фанатизм ограниченности, уже произнесший некогда над могилою великого человека слово: «иересиарх», доморощенный папизм и доморощенный протестантизм, фальшивое благочестие и криводушное безверие, вся эта русская накипь, все эти темные силы с неистовым злорадством поспешат подхватить хулу, чтоб умалить величие великана, самый рост которого уже кажется нестерпимою обидою для пигмеев... Зачем же подвергать опасности память дорогого человека? Да, непременно письмо, о котором идет речь, должно подлежать уничтожению, так по крайней мере должно бы подсказать первое движение чувства. Поразмысливши, однако, невольно приходишь к заключению, что чувство для своего намерения не находит достаточного подкрепления со стороны бесстрастного рассудка. В самом деле, насилием заградишь ли злословящие уста? Удавалось ли когда исказить историю или, наоборот, восстановить затерянную в ней правду *механически*, уничтожением, подлогом документов и проч.? Наконец, согласно ли с *историческою совестью* уничтожать документ, хотя бы и с явно ложным отзывом о том или другом историческом лице, пусть

это лицо и бесконечно нам дорого? По-*Хомяковски* ли будет спасать Хомякова средствами, достойными иезуитов? Вот вопросы, от которых никак не могу отделаться. Что пустить гулять по белу свету названное письмо невозможно — это для меня очевидно, что оно не должно попасть в печать без подробного, авторитетного комментария, уничтожающего в корне, так сказать, яд ложного свидетельства, — это, в моих глазах, не подлежит сомнению, но следует ли его уничтожить — недоумеваю. Убедительно прошу Вас научить меня, как поступить в данном случае. *Ваш совет я исполню беспрекословно*.

Примите уверение в совершенном уважении Вашего покорного слуги
Ив. Романова.

P. S. Не разрешите ли Вы мне переслать Вам это злосчастное письмо в полное Ваше распоряжение? Для меня это был бы самый желательный исход.

Вот письмо, глубокоуважаемый Петр Иванович, которое уже немало времени лежит у меня на столе. Я все как-то не решался сдать его на почту; лишь все казалось, что в мыслях моих какая-то неясность... Клевета... это все равно как если бы кто обухом по голове ударил; только глаза таращим да руками разводим, голова же отказывается работать, не удивительно, что мысли путаются, нелепы... К счастью однако, из этого состояния оцепенения вывело меня письмо, неожиданно полученное от Д. А. Хомякова. Предполагаю, что содержание этого письма Вам более или менее известно. Не могу не выразить благодарности Дмитрию Алексеевичу за счастливую мысль попытаться взглянуть на дело так, как бы перед нами находился свидетель неопороченный, словам которого можно довериться... Голова освобождается от давившей ее тяжести, мысль вступает в свои права, является возможность рассуждать... Таким анализом выражения Гилярова в связи с тем, что было сказано Ю. Ф. Самариным в его знаменитом предисловии к II т. соч. Хомякова. Д<митрий> А<лексеевич> выясняет, что в сущности Гиляровым не сказано чего-нибудь такого, что не было бы и у Самарина. И с этим нельзя не согласиться. Страшно ведь тут только одно слово (кощунство), но едва ли нужно доказывать, что сплошь и рядом слово, срываясь с языка человека, думавшего, положим, о белом, поражает слух другого представлением о черном. Я застаю за картами человека, которому, предположим, поручено ведать важные государственные или общественные дела, притом в какую-нибудь особо критическую минуту, ну хоть бы Ветлянскую чуму[2] уничтожать, что ли. Очень может быть, что наш герой первый раз в жизни подсел к зеленому столу, более чем вероятно, что никакого упущения не произойдет оттого, что истребитель чумы вздумал слегка «повинтить»,[3] но меня в высшей степени неприятно поразило несоответствие занятий отца отечества, и вот под этим досадным[a] впечатлением я спешу известить приятеля: «Вы ждете спасения от NN? Какая наивность! Можно ли ждать добра от *картежника*». Посмотрите, ведь здесь чистейшая клевета, но назовете ли Вы меня клеветником? Так постник, случайно проглотивший глоток вина, превратится в «пьяницу», опять-таки в предубежденных, ослепленных теми или иными душевными аффектами глазах

[a] *Слова*: этим досадным — *вписаны над строкой*.

грешного человека, не умеющего ни владеть собою, ни взвешивать все последствия опрометчиво брошенного на ветер слова (недаром сказано: «Кто скажет: безумный, подлежит геенне огненной»[4]). Эти соображения, по-моему, необходимо иметь в виду, прежде чем произносить осуждение Гилярову. Клевета требует непременно наличности *злого умысла*. *Неосторожность* еще не есть клевета, сколько бы вреда она ни причинила. Но и для неосторожности в данном случае отыскивается весьма важное психологическое оправдание. Письмо Гилярова (которое я решаюсь немедленно же Вам переслать) писано в явно раздраженном состоянии духа. Это явствует не только из тона письма, почти грубого в сравнении с предшествующими и последующими, но даже из самого почерка, необычно неровного. В письме этом, как увидите, встречаются очень жесткие слова по моему адресу. Мы спорили. Вопрос шел о Таинствах. Я держался Хомякова, Гиляров говорил «от себя». Мне показалось, что мой оппонент впадает в ересь, и я это ему высказал. В ответ посыпались на меня обвинения в «прямолинейности», «подлоге», «лжи», «нелепости» и даже «богохульстве»!!! Покорнейше прошу вникнуть в сущность дела. Гиляров раздражен полемикой, он не щадит противника и старается его всячески уколоть, но что может быть больнее для этого восторженного «хомяковца», как неблагоприятный отзыв о самом Хомякове? Понятно, этот психологический процесс происходит бессознательно, инстинктивно, как инстинктивно нащупываем мы самое подходящее место, чтоб пырнуть нож в навалившегося на нас зверя... К тому же о Хомякове приходится упомянуть хочешь не хочешь, был о нем вопрос, вот случай расхолодить пылкого юнца ушатом холодной воды (опять-таки все это *бессознательно* и во мгновение времени, пока перо буквы выводило), и дело сделано! *Бессознательно, машинально* (прошу припомнить пример мой о «пьянице» и «картежнике») педаль не в меру надавлена, и получается диссонанс, оскорбляющий слух. Скажи только Гиляров, как сказано у Самарина, «для него ничего не было святого с точки зрения благочестивых людей»,[5] и слово прошло бы незамеченным, но *кощунство* — страшно! Так я себе объяснял дело, но у меня была еще и другая догадка, касавшаяся самого Хомякова.

Я думал, признаться, что Хомяков действительно-таки был виновен, но тоже в *неосторожности*. Мне не раз приходилось наблюдать в русских людях, и именно наиболее одаренных, то, что называется ésprit de contradiction *. Вот господин N.; славянофил, «ультрарусского» образа мыслей, не только верноподданный, но в Царской власти видящий дорогой народный идеал. Вот господин X., «строгий консерватор», «монархист» из лагеря «Гражданина»,[6] чающий спасения единственно от религиозного городового да от Аракчеевского духа в школе... Затаив дыхание, Вы ждете схватки. И как ей не быть? Как в самом деле не закатить под микитки смрадному господину из «Гражданина»? И наш приятель N. закатывает, но... но вот тут-то и обнаруживается печальное свойство чрезмерной игривости русского ума. Зажглося, как говорится, ретивое, перелилось через край русское бесшабашие... Смотрите, куда залетел наш N., он уже на барри-

* дух противоречия (*фр.*).

кадах, он не признает иного образа правления, кроме республиканского, он превозносит «Великую» революцию, он уже готов затянуть марсельезу... Правда, что к этим крайностям разжигает уморительный страх господина из «Гражданина». Несчастный считает уже себя навеки скомпрометированным, нечего и думать о звезде к Новому Году, ему уже мерещатся визиты жандармов, обыски, выемки... Все это бесспорно очень забавно, а все-таки и городничий резонно некогда[a] заметил: «Зачем же стулья ломать?..»[7] То же совершенно могло (так мне представлялось) случиться и с Хомяковым, но в иной сфере, именно религиозной. Нещадно вырывая плевела с нивы Господней, он мог нечаянно задеть и стебель пшеницы.[8] Эту мою догадку удивительным образом подтверждал отзыв Н. А. Муханова[9] (Р<усский> Арх<ив>. 2 кн. 1887 г.).

«А<лексей> Степ<анович> поразил меня особенной живостью ума и глубокомыслием, *не всегда чуждым парадоксов...*»[10]

«В разговорах с глазу на глаз нельзя было правильнее и глубже рассуждать о предметах и вопросах высшей важности; как только явилось более слушателей, *он переменял совершенно направление своих речей и вводил в них воззрения столь парадоксальные, часто неосновательные и поддерживал их силою и доводами, испещренными необыкновенною живостью и игривостью...*»[11] Согласимся на минуту, что Муханов свидетельствует истину, примем также в расчет раздраженное состояние духа Гилярова, заставившее его мимо воли сгущать краски, ведь чего доброго в итоге и получится смутивший нас отзыв, за которым прячется настоящая правда — *двойная неосторожность?*

Жизнь Гилярова мне совершенно неизвестна; с болью приходится выслушивать неблагоприятные о нем отзывы; от всей души желал бы я, чтоб суд истории был для него снисходительнее суда современников; и я — не скрою — очень порадовался бы, если бы успел настоящим объяснением хотя в чем-нибудь его оправдать; но, оправдывая Гилярова, я ни за что не хотел бы причинить ущерба памяти дорогого Алексея Степановича, Боже сохрани! Хомяков уже принадлежит истории, и беда, если эта последняя в своем суждении о нем окажется несправедливее современников! Сия лесть будет горше первой...[12] Вручая Вам письмо Гилярова, я знаю, что оно будет находиться в надежных руках. Нечего прибавлять: cavent consules! *[13] Историческая правда, равно как и любовь наша к Хомякову не будут, без сомнения, обижены!

Вы не откажете, надеюсь, передать Дмитрию Алексеевичу мой поклон и душевную благодарность за его прекрасное письмо.[14]

Примите уверение в глубочайшем моем уважении.

Ив. Романов.

Ноября 28-го
1887 г.
Киев.

---

[a] *Это слово вписано над строкой.*

* пусть консулы будут бдительны (*лат.*).

Печатается впервые по автографу: ГИМ. Ф. 368. Ед. хр. 1. Л. 36—39.

[1] См. реакцию А. М. Гальперсон на это место в ее письме к князю Н. В. Шаховскому от 13 апреля 1893 г. (Наст. изд. С. 582).

[2] Имеется в виду вспышка легочной чумной эпидемии в России — впервые с XV в., — произошедшая в приволжской станице Ветлянская Астраханской губернии, Енотаевского уезда, осенью 1878 г. — зимой 1879 г. На эпидемию сначала не обратили особого внимания «как на противоречащую данным науки». Но к началу зимы чума перекинулась на многие селения по обеим сторонам Волги, порой за два-три часа губя совершенно здоровых людей. В декабре 1878 г. все постройки в зараженных селениях были сожжены вместе с имуществом поселян. В январе 1879 г. в Царицын прибыл гр. М. Т. Лорис-Меликов во главе особой Комиссии, в заседаниях которой присутствовали и приехавшие иностранные делегации. Тогда же «ветлянка» пошла на спад, хотя ее вспышки бушевали до марта 1879 г. По оценкам современников, эпидемия унесла 379 жизней.

[3] Имеется в виду карточная игра в винт.

[4] Мф 5: 22.

[5] Приведем в контексте слова Ю. Ф. Самарина из его «Предисловия» к тому «Сочинения богословские» А. С. Хомякова (1868), которые подразумевает Рцы: «Он дорожил верою как истиною, а не как удовлетворением для себя, помимо и независимо от ее истинности. Самая мысль, что какая-нибудь подмесь лжи или неправды может так крепко прирасти к истине, что нужно, в интересах истины, щадить эту ложь и неправду, возмущала и оскорбляла его сильнее, чем что-либо, и этот вид бессознательного малодушия или сознательного фарисейства он преследовал во всех его проявлениях самою беспощадною иронией. Он имел в себе дерзновение веры. Оттого и случилось, что люди от него открещивались и говорили, что для него нет ничего святого...» (*Самарин Ю. Ф.* Собр. соч.: В 5 т. СПб.: Росток, 2013. Т. 2: Церковь и общество. С. 609—610).

[6] *«Гражданин»* — политическая и литературная газета-журнал, основанный князем В. П. Мещерским. Издавался им в 1872—1879 и 1882—1914 гг. в Петербурге.

[7] Слова Городничего из комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» (1836; д. I, явл. I).

[8] Реминисценция евангельской притчи о плевелах (Мф 13: 24—30).

[9] Николай Алексеевич Муханов (1802—1871) — государственный деятель, действительный тайный советник.

[10] *Муханов Н. А.* Воспоминание об А. С. Хомякове // *РА*. 1887. Кн. I, вып. 2. С. 243.

[11] Там же. С. 244.

[12] Евангельская реминисценция (Мф 27: 64).

[13] Слова из формулы обращения Римского сената в опасное для республики время к консулам (высшим сановникам государства), которым на этот период передавалась диктаторская власть. Употребляется как крылатое выражение в значении: «берегитесь», «будьте начеку».

[14] Переписка Рцы с Д. А. Хомяковым нам неизвестна.

VI. ИЗ ПЕРЕПИСКИ А. М. ГАЛЬПЕРСОН С РЦЫ (И. Ф. РОМАНОВЫМ), С. Ф. ШАРАПОВЫМ, Е. Л. КОЧЕТОВЫМ и В. Г. СЕНАТОВЫМ (1888—1889)

1
А. М. ГАЛЬПЕРСОН — РЦЫ (И. Ф. РОМАНОВУ)
Москва, 10 марта 1888 г.

Я сочла бы себя очень пред Вами виновною, многоуважаемый Иван Федорович, если бы писать Вам не помешали мне причины весьма основательные. Надеюсь, что Вы поверите мне на слово: я опасаюсь утомлять Вас перечислением этих причин, потому что слишком много в них личного.

Позвольте мне хотя и поздно несколько, но подробно ответить Вам на оба письма.

Прежде всего благодарю Вас за доверие: Вы ставите меня судьею, Вы верите в мое беспристрастие, и я отвечу Вам по мере моего разумения.

Вы требуете вознаграждения за свой труд, и никто не вправе спрашивать Вас, на комфорт или на насущные потребности нужны Вам деньги. То, что Вам кажется комфортом, другому представляется неотложною необходимостью. С той минуты, как Вы заикнулись о вознаграждении, Шарапов обязан был удовлетворить Вас, если считает сотрудничество Ваше полезным. Сантиментальничанье тут неуместно, Вы справедливо замечаете.

Хотя Вы меня не уполномочили говорить с Шараповым, но он сам прочел мне последнее Ваше письмо, и я сочла себя вправе говорить с ним об этом щекотливом вопросе. На все *денежные* требования он соглашается, но... Вы говорите, это уже не в первый раз: четыре месяца он Вас так *морочит*.

С этим последним определением я не согласна: если только Вы действительно знакомы с Шараповым, Вы сами в спокойную минуту сознаетесь, что слово это слишком резко и не соответствует сути. Я Вам писала, и Вы согласились с моей характеристикой: в Шарапове мало положительного, но резких отрицательных черт нет. В ту минуту, как он соглашается, он вполне уверен в возможности выполнить обещание. Он ценит Вас чрезвычайно высоко, и отказ Ваш от сотрудничества был для него действительно тяжелым ударом; но он даже понять не может, чем провинился. Слово *морочит* его ошеломило. *Морочит* предполагает преднамеренность, а он в каждую данную минуту уверен, что способен удовлетворить Вас по первому требованию и что «вот надо же, чтобы как раз сейчас не оказалось денег в кассе». Нужды нет, что это *сейчас* протягивается в бесконечность: ему кажется, что вчера деньги были и завтра будут.

Вы скажете, что моя защита хуже обвинения и что я сама внушаю Вам своими словами осторожность в сношениях с этим человеком. Да, я же и говорила Вам, что его необходимо взять в руки, и это одинаково относится и к литературным его трудам, и к внутренним делам редакции. Но мне хочется убедить Вас, что он морочить не способен и что гнев Ваш не туда направлен.

Задачу укрощения Вы возлагаете на меня; но Вы не знаете, с каким слабым человеком имеете дело.

Знаете Вы, на чем мы с Никитою Петровичем прежде всего сошлись: на величайшей снисходительности к людям, к их действиям и взглядам. Я не умею оказывать давление на кого бы то ни было. Я вижу, как Шарапов в беседе со мной постепенно от крайнего несогласия с моими словами переходит к полному безусловному согласию (бывали даже курьезы), и у меня не хватает духа указать на противоречие тут же.

Не далеко идти: по поводу статьи Кокорева[1] и Ваших исторических справок[2] у нас завязалась беседа об отношениях России к немцам и французам. Он негодует на Ваше определение французской нации. Я возразила, что хотя французы не возбуждают во мне такой гадливости, как в Вас, но что определение тем не менее верно и что я[a] собираюсь даже написать большую статью о французской литературе, как об отражении тех сторон французской нации, о которых Вы вскользь упоминаете в своих *Справках*; на это благословил меня еще Никита Петрович.

«Вы не любите французов, оттого так рассуждаете», — отвечал С<ергей> Ф<едорович>.

— Я говорю Вам, что суждение мое есть плод[b] размышлений и изучения.

Я стала приводить доказательства; он на всё соглашался. Я сама оборвала разговор, потому что спешила домой. Подавая мне руку на прощание, С<ергей> Ф<едорович> вдруг воскликнул: «Нет, но каков Додэ;[3] ради одного Додэ я французам все прощаю».

Я могла возразить, что один Додэ после всего, о чем мы говорили, ничего не значит; что, если говорится *все прощаю*, значит много есть дурного; что из-за одного личного прощения Сергея Федоровича Россия не может мириться и вступать в союзы с пустым и легкомысленным народом; что пять минут назад сам Сергей Федорович признавал Зола, Гюи де Мопассана и других отражением всей французской нации.... Но я ничего этого не сказала, усмехнулась и ушла. Разговор не возобновлялся.

Нет, я не сумею укрощать его: слишком он пылок, слишком увертлив. Притом... Как Вам сказать? Вы говорили о требованиях комфорта. Если я не могу сказать этого о себе, то не могу себе ставить это и в заслугу: детство мое и юность протекли в такой нужде, что никаких привычек ни к какому комфорту не могло и создаться. И тем не менее я тоже ищу вознаграждения за свой труд и даже работаю ради вознаграждения: за мной стоит семья в шесть человек. Мои требования поэтому оказываются больше Ваших; я должна и работать больше. К тому же я поставила[c] себе задачей привести в систему труды, оставленные Никитою Петровичем. Я не могу сказать, чтобы вполне добросовестно исполняла эту за-

[a] *Далее зачеркнуто*: давно.

[b] *Далее зачеркнуто*: рассуждений и.

[c] *Далее зачеркнуто*: своей.

дачу. Каторжный поденный труд подтачивает и силы и энергию: временами я руки готова на себя наложить: проходят дни, месяцы, а я так мало сделала, а так много остается сделать. Где уж тут думать об укрощении Шарапова?

Как бы мне хотелось, чтобы Вы ясно представили себе мое положение, хотелось бы для того, чтобы Вы могли с бóльшим хладнокровием и меньшей горячностью обсудить *обстоятельно-прекрасную* мысль С<ергея> Ф<едоровича>.

Мне нужен человек, который бы заранее, не под моим только давлением, почувствовал благоговение к наследию Никиты Петровича, который бы задачей жизни поставил себе исполнение всего гигантского труда, который бы каждую строчку сберег и ни в одной не усмотрел противоречия со своими минутными ли, как у Шарапова, неизменными ли воззрениями, который понял бы, что издание должно выйти академическим, который наконец кощунством счел бы искание выгод для себя от издания.

Получив Ваше письмо, я снова заговорила с Шараповым. «Альбом мыслей»,[4] — говорю я. — «Нет, знаете что, — восклицает он с обычным своим жаром, — хорошо бы под заглавием "Чему учил Н. П. Гиляров-Платонов" излагать постепенно сущность его воззрений». — «Но[a] нужен по крайней мере год, чтобы только прочитать все, им написанное, а сколько еще времени пройдет, пока приведешь в систему». Я уж и не пробовала объяснять ему, что для подобного труда нужна необычайная сила ума, неисчерпаемые знания и глубина, по крайней мере равная той, какою обладал сам Н<икита> П<етрович>. Не пыталась я потому, что (говорите, что хотите) я чувствую, как мало понимает Сергей Федорович, как мало оценивает он Никиту Петровича.

— Ну, дайте по крайней мере какие-нибудь фрагментики!

— Что же с того? — возразила я, занятая мыслью о полном воссоздании великого образа.

— Помилуйте, журнал очень много от этого выиграет!

Разочарование отразилось на моем лице. Он понял и принялся оправдываться. Но легче ли от того?

Вздумали мы перепечатать «Экскурсии».[5] Отчасти я хотела попытать Вашу мысль об «Альбоме». Сдаю и прошу не выпускать без моей корректуры. Если Вы получаете «Русское Дело» и видели первый выпуск, выноска при нем скажет Вам, при каких обстоятельствах он состоялся: первое письмо «Экскурсий» пошло на затычку.[6] Нумер вышел в субботу, сегодня четверг: только сегодня собралась я с духом просмотреть, нет ли грубых опечаток. Сегодня же была я у Шарапова, просила хоть впредь давать мне корректуру... Оказалось почему-то невозможным. И я все-таки повторяю: он поступает так безо всякой преднамеренности. Но скажите, ***легче ли мне от того***?

Если бы Вы знали, с каким нетерпением я жду Вас сюда. Что письма? Вот прошло две недели, а я не могла написать ни строчки. Лично мы скорее сговорились бы; Вы дали бы мне совет, увидав ясно положение мое.

---

[a] *Далее зачеркнуто*: на это.

На днях я перечитывала письма ко мне Никиты Петровича.[7] Какие надежды возлагал он на мою заботу о его трудах и каким упреком звучит это теперь для меня! Мне приходится разбрасываться: я перечитываю статьи в «Современных Известиях», перечитываю и переписываю филологический труд, читаю политическую его экономию! Но как мало времени приходится на каждое в отдельности, не говоря о том, что громадная переписка остается неразобранною, что *фрагментикам*, как[a] пренебрежительно отзывался Шарапов, грозит гибель у Барсова,[8] что, наконец, ни одна строка не увидала еще света!

Простите, многоуважаемый Иван Федорович: все мои письма похожи на бесконечную жалобу! Я знаю, как несносно прислушиваться к этому со стороны; но если бы Вы знали, как больно сознавать свое бессилие пред такою великою и благородною задачею! *Он* писал в одном письме, поручая мне небольшой отдел в своих филологических изысканиях: «Я хочу, чтобы Вы полюбили этот труд; я хочу, чтобы имена наши стояли на нем рядом, когда он увидит свет!»[9] Слова, которые наполняли меня величайшей гордостью, отзываются во мне теперь, как трубный звук.

Я боюсь Шарапова не потому, что он захочет меня обмануть: от обмана можно оберечься, а потому, что он легкомыслен. Когда же в его руках будет издание, поздно будет осматриваться.

Что Вы мне скажете? В лучшем случае — промолчите; в худшем скажете: «вечно стоная, далеко не уйдешь; каких же Вам еще советов?» Ваша мысль так быстра и легка: Вы можете придумать то, что мне и в голову не придет.

Я думаю о комиссии. Это было бы идеально, если бы мне на помощь пришли два, три человека. Но Вы правы, прав и Шарапов: дальше охов и ахов никто не пойдет. Если бы я была материально обеспечена, если бы могла все время посвящать своей задаче, никто бы мне не понадобился, а теперь....

Я думала ответить сразу на оба Ваши письма, но, во-первых, и без того письмо мое утомительно длинно, а во-вторых, меня отзывает поденщина: двенадцатый час ночи, — мне надо ехать в Северное Агентство.[10] Вы позволите мне в следующем письме коснуться Кокоревского письма и Ваших *Справок*?

С этой же почтой посылаю Ваши письма к Никите Петровичу и его к Вам. Между присланными мне письмами Н<икиты> П<етровича> нет письма от 11 января 1887 г., а между бумагами Н<икиты> П<етровича> я нашла копию с него, написанную рукою Сенатова.[11] Что это значит? Было ли оно Вами получено? Начинается оно словами: «Итак, Вы, рьяный антипапист...»

Глубоко почитающая Вас
А. Гальперсон.

10 марта 1888 г.
Москва.

[a] *Это слово написано над зачеркнутыми*: о которых.

Печатается впервые по автографу: ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 44б. Л. 1—5 об. На конверте рукой А. М. Гальперсон помечено: «Неотосланное письмо И. Ф. Р<оманову>».

[1] Речь идет о нашумевшей брошюре В. А. Кокорева «Мысли русского, порожденные речью Князя Бисмарка» (СПб., 1888), в которой утверждалось, что Германия — единственная надежная союзница России в Европе. Василий Александрович Кокорев (1817—1889) — публицист, близкий к славянофилам; общественный деятель; откупщик-миллионер, промышленник, разорившийся в конце 1860-х гг.

[2] Очевидно, прежде всего имеется в виду статья: *Рцы.* Князь Бисмарк — слуга папы // *РД.* 1888. 23 янв. № 4. С. 6—7, а также: *Рцы.* Черновые наброски // Там же. 1887. 16 мая. № 6/7 (Особ. прил.). С. 3—4; 6 июня. № 10. С. 2—4; 24 окт. № 12/13. С. 3.

[3] Альфонс Доде (Додэ, Daudet; 1840—1897) — французский романист, драматург, журналист. Его прозу переводила Гальперсон.

[4] Источник выражения — определение И. Аксакова в его письме к Гилярову от 19 сентября 1884 г., где сопоставлялись издания последнего и М. Н. Каткова: «Слово Каткова никогда не головоломно, никогда не отвлеченно и при рельефности изложения всем понятно. Как газетный публицист он несомненно стоит выше и меня и Вас. Он не мучается никакими вопросами, не выражает ни сомнений, ни недоумений, — слово его не замысловатое, не мудреное, но властное. Ваша же газета, напр., это — “альбом моих ощущений, впечатлений и мыслей”» (*Аксаков в письмах*. Т. III. С. 442). Это письмо, увидевшее свет в 1896 г., было известно Гальперсон раньше через посредство князя Шаховского.

[5] Очерк Гилярова «Экскурсии в русскую грамматику» (1883). См. коммент. 2 на с. 636.

[6] Речь идет о начале републикации очерка Гилярова, которая оказалась досрочной. В Содержании № 10 «Русского Дела» от 5 марта было указано, что на с. 15 находится статья под личной редакторской рубрикой «Чужие мысли и недомыслия», однако вместо нее помещено начало «Экскурсий в русскую грамматику». В подстрочном примечании Шарапов пояснял: «Статья “Чужие мысли и недомыслия”, по несчастию, при самом отпуске в машину рассыпана вместе со всею 15-й страницей. Поэтому, ввиду позднего времени, заменяем ее настоящей статьей, назначенной в № 11».

[7] Опубл. нами: «Да, много Вы моей души занимаете»: Письма Н. П. Гилярова-Платонова к А. М. Гальперсон / Публ. А. П. Дмитриева // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007—2008 годы. СПб., 2010. С. 171—251.

[8] Имеется в виду Е. В. Барсов. См. коммент. 187 на с. 567.

[9] Пересказывается по памяти фрагмент из письма Гилярова к Гальперсон от 19 марта 1883 г.: «Ожидаю и желаю (я забегаю уже вперед), что глаголами будете заниматься Вы не потому только, что оказываете дружескую мне услугу. Полюбите это дело, проникнитесь его важностью, смотрите на него как на часть своей души, потому что, как я говорил Вам, истинное, душевнейшее удовольствие было бы для меня поставить в будущем труде рядом наши имена. Утешением было бы для меня, в случае если не удастся привести труд к окончанию, оставить после себя человека, который бы в состоянии был бы издать и, может быть, даже докончить работы. Часть их мне советуют отправить в Публичную библиотеку. Это я и сделаю, но будьте в этом пункте моим душеприкащиком. Мне приятна будет мысль, что в этом деле я не умер и что продолжусь именно в Вас» («Да, много Вы моей души занимаете»: Письма Н. П. Гилярова-Платонова к А. М. Гальперсон. С. 232).

[10] О Северном телеграфном агентстве см. коммент. 2 на с. 628.

[11] Василий Гаврилович Сенатов (1868 — не ранее 1918), историк старообрядчества, бывший старовер-федосеевец; с 1889 г. обучался в Московской духовной академии, в 1898 г. утвержден в звании кандидата.

2
А. М. ГАЛЬПЕРСОН — С. Ф. ШАРАПОВУ
Москва, 23 сентября 1888 г.

Многоуважаемый Сергей Федорович!

Я совершила с виду непростительный поступок, но именно потому, что Вы сами поступили непростительно.

У нас не только не было решено, какое заглавие придать политико-экономическому труду Никиты Петровича, но даже и самый вопрос о печатании «остался открытым», по выражению г. Морозова.[1] Я не намерена обязываться ему, если он не находит возможным дать свое слово. Вы же решили объявить об этом, придали свое заглавие и не осведомились, даже не посоветовались со мною.

Я нахожу, во-первых, совсем невозможным придавать какое-либо заглавие труду, не озаглавленному покойным; во-вторых, «Опыт русского освещения» нахожу совершенно неправильным заглавием.[2] Опыт ли это или труд, которому суждено составить эпоху в науке, решать не нам: вопрос этот будет решен потомством. Озаглавить «Опыт русского освещения» — значит заранее принизить значение труда. Поэтому я позволила себе вычеркнуть из Вашего объявления самое оглавление труда.[a]

Вы знаете, многоуважаемый Сергей Федорович, какое малое значение придаю я своим трудам и как мало досаждаю Вам своими претензиями. Но во всем, что касается Никиты Петровича и *его* трудов, я не могу позволить ни себе, ни другим ни малейших уклонений от раз предначертанного пути. Надеюсь, что Вы, столь же щепетильный в отношении к Ив. Сер. Аксакову, поймете мои чувства.

С почтением
А. Гальперсон.

23 сентября 1888 года.

Печатается впервые по автографу: ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 44б. <№ 7>. Л. 1—2.

[1] Лицо неустановленное. Предположительно, Гальперсон нечаянно исказила фамилию юриста и экономиста Ивана Трофимовича Тарасова (1849—1929), предпославшего экономическому труду Гилярова свою статью, напечатанную и в газете Шарапова: *Тарасов А., проф.* Н. П. Гиляров-Платонов как экономист // *РД*. 1890. 18 февр. № 5. С. 8—9. (В инициале ошибка.)

[2] На первой полосе № 39 «Русского Дела» от 24 сентября 1888 г. помещено объявление об открытии подписки на газету и отмечено, что «в эти три месяца» будет напечата-

[a] *Далее три строки тщательно вымараны.*

но, между прочим, «посмертное произведение Н. П. Гилярова-Платонова "Опыт русского освещения политико-экономических учений"». Из-за возражений Гальперсон, изложенных ею в настоящем письме к Шарапову, он в следующем выпуске (№ 40) вообще снял этот анонс, а в № 41 от 8 октября в объявлении стояло: «посмертное произведение Н. П. Гилярова-Платонова по предмету политической экономии», под строкой же Шарапов пояснял: «Заглавие сочинения, поставленное в объявлении № 39-го "Опыт русского освещения политико-экономических учений" в рукописи не находится и было поставлено нами по недоразумению, которое теперь и устраняем». В результате это исследование Гилярова, печатавшееся в «Русском Деле» начиная с 22 октября 1888 г., по согласованию с Гальперсон было озаглавлено так: «Основные начала экономии (Посмертный труд Н. П. Гилярова-Платонова)». См. коммент. 7 на с. 685.

3
А. М. ГАЛЬПЕРСОН — С. Ф. ШАРАПОВУ
Москва, 1 октября 1888 г.

Посылаю Вам, многоуважаемый Сергей Федорович, материалы для статьи о Никите Петровиче.[1] Почти все посылаемое заимствовано из его же писем, кроме двух статей из «Современных Известий». Заимствования дают картину и его самого как человека, его как деятеля и мыслителя, и положение его в качестве издателя. Мне не нужно Вам говорить, какой отрывок чему служит свидетельством: Вы сами поймете.

Кроме того, что Вы здесь найдете, я могу Вам сказать в общих чертах, что я бы о нем написала. Я напомнила бы, что Аксаков писание передовых статей называл *говорить басом,* Никита Петрович — *говорить дискантом,* и в этой разнице заключается их характеристика. Никите Петровичу действительно приходилось сгибаться в три погибели, чтобы становиться в уровень с толпой, и то не удавалось. Я сказала бы, что он старался быть учителем народа и для этого вступал с ним в постоянное общение, выслушивал нищих духом и давал им место в своей газете, своими ответами пытаясь выяснять им самые серьезные вопросы. Я сказала бы, что один список его статей способен внушать удивление к его многосторонности, способен дать понятие о его великой душе, указанием на выбор предметов обсуждения. Я сказала бы, что его статьи о рационалистическом движении философии («Русская Беседа», 1856 г.), его книга «О пережитом» одни могли бы составить славу человека, а он замолчан, тому он дает объяснение в своей статье о Хомякове (выписка прилагается),[2] я сказала бы о величайшей независимости его пера (выписка прилагается).[3] Сказала бы я, что при громадности его занятий, при страшном бремени забот никогда никто не обращался к нему тщетно за советом, за помощью, иногда даже материальною, что совсем было для него трудно; но большею частью за ходатайством, нравственной поддержкой. Этому есть свидетельство в газете, где он вступается за самых маленьких людей; есть их еще больше в бумагах. Я сказала бы, что от ничтожнейших, повидимому, вопросов он всегда подымался до самого высокого, и хотя читатели не могли следовать за ним в такую высь, но они воспитывались в величайшей

чистоте понятий. Он думал, что пишет для народа, думала так и интеллигенция, которая и отворачивалась от малых размеров его газеты, а между тем даже и интеллигенция не доросла до него.

Я не навязываю Вам, многоуважаемый Сергей Федорович, своих мыслей. Может быть, я когда-нибудь и сама соберусь с силами и напишу тогда, подкрепляя всё данными из его же трудов. Я пишу Вам это для Вашего соображения; для того чтобы ясен был Вам мой выбор отрывков. Если Романов исполнит нашу общую просьбу, он изложит точку зрения Никиты Петровича на Восточный вопрос. Из приложенных отрывков Вы узнаете его взгляды на свободу слова, его философские взгляды, взгляд на религию, на прогресс. Лучше будет, если Вы выписками не воспользуетесь буквально, кроме того что касается «Совр<еменных> Изв<естий>».[4] Но не беда, если и напечатаете.

Если Вы в среду приедете, дайте мне знать, пожалуйста. Можно будет еще пополнить.

«Вестник Европы» посылаю.[5]

Уважающая Вас
А. Гальперсон.

1 октября 1888 г.

Печатается впервые по автографу: ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Ед. хр. 43. Л. 1—2 об.

[1] Речь идет о передовой статье, которой Шарапов собирался отметить первую годовщину со дня кончины Гилярова: <*Шарапов С. Ф.*>. † Памяти Н. П. Гилярова-Платонова (13 октября 1887 года) // *РД*. 1888. 8 окт. № 41. С. 1—5. В ней впервые опубликованы многочисленные фрагменты автобиографического, исповедального из писем Гилярова к К. П. Победоносцеву и князю Н. В. Шаховскому, которыми, очевидно, и снабдила Шарапова Гальперсон.

[2] Эту выписку Шарапов разбил надвое и вставил в свою статью: 1) на с. 3—4: «Не виноват ли здесь самый образ действия <...> ловят одни внешние движения и на них успокоиваются»; 2) на с. 4: «Если б спросили меня, как вкратце выразить воззрения Хомякова, я бы отвечал одним словом: *любовь* <...> Хомяков и в теоретической области повсюду искал именно живого, духовного и целостного» (*Гиляров-Платонов Н. П.* О судьбе убеждений // *Сб. соч*. Т. II. С. 39—41, 44, 45, 46).

[3] Имеется в виду выписка из наброска передовой статьи (1884), заготовленной Гиляровым на случай прекращения издания газеты из-за недостатка средств (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 277. Л. 1—5) и начинающейся словами: «Тяжко вымолвить, но должно: “Современные Известия” приостанавливаются на некоторое время». В выписке, в частности, говорилось: «не продавал своего пера никому — ни сильному, ни богатому; не подслуживался ко власть имеющим; не закрепощал себя ни одному из литературных кружков; не плыл по течению общественного разврата в разных его видах; не льстил страстям и поверхностным увлечениям; не заглушал высших интересов; напротив, служил им неизменно по силе разумения <...>» (*РД*. 1888. 8 окт. № 41. С. 3).

[4] Кроме упомянутых выше выписок, Гальперсон снабдила Шарапова извлечениями из писем Гилярова к Победоносцеву и князю Шаховскому.

[5] Гальперсон возвращает журнал, выдававшийся ей как литературному обозревателю журнала.

4
А. М. ГАЛЬПЕРСОН — Е. Л. КОЧЕТОВУ[1]
Москва, 19 декабря 1888 г.

Копия.

Милостивый Государь, Евгений Львович! Ни на одно мгновение не допустила я мысли, чтобы письмо Ваше к Софье Николаевне[2] показано было ею мне с Вашего ведома. Напротив, дочитав, я вынесла убеждение, что откровенность Софьи Николаевны будет Вам неприятна.

И тем не менее положение Ваше относительно меня выгоднее, нежели мое относительно Вас. Я читала *собственных Ваших* два письма, а к Вам мои возражения дошли в невольном искажении третьего лица в зависимости от того, как мысли мои преломились в его сознании.

Софья Николаевна передала Вам, что более всего поразила меня сделанная Вами характеристика нашего с Вами знакомства. Это правда. Но позвольте начать издалека.

Я ни на каких званых вечерах не бываю, ни у родных, ни у знакомых и никаких никогда званых вечеров у себя не устраиваю. Этому мешают слабое мое здоровье и мои занятия. Я вообще по вечерам нигде не бываю, кроме обязательного посещения театров,[3] и мои знакомые бывают у меня, равно как я у них, по большей части днем и в разное один от другого время.

Исключением были Ваши вечера, на которые я стала появляться, не раз, однако, высказав, если Вы помните, что это меня утомляет. Но так как я не хотела оставаться у Вас в долгу, то и просила к себе Вас и Вас окружающих, для чего назначала специальные вечера; все, кого Вы встретили у меня в эти два-три раза, были гостями случайными.

Войти в общество, как Вы это называете, я никогда не добивалась: слишком для этого занятой я человек. В знакомстве с Вами я ценила удовольствие личного общения, тем более что кроме гг. Барсова, Мазинга[4] и Полякова[5] я после 21-го января никого у Вас не встречала и никого встретить не искала. В человеке я ценю прежде всего личные его качества, невзирая на положение его в свете, и привыкла к подобному же отношению к себе. В этом только смысле говорила я о равенстве отношений, нисколько не думая о том, стоим мы с Вами на одной общественной ступени или на разных. Покровительства я не искала, и эта опека, помимо моей воли, показалась мне излишнею, расстроив меня сверх меры только потому, что я вообще теперь нервно настроена.

Юрьева, Лопатина (а не Ланского[6]) и других я назвала для того, чтобы упомянуть, что не *только* хорошего корректора (о чем я только от Вас первого и слышу и чего *никогда* от Никиты Петровича не слыхала), но человека не совсем бездарного и заслуживающего некоторого уважения ценят во мне люди, сами не слишком низко стоящие среди интеллигенции. Я привыкла к общему уважению, хотя никогда его не искала и никогда, по собственному Вашему сознанию, не выставлялась. Меня читают, и мнение мое в области художествен-

ной критики считается авторитетным. Очень жалею, что, отсылая к Суворину мою рецензию, Вы помешали его самостоятельному отзыву: как и Вы, я его авторитетом не считаю, и отказ «Нового Времени» не запирает еще дверей в область литературы.

Что касается помещения «Основных начал экономии» в «Русском Деле»,[7] то делаю это я не на свой страх, а после совета с друзьями Никиты Петровича: с Лопатиным, Юрьевым, Романовым, князем Шаховским и с сыном покойного Алексеем Никитичем. Печатание в том виде, как оставлен труд покойным, тоже решено с общего совета. Всем, кто знал и кто читал Гилярова, труд этот представляется настолько капитальным, что форма нисколько ему не вредит, тем более что после долгого труда отрывки удалось распределить в очень строгой последовательности.[8]

Я могла бы оставить без ответа оскорбительное предположение, что для покрытия своих расходов печатаю я «Основные начала» именно в этой газете. Но, если отвечать молчанием на все оскорбительное в обоих Ваших письмах, мне бы совсем отвечать не пришлось. И Вы поймете, надеюсь, что не для оправдания пред обвинителем пишу я, а для того чтобы показать, что не мне желателен и не мною вызван разрыв.

Поэтому продолжаю. Деньги, взятые мною взаймы для покупки рукописей, давно покрываются из моего гонорара, а сумма, выручаемая из «Основных начал», целиком пойдет на издание полного собрания сочинений Никиты Петровича и в общий со мною счет не входит.

Если говорить о личном моем участии в журнале Шарапова,[9] то я желала бы знать, о чистоплотности какого журнала можно теперь говорить с уверенностью в своей правоте? «Новое Время» выдержит ли испытание по катихизису нравственности? Что меня касается, то я предпочитаю орган, искренно заблуждающийся, нежели такой, которого флаг повертывается в ту сторону, куда дует ветер.

Но вот мы подошли и к самому Шарапову. Опять позволю себе подойти издалека.

С тех пор как я себя помню, я развивала в себе терпимость к чужим воззрениям. Может быть, это и дурно с моей стороны, но теперь мне уже поздно менять задачу моей жизни. Я предоставляю всякому думать, как он хочет и может. Мне лично неприятны люди, которые ныне думают так, завтра иначе; но люди, твердо убежденные, хотя бы и диаметрально расходящиеся со мною, всегда возбуждают во мне уважение. Касаются ли эти убеждения предметов или людей, никогда я не запрещу высказывать мнение в моем присутствии, хотя при личном обращении ко мне позволяю и себе высказывать свое мнение. При таком отношении к чужим взглядам *я не могу горячиться* никогда и ни при каких обстоятельствах, о ком бы в моем присутствии ни говорили. Разумеется, более всего приходится сталкиваться с[a] разнообразными мнениями, когда речь идет об общественных деятелях, и самая деятельность их такова, что дает право на обще-

[a] *Далее зачеркнуто*: чужими.

ственную критику. Поэтому я не могла не слышать отзывов о Каткове, о Гиляровe, о Вас, о том или другом, более или менее действующих на общественном поприще, и если я лично отвожу в своем сознании каждому более или менее высокое место, если я лично отношусь более или менее горячо к славе того или другого из деятелей, я не могу запретить и другим иметь о них свое мнение.

Из этого следует: 1) что я ни в каком случае не могла разгорячиться, выслушивая Ваш страстный отзыв о Шарапове, как бы лично ни думала я о нем. Не могла я сказать, что «за такие обвинения[a] можно ответить», потому что это значило бы изменить самой себе, а я себе никогда не изменяю, равно как не могла сказать на напоминание о фотографии: «На что Вам моя карточка!» Признав, что я это сказала, я должна была бы подумать, что в Вашей квартире атмосфера особенная, делающая из меня нового человека. Повторяю, я каждому предоставляю думать, как он может и хочет, и Вы не могли составить исключения. Но, с другой стороны, я позволяю себе судить Шарапова, как хочу и могу, и если мне он кажется человеком искренно заблуждающимся, то под давлением чужого мнения не могу изменить своего взгляда. Он себя, я убеждена, никому не продавал, и старообрядчества в ущерб православию не защищает. Он говорит то, что говорил и Никита Петрович, что проклятиями раскольников нельзя возвратить в лоно Церкви, что Христово основано на любви и только любовью можно действовать на заблуждающихся. У Шарапова много есть недостатков, и очень крупных: о них я ему говорю в глаза; но того, чего нет в нем, я не допускаю ни в глаза, ни заглазно от него, и позволила себе это высказать и Вам, когда Вы прямо обратились ко мне с вопросом об этом. Но грозить я не могла, повторяю, иначе я должна была бы обвинить себя в доносах и в нетерпимости, чего никогда никто из знающих меня за мною не признавал.

Но, отводя Шарапову должное, я не ставлю его, однако, на одну доску с Гиляровым, как Вы говорите в письме к Софье Николаевне: как мыслителя и человека я ставлю Гилярова выше всех его современников, и я не одинока в этом воззрении.

Несколько далеко от первого ставлю пункт 2). Позволяя всякому иметь свое мнение о людях, которые самою своею деятельностью подвергают себя суду общества, я не могла запрещать и отзывов о Вас, хотя не оставляла их без возражений. Не от одного Шарапова, но от многих до и после знакомства с Вами я слышала самые горячие обвинения, как будто бы и основанные на очевидности. Этот факт в беседе с Вами я привела не как похвалу себе, что вот, мол, я не верю, а в доказательство того, что люди, даже вполне достойные, могут подвергнуться общественному осуждению. Вы можете не соглашаться с моим мнением, — я его не навязываю, но обвинять меня в снисхождении к Шарапову только потому, что дает он мне работу, значит не только не знать меня, но жестоко оскорблять.

Приписка к моей статье[10] сделана Шараповым, как я говорила Вам, без моего ведома, и я увидала ее, когда статья была уже отпечатана. Беседы своей с Шара-

[a] *Это слово вписано над зачеркнутым*: мнения.

повым по этому поводу не передаю, но после того ни одной моей статьи не пропускает он в печать, без того чтобы я просмотрела ее в сверстанной полосе, когда ничего уже прибавить нельзя. Он исполняет этот уговор так строго, как не исполнила бы ни одна редакция. Я более ценю возможность писать без обиняков, высказывая открыто свои убеждения, хотя бы в газете и мало распространенной, нежели в газете, у которой много читателей, но которая переделывает статьи сотрудников на свой лад. Заметьте: я ценю эту возможность только потому, что не вынуждаюсь продавать свои взгляды, а не потому, что мне это дает известный заработок, как Вы объясняете в письме к С<офье> Н<иколаевне>.

Письмо мое становится утомительно длинным. Перехожу поэтому прямо к г-же Павлович.[11]

Е. О. пришла ко мне впервые, почти меня не зная, с открытой просьбой взять на себя нравственные обязанности в отношении ее. Она мне сказала, что Вы указали ей на нас как на хороших людей, которые дадут ей семью, в коей она нуждается. Не зная, с кем имею дело, но веря имени, с которым она пришла, я позволила ей рассказать мне свою биографию. Когда биография эта стала переходить чуть не в пасквиль, я постаралась переменить разговор; а когда С<ергей> Ис<аакович> узнал еще, что не Вы ей указали на нас, я прямо заявила мужу, что еду к Вам для выяснения истины. С<ергей> И<саакович>, не желая, чтобы я, больная, утруждала себя дальнею поездкою, сам взялся переговорить с Вами. Некоторые дела ему помешали, и когда наступил день, назначенный г-жей П<авлович> для перехода в православие, я не сочла себя вправе взять назад данное слово. Тем не менее я посоветовалась с друзьями, которым верю, и решила, что в таком деле я не вправе отказывать ни одной христианке. Я чувствую и сознаю, какую великую обязанность взяла на себя, и теперь, конечно, не отрекусь от нее. Вместе с обязанностию я получила и права. Поэтому позволю себе прямо указывать г-же П<авлович>, в чем, по-моему, заключаются правила нравственности, и как прежде уклончиво, так теперь прямо буду останавливать свою духовную дочь. Только при таких отношениях позволяю я себе останавливать и указывать, ни при каких иных. От г-жи П<авлович> будет зависеть, получит ли она от меня в нравственном и материальном отношении то, что́ я готова и могу ей дать.

В заключение позвольте мне повторить, что не я искала и не я вызвала разрыв. Но, зная Вашу горячность, зная, как легко Вы разрываете с родными и знакомыми, которые имеют несчастие иначе смотреть на вещи, нежели Вы, я всегда при сношениях с Вами чувствовала себя как бы стоящею на вулкане, при всей искренности признания Ваших внутренних качеств и Ваших общественных заслуг. Не шпильку, а истину сказала я, заметив, что Вы скоры на решение, и до сих пор не вижу в этом ничего оскорбительного. Ваше письмо к С<офье> Н<иколаевне>, а затем ко мне служит тому ярким доказательством.

Может быть, не на все я успела ответить, но я боюсь злоупотреблять долее Вашим терпением, да и сама я устала. Если письмо мое недостаточно убедительно, вина не моя. Верьте, по крайней мере, что писала я безо всякого раздраже-

ния, хотя вся эта история мне в высшей степени неприятна. Я не привыкла объясняться, потому что моей искренности всегда и везде верили.

19 декабря 1888 г.

С почтением остаюсь
покорной слугой
А. Гальперс<он>.

Печатается впервые по автографу (рукописной автокопии): ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 44б. <№ 3>. Л. 1—2 об.

[1] Евгений Львович Кочетов (см. о нем коммент. 1 на с. 250) — публицист, корреспондент газет «Московские Ведомости» (с 1880 г.), «Новое Время» (с 1884 г.) и др. изданий; беллетрист. Стал автором большой пасквильной статьи, призванной опорочить С. А. Петровского в глазах властей и не допустить передачи ему аренды «Московских Ведомостей». А. С. Суворин не решился ее напечатать, Гиляров колебался, доведя ее до гранок. Супруги Гальперсон хлопотали о публикации статьи, надеясь, что это поможет Никите Петровичу стать преемником Каткова. Копия статьи Кочетова, выполненная Анной Гальперсон, с воспроизведением поправок автора и Гилярова, с подтверждением идентичности оригиналу Е. В. Барсовым, находится в неразобранном архиве Гилярова в РО ИРЛИ. Кроме того, писарская копия, а также подготовленные к печати в «Современных Известиях» гранки хранятся в ОПИ ГИМ: Ф. 83. Оп. 1. Ед. хр. 192. Л. 110—122 об.; Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 60. Л. 38—46. См. подробно: *Юшко А. Г.* За кулисами публицистики: (Власти и «Московские Ведомости» в 1887 г. по смерти М. Н. Каткова) // *Гиляров: ИМБР*. С. 153—181.

[2] Не исключено, что названа С. Н. Фишер. См. коммент. 12 на с. 732.

[3] Анна Гальперсон начиная с ноября 1885 г. заведовала театральным отделом «Современных Известий», после их закрытия — «Русского Дела».

[4] Карл Карлович Мазинг (1849—1926) — инженер, математик и общественный деятель; с 1877 г. заведовал в Москве реальным училищем для мальчиков; считается инициатором профессионально-технического образования в России.

[5] Видимо, один из трех братьев Поляковых: Яков (1832—1909), Самуил (1837—1888) или Лазарь (1842—1914) Соломонович — железнодорожный подрядчик, предприниматель и банкир.

[6] Возможно, подразумевается живший в тот период в Москве граф Михаил Сергеевич Ланской (1829—1905), сенатор, член Государственного совета.

[7] *Гиляров-Платонов Н. П.* Основные начала экономии: (Посмертный труд) // *РД*. 1888. 22 окт. № 43. С. 11—14; 29 окт. № 44. С. 12—14; 5 нояб. № 45. с. 11—13; 13 нояб. № 46. С. 12—14; 20 нояб. № 47. С. 14—15; 28 нояб. № 48. С. 13; 3 дек. № 49. С. 14—15; 11 дек. № 50. С. 12—13; 17 дек. № 51. С. 10—11; 1889. 4 янв. № 1. С. 14—15; 14 янв. № 2. С. 12—13; 21 янв. № 3. С. 13—14; 27 янв. № 4. С. 14; 11 февр. № 6. С. 15.

[8] С. Ф. Шарапов откликался в письме к Гальперсон от 19 июля 1889 г. из своего имения Сосновка Смоленской губернии: «Пошлите мне под бандеролью экземплярчик “Основ”. Интересно Тарасовское предисловие» (ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 47. <№ 10>. Л. 1).

[9] О газете «Русское Дело».

[10] О какой статье Гальперсон идет речь, неясно.

[11] Е. О. Павлович — лицо неустановленное.

5
В. Г. СЕНАТОВ — А. М. ГАЛЬПЕРСОН
Сергиевский Посад, 27 сентября 1889 г.

Голубушка, Анна Михайловна, простите меня; письмо Ваше я получил давно, но до сих пор ничего не отвечал. Не сразу пришлось увидеть Кудрявцева:[1] выход из Академии не свободен, на каждый раз, хотя бы нужно пройти всего пять шагов от Лавры,[2] требуется испрашивать билет; выжидал, чтоб у Кудрявцева не встретиться с Субботиным[3] (и раз едва было не наткнулся на него). — У Кудрявцева я был в прошлую субботу, предварительно узнав, что Субботина в Посаде в это время не было. Разговориться о многом не пришлось. Кудрявцев сказал, что едва ли у него найдутся письма Никиты Петровича, что он их не берег, но что он поищет и, если найдет, непременно вышлет Вам.[4] Вообще, как я заметил, ему трудно говорить о Никите Петровиче, он как-то уклоняется; но тем не менее мне показалось, что разговорить его можно. Как только я упомянул о Никите Петровиче, он перебил меня, зачастил, стараясь сразу же покончить этот разговор. Например, после своих слов: «ведь уж очень давно, как мы переписывались» — он несколько раз повторил — да, да, давно, давно — и тем кончил. В это время что-то особенное тяжелое блеснуло в его глазах, как мне показалось, — что ему и хотелось бы поговорить о Никите Петровиче, но что это ему весьма тяжело. Сразу добиться от него каких-нибудь рассказов трудно, но я постараюсь как-нибудь это устроить.

Исследование об антиминсах[5] я еще не разыскал. Филаретовского сборника, именно I-го тома,[6] во II-м нет, у нас в Фундаментальной библиотеке нет, но есть в Аксаковской,[7] но она пока в беспорядке, и книги из нее ранее двух недель, говорят, выдавать не будут. Чтений[8] тоже нет, кем-то взяты; ищу по номерам. Эти дни я посвящу на отыскание статьи об антиминсах и доложу Вам лично, в Москве я буду вскоре после Покрова.[9]

На днях я узнал, что о Никите Петровиче можно узнать многое от профессора Дмитрия Феодоровича, сына покойного знаменитого Голубинского.[10] Он необыкновенно смиренный и, по слухам, большой почитатель Никиты Петровича. Он читает на нашем курсе естественно-научную апологетику. Не знаю, как только к нему подступиться — он боится слово сказать и к студенту исполнен такого же почтения и, по всему видно, нелицемерного, каким отличался его отец, — по изображению Никиты Петровича.[11] Попробую заговорить с ним; я думаю просто попросить его что-нибудь рассказать о Никите Петровиче мне, как его ученику.

Не браните меня, что я ничего не сделал. Знаете ли, в первые дни в Академии как-то трудно вяжется какая-либо мысль и почти невозможно на чем-нибудь остановиться более нескольких минут. Одно уж то, что куда ни посмотришь, и видишь все груды и груды книг, действует каким-то подавляющим образом — и мечешься, а в это время и забываешь дело... А вспомнишь о Никите Петровиче, где он жил, где ходил, где мыслил в полном и для человека, пожалуй, в самом

широком смысле этого слова, — становится и вовсе тяжко. Ведь здесь, думается, прошла его лучшая пора и здесь он стал тем, чем был. А вспомнишь еще одну его черту и забываешь действительность... Простите, будет.

Уважающий Вас Василий Сенатов,
поклон Сергею Исааковичу и деточкам.
Сент<ября> 27, 89 года.

<Адрес на конверте:>
Москва.
Маросейка, Спасо-Глиницкий переулок,
дом Человеколюбивого общества, кварт<ира> № 4.
Ее Высокоблагородию Анне Михайловне *Гальперсон.*

Печатается впервые по автографу: ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 52. <№ 6>. Л. 1—2 об. Даты на штемпелях на конверте: 28 и 29 сентября в Сергиевском почтамте; 29 сентября в Москве.

[1] Виктор Дмитриевич Кудрявцев (Кудрявцев-Платонов) (1828—1891) — философ и богослов, с 1854 г. профессор Московской духовной академии.

[2] В. Г. Сенатов, почитавший Гилярова как своего учителя, в 1889 г. поступил в число студентов Московской духовной академии; был утвержден в степени кандидата спустя 10 лет, 8 июля 1898 г., по представлению кандидатского сочинения.

[3] Николай Иванович Субботин (1827—1905) — магистр Московской духовной академии (1852), слушатель и преемник Гилярова по кафедре герменевтики и учения о вероисповеданиях и расколах Московской духовной академии (с 1855 г.), профессор истории и обличения русского раскола (1870—1893), доктор богословия (1874), расколовед. Критиковал в печати публикации «Современных Известий» о старообрядчестве.

[4] Большое письмо Гилярова к Кудрявцеву-Платонову от 18 января 1857 г. (ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 1—4 об.), представляющее исключительный биографический интерес, было передано позднее Гальперсон и использовано князем Шаховским в его статьях.

[5] Речь идет о публ.: Записка Гилярова-Платонова о надписи на антиминсах (23 октября 1863 г.) (вых. дан. см. в коммент. 5 на с. 624—625). Этот том к тому времени не вышел, и поиски Сенатова оказались безуспешны.

[6] Имеется в виду двухтомник: Сборник, изданный Обществом любителей духовного просвещения, по случаю празднования столетнего юбилея со дня рождения (1782—1882) Филарета, митрополита Московского. М.: Тип. Л. Ф. Снигирева, 1883. На корешке: Филаретовский юбилейный сборник. Т. I: Материалы. XII, 766, 80 с.; Т. II: Оригинальные статьи. II, 825 с.

[7] А. Ф. Аксакова пожертвовала библиотеку покойного мужа в Московскую духовную академию.

[8] Имеются в виду книжки ежемесячного журнала «Чтения в Обществе любителей духовного просвещения», издававшегося в Москве в 1863—1917 гг. с конца 1860-х гг. здесь регулярно публиковались материалы из Филаретовского архива, поэтому Сенатов надеялся найти здесь Записку Гилярова об антиминсах.

[9] То есть после 1 октября.

[10] Дмитрий Федорович Голубинский (1832—1903), сын протоиерея Федора Александровича Голубинского (1797/1798—1854), был студентом Московской духовной

академии в тот период (1850—1854), когда там преподавал Гиляров. С 1864 г. ординарный профессор Академии по классу физико-математических наук, после упразднения этой кафедры, с 1870 г., преподавал естественнонаучную апологетику.

[11] См.: «Когда встречалась гурьба студентов, Голубинский проходил мимо их без шляпы, с постоянно наклоненною головою, чтоб не кланяться порознь каждому. И то была не напускная преувеличенная вежливость, не фарисейство, а глубокое христианское смиренномудрие» (*Из пережитого*. Т. 2. С. 90—91).

VII. ИЗ ПЕРЕПИСКИ И. В. ПАВЛОВА и П. И. БАРТЕНЕВА С КНЯЗЕМ Н. В. ШАХОВСКИМ (1893)

1
И. В. ПАВЛОВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Орел, 3 июня 1893 г.

Милостивый Государь!
Князь Николай Владимирович.

От всей души благодарю Вас за Ваше предложение и постараюсь найти хоть некоторые из писем покойного Никиты Петровича. Ведь это самый крупный русский публицист! Катков был блестящ, но односторонен; он даже в лучших статьях своих напоминает Сквозник-Дмухановского, закрывающего пальцем некоторые места в хлестаковском письме.[1] А Гиляров ничего не закрывал, ибо воистину был умозритель, видевший ясно оба полюса каждой мысли. Таких умов на свете немного.

Письма его ко мне не уничтожены, — это верно; но разыскать их будет очень трудно,[2] потому что при переезде моем из Витебска в Орел[3] они попали в массу других бумаг, которыми наполнилось несколько больших мешков...

Еще раз приношу Вам искреннюю благодарность и остаюсь Вашим покорнейшим слугою.

Ив. Павлов.

3/VI 1893. Орел.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 144. Л. 1—1 об.

[1] Неточность: в комедии Н. В. Гоголя закрывает пальцем свою характеристику в письме Хлестакова не Сквозник-Дмухановский, а Артемий Филиппович Земляника («Ревизор», д. V, явл. VIII).

[2] В архиве князя Шаховского хранится несколько писем Гилярова к Павлову за 1882—1883 гг. (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 557).

[3] Павлов с 1865 г. служил управляющим Витебской контрольной палаты, а в 1890 г. занял эту же должность в Орле (см.: *Мостовская Н. Н.* И. В. Павлов — корреспондент Тургенева // И. С. Тургенев: Вопросы биографии и творчества / Ред. М. П. Алексеев. Л.: Наука, 1982. С. 151).

2
КНЯЗЬ Н. В. ШАХОВСКОЙ — И. В. ПАВЛОВУ
Подольск Московской губернии, июнь 1893 г.

<Милостивый Государь Иван Васильевич!>

С этим отзывом о Гилярове нельзя не согласиться вообще: «таких умов на свете не много». Но был ли он «самый крупный русский *публицист»?* Его ли это было истинное поприще? Почему же не занял он на самом деле бесспорного для всех, первенствующего положения в этой области, а уступил первые места Каткову и Аксакову? Почему он не только не был популярен, но просто мало известен, несмотря на то, что поприще его деятельности была именно большая дорога, где он был у всех на виду?

Он был моральный философ. В этом едва ли был кто сильнее его между современными ему людьми. Он был истинный христианский мыслитель, и уже поэтому одному, скорее проповедник, чем публицист. Всего поразительнее он, конечно, был на кафедре, и там было настоящее его место... Впрочем, о Никите Петровиче Гилярове нельзя высказаться в рамках письма. Это океан глубины и широты. Чем ближе знакомишься с интимною стороной его жизни, с его перепискою, тем более изумляешься его многосторонности и неисчерпаемости, и тем более убеждаешься, что в газетных листках (коих вся жизнь несколько часов) он не мог высказывать лучшей и самой глубокой стороны своей. Особенно в последние годы своей жизни он как бы спешил с частными письмами, старался в частной переписке излить как можно более общих и научных своих взглядов — богословских, моральных, общественных и политических. Он не только чувствовал, что сфера публициста — не его сфера, но и часто высказывал это, особенно в последние годы, как друзьям, так и окружающим его и даже случайным лицам. Он жаловался, что газета была ему навязана, что он в нее втянут насильно, что он неудачник и пр.

Что касается до Каткова, то я тоже позволю себе найти Ваше определение узким. Катков был не только *«блестящ»*, но он обладал *талантом* публициста. У него были истинный энтузиазм и лирическое чувство. Он не только разъяснял вопросы, но он *увлекал;* он действовал не на один ум, а также и на *волю,* и преимущественно на сию последнюю. Катков мог своею статьей *уничтожить* человека и тем подорвать его направление, на что Гиляров не был способен, потому что был христианский философ-созерцатель, который убеждал, а не сокрушал. Катков был настоящий практик, знавший среду, в которой ему приходилось действовать, и умевший из людей делать себе орудия. Гиляров вечно ошибался в людях и неоднократно идеализировал сущих змей, которых еще и согревал на своей груди. А сознайтесь, что не вполне публицист тот, кто плохой практик и кто, как Гиляров, засаживает себя порою за сухие математические вычисления только для того, чтобы обуздать неестественное развитие фантазии. Знаете ли Вы, что он, под влиянием сознаваемой и радовавшей его необыкновенной силы ума своего, боролся иногда с физическими законами, напр<имер> (как мне рас-

сказывал брат его Ф. А. Гиляров[1]), при технических сооружениях на бумажной фабрике своей, он пытался «срезать закон природы»: по науке так, а я, мол, по-своему.

Но у Никиты Петровича не было поэтического огня, который слову Каткова и Аксакова придавал такую потрясающую силу.

Каткова надо судить по той роли, которую он на себя взял. За ним есть несколько крупных государственных заслуг. Его, как практика, прежде всего надо рассматривать в связи с людьми и обстоятельствами его времени, а не теоретически. Он не проповедывал ничего нового, он заботился об укреплении старых наших исторических и бытовых основ, потрясенных в общем сознании после освобождения крестьян. Святость и неприкосновенность русской территории, добытой некогда русскою кровью, святость формы правления, выработанной историей народа, незыблемость Православия именно в том виде, в каком оно есть и пр.: вот чего Катков был стойкий защитник. В другое время, может быть, и он к русской действительности отнесся бы строже и приложил бы к ней иную мерку, как это и было с ним до 1863 года.[2] Но ввиду направленных со всех сторон усилий против самых основ нашей жизни, религиозных, политических, социальных, он понял свое призвание в борьбе, в охранении во что бы ни стало наших самобытных начал, и не позволял себе ни малейшею критикой ослаблять их неприкосновенность.

Словом, Катком был реагирующею в организме силою, устанавляющею равновесие после сильною потрясения. Если бы среди нас в ту критическую пору не оказалось этой силы, Россия не заслужила бы и названия великого государства. Односторонность его та же, что и односторонность силы, оздоровляющей потрясенный организм; она гнет в *одну сторону*, в сторону *здоровья.* Но быть такою силою и прекрасно, и в тоже время тягостно и неблагодарно. Вот какою представляется мне в общих чертах деятельность Каткова; о ней судить можно только в связи с особенностями эпохи и персоналом наличных деятелей.

Гиляров был иной: в каждой его статье сквозил уголок никому неизвестного, но тщательно выработанного им мировоззрения. Оттого ясные и последовательные для него мысли казались зачастую странными и невразумительными обыкновенному читателю, который ищет в газетной статье точки опоры в отношении к недоуменному для него событию или факту. А чтобы доказать последовательность и глубину высказанного частного соображения, Гилярову пришлось бы написать добрый том логически скрепленных, широких и оригинальных мыслей, исходящих от всесторонне продуманного и ясно поставленного основания. Таким образом, Гиляров был сильнее Каткова шириною взглядов, строгостью и последовательностью убеждений, а с практической стороны, в отношении к каждому живому факту, выдвигаемому жизнью и ждущему своего разрешения сейчас, сию минуту, он должен был уступать Каткову, который и лучше знал среду, приемы, и обладал бóльшим одушевлением и убедительностью для читателей.

И. С. Аксаков несомненно уступал Гилярову и Каткову в дарованиях и образовании; но его силу как публициста составляла *особенно за ним* упрочившаяся

репутация *честности.* При слове Аксаков у всякого прежде всего возникает представление о *честности:* честный публицист. Он таким действительно и был; но и Гиляров был бесспорно честен, однако же этого никто о нем прежде всего не говорит, а говорят: замечательный ум, разносторонние знания и пр. Репутация преимущественной честности досталась Ивану Сергеевичу по наследству, ибо он был сыном Сергея Тимофеевича и братом Константина Сергеевича. Эта была выдающая семейная черта. *Честность* прежде всего вызывает к человеку *симпатии*, т. е. действует на чувство. Таково было истинное влияние статей Аксакова. Честность проявляется в писателе прежде всего в *негодовании* против всего противуположного этому чувству. И действительно, главным мотивом писаний Аксакова было *негодование,* гражданская скорбь. В этом не было современного писателя сильнее его. При некоторой неясности идеалов и непрактичности он гремел всегда против неправды во всех ее видах.

Таким образом, основной характер влияния трех наших великих публицистов на читающее общество можно представить в следующем виде: статьи Гилярова возбуждали преимущественно ум, Аксакова — чувство, Каткова — волю. Катков знал, куда направить волю, от которой зависели те или другие условия нашей жизни, и какие указать ей наипрактичнейшие пути. Согласитесь, что именно в публицистике ум всего менее в авантаже. Труд понимания, да еще сложный и напряженный, не дело читателя газеты. Негодование и побуждение к деятельности тут в тысячу раз важнее: за ними должен следовать факт. После некоторых статей Гилярова сознаешь себя мелким и невежественным, и является желание еще более углубиться в вопрос и изучать.

Писания Гилярова надо исследовать и объяснять; о нем по-настоящему надо читать лекции. О деятельности Каткова можно судить по фактам: пробуждение национального чувства в русском образованном обществе во время Польского мятежа, учебная реформа, пробуждение бодрости в правительстве для борьбы с крамолою, союз с Франциею и пр.

Негодованием одушевляется и потрясается *общество*; за практическим указанием цепляется *власть*; глубоким же анализом ни общество (особенно масса читателей «Современных Известий»), ни власть не дорожат: он für Wenige.* Люди, подобные Никите Петровичу Гилярову, — *роскошь.* Их не замечают при жизни, но им удивляются и поклоняются после их смерти. Слово Каткова было *с властью,* слово Аксакова с <благородною[3]> *страстью,* Гилярова — *с убеждением.*

Катков был сохранитель, укрепитель и разъяснитель существующего. Аксаков был носителем убеждения *школы,* к которой он примкнул и выразителем которой почти один остался. У Гилярова у *одного* были *свои собственные убеждения.* Он при иных условиях мог бы положить основание новой школе. Оттого он и остался непонятым и непризнанным.

Князь Николай Шаховской.

* для немногих (*нем.*).

Печатается по: *РА*. 1893. Кн. II, вып. 7. С. 427—430, под названием «Из приготовительных работ по биографии Гилярова», с редакционным предуведомлением П. И. Бартенева: «С живейшим сочувствием отнесется к этой биографии всякий, кому дорога Русская самостоятельная мысль, Русское живое умственное дело. Нижеследующее написано в ответ на отзыв, полученный от одного из старейших друзей Н. П. Гилярова: "Никита Петрович самый крупный Русский публицист. Катков был блестящ, но односторонен..., а Гиляров воистину был умозритель, видевший ясно оба полюса каждой мысли. Таких умов на свете немного". Сердечно желаем успеха биографическому труду (обращик которого уже появился в Ревеле) и надеемся, что со временем выйдет в свет и собрание сочинений Н. П. Гилярова. *П. Б.*». Местонахождение автографа нам неизвестно.

[1] Неточность: Ф. А. Гиляров — племянник Гилярова-Платонова.

[2] Имеется в виду идейный перелом, совершившийся в мировоззрении Каткова в связи с Польским мятежом.

[3] Слово «благородною» вставлено П. И. Бартеневым без согласования с автором. См. об этом в его письме к князю Шаховскому от 4 июля 1893 г.: «Аксаков у Вас поумален. Я позволил себе прибавить: *с благородною страстью*» (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 94. Л. 7; Наст. изд. С. 693).

3
П. И. БАРТЕНЕВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Москва, 20 июня 1893 г.

20 июня 1893. Москва.

Вот и даровитая, теплая и умная Ваша страница, любезный князь, посылаемая Вам на добавку или урезку,[1] как Вы захотите; а мне кажется, и так хорошо. Разве про Филарета чуточку смягчите: бо прозорливец он был и боялся, может быть не без основания, не самого Гилярова, а того, как поймутся его лекции о расколе. За него лично он потом крепко заступался.[2]

Пожалу<й>ста, не откажите в скорой обратной высылке, так как надо выпускать книжку.

Преданный Вам
П. Бартенев.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 94. Л. 3. Письмо на почтовой карточке, адресованной в Подольск Московской губ., в село Шаховское, «дача 4-я».

[1] Очевидно, имеются в виду гранки статьи «Из приготовительных работ по биографии Гилярова».

[2] О взаимоотношениях митрополита Филарета (Дроздова) и Гилярова см. главы 1.3 и 2.4.

4
П. И. БАРТЕНЕВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Москва, 25 июня 1893 г.

Москва, 25 июня 1893.

Много благодарен: получено,[1] будет исправлено по Вашим указаниям. Книжки высылаю. Низко кланяюсь.

П. Бартенев.

<*Адрес на почтовой карточке*:>
Город *Подольск* Московск<ой> г<убернии>,
село *Ивановское*, дача 4-я.
Его Сиятельству / Князю Николаю Владимировичу / Шаховскому.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 94. Л. 5. Письмо на почтовой карточке, адресованной в Подольск Московской губ., в село Шаховское, «дача 4-я».

[1] Речь идет о корректуре статьи «Из приготовительных работ по биографии Гиляров» (см. п. 2 наст. подборки).

5
П. И. БАРТЕНЕВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
С.-Петербург, 4 июля 1893 г.

4 июля 1893. СПб.

По двум милым мне письмам Вашим всё, кажется, исполнено, и третьего дня книжка должна была выйти, как вдруг повестка о задержании ее впредь до разрешения гл<авного> нач<альника> печати. Я в тот же день поехал сюда, но Ф<еоктистов> на даче, и мне сказали на высотах известного здания,[1] что за переписку Аксакова с Костомаровым о хохлах и поляках.[2] Вот нежданно-негаданно на 31-м году[a] издания и 64-м издателя![b]

Аксаков у Вас поумален. Я позволил себе прибавить: *с благородною страстью,* а в начале *от себя* упомянул о[c] отрывке биографии, появившемся в Ревеле.[3] Туда теперь направлено мое дыхательное стремление. Пожалу<й>ста, дайте мне в Х-ю книжку о Каткове.[4] То, что Вы пишете *об охранении,*[5] прекрасно и Катков бы, конечно одобрил вполне. Сердечное спасибо за четверостишие. Так и вижу Вас *в очках и с лирой золотой.*[6]

Преданный Вам П. Б.

<*Адрес на закрытом письме*:>
Город *Подольск* Московск<ой> г<убернии>,
село *Ивановское*, дача 4-я.
Его Сиятельству / Князю Николаю Владимировичу / Шаховскому.

[a] *Далее зачеркнуто*: возраста.
[b] *В автографе описка*: издания. *Исправлено нами.*
[c] *Далее зачеркнуто*: начале.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 94. Л. 7.

[1] Главное управление по делам печати располагалось в здании Большого (Каменного) театра, на Театральной площади, в доме 3.

[2] Опубликовано позднее: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. СПб., 1896. Т. 4. С. 257—268. См.: *Емельянов Е. П.* Национальный вопрос в переписке И. С. Аксакова и Н. И. Костомарова // Научный диалог. 2013. № 6 (18): История. Социология. Этнография. С. 21—29.

[3] См.: «Сердечно желаем успеха биографическому труду (обращик которого уже появился в Ревеле) и надеемся, что со временем выйдет в свет и собрание сочинений Н. П. Гилярова. П. Б<артенев>» (*РА*. 1893. Кн. II, вып. 7. С. 427).

[4] Князь Шаховской не исполнил этой просьбы.

[5] См. окончание п. 2 (т. е. статьи князя Шаховского «Из приготовительных работ по биографии Гилярова»).

[6] Выражение из стихотворения Пушкина «Послание Дельвигу» (1827).

6
П. И. БАРТЕНЕВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Ревель, 17 июля 1893 г.

Ревель, 17 июля 1893.

Много благодарен я Вам, любезный мой князь, за страницы Ваши об Аксаковых, полученные вчера вечером (брата Вашего[1] я еще не видал: он в отъезде и державствует Сократ;[2] кажись бы, чего лучше, сама мудрость, но в городе беспрестанные кражи, разбои и даже убийства). Печатать эти страницы, несмотря на многие прекрасно подмеченные черты, нельзя; да и если бы и льзя, не мог бы я их напечатать, так как, по моему мнению, Вы не правы, Аксаков был Кремлевский колокол призывной, всполошной. Это общественная, даже и государственная совесть народа. Как ни размашист, а иной раз и совсем не приборчив бывал он, а все-таки всякий раз чувствовалось: а ведь он говорит правду. Его деятельность смущала, будила, звучала праведною укоризной. Самая ненависть к нему Каткова служит Вам опровержением. Кстати, надо проверить указанием в книге (VII-й) Барсукова о Погодине о том, что Катков даже жил у Хомякова на Собачьей площадке.[3] Проведайте у Смоленского предводителя,[4] в каком именно году куплен этот дом Хомякова:[5] тогда мы выясним. Если же это так, то оправдается поговорка: *не вскормя, не вспоя не наживешь себе врага*. У Аксаковых же он наверное дневал и ночевал, и Ольга Семеновна,[6] когда он прощался, уезжая за границу,[7] сказала ему: Желаю, чтобы добились Вы, чего так Вам нужно, славы и денег. Это был практик высшего полета, и воля Ваша, что-то было в нем хамское. — Смотрите, не показывайте этого письма. Мне и так мстят за него, и Феокт<истов> искалечил 7-ю кн<игу>, несмотря на то, что и Победоносцев не нашел в ней ничего запретного.

Сердечно Ваш
П. Б.

Печатается впервые полностью по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 94. Л. 5—6 об. Ранее письмо цитировалось (характеристика И. Аксакова) рядом исследователей.

[1] Упомянут князь С. В. Шаховской.

[2] Обыгрывается имя вице-губернатора Эстляндской губернии Сократа Николаевича Дирина (1849—1924), коллежского советника в звании камер-юнкера. Состоял в этой должности с 1892 по 1903 г.

[3] См.: «В Москве Катков поселился на Собачьей площадке, в доме Хомякова, и вошел в дружелюбные сношения с старшим поколением словенофилов <*так*!> и делился с ними своими изысканиями...» (*Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1893. Кн. VII. С. 95).

[4] Подразумевается сын А. С. Хомякова Николай Алексеевич (1850—1925), в тот период (с 1886 по 1895 г.) — губернский предводитель дворянства Смоленской губернии.

[5] Хомяков приобрел просторную усадьбу княгини А. П. Лобановой-Ростовской (ур. Свиридовой) на Собачьей площадке (ныне часть Композиторской ул.) в начале июня 1844 г., заплатив за нее 90 тыс. руб.: 3-этажный особняк, 4 жилых и 2 нежилых дома, сдававшихся внаем, каменую оранжерею, кладовую, двор и сад. (В 1860—1919 гг. усадьба принадлежала дочерям Хомякова; в 1920—1929 гг. в особняке находился «Бытовой музей 40-х годов», филиал ГИМ; затем он был передан Гнесинскому училищу; снесен в 1963 г. при строительстве Нового Арбата.) Катков вернулся в Россию из-за границы в январе 1843 г. Документальные свидетельства о его проживании в доме Хомякова неизвестны.

[6] О. С. Аксакова, жена Сергея Тимофеевича.

[7] М. Н. Катков находился в Европе в 1840—1843 гг.; там он, в частности, в течение полутора лет слушал лекции в Берлинском университете.

7
И. В. ПАВЛОВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Орел, 3 июля 1893 г.

Орел, 3/VII 1893.

Милостивый Государь!
Князь Николай Владимирович,

Я ездил на ревизию касс в отдаленные уезды Орловской губ. и только потому не удосужился до сих пор — благодарить Вас за присылку Ваших двух брошюр с «Русским Архивом».[1]

Точно так же, как и Вы, я всегда был убежден, что *по призванию* покойник Никита Петрович был не публицист, а ученый, и несколько раз ему это высказывал. Тем не менее утверждаю, что он самый крупный русский публицист... Ведь одно другому не противоречит: наприм<ер>, Микель Анджело был самый крупный архитектор своего времени, а по призванию — живописец. Оваму талант, оваму 10. Не согласны мы с Вами насчет Каткова; но спорить было бы бесполезно... В одном только могу уверить Вас честным словом: о Каткове мы с Никит<ой> Петровичем были совершенно одинакового мнения.

Шедёвром Гилярова я считаю небольшую статейку об юродивом Льве Толстом, к<ото>ую в 1890-м году я перепечатал в «Витебских Губ<ернских> Ведомостях»[2] и отдельными оттисками распространил во множестве экземпляров. Лучшего ответа на невежественную болтовню Мегалома́на[3] — и выдумать невозможно! А серьезные возражения Преосвященного Никанора и К° досадно читать...[4] По воробьям да из пушек.

Великолепны также статьи об Ермаке и Сибири, о проливах и Константинополе... Да всего и не перечесть. Эти статьи и через сто лет не утратят своего значения. Воистину благое дело затеяли Вы, предпринявши издание всех «руководящих» нашего незабвенного друга. Дай Бог Вам успеха!

Когда буду в Москве, долгом сочту засвидетельствовать Вам лично мое глубочайшее уважение, с коим остаюсь Вашим покорнейшим слугою.

Ив. Павлов.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 144. Л. 2—3.

[1] О брошюрах см. коммент. 29 на с. 12; упомянута также книжка «Русского Архива» со статьей князя Шаховского «Из приготовительных работ по биографии Гилярова».

[2] В «Витебских Губернских Ведомостях» (1890. 5 дек. № 95. Неоф. отд. С 5—6) была перепечатана передовая статья Гилярова из «Современных Известий» от 12 ноября 1886 г. и мемуарный очерк А. Р. Я<нько>вой «Два свидания с графом Л. Н. Толстым», выставляющий писателя в непривлекательном свете. См. редакторское предуведомление: «Ввиду разнообразных отзывов и мнений, встречающихся в печати, по поводу литературной деятельности графа Л. Н. Толстого, в особенности за последнее время, считаем не лишним привести дословно отзыв о графе Толстом бывшего редактора “Современных Известий” Никиты Петровича Гилярова-Платонова (ныне покойного), а также и рассказ “Два свидания с Л. Н. Толстым”, помещенные в “Современных Известиях” 12 ноября 1886 года» (Там же. С. 5).

[3] От греческого названия мании величия — мегаломании (μεγαλομανία от μεγαλο — очень большой или преувеличенный).

[4] См. сокращенную перепечатку из газеты «Новости»: Беседа высокопреосвященного Никанора, архиепископа Херсонского и Одесского, о христианском супружестве, против графа Льва Толстого // Витебские Губернские Ведомости. 1890. 11 авг. № 62. Неоф. отд. С. 7—8; полностью — в отд. прил. к газ.: 1890. 18 авг. № 64. С. 7—10. Архиепископ Никанор (в миру Александр Иванович Бровкович; 1826/1827—1890) — богослов, философ, проповедник; епископ Херсонский и Одесский (с 1883 г.; архиепископ с 1886 г.). См. также: «Крейцерова соната» в Соединенных Штатах и пред судом в Нью-Йорке: (Корреспонденция «Московских Ведомостей» из Нью-Йорка) // Там же. С. 6; Эмиль Зола о графе Л. Н. Толстом // Витебские Губернские Ведомости. 1890. 23 авг. № 65. Неоф. отд. С. 4.

8
И. В. ПАВЛОВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Орел, 18 июля 1893 г.

18 июля 93. Орел.

Сердечно уважаемый
Князь Николай Владимирович,

Большое Вам спасибо за новое задушевное письмо! Хоть я смолоду и смеялся над теми, которые любят, чтоб им делали комплименты, но от переданного Вами *загробного* комплимента Никиты Петровича совсем раскис. Да; любил меня покойник и, очевидно, «überschätzte mich», * как выражаются немцы. Знаю только, что во мне есть одно хорошее свойство: я от всей души презираю т<ак> н<азываемые> «слова» и решительно утверждаю, что это не иное что, как Петр Иванович Добчинский, к<отор>ый просит Хлестакова доложить министрам и даже Государю, что в таком-то городе живет Петр Иванович Добчинский.[1] —

О Каткове спорить не желаю. Но, чтобы Вы не сочли меня голословным порицателем, представлю только следующее соображение: полемический талант у него был гениальный! Катков одинаково блестящ — защищая и патриотические начала, и самые что ни на есть зловредные и поганые фантазии, вроде англоманства, девальвации рубля, уничтожения крестьянской общины, поклонения Бисмарку, заплевания Французской республики и апофеоза *католических* Бурбонов... и проч., и проч. Но самое ужасное и *непростительное* — он был жидофил и нижé словечком не обмолвился о том страшном вреде, который причиняет жидовство русскому народу. И все это за 200 тыс. рублей, подаренных суконным сыном Шмулькой Поляковым на постройку дома для Лицея.[2] Ужасно!

В наш «позитивный» век во всяком из ряду выходящем явлении ищут *главной* причины. Так, наприм<ер>, все французские психологи согласны, что главная причина изумительных математических выкладок полуграмотного пастуха Иноди[3] есть из ряда выходящая память цифр... Так и у Каткова самая суть полемического таланта это — *необычайная способность к глумлению*. Во всей русской литературе подобною же способностью обладал один Салтыков (Щедрин); в английской — Свифт, а во французской — Поль Луи Курье.[4] Я уже Вам писал, что Ваш будущий сборник Гиляровских передовых и через сто лет будет читаться как нечто целое, единое... А над подобным же сборником Катковских статей[5] — только животики надорвешь со смеху, — *презрительного* смеху!

Храни Вас Господь.

Печатается впервые полностью по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 144. Л. Л. 4—5 об.

[1] См. в комедии Н. В. Гоголя «Ревизор»: «Скажите всем там вельможам разным, сенаторам и адмиралам, что вот живет в таком то городе Петр Иванович Бобчинский. Так и скажите: живет Петр Иванович Бобчинский» (д. IV, явл. VII).

* «переоценивал меня» (*нем.*).

[2] Здание для Императорского в память цесаревича Николая (Катковского) лицея, основанного в январе 1868 г. на средства М. Н. Каткова и П. М. Леонтьева, удалось приобрести благодаря щедрому пожертвованию (400 тыс. рублей) железнодорожного концессионера еврея Самуила Соломоновича Полякова (1837—1888).

[3] Молниеносный вычислитель итальянец Жак Иноди (Inaudi; 1867—1950), родом из Пьемонта, не умел ни читать, ни писать, но с семи лет, не зная таблицы умножения, с легкостью перемножал в уме пятизначные числа. В 1880 г. он предстал в Париже перед членами Антропологического общества, а в 1892 г. его способности изучались членами Французской академии. Выяснилось, что «чудесная память» Ж. Иноди сильно специализирована: он легко повторял серии чисел протяженностью более чем в 400 знаков, но не мог запомнить две строчки стихов или прозы.

[4] Поль Луи Курье де Мерэ (Courier de Méré; 1772—1825) — французский эллинист и памфлетист.

[5] Позднее этот проект был осуществлен вдовой публициста: *Катков М. Н.* Собрание передовых статей «Московских Ведомостей». М.: Изд. С. П. Катковой, 1897—1898. Т. I—XXV.

9
И. В. ПАВЛОВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Деревня Одоевская Тульской губернии, 2 августа 1893 г.

Одоевская деревня. 2 августа 93.

Сердечно уважаемый
Князь Николай Владимирович,

Спасибо Вам за длинное и откровенное письмо от 26 июля. Хоть я и теперь убежден в бесполезности спора, я все-таки считаю долгом возразить Вам... Ну, хоть в качестве свидетеля-очевидца, показания к<отор>ого могут пригодиться впоследствии.

Прежде всего укажу на маленькое недоразумение: ведь я сравнивал К<атко-ва> не с одним Щедриным, но и со Свифтом и Полем Луи Курье... Что Щедрин впал в жалкое зубоскальство и доходил до пределов глупости, защищая злодеев-динамитчиков, — кто же этого не знает? Но ведь тот же Щедрин написал «Старого Кота на покое»,[1] «Сказание именитых иностранцев о помпадурах»[2] и, наконец, разбор Толстовского «Князя Серебряного»[3]... Остроумнее этого нет ничего даже у Курье (к<отор>ый до того допек иезуитов, что они наняли убийцу, и тот застрелил гениального публициста,[4] как дикого зверя). Стало быть, в моем сопоставлении нет ничего обидного для К<атко>ва, и Вы совсем напрасно смешали глумление с зубоскальством.

Заслуги Мих<аила> Никифоровича указаны Вами **верно**: он не поддался Валуеву[5] и не пожалел чортову пропасть даже на уплату штрафов за отказ напечатать предостережение. Это воистину подвиг! Катков создал цензора Крузе (да, пожалуй, и *цензора* Гилярова);[6] хамскую русскую публицистику Катков возвел

в потомственное дворянство... Если бы я оставался журналистом, я предложил бы воздвигнуть Каткову памятник.

Да мы не о том говорим, не о том спорим. Речь шла о *содержании* Катковских статей. И вот тут я не отступлю ни на иоту от сказанного мною прежде. «Еже писах, писах».[7] *Инициативы у него никогда не было*; менее дальновидного публициста трудно себе представить. Он блестяще и гениально **высказывал только то, что у всех наболело**; а до этого «прорыва» или англоманствовал, или Бисмарку кадил, или проповедовал союз с Бурбонами... (Это одно ли не хуже англоманства.) Об жидах мне и вспоминать больно и говорить противно... Ведь я почти четверть века воевал с ними в Западном крае и не скрываю, что моя ненависть к этой погани переходит на всех, кто им потворствует, и даже на тех, кто об них умалчивает... Следовательно, об Каткове я беспристрастно судить не могу; в чем и каюсь чистосердечно. Вы поминаете о письмах к Государю... Еще куда до Каткова всякий мыслящий руссак вопил о необходимом союзе с Французской *республикой*; а уж никак не с Катковскими Бурбонами, нове<й>шими прирожденными союзниками... Вот, кабы К<атков> написал о Греко-болгарской распре[8] и не допустил бы до схизмы! а *мы все тогда же понимали*, что надо болгар выкупать у Константинопольского Патриарха; иначе — вопрос абсолютно неразрешим. Мы все понимали, а Катков не понимал... Этого факта не спрячешь. Есть у меня хороший приятель между крупными болгарскими деятелями — Узунов;[9] клянется и ротится,[10] что за 2 миллиона р<ублей> все дело можно было устроить; и Николашка Игнатов[11] украл гораздо больше двух миллионов. И его-то Катков превозносил и прославлял!!!

Храни Вас Господь.

P. S. Если вздумаете писнуть мне до 1-го сентября, то адресуйте в *Богдановку* Тульской губ. Это почтовое отделение в 2-х верстах от моей усадьбы, где я отдыхаю в 29-тидневном отпуску.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 144. Л. 6—7 об.

[1] Рассказ Салтыкова-Щедрина «Старый кот на покое» увидел свет в «Отечественных Записках» (1868. № 2. С. 355—372).

[2] Точнее: «Мнения знатных иностранцев о помпадурах» — заключительный очерк сатирического цикла Салтыкова-Щедрина «Помпадуры и помпадурши». Впервые напечатан в том же журнале (1873. № 11. С. 147—170).

[3] Пародийно-юмористическая рецензия Салтыкова-Щедрина на издание романа А. К. Толстого в двух томах (СПб., 1863) опубликована: Современник. 1863. № 4. Отд. II. С. 295—306.

[4] Курье был убит слугами из мести и корыстных побуждений, однако в либеральных кругах это преступление было воспринято как политическое убийство.

[5] Катков обличал министра внутренних дел П. А. Валуева в «полонофильстве» (тот последовательно отстаивал сословные права нерусского дворянства российских окраин) и сознательном потворстве «нигилистам». 31 марта 1866 г. «Московские Ведомости» получили первое предупреждение за то, что в них «правительственным лицам приписываются стремления, свойственные врагам России» (Северная Почта. 1866. № 66). Катков

не уступил. Тогда последовали еще два предупреждения, и от передачи аренды над газетой другому издателю Каткова спасло изменение политической ситуации в стране в связи с покушением Д. В. Каракозова 4 апреля 1866 г. и личное покровительство Александра II.

[6] Николай Федорович фон Крузе (1823—1901) — кандидат Харьковского университета (1844), либеральный цензор в Москве (1855—1858); с 1871 г. занимался банковской деятельностью. Н. Ф. фон Крузе, а после его отставки Гиляров цензуровали журнал Каткова «Русский Вестник».

[7] Слова Понтия Пилата (Ин 19: 22).

[8] О греко-болгарской распре см. в наст. изд. на с. 265—267.

[9] Атанас Маринов Узунов (1857—1887) — видный болгарский военный деятель.

[10] *Ротится* — божится, присягает (*цркслн.*).

[11] Назван граф Николай Павлович Игнатьев (см. о нем коммент. 6 на с. 487) — посол в Константинополе (1864—1877), министр внутренних дел (1881—1882), генерал от инфантерии (1878), генерал-адъютант.

10
И. В. ПАВЛОВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Орел, 23 сентября 1893 г.

Сердечно уважаемый
Князь Николай Владимирович,

Бывший корреспондент «Соврем<енных> Известий» Степка Желтухин, орловский лавочник и церковный тать, ничего общего не имеет с издателем «Журнала Земледельцев» Алексеем Дмитриевичем Желтухиным, богатым *рязанским* (NB) помещиком. Летом 1858-го года я послал ему свою статью о предполагавшейся тогда крестьянской реформе. Рукопись была мне возвращена через несколько месяцев, по закрытии журнала за недостатком подпищиков. Вся первая страница обложки была исписана неизвестным мне почерком, чрезвычайно связным и мелким. Это было дружеское, но весьма строгое внушение, сделанное цензором редактору за то, что он не поспешил напечатать «такую своеобразную статью»... А цензором-то был Никита Петрович. Но куда я дел свою рукопись с драгоценной обложкой? Хоть убей — не помню. Если найду, непременно пришлю Вам обложку. А Вы за это, в свою очередь, сделайте мне великое одолжение: поищите в бумагах покойника потерянную им (в 1884-м или 85-м г<оду>) мою статью об Илиаде, написанную по поводу Суворинского издания перевода Гнедича[1] и посланную Никите Петровичу на просмотр. Вспомнил я о своей пропаже, потому что наш местный Эллинист недавно напечатал в «Орловском Вестнике» целую кучу вздора о Гомере и о классицизме вообще.[2] Крайне обяжете преданнейшего Вам

Ив. Павлова.

23/IX 1893. Орел.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 144. Л. 8—8 об.

[1] Илиада Гомера / Пер. <и предисл.> Н. И. Гнедича. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1884. XXIII, <3>, 495 с.

[2] См: *Гезе*. Основы умственного развития и наши классические школы // Орловский Вестник. 1893. 14 сент. № 246. С. 2; 24 сент. № 256. С. 2; 26 окт. № 287. С. 2. Изучение в гимназиях «мертвых языков» автор напрямую связывает с «пересадкой на русскую почву немецкой школы», чуждой национальным традициям. Имя Гомера при этом не упоминается. Перу этого орловского литератора принадлежит сборник: *Гезе*. Юным друзьям: Рассказы. Орел: Тип. «Орловского Вестника» Н. А. Сентяниной, 1894. 115 с.

VIII. ИЗ ПЕРЕПИСКИ ПРОТОИЕРЕЯ Ф. И. ВАРНИЦКОГО С КНЯЗЕМ Н. В. ШАХОВСКИМ (1893)

1
КНЯЗЬ Н. В. ШАХОВСКОЙ — ПРОТОИЕРЕЮ Ф. И. ВАРНИЦКОМУ[1]
Москва, 5 августа 1893 г.

Москва. Спиридоновка, свой дом.
5 авг<уста> 1893.

Ваше Высокопреподобие,
Милостивый Государь,
Фома Иванович.

Простите мне великодушно, что я позволяю себе беспокоить Вас чтением этого письма и паче всего ожидаемым мною от Вас отзывом. Дело идет все о том же Преосвященном Вениамине, Епископе Рижском и Митавском, сведения о коем, любезно сообщенные Вами моему брату[2] в Ревеле,[3] были им с Ваших слов переданы мне в письме.

Ужели сожжены были частные письма, найденные после смерти преосвященного Вениамина в его бумагах? Да это было бы, простите, сущим варварством! То для памяти покойного наиболее важно, что исходило от него, а не то, что приходило к нему извне. В этом отношении письма его к Н. П. Гилярову-Платонову, находящиеся в моих руках,[a] скорее заслуживали бы внимательного обсуждения Комиссии, разбирающей частную переписку покойных Архиереев.

Судя по найденным черновым отрывкам писем к покойному Преосвященному Н. П. Гилярова-Платонова, эти письма не только замечательны сами по себе, но для биографа неоцененны, так как содержат в себе интимную беседу с другом и излияние самых сокровенных помыслов. Письма Епископа Вениамина к Гилярову[4] представляют откровения чистой,[b] ясной души человека, чувствовавшего, однако, умственное превосходство над собой Гилярова и прибегавшего в боль-

[a] *Далее зачеркнуто*: которых никакое пламя поглотить уже не может, ибо копия с них снята.
[b] *Далее зачеркнуто*: хрустальной.

шинстве случаев к нему за советом и разрешением разных недоумений. Ответы Гилярова-Платонова, по необходимости, носили характер назидательный, были исповедью убеждений, по преимуществу в области богословской. Из Риги писем Епископа Вениамина особенно много: он делился с Никитою Петровичем даже служебными своими делами, сообщал ему копии с донесений, им получаемых, и разных производившихся расследований,[c] более всего по вопросу о борьбе надменного лютеранства с робким православием, которого и свои светские власти[b] в ту пору чурались.

Биограф[c] Преосвященного Вениамина лучших сторон его души не будет в состоянии усвоить во всей полноте без знакомства с имеющимися у меня данными. Но я с ними не могу теперь расстаться, не вознаградив себя тем материалом, касающимся Гилярова-Платонова, который должен был остаться в бумагах Епископа Вениамина. — Не скрою от Вас, что в письмах Преосвященного идет речь и о «благороднейшем Фоме Ивановиче и добрейшей Марье Андреевне, давших ему приют и так тепло согревших его сердце, что он из всей рижско-лифляндской жизни только и грелся этою теплотой». Это было в самый для него тяжкий период времени поисков невесты.[5]

Бога ради, не откажите мне в помощи по разысканию этих драгоценных для меня, как собирателя материалов для жизнеописания Гилярова, писем его. Нет ли их у лица, занимающегося (как мне сообщил брат мой) биографией преосвященного Вениамина? Нельзя ли также справиться у тех, верно еще здравствующих, духовных особ, которые составляли в оные дни страшный трибунал для суда над[d] белыми письмами, сохранившимися в бумагах почившего? Вся моя надежда на Вас, глубокочтимый отец Фома. Не корите меня за назойливость моего обращения к Вам и[e] войдите в беспокойство человека, изучающего внутренний мир исторического деятеля и чувствующего[f], что может потерять один из ключей к этому сложному и таинственному миру.

В ожидании благосклонного ответа Вашего я, испрашивая благословение Вашего Высокопреподобия,

имею честь быть Вашим покорным слугою.
Кн. Николай Шаховской.

Печатается впервые по черновому автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 85. Л. 1—2 об.

[1] Протоиерей Фома Иванович Варницкий (1819 — не ранее 1893) — рижский священник, ключарь кафедрального Петро-Павловского собора в Риге (1860-е); выпускник Тамбовской семинарии (1840) и Московской духовной академии (1844).

[a] *Далее зачеркнуто*: преимущественно.
[b] *Далее зачеркнуто*: тогда.
[c] *Было*: Будущий биограф.
[d] *Далее зачеркнуто*: бумагами.
[e] *Далее зачеркнуто*: простите.
[f] *Далее зачеркнуто*: со страхом.

[2] Упомянут князь С. В. Шаховской.

[3] Князь С. В. Шаховской был эстляндским губернатором.

[4] Эти письма опубликованы князем Шаховским в извлечениях в серии статей о Гилярове-цензоре.

[5] В. М. Карелин по окончании Московской духовной академии в 1848 г. приехал в Ригу, где получил от епископа Филарета (Гумилевского) «письмо к покойному дерптскому протоиерею <Ф. С.> Б<ерезскому>», в котором преосвященный рекомендовал его в женихи к дочери Березского Александре Федоровне. Но той Карелин не понравился. Не состоялась и женитьба на дочке немца Шмидта — арендатора одной из мыз под Феллином. Тогда и приютили Карелина алексеевский священник Ф. И. Варницкий, кандидат богословия Московской духовной академии, и его жена Марья Андреевна («оба они тамбовские»). Вскоре он женился на дочери новгородского священника, которая родила ему дочь и сына, служил на о. Эзеле, однако умерла жена, а вслед за ней сын, и отец Василий в 1854 г. принял монашеский постриг с именем Вениамин. Все эти сведения содержатся в письме о. Вениамина (тогда архимандрита) от 25 июня 1859 г., приведенном князем Шаховским в «Русском Обозрении» (1898. Т. 49, янв. С. 100—105).

2
ПРОТОИЕРЕЙ Ф. И. ВАРНИЦКИЙ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
11 сентября 1893 г.

Сиятельный Князь
Николай Владимирович!

Отвечаю на письмо Ваше от 7-го сего сентября.

Писем Гилярова к покойному Преосвященному Вениамину здесь нет. Жизнеописатель его, помощник Инспектора Рижской дух<овной> Семинарии Феофил Осипович Невдачин,[1] и не слыхал об этих письмах. При Комиссии, разбиравшей бумаги покойного Преосвященного и составлявшей опись оставшемуся после него имуществу, постоянно находился зять покойного. Комиссия, конечно, отбирала официальные бумаги, а частную переписку, несомненно, передала зятю. Зять этот доктор медицины Степан Петрович Лепешинский,[2] служивший в то время в Риге, а теперь, по всей вероятности, служащий в Москве. По крайней мере, назад тому года полтора, как мне известно, он служил в Четвертом Московск<ом> кадетском корпусе. Если у него не окажется сих писем, то, вероятно, не найдете их нигде. Есть еще в Лифляндии родная сестра покойного Преосвященного за Сиссегальским Священником Иваном Ивановичем Лийцем.[3] Но едва ли находятся у него эти письма. Впрочем, вместе с сим же я пишу к нему об этом. Находится еще в Либаве родной племянник покойного Священник, а вместе законоучитель местной гимназии Петр Ив<анович> Карелин. Но у него не может быть этих писем, пот<ому> что в то время он и не служил в Прибалтийском крае. Как видите, Князь, утешительного мало. Но что же делать? Для Вас, Князь, и особенно в память незабвенного моего Владыки Вениамина — этого гуманнейшего, честнейшего и добрейшего из людей — я готов бы всё сделать, но не могу.

Примите уверение в чувствах глубокого уважения, с коими имею честь быть
Вашего Сиятельства
пок<орным> слугою.

Протоиерей Ф. Варницкий.

11 сент<ября> 1893.
Рига.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 102. Л. 1—2 об.

[1] Феофил Осипович Невдачин — выпускник Рижской духовной семинарии (1881) и С.-Петербургской духовной академии (1885).

[2] Степан Петрович Лепешинский (см. коммент. 207 на с. 570) — доктор медицины (1882), зять епископа Вениамина (Карелина), муж его дочери.

[3] В середине 1870-х гг. о. Иоанн Лийц был священником на мызе Фистелен Лифляндской губ. В бумагах Гилярова сохранилось его письмо, датированное 20 сентября 1874 г., в котором он просил Гилярова и через него других «москвичей» оплатить долги (более 10 тыс. серебром) покойного епископа Вениамина, чтобы его имущество не пошло с молотка («Какой-либо жидок купит — ряску, камилавку, клобук, четки...») (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 655. Л. 1 об.).

3
ПРОТОИЕРЕЙ Ф. И. ВАРНИЦКИЙ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Рига, 27 сентября 1893 г.

Ваше Сиятельство
Милостивый Государь
Николай Владимирович!

Письмом от 11-го сентября я спрашивал Священника Лийца, за которым родная сестра покойного Преосв<ященного> Рижского Вениамина, о судьбе писем Н. П. Гилярова к Преосв<ященному> Вениамину, куда они девались и нет ли хоть сколько-нибудь этих писем у него, Лийца. На что он мне ответил, что в разговорах он часто слышал от Преосв<ященного> Вениамина о Н. П. Гилярове, но писем последнего к первому никогда не читал и не видел, пот<ому> что Преосв<ященный> никогда ему не показывал их. Он думает, что письма Гилярова к Преосв<ященному> Вениамину, по смерти последнего, поступили к доктору Лепешинскому, женатому на дочери покойного Вениамина, а я не только думаю, но почти с уверенностию говорю, что вся частная переписка Преосв<ященного> Вениамина с кем бы то ни было передана наследнику его доктору Ст<епану> Петров<ичу> Лепешинскому, к которому и предлагаю Вашему Сиятельству обратиться, от сердца желая иметь больший успех в Москве, чем имели Вы его в Риге. С сим желанием остаюсь

Вашего Сиятельства пок<орным> слугою.

Протоиерей Ф. Варницкий.

27 сент<ября> 1893 г.
Рига.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 102. Л. Л. 3—4.

4
КНЯЗЬ Н. В. ШАХОВСКОЙ — ПРОТОИЕРЕЮ Ф. И. ВАРНИЦКОМУ
Москва, октябрь (?) 1893 г.

Ваше Высокопреподобие,
Милостивый Отец Фома.

Приношу Вам сердечную благодарность за то доброе участие, которое Вы изволили принять в моем деле. Доктора Лепешинского я, по совету Вашему, разыскал, и у него был дважды. Действительно, вся переписка Преосвящ<енного> Вениамина была передана ему, и я самолично видел груду в великом беспорядке валяющихся писем. В этой груде отыскались и некоторые письма Н. П. Гилярова-Платонова, но, увы, в каком жалком виде! Удалось выудить из этого бумажного смешения всего 5 отрывков писем Никиты Петровича: где — начало, где — конец, где — середина. Лучше бы уже и не нашлось ни одного, чем этакая насмешка над поисками. Найденные отрывки только пуще дразнят пытливость, не давая ей удовлетворения. Обида меня взяла на Лепешинского, который так на словах высказывал восторженную преданность памяти своего тестя, а на деле не сумел почтить его уважением к тому духовному наследству, которое он после себя оставил дочери. Но неудача с письмами Гилярова-Платонова несколько вознаградилась неожиданной удачей в другом отношении. В бумажном хаосе мною были усмотрены письма к Преосвященному Вениамину Юрия Федоровича Самарина. Их набралось до двадцати. Без большого труда мне удалось убедить Ст<епана> Петр<овича> уступить их мне. Письма крайне интересны: они почти все имеют отношение до Самаринских «Окраин»[1] и, кроме своего исторического значения, рисуют еще и самого Епископа Вениамина с новой симпатичной стороны, как деятельного, сочувствующего помощника в труде Самарина, которого он не без риска для самого себя ссужал необходимыми данными. Печа<та>ть некоторые из этих писем вряд ли можно будет в скором времени, ибо,[a] посылаемые почти всегда с оказией, они заключают в <себе> резкие отзывы о *слишком* высоких лицах. На днях передам все эти письма брату Ю<рия> Ф<едоровича> Дмитрию Федоровичу Самарину, у которого сохранились письма Преосвящ<енного> Вениамина.

Еще раз позвольте от души Вас поблагодарить и за беспокойство, и за сочувствие и принять уверение в глубочайшем почтении Вашего покорного

слуги Кн. Н. Ш.

Печатается впервые по черновому автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 85. Л. 3—4 об.

[1] Окраины России / Изд. Ю. Самарина. Прага: Тип. д-ра Ф. Скрейшовского, 1868—1876. Сер. 1. Т. 1—6; 2-е изд.: Berlin: B. Behr's Buchh. (E. Bock), 1878.

[a] *Далее зачеркнуто*: писанные.

IX. ПЕРЕПИСКА КНЯЗЯ Н. В. ШАХОВСКОГО С П. А. КУЛИШОМ (1893—1894)

1
П. А. КУЛИШ[1] — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Хутор Ганнина Пустынь Черниговской губернии,[2] 9 июня 1893 г.

Многоуважаемый
Князь Николай Владимирович,

Сочувствуя Вашему намерению чествовать память одного из достойнейших представителей русского ума и чувства, — к моему крайнему сожалению, уведомляю Вас, что письма Гилярова-Платонова[3] погибли у меня вместе с другими подобными памятниками благородной жизни.[4]

Приведенное Вами место из моего письма, по истечении стольких десятилетий иного рода деятельности, сделалось и для самого меня неясным. Оно говорит лишь о моем почитании высокой личности, которую Вы, Князь, предприняли как нельзя больше вовремя изобразить, в назидание современным и будущим русским подвижникам.

С Никитой Петровичем я беседовал мало, и знакомство наше продолжалось только посредством переписки о Гоголе. Невежественное вмешательство зятьев Гоголя[5] в издание рукописей великого писателя привело к тому, что все его заметки, выписки и прочая, хранимые в чемодане под женскою кроватью, исчезли без следа; а то бы, просмотрев их теперь, после драгоценных исследований моего друга Вл. Ив. Шенрока,[6] можно было бы восстановить в уме то «нечто гармоническое, исполненное глубокого смысла», о чем я писал к Никите Петровичу от 19 апреля 1857 года.[7]

Труды мои по изучению жизни Гоголя были вознаграждены знакомством с лучшими представителями родного нам, малороссам <*так!*>, великорусского народа и общества. Ваше почтенное письмо так и веет на меня духом Аксаковых, Гиляровых, Шенроков; и как всем чадам земли свойственна известная доля своекорыстия, то не осудите меня, если я воспользуюсь этим случаем своекорыстно. Дело вот в чем:

Присоединенная к древнейшим русским займищам Червоная прикарпатская Русь, именуемая часто Подгорьем, а некоторыми писателями называемая Владимириею (Ладомирия), продолжает представлять, в своем двояком славянском населении, печальное зрелище борьбы, которая завершилась у нас воссоединением так называемой (не совсем конкретно) Малороссии с Вашей Великой Россиею. Принимая в этой исконной борьбе деятельное участие по предмету освобождения малорусского языка от польщизны, русского сознания — от внушаемой русинам поляками отчужденности, а древнего русского «благочестия» от римского «нечестия» (как мы, бывало, называем латинство да униатство), написал я нечто вроде повести[a], под видом «посмертных записок моего приятеля», озагла-

[a] *Слова*: нечто вроде повести — *вписаны над строкой*.

вив их «Владимирия»[a],[8] и послал мою рукопись (в трех тетрадях, заключающих в себе более 200 листков) бывшему издателю «Гражданина»,[9] в полное его распоряжение. Но, как это с русскими людьми бывает часто, своя своих не познаша.[10] В течение целого года я не получил никакого ответа. Не ответил князь Мещерский и потом[b] на два письма Вл. Ив. Шенрока. Когда, наконец, издание газеты перешло к Филиппеусу,[11] тот моему петербургскому[c] уполномоченному говорит, что князь не передал ему рукописи «Владимирия».

Позвольте обратиться к Вам, в качестве сотрудника по общему нам русскому делу. Может быть, Вы найдете способ получить какой-нибудь ответ от бывшего[d] издателя «Гражданина».[12]

Примите, многоуважаемый Князь, уверение в истинном к Вам почтении.

П. Кулиш.

1893, июня 9 дня.

Хутор Ганнина Пустынь под Борзною.

Печатается впервые полностью по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 129. Л. 1—2 об. Фрагмент письма опубликован, с неточностями, князем Шаховским в статье «Памяти П. А. Кулиша» (*РО.* 1897. Т. 44, март. С. 200—201). В архиве князя Шаховского сохранилось 30 писем Кулиша за 1893—1897 гг. (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 129—132). Здесь публикуются только те из них, в которых речь идет о Гилярове. Благодарю за консультации украинского литературоведа Олеся Федорука, любезно согласившегося просмотреть комментарии и предложившего ряд ценных дополнений и поправок.

[1] Пантелеймон Александрович Кулиш (1819—1897) — историк, прозаик, поэт, драматург, литературный критик, этнограф, публицист-украйнофил; первый биограф Гоголя, издатель его сочинений и писем.

[2] Хутор Ганнина Пустынь (другое название — Мотроновка) находился на окраине села Оленовка близ г. Борзна Черниговской губернии. Это было родовое поместье Ганны Барвинок (литературный псевдоним Александры Михайловны Кулиш, ур. Белозерской; 1828—1911), прозаика, жены П. А. Кулиша (с 1847 г.), которое он выкупил у ее братьев Василия и Николая Белозерских и переселился сюда в 1870-х гг. Мотроновкой отец Белозерских назвал хутор в честь своей жены, а Кулиш переименовал в честь своей.

[3] Речь идет об ответных письмах Гилярова на 15 писем П. А. Кулиша 1856—1857 гг., сохранившиеся в копиях в архиве князя Шаховского (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 646. 24 л.).

[4] Погибли в пожаре 1885 г. в Мотроновке, когда сгорело почти все имущество и рукописи Кулиша.

[5] В тот период были живы два зятя покойного писателя: саперный офицер, подполковник Владимир Иванович Быков (?—1862), муж Елизаветы Васильевны (1823—1864), и Яков Иванович Головня (1819—1868), муж Ольги Васильевны (1825—1907).

[6] Владимир Иванович Шенрок (1853—1910) — историк литературы, исследователь творчества Н. В. Гоголя и его современников. Сохранилась обширная переписка Кулиша

---

[a] *Слова*: озаглавив их «Владимирия» — *вписаны над строкой.*

[b] *Это слово вписано над строкой.*

[c] *Это слово вписано над строкой.*

[d] *Это слово вписано над зачеркнутым*: сотр<удника>.

и Шенрока (не опубликована). Шенрок написал и книгу о Кулише, опубликованную в журнале «Киевская Старина» (1901. Кн. 2—12) и отдельно: «П. А. Кулиш: Биографический очерк» (К., 1901. <2>, 255 с.). См. также: *Шенрок В. И.* Указатель к письмам Гоголя, заключающий в себе объяснение инициалов и других сокращений в издании Кулиша: С прил. неизд. отрывков из писем матери Н. В. и его собственных. М., 1886; 2-е изд., испр.: 1888. <4>, 91 с.

[7] Приведем контекст этих слов Кулиша, обращенных к Гилярову: «...в Вашем уме, как вижу из Ваших писем, строится нечто гармоническое, исполненное глубокого смысла. Может быть, это условие полученного Вами научного воспитания, — которого я вовсе не имею, и мне очень интересно было бы видеть, как Вы все это сделаете» (цит. по: *Шаховской Н., кн.* Годы службы Н. П. Гилярова-Платонова в Московском цензурном комитете, 1857-й год // *РО*. 1897. Т. 46, авг. С. 737).

[8] Роман Кулиша «Владимирия, или Искра любви: Приключения Недригайла из Недригайлова городка: Посмертные записки моего приятеля» (1894) напечатан в 1998 г. в журнале «Київська старовина» (№ 1. С. 41—93; № 2. С. 96—150; № 3. С. 33—86; публ. О. Луговського и О. Путра). В этом романе Кулиш выступает глашатаем объединения украинских земель, разделенных между Российской и Австро-Венгерской империями, залогом чего он считал православие.

[9] Князь Владимир Петрович Мещерский (см. коммент. 1 на с. 516) назван здесь «бывшим» издателем «Гражданина», видимо, потому, что Кулиш считал «новым» редактором К. Ф. Филиппеуса (см. ниже коммент. 11). Следует учесть, что с 1887 г. «Гражданин» выходил в виде обычной четырехполосной газеты, на столбцах которой объемные произведения (вроде романа «Владимирия»), как правило, не публиковались (исключение делалось для повестей и романов самого князя Мещерского).

[10] Евангельское выражение (Ин 1: 11).

[11] Константин Федорович Филиппеус (1838—1898), в свое время, в 1869—1874 гг., возглавлявший политический сыск, — не издатель, а ответственный редактор газеты «Гражданин» с 1893 по 1895 г., совместно с князем В. П. Мещерским.

[12] В письме от 14 октября 1893 г. Кулиш откликался на сообщение князя Шаховского: «Издателя “Гражданина” изобразили Вы с таким комизмом, что я вспомнил стихи Пушкина:

Там вывел пылкий <*Шаховской поправил карандашом*:
колкий> Шаховской
Своих комедий шумный рой.

Если князь Мещерский — потомок прославленного Державиным предка, то русская судьба безжалостно подшутила над величавым поэтом...

Здесь тень твоя, а духа нет.

Но в Вашем насвистывающем моллюске нет и тени державинского князя Мещерского, который был, как выражаются поляки, mężczyzna przystojny <красивый мужчина (*польск.*)>. Что же нам делать с идиотом? Он относительно пропажи моей рукописи невменяем. У меня сохранился брульон “Владимирии”. При переписке набело этот брульон превратился в набросок, предшествующий в уме автора чему-то доконченному. Но, под влиянием хорошей погоды и приятельских отношений к лучшим из людей, может случиться, что я вновь сделаю из черновой рукописи нечто доконченное, хотя это, во всяком случае, будет уже нечто иное. Итак, благодарю Вас, любезнейший из Князей, за нисхождение во ад умственного и нравственного ничтожества» (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 129.

Л. 13—13 об.). В письме от 1 января 1894 г. Кулиш продолжал тему: «Мне хотелось бы знать, как это деятели русской народности, подобные князю Мещерскому господа, столь щедро бросают с Тарпейской скалы рожденные будто бы уродами такие произведения, как "Владимирия" (240 листков). Что за непонятное для меня обилие учено-литературного творчества в убогой, на мой взгляд, России! Что это за русские доблести князей и думных дьяков, создавших наше русское общество?» (Там же. Ед. хр. 130. Л. 8 об.—9).

2
П. А. КУЛИШ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Хутор Ганнина Пустынь Черниговской губернии, 28 июня 1893 г.

Достопочитаемый Князь Николай Владимирович!

Воспоминания Ваши о Гилярове-Платонове[1] (первóцьвіт Ваших воспоминаний) я получил одновременно с недоставшими в моей библиотеке сочинениями Ренана и Тэна.[2] Литературная noblesse * обязывает меня принести жертву почившим от своих трудов членам бессмертной семьи.[3] Но, не заглянув ни в один том, я принялся читать и прочел в один присест Вашу книжицу, о которой должен сказать: «мал золотник, да дорог». Русские бессмертные дороже мне всяческих иноземных.

Ваши воспоминания наводят на меня грусть, но не безотрадную. Гиляров не умер: он продолжает жить в лучших русских сердцах и благороднейших наших умах. Несмотря на то, что такое множество его трудов и предначертаний утрачено, доброе семя, вложенное в русскую природу нашим Филоклетом <*так!*> науки и согретое животворною любовью к этой дивной личности, вызовет многих таких деятелей на ниву русского духа, как Вы, воистину досточтимый Князь. Россия не вотще произвела такого мужа слова и дела. В этом ее создании чувствуется дальнейшее творчество нашего народа, и, зная некоторые факты былого, надобно чаять плодотворного апостольства со стороны достойнейших представителей Руси, осиротелых после вашего Пушкина, нашего Гоголя и других великих сердцем, как и умом, людей. Да снидет же на Вас и на Ваше предприятие благоговейный пред Богом дух премудрости, вдохновлявший великого мыслителя и гражданина! «Надеждой не вотще нас небо одарило»,[4] и не вотще апостолы Христовы называют уныние «грехом пред Господом Богом».[5]

На Ваше «крепкое» пожатие руки отвечаю горячим пожатием, яко потомок одного из Кулишей, носившего прозвище Гарячий Куліш,[6] которым не раз чествовали меня самого не только приятели, но и враги мои. Говорю «чествовали», памятуя библейское слово «изблюю тя» (если будешь только тепел).[7]

Гарячий Куліш.

1893, июня 28.

Хутор Ганина Пустынь под Борзною.

---

* честь, благородство (*фр.*).

Печатается впервые полностью по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 129. Л. 3—4. Фрагмент письма опубликован, с неточностями и пропусками, князем Шаховским в статье «Памяти П. А. Кулиша» (*РО*. 1897. Т. 44, март. С. 201).

[1] Речь идет о брошюре князя Шаховского «Никита Петрович Гиляров-Платонов: Краткий публицистический очерк» (Ревель, 1893).

[2] Французские философы и историки Жозеф Эрнест Ренан (Renan; 1823—1892) и Ипполит Адольф Тэн (Taine; 1828—1893).

[3] Эрнест Ренан умер 2 октября 1892 г., а Ипполит Тэн — 5 марта 1893 г. «Бессмертной семьей» Кулиш именует Французскую академию, поскольку избрание в нее является пожизненным и академиков называли «бессмертными» согласно девизу Академии — «Для бессмертия» (À l'immortalité).

[4] Заключительная строка послания В. А. Жуковского «К К. М. С<оковнин>ой» (1803).

[5] Приведено святоотеческое толкование. Ср. наиболее выразительные слова апостола Павла об унынии: «Печаль ради Бога производит неизменное покаяние ко спасению; а печаль мирская производит смерть» (2 Кор 7: 10).

[6] В автобиографической «Жизни Кулиша» (1868) указано, что так называли его деда Андрія (см.: *Куліш Пантелеймон*. Твори: В 2 т. К.: Наукова думка, 1994. Т. 1. С. 234).

[7] Ср. Синодальный перевод: «Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих» (Откр 3: 16).

3
П. А. КУЛИШ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Хутор Ганнина Пустынь Черниговской губернии, 19 января 1894 г.

Вы спрашиваете, любезнейший из Князей: при каких обстоятельствах издавал я сочинения и письма Гоголя?

Обстоятельства эти вытекали из моих близких отношений к П. А. Плетневу.[1] Во время наших ежедневных прогулок, в промежуток между сном и завтраком, незабвенный Петр Александрович любил вдаваться в свои воспоминания о былом вообще[a], и многое никому неизвестное рассказывал мне о живом еще тогда Гоголе. Когда Гоголь столь неожиданно и рано перестал дивить и смущать нас разнообразными видениями своими, я не замедлил[b] изложить на бумаге те из воспоминаний о нем Плетнева, какие считал своевременными среди свежих сожалений Гоголевых почитателей.[2]

Сдержанность моя заслужила одобрение Плетнева. Кой о чем распространился он тут же на словах и, когда я вводил в рукопись недостающее в ней, благодушный мой Ментор, с юношескою нетерпеливостью, раза два посетил меня, выслушивал мои вставки и диктовал мне новые.

Когда же, наконец, мои воспоминания были напечатаны, передо мною растворились многие незнакомые двери, согласно желанию Плетнева. Нередко

[a] *Это слово вписано красными чернилами над строкой.*

[b] *Было*: немедленно.

мои изыскания происходили в его присутствии[a], и таким образом исчерпали мы в Петербурге рассказы и рукописи, относящиеся к жизни почившего среди нас гениального человека.

Петербургские знакомые посодействовали мне в эксплуатации и Москвы в том же роде. Там я был знаком еще с 1848 года с Хомяковым,[3] который, будучи знаменит, посетил меня, неведомого почти никому изгнанника, в Туле[4] и старался рассеять мою тоску[b] зимней охотой у себя в деревне.[5] В Москве[c] жил и мой друг О. М. Бодянский.[6] Он познакомил меня со всесторонне чувствующим, истинно русским, истинно *великорусским* домом Аксаковых. В С. Т. Аксакове нашел я чудо из чудес — юношу в сединах, горячего ко всякой полезной предприимчивости. Для скопирования множества писем Гоголя, писанных к Аксаковым[d] и добытых при их посредстве от других лиц, — гостил я у них в деревне по нескольку недель,[7] и здесь, больше чем где-либо, познал цену великорусскому народу, собирателю нашей расторгнутой Русской Земли.

Среди этой образцовой во многих отношениях семьи сподобился я познакомиться[e] дружественно и с великим по русскому духу и русскому уму человеком, Никитой Петровичем Гиляровым-Платоновым, замученным в самом цвету нравственных сил не понимавшими его властителями и судиями.[8] Но об этом Илье Муромце духовной деятельности предоставим распространиться перу, перед которым я сторонюсь почтительно.

В то время племянник Гоголя, студент Московского университета, Трушковский, предпринял было уже издание сочинений своего дяди по матери, in octavo * (которое вскоре вышло в свет под моею редакцией),[9] но заболел[10] и должен был прекратить работу в самом ее начале. Однако ж он успел собрать множество писем Гоголя и к Гоголю. Весь Аксаковский кружок заговорил, что и без болезни Трушковский (давно уже покойный) *не обладает энергией труда, необходимой для такого предприятия,* — тем более, что, по смерти знаменитого автора, спрос на его сочинения был очень велик, а это составляло немаловажную заботу в имущественном отношении для наследников Гоголя.

Этим путем автографы поэта[f], находившиеся в руках у Трушковского, и все относившиеся к нему рукописи перешли в мои руки, и я перенес издание в Петербург, где заставил работать[g] параллельно несколько типографий.[11]

Правительство, изображаемое цензурой, ни в чем не препятствовало мне. А что в письмах Гоголя сделано множество пропусков, то на этом настаивал

---

[a] *Было*: в присутствии самого Плетнева.
[b] *Было*: развлекать меня.
[c] *Было*: Там.
[d] *Далее зачеркнуто*: и другим.
[e] *Было*: сойтись.
* ин октаво, в восьмую долю бумажного листа (*лат.*).
[f] *Было*: бумаги.
[g] *Далее зачеркнуто*: разом.

П. А. Плетнев, как человек с[a] общественным и литературным тактом, дабы не тронуть щекотливой струны в чьем-либо уме и сердце. Все эти пропуски были у меня помечены систематически французскими буквами, и этот ключ для будущего открывателя посмертных сенсаций присоединен мною к[b] автографам и копиям писем, вместе с которыми и сдан по принадлежности наследникам Гоголя.

Но, к общему нашему сожалению, провинциалы — наследники великого человека — не умели хранить национального сокровища и довели его до исчезновения в немой вечности. Мой систематически составленный ключ канул также в вечность, — и самые благородные усилия моего московского друга Вл. Ив. Шенрока воссоздать его в целости остались безуспешными.

Наследники Гоголя до такой степени не понимали своей хранительной функции, что, когда все рукописи и бумаги их благодетеля[c] исчезли с его походным чемоданом из-под кровати его матери (что произошло спустя много лет после передачи бесценного скарба наследникам поэта) *, одна из сестер его, Ольга Васильевна, спрашивала у меня письменно: не у меня ли остался этот скарб?! **

Вот все, что в состоянии отвечать страдающий инфлюэнцей человек здоровому, которому желает выполнить предпринятое, широко задуманное, благородное дело во славу своего собственного и нашего русского имени.

Благодарю Бартенева, любезнейший из Князей, за его память обо мне и почетное для меня приношение.[12] Да не может ли он снабдить меня тем ливрезоном[13] «Русского Архива», в котором напечатана позорная для правительства 1847 года процедура допроса и суда над нами?[14] Вообще я бы желал собрать все, что мне самому напоминало бы о забытых обстоятельствах, именах, датах моего существования, которое дало бы мне возможность уразуметь яснее внешний мир.

Пола Ваша, мой несравненный Князь, и на этот раз не свободна от хуторского репьяха. Вольф[15] прислал вчера наконец английскую Библию revised version, ***[16] но такую компактную, что я <не> в состоянии читать ее иначе, как при посредстве лупы. Писать к купцу о высылке оной не следует; а позвольте вцепиться репьяхóм Вам в полу. Полученного мною экземпляра Вольф не примет для замены осьмушечным; ergo: Во славу оксфо<р>дских самопожертвователей благоволите заказать ему ту же самую версию, выслать мне in-8°, в полном октаво; авось либо это не сделает еще меня босоногим апостолом!

Щирый Ваш Панько.

1894, янв<аря> 19.

Ганнина Пустынь.

---

[a] *Далее зачеркнуто*: житейским.

[b] *Далее зачеркнуто*: рукописям.

[c] *Было*: Гоголя.

* Храню документальное известие об этом в собственноручном письме ко мне Анны Васильевны Гоголь. <*Примеч. П. А. Кулиша.*>

** Храню и этот документ. <*Примеч. П. А. Кулиша.*>

*** пересмотренный вариант (*англ.*).

Печатается впервые полностью по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 130. Л. 13—16. Написано карандашом, со вставками чернилами. Отрывки из письма опубликованы, с незначительными неточностями, князем Шаховским в статье «Памяти П. А. Кулиша» (*РО*. 1897. Т. 44, март. С. 202—204).

[1] Петр Александрович Плетнев (1791—1865) — критик, поэт; профессор русской словесности (с 1832 г.) и ректор (1840—1861) С.-Петербургского университета. В другом письме, от 1 января 1894 г., Кулиш упоминал: «В 1844—1845 годах я, будучи таким неопытным и, можно сказать, порченным юношей провинциалом, <...> попал в руки несравненному П. А. Плетневу, а он пересоздал меня так, что, отправляя за границу в 1847 году, писал Жуковскому: "Посылаю тебе другого себя"» (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 130. Л. 9—9 об.). Плетнев помог Кулишу переехать в Петербург осенью 1845 г. (не 1844-го!), где он жил до декабря 1846 г., пока не уехал за границу. В Петербурге Кулиш вошел в ближний круг Плетнева, стал почти членом его семьи.

[2] Речь идет о статье Кулиша «Несколько черт для биографии Николая Васильевича Гоголя», опубликованной анонимно в «Отечественных Записках (1852. № 4), о которой одобрительно отозвался Плетнев и которая положила начало исследованиям Кулиша о Гоголе, итогом чего стала его знаменитая книга: *Николай М. <Кулиш П. А.>*. Опыт биографии Н. В. Гоголя, со включением до сорока его писем. СПб.: Тип. Э. Праца, 1854; <2-е изд., доп.>: Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем. СПб.: Тип. Ю. Штауфа, 1856. Т. I—II.

[3] Кулиш делился впечатлением от общения с Хомяковым в письме к свояченице Надежде Михайловне Забеле (ур. Белозерская; 1826—1912), датируемом его публикатором О. Федоруком октябрем-ноябрем 1850 г.: «Самое особенное в моих домашних событиях — есть знакомство с Хомяковым, хотя и оно похоже на чтение книги. Я был у Хомякова в деревне. Он угостил меня псовою охотою по первому снегу, я видел смерть десяти серых трусов; но его беседа гораздо приятнее охоты. Он очень ученый человек, так что знает даже медицину и исправляет в своем имении лично обязанность лекаря. Хороший, очень хороший человек Хомяков. Я доволен этим знакомством» (*Куліш П.* Повне зібрання творів: Листи. К.: Критика, 2005. Т. I. С. 323).

[4] Кулиш находился в Туле в ссылке в течение трех лет и трех месяцев в 1847—1850 гг., после того как был арестован в Варшаве как член Кирилло-Мефодиевского братства (причем его принадлежность к тайной антиправительственной организации доказана не была, наказанию же подвергся, по словам приговора, за то, что «находился в дружеских связях со всеми его <Братства> участниками»). В Туле он написал два романа («Алексей Однорог» и «Искатели счастья»), а также популярную историю Смутного времени («Повесть о Борисе Годунове и Димитрии Самозванце»).

[5] Под Тулой у Хомякова были две родовые усадьбы — Богучарово и Обидимо.

[6] Осип (Иосиф) Максимович Бодянский (1808—1877) — филолог-славист, историк, археограф, переводчик, фольклорист, поэт; профессор Московского университета (с 1842 г.), секретарь Общества истории и древностей российских и редактор его «Чтений».

[7] Впервые Кулиш приехал в Абрамцево 30 ноября 1854 г., готовя «Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя» (см. письмо В. С. Аксаковой к М. Г. Карташевской от 2 декабря 1854 г. // Крымская война в истории России и в жизни славянофильского семейства: Переписка Веры Аксаковой и Марии Карташевской, 1853—1856 / ИРЛИ РАН; Изд. подгот. А. Дмитриев и Д. Федоров. СПб.: Росток, 2016. С. 91).

[8] Отсылка к названию стихотворения Г. Р. Державина «Властителям и судьям» (1780).

[9] Николай Павлович Трушковский (1833—1862), сын старшей сестры Гоголя Марии Васильевны (1811—1844), воспитанник Казанского и С.-Петербургского университетов, издал (фактически подготовленное Кулишом) первое посмертное собрание сочинений писателя в шести томах в 1855—1856 гг., а также дважды (в 1855 и 1856 гг.) напечатал со своим «Предисловием» книгу «Сочинения Н. В. Гоголя, найденные после его смерти: Мертвые души. Том второй (пять глав) и Авторская исповедь», служившую продолжением прижизненного издания: «Похождения Чичикова, или Мертвые души: Поэма Н. Гоголя» (М., 1842).

[10] Н. П. Трушковский был душевнобольным; он скончался, не дожив до 30 лет.

[11] Первый том был напечатан в типографии Александра Якобсона, где Кулиш опубликовал свою биографию Гоголя, «Записки о Южной Руси» и украинский роман «Чорна рада», все другие — в типографии Императорской Академии наук.

[12] Судя по письму от 5 февраля 1894 г. (см. ниже: «вклеил я мои письма к Бодянскому»), П. И. Бартенев послал П. А. Кулишу оттиск из «Русского Архива» с публикацией его писем к О. М. Бодянскому (1892. Кн. III, вып. 11. С. 291—304) и потом последний вклеил этот оттиск в какую-то другую книжку «Русского Архива».

[13] *Ливрезон* — выпуск журнала.

[14] Речь идет о публикации: Об Украйно-Славянском Обществе: (Из бумаг Д. П. Голохвастова) // *РА*. 1892. Кн. II, вып. 7. С. 334—359.

[15] Александр Маврикиевич Вольф, сын и наследник основателя книготорговой фирмы М. О. Вольфа (1825—1883), директор книгоиздательского товарищества «М. О. Вольф и Ко», издатель журнала «Новь» (1884—1898).

[16] О том, чтобы князь Шаховской сделал такой заказ в книжном магазине М. О. Вольфа (помимо Оксфордской Библии, еще одна английская и две немецкие книги), Кулиш просил в письме от 1 ноября 1893 г. (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 130. Л. 1).

4
П. А. КУЛИШ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Хутор Ганнина Пустынь Черниговской губернии, 5 февраля 1894 г.

Телеграмма, писанная у камина «на колену», как писывали песенные сербы[a].

Любезнейший из Князей! *

Читать каждое Ваше письмо и отвечать на него — это моя отрада в болезни, которая отступает медленно и грозно, как единственная дочь Сатурна, которой он почему-то не проглотил.[1]

Благодарю, благодарю за присылку статьи обо мне, напечатанной в «Русском Архиве»![2] Меня интересует, что и в молодости я уже принадлежал не к худшим людям. Все это мною позабыто в толкотне житейских интересов.

---

[a] *Это предложение приписано Кулишом на верхнем поле письма позднее.*

* Этот Ваш титул, совмещающий в себе все почетные звания, даваемые правительством и обществом: ибо что есть добро или что есть красно, как проповедовать мир и благоволение? <*Примеч. П. А. Кулиша.*>

Последний том биографии Погодина, благодаря Вам, я также получил и читал о себе,[3] как о ком-то неизвестном. Но память моя, роняя по дороге жизни многое, хранит характеристически черты таких, например, заслуженных людей, как почтеннейший skądinąd * Михаил Петрович. Когда скончалась его жена,[4] он тотчас написал к Максимовичу письмо, достойное человека с душою и сердцем.[5] Но тот же Максимович рассказывал мне о нем *ужасы* чужеядной жизни, представителем которой был он по наследству от отца, крепостного прикащика,[6] проглотившего целиком своего неопытного барина с его имением и тем домом на Девичьем Поле, который добрые люди сделали известным всей России.[7] Это повествование не мешало Максимовичу отвечать на сердечное письмо сердечно[8] и эксплоатировать «любезного академика» в пользу своего кармана и своей «суетной славицы».

Позвольте завладеть Вашим ливрезоном «Русского Архива», в который вклеил я мои письма к Бодянскому с искусством переплетчика, т. е. крепко (я изучал переплетное мастерство во время ссылочного сиденья в Туле).

Благодарю и за Ваши неутомимые сношения с Вольфом по моим книжны<м> делам.

Если я не ответил на один Ваш вопрос, то Вы, в благодушии своем, конечно, приписали это моему болезненному состоянию. Мои письма к Гилярову-Платонову и вообще все, что Вы признали бы годным для печати в моей корреспонденции с Вами и с кем бы то ни было другим, я «разрешаю» Вам печатать вполне или же отрывочно. По напечатании оных *вполне* я не нуждаюсь в подлинниках. Мне некогда заниматься собиранием автографов, что доставляет удовольствие любителям следов, оставленных писателями после себя, подобно куриным лапкам на песке. Но тем не менее благодарю Вас за готовность выпросить эти лапки мои у той любезной особы,[9] которая, как Вы полагаете, отказалась бы от права собственности на них.

«Записки о Жизни Гоголя»[10] заслуживают Вашего чтения как редкая книга, которую от начала до конца прочитывал я С. Т. и К. С. Аксаковым, которые не оставляли ничего, требующего не только фактической, но и стилистической поправки. Иногда любезный богам и смертным старец вскакивал с плетеного своего кресла и прикрикивал на меня, как на школьника: «И что это вы вдаетесь в реторику! Пишите так просто, как со мной говорите». Я же, помня словеса великого поэта-царя: «Пред мудрым склони голову — пускай он своим укором обливает ее, как елеем»[11] (не помню подлинника славянского) — помня сии спасительные для меня с детства словеса, я вновь писал отмеченное место и вновь прочитывал красноречивому в простоте своей Нестору[12] написанное, доколе не удостоивался одобрения.

Из «Пережитого»[13] я не читал, к стыду моему, ни одного тома. Я многие годы питался исключительно тою пищею, которую мудрые и вместе простоватые <?> (относительно старорусского элемента) Катковы всячески возбраняли нам,

* впрочем (*польск.*).

и это до такой степени, что, будучи членом Императорского Географического Общества, я не мог получить от него свидетельства на такие путешествия, какие совершил я в короткое время для собрания материалов, составивших впоследствии «Записки о Южной Руси»,[14] — невзирая на то, что путешествовать я вызывался на собственные средства[a]. Вот он политический фанатизм! Чем он лучше религиозного? Разве тем, что нас не жгут на кострах. Но зато нас душат хуторскою жизнью, а наших болтунов (которых мы презираем) морят и по сие время в торквемадовских тюрьмах. Какой же они достигают цели? Диаметрально противоположной гнету: именно — вызывают реакцию не только в уединенных, как я, личностях, но и в разного рода учителях, профессорах и даже в лицах так называемого духовного чина.

Желаю Вам успеха в служебной пертурбации,[15] обнимаю Вас горячо.

Гарячий Куліш Панько.

Все ли листки «Дзвона»[16] Вами получены? Я не получил доселе одного листка шутливой поэмы Панька Небрехи «Куліш у Пеклі».[17] Боюсь, как бы мой издатель не заболел болезнью, от которой не свободны даже императоры. Мы и без того ползем за знаменем, на котором в угоду хохлам написано: festina lente. *

Писано Року Божого 1894 місяця лютого на пятий день, зараз як прочитав высокошановну князьку́ грамоту, а коли можна буде послати, не знаемо, яко хуторяне бездорожа́не <?> и такѐ инше. **

Печатается впервые полностью по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 130. Л. 17—18 об. Написано карандашом, со вставками чернилами. Небольшие отрывки из письма опубликованы, с незначительными неточностями, князем Шаховским в статье «Памяти П. А. Кулиша» (*РО*. 1897. Т. 44, март. С. 194, 203).

[1] По легенде, Сатурн пожирал всех своих детей, опасаясь рождения более сильного, чем он, наследника.

[2] Имеется в виду статья «Об Украйно-Славянском Обществе» (вых. дан. см. в коммент. 14 на с. 714).

[3] *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина: <В 22 кн.>. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1894. Кн. VIII. (О Кулише — с. 251—252, 401, 608.)

[4] Первая жена историка Елизавета Васильевна Погодина (ур. Вагнер; 1809—1844).

[5] Это письмо опубликовано в изд.: Письма М. П. Погодина к М. А. Максимовичу. СПб., 1882. С. 37; перепеч.: *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1893. Кн. VII. С. 475. Михаил Александрович Максимович (1804—1873) — филолог, историк, фольклорист, поэт, ботаник; ректор Киевского университета (1834—1841).

[6] Отец М. П. Погодина, Петр Моисеевич, был крепостным графа П. И. Салтыкова и управляющим его московскими домами; отпущен на волю в 1806 г.; стал слугой А. Ф. Брокера в Петербурге с 1817 г.

---

[a] *Было*: на собственный счет.

* не делай наспех (*лат.*); поспешишь — людей насмешишь.

** Писано Лета Господня 1894, месяца февраля на пятый день, сразу как прочел глубокоуважаемую княжескую грамоту, а когда можно будет послать, неизвестно, поскольку хуторяне бездорожны и тому подобное (*укр.*).

[7] Насколько справедлив этот слух, нам неизвестно: дом на Девичьем поле М. П. Погодин приобрел в 1836 г., скорее всего, независимо от отца (ныне Погодинская ул., д. 10—12); эта усадьба сгорела в 1941 г. во время налета немецкой авиации.

[8] Это ответное письмо Максимовича опубликовано: *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1893. Кн. VII. С. 475.

[9] Речь идет об А. М. Гальперсон, у которой, по предположению князя Шаховского, должны были находиться письма Кулиша к Гилярову.

[10] Выходные данные этой книги см. в коммент. 2 на с. 713.

[11] Источник цитаты не установлен.

[12] Кулиш уподобляет Гилярова Нестору Летописцу.

[13] Мемуарная книга Гилярова.

[14] Записки о Южной Руси / Изд. П. Кулиш. СПб., 1856—1857. Т. I—II.

[15] Видимо, князь Шаховской поделился с Кулишом своими планами по изменению служебного положения: в тот период (с 1882 г.) он был чиновником особых поручений при министре внутренних дел, а спустя полгода, 1 августа 1894 г., стал цензором в Москве.

[16] *«Дзвин»* — поэтический сборник Кулиша (1893).

[17] «Куліш у пеклі: Небрешина поема Панькова» (1890—1896), при жизни Кулиша не опубликованная, впервые появилась в 3-м томе «Сочинений и писем» Кулиша в 1909 г. В наши дни опубликована по автографу во 2-м томе «Сочинений» Кулиша в 1994 г. (в издательстве «Наукова думка»).

X. ПЕРЕПИСКА КНЯЗЯ Н. В. ШАХОВСКОГО С П. А. БЕССОНОВЫМ (1893—1894)

1
КНЯЗЬ Н. В. ШАХОВСКОЙ — П. А. БЕССОНОВУ
Москва, 20 августа 1893 г.[1]

Милостивый Государь
Петр Алексеевич.

Собирая матерьялы для жизнеописания Никиты Петровича Гилярова-Платонова, я, в оставшихся после него бумагах, нашел несколько Ваших писем, писанных в 1842 году и относящихся ко времени Вашего совместного с ним обучения в Семинарии.[2] В этих письмах сквозит, можно сказать, нежная дружба Ваша с товарищем Вашим Гиляровым. —[a]

Если у Вас сохранились письма к Вам семинариста Гилярова, не откажите сообщить их мне, чем Вы окажете превеликую услугу тому делу, над которым я тружусь. От того периода жизни Никиты Петровича, когда слагался только будущий муж, не осталось почти никаких следов, кроме автобиографических воспоминаний Гилярова «Из Пережитого», которые не могут представлять из себя

[a] *Далее в черновике было зачеркнуто*: Из этих писем усматривается, что товарищ Ваш тоже писал Вам.

вполне достаточный материал,[a] ибо это не просто записки, а литературное произведение.[b] По Вашим письмам судя, Гиляров был с Вами очень откровенен и его письма к Вам должны содержать в себе драгоценные данные для биографа.

Если же Вы нашли бы свободную минуту для того, чтобы[c] вспомнить о том впечатлении, которое тогда производил на Вас Гиляров[d] и впоследствии, и запечатлеть это в письме ко мне, то несказанно бы меня одолжили и побудили бы присоединить к тому уважению, которое я, как словесник, всегда питал к трудам Вашим, еще и чувства личной признательности и сердечной благодарности.

С нетерпением буду ожидать отзыва Вашего; а пока позвольте засвидетельствовать Вам глубокое почтение

Вашего покорного слуги

Кн. Н. Шаховского.

Адрес мой (до середины сентября): Москва, Спиридоновка, свой дом;
(после 15 сент<ября>) С.-Петербург, Михайловская площадь,
д. Жербина, кв. 30. — Князю Николаю Владимировичу Шаховскому.

<*Адрес на конверте*:>
Харьков.
В Императорский Университет.
Его Превосходительству
Петру Алексеевичу Бессонову
от Кн. Н. В. Шаховского.

Печатается впервые по подлиннику: ГИМ. Ф. 56. Ед. хр. 537. Л. 12—12 об., 14; 13 (конверт); черновой автограф: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 68. Л. 3. Далее здесь и при публикации других двух писем князя Шаховского к Бессонову в текстологических примечаниях указываются только наиболее существенные расхождения между черновым и перебеленным письмами. Благодарю Е. В. Неберекутину и А. Г. Юшко, сообщившим мне о местонахождении подлинников и оказавшим помощь в подготовке их к печати и комментировании.

[1] Датируется по штемпелю на конверте («Москва. 20.VIII.1893»), хотя вполне возможно, что письмо было написано (на день?) раньше.

[2] В бумагах Гилярова сохранились 4 письма к нему от 15-летнего П. Бессонова за май — август 1842 г. (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 589). В книге «Из пережитого» Гиляров вспоминал о своей дружбе с младшим товарищем по семинарии: «Завязалась переписка, первоначально условленная, помнится, краткостью встреч и невольным домоседством моего молодого “друга”, жившего, должно быть, под строгой домашней дисциплиной. Переписка дышала нежностью, и самые отношения наши подходили к “обожанию” институ-

[a] *Далее в черновике было зачеркнуто*: нельзя в строгом смысле смотреть к<а>к на биогр<афию>; не<т>, это прежде всего [представл<яет> из себя].

[b] *Далее в черновике было*: [с определенною целью] и потому не могут содержать в себе желанн<ой> для биографа полноты и беспристрастия.

[c] *Далее в черновике было зачеркнуто*: извлечь из па<мяти>.

[d] *Далее в черновике было зачеркнуто*: и вообще.

ток. Своих писем содержания я совершенно не помню; но его письма были наполнены тоской, недовольством собою и окружающими, стремлением полететь куда-то. Мне и тогда представлялось это настроение неестественным, страдания фиктивными, хотя несомненно ощущаемыми. <...> Не особенно длилась и переписка; едва ли продолжалась даже год» (*Из пережитого*. Т. 2. С. 65).

2
П. А. БЕССОНОВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Харьков, 29 августа 1893 г.

Милостивый Государь
Князь Николай Владимирович!

Неожиданное во всех отношениях письмо Ваше доставило мне столь же неожиданное удовольствие нового знакомства и вместе живых воспоминаний о Н. П. Гиляров. Я очень рад, что Вы застали меня в минуты, несколько более свободные для того, чтобы отвечать Вам по возможности удовлетворительно.

Но, чтобы говорить с Вами о человеке, до такой степени мне близком, как Гиляров, я позволю себе прежде — извините и не удивитесь — попросить у Вас несколько сведений *предварительных*: не столько о том, *как* Вы пришли к намерению писать биографию Никиты Петровича, с какими *целями* и какими располагаете ныне *материалами*, но более об Вашем личном положении — относительно предприятия в каких-либо личных к тому отношениях. Простите меня, в 15 лет *здесь*[1] я несколько поотстал от московских дел и отчасти перезабыл их. Между тем я знаю, что у покойного есть сыновья, и один на деятельной службе (даже писавший об отце),[2] вообще родство, способное к разным претензиям; с другой стороны, я сам знал нескольких лиц Вашей фамилии, как, например, тогда, когда занимался биографией известного драматурга, Вашего однофамильца,[3] или еще в семье Свербеевых (где был дружен и в переписке с сыном Николаем,[4] а встречал «Наталью Борисовну» и ее супруга[5]), да и теперь еще знаю некоторых в Харькове, в «Изюме». Позвольте узнать, не в родстве ли Вы с кем-либо из помянутых соплеменников или других — известных? Согласитесь, что мне здесь необходимо сколько-нибудь *ориентироваться*, чтобы в *личных* отношениях к Вам быть *откровенным*. А касательно Гилярова не остаться одним только сухим комментатором или холодным летописцем, что́ повредило бы и Вашему делу, и невозможно для меня самого в вопросе о Вашем «покойном», но столь «живом» для меня «*предмете*».

Итак, буду ожидать ответа и уверен, что Вы не сочтете этих подробностей нарушением какого-либо «духа приличия». *Пока* же, на первый раз, позвольте прежде всего выразить Вам искреннюю радость и благодарность уже за то, что нашлись ревностные люди для занятий человеком и деятелем такого несомненного достоинства. О нем же самом прибавлю, что Вы при первых же шагах и попавшихся данных нисколько не ошиблись, заключивши о нашей с Гиляровым тесной близости и в собственном смысле «дружбе» за ранние молодые лета.

О том говорит и сам Гиляров («Из переж<итого>», особенно ч. 2, LX, стр. 296—98), обрисовавши по-своему наши взаимные отношения «до печати» и совместной «службы»;[6] знали хорошо и наши сверстники, помнят еще довольно многие. Исправляя здесь некоторые неточности, замечу, что около *двух* первых лет приязни, когда только не видались лично, мы *писали друг другу ежедневно*: мои письма были *почти все сожжены*, Гилярова — у меня *все сохранились*. По числу личных свиданий и долгих бесед равнялись у меня лишь подобные с М. Н. Катковым, за два года его преподавания;[7] по количеству обоюдных писем существовало столько же у меня лишь с И. С. Аксаковым.[8] Но эти отношения между мною и Гиляровым, а вместе самое выражение их на письме, до того *деликатны*, прибавлю — *тонки* и, неизбежно, *своеобразны индивидуальностью*, что об них нельзя говорить (даже и теперь) слегка или шутя, не в состоянии их оценить и даже «усвоить» в подлинном свете какое бы то ни было лицо постороннее, нельзя и поверить их сразу или целиком сему последнему. В этих видах мы сами, когда перечитывали письма позже, кое-что из них зачеркнули или уничтожили (о чем я крайне теперь сожалею). Кроме того, в состав переписки входят целые «рассказы» покойного об его ранних летах и всех условиях семьи, из чего многое нельзя и *публиковать*. Все это, лишь *отчасти* и непременно лишь в *моем пересказе*, занимает место в моих «Воспоминаниях»,[9] которые я пишу уже несколько лет. Но, при моих связях (может быть, отчасти Вам известных) почти со всем передовым литературным и — еще шире — образованным миром России за полстолетие, с одним остатком писем *ко мне* (сколько-нибудь интересных) до 2 000, не говоря уже об *участии* моем слишком во многих, интеллигентных и служебных, делах, кружках и обществах, *материал* «Воспоминаний» чересчур велик, чтобы они могли двигаться скоро, и дай Бог сколько-нибудь довести их хоть до порядка раньше смерти. В этом объеме, как ни сокращал я, отношения с Гиляровым, даже «практические» и «письменные», готовы занять *целый том*. При всем том, за ними есть еще, начавшийся позже, период *второй*, когда (сообщаю Вам это лишь «между нами») один мой правдивый, но по привычной моей откровенности громкий и тем самым неосторожный отзыв в кружке славянофилов — о деятельности Гилярова[10] (быстро подхваченный и проникший, кажется, даже в литературу) произвел между нами холодность и сдержанность (в печати и на службе), до такой степени не понятую посторонними,[a] что нас даже считали иные под конец «врагами», а некоторые и усердствовали раздуть мнимую неприязнь в действительную, по обычаю помогая сплетнями, чтобы прислужиться одному или другому. Хотя мы оба понимали это дело совсем иначе и на окружавшие толки, естественно, отмалчивались, — я по сожаленью о вылетевшей из уст неосторожной остроте, Гиляров — по сознанию некоторой ее верности;[11] хотя сам Гиляров (и в помянутых местах «Из пережит<ого>») подтвердил печатно, что при всем разъединении мы неизменно и «обоюдно чувствовали себя родственными друг другу»: однако Вы, конечно, поймете, что тем *осторожнее*

[a] *На полях карандашом в столбик приписано князем Шаховским*: В. Е. Румянцев / А. А. Титов / Барсов.

приходится мне ныне отзываться о случаях и явлениях происшедшего отсюда «противу воли», подобного нашего разъединения, которое не оправдывалось серьезною *виною* никого из нас, или объяснялось отчасти виною *обоих равно*, или же всего больше имело место по вине *других лиц сторонних*, которых, разумеется, и невозможно, и неприлично притягивать ныне к судебному разбирательству истории и литературы, да и нет никакого интереса для сих последних.

Вам будет ясно отсюда, *в какой мере* я могу быть полезен Вашему предприятию, и *сколько*, и *в каком виде* могу уделить Вам. Больше всего я обещаю Вам здесь *исправление неточностей*, для чего Вы, конечно, благоволите, если признаете нужным, сообщать мне Ваши *страницы* или некоторые *места* их — *предварительно*. Но, независимо от того, *после* Ваших объяснений, которых ожидаю вскоре, я готов Вам, при всяком периодическом досуге, сообщить *всё, что только могу*, ради успеха Вашему благородному труду, достойному лица и деятельности Никиты Петровича.

Еще раз выражая Вам радость, и сочувствие, и благодарность, поручая и все сказанное, вопросы и задачи, и самого себя, Вашему расположению, остаюсь готовый искренно ко услугам Вашим.

П. Бессонов.

1893, августа «29».

NB. Единственно точный и прямой мой адрес: ***Харьков, Конторская,***[12] ***№ 46*** (Университет же от меня в городе далеко, я бываю там не каждый день, и письма там легко затериваются).

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 98. Л. 1—2 об.

[1] В 1867—1878 гг. Бессонов служил директором библиотеки Московского университета. В 1878 г. в Казанском университете ему была присуждена Казанским университетом степень доктора славянской филологии honoris causa, и в 1879 г. он возглавил кафедру славянских наречий в Харьковском университете.

[2] Подразумевается не сын мыслителя, а его племянник Ф. А. Гиляров.

[3] Князь Александр Александрович Шаховской (1777—1846) — театральный деятель, драматург (автор около 100 пьес), режиссер, член Репертуарной комиссии Императорских театров, педагог, критик.

[4] Николай Дмитриевич Свербеев (1829—1860) — сокурсник П. И. Бартенева (приятеля Бессонова) по словесному отделению Московского университета, старший сын известного мемуариста Д. Н. Свербеева. Дослужился до звания надворного советника, был чиновником особых поручений при Якутском областном правлении (с 1851 г.).

[5] Княгиня Наталья Борисовна Шаховская (ур. Святополк-Четвертинская; 1825—1906) — сестра милосердия; основательница общины и больницы «Утоли моя печали» (1864). Ее муж князь Дмитрий Федорович Шаховской (1821—1897) — серпуховской уездный предводитель дворянства. Брак был неудачен, и супруги жили раздельно.

[6] Отсылка к фразе Гилярова, заключавшей описание его взаимоотношений с Бессоновым: «Затем мы и снова встретились, в печати и на службе. Но повествование об этом отвлекло бы меня от темы, выставленной в заголовке этой главы <LX. Три друга>» (*Из пережитого*. Т. 2. С. 66).

[7] М. Н. Катков в 1845—1850 гг. преподавал в Московском университете логику, психологию и историю философии.

[8] Переписка Бессонова с И. Аксаковым продолжалась с 1857 по 1886 г. Насчитывается 89 писем, хранящихся в ИРЛИ, ГИМ и РГАЛИ. Опубликованы в сборнике «Люди русской правды» (СПб.: Росток, 2018).

[9] Рукопись мемуаров Бессонова, доведенных до 1866 г., хранится в ОПИ ГИМ (Ф. 56. Ед. хр. 9), там же дневники за 1845, 1852, 1880 и 1882 гг. (Ед. хр. 7 и 8) и недатированная записная книжка (Ед. хр. 11).

[10] Имеется в виду обвинение Бессоновым Гилярова в эксплуатации подчиненных ему рабочих Синодальной типографии на строительстве его дачи в Петровском-Разумовском, а также — в незаконном использовании шрифтов типографии для «Современных Известий». Князь Шаховской записал в дневнике под 18 мая 1893 г.: «Бартенев рассказывал, что неряшество Н<икиты> П<етровича> доходило до того, что он основал “Совр<еменные> Изв<естия>”, будучи еще управляющим Синодальной типограф<ией>, на шрифте этой типографии, что это утверждал Бессонов, котор<ый> тоже служил тогда в типографии, что будто Гиляров употреблял для газеты некоторых чиновник<ов> синодальн<ого> ведомства, своих подчиненных» (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 49. Л. 29 об.).

[11] Бессонов, однако, недоговаривает, когда называет причины охлаждения своих отношений с Гиляровым. См. о них коммент. 180 на с. 567.

[12] *Конторская улица* расположена в западной части Харькова, она соединяет центр, где находится университет, и район Холодной Горы.

3
КНЯЗЬ Н. В. ШАХОВСКОЙ — П. А. БЕССОНОВУ
Москва, 1 сентября 1893 г.

Москва, 1 сентября.

Глубокоуважаемый
Петр Алексеевич.

Прежде всего позвольте сердечно поблагодарить Вас за Ваше теплое, сочувственное письмо и Вашу для меня дорогую готовность помочь мне в деле, представляющем немалые[a] трудности. Затем спешу познакомить Вас с собою, моими отношениями к Никите Петровичу и сообщить Вам, как и почему собирание материалов для жизнеописания Гилярова очутилось в моих руках.

Драматург Кн. А. А. Шаховской — мой двоюродный дед, брат моего деда. В Изюме живут наши родственники, которых я, однако, знаю только понаслышке, ибо семья деда моего, Льва Александровича,[1] была столь велика (едва ли не 22 человека детей обоего пола), что сыновья его и дочери, рассеявшись по лицу земли Русской, вряд ли бы к концу жизни и признали друг друга, если бы судьба их всех свела вместе. Наша семья, до освобождения крестьян, жила в родовом имении, в Тверской губернии. Уже с начала 60-х годов отец,[2] продав имение, переселился в Москву, где и купил дом на Спиридоновке. От второй жены, рожден-

[a] *В черновике это слово вписано над зачеркнутым*: великие.

ной Ефремовой, у отца было трое сыновей: Лев, женившийся на старшей дочери М. Н. Каткова[3] (в литературе известен как автор книги: «Два похода за Балканы»[4]), Сергей[5] — ныне Эстляндский Губернатор,[a] и я,[b] состоящий теперь на службе в Министерстве Вн<утренних> Д<ел> в Петербурге. Брата моей матери, жившего всегда в нашей семье, Александра Павловича Ефремова,[6] самого близкого приятеля М. Н. Каткова, единственного человека, с коим М<ихаил> Н<икифорович> был на «ты», — Вы, вероятно, помните; ибо знавшие более или менее близко М<ихаила> Н<икифоровича> не могли не знать и почтеннейшего Александра Павловича, постоянно бывавшего у Катковых. Через Ефремова[c] мы и сблизились с Катковыми и семьей[d] Аксаковых, особенно с Иваном Сергеевичем, у которого в «Руси» я сотрудничал.[7] Пишу Вам так обстоятельно, чтобы Вы знали, какого мы духа и заслуживает ли этот дух Вашего доверия.

Я окончил курс наук Кандидатом Моск<овского> Универс<итета> на историко-филологическом факультете, по отделению славяно-русской филологии, в 1879 году. С Никитою Петровичем познакомился я, еще будучи гимназистом, в 1874 г. Чтобы познакомить Вас с моим отношением к Гилярову и его ко мне, позвольте приложить к этому письму два оттиска моих статей о Н<иките> П<етровиче>, написанных этою весною, по заказу издателя «Ревельских Известий» для сей газетки.[8] Скудный материал, который тогда был в моем распоряжении[e], не позволил мне представить в статье «Памяти Н. П. Гилярова-Платонова» ничего иного, кроме как бы только общего плана для будущего биографического труда. *Гиляров-неудачник*: это было первою путеводною нитью, которая мне в ту пору[f] подвернулась под руку[g] и на которую я нанизал то немногое, чем владел. Занятие над составлением прилагаемых двух статеек (причем для одной из них пришлось перечитать «Сов<ременные> Изв<естия>» за 3 последние года их издания) возбудило во мне желание ближе познакомиться с деятельностью Н<икиты> П<етровича>, от чего я уже перешел к мысли о собирании материала для его жизнеописания; тем более, что возбудившийся было тотчас после его внезапной смерти интерес к нему общества сменился как бы полным забвением: за пять последних лет что-то не замечалось в печати никакой статьи, посвященной его памяти.[h]

---

[a] *Далее в черновике были слова, не включенные в окончательный вариант*: женатый на старшей дочери бывшего военного министра гр. Милютина.

[b] *Далее в черновике было:* холостой.

[c] *Далее в черновике было зачеркнуто*: (в молодости товарищ Станкевича, Белинского, Грановского, К. Аксакова, Ф. Буслаева etc.).

[d] *В черновике вместо этого слова было*: семейством.

[e] *В черновике слова*: в моем распоряжении — *вписаны над зачеркнутыми*: под руками.

[f] *Слова*: в ту пору — *написаны поверх слова*: тогда.

[g] *Словам*: подвернулась под руку — *в черновике соответствовали*: попалась под руки.

[h] *В черновике вместо последних слов было*: мне неизвестно ни одной строки [ничего не появлялось] в печати в память его.

Почему этим делом не занялся никто из его семьи? После смерти Н<икиты> П<етровича> остались большие неуплаченные долги, вследствие чего семья его отказалась от всякого наследства; и бумаги Гилярова перешли к стороннему лицу,[9] которое ныне и передало их в полное мое распоряжение. У Н<икиты> П<етровича> два сына, из коих один — совершенно больной и ни к какому делу не способный, другой — профессор философии — не показывает расположения к памяти отца.[10] С этой стороны нечего поэтому опасаться каких-либо претензий.[a] Писал о Н<иките> П<етровиче> не сын его, а племянник Федор Александрович, сын брата его Александра, которому уделено столько места в «Пережитом». Федор Александрович — бывший учитель русского языка, автор (с Кирпичниковым) известного школьного руководства в русской грамматике,[11] с 1878 по 1883 г. был 2[м] редактором «Соврем<енных> Известий». Он очень сочувственно относится к[b] предпринятому мною делу и с своей стороны оказывает мне всякое содействие, делясь имеющимися у него данными.

При неак<к>уратности Н<икиты> П<етровича> бумаги его не содержались в порядке. Прежде всего я взялся за разборку переписки его, в том соображении, что утрата ее от той или другой случайной причины была бы совершенно незаменимою, тогда как о службе его можно всегда найти более или менее полные сведения в архивах тех ведомств, где он ее проходил. Таким образом, это лето и был занят подбором и собственноручным списыванием писем к Н<иките> П<етровичу>, а также сохранившихся черновиков его писем и подлинников, переданных мне его друзьями, к коим я за сим лично обращался. В числе последних К. П. Победоносцев мне передал огромное количество писем к нему Н<икиты> П<етровича>, заключающих в себе большею частию материал, не подлежащий оглашению, но знакомство с которым для биографа необходимо. Обещано мне доставлен<ие> писем Н<икиты> П<етровича> к Митрополиту Сербии Михаилу, Юр. Фед. Самарину, И. С. Аксакову, Гр. Антонине Дм. Блудовой и пр. Но, независимо от сего, эпистолярный материал у меня очень велик: несколько сот писем мною уже списано и множество еще остается переписывать. Итак, Вы видите, что я стою еще в преддверии настоящего труда, и потому долго придется ждать собственных моих страниц о дорогом покойнике. Но, согласитесь, что приступить к обработке первых же глав жизнеописания я теперь не мог бы[d] с спокойной совестью, узнав из Вашего письма, что «в состав переписки входят целые *рассказы* покойного об его ранних летах и всех условиях семьи» и не имея этих сведений под рукою. Я понимаю, что для Вас так дороги воспоминания о чистой и идеальной дружбе светлых дней юности, что Вы опасаетесь всякого неосторожного со стороны прикосновения к этому нежному цветку[e]. Но прими-

[a] *Далее в черновике было зачеркнуто*: имеется даже письменное их отречение от всякого достояния Н<икиты> П<етровича>.

[b] *В черновике далее было*: предприятию моему.

[c] *Далее в черновике было*: громад<ен>.

[d] *Далее в черновике было*: с спокойным духом [я уже теперь не могу].

[e] *Далее в черновике было зачеркнуто*: руки постороннего человека.

те во внимание, что я человек Никите Петровичу не совсем чужой (как Вы увидите из писем его ко мне[12]) и что, не любя Гилярова и будучи совершенно равнодушным к его памяти, я и не взял бы на себя[a] нелегкий труд собирания материалов для его жизнеописания и их разработки. Труд, которому могу уделять только время служебного досуга, т. е. мой отдых. Вы можете быть спокойны[b], что с моей стороны не может последовать какого-либо грубого, неделикатного или даже просто неосмотрительного отношения к прекрасному эпизоду Вашей юношеской дружбы.

Чтобы затем объяснить Вам, как начинают для меня теперь, по некотором ознакомлении с перепискою Гилярова, выясняться особенности духовной природы Н<икиты> П<етровича>, прошу Вас просмотреть в № 7 «Русского Архива» за текущий год мою заметку «Из приготовительных работ по биографии Гилярова». Это — отрывок из моего частного письма к одному из старых друзей Н<икиты> П<етровича>,[13] отрывок, который П. И. Бартенев уговорил меня напечатать. — Отдаю таким образом на Ваш суд весь тот багаж, с которым я пока пускаюсь в путь-дорогу. Удовлетворили ли Вас мои строки, не знаю, но в письме не уложить ничего более обстоятельного.

Припоминаю, что в Харькове есть человек, который меня несколько знает: это ректор семинарии Александр Васильевич Мартынов,[14] бывший профессор Московской духовной академии.

С волнением буду ожидать письма Вашего и надеяться, что Вы не очень пожалеете, что заботы по собиранию данных о жизни и деятельности такого крупного[c] человека, как Н<икита> П<етрови>ч, взяло на себя лицо, ничем о себе не заявившее, которое в оправдание своего рвения должно ссылаться на окружающую среду, а не на дела рук своих. Что делать! На безлюдьи и Фома дворянин: никто до сих пор не объявился сказателем дел Н<икиты> П<етровича>, а время идет и уносит от сего мира оставшихся сверстников и знакомцев покойного.

Дай Бог Вам доброго здоровья и сил, дабы с успехом довершить начатые вами весьма важные и интересные работы.

С глубоким уважением и истинным почтением, всегда готовый к Вашим услугам

Кн. Н. Шаховской.

<Адрес на конверте:>
Заказное. В *Харьков*.
Его Превосходительству
Петру Алексеевичу Бессонову
Конторская № 46.
От Кн. Н. В. Шаховского.
Жительство имею: Москва. Спиридоновка, свой дом.

---

[a] *В черновике далее было*: [огромный] немалый.

[b] *В черновике первоначально было*: Вам нечего опасат<ься>.

[c] *В черновике это слово было вписано над зачеркнутым*: огромного.

Печатается впервые по подлиннику: ГИМ. Ф. 56. Ед. хр. 537. Л. 17—19 об.; черновой автограф: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 68. Л. 5—7 об., 37 (конверт со штемпелем: «Москва. 2 сен. 1893»).

[1] Князь Лев Александрович Шаховской (1782—1831) был женат на Екатерине Ефимовне Чулковой (? — после 1843).

[2] Князь Владимир Львович Шаховской (1813—1871) первым браком был женат на Александре Федоровне (девичья фамилия неизвестна; 1820—1840), вторым — на Александре Павловне Ефремовой (1823—1903).

[3] Публицист и историк князь Лев Владимирович Шаховской (см. о нем коммент. 4 на с. 487) был женат на фрейлине Варваре Михайловне Катковой (1855—?).

[4] *Шаховской Л. В., кн.* Два похода за Балканы: С театра войны 1877—78. М., 1878; 2-е изд., с прил. карты воен. действий: М., 1897. Кроме того, известны издания: *Шаховской Л., кн.*: 1) Путешествие их императорских величеств по Волге, 21—23 июля 1881: Телеграммы и письма в «Моск. Вед.». М., 1881; 2) Переходы недвижимых имуществ в С.-Петербурге в 1893 году в сопоставлении с данными предшествующего шестилетия. СПб., 1896.

[5] Князь Сергей Владимирович Шаховской (см. о нем коммент. 10 на с. 488) — эстляндский губернатор (с 1885 г.), во время Русско-турецкой войны служил при князе В. А. Черкасском, принимал активное участие в гражданском устройстве Болгарии. Тогда же познакомился с будущей женой — фрейлиной, графиней Елизаветой Дмитриевной Милютиной (1844—1938), дочерью последнего российского генерал-фельдмаршала, военного министра, графа Дмитрия Алексеевича Милютина (1816—1912). Она отправилась на войну сестрой милосердия.

[6] Александр Павлович Ефремов (1811—1876) — доктор философии, преподаватель всеобщей географии Московского университета (1843—1848).

[7] Нам известна лишь одна публикация князя Шаховского в газете «Русь»: *Кн. Н. Ш.* Лучше ли стало? // 1885. 19 февр. № 3. С. 13—16.

[8] Вых. дан. упомянутых брошюр князя Шаховского см. в коммент. 29 на с. 12.

[9] Подразумевается А. М. Гальперсон.

[10] Упомянуты Николай и Алексей Гиляровы.

[11] Ф. А. Гиляров был составителем изданных в Москве учебных пособий: «Этимология русского языка для низших классов гимназий (применительно к правописанию)» (1866; 5-е изд., испр.: 1872; в соавт. с А. И. Кирпичниковым); «Русская хрестоматия для низших классов гимназий» (1869; 4-е изд., значит. доп.: 1884; в соавт. с А. И. Кирпичниковым); «Сборник для чтения и письменных упражнений» (1871); «Исторические и поэтические сказания о Русской земле в хронологическом порядке событий: Пособие при изучении отечественного языка и истории» (1872); «Этимология церковнославянского языка» (1876; 6-е изд., испр. и доп.: 1903); «Предания русской начальной летописи» (1878), «Школа народного языка: Азбука (преимущественно для сельских школ)» (1878; в соавт. с Н. Я. Клыковым). Он также автор очерков «Царство Сербское» (1877), «15 лет крамолы (4 апр. 1866 г.—1 марта 1881 г.» (1883; изд. запрещено цензурой).

[12] Речь идет о письмах, опубликованных в качестве приложения к присланной Бессонову брошюре: *Шаховской Н. В., кн.* Никита Петрович Гиляров-Платонов: Крат. публицист. очерк. Ревель, 1893.

[13] Речь идет о письме князя Шаховского к И. В. Павлову (см. его текст: Наст. изд. С. 689—692).

[14] Протоиерей Александр Васильевич Мартынов (1856—1901) — духовный писатель, профессор Московской духовной академии, потом Московского сельскохозяйственного института, ректор Харьковской семинарии (1893—1894).

4
КНЯЗЬ Н. В. ШАХОВСКОЙ — П. А. БЕССОНОВУ
Москва, 7 января 1894 г.

Москва, 7 янв<аря> 1894 г.

Милостивый Государь
Петр Алексеевич.

Ждал я, ждал исполнения Вами доброго Вашего обещания «при всяком периодическом досуге сообщать мне всё, что только можете, ради успеха моему труду» — и вижу теперь, когда протекло уже с лишком 4 месяца после Вашего письма и в их числе праздничный «периодический досуг», что[a] Вам неугодно мне помочь. Бог[b] Вам судья! Примите только во внимание одно соображение — что вряд ли кто-либо ныне обладает таким запасом сведений о жизни и деятельности Гилярова, какой[c] мне удалось собрать. Мне был открыт доступ в архивы цензуры (в Министерстве Нар<одного> Просв<ещения> до 1860 г. и в Мин<истерстве> Вн<утренних> Дел), Хозяйственного Управления Синода и Московской Духовной Академии,[d] откуда я извлек немало важных материалов. Все лица, владеющие письмами или иными бумагами Никиты Петровича, с готовностью сообщали мне всё, что имели. Одни лишь Вы столь продолжительным молчанием, после откровенно<го> письма моего и присылки брошюр, даете мне ясно разуметь, что имеющиеся у Вас письма Семинариста Гилярова, которым Вы сами придаете такое большое значение и которые были впоследствии перечитаны и исправлены самим Н<икитой> П<етровичем>, Вы мне сообщить *решительно не хотите*.[e] Я более не стану утруждать Вас моею просьбой. Но попрошу у Вас по крайней мере разрешения в соответствующем месте биографии упомянуть, что мне известно было существование этих писем, что я обращался к Вам неоднократно с просьбою мне их сообщить и что Вам не угодно было их мне сообщить. Этим я сниму с себя ответственность в том, что я своевременно не воспользовался материалом, который впоследствии будет же обнародован.

Примите, Милостивый Государь, уверение в совершенном моем почтении.

Кн. Н. Шаховской.

Адрес мой: *С.-Петербург. Михайловская* площадь, д. *Жербина*, кв. 30.

---

[a] *Далее в черновике было*: ожидания мои напрасны, и.
[b] *Далее в черновике было*: с Вами!
[c] *Далее в черновике было*: собран у меня.
[d] *Далее в черновике было*: мною извлечено оттуда все достойное внимания.
[e] *Далее в черновике было*: Я более и не смогу настаивать на моей просьбе.

Печатается впервые по подлиннику: ГИМ. Ф. 56. Ед. хр. 537. Л. 15—16 об.; черновой автограф: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 68. Л. 1—2 об. Слева на верхнем поле помета Бессонова: «Отвечал *подуставши*».

5
П. А. БЕССОНОВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Харьков, 12 января 1894 г.

Милостивый Государь
князь Николай Владимирович!

На Ваше «сердитое» письмо от 7 с<его> м<есяца> позвольте отвечать *по возможности* кротко и кратко.

Мне очень прискорбно, что из доброго дела, Вами задуманного и мною с радостию приветствованного, Вам угодно было извлечь относительно меня какой-то casus belli. *[1]

При всем желании Вам успеха, я оставляю за собою право быть равнодушным к тому, если Вы «своевременно не воспользуетесь материалом, который впоследствии будет же обнародован (Ваши слова)»: а может статься — и не будет? Ведь я еще могу его уничтожить по собственным соображениям или завещать «молчанию» моих наследников?

Действительно, как я писал Вам и прежде, мои отношения к Н. П. Гилярову, в особенности ранние, были так деликатны, а некоторые подробности писем, по преимуществу семейные, так интимны, что я не могу и даже не вправе предоставить их целиком любому произволу толкования и трактования, напротив, моя *обязанность — самому* редактировать, с объяснениями, выборку того, что может проникнуть отсюда в Вашу и какую бы то ни было *печать*.

Между тем, «периодически» повторяемый мой «досуг», Вами воображаемый и цитованный, такой, который я мог бы посвятить «сообщению всего, что только можно», иначе сказать — выборке того, что Вам нужно, а с моей стороны удобно для обнародования, на самом деле *не существовал*: усиливавшаяся с весны болезнь вызвала необходимость поездки моей на Юг и за границу, к чему я получил и «отпуск», но не мог им воспользоваться как следует, — сперва по требованию ответов на ученый Съезд в Америке[2] и по неизбежности объяснения для СПб. Славянского Общества в отпор заполонившим нас немцам. Да и это сменилось непосредственно болезнию моего единственного, приехавшего сюда, зятя, здесь у меня и скончавшегося (в ноябре),[3] в заключение же — поранением вдовы — моей дочери:[4] так что квартира моя превратилась в больницу и убежище беспрерывных страданий. Вероятно, при несомненных интересах к биографии Н<икиты> П<етрови>ча, Вы изволите согласиться, что все интересы мои собственные, думы, дела и даже практические расчеты вынудили меня совсем не к тому пути, который Вы мне охотно указываете «на досуге».

* повод для войны, казус белли (*лат.*).

К половине настоящей зимы, я едва сберег последние силы (в текущем десятке моих лет) для продолженья *жизни*, а не для *литературной переписки* на первом плане, как она ни плодотворна (позволю себе прибавить, что — как видите и знают другие — я пишу *неразборчиво*, *переписчика* у меня нет, а при этом страдаю давним ревматизмом именно *правой руки*, так что и всякое писанье для меня есть своего рода *мука*).

Независимо от того, по-видимому, ускользнуло от Вас одно соображение и возможное предположение: а чтó, если Ваши статьи, любезно сообщенные для ознакомления с Вашими взглядами и трудами, совершенно *не в моем духе* и, по-моему, *неверны в основе*? По счастию, слава Богу, с этой стороны я утешен: напротив, сколько могу судить по сообщенному, хотя я не во всем согласен с Вами во взглядах на покойного деятеля и хотя действительно, по-моему, выводы Ваши кое в чем небезошибочны, но *вообще* это искупается очевидною искренностью и сердечным участием к замечательной личности, — а это мне и крайне дорого.

Наконец, после перечисленного Вами обширного материала, который Вы указываете собранным уже отовсюду и ото всех, я начинаю думать (чего не знал прежде), что имеющийся у меня, сравнительно с этим обилием и в частности важный особенно лишь *для меня*, довольно уже скуден для ходячей у нас литературы, так что от отсутствия его в Вашей печати не следует сожалеть *слишком*, ни прибегать для дополнения к мерам экстренным, недоступным *пока* у других, ни самим огорчаться, ни огорчать отчаянием кого-либо другого.

Вот ответ, как мне кажется, *вполне согласный* с тоном и содержанием Вашего последнего письма, но нисколько не ослабляющий моего искреннего участия и уважения ни к Вашему предприятию, ни к Вам лично, к чему и к кому, именно к Вам, князь, остаюсь я с полной готовностию возможных впредь услуг, как неизменный и покорный слуга.

Н. Бессонов.

1893 <так!>, января «12»
(наш «Московско-Университетский» праздник).[5]
P. S. Пишу это по Вашему *последнему адресу*.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 98. Л. 3—4 об. На верхнем поле помета князя Шаховского: «Получ<ено> 17 янв<аря>. Спб.».

[1] *Казус белли* — юридический термин римского права: формальный повод для объявления войны.

[2] Речь идет о форуме, состоявшемся в рамках шестимесячной Всемирной выставки 1893 г., проходившей в Чикаго.

[3] Бессонов имеет в виду свою младшую дочь Наталью (1866—?) и ее мужа Владимира Теца, скончавшегося 14 ноября 1893 г. (см. сообщение ординатора клиники А. Надоникова Бессонову о смерти зятя // ГИМ. Ф. 56. Ед. 508. Л. 4). В. Тец был мелким служащим, постоянно обращался к Бессонову за материальной помощью и с просьбами о протекции при получении должностей. (*Сообщено Е. В. Неберекутиной.*)

[4] Возможно, речь идет о происшествии, о котором В. Тец сообщал тестю в письме от 30 января 1892 г.: в декабре 1891 г. Наталья сломала ногу. И после этого она какое-то время в 1892 г. жила у отца. (*Сообщено Е. В. Неберекутиной.*)

[5] 12 (25) января — в Татьянин день 1755 г. — императрицей Елизаветой Петровной был подписан указ об учреждении Московского университета.

XI. ИЗ ПЕРЕПИСКИ КНЯЗЯ Н. В. ШАХОВСКОГО С И. Н. КОРСУНСКИМ (1893—1894)

1
И. Н. КОРСУНСКИЙ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Сергиевский Посад, 12 сентября 1893 г.

Ваше Сиятельство,
Высокоуважаемый Князь Николай Владимирович.

Множество разного рода забот и работ представляли для меня препятствия к более пристальному занятию тем делом, о котором Вы мне изволили говорить, когда удостоили чести быть у меня в доме. Однако, памятуя Ваше замечание, что в Москве Вы пробудете только до 20 сентября, спешу сказать Вам хотя кое-что по интересующему Вас делу.

1) Моя статья в память Н. П. Гилярова-Платонова была напечатана в «Моск<овских> Ведомостях» за 1887 г., № 294[1] и, сколько мне припомнится, там довольно много указано у меня случаев отношения к нему святителя Филарета, митрополита Московского. Кроме этих указаний как об отношениях владыки Филарета к Н. П. Г<иляров>у, так и вообще о сем последнем, благоволите еще взглянуть на следующие места: а) «Собрание мнений и отзывов м<итрополита> Моск<овского> Филар<ета>», т. V, стр. 317. Москва, 1887—1888; б) «Письма митр. Филар<ета> к Высочайшим Особам и друг<им> лицам», I, 177; II, 28—29, 108 и дал. 129 и 177. Тверь, 1888; в) «Прибавл<ения> к Твор<ениям> Св. Отцев», 1885, XXXV, 197 и дал. (это есть то самое место, о котором я словесно высказывался Вам в бытность Вашу у меня) и г) «Правосл<авное> Обозрение» за 1883 г., т. II, стр. 504 и 518.

2) Сверх того, в бумагах покойного В. Д. Кудрявцева[2] я нашел следующую заметку, иллюстрирующую тоже отношение м<итрополита> Филарета к Н<и-ките> П<етровичу>. В 1<-й> кн. «Творений Св. Отцев» за 1859 г. в отделе «Прибавлений» (ч. XVIII) была помещена статья покойного А. Н. Муравьева:[3] «Обличение на книгу: О возможном соединении Церкви Российской с Западною». Эта статья вызвала несколько резких замечаний в разных органах светской печати («Отеч<ественных> Зап<исках>», «С.-Пет<ербургских> Ведом<остях>» и др.), не столько в защиту книги (написанной известным князем Н. Б. Голицыным[4]), сколько против мыслей самого обличителя ее А. Н. Муравьева, и между

прочим в «Русском Вестнике» за тот же 1859 год, в апрельской 1-й книжке, в отделе «Современной Летописи», стран. 245—250, в «Библиографической Заметке», автор которой скрыл свое имя под буквою *Ц.*[5] Этим автором, по замечанию В. Д. Кудрявцева, и митр. Филарет, и в Моск<овской> Дух<овной> Академии признавали Н. П. Гилярова. В опровержение замечаний против статьи А. Н. Муравьева и в защиту последнего, так же как и чести академического журнала, по совету митр. Филарета, написана была статья В. Д. Кудрявцевым, которую просматривал и исправлял нынешний Московский митрополит Сергий (в то время ректор Академии),[6] но которая все же не была напечатана, ибо не вполне удовлетворяла строгому вкусу владыки Филарета, который, в своих замечаниях на нее, деланных, при чтении ее, в присутствии покойного А. В. Горского, говорил между прочим следующее: «Что такое людоеды? Гиляров под этим разумеет тех, которые выгнали его из Академии. Он забыл, что ему предоставили даром воспользоваться жалованьем за четыре месяца. Вот какой он благодарный! Тесть его[7] сделался болен; я назначил на его место священника; Гиляров пришел просить, чтобы половина жалованья шла старому священнику. Я представлял неудобства, — однако же сделал по его просьбе». Подлинная записка А. В. Горского, которая содержит в себе весь разговор его с владыкою Филаретом по рассматриваемому делу и с которой В. Д. Кудрявцев собственноручно снял для себя копию (причем сам замечает, что некоторые слова писания руки А. В. Горского, мелко и спешно начертанные, не разобрал и, быть может, не вполне точно передал), хранится у Н. И. Субботина[8] (живущего в Москве, близ Чистых Прудов в доме Гуськова[9]*).

3) У Н. И. Субботина же хранится и вообще переписка В. Д. Кудрявцева.

4) О письмах Н. П. Гилярова к С. К. Смирнову вдова последнего,[10] по моей просьбе ради Вас, хотела справиться и сказать мне по времени, хотя тут же сказала, что их не должно быть много.

5) Статьи протоиерея И. Г. Поспелова, касающиеся и Вениамина Карелина по совместному служению их в Лифляндии, напечатаны (еще не окончены) в «Богословском Вестнике» за 1892 год, кн. 3 и 8 и за 1893 г., кн. 3.[11]

6) О прочих материалах (письмах), — простите, — еще не успел я справиться пообстоятельнее; что узнаю и как скоро узнаю, не премину сообщить Вам, быть может, уже в Петербург. **

Высокопочитаемой Софии Николаевне Фишер,[12] будьте милостивы, при случае, засвидетельствуйте мое искреннейшее уважение и сердечные благожелания и ей лично с ее многоуважаемым супругом,[13] и ее сотрудницам и воспитанницам.

---

* Сейчас Н. И. Субботин в Крым уехал и пробудет там до конца октября. <*Примеч. И. Н. Корсунского.*>

** Говорю так потому, что теперь я очень занят речью, которую должен буду произносить на годичном акте нашей Академии 1 октября. <*Примеч. И. Н. Корсунского.*>

От всей души и Вам желая доброго здоровья, полного успеха в Вашем добром деле биографии Н. П. Г<иляро>ва, и вообще всего лучшего, с истинным и глубочайшим уважением к Вам имею честь быть

Вашего Сиятельства

всепокорнейшим слугою.
Иван Корсунский.

12 сент<ября> 1893.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 128. Л. 1—2 об.

[1] *N. N. <Корсунский И. Н.>*. Памяти Н. П. Гилярова-Платонова // *МВед*. 1887. 25 окт. № 294. С. 3—4.

[2] Профессор В. Д. Кудрявцев-Платонов скончался 3 декабря 1891 г.

[3] Андрей Николаевич Муравьев (1806—1874) — поэт, драматург, духовный писатель, религиозный деятель, мемуарист.

[4] Князь Николай Борисович Голицын (1794—1866) — виолончелист; военный мемуарист, переводчик, музыкальный критик, религиозный публицист.

[5] Эта «Библиографическая заметка» Гилярова была републикована князем Шаховским: *Сб. сог*. Т. I. С. 471—478.

[6] Митрополит Сергий (Ляпидевский) был ректором Московской духовной академии в 1857—1861 гг. (в звании архимандрита), митрополитом Московским и Коломенским стал в 1893 г. См. о нем коммент. 172 на с. 566.

[7] Протоиерей Алексей Иванович Богданов (1786—1860) — настоятель московской церкви Флора и Лавра на Зацепе, тесть Н. П. Гилярова-Платонова (с 1849 г.).

[8] В архиве князя Шаховского (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 699) хранятся рукописные копии 5 писем Субботина к Гилярову за 1862—1864 гг.

[9] Александр Павлович Гуськов — богатый меховщик, позже перестроил этот дом (№ 19) под более вместительный доходный, а рядом в 1912—1914 гг. возвел кинотеатр «Колизей» (ныне здесь театр «Современник»).

[10] Протоиерей Сергий Константинович Смирнов (1818—1889) — экзегет, церковный историк, филолог; бакалавр (с 1844 г.), профессор (с 1857 г.) и ректор (1878—1886) Московской духовной академии. Его вдова — София Мартыновна Смирнова (ур. Ловцова; 1830—1916).

[11] О И. Г. Поспелове и его воспоминаниях см. коммент. 175 на с. 566.

[12] Софья Николаевна Фишер (ур. Вейсс; 1836—1913) — педагог, основательница и руководитель частной женской классической гимназии в Москве (1874—1918); до этого работала гувернанткой в доме Шаховских.

[13] Георгий Борисович Фишер (?—1918) — учитель математики и физики 5-й Московской гимназии, муж С. Н. Вейсс с 1865 г.

2
И. Н. КОРСУНСКИЙ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Сергиевский Посад, 27 сентября 1893 г.

Ваше Сиятельство,
Достопочитаемый Князь
Николай Владимирович!

Примите мою глубочайшую благодарность за Ваше любезное письмо и сообщенное в нем о митрополите Филарете. Всякое сведение об этом святителе, особенно новое, для меня чрезвычайно дорого; а таковыми и являются сообщаемые Вами данные; ибо я довольно много работал над архивом Духовно-цензурного комитета по этой части, архива же Комитета светской цензуры еще не имел случая касаться.

В свою очередь я для Вас нашел в своем академическом архиве несколько документов, касающихся Н. П. Гилярова (его программы по своему предмету для экзаменов, отзывы о сочинениях и под.).[1] Я, согласно Вашему приказанию, поручу списать это и Вам перешлю в октябре (на Петербург?).

Так как теперь, хотя уже и прошло 20-е сентября, однако я вижу Ваше письмо (от 25 сент<ября>) датированным из Москвы: то пишу Вам пока на Москву.

Кстати, к Е. В. Амфитеатрову[2] сохранилась лишь одна неважная и небольшая, по уверению наследников, записочка Н. П. Гилярова-Платонова, которую мне, впрочем, все же хотели показать.

С истинным и глубочайшим уважением и искреннейшими благожеланиями к Вам имею честь быть

Вашего Сиятельства
всепокорнейшим слугою.
Иван Корсунский.

27 сент<ября> 1893.
<*На конверте*:> В *Москву*.
Его Сиятельству,
Высокоуважаемому Князю
Николаю Владимировичу Шаховскому.
Спиридоновка, собств<енный> дом.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 128. Л. 3—4, 9—9 об. (конверт). Штемпели: «Сергиевский пос. Моск. губ. 28 сен. 1893»; «Москва. 28.IX.1893».

[1] Тексты программ Гилярова по библейской герменевтике и по учению о вероисповеданиях, хранящихся в ЦИАМ, опубликованы Г. С. Прохоровым: *Гиляров: ИМБР*. С. 536—547. Целый ряд рукописей подобного содержания, вероятно присланных Корсунским, находятся в архиве Шаховского в ОР РНБ.

[2] Егор Васильевич Амфитеатров (1815—1888) — историк эстетики и литературовед, профессор всеобщей и русской словесности Московской духовной академии (с 1844 г.).

3
И. Н. КОРСУНСКИЙ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Сергиевский Посад, 30 октября 1893 г.

Ваше Сиятельство,
Высокоуважаемый Князь
Николай Владимирович!

Примите мою глубочайшую благодарность за Ваши сообщения о святителе Филарете. Всякое сведение об нем мне дорого.

К сожалению, не могу теперь пока удовлетворить Вашему желанию относительно лекций Н. П. Гилярова. Я уже рылся и еще пороюсь в архиве Конференции;[1] но не думаю, чтобы они там сохранились. Этого в обычае не было. Скорее, конспекты, мнения и под<обные> мелкие вещи могли там сохраниться, как я извлек некоторые из них (копии с них я в непродолжительном времени пришлю к Вам). Лекции же, за исключением опробованных или, наоборот, не опробованных, но вытребованных начальством, были обыкновенно у нас кабинетным делом, до которого конференция почти не касалась. * Впрочем, повторяю, еще буду искать и, что найду, сообщу Вам.

От души желая Вам доброго здоровья и всего лучшего, с истинным и глубочайшим почтением к Вам имею честь быть

Вашего Сиятельства
всепокорнейшим слугою.
Иван Корсунский.

30 окт<ября> 1893.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 128. Л. 5—6.

[1] Согласно «Уставу духовных академий» (СПб., 1814), *академическая конференция* — это «ученое общество», в ведении которой состояли «цензура духовных книг учебного округа», «производство экзаменов» и «производство в степени академические».

4
И. Н. КОРСУНСКИЙ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Сергиевский Посад, 10 ноября 1893 г.

Ваше Сиятельство,
Высокоуважаемый Князь
Николай Владимирович!

Согласно обещанию, препровождаю к Вам пока копии с а) Конспекта (Обозрения) уроков Н. П. Гилярова для публичных экзаменов 1852 года и б) Дела по

* Скорее, слушатели-студенты могли записать их, и в таких записках лекции многих профессоров ходили по рукам разных лиц, хотя относительно Н. П. Гилярова и здесь возникает сомнение, с одной стороны, потому, что многие лекции он говорил, а не читал по тетрадке, а с другой — раз они возбудили прещение, он сам, вероятно, постарался о сокрытии их и под. <*Примеч. И. Н. Корсунского.*>

отзыву его об уроках Облич<ительного> богословия А. Богословского,[1] с моими к ним примечаниями.

Что еще отыщу, не премину сообщить Вам.

А пока прошу прощения в том, что присылаю не много. Переписчику я уплатил 2 рубля.

С истинным уважением к Вам и задушевными Вам благожеланиями честь имею быть

Вашего Сиятельства
всепокорнейшим слугою.
Иван Корсунский.

10 но<ября> 1893.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 128. Л. 7. На верхнем поле карандашная помета князя Шаховского о получении: «12 нояб<ря>».

[1] Отзыв Гилярова о рукописи профессора Орловской семинарии Алексея Богословского «Краткое начертание уроков по обличительному богословию для воспитанников духовных семинарий» был скопирован в трех вариантах и переслан князю Шаховскому (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 301, 301а и 301б). Он рассматривался академической конференцией с 15 июля по 4 сентября 1852 г.

5
И. Н. КОРСУНСКИЙ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Сергиевский Посад, 2 марта 1894 г.

Ваше Сиятельство,
Высокоуважаемый Князь
Николай Владимирович!

Простите, что за множеством разного рода дел медленно подбираю архивные документы по интересующему Вас предмету. В настоящий раз имею честь препроводить к Вам копии с добытых мною в архиве Ал. В. Горского дел и писем Н. П. Гилярова.[1] Из них некоторые, как изволите увидеть, немаловажны, а все в том или ином отношении любопытны. Переписанное я все сверил с подлинниками и исправил карандашом.

Простите также, что переписчик немного перепутал хронологический порядок, который нетрудно восстановить по годовым датам, которые, впрочем, к сожалению, не везде есть.

За переписку я уплатил два рубля.

От всей души желая Вам доброго здоровья и всего лучшего, с истинным и глубочайшим уважением к Вам имею честь быть

Вашего Сиятельства
всепокорнейшим слугою.
Иван Корсунский.

2 марта 1894.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 128. Л. 8—8 об. На верхнем поле карандашная помета князя Шаховского о получении: «14 м<арта>. Рев<ель>».

[1] См. 12 писем Гилярова к протоиерею А. В. Горскому за 1856—1865 гг. (Ф. 847. Ед. хр. 403—405). Гиляров всегда с величайшим благоговением отзывался о личности Горского. В некрологе ему (Москва, 22 декабря // *СИ*. 1875. 23 дек. № 353. С. 2) он отмечал: «Этот аскет-профессор, этот инок-мирянин, с подвижническою жизнию соединявший общительную гуманность и готовность всякому служить своими знаниями и трудами, это было необыкновенное явление. Оно едва ли повторится. *Оно было созданием особого духовного строя в известный период Московской академии* <...>» (*Сб. соч*. Т. II. С. 464—465).

XII. ИЗ ПЕРЕПИСКИ КНЯЗЯ Н. В. ШАХОВСКОГО С Л. Н. МАЙКОВЫМ, МИТРОПОЛИТОМ МИХАИЛОМ (ЙОВАНОВИЧЕМ), А. Ф. МОРОКИНЫМ, Н. И. ПОЗНЯКОВЫМ, РЦЫ (И. Ф. РОМАНОВЫМ), Д. Ф. САМАРИНЫМ, М. С. СКОВРОНСКОЙ, Н. И. СТОРОЖЕНКО, А. А. ЧУМИКОВЫМ И КНЯЗЕМ Л. В. ШАХОВСКИМ (1893—1896)

1
А. А. ЧУМИКОВ[1] — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Ревель, 16 апреля 1893 г.

Ревель, 16-го апреля 1893.

Многоуважаемый
Князь Николай Владимирович.

Сожалею, что мне приходится разочаровать Вас относительно ожидания от меня интересных сообщений, кои могли бы служить материалом для биографии Н. П. Гилярова. Правда, мои сношения с ним начались с конца 1860 г. и продолжались до прекращения его газеты, но они имели лишь деловой характер. Первое время, при перенесении моего журнала («Воспитание»)[2] из П<етер>бурга в Москву, Н<икита> П<етрович> состоял его цензором, а впоследствии, когда я проживал в Гельсингфорсе и Ревеле, посылал я из этих городов корреспонденции в «Совр<еменные> Известия».

От сношений с Н<икитой> П<етровичем> как с цензором остались у меня не совсем приятные воспоминания; может быть, и потому, что я вообще в то время вопиющего произвола недолюбливал этих «палачей духа», Henker des Geistes, как их назвал какой-то германец. Вот, кстати сказать, и причина, почему нижеподписавшийся не мог принять предложенной Вашим братом[3] цензор<ской> должности в Ревеле, хотя я и был убежден, что посвященный во все замыслы балтов, мог бы принести русскому делу более пользы, чем г. Т<русман>,[4] не знающий порядочно немецкого языка.

Наши известные писатели (Никитенко,[5] Гончаров[6] и др.), принимая на себя должность цензора, обыкновенно извинялись тем, что[a], отстаивая русскую литературу против обскурантизма, могут быть ей полезны, но это пустая отговорка, главная причина — 3 т<ысячи> р<ублей> содержания. Напр<имер>, Гончаров был один из самых трусливых, — я это испытал на себе, — и неделикатных в обращении цензоров. А мой унив<ерситетский> товарищ и приятель А. Н. Майков, будучи старшим цензором,[7] и при всем желании мне услужить не мог высвободить попавшие в когти цензуры (при пересылке из Г<ельсинг>форса в Ревель) принадлежавшие мне лекции о славян<ской> литературе *Мицкевича*[8] и запрещенные лишь из-за имени автора. Известно, что запрещенные иностр<анной> цензурой соч<инения> Гейне открыто продавались в П<етер>бурге.

Извините, князь, старика, если он некстати разболтался, но Вы, после П. И. Бартенева, единственное лицо, с которым я, с тех пор как поселился в Ревеле, заговорил о моем прошлом и «матерьях важных».[9]

Переселившись из Москвы в Г<ельсинг>форс, я по прекращении «Голоса»,[10] в коем сотрудничал, предложил свои услуги Н<иките> Петровичу и писал ему несколько корреспонденций о финляндских и балтийских делах. За все это время обменялись мы, сколько припоминаю, не более как двумя письмами совершенно делового характера[11] и другой какой-либо переписки между нами не было, да и не находили мы к тому какого-либо повода. Сознаюсь, что я не ранее, как по прочтении «Из Пережитого» и Ваших интересных статей в «Р<евельских> Из<вестиях>»,[12] узнал истинную цену такой личности, как Н. П. Гиляров. Хотя он и принадлежал к числу либеральных цензоров, но относился к своим обязанностям несколько халатно, как чиновник. Вспоминаю, как он однажды задержал своевременный выход моего журнала, завалив коррек<турные> листы между своими бумагами, и уверял меня, что отослал их в типографию. Я застал его над подскабливанием в какой-то тетради: прекрасное занятие для ученого! Затем, когда Н<икита> П<етрович> взялся за издание газеты, я, зная его непрактичность, был убежден, что это предприятие кончится его разорением. — Остается лишь пожалеть, что такая знающая и талантливая личность не попала в свою настоящую колею и не была оценена по достоинству заправителями нашего Народ<ного> Просвещения.

С чувством искреннего уважения и преданности
Ваш готовый к услугам
А. Чумиков.

P. S. Позволяю себе при сем случае ознакомить Вас, князь, с моим новейшим литерат<урным> грехом.[13]

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 179. Л. 1—2 об.

[1] Александр Александрович Чумиков (см. коммент. 2 на с. 491) — педагог, историк, член Общества истории и древностей российских (с 1866 г.), переводчик, публицист, из-

[a] *Далее зачеркнуто*: могут.

датель; с 1880-х гг. жил в Ревеле, где был гласным Думы и почетным мировым судьей Ревельско-гапсальского мирового округа.

[2] А. А. Чумиков издавал в Петербурге с 1857 г. «Журнал для Воспитания: Руководство для родителей и наставников», который при его переезде в Москву в 1860 г. был переименован в «Воспитание: Журнал для родителей и наставников»; в конце 1862 г. он передал издание педагогу Ф. Ф. Кейзеру.

[3] Назван эстляндский губернатор князь С. В. Шаховской.

[4] Георгий Георгиевич Трусман (см. коммент. 2 на с. 490) — историк, этнограф, филолог; выпускник Рижской семинарии (1879) и С.-Петербургской духовной академии (1883); в 1885—1908 гг. служил ревельским отдельным цензором по иностранной цензуре.

[5] Александр Васильевич Никитенко (1804—1877), мемуарист, историк литературы, журналист, служил цензором С.-Петербургского цензурного комитета в 1833—1848 гг., был членом Главного управления цензуры в 1860—1862 гг.

[6] Иван Александрович Гончаров (1812—1891), прозаик, критик, состоял цензором С.-Петербургского цензурного комитета в 1856—1860 гг., был членом Совета Главного управления по делам цензуры в 1865—1867 гг.

[7] Эту должность поэт Аполлон Николаевич Майков (1821—1897) занимал в Петербурге, в Комитете цензуры иностранной, в 1875—1882 гг.

[8] После разгрома Польского восстания 1830 г. А. Мицкевич становится одним из идейных вождей польской эмиграции и создает целый ряд произведений о России памфлетно-обличительного характера. Приглашенный занять кафедру славянских литератур в Collège de France, Адам Мицкевич прочитал здесь с 22 декабря 1840 г. по 1 июля 1842 г. два первых курса лекций, в которых говорил в основном о России и Польше.

[9] Выражение из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (1824) (д. IV, явл. IV).

[10] Петербургская либеральная политическая и литературная газета «Голос» прекратилась в 1883 г., поскольку его редакция отказалась подчиниться предварительной цензуре.

[11] Сохранилось одно письмо Чумикова к Гилярову от 30 октября 1885 г., где, в частности, говорилось: «Не помню, вследствие каких недоразумений мы с Вами разошлись: это было так давно — 15 лет, когда я еще “корреспондировал” из Гельсингфорса. Теперь я окончательно поселился в Ревеле, на моей родине, и состою 8 лет гласным Гор<одской> думы. Если у Вас нет корреспондента отсюда, то предлагаю мои услуги. Мы переживаем в Остзейском крае очень интересное время. Дела много, да деятелей мало, да и то, нельзя сказать, чтобы были из лучших» (ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 47. <№ 8>. Л. 1—1 об.).

[12] Имеется в виду газетная публикация, почти все части которой были подписаны криптонимом: *К. Н. Ш. <Шаховской Н. В., кн.>*. Н. П. Гиляров-Платонов. I // Ревельские Известия. 1893. 16 марта. № 58. С. 1; II—III // 17 марта. № 59. С. 1; IV—VI // 18 марта. № 60. С. 1; VII—VIII // 19 марта. № 61. С. 1; IX—X // 20 марта. № 62. С. 1; XI // 21 марта. № 63. С. 2; XII—XIII // 23 марта. № 64. С. 2; Письма Н. П. Гилярова-Платонова к кн. Н. В. Шаховскому. I // 24 марта. № 65. С. 1; II // 25 марта. № 66. С. 1; 1 апр. № 69. С. 2; 7 апр. № 74. С. 2; III—IV // 8 апр. № 75. С. 1; V // 9 апр. № 76. С. 1 (в № 76 подп.: *Кн. Н. Шаховской*).

[13] Очевидно, Чумиков выслал оттиск одной из своих журнальных статей: отдельных изданий в этот период у него не было.

2
РЦЫ (И. Ф. РОМАНОВ) — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
С.-Петербург, 26 апреля 1893 г.

Милостивый Государь
Князь Николай Владимирович,

Вы, без сомнения, — «один из трех в меня верящих» (слова покойного Н<икиты> П<етрови>ча).[1]

Я буду очень рад Вас видеть. Если я не лечу немедленно по Вашему адресу, то это происходит потому, что, обладая довольно подвижным пером, я имею несчастие обладать самым тяжелоподъемным и вдобавок ужасно немощным телом.

Кроме того, я совершенно измучен каторжною по своей ***не***интеллигентности службою.[2]

Кстати.

По делам от службы я не так давно был в Ревеле. В качестве представителя от Государ<ственного> Контроля должен был пересчитать несколько сотен шпал et cet. На вокзале взял местный листок, смотрю: статья о Гилярове.[3] Думаю, что это Ваша статья. Неправда ли, немножко странное совпадение?

Мне бы очень хотелось иметь эту статью. Я прочитал всего первые два №№, так как здесь нигде этой газеты не вижу.

Но где и когда мы свидимся? Мне бы очень хотелось просить Вас пожаловать ко мне не только запросто, но наипростейшим образом на чаепитие. Хотелось бы залучить С. Ф. Шарапова, горячего поклонника Н<икиты> П<етрови>ча, еще кое-кого из литературной братии.

Но я всегда должен находиться начеку, быть готовым по первой телеграмме железнодорожного агента лететь на линию, то шпалы считать, то каменный угол взвешивать и проч.

Как же быть?

Необходимо будет несколько углубиться в этот вопрос. Во всяком случае, Вы ничего не имеете против вечернего часа? Нет ли у Вас каких-нибудь постоянно занятых вечеров?

Как бы ни было, я надеюсь, что час нашего свидания не отдалится.

Как Вы нашли меня?

Примите уверения в моем отличном уважении.

Ив. Романов.

Апр<еля> 16-го 93 г.

Печатается по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 159. Л. 1—2. Впервые опубликовано нами: *Рцы* (*Романов И. Ф.*). Собр. соч.: В 2 т. СПб.: Росток, 2016. Т. II: Плюсы жизни. С. 363.

[1] 15 ноября 1886 г. Гиляров писал Романову-Рцы: «Я Вам *запрещаю* писать длинные письма. В Вашем положении это вредно, а меня волнует ужасно. Вы один из двух верую-

щих в меня, и я не могу, не должен сметь Вам не отвечать; а это почти выше сил моих, при моей бесконечной работе и при ежедневных бесконечных неприятностях» (*Письма к Рцы*. С. 289). Рцы (возможно, нечаянно) изменил число «верующих», имея в виду себя, князя Шаховского и А. М. Гальперсон.

[2] С 5 февраля по 5 мая 1893 г. Рцы служил в Государственном контроле Балтийской железной дороги (см.: РГИА. Ф. 381. Оп. 29. Д. 18340. Л. 137 об.).

[3] Речь идет об очерке князя Шаховского «Никита Петрович Гиляров-Платонов: Краткий публицистический очерк», увидевшем свет в марте-апреле 1893 г. в «Ревельских Известиях» (вых. дан. см. в коммент. 12 на с. 738).

3
МИТРОПОЛИТ МИХАИЛ (ЙОВАНОВИЧ)[1] — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Белград, 20 мая 1893 г.

Ваше Сиятельство
Милостивый Князь!

Покойного Никиту Петровича давно знал и газету его всегда читал, когда жил в России и посещал его.

Мне помнится, что имел несколько писем от него; но пока не нахожу их еще в куче писем моей частной корреспонденции. Если отыщу, не премину доставить их Вам.

Хорошо помню Никиту Петровича, ценил я патриотизм и чистую любовь его к России и к славянам, которым он искренно сочувствовал и желал он им свободы от ига и сохранения народных начал и Православия. Он заслужил, чтобы его помнили и в России, и между славянами вне оной.

Хорошее дело сделаете тем, что оставите потомству память о сем народолюбивом человеке и поучите потомство от Никиты Петровича Гилярова-Платонова.

С уважением к Вам, имею честь быть

Вашего Сиятельства

смир<енный> Боголюбец
Митрополит Сербии
Михаил.

20 мая
1893 года.
Белград.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 141. Л. 1—1 об.

[1] О митрополите Михаиле (Йовановиче) см. коммент. 5 на с. 591. В октябре 1887 г. митрополит, живший тогда в Киеве (он был вынужден покинуть пределы Сербии по политическим причинам), специально приехал в Москву, где совершил панихиду на похоронах Гилярова.

4
КНЯЗЬ Н. В. ШАХОВСКОЙ — МИТРОПОЛИТУ МИХАИЛУ (ЙОВАНОВИЧУ)
Подольск Московской губернии, июнь 1893 г.

Ваше В<ысокопреосвященство>
М<илостивый> Г<осударь> и А<рхипастырь>.

Приношу Вам горячую благодарность за дорогие строки, коими Вы меня удостоили. В дополнение к моему предшествовавшему письму считаю долгом добавить, что кроме составления сборн<ика>, о котором я писал, мною вообще собирается матерьял для жизнеописания Гилярова-Платонова. Это представляет значительные трудности, ибо деятельность покойного была разнообразна и заключала в себя и преподав<ание> богословск<их> наук в М<осковской> Д<уховной> А<кадемии>, и службу в Цензуре и по Мос<ковской> Синод<альной> Типогр<афии>, и изд<ание> «С<овременных> Из<вестий>» и — <в> целом ряде ученых, критич<еских>, литературн<ых> стат<ей> и сочин<ений>, помещ<енных> им в журналах и отд<ельных> книг<ах>. Кроме того, он вел обширную переписку. В его бумагах сохранилось довольно много писем к нему лиц весьма замечат<ельных> и наход<ятся> черновые наброски его писем, кот<орым> он придавал сам более[a] серьезн<ое> знач<ение>. В числе последних нашлась копия с одного его пись<ма> к Ваше<му> Преосв<ященству>.[1]

То были доброжелат<ельные>[b] советы[c] опытного, наблюда<тельного> и прониц<ательного> друга в Ваше<м> лице[d] молодому государству Сербскому, как ему достичь наибольш<ей> самостоятельной силы и уберечься от вражьих тенет. —[e] Дозволите ли, Владыко, воспользоваться мне этим письмом, ныне же[f] для печати, или считаете обнародование его преждевременным?[2]

Боюсь, что утруждаю Вас.

Печатается впервые по черновому автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 73. Л. 1—2.

[1] Копия этого черновика хранится в архиве князя Шаховского: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 526. 6 л.

[2] Это письмо было позднее опубликовано А. М. Гальперсон: Письмо Н. П. Гилярова-Платонова митрополиту Сербскому Михаилу / Сообщ. А. Г. // Русский Труд. 1898. 3 янв. № 1. С. 5—7.

---

[a] *Это слово вписано над строкой.*

[b] *Это слово вписано над строкой.*

[c] *Далее зачеркнуто*: сторо<ннего>.

[d] *Слова*: в Ваше<м> лице— *вписаны над строкой.*

[e] *Далее зачеркнуто*: Позволит<е>.

[f] *Слова*: ныне же — *вписаны над строкой.*

5
Д. Ф. САМАРИН[1] — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Сызрань, 7 июня 1893 г.

Многоуважаемый Князь
Николай Владимирович.

На первый пункт Вашей просьбы я могу дать согласие и теперь, так как вполне полагаюсь на Вас, что Вы отдадите в печать только то, что заслуживает быть напечатанным и что никого не может компрометировать.

Что же касается 2-го пункта, то, к сожалению, теперь я не могу исполнить Вашей просьбы, так как письма Н. П. Гилярова находятся в Москве под ключом, так что до возвращения моего в Москву, в конце сентября, никто не может найти этих писем. Могу только сказать Вам, что они все в целости и по своему содержанию вполне заслуживают быть напечатанными. Это письма — философского содержания.

Вы пишете, что все письма Ю<рия> Ф<едорови>ча будут мне посланы в *копии*. Этого я не понимаю. Какая Вам надобность в подлинниках, раз письма будут напечатаны? Я бы желал иметь подлинники, так как я собираю все письма Ю<рия> Ф<едорови>ча и полагаю, что им быть более у места у меня, чем у того лица, у которого будут находиться бумаги Н. П. Гилярова. С своей стороны я согласен в обмен на подлинные письма Ю<рия> Ф<едорови>ча передать подлинные письма Н. П. Гилярова.[2]

Что касается писем Ю<рия> Ф<едорови>ча, которые Вы признаёте (и совершенно справедливо) слишком интимного содержания, то я полагаю, что в них речь идет о той размолвке, которая у них произошла на вечере у Кошелева.[3]

Мне было очень приятно узнать, что письма брата нашлись в бумагах Н. П. Гилярова. На днях я получил тоже, совершенно неожиданно, письмо от какого-то мне неизвестного русского, живущего в Париже (вероятно, иезуит; фамилию я забыл), которым он просит моего разрешения напечатать письмо Ю<рия> Ф<едоровича> к князю Гагарину (иезуиту) о Лермонтове.[4] Это дает мне надежду на то, что письма Ю<рия> Ф<едорови>ча к Гагарину (важный материал к его биографии) не пропали.

Искрен<но> пред<анный> Вам
Д. Самарин.

7 июня.
г. Сызрань.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 160. Л. 3—4 об.

[1] О Д. Ф. Самарине см. коммент. 10 на с. 495.

[2] Князь Шаховской согласился на предложенный обмен: в его архиве находятся копии писем Ю. Ф. Самарина (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 686) и подлинники ответных писем Гилярова (Там же. Ед. хр. 474).

[3] Об этой истории 28 сентября 1893 г. Д. Ф. Самарин рассказывал князю Шаховскому: «...у Кошелевых Ю<рий> Ф<едорович> посмеялся над Н<икитой> П<етровичем>,

когда тот явился к Кошелеву во фраке и с орденом Анны на шее» (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 49. Л. 56 об.).

[4] Ю. Ф. Самарин вспоминал о Лермонтове в письме от 3 августа 1841 г. к своему четвероюродному брату князю И. С. Гагарину (см. *Самарин Ю. Ф.* Соч. М., 1911. Т. 12. С. 241—242).

6
РЦЫ (И. Ф. РОМАНОВ) — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
С.-Петербург, 30 июня 1893 г.

Любезнейший Николай Владимирович!

Заказной пакетик Ваш получил в самый разгар приключившихся со мною жестоких — впервые после 7-го ноября прошлого года — желчных колик, от коих лишь теперь, да и то с величайшим трудом начинаю приходить в себя.

NB! Вы отчасти мне собрат по болезнованию, — не знаете ли, чем, как и *успешно ли лечит* некий, на Остоженке, кажется, живущий *полковник Чичагов*? Я давно изверился в правоверную медицину, а вот такое «вольное» лечение еще может меня заинтересовать. Книгу его я читал,[1] и если верить самому автору, то он творит чудеса, только можно ли поверить? Глубока у него, на мой взгляд, мысль, что корень всякой болезни в изменении состава *крови*. Этот взгляд возвращает нас отчасти к старым методам лечения, ныне отвергаемым, — пьявки, кровопускание et cet., отчасти заводит в самую глубь древности, когда именно в крови видели начало витализма, что ли, *душу* живую... Так как Вы, по-видимому, любитель идейных casse-tête, * напомню Вам деление Апостола: дух, *душа* и тело;[2] запрещение Моисея поедать кровь животных, дабы не приобщаться их душам,[3] и проч. и проч.

Итак, причина моего долговременного молчания не требует объяснений и, без сомнения, легко Вами извинится.

От души благодарю Вас за память и Вашу хорошенькую книжечку о Н<иките> П<етровиче>.[4]

Прочел ее с большим удовольствием.

Нахожу, что у Вас есть все данные, чтобы взять на себя труд издания соч<инений> покойного. Безо всякой сентиментальной скромности скажу, что я имею претензию воображать, что я *глубочайшим образом* понимаю Никиту Петровича, понимаю *дух* его трудов, т. е. способен был бы выразить взгляд о событии сегодняшнего или завтрашнего дня приблизительно так, как бы на него взглянул Гиляров, или, наоборот, о событиях минувшего повторить Никиту Петровича, не читая его статьи по данному вопросу. Понимаете ли и ***Вы*** его также, пока я еще не могу решить, но что Вы *чувствуете* его не только не хуже моего, но даже лучше, это — несомненно. Главное, у Вас сохранилась та восторженность к памяти покойного, которую я — увы! — частью растерял... Вас, вероятно, способен оскорбить отзыв Филарета о Гилярове: «возбужденный, но не управленный»,

* головоломок (*фр.*).

а меня не коробит. Точно так же рука моя настолько одеревенела, что не подвигнулась бы написать последние 4 строчки в выноске на стр. 71 Вашего труда...[5] Что делать? La plus belle fille du monde ne peut donner, que ce qu'elle a... *[6]

Вот почему, повторяю, Никита Петрович не мог бы найти и даже желать лучшего издателя его посмертных трудов. Необходимый человек — это Вы.

Другое дело вопрос: могут ли единомысленники покойного Никиты Петровича ограничить свой долг из памяти этого во всяком случае великого человека *только* добросовестным изданием его сочинений? Не естественно ли было бы, чтобы[a] у сих единомысленников предносилась мысль о создании той *школы*, о которой мечтал Н<икита> П<етрович>? Не логично ли было бы с их стороны стремиться *продолжить его дело*? Поднять знамя, которое вывалилось из его охладевших рук? Каждодневно в *сознании общественном* растворять его мысли, вместо того чтобы на полку антиквария сложить вновь перепечатанные томы его соч<инений>, которых все равно читать никто не станет?

Немцы, конечно, так бы и сделали... Но у нас нет энергии, нет сплоченности, нет организаторского таланта... Все мы, в большинстве, «возбужденные, но не управленные»!

Относительно издания писем я полагал бы так: чем больше сам Гиляров будет говорить о себе, тем лучше. Давать лишь необходимые реплики для уяснения его письма — ничего больше!

Очень насмешил меня *бубенчик*, пущенный нашим милым Figaro-Шараповым о замечательном труде по православному богословию...[7] Не Вы одни, конечно, вдались в обман, но и про этот инцидент можно сказать: «ирония судьбы, гримаса истории». Пастухов хоронит Н<икиту> П<етровича> на свой счет,[8] а Шарапов на могиле[b] внушает миру о несуществующем труде покойного!..

Когда думаете Вы в Питер?

Искренно преданный Вам
Ив. Романов.

Июля 30. 93 г.
Павловская, 4, кв. 25.

Печатается по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 159. Л. 4, 5, 6. На верхнем поле князь Шаховской написал карандашом: «Получ<ено> 2 июля 93. *Ивановское от 3 ию<ля>*». Впервые опубликовано нами: *Рцы* (*Романов И. Ф.*). Собр. соч.: В 2 т. Т. II. С. 364—365.

[1] Имеется в виду книга будущего митрополита Серафима: *Чичагов Л. М.* Медицинские беседы. М.: Типо-лит. Высоч. утвержд. Т-ва «И. Н. Кушнерев и К», 1891. Т. I. VI, 680 с.; Т. II. <3>, VII, 849 с. См. также: Краткое изложение медицинских бесед Л. М. Чичагова, напечатанных в 1891 году. М.: Типолит. т-ва «И. Н. Кушнерев и К°», 1892. 83 с. Чичагов находился на военной службе с 1875 по 1890 г., участвовал в Русско-турецкой войне. Уже после отставки, в 1891 г., он «для сравнения со сверстниками» был произведен в полковники.

* Самая красивая девушка в мире может дать только то, что она имеет... (*фр.*)

[a] *Это слово написано над зачеркнутым*: для.

[b] *Слова*: на могиле — *вписаны над строкой*.

[2] Подразумеваются слова апостола Павла: «Сам же Бог мира да освятит вас во всей полноте, и ваш дух и душа и тело во всей целости да сохранится без порока в пришествие Господа нашего Иисуса Христа» (1 Фес 5: 23).

[3] См.: «...Я сказал сынам Израилевым: не ешьте крови ни из какого тела, потому что душа всякого тела есть кровь его: всякий, кто будет есть ее, истребится» (Лев 17: 14).

[4] Вых. дан. брошюры князя Шаховского о Гилярове см. в коммент. 1 на с. 710.

[5] Имеется в виду примечание князя Шаховского: «Какая жалость, что смерть помешала Н<иките> П<етровичу> развить свою мысль; мы имели бы драгоценный памятник истинно самостоятельной русской мысли», которым он (князь Шаховской) снабдил неоконченное письмо Гилярова, начинающееся словами: «Когда “Русь” возродится?» Оно датируется приблизительно концом февраля 1885 г.

[6] Цитата из драмы Альфреда Мюссе «Кармозина» («Carmosine», 1850), из реплики персонажа по имени Минуччо: «Больше я вам ничего не скажу, так как сам не знаю. Самая красивая девушка в мире не может дать больше того, что имеет, и самый преданный друг молчит о том, чего не знает».

[7] См.: «Никита Петрович оставил замечательные труды по православному богословию. Ярко блестит там идеал вселенской Церкви, им вместе с моим другом и предшественником А. С. Хомяковым разъясненный и освещенный» (<*Шарапов С. Ф.*>. Москва, 24 октября // *РД*. 1887. 17—24 окт. № 12/13. С. 1). Перепечатано Шараповым под названием «Над свежей могилой Н. П. Гилярова. Моя речь при его погребении»: Неопознанный гений: Памяти Никиты Петровича Гилярова-Платонова: Статьи, заметки, письма и выдержки, собранные и проредактированные Сергеем Шараповым. М.: Типолит. А. В. Васильева и К°, 1903. С. 5—7.

[8] Журналист и беллетрист Н. И. Пастухов (см. о нем коммент. 2 на с. 619) в течение десятка лет был наиболее популярным фельетонистом «Современных Известий», но в 1881 г. основал собственную, довольно успешную газету «Московский Листок», которая отобрала немало подписчиков у гиляровского издания. В середине сентября 1893 г. младший сын Гилярова-Платонова, Алексей Гиляров, вспоминал: «...похороны отца состоялись при условиях, о которых (как и о многом другом) говорить тяжело. Близкие к нему, но ему посторонние, люди брали на погребение деньги с кого попало, разумеется, без моего ведома. Таким образом составился крупный долг Суворину, Филиппову, Победоносцеву, Плевако и, увы!, самый значительный Пастухову. Воспоминание об этих подачках для меня острый нож, но уплатить долга я не в состоянии. Я бы лично никогда их не принял (в особенности от Пастухова), хотя и не знаю, на что стал бы хоронить, так как получал тогда всего 1200 р<ублей> в год» (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 112. Л. 2—2 об.).

7
А. Ф. МОРОКИН[1] — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Село Новая Гольчиха Кинешемского уезда Костромской губернии, 21 сентября 1893 г.

Село Новая Гольчиха 1893 г. Сентября 21 дня.

Ваше Сиятельство
Милостивый Государь
Николай Владимирович!

Любезное письмо Ваше имел удовольствие получить, на которое и имею честь ответить.

Покойный, мною глубоко уважаемый приятель Никита Петрович действительно был мне близко знаком, и я имею от него несколько писем, которые — я Вам лично привезу в октябре или ноябре месяце.[2] Имеют ли они интерес — Вы увидите из их содержания.

Весьма благодарю Вас за память, я Вас очень хорошо помню.

Я всегда бываю в Москве между 10 и 20 числ<ами> каждого месяца.

Извините, что долго не отвечал, так как получено письмо без меня — а я недавно приехал из Москвы.

Затем желаю Вам всего хорошего и остаюсь Вашим покорнейшим слугою.

Александр Морокин.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 142. Л. 1—1 об. Письмо написано каллиграфическим почерком писаря, только подпись — автограф.

[1] Александр Федорович Морокин (см. о нем коммент. 212 на с. 570) — экономист, земской деятель, кинешемский купец 1-й гильдии; вичугский фабрикант, основатель ткацкой фабрики (1865); публицист, корреспондент газеты «Современные Известия».

[2] Эти письма неизвестны.

8
М. С. СКОВРОНСКАЯ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Москва, сентябрь 1893 г.

Князь Николай Владимирович,

В феврале текущего года исполнилось двадцать пять лет моего служения в журналистике, и я по этому случаю написала воспоминания о тех изданиях, в которых я работала.[1] «Современным Известиям», а следовательно, и их редактору-издателю, отведено большое место в этих воспоминаниях. Они будут печататься в наступающем октябре или даже в конце сентября. Из них Вы можете заимствовать многое для своего биографического сборника. Конечно,[a] в моих «воспоминаниях» есть большие пробелы; но в настоящее время я пишу большую повесть и не имею времени писать что-либо другое. Если Вы не очень спешите, то сообщите мне свой петербургский адрес, и я могу послать Вам всплывающие иногда воспоминания, а также разъяснять встречающиеся Вам недоразумения или неточности.

Марья Богуславская.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 101. Л. 1. Дата установлена по содержанию.

[1] Речь идет об очерке М. С. Сковронской «За четверть века». Вых. дан. см. в коммент. 4 на с. 612. О М. С. Сковронской (Богуславской) см. коммент. 66 на с. 558.

[a] *Далее зачеркнуто*: там.

9
РЦЫ (И. Ф. РОМАНОВ) — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
С.-Петербург, 26 <ноября>[1] 1893 г.

Многоуважаемый Николай Владимирович,

Может быть, соберетесь сегодня, <в> пятницу, часов $8^1/_2$ вечера, на Пет<ербургскую> сторону,[2] «презирая лень и негу», как говорил поэт?[3]

Очень было бы мило с Вашей стороны, если бы Вы захватили для прочтения Ваше письмо к Павлову об Каткове и Гилярове,[4] а также обещанную книжечку о Н<иките> П<етрови>че[5] (ранее данную выпросил у меня Розанов).

26-е. Пятница Ваш Ив. Романов.

Печатается по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 159. Л. 3. Впервые опубликовано нами: *Рцы* (*Романов И. Ф.*). Собр. соч.: В 2 т. Т. II. С. 365.

[1] Месяц установлен по содержанию: в 1893 г. пятница только дважды приходилась на 26 число — в апреле и ноябре. Но в апреле еще не успели обменяться письмами князь Шаховской и упоминаемый здесь И. В. Павлов.

[2] Рцы в тот период проживал на Петербургской стороне, на Павловской улице (д. 2). Ныне это ул. Мончегорская в Петроградском районе.

[3] Выражение из стихотворения Пушкина «Телега жизни» (1823).

[4] Друг Гилярова, мценский помещик и литератор И. В. Павлов, писал князю Шаховскому 3 июня 1893 г.: «Ведь это самый крупный русский публицист! Катков был блестящ, но односторонен; он даже в лучших статьях своих напоминает Сквозник<а>-Дмухановского, закрывающего пальцем некоторые места в хлестаковском письме. А Гиляров ничего не закрывал, ибо воистину был умозритель, видевший ясно оба полюса каждой мысли. Таких умов на свете немного» (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 144. Л. 1—1 об.). Князь Шаховской в нескольких письмах к Павлову оспаривал такую оценку Каткова (последнее ответное письмо Павлова на эту тему датировано 2 августа; см.: Там же. Л. 6—7 об.). Эта переписка опубликована: Наст. изд. С. 688—692, 695—701. Очевидно, князь Шаховской рассказал о своем споре с И. В. Павловым Рцы — в беседе или в письме.

[5] О книге князя Шаховского см. коммент. 1 на с. 710.

10
КНЯЗЬ Н. В. ШАХОВСКОЙ — КНЯЗЮ Л. В. ШАХОВСКОМУ
Ревель, 7 февраля 1894 г.

17 февр<аля> 1894.

Дорогой друг мой Лев.

Поздравляю тебя с днем твоего Ангела[1] и от всей души тебе желаю новых сил и нового здоровья. Главное же, чего я тебе желаю, — это ясного, спокойного и радостного настроения, которого ты не отчаявайся достигнуть. Мамаша[2] мне писала, что ты выбирал и отмечал твои корреспонденции из «Московск<их> Вед<омостей>». Стало быть, вопрос о новом издании твоей книги[3] решился

определительно. Моя работа понемногу подвигается, и я уже написал две главы. Начал я с выхода Гилярова из Академии,[4] затем идет поступление на службу, знакомство с К. Аксаковым и Хомяковым и отношение к ним.[5] Все это очень трудно, и во всем видать или свое невежество, или недомыслие. Приходится пополнять свои сведения и запасаться новыми. С этой точки зрения работа моя принесет мне пользу. — Уступаю место Сергею.[6]

Крепко и нежно тысячу раз тебя обнимаю.

Твой Коля.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 81. Л. 1—1 об.

[1] 18 февраля (3 марта) Церковь отмечает память святителя Льва, папы Римского († 461) и мученика Льва Патарского.

[2] Княгиня А. П. Шаховская (ур. Ефремова). См. о ней в коммент. 4 на с. 632.

[3] *Шаховской Л. В., кн.* Два похода за Балканы: С театра войны 1877—78. 2-е изд., с прил. карты воен. действий. М.: Типо-лит. И. Н. Кушнерев и К°, 1897. <6>, 321 с., 1 л. карт. (1-е изд.: 1878).

[4] Опубликовано: *Кн. Н. В. Ш. <Шаховской Н. В., кн.>*. Обстоятельства оставления Н. П. Гиляровым-Платоновым службы в Московской духовной академии // *РО*. 1895. Т. 34, авг. С. 542—561.

[5] См.: *Шаховской Н. В., кн.* Н. П. Гиляров-Платонов и К. С. Аксаков: (По статьям и письмам Гилярова) // Там же. 1895. Т. 36, дек. С. 509—545; *Кн. Н. В. Ш. <Шаховской Н. В., кн.>*. Н. П. Гиляров-Платонов и А. С. Хомяков: (По сочинениям и письмам Гилярова) // Там же. Нояб. С. 14—32.

[6] Князь С. В. Шаховской.

11
Н. И. СТОРОЖЕНКО[1] — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Москва, <1894—1895 гг.?>

Москва. Четверг.

Глубокоуважаемый
Николай Владимирович!

Данную Вами мне статью покойного Гилярова-Платонова по Русской Грамматике я передал на рассмотрение специалиста-филолога проф. Миллера,[2] который нашел, что она так слаба, что не может быть помещена в «Почине».[3] По его словам, Н<икита> П<етрович> принадлежит к филологам вроде К. Аксакова и Хомякова, которые отрицали сравнительную филологию, не имели понятия об исторической грамматике р<усского> языка и думали возместить эти пробелы своими собственными остроумными гипотезами. Некоторые из этих гипотез и домыслов действительно остроумны, но они либо не новы, либо не выдерживают проверки фактами, так что в настоящее время знакомить с ними публику было бы рискованно для издания, выходящего от имени О<бщества> Л<юбителей> Р<оссийской> С<ловесности>. Очень жалею, что не могу испол-

нить Вашей просьбы, тем более что исполнение ее дало бы бедной г-же Гиляровой[4] несколько десятков рублей. Но что же делать? Рукопись Вам возвращаю заказною бандеролью. Будьте здоровы!

Вам искренно преданный
Н. Стороженко.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 170. Л. 7—8. Датируется по упоминанию сборников «Почин».

[1] Николай Ильич Стороженко (1836—1906) — литературовед; профессор Московского университета (с 1872 г.), председатель Общества любителей российской словесности (1894—1901).

[2] Упомянут фольклорист, этнограф и языковед Всеволод Федорович Миллер (1848—1913), участвовавший в обоих выпусках сборника «Почин» (см. следующий коммент.).

[3] Речь идет об одном из двух выпусков книги: Почин: Сборник Общества любителей российской словесности на 1895 год. М., 1895. <4>, 465, 31 с.; <То же> на 1896 год. М., 1896. <3>, 635 с.

[4] Названа В. А. Гилярова-Платонова, вдова мыслителя.

12
Н. И. ПОЗНЯКОВ[1] — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
С.-Петербург, 17 ноября 1895 г.

С.-Петербург.
17 ноября 1895 г.
№ 1160

Ваше Сиятельство
Милостивый Государь
Николай Владимирович.

По поручению Господина Председателя Постоянной Комиссии Л. Н. Майкова,[2] имею честь уведомить Вас, что им сегодня же дано распоряжение о высылке В. А. Гиляровой-Платоновой семидесяти пяти рублей из капитала Имени Императора Николая II-го, что вместе с выданными ей ранее 150 р. составит 225 рублей в текущем году.

Что же касается оказания помощи Госпоже В. А. Гиляровой-Платоновой в будущем 1896 году, то Г. Председатель высказал надежду на то, что Комиссия назначит ежемесячное пособие, если поступит о том ходатайство от Г-жи В. А. Гиляровой-Платоновой или от какого-либо другого лица, знающего ее бедственное положение.[3]

Примите уверение в отличном моем к Вам, Милостивый Государь, почтении и совершенной преданности.

Н. Позняков.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 157. Л. 1—1 об. Письмо на бланке с напечатанным текстом: «Императорская Академия Наук. Постоянная комиссия для пособия нуждающимся ученым, литераторам и публицистам. От Председателя».

[1] Николай Иванович Позняков (1856—1910), прозаик, поэт, педагог, переводчик, библиограф, библиофил, в 1895—1905 гг. заведовал делопроизводством Постоянной комиссии для пособия нуждающимся литераторам и публицистам при Академии наук.

[2] Леонид Николаевич Майков (1839—1900) — литературовед, этнограф, фольклорист; академик (1889).

[3] См. черновик Всеподданнейшего прошения о назначении пенсии В. А. Гиляровой-Платоновой, составленного от ее имени князем Шаховским: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 808. 2 л.

13
Л. Н. МАЙКОВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
С.-Петербург, <1896 г.?>

Многоуважаемый
Князь Николай Васильевич <*так!*>.

Я крайне сожалел, что не мог лично поблагодарить Вас за доставление Вашего интереснейшего труда об отхожих промыслах.[1] Когда мы с Вами встретились в Москве, Вы сказали, что заедете ко мне до 12 часов, — я так и ожидал Вас, а затем должен был выехать, так как то был последний день моего Московского пребывания. По той же причине не мог я и к Вам заехать. Итак, благоволите теперь принять мою глубочайшую признательность, и притом сугубую, так как на днях я получил Вашу статью о Гилярове.[2] Эта статья еще интереснее для меня, чем исследование об отхожих промыслах, и убеждает меня в том, что в целом Ваше сочинение о Гилярове будет очень важною страницей в истории нашего просвещения. Позвольте мне выразить по этому случаю настоятельную надежду на то, чтобы Вы довели до конца предпринятую биографию и поскорее напечатали бы ее, вместе с сочинениями Гилярова. В противоположность другим народам — впрочем, более нас просвещенным, — мы решительно не умеем беречь память наших выдающихся людей, особенно из недавнего прошлого. Наша биографическая литература вообще бедна, и мы принимаемся за биографические труды о каком-нибудь замечательном человеке лишь тогда, когда он уже удалился от нас на далекое расстояние. Оттого в наших биографиях так мало живых индивидуальных черт, или их нужно разыскивать и восстановлять путем кропотливой работы. Я это хорошо знаю по своим занятиям о Батюшкове[3] и — теперь — о Пушкине,[4] и это составляет для меня немалое горе. Вы находитесь в ином положении относительно Гилярова: о нем можно еще собирать не только письменные показания, но и живые свидетельства; есть еще люди, которых можно порасспросить и узнать от них то, что не досказано в писанных источниках. К тому же и самая личность Гилярова вообще мало известна и не оценена соответственно его высоким достоинствам. Все это должно побуждать Вас не покидать Вашу работу и непременно окончить ее. Наконец, вот и еще довод в пользу того же: Гиляров принадлежал к тому числу мыслителей-идеалистов, которые у нас или переводятся, или заменя<ю>тся людьми гораздо более мелкого калибра. Тем нужнее показать современному русскому читателю личность

и деятельность человека, еще недавно жившего между нами и воодушевленного идеальными стремлениями, и притом такими, которые могут иметь руководящее значение еще для многих поколений.

Извините, что разболтался; может быть, оттого, что взял нечаянно большой лист вместо маленького. Но конечный мой вывод во всяком случае тот, что я жду с нетерпением Вашей книги о Гилярове, и уверен, что Вы напишете ее прекрасно.

Искренно Вам преданный
Л. Майков.

А что Милютинские копии?[5]

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 134. Л. 3—4 об. Датируется по упоминанию труда князя Шаховского об отхожих промыслах.

[1] *Шаховской Н., кн.* Сельскохозяйственные отхожие промыслы. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1896. VIII, 254, II с.

[2] Предположительно речь идет об оттиске статьи: *Шаховской Николай, кн.* Из приготовительных работ по биографии Гилярова (вых. дан. см. в коммент. 1 на с. 599).

[3] *Майков Леонид.* Батюшков, его жизнь и сочинения. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1887. <10>, 360 с.; 2-е изд., вновь пересмотр.: СПб.: Изд. А. Ф. Маркса, 1896. VI, 287 с.

[4] Итогом пушкиноведческих штудий Л. Н. Майкова стала книга: *Майков Л.* Пушкин: Биогр. материалы и ист.-лит. очерки: С прил. портр. Пушкина. СПб.: Изд. Л. Ф. Пантелеева, 1899. <8>, 462 с.

[5] О чем (о каких рукописях?) идет речь, неясно. Возможно, они имели отношение к графу Д. А. Милютину, на дочери которой был женат брат князя Шаховского Сергей Владимирович.

XIII. ИЗ ПЕРЕПИСКИ КНЯЗЯ Н. В. ШАХОВСКОГО С О. Г. АКСАКОВОЙ (1893—1898)

1
О. Г. АКСАКОВА — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Самара, 27 октября 1893 г.

Милостивый Государь
Николай Владимирович

С удовольствием исполню Вашу просьбу о передаче в Ваше распоряжение писем Гилярова-Платонова в обмен на письма Ивана Сергеевича к нему и к Вам. Но письма эти у меня в деревне,[1] куда я поеду в ноябре, тотчас сделаю из них некоторые выписки, которые могут быть мне нужны, и после этого не замедлю перепроводить их Вам по данному Вами адресу. После этого в возвращении мне подлинников не будет надобности. Архив Константина Сергеевича еще не впол-

не разобран, по мере того как будет мне попадаться что-либо, касающееся Гилярова, буду иметь Вас в виду.

С полным уважением остаюсь

Преданная Вам
Ольга Аксакова.

27 октября
1893 г.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 89. Л. 1—1 об. На верхнем поле помета князя Шаховского: «получено 31 окт. 93».

[1] Имеется в виду «село Богородицкое Языково тож» Могутовской волости Бузулукского уезда Самарской губернии, которое О. Г. Аксакова унаследовала 24 марта 1884 г. по смерти своей матери С. А. Аксаковой (ур. Шишковой). См.: *Поддубная Р. П.* Самарская хроника Аксаковых. Самара: Офорт, 2015. С. 66, 138.

2
О. Г. АКСАКОВА — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Село Языково Бузулукского уезда Самарской губернии, 28 декабря 1893 г.

Милостивый Государь
Николай Владимирович.

Препровождаю Вам при сем двадцать семь писем Н. П. Гилярова-Платонова,[1] в полную собственность, с правом печатания их по Вашему усмотрению. Рассчитываю на то же с Вашей стороны, по отношению к письмам Ивана Сергеевича.

Меня очень удивляет, что нашлось так мало писем; если при более тщательном просмотре моего Архива будет что-либо попадаться, касающееся Н. П. Гилярова-Платонова, то буду сообщать. Адрес мой: Самаро-Златоустовская железная дорога. Станция Борская.

Примите уверение в моем полном уважении.

Преданная Вам
Ольга Аксакова.

28 дек<абря>
93 г.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 89. Л. 2—3. На верхнем поле помета князя Шаховского: «Москва, получено 4 янв. 94». В качестве места написания указываем имение О. Г. Аксаковой, где она хранила архивные материалы.

[1] Ныне хранятся в фонде князя Шаховского в РНБ (Ф. 847. Ед. хр. 359. 35 л.).

3
О. Г. АКСАКОВА — КН. Н. В. ШАХОВСКОМУ
Село Языково Бузулукского уезда Самарской губернии, 10 апреля 1894 г.

10 апреля 1894 г.

Милостивый Государь
Многоуважаемый Николай
Владимирович

Уведомляю Вас, что 5-го апр<еля> получила я посланные Вами 26 писем Ив. Серг. Аксакова к Н. П. Гилярову-Платонову. Очень благодарна Вам за этот интересный вклад в мое собрание писем, а еще более за обещанный материал в будущем, это материал редкостный, который помимо Вас мне никак не удалось бы собрать. С своей стороны не забуду, если что найду о Гилярове, сообщать Вам.

С уважением преданная Вам

Ольга Аксакова.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 89. Л. 4. На верхнем поле помета князя Шаховского о получении: «12 мая 1894».

4
О. Г. АКСАКОВА — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Село Языково Бузулукского уезда Самарской губернии, 8 ноября 1898 г.

Посылаю Вам, многоуважаемый Князь Николай Владимирович, еще 4 письма Гилярова, которые у меня нашлись в такой пачке, где я никак не ожидала их найти. Кажется, теперь уже наверное больше нет. Перебрала всё, что у меня есть. Пользуюсь случаем, чтобы сказать Вам, что обещанного письма от Шевелева[1] я не получала, дайте мне его адрес и имя отчество, чтобы я могла написать ему сама, когда мне встретится надобность. Еще Вы мне говорили о ком-то живущем в Киеве, смутно помню его имя, боюсь перепутать, и потому была бы благодарна Вам за возобновление моей памяти. А что творится с «Русским Обозрением»? Несмотря на страшную неаккуратность выхода первых книжек, после объявления редакции и ожидания исправиться, стало не лучше, а хуже, после майской книжки я ничего не получаю.[2] Дошли до меня слухи, будто оно перешло в другие руки, но не думаю, потому что тогда было бы какое-нибудь движение, или уведомление подписчиков, или n'est plus de notre temps *? Мне лично Анатолий Александрович[3] не отвечает ни на письма, ни на телеграммы. Редак-

* он больше не существует (*фр.*).

ция мне осталась должна за переписку Кохановской[4] 700 р., и не могу их получить. Желаю Вам всего хорошего.

Преданная Вам
Ольга Аксакова.

8 ноября 1898.

Адрес: Станция Борская.

Самаро-Златоустов<ская> ж<елезная> дорога.

P. S. Кстати, какую бы Вы мне рекомендовали типографию? Аккуратную и умеренную.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 89. Л. 5—6. На верхнем поле помета князя Шаховского о получении: «от 5 дек<абря>».

[1] Видимо, Александр Арсеньевич Шевелев (1869—1911), критик, библиограф.

[2] Эта майская книжка журнала за 1898 г. (не считая одиночных попыток возобновить его в 1901 и 1903 гг.) оказалась последней.

[3] Анатолий Александрович Александров (1861—1930) — педагог, поэт, журналист, редактор журнала «Русское Обозрение» (1892—1898) и газеты «Русское Слово» (1894—1898).

[4] Переписка Аксаковых с Н. С. Соханской (Кохановской) / Сообщила О. Г. Аксакова // *РО*. 1897. № 2—12.

XIV. ПЕРЕПИСКА КНЯЗЯ Н. В. ШАХОВСКОГО С БРАТЬЯМИ А. А., Н. Н. и А. Н. ГИЛЯРОВЫМИ (1893—1897)

1
А. Н. ГИЛЯРОВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Киев, 3 июня 1893 г.

Многоуважаемый
Николай Владимирович.

Я был бы весьма рад содействовать всеми зависящими от меня мерами успеху сборника,[1] о котором Вы пишете, если цель, для которой он издается,[2] не будет известна читателям. В противном случае мне придется отказаться от участия.

По некоторым причинам мне было бы желательно предварительно узнать, о каком собственно кружке друзей и почитателей пишете Вы.

К сожалению, я не мог бы приняться за дело так скоро, как мне хотелось бы, так как на днях уезжаю в заграничную командировку[3] и вернусь лишь во второй половине сентября.

Примите уверение в совершенном почтении.

Киев, 3 июня 1893. А. Гиляров.

(До 20 июня Большая Жандармская,[4] № 76, или, вернее, в Университет.)

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 112. Л. 1.

[1] Имеется в виду задуманный князем Шаховским сборник «Памяти Н. П. Гилярова-Платонова». См. коммент. 72 на с. 558—559.

[2] Доход от продажи сборника, за покрытием расходов на издание, должен был пойти на сооружение памятника на могиле Гилярова и на помощь его вдове.

[3] А. Н. Гиляров начиная с 1891 г. преподавал философию и психологию в Киевском университете и на Высших женских курсах, был профессором Коммерческого института.

[4] С 1937 г. это улица Саксаганского — она была переименована в честь корифея украинского бытового театра, актера, режиссера и драматурга Панаса (Афанасия) Карповича Саксаганского (наст. фам. Тобилевич; 1859—1940). Интересно, что название «Большая Жандармская» было упразднено еще в 1881 г. и в рассматриваемый период (1888—1919) улица именовалась Мариинско-Благовещенской, но А. Н. Гиляров употребляет старое название.

2
А. Н. ГИЛЯРОВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Киев, середина сентября 1893 г.

Многоуважаемый
Николай Владимирович.

Извините, что так долго не отвечал Вам. Я уехал за границу раньше, чем предполагал, и Ваше письмо получил лишь по приезде. Одновременно я прочел в газетах, что Вы собираете сведения для биографии.[1] Я было думал ехать в Москву, чтобы переговорить с Вами лично, но от этого намерения должен отказаться и потому вынужден, к сожалению, объясниться письменно.

В прошлом письме я умолчал о причине, по которой не могу принять участие в сборнике, если будет оглашена его цель. Причина эта в том, что похороны отца состоялись при условиях, о которых (как и о многом другом) говорить тяжело. Близкие к нему, но ему посторонние люди брали на погребение деньги с кого попало, разумеется, без моего ведома. Таким образом составился крупный долг Суворину, Филиппову, Победоносцеву, Плевако и, увы!, самый значительный Пастухову. Воспоминание об этих подачках для меня острый нож, но уплатить долга я не в состоянии. Я бы лично никогда их не принял (в особенности от Пастухова), хотя и не знаю, на что стал бы хоронить, так как получал тогда всего 1200 р<ублей> в год. Что́ было, то прошло; но повторять это прошлое в каком бы то ни было виде я решительно не в силах.

Мысль о памятнике меня давно тревожит. Но мои средства настолько ограничены, что их не хватает даже на содержание семьи. Мертвых поневоле приходится оставить, когда нужно думать о прокормлении живых.

До нынешней осени дела еще кое-как шли, так как существовали скудные средства, на которые могла перебиваться мать. Но теперь эти деньги истощились, и положение становится очень тяжелым. При матери живет мой брат,[2] горький пьяница и буян, страстно ею любимый, в разлуке с которым она жить не может. Он из нее вытягивает последнее, пропивая почти все, чем она распо-

лагает, и в случае отказа стреляет из револьвера и творит другие бесчинства, требующие вмешательства полиции. Что с ними делать, не знаю. Взять их к себе не могу, так как это значило бы не помочь им, а губить свою семью, содержать их на стороне за отсутствием средств тоже не в состоянии, но и так их оставить нельзя. Вот о чем мне приходится скорбеть гораздо больше, чем о памятнике.

Эта семейная неурядица — продолжение старинной драмы. Есть много и других темных сторон, о которых Вы не знаете. Я вынужден упомянуть о них, так как не могу не опасаться, как бы опубликование биографии не было преждевременным, как бы не пришлось потревожить того, чему бы лучше оставаться в забвении. Чтобы мои опасения не показались Вам голословными, прилагаю документ, относящийся к особе, еще здравствующей.[3] По доносу этой особы против отца было возбуждено уголовное преследование по делам Славянского комитета, длившееся целый год,[4] грозившее принять дурной оборот и прекращенное, во избежание крупного скандала, вмешательством генерал-губернаторской власти.[5] У этой особы отцовских писем должно быть больше, чем у кого бы то ни было, и остается под вопросом, желательно ли их оглашение, которое будет грозить при опубликовании сочувственной биографии. К прискорбию, прилагаемый документ — единственная рукопись, доставшаяся мне от отца. Разумеется, я ее никому не показывал, и если вручаю Вам, то потому, что знаю Ваше глубокое к нему расположение. Не могу не ценить этого расположения и, быть может, лучшая благодарность с моей стороны — полная откровенность с Вами. Эта откровенность вынуждает меня сознаться, что лица, связанные с ним семейными узами, никаких, кроме самых тяжелых, воспоминаний о нем не сохранили. Я поэтому ничем не могу Вам содействовать для восстановления истинного облика моего отца.

Мы когда-то были с Вами знакомы и даже (если помните) вместе занимались греческими апокрифами.[6] Душевно рад, что имею случай возобновить это знакомство и на память о себе посылаю Вам два свои последние труда.[7]

Ваш А. Гиляров.

Киев, Караваевская,[8] № 19.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 112. Л. 2—3 об. Князь Шаховской пометил на полях сначала карандашом: «Пол<учено> 17 сент<ября> 93», затем чернилами: «Отв<ечено> 18».

[1] Имеются в виду пересказы в газетах статьи князя Шаховского «Из приготовительных работ по биографии Гилярова-Платонова» (вых. дан. см. в коммент. 1 на с. 599).

[2] Николай Никитич Гиляров.

[3] Речь идет о духовном завещании, составленном Гиляровым 15 октября 1874 г. на случай своей смерти, которым он объявлял М. С. Сковронскую своей наследницей, а жену устранял (опубликовано нами: *Гиляров: ИМБР*. С. 407).

[4] Имеется в виду следственное дело о якобы имевшей место растрате Гиляровым сумм, пожертвованных на славян, начатое по доносу Сковронской. Оно длилось больше двух лет — с 4 декабря 1877 г. по 10 января 1880 г. См. об этом подробнее в главе 1.8.

[5] Речь идет о прекращении следственного дела по личному распоряжению князя В. А. Долгорукова.

[6] А. Н. Гиляров и князь Шаховской — ровесники (1856 года рождения) и одновременно обучались на историко-филологическом факультете Московского университета.

[7] *Гиляров А. Н.:* 1) Греческие софисты, их мировоззрение и деятельность в связи с общей политической и культурной историей Греции: Крит. исследование. М.: Унив. тип., 1891; 2) Платон как исторический свидетель: Опыт ист.-филос. критики. Киев: Типолит. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1891.

[8] Ныне (с 1926 г.) улица Льва Толстого.

3
КНЯЗЬ Н. В. ШАХОВСКОЙ — А. Н. ГИЛЯРОВУ
С.-Петербург, 18 сентября 1893 г.

Многоуважаемый
Алексей Никитич.

Вы меня очень порадовали Вашим письмом, из которого я увидал, что Вам не неприятно то, что собиранием материалов для жизнеописания Никиты Петровича занимаюсь я. — Мысль о сборнике пришлось кинуть, так как — словно приглашенные на евангельский пир[1] — все, обещавшие свое сотрудничество,[2] под разными предлогами уклонились от участия в деле. Докучать просьбами и понуждениями мне — лицу со многими из них мало знакомому — было не удобно, да и ни к чему бы не повело[a]. Между тем материал биографический стал накопляться, и прежде всего из большого запаса писем и бумаг Никиты Петровича, хранящихся у Анны Михайловны Гальперсон. Я лето употребил[b] на то, чтобы списывать данные этого запаса, и очень много успел списать. Затем решил[c] собрать всё, что можно добыть в настоящее время из переписки Н<икиты> П<етровича> и из арх<ивов>[d] тех ведомст<в>, где он проходил службу. Месяц[e], проведенн<ый> в Москве, по возвр<ащении> с дачи, тоже не прошел даром: я разыскал многих из старых товарищ<ей> и сослуживцев Н<икиты> П<етровича> и побыв<ал> у них лично[f], — выслушал и записал изуст<ные> их воспомин<ания>, спис<ался> с некот<орыми> из них (напр<имер>, Бессонов<ым>, Поспеловым,[3] Морокиным, Ив. Вас. Павловым, И. Ф. Романовым и др.) и[g] получил уже от кое-кого обещание доставить имеющийся материал. Мне обещано также сообщи<ть> пись<ма> Н<икиты> П<етровича> к И. С. Аксакову (из Имп<ераторской> Публ<ичной> Биб<лиотеки>),[4] к Ю. Ф. Самари<ну> (от Дм<ит-

[a] *Слова*: да и ни к чему бы не повело — *приписаны на полях карандашом.*

[b] *Это слово вписано над зачеркнутым*: провел.

[c] *Было*: Затем обратился.

[d] *Это слово вписано над строкой карандашом.*

[e] *Было*: Полтора месяца.

[f] *Слова*: у них лично — *вписаны над строкой карандашом.*

[g] *Далее зачеркнуто*: обещал.

рия> Фед<оровича>),[5] к Гр. Блудов<ой> (от Шевича),[6] к Еп. Вениамину (от докт<ора> Лепешинского).[7] Разыскивал[a], т<ак> ск<азать>, наследник<ов> Желтух<ина>[8] и Ахматов<а>,[9] чтоб у них[b] сих покойн<ых> дознать о судьбе писем Н<икиты> П<етровича> — В Академ<ии> для меня ищут пись<ма> Н<икиты> П<етровича> к Горскому,[10] Кудрявцеву,[11] Голубинскому, Амфит<еатрову>,[12] Смирнову[13] — и поручено — из арх<ива> Ак<адемии>[c] извлечь все докум<енты>, касающ<иеся> прохожд<ения> учения и препод<авания> Н<икиты> П<етровича>, и снять с них[d] копии. — Мною собраны все отзыв<ы> Мит<рополита> Фил<арета> о Н<иките> П<етрович>е[e].[14] Не говорю о нашед<шихся> нескольк<их> стах писем изве<стных> лиц, ему сочине<нных> (в их число входят пись<ма> Ю. Ф. Сам<арина>,[15] И. С. Ак<сакова>,[16] К. П. Поб<едоносцева>,[17] Гр. Блуд<овой>,[18] Фил<иппова>,[19] Митр<ополита> Мих<аила>,[20] Желтух<ина>,[21] Кудр<явцева>,[22] Голуб<инского>,[23] Горск<ого>,[24] Еп<ископа> Вен<иамина>,[25] Еп<ископа> Иоан<на> Сок<олова>,[26] Погод<ина>,[27] Юрьин<а>,[28] Серг<иевского>,[29] Лавр<ова>,[30] Ахм<атова>[31] и пр.). — Мною уже прочтено цензурное дело об изд<ании> «С<овременных> Из<вестий>» и с нов<ого>[f] дня приступаю к извле<чению> из[g] цензурн<ого> Архива данных о служб<е> сам<ого> Н<икиты> П<етровича> цензор<ом>[h]. — От Мин<истерства> Н<ародного> Пр<освещения> мне разреш<ено> произв<ести> изыск<ания> в Центр<альном> Ар<хиве> Мин<истерства> — о той же эпохе и команд<ировке> Н<икиты> П<етровича> за границу для изуч<ения> положит<ельной> роли евр<ейских> школ.[32] Над<еюсь>, что все данн<ые> Цензу<рного> Вед<омст>ва о Н<иките> П<етровиче> мне обяз<ательно> выд<адут>. — Почти все, что было напечат<ано> Н<икитой> П<етровичем>, его «С<овременными> Из<вестиями>», мною собрано.[i]

Ужели остановиться, когда уже столь много сделано? * Как кажется, что следует воспользоваться тем, что еще остается небольшое число[j] стар<ших> то-

---

[a] *Далее зачеркнуто*: следов.

[b] *Это слово вписано над зачеркнутым*: родств<енников>.

[c] *Далее зачеркнуто*: извлечь снять ко<пии>.

[d] *Слова*: с них — *вписаны над строкой.*

[e] *Это предложение вписано карандашом на полях письма.*

[f] *Слова*: с нов<ого> — *вписаны над зачеркнутыми*: с завтр<ашнего>.

[g] *Слова*: извле<чению> из — *вписаны над зачеркнутыми*: ознакомле<нию> с.

[h] *Далее зачеркнуто*: и записок, им в разное вр<емя> подан<ных> начальст<ву>.

[i] *Далее зачеркнуто*: Надо иметь мою подвиж<ность>.

* Кто же потом будет все это собирать? Моя служба в Ми<нистерстве> Вн<утренних> Д<ел> и знаком<ство> со многи<ми> в эт<ом> ведом<стве>, как личн<ое> знак<омство> с Делянов<ым>, — дают мне [возмож<ность>] доступ в Архив<ы>, куда не всякого пустят. Как же этот шанс упускать. — Услов<ия> служб<ы> дозволяют мне воспользов<аться>, м<ожет> б<ыть>, не скоро еще нов<ым> больш<им> отпуск<ом>. <*Примеч. князя Н. В. Шаховского на полях карандашом.*>

[j] *Далее зачеркнуто*: живых свидет<елей> деят<ельности> покойного.

в<арищей> Н<икиты> П<етровича>, и извлечь из них что можно. Этот источник с каж<дым> днем иссякает. Можно не всем материалом воспользов<аться> ныне, но собрать надо теперь же все, что только удается. Прислан<ный> Вами документ для меня не новость. Я имею в руках самое духов<ное> завещ<ание> с подписью свиде<телей>, и в том числе Ф. Плевако; а после зачеркнут<ое>. Не думаю, чтобы известная особа[33] что-либо предприняла, ибо сохранились ее письма и исповедь, рисующие ее с неприглядной стороны. Биограф до извест<ной> степени тот же духовник. Перед ним должна раскрывать<ся> душа[a] изучаемого им лица; от его такта и добросовестн<ости> зависит, что из известного ему признать сказанн<ым> «на духу»[34] и что подлежащим оглашению.[b] Материа<ла> такая масса, что собирать его и в нем разбираться потребует более году времени. Надо все еще прочесть и привести в систему писан<ное> Н<икитой> П<етровичем> в «Сов<ременных> Изв<естиях>», *кот<орого> 40 томов*. А[c] пускаться в составление подробной биографии[d] сле<дует> не ранее, как ознакомившись со всем материалом и поставив в нем все на свое место. От времени до времени можно обнародовать лишь некотор<ые> стор<оны> деят<ельности> Н<икиты> П<етрови>ча, вполне закончен<ные>: так, мне хочется[e] написать статью на тему: Н<икита> П<етрович> инициатор цер<ковно>-приходской школы.[35] Даже по этому вопросу много собранного: имеется стат<ья> Н<икиты> П<етрови>ча, извест<ная> Прав<ительству>, вызов ст<атьи> в Петер<бург>, заступ<ление> за него Филарета, пров<едение> мыс<ли> на практ<ике> — откр<ытие> в Пятн<ицком> прих<оде> Ц<ерковной> шк<олы>, посещ<ение> шк<олы> Государ<ыней>, письма от Блуд<овой> и Батюшко<ва>[36] и самого Н<икиты> П<етрови>ча.

Посылаю Вам две мои брош<юры> о Н<иките> П<етрович>е.[37] Они — сброшюр<ованная> статья в «Рев<ельских> Изв<естиях>», заказан<ная> мне их издателе<м>[38] и писанн<ая> боль<ше> для газ<еты> на основ<е> имев<шихся> у меня мат<ериалов>, но толь<ко> <ради> печати мои<х> и пис<ем> Н<икиты> П<етровича> ко мне. Конечно, эти опыты неудовлетворит<ельны> и содерж<ат> <в> себе многие неточности; но составл<ение> их пород<ило> во[f] мне желание заняться собир<анием> мат<ериалов> для[g] биогр<афии> Н<икиты> П<етрови>ча, и мне казалось, мое искренн<ее> располож<ение> к нему дает мне право много понять и объяснить.

---

[a] *Далее зачеркнуто*: иссл<едуемого>.

[b] *Далее зачеркнуто*: Я, конечно, не знаю, как добываем<ый> матер<иал> будет слагаться в пове<сть> о жизни, но наперед могу сказать, что не всяк<ая> интим<ная> сторо<на> жизни мож<ет> и долж<на> быть выст<авлена> на улицу.

[c] *Далее зачеркнуто*: начать пис<ать>.

[d] *Далее зачеркнуто*: можно то<лько>.

[e] *Далее зачеркнуто*: сказать.

[f] *Слова*: пород<ило> во — *вписано над зачеркнутым*: дало.

[g] *Далее зачеркнуто*: ж<изни>.

Печатается впервые по черновому автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 71. Л. 3—6 об. Дата установлена по пометке на письме от А. Н. Гилярова от середины сентября.

[1] Отсылка к евангельской притче на званных на пир (Мф 22: 2—14).

[2] Подразумеваются Д. Ф. Самарин, А. С. Суворин, К. Т. Солдатенков и И. Д. Сытин.

[3] О протоиерее И. Г. Поспелове см. коммент. 175 на с. 566.

[4] Всего 16 писем к И. С. Аксакову за 1860—1884 гг. (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 359—361).

[5] Всего 7 писем к Ю. Ф. Самарину за 1860—1868 гг. (Там же. Ед. хр. 474—475); см. также 4 письма князю Шаховскому от Д. Ф. Самарина за 1900 г. и б. д. (Там же. Ед. хр. 160).

[6] Всего 59 писем к графине А. Д. Блудовой за 1860—1887 гг. (Там же. Ед. хр. 376—384; Ф. 78. Ед. хр. 26). Иван Егорович Шевич (1838—1912) — сенатор (с 1885 г.), племянник графини Блудовой.

[7] Всего 6 писем к епископу Вениамину (Карелину) за 1860—1869 гг. (Там же. Ф. 847. Ед. хр. 388—389). О его зяте С. П. Лепешинском см. коммент. 207 на с. 570.

[8] Всего 2 письма к А. Д. Желтухину с копиями от конца 1850-х гг. (Там же. Ф. 847. Ед. хр. 412, 414).

[9] Всего 9 писем к А. П. Ахматову за 1861—1865 гг. (Там же. Ед. хр. 367—368, 414).

[10] Всего 12 писем к А. В. Горскому за 1855—1862 гг. (Там же. Ед. хр. 403—405).

[11] Одно письмо к В. Д. Кудрявцеву-Платонову от 18 мая 1857 г. (Там же. Ед. хр. 430).

[12] Письма Гилярова к профессорам Московской духовной академии протоиерею Ф. А. Голубинскому и Е. В. Амфитеатрову нам неизвестны.

[13] Одно письмо 1860-х гг. к протоиерею С. К. Смирнову, касающееся финансовой стороны издания Творений Св. Отцов (Там же. Ед. хр. 481).

[14] См также две записки митрополита Филарета (Дроздова) к Гилярову 1860 и 1863 гг. (Там же. Ед. хр. 712).

[15] Всего 8 писем Ю. Ф. Самарина к Гилярову 1861, 1862 гг. и недатированные (Там же. Ед. хр. 686).

[16] Всего 28 писем И. С. Аксакова к Гилярову за 1862—1885 гг. (Там же. Ед. хр. 577—581) и два ответных (Там же. Ф. 14. Ед. хр. 654).

[17] Всего 54 письма К. П. Победоносцева к Гилярову за 1867—1887 гг. (Там же. Ф. 847. Ед. хр. 675—680). Опубликованы нами: *Разумевающие верою*.

[18] Всего 35 писем графини А. Д. Блудовой к Гилярову за 1855—1887 гг. (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 592—596).

[19] Всего 9 писем Т. И. Филиппова к Гилярову с копиями за 1872—1887 гг. (Там же. Ед. хр. 713—714). Опубликованы нами: *Переписка с Филипповым*.

[20] Два письма митрополита Сербского Михаила (Йовановича) к Гилярову от 15 ноября 1878 г. и 12 марта 1879 г. (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 659).

[21] Всего 26 писем А. Д. Желтухина к Гилярову за 1859—1863 гг. (Там же. Ед. хр. 631—634).

[22] Два письма В. Д. Кудрявцева-Платонова к Гилярову за 1857 и 1860 гг. (Там же. Ед. хр. 645).

[23] 4 письма Е. Е. Голубинского к Гилярову за 1858—1864 гг. (Там же. Ед. хр. 620). Евгений Евсигнеевич Голубинский (1834—1912) — историк Русской церкви и церковной архитектуры.

[24] Два письма протоиерея А. В. Горского к Гилярову за 1856 и 1857 гг. (Там же. Ед. хр. 621).

[25] Всего 26 писем епископа Вениамина (Карелина) к Гилярову за 1859—1872 гг. (Там же. Ед. хр. 599—603).

[26] Одно письмо епископа Иоанна (Соколова) к Гилярову от 19 марта 1859 г. (Там же. Ед. хр. 638).

[27] Всего 21 письмо М. П. Погодина к Гилярову за 1872, 1873 гг. и недатированные (Там же. Ед. хр. 681—682).

[28] 5 писем С. А. Юрьева к Гилярову за 1871—1887 гг. (Там же. Ед. хр. 723—724).

[29] Всего 28 писем Н. А. Сергиевского к Гилярову за 1862—1866 гг. (Там же. Ед. хр. 688—691). Николай Александрович Сергиевский (1833—1900) — тайный советник; чиновник особых поручений при обер-прокуроре Св. Синода; затем — директор Канцелярии обер-прокурора (1866—1869), попечитель Виленского учебного округа (с 1869 г.); двоюродный внук святителя Филарета (Дроздова).

[30] Всего 16 писем В. А. Лаврова к Гилярову за 1863—1867 гг. (Там же. Ед. хр. 647—649).

[31] 7 писем А. П. Ахматова к Гилярову за 1863—1865 гг. и недатированные (Там же. Ед. хр. 584).

[32] См. об этой командировке Гилярова в главе 2.3.

[33] Подразумевается М. С. Сковронская.

[34] Сказанное священнику «на духу» (во время исповеди) остается тайной.

[35] См.: *Шаховской Н., кн.* Н. П. Гиляров-Платонов как инициатор церковно-приходской школы // *РО*. 1896. Т. 37, февр. С. 572—589.

[36] Сохранились черновики трех писем Гилярова к П. Н. Батюшкову (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 372), в том числе одно 1862 г. (л. 1—3) по поводу представления ко кресту купца Б. В. Глинского, пожертвовавшего деньги на церковноприходскую школу.

[37] *Шаховской Н. В., кн.* Никита Петрович Гиляров-Платонов: Крат. публицист. очерк. Ревель: Тип. «Ревельских Известий», 1893. 84 с. (Отт. из газ. «Ревельские Известия». 1893. № 58—66, 69, 74—76). См. также: *Шаховской Н. В., кн.* Никита Петрович Гиляров-Платонов о прибалтийском вопросе: («Соврем<енные> Изв<естия>» 1885—1887 гг.). Ревель: Тип. «Ревельских Известий», 1893. 18 с. (Отт. из газ. «Ревельские Известия». 1893. № 84, 85).

[38] Издателем «Ревельских Известий», основанных в 1893 г. по инициативе князя С. В. Шаховского, была журналистка Варвара Помпеевна Янчевецкая (ур. Магеровская; 1851—1833), мать исторического романиста Василия Яна.

4
А. Н. ГИЛЯРОВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Киев, 29 сентября 1893 г.

Многоуважаемый
Николай Владимирович.

Не могу не считать себя счастливым, что составить биографию взяли на себя именно Вы. Помимо всего другого, чем Вы обладаете от природы и по общественному положению, на Вашей стороне то преимущество, что Вы знали отца вне отношений повседневной жизни. Это преимущество я сознаю особенно резко, как скоро сравню Вас с собою. На меня (как на сказочного Протея) прошлое налепило столько грязи и тины, что я при всем желании не в силах вынырнуть из омута своих воспоминаний и потому вижу смутно, словно сквозь болотную

воду, то, что Вам представляется светлым и прекрасным. И я не могу смотреть иначе, как не могу переменить своих близоруких глаз на дальнозоркие.

Разумеется, мои взгляды не должны, да и не могут стеснять <*так!*> Вас ни в чем. Насколько я Вас понимаю, Вы хотите воздвигнуть отцу памятник, которым личное будет представлено, лишь поскольку оно имеет общественное значение. Перед таким памятником будет бессильна мелкая личная злоба. Тем не менее я остаюсь при своем убеждении, что месть со стороны известной особы[1] возможна. Эта особа настолько зла, что не постеснится клеветать на себя, лишь бы представить в ненавистном свете других.

Благодарю Вас не за одно только горячее желание выдвинуть в памяти о моем отце то светлое, что́ несправедливо было оставлено без должного внимания, но и за доказательство одушевляющей Вас бескорыстной любви, вообще столь редкой. Печалит меня лишь то, что в силу психологической необходимости Вы должны питать некоторое недоброжелательство ко мне, так как не можете не считать меня черствым и бессердечным. Быть может, такое мнение обо мне было бы не совсем правильным. Но я привык мириться с ложным на себя взглядом, хорошо зная, что в жизни вообще больше неправды, чем правды. И биография, которую Вы напишете, будет неполной правдой и потому неправдой. Вы отлично сравнили биографа с духовником, от которого зависит умолчать, что́ следует, и Вы, конечно, согласитесь со мной, что истинная личность познается именно из того, что́ говорится на духу, а не из внешней действительности. Часто прекрасные, по-видимому, поступки коренятся в ненавистных мотивах; порою язык невольно обманывает, принимая за осуществленное лишь намеченное и возможное; и нередко даже опытный сердцеведец не в силах решить, не идут ли дружелюбные речи из корыстного источника, и слезы горячего сочувствия не суть ли переряженные себялюбивые слезы.

Личность моего отца в высшей степени сложная. Ее нельзя оценить пошлым «хороший» или «дурной», бессильным, пожалуй, окажется и расчленяющий анализ психолога, и лишь умудренное жизнью вдумчивое око художника способно ее воссоздать в ряде цельных образов.

В свое оправдание могу сказать, что не оскудение сердца заставляет меня называть всё собственным именем, без прикрас и умолчаний, но отвращение от лжи, которой я так много видел, от которой бежал и не мог убежать. Пусть я кажусь достойным осуждения: моя совесть покойна. Я знаю, что жить, обманывая себя и других, легче, чем разоблачая наготу и свою, и других; но я не могу быть иным и потому живу среди людей, как в пустыне.

Благодарю Вас за брошюры. Прочел их с большим удовольствием и интересом. Как было бы желательно, чтобы Вам удалось побольше опубликовать писем, подобных тем, которые помещены в брошюрах.

Жена[2] Вас отлично помнит, благодарит за память и просит Вам кланяться.

Ваш А. Гиляров.

29 сент<ября> 1893.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 112. Л. 4—5 об.

[1] Подразумевается М. С. Сковронская.
[2] В. Г. Гилярова (ур. Кишкина). См. коммент. 102 на с. 561.

5
КНЯЗЬ Н. В. ШАХОВСКОЙ — А. Н. ГИЛЯРОВУ
С.-Петербург, 8 октября 1893 г.

Петербург, 8 окт<ября> 93 г.

Только вчера приехал, многоуважаемый Алексей Никитич, в Петербург и нашел уже письмо Ваше от 29 сентября. За приветливость Вашу сердечно Вас благодарю и прошу Вас не выводить не признаваемой мною «психической необходимости» питать к Вам какую-либо «недоброжелательность» или «считать Вас черствым и бессердечным». Я на это не имею прежде всего никакого права, а затем ничего подобного в своих чувствах к Вам не нахожу. Напротив, мои личные воспоминания о кратковременном с Вами знакомстве самые приятные, я всегда сознавал превосходство Ваших дарований и Вашей любознательности, а теперь Вашей эрудиции и[a] ясности научного изложения. Не будем затемнять взаимных отношений неосновательными предположениями и отнесемся доверчиво друг к другу. В знак доверия сообщу Вам, что я слышал голоса, отсоветовавшие мне писать Вам, уверявшие, что или Вы оставите мое письмо без ответа, или ответите мне неприятность. Однако ничего подобного не произошло и Вы даже меня конфузите чрезмерною надеждою,[b] возлагаемою Вами на мой будущий труд, к которому я приступаю с великим страхом и сомнением в своих силах и одушевляемый только воспоминанием об истинном расположен<ии> ко мне отца Вашего и моем всегдашнем к нему глубоком чувстве любви. Не могу согласиться и с Вами, что «истинная личность познается из того, что говорится на духу». Грех, сказанный на духу, всегда ли указывает на греховную наклонность? Ужели паденьями познается истинная личность? Она, как мне кажется, познается из того, как человек к этим паденьям относится, раскаивается ли он в них и страдает, или считает их неотделимыми явленьями, предносится ли человеку идеал или же он отдает себя только игре страстей и личных интересов. — Мне кажется, что Никита Петрович при сильной воле был, что называется, бесхарактерным человеком[c]. — Ни домашняя, ни семинарская или академическая школа развитию характера не помогла, даже затормозила. В этом, как мне кажется,

[a] *Далее зачеркнуто*: превосходной.
[b] *Далее зачеркнуто*: которую.
[c] *Слова*: Никита Петрович при сильной воле был, что называется бесхарактерным человеком — *вписаны над зачеркнутыми*: у Никиты Петровича была сильно развитая воля и полное отсутствие характера, которому домашнее, семинарское и академич<еское> воспитание не дало развиться.

кроется разгадка многих неудач его жизни. * Ну да об этом нельзя и толковать в письме. Как бы мне хотелось с Вами лично повидаться и о многом поговорить, и прежде всего об издании *всех* сочинений Вашего отца. Мне кажется, что я мог бы найти средства для того. Но как издать? Почти все писанное им до «Сов<ременных> Изв<естий>» мною собрано. Из этого выйдет большой том или же два. Главный труд — это издание передовых статей и вообще, все им писанное в «Сов<ременных> Изв<естиях>». У Гальперсон имеется почти полный экземпляр «Сов<ременных> Изв<естий>». — Издавать надо так, как предполагал Н<икита> П<етрович>, т. е. по вопросам, а не хронологически. Самые вопросы он предлагал представить в порядке от общего к частному: сперва начала, а потом их приложен<ие> к отд<ельным> фактам. Вот тут без Вашего содействия трудно обойтись. — Между тем время дорого и лицо, мне обещавшее помочь, может или умереть,[1] или отдумать, и предприятие надолго остановится. Как Вы мне посоветуете поступить? Мне никогда не приходилось ничего издавать и как<-то> дейст<вовать> в этом деле. — Хочется одновременно и не упустить материалов, кот<орые> тоже могут ускользнуть, при перемене службы и переездах лиц, кот<орые> мне содействуют, — и дело издания хочет<ся> поскорей подвинуть. — Не прицепятся ли кредиторы?[a]

Относительно беспокоящ<ей> Вас и меня особы[2] сообщу Вам следующее. После получения Вашего предыдущего письма я разыскал через адресный стол ее адрес и написал ей письмо, в котором просил сообщить мне тот матерьял, котор<ый> мог сохраниться у нее за[b] время участия ее в «Сов<ременных> Изв<естиях>». На это я получил дословно следующий ответ:

«В феврале текущего года исполнилось 25 лет моего служения в журналистике и я по этому случаю написала воспоминания о тех изданиях, в которых я работала.[3] “Совр<еменным> Известиям”, и следовательно, и их редактору-издателю, отведено большое место в этих воспоминаниях. Они будут печататься в наступающем октябре или даже в конце сентября. Из них Вы можете заимствовать многое для своего биографического сборника. Конечно, в моих “воспоминаниях” есть большие пробелы, но в настоящее время я пишу большую повесть и не имею времени писать что-либо другое. Если Вы не очень спешите, то сообщите мне свой петербургский адрес и я могу посылать Вам всплывающие иногда воспоминания, а также разъяснять встречающиеся Вам недоразумения или неточности».[4]

Это[c] покровительственным тоном написанное письмо меня сперва встревожило при мысли о том, что может она навспомнить про Н<икиту> П<етрови-

---

* Он со многими враждебными ему стихиями или явлениями не боролся, а уходил от них, прятался, или просто не замечал их развития в себе и около себя, всегда поглощаемый глубоким внутр<енним> своим содержанием, накопленным богатством идей. <*Примеч. князя Н. В. Шаховского.*>

[a] *Это предложение приписано зеленым карандашом.*

[b] *Далее зачеркнуто*: 10-лет<ний> период. *Позднее зеленым карандашом сверху над зачеркнутым*: период — *снова написано*: пер<иод>.

[c] *Далее зачеркнуто*: несколько.

ча>. Я решил принять некоторые предварительн<ые> меры. Прежде всего с разре<шения> прокурора Суд<ебной> Палаты познакомился подробно с делом, возникшим по доносу С<ковронск>ой, и переписал все ее мерзкие наветы числом 10, — затем я отправился в цензуру и там объяснил, что за женщина сия особа, и добился следующего: всякое лит<ературное> предприятие, которое вздумала бы она затевать или во главе котор<ого> хотела бы встать, — не будет разрешено; на ее воспоминания будет обращено самое строгое внимание и цензуровать будет мой приятель, получивший от меня соответствующие инструкции. Если же она захотела бы издать воспоминан<ия> отдель<ной> книгой с предварит<ельной> цензурой, то мне обещано присылать на мою цензуру. Надеюсь, Вы одобрите предпринятые меры. На бешеную собаку надевают намордник.

Печатается впервые по черновому автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 71. Л. 1—2 об.

[1] Вероятно, речь идет о 75-летнем издателе К. Т. Содатёнкове.

[2] Подразумевается М. С. Сковронская.

[3] Речь идет об очерке М. С. Сковронской «За четверть века». Вых. дан. см. в коммент. 66 на с. 558.

[4] Письмо не датировано и подписано фамилией второго мужа: «Марья Богуславская». Обращение довольно фамильярное: «Князь Николай Владимирович!» Автограф: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 101. Л. 1; опубликован выше: Наст. изд. С. 746.

6
А. Н. ГИЛЯРОВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Киев, 18 октября 1893 г.

Многоуважаемый
Николай Владимирович.

Буду рад споспешествовать Вам, чем могу. Уверен, что Вы справитесь со всеми затруднениями не хуже меня, но, быть может, в некоторых случаях не был бы бесполезен и я.

Лица, говорившие Вам о моей нелюбезности, судят по моему отношению к ним. Связывать память отца с их именами мне не хотелось. Поэтому в разговорах с ними я был либо резок, либо угрюмо отмалчивался.

Не могу не подивиться Вашей энергии и находчивости в деле об известной Вам особе. По всему видно, что Вы человек, в составлении биографии моего отца совершенно незаменимый.

Ваши сведения о процессе, хотя и идут из официального источника, не совсем точны. На моих глазах отец ездил благодарить кн. Долгорукова за прекращение дела. Об его вмешательстве говорил сам отец. Прекращение по «недостатку улик» не более, как официальная формула. Говорю об этом потому, что вмешательство князя еще более разозлило С<ковронск>ую. Не будь этого вмешательства, она подняла бы другое дело — по поводу Самарского голода.[1] Об этом она заявила мне сама, когда я ездил к ней просить ее отказаться от доноса.

Разумеется, ее изветы свидетельствуют против нее, а не против отца. Но она смотрит на дело иначе. Ее «повесть», наверное, будет дополнением к «воспоминаниям». Одну повесть про отца она уже настрочила и напечатала, но я не помню где.[2] Теперь, когда отца уже нет в живых, она, быть может, обнажит всю свою душевную мерзость. В конце концов — пускай: кто будет читать ее словоизвержения? Лишь бы не публиковала отцовских писем.

Ваш А. Гиляров.

Жена Вам кланяется.
18 окт<ября> 1893.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 112. Л. 6—6 об.

[1] В связи с Самарским голодом, разразившимся осенью 1873 г., через редакцию «Современных Известий», как и ряда других изданий, люди жертвовали средства в помощь пострадавшим. См. публиковавшиеся в газете Гилярова списки под рубрикой «Пожертвования на голодающих самарцев»: *СИ*. 1873. 20 нояб. № 320; 26 нояб. № 326; 3 дек. № 333 (всюду с. 1). Видимо, и в этом случае не велось правильной отчетности, чем и собиралась воспользоваться М. С. Сковронская.

[2] Имеется в виду рассказ М. С. Сковронской «Страдания, мучения и гражданская смерть». См. о нем в коммент. 7 на с. 614.

7
Н. Н. ГИЛЯРОВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Москва, 14 ноября 1893 г.

Многоуважаемый и дорогой Николай Владимирович!

В письме к мамаше моей Вы спрашиваете ее: продолжаю ли я писать историю «С<овременных> И<звестий>»[1] или заленился?

Хотя я и продолжаю писать, но очень медленно и с затруднениями: приходится касаться живых лиц, из коих в большинстве кроме худого сказать нечего. Что же касается лени, то ее у меня нет, а есть *болезнь*, напр<имер>, со мной часто случается дурнота и дрожание — причина, почему я до сих пор нигде не служу. Я не зря лежал в 3 больницах.

Сейчас не знаю, у какого доктора попросить[a] свидетельство о *неспособности*.

Ф<едор> Александрович,[2] у которого сегодня была мамаша с письмом Вашим, сказал, что свидетельство это[b] надо добыть у врача никак не вольнопрактикующего, а служебного, напр<имер> *частного* (полицейского). К одному из последних, в нашем участке, решил отправиться завтра. Что-то будет? Что-то будет?

Когда мамаша подавала прошение о пенсии или вспомоществовании (800 р<ублей>) — был в нем упомянут я. Свидетельство же не было приложено. Но как бы то ни было, будем стараться сделать так, как Вы писали.

[a] *Это слово написано сверху над зачеркнутым*: взять.
[b] *Это слово вставлено над строкой*.

На днях мы переезжаем на другую квартиру, но еще не решили на какую, а потому, если будете писать мамаше, адресуйте пока[a] Федору Алекс<андровичу>, от которого и будем ждать передачи.

Желаю всего лучшего.
Уважающий Вас
Н. Гиляров.

Ноябр<я> 14. 93 г.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 113. Л. 1—2. На верхнем поле князь Шаховской пометил: «получ<ено> 16 н<оября>».

[1] Рукописи этих воспоминаний хранятся в ОР РНБ под названиями «Краткая история “Современных Известий”» (Ф. 847. Ед. хр. 357. Л. 1—6) и «Описание внешности, образа жизни, хозяйства и деятельности Никиты Петровича Гилярова-Платонова (на бумажной фабрике, в “Современных Известиях”, в период Сербско-турецкой войны» (Ф. 847. Ед. хр. 898. Л. 1—16). Опубликованы и откомментированы нами: 1) Н. П. Гиляров-Платонов и его газета: Из истории первой московской ежедневной газеты // Коломенский альманах: Лит. ежегодник. Коломна: Изд-во журн. «Москва», 2009. Вып. 13. С. 353—382, ил.; 2) Неизвестные воспоминания о Н. П. Гилярове-Платонове: <*Гиляров Н. Н.* Воспоминания об отце (1893)> // *Гиляров: ИМБР*. С. 486—519. Порядок следования фрагментов воспоминаний определен нами в ходе изучения текста воспоминаний, однако он неоднозначен — в силу того, что сочинение не было завершено и отделано.

[2] Назван Ф. А. Гиляров, двоюродный брат Н. Н. Гилярова.

8
А. А. ГИЛЯРОВ[1] — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Можайск, 12 января 1897 г.

12 января
1897 года.

Милостивый Государь
Князь Николай Владимирович.

С покойным дядею моим Никитою Петровичем Гиляровым-Платоновым я никогда не был в близких отношениях, так что, к сожалению, не могу сообщить Вам тех сведений, которые Вам нужны для приготовляемой Вами к печати биографии Никиты Петровича. Но покойный мой брат Федор Александрович Гиляров[2] стоял к нему очень близко, и бумаги Федора Александровича, которые находятся у Анны Ивановны,[3] могут дать Вам много материала для означенной биографии. Эти бумаги суть:

1) *Воспоминания* Федора Александровича, писанные им перед смертью;[4]

2) *Дневник* Федора Александровича, который он вел в юности, когда готовился к поступлению в университет;[5]

[a] *Далее зачеркнуто*: по адресу.

3) *Письма* Никиты Петровича;[6]

4) наконец, вообще *все* бумаги Федора Александровича, в которых *очень могут* случайным образом находиться также нужные Вам сведения.

Если у Вас найдется время и *хватит терпения прочесть* все упомянутые бумаги, то Вы извлечете оттуда, *я уверен*, много сведений, полезных для Вашей цели.

Прошу Вас принять уверение в моем глубоком к Вам уважении.

Ваш покорнейший слуга А. Гиляров.

Печатается по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 111. Л. 1. Впервые опубликовано нами: *Гиляров: ИМБР*. С. 211.

[1] Александр Александрович Гиляров — тутор (старший воспитатель) и преподаватель Катковского лицея; младший сын священника А. П. Гилярова, старшего брата Гилярова-Платонова.

[2] Ф. А. Гиляров скончался 4 августа 1895 г.

[3] Анна Ивановна Гилярова — вдова Ф. А. Гилярова.

[4] Опубликованы, вероятно, с подачи князя Шаховского: Воспоминания Ф. А. Гилярова // *РА*. 1904. Кн. I, вып. 1. С. 175—188, Вып. 2. С. 326—364; Вып. 3. С. 465—496; Вып. 4. С. 604—621; Кн. II, вып. 5. С. 60—134; Вып. 6. С. 238—299.

[5] Хранится: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 740. Частично опубликован нами (фрагменты, обработанные Ф. А. Гиляровым для печати): *Гиляров: ИМБР*. С. 199—225.

[6] В архиве князя Шаховского находятся 56 писем, записок и телеграмм Гилярова-Платонова к Ф. А. Гилярову за 1862—1883 гг. (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 398, 399).

9
А. Н. ГИЛЯРОВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Киев, 14 января 1897 г.

Многоуважаемый
Николай Владимирович.

Спешу ответить на Ваши вопросы следующее:

1) От всяких прав на имущество, оставшееся после отца, я формально отказался.

2) С Гальперсонами я никаких дел не имел и не имею. Но мне помнится, что вскоре после смерти отца в Киев приезжал Гальперсон и взял у меня (частным образом) письменное согласие на пользование какими-то бумагами — какими, я совершенно не помню. Кажется, дело шло об издании Политической Экономии и философских трудов,[1] но достоверно сказать не могу. Зато достоверно то, что, прося моего согласия, Гальперсон мне заявил, что со стороны матери и брата согласие уже последовало. Зная отношение матери к Гальперсон в то время — она, как Вам известно, просила графа И. Д. Делянова о разрешении чете Гальперсон продолжать издание «Совр<еменных> Изв<естий>», — я в таком согласии не сомневался, и мне оставалось присоединиться. Зачем нужно было г. Гальперсону мое согласие после моего формального отречения, я не интересовался.

В бытность мою в Петербурге я заходил к Вам, но не застал Вас. Я об этом искренно сожалею, так как другой случай видеться с Вами едва ли скоро представится. Тогда же я хотел вручить Вам свою брошюру,[2] которую позволяю себе послать Вам теперь.

Искренно уважающий Вас
А. Гиляров.

14 янв<аря> 1897.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 112. Л. 7—7 об.

[1] Речь шла, по-видимому, о готовившихся в то время А. М. Гальперсон к публикации трудах Гилярова «Основные начала экономии» и «Об онтологии Гегеля» (опубликованных, соответственно, в 1889 и 1891 гг.).

[2] Скорее всего, речь идет о книге: *Гиляров А. Н.* Старые поэты в новых русских переводах: Данте, Боккаччьо, Ариост, Сервантес, Байрон: Крит. очерк с точки зрения учения о поэзии как выражении вселенского Логоса. Киев: Тип. Имп. Ун-та св. Владимира В. И. Завадского, 1895. <2>, IV, 166 с.

10
Н. Н. ГИЛЯРОВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Москва, 23 января 1897 г.

Высокоуважаемый
Николай Владимирович!

Спешим Вас уведомить, что я и[a] мамаша в первый раз слышим фамилию какого-то Кролау.[1]

Что за история?!....

С глубоким почтением
готовый к услугам
Н. Гиляр<ов>.

23 янв<аря>.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 113. Л. 3.

[1] Речь идет о документе, подписанном обоими сыновьями Гилярова и его вдовой. См. его копию: Свидетельство о продаже права собственности на все литературные и научные труды Гилярова-Платонова, данное губернскому секретарю Александру Николаевичу Кроллау. 30 апреля 1888 г. (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 201. 1 л.). С. И. Гальперсон пояснял в письме к А. Н. Гилярову от 11 октября 1897 г., отвечая на его запрос: «Что касается вообще переуступки прав на владение бумагами Вашего отца, то позволю себе напомнить Вам, при каких обстоятельствах это совершилось: боясь, что Николай Никитич продаст или уничтожит их, Вера Алексеевна обратилась ко мне с просьбою продать их. Не имея возможности в то время их купить, я просил об этом своего знакомого Кроллау,

[a] *Было*: ни я, ни.

который и согласился заплатить деньги Вере Алексеевне и Николаю Никитичу за эти бумаги, с тем чтобы бумаги были взяты мною обратно с уплатою ему следуемой суммы или перепроданы мною другому лицу» (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 951. Л. 1).

11
А. Н. ГИЛЯРОВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Киев, 30 мая 1897 г.

Многоуважаемый
Николай Владимирович.

Не известен ли Вам адрес Гальперсонов, и если известен, не будете ли Вы так любезны сообщить мне его? На меня, как Вы увидите из прилагаемого письма, возводится весьма тяжкая и гнусная клевета. Выяснить, откуда идет этот подлый навет, могут только Гальперсоны, и мне поэтому необходимо с ними списаться.

Прилагаемый документ заставил меня вспомнить о факте большой важности, о котором раньше я совершенно позабыл. Когда в Киев приезжал по делу об отцовских бумагах Гальперсон, вопрос шел об обеспечении матери какой-то суммой за продажу права на оставшуюся после отца литературную собственность, чтó, кажется, и было оговорено в условии; мое же письменное согласие нужно было для покупателя лишь как свидетельство, что с моей стороны никаких препятствий к заключению сделки быть не может. К сожалению, я безусловно забыл, в какой форме была заключена сделка, и я был бы Вам весьма благодарен, если бы Вы мне сообщили те сведения, которые Вы по этому делу имеете.

Искренно Вас уважающий
А. Гиляров.

Мой летний адрес:
Боярка (Юго-Запад<ная> ж<елезная> д<орога>), дача Семена Духлея.
Боярка, 30 мая 1897.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 112. Л. 8—8 об.

12
А. Н. ГИЛЯРОВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Киев, 12 октября 1897 г.

Многоуважаемый
Николай Владимирович.

Посылаю Вам полученные от Гальперсона письмо и копию с акта. Радуюсь, что теперь, с переходом бумаг в собственность К. П. Победоносцева,[1] Вы не встретите никаких помех и неприятностей в Вашем труде. Отрадно мне и то, что всё, чтó я говорил Вам, оправдывается вполне и безусловно.

От души желаю Вам всего хорошего и, между прочим, успешной борьбы с московскими цензорами, которые, судя по газетам, сообщающим об их подвигах, — позор для нашего просвещения.

Ваш А. Гиляров.

Киев,
12 октября.[2]

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 112. Л. 9.

[1] С. И. Гальперсон сообщал А. Н. Гилярову в письме от 11 октября 1897 г.: «...для того, чтобы увековечить имя Никиты Петровича, поставить ему памятник на могиле и помочь в то же время и Вере Алексеевне, Анна Михайловна переуступила безвозмездно свои права, перешедшие к ней от Кроллау, К. П. Победоносцеву. Он с своей стороны обещал издать труды Никиты Петровича на свои средства, распространять их и на собранные деньги все устроить» (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 951. Л. 1 об.).

[2] На обороте последней страницы письма (л. 10 об.) черновой набросок стихотворения князя Шаховского: «Брось [свое] писать стихотворень[е]я / [Я прошу тебя, прошу:] Перестань грешить / Эти вирши, без сомненья, / Не любовь, а отвращенье / Могут возбуд<ить>»; далее написано: «Очень прекрасно / Хорошо / Ужасно слаб / 1897».

13
А. А. ГИЛЯРОВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Можайск Московской губернии, 11 июня 1899 г.

Многоуважаемый
Князь Николай Владимирович.

Вера Алексеевна Гилярова-Платонова просила меня обратиться к Вам. Она так слаба, что сама не может писать. Дело в том, что ее денежные дела настолько плохи, что она задолжала даже кухарке 100 р. и никак не может выбиться из этой тяжкой и унизительной зависимости от прислуги. Поэтому она всепокорнейше просит Вас, нельзя ли исходатайствовать в ее пользу часть тех денег, которые получатся от продажи сочинений Никиты Петровича.[1] В случае благоприятного исхода напишите, пожалуйста, письмо, но не к ней, а ко *мне*: А. А. Гилярову, Можайск, бывшая фабрика Пономарева (имение Мелких). К ней писать нельзя, потому что ее сын в настоящее время опять страдает грациозною «болезнью». В таком состоянии он перехватывает письма, рвет их, а если деньги увидит в руках матери, то вымогает их угрозами, прямо отнимает и т. д.

Искренно уважающий Вас и преданный Вам
А. Гиляров.

11 июня,
1899 г.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 111. Л. 2.

[1] Речь идет об издании: *Сб. соч.* Доходы от его продажи впоследствии регулярно отсылались В. А. Гиляровой-Платоновой.

XV. ПЕРЕПИСКА КНЯЗЯ Н. В. ШАХОВСКОГО С К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВЫМ (1893—1906)

1
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
С.-Петербург, 21 июня 1893 г.

Почтеннейший Кн. Николай Владимирович.

Благодарю за присланные брошюры.[1]

Я отыскал у себя несколько писем Гилярова и письмо Аксакова о Гилярове.[2] Не знал, где Вы — теперь вижу, что в Москве.[3] Если еще долго пробудете, я прислал бы Вам туда эти письма — в противном случае подожду Вашего возвращения.

К сожалению, не помню, куда девалось у меня огромное письмо Гилярова, где он описывал свою деятельность по Типографии.[4]

Душе<вно> пре<данный>
К. Победонос<цев>.

Пбург 21 июня 1893.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 147. Л. 1—1 об. Сверху карандашная помета князя Шаховского: «*получил 2 июля 1893 г.* / отв<етил> 3 июля».

[1] Имеются в виду работы: *Шаховской Н. В., кн.*: 1) Никита Петрович Гиляров-Платонов: Крат. публицист. очерк. Ревель, 1893. 84 с.; 2) Никита Петрович Гиляров-Платонов о Прибалтийском вопросе: («Соврем<енные> Изв<естия>» 1885—1887 гг.). Ревель, 1893. 18 с., предварительно по частям печатавшиеся в «Ревельских Известиях» (см. коммент. 12 на с. 738).

[2] Скорее всего, речь идет о письме И. Аксакова к Победоносцеву из Ялты от 15—18 марта 1885 г. (в архиве князя Шаховского находится машинописная копия части письма: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 581. Л. 2—3 об.), где, в частности, говорилось: «Посещал меня во время болезни Никита Гиляров и как-то один вечер прелестно излагал мне внутренний строй церковного богослужения, — целый курс, значение всех кондаков, тропарей, их внутреннюю необходимость, органическую связь. Удивительно даровитый человек! Заслушаешься. По его словам, это требовало бы целой кафедры. Тогда бы богослужение, теперь окристаллизовавшись, представляющее теперь б<ольшею> ч<астью> интерес архаический, получило бы живой и животворящий смысл. Этого человека следовало бы, прежде всего, высечь; потом освободить от долгов, вырвать из московской среды (он теперь, слава Богу, живет опять с женой), запретить ему газетную деятельность и пристегнуть к твоей канцелярии: пусть пишет курсы богословия и проч. и проч. Грех не воспользоваться его талантами, но сам он с собой не справится, если не взять его в руки» (Там же. Л. 3—3 об.).

[3] Очевидно, Победоносцев отвечает на посылку князя Шаховского с брошюрами, отправленную из Москвы.

[4] Имеется в виду письмо Гилярова к Победоносцеву от 8 ноября 1883 г. (опубл. нами: *Разумевающие верою*. С. 205—216).

2
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
С.-Петербург, начало июля 1893 г.

Сердечно благодарю Вас, почтеннейший Князь Николай Владимирович, за присланный оттиск статьи Вашей.[1] Я прочел ее с величайшим интересом — Вы знаете, как и мне дорога память покойного Никиты Петровича. По Вашему слову, от Вас слышанному, жду с нетерпением появления первого Тома Статей его. Здравствуйте.

Душою пред<анный>
К. Победоносцев.

Следовало бы перепеча<та>ть в «Русском Обозрении» письма его, помещенные Вами в «Ревельских Известиях»,[2] — кто их видит и читает? Оттиски, которые Вы прислали мне, у меня расхватали.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 156. Л. 2—2 об. Датируется по содержанию и связи с предыдущим и последующим письмами.

[1] Скорее всего, речь идет о статье: *Шаховской Н. В., кн.* Из приготовительных работ по биографии Гилярова (вых. дан. см. в коммент. 1 на с. 599). Племянник Гилярова-Платонова, Ф. А. Гиляров, перепечатав в своем журнале «Вестник Литературный, Политический, Научный и Художественный, с Афишами» (1893. 22 сент. № 2005. С. 1—2) эту статью, отмечал: «...доныне еще никто с такою чрезвычайною верностью понимания не оценивал покойного Н. П. Гилярова-Платонова, как удалось этому талантливому кн. Шаховскому» (Там же. С. 1).

[2] В брошюре: *Шаховской Н. В., кн.* Никита Петрович Гиляров-Платонов: Крат. публицист. очерк. Ревель, 1893 (см. коммент. 1 на с. 772) Шаховской напечатал бóльшую часть писем Гилярова, адресованных ему.

3
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Царское Село, 17 июля 1893 г.

Почтеннейший Кн. Николай Владимирович.

У меня нашлось в бумагах прилагаемое письмо Аксакова о Гилярове[1] и письмо о том же Манассеина, бывшего прокурором Моск<овской> Суд<ебной> палаты.[2] Посылаю Вам.

Трудно разыскать переписку Гилярова, о коей Вы упоминаете, но при случае справлюсь. Желтухина[3] я хорошо знал, но он давно уже умер, и где его вдова, и где его бумаги, не знаю. Тем менее знаю о Вениамине[4] и Иоанне.[5] О каком Сергиевском пишете, не знаю — Вы называете его В. А., но я знаю двух — и оба Николаи[6] — один известный Вил<енский> Попечитель и был знаком хорошо Гилярову. Спрошу у него.

Вы мне прислали брошюрку о Гилярове — оттиск из «Рев<ельского> Л<истка>».[7] Я послал ее Рачинскому.[8] Нет ли у Вас другого экз<емпляра>?

Поименованные у Вас статьи Гилярова из «Русской Беседы» — следовало бы собрать в одну книжку — полагаю, что она разошлась бы. — Его передовые статьи из «Совр<еменных> Изв<естий>» тоже следует издать, или хоть выборку из них.

Душев<но> пред<анный>
К. Победоносцев.

17 июля 1893. Цар<ское> Село.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 147. Л. 2—3. Сверху карандашная помета князя Шаховского: «получ<ил> 19 июля».

[1] Судя по контексту, имеется в виду письмо И. Аксакова 1877 г. к Победоносцеву по поводу следственного дела против Гилярова, инспирированного по доносу М. С. Сковронской (см. об этом: Наст. изд. С. 128). Это письмо нам неизвестно, в архиве князя Шаховского его нет.

[2] Имеется в виду письмо Н. А. Манасеина к Победоносцеву от 27 декабря 1877 г. (опубл. нами: *Гиляров: ИМБР*. С. 408—411). Николай Авксентьевич Манасеин (1835—1895) занимал пост прокурора Судебной палаты в Москве в 1870—1877 гг.; позднее, в 1877 г., при поддержке Победоносцева возглавил департамент Министерства юстиции, а в 1885 г. стал министром юстиции.

[3] Об А. Д. Желтухине см. коммент. 3 на с. 597.

[4] О епископе Вениамине (Карелине) см. коммент. 162 на с. 565.

[5] О епископе Иоанне (Соколове) см. коммент. 173 на с. 566.

[6] Имеются в виду полные тезки: протопресвитер Николай Александрович Сергиевский (1827—1892), духовный писатель, заслуженный профессор Московского университета, и Николай Александрович Сергиевский (см. коммент. 29 на с. 761), чиновник особых поручений при обер-прокуроре Св. Синода; затем — директор Канцелярии обер-прокурора (1866—1869), попечитель Виленского учебного округа (1869—1899).

[7] Подразумеваются «Ревельские Известия».

[8] Сергей Александрович Рачинский (1833—1902) — педагог, один из инициаторов церковноприходского образования, ботаник и математик; многолетний корреспондент Победоносцева.

4
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
С.-Петербург, 3 ноября 1893 г.

Княгиня Елизавета Дмитриевна[1] прислала мне эти документы и просит по прочтении переслать их Вам для доставления ей.

Пр<еосвященный> Амвросий[2] не имеет писем Гилярова.

К Сергиевскому писал, но не имею ответа.

Здравствуйте.

К. Победонос<цев>.

3 нояб<ря> 1893.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 147. Л. 4. Сверху карандашная помета князя Шаховского: «получ<ил> 3 ноябр<я> 93».

[1] Княгиня Елизавета Дмитриевна Шаховская (ур. графиня Милютина; 1844—1939) — жена князя С. В. Шаховского (1852—1894), благотворительница; невестка князя Н. В. Шаховского.

[2] Протоиерей (с 1864 г.) Алексей Иосифович Ключарев (в монашестве, с 1877 г., Амвросий; 1820—1901) — епископ Можайский (в 1878 г.), Дмитровский (с 1878 г.), Харьковский и Ахтырский (с 1882 г.; архиепископ с 1886 г.); проповедник, миссионер, издатель. Князь Шаховской надеялся, что у него могли быть письма Гилярова, поскольку они (наряду с Победоносцевым и протоиереем С. И. Зерновым) составляли Московский комитет по вспоможению беднейшим ученикам духовного звания, основанный великой княгиней Еленой Павловной в сентябре 1865 г. Вся эта фраза подчеркнута князем Шаховским, слово «Гилярова» — дважды.

5
КНЯЗЬ Н. В. ШАХОВСКОЙ — К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ
С.-Петербург, середина декабря 1893 г.

Глубокоуважаемый
Константин Петрович.

Уезжая сегодня на некоторое время в Москву, позволяю себе еще раз просить Вас не оставить без Вашей поддержки поданной мною в прошлую пятницу 10 декабря, по поручению Веры Алексеевны Гиляровой-Платоновой, прошения на Высочайшее имя. Рихтер,[1] по болезни, не мог лично меня принять и предложил мне дождаться его выздоровления для личных объяснений; но я не счел себя вправе тянуть это дело и представил прошение барону Будбергу,[2 a] который находил весьма важным для успеха прошения (о назначении пожизненной пенсии)[b]

Печатается впервые по черновому автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 78. Л. 12—12 об. Датировано по указанию, что 10 декабря пришлось на пятницу (это было в 1893 и 1899 гг.), и упоминанию хлопот по назначению пенсии В. А. Гиляровой-Платоновой.

[1] Генерал от инфантерии Оттон Борисович Рихтер (1830—1908) с июня 1884 г. по март 1895 г. возглавлял Канцелярию прошений, на Высочайшее имя приносимых при Императорской Главной квартире.

[2] Инженер барон Александр Андреевич фон Будберг (1865—1914) — в 1893—1895 гг. начальник Канцелярии прошений, на Высочайшее имя принимаемых.

---

[a] *Далее зачеркнуто*: которого особенно заботило, имеется ли кто-либо из влиятельных лиц для того, что<бы>.

[b] *На этом текст обрывается.*

6
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
С.-Петербург, 5 января 1894 г.

Почтеннейший Князь
Николай Владимирович.

Посылаю Вам несколько писем Гилярова, доставленные мне Н. А. Сергиевским.

К. Победоносцев.

5 янв<аря> 1894. Пб.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 147. Л. 5. Сверху карандашная помета князя Шаховского: «пол<учил> 6 ян<варя> Мо<сква>».

7
КНЯЗЬ Н. В. ШАХОВСКОЙ — К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ
Москва, 17 декабря 1896 г.

Москва, Спиридоновка, свой дом.

17 дек<абря> 1896 г.

Глубокоуважаемый
Константин Петрович.

Несколько лет тому назад Вы передали Е. В. Барсову[1] письма Н. П. Гилярова-Платонова к Вам. Барсов отдал эти письма бывшей сотруднице «Современных Известий» г-же Гальперсон, владеющей некоторыми письмами и документами, принадлежавшими Никите Петровичу. От нее я получил копии со всей Вашей переписки с Гиляровым, равно и с некоторых других бумаг, имеющих значение для биографии Гилярова.

Теперь, переселившись из Москвы в Петербург, г-жа Гальперсон извещает меня, что она собирается сама распорядиться письмами и рукописями Гилярова, у нее хранящимися. Извещаю Вас об этом на тот конец, чтобы Вы имели время воспрепятствовать, буде пожелаете, могущему последовать обнародованию Вашей переписки с Гиляровым, бóльшая часть коей, на мой взгляд, вряд ли в настоящее время подлежала бы оглашению.

Письма Никиты Петровича к Вам составляют Вашу собственность, которой никто, без Вашего согласия, не вправе распоряжаться. Мне Вы предоставили это право, но, ввиду приведенного выше заявления г-жи Гальперсон и того обстоятельства, что подлинники хранятся у нее, я опасаюсь, как бы она не вообразила, что она имеет право распорядиться перепиской.

Сообщаю Вам адрес Гальперсон (Анна Михайловна — СПб., Вас<ильевский> Остр<ов>, 2-я линия, д. № 3, кв. № 10) — на тот случай, если бы Вы пожелали истребовать от нее к себе Вашу переписку с Гиляровым, которой во всяком случае не место оставаться в таких руках.

Князя А. А. Ширинского-Шихматова,[2] собирающегося на днях в Петербург, я просил передать Вам лично некоторые подробности, касающиеся настоящего дела, которыми я не решаюсь утруждать Вашего внимания в письме.

С глубоким почтением искренно Вам преданный

Кн. Н. Шаховской.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 75. Л. 1—2 об.

[1] Елпидифор Васильевич Барсов (см. о нем коммент. 187 на с. 567) — историк литературы, этнограф, фольклорист, собиратель и исследователь древнерусской письменности, археограф. Близкий друг Гилярова (снимал квартиру по соседству, в том же доме) и Победоносцева.

[2] Князь Андрей Александрович Ширинский-Шихматов (1868—1927), статский советник, чиновник Министерства внутренних дел (с 1892 г.), саратовский губернатор (1913—1915); был известен как кинолог, охотовед, охотник-медвежатник. После кончины князя Шаховского он и В. А. Лебедев сдали его бумаги в Публичную библиотеку.

8
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
С.-Петербург, 30 декабря 1896 г.

Г-жа Гальперсон была у меня сегодня, Князь Николай Владимирович, и привезла письма Гилярова ко мне. Я уже переслал Вам письмо ее. Она в некоторой претензии на то, что Вы помещаете некоторые письма Гилярова в «Русском Обозрении». Она показывала мне нотариальный акт, коим наследники передали ей право литературной собственности на все писанное Гиляровым. Дабы приступить к изданию, она не имеет средств и ждет случая. Между проч<им> говорит, что у нее собран уже Сборник всех напечатанных в *журналах* статей Гилярова. Но издателя нет, и Вы будто бы не находите. Но я думаю, такой Сборник разошелся бы и по кр<айней> мере окупился бы. Приходит на мысль, что, может быть, решился бы я издать его на Типографские средства,[1] с тем чтобы за покрытием расходов остальное пришлось владельцам. Я сказал г-же Гальперсон, чтоб она прислала мне точный список всех статей предполагаемого Сборника. Спешу Вас об этом уведомить.

К. Победонос<цев>.

30 дек<абря> 1896.

Пб.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 147. Л. 6—6 об. Л. 5. Сверху карандашная помета князя Шаховского: «1896».

[1] То есть на средства Московской Синодальной типографии.

9
КНЯЗЬ Н. В. ШАХОВСКОЙ — К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ
Москва, 2 января 1897 г.

Москва, Спиридоновка, свой дом.

Глубокоуважаемый Константин Петрович.

Из Вашего письма[1] я в первый раз узнаю о том, что г-жа Гальперсон имеет права литературной собственности на все писанное Гиляровым. Мне было известно только, что наследники Гилярова, ввиду оставшихся после его смерти больших долгов, отказались от наследства; бумаги же Никиты Петровича, еще при его жизни, были перевезены к г-же Гальперсон и потому в руки семьи, где они должны были бы находиться, не попали. О последнем обстоятельстве сообщает мне вдова Гилярова в письме, при сем прилагаемом.[2] Впрочем, для меня совершенно безразлично, кто собственник Гиляровского архива, так как в этом архиве, за исключением писем к Вам — Н<икиты> П<етро>вича и его писем к Романову, * содержатся документы, имеющие для моего труда о Гилярове *второстепенное* значение.

Действительно, я повинен в том, что напечатал некоторые документы из архива Гилярова, не списавшись о том предварительно с г-жою Гальперсон; но ведь не в свою же я пользу печатал их, а для помощи в нужде вдове Гилярова, которой я и вручил (в чем имею расписки) за напечатанное — 158 р.[3] Да еще в этот гонорар взошел почти в половинной доле мой собственный дар: именно стоимость собранных мною самим (*не* из Гальперсоновского собрания) документов, которых я единственный собственник. — Ну, напечатал так напечатал: с кем промашек не бывает! Это вещь всегда поправимая при искренних отношениях. Но разыграть такое дело, какое разыграла г-жа Гальперсон, — это уж слишком! Самый тон последовавших за сим ее писем ко мне какой-то инквизиторский; она одновременно пишет и мне, и вдове Гилярова, наводя у нее справки обо мне: давно ли она меня видела, да точно ли я ей передал деньги, да в самом ли деле трудно было ее положение. Это недоверие, эта двуличность более всего меня возмутила. Когда на ее требования объяснить цель, для которой я печатал материалы в сыром виде, я ответил, что целью моею было выручить вдову Гилярова из нужды, она мне затем писала (от 14 дек<абря>): «Я очень рада, что Вера Алексеевна получит облегчение своего материального положения благодаря напечатанным Вами письмам Никиты Петровича, и я не стану возражать против передачи ей гонорара. Я бы и сама напечатала кое-что для Веры Алексеевны, если б знала, что нужда ее продолжается». Стало быть, Гальперсон одобряет мою цель, на том бы, казалось, и кончить. Нет, она заключает письмо следующими строками: «Но тот материал, который добыт Вами от меня,

---

* Оба эти материала не входили первоначально в семейный архив Гилярова и переданы были г-же Гальперсон после смерти Н<икиты> П<етрови>ча и *не* наследниками его. <*Примеч. князя Н. В. Шаховского.*>

я бы покорнейше просила не печатать. С теми письмами и рукописями Никиты Петровича, которые хранятся у меня, я нашла способ распорядиться, на мой взгляд, *целесообразнее* в интересах имени Гилярова». *

Это выходит какая-то исправительная мера. И это после того, как мною было употреблено столько труда хотя бы на разбор, списывание и сортирование по годам и числам месяцев одних в беспорядке у нее находившихся документов! Высота тона, которую она забрала по отношению ко мне, далеко не соответствует достоинству материалов, коими она обладает, и я очень рад, что на Ваших глазах развертывается это дело и что у нас есть авторитетный свидетель. Покуда я питался млеком ее собрания документов, я все воображал, что нет ничего важнее их для биографии Гилярова; но с тех пор как я потрудился сам над добыванием материалов, я вкусил твердой пищи и узнал истинную силу Гальперсоновского хранилища.

Не откажите, Константин Петрович, выслушать краткий перечень того, что собрано мною самим трехлетним упорным трудом разыскивания и списывания в архивах цензуры (в Мин<истерстве> Народ<ного> Просв<ещения>; Гл<авном> Упр<авлении> по д<елам> печати и Моск<овском> Ценз<урном> Ком<итете>), Хоз<яйственном> Упр<авлении> Св. Син<ода>, Моск<овском> Окр<ужном> Суде, а также в Румянц<евском> музее, — что добыто мною путем личных и письменных сношений с разными лицами, — и Вы увидите, что мною собран огромный материал (в несколько раз превышающий архив Гальперсон) *первостепенного* по важности значения для моей работы о Гилярове. — Мною списаны целиком за семь лет цензорства Гилярова (с 1856—1862) его доклады по цензуре, его объяснения по поводу многих полученных от начальства выговоров и замечаний (с выпискою мест статей, подавших к тому повод); попутно извлечены мною из архивов цензурные истории славянофильских «Московских Сборников» (1852 г.) и Аксаковских изданий «Паруса», «Дня» и отчасти «Москвы»; мною затем списаны «дела» — о командировании Гилярова за границу по еврейскому вопросу,[4] о запрещении цензурою к печати его рукописи по этому предмету[5] и извлечена уцелевшая часть самого труда;[6] я добыл сведения — о занятиях его в Комиссии по пересмотру устава о книгопечатании в 1863 г., об обстоятельствах увольнения его из цензоров, о поручении, данном ему Головниным, — написать историю Мин<истерства> Нар<одного> Пр<освещения>, и списал из «дела» представленную им программу труда.[7] Из архива Хоз<яйственного> Упр<авления> Св. Син<ода> мною извлечено тоже много данных **

---

* По получении этих строк я предварил Вас о том, что г-жа Г<альперсон> собирается сама распоряжаться находящимися у нее рукописями Н<икиты> П<етрович>а, п<отому> что т<аким> о<бразом> Ваша переписка с ним может несвоевременно попасть в печать; а равно предварил я и Романова. < *Примеч. князя Н. В. Шаховского.*>

** 1) о праздновании 300-летия Моск<овской> С<инодальной> Тип<ографии> (1564—1864 г.); 2) об изменении штатов М<осковской> С<инодальной> Т<ипографии> в 1866 г., 3) о найденных в М<осковской> Син<одальной> Т<ипографии> фресках, 4) о смете Си-

по вопросам, относящимся к деятельности Гилярова по управлению Моск<овской> Синод<альной> Типографией. — Мною затем списано хранящееся в архиве Главн<ого> Упр<авления> по д<елам> печати все цензурное дело о «Современных Известиях», составляющее 2 больших тома. Забыл еще упомянуть, что благодаря любезности профессора Корсунского я достал копии (за снятие копий уплачивал) с писем Гилярова к А. В. Горскому, а также с некоторых обширных докладов профессора Гилярова в конференции[8] Моск<овской> Дух<овной> Академии. Боюсь утомить Вас исчислением всего мною самим добытого, прибавлю только, что мною путем личных и письменных сношений получены подлинные письма Гилярова: к Аксаковым, гр. Блудовой, Ю. Ф. Самарину, Еп. Вениамину, А. В. Горскому, И. В. Павлову, Норову, гр. Л. Н. Толстому, Н. А. Сергиевскому (через Ваше посредство), А. П. Гилярову, М. О. Кояловичу.

Согласитесь сами, статочное ли это дело, чтобы я, собрав такой важный материал, которым я могу располагать по моей воле, отдал себя из-за нескольких бумажек в кабалу к г-же Гальперсон, которая к тому же считает себя вправе налагать на меня исправительные взыскания за оттенки отношения моего с ее материалом. Да ни за что! Я так вообще занят своими служебными обязанностями, что никаких на себя обязательств перед кем бы то ни было брать не могу и не хочу; я поэтому *решительно отказываюсь сам от пользования документами, у г-жи Гальперсон хранящимися*. Пусть она сама «целесообразнее моего в интересах имени Гилярова» употребит имеющийся у нее материал и на основании его попробует составить биографию Гилярова. Да я наконец вовсе не намерен писать биографии Гилярова, как того, по-видимому, теперь * требует владетельница материалов. Познакомившись главным образом из архива самого Гилярова, у Гальперсон хранящегося, с обстоятельствами производившегося в М<осковском> Окр<ужном> Суде следствия по доносу о растрате Гиляровым денег, пожертвованных в пользу славян в 1877 и 78 гг.,[9] узнавши подробности отношений его к сотруднице Сковронской и другим редакционным дамам и обстоятельства его семейной жизни, я решил вовсе не касаться его частной жизни и личных дел, а ограничить свою задачу изображением его литературных, служебных и общественных трудов. Поэтому я в моих писаниях и не придерживаюсь строгого исторического пути, а делюсь постепенно теми вопросами, по которым собрано у меня более всего материала. Так, в январской книжке «Русского Обозрения»

н<одальной> Т<ипографии> на 1864 г., 5) об уничтожении дефектов, 6) об изменении правил по продаже синод<альных> книг через комиссионеров, 7) об издании церковного календаря, 8) о печатании полного собрания творений св. Тихона Задонского, 9) об изготовлении венчиков в Типографии, 10) о печатании в заглавии богослужебных книг слова «богодухновенный», 11) о ревизии М<осковской> Син<одальной> Т<ипографии>, произведенной В. А. Лавровым летом 1868 г. *<Примеч. князя Н. В. Шаховского.>*

* Никаких вообще уговоров о способе употребления материалов с г-жою Гальперсон у меня не было, каких-либо возражений с ее стороны против того, как я ими до сего времени пользовался в статьях, тоже не было; а я в статьях не придерживался последовательно-биографической системы изложения. *<Примеч. князя Н. В. Шаховского.>*

должна появиться моя обширная статья «Гиляров об евреях» (для коей весь материал добыт мною *не* из Гальперсоновского собрания); затем написана часть статьи[a] об отношении Г<иляров>а к истории рус<ской> Церкви;[10] подготовлена к напечатанию статья об отношении Г<иляров>а к цензуре и печати; подобран материал для статьи об основании «Современных Известий» и первых цензурных промахах газеты.[11] Для последней существенным материалом могла бы служить Ваша переписка с Гиляровым, о пользовании которой покорнейше Вас прошу подтвердить данное мне Вами ранее разрешение.

Мне совестно отнимать у Вас дорогое время, но дозвольте, Константин Петрович, высказать до конца. Из письма Вашего я вижу, что г-жа Гальперсон уверила Вас, будто у нее собран сборник журнальных статей Гилярова. Не знаю, как собрала она его в Петербурге, но до ее отъезда из Москвы был собран материал для сборника только *мною*, да не на словах, а на самом деле. Для этого я изрезал «Русскую Беседу» за все годы ее издания, выписал «Православный Собеседник» за 1863 г. (где помещена была статья Г<иляров>а о папе Формозе), списаны своеручно в Рум<янцевском> музее статьи Г<илярова> из «Дня», достал у покойного Ф. А. Гилярова выписку из «Журнала Землевладельцев» за 1858 г., достал статьи Г<илярова> из «Руси»; некоторые статьи хранились у меня как подарок самого Гилярова. Помнится, что г-же Гальперсон я сообщал названия статей. Да и издателя я нашел, о чем, помнится, я Вам говорил и даже писал. Издать соглашается Сытин, желающий потрудиться для памяти Н<икиты> П<етрович>а. Я предполагал с своей стороны снабдить статьи примечаниями и предпослать им краткую биографию Гилярова, но для исполнения этого не находил достаточного досуга. Госпоже Гальперсон известны мои переговоры с Сытиным (а равно предполагавшееся ранее обращение к Солдатенкову). Когда мы с нею обсуждали вопрос об издании, нас смущало опасение, как бы ввиду отказа наследников Г<иляров>а от наследства не прицепились к книге кредиторы покойного Гилярова и не воспользовались продажными деньгами, которым мы предполагали дать два назначения: а) на сооружение Гилярову памятника могильного (ибо до сих пор стоит только железный крест) и б) остаток вдове Гилярова. О праве же собственности г-жи Гальперсон при сем никогда не возникало речи. — Теперь же раз г-жа Гальперсон заявила Вам, что у нее собран сборник журнальных статей Гилярова и она Вам представит *самые статьи*, то, разумеется, не следует медлить в его издании. Хотя я и отстраняюсь ныне от участия в издании сборника, но все же я рад, что указанная цель побудила меня к собранию всех журнальных статей Гилярова, так как в пользовании этим материалом мне не предстоит, по-видимому, никаких нравоучительных неприятностей.

Позвольте засвидетельствовать Вам мое глубокое почтение и искреннюю преданность.

Кн. Н. Шаховской.

2 янв<аря> 1897 года.

[a] *Было*: статья.

P. S. Сейчас припомнил, что сама г-жа Гальперсон не особенно стеснялась чужим дозволением в опубликовании документов. Так, в газете «Русское Дело», издававшейся в Москве Шараповым, напр<имер> в № 41 за 1888 год (от 8 октября), напечатаны без моего спроса выдержки из писем Гилярова ко мне, а также, вряд ли с Вашего ведома, выдержки из писем Гилярова к Вам. — Напечатаны между прочим извлечения из следующих писем Гилярова к Вам: от 20 окт<ября> 1867 г., от 24 окт<ября> 1867 г., от 9 янв<аря> 1868 г. Вот все, что мне удалось пока найти в тех №№ «Русского Дела», которые у меня под руками. Таким образом, те письма, на пользование коими я теперь прошу Вашего разрешения, уже отчасти переданы были в печать г-жою Гальперсон. Согласитесь, что предостережение мое относительно возможности несвоевременного оглашения Вашей переписки с Гиляровым было не излишним.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 76. Л. 12—15. В той же единице хранения (л. 1—11 об.) находятся два первоначальных черновых варианта этого письма и заготовка к нему, публикуемая в *Приложении*.

[1] Местонахождение этого письма не установлено, но не исключено, что оно не было напрямую обращено к князю Шаховскому, а передано ему через его друга князя А. А. Ширинского-Шихматова, сохранилась записка Победоносцева от 30 декабря 1896 г.: «Не зная адреса К<нязя> Шаховского, прошу Вас передать ему прилагаемое письмо. К. Побед<оносцев>. 30 дек<абря>» (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 979. Л. 1).

[2] Приведем эмоционально окрашенное начало статьи, сохранившееся в двух черновых вариантах: «Не понимаю, какой нотариальный акт показывала Вам г-жа Гальперсон, когда вдова Никиты Петровича и его старший сын, при ней находящийся, *категорически* утверждают, что они *не продавали* и *не передавали* Гальперсон бумаг Гилярова и никаких с нею нотариальных актов не заключали. Наследники Гилярова, ввиду оставшихся после его смерти больших долгов, отказались от наследства; бумаги же Н<икиты> П<етрович>а, еще при его жизни, были перевезены к г-же Гальперсон и потому в руки семьи, где они должны бы были находиться, не попали. По получении, через Кн. Ш<иринского>-Шихматова, письма Гальперсон к Вам, я его дал прочитать Вере Алексеевне Гиляровой-Платоновой и получил вслед за сим от нее письмо, при сем прилагаемое, из которого Вы изволите усмотреть, что утверждение г-жи Гальперсон, будто рукописи Н<икиты> П<етровича> ею куплены у наследников, вдова Гилярова называет даже “клеветою”» (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 76. Л. 1).

[3] Речь идет о публикации князем Шаховским не исследовательских статей о Гиляров, а материалов из его архива: Материалы для биографии Н. П. Гилярова-Платонова: I. Письмо Гилярова к М. П. Погодину об открытии при Московской Духовной Академии миссионерского отделения <от 21 июля 1854 г.>; II. Письмо Гилярова к А. В. Горскому об обер-прокуроре Св. Синода А. П. Толстом как представителе «Оптинского» православия <от 4 октября 1856 г.>; III. Письма к И. С. Аксакову <от 28 января 1860 г., 7 февраля 1874 г., 15 января 1876 г., 22 августа 1880 г.>; IV. Письмо к неизвестному лицу (от 28 июля 1876 года) о возбуждении умов в России в 1876 году, о стихийной борьбе принципов, о двух типах народов: народах-хищниках и народах-рабочих; V. Письмо к Н. А. Алексееву по поводу вопроса о подаче Московскою Городскою Думой адреса по случаю покушения на жизнь генерала Мезенцева; VI. Письмо к М. О. Кояловичу <от

18 декабря 1863 г.>; VII. Письмо к графу Льву Николаевичу Толстому / Сообщ. кн. Н. В. Шаховской // *РО*. 1896. Т. 42, дек. С. 988—1014; Материалы для биографии Н. П. Гилярова-Платонова: I. Доклад Гилярова Московскому цензурному комитету о разрешении к печати «Полного собрания сочинений Грибоедова» <от 8 февраля 1857 г.>; II. Докладная записка — попечителю Московского учебного округа по поводу предложения занять в Московском университете кафедру философии; III. Письмо к Штекеру о социальном значении еврейства <1880>; IV. Два письма к А. Д. Желтухину (об издании газет и служении сословию, о положении сословий накануне крестьянской реформы, о лубочных картинах) <1859> / Сообщ. князь Н. В. Шаховской // Там же. 1896. Т. 42, нояб. С. 454—470; Докладная записка в Московский цензурный комитет (июня 26 дня 1859 года) ценсора Никиты Гилярова-Платонова <по поводу издания книги П. В. Жадовского «Житейские сцены»> // Там же. 1898. Т. 49, февр. С. 911—917; отд. отт.: <М., 1898.> 8 с.

[4] Дело о поручении цензору Московского цензурного комитета Н. П. Гилярову-Платонову во время заграничного отпуска ознакомиться с устройством заграничных раввинских училищ и еврейской литературой (18 мая 1857 г. — 4 марта 1860 г.) // РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 4144. 35 л.

[5] Дело о запрещении сочинения Н. П. Гилярова-Платонова «В каком смысле могут принадлежать евреям права гражданства в христианских государствах» как ставившей вопрос, не разрешенный к обсуждению в общественном порядке (25 февраля — 21 апреля 1861 г.) // Там же. Д. 5630. 20 л.

[6] Опубликовано князем Шаховским в составе его статьи «Н. П. Гиляров-Платонов о евреях» (*РО*. 1897. Т. 43, янв. С. 148—185) и нами — по цензурному делу: *Гиляров: ИМБР*. С. 245—264.

[7] Впервые опубликовано князем Шаховским: *Сб. соч.* Т. II. С. 141—147.

[8] Об академической конференции см. коммент. 1 на с. 734.

[9] См. изданные нами «Документы следственного дела по доносу М. С. Сковронской о растрате сумм, пожертвованных на славян (1877—1879)», собранные князем Шаховским (*Гиляров: ИМБР*. С. 336—428).

[10] *Шаховской Н. В., кн.* Н. П. Гиляров-Платонов об «Истории Русской церкви» преосв. Макария // *РО*. 1897. Т. 44, апр. С. 591—619.

[11] Эти материалы вошли в Предисловие князя Шаховского к «Сборнику сочинений» Гилярова.

Приложение

<Черновая заготовка к письму>

1. Мне известно все, что хранится в архиве у Гальперсон, а также весьма многое, чего в этом архиве нет и что никому другому, кроме меня, известным быть не может.

2. С этими данными, которые имеются у Гальперсон, но без тех, которые мною добыты, биографии Гилярова написать нельзя; но с теми, которые добыты мною, и без Гальперсоновских можно написать биографию (в тех пределах, какие я себе наметил, т. е. изображение литературных, служебных и общественных трудов Гилярова).

3. Гальперсон сама, без моего спроса напечатала в 41 № «Русского Дела» 1888 года мне принадлежащие письма Гилярова, вероятно получив от сего гоно-

рар в свою пользу и во всяком случае не имея в виду помощи вдове Гилярова, проживавшей тогда последние деньги. Между тем, когда я, получивши в полное и безотчетное мое распоряжение материал от Гальперсон и напечатав, не предвариви ее, несколько писем Гилярова в пользу его вдовы, был лишен в резкой форме на будущее время права пользоваться документами, которые уже разработал в значительной части.

4. Гальперсон в «Русском Деле» *1888* № 46 напечатала уже извлечения из некоторых писем Гилярова к К. П. Победоносцеву, не спросив о том разрешения у последнего, а потому не излишним являлось мое предупреждение К<онстантина> П<етрович>а о возможности несвоевременного опубликования г-жой Гальперсон его переписки с Гиляровым, раз Гальперсон желает сама распоряжаться бумагами Гилярова.

5. Мною был потрачен огромный, кропотливый труд нескольких лет на разыскивание и списывание новых данных о Гилярове (не говоря уже о труде списывания архива Гилярова), их распределения по годам и числам месяцев, и когда эта работа закончилась и я могу считать себя полным хозяином всего имеющегося о жизни Гилярова материала, тогда Гальперсон под пустым предлогом вырывает у меня данный ею материал, весьма не лишний для полноты работы. Подозреваю, что не снюхалась ли она опять с Шараповым, получившим снова разрешение на издание в Петербурге газеты («Рус<ский> Труд»).

6. [a]

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 76. Л. 11—11 об.

10
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
С.-Петербург, 7 января 1897 г.

Вот, почтеннейший Князь Николай Владимирович, письмо, полученное мною сегодня от Г-жи Гальперсон, со списком статей покойного Гилярова. Посмотрите его, сообразив с Вашим, и *возвратите* мне. Не знаю, что ей ответить. Я не отказался бы принять на себя (т. е. на Типографию) издание книги, но опасаюсь входить в какие-либо условия с Г-жею Гальперсон, разве бы она предоставила мне этот материал в безотчетное употребление, с употреблением прибыли на выдачу наследникам.[1] Но и это не без сомнения.

Искрен<не> пред<анный>
К. Победонос<цев>.

7 янв<аря> 1897.
Пб.

[a] *На этом текст обрывается.*

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 147. Л. 7—7 об. Сверху карандашная помета князя Шаховского: «1897».

[1] Это слово князь Шаховской подчеркнул красным карандашом.

11
КНЯЗЬ Н. В. ШАХОВСКОЙ — К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ
Москва, 10 января 1897 г.

Спиридоновка, с<вой> д<ом>.

10 января 1897 года.

Глубокоуважаемый
Константин Петрович.

Позвольте принести Вам мою горячую благодарность за драгоценный дар — письма к Вам Гилярова, — который мною получен через Кн. Ш<иринского>-Шихматова.[1] По сличении этих писем с имеющимися у меня копиями со всего собрания писем к Вам Гилярова, находившегося в руках г-жи Гальперсон, я не досчитался в присланной Вами пачке 10-ти писем. Не зная, удержаны ли недостающие письма Вами у себя или же они недополучены Вами от г-жи Гальперсон, я считаю своим долгом перечислить эти нехватающие письма Гилярова:[2]

1) от 27 окт<ября> 1880 г. о М. Н. Каткове.

2) от неизвестного года и месяца,[3] начинающееся словами: «Достолюбезный К<онстантин> П<етрович>, благодарю Вас за память...» и заключающее в себе просьбу похлопотать о снятии запрещения розничной продажи с «Совр<еменных> Изв<ест>ий».

3) от 8 ноября 1883 г. об управлении Синодальн<ой> Типографией (очень большое).

4) о том же 1883 г. неизвестного месяца.

5) 1884 г. — о «Соборе» и «Съезде» духовенства и штундизме.

6) неизв<естного> года и числа[4] с просьбою рекомендовать автора Нечаеву-Мальцеву,[5] у которого он собирался занять денег.

7) от 27 февр<аля> 1886 г. о своей критике на «Исповедь» Толстого, о книжках «Посредника» и вине для Евхаристии.

8) от 23 декабря 1886 г. об отношении митр. Иоанникия[6] к Кремлевской святыне и пр.

9) от 30 дек<абря> 1886 г. о Кремлевских соборах и пр.

10) от 3 янв<аря> 1887 г. о местонахождении Ризы Господней, митр. Иоанникии и пр.

Из всего хранящегося у г-жи Гальперсон материала приходится мне более всего жалеть о невозможности пользоваться полным редакционным экземпляром «Современных Известий» за все года издания (кроме пропавшего одного). Такой экземпляр достать теперь трудно. Ходить же, как я это теперь вынужден делать, в Румянцевский музей для чтения и списывания необходимых статей

чересчур убыточно во времени. Я собираюсь сделать публикацию в газетах о желании моем приобрести покупкою «Совр<еменные> Изв<естия>» за все года издания, да не рассчитываю на успех. Газета держалась только статьями Гилярова, и то не всеми; вряд ли кто копил цельные экземпляры за все года.

Позвольте пожелать Вам здоровья и благополучия и еще раз искренно поблагодарить за письма.

Глубоко Вас почитающий и душевно преданный

Кн. Н. Шаховской.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 75. Л. 3—4 об.

[1] Сохранился фрагмент сопроводительного письма Победоносцева к А. А. Ширинскому-Шихматову от начала 1897 г. (в архивной ед. хр. не установлены адресат и дата): «Кстати: вот пачка писем, переданных мне г-жою Гальперсон. Потрудитесь передать ее Шаховскому и сказать, что я благодарен ему за очень интересное письмо, давшее ему немалый труд писания. Если что еще принесет г-жа Гальперсон, сообщу ему» (Там же. Ед. хр. 979. Л. 2).

[2] Все нижеперечисленные письма опубликованы нами в издании: *Разумевающие верой*.

[3] Это письмо датируется 5 мая 1879 г.

[4] Письмо 1886 г.

[5] Юрий Степанович Нечаев-Мальцев (см. коммент. 473 на с. 261) — миллионер-меценат, обер-гофмейстер, вице-председатель Общества поощрения художеств.

[6] Митрополит Иоанникий (в миру, до 1849 г., Иван Максимович Руднев; 1826—1900) — проповедник; епископ Саратовский и Царицынский (с 1864 г.), Нижегородский и Арзамасский (с 1873 г.); архиепископ Карталинский и Кахетинский, экзарх Грузии (с 1877 г.); член Св. Синода (с 1881 г.); митрополит Московский и Коломенский (с 1882 г.), Киевский и Галицкий (с 1891 г.); первенствующий чл. Св. Синода (с 1898 г.).

12
КНЯЗЬ Н. В. ШАХОВСКОЙ — К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ
Москва, 11 января 1897 г.

Глубокоуважаемый
Константин Петрович.

Препровождая при сем письмо к Вам г-жи Гальперсон и доставленный ею список статей Гилярова, имею честь приложить и мой перечень статей Н<икиты> П<етрович>а, составленный в хронологическом порядке их написания, с указанием изданий, в коих они были в свое время помещены.[1] Это, конечно, далеко не все статьи Гилярова, напечатанные вне «Современных Известий». Как бы конфузясь откровенно подписывать полностью свое имя под статьями, он предпочитал укрываться под разными инициалами: то ставил он под своими статьями буквы — Н. Г.; Н. Г—в; Ц.; Р. С. Т. (рцы слово твердо), а то и не подписывал статей вовсе. Таким образом, трудно, если не невозможно, восстановить его авторство по многим передовым статьям, писанным им в газете «Москва»

(по его свидетельству, 2 раза в неделю). Кроме необозначения имени, трудно признать его статьи еще и потому, что он отличался уменьем прикидываться не самим собою в разных обстоятельствах и в сношениях с разными лицами. Это особенно бросается в глаза в его письмах. Одним корреспондентам он пишет в покровительственном тоне (напр., Желтухину, Кояловичу), другим — в искательном (гр. Блудову, Норову, да и вообще «начальству»), иным в учительном (Вениамину), кое-кому в трусливом (иногда Аксакову). Та же особенность видна в его критике на «Семейную Хронику» Аксакова,[2] где он так перепустил славянофильства (всегда отрицая на словах и в письмах свое с ним тожество), что главное начальство цензуры прямо сочло эту статью выразительницею основных славянофильских тенденций,[3] которыми дебютировал первый № первого славянофильского журнала «Русской Беседы». С тем же, вероятно, придется встретиться и в статьях «Москвы», Г<иляров>ым написанных. Недаром одна из них попала в полное собрание сочинений И. С. Аксакова, но была затем оговорена, как принадлежащая Гилярову и по ошибке приписанная Ив<ану> Сер<геевич>у.[4]

Но и собранных у меня статей Н<икиты> П<етровича> более чем достаточно для составления книги. По моему вычислению, объем книги, если в нее включить все 26 статей, превысит 600 страниц. Можно, разумеется, выбросить мелочь, напр. статьи под №№ 6, 10, 13, 15, 16, 18 и 19, 21 и 23[a],[5] — остальные было бы жаль исключать. Но все-таки, с этим исключением, размер книги превысит 500 стр. (или 31 печ<атный> лист).

Издавать ли? Во всяком случае, думается мне, не иначе, как заручившись *правом* безотчетного употребления материала, который г-жа Гальперсон Вам доставит, и притом на основании *твердого*, во всех потребных местах скрепленного, *документа*. Иначе не оберетесь хлопот. Тут волей-неволей приходится отложить в сторону всякие соображения высшего порядка, раз из-под сукна выглядывает край «нотариального акта». Но прежде, чем на что бы то ни было решиться, не излишним представлялось бы — потребовать немедленного доставления к Вам *самых статей*, перечисленных в списке г-жи Гальперсон *. Тогда определится и действительная наличность статей, которыми она обладает, и вероятные шансы на возможность составления самого сборника.

Что касается до выраженной в письме к Вам г-жи Гальперсон готовности трудом и материалом служить благой цели, то пока (т. е. в течение 9 с лишком лет после смерти Н<икиты> П<етрович>а) таковая ничем определенно не выразилась. Вот что было ею до сего времени сделано. В 1888 году она в Шараповском «Русском Деле» в хаотическом беспорядке печатала письма Н<икиты> П<етрович>а (впрочем, преимущественно к Вам и ко мне),[6] отрывки из передо-

---

[a] *Две последние цифры вписаны карандашом над строкой.*

* Могут ведь быть неизвестные мне (да и неинтересные для меня) рукописные оригиналы статей. <*Примеч. князя Н. В. Шаховского.*>

вых статей в «Современных Известиях», наудачу выдернутые из разных №№;[7] кроме того, она напечатала в той же газете за тот же год весь неоконченный труд Гилярова по политической экономии (впоследствии изданный ею при содействии того же Шарапова и приведенный предварительно в некоторую систему профессором Тарасовым).[8] Затем она печатала в «Русском Архиве» 1889 г. сырой материал из своей коллекции.[9]

Позвольте засвидетельствовать Вам мое глубокое почтение и искреннюю преданность.

Кн. Н. Шаховской.

11 янв<аря> 1897 г.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 75. Л. 5—8 об. Черновик письма: Там же. Ед. хр. 78. Л. 17—20 об.

[1] См.: Перечень статей Н. П. Гилярова-Платонова с указанием места их публикации // Там же. Ед. хр. 61. Л. 1—2. Этот список из 26 позиций скопирован князем Шаховским из выпуска VII «Обзора жизни и трудов покойных русских писателей» Д. Д. Языкова («Русские писатели, умершие в 1887 г.»).

[2] *Г—в Н. <Гиляров-Платонов Н. П.>*. Семейная хроника и Воспоминания. С. Аксакова. Москва. 1856 // *РБ*. 1856. Кн. I. Отд. III: Критика. С. 1—45.

[3] В отчете о первой книге «Русской Беседы», составленном чиновником особых поручений Н. В. Родзянко, Гиляров выдвигался главным представителем славянофильского направления, суждения которого высказываются с «резким, неосторожным убеждением, хоть, м<ожет> б<ыть>, и справедливым, но выраженным укорительно и поносительно» (Дело Главного управления цензуры. 1856. № 130; цит. по: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 830. Л. 2).

[4] Статья Гилярова как автора ряда передовых статей в газете «Москва» нечаянно попала в первый том посмертного Собрания сочинений И. С. Аксакова («Славянский вопрос», М., 1886), где ее и обнаружил Гиляров, получивший корректурные листы тома, чтоб по просьбе вдовы написать к нему предисловие. Составители вынуждены были оправдываться по поводу этой оплошности — в начале тома помещена «Оговорка»: «Когда эта книга почти вся была уже отпечатана, оказалось, что в нее попала чужая статья, т. е. написанная не И. С. Аксаковым. Это именно статья, напечатанная в отделе статей газеты “Москва”, на стр. 159—165-й, и принадлежащая Н. П. Гилярову-Платонову, как бывшему сотруднику “Москвы”. Считаем необходимым оговорить эту прискорбную ошибку» (с. III).

[5] Из этих 9 статей в итоге в издание не вошла только одна, № 21 (указываем названия и выходные данные так, как они переданы в перечне князя Шаховского): «Московский Новодевичий монастырь в 1812 году» (Русский Архив. 1864. Вып. IV. С. 417—434). Другие 8 статей: «Из письма в редакцию (в защиту духовенства)» (Журнал Землевладельцев. 1858. Сент. № 11. Смесь. С. 45—48), «О новой повести г-жи Кохановской “Из провинциальной галереи портретов”» (Русская Беседа. 1859. Кн. III. Смесь. С. 65—89)», «Заметка по поводу статьи г. Чистовича об Арсении Мацеевиче» (День. 1861. № 16), «Два слова в объяснение к ответу “Сиона”» (День. 1862. № 33), «Дополнение к статье В. Лешкова “Русский экономический вопрос”» (День. 1862. № 44), «О труде (выработка понятия)» (День. 1862. № 44), «Необходимое объяснение “Герою нашего времени”»

(День. 1862. № 47), «Урезанный документ» (Русь. 1884. № 19. С. 33—41). См.: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 61. Л. 1—2.

[6] На деле А. М. Гальперсон, судя по ее письму к Рцы (И. Ф. Романову) от 10 марта 1888 г., давала материалы о Гилярове С. Ф. Шарапову, а тот, по своему усмотрению использовал их в «Русском Деле» (см.: Наст. изд. С. 673—678).

[7] См.: Из передовых статей Н. П. Гилярова-Платонова: Папа и султан (6 дек. 1868); Задачи публициста (1 янв. 1869); О забивании молодежи (14 апр. 1872); О праздничной торговле (18 янв. 1883, 7 сент. 1883, 30 янв. 1883); О городском доме (11 янв. 1871); Аристократия и парии (8 нояб. 1871) // *РД*. 1888. 15 окт. № 42. С. 12—14.

[8] *Гиляров-Платонов Н. П.* Основные начала экономии: Посмерт. труд Н. П. Гилярова-Платонова / С предисл. проф. И. Т. Тарасова. М.: Изд. А. М. Гальперсон, 1889. <2>, XII, 142 с.

[9] См.: Из бумаг Н. П. Гилярова: Письмо князя П. А. Вяземского <о цензуре, от 15 июля 1856 г.>; Письмо к князю Ш. <Н. В. Шаховскому от 2 февраля 1887 г.> // *РА*. 1889. Кн. III, вып. 10. С. 264, 267—269; Письмо И. С. Аксакова <к Н. П. Гилярову-Платонову о поэтическом даровании его сына Алексея от 3 февраля 1874 г.>; *Гиляров-Платонов Н. П.* Он же к ***: (О рассказе «Чем люди живы»): <Письмо к К. Н. Леонтьеву о его критике рассказа Л. Толстого от августа 1882 г.>; Н. П. Гиляров к ***: (Об «Исповеди» графа Л. Н. Толстого): <Письмо к С. А. Юрьеву от апреля 1882 г.> // Там же. 1889. Кн. III, вып. 11. С. 421—432; Письма к одному из его читателей <И. Ф. Романову-Рцы, от 13, 15 и 16 нояб. 1886 г.> // Там же. 1890. Кн. I, вып. 2. С. 316—324.

13
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
С.-Петербург, 13 января 1897 г.

Почтеннейший Князь Николай Владимирович.

На всякий случай я написал еще Г-же Гальперсон, не остались ли у нее те недостающие 10 писем, о коих Вы упоминаете. — Мож<ет> быть, они затерялись еще у Барсова, коему я напрасно тогда все доверил.

Вы затрудняетесь отыскать «Соврем<енные> Известия». У меня была коллекция отобранных статей Гилярова из «Сов<еменных> Изв<естий>». К сожалению, и это роздано. Коллекцию по церковн<ым> вопросам — не помню, кому я отдал. Справлюсь, не в свою ли Канцелярию. Остаются у меня собранные статьи по вопросам юридическим. Это я перешлю Вам при первой оказии.

К. Победонос<цев>.

13 янв<аря> 97.
Пб.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 147. Л. 8—8 об. Сверху карандашная помета князя Шаховского: «1897».

14
КНЯЗЬ Н. В. ШАХОВСКОЙ — К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ
Москва, 17 января 1897 г.

17 янв<аря> 97.

Глубокоуважаемый
Константин Петрович.

Позвольте попросить Вас прочитать прилагаемое письмо * ко мне младшего сына Н<икиты> П<етрович>а, Алексея Никитича Гилярова,[1] профессора Киевского Университета, которого я спросил письменно, не знает ли он чего про нотариальный акт о передаче г-же Гальперсон литературной собственности на все писанное его отцом. Из его ответа Вы изволите увидать, что муж г-жи Гальперсон нарочно ездил в Киев к младшему сыну Гилярова, от которого приобрел «письменное согласие на пользование какими-то бумагами». При этом г. Гальперсон уверил Алексея Никитича, что со стороны его матери и брата согласие уже последовало. Из препровожденного же мною к Вам ранее письма ко мне вдовы Н<икиты> П<етрович>а Вы уже знаете, что, по ее утверждению, ни она, ни ее старший сын, при ней находящийся, никакого понятия об оставшихся после смерти Гилярова бумагах не имеют. При всем этом ни г-же Гальперсон, ни ее мужу, близко тогда стоявшим к семье Гилярова, не могло не быть известным об отказе наследников от наследства. Таково, если верить семье Гилярова, происхождение права собственности г-жи Гальперсон на литературное наследие Никиты Петровича. Оно оформлено где следует и, вероятно, как следует, а потому оно и действует.

Не желая вовсе входить в оценку ни самого факта приобретения предъявленного Вам «документа», ни нравственного права г-жи Гальперсон на владение архивом Гилярова, содержащим в себе немало компрометирующих его нравственную личность бумаг, я счел своим долгом не скрывать от Вас полученные мною данные, могущие служить иллюстрацией к моему предостережению о необходимости Вам как можно осторожнее относиться ко всяким предложениям, исходящим от г-жи Гальперсон. Со своей стороны я несказанно рад, что, вовремя узнав обстоятельства существования и приобретения г-жой Гальперсон самодержавного права на литературное наследие Гилярова, я отказался от пользования этим сомнительным архивом и тем разорвал всякие отношения с обладательницей Гиляровских бумаг. Если бы она теперь даже сама пожелала передать в мое безотчетное распоряжение эти бумаги, то я бы их не принял из ее рук, а согласился бы их получить только от вдовы Гилярова, которой г-жа Гальперсон должна бы была их вернуть по принадлежности.

Как не поостеречься касаться частной жизни Гилярова, когда уже начали появляться в печати воспоминания о нем любивших его дам. Так, в январ<ской> книжке «Наблюдателя» напечатано начало мерзких по тону и пошлейших вос-

* Которое не откажите, при случае, мне возвратить. *<Примеч. князя Н. В. Шаховского.>*

поминаний о «службе» у Гилярова в «Современных Известиях» составительницы «политических обозрений» г-жи Сковронской,[2] которая была так развратна, что одновременно жила и с самим Гиляровым, и с его сыном Алексеем (которого и растлила), и с молодым сотрудником Экземплярским *. У меня имеется собственноручно написанное Гиляровым духовное его завещание (от 17 янв<аря> 1874 г.), коим он наследницей своей объявляет эту Сковронскую, а жену свою устраняет. Теперь единственной наследницей Гилярова является другая сотрудница «Современных Известий» и тоже составительница «политических обозрений», г-жа Гальперсон, которая тоже хлопочет об «интересах имени Гилярова». В каком-то виде имя его выйдет из всех этих рук?! Печальна судьба этого во всяком случае необыкновенного человека и его наследия. — Он всегда жаловался на то, что не создал школы, что у него «избыток пассивности», «женского элемента», как он говорил.[3] Не тут ли, не в «женском ли труде», как выражался И. С. Аксаков, искать причину этой пассивности, этой сравнительной бесплодности его писаний, этому вечному противоречию, в котором стояла собственная его жизнь и слово, с которым он обращался к обществу? Не насмешкой ли судьбы, лучше сказать, не карою ли является эта всегдашняя зависимость от евреев, эта невозможность вырваться из их сетей, это ухаживание за Поляковым[4] того, кто выступил одним из наиболее сильных и тонких обличителей евреев и еврейства, чье слово с яркостью и убедительностью раскрыло ту пропасть, в которую вовлекают христианские народы Запада «слившиеся» с ними, но на деле оставшиеся им чуждыми евреи.

Отобранные Вами статьи «Совр<еменных> Изв<ести>й» преимущественно по церковным вопросам Вы года три тому назад изволили передать мне, и они мною разобраны и распределены в известной системе. Я уже неоднократно ими пользовался и мысленно приносил Вам мою сердечную признательность. Однако все же их недостаточно, да и собирали Вы их только до 1880 года.

Позвольте засвидетельствовать Вам мое глубокое почтение и искреннюю преданность.

Кн. Н. Шаховской.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 75. Л. 9—12 об. Черновик письма: Там же. Ед. хр. 78. Л. 13—16 об.

[1] Речь идет о письме А. Н. Гилярова от 14 января 1897 г. (Наст. изд. С. 768—769).

[2] *Сковронская М. С.* За четверть века: (Из воспоминаний) // Наблюдатель. 1897. Янв. С. 201—227; Февр. С. 221—239.

[3] Князь Шаховской имеет в виду прежде всего письма Гилярова к самому себе и к Рцы (И. Ф. Романову).

[4] Один из трех братьев-банкиров. См. коммент. 5 на с. 685.

* Все сведения об этом почерпнуты мною из хранящихся у г-жи Гальперсон писем. <*Примеч. князя Н. В. Шаховского.*>

15
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
С.-Петербург, 20 января 1897 г.

20 янв<аря> 1897. Пб.

Почтеннейший Князь Николай
Владимирович.

Сегодня была у меня Г-жа Гальперсон и принесла мне еще небольшую пачку писем. По ее словам, это лишь черновые наброски, по коим потом писались беловые письма. Посылаю Вам и эту пачку.

Я говорил с нею о бумагах. Она говорит, что их надлежало спасти, ибо сын покойного[1] готов был продать их старьевщикам.

Право издания куплено было у наследников начально каким-то г. Кролау за 200 руб., и уже от него, тоже за 200 руб., приобретено было г-жею Гальперсон. Она говорит, что не имела в виду никакой для себя от того прибыли, но имела в виду единственно память покойного и обращение возможной прибыли на памятник ему и на пособие вдове.

Я предложил ей — не хочет ли передать это право мне, с тою же целию, и она с первого слова охотно на это согласилась, и хотела написать мне о том и принесть бумагу, в коей, по указанию моему, пометить то условие, что прибыль, какая будет, обращается на памятник и на пособие вдове.

Я сказал ей, что печатать буду в Моск<овской> Синод<альной> Типографии. А корректура? — спросила она. — Корректуру, — сказал я, — вероятно, согласится держать Кн. Шаховской. Это ей не понравилось. Но я объяснил ей, что будем делать 3 корректуры — одну посылать Шаховскому, другую ей и третью мне. Затем ее недоумение я успокоил тем, что вся операция будет лежать на одном мне, — а Кн. Шаховской лишь по участию к памяти Гилярова вообще заботится обо всем этом деле.

Спешу известить Вас об этом, — что Вы скажете?

Я предлагал ей уплатить 200 р., уплаченные ею за право издания, но она отказалась.

Здравствуйте.

К. Победонос<цев>.

Мне кажется, не мешало бы Вам послать ей копии расписок г-жи Гиляровой в получении гонорара за статьи. Она что-то как будто в том сомневается.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 147. Л. 9—10 об.

[1] Николай Никитич Гиляров. См. коммент. 190 на с. 568.

16
КНЯЗЬ Н. В. ШАХОВСКОЙ — К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ
Москва, 23 января 1897 г.

23 янв<аря> 1897 г. *Москва*.

Глубокоуважаемый
Константин Петрович.

Само собою разумеется, что я с радостью готов служить своим трудом делу издания сочинений Гилярова, раз Вы будете полным его хозяином. Только во всех отношениях было бы спокойнее и надежнее, если бы г-жа Гальперсон *про*дала, а не *пере*дала Вам свое право, хотя самое это право, после всего узнанного мною от всех членов семьи Гилярова, кажется мне не без сомнений. Впрочем, как знаете: я не утаил от Вас ничего, что́ стало мне известным. Вам же видней, что́ в данном случае принять в соображение. Правда, на бумаге много того не выразишь, что говорится на словах.

Позвольте Вас искренно поблагодарить за присылку статей из «Совр<еменных> Известий» и доставленной Вам пачки писем Гилярова. Это действительно черновые некоторых из тех писем, которых не хватает; но *самых писем*, с которых я снимал копии и которые я по составленной мною[a] описи вернул г-же Гальперсон, *все-таки нет*.

Прилагая при сем подлинные расписки вдовы Гилярова в получении от меня денег за напечатанное в «Русском Обозрении»,[1] я не нахожу, однако, надобности посылать с них копию г-же Гальперсон, которой не следовало бы выражать перед Вами сомнения в том, что деньги мною действительно переданы Гиляровой. Вера Алексеевна, по моему настоянию, тотчас же по получении гонорара, т. е. в декабре месяце, поспешила о том известить г-жу Гальперсон. Насколько же искренно может быть сомнение последней?

По публикации мне удалось купить «Современные Известия» только за два года, 1873 и 1875, у немца Розенблата, конторщика фабрики Гюбнера;[2] да еще мною приобретено $4^1/_2$ г<ода> газеты, имевшиеся у Ф. А. Гилярова (от 1878—1882).[3] С полученными мною от Вас статьями набирается изрядный материал.

Я уже с неделю как сижу дома, больной, и потому письмом спросил вдову Гилярова о том, продали ли наследники Н<икиты> П<етрович>а право на издание его сочинений за 200 р. г. Кролау (как Вам сообщила г-жа Гальперсон). Полученный ответ от Николая Гилярова[4] прилагаю.

Примите свидетельство моего глубокого уважения и искренней преданности.
Кн. Н. Шаховской.

Позвольте мне также приложить только что полученное мною письмо от лучшего друга Никиты Петровича — маститого старца Ивана Васильевича Павлова,[5] про которого Гиляров в письме к Романову писал: «один из умнейших лю-

[a] *Слова*: составленной мною — *вписаны над строкой*.

дей России, глубоко образованный, равных которому и пяти не найдется в России».[6] — Письмо это при случае не откажите возвратить мне.

Написав Вам предшествующие строки и представив в Ваше распоряжение достаточный материал для суждения о личности г-жи Гальперсон, ее способах действия и отношения к ней семьи Гилярова, я не могу удержаться, чтобы не прибавить нескольких слов от себя.

Я, по выяснившимся обстоятельствам, считаю г-жу Гальперсон личностью темною. Уже одно то, что она *осмелилась* Вам выразить притворное сомнение в передаче мною денег вдове Гилярова, зная, что я не со вчерашнего дня Вам известен, свидетельствует о том, какие орудия она пускает в ход. Как бы то ни было, но с нею никогда никакого дела иметь я не желаю и участвовать с нею в одном и том же деле не могу. В Ваше распоряжение я готов отдать не только свой труд, но и все собранные *мною* статьи лишь при том непременном условии, что Вы *купите* (хотя бы за 5000) у Гальперсон все ее права, совершенно таким образом с нею развяжетесь и устраните всякое ее участие в деле издания Гиляровских статей.

Да какое она, наконец, право имеет на какое-либо участие в деле памяти Гилярова, когда она отравила последние годы семейной жизни всей душой ненавидящей ее жены Гилярова, которую она постоянно оскорбляла и унижала, окружая Никиту Петровича, как кольцом, членами своего семейства (ее муж заведывал конторой «Совр<еменных> Изв<естий>», ее сестра Эпштейн[7] служила в редакции). Они, как коршуны, стерегли добычу, никого не допуская к Гилярову без своего контроля. Они косвенно были и причиною преждевременной смерти Гилярова, *заставив* его, *против его воли*, ехать в Петербург домогаться *«Московских Ведомостей»*.[8] Да, наконец, самый способ приобретения «документов», все эти выплывающие новые имена вроде Кролау — все это более чем подозрительно...[9]

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 75. Л. 13—16 об. Черновик письма: Там же. Ед. хр. 78. Л. 1—6 об.

[1] См. вых. дан. этих публикаций в коммент. 3 на с. 782—783.

[2] Имеется в виду Товарищество ситцевой мануфактуры Альберта Гюбнера в Москве, основанное в 1871 г. Альберт Осипович Гюбнер (ок. 1818—1890) — французский подданный, московский купец 1-й гильдии.

[3] В этот период Ф. А. Гиляров был соредактором своего дяди Гилярова-Платонова.

[4] См. записку Н. Н. Гилярова к князю Шаховскому от 23 января 1897 г. (Наст. изд. С. 769—770).

[5] Это письмо И. В. Павлова нам неизвестно, в архиве князя Шаховского оно отсутствует.

[6] Цитата из письма Гилярова к Романову-Рцы от 16 ноября 1886 г. (*Письма к Рцы*. С. 293).

[7] О Берте Михайловне Эпштейн, служившей в редакции газеты «Современные Известия», см. коммент. 3 на с. 622. В редакции некоторое время работала и другая сестра Гальперсон — Юлия Михайловна Эпштейн (в замужестве Денисова).

[8] Это утверждение князя Шаховского основано на свидетельстве В. А. Гиляровой-Платоновой. См. подробнее об упомянутой поездке Гилярова в Петербург (точнее, двух поездках) в его письмах к Гальперсон, опубликованных нами: *Из пережитого*. Т. 2. С. 220—247, 497—539.

[9] Письмо (черновое) на этом обрывается, и в нем нет традиционных этикетных фраз прощания и подписи.

17
КНЯЗЬ Н. В. ШАХОВСКОЙ — К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ
Москва, 26 января 1897 г.

26 янв<аря> 1897 года.

Глубокоуважаемый
Константин Петрович.

«Не полезно хвалиться мне»,[1] говоря словами ап. Павла, но все-таки в интересах полного для Вас выяснения дела похвалюсь моим отношением ко вдове Никиты Петровича. После смерти Гилярова, Вера Алексеевна с сыном Николаем осталась с одною только дачею в селе Черкизове, которую и продала за 3000 или 4000 р. Эти деньги они и проживали с 1887 по 1893, когда уже у них не осталось ничего, кроме ежегодного пособия в 300 р. из Литер<атурного> фонда. Положение становилось критическим. И вот осенью 1893 года в 332 № «Московского Листка» появляется прилагаемая при сем (публикация) заметка,[2] рисующая в сильных штрихах бедственное положение Гиляровой и взывающая к общественному благотворению в ее пользу. Я в то время состоял на службе в Петербурге и не подозревал о нужде несчастной вдовы Гилярова. Присланная мне Ф. А. Гиляровым заметка в «Москов<ском> Листке» поразила меня как громом. Самая возможность грошовых подачек семье Никиты Петровича, соединенных с личным удостоверением в ее бедности благотворителей, казалась мне ужасною. Я тотчас же составил прошение на Высочайшее имя о назначении Вере Алексеевне пенсии за заслуги ее мужа. В Москве, куда я отправил прошение, оно было переписано при помощи Ф. А. Гилярова, подписано вдовою. Затем оно было переслано мне, и я подал его в Комиссию прошений барону Будбергу. Я тогда был и у Вас, просил Вашего содействия для успеха прошения, причем ходатайствовал об определении размера пенсии применительно к получавшейся Гиляровым аренде, т. е. 800 р.[3] Вы же находили, что для Гиляровой достаточно будет и 500 р. в год. В таком именно размере и была ей назначена пенсия.

Но пока еще дело о пенсии было в ходу, требовалась немедленная помощь. Но откуда ее взять? Мне пришла тогда в голову мысль написать от имени Гиляровой прошение о единовременном пособии, для подачи Московскому Ген<ерал>-Губернатору В<еликому> К<нязю> Сергею Александровичу.[4] Прошение возымело действие, и к новому 1894 году Гилярова получила 100 р.

Вера Алексеевна, при постоянной своей хвори и периодических запоях сына, часто вынуждена была прибегать к врачебной помощи, а потому, при 500 р. пенсии, бедствовала. Мне доводилось неоднократно выручать ее из нужды. Так, по учреждении Литер<атурного> фонда имени Николая II я обратился к Л. Н. Майкову с просьбою об оказании Гиляровой пособия из указанного источника. — В 1895 году ей было оттуда выдано *150 р*. Затем минувшею осенью при моем содействии получила она следующие пособия.

От городского попечительства о бедных — 15 р.

За печатание материалов в «Рус<ском> Обозр<ении>» — 158 р.

От перепечатки в журнале «Читатель»

главы «Из Пережитого» — «Прозорливица»[5] — 13 р. 12 к.

В бытность мою в Петербурге минувшей осенью я выхлопотал у Л. Н. Майкова для Гиляровой единовременного пособия 50 р. и ежегодного рассроченного (по 30 р. в месяц) пособия — 360 р.

Итого при моих хлопотах Гилярова получила единовременных пособий на сумму — 486 р. 12 к. и ежегодной пенсии 860 р.

Вот что сделал я, человек, семье Гилярова совершенно посторонний и вдобавок при жизни Н<икиты> П<етрович>а его жены не знавший и никогда даже не видавший.

Что же делала г-жа Гальперсон, отчего, стоя так близко к семье Гилярова и владея его бумагами (которые способны превращаться в звонкую монету), — она ничем на деле не проявила своего столь на словах сильного желания помочь вдове Н<икиты> П<етрович>а? Она печатала немало сырого материала из Гиляровского архива и в «Русском Архиве», и в «Русском Деле», в коем более 10 №№ были переполнены этим материалом; но ни памяти Гилярова от такого беспорядочного тиснения не было никакой пользы, ни вдове его от такой богатой трапезы материалов не перепало ни одной крупицы. И это поистине возмутительно, ибо, что ни говори г-жа Гальперсон, *а бумаги Гилярова принадлежат его семье,* и спасение их от продажи старьевщикам (?!) есть *выдумка*, над которой смеются и вдова, и ее сын Николай. Просто бумаги Гилярова находились в момент смерти Ник<иты> Петр<овича> в квартире г-жи Гальперсон, *да так там и остались*. Вот вероятное происхождение ее права собственности на архив. Я с своей стороны не только считаю документы, находящиеся у Гальперсон, собственностью вдовы Гилярова, но считаю и добытые *мною* письма Н<икиты> П<етрович>а ее же достоянием, и гонорар, который я получаю и получу за печатание последних в сыром виде, *никогда не возьму себе*, а *всегда отдам вдове*.

Возвращаясь к Вашему желанию издать статьи Гилярова на типогр<афские> средс<тва>,[6] позволю себе еще раз настоятельн<о> посоветовать не соблазняться передачей прав, кот<орые> все же не дарят<ся>, а купить права[a]. Если г-жа Галь-

[a] *Это предложение вписано над зачеркнутым*: Конечно, Вам нечего входить в рассмотрение этого вопроса и Вам ни до чего нет дела, раз Вы приобретете права *покупкой* у г-жи Гальперсон. Но, повторяю, Вам необходимо *купить* права, а не получить через даровую передачу.

персон так действительно хочет поставить памятник Гилярову, — то вот ей от продажи несколько сот рублей, на которые можно воздвигнуть хороший памятник. — Тогда все получит свое осуществление: и памятник будет поставлен к 10-летию памяти Гилярова, и сочинения его будут в верных руках, которые могут их издать.

Примите свидетельство моего глубокого уважения и искренней преданности.

Кн. Н. Шаховской.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 75. Л. 17—20 об.

[1] 2 Кор 12: 1.

[2] См. текст заметки Н. И. Пастухова в коммент. 1 на с. 618.

[3] Вплоть до 1884 г. Гиляров получал ежегодные выплаты из государственного казначейства по 800 рублей серебром, начатые производством 4 апреля 1865 г. (вместо пожалованной государем аренды по чину действительного статского советника).

[4] Великий князь Сергей Александрович (1857—1905) — пятый сын Александра II; московский генерал-губернатор (с 1891 г.).

[5] *Гиляров-Платонов Н. П.* Прозорливица: Из автобиографических воспоминаний // Читатель. 1896. № 50. Дек. С. 49—62.

[6] То есть на средства Московской Синодальной типографии.

18
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
С.-Петербург, 27 января 1897 г.

Возвращаю Вам, Князь, расписки и письмо Павлова, очень интересное.[1] Характерно и верно выписанное суждение Васильчикова о дворянстве[2] — не помню, чтоб это письмо было где-нибудь напечатано.

Г-жа Гальперсон была у меня вчера и принесла изготовленное ею письмо на мое имя о переуступке права. Но я нашел его неполным — в нем поименованы по списку статьи Гилярова и ограничено ими право. Я стал расспрашивать ее о причине ограничения — вижу, что недоумение ее состоит в возможности переуступки мною права другому лицу (очевидно, она не хочет Вас). Тогда я сказал ей — пусть напишет на мое имя лишь *личную* переуступку, с тем что ежели я не воспользуюсь (покуда жив), то право к ней возвращается.

Очевидно, все это кладет на меня труд и заботу лишнюю — но не могу удержаться от желания — не дать погибнуть умственному труду покойного Гилярова. Бог знает, в чьи руки перешло бы дело, если б осталось в руках Гальперсон. Ей же я все-таки намерен вручить 200 р., заплаченные ею г-ну Кролау.

Судьба привела к тому, что наследники Гилярова равнодушны к памяти отца — и, по всей вероятности, не помнят сами, что подписывали. Один сын пьяница, другой, киевский, — очевидно, или странный человек, или даже не расположенный к деятельности и к памяти отца своего. Гальперсон придет ко мне через неделю и принесет оба нотар<иальных> документа — о передаче пра-

ва от наследников — Кролау, и от Кролау — ей. По словам ее, Кролау имел единственною целью спасти бумаги Гилярова от расхищения, ибо застал пьяного сына в ту минуту, когда он рвал бумаги и продавал их старьевщику.

Вот все, о чем спешу предупредить Вас. В сущности, не понимаю, откуда идет это враждебное отношение к Вам г-жи Гальперсон. Она уверяет, что оскорблена была тем, что Вы стали печатать в «Рус<ском> Обозр<ении>» письма Гилярова — но я и этого не понимаю.

Здравствуйте.

27 янв<аря> 1897. К. Победон<осцев>.

Пб.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 147. Л. 11—12.

[1] Имеется в виду письмо И. В. Павлова к князю Шаховскому от 3 июня 1893 г. Опубликовано выше, на с. 688.

[2] О каком суждении идет речь, нам неизвестно.

19
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
С.-Петербург, 4 февраля 1897 г.

Почтеннейший Князь Николай Владимирович.

Вчера была у меня г-жа Гальперсон. Она принесла мне оба в порядке составленные акта, один от всех наследников на имя Кролау, другой от Кролау ей, нотариальные, с передачей права на все сочинения Гилярова. Затем принесла бумагу с переуступкою мне всех прав на издание всех *напечатанных* сочинений Гилярова, с тем что ежели в 3 года я не воспользуюсь, то право возвращается к ней. Могущие быть прибыли назначаются — на памятник и на пособие вдове. За собой она оставляет статьи «Соврем<енных> Известий».

Вот положение. Если я готов взяться за это дело, то единственно из интереса памяти Гилярова и литературного; ибо иначе все может погибнуть или достаться к<акому>-нибудь промышленнику. Вы сами, видите, лишены прямой возможности взяться за это дело по отношениям к владетельнице прав, но можете из-под меня руководствовать делом издания. Покуда жив, я могу еще справить издание в Моск<овской> Типографии.

Если Вы в эту мысль входите, то не сообщите ли мне план, в коем, по Вашему мнению, надлежало расположить издание, коего материал у Вас уже собран?

Ожидаю Вашего отзыва.

К. Победоносцев.

4 февр<аля> 1897.

В Вашем списке статей 26 №-в; а у Гальперсон 19. У Вас семью больше.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 148. Л. 1—2.

20
КНЯЗЬ Н. В. ШАХОВСКОЙ — К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ
Москва, 7 февраля 1897 г.

Глубокоуважаемый
Константин Петрович.

Я не только вполне вхожу в Вашу мысль, но и душевно рад оказать предпринимаемому Вами делу всякое содействие. Что касается до плана издания, то, думается мне, следовало бы придержаться хронологического порядка статей, согласно перечню, мною Вам представленному. Содержание статей слишком разнообразно, чтобы можно было принять иную систему печатания. Хронологические справки приведены в моем перечне вполне точно, и их следовало бы поместить под строкою к каждой статье.

Когда я предполагал редактировать печатание статей Гилярова для Сытинского издания, я было задумывал широко поставить дело: мне хотелось предпослать статьям краткий биографический очерк и снабдить самые статьи примечаниями, в коих заключались бы не только указания относительно времени напечатания статей, но и сообщение обстоятельств, при которых некоторые из них были написаны, толков и отзывов, которые они вызывали, и мнений о них самого Гилярова. Но теперь, после «гнева» на меня г-жи Гальперсон, лишившей меня пользования имеющимися у меня копиями Гиляровских бумаг, подобная задача вовсе неосуществима.

Кроме тех 26 №№ статей, которые находятся в известном Вам списке, мною еще найдена помещенная Гиляровым в «Совр<еменной> Летописи» «Рус<ского> Вестника» 1859 г. № 20 и подписанная буквою Ц «Библиографическая заметка» по поводу статьи «Обличение на книгу: “О возможном соединении Церкви Российской с Западной”».[1] Затем представлялось бы не излишним поместить в издание опубликованное мною в статье «Гиляров и К. Аксаков»[2] (имеющ<ейся> у Вас в оттиске) письмо Н<икиты> П<етровича> о народном образовании, а равно письмо его к Юрьеву по поводу «Исповеди» гр. Л. Толстого (напечатано в «Русском Архиве»[3]). — Я бы присоединил к этому изданию и «Начала Экономии»,[4] брошюрку, которую нигде теперь нельзя достать.

Но и за всем тем я не уверен, что мною чего-либо не пропущено из писаний Гилярова. Надо еще внимательно просмотреть «День», а также «Москву» в Румянцевском Музее. Только в настоящее время предпринять этот труд мне невозможно: я еще не оправился от тяжкого приступа горловой жабы,[5] осложненной нарывом в горле, от которого я не чаял и в живых остаться, так было затруднено мое дыхание. Но Бог привел мне пережить опасность и теперь я поправляюсь. Как только буду в состоянии выходить из дому — так отправлюсь в музей.

Издание придется сделать в 2-х томах, потому что для одного материала слишком много и пришлось бы употребить слишком мелкий и неприятный для чтения шрифт.

Как назвать издание? Я над этим долго ломал голову и не мог придумать иного названия, как: «Сочинения Н. П. Г<илярова>-П<латонов>а. — Статьи, напечатанные там-то».

Если, не откладывая в долгий ящик, приступить к делу, то в течение года можно окончить все издание.

В ожидании дальнейших указаний Ваших остаюсь с глубоким к Вам уважением и искренней преданностью.

Кн. Н. Шаховской.

7 февр<аля> 1897 г.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 75. Л. 21—22 об. Черновик письма: Там же. Ед. хр. 78. Л. 7—8 об.

[1] В итоге заметка была включена в издание: *Сб. соч.* Т. I. С. 471—478.

[2] *Шаховской Н. В., кн.* Н. П. Гиляров-Платонов и К. С. Аксаков: (По статьям и письмам Гилярова) // *РО*. 1895. Т. 36, дек. С. 509—545.

[3] Н. П. Гиляров к ***: (Об «Исповеди» графа Л. Н. Толстого): <Письмо к С. А. Юрьеву от апреля 1882 г.> / <Публ. А. М. Гальперсон> // *РА*. 1889. Кн. III, вып. 11. С. 428—432.

[4] Точнее: «Основные начала экономии». Вых. дан. см. в коммент. 8 на с. 789.

[5] *Горловая жаба* — то же, что ангина.

21
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
С.-Петербург, 11 февраля 1897 г.

Почтеннейший Князь Николай Владимирович.

Письмо Ваше от 7 февр<аля> получил. Рад, что Вы не отказываетесь содействовать изданию. Признаться, без Вашего участия я не решился бы взять на себя хлопоты по собранию материала. У Вас он, как вижу, собран, и можно будет приступить к составлению оригинала, подлежащего отправке в Типографию.

Конечно, если бы могли быть присоединены к тексту примечания, о коих Вы упоминаете, это могло бы лишь возвысить значение всего издания — и примечания могли бы быть безличными. Но если б в этом встретилось затруднение, — то останавливаться не следует, дабы не упустить времени.

Нет сомнения, что могли бы и затем еще найтись в разных изданиях заметки и статьи Гилярова, но за этим едва ли следует гнаться, тем более что и тут невозможно достигнуть совершенной полноты.

Когда готов будет оригинал, Типография может сделать расчет его печатного расположения в 1 или 2 томах, при известном формате.

Что касается до названия, то не назвать ли: *Сборник* сочинений и статей Н. П. Гилярова-Платонова. Или — Сборник статей Н. П.

Можно пустить вперед весьма краткое предисловие, ибо биография завлекла бы далеко.

Надеюсь, что Вы оправились от болезни. Здравствуйте.

К. Победоносцев.

11 февр<аля> 1897.
Пбург.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 148. Л. 3—4.

22
КНЯЗЬ Н. В. ШАХОВСКОЙ — К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ
Москва, 13 февраля 1897 г.

13 фев<раля> 1897 г.

Глубокоуважаемый
Константин Петрович.

У меня все статьи Гилярова собраны по годам в отдельной папке, и я могу, когда угодно, передать их лицу, которое Вы укажете, для соображения относительно объема издания. Но я должен предварить Вас, что статьи имеются у меня только в *одном* экземпляре, а потому мне очень бы хотелось, если возможно, установить следующий порядок: по соображении объема издания и других технических сторон дела, статьи возвращаются мне, и я выдаю их в типографию по мере печатания. Таким образом я буду покоен, что статьи, с таким трудом мною собранные, не затеряются в массе типографского материала, и я буду иметь возможность исподволь снабжать их посильными примечаниями.

В представленном мною Вам списке Гиляровских статей оказываются ошибочные названия статей. Так, статьи: «О труде» и «Дополнение к статье В. Лешкова “Русские экономические вопросы”» в сущности представляют названия одной и той же заметки Гилярова о различии между *трудом* и *работою*. На эту же тему были написаны в 44 № «Дня» статьи Лешкова и Даля. Все три статьи, так сказать, дополняют одна другую, так что две последние могли бы быть приведены под чертою в Сборнике.[1] Затем, полагаясь на свидетельство Языкова («Обзор жизни и трудов покойных русских писателей», вып. VII. Русские писатели, умершие в 1887 г.»), я включил в перечень статей — «Московский Новодевичий монастырь в 1812 году». Но по «Росписи “Русского Архива” за первые тридцать лет» на стр. 55 под № 1111 значится: «Московский Новодевичий монастырь в 1812 году. Рассказ очевидца, штатного смотрителя Семена Климыча». — Таким образом, на две статьи должен сократиться перечень.

Зато позвольте предложить для Сборника замечательное письмо Н<икиты> П<етровича> к Ю. Ф. Самарину о философской терминологии Хомякова.[2] Мне кажется, это письмо вполне уместно поместить после статьи Г<илярова> «О судьбе убеждений (по поводу смерти Хом<якова>)».

Ожидаю дальнейших указаний Ваших. Примите свидетельство моего глубокого почтения и искренней преданности.

Кн. Н. Шаховской.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 75. Л. 23—24 об.

[1] Так в итоге эта статья (под названием «Работа и труд») и была опубликована: *Сб. соч.* Т. II. С. 122—126.

[2] См.: Там же. С. 63—67. Письмо опубликовано со случайным пропуском строки (ср.: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 474. Л. 7—8 об.).

23
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
С.-Петербург, 30 октября 1897 г.

В старых бумагах нашел еще несколько вырезок из «Соврем<енных> Изв<естий>» и 2 письма Гилярова. Посылаю Вам.

К. Побед<оносцев>.

30 окт<ября> 97. Пб.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 148. Л. 5.

24
КНЯЗЬ Н. В. ШАХОВСКОЙ — К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ
Москва, 31 октября 1897 г.

Москва, 31 окт<ября> 97.

Глубокоуважаемый
Константин Петрович.

Согласно желанию Вашему сделан приблизительный расчет размерам и стоимости предполагаемого издания статей Гилярова. — Представленного в Синодальную Типографию материала оказалось на 56 листов (888 стр.), т. е. на две книги в 8-ю долю листа, в 28 листов каждая. Соображая шрифты Синод<альной> Типографии, я остановился на шрифте Вашего «Московского Сборника»,[1] а также полагаю всего лучше придержаться и его формата для нашего издания. Как шрифт этот, так и формат всего ближе подходят к книгам «Из Пережитого».[2]

Что касается до стоимости издания, то по моей просьбе сделан расчет на 3000 и на 1200 экземпляров. Печатание 3000 экземп<ляров> обойдется в 3148 р. 94 к. (набор — *868 р. 14*, обложка — 40 р., печать — *448 р.*, брошюровка — 180 р., бумага — 1612 р. 80 к.) — или по 1 р. 05 к. за дву<х>томный экземпляр. Печатание 1200 экз. обойдется — в 235 р. 34 к. (набор — *868 р. 14*, обложка — 20 р., печать — *448 р.*, брошюровка — 72 р., бумага — 627 р. 20 к.) — или по *1 р. 70 к.* за

экземпляр. Таким образом, если печатать в количестве 1200 экзем<пляров>, то придется назначить цену издания не менее 2 р. 50 к., иначе ничего не останется для постановки памятника и для вдовы. При 3000 экз. цену можно назначить 2 р. и при успешной продаже остаток будет гораздо больший. Надо принять в соображение «комиссионный процент», взимаемый магазинами. Все это приводит меня к мысли о том, что следовало бы издать Гиляровские статьи в 3000 экземпляров. Ваше имя как издателя, изящная обложка, с какой обыкновенно издаются Москов<ской> Синод<альной> Типографией книги, — несомненно послужат ручательством, что все издание в 3000 экз. разойдется. — Несколько строк предисловия непременно также следует написать Вам, п<отому> ч<то> всего важнее Ваше имя, Ваша рекомендация. Приступить к печатанию, кажется, придется не ранее конца ноября. Во всяком случае за мной задержки не будет. Прилагаю при сем несколько добытых мною отрывков из писем Гилярова к о. Вениамину[3] (с просьбой возвратить), а также оттиск моей статьи о цензурной службе Гилярова.[4]

Искренно и душевно Вам преданный

Кн. Н. Шаховской.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 75. Л. 25—26 об.

[1] Московский сборник / Изд. К. П. Победоносцева. М.: Синодальная тип., 1896. <4>, 304 с.

[2] *Гиляров-Платонов Н. П.* Из пережитого: Автобиогр. воспоминания Н. Гилярова-Платонова: <В 2 ч.>. М.: Т-во М. Г. Кувшинова, 1886. <Ч. I.> 345 с.; <Ч. II.> 349 с.

[3] О сохранившейся переписке Гилярова с епископом Вениамином (Карелиным) см. коммент. 7 и 25 на с. 760.

[4] К тому времени были опубликованы три части статьи: *Шаховской Н. В., кн.* Годы службы Н. П. Гилярова-Платонова в Московском цензурном комитете // *РО*. 1887. Т. 46, июль. С. 131—172; Авг. С. 712—771; Т. 47, окт. С. 716—783.

25
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
С.-Петербург, 1 ноября 1897 г.

1 ноября.

Благодарю за присылку.

Только как образовались эти *отрывки* и к какому году письмо относится?

Потому именно что это *отрывки*, pensées détachées *,[1] неудобно пустить их в обращение. Иное дело, когда бы это было цельное и всестороннее рассуждение.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 148. Л. 6.

* запасные мысли (*фр.*).

[1] Видимо, отсылка к названию известного сочинения Дени Дидро «Pensées détachées, ou Fragments politiques échappés du portefeuille d'un philosophe» (Запасные мысли, или Политические фрагменты, выскользнувшие из портфеля философа, *фр.*) (1772).

26
КНЯЗЬ Н. В. ШАХОВСКОЙ — К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ
Москва, 12 ноября 1897 г.

Глубокоуважаемый
Константин Петрович,

не пожелаете ли прочитать замечательные письма Гилярова к И. Ф. Романову, писанные им незадолго до смерти? Я читал из них выдержки профессору из Киевской Духовной Академии В. З. Завитневичу,[1] который теперь, по его словам, оканчивает большое 2-томное сочинение об А. С. Хомякове.[2] Завитневич пришел от них в восторг и умолял меня позволить ему привести в примечаниях к богословским воззрениям Хомякова параллельно взгляды Гилярова. Он говорил, что придает огромное значение читанным мною отрывкам из писем Гилярова к Романову, что при сопоставлении их со взглядами Хомякова явится возможность представить целое самостоятельное и живое направление русской богословской мысли.[3]

Без Вашего совета и указания я не решусь предоставить в распоряжение Завитневича разбросанные в письмах отрывки богословских мнений Гилярова, вследствие некоторой радикальности их и недостаточного развития, хотя думаю, что специально-богословская подготовка Завитневича может служить порукою тому, что он сумеет избежать соблазна в распоряжении мнениями Никиты Петровича.[4]

Равным образом, не передать ли для указанной цели Завитневичу и присланного большого отрывка из писанного в 1861 году письма Гилярова к архимандриту Вениамину (вместе с отрывками, Вам уже знакомыми).[5] Или же, быть может, Вы пожелаете его напечатать в издаваемом Вами Гиляровском *Сборнике*. Письмо получено мною от наследника Вениамина, доктора Лепешинского, и потому я волен распорядиться им по усмотрению. Читанные Вами отрывки, повидимому, служили черновыми вариантами к этому письму.

Прибавлю для пояснения этого письма Гилярова, что под словом «возражатель» он разумеет Архиерея Афанасия (Дроздова),[6] который своими беседами соблазнял в вопросах веры простодушного ректора семинарии, архимандрита Вениамина,[7] обращавшегося за поддержкой к Гилярову, которого обожал и которого уму и учености поклонялся. Вот отрывок одной из бесед Афанасия с Вениамином.

«Он (т. е. Афанасий) поведет длинную-предлинную речь, как он давно уже сам собою дошел до того, что известное место Флавия об Иисусе[8] признал за подложное, но молчал об этом, чтобы не поколебать веры православной, ибо через это открытие подрывается один из основных догматов православной цер-

кви: единогласное свидетельство отцев церкви служить непререкаемым свидетельством истины. Это положение само собою падает, когда мы скажем, что вот-де целый ряд отцев трубили, что Иосиф Флавий свидетельствовал об Иисусе, а между тем оказывается, что это ложь, что это чья-то подделка. Теперь сам собою рождается вопрос: кто же это были, кто делал такие вещи? "Православное Обозрение" этого не знает, а я знаю, да не хочу говорить, п<отому> ч<то> сказать — это значит подорвать все христианство.

— Не будете ли так добры, не можете ли по крайней мере мне сообщить ваших исследований: может быть, я как-нибудь решился бы их открыть?

— Эк ты чего захотел. Впрочем, мои исследования не все еще приведены в порядок, а потому ты в них не найдешь никакого толку. Кроме того, к чему все это поведет, к сомнению, а это больно. Вот, например, "Kraft und Stoff" * [9] — что за прелесть! Здесь наука во всеоружии своем: это не то, что ваши бессвязные, бестолковые богословия. А между тем и этой книги нельзя давать в руки каждому: в ней наповал убита религия.

— Нельзя ли по крайней мере прочитать эту книгу?

— Эк ты хватил. Ты соблазнишься. Кроме того, ты не настолько подготовлен к чтению этой книги, чтоб мог понять всю ее глубину и прелесть. Для этого требуется основательное знание естественных наук. Я ими занимался много и специально, а потому мне все в этой книге доступно».

Не стану утруждать внимания Вашего выписками, но упомяну, что в одном из писем (от 15 марта 1861 г.) Вениамин предлагает Гилярову на разрешение 8 вопросов, мнения по коим Афанасия так «потрясли» В<ениамин>а, что он «не знал, за что ухватиться». Вероятно, ответом на это письмо и служит тот большой отрывок, о котором выше упомянуто.

Не решаясь вверить почте как прилагаемые письма Гилярова, так и этого письма, я воспользовался любезным согласием моего друга Кн. Ширинского-Шихматова — отправить их к Вам казенною посылкою от Конторы.

Искренно и душевно Вам преданный

Кн. Н. Шаховской.

12 нояб<ря>
1897.

Печатается впервые полностью по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 75. Л. 27—30 об. Фрагменты опубликованы нами в издании: *Возвращение.* С. 210, 227—228. Черновик письма: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 78. Л. 9—11 об.

[1] Владимир Зенонович Завитневич (1853—1927) — археолог, историк, профессор Киевской духовной академии по кафедре русской гражданской истории. В черновике письмо начиналось иначе: «В последнее свидание с Вами я забыл упомянуть, что нынешним сентябрем в Киеве я познакомился с профессором Киевской Духовной Академии В. З. Завитневичем, который мне сообщил, что он оканчивает большое двухтомное

* «Сила и материя» (*нем.*).

сочинение об А. С. Хомякове. Особенно много места в своем труде уделяет Завитневич богословским взглядам Хомякова» (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 78. Л. 9).

[2] *Завитневичъ В. З.* Алексей Степанович Хомяков: <В 2 т.>. Киев: Тип. И. И. Горбунова, 1902—1913. Т. I, кн. I: Молодые годы, общественная и научно-историческая деятельность Хомякова. 1902. <2>, XVI, 866, XV с.; Кн. II: Труды Хомякова в области богословия. 1902. <4>, 867—1422, VIII с.; Т. II: Система философско-богословского мировоззрения Хомякова. Киев: Тип. акц. о-ва «Петр Барский в Киеве», 1913. <6>, XVIII, 307 с.

[3] Далее в черновике следовала фраза: «Ввиду того, что мне самому, при отсутствии специальной богословской подготовки, трудно будет употребить с пользой этот материал, — может быть, передать его Завитневичу для изложенной цели и представлялось бы делом желательным» (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 78. Л. 10).

[4] Далее в черновике было: «Ввиду сего позволяю себе обеспокоить Вас просьбой — прочитать прилагаемые письма к И. Ф. Романову (где взгляды эти изложены на стр. 31, 32, 35, 36, 37, 38, 39, 41, 42, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64) <...>» (Там же. Л. 10—10 об.).

[5] В черновике далее следовал большой фрагмент, отвергнутый при переписывании набело: «Впрочем, я уверен, что особенно письма к Романову Вы прочтете с увлечением, п<отому> ч<то> они действительно замечательны. К счастью, Гиляров придал Романову значение неизмеримо большее, чем последний заслуживал. [Вероятно, проявленные Романовым в его письмах интересы] Если б он его знал лично, а не заочно, то вряд ли мы обладали теперь этим духовным сокровищем, как Гиляровские письма. Романов — это декадент славянофильства, человек болезненный и умственно бессильный, а между тем снедаемый огромным самомнением и жаждой славы и известности. В компании с Васильевым, Шараповым и Н. Аксаковым он участвовал в издании славянофильствовавшего журнала “Благовест”, который умолк, п<отому> ч<то> никто его не слушал, да и звук был слишком слаб и фальшив. Вот к этому-то человеку, тогда еще юноше, — напрягавшемуся над постижением Сочи<нений> Хомякова, — Гиляров и обращал свое вещее слово» (Там же. Л. 10 об.—11 об.).

[6] Об архиепископе Афанасии (Дроздове) см. коммент. 160 на с. 565. Биограф сообщал о нем: «Современники не любили Афанасия и во всех его действиях видели стремление удовлетворить личному самолюбию и честолюбию» (Русский биографический словарь. СПб., 1900. Т. II. С. 370). Современный исследователь священник Мих. Воробьев отмечает: «Обладая мизантропическим характером, А<фанасий> не надеялся встретить понимание своих идей в академических кругах <...>» (Православная энциклопедия. М., 2001. Т. III. С. 712).

[7] В тот период (с декабря 1859 г. по июль 1862 г.) архимандрит Вениамин (Карелин) был ректором Астраханской духовной семинарии.

[8] Речь идет о фрагменте из книги XVIII «Иудейских древностей» Иосифа Флавия, начинающемся словами: «Около этого времени жил Иисус, человек мудрый, если его вообще можно назвать человеком. Он совершил изумительные деяния и стал наставником тех людей, которые охотно воспринимали истину. Он привлек к себе многих иудеев и эллинов. То был Христос». См. полностью: Иисус Христос в документах истории / Сост. Б. Г. Деревенский. СПб.: Алетейя, 2007. С. 54—57. Споры о достоверности этого свидетельства начались в XVI в.

[9] *«Сила и материя»* — труд немецкого философа-материалиста Людвига Бюхнера (1855), популярный в среде шестидесятников.

27
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
С.-Петербург, 19 ноября 1897 г.

Почтеннейший Кн. Николай Владимирович.

Премного благодарен Вам за сообщение крайне интересных писем Гилярова. Много тут разбросано искрами глубокой мысли, которую никогда не удавалось Гилярову соединить в одно целое вместилище. Но потому-то именно это — чтение *для немногих*.[1] Для многих будет отчасти непонятно, отчасти соблазнительно. Итак, не вижу возможности включить это или часть этого в наше издание, тем более что в него войдут лишь напечатанные уже статьи. Что касается до сообщения Завитневичу, то, право, не знаю, что сказать. Завитневича не знаю и не могу судить о пропорциях ума его. Он издает 2 тома о Хомякове, — и на эту тему можно много фантазировать.

Однако жаль, если пропадут эти письма. Мне приходит на мысль — не напечатать ли их особою брошюркою за границей, в Берлине? В небольшом количестве. Это можно бы устроить.

Кто этот Романов?[2] Я не слыхал об нем. Бумаги возвращу Вам сам, если соберусь скоро в Москву, или пришлю на Ширинского в казенном пакете.

Вот, кончились страдания брата Льва,[3] и Вы его похоронили. Спаси его Боже.

Здравствуйте.

К. Победоносцев.

Пбург. 19 ноября 1897.

Печатается впервые полностью по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 148. Л. 7—8. Фрагменты опубликованы нами в издании: *Возвращение*. С. 210, 228.

[1] С такой отметкой — «Для немногих» — сам Победоносцем опубликовал, например, свои «Отрывки из школьного дневника. 1842—1845 гг.» (СПб.: Тип. Мин-ва путей сообщения, 1885. <2>, II, 118, <2>, 9 с.).

[2] Неосведомленность Победоносцева об И. Ф. Романове кажущаяся и объясняется тем, что тот печатал свои статьи под псевдонимами (наиболее частотный — Рцы). Есть сведения, что благодаря заступничеству Победоносцева удалось оградить от цензурного запрещения статью Рцы «Тексты перепутал! (По поводу “Крейцеровой сонаты” Л. Н. Толстого. Письмо к С. Ф. Шарапову)» (1890).

[3] Князь Л. В. Шаховской умер в Москве 13 ноября 1897 г.

28
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
С.-Петербург, 2 января 1898 г.

Здравствуйте на Новый Год.

Почтеннейший Кн. Николай Владимирович!

Спешу отвечать.

Без сомнения, лучше будет сказать: *Сборник* сочинений, вместо Сб. статей.

Мысль Ваша — пустить вместо предисловия биографию — конечно, прекрасная, — я не ожидал только, что Вы успеете справиться с работой. 1 том утолщен будет, но не беда. Надо только выбрать шрифт убористый.

Ввиду Вашего скорого отъезда постараюсь просмотреть тетрадь сегодня же и завтра выслать Вам на имя Кн. Ширинского. Предупредите его.

Здравствуйте.

К. Победоносцев.

2 янв<аря> 1898.

Пбург.

На обертке, конечно, след<ует> выставить 1899 год.[1] Если есть еще в продаже «Воспоминания», можно объявить их на задней стор<оне> обертки.[2]

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 148. Л. 9.

[1] Так и было сделано: т. I датирован 1899 годом, а II — 1900-м.

[2] На задней стороне обложки обоих томов помещен список из 9 книг, изданных Победоносцевым в 1895—1898 гг.

29
КНЯЗЬ Н. В. ШАХОВСКОЙ — К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ
Москва, 25 января 1898 г.

Москва, 25 янв<аря> 1898 г.

Глубокоуважаемый
Константин Петрович,

Вам посланы корректурные листы двух статей Гилярова, набранных хотя одним и тем же шрифтом, но разною, так сказать, компактностью шрифта. В первой статье о Формозе шрифт более расставлен, во второй[1] — сужен. Каким способом угодно Вам будет приказать печатать?

Мне кажется, что по внешнему виду между обоими способами незаметно почти никакой разницы, между тем второй на 50 печатных листов дает экономии в два листа, что на 1200 экземпляров составит 2400 листов. По моему мнению, не следует брезгать такой экономией и надо остановиться на более убористом наборе.

Из № 1 «Русского Труда», в коем помещено письмо Гилярова к митрополиту Сербскому Михаилу,[2] я увидал, что Гальперсон снова обратилась к Шарапову, чтоб в новом его журнале продолжать печатание бумаг Никиты Петровича. Судя по заявлению Шарапова (Особое приложение к № 1 «Русского Труда», статья «От редактора», 3-й столбец), в одном из ближайших №№ этого журнала будет между прочим перепечатана статья Гилярова «Личное и Общественное»,[3] уступленная Вам, по составленной самой Гальперсон описи, для Сборника статей Гилярова.

Если Вас не затруднит, не откажите через Кн. Шир<инского>-Шихматова дать мне сведения о том, какое служебное место Вы изволили занимать в Москве в 1860 году[4] и когда и на какую должность перешли Вы в Петербурге.

Искренно и душевно Вам преданный
Кн. Н. Шаховской.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 75. Л. 31—32 об.

[1] Первые публикации: <*Гиляров-Платонов Н. П.*>: 1) О папе Формозе // Прибавление к изданию Творений Св. Отцов. 1855. Ч. XXV, кн. 2. С. 239—277; отд. изд.: М., 1855. 39 с.; 2) О папе Формозе и латинском перстосложении // Православный Собеседник. 1863. Ч. I. Янв. С. 1—34; Февр. С. 102—141. Формоз (816—896) — папа Римский с 891 г.; считается зачинателем раскола христианства.

[2] Письмо Н. П. Гилярова-Платонова митрополиту Сербскому Михаилу / Сообщ. А. Г<альперсон> // Русский Труд. 1898. 3 янв. № 1. С. 5—7.

[3] *Г—в Н. П. <Гиляров-Платонов Н. П.>.* Личное и общественное: (По поводу статьи г. Дубенского «Свобода и рабство». «Ж<урнал> З<емлевладельцев>». № 22) // *ЖЗ.* 1859. Т. VI, № 24. Отд. I. С. 411—438.

[4] Этим годом датировано начало переписки Гилярова и Победоносцева.

30
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
С.-Петербург, 28 января 1898 г.

Почтеннейший Князь Николай
Владимирович!

Отвечаю на вопросы Ваши.

1. Статьи Гилярова я велел набирать убористее, дабы издание обошлось дешевле.

2. В «Русский Труд», вероятно, г-жа Гальперсон дала статьи Гилярова. Я спрошу у нее. Впрочем, для самого издания, кажется, это безразлично, потому что газета Шарапова мало кому известна и едва ли помещение в ней некоторых статей могло бы повредить нашему Сборнику.

3. В 1860 году я занимал должность Обер-Секретаря в Общ<ем> Собр<ании> Моск<овских> Д<епартаменто>в Сената, а с 1859 года, с осени, по приглашению Москов<ского> Унив<ерситета>, читал на 2 или 3 курсах лекции Гражд<анского> права и Судопроизводства. Оставаясь в этой должности, в 1862 г. временно на год переезжал в Пбург для занятий с Цесаревичем[1] и в Комитет Судебной реформы. В 1863 г. путешествовал с Цесаревичем и осенью б<ыл> назначен Обер-Прокурором 8 Д<епартамен>та Сената в Москве, где и оставался до 1866 года, когда переехал окончательно в Пбург для занятий с новым Цесаревичем,[2] причем б<ыл> назначен Членом Консультаций в Мин<истерство> Юстиции. Время моего знакомства с Гиляровым определяется годом издания

«Христианского начала Семейной жизни»[3] — книга, которую цензуровал Гиляров.

Здравствуйте.

К. Победоносцев.

28 янв<аря> 1898.
Пбург.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 148. Л. 10—11.

[1] Цесаревич Николай Александрович (1843—1865), старший сын Александра II, скончавшийся от туберкулезного менингита.

[2] Будущий император Александр III.

[3] Речь идет об анонимно опубликованном Победоносцевым переводе сочинения немецкого теолога Г. В. Тирша «Христианские начала семейной жизни» (М., 1861). Цензурное разрешение подписано Гиляровым, в тот период служившим в Московском цензурном комитете, 19 декабря 1860 г.

31
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
С.-Петербург, 31 января 1898 г.

Вот письмо г-жи Гальперсон.

«Русский Труд» я не вижу, но по Вашему письму заключаю, будто в № 1 Шарапов ссылается на г-жу Гальперсон.

К. Поб<едоносцев>.

31 янв<аря> 1898.
Пб.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 148. Л. 12.

32
КНЯЗЬ Н. В. ШАХОВСКОЙ — К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ
Москва, 2 февраля 1898 г.

Глубокоуважаемый
Константин Петрович.

Я сообщил Вам, что Шарапов заявил в прилагаемой при сем статье «от Редактора» о своем намерении издать «Личное и Общественное» Гилярова, т. е. то сочинение, которое входит в состав нашего *Сборника*. Я писал Вам, помнится, также о том, что г-жа Гальперсон обнародовала в 1-м № «Русского Труда» письмо Гилярова к Сербскому Митрополиту Михаилу, из чего я заключил, что она, по-видимому, собирается в органе Шарапова печатать имеющиеся у нее материалы. Но я не говорил, чтоб Шарапов ссылался на г-жу Гальперсон. Ее имя не было упомянуто в журнале. Из присланного Вами письма ее я вижу, что на пе-

чатание предназначенных для Сборника статей Гилярова Шарапов от г-жи Гальперсон разрешения не получил. Таким образом, если б Вы признали возможным переслать последней препровождаемую статью «от Редактора», в коей отчеркнуто место о «Личном и общественном», то этим, быть может, предупредили бы самовольную перепечатку этой статьи Гилярова[a] Шараповым на столбцах «Русского Труда».[1]

Меня очень тревожит судьба «Русского Обозрения», коего январск<ая> книжка до сих пор еще не поступала ко мне на цензуру.[2] Такая неаккуратность Александрова[3] может очень вредно отразиться на подписке. Еще до сих пор московские городские подписчики воздерживаются от подписки на журнал, выжидая выход 1-го №. Трудно вести журнал лицу, имеющему постоянное место жительства у Троицы[4] и только временно наезжающему в Москву.

Искренно и душевно Вам преданный
Кн. Н. Шаховской.

М<осква>. 2 фев<раля> 1898 г.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 75. Л. 33—34 об.

[1] В итоге эта статья Гилярова не была перепечатана в газете С. Ф. Шарапова.

[2] Князь Шаховской в тот период служил старшим цензором С.-Петербургского комитета.

[3] А. А. Александров, редактор журнала «Русское Обозрение».

[4] То есть в Сергиевом Посаде.

33
КНЯЗЬ Н. В. ШАХОВСКОЙ — К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ
Москва, 3 февраля 1898 г.

Глубокоуважаемый
Константин Петрович.

Позвольте Вам возвратить письмо г-жи Гальперсон. Мне кажется, что она сама должна бы, не прикрываясь Вами, известить Шарапова о том, что право на издание статей Гилярова уступлено Вам и что посему она ему разрешить издание «Личного и Общественного» и вообще всех статей Гилярова, печатавшихся не в «Соврем<енных> Известиях», теперь не может.

Набор статей для Сборника в Синодальной Типографии двигается крайне медленно. Я до сих пор не получил еще продолжения 2-й статьи о папе Формозе. Кстати, для этой статьи я предполагал в примечании привести следующую выписку из письма Гилярова (от 1 янв<аря> 1859 г.) к арх<имандриту> Иоанну Соколову, которому он статью послал потом для помещения в «Православном Собеседнике» (помещена в 1863 г.): «В то время, как служил еще в Московск<ой> Дух<овной> Академии, мною составлена была обширная статья о папе Формо-

[a] *Это слово вписано над строкой.*

зе и о перстосложении для крестного знамения вообще. Предисловие к этой статье весьма коротенькое было напечатано в Творениях Св. Отцев за 1855 год. К тому времени, как печатать продолжение, последовала моя отставка, и мне, по известным отношениям, весьма неловко было, да и самому не хотелось настаивать на дальнейшее печатание <*так*!> в том журнале. Статья между тем составлена мною была весьма добросовестно и заключает в себе довольно нового; и существеннейшая-то ее часть остается в рукописи. Я хотел обратиться к Вашему Высокопреподобию с просьбою, не поместите ли ее в "Прав<ославном> Соб<еседнике>", для которого она весьма бы шла? Не имея чести быть с Вами знакомым, я не смел обратиться к Вам, и потому все откладывал свою просьбу. Теперь ее к Вам обращаю и прошу Вас покорнейше, в случае согласия, уведомить меня; после чего статья и будет препровождена в редакцию к Вам на рассмотрение».

Александров меня сегодня уверял, что в конце этой недели 1 № «Рус<ского> Обозр<ения>» поступит в цензуру и что засим февральская и мартовская книжки будут им одновременно печататься в двух типографиях («Моск<овских> Вед<омостей>» и Сытина).

Искренно и душевно Вам преданный

Кн. Н. Шаховской.

3 ф<евраля> 98 г.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 75. Л. 35—36 об.

34
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
С.-Петербург, 6 февраля 1898 г.

Почтеннейший Князь Николай
Владимирович.

Мне кажется совершенно уместным предполагаемое Вами примечание к статье о папе Формозе.

Московское «Обозрение»[1] представляет, подобно своему издателю, жалкие виды на будущее. Теперь «Русский Вестник», явивший уже 2 книжки, может взять перед. <*так*!>

Здравствуйте.

К. Победоносцев.

6 февр<аля> 1898. Пбург.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 148. Л. 13.

[1] Подразумевается журнал «Русское Обозрение».

35
КНЯЗЬ Н. В. ШАХОВСКОЙ — К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ
Москва, 6 февраля 1898 г.

Глубокоуважаемый
Константин Петрович.

Позвольте Вам вернуть письма г-жи Гальперсон. Не вздумал бы только Шарапов давать ей объяснения в своем журнале! Это от него может статься.

«Русское Обозрение» поступило ко мне сегодня на цензуру. Книга большая и содержит в себе довольно интересные статьи, искупающие отчасти неаккуратность Александрова. Так, останавливает на себе внимание огромное письмо Кохановской к Гр. Л. Н. Толстому,[1] заключающее в себе более горячее и искреннее, чем сильное нападение на него по поводу «Исповеди». К письму предложен портрет Кохановской. Возбудит, вероятно, толки статья о дуэли Лермонтова с Мартыновым.[2] Сын Мартынова, со слов своего покойного отца, старается снять с памяти его ответственность за роковой исход столкновения его с Лермонтовым. Но, выгораживая отца, он осуждает секунданта Лермонтова Кн. Васильчикова,[3] скрывшего от Мартынова следующие слова поэта: «Я сознаю себя настолько виноватым перед Мартыновым, что чувствую — рука моя на него не подымется». Передай он эти слова Мартынову — и дуэли бы не было, и обиженный протянул бы первый руку примирения своему обидчику. — Эту статью не принял в «Русский Архив» П. И. Бартенев, страха ради Княгини Мещерской-Паниной, коей дочь замужем за Кн. Васильчиковым (сыном или внуком секунданта Лермонтова).[4] — Любопытно также письмо из Лондона о посвященном Хомякову заседании Англо-Русского общества.[5] Есть небольшие статьи С. А. Рачинского,[6] Еленева,[7] Розанова,[8] Фуделя,[9] а также матерьялы, касающиеся К. Леонтьева, Герцена, Кохановской,[10] — все это заслуживает внимания. Не говорю о Льве Тихомирове,[11] которого я всегда читаю с опаской, памятуя слова Гилярова: «Самый искренний ренегат всегда остается до известной степени верен своему учителю и первоначальной школе, в которой воспитывался, даже тогда, когда он с ними спорит. Он отвергает их выводы теоретические и практические, но не в силах сойти с основания, которое у них общее».[12]

Искренно и душевно Вам преданный
Кн. Н. Шаховской.

6 февр<аля>
1898 г.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 77. Л. 1—2 об.

[1] *Кохановская <Н. С.>*. Письмо графу Л. Н. Толстому // *РО*. 1898. Т. 49, янв. С. 5—57. Датировано 5 февраля 1883 г. Впервые опубликовано: Гражданин. 1884. 19 февр. № 8. С. 7—12; 26 февр. № 9. С. 5—9; 4 марта. № 10. С. 4—9; 11 марта. № 11. С. 6—10.

[2] *Мартынов Сергей Николаевич*. История дуэли М. Ю. Лермонтова с Н. С. Мартыновым // *РО*. 1898. Т. 49, янв. С. 313—326.

[3] Князь Александр Илларионович Васильчиков (1818—1881) — писатель и общественный деятель, владелец образцового в хозяйственном отношении имения Трубетчино.

[4] Сын князя А. И. Васильчикова, Борис Александрович (1860—1931), член Государственного совета, шталмейстер (1903), был женат на княжне Софии Николаевне Мещерской (1867—1942), дочери княгини Марии Александровны Мещерской (ур. Панина; 1830—1903).

[5] *Е. К. С.* <*Смирнов Е. К., прот.*>. Англо-русское литературное общество и его заседание, посвященное А. С. Хомякову: (Письмо из Лондона) // *РО*. 1898. Т. 49, янв. С. 453—475. Протоиерей Евгений Константинович Смирнов (1845—1923) — духовный писатель, настоятель посольской церкви в Лондоне.

[6] *Рачинский С.* Церкви и школы // Там же. С. 169—176.

[7] *Еленев Ф.* Пользы или вреда следует ожидать России от заключения литературно-художественной конвенции с иностранными государствами? // Там же. С. 395—409. Федор Павлович Еленев (1829—1902) — публицист, цензор С.-Петербургского цензурного комитета (с 1862 г.), член Главного управления по делам печати (с 1868 г.) и Совета Министерства внутренних дел (1889—1896); друг Гилярова.

[8] *Розанов В.* Несколько замечаний по поводу студенческих беспорядков // Там же. С. 411—420.

[9] *Фудель И., свящ.* Из вопросов веры и жизни: Русское дело в Подляшьи // Там же. С. 504—512. Протоиерей Иосиф (Осип) Иванович Фудель (1863—1918) — консервативный публицист, духовный писатель, общественный деятель.

[10] Материалы для характеристики русских писателей, художников и общественных деятелей: 1) *Миляев Н.* Из воспоминаний о К. Н. Леонтьеве; *Леонтьев К. Н.* Письма к В. А. П—ой; 3) *Герцен А. И., Герцена Т.* Письма к В. Н. и А. Н. Кашперовым; 4) *Соханская* (*Кохановская*) *Н. С.* Сорочья Кашка: (Детская игра): Из неизданных бумаг // Там же. С. 485—503.

[11] *Тихомиров Л.* Летопись печати: 1) Переходное время; 2) Обзор повременной печати // Там же. С. 518—536. Лев Александрович Тихомиров (1852—1923) — мыслитель, публицист, мемуарист; до 1888 г. революционер-народник.

[12] <*Гиляров-Платонов Н. П.*>. Москва, 30 марта // *СИ*. 1880. 31 марта. № 89. С. 2. Передовая статья, постулирующая внутреннее родство издателей газеты «Берег» П. П. Цитовича и газеты «Набат» П. Н. Ткачева.

36
КНЯЗЬ Н. В. ШАХОВСКОЙ — К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ
Москва, 20 февраля 1898 г.

Москва, 20 февр<аля> 98 г.

Глубокоуважаемый
Константин Петрович.

Метранпаж Синодальной типографии затрудняется приступать к печатанию первого листа Сборника (что нужно для освобождения шрифта для дальнейшего набора), пока он не получит указания относительно 1) заглавия Сборника и 2) предисловия. В первый лист кроме Папы Формоза должно войти заглавие

книги (которое обыкновенно печатается на обложке и вторично на белом листе) и предисловие. Конечно, можно и то и другое отпечатать после, но тогда придется вклеивать листики. Если предисловие будет короткое и уместится на одной страничке, то можно начать печатать прямо с третьего листика, а два оставить пустые — для напечатания потом заглавия и предисловия.

Позвольте для издания остановиться на таком заглавии:

«Н. П. Гиляров-Платонов.
Сборник статей,
том 1-й.
Издание К. П. Победоносцева».

Перечень входящих в каждый том статей будет отнесен к концу книги.

Хотя Вы мне и высказывали намерение Ваше поместить в Сборник только статьи Гилярова, уже бывшие в печати, но я все же позволю себе предложить Вам напечатать и предлагаемое письмо Гилярова к Ю. Ф. Самарину о философской терминологии Хомякова. Это письмо было бы очень уместно после поминальной статьи Гилярова о Хомякове.

Второе прилагаемое здесь письмо писано, по-видимому, Гиляровым к В<еликой> К<нягине> Елене Павловне и относится, вероятно, к 1861—62 гг. Дело идет о каком-то благотворительном учреждении для неимущего духовенства.[1] Так как имя Ваше упоминается в этом письме, то не откажите мне объяснить, о каком учреждении идет здесь речь и какая роль в этом предназначалась Гилярову, а также какую исполняли Вы?

Искренно и душевно Вам преданный
Кн. Н. Шаховской.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 77. Л. 3—4 об.

[1] Речь идет о знаменитом Братстве, возникшем по инициативе великой княгини Елены Павловны. § 1 его Устава, утвержденный резолюцией митр. Филарета (Дроздова) № 3831 от 29 сентября 1865 г., гласил: «В память почившего в Бозе Цесаревича и Великого Князя Николая Александровича учреждается в Москве, при церкви Св. Николая Чудотворца, именуемого Явленным, что на Арбатской улице, Братство во имя Св. Николая»; § 2: «Целью сего Братства будет попечение о нуждах воспитания беднейших детей духовного сословия, обучающихся в духовных училищах Московской, а буде представится возможность, то и других епархий» (Устав Братства Святителя Николая. М.: В Синодал. тип., 1865. С. 2). Для этого в качестве руководящего органа Братства был учрежден Московский комитет по вспоможению беднейшим ученикам духовного звания, о котором в Уставе говорилось: «Комитет сей, открывшийся 9 мая 1865 года и располагающий средствами, дарованными от Ее Императорского Высочества Великой Княгини Елены Павловны и представленными от некоторых частных благотворителей, будет избирать беднейших учеников для содержания их, в качестве стипендиатов или пансионеров, под своим надзором и попечением. Комитет состоит из четырех членов; двое из них назначены по выбору Ее Высочества, и двое — по выбору Высокопреосвященного митрополита Московского. В настоящее время членами Комитета состоят: Московского Данилова монастыря архимандрит Иаков и протоиерей Казанской, у Калужских ворот, церкви

Ключарев, д<ейственный> ст<атский> сов<етник> Победоносцев и ст<атский> с<оветник> Гиляров-Платонов» (Там же. С. 5).

37
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
С.-Петербург, 21 февраля 1898 г.

Почтеннейший Кн. Николай Владимирович.

1. Не понимаю затруднений метранпажа. Предисловие обыкновенно и составляется окончательно уже в самом конце печатания текста. Мож<ет> быть, он просит приблизительного указания размера, — но и это зачем, ибо нумерация бывает особая.

То же и заглавный лист. Он пойдет в связи с предисловием. И я когда печатаю, все оставляю до конца.

Заглавие не лучше ли так:

Сборник статей
Н. П. Гилярова-Платонова?

2. Письмо Гил<ярова> к Самарину непременно следует поместить, и так, как Вы предполагаете, в приложении к ст<атье> о Хомякове — пожалуй, как приложение, и шрифтом поменее.[1] Надеюсь, что г-жа Гальперсон не может иметь претензии.

3. Письмо, коего черновик Вы прислали, конечно, писано В<еликой> Кн<ягине> Елене Павловне и относится к 1865 году.[2] По мысли В<еликой> Княгини, устроен Приют для детей бедного духовенства, доныне существующий при Донском училище, и в связи с ним Братство Св. Николая в память покойного Цесаревича. Я был главным заводчиком и проводником этого дела, подавая записку об нем Высоч<айшим> особам, кои приняли в нем участие. Тогда В<еликой> Княгине указали на Гилярова как деятеля в этом предприятии. Он был в числе первых братчиков и членов Совета вместе со мною, протоиер<еем> Зерновым,[3] А. О. Ключаревым (Амвросий)[4], Н. А. Сергиевским (попечитель)[5] и пр. Вначале Гиляр<ов> принимал деятельное участие,[6] потом как-то отстал. Братство и доныне состоит при церкви Николы Явленного.[7]

Здравствуйте.

К. Победоносцев.

21 февр<аля> 1898. Пб.

Какая опять глупость со стороны Александрова издавать такие толстые книжки и тем ослаблять себя, запаздывая! Неужели для того, чтобы поравняться с «Русскою Мыслью»[8]?

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 148. Л. 14—15 об.

[1] Письмо Гилярова к Ю. Ф. Самарину было напечатано вслед за речью о Хомякове, но не как приложение к ней и тем же крупным шрифтом.

[2] Речь идет о письме к Гилярову великой княгини Елены Павловны от 22 марта 1865 г. (ИРЛИ. Ф. 71. Ед хр. 50. <№ 1>. Л. 1—2).

[3] Протоиерей Стефан Иванович Зернов (1817—1886) — настоятель Николоявленской церкви (1875—1886), гласный Московской городской думы (1877—1880), духовный цензор, председатель Братства Святителя Николая.

[4] Об архиепископе Амвросии (Ключареве) см. коммент. 2 на с. 775.

[5] О Н. А. Сергиевском см. коммент. 6 на с. 774.

[6] См. подробнее: *Дмитриев А. П.* К истории благотворительности в России: (Неопубликованные письма Н. П. Гилярова-Платонова к К. П. Победоносцеву, 1866—1867) // *Гиляров: ИМБР*. С. 837—876.

[7] Церковь Николы Явленного на Арбате (храм Николая Чудотворца), с 1593 г. находившаяся на углу Арбата и Серебряного переулка, снесена в 1933 г. (здание было возведено в 1860 г.). Ныне здесь школа № 73.

[8] *«Русская Мысль»* — ежемесячный литературно-политический журнал, выходивший в Москве с 1880 по 1918 г.

38
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
С.-Петербург, 13 марта 1898 г.

Почтеннейший Кн. Николай Владимирович.

Для Александрова ничего нельзя сделать — и не стоит — все равно уйдет в яму[1] и пропадет. Я от него отрекаюсь. Чую, лучше пусть бы передал другому лицу журнал, а взял бы одну газету,[2] которая в руках Сытина превратилась в сущую дрянь, — и г. Благов[3] отвергает все церковное и клерикальное, а от промышленника Сытина, у коего работают Вахтеров[4] и Рубакин,[5] добра ждать нечего.

Сейчас был у меня Соловьев.[6] Он производит целое дознание об Александрове, который оказывается — чуть ли не просто мошенником! Забирая всякими способами деньги и поглощая их куда? неизвестно — полагают, что в Банк, на имя жены своей.[7] В таких условиях, согласитесь, искусственно поддерживать человека — даже недобросовестно!

Но не печально ли это, что у нас так называемые консерваторы и церковники — зачастую оказываются под конец замаскированными негодяями!

Здравствуйте.

К. Победоносцев.

Оказывается, что, и в последний раз быв здесь, Александров гонялся за субсидиями, ссылаясь — облыжно — на мое имя.

13 марта 1898.

Пб.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 148. Л. 16—17.

[1] Метафорическое использование выражения «долговая яма».

[2] Имеется в виду газета «Русское Слово». А. А. Александров был вынужден продать право на издание газеты (в августе 1897 г. был подписан акт продажи газеты за 15 тысяч рублей И. Д. Сытину), но оставался редактором.

[3] Федор Иванович Благов (1866—1934) — журналист, зять И. Д. Сытина; официальный главный редактор газеты «Русское Слово» с мая 1901 г.

[4] Василий Порфирьевич Вахтеров (1853—1924) — публицист, педагог-методист.

[5] Николай Александрович Рубакин (1862—1946) — книговед, библиограф, популяризатор науки.

[6] Михаил Петрович Соловьев (1842—1901) — правовед, в 1896—1900 гг. исправлявший должность начальника Главного управления по делам печати.

[7] Евдокия Тарасовна Александрова (? — не ранее 1936) — жена А. А. Александрова с 1888 г.

39
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Царское Село, 24 июля 1898 г.

Цар<ское> Село. 24 июля 1898.
Почтеннейший Кн. Николай
Владимирович.

Думаю, что предполагаемые Вами примечания весьма могут быть включены в книгу. Может быть, удобнее выпустить некоторые строки, мною замаранные. Для видимости прилагаю Ваше письмо.

Здравствуйте.

К. Победоносцев.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 148. Л. 18.

40
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
С.-Петербург, 17 ноября 1898 г.

Эти гранки, издавна накопившиеся, я посылал г-же Гальперсон, дабы она знала, что дело не стоит. Она возвращает их мне при записке. Конечно, опечатки были в свое время исправлены, но все-таки посылаю Вам ее записку.

К. Побед<оносцев>.

17 нояб<ря> 98.
Пб.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 148. Л. 19.

41
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
С.-Петербург, 2 января 1899 г.

Почтеннейший Кн. Николай
Владимирович.

Спешу возвратить Вам Вашу рукопись.[1] Статья прекрасная и будет значительным украшением издания.

Но я предложил бы некоторые, думаю, незначительные изменения ради осторожности и в том еще соображении, что издание соединено с моим именем.

На стр. 22 и 23 я выпустил бы очерченное карандашом место, потому что оно может дать опору нынешним газетным глашатаям, требующим подчинить печать одному лишь суду, — что я считаю в настоящем положении и нашего суда, и нашего общества гибельным делом. Последующие строки ближе объясняют разумную мысль Гилярова.

На стр. 25 лучше выпустить очерченные строки. Дело говорит само за себя. А для знающих Головнина[2] и К° не может быть места удивлению.

На стр. 30 не стоит удерживать упоминание о Пороховщикове. Пор<оховщиков> такой и глупый и нахальный, что, пожалуй, эти строки побудят его поднимать где-нибудь в «Русском Труде» забытую грязь и валить ее на Гилярова.

На стр. 37 лучше выпустить 3 строки о Каткове. Они тоже могут подать повод к недоразумениям и возбудить полемику. Катков натура сложная, и в 3 строках его не охарактеризуешь, а тут требуется лишь показать в общих чертах отличие его как публициста от Гилярова.

Тут же в письме Аксакова я выпустил бы несколько слов. Думаю, что сл<ово> *сближение* понятно будет и без пояснения — *с кем*. А другая фраза может иным показаться за хвастовство, хотя никакого хвастовства тут не было.

На стр. 43 все-таки лучше выпустить *какой-нибудь*.

Вот и все. Мне интересно было увидеть след моей переписки с Тимашевым и Лонгиновым,[3] что совсем вышло у меня из памяти.

Поминаются у Вас статьи «о духовных училищах» в газете «Москва». Я что-то этих статей не помню. Кажется, их нет в нашем издании?

Здравствуйте. — До свидания.

К. Победоносцев.

2 янв<аря> 1899.

Пбург.

Еще в конце изменил поклонника на почитателя.[4] Ничьим поклонником еще не называл себя.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 149. Л. 1—2 об.

[1] Речь идет о предисловии князя Шаховского к «Сборнику сочинений» Гилярова.

[2] Об А. В. Головнине см. коммент. 167 на с. 566.

[3] Имеются в виду отразившиеся в переписке с Гиляровым хлопоты Победоносцева в начале 1870-х гг. перед министром внутренних дел А. Е. Тимашевым и начальником Главного управления по делам печати М. Н. Лонгиновым о снятии цензурных кар с газеты «Современные Известия» (см.: *Сб. соч.* Т. I. С. LI—LII).

[4] Имеется в виду следующая фраза из предисловия князя Шаховского: «Настоящий Сборник сочинений Гилярова издается лицом, принадлежащим к числу тех немногих почитателей Никиты Петровича, которые дорожили писаниями его, умели ценить их серьезную, непреходящую сторону» (Там же. С. LX).

42
КНЯЗЬ Н. В. ШАХОВСКОЙ — К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ
Москва, 4 января 1899 г.

Москва.
4 янв<аря> 1899 г.

Глубокоуважаемый
Константин Петрович.

Статью мою с письмом Вашим я получил сегодня и поспешил сделать в ней исправления согласно Вашим указаниям. — Статьи в «Москве» «о духовных училищах» мне известны, но я затруднялся включить их в Гиляровский *Сборник* ввиду следующего отзыва *самого Гилярова* об этих статьях в его письме к В. А. Лаврову:

«Вопрос о том, я ли автор статей, о которых Вы изволите спрашивать, я считаю второстепенным *и не могу ответить на него ни да, ни нет, ибо и то и другое было бы несправедливо*. Статьи эти передовые, редакционные, безличные. Мнение о желаемом способе преобразований духовных училищ, хотя усвоила редакция, но мое: его я излагал как-то на словах при Вас; излагал я и графу (Толстому[1]) в августе 1865 г. Но затем, что в статьях, о которых Вы спрашиваете, кому принадлежит, где кто начинает и где кто оканчивает, — это вопрос редакции, и никто из содействующих ей не имеет права себе что-нибудь присвоить. Не нарушая ничьих секретов, могу Вас честным словом уверить только в одном, что мое участие послужило, конечно, не к усилению возражений, точно также мое совершенное устранение от редакции послужит, конечно, не к смягчению статей, которые неизбежно будут являться в газете, имеющей наполовину подписчиков из духовенства. Моим участием резкость может ослабляться, а моим безучастием, без сомнения, только усилится».[2]

Из этих строк видно, что Гиляров отказывается признать себя *всецело* автором статей, а выставляет себя как бы только вдохновителем и редактором их; кроме того, статьи эти неподписанные, редакционные. На основании всех этих соображений я полагал неудобным их включать в Сборник сочинений, принадлежащий перу самого Гилярова *всецело*.

Отъезд мой в Петербург на некоторое время задерживается ввиду сериозной болезни моей матери,[3] захворавшей изнурительной малярией. Преклонный ее возраст, большое истощение сил и непрекращающееся вот уже 9-й день по вечерам повышение (до 39,6°) температуры — все это тревожит меня мучительными опасениями. Я могу только тогда решиться выехать, когда убеждусь, что выздоровление больной стало на твердый путь и что она вынесет без ущерба для здоровья расставание со мною.

Завтра отдам в набор мою статью и постараюсь выправить корректуру до отъезда в Петербург.

Остается еще один нерешенный вопрос — по какой цене будет продаваться *Сборник*? Надо выставить цену на первом томе для обоих.[4] Подписку объявить придется *по* выходе в свет 1-го тома.

Искренно и душевно Вам преданный
Кн. Н. Шаховской.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 77. Л. 5—6 об.

[1] Имеется в виду граф Юрий Васильевич Толстой (1824—1878), историк и архивист, в 1866—1878 гг. занимавший пост товарища обер-прокурора Св. Синода.

[2] Неточно (с пропусками и небольшой стилистической обработкой) печатается фрагмент письма Гилярова к В. А. Лаврову от марта 1867 г. (ср. рукописную копию князя Шаховского: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 434. Л. 7).

[3] Княгиня А. П. Шаховская (ур. Ефремова). См. коммент. 4 на с. 632.

[4] В итоге на задней странице обложки была указана цена 2 рубля за оба тома.

43
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
С.-Петербург, 6 января 1899 г.

В котором году газеты «Москва» и № статья Гилярова о духовной школе?

К. П.

6 янв<аря>.
<*Адрес*:> Москва.
Князю Николаю Владимировичу Шаховскому.
Спиридоновка, в своем доме.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 149. Л. 3—3 об. На почтовой карточке («открытое письмо»). Штемпель: «С.-Петербург. 7 янв. 1899».

44
КНЯЗЬ Н. В. ШАХОВСКОЙ — К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ
Москва, 8 января 1899 г.

Москва. 8 янв<аря> 99 г.

Глубокоуважаемый
Константин Петрович.

Передовые статьи в газете «Москва» о духовно-учебных заведениях печатались в 1867 году, когда действовал Комитет, Высоч<айше> утвержденный для преобразования духовно-учебных заведений. Этих статей появилось три всего на все: в №№ 26, 47 и 53. Препровождаю их при сем к Вам, дабы Вы сами могли судить о том, можно ли их поместить в *Сборник*.

Статью о Гилярове я во вторник утром снес лично в Типографию, прося возможно скорее ее набрать, чтоб я мог, пока еще остаюсь здесь, продержать корректуру и просмотреть в сверстанном виде. Шрифт выбрал я тот самый, кото-

рым напечатано Ваше издание сочинения Лё-Пли.[1] Думаю, что и сорочка[2] для Сборника могла бы быть совершенно такою же, как у «Основной Конституции» Ле-Пли, или же как забракованная Вами сорочка для «Московского Сборника».[3] Я просил сделать оттиски и представлю их Вам.

Кроме цены издания следует подумать и о том, с какими книжными магазинами или конторами надо вступить в соглашение для приема подписки на *Сборник*.

Моей матушке немного получше, но она очень слаба и расстроена нервами.

Искренно и душевно Вам преданный
Кн. Н. Шаховской.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 77. Л. 7—8.

[1] Основная конституция человеческого рода: Соч. Ле-Пле / С очерком жизни и деятельности автора / Изд. <и пер. с фр.> К. П. Победоносцева. М.: Синодал. тип., 1897. XLIII, 236, IV с.

[2] *Сорочка* — зд.: бумажная обложка книги.

[3] Сборник статей Победоносцева. См. коммент. 1 на с. 803.

45
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
С.-Петербург, 10 января 1899 г.

Благодарю, почтеннейший Кн. Николай Владимирович, за сообщение статей Гилярова. Очевидно им нет места в нашем Сборнике — они не заключают в себе ничего цельного.

Но как непрактично, что Вы послали их мне в пакете с *семью* 10-коп<еечными> марками. В бандероли это стоило бы 4 копейки!

Чего будет стоить печатание, можно сказать лишь по отпечатании целого 1-го тома.

Мне кажется, неудобно разбавить подписку на разные магазины — не справимся со счетами. Подписка явится в виде исключения, и пожалуй, лучше сосредоточить ее в Типографии и в Синодальной лавке.

Здравствуйте.

К. Побед<оносцев>.

10 янв<аря> 1899.

Пб.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 149. Л. 4—4 об.

46
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
С.-Петербург, 23 апреля 1899 г.

Прочел записку и спешу возвратить ее. Ее *никоим образом* не следует помещать в наш Сборник. Она имела лишь временное значение в связи с возбужден-

ным вопросом, состоит из опровержения временных предположений, не высказывает общих начал и ныне утратила значение, являясь лишь одним из фактов в истории бывшего преобразования учебных заведений.[1] Поэтому не имеет она и солидного интереса.

К. Побед<оносцев>.

23 апр<еля> 1899.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 149. Л. 5—5 об.

[1] Возможно, речь идет о записке Гилярова «К вопросу о духовенстве и духовных училищах», автограф которой хранится в архиве князя Шаховского (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 303. 7 л.).

47
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
С.-Петербург, 3 мая 1899 г.

Вот письмо, полученное мною от Войта[1] (возвратите). Я пишу ему, что охотно взялся бы издать эти письма,[2] но мне нужно видеть всю коллекцию — не угодно ли ко мне доставить.

Об издании хотя бы только Повестей Кохановской я давно имею заботу, но жаль будет, если это попадет в руки Сытину.

Только что прочел статью «Личное и общественное» — я не знал ее. Очень замечательная вещь — а она потонула в «Журн<але> Землевлад<ельцев>».[3] Надо воскресить ее. Если б существовало «Русское Обозрение»,[4] там бы ее напечатать. Теперь негде. А всего более оценили бы ее в западной литературе, англ<ийской> или немецкой,[5] — где, думается, нет в этом роде ничего. И потом, когда набор кончится, я думал бы послать ее в Лондон к знакомому, разумеющему дело.

Есть опечатки — знаю, что не обойдешься, а уже теперь не поправишь. Наприм<ер>, на стр. 15 во фразе «Это совсем другое».[6]

К. Побед<оносцев>.

3 мая 99.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 149. Л. 6—6 об.

[1] Сергей Дмитриевич Войт — управляющий Московской Синодальной типографией, действительный статский советник, член Московского епархиального училищного совета и многих благотворительных организаций.

[2] Возможно, через С. Д. Войта биограф Н. С. Кохановской С. И. Пономарев передал Победоносцеву подборку из писем писательницы к племяннице и наследнице М. О. Мозговой (ныне хранится в РГБ. Ф. 230. М 10802/23). (*Сообщено О. Л. Фетисенко.*)

[3] *Г—в Н. П. <Гиляров-Платонов Н. П.>*. Личное и общественное (вых. дан. см. в коммент. 3 на с. 809).

[4] Последняя книжка журнала — майская за 1898 г. См. также коммент. 2 на с. 754.

[5] Ни Победоносцев, ни князь Шаховской не знали, что эта статья была переведена на немецкий и издана Фр. Боденштедтом в Лейпциге в 1862 г., она привлекла особое внимание правоведа И.-К. Блюнчли. См. подробнее: *Дмитриев А. П.*: 1) Жизнь есть подвиг или наслаждение?: Православная социология и «русская идея» в оценке «либерального консерватора»: Н. П. Гиляров-Платонов versus И.-К. Блюнчли // Вестник РХГА. 2007. Т. 8, вып. 1. С. 104—116; 2) «Русская Беседа» в Германии: История славянофильской антологии «Русские фрагменты: К познанию государственной и народной жизни в ее историческом развитии» (Лейпциг, 1862), изданной Фр. фон Боденштедтом // *«Русская Беседа»*. С. 278—300.

[6] См.: *Сб. сот*. Т. II. С. 15. Имеется в виду опечатка: «*да*казать». Из этого письма Победоносцева видно, что том II (М., 1900) вышел в мае 1899 г.

48
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
С.-Петербург, 12 октября 1899 г. <?>

12 окт<ября>.

Возвращаю записку о Герцене — совершенно согласен. Но какой это сын его пропал? Этот ли, что погиб несчастною смертью? Я не знаю, был ли другой у него.[1]

Маленькое замечание.

Зачем у Вас *Гете* поставлен как прошедшее явление вместе с Гегелем? Никогда еще Гете не царил столько, как в наше время. И эти два имени несоизмеримые.

И другую записку прочел.[2] Но я не совсем понимаю цель ее. Она обращается в конце уже не к цензурным мероприятиям, а оканчивается обращением к власти с советом — вполне разумным — об исследовании источников литературного и школьного движения в люторском мире.

Не знаю, куда Вы ее предназначаете. Но во всяком случае она, как материал, относится к той группе бумаг и предположений, которую я передал Вам для прочтения.

К. Побед<оносцев>.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 149. Л. 7, 8. Год (с вопросом) приписан на полях князем Шаховским.

[1] У А. И. Герцена было трое сыновей: Александр (1839—1906), известный физиолог, живший в Швейцарии, Иван, умерший в 1842 г. через 5 дней после рождения, и Николай (1843—1851), который был от рождения глухим и погиб при кораблекрушении. О последнем и говорит Победоносцев.

[2] Упоминаемые записки князя Шаховского нам неизвестны, в его архиве обнаружить их не удалось.

49
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Царское Село, 19 октября 1899 г.

19 окт<ября> 99.

Охотно приму г. Харузина,[1] только не теперь в Цар<ском> Селе. Через несколько дней собираюсь переехать в П<етер>бург и тогда найду время.

Безумный Шарапов сгубил себя и свою газету.[2] Едва ли теперь можно ему выкарабкаться. Рассылка им теперь записок обвинительных на Мин<истерство> Фин<ансов> возбудила С. Ю. Витте к решительным действиям. Он требует закрытия газеты (и еще того больше). Вероятно, это и последует. Икскуль[3] хочет еще дождаться возвращения Муравьева[4] (ожидаемого в понедельник).

Декорация совсем переменилась. Горемыкин уже не Мин<истр> Вн<утренних> Д<ел>.[5] Кажется верно, что на его место будет Сипягин...[6] Конечно, это отразится и на Цензуре. Едва ли усидит на месте Соловьев...[7]

Сегодня в минуту отъезда моего из Пб. в 4 часа уловил меня в воксале Шарапов. Он имеет вид кающегося грешника с поджатым хвостом, но говорит еще о том, что надо спасать Россию... Я говорил с ним 10 минут, объяснив ему, что не могу ничего ни для газеты его, ни для спасения России по его способу. Он пытался провожать меня, но я уклонился.

Здравствуйте.

К. Побед<оносцев>.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 149. Л. 9—10.

[1] Алексей Николаевич Харузин (1864—1932) — этнограф и антрополог, государственный деятель, сенатор. Князь Н. В. Шаховской знал его, поскольку тот в 1891—1895 гг. служил в Ревеле: сначала чиновником особых поручений при эстляндском губернаторе князе С. В. Шаховском, затем секретарем Крестьянской комиссии, секретарем Губернского статистического комитета и секретарем Губернского по крестьянским делам присутствия, а также редактировал «Временник Эстляндской губернии».

[2] «Русский Труд».

[3] Барон Юлий Александрович Икскуль фон Гильденбандт (1853—1918) — товарищ Государственного секретаря (с 1899 г.), Государственный секретарь (1904—1909), действительный тайный советник (1912).

[4] Николай Валерианович Муравьев (1850—1908) — действительный тайный советник (1901), министр юстиции и генерал-прокурор (1894—1905), затем посол в Италии.

[5] Иван Логгинович Горемыкин (1839—1917) оставил Министерство внутренних дел 20 октября 1899 г.

[6] Дмитрий Сергеевич Сипягин (см. коммент. 7 на с. 605) был назначен сначала управляющим Министерством, а с 26 февраля 1900 г. — министром внутренних дел.

[7] М. П. Соловьев (см. коммент. 6 на с. 818), действительно, 30 декабря 1899 г. был смещен с поста временно исправляющего должность начальника Главного управления по делам печати. Его, благодаря протекции Победоносцева, сменил князь Шаховской.

50
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
С.-Петербург, 26 апреля 1902 г.

Любезный Кн. Николай Владимирович.

Все это время я под впечатлением вчерашнего странного и неудобь сказаемого события с Вами.[1] Понимаю смущение Ваше и огорчение в эту минуту — но опять скажу Вам — оправляйтесь и становитесь опять на ноги. Надобно пережить эту беду — как и многие придется еще переживать, — перейдет время — и все объяснится. Теперь же я желал бы Вам и советовал уехать поскорее и набираться силы и разума в уединении.

Здравствуйте — до свидания.

К. Победон<осцев>.

26 апр<еля> 1902.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 154. Л. 2—2 об.

[1] Накануне, 25 апреля 1902 г., князь Шаховской потерял пост начальника Главного управления по делам печати и был назначен членом Совета министра внутренних дел. Это произошло из-за не замеченного цензорами пасквильного содержания фельетона А. В. Амфитеатрова «Господа Обмановы», опубликованного 13 января 1902 г. в петербургской газете «Россия» и представлявшего собой карикатурное изображение Августейшего семейства.

51
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
С.-Петербург, 6 июня 1902 г.

Любезный Кн. Николай
Владимирович.

Не знаю, где искать Вас — но слышно, что Вы в Крыму, — вероятно, у Милютина?[1]

Перед отъездом Вашим не пришлось увидеться, а желательно знать, что у Вас уложено с Суворинym[2] — у него ли рукопись, делается ли набор, куда пойдет корректура? Здесь справиться мне не у кого.

Я очень, очень устал, и время такое, что нет покоя нравственного. Лето думаю пробыть в Царском Селе.

Здравствуйте.

К. Победон<осцев>.

6 июня 1902.
Пб.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 154. Л. 3—3 об. На верхнем поле справа синим карандашом князь Шаховской пометил: «Отв<ечено> 12 июня».

[1] На дочери бывшего военного министра графа Д. А. Милютина, Елизавете Дмитриевне (см. о ней коммент. 1 на с. 775) был женат князь С. В. Шаховской; поэтому на даче Милютиных в Алупке отдыхали Шаховские.

[2] Здесь и в следующих письмах речь идет о книге: *Гиляров-Платонов Н. П.* Университетский вопрос: («Современные Известия» 1868—1884 гг.). СПб.: Изд. К. П. Победоносцева, 1903. VIII, 290 с. Она будет отпечатана в типографии А. С. Суворина.

52
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Царское Село, 3 сентября 1902 г.

Почтеннейший Кн. Николай Владимирович.

Где Вы теперь? Давно не знаю об Вас ничего. Когда можно ожидать Вас в П<етер>бурге, — и когда можно двинуть дело о печатании статей Гилярова?

Здравствуйте.

К. Победон<осцев>.

На всякий случай пишу на Спиридоновку.

3 сент<ября> 1902.

Цар<ское> Село.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 154. Л. 4.

53
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
С.-Петербург, 22 января 1903 г.

Любезный Кн. Николай
Владимирович.

Возвращаю листок.[1] Ничего не имею против Вашей редакции.

Только для меня новость, что выставлено: издание Победоносцева. Вы мне не говорили, и с Типографией я не договаривался. Книги, на коих это выставлено, я печатаю всегда в Москве. Впрочем, если нужно для рекомендации в публике, пожалуй.

Здравствуйте.

К. Победон<осцев>.

21 янв<аря> 1903.

Не вышло бы каких недоразумений — и с Типографией, и с наследниками?

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 154. Л. 5—5 об.

[1] Очевидно, это был вариант титульного листа сборника статей Гилярова «Университетский вопрос».

54
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
С.-Петербург, 4 марта 1903 г.

Я не видал еще объявления о книге «Унив<ерситетский> вопрос».

А сегодня присылают ко мне из Кн<ижного> маг<азина> Вольфа просьбу прислать 800 экз<емпляров> с уступкою 30%.

Я отвечал, что все издание у Суворина — пусть к нему обращаются.

А от Суворина прислали 85 р<ублей>, должно б<ыть>, за переписку.

Здравствуйте.

К. Победон<осцев>.

4 марта 1903.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 154. Л. 6.

55
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
С.-Петербург, 28 февраля 1904 г.

Не знаю, здесь ли Вы, любезный Кн. Николай Владимирович, или в ином месте.

Перечитывал сегодня статьи Гилярова, и пришла мысль: прекрасную статью его о нигилизме не напечатать ли отдельною брошюрой и пустить в обращение.[1] В сборнике всех статей мало кто прочтет ее.

Я нездоров и уже несколько дней вылеживаю.

Здравствуйте.

К. Победон<осцев>.

28 фев<раля> 1904.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 154. Л. 7. Датировка уточнена по ссылке на заметку «Русских Ведомостей», вышедших 22 июня.

[1] Это намерение осуществилось. См.: *Гиляров-Платонов Н. П.* Откуда нигилизм? М.: Изд. К. П. Победоносцева, 1904. 43 с.

56
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Царское Село, 20—22 июня 1904 г.

Цар<ское> Село. 20 июня 1904.

Любезнейший Кн. Николай Владимирович.

Благодарю за уведомление. Но я рассуждаю, что печатать 2400 экз<емпляров>[1] слишком много. Трудно рассчитывать на большой расход книги, при уменьшении цены. Ведь ее интерес для немногих, коим понятны возникавшие

вопросы — а масса публики, принадлежащая к новому поколению, равнодушна ко всему этому. Вот, наш Сборник до сих пор не разошелся — и тут лишь бы как выручить расходы печатания. Разница же в цене продажной не должна быть и велика — цена бумаги. — Портреты, найденные Вами, — не думаю, чтобы интересно было печатать, а это увеличит еще расход.

Ужасное, поразительное явление — циклон, разоривший Москву.[2] Едва ли когда бывало здесь что подобное. Летописи и старые акты говорят о «трусах».[3] Больно и страшно думать, что могла испытать Москва!

Видели ли Вы *ужасную* статью безумного Толстого о войне в «Times»[4]? Чертков,[5] конечно, разошлет ее по России в русских брошюрах.

Сейчас видел О. Н. Муравьеву. До сих пор участь ее не решилась. Видел я сегодня и Юсупову.[6] От нее слышал, будто Принцесса Евгения Макс<имилиановна>[7] находит затруднение в том, что развод начат и дело еще не кончено?

Здравствуйте и да хранит Вас Бог.

К. Побед<оносцев>.

21. Я написал, что, если Михайлов[8] полагает 2400, пускай печатают.

В «Рус<с>ких Ведом<остях>» напечатали, что памятник ставится (сегодня) на счет мой и Ваш.[9] Следовало бы исправить, что на счет прибыли от издания Сборника Сочинений?

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 154. Л. 9—9 об.

[1] Видимо, речь идет о сборнике: *Вопросы веры и церкви*. Т. I—II.

[2] Речь идет о катастрофическом урагане, зародившемся в Тульской губернии и уже в виде мощного смерча 16 июня 1904 г. пронесшемся над восточными окраинами Москвы в сторону Ярославля. Смерч уничтожил Люблино, Карачарово, Анненгофскую рощу, разрушил сотни построек в Лефортове, Басманной части и Сокольниках; погибло более ста человек.

[3] *Трус* — землетрясение.

[4] Статья Л. Н. Толстого «Одумайтесь!» о Русско-японской войне. Была впервые напечатана в Англии, в издании «Свободного слова», и сразу же появилась в переводах в английской (в том числе в «Таймс»), французской и немецкой прессе.

[5] Владимир Григорьевич Чертков (1854—1936) — друг Л. Н. Толстого, издатель, общественный деятель.

[6] Знаменитая благотворительница княгиня Зинаида Николаевна Юсупова (по мужу Сумарокова-Эльстон; 1861—1939). Во время Русско-японской войны она была шефом военно-санитарного поезда на фронте; в имениях Юсуповых были организованы санатории и больницы для раненых. Судя по следующему письму, О. Н. Муравьева стремилась принять участие в этом деле.

[7] Евгения Максимилиановна, принцесса Ольденбургская (в девичестве светлейшая княжна Романовская, герцогиня Лейхтенбергская; 1845—1925). Предположительно, речь идет о ее сыне Петре, равнодушном к женщинам, однако в 1901 г. женившемся на великой княжне Ольге Александровне, которая и спустя 15 лет, когда брак был расторгнут (1915 г.), оставалась девственницей.

[8] Алексей Никифорович Михайлов — заведующий типографскими работами Синодальной типографии в Москве, позднее ее управляющий.

[9] Приведем целиком текст заметки, опубликованной под рубрикой «Московские вести»: «Вчера, 21-го июня, вечером, в Новодевичьем монастыре было совершено открытие памятника на могиле публициста, редактора-издателя “Современных Известий” Никиты Петровича Гилярова-Платонова.

Памятник, сооруженный почитателями покойного обер-прокурором Святейшего Синода статс-секретарем К. П. Победоносцевым и кн. Н. В. Шаховским, представляет из себя саркофаг в греческом стиле, сделанный из темного мрамора с крестом наверху и поставленный на гранитную плиту. Памятник имеет в длину около $1^1/_2$ арш<ина>, а в ширину и высоту — около аршина. На лицевой стороне памятника помещена надпись: “Никита Петрович Гиляров-Платонов; родился 23-го мая 1824 г., скончался 13-го октября 1887 г.”. Освящение памятника и следовавшая затем панихида были совершены в присутствии сына покойного Н. П. Гилярова-Платонова, других его родственников, товарища московского головы И. А. Лебедева, кн. Н. В. Шаховского и других почитателей» (*РВед*. 1904. 22 июня. № 172. С. 3).

57
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
С.-Петербург, 8 марта 1905 г.

Что Вы мне сообщили, повергает меня в изумление. Как выворочены все основные понятия об отношениях! Митрополит, Первенствующий Член Синода,[1] назначается под председательством Кобеки[2] в компанию журналистов! Никогда не бывало ничего подобного, и такого унижения сана! Неужели такая мысль пришла в голову Булыгину?[3]

Нельзя ли по крайней мере выговорить, что участие митрополита предполагается только в вопросах, касающихся духовной цензуры? Иначе — каково же будет его положение в бесконечных ночных заседаниях!

Скажите Булыгину.

8 март<а>.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 154. Л. 13—13 об. Год (1905) приписан князем Шаховским карандашом к дате, выставленной Победоносцевым.

[1] Митрополит Антоний (в миру Александр Васильевич Вадковский; 1846—1912) — с 25 декабря 1898 г. вплоть до кончины — митрополит С.-Петербургский и Ладожский; с 9 июня 1900 г. первенствующий член Св. Синода.

[2] Дмитрий Фомич Кобеко (1837—1918) — государственный деятель, директор Публичной библиотеки (1902—1918); историк, библиограф. Речь идет о возглавленном им Особом совещании для составления нового устава о печати («Комиссии Д. Ф. Кобеко»), заседавшем с 10 февраля по 1 декабря 1905 г. В число 23 членов вошли, в частности: К. К. Арсеньев, В. О. Ключевский, А. Ф. Кони, князь В. П. Мещерский, М. М. Стасюлевич, А. С. Суворин. В итоге были составлены «Временные правила о повременных изданиях», утвержденные 24 ноября 1905 г.

[3] Александр Григорьевич Булыгин (1851—1919) — в тот период (январь—октябрь 1905 г.) министр внутренних дел; позже статс-секретарь (1913), обер-шенк (1916).

58
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
С.-Петербург, 22 октября 1905 г.

Многоуважаемый
Кн. Николай Владимирович.

Заканчивая дело прежнего времени,[1] освобождаюсь от всяких *переходящих* сумм, кои были на руках у меня.

По моим счетам, с 1902 по 1905 год было мною передано Вам 778 рублей. Остается у меня полученных за Книгу[2] 162 рубля, кои желаю передать Вам, когда поедете в Москву.

Итак, благоволите меня известить, когда Вы поедете, и тогда пришлю Вам эти деньги; а если угодно, то и сейчас.

Из всех этих сумм желательно было бы определить, сколько пошло на памятник. Ибо желательно поместить — хоть в «Церков<ных> Ведомостях» — краткий отчет об употреблении вырученных денег.

Здравствуйте и да хранит Вас Бог.

К. Победон<осцев>.

22 окт<ября> 1905.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 155. Л. 1—1 об.

[1] Это письмо написано на третий день после увольнения Победоносцева от должности обер-прокурора Св. Синода и члена Комитета министров.

[2] Имеется в виду издание: *Сб. соч.*

59
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
С.-Петербург, 22 марта 1906 г.

Многоуважаемый Кн. Николай
Владимирович.

Сегодня, когда Вы ушли от меня, мне принесли последнюю книжку «Revue de deux Mondes» *,[1] 1 апреля. Тут я нашел небольшую статью: «La methode législative, pur Benoist» **.[2] Статья крайне поучительная, для настоящих дней приготовления к Думе.[3]

Обратите на эту статью внимание кого следует, — особливо Д. Ф. Самарина, так как он, думаю, ближе знаком с литературою иностранной. К великому несчастью, у нас никто не читает ничего, — и тем более в наше время всеобщей бешеной агитации. Читаю имена сотрудников новой газеты «Московский Голос»[4]

* «Обзор двух миров» (*фр.*).

** «Законодательный метод, Бенуа» (*фр.*).

и сомневаюсь, кто из них следит за тем, что пишут во Франции, Англии и пр. люди умные, ученые и опытные в делах государственных. Разве Хомяков.

От Думы не ожидаю ничего, кроме крайнего беспорядка и смешения языков[5] и безумного задора во всех направлениях. Вот почему поучительна для нас картина первого законодательного собрания во Франции.[6]

Помилуй Боже.

Здравствуйте.

Искренно предан<ный>

К. Победон<осцев>.

22 марта 1906.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 155. Л. 2—2 об.

[1] *«Ревю де Дё Монд»* — двухнедельный французский журнал либерального направления, издававшийся в Париже под этим названием с 1829 г. по 1944 г. и с 1882 г. по настоящее время. Был популярен в России.

[2] Шарль Бенуа (Benoist; 1861—1936) — французский политик, историк, автор социально-политических исследований. См. русские издания: *Бенуа Шарль*: 1) Всеобщая подача голосов и эволюция политических партий / Пер. с фр. под ред. Н. И. Палиенко. Ярославль, 1905. 46 с.; 2) Государственный строй Франции, XVIII-й и XIX-й века / Пер. под. ред. Е. П. Корсаковой. СПб.: Улей, <1907>. 86 с.

[3] Имеется в виду Первая Государственная Дума Российской империи, созванная согласно избирательному закону от 11 декабря 1905 г.; начала заседать 27 апреля 1906 г. в Таврическом дворце.

[4] «*Московский Голос*» — «политическая, общественная, церковная и литературная еженедельная газета», издававшаяся с 6 апреля 1906 г. по 26 мая 1907 г. (всего вышло 60 номеров).

[5] Библейская аллюзия на Вавилонское столпотворение.

[6] Первое законодательное собрание Франции просуществовало почти год (с 1 октября 1791 г. по 21 сентября 1792 г.), его сменил Национальный конвент.

60
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Пос. Сергиево Петергофского уезда, 9 июля 1906 г.

Любезнейший Кн. Николай Владимирович.

Вот письмо Гилярова сына. Он просит, очевидно, о назначении ему *казенного* пособия за службу отца. Тут я *ничего* не могу для него сделать.

Но если дело идет о нужде, — из своего мне нечего дать ему, но есть у меня остаток вырученных за книги отца его денег, *60 рубл<ей>*. — Но всегда эти деньги шли через Вас, — и не знаю, прямо ли ему в руки.[1] И потому пишу Вам. Не желаете ли от себя препроводить эти деньги? Тогда я переслал бы их в Ваши руки. Если же Вы не желаете, могу ли я направить их к нему почтой прямо по адресу?

Здравствуйте. К. Победон<осцев>.

9 июля 1906.

Балт<ийская> ж<елезная> д<орога>,
ст<анция> Сергиева пустынь,[2]
дача Стобеуса.[3]

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 155. Л. 6—7. Место (пос. Сергиево) указано предположительно как находящееся близ станции Сергиева Пустынь.

[1] Намек на алкоголизм Николая Гилярова.

[2] *Сергиева пустынь* — официальное название станции Сергиево (ныне платформа) в 1904—1918 гг.; в двух верстах от нее находятся ворота Свято-Троицкой Сергиевой Приморской пустыни.

[3] Борис Александрович Стобеус (1867 — после 1917) — в тот период надворный советник в звании камер-юнкера Высочайшего Двора, чиновник особых поручений Главного управления государственного коннозаводства; домовладелец; позднее шталмейстер, статский советник.

61
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
С.-Петербург, 3 августа[1] 1906 г.

Не знаю, где искать Вас, любезнейший Николай Владимирович — в Ц<арском> Селе и адреса не знаю. Благодарю за извещение.

Получил изданную Вами книжку «Голос нар<ода>».[2] Но, когда бы знал, не советовал бы тратить на нее деньги и еще столько хлопот. Рассудите, кто станет в деревнях читать целую книжку сухую, собрание разных документов. Тут говори что-нибудь краткое, с содержанием, одушевленным убеждением.

Никого не вижу. Если заедете как-нибудь, рад буду. Я никуда не трогаюсь и всегда дома, немного и гуляю, потому что слабы уже ноги.

Неудача <?> бедному Ширинскому. Собрался было в деревню с семьей и уже был на полдороге. Но вдруг еще один ребенок занемогает, и он должен сидеть на месте.

Здравствуйте и да хранит Вас Бог.

К. Побед<оносцев>.

3 авг<уста> 1906.

Теперь Гиляровских денег накопилось у меня 90 рублей. Я и не спешил бы передавать их сыну, но в нынешнее время надо спешить со всем разделываться!

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 155. Л. 8—9 об.

[1] В этом же месяце князя Шаховского не стало. 12 августа он приехал на дачу П. А. Столыпина, для того чтобы просить себе отпуск. Был тяжело ранен при взрыве на даче. Скончался от заражения крови 19 августа.

[2] Более подробных сведений об этой книге обнаружить не удалось.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1 (25а)
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
С.-Петербург, начало ноября 1897 г.

Действительно, по расчету, пожалуй, будем печатать 3000 экз<емпляров>[1] — хотя сомнительно, чтоб разошлись, — а сумма большая. Можно уменьшить ее, взяв бумагу подешевле — бумага «Моск<овского> Сборника» слишком хороша и слишком толста — но так любят печатать роскошно.

Письмо 2 февр<аля> 1897[a] Гальперсон я нашел. Она в своем уступочном письме[2] пишет, что по Нотариальному договору у нотариуса Маджугинского[3] (который я видел) 6 мая 1888 в Москве к ней перешло исключительное право.

Слышу, что Сытин берет в Редакт<оры> «Рус<ского> Слова» Вахтерова![4] Тогда это будет плохая копия «Русских Ведомостей»!

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 971. Л. 1. Это и следующее письмо обнаружены нами, когда книга была в основном уже сверстана. Адресат установлен нами.

[1] Речь идет о печатании «Сборника сочинений» Гилярова.
[2] Это «уступочное» письмо А. М. Гальперсон публикуется ниже, на с. 859.
[3] Степан Павлович Маджугинский — московский нотариус.
[4] О В. П. Вахтерове см. коммент. 4 на с. 818.

2 (49а)
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
С.-Петербург, 9 июня 1900 г.

9 июня 900

В старых бумагах нашел я сегодня пук писем И. С. Аксакова. Они относятся ко времени Сербской войны и к 1885 году. Вот два письма, которые могут интересовать Вас — в них поминается о Гилярове и о Павлове.[1]

Прочитав, возвратите.

К. П.

NB. Спешу уведомить Вас, что книжку с описанием Московских торжеств[2] мы можем приобресть для школьных библиотек в количестве 14—15 тысяч экземпляров.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 938. Л. 3.

[a] *Дата вписана над строкой.*

[1] В архиве князя Шаховского сохранились подлинники трех писем И. Аксакова к Победоносцеву: от 23—24 и 29—30 декабря 1877 г. и 2 января 1878 г. (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 937, 938). Они все касаются Гилярова, о <И. В.?> Павлове в них не упоминается.

[2] Возможно, речь идет о книге: *Георгиевский Г.* Праздничные службы и церковные торжества в старой Москве. 2-е изд. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1897. 247 с. (Приходская б-ка).

XVI. ПИСЬМА Ф. А. ГИЛЯРОВА К КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ (1893—1894)

1
Ф. А. ГИЛЯРОВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Москва, 17 октября 1893 г.

Москва, Чернышевский пер., д. Духовского.[1]
17 окт<ября> 1893 г.

Дорогой Николай Владимирович!

Привыкнув за последнее время часто видеться с Вами,[2] немного скучаю, а потому и вздумал письменно побеседовать с Вами.

Статья Ваша «Памяти Никиты Петровича Г<илярова>-П<латонова>» очень нравится всем, кто читал ее в «Вестнике»:[3] удивляются, что до сих пор не знали о ней, и весьма довольны, что будущая биография Н<икиты> П<етрови>ча находится в таких «хороших руках». Особенно рад этому Цензор Вл. Вл. Назаревский,[4] по-моему, человек выдающегося разумения и особенно честных взглядов среди московских литературных и административных лиц. Экземпляры «Вестника» с Вашими статьями тщательно у нас откладываются.

Последние две недели были для меня очень тревожны. Не поскучаете — читайте дальше.

На мой «Вестник с *афишами*»[5] поступила в Главное Управление по Делам печати жалоба от московской Театральной Конторы официально, но в действительности от арендатора Московской Губернской Типографии выкреста Левенсона.[6] Жалоба состоит в том, будто бы я нарушаю Высочайшее повеление о монополии печатания театральных афиш,[7] которое, однако, гласит, что газеты могут пользоваться официально обнародованными афишами, но *не прежде* напечатания их в официальном издании и притом *не полностию*. На предъявленную мною жалобу я ответил обширною запискою, где доказывал, что не нарушаю Высочайшего повеления, ибо-де, несмотря на разрешенную мне г. Министром программу печатать «подробные афиши и программы», я, по совещании и по соглашению с Московским Цензурным Комитетом, еще два года тому назад вследствие первой (а теперь уже вторая) на меня жалобы той же монополии, выработал следующий modus vivendi:* не печатаю ни афиш, ни программ, а лишь

* способ существования (*лат.*).

содержание пиес с кратким указанием некоторых исполнителей, заимствуя эти сведения даже не из афиш, а преимущественно из газет, напр<имер>, «Московских Ведомостей». О *преждевременности* же этих перепечаток, «вырезок», не может быть и речи.

Весь Цензурный Комитет (слава Богу: не все еще продалось жидам!) как один человек, хотя лично знаком я там только с одним членом,[8] весьма горячо заступился за меня и решил предоставить мне ведение этих Театральных «указателей», как я их вел доселе. Но председатель Комитета Федоров,[9] по робости ли своей или по чему другому, обратился за советом к старшему инспектору над типографиями в Москве Зармаиру Мсеровичу Мсериянцу.[10] Тот, по каким-то своим отношениям к типографии Левенсона, нашпиговал Федорова различными сплетнями, даже чисто уличного характера, о назойливости, напр<имер>, газетных торговцев, продающих «Вестник», о предстоящем чрез то якобы разорении товарищества Левенсона (с миллионным-то капиталом!) и т. п. чепухою и даже ложью. Все это, даже с обозначением (притом ошибочным) розничной цены «Вестника» и афиш монополиста, внес Федоров в свое отдельное мнение.

Теперь моя Записка, постановление Цензурного Комитета, вполне и даже резко признавая законность моих действий, и отдельное мнение председателя Комитета на тему: «Вестник» приносит денежный ущерб монополии (жидовской), а потому-де следует сократить его донельзя, запретив ему делать даже то, что́ делают все прочие московские газеты, — отправлены в Главное управление по делам печати, откуда я с трепетом жду решения: согласится ли оно с постановлением всего Комитета в мою пользу или с отдельным мнением Федорова против меня. В последнем случае «Вестник» впору *закрыть*.

Кроме жидовского кровопийства, я вижу здесь продолжение весьма гнусной интриги. Дело вот в чем: «Вестник» в 11 лет своей жизни терпел очень много гонений. При прежних обер-полицмейстерах ежегодно бывали недели и даже месяцы, когда ни артельщик «Вестника» (хотя и я и он несем городские налоги), ни даже иной газетчик с «Вестником», не мог показаться на улице, кроме глухих окраин; каждый подвергался (с мордобитием, конечно) полицейскому аресту на несколько часов, а именно на все время спектакля, причем *никогда* не составлялось полицейских актов, ибо у арестуемых, конечно, вины не оказывалось. Теперь, с назначением Власовского,[11] не только весьма деятельного, но и честного человека, эти уличные нападения на «Вестник» совсем прекратились. Но вот что любопытно:

Каждое гонение на «Вестник», как прежде через полицию, так и теперь чрез Театральную Контору и типографию Левенсона, *совпадало* с предложением каких-либо литературных жуликов, преимущественно одного происхождения с г. Левенсоном, «продать» им «эту дешевую неподцензурную газетку». Словом, хотели и сейчас хотят припереть меня к стене, сделать невозможным издание «Вестника» и для покрытия дефицита от издания вынудить меня продать его. Конечно, я буду терпеть нападения, но «душой» не буду «торговать»!

Вот, Дорогой Николай Владимирович, что́ творится в Москве, и не с кем мне, кроме Вас, поделиться этою напастью. Найдется между Вашими петербургскими добрыми знакомыми какой-либо москвич, особенно из близко стоящих к нашему начальству, покажите ему, как легально через властей во имя якобы закона пытаются душить в Москве русских людей в пользу жидов. Не найдется — так и быть.

Во всяком случае, не узнаете ли Вы, нет ли сейчас какого-либо неблагоприятного для меня давления на Главное Управление по Д<елам> печ<ати> со стороны Министерства Двора. Это мне очень хотелось бы знать.

Пока до свидания.

Ваш Ф. Гиляров.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 756а. Л. 1—4 об.

[1] Профессор Московского университета, известный правовед и криминолог Михаил Васильевич Духовской (1849—1903) приобрел этот дом в Большом Чернышевском переулке (в 1922—1993 гг. ул. Станкевича, с 1994 г. Вознесенский пер.), построенный в 1868 г., — в 1892 г.; здание было снесено в 2003 г.

[2] Князь Шаховской в этот период состоял чиновником особых поручений при министре внутренних дел и, судя по последующим письмам, по делам службы выехал из Москвы в Петербург.

[3] Имеется в виду перепечатка изданной князем Шаховским брошюры «Никита Петрович Гиляров-Платонов: Краткий публицистический очерк» (Ревель, 1893) под измененным названием: *Шаховской Н. В., кн.* Памяти Никиты Петровича Гилярова-Платонова // Вестник Литературный, Политический, Научный и Художественный, с Афишами. 1893. 5 окт. № 2016. С. 1—3; 15 окт. № 2025. С. 1—2; 25 окт. № 2033. С. 1—2; 8 нояб. № 2045. С. 1—3; 11 нояб. № 2048. С. 1—3; 22 нояб. № 2057. С. 1—2; 23 нояб. № 2058. С. 1—2; 26 нояб. № 2061. С. 1—2; 29 нояб. № 2063. С. 1—2; 1 дек. № 2065. С. 1—2. Предваряя перепечатку, Ф. А. Гиляров писал: «Воспроизводим, с согласия автора, кн. Н. В. Шаховского, брошюру его “Памяти Никиты Петровича Гилярова-Платонова”, напечатанную им в Ревеле и потому, к сожалению, недостаточно известную в Москве» (Там же. 5 окт. № 2016. С. 3).

[4] Владимир Владимирович Назаревский (1870—1919) — историк, членом Московского цензурного комитета состоял в 1881—1895 гг.

[5] *«Вестник Литературный, Политический, Научный и Художественный с Афишами»* — газета, издававшаяся в Москве Ф. А. Гиляровым в 1884—1895 гг. (в 1883 г., оставив соредакторство в «Современных Известиях», он поначалу издавал газету «Афиши и объявления»).

[6] Александр Александрович Левенсон (1851—1922) основал в 1881 г. и собственную типографию, в 1896 г. удостоившуюся звания Поставщика Двора Его Императорского Величества.

[7] Высочайшее повеление о предоставлении Дирекции Императорских театров монопольного права на печатание театральных афиш последовало в 1804 г. (уп.: ПСЗ. Собр. 2-е. СПб., 1873. Т. 48. № 52860). Его целью было установление государственного контроля над театральной жизнью Петербурга и Москвы через Дирекцию театров.

[8] Очевидно, подразумевается В. В. Назаревский.

[9] В. Я. Федоров. См. о нем коммент. 115 на с. 561.

[10] Зармайр Мсерович Мсерианц (1836—1899) — цензор Московского цензурного комитета, должность старшего инспектора по надзору за типографиями, литографиями и т. п. заведениями и за книжною торговлей при канцелярии московского генерал-губернатора занимал с августа 1880 г.

[11] Полковник Александр Александрович Власовский (1842—1899) был московским обер-полицмейстером с февраля 1891 г. по июль 1896 г. Был признан виновным в гибели 1389 человек на Ходынском поле и уволен от должности.

2
Ф. А. ГИЛЯРОВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Москва, 21 октября 1893 г.

Москва, Чернышевский пер.,
д. Духовского.
21 октября 1893 г.

Дорогой Николай Владимирович!

Ответ Ваш от 20 октября доставил мне двойную радость: известием о благоприятном положении моего дела в Главном Управлении по Делам печати и фактическим доказательством Вашего доброго ко мне расположения. Вы сделали гораздо более, чем я ожидал и просил, хотя, не скрою, при большей уверенности, я прямо обратился бы к Вам с просьбою о таких именно хлопотах, какие Вы сами так любезно предприняли. Это тем дороже для меня.

Доживем до весны — я отыщу у себя на даче кое-что к деятельности Ник<иты> Петр<ови>ча как редактора «Совр<еменных> Изв<естий>». Этот архив *очень велик*, хотя только за 1878—1882 гг. Что́ именно там окажется, не могу припомнить по лихорадочной своей деятельности за то время. Но есть там, напр<имер>, за все эти годы все судебные дела по газете, с судебными повестками, обвинительными актами, оправдательными документами и т. п. Раз в одном заседании Моск<овской> Судебной Палаты разбиралось семь дел «Совр<еменных> Изв<естий>».

Есть в моем архиве все печатные известия, относящиеся до кончины Никиты Петровича. Этот архив можно даже вместе пересмотреть, рассудить, что́ годно, что́ нет; да и перепишут у меня же. Это для Вас удобство. Ладно?

Отвечаю Вам таким же дружеским рукопожатием.

Ваш Ф. Гиляров.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 756а. Л. 5—6.

3
Ф. А. ГИЛЯРОВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Москва, 15 ноября 1893 г.

1893 г. 15 ноября.

Любезнейший Николай Владимирович!

Вчера была у меня Вера Алексеевна с Вашим письмом и проектом прошения на Выс<очайшее> имя,[1] а вечером пришло и от Вас письмо.

От всей души благодарю Вас за Ваше горячее участие в Вере Алексеевне и вполне одобряю как самую мысль о прошении, так и проект оного.

Сегодня уже начали мы хлопоты по выправке свидетельств 1) о недостаточности Веры Алексеевны и 2) о неспособности Николая Никитича. Последнее свидетельство сразу встретило камень преткновения: полицейский врач, к которому обратилась Вера Алексеевна, наотрез отказался выдать свидетельство о болезненности и неспособности Николая, не находя в нем ни того, ни другого. Действительно, Николай только обленился и пристрастен к водке, а в остальном здоров и способен. Полагаю, что едва ли можно найти врача, который дал бы ему нужное свидетельство, притом годное для настоящей цели: свидетельство приватного врача едва ли будет иметь должное значение, если бы даже такую рискованную в настоящем случае бумагу и удалось бы[a] добыть.

Итак, главная задержка в свидетельстве о Николае.

Нельзя, однако, совсем обойти вопрос о бытии Николая? Ведь об Алексее Никитиче не предполагается упоминать как о возможном кормильце матери. Зачем же упоминать и о Николае? Что его нужно содержать? — Но беспомощность и для себя самой Веры Алексеевны, кажется, достаточный аргумент.

Ждем от Вас ответа: *можно ли умолчать о Николае*?

Второй вопрос: нужно ли упомянуть в конце прошения на Выс<очайшее> имя: при сем-де прилагается такое-то свидетельство? Прошу и на это ответа.

Кланяемся Вам от всей души.

Ваш Ф. Гиляров.

P. S. Вера Алекс<еевна> сейчас находится у меня. Это письмо ей сейчас прочитаю.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 756а. Л. 7—8. Сверху карандашная помета князя Шаховского: «Полу<чено> 16 н<оября>».

[1] Имеется в виду прошение о назначении пенсии Вере Алексеевне как вдове Гиляров.

[a] *Далее зачеркнуто*: найти.

4
Ф. А. ГИЛЯРОВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Москва, 22 ноября 1893 г.

22 ноября 1893 г.
Москва, Чернышевский
пер., д. Духовского.

Любезнейший Николай Владимирович!

Сейчас отправил я в Петербург на Ваше имя пакет с двумя бумагами: прошением к Государю и свидетельством о преклонных летах и недостаточном состоянии Веры Алексеевны.

В прошении на Высочайшее имя, кроме незначительных стилистических поправок, сделал я в двух местах сокращения: 1) «имевших, к прискорбию, в пору деятельности моего мужа такой печальный успех в русском обществе»; — эти слова я совсем опустил, ибо, казалось неуместным напоминать о 1м марте[1] <*так*!>; достаточным казалось фразы «растлевавших (тогда) русское общество», намекающей на ту же преступную агитацию. 2) Фраза «ибо он не угождал вкусам публики.... высокие и здоровые понятия» — тоже опущена, ибо а) она ослабляет фигуру восхождения:[2] «непрерывного труда, терпения и лишений» (последнее речение «лишений» заключает Ваше «беспокойства»); б) пахнет самовосхвалением, дает неуместную оценку деятельности Н<икиты> П<етрови>ча, каковую оценку более веско дает Главное управление по делам печати. Таким образом, прошение не удлинено, а сокращено, что́, и по-Вашему, всего важнее.

Ну, уж и намучились мы с этим прошением. Переписчик, мой помощник по «Вестнику», трусил и ошибался. Трижды приходилось переписывать прошение и дважды налаживать к подписанию Веру Алексеевну, у которой страшно дрожат руки, хотя и не от страха. Сам я последний список трижды перечитал. Кажется, нет в нем ошибок. Но Вы все-таки внимательно перечитайте его.

Вместо полицейского свидетельства добыто свидетельство от Смирнова-Платонова,[3] и я нахожу его лучшим, чем полицейское: 1) Свидетельство из квартала или от обер-полицеймейстера отзывается некоторою низменностию, тогда как в данном случае, кажется, гораздо *благолепнее* свидетельство Смирнова-Платонова, духовника свидетельствуемой и почтеннейшей в Москве духовной особы, ибо Смирнов-Платонов был еще одним из первых редакторов в 60х годах превосходного духовного журнала «Православное Обозрение» вместе с нашим покойным профессором Сергиевским.[4] 2) В свидетельстве Смирнова-Платонова упомянуто и о Николае Никитиче как о человеке больном и неспособном, каковое свидетельство врач полицейский не соглашался выдать. Что в прошении не упомянуто о Николае — это не беда: пусть лучше в документе будет сказано *больше*, чем в прошении, нежели наоборот.

Нам мало верится в успех ходатайства, а между тем Вера Алексеевна буквально на краю нищеты. А потому мы задумали новый ход на случай неудачи пенсии — поместить Веру Алексеевну в какой-либо приют для лиц духовного

звания. Право на это есть: 1) Она и муж ее — из духовного звания; 2) Н<икита> П<етрови>ч дважды служил по духовному ведомству; 3) имя Гилярова-Платонова гораздо популярнее в духовной, нежели светской среде.

В этом смысле сделан уже про запас шаг. Тот же Смирнов-Платонов, который дал свидетельство, говорят, влиятелен в делах московской[a] церковной благотворительности. На просьбу Веры Алексеевны он хотел поговорить Московскому митрополиту[5] *<так!>* о помещении Веры Алексеевны в церковный приют. Конечно, такое обещание свидетельствует, что он в этих делах влиятелен, ибо как станет простой протопоп просить митрополита о чужом деле? В данном случае это может быть, думается мне, прямо *докладом, по должности*. И здесь особенно благоприятная комбинация тем, что митрополит Сергий, по словам Веры Ал<ексеев>ны, *был инспектором М<осковской> Д<уховной> Академии в* ***первые*** *годы профессорства Ник<иты> Петр<ови>ча* (т. е. до изгнания его из Академии).

Теперь митрополит уезжает в Петербург надолго и, конечно, часто будет видаться с К. П. Победоносцевым. Если, как Вы пишете, Вы хороши с Победоносцевым, то не возьметесь ли Вы, по Вашей сердечной доброте и участию к Вере Алексеевне, попросить Победоносцева: вот-де, К<онстантин> П<етрови>ч, хорошо бы Вам, в память Никиты Петровича, сказать митрополиту Сергию, не поместит ли он вдову Никиты Петр<ови>ча в какую-нибудь духовную богадельню *в Москве*. Разумеется, это ходатайство можно начинать только тогда, когда дело о пенсии будет казаться уже провалившимся. Митрополит не обидится на просьбу *сверху*, будучи уже Смирновым-Платоновым прошен *снизу*.

На Ваше любезное письмо о своих делах напишу как-нибудь в другой раз. Получили ли Вы статьи Свиньина о Никите Петровиче?[6]

Анна Ив<ановна>[7] благодарит Вас за Ваши поклоны и отвечает Вам тем же. Вере Алексеевне, находящейся сейчас у меня, уже читаю это письмо; пусть она сама сделает Вам надлежащую приписку.

Ваш искренно преданный
Ф. Гиляров.

Сердечно Вам благодарна и желаю Вам всегда лучшего.

Вера Гилярова.[b]

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 756а. Л. 9—12 об. Сверху карандашная помета князя Шаховского: «Получ<ено> 23 ноя<бря>». Подчеркивания сделаны адресатом.

[1] 1 марта 1882 г. террористы убили Александра II.

[2] *Фигура восхождения* — термин риторики и стилистики; иначе: градация, климакс.

[3] О протоиерее Г. П. Смирнове-Платонове, ученике Гилярова-Платонова по Московской духовной академии, см. в коммент. 71 на с. 558.

[a] *Далее зачеркнуто*: духовной.

[b] *Приписка от лица В. А. Гилярова-Платонова сделана Ф. А. Гиляровым, только подпись (дрожащей рукой) — автограф.*

[4] Впоследствии протопресвитер Н. А. Сергиевский. См. коммент. 6 на с. 774.

[5] Митрополит Сергий (Ляпидевский). См. о нем коммент. 172 на с. 566.

[6] См.: *Свиньин И. А.*: 1) Столичные кладбища: Новодевичий монастырь // Вестник Литературный, Политический, Научный и Художественный, с Афишами. 1888. 12 сент. № 1260. С. 1; 2) Памяти Н. П. Гилярова-Платонова // Там же. 1888. 7 окт. № 1280. С. 1—2. Иван Аполлонович Свиньин — тамбовский, позднее костромской литератор, сотрудник газеты Ф. А. Гилярова, автор книги «Воспоминания студента 60-х годов, за 1862—1865 гг.» (Тамбов: Склад издания у Ивана Аполлоновича Свиньина, 1890. [2], VI, 155 с.).

[7] Анна Ивановна Гилярова — жена Ф. А. Гилярова.

5
Ф. А. ГИЛЯРОВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Москва, 29 ноября 1893 г.

Москва, Чернышевский 29 ноября 1893 г.
пер., д. Духовского.

Любезнейший Николай Владимирович!

Прилагаемая при сем вырезка из сегодняшнего № «Московского Листка»[1] ударила меня словно обухом по голове. Вера Алексеевна ни слова не сказала мне, ниже малейшего намека не сделала о задуманном ею обращении к общественной благотворительности. И словом, и делом я попытался бы отвратить ее от этого поступка, хотя на первых порах. Но дело уже сделано и непоправимо. Судя по слогу, заметка писана Елпидифором Барсовым, и весьма вероятно, будут им сделаны какие-либо ходы. Он, напр<имер>, знаком с Победоносцевым и может послать ему эту заметку, да наконец и другой кто может Константину Петровичу указать на нее.[2] Вам же я спешу послать ее не только как биографический матерьял, но и как документ, могущий осложнить Ваше ходатайство о пенсии. Я не могу судить, во вред или на пользу этому делу может послужить эта выходка. Может быть, следует показать эту статью Серг. Влад. Назаревскому[3] с просьбою, не найдет ли он возможным внести ее в свой ежедневный газетный отчет, а, может быть, именно этого-то и не следует делать: обо всем этом Вам лучше судить.

Кстати: нет еще никаких слухов о Вашем ходатайстве? В каком фазисе находится это дело?

Анна Ив<ановна> Вам кланяется.

Душевно преданный
Вам Ф. Гиляров.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 756а. Л. 13—14. Сверху карандашная помета князя Шаховского о получении письма: «30 нояб<ря>».

[1] Речь идет о воззвании к общественной благотворительности в связи с бедственным положением вдовы Гилярова-Платонова. Ее текст см. в коммент. 1 на с. 618. Днем позже

князь Шаховской получил ту же вырезку из «Московского Листка» от А. М. Гальперсон, — см. ее письмо от 30 ноября 1893 г. (Наст. изд. С. 617—619).

[2] Князь Шаховской сам послал К. П. Победоносцеву вырезку из «Московского Листка» — в письме к нему от 26 января 1897 г. (Наст. изд. С. 795—797).

[3] Сергей Владимирович Назаревский (1848—1896) — публицист, выпускник Московской духовной академии (1870), затем секретарь редакции «Московских Ведомостей» и «Русского Вестника», с 1876 г. чиновник особых поручений при Главном управлении по делам печати.

6
Ф. А. ГИЛЯРОВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Москва, 4 декабря 1893 г.

Москва. Чернышевский пер. 4 дек<абря> 1893 г.
д. Духовского.

Любезнейший Николай Владимирович!

Вчера вечером получил я Ваше письмо.

По сие время со дня публикации в «Моск<овском> Листке» я еще не удосужился быть у Веры Алексеевны. Но уже в день появления публикации послал к ней Анну Ивановну с деньгами, а вместе и за нужными сведениями. Дело с Пастуховым произошло так: В<ера> Ал<ексеевна> sua sponte* написала Пастухову письмо о своем бедственном положении; тот, сверх ожидания, немедленно сам приехал к ней. «Увидав его впервые после смерти Никиты Петровича, я, — говорит В<ера> Ал<ексеевна>, — расплакалась». Что́ было дальше, она не говорит. Но я предполагаю, что и Пастухов тоже сколько-нибудь растрогался при пробудившихся и у него воспоминаниях, хотя и в противоположном направлении воспоминаниям Веры Алексеевны: встреча эта напомнила ей прежнее благосостояние, а ему — его прежние бедствия. Далее, вероятно, Пастухов дал ей денег и сам предложил ей публиковаться (может быть, не без внутреннего злорадного чувства). Дальнейшее тотчас же было сделано уже редакциею «Моск<овского> Листка». Но в тот же свой визит Пастухов, по словам моей двоюродной сестры, бывшей у Веры Ал<ексеевны> третьего дня, предлагал Николаю Никитичу место у себя, называя его «Николенькою» и утверждая, будто бы сам[a] он и теперь «тот же, что́ и прежде».

Дальнейшие подробности: кто-то прислал В<ере> Ал<ексеев>не $^1/_2$ саж<ени> дров; вероятно, доставляли на дом и деньги, но положительного о последнем я ничего не слыхал. Размер же сбора Конторы вот он:

<*Вклейка вырезки из газеты*:>

3 декабря, в пользу супруги покойного редактора-издателя Н. П. Гилярова-Платонова конторою редакции «Московского Листка» получено: от N. N. 25 руб., М. 40 коп.; итого 25 р. 40 коп. Всего с прежде поступившими 132 р. 40 коп.[1]

---

* по собственному желанию (*лат.*).

[a] *Это слово вписано над строкой.*

Самое же важное вот что́: В<еликий> кн<язь> Сергий Александрович, по словам той же двоюродной сестры, на другой или на третий день по публикации прислал к В<ере> Ал<ексеевне> чиновника с поручением вручить ей от него 100 р. и спросить ее: чего она желает для себя? В<еликий> князь все-де готов сделать. В<ера> Ал<ексеев>на просила его, т. е. чиновника, поместить ее в какую-либо богадельню.

Вполне вместе с Вами понимаю, что выходка В<еры> Ал<ексеевны> была крайне не своевременна. *Может быть, надо было и начать с подачи прошения В<еликому> князю*. Но все это было так внезапно, так неожиданно. Может быть, Великий князь окончательно и устроил бы ее. Но и тут теперь я опасаюсь вот чего: когда Вел<икий> князь или кто другой предложит Вере Ал<ексеев>не помещение в богадельне, она в решительную минуту откажется от этого, дабы не расставаться с своим сокровищем Николаем, на самолюбие которого, кстати, публикация с своими последствиями, кажется, подействовала удручающим образом, так что он пока не пьян.

Вообще, кажется, Вера Ал<ексеев>на от лет, от несчастий, особенно от наступившей нищеты окончательно разбита до начинающейся некоторой слабости головы, выражающейся в жалобах на свою «забывчивость». Это следует иметь в виду, как извиняющее обстоятельство и даже, может быть, как прямое ее оправдание во всей этой путанице, так прискорбно осложнившей Ваше ходатайство.

Сейчас поеду к Вере Алексеевне, чтобы по возможности предостеречь ее от какого-либо нового безоглядочного поступка, хотя заранее чувствую, что почва под ногами будет чуть-чуть вязкая, на которой опасно что-либо строить.

На праздниках[2] жду Вас с нетерпением.

Анна Ив<ановна> Вам кланяется.

Душевно преданный Вам
Ваш Ф. Гиляров.

Экземпляры «Вестника» с Вашими статьями (20 экз.) будут на днях отправлены в Ваш московский дом.

И<ван> Ап<оллонович> Свиньин Вам кланяется.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 756а. Л. 15—17 об. Сверху карандашная помета князя Шаховского: «Полу<чено> 5 дек<абря>».

[1] Московский Листок. 1893. 4 дек. № 339. С. 2. Такие отчеты появлялись в газете в этот период регулярно, с указанием общей суммы пожертвованных средств, например: 107 руб. (Там же. 3 дек. № 336. С. 2), 135 руб. 10 коп. (Там же. 6 дек. № 339. С. 2), 160 руб. 10 коп. (Там же. 8 дек. № 341. С. 2).

[2] Имеются в виду Рождество и Святки.

7
Ф. А. ГИЛЯРОВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
МОСКВА, 14 ДЕКАБРЯ 1893 Г.

1893 г. 14 дек<абря>. Москва. Чернышевский пер. д. Духовского.

Любезнейший Николай Владимирович!

Третьего дня получил я Ваше письмо от 11 декабря и тотчас же поехал с ним к Вере Алексеевне. Оказалось, что она от Анны Мих<айловн>ы[1] уже знает о новом Вашем плане воздействовать еще и через Великого князя и даже приняты меры: Гальперсон муж переписывает и прошение к Вел<икому> князю, и копию с отосланного к Вам прошения. Сегодня была у меня Вера Ал<ексеев>на уже с переписанными бумагами и в сопровождении Анны Ивановны вручила их генерал-губернаторскому чиновнику Остроумову, тому самому, который являлся к ней от Великого князя.

Остроумов осведомился только, по почте или через кого-либо подано на Высочайшее имя прошение. Ему отвечали, что через знакомого, но фамилии не назвали. Остроумов указывал подать эти бумаги правителю канцелярии Истомину,[2] но, видя болезненное состояние Веры Ал<ексеевн>ы, вызвался сам передать эти бумаги (Истомину или Великому князю?), сообщая, что «завтра он будет делать доклад» (конечно, Великому князю).

Вот пока все. Само собою разумеется, что обе бумаги предварительно были мною прочитаны и найдены безукоризненными как по составлению, так и по переписке.

В ожидании скорого с Вами свидания, не распространяюсь ни о чем ином, кроме этих деловых сведений, и есмь

Душевно преданный Вам
Ваш Ф. Гиляров.

Чудак И. А. Свиньин, совсем очарованный Вашим к нему визитом, вздумал описать этот визит в присланной ко мне для печати статье: «Впечатления прошлого лета».[3] Затрудняюсь напечатать, не показав Вам предварительно. А напечатать хотелось бы, ибо рассказ о Вашем визите дает автору предлог сообщить некоторые свои воспоминания о Ник<ите> Петровиче,[4] а также об Анне Михайловне (!).[5] Чудаки эти провинциалы!!.. Но как же мне быть??..

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 756а. Л. 18—19. Сверху карандашная помета князя Шаховского о получении письма: «15 дек<абря>».

[1] Упомянута А. М. Гальперсон.

[2] Писатель и издатель Владимир Константинович Истомин (1848—1914) состоял управляющим Канцелярией московского генерал-губернатора в 1887—1904 гг.

[3] Начало очерка было опубликовано в тот же день, каким и датировано настоящее письмо: *Свиньин И. А.* Впечатления прошлого лета // Вестник Литературный, Политический, Научный и Художественный, с Афишами. 1893. 14 дек. № 2076. С. 1—3. А про-

должение — по-видимому, с одобрения князя Шаховского — через месяц: Там же. 1894. 12 янв. № 2097. С. 1—3. Здесь не упоминается о визите князя к Свиньину — значит, текст был несколько изменен. Приведем его: «Из времени, проведенного мною в Москве, у меня особенно сохранился в памяти следующий момент. В бытность мою в семействе одного старинного моего знакомого я узнал, что для почитателей памяти достоуважаемого Никиты Петровича Гилярова-Платонова готовится сюрприз, в виде самой подробной и обстоятельной его биографии, которой с любовью специально занялся один из восторженных его поклонников, близкий к покойному человек, кн. Н. В. Шаховской. Он занят собиранием материала, касающегося избранного им предмета, и охотно знакомится со всем, что имело к покойному какое-нибудь отношение» (Там же. С. 3).

[4] См.: «Скажем от себя, что покойный был насколько велик, настолько симпатичен, снисходителен, добр и великодушен. Он обладал счастливою способностью быть ровным ко всем и не делать ни для кого никаких изъятий. Давать противнику чувствовать над собою свое превосходство было не в его характере. Обыкновенный способ его рассуждений был таков: он давал другому вполне высказаться, а сам это время молчал и сосредоточенно выслушивал все, что говорилось. Когда речь рассказчика обрывалась, он прерывал молчание, осыпая вас доказательствами, доводами, сравнениями, от которых вам приходилось совсем жутко, невмоготу. И замечательно, что вы чувствовали себя одновременно и побежденным, и обласканным. К сожалению, мы этого не можем сказать о многих наших просвещенных людях. Напротив, у этого сорта людей замечается какое-то злорадство, удовольствие подметить слабую сторону, неподготовку и накрыть своего оппонента врасплох, а потом кичиться и говорить: “Знай, мол, наших; вот как мы отделали!” Покойный был не таков» (Там же).

[5] См.: «Одно время я корреспондировал в “Совр<еменные> Изв<естия>” из Северо-западного края и, понятно, не мог не касаться семитического племени, составляющего преобладающий элемент тамошнего населения. Приезжаю я как-то в Москву и вижусь с Никитой Петровичем, который объясняет мне, что у него есть одна знакомая еврейка, сотрудница его газеты, которая очень интересуется мною и, судя по моим корреспонденциям, считает меня фанатиком. — Я как-нибудь постараюсь познакомить вас с нею, добавил Никита Петрович» (Там же).

8
Ф. А. ГИЛЯРОВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Москва, 10 января 1894 г.

1894 г. Янв<аря> 10.

Любезнейший Николай Владимирович!

По делу Тихановой, о которой Вы так любезно согласились писать Хомякову, были наведены указанные Вами справки в Дворянской канцелярии. Оказалось, что для надлежащего ведения дела необходимо прежде всего знать, был ли покойный Тиханов форменным образом занесен в дворянскую книгу. По беспечности родителей покойного могло быть это и не сделано. А потому усерднейше прошу Вас, дорогой князь, когда Вы будете писать Хомякову, попросите его сообщить Вас <*так!*>, по надлежащей справке, был ли покойный потомственный дворянин Смоленской губернии Рославльского уезда (сельцо Салово)

Николай Александрович Тиханов приписан к дворянству означенной губернии и уезда. *Только это и нужно пока.*

Говорят, будто бы подчеркивать в письмах очень невежливо. Но подчерк и в печати излишен и свидетельствует только о неумелости автора. Но подчерк здесь сделан только для облегчения Вашей и моей души.

Ваш Ф. Гиляров.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 756б. Л. 1—2. Сверху вписано, по-видимому, рукой Д. А. Хомякова, которому князь Шаховской передавал письмо: «Ник<олай> Ал<ександрович> Тиханов дворянином Смол<енской> Губ<ернии> не значится, и фамилия Тихановых в дворянстве не утверждена. Хом<яков>». Знакомый Ф. А. Гилярова Н. А. Тиханов скончался 18 декабря 1888 г. и был похоронен на кладбище Новодевичьего монастыря под Петербургом.

9
Ф. А. ГИЛЯРОВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Москва, 5 февраля 1894 г.

Москва.
5 февр<аля> 1894 г.

Спасибо, глубокое спасибо Вам, не только любезнейший, но и дорогой Николай Владимирович, за Ваше внимание и долготерпение к моей докуке о паспорте г-жи Тихановой. Моя беспаспортная клиентка не раз просила меня передать Вам ее глубочайшую Вам благодарность за Ваше содействие, без которого она решительно не знала, что́ делать. Буду ждать от Вас ответа Хомякова, который Вы так любезно обещаете «немедленно переслать» ко мне.

Еще более глубокую благодарность приношу Вам за успешное, по-видимому, движение дела В<еры> Ал<ексеевны> Гиляровой. Здесь поистине уже не хватает слов для оценки Вашей доброты!

Сердечно радуюсь успехам Вашим в собирании материалов по биографии Н<икит>ы Петровича. А знаете ли, почему я так медлил Вам ответом на Ваше письмо от 28 января? — Тотчас за ним я получил от Марьи Савельевны Сковронской, ныне Бугусловской, <*так!*> записку с предложением рассказа для «Вестника», что́ было, по-видимому, только подходом к дальнейшему предложению: «Кроме того, мне хотелось бы поговорить с Вами несколько слов ни относительно Вас, ни меня, а третьих лиц. Если Вы не прочь со мной повидаться, то напишите мне, где и когда».

Я предложил ей приехать ко мне, но вот уже прошло два утра из назначенных для этого свидания, а ее все нет. Предполагаю, что она намерена говорить об Авдотье («Душа́нке»),[1] которая теперь втирается и, кажется, с надеждою на успех, в наше родство. Но, может быть, дело касается Вас и биографии Н<ики>ты П<етрови>ча. Вот ввиду этого-то предположения я и медлил Вам ответом. Если

увижусь со Сковронской-Богусловской, постараюсь завести разговор о биографии: нельзя ли что́ у нее выудить? Только едва ли.

Анна Ив<анов>на усердно Вам кланяется, а я от всей души Вас обнимаю.

Ваш Ф. Гиляров.

Навещал я несколько раз А. В. Базилеву.[2] Третьего дня она была весь вечер у нас, а вчера предполагала быть у Вашей матушки.[3]

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 756б. Л. 3—4 об.

[1] Имеется в виду А. И. Буренкова (в замужестве Орлова), приемная дочь М. С. Сковронской, которую та безосновательно пыталась выдать за внебрачную дочь Гилярова-Платонова. См. также коммент. 68 на с. 558.

[2] Неустановленное лицо. Не исключено, что она же — «кума» князя Шаховского, упоминаемая в последующих письмах.

[3] Упомянута княгиня А. П. Шаховская (ур. Ефремова). См. коммент. 4 на с. 632.

10
Ф. А. ГИЛЯРОВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Москва, 9 февраля 1894 г.

9 февраля 1894 г. Москва, Черныш<евский> пер. д. Духовского.

Сейчас получил я Ваше, дорогой Николай Владимирович, письмо от 8 февраля.

Вы слабо выражаетесь: «пришелся по душе». Я, по крайней мере, Вас полюбил прямо как своего, как родного человека, и прискорбно мне, что ничем действенно не могу платить Вам за всё Вами оказанное нам и лично мне добро.

Глубокое спасибо за ответ Хомякова. Хотя по существу он и не вкусен, зато уяснил положение дела. С Тихановой я еще не видался по получении Вашего письма, не сообщал ей о нем. При личном с нею свидании спрошу, думает ли она подавать прошение в Департамент герольдии. По-моему, это необходимо: у нее двое детей мальчиков; муж ее имел солдатский Георгиевский крест; если она добьется утверждения своего мужа в дворянстве, она может рассчитывать на воспитание детей на казенный счет. Иначе ей придется с ними чуть не нищенствовать, ибо своих средств не имеет никаких. Документов после мужа осталось у нее немало с указанием на «дворянство» или «помещичье» происхождение мужа; но я не знаю, какие документы потребуются для представления в Департамент герольдии.

Марья Савельевна доселе не была у меня. На мой сухой, но вежливый ответ, что я к ее услугам у себя на квартире целую неделю по утрам, пока ни слуху, ни духу. Не обиделась ли она, что я не предложил приехать к ней? Но, дорогой князь, свидание с нею, право, тошнит, как обоняние протухлой помойной ямы. Горячо любя покойника, я долго и тяжко страдал через ее донос. *Не раз отговаривал я Н<икиту> П<етрови>ча от самоубийства*. Раз даже отнял у него ре-

вольвер. Рисковал сам быть привлеченным к делу, о чем сообщу лично. И после этого ехать к этой стерве по делу другой гадины,[1] оставленной ею нам в наследство?! Нервы не выносят этого!

Если увижу Сковронскую, постараюсь извлечь от нее чтó возможно для Вашего склада; но решительно не надеюсь: она очень хитра. Чтó до повести ее, поверьте, это только подвох. Зачем она, женщина, живущая пером, сотрудничающая в газете «Русский Листок»,[2] отдаст мне повесть, не рассчитывая на плату, да и, как умная женщина, не рассчитывая и на бесплатное ее помещение при понятных для нее моих чувствах к ней?

Радуюсь за окончание Вами первой главы биографии. Очень удачно и совершенно правильно начали Вы ее с того пункта, где кончаются собственные «Воспоминания» Н<икиты> П<етрови>ча. Название «Из пережитого Г<иляровы>м-Пл<атоновы>м» придумано Вами, как выражаются столяры, «заподлицо» с титулом книги самого Н<икиты> П<етрови>ча. В то же время это свидетельствует о необыкновенной скромности нового автора, отрекшегося даже от права дать свое имя своему детищу.

Выбор «Русского Обозрения», как московского журнала, очень удачен. Статья Ваша гораздо уместнее в Москве, где жил покойный, нежели в Ингерманландии,[3] где он умер.

Спешу в театр.

Дружески обнимаю Вас.

Ваш Ф. Гиляров.

Наши Вам все кланяются.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 756б. Л. 5—8. Сверху помета князя Шаховского синим карандашом: «СПб., получ<ено> 11 февр<аля>».

[1] Упомянута А. И. Буренкова.

[2] *«Русский Листок»* — ежедневная московская газета, выходившая с 1890 г. Редактор-издатель (в 1890—1896 гг.) В. Э. Миллер.

[3] Подразумевается Петербург.

11
Ф. А. ГИЛЯРОВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Москва, 17 февраля 1894 г.

17 февр<аля> 1894 г.

Дорогой Николай Владимирович!

Вы хотите окончательно избаловать меня своею безграничною добротою. Сердечно благодарю Вас за сведения, полученные Вами от Барсукова, и за Ваш труд по просмотру книг дворянских родов. Но так как Вы сами начали эти новые хлопоты и Ваша горячая энергия как бы просит топлива для дальнейших действий; то и позволю себе на отдельном листочке приложить выписку из всех

документов, которыми располагает Тиханова.[1] Если Вам опять «случайно» удастся увидеть Барсукова,[2] я уверен, что Вы подсунете ему и этот листочек.

О Сковронской-Богусловской доселе ни слуху, ни духу. Ясно, гнусная баба ожидала, что я полечу к ней по ее записке.

Когда увижу А<ндрея> Ал<ександровича> Титова,[3] непременно буду просить его поскорее напечатать письма Н<икиты> П<етрови>ча. Он очень милый человек и страстный охотник печатать, но, как собиратель, ревниво охраняет девственность добытых им документов.

Вчера возил в театр Вашу куму, но, простудившись утром во время поездки в Химку, не мог досидеть спектакля и принужден был оставить ее одну.

Нового еще ничего. Переиздаю свою «Этимологию»[4] и дрожу, как бы, при печатании 50 000 экз<empляров> да притом еще грамматики, не проскочила орфографическая ошибка. Плевелы эти поистине «черт сеет», как ни бодрствуй человек.

Жду — не дождусь прекращения «Вестника» к 1^{й} неделе В<еликого> поста.[5] Тогда на недельку думаю уехать в Химки[6] на чистый воздух. Вчера испытал целительность чистого воздуха. Поверите ли: даже здравомысленнее становится на чистом воздухе, строже к себе, справедливее к другим.

Однако заболтался.

Дружески Вас обнимаю.

Да хранит Вас Бог!

Ваш Ф. Гиляров.

Анна Ив<ановна> благодарит Вас за Вашу о ней память.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 756б. Л. 9—10 об. Сверху помета князя Шаховского: «пол<учено> 25 ф<евраля>. Рев<ель>».

[1] Этот «отдельный листочек» отсутствует в данной ед. хр.

[2] Н. П. Барсуков. См. о нем коммент. 96 на с. 560.

[3] Андрей Александрович Титов (1844—1911) — археограф, этнограф, палеограф, предприниматель.

[4] *Кирпичников А. И., Гиляров Ф. А.* Этимология русского языка для низших классов гимназий: (Применительно к правописанию). 28-е изд. (88-й десяток тысяч). М.: Книжный магазин В. Думнова, 1894. 88 с.

[5] Ежегодная приостановка в период Великого поста издания «Вестника», специализировавшегося на кратком изложении содержания пьес, либретто и описании театральной жизни Москвы, связана с тем, что в это время закрывались все увеселительные заведения.

[6] *Химки* — в рассматриваемое время подмосковная деревня к северо-западу от города, начиная с 1830-х гг. ее округа активно застраивалась дачами. Ф. И. Гиляров в других своих письмах называет находящуюся вблизи железнодорожную станцию *Химскую* (открыта в 1851 г.) — *Химкой*, — так именовался стан (остановка) на тракте С.-Петербург — Москва (в 14 верстах от последней).

12
Ф. А. ГИЛЯРОВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Москва, 20 мая 1894 г.

Ст. Химка.
1894 г., мая 20.

Сердечно благодарен Вам, дорогой Николай Владимирович, за Вашу справку. Получив вчера Ваше от 17 мая письмо, отправляю сегодня просьбу в Гл<авное> Упр<авление> по д<елам> печати.

Чрезвычайно интересует меня «огромное поручение», на Вас возложенное.[1] Думается, не секретное ли оно; а иначе Вы, зная, как близко к сердцу принимаю все Вас касающееся, вероятно, написали бы, в чем заключается это поручение. Во всяком случае очень жаль, если оно отвлечет Вас от Вашей литературной работы и притом лишит меня удовольствия видеть Вас летом.

Ни Вашей «кумы», ни Веры Алексеевны, ни вообще кого-либо я не видал с самой Святой недели, да и в Москве-то за это время пришлось побывать только два раза, и то по неотложным делам: все занят стройкою,[2] которая приходит теперь к концу.

Перебранка Иловайского[3] живо напомнила мне, как в Обществе любителей росс<ийской> словесности, кажется, в 1880 г. мы избрали его временным председателем,[4] как возмущал он всех сочленов своим безграничным обидчивым самолюбием. Он был совсем невыносим. Ф. И. Буслаев тоже самолюбив, — соглашаюсь с Вами; но он тихо страдает, когда уязвляется его самолюбие, а Иловайский — задира, болезненно раздражительный. Впрочем, Буслаев дошел теперь до последней степени оценки общественной, пользуясь только громкими похвалами, пережив игнорирование, а потом брань, как, напр<имер>, Чернышевского, который печатно назвал его «дураком».[5] Во всех прочих отношениях Буслаева, кто знает его близко, нельзя не любить и не уважать.

Не забывайте меня хотя редкими о себе вестями. Да хранит Вас Бог!

Ваш Ф. Гиляров.

Ан<на> Ив<ановна> Вам шлет поклон.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 756в. Л. 1—2 об. Сверху помета князя Шаховского: «по<лучено> 23 мая».

[1] Из следующих писем становится ясно, что на князя Шаховского было возложено служебное поручение по изучению отхожих промыслов. В итоге он опубликовал анонимно исследование: <*Шаховской Н. В., кн.*>. Отхожие сельскохозяйственные промыслы. <СПб.: Тип. «Правительственного Вестника», 1895>. <2>, VI, 157 с., а через год — его же в расширенном виде под измененным назв.: *Шаховской Н., кн.* Сельскохозяйственные отхожие промыслы. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1896. VIII, 254, II с.

[2] Речь идет о строительстве дачи в Химках.

[3] См. об этом запись от 23 марта 1891 г. в Дневнике И. Е. Забелина: «Поутихла перебранка Иловайского со своими учениками. Ученики напали на своего учителя, увидели,

что, в сущности, он мыльный пузырь, взмыленный рекламою приятелей, увидели, что он не более как ловкий компилятор, никогда не работавший по первоисточникам, научивший целое поколение пустозвонству и умничанью в разработке материалов истории» (*Забелин И. Е.* Дневники и записные книжки. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2001. С. 149). О Д. И. Иловайском см. коммент. 6 на с. 643.

[4] Ошибка памяти: Иловайский был временным председателем Общества любителей российской словесности с 9 ноября 1874 г. по 22 декабря 1875 г. (см. *Клеймёнова Р. Н.* Общество любителей российской словесности, 1811—1930. М.: Academia, 2002. С. 582).

[5] По-видимому, имеются в виду обвинения Ф. И. Буслаева в статье Н. Г. Чернышевского «Полемические красоты» (1861) в непрофессионализме, в том, что «трудами его наука не может воспользоваться» (*Чернышевский Н. Г.* Избр. филос. соч.: В 3 т. М.: Госполитиздат, 1951. Т. 3. 386—387).

13
Ф. А. ГИЛЯРОВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Москва, 31 мая 1894 г.

Ст. Химка.
1894 г., 31 мая.

От всей души, дорогой Николай Владимирович, поздравляю Вас с предстоящею Вам «работою». Это, действительно, дело «огромное» и с страшною ответственностью пред своею совестью и историею. Скажу вполне откровенно: я почувствовал жуть, читая Ваше от 23 мая письмо. Теперь, — Вы ведь это лучше моего знаете, — то и дело играют словами, выдавая переделку за починку, новые противоположные начала за «ограничение злоупотреблений». Таким образом «регулирование» не есть ли попытка к ограничению свободы передвижения? И еще хуже: не думают ли чрез это ограничение принести пользу преимущественно молоху наших дней, дворянству, исторически отживающему? По крайней мере Вы сами[a] говорите, что отхожие промыслы более «разоряют и крестьян, и *помещиков*». Где, дорогой мой, нашли Вы «помещиков» в современной России? Я знаю только «землевладельцев» от дворян до крестьян, с одной стороны, и с другой — богатых и бедных, независимо от сословного деления. Купцы-землевладельцы едва ли разоряются от отхожих промыслов крестьян, а только богатеют при благоприятных условиях. Итак, не выходит ли, что предполагается немножко закрепостить крестьян, чтобы помещикам-дворянам оставались под рукой дешевые работники? И в самом деле: зачем крестьянин побежит на отхожие промыслы, если он может получить на месте ту же плату, что́ и в городе? Это безумие, к которому неспособен домовитый и расчетливый[b] русский человек.

Я, конечно, совсем незнаком с этим огромным и трудным, причем еще совсем новым вопросом. Но кто не знает, что бегут крестьяне из некоторых уездов, на-

[a] *Далее зачеркнуто*: уже.
[b] *Это слово вписано над зачеркнутым*: скупой.

пр<имер>, Тверской губ<ернии>, где земля или одна глина, или камень? Что чудесные мастера плотничного и столярного искусства искони выходят из Покровского уезда Влад<имирской> губ<ернии>, где без мужиков бабы отлично пашут землю? — «мужику так не суметь», по отзывам работающих теперь у меня плотников из Покровского уезда.

Хотят «регулировать», а знаете ли Вы, какая железная дисциплина существует в артелях рабочих? Это не рабочие, это — войско, рота с капитаном-десятником во главе. Я насмотрелся на это в последние три месяца. Ex uno disce omnes,* как говорит Вергилий.[1] Мой подрядчик из Покровского уезда; все рабочие оттуда же, из ближайших деревень, частью родственники, а большею частью знакомые «по деревне» подрядчика. «Робята лёдат»[2] без дела, «просятся скорей начинать», говорил он мне, побуждая приступить к постройке постом. Только дал я согласие, как закипела работа, нет, не работа, а бойкое, твердое исполнение трудной пиесы на музыкальном инструменте. А какая дисциплина! Врубать косяки в окна поставлено одновременно к каждому окну по одному человеку; начали все по сигналу и почти одновременно окончили. Я живу с этими рабочими в величайшей дружбе: непрестанные «чаи», всякое ублажение: водка, квас, моченые яблоки, самовар — всё к их услугам. А ни один рабочий никогда ничего не сделает по моему непосредственному требованию. Один ответ: «Скажите десятнику». Он знает только десятника, и, кажется, не послушается и подрядчика, если тот не через десятника отдаст им приказание. Да тот, сам из плотников, ничего сам непосредственно и не указывает, хотя еженедельно бывает на стройке.

Итак, что́ тут «регулировать»? Все и так урегулировано преданиями, обычаями, годами практики.

Еще одно слово. Вы пишете: «Отхожие промыслы — вопрос пореформенный». А до 19 февр<аля> 1861 г. кто строил города, столярничал, красил стены и крыши, мостил мостовые, работал на фабриках и заводах?..

Еще раз: не обижайтесь на мою придирчивую боязливость. Примите мои слова, как корявые дрова, брошенные в раскаленное горнило Вашей души. Во всяком случае это внутренний голос чисто русского человека. Так, полагаю, думают очень многие не теоретики, а живые трудящиеся люди. Вся беда в том, что в России мало труда, много праздности. Заставьте лентяев трудиться и не мешайте тому, кто трудится, как умеет.

Ваш всегда Ф. Гиляров.

Анна Ив<ановна> благодарит Вас за постоянную о ней память.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 756в. Л. 3—6 об. Сверху помета князя Шаховского о получении письма: «2 июня».

[1] Точнее, в «Энеиде» Вергилия (II, 65): «Ab uno disce omnes».

[2] *Лёдать*, лядеть — изнывать (*диал.*).

* По одному преступлению узнай их всех (*лат.*).

14
Ф. А. ГИЛЯРОВ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Москва, 16 июня 1894 г.

Ст. Химка.
16 июня 1894 г.

Дорогой Николай Владимирович!

Припискою своею о «вероятном» отъезде своем в Ревель недели на две Вы в письме Вашем от 3 июня заклепали мне рот на эти две недели: я не мог знать, куда писать, с уверенностью, что письмо не залежится и не зачерствеет.

Очень благодарен Вам за Ваше разъяснение моих недоумений насчет «урегулирования». Но только Вы еще больше раздразнили мое любопытство. Неужели же «косцы и пахари» постоянно шляются на авось, так из года в год, не наладив ни с кем определенных отношений? Ведь и между ними должны быть какие-либо по этому существенному для них делу предания. В 1862 году, едучи по Волге от Костромы до Нижнего, я видел, как садились на тот же пароход, на котором я ехал, и как сходили с него там и сям толпы татар-косцов. По-видимому, они хорошо знали, куда и зачем они едут. Неужели за эти 30 лет не создался у подобных работников никакой modus vivendi? Видал я и шатающихся рабочих именно землекопов, предлагающих по Николаевской ж<елезной> д<ороге> ежегодно с половины июня «рыть канавы, делать дорожки», но от действительной работы, кажется, уклоняющихся. Как помочь таким и подобным? Совершенно не могу постичь. Быть может, волостные правления будут из каких-либо центров оповещать, где и сколько требуется рабочих? Но как тут разберутся при слепоте безграмотности, при неповоротливости, косности? Помоги Вам Бог создать что-либо практичное и полезное. Есть на то, вероятно, заграничные примеры, хотя бы Америки. Вам, впрочем, и книги в руки.

А знаете, дорогой мой, что по совести-то не будет ли это все только замазыванием коренного грозного вопроса о малоземелье? Не единственное нерадикальное лекарство — переселение с малоземельных истощенных мест туда. Где земли много и она жирна: Но тогда косец и пахарь не станет работать на другого, будучи обеспечен в своих ограниченных потребностях. Первая половина вопроса решается по-Божески: голодный перестает голодать. А вторая половина вопроса: как ухитриться, захватив громадные земельные угодья, жить чужим трудом, не имея ни крепостных работников под рукою, нижé свободных, но голодных, т. е. тех же крепостных, — висит на воздухе. Это неизлеченный рак европейско-христианской цивилизации, по-моему, а по-Вашему, чтó тут возможно сделать?

Ужасная весть из Лиона[1] напомнила мне наши с Вами беседы о пустопорожности газетных фраз: «теперь-то вот уж примутся» и т. п. Здесь тоже разбирают одну только половину вопроса, умалчивая совсем о другой. Теперь Франция

сделает для подавления анархизма все, что́ может сделать первая в мире по просвещению нация. Посмотрим, что́ она сделает и что́ потом последует.

Постройка моя окончилась, и вчера мы перебрались в новое помещение. Светло, тепло и просторно. Теперь могу предаться своим обычным летним учебным занятиям. Сейчас читаю с величайшим наслаждением капитальную книгу в 794 стр. мелкого шрифта «Die Mensehenopfer der alten Hebräer» какого-то доктора Ghillaniy.[2] Вот тоже коренной и ужасный вопрос — отношение христианства к еврейству. Ап. Павел по возможности отрешил христианство от иудейства, но жаль, что в первые века не было еще несколько Павлов.

Простите, что задираю опять самый больной вопрос. Живя здесь с 1^{й} недели В<еликого> поста отшельником, мучусь «проклятыми» вопросами, от которых зимою от<в>лекает меня суета эфемерного «Вестника».

Очень и очень желал бы повидаться с Вами нынешним летом.

Из Гл<авного> упр<авления> по делам печати пришел ответ, что «сношение сделано». Этот необязательный ответ пришел очень скоро. В этом я тотчас же узнал с благодарностью Ваше доброе содействие.

Да хранит Вас Бог.

Ваш Ф. Гиляров.

Анна Ив<ановна> Вам кланяется.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 756в. Л. 7—10 об.

[1] 24 июня 1894 г. после произнесения приветственной речи на Всемирной, международной и колониальной выставке в Лионе президенту Франции (с 1887 г.) Сади Карно было нанесено смертельное ножевое ранение итальянским анархистом Санте Казерио.

[2] *Ghillany F. W.* Die Menschenopfer der alten Hebräer: Eine geschichtliche Untersuchung. Nürnberg: Johann Leonhard Schrag, 1842. (Пер. назв.: «Человеческие жертвоприношения у древних евреев: Историческое исследование».) Фридрих Вильгельм Гиллани (1807—1876) — немецкий протестантский теолог, историк и публицист.

XVII. ПИСЬМО Н. А. СЕРГИЕВСКОГО К К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ (1893) ВИЛЬНА, 19 ДЕКАБРЯ 1893 г.

Милостивый Государь
Глубокоуважаемый Константин Петрович.

Получив письмо Вашего Высокопревосходительства относительно доставления писем покойного Н. П. Гилярова-Платонова, я тотчас же, в свободные минуты, приступил к пересмотру личных моих бумаг с целию отыскать между ними писем Гилярова. Пока нашел 13 писем и 1 записку,[1] которые и имею честь препроводить при сем при особой описи. На днях приступлю к дальнейшему пересмотру моих бумаг и не замедлю прислать то, что́ мною будет найдено. Прошу извинение в том, что розыск писем произвожу с некоторым промедлением.[2] Ко-

нец года, с одной стороны, дает много спешной работы по управлению Округом; а с другой стороны, ревизия в Могилевской губернии некоторых учебных заведений взяла много времени.

С глубоким уважением и душевною преданностию имею честь быть

Вашего Высокопревосходительства
покорнейшим слугою
Н. Сергиевский.

19 декабря 1893 г.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 986. Л. 1—1 об.
О попечителе Виленского учебного округа Н. А. Сергиевском см. коммент. 6 на с. 774.

[1] Позднее Сергиевский отыскал в своем архиве и другие письма Гилярова. См. о них коммент. 29 на с. 761.

[2] Победоносцев, запросив письма Гилярова у Сергиевского, выполнял просьбу князя Шаховского. 3 ноября 1893 г. Победоносцев сообщал ему: «К Сергиевскому писал, но не имею ответа» (Наст. изд. С. 774). См. также в письме от 5 января 1894 г.: «Посылаю Вам несколько писем Гилярова, доставленные мне Н. А. Сергиевским» (Там же. С. 776).

XVIII. ИЗ ПЕРЕПИСКИ А. М. ГАЛЬПЕРСОН С В. А. ГИЛЯРОВОЙ-ПЛАТОНОВОЙ, К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВЫМ И С. Ф. ШАРАПОВЫМ (1896—1898)

1
А. М. ГАЛЬПЕРСОН — В. А. ГИЛЯРОВОЙ-ПЛАТОНОВОЙ
С.-Петербург, 11 декабря 1896 г.

СПб. 11 дек<абря> 1896 г.

Дорогая Вера Алексеевна!

Меня очень огорчило известие о Вашем положении. Князь Николай Владимирович в бытность свою здесь сказал мне, что выхлопотал Вам ежемесячное пособие в 25 р., и я думала, что при двух других пенсиях Вам будет нетрудно сводить концы с концами. Я не понимаю, какого рода недоразумение тут вышло, что Вы получили только 50 р. единовременно.

Я, конечно, очень рада, что князь Николай Владимирович доставил Вам средства печатанием писем Никиты Петровича, но если бы он мне написал или если бы Вы мне сообщили, что продолжаете нуждаться, я бы и сама это давно сделала. У меня все рукописи Никиты Петровича хранятся как святыня, и я только потому ничего из них не печатала, что предоставила князю воспользоваться ими для биографии.

Простите, дорогая Вера Алексеевна, что не поздравила Вас с именинником.[1] Надеюсь, Николай Никитич тоже меня простит. У меня был болен маленький Сережа,[2] и я потому так долго не могла ответить на Ваше письмо.

Если Вам не трудно, дорогая Вера Алексеевна, напишите мне снова, как Ваши дела, насколько Вас выручили деньги, полученные за напечатанные письма Никиты Петровича[3] и как объясняется недоразумение с ежемесячной пенсией?

Все наши кланяются. Сергей Исаакиевич[4] очень жалеет, что не мог Вас видеть.

Ваша А. Гальперсон.

В. О. 2ая линия, д. № 3, кв. № 10.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 948. Л. 1—2. Здесь и далее воспроизводятся подчеркивания князя Шаховского.

[1] 6 декабря (Никола Зимний, память кончины святителя Николая Угодника) — именины Н. Н. Гилярова.

[2] С. С. Гальперсон (позже Баранов). См. о нем коммент. 1 на с. 588.

[3] Из этой и других сходных по смыслу фраз становится ясна главная цель настоящего письма: А. М. Гальперсон проверяла, действительно ли князь Шаховской пересылал вдове мыслителя гонорары за публикации из его архива.

[4] С. И. Гальперсон, по служебным делам приезжавший в Москву.

2
А. М. ГАЛЬПЕРСОН — К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ
С.-Петербург, 23 декабря 1896 г.

Спб. 23 дек<абря> 1896 г.

Ваше Высокопревосходительство,
Константин Петрович!

Е. В. Барсов действительно передал мне письма к Вам Н. П. Гилярова-Платонова, которые хранятся у меня вместе с остальной перепиской и рукописями Никиты Петровича, спасенными от уничтожения покупкой у наследников всего того, что больной сын Никиты Петровича собирался продать на вес старьевщикам.

Никакого употребления я от этих писем сделать не думала и с готовностью возвращу их Вашему Высокопревосходительству, если Вы укажете мне, когда и как это сделать: лично или иным каким-либо путем.

Во избежание недоразумения я вынуждена обеспокоить Вас следующим объяснением:

Несколько лет назад князь Николай Владимирович Шаховской обратился ко мне с просьбой ознакомить его с имеющимся у меня материалом, так как, по его словам, он намерен писать биографию Гилярова. У князя Шаховского таким образом перебывало в руках все то, что у меня есть из этих материалов. Биография не написана, но из последних книжек «Русского Обозрения» я усмотрела, что князь Шаховской пользуется для печатания в сыром виде, очевидно, копиями документов, взятых у меня, хотя многое, по-видимому, получено им от других лиц.[1] Несогласная с такого рода пользованием, я писала князю, что прошу его прекратить печатание, но мое желание им не исполнено.[2]

Предупреждаю об этом Ваше Высокопревосходительство потому, что не знаю, как думает дальше действовать кн. Шаховской и не имеется ли у него копий всего того, что он у меня брал.

С истинным почтением
остаюсь покорной слугой
Вашего Высокопревосходительства.
А. Гальперсон.

В. О. 2ая линия, д. № 3, кв. № 10.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 949. Л. 1—2. Копия князя Шаховского: Там же. Ед. хр. 950. Л. 1—2.

[1] Вых. дан. публикаций князя Шаховского, вызвавших негодование Гальперсон, см. в коммент. 1 на с. 634 и 1 на с. 635—636.

[2] На деле, получив письмо Гальперсон от 29 ноября 1896 г., в котором она возмущалась опубликованными в ноябрьской книжке «Русского Обозрения» документами из архива Гилярова (Наст. изд. С. 633—634), князь Шаховской не мог приостановить уже сверстанную вторую часть публикации в декабрьской книжке.

3
А. М. ГАЛЬПЕРСОН — К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ
С.-Петербург, 7 января 1897 г.

Ваше Высокопревосходительство,
Константин Петрович!

Вы выразили согласие помочь изданию сборника статей Н. П. Гилярова-Платонова с целью поставить памятник на его могиле. Вы позволили мне прислать Вам и список статей, которые могут войти в этот сборник.

Я составила список статей, которые были помещены не в «Современных Известиях», а в других журналах и которые все имеют принципиальный характер. Если Вы, Ваше Высокопревосходительство, найдете, что сборник от обилия статей слишком разрастется, то Вы, может быть, некоторые статьи и удалите.

Покорнейше прошу не отказаться сообщить мне, как мне поступить дальше. С своей стороны, считаю нужным повторить, что своим трудом и имеющимся у меня материалом я готова служить благой цели, к которой стремилась с самой смерти Никиты Петровича и достижению которой мешало мне отсутствие необходимых средств.

С глубоким почтением
остаюсь покорной слугой
Вашего Высокопревосходительства.
А. Гальперсон.

Адресс: В. О. 2ая линия, д. № 3, кв. № 10. Анна Михайловна Гальперсон.
С.-Петербург.
7 января 1897 г.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 949. Л. 3—4. Копия князя Шаховского: Там же. Ед. хр. 950. Л. 3—3 об.

4
А. М. ГАЛЬПЕРСОН — К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ
С.-Петербург, 2 февраля 1897 г.

Ваше Высокопревосходительство,
Милостивый Государь
Константин Петрович!

По нотариальному договору, явленному у Московского нотариуса Маджучинского 1888 года мая 6 дня, ко мне перешло право безраздельной и исключительной собственности на все литературные и ученые труды умершего ст<атского> сов<етника> Никиты Петровича Гилярова-Платонова. Ныне, желая почтить память Никиты Петровича и помочь его семье, я, ввиду выраженного Вашим Высокопревосходительством желания издать сборник сочинений Гилярова-Платонова на свои средства, настоящим письмом передаю Вам право на издание произведений Никиты Петровича, бывших уже в печати, за исключением автобиографических записок «Из пережитого» и статей, помещавшихся в газете «Современные Известия», причем я отказываюсь от всякого денежного вознаграждения за уступку Вам сего издания и прошу Ваше Высокопревосходительство: 1. Никому права на это издание не переуступать и 2. Прибыль от издания обратить на постановку памятника над могилой покойного Гилярова-Платонова и на вспомоществование вдове его Вере Алексеевне и сыну Николаю Никитичу. Если Ваше Высокопревосходительство в течение трех лет от нижеписанного числа переуступленным мною правом не воспользуетесь, то настоящее мое письмо теряет силу и право на издание означенных произведений возвращается ко мне.

С истинным почтением остаюсь
Вашего Высокопревосходительства
покорной слугой. Анна Михайловна
Гальперсон.

С.-Петербург.
2 февраля 1897 г.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 949. Л. 5—5 об.

5
А. М. ГАЛЬПЕРСОН — К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ
С.-Петербург, 31 января 1898 г.

Ваше Высокопревосходительство,
Константин Петрович!

С величайшей радостью узнала я из Вашего письма, что печатание сборника статей Гилярова уже началось. Корректурные гранки с поправками возвращаю с благодарностью.

Вы говорите, что г. Шарапов стал печатать статьи, предназначенные для сборника. Я знаю только о письме Гилярова к митрополиту Сербскому Михаилу о Сербии и генерале Черняеве.[1] Не будете ли Вы, Ваше Высокопревосходительство, столь любезны, не укажете ли мне, какие статьи напечатал Шарапов из предназначенных в сборник. Никакого разрешения, от меня по крайней мере, на печатание статей Гилярова Шарапов не получал.

С величайшим почтением остаюсь
Вашего Высокопревосходительства
покорной слугой.
А. Гальперсон.

31 янв<аря>
1898 г.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 949. Л. 6—7.

[1] Вых. дан. этой публикации Гальперсон в «Русском Труде» см. в коммент. 1 на с. 637.

6
А. М. ГАЛЬПЕРСОН — К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ
С.-Петербург, 31 января 1898 г.

Ваше Высокопревосходительство
Константин Петрович!

Я снова повторяю, что Шарапову на печатание статей Гилярова никакого разрешения я не давала. Только из сегодняшнего Вашего письма я узнала о его намерении печатать «Личное и Общественное». Так как эта статья должна войти в сборник, право на издание которого принадлежит Вам, то не будете ли Вы так любезны, не запретите ли от своего имени Шарапову печатать то, что ему не принадлежит. Если Вы позволите, я, с своей стороны, напишу ему, что право на издание «Личного и Общественного» наряду с другими статьями переуступлено мною Вам и что ему придется отвечать пред Вами.

В ожидании решения Вашего Высокопревосходительства, остаюсь покорной слугой.

А. Гальперсон.

31 янв<аря>
1898 г.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 949. Л. 8—9.

7
А. М. ГАЛЬПЕРСОН — К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ
С.-Петербург, 2 февраля 1898 г.

Ваше Высокопревосходительство
Константин Петрович!

Прилагая копию своего письма к Шарапову, я считаю нужным заметить, что насколько знаю Шарапова, я не могу поручиться за то, что мое письмо произве-

дет желанное действие. Против таких господ нужна сила больше моей. Я боюсь, что если дело ограничится одним моим письмом, «Личное и Общественное» все-таки может появиться в «Русском Труде».

С искренним почтением остаюсь
Вашего Высокопревосходительства
покорной слугой.
А. Гальперсон.

2 февр<аля>
1898 г.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 949. Л. 10—10 об.

8
А. М. ГАЛЬПЕРСОН — С. Ф. ШАРАПОВУ
С.-Петербург, 2 февраля 1898 г.

Уважаемый Сергей Федорович!

Я получила от К. П. Победоносцева указание, что в № 1 «Русского Труда» Вы обещаете Вашим читателям напечатать в приложении к журналу «Личное и Общественное» Гилярова. Предупреждаю Вас, что на издание этой статьи и других, бывших в печати, я переуступила право К. П. Победоносцеву, и если Вы напечатаете одну из них, Вам придется отвечать пред тем, кому это право принадлежит. Вам как журналисту известны, конечно, законы о[a] литературной собственности.

Если Вы не знали, что мною уступлено право издания другому лицу, почему Вы не сочли нужным обратиться за разрешением ко мне?

А. Гальперсон.

2 февраля
1898 г.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 949. Л. 11—13. Точная копия на кальке, приложенная к письму Гальперсон Победоносцеву от 2 февраля 1898 г.

9
А. М. ГАЛЬПЕРСОН — К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ
С.-Петербург, 15 ноября 1898 г.

Спб. 15 ноября1898 г.

Ваше Высокопревосходительство
Константин Петрович!

Прошу простить меня за то, что я так долго держала корректурные листы: мои ежедневные занятия оставляют мне чрезвычайно мало времени.

[a] *Далее зачеркнуто*: печати.

Я позволяю себе обратить внимание Вашего Высокопревосходительства на то, что мои поправки, с одной стороны, имели целью сохранение единства орфографии, а с другой стороны, и восстановление смысла, которое местами было затеряно пропусками слов или изменениями букв. Есть гранки, в которых опечаток было множество.

В статье «О папе Формозе» есть пропуск между 18^{й} гранкой начала и продолжением, начинающимся с 3^{й} гранки: я не знаю, насколько он велик.

Опечатки в выносках в латинских и греческих словах я не все могла выправить, так как в сокращенных словах не везде можно восстановить смысл.

Прошу прощения, что беспокою Ваше Высокопревосходительство этими указаниями, которые, может быть, Вами уже давно замечены.

Остаюсь Вашего Высокопревосходительства
покорной слугой.
А. Гальперсон.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 949. Л. 14—15.

XIX. ПИСЬМО С. И. ГАЛЬПЕРСОНА К А. Н. ГИЛЯРОВУ (1897). С.-ПЕТЕРБУРГ, 11 ОКТЯБРЯ 1897 г.

СПБ<ур>г, 11 октября 1897 г.

Многоуважаемый
Алексей Никитич!

Ваше письмо от 2 октября я получил и крайне удивлен, что Николай Никитич требует с Вас 200 руб., да еще указывает, как Вы пишете, что Вы будто бы получили их от продажи Кроллау права владеть бумагами Никиты Петровича. Деньги за проданное право получила Вера Алексеевна и часть их — Николай Никитич.

Что касается вообще переуступки прав на владение бумагами Вашего отца, то позволю себе напомнить Вам, при каких обстоятельствах это совершилось: боясь, что Николай Никитич продаст или уничтожит их, Вера Алексеевна обратилась ко мне с просьбою продать их. Не имея возможности в то время их купить, я просил об этом своего знакомого Кроллау, который и согласился заплатить деньги Вере Алексеевне и Николаю Никитичу за эти бумаги, с тем чтобы бумаги были взяты мною обратно с уплатою ему следуемой суммы или перепроданы мною другому лицу.

Точную копию условия Вашего с Кроллау с удовольствием посылаю. О дальнейшей судьбе этих бумаг Вам, наверное, известно, если не от Веры Алексеевны или от Николая Никитича, то уже наверное от К<ня>зя Шаховского.

Я же с своей стороны могу добавить, что для того, чтобы увековечить имя Никиты Петровича, поставить ему памятник на могиле и помочь в то же время

и Вере Алексеевне, Анна Михайловна переуступила безвозмездно[a] свои права, перешедшие к ней от Кроллау, К. П. Победоносцеву. Он с своей стороны обещал издать труды Никиты Петровича на свои средства, распространять их и на собранные деньги все устроить.

Уважающий Вас С. Гальперсон

Простите, что замедлил ответом. Я был очень занят.

С. Гал<ьперсон>.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 951. Л. 1—2.

XX. ПИСЬМА В. З. ЗАВИТНЕВИЧА К КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ (1898)*

1
В. З. ЗАВИТНЕВИЧ[1] — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Киев, 16 февраля 1898 г.

16 февраля
1898 года

Ваше Сиятельство,
Милостивый Государь,
Николай Владимирович!

На другой же день после Вашего отъезда из Киева я списал письмо Гилярова[2] и немедленно же собирался возвратить его Вам. Но нахлынувшие дела на время отвлекли мое внимание в сторону, а потом я стал лелеять мысль о поездке в Москву за библиографическими поисками и был уверен, что лично вручу его Вам. Удерживаемый служебными обязанностями, я откладывал осуществление этого проекта со дня на день, полагая крайним сроком Масляницу[3] и утешая себя мыслию, что это письмо Вам в сию минуту не нужно. Но вышло так, что и этим последним сроком я воспользоваться не смог. Указывая на эти обстоятельства, почтительнейше прошу Вас, князь, извинить меня и не отнести этой неисправности моей на счет халатности, которая совсем не в моей натуре.

С направлением «Русского Обозрения» я знаком и сам нахожу, что мой Хомяков мог бы быть напечатан в этом журнале.[4] Эта мысль меня тем более интересует, что П. И. Бартенев был так любез<ен>, что предложил мне держать корректуру моего труда. Да и Вы, князь, если я верно понял, интересуетесь моей

---

[a] *Это слово вписано над строкой.*

* Публикация выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (Отделение общественных и гуманитарных наук), научный проект № 17-04-00170а («А. С. Хомяков и его наследие: подготовка комментированного издания сочинений»).

работой. Все это для меня очень ценно, и поэтому печатание в Москве было бы весьма целесообразно. Но тут встретится, кажется, серьезное затруднение. Мой труд имеет характер исследования, которое неизбежно должно сопровождаться своего рода ученым аппаратом — вроде сухого перечня Литературы предмета, цитат и примечаний. Да и по объему он слишком грузен. Впрочем, я воспользуюсь этим предложением и скоро напишу Анатолию Александровичу.[5]

В сию минуту высылаю П. И. Бартеневу для экспертизы большое стихотворение (в 300 стихов), принадлежащее будто бы Хомякову: Послание Русскому Царю.[6] Писано в 1854 году, под впечатлением начинавшейся войны, и отражающее настроение некоторой части тогдашнего Общества.

Пожалуюсь Вам на трудности, с которыми приходится бороться ученому работнику в Киеве: удивительно плохо организовано у нас книжное дело!.....

С совершенным почтением, искреннею преданностью честь имею быть

В. Завитневич.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 756а. Л. 1—4 об.

[1] О В. З. Завитневиче см. коммент. 1 на с. 805—806. Завитневич и князь Шаховской познакомились в сентябре 1897 г. в Киеве.

[2] Речь идет об одном из писем Гилярова к И. Ф. Романову-Рцы (см.: *Письма к Рцы*).

[3] В 1898 г. Масленица праздновалась 15 февраля.

[4] Это намерение не осуществилось, поскольку издание «Русского Обозрения» в 1898 г. оборвалось на майской книжке (см. подробнее в коммент. 2 на с. 754). Вых. дан. отдельного издания двухтомного труда Завитневича об А. С. Хомякове см. в коммент. 2 на с. 806. Предварительная журнальная публикация осуществлялась в «Трудах Киевской Духовной Академии» начиная с июля 1898 г. по март 1913 г. (а также в журналах «Русский Архив» в 1902 г. и «Мирный Труд» в 1904 г.).

[5] Упомянут А. А. Александров. См. о нем. коммент. 3 на с. 754.

[6] В «Русском Архиве» это стихотворение не публиковалось.

2
В. З. ЗАВИТНЕВИЧ — КНЯЗЮ Н. В. ШАХОВСКОМУ
Киев, 10 ноября 1898 г.

10 ноября 1898 г.
Киев.

Ваше Сиятельство,
Достоуважаемый
Николай Владимирович!

Обрадованный получением писем Гилярова, я предполагал в два-три дня сделать необходимые из них выписки и тотчас же возвратить их Вам с соответствующим письмом. Но горе в том, что у меня такая масса обязанностей, что иной раз лишен бываешь возможности сосредоточиться на самом интересном деле. Так случилось и теперь. Откладывая дело со дня на день, я дождался при-

езда князя Александра Михайловича[1] и, воспользовавшись его любезным предложением, решил во что бы то ни стало приготовить письма к его вторичному проезду через Киев. Надеюсь, что они теперь уже в Ваших руках. Позвольте, князь, принести Вам сердечную благодарность за эту весьма ценную для меня любезность. Рукопись попала ко мне как раз в то время, когда я, окончив анализ исторической системы Хомякова, собирался приступить к окончательной оценке ее, а у Гиляров есть несколько очень любопытных на этот счет замечаний. Нельзя не пожалеть, что письма к Вениамину дошли в отрывках; иной раз обрываются в самых интересных пунктах. Но и то, что сохранилось из его специально богословских суждений, весьма интересно, — особенно при сопоставлении с суждениями Хомякова. Хомяков и Гиляров — ягоды одного поля, но разных разновидностей; у Хомякова голова больше созидающая: он больше строит, чем разрушает; у Гилярова больше ум критический, отрицающий: он больше разрушает, нежели строит. Это Меланхтон и Лютер в нашей истории. Их различие особенно резко бросается в их отношении к таинствам вообще и — к таинству *елеосвящения* в частности. Гиляров это таинство отрицает (сравнивает с верою в Иверскую),[2] Хомяков дает ему замечательное толкование,[3] до какого не додумался ни один из профессиональных богословов. Их сходство особенно рельефно выступает в отрицательном отношении к нашей старой богословской школе схоластического направления, более видным представителем которого является Макарий.[4] Будущий историк поставит их в основу возрождения нашей богословской науки, которая, к нашему стыду, все еще никак не может выбиться из старой своей колеи...

С совершенным почтением и искреннею преданностью честь имею пребыть Вашим покорным слугою,

благодарный В. Завитневич.

Печатается впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 756а. Л. 1—4 об.

[1] Неустановленное лицо. Не исключено, что это великий князь Александр Михайлович (1866—1933).

[2] 16 ноября 1886 г. Гиляров писал И. Ф. Романову-Рцы: «*По катихизису*: “Елеосвящение есть таинство, которым через исцеление грехов подается и исцеление телесное”. / *А русский народ*: “*Иверская* есть таинство, которым...” et cetera, как в первой формуле» (*Письма к Рцы*. С. 294—295). В других письмах к тому же корреспонденту он возвращался к этой теме, например, в письме от 31 декабря 1886 г. — 1 января 1887 г.: «А есть ли таинство чудо? Нимало, и даже оно не есть нечто чудесное. За исключением, впрочем, елеосвящения, которое именно я и сравнивал с Иверскою, потому что действие елеосвящения предполагается в *физическом* организме и притом помимо физических законов. Остальные таинства действуют духовно и на духовную сторону человека, не исключая евхаристии, которая питает нас *духовным* телом. (Прекрасный пример у Хомякова: принимаем не *мясо*, а *тело* Христово.) А поэтому ни *чудо*, ни *чудесное* сюда не приложимо, ибо и то, и другое предполагает нарушение законов физических, а таинство их не нарушает; напротив, можно сказать, восстановляет естественные законы *духовной* природы, нарушенные грехом» (Там же. С. 316). Иверская икона Божией Матери — чудотворная

икона, находится на Афоне. Здесь речь идет о точном списке с этой иконы, привезенном в Москву в 1648 г. и ставшем одной из самых почитаемых святынь, для нее у Воскресенских ворот была возведена часовня.

[3] Подразумевается следующее определение в трактате Хомякова «Церковь одна»: «О таинстве Елеосвящения учит св. Церковь, что в нем совершается благословение всего подвига, совершенного человеком на земле, всего пути им пройденного в вере и смирении, и что в елеосвящении выражается самый суд Божественный над земным составом человека, исцеляя его, когда все целебные средства бессильны, или дозволяя смерти разрушать тленное тело, уже не нужное для земной Церкви и для тайных путей Божиих» (*Хомяков А. С.* Соч.: В 2 т. М., 1994. Т. II. С. 16).

[4] См. об этом: *Шаховской Н. В., кн.* Н. П. Гиляров-Платонов об «Истории Русской Церкви» преосвященного Макария // *РО*. 1897. Т. 44, апр. С. 591—619.

ПУБЛИКАЦИИ А. П. ДМИТРИЕВА ПО ТЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Книги

1. Христианство и новая русская литература XVIII—XX веков: Библиографический указатель, 1800—2000 / ИРЛИ РАН; под ред. В. А. Котельникова. СПб.: Наука, 2002. 896 с. (В соавт. с Л. В. Дмитриевой.)
2. *Гиляров-Платонов Н. П.* Из пережитого: Автобиографические воспоминания / изд. подгот.: А. П. Дмитриев, И. Г. Птушкина, Л. В. Дмитриева; отв. ред. Б. Ф. Егоров. СПб.: Наука, 2009. Т. 1. 614 с.; Т. 2. 714 с. (Литературные памятники / РАН). — Подгот. текстов (в соавт. с И. Г. Птушкиной и Л. В. Дмитриевой), статья («Н. П. Гиляров-Платонов и его автобиографические воспоминания»), примечания (Т. 1. С. 367—610; Т. 2. С. 356—552), указатели (Т. 2. С. 567—674) А. П. Дмитриева.
3. *Гиляров-Платонов Н. П.* Последние дни Помпеи: Семинарские опыты в стихах и прозе (1837—1843) / ИРЛИ РАН; вступ. ст. («Школа православного самовоспитания: (Литературные уроки и досуги семинариста Никиты Гилярова)»), сост., подгот. текстов, коммент. А. П. Дмитриева; отв. ред. Б. Ф. Егоров. СПб.: Пушкинский Дом, 2009. 528 с.
4. *Лесков Н. С.* Иродова работа: Русские картины, наблюдения, опыты и заметки: Историко-публицистические очерки по Прибалтийскому вопросу, 1882—1885 / ИРЛИ РАН; вступ. ст. («Н. С. Лесков, Прибалтийский вопрос и демократизм в православии»), сост., подгот. текстов, коммент. А. П. Дмитриева; отв. ред. В. Е. Ветловская. СПб.: Пушкинский Дом, 2009. 576 с. (Литературные раскопки).
5. Разумевающие верой: Переписка Н. П. Гилярова-Платонова и К. П. Победоносцева (1860—1887); Прил.: *Н. П. Гиляров-Платонов*. Нечто о Русской церкви в обер-прокурорство К. П. Победоносцева / ИРЛИ РАН; вступ. ст. («“В церкви главные вопросы наши...”: (Н. П. Гиляров-Платонов и К. П. Победоносцев в их взаимоотношениях, переписке и суждениях друг о друге)»), сост., подгот. текстов и коммент. А. П. Дмитриева; отв. ред. Б. Ф. Егоров. СПб.: Росток, 2011. 512 с. (Славянофильский архив; Кн. 2).
6. *Говоруха-Отрок Ю. Н.* Во что веровали русские писатели?: Литературная критика и религиозно-философская публицистика: В 2 т. / ИМЛИ РАН, ИРЛИ РАН; изд. подгот. А. П. Дмитриев и Е. В. Иванова. СПб.: Росток, 2012. Т. 1. 895 с.; Т. 2. 1087 с. — Сост. и подгот. текстов А. П. Дмитриева (в соавт. с Е. В. Ивановой); коммент., указат. имен и библиография (Т. 1. С. 781—891; Т. 2. С. 811—1081) А. П. Дмитриева.
7. Никита Петрович Гиляров-Платонов: Исследования. Материалы. Библиография. Рецензии / ИРЛИ РАН; под общ. ред. А. П. Дмитриева. СПб.: Росток, 2013. 944 с. (Славянофильский архив; Кн. 3).

8. В. В. Розанов и К. Н. Леонтьев: Материалы неизданной книги «Литературные изгнанники». Переписка. Неопубликованные тексты. Статьи о К. Н. Леонтьеве. Комментарии / РАН. ИМЛИ; изд. подгот.: А. П. Дмитриев (подгот. текста, коммент. и указ. на с. 307—825, 837—1172), В. Н. Дядичев, Е. В. Иванова, Г. Б. Кремнев, П. В. Палиевский. СПб.: Росток, 2014. 1182 с. (Литературные изгнанники).
9. 1900 год в неизвестной переписке, статьях, рассказах и юморесках Василия Розанова, Ивана Романова-Рцы и Петра Перцова / ИРЛИ РАН; сост. А. П. Дмитриева; вступ. ст. («“Беда в «переходной эпохе»”: Письма и проза Василия Розанова, Ивана Романова-Рцы и Петра Перцова в последний год столетия»), подгот. текстов и коммент. А. П. Дмитриева и Д. А. Федорова; отв. ред. Б. Ф. Егоров. СПб.: Родник, 2014. 928 с. (Литературные изгнанники).
10. *Аксаков И. С.* Собр. соч.: В 12 т. Т. 1: Славянский вопрос / ИРЛИ РАН; сост. и статьи («От составителя», «Автор Предисловия к первому тому — Н. П. Гиляров-Платонов: (О работе А. Ф. Аксаковой над Собранием сочинений мужа)») А. П. Дмитриева; подгот. текстов и коммент. А. П. Дмитриева и Д. А. Федорова; отв. ред. Б. Ф. Егоров. СПб.: Росток, 2015. Кн. 1. 639 с.; Кн. 2. 768 с.
11. Воспоминатели мгновений: Переписка и взаимные рецензии Василия Розанова и Петра Перцова, 1911—1916 / ИРЛИ РАН; сост. А. П. Дмитриева; вступ. ст. («“Мы живем... в кабацкую эпоху...”: Закат Российской империи в переписке Василия Розанова и Петра Перцова»), подгот. текстов и коммент. А. П. Дмитриева и Д. А. Федорова; отв. ред. Б. Ф. Егоров. СПб.: Росток, 2015. 447 с. (Литературные изгнанники).
12. *Гиляров-Платонов Н. П.* Из пережитого: Автобиографические воспоминания <коломенские главы> / вступ. ст. В. Викторовича, подгот. текста А. Дмитриева, коммент. А. Дмитриева, В. Викторовича, Е. Ломако. Коломна: Лига, 2016. 528 с. (Коломенский текст).
13. Крымская война в истории России и в жизни славянофильского семейства: Переписка Веры Аксаковой и Марии Карташевской, 1853—1856 / ИРЛИ РАН; сост. А. П. Дмитриева; вступ. ст. («Крымская война и русский мир в переписке Веры Аксаковой и Марии Карташевской»), подгот. текстов и коммент. А. П. Дмитриева и Д. А. Федорова; отв. ред. Б. Ф. Егоров. СПб.: Росток, 2016. 464 с. (Крым в истории, культуре и экономике России).
14. *Рцы (Романов И. Ф.)*. Собр. соч.: В 2 т. / ИРЛИ РАН; сост. А. П. Дмитриева; вступ. ст. («“С трагедией в душе он вечно шутил...”: Муки и радости литературного отшельника Рцы (И. Ф. Романова)»), подгот. текстов и коммент. А. П. Дмитриева и Д. А. Федорова; отв. ред. Б. Ф. Егоров. СПб.: Росток, 2016. Т. I: Нагота рая: Историко-философские эссе, парадоксы и афоризмы. Религиозная публицистика. Политические и экономические статьи. Путевые очерки. — 864 с.; Т. II: Плюсы жизни: Литературные очерки. Художественная критика. Юмористическая проза. Письма к И. С. Аксакову, Н. П. Гилярову-Платонову, В. В. Розанову, А. С. Суворину и другим современникам. — 880 с.
15. «День» И. С. Аксакова: История славянофильской газеты: Исследования. Материалы. Постатейная роспись / ИРЛИ РАН; под общ. ред. Н. Н. Вихровой, А. П. Дмитриева и Б. Ф. Егорова. СПб.: Росток, 2017. Ч. 1. 816 с. (Славянофильский архив; Кн. 5).

Статьи

16. Тема «Православие и русская литература» в публикациях последних лет // Русская литература. 1995. № 1. С. 255—269.
17. «Отцы и дети» И. С. Тургенева глазами духовных критиков // Литература в школе. 1996. № 5. С. 65—71.
18. А. М. Бухарев (архимандрит Феодор) как литературный критик // Христианство и русская литература / ИРЛИ РАН. СПб.: Наука, 1996. Сб. 2. С. 160—201.
19. Притяжение Оптиной: американский исследователь об «иконном видении» в русской литературе: [Рец. на кн.: *Stanton L. J.* The Optina Pustyn Monastery in the Russian literary imagination: iconic vision in works by Dostoevsky, Gogol, Tolstoy, and others. — New York etc., 1995] // Русская литература. 1997. № 2. С. 234—238.
20. Библиография трудов А. М. Бухарева (архимандрита Феодора); Библиография работ об А. М. Бухареве (архимандрите Феодоре) (1860—1996) // Архимандрит Феодор (А. М. Бухарев): pro et contra: Личность и творчество архимандрита Феодора (Бухарева) в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология / РХГИ; изд. подгот.: Б. Ф. Егоров, Н. В. Серебренников, А. П. Дмитриев. СПб.: Изд-во РХГИ, 1997. С. 766—792. (Русский путь).
21. Вопросы веры у Гилярова-Платонова // Возвращение Н. П. Гилярова-Платонова: Сб. ст. и материалов / Коломен. гос. пед. ин-т. Коломна, 2007. С. 31—45.
22. «Многое тут разбросано искрами глубокой мысли...»: (Письма Н. П. Гилярова-Платонова к И. Ф. Романову-Рцы) / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. А. П. Дмитриева // Там же. С. 209—364.
23. Жизнь есть подвиг или наслаждение?: Православная социология и «русская идея» в оценке «либерального консерватора»: Н. П. Гиляров-Платонов versus И.-К. Блюнчли // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2007. Т. 8, вып. 1. С. 104—116.
24. Возвращение А. О. Осиповича-Новодворского // Русская литература. 2007. № 2. С. 203—205.
25. Как один московский коломенец заблудился в петербургской Коломне (случай с Н. П. Гиляровым-Платоновым) // Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. СПб., 2007. Вып. 14. С. 142—156.
26. Становление речевой личности христианина (на материале дневников и писем молодого Н. П. Гилярова-Платонова) // Dzienniki, notatniki i listy pisarzy rosyjskich: Ego-dokument i literatura / Instytut Rusycystyki Uniwersytetu Warszawskiego. Warszawa, 2007. С. 47—62.
27. К. П. Победоносцев — приятель, оппонент, издатель Н. П. Гилярова-Платонова // Константин Петрович Победоносцев: мыслитель, ученый, человек: Материалы Междунар. юбилейной научн. конф., посвящ. 180-летию со дня рождения К. П. Победоносцева, Санкт-Петербург, 1—3 июня 2007 г. / С.-Петерб. митрополия. СПб., 2007. С. 127—136.
28. «Под хоругвию Святых Первоучителей»: (Н. П. Гиляров-Платонов о судьбах кирилло-мефодиевского наследия) // Россия и славянский мир: история, язык, культура: Сб. науч. тр. / Коломен. гос. пед. ин-т. М.: Три квадрата, 2008. С. 105—118.
29. Н. П. Гиляров-Платонов и его газета // Москва. 2008. № 5. С. 209—215.

30. История одного увольнения: (Митрополит Филарет и Н. П. Гиляров-Платонов в 1855 году) // Филаретовский альманах / Правосл. Св.-Тихон. гуманит. ун-т. М., 2008. Вып. 4. С. 158—183.
31. «Муж Креста Христова» или «плоть от плоти общества»?: (Духовные писатели и религиозные мыслители 1880-х — начала 1890-х гг. о Достоевском) // Достоевский и мировая культура: Альм. / О-во Достоевского. Моск. отд-ние. М.: Издатель С. Т. Корнеев, 2009. № 25. С. 445—470.
32. «Случаям единомыслия бываю всегда рад...»: Переписка Н. П. Гилярова-Платонова с Т. И. Филипповым; Прил.: Из переписки Н. П. Гилярова-Платонова и Т. И. Филиппова с П. П. Вяземским и Е. М. Феоктистовым // Историко-философский ежегодник'2008 / РАН. Ин-т философии. М.: Наука, 2009. С. 326—369.
33. Н. П. Гиляров-Платонов и его газета: Из истории первой московской ежедневной газеты: [Публ. мемуарного очерка Н. Н. Гилярова со вступ. ст. и коммент. А. П. Дмитриева] // Коломенский альманах. Коломна, 2009. Вып. 13. С. 353—382.
34. Филаретовский юбилей 1867 г. и кончина святителя в оценках «триумвирата» московских консерваторов (И. С. Аксаков, Н. П. Гиляров-Платонов, М. Н. Катков) // Филаретовский альманах / Правосл. Св.-Тихон. гуманит. ун-т. М.: Изд-во ПСТГУ, 2009. Вып. 5. С. 165—186; то же в изд.: XIX Ежегодная богословская конференция ПСТГУ. Материалы: В 2 т. М., 2009. Т. 1. С. 115—124.
35. Н. П. Гиляров-Платонов — автор и цензор «Русской Беседы» // «Русская Беседа»: История славянофильского журнала: Исследования. Материалы. Постатейная роспись / ИРЛИ РАН; Гос. музей-заповедник «Абрамцево»; под общ. ред. Б. Ф. Егорова, А. М. Пентковского и О. Л. Фетисенко. СПб.: Пушкинский Дом, 2010. С. 158—183. (Славянофильский архив; Кн. 1).
36. «Русская Беседа» в Германии: История славянофильской антологии «Русские фрагменты: К познанию государственной и народной жизни в ее историческом развитии» (Лейпциг, 1862), изданной Фр. фон Боденштедтом / Предисл., публ. и коммент. А. П. Дмитриева // Там же. С. 278—300.
37. План издания: (Письмо И. С. Аксакова к К. С. Аксакову от 3 апреля 1860 г. о славянофильской антологии на немецком языке); Содержание антологии / Публ. и коммент. А. П. Дмитриева // Там же. С. 301—311.
38. *Бартенев П. И.* Новые замечательные книги / Публ. и коммент. А. П. Дмитриева // Там же. С. 341—343.
39. «...Мне необходим... человек, знакомый с славянскими наречиями...»: **(**Переписка И. С. Аксакова с Б. И. Ордынским (1858)**)** / Вступ. ст., публ. и коммент. А. П. Дмитриева // Там же. С. 370—397.
40. «...Вы очень мне нужны здесь, нужны т. е. "Русской Беседе"»: (Переписка И. С. Аксакова с М. П. Петровским (1858—1866)) / Вступ. ст., публ. и коммент. А. П. Дмитриева // Там же. С. 398—450.
41. Постатейная роспись журнала «Русская Беседа»; Авторы «Русской Беседы»: Аннотированный указатель // Там же. С. 455—546.
42. «Да, много Вы моей души занимаете»: Письма Н. П. Гилярова-Платонова к А. М. Гальперсон / Публ. А. П. Дмитриева // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007—2008 годы / РАН. ИРЛИ. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 171—251.

43. Н. С. Лесков и Остзейский вопрос: треволнения этнорелигиозной неангажированности // Христианство и русская литература / РАН. ИРЛИ. СПб.: Наука, 2010. Сб. 6. С. 98—164.
44. Экклесиология Вл. С. Соловьева и богословское наследие А. С. Хомякова в переписке Рцы (И. Ф. Романова) и И. С. Аксакова // Историко-философский ежегодник'2009 / РАН. Ин-т философии. М.: Наука, 2010. С. 371—402.
45. Статьи Рцы (И. Ф. Романова) и его переписка с И. С. Аксаковым / Подгот. текстов и коммент. А. П. Дмитриева // Там же. С. 403—434.
46. Н. П. Гиляров-Платонов и С. Т. Аксаков (к истории знакомства и взаимоотношений) // Русская литература. 2010. № 4. С. 194—210.
47. Святитель Филарет в годы Крымской войны (по неизданным материалам архива Аксаковых—Карташевских) // Филаретовский альманах / Правосл. Св.-Тихон. гуманит. ун-т. М., 2010. Вып. 6. С. 121—136.
48. Цензура и еврейский вопрос в год освобождения крестьян: (Запрещенные книги Н. П. Гилярова-Платонова и А. Б. Думашевского по архивным материалам Главного управления цензуры) // Цензура в России: история и современность: Сб. науч. тр. / РНБ. СПб., 2011. Вып. 5. С. 125—143.
49. Популяризаторы русского пчеловодства: К 125-летию со дня кончины А. М. Бутлерова: [*Н. П. Гиляров-Платонов*]: 1) Передовая статья о «пчеловодстве как источнике народного дохода»; 2) Письмо к А. М. Бутлерову от 16 мая 1880 г. // Пчеловодство. 2011. № 7. С. 58—60.
50. «...На этой почве страстной, обоюдной любви к делу...»: Письма Рцы (И. Ф. Романова) к П. П. Перцову (1902—1906) / Публ. А. П. Дмитриева // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2009—2010 годы / РАН. ИРЛИ. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. С. 864—945.
51. Рцы (И. Ф. Романов) // Литературный Санкт-Петербург. XX век: Прозаики, поэты, драматурги, переводчики: Энциклопед. словарь. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2011. Т. II. С. 304—306; 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Б. и., 2015. Т. III. С. 196—198.
52. «...У Вас есть преданные люди, способные Вас оценить...»: Переписка Н. П. Гилярова-Платонова с кн. Н. В. Шаховским / Вступ. ст., подгот. текстов и коммент. А. П. Дмитриева // Христианство и русская литература / ИРЛИ РАН. СПб.: Наука, 2012. Сб. 7. С. 55—95.
53. Преодоление «вероисповедной ксенофобии»: Тема старообрядчества в русской литературе 1870—1880-х годов (И. С. Аксаков, Н. П. Гиляров-Платонов, Н. С. Лесков и др.) // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2012. Т. 13, вып. 4. С. 180—189.
54. Гиляров-Платонов Никита Петрович // А. Н. Островский: Энциклопедия / Гл. ред. и сост. И. А. Овчинина. Кострома: Костромиздат; Шуя: Изд-во ФГБО ВПО «ШГПУ», 2012. С. 105—106.
55. И. С. Аксаков как литературный критик в оценке Н. П. Гилярова-Платонова // Аксаковские чтения: (Материалы XIII Междунар. Аксаковских чтений, Уфа, 24—25 сентября 2012 г.) / Башк. гос. пед. ун-т. Уфа, 2012. С. 30—36.
56. Н. П. Гиляров-Платонов и Катков: публицисты-антиподы в полосе взаимного тяготения // Литературоведческий журнал. 2013. Вып. 32 С. 28—43.

57. Н. П. Гиляров-Платонов и цензура: (Биобиблиографический обзор) // Никита Петрович Гиляров-Платонов: Исследования. Материалы. Библиография. Рецензии / ИРЛИ РАН; под общ. ред. А. П. Дмитриева. СПб.: Росток, 2013. С. 96—130.
58. Ф. А. Гиляров. <Главы о коломенской старине из «Воспоминаний»> / Публ. А. П. Дмитриева // Там же. С. 199—226.
59. Материалы для биографии Н. П. Гилярова-Платонова из петербургских архивов: I. Записка священника Петра Матфиевича Никитского с указанием дней рождения его детей; II. Инструкции, выданные Никите Гилярову в Коломенском духовном училище как классическому журналисту и своекоштному (1836); III. Из ученических работ Никиты Гилярова: 1. «Почему Церковь ветхозаветная ограничена была в одном народе еврейском, тогда как Бог всем хощет спастися и в разум истины прийти?» (1843—1844?); 2. «О достоинстве искусства как чувственной формы знания» (1849?); IV. Н. П. Гиляров-Платонов. Предварительные замечания <к книге «В каком смысле могут принадлежать евреям права гражданства в Христианских государствах? На основании сочинений Паулуса составил и собственным и примечаниями снабдил Н. Г.»> (1861); V. Н. П. Гиляров-Платонов. Докладная записка <о старшинстве по службе> (1861); VI. Отзывы цензоров о газете «Современные Известия» (1869—1871); VII. Служебные инструкции для корректоров и печатных мастеров газеты «Современные Известия». Жалоба в полицейскую часть (1873—1876); VIII. Документы следственного дела по доносу М. С. Сковронской о растрате сумм, пожертвованных на славян (1877—1879); IX. Н. П. Гиляров-Платонов как пчеловод; X. Н. П. Гиляров-Платонов как лингвист в его переписке с Я. К. Гротом по проблемам русской орфографии (1869—1886); XI. Письма к Н. П. Гилярову-Платонову о воспоминаниях «Из пережитого» и очерке «Экскурсии в русскую грамматику» (1884, 1886); XII. Кн. Н. В. Шаховской. Проект матерьяла, который может войти в Сборник <памяти Н. П. Гилярова-Платонова> (1893); XIII. Неизвестные воспоминания о Н. П. Гилярове-Платонове / Публ. А. П. Дмитриева // Там же. С. 227—519.
60. Забытые литературно-критические статьи и мемуарные очерки Н. П. Гилярова-Платонова об И. С. Тургеневе, Л. Н. Толстом, К. Н. Леонтьеве, Вл. С. Соловьеве, И. С. Никитине, И. С. Аксакове и Ф. И. Тютчеве (1879—1886) / Публ. А. П. Дмитриева // Там же. С. 636—706.
61. «Современные Известия» Н. П. Гилярова-Платонова и Ф. А. Гилярова в период «диктатуры сердца» М. Т. Лорис-Меликова (14 февраля 1880 г. — 4 мая 1881 г.): Выборочная постатейная роспись газеты / Вступл. А. П. Дмитриева; сост. Л. О. Цандер и А. П. Дмитриева // Там же. С. 709—818.
62. К истории благотворительности в России: (Неопубликованные письма Н. П. Гилярова-Платонова к К. П. Победоносцеву, 1866—1867) // Там же. С. 837—876.
63. «Ущемлённый в средостении славянофил» Рцы (И. Ф. Романов) в его неопубликованных письмах к В. В. Розанову // Русский мір: Пространство и время русской культуры: Альм. СПб.: Русская культура, 2013. Т. 8. С. 5—31.
64. Спор о русской жертве за болгарских братий: (По неизданной переписке В. С. Аксаковой и М. Г. Карташевской) // София: альм. / Уфим. религ.-филос. о-во им. А. Ф. Лосева. Уфа: Андрей Словохотов, 2013. Вып. 3: Евразийство и А. Ф. Лосев: миф и эйдос в русской мысли. С. 332—349.

65. Славянофилы и немецкие старокатолики в ситуации вероисповедного размежевания (по неизданной переписке И. С. Аксакова с Ф. И. Тютчевым и И. Т. Осининым) // Межэтнические и межконфессиональные отношения в русском фольклоре и русской литературе / ИРЛИ РАН. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома; Изд-во РХГИ, 2013. С. 191—199.
66. Борьба Церкви с Государством в историософии И. С. Аксакова и Н. П. Гиляров-Платонова // Истина и диалог: Сб. материалов XIII Свято-Троицких ежегодных междунар. академических чтений в Санкт-Петербурге / РХГА. СПб., 2013. С. 240—241.
67. Новое об историософских взглядах И. С. Аксакова: Два неизвестных его письма к Ф. И. Тютчеву 1871 и 1873 гг. / Публ. А. П. Дмитриева // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2013 год / РАН. ИРЛИ. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. С. 193—213.
68. Книга И. Ф. Романова-Рцы «Дело императора Александра III как логическое развитие идеи 1613 года» (СПб., 1896): цензурный казус versus «священный долг» гражданина. По частной и служебной переписке (декабрь 1895 г. — ноябрь 1905 г.) / Публ. А. П. Дмитриева // Цензура в России: история и современность: Сб. науч. тр. / РНБ. СПб., 2015. Вып. 7. С. 351—390.
69. А. С. Хомяков и Н. П. Гиляров-Платонов: (К истории знакомства и творческих взаимоотношений) // Исследовательский журнал русского языка и литературы. Тегеран, 2015. Vol. 6, № 2. С. 91—106.
70. Неизвестные проекты писем К. С. Аксакова к Александру II в связи с потерей Севастополя (по переписке Н. П. Гилярова-Платонова, В. С. Аксаковой и М. Г. Карташевской) // Аксаковские чтения: (Материалы XV Аксаковских чтений. Уфа, 24—26 сентября 2015 г.) / Башк. гос. пед. ун-т. Уфа, 2015. С. 81—96.
71. Санчо Панса русской журналистики И. Ф. Романов (Рцы) и его «Литературная газета “Рцы”» // Петербург газетный, 1711—1917 / С.-Петерб. гос. ун-т, Ин-т «Высш. шк. журн. и масс. коммуникаций». СПб.: Свое изд-во, 2016. Вып. II. С. 186—203.
72. Н. П. Гиляров-Платонов — критик педагогических идей Л. Н. Толстого: (К предыстории еще одной дружбы-вражды) // Острова любви БорФеда: Сб. в честь 90-летия Бориса Федоровича Егорова / ИРЛИ РАН; СПбИИ РАН; СП Санкт-Петербурга; ред.-сост.: А. П. Дмитриев и П. С. Глушаков. СПб.: Росток, 2016. С. 325—338.
73. Неопубликованное письмо К. С. Аксакова к А. С. Хомякову от 8 августа 1858 года в контексте переписки В. С. Аксаковой и М. Г. Карташевской о картине А. А. Иванова «Явление Христа народу» // Русская литература. 2017. № 1. С. 76—94.
74. Апология провинции у славянофилов (черновой набросок статьи К. С. Аксакова «Провинция и столица» и воспоминания Н. П. Гилярова-Платонова «Из пережитого») // Печать и слово Петербурга: Петербургские чтения-2016: XVIII Всерос. науч. конф.: Сб. науч. тр.: В 2 ч. / СПбГУПТД. СПб., 2017. Ч. 2: Литературоведение. Лингвистика. С. 50—55.
75. Неопубликованные статьи К. С. Аксакова о расколах в России и национальной русской идее: К 200-летию со дня рождения писателя // Текст и традиция: Альм. / РАН. ИРЛИ, Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна». СПб.: Росток, 2017. Т. 5. С. 429—442.

76. Пастырское богословие в публицистике Н. П. Гилярова-Платонова // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2017. Т. 18, вып. 2. С. 26—33.
77. Столоверчение в усадьбе Абрамцево (по неопубликованной переписке В. С. Аксаковой с М. Г. Карташевской и К. С. Аксакова с Н. П. Гиляровым-Платоновым) // Абрамцево. Материалы и исследования: Абрамцево в истории и культуре России / Гос. ист.-худож. и лит. музей-заповедник «Абрамцево». Абрамцево (Моск. обл.), 2017. С. 40—51.
78. Н. П. Гиляров-Платонов — цензор и автор газеты «День» // «День» И. С. Аксакова: История славянофильской газеты: Исследования. Материалы. Постатейная роспись / ИРЛИ РАН; под общ. ред. Н. Н. Вихровой, А. П. Дмитриева и Б. Ф. Егорова. СПб.: Росток, 2017. Ч. 1. С. 52—80. (Славянофильский архив; Кн. 5).
79. Н. С. Лесков и Н. П. Гиляров-Платонов: моменты единомыслия и разногласий в публицистике современников // Вестник Костромского государственного университета. 2018. Т. 24, № 2. С. 111—115.
80. Неопубликованное письмо К. С. Аксакова к А. С. Хомякову о молитве, русских глаголах и «душевных благовониях» (июль 1853 г.) // Наследие семьи Аксаковых и проблемы ценностного выбора в современной культуре: Материалы Всерос. науч.-практ. конф., 14 ноября 2017 г. / Самар. гос. ин-т культуры. Самара, 2018. С. 204—209.
81. Переписка И. С. Аксакова и Н. П. Гилярова-Платонова (1855—1885) / Публ. А. П. Дмитриева // Люди русской правды: Переписка И. С. Аксакова с государственными и общественными деятелями (1855—1886): Тексты. Комментарии. Адресаты / ИРЛИ РАН; под общ. ред. Б. Ф. Егорова; сост. А. П. Дмитриев. СПб.: Росток, 2018. 4,6 а. л. (Славянофильский архив; Кн. 4).
82. Н. П. Гиляров-Платонов и Ю. Ф. Самарин в работе над изданием богословского наследия А. С. Хомякова // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2018. Т. 19, вып. 3. 0,5 а. л.
83. Ап. А. Григорьев и Н. П. Гиляров-Платонов в спорах о назначении искусства и творчестве Пушкина и инока Парфения (Аггеева) // Печать и слово Петербурга: Петербургские чтения-2018: Сб. науч. тр. / СПбГУПТД. СПб., 2018. 0,6 а. л.

Составитель *Д. А. Федоров*

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Архивохранилища

ГАРФ — Федеральное казенное учреждение «Государственный архив Российской Федерации» (М.).

ГИМ — Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный исторический музей». Отдел письменных источников (М.).

ГЛМ — Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный литературный музей». Отдел рукописных фондов (М.).

ИРЛИ — Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук». Рукописный отдел (СПб.).

РГАЛИ — Федеральное казенное учреждение «Российский государственный архив литературы и искусства» (М.).

РГБ — Федеральное государственное бюджетное учреждение «Российская государственная библиотека». Отдел рукописей (М.).

РГИА — Федеральное государственное учреждение «Российский государственный исторический архив» (СПб.).

РНБ — Федеральное государственное бюджетное учреждение «Российская национальная библиотека». Отдел рукописей (СПб.).

ЦИАМ — Государственное бюджетное учреждение г. Москвы «Центральный исторический архив Москвы».

Произведения печати

Аксаков — Аксаков И. С. Полн. собр. соч. М., 1886—1887. Т. I—VII.

Аксаков в письмах — Иван Сергеевич Аксаков в его письмах: Эпистолярный дневник 1838—1886 гг. с предисл., коммент. и воспоминаниями А. Ф. Аксаковой / Сост., подгот. текста, примеч. Т. Ф. Прокопова. М.: Рус. книга, 2003—2004. Т. I—III.

Аксакова — Аксакова Вера. Дневники. Письма / ИРЛИ РАН; изд. подгот. Т. Ф. Пирожкова. СПб.: Пушкинский Дом, 2013. (Славянофильский архив; Кн. II).

БВ — журнал «Богословский Вестник» (Сергиев Посад, 1892—1918).

Беляев — Беляев А. А., прот. Профессор Московской духовной академии П. С. Казанский и его переписка с архиепископом Костромским Платоном. Сергиев Посад, 1910—1911. Вып. I—II.

ВЕ — журнал «Вестник Европы» (СПб., 1866—1918).

Возвращение — Возвращение Гилярова-Платонова: Сб. ст. и материалов / Коломен. гос. пед. ин-т; отв. ред. В. А. Викторович. Коломна, 2007.

Вопросы веры и церкви — Гиляров-Платонов Н. П. Вопросы веры и церкви: Сб. ст. 1868—1887 гг. / Под ред. <и с предисл.> кн. Н. В. Шаховского. М.: Изд. К. П. Победоносцева, 1905—1906. Т. I—II.

ВФиП — «Вопросы Философии и Психологии» (М., 1889—1918).

Гиляров: ИМБР — Никита Петрович Гиляров-Платонов: Исследования. Материалы. Библиография. Рецензии / ИРЛИ РАН; под общ. ред. А. П. Дмитриева. СПб.: Росток, 2013.

«День» Аксакова — «День» И. С. Аксакова: История славянофильской газеты: Исследования. Материалы. Постатейная роспись / ИРЛИ РАН; под общ. ред. Н. Н. Вихровой, А. П. Дмитриева и Б. Ф. Егорова. СПб.: Росток, 2017. Ч. 1. (Славянофильский архив; Кн. 5).

ДЧ — журнал «Душеполезное Чтение» (1860—1917).

ЖЗ — «Журнал Земледельцев» (СПб., 1858—1860).

ЖМНП — «Журнал Министерства Народного Просвещения» (1834—1917).

ИВ — журнал «Исторический Вестник» (СПб., 1880—1917).

Из пережитого — Гиляров-Платонов Н. П. Из пережитого: Автобиографические воспоминания / Изд. подгот.: А. П. Дмитриев, И. Г. Птушкина, Л. В. Дмитриева; отв. ред. Б. Ф. Егоров. СПб.: Наука, 2009. Т. 1—2. (Лит. памятники / РАН).

МВед — газета «Московские Ведомости» (1756—1917).

МЦВед — газета «Московские Церковные Ведомости» (1880—1918).

НВр — газета «Новое Время» (СПб., 1868—1917).

ПВ — «Правительственный Вестник» (СПб., 1869—1917).

Переписка Аксакова и Самарина — Переписка И. С. Аксакова и Ю. Ф. Самарина (1848—1876) / ИРЛИ РАН; изд. подгот. Т. Ф. Пирожкова, О. Л. Фетисенко и В. Ю. Шведов. СПб.: Пушкинский Дом, 2016. (Славянофильский архив; Кн. III).

Переписка Аксаковых и Кохановской — Семья Аксаковых и Н. С. Соханская (Кохановская). Переписка (1858—1884) / ИРЛИ РАН; сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. О. Л. Фетисенко. СПб.: Пушкинский Дом, 2018. (Славянофильский архив; Кн. IV).

Переписка с Филипповым — Дмитриев А. П. «Случаям единомыслия бываю всегда рад...»: Переписка Н. П. Гилярова-Платонова с Т. И. Филипповым // Историко-философский ежегодник'2008 / РАН. Ин-т философии; отв. ред. О. В. Голова. М.: Наука, 2009. С. 326—369.

Переписка с Шаховским — «...У Вас есть преданные люди, способные Вас оценить...»: Переписка Н. П. Гилярова-Платонова с кн. Н. В. Шаховским / Вступ. ст., подгот. текстов и коммент. А. П. Дмитриева // Христианство и русская литература / ИРЛИ РАН; отв. ред.: В. А. Котельников и О. Л. Фетисенко. СПб.: Наука, 2012. Сб. 7. С. 55—95.

Письма к Рцы — «Многое тут разбросано искрами глубокой мысли...»: (Письма Н. П. Гилярова-Платонова к И. Ф. Романову-Рцы) / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. А. П. Дмитриева // Возвращение Гилярова-Платонова: Сб. ст. и материалов / Коломен. гос. пед. ин-т; отв. ред. В. А. Викторович. Коломна, 2007. С. 209—342.

ПкТСО — «Прибавления к Творениям Святых Отец в Русском Переводе» (Сергиев Посад, 1843—1891).

ПО — журнал «Православное Обозрение» (М., 1860—1891).

РА — журнал «Русский Архив» (М., 1863—1917).

Разумевающие верою — Разумевающие верой: Переписка Н. П. Гилярова-Платонова и К. П. Победоносцева (1860—1887); Прил.: *Н. П. Гиляров-Платонов.* Нечто о Русской церкви в обер-прокурорство К. П. Победоносцева / ИРЛИ РАН; вступ. ст., сост., подгот. текстов и коммент. А. П. Дмитриева. СПб.: Росток, 2011. (Славянофильский архив; Кн. 2).

РБ — журнал «Русская Беседа» (М., 1856—1860).

РВ — журнал «Русский Вестник» (М., 1856—1887; СПб., 1888—1906).

РВед — газета «Русские Ведомости» (М., 1863—1918).

РД — газета «Русское Дело» (М., 1886—1890).

РО — журнал «Русское Обозрение» (М., 1890—1898; СПб., 1901, 1903).

«Русская Беседа» — «Русская Беседа»: История славянофильского журнала: Исследования. Материалы. Постатейная роспись / ИРЛИ РАН; Гос. музей-заповедник «Абрамцево»; под ред. Б. Ф. Егорова, А. М. Пентковского и О. Л. Фетисенко. СПб.: Пушкинский Дом, 2010. (Славянофильский архив; Кн. 1).

Сб. соч. — Гиляров-Платонов Н. П. Сборник сочинений. М.: Изд. К. П. Победоносцева, 1899—1900. Т. I—II.

СИ — газета «Современные Известия» (М., 1867—1887).

СПбВед — газета «С.-Петербургские Ведомости» (1703—1917).

ХЧ — журнал «Христианское Чтение» (1821—1918, 1991—).

ЧОЛДП — «Чтения в Обществе Любителей Духовного Просвещения» (Сергиев Посад, 1863—1894, 1910—1917).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А. (псевд.), авт. *«МВед»* 30
А. А. Б. (псевд.) — см. *Беляев А. А., прот.*
А. Б. (псевд.) — см. *Маслов А. Н.*
А. Г. (псевд.) — см. *Гальперсон А. М.*
А. М. (псевд.) — см. *Гальперсон А. М.*
А. М. (псевд.), авт. *«МВед»* 169
А. П. (псевд.) — см. *Пыпин А. Н.*
Абрамов А. И. 31
Авдотья Ивановна — см. *Буренкова А. И.*
Аверкиев Д. В. 439
Авл Геллий (Aulus Gellius) 482
Авсеенко В. Г. 9
Аггеева Е. А. 223
Агренева-Славянская (ур. Позднякова) О. Х. 503, 504, 507—510, 512—514
Агренев-Славянский Д. А. 774, 499, 506, 508—511
Аде (псевд.) — см. *Дмитриев А. М.*
Аделунг (Adelung) И.-К. 139
Айзеншток И. Я. 150
Айтматов Ч. Т. 226
Аксаков А. Н. 93, 94, 361
Аксаков Г. С. 351, 381
Аксаков И. С. 4, 6, 9, 10, 13, 14, 17—20, 37, 43, 46, 50, 52, 55, 57, 59—63, 71, 74, 76—105, 112, 114—117, 128, 131, 135, 141, 142, 156, 158—160, 162—164, 170—174, 183, 184, 199, 200, 204—216, 219—223, 226, 228, 234, 237, 238, 241, 243, 249, 253, 255, 258, 259, 262, 267, 302, 308, 309, 332, 334, 335, 337, 339—342, 345, 346, 349, 352—354, 364, 366—387, 398, 403, 405, 406, 429, 435—438, 440, 445, 453, 454, 460, 461, 466, 471, 474, 475, 481, 483, 489—494, 496, 499, 500, 504, 506, 522, 524, 529, 544, 554—556, 566, 568, 574, 577, 579, 583, 588, 590, 591, 599, 610, 612, 615, 616, 619, 622, 624, 630, 634, 635, 651, 677—679, 686, 689—695, 715, 722—724, 751, 753, 757, 758, 760, 772—774, 779, 782, 787—789, 791, 819, 834, 835, 868, 870—876
Аксаков К. С. 4, 6, 7, 12, 15, 18, 20, 38, 63, 64, 71, 74, 82, 83, 129, 138, 141, 169, 170—173, 269, 298, 329, 332—337, 342, 345, 349, 350, 355—361, 363—366, 368, 373, 377, 388, 409, 425, 440, 445, 460, 461, 493, 494, 497, 498, 505, 519, 546, 599, 607, 612, 613, 715, 723, 748, 751, 779, 800, 870, 873, 874
Аксаков Н. П. 6, 11, 59, 104, 293, 294, 336, 337, 581, 582, 588, 619, 620, 806
Аксаков С. Т. 4, 16, 20, 38, 55, 56, 67, 74, 169, 221, 252, 293, 295, 311, 312, 315, 323—325, 333—349, 352, 361, 373, 376, 387, 408, 426, 441, 468, 505, 538, 546, 561, 568, 591, 605, 695, 711, 715, 788, 871
Аксакова (ур. Заплатина) О. С. 336, 337, 546, 568, 694, 695
Аксакова (ур. Тютчева) А. Ф. 18, 346, 373, 378—381, 386, 461, 493, 496, 500, 504, 506, 524, 556, 605, 624, 687, 868, 875
Аксакова (ур. Шишкова) С. А. 351, 752
Аксакова В. С. 18, 41, 52, 54, 88, 94, 101, 103, 200, 296—298, 337, 340—347, 350, 352, 357, 364—367, 713, 868, 873—875
Аксакова О. Г. 20, 346, 351, 588, 751—754, 604, 605, 610—612
Аксаковы 4, 38, 59, 85, 89, 92, 95, 102, 170, 249, 297, 335—337, 339, 342, 345, 346, 350, 351, 354, 361, 367, 385, 405, 425, 489, 545, 605, 694, 706, 711, 723, 752, 754, 780, 871, 874, 876

Алек. Ан., брат А. И. Елишева 659—660
Александр I, имп. 39, 120, 208, 287, 288, 550
Александр II, имп. 5, 18, 64, 73, 80, 84, 85, 87—89, 92, 116, 166, 216, 231, 364—366, 415, 493, 495—497, 562, 621, 809, 810, 841, 873
Александр III, имп. 163, 252, 260, 262, 364, 415, 420, 427, 504, 506, 516, 535, 556, 560, 617, 630, 809, 810, 840, 873
Александр Баттенберг, кн. 381
Александр Михайлович, вел. кн. 865
Александров А. (псевд.) — см. *Аксаков А. Н.*
Александров А. А. 753, 754, 811—813, 816—818, 864
Александрова Е. Т. 817, 818
Александровский И. Н., прот. 29, 128, 545, 547, 548, 550, 569, 570, 581, 582
Александровский Н. И., врач 547, 548, 569
Александровский Н. И., свящ. 29, 570
Алексеев А. А. 17
Алексеев М. П. 688
Алексеев Н. А. 635, 782
Алексеева С. И. 144, 270
Алексей Иванович — см. *Елишев А. И.*
Алексей Никитич — см. *Гиляров А. Н.*
Алексий (в миру Р. И. Ржаницын), архиеп. 33, 34, 49, 290, 543, 550, 565
Алексий II (в миру А. М. Ридигер), патр. 32
Альфераки А. Н. 640, 641
Амвросий 442
Амвросий (в миру прот. А. О. Ключарев), архиеп. 774, 775, 816, 817
Амвросий Оптинский (в миру А. М. Гренков), прп. 442
Амфитеатров А. В. 473, 639
Амфитеатров Е. В. 419, 733, 758, 760
Андреев Л. Н. 473
Андреев П. И. 304, 320, 328, 506
Андреевский И. Е. 77
Андрей Критский (Ἀνδρέας Κρήτης), свт. 559
Андрей Первозванный, ап. 238
Анна Михайловна — см. *Гальперсон А. М.*
Анна Павловна, вел. кн. 29
Анна Праведная, св. 552, 743
Анна Федоровна — см. *Аксакова А. Ф.*
Анненкова Е. И. 2, 17, 388
Антоний (в миру А. В. Вадковский), митр. 830
Антоний (в миру А. Г. Медведев), архим. 47, 50, 363
Антонов М. Ф. 150
Антонова Е. В. 18
Анфим I (в миру А. М. Чалыков), экзарх 46—48, 551, 571
Аракчеев А. А., гр. 165,167, 299, 670
Арапов Н. А. 201
Ариосто (Ариост, Ariosto) Л. 769
Аристархов (псевд.) — см. *Введенский Арс. И.*
Арсений (в миру А. И. Мациевич), митр. 52, 89—93, 788
Арсений (в миру Ф. П. Москвин), митр. 106
Арсеньев К. К. 830
Архий (Archias, Аулус Лициний Архий) 288, 289
Афанасий (в мире А. В. Дроздов), архиеп. 543, 545, 565, 804—806
Ахматов А. П. 106, 530, 559, 583, 758, 760, 761

Б. Е. (псевд.) — см. *Егоров Б. Ф.*
Б—в А. А. (псевд.) — см. *Беляев А. А., прот.*
Б—в Ил. (псевд.) — см. *Беляев И. В.*
Бабст И. К. 187, 188
Бадалян Д. А. 17, 83, 87, 158, 258, 369, 370, 374, 379, 494
Базедов (Basedow) И.-Б. 416
Базилева А. В. 848
Байрон (Byron) Дж. 181, 769
Бакунин М. А. 477, 482
Балабин Б. В. 311
Балашев В. С. 751
Балашева О. Н. 126, 127, 529, 538, 549, 550, 558
Балашов Д. Ю. 16, 113, 155
Баранов В. Г. 588
Баратынский (Боратынский) Е. А. 354
Барвинок Ганна (наст. имя А. М. Кулиш, ур. Белозерская) 707

Барков Н. 58
Барский (Григорович-Барский) П. А. 806
Барсов Е. В. 132, 250, 452, 463, 507, 508, 510, 512, 546, 552, 567, 571, 661, 662, 676, 677, 681, 685, 720, 776, 777, 789, 842, 857
Барсуков Н. П. 88, 394, 536, 560, 694, 695, 716, 717, 849, 850
Бартенев П. И. 11, 20, 38, 43, 44, 50, 51, 66, 126, 173, 203, 255, 286, 336, 339, 368, 369, 391, 398—400, 453, 455, 456, 462, 468, 493, 496, 529, 530, 536—538, 545, 546, 558, 582—584, 600—603, 606, 607, 626, 663—672, 688, 692—695, 712, 714, 721, 722, 725, 737, 813, 863, 864, 870
Бартенев Ю. П. 13
Баскаков Н. А. 138
Баскаков Ник. А. 138
Баталин И. А. 642, 643
Батюшков К. Н. 750, 751
Батюшков П. Н. 759, 761
Бауер (Бауэр, Bauer) Б. 529, 558
Бахметева (ур. Ховрина) А. Н. 238, 436
Бахус (Bacchus) 282
Бежецкий А. (псевд.) — см. *Маслов А. Н.*
Безлепкин Н. И. 137, 141
Беккер С. 486
Белинский В. Г. 342, 372, 399, 400, 723
Беллюстин И. С., свящ. 26, 230, 319
Белов С. В. 436
Белозерская М. В. 709
Белозерский В. М. 199, 707
Белозерский М. Д. 707
Белозерский Н. М. 707
Белосельский-Белозерский Э. А., кн. 329
Бельгард А. В. 639, 640
Беляев А. А., прот. 52, 69, 76, 91, 92, 201, 208, 210, 212, 436, 875
Беляев И. В. 72, 77, 172—174, 238, 538, 561
Беляев И. Д. 77, 95, 538, 561
Бенке А. 622
Бенуа (Benoist) Ш. 831, 832
Берг Ф. Н. 652, 653
Берд (Baird) Ч. (К. И.) 492
Бердников И. Д. 107
Бердяев Н. А. 169, 443
Березская А. Ф. 703
Березский Ф. С., прот. 703
Берендей (псевд.) — см. *Сбруев П. А.*
Берс (в замуж. Кузминская) Т. А. 419
Берс Е. А. 419
Берта Михайловна — см. *Эпштейн Б. М.*
Берте А. А. 65
Бессомыкин И. И. 84, 85
Бессонов П. А. 20, 29, 173, 237, 238, 250, 368, 369, 496, 537, 545, 561, 567, 590, 604, 621—623, 717—730, 757
Бетховен (Beethoven) Л. ван 418
Бецкой И. И. 416
Беэр М. В. 264
Бильбасов В. А. 238
Бисмарк (Bismarck) О. фон 155, 240, 482, 501, 512, 677, 697, 699
Благов Ф. И. 817, 818
Благова Т. И. 388
Благосветлов Г. Е. 66
Блок А. А. 226
Блудов Д. Н., гр. 7, 38, 39, 44—46, 51, 55, 64, 81, 87, 191, 193, 196, 221, 258, 336, 339, 347, 365, 495, 545, 546, 567, 630, 787
Блудова А. Д., гр. 7, 38, 39, 43—45, 50, 51, 55, 69, 73, 75, 80, 81, 83—87, 90, 95, 101, 105, 106, 112, 192, 193, 196, 231, 252, 340, 411, 415, 495, 496, 514, 579, 600, 602—604, 607, 634, 724, 758—760, 780
Блудовы, гр. 38, 196, 567
Блюммер Л. П. 183
Блюнчли (Blüntschli) И.-К. 74, 169, 172, 174, 175, 177—180, 183, 184, 370, 824, 869
Бобриков Н. И. 512, 513
Богданов А. И., прот. 28, 329, 567, 577, 731, 732
Богданов И. А. 28, 29, 577
Богданова В. А. — см. *Гилярова-Платонова В. А.*
Богдановы 28, 54, 115, 276
Боголюбский М. С., прот. 33, 543, 565
Богородица 66, 554, 559, 563, 865
Богословский А. 735
Богословский-Платонов И. М., прот. 31

Богоявленский Г. И., прот. 34
Богуславский, 2-й муж М. С. Сковронской 549
Боденштедт (Bodenstedt) Фр. фон 74, 172—174, 183, 342, 183, 342, *557*, 824, 870
Бодянский О. М. 711, 713—715
Боккаччо (Боккаччьо, Воссассіо) Дж. 769
Болона — см. *Михаил Сидорович, свящ.*
Бонч-Бруевич Д. А. 543, *565*
Борис I (Богорис, в крещении Михаил), царь 243
Борис Владимирович (в крещении Роман), мч. 569
Борис Федорович Годунов 388, 713
Борисов И. П. 411
Борисова В. В. 18, 337, 374
Боченков В. В. 218
Брандес (Brandes) Г. 507, 508
Брокгауз (Brockhaus) Ф. А. 74, 162, 172, 173
Брокер А. Ф. 716
Брут (конспират. псевд.) 122
Брызгалов А. А. 337
Брюллов К. П. 283
Будберг А. А. фон, бар. 775, 795
Буланже (Boulanger) Ж. 507, 508
Буланин Д. М. 870, 871, 873
Булвер-Литтон (Bulver-Lytton) Э.-Дж. 281, 283
Булгаков В. И. 219
Булыгин А. Г. 830
Бунге Н. Х. 256
Бунзен (Bunsen) Х.-К.-И. фон, бар. 401
Бунин И. А. 325
Бурбоны (Bourbons) 697, 699
Буренков, рабочий 550
Буренкова (Бурова, в замуж. Орлова) Авд. (Евд.) И. 324, *529*, *530*, *550*, *552*, *553*, 558, 570, 847—849
Буслаев Ф. В. 409
Буслаев Ф. И. 138, 139, 723, 851
Бутков В. П. 79
Бутлеров А. М. 17, 871
Бутурлин Д. П. 288
Бухарев (архим. Феодор) А. М. 39—40, 124, 144, 201, 227, 331, 395, 869
Бухбиндер Н. А. 60
Быков В. И. 706, 707
Быков В. Н. 16
Быкова (ур. Гоголь) Е. В. 707
Бычков А. Ф. 604, 605
Бюхнер (Büchner) Л. 89, 90, 495, 805, 806

Вагнер (Wagner) Ф. 172
Вагнер Н. П. 363
Валуев П. А., гр. 104, 235, 236, 412, 413, 416, 699
Вальян — см. *Левайан Ф.*
Варадинов Н. В. 43
Варницкая М. А. 702, 703
Варницкий Ф. И., прот. 20, 701—705
Василий Блаженный, св. 566
Василий Великий, свт. 143
Васильев А. В. 592, 612, 745, 806
Васильев Н. В. 244
Васильчиков А. И., кн. 813, 814
Васильчиков Б. А., кн. 813, 814
Васильчикова (ур. кж. Мещерская) С. Н., кн. 813, 814
Вахтеров В. П. 817, 818, 834
Вашингтон (Washington) Дж. 14
Введенский Ал. И. 12
Введенский Арс. И. 310
Ведерников В. В. 250
Венгеров С. А. 358
Вениамин (библ.) 23
Вениамин (в миру В. М. Карелин), еп. 49, 465, 543—545, 549, 565, 566, 621, 701—705, 731, 758, 760, 773, 774, 780, 787, 803—806, 865
Вениаминов И. А. 45, 47, 332
Вера Александровна — см. *Гилярова В. А.*
Вергилий (Vergilius; Публий Вергилий Марон) 853
Верди (Verdi) Дж. 495
Вержбицкий К. В. 482
Верховский И. Т., свящ. 148, 149
Веселаго Ф. Ф. 118
Веселовский Ал-ей Н. 587, 588
Ветловская В. Е. 867
Виктория (Victoria), королева 507, 508, 562
Викторович В. А. 2, 15—18, 392, 408, 437, 868, 876

Виноградов Ф. В. 584, 585
Винокуров И. В. 350
Виттакер (Whittaker) Р. 345, 426
Витте С. Ю. 825
Вихрова Н. Н. 868, 874, 876
Вишну (мифол.) 396
Владимир (в миру В. С. Никольский), еп. 169, 303
Владимир Александрович, вел. кн. 504, 512
Владимир Равноапостольный, кн., св. 202, 238, 570, 769
Владимиров А. П. 34, 36, 37, 49, 337, 338
Власовский А. А. 836, 838
Вогюэ (Vogüé) Э.-М. де, гр. 576, 577
Водолазкин Е. Г. 368
Водолазко В. Н. 15, 222, 340
Воейкова (в замуж. Петровская) М. В. 353
Военский (де Брезе) К. А. 640, 641
Войт С. Д. 823
Волгин И. Л. 436
Вольф А. М. 712, 714, 715, 828
Вольф М. О. 714
Воробьев М., свящ. 806
Воронич К. И. 118
Воронцов-Вельяминов Н. Н. 63
Воронцов-Вельяминов П. Н. 118
Воронцов-Дашков И. И., гр. 535, 560
Воропонов Ф. Ф. 79, 81. 97, 103
Всеволожский Н. С. 281, 283, 287
Вышеславцев, помещик 363
Вышнеградский И. А. 505, 507
Вяземский П. А., кн. 66, 191, 196, 399, 584, 586, 590, 591, 626, 634, 789
Вяземский П. П., кн. 586, 870

Габсбурги (Habsburger) 164
Гагарин И. С., кн. 742, 743
Гагарин К. Д., кн. 644
Галахов А. Д. 66, 312, 409
Галилей (Galilei) Г. 267, 280
Гальперсон (в замуж. Хохлова) Е. С. 588, 615, 623, 631, 640, 641, 646, 653
Гальперсон (позже Баранов) С. С. 588, 616, 856, 857
Гальперсон (ур. Баранова) Е. В. 588
Гальперсон (ур. Эпштейн) А. М. 4, 10, 11, 16, 20, 25, 31, 42, 53, 54, 60, 74, 117, 127, 129, 130—132, 146, 147, 151, 169, 242, 250, 261, 262, 299, 302, 307, 313, 315, 320, 322, 391, 422, 423, 444, 446, 447, 449—459, 461—467, 471, 472, 479, 484, 494, 506, 522, 524, 546, 551, 554, 556, 557, 567, 568, 571, 573—654, 657, 659, 662, 663. 672—688, 715, 717, 724, 726, 740, 741, 757, 764, 768, 769, 776—787, 789—800, 808—811, 813, 816, 818, 834, 843, 845, 846, 856—863, 870
Гальперсон В. С. 588, 615, 623, 646
Гальперсон Н. С. 588, 646
Гальперсон С. И. 20, 546, 551, 567, 571, 583, 588, 590, 597—600, 602, 607—610, 612, 614, 616, 620, 621, 642, 643, 646, 647, 651, 653—663, 685, 687, 768—771, 790, 794, 845, 856, 857, 862—863
Гальперсоны 768, 770
Гамбетта (Gambetta) Л.-М. 204
Ганешин Н. А. 329
Гарибальди (Garibaldi) Дж. 155
Гатцук А. А. 308, 310, 311
Геба (Ἥβη), богиня 376
Гегель (Hegel) Г.-В.-Ф. 6, 8, 11, 30, 31, 39, 59, 60, 156, 317, 335, 349, 358, 389, 390, 398, 404, 479, 518, 769, 824
Гезе (псевд.?), литератор 700, 701
Гейзе (Хейзе, Heyse) П. фон 172
Гейне (Heine) Г. 737
Гейсерих (Гейзерих, Gaisericus), король 478, 482
Генералова Н. П. 67
Генрих VIII (Henry) 482
Георгиевский А. И. 642, 643
Георгиевский Г. П. 835
Георгий Победоносец, вмч. 553, 572, 848
Герасимова Ю. И. 68
Герберский В. Д. 43
Герсеванов Н. Б. 187, 189
Герцен А. А. 824
Герцен А. И. 159, 200, 204, 217, 294, 323, 361, 373, 432, 813, 814, 824
Герцен А. И. 217
Герцен И. А. 824

Герцен Н. А. 824
Герцен Тата (Н. А.) 814
Гершкович М. И. 184, 185, 188, 194, 195
Гете (Goethe) И.-В. 181, 280 (Вертер), 824
Гиллани (Ghillany) Ф.-В. 855
Гильфердинг А. Ф. 237, 238, 356, 401, 493, 495
Гиляров А. А. 767—768, 771
Гиляров А. М. 20, 152
Гиляров А. Н. 105, 127, 128, 336, 451, 456, 536, 538, 539, 546, 548, 549, 553, 560, 561, 569, 584, 585, 602, 613, 617, 619, 682, 724, 726, 745, 754—766, 768—771, 789—791, 839, 862
Гиляров А. П., свящ. 25, 27, 28, 33, 34, 151, 174, 276, 287, 424—426, 440, 545, 547, 548, 561, 567, 724, 780
Гиляров М. С. 152
Гиляров Н. Н. (1851—1852) 54, 105
Гиляров Н. Н. (1854—1909) 53, 114, 122, 298, 307, 336, 337, 391, 546, 568, 617—620, 627, 630, 724—726, 755, 756, 766—767, 769—770, 792—796, 832—833, 839, 840, 843, 844, 856, 857, 859, 862, 863
Гиляров П. А. 28, 426
Гиляров С. П., свящ. 25, 425, 426
Гиляров Ф. А. 25, 34, 48, 50, 122, 125, 128, 131, 134, 276, 286, 313, 336, 424, 426, 472, 541, 542, 545, 552, 560, 567, 580, 581, 598, 617—621, 690, 692, 719, 721, 724, 726, 766—768, 773, 775, 781, 793—795, 835—855, 872
Гилярова (в замуж. Кондакова) В. А. 227, 424, 425
Гилярова (ур. Кишкина) В. Г. 536, 548, 561, 569, 762, 763
Гилярова (ур. Островская) Т. Ф. 424, 426
Гилярова А. И. 767, 768, 841—845, 848, 850, 851, 853, 855
Гилярова Н. Н. 62, 105
Гилярова-Платонова (ур. Богданова) В. А. 53, 54, 127, 262, 328, 336, 389, 462, 546, 547, 549—553, 567, 568, 583, 584, 590, 616—621, 625, 627—630, 635, 660—663, 749, 750, 766, 769—771, 775, 778, 781, 782, 784, 792—796, 839—845, 847, 851, 856, 857, 859, 862
Гиляровский В. А. 123, 129
Глеб Владимирович (в крещении Давыд), мч. 569
Глебов Н. Ф. 42, 46, 297
Глинка М. И. 509
Глинка Ф. Н. 288
Глинский Б. В. 416, 761
Глушаков П. С. 873
Гнедич Н. И. 700, 701
Говоруха-Отрок Ю. Н. 373, 409, 420—422, 509, 867
Гогенлоэ-Вальденбург-Шиллингсфюрст (Hohenlohe-Waldenburg-Schillingsfurst) Ф.-К.-И., кн. 43
Гоголь Н. В. 6, 67, 149 и 159 (Сквозник-Дмухановский), 181, 280, 285, 293, 295, 324, 342, 343, 348, 361, 365, 376, 388, 408, 428, 440, 520, 554, 568, 672, 688, 697, 706—715, 869
Гоголь-Яновская (ур. Косяровская) М. И. 708
Годвин (Godwin) У. 278
Гозадинова М. И. 322, 323
Голицын А. Н., кн. 105
Голицын Н. Б., кн. 48, 582, 730, 732
Голицына, кн. 669
Голова О. В. 876
Головнин А. В. 75—77, 83, 84, 86—89, 367, 430, 544, 411—413, 566, 599, 600, 819
Головня (ур. Гоголь) О. В. 707, 712
Головня Я. И. 706, 707
Голохвастов Д. П. 714
Голубинский Д. Ф. 686, 687
Голубинский Е. Е. 37, 47, 54, 55, 758, 760
Голубинский Ф. А., прот. 35, 331, 686—688, 758, 760
Гольденштейн Т. Б. 618
Гольденштейн, домовладелец 553, 618
Гончаров И. А. 408, 737, 738
Гончаров Н. Н. 164
Горбов Н. М. 420
Горев (наст. фам. Гольдман) Б. И. 150
Горемыкин И. Л. 825

Горский А. В., прот. 9, 35, 40, 48, 55, 61, 237, 264, 331, 337, 436, 448, 538, 561, 635, 731, 735, 736, 758, 760, 780, 782
Горький М. (наст. имя А. М. Пешков) 473
Готшед (Gottsched) И.-К. 139
Готье В. Г. 374
Грабарь-Пассек М. Е. 283
Грабовский (Grabowski) М. 79, 80
Грановский Т. Н. 723
Греков В. Н. 379
Грибар, музыкант 508
Грибоедов А. С. 66, 196, 624, 626, 634, 738, 783
Григорий (в миру Н. И. Воинов, при рождении Борзецовский), архим. 590, 591
Григорий IV (Gregorius PP. IV), папа 476, 482
Григорий Богослов, или Назианзин (Γρηγόριος Ναζιανζηνός), свт. 213
Григорович Д. В. 428
Григорьев Ап. А. 56, 57, 345, 373, 426, 874
Григорьев В. В. 121
Гримм (Grimm) Я. 139
Гришин В. Е. 18
Громова Л. П. 18, 235
Грот К. Я. 423
Грот Н. Я. 423
Грот Я. К. 137—141, 872
Груздев В. И., прот. 168
Груздев В. И., прот. 426
Груздева (ур. Островская) М. Ф. 426
Гуно (Gounod) Ш. 507, 508
Гус (Hus) Я. 528, 557
Гусев Н. Н. 414
Гусман Л. Ю. 17, 183, 184
Гуськов А. П. 731, 732
Гюбнер А. О. 793, 794

Д. Х. (псевд.) — см. *Хомяков Д. А.*
Д—ъ И. (псевд.) — см. *Дьяконов И. В.*
Давид, царь (библ.) 23
Давидович (Давыдович) А. Д. 379, 577
Давыдов И. И. 419
Даль В. И. 18, 87, 96, 156, 363, 460, 801
Данилевский Г. П. 60, 61, 318—320, 324
Данилевский М. Г. 61
Данилевский Н. Я. 141, 142, 387, 475, 481
Данте Алигьери (Dante Alighieri) 769
Дарвин (Darwin) Ч. 611, 612
Декарт (Картезий, Descartes) Р. 31
Делянов И. Д., гр. 81, 147, 195—198, 514, 515, 535, 560, 758, 768
Денисова (ур. Эпштейн) Ю. М. 622, 794
Денисьева Е. А. 146
Де-Пуле М. Ф. 57
Деревенский Б. Г. 806
Державин Г. Р. 708, 714
Дефо (Defoe) Д. 478 (Робинзон Крузо)
Джибладзе С. В. 133, 271, 484
Дидро (Diderot) Д. 457, 804
Димитрий (в миру К. И. Муретов), архиеп. 106
Димитрий Ростовский (в миру Д. С. Туптало), свт. 211
Димитрий Самозванец 713
Диоклетиан (Гай Аврелий Валерий Диоклетиан, Diocletianus), имп. 218
Дион Кассий (Δίων Κάσσιος) 283
Дирин С.Н. 694, 695
Дмитриев А. М. 564, 645
Дмитриев Д. С. 129
Дмитриев М. А. 427
Дмитриев Ф. М. 175
Дмитриева (ур. Антонова) Л. В. 307, 441, 867, 876
Дмитрий Федорович — см. *Самарин Д. Ф.*
Добролюбов Н. А. 372
Добронравов Н. Е. 11, 25, 27
Доватур А. И. 282
Долгоруков В. А., кн. 128—130, 145, 169, 371, 485, 486, 515, 540, 541, 549, 562, 661, 662, 757, 765
Долинин (Искоз) А. С. 437
Долиская (Долинская) Н. И. 648
Дон Карлос — см. *Карлос Старший*
Достоевский М. М. 190
Достоевский Ф. М. 4, 13—15, 17, 20, 124, 152, 181, 190, 208, 223, 224, 228, 244, 256, 286, 293, 295, 363, 373, 408, 435—443, 479, 869, 870
Драшусов А. Н. 58, 62, 251
Дробат Л. С. 388

Дроздов Н. М., прот. 26, 27
Дроздова (в замуж. Богоявленская) А. М. 34
Дружинин А. В. 56, 70
Дубенский Н. Я. 663
Дубенский В. Д. 74, 174, 175, 177, 503, 557, 809
Думашевский А. Б. 69, 94, 184—191, 194, 195, 199, 588, 871
Думнов В. В. 850
Дунаев М. М. 218
Дурново И. С. 151, 304, 641—643, 645, 646
Дурново Н. Н. 143, 144, 145, 149, 241
Дурново П. Н. 485, 486
Духлей С. 770
Духовской М. В. 835, 837, 838, 840, 842, 843, 845, 848
Душа — см. *Буренкова А. И.*
Дьяконов И. В. 225, 435
Дядичев В. Н. 868

Е. К. С. (псевд.) — см. *Смирнов Е. К., прот.*
Евгений (в миру Е. А. Болховитинов), митр. 211
Евгений (в миру М. Д. Сахаров-Платонов), еп. 49
Евгения Максимилиановна Романова, герц. Лейхтенбергская (в замуж. принц. Ольденбургская), светл. кж. 829
Евгения Сергеевна — см. *Гальперсон Е. С.*
Евгешка, кухарка 279
Егоров Б. Ф. 2, 4, 14, 17, 20, 56, 129, 276, 286, 306, 338, 345, 376, 384, 408, 426, 437, 867—870, 873, 874, 876, 877
Егоров О. Г. 18, 327
Екатерина II, имп. 91. 93, 229
Елагин В. А. 79, 80
Елагин Н. В. 143
Елагины 425
Елена Павловна, вел. кн. 113, 252, 486, 487, 551, 571, 599, 775, 815—817
Еленев Ф. П. 11, 63, 67, 118, 145, 147, 161, 167, 813, 814
Еленевский К. С. 80
Елизавета Петровна, имп. 730
Елисеевы 598
Елишев А. И. 20, 542, 565, 657—659, 660—663
Елишева Л. Ф. 660—662
Емельянов Е. П. 694
Ермак Тимофеевич 696
Ефрем Сирин (Ἐφραίμ ὁ Σῦρος), прп. 407
Ефремов А. П. 159, 723, 726

Жадовский П. В. 66, 783
Жакото (Jacotot) Ж.-Ж. 416
Железнов И. И. 64
Желтухин А. Д. 8, 63, 113, 155, 597, 634, 700, 758, 760, 773, 774, 783, 787, 863
Желтухин С. 700
Женя — см. *Гальперсон Е. С.*
Жербин Ф. И. 615, 718, 727
Живарев И. И. 93, 94
Жуковский В. А. 287, 514, 710, 713
Жуковский Ю. Г. 183

Забела (ур. Белозерская, во 2-м замуж. Номис) Н. М. 713
Забелин И. Е. 507, 851, 852
Завадский В. И. 769
Завитневич В. З. 123, 397, 458, 554, 804—807, 863—866
Завьялов А. А. 36
Зайцев Б. К. 281
Закревский А. А., гр. 338
Залетный Н. (псевд.) — см. *Пастухов Н. И.*
Зандер Л. А. 443
Заньковецкая (наст. фам. Адасовская) М. К. 645
Засулич В. И. 650, 651
Заурядный зритель (псевд.) — см. *Дмитриев М. А.*
Заурядный читатель (псевд.) — см. *Скабичевский А. М.*
Захар, поп — см. *Ильинский З. С., свящ.*
Захаров, изд-во 77, 104
Зацепин И. Я. 67
Зверев Н. А. 542, 565
Зволянский С. Э. 485
Зволянский С. Э. 485
Зевеке А. А. 658, 659
Зеньковский В. В., прот. 443

Зернов С. И., прот. 775, 816, 817
Зибель (Sybel) Г. фон 172
Зиновьева (в замуж. гр. Орлова) Е. Н., кн. 280
Златоуст — см. *Иоанн Златоуст, свт.*
Золя (Зола, Zola) Э. 696
Зотов В. Р. 187, 188

Иаков (в миру А. И. Кротков), еп. 815
Иван Евсигнеевич 23
Иван Федорович — см. *Рцы*
Иванов А. А. 873
Иванов Г. А. 537, 561
Иванова Е. В. 441
Иванцов-Платонов А. М., прот. 149, 237, 238, 306
Игнатий (в миру Н. Д. Рождественский), еп. 48
Игнатов Николка — см. *Игнатьев Н. П., гр.*
Игнатьев Н. П., гр. 164, 257, 258, 487, 699, 700
Иессей (библ.) 23
Извощик (псевд.), авт. *«СИ»* 563
Иисус Навин 418
Иисус Христос 8, 9, 32, 33, 83, 90, 117, 143, 148, 180, 219, 220, 240, 259, 265, 287, 288, 290, 360, 394, 396, 435, 436, 442, 443, 489, 518, 521—523, 526, 528, 554, 558, 667, 683, 709, 745, 804—806, 865, 870, 873
Икскуль фон Гильденбандт Ю. А., бар. 825
Иловайский Д. И. 642, 643
Ильинская Т. Б. 224
Ильинский З. С., свящ. 320
Илья Муромец, прп. 711
Илья Пророк, св. 168
Иннокентий (в миру И. А. Борисов), архиеп. 211, 559
Иннокентий (в миру прот. И. Е. Попов-Вениаминов), митр. 570
Иноди (Inaudi) Ж. 697, 698
Иоанн (в миру В. С. Соколов), еп. 40, 124, 545, 550, 571, 758, 761, 773, 774, 811
Иоанн Богослов, ап. 108, 255, 304, 556, 565, 566, 700, 708
Иоанн Златоуст (Ἰωάννης ὁ Χρυσόστομος), свт. 40, 47, 243, 550, 665, 667
Иоанн Лествичник (Ἰωάννης τῆς Κλίμακος), прп. 489, 490, 492
Иоанникий (в миру И. М. Руднев), митр. 241, 260, 272, 785, 786
Иосиф Флавий (Josephus Flavius) 804—806
Иохим Ф., заводчик 126
Ирод I Великий (Herodus), царь 224, 225, 430, 433—435, 867
Истомин В. К. 845

К. (псевд.), авт. *«НВр»* — см. *Курепин А. Д.*
К. К. (псевд.), авт. *«СИ»* 133, 271, 484
К. П. (псевд.) 187
К. П. (псевд.) — см. *Победоносцев К. П.*
Кавелин К. Д. 251
Кавос К. И. 640, 641
Казанский П. С., прот. 52. 69, 76, 91, 92, 208, 210, 212, 436, 875
Казерио (Caserio) С. 855
Калачев Н. В. 561
Калина-Малина (прозв. мл. дочери А. М. Гальперсон) 616, 653
Калиновский Д. И. 602, 615, 616
Каменский Д. И. 70, 118
Каменский З. А. 388
Кант (Kant) И. 31, 358
Каплин А. Д. 18, 388
Караваев А. В. 135
Каракозов Д. В. 700
Карамзин Н. М. 285, 364
Карасевский А. И. 42
Кардек Аллан (Cardec Allaine; наст. имя И.-Л.-Д. Ривайль) 363
Карелин В. М., свящ. — см. *Вениамин, еп.*
Карелин П. И., свящ. 703
Карлос Старший (Don Carlos Mayor) 492, 495
Карно (Carnot) С. 855
Карпенко-Карый (наст. фам. Тобилевич) И. К. 645
Карташевская (в замуж. Маркович) Н. Г. 352, 357
Карташевская (ур. Аксакова, в 1-м замуж. Мосолова) Н. Т. 357

Карташевская М. Г. 18, 94, 101, 304, 342, 347, 350, 352, 357, 364, 366, 367, 713, 868, 873, 874
Карташевские 352, 871
Катков М. Н. 4, 10, 14, 18, 19, 51, 55, 58, 63, 65, 70, 79, 141, 145—150, 155—169, 200, 202—206, 208—214, 231, 242, 249, 255, 263, 271, 299, 300, 303, 304, 342, 409, 415, 420, 441, 449, 453, 454, 466, 473, 474, 487, 492, 499, 505, 507, 511—513, 514, 516, 517, 519, 535, 537, 557, 599, 614, 642, 643, 666, 667, 683, 685, 688—695, 697—700, 715, 720, 722, 723, 747, 768, 785, 819, 870, 871
Каткова (ур. кж. Шаликова) С. П. 169, 202, 516, 517, 643, 698
Каткова В. М. — см. *Шаховская В. М., кн.*
Катков-Шаликов Пав. М., кн. 516
Катковы 723
Катон Старший (Cato Major, Марк Порций Катон) 482
Каульбарс А. В., бар. 499, 500
Каханов М. С. 447, 467, 487, 488
Кашперов В. Н. 814
Кашперова А. Н. 814
Кейзер Ф. Ф. 738
Киреев А. А. 149
Киреевские 561
Киреевский И. В. 7, 57, 169, 171, 243, 264, 334, 373, 385, 388, 389, 396, 404, 440, 461, 467
Киреевский П. В. 169, 334, 385
Кирилл (в миру Константин Философ), св. равноапостольный 237—249, 371, 713
Кирилл Александрийский (Κύριλλος Α΄ Ἀλεξανδρείας), свт. 41, 261
Кирпичников А. И. 724, 726, 850
Кирьяков А. Ф. 36, 76
Киселев П. Д., гр. 498, 499
Киттары М. Я. 63
Кичеев Н. П. 645
Клавдий (Claudius, Тиберий Клавдий Цезарь Август Германик), имп. 482
Клеймёнова Р. Н. 70, 333, 852
Климаков Ю. В. 15, 17, 40, 150
Климент Александрийский (Κλήμης ὁ Ἀλεξανδρείας), св. 41, 261
Клыков Н. Я. 726
Клюшников В. П. 161, 169, 511, 514
Кн. Н. В. Ш. (псевд.) — см. *Шаховской Н. В., кн.*
Кн. Н. Ш. (псевд.) — см. *Шаховской Н. В., кн.*
Княжевич А. Д. 351
Княжевич А. М. 351
Княжевич М. Д. 351
Князев Г. М. 387
Кобеко Д. Ф. 830
Ковалевский Евгр. П. 87, 196
Ковалевский Ег. П. 76
Ковальский, переводчик 114
Коган Л. Р. 425
Кожанчиков Д. Е. 89
Козлова Н. Ф. 567
Кокорев В. А. 674, 676, 676
Коломенский Кандид (псевд.) — *Михневич М. О.*
Кольцова Ю. Н. 223
Кольчугин А. Г. 593
Коля — см. *Гальперсон Н. С.*
Комаров В. В. 614, 640, 641
Кондаков Н. П. 227, 424, 425
Кони А. Ф. 830
Константин Великий (Constantinus, Флавий Валерий Аврелий Константин), св. 268, 477, 482
Константинов Ф. В. 16
Концевич И. М. 443
Корейша И. Я. 331
Коренев И. В. 486
Корнеев С. Т. 870
Корнилов И. П. 142, 145, 147, 260, 261, 322, 542, 584, 585, 589, 591, 642, 643
Корнилова А. И. 585
Корнилова М. И. 585
Корсакова Е. П. 832
Корсунский И. Н. 20, 42, 48, 395, 730—736, 780
Корф Н. А., бар. 272
Корш Ф. Е. 137, 139

Костомаров Н. И. 199, 255, 693, 694
Котельников В. А. 2, 17, 20, 295, 441, 471, 867, 876
Котов А. Э. 16, 18
Котрелев Н. В. 245
Кохановская (наст. имя Н. С. Соханская) 57, 59, 85, 89, 92, 95, 170, 252, 405, 754, 788, 813, 814, 823, 876
Кочетов Е. Л. 509, 510, 681—685
Кошелев А. И. 8, 13, 62, 63, 170—173, 196, 199, 264, 425, 447, 461, 552, 568, 585, 586, 588, 742, 743
Кошелев В. А. 16, 388, 390, 402
Кошелевы 552, 742
Коялович М. О. 636, 780, 782, 787
Кравец С. Л. 16
Краевский А. А. 210
Краснов Г. В. 16, 408
Красс (Crassus, Марк Лициний Красс) 476, 482
Кремнев Г. Б. 868
Кроллау (Кролау) А. Н. 262, 769, 771, 792—794, 797, 798, 862, 863
Кругликова О. В. 18, 77, 113, 235
Кругликова О. В. 18,
Круглов А. В. 129
Крузе Н. Ф. фон 58, 85, 88, 356, 360, 698, 700
Крупп (Krupp) Фр. 136
Кувшинов М. Г. 305, 306, 321, 484, 542, 565, 593, 654, 655, 803
Кувшиновы 565
Кугушев Г. В., кн. 65
Кудрявцев (Кудрявцев-Платонов) В. Д. 48, 57, 60, 686, 687, 730—732, 758, 760
Куліш Андрій (Гарячий Куліш) 709, 710
Кулжинский И. Г. 58
Кулиш (Куліш) П. А. 6, 12, 20, 67, 199, 706—717
Кулиши 709
Кунильский Д. А. 56
Курепин А. Д. 151, 505, 506
Курье (Courier) П.-Л. 697, 698
Кушнерев И. Н. 588, 744, 748, 757
Кюстин (Custine) А. де, маркиз 483
Лавр Иллирийский, мч. 28, 54, 732
Лавров А. В. 13
Лавров В. А. 110, 529, 558, 587, 588, 758, 761, 780, 820, 821
Лавров П. Л. 59, 60
Лажечников И. И. 18
Лакшин В. Я. 424, 426
Ламанский В. И. 90, 493, 495
Ланкастер (Lancaster) Дж. 416
Ле Пле (Le Play) Ф. 822
Лебедев А. А., прот. 144
Лебедев В. А. 483, 484, 542, 564, 654, 655, 777
Лебедев И. А. 830
Лебедев Н. А. 612
Лебедев С. В. 16
Лебедев С. И. 186—188
Лебедева Е. А. 144
Лев — см. *Шаховской Л. В., кн.*
Лев (Leo PP. I), папа 748
Лев XIII (Leo PP. XIII; в миру гр. В.-Дж. Печчи), папа 240
Лев Александрович — см. *Шаховской Л. А., кн.*
Лев Патарский, мч. 748
Левайан (Вальян, Levaillant) Ф. 278
Левенсон А. А. 835—837
Левшин А. И. 282, 283
Лейбниц (Leibniz) Г.-В. 31, 358
Ленин (Ульянов) В. И. 239, 423
Леонид (в миру Л. В. Краснопевков), архиеп. 43, 48, 52, 200
Леонид I (Λεωνίδας), царь 288
Леонтьев К. Н. 4, 15, 17—19, 40, 118, 124, 204, 246, 264, 266—268, 270, 295, 373, 408, 422, 423, 435, 439, 441—443, 519, 599, 614, 634, 789, 813, 814, 868, 872
Леонтьев П. М. 63, 161, 263, 342, 409, 511, 698
Лепешинский С. П. 549, 570, 703—705, 758, 760, 804
Лермонтов М. Ю. 255, 324, 342, 343, 374—346, 482, 742, 743, 813
Лесков Н. С. 124, 201, 216, 217, 219, 222—226, 304, 325, 332, 380, 429—435, 867, 871, 874

Лешков В. Н. 96, 788. 801
Либих (Liebig) Ю. фон 172
Ливанов Ф. В. 217, 220, 221
Лийц (ур. Карелина) 704
Лийц И. И., свящ. 703, 704
Липранди Е. П. 353, 354
Литвин С. (псевд.) — см. *Эфрон С. К.*
Лобанова-Ростовская (ур. Свиридова) А. П., кн. 695
Лобов Л. П. 13, 157
Лойола (Loyola) Игнатий де 267, 407
Локк (Locke) Дж. 414, 416
Ломако Е. Л. 17, 868
Ломоносов М. В. 11, 138, 287, 289, 358
Лонгинов М. Н. 71, 254, 332, 333, 505, 506, 626, 819
Лопатин Л. М. 422, 592
Лопатин М. Н. 422, 592, 651, 681, 682
Лоранси (Laurentie) П.-С. 393
Лорис-Меликов М. Т., гр. 17, 145, 260, 473, 619, 620, 672, 872
Лосев А. Ф. 872
Лотман Ю. М. 14, 19, 286, 408, 437
Луговський О. 708
Луиза Великобританская (Louise of the United Kingdom, в замуж. герц. Аргайл), принцесса 539, 562
Лука (Λουκᾶς), ап. 63, 108, 554, 565, 667
Лукин А. П. 361
Лукулл (Lucullus, Луций Лициний Лукулл) 476, 482
Лукьянов И., свящ. 66
Лурье В. М. 402, 405, 436, 443
Львов В. В., кн. 63
Любимов Н. А. 8, 161, 511, 614, 624
Любовь Федоровна — см. *Елишева Л. Ф.*
Любомудров А. М. 2, 281
Лютер (Luther) М. 123, 139, 240, 529, 865
Лякуб П. М. 190
Лямин И. А. 540, 567—568
Ляпидевский Н. П. 175
Ляпины, братья 620
Лясковский В. Н. 666, 667

М. А. (псевд.) — см. *Гальперсон А. М.*
М. М. (псевд.), авт. *«СИ»* 563
Мавра Федоровна — см. *Никитская М. Ф.*
Маджугинский С. П. 834, 859
Маевский И. В. 15, 49
Мазур Н. Н. 19
Майков Ап. Н. 737, 738
Майков Л. Н. 136, 147, 318, 321, 371, 736, 749, 750—751, 796
Маймин Е. А. 388
Майорова О. Е. 432
Макарий (в миру М. П. Булгаков), митр. 12, 58—60, 223, 397, 522, 538, 555, 561, 783, 865, 866
Максенций (Марк Аврелий Валерий Максентий, Maxentius), имп. 478, 482
Максимов Варсонофий (псевд.) — см. *Соловьев Вл. С.*
Максимович М. А. 715—717
Малкиель С. М. 329, 548, 569
Малышев И. П. 547, 568
Мальтус (Malthus) Т., англ. свящ. 136
Мамин-Сибиряк (наст. фам. Мамин) Д. Н. 506
Манасеин (Манассеин) Н. А. 128, 147, 774
Мандельштам Л. И. 187, 188
Мансфельд Д. А. 129
Мария (в миру С. Д. Давыдова), игум. 256
Мария Александровна, имп. 39, 43, 45, 66, 73, 95, 221, 231, 340, 415, 416, 495, 496, 600, 625
Мария Египетская, прп. 555
Марк (Μάρκος, Иоанн-Марк), ап. 63, 108, 259, 291, 557, 565
Маркевич Б. М. 311
Марков В. С., прот. 41, 47, 216, 257, 262, 332
Марков Е. Л. 410
Марков Н. П., прот. 151
Маркс А. Ф. 751
Марло (Marlowe) К. 472, 577
Мартал, заводчик 126
Мартыненкова З. М. 224
Мартынов Н. С. 813
Мартынов А. М. 725, 727
Мартынов И. М. 105, 405
Мартынов С. Н. 813
Марцелл (Marcellus, Марк Клавдий Марцелл) 288, 289

Марья Матвеевна — см. *Никитская М. М.*
Масанов И. Ф. 488, 490, 499
Маслин М. А. 16
Маслов А. Н. 502
Матфей Левий, ап. 63, 108, 285, 291, 554, 557, 565, 672,760
Медем Н. В., бар. 186
Межуев Б. В. 15, 16, 411
Мезенцев (Мезенцов) Н. В. 636, 782
Мейлан (Meilhan) Г.-С. де 101
Мейн А. Д. 643, 644
Меланхтон (Melanchthon) Ф. 123, 865
Мелетий (в миру М. Г. Смотрицкий), монах 138
Мелких, фабрикант 774
Мельгунов Н. А. 94, 98, 99, 102, 103
Мельников И. И. 368
Мельникова А. А. 368
Мельников-Печерский (наст. фам. Мельников) П. И. 37, 218—222
Менделеев Д. И. 363
Мендельсон Н. М. 71, 333, 305, 315, 506
Меньшиков М. О. 473
Метцль Л. М. 129
Мефодий, св. равноапостольный 237—249, 371, 713
Мечников И. И. 227
Мещанинов И. И. 288, 316, 320
Мещаниновы 328
Мещерская (ур. Панина) М. А., кн. 813, 814
Мещерский А. И., кн. 708
Мещерский В. П., кн. 515, 516, 672, 707—709, 830
Микеланджело (Микель Анджело, Michelangelo) Буонарроти 695
Миллер В. Ф. 141, 748, 749
Миллер В. Э. 849
Миллер О. Ф. 167, 168, 378, 379, 382, 438, 493, 495
Милюкова, владелица сада в Москве 329
Милютин Д. А., гр. 499, 723, 726, 751, 827
Милютина Е. Д., гр. — см. *Шаховская Е. Д., кн.*
Милютины, гр. 827
Миляев Н. 814
Минин К. 386
Миронович И. И. 485, 486
Мисаил (в миру М. И. Крылов), еп. 168, 303, 304, 513, 514
Митрофания (в миру бар. П. Г. Розен), игум. 549, 569—570
Михаил (в миру М. И. Йованович), митр. 11, 20, 151, 589, 591, 637, 724, 740—741, 758, 760, 808—810, 860
Михаил Сидорович, свящ. 316
Михаил Федорович, царь 567
Михаил, митр., св. 202
Михайлов А. Н. 829
Михайловский Н. К. 308
Михайловский-Данилевский А. И. 288
Михневич М. О. 241
Мицкевич (Mickiéwicz) А. 737, 738
Модестов С. С., прот. 42, 43
Мозговая М. О. 823
Мозер (Moser) Ч. 14
Моисей, пророк 192, 357, 743
Молчанов А. Н. 367, 502
Мольер (Molière; наст. имя Ж.-Б. Поклен) 457 (Тартюф)
Монтень (Montaigne) М. де 414, 416
Монферран А. А. 490
Морель (Morel) Г., аббат 402
Морокин А. Ф. 20, 149, 549, 570, 593, 594, 736, 745—746, 757
Мостовская Н. Н. 159, 688
Мотин С. В. 2, 368
Моторин И. Ф. 490
Моторин М. И. 490
Моцарт (Mozart) В.-А. 744 (Figaro)
Мочульский К. В. 443
Мсерианц З. М. 836, 838
Муравьев А. Н. 47, 48, 162, 582, 730—732
Муравьев В. Н. 825
Муравьева О. Н. 829
Муромцев Л. М. 556
Муханов Н. А. 196, 198, 671, 672
Мухановы 196
Мюссе (Musset) А. де 745

Н*** (псевд.) — см. *Любимов Н. А.*
Н. Д. (псевд.) — см. *Дурново Н. Н.*

Н. М. (псевд.) — см. *Марков Н. П., прот.*
Н. Ш. (псевд.) — см. *Шаховской Н. В., кн.*
Навродский, арестант 485
Надеждин Н. И., критик 35
Надеждин Н. И., прот. 545, 566
Назаревский В. В. 214, 835, 837, 838
Назаревский С. В. 842, 843
Накамура К. 152
Наполеон I (Napoléon, Наполеон Бонапарт), имп. 288, 327, 328
Наталис (Наталь, Natalis) А. 275
Наталья Борисовна — см. *Шаховская Н. Б., кн.*
Наташа, свояченица В. Г. Покровского 279
Наумов Д. И. 62
Наш (псевд.) — см. *Шаховской Н. В., кн.*
Неберекутина Е. В. 718, 729, 730
Невдачин Ф. О. 703, 704
Невежин П. М. 427
Невоструев К. И. 561
Некрасов Н. А. 374, 408
Некрасов Н. П. 138
Некто (псевд.) 48
Нестор Летописец, прп. 715, 717
Нефедов Ф. Д. 506
Нечаев С. Г. 163, 164
Нечаев-Мальцев Ю. С. 142, 261, 785, 786
Никанор (в миру А. И. Бровкович), архиеп. 696
Никита (в миру Н. К. Добрынин), иером. 513, 514
Никита Пустосвят — см. *Никита, иером.*
Никитенко А. В. 51, 64, 70, 77, 104, 112, 196, 737, 738
Никитин И. С. 872
Никитина Е. П. 337
Никитинский Н. Я. 392
Никитинский Я. 391
Никитская (в замуж. Богословская) Анна П. 424
Никитская (в замуж. Доброва) Авд. П. 424
Никитская (в замуж. Селезнева) М. П. 424
Никитская (ур. Руднева) М. Ф. 24, 546, 568
Никитская М. М. 316
Никитская Т. М. 278
Никитский П. М., прот. 23—24, 328, 424, 546, 568, 588, 872
Никитский Ф. М. 328
Николаев П. П. 440
Николай I, имп. 39, 41, 43, 175, 290, 295, 364, 430, 473, 493, 496, 497, 499, 864
Николай II, имп. 222, 252, 262, 749, 796
Николай Александрович, вел. кн. (1845—1866) 252, 698, 809, 810, 815
Николай Алексеевич, фельетонист 590
Николай М. (псевд.) — см. *Кулиш П. А.*
Николай Чудотворец, св. 168, 252, 253, 290, 551, 815—817, 857
Николай Японский (в миру И. Д. Касаткин), свт. 152, 256
Никольский Б. В. 12, 467, 472
Никольский К. Т., прот. 530, 559
Николюкин А. Н. 4, 16
Никон (в миру свящ. Н. М. Минов-Ларионов), патр. 40, 247
Никто (псевд.) — см. *Говоруха-Отрок Ю. Н.*
Нильский И. Ф. 224
Ницше (Nietzsche) Ф.-В. 136
Нобель (Nobel) А. 482
Новиков Н. И. 328
Новиков Н. Н. 321, 322, 368, 545, 566, 597, 598, 613, 614
Нольде Б. Э., бар. 181, 403
Норов А. С. 56, 65, 780, 787
Носов А. А. 379
Носовы, братья 329
Нотович О. К. 640, 641

Оболенский А. В., кн. 85
Оболенский Д. А., кн. 367
Овидий (Ovidius, Публий Овидий Назон) 482
Овчинина И. А. 16, 308, 871
Овчинников П. А. 548, 569
Один из недоумевающих (псевд.), авт. *«СИ»* 563
Один из попечителей бедного сельского храма (псевд.), авт. *«СИ»* 563
Одоевский А. И., кн. 255
Одоевской В. Ф., кн. 39, 156, 200, 208
Ольга Александровна, вел. кн. 829

Ольга Николаевна — см. *Балашева О. Н.*
Ольга Христофоровна — см. *Агренева-Славянская О. Х.*
Ольга, кн., св. 238, 547, 569
Ордынский Б. И. 340, 370, 870
Орлов Г. Г., кн. 279, 280
Орлова Е. И. — см. *Буренкова А. И.*
Орлов-Давыдов В. П., гр. 540, 562
Осинин И. Т. 873
Осипов М. 494
Осипович-Новодворский (наст. фам. Новодворский) А. О. 281, 869
Основский Н. А. 67, 114, 253
Остерблом Юлий (псевд.) — см. *Трусман Г. Г.*
Острецов В. М. 14
Островская (ур. Саввина) Л. И. 424
Островская Т. Ф. — см. *Гилярова Т. Ф.*
Островский А. Н. 4, 16, 20, 308, 424—429, 871
Островский Г. Ф. 34, 426
Островский М. Н. 426
Островский Н. Ф. 424, 426
Остроумов А. И. 529
Остроумов, чиновник 844, 845
Осьмакова Н. И. 16, 129
Оттон I Бамбергский (Otto von Bamberg), св. 395
Оуен (Оуэн, Owen) Р.-Д. 363

П... (псевд.) — см. *Преображенский Ф. П.*
П. Б. (псевд.) — см. *Бартенев П. И.*
П—ский В. (псевд.) — см. *Пелешевский В. Ф.*
Павел (Παῦλος), ап. 665, 743, 745, 795, 855
Павел I, имп. 162
Павел Михайлович — см. *Леонтьев П. М.*
Павел Прусский (в миру П. И. Леднев), архим. 590, 591
Павел Фивейский, прп. 555
Павел, коридорный 151
Павлов И. В. 20, 149, 159, 167, 587, 588, 597, 688—692, 695—701, 726, 747, 757, 780, 793, 794, 797, 798, 834, 835
Павлов Н. Ф. 96, 99—103, 113
Павлова (ур. Яниш) К. К. 172
Павлович Е. О. 684, 685
Павский Г. П., прот. 35
Павлиевский П. В. 868
Палиенко Н. И. 832
Пальерон (Пайерон, Pailleron) Э. 644, 645
Пальмер (Palmer) В. 402
Панаэтов О. Г. 15, 295, 296, 311, 408
Пантелеев Л. Ф. 751
Панфилов М. М. 15
Параскева Пятница, вмч. 416
Парфений (в миру П. Аггеев), схиигум. 56, 57, 216, 252, 468, 533, 874
Пасовер (Пассовер) А. Я. 187, 188
Пассек (ур. Кучина) Т. П. 361, 590, 591
Пастер (Pasteur) Л. 507, 508
Пастухов Н. И. 116, 123, 125, 617, 618, 797, 843
Патрушева Н. Г. 94, 120, 133
Паулус (Паулюс, Paulus) Г.-Э. 69, 94, 184, 192, 197—199, 348, 571, 872
Пашков В. А. 232
Пашков И. А. 361, 590, 591, 661
Пашкова (ур. кж. Глинская, в 1-м замуж. Телешова) Л. А. 590, 591
Пелешевский В. Ф. 119, 361, 362, 448, 563
Пентковский А. М. 2, 870, 877
Перцов П. П. 136, 868, 871
Песоцкий, чиновник 198
Песталоцци (Pestalozzi) И.-Г. 416
Пететен (Petetin) А. 476, 482
Петр (Petrus), ап. 556
Петр I, имп. 229, 268, 309, 325, 383, 473, 490, 498, 559
Петр III, имп. 431
Петр Александрович Ольденбургский, герц. 829
Петр Иванович — см. *Андреев П. И.*
Петр Яковлевич («Покрака»), овчинник 278
Петров А. Г. 62, 78, 84, 85, 188
Петровский М. П. 870
Петровский Н. В. 353, 354
Петровский С. А. 146, 150, 517, 577, 592, 593, 643, 644, 656, 657, 685
Пец А. В. 640, 641
Печерский Андрей (псевд.) — см. *Мельников-Печерский П. И.*

Пий IX (Pius PP. IX, в миру гр. Дж. М. Мастаи де Ферретти), папа 269
Пильняк (наст. фам. Вогау) Б. А. 17, 18
Пинскер Л. С. 199
Пирогов Н. И. 187, 188
Пирожкова Т. Ф. 17, 379, 405, 406, 875, 876
Писарев Д. И. 309, 372, 410
Писемский А. Ф. 443
Платон (Πλάτων) 359, 519, 757
Платон (в миру Н. И. Городецкий), митр. 566
Платон (в миру П. Г. Левшин), митр. 5, 30, 52, 211, 220, 332, 518
Платон (в миру П. С. Фивейский), еп. 91, 201, 875
Платонов А. А. 16, 32
Платонов О. А. 17
Плевако Ф. Н. 122, 508, 592, 593, 654, 745, 755, 759
Плетнев П. А. 710—713
Плиний Младший (Plinius Junior, Гай Плиний Цецилий Секунд) 282
Плиний Старший (Plinius Maior, Гай Плиний Секунд) 476, 482
Плутарх (Πλύταρχος) 6
Победоносцев А. П. 440, 441
Победоносцев К. П. 4, 7, 12, 15, 19, 20, 41, 67, 73, 75, 107, 110, 113, 116—118, 121, 124, 125, 127, 128, 132, 135, 136, 142, 143, 144, 147, 148, 150, 162—165, 208, 209, 216, 226, 227, 236, 237, 241, 242, 249—263, 270—272, 299, 307, 311, 370, 420, 427, 440, 441, 443—445, 458, 459, 462—466, 493, 551, 553, 560, 569, 572, 586—588, 609, 610, 613, 616, 621, 622, 627, 636, 637, 680, 694, 724, 745, 755, 758, 760, 770—835, 841—843, 855—863, 867, 869, 872, 875, 877
Погодин М. П. 5, 16, 61, 65, 88, 114, 115, 135, 151, 156, 237, 238, 243, 336, 345, 385, 392, 399, 426, 536, 545, 560, 635, 694, 695, 715—717, 758, 761, 782
Погодин П. М. 715, 716
Погодина (ур. Вагнер) Е. В. 715, 716
Погодина С. И. 156
Поддубная Р. П. 752
Подлигайлов П. Н. 542, 565
Покровская-Ламанская О. В. 90
Покровский А. И. 43
Покровский В. Г. 29, 279
Покровский М. Н. 412
Полонский Я. П. 129
Поль С. А. 63
Поляков Л. С. 549, 570, 681, 685, 791
Поляков С. С. 681, 685, 697, 698, 791
Поляков Я. С. 681, 685, 791
Полянский К. 363
Помяловский Н. Г. 26, 310, 319, 325
Пономарев С. А. 441, 442
Пономарев С. И. 823
Пономарев, фабрикант 774
Понтий Пилат (Pontius Pilatus) 700
Попов И. В. 547, 568
Попов Н. А. 492, 495
Пороховщиков А. А. 111, 125, 256, 407, 552, 571, 621, 819
Поспелов И. Г., прот. 545, 566, 731, 732, 757, 760
Потапов А. Л. 541, 564
Потехин А. А. 429
Похвиснев В. Л. 328
Прац Э. Х. 713
Преображенский П. А., прот. 106, 126
Преображенский Ф. П. 242, 442
Прибиль Я. И. 84, 85, 118
Приезжий купец (псевд.), авт. «*СИ*» 111
Прокопов Т. Ф. 875
Прокопович — см. *Феофан, архиеп.*
Протасов Н. А., гр. 215
Протей (Πρωτεύς) 761
Профан (псевд.) — см. *Михайловский Н. К.*
Пругавин А. С. 505, 506
Пруст (Proust) М. 325
Прянишников П. К. 592, 593
Птушкина И. Г. 307, 867, 876
Путро О. 708
Путята (ур. Энгельгардт) С. Л. 354
Путята Н. В. 354
Путятин Е. В., гр. 68, 367
Пушкарев Н. Л. 645

Пушкин А. С. 14, 19, 57, 71, 166, 196, 210, 285—287, 293, 324, 333, 342, 343, 373, 374, 376, 380, 388, 408, 418, 426, 427, 437—441, 482, 694. 708, 709, 747, 750, 751, 874
Пыпин А. Н. 303, 318, 319, 321, 410

Рабинович О. А. 187, 188
Равич (ур. Коган) Л. М. 188
Раден Э. Ф., бар. 404, 667
Раевский М. Ф., прот. 89, 170, 172
Ранке (Ranke) Л. фон 172
Рассохин С. Ф. 645
Рахманинов Ф. И. 87, 89, 118, 411
Рачинский С. А. 73, 74, 231, 419—421, 582, 625, 667, 773, 774, 813, 814
Ренан (Renan) Э. 709, 710
Риль (Riehl) В.-Г. 170, 172
Рихель, заводчик 126
Рихтер О. Б. 775
Родзевич И. И. 125
Родзянко Н. В. 56, 788
Родивон, поп — см. *Сергиевский И. С., прот.*
Розанов В. В. 10, 13, 14. 16, 136, 156, 160, 295, 332, 373, 441, 442, 445—447, 450, 453, 454, 457—459, 467, 471, 557, 613, 614, 747, 813, 814, 868, 871
Розанов Н. А. 29, 279
Розанов Н. П. 150
Розенберг В. А. 122
Розенблат, конторщик 793
Роллберг (Rollberg) П. 14
Романов И. Ф. — см. *Рцы*
Романов-Рцы И. Ф. — см. *Рцы*
Романовский В. И., прот. 73, 415, 416
Росковшенко И. В. 84
Россини (Rossini) Дж. 357
Ростиславов Д. И. 26, 230, 534, 560
Ростовский Я. И., гр. 8, 67, 71, 72
Рубакин Н. А. 817, 818
Рудакова В. А. 18
Румянцев А. Б. 223
Румянцев В. Е. 126, 720
Румянцев Н. П., гр. 130, 567, 613, 614, 650, 779, 781, 785 (все — музей и б-ка)
Русский (псевд.) — см. *Шаховской Н. В., кн.*
Русский странник (псевд.) — см. *Кочетов Е. Л.*
Руссо (Rousseau) Ж.-Ж. 18, 410, 414, 416, 417
Рцы (наст. имя И. Ф. Романов) 4—6, 16, 20, 32, 46, 47, 54, 59, 73, 74, 89, 103, 104, 106, 112, 116, 117, 121, 125, 130—133, 135, 136, 142, 156, 157, 161, 168, 181, 183, 227, 239, 264, 300, 303, 305, 306, 317, 318, 325, 333, 349, 357, 361—363, 371, 385, 388, 391, 392, 394—398, 406, 414, 427, 429, 437, 439, 443—461, 465, 467, 468, 471, 494—497, 499, 503, 506, 514, 520—529, 554, 556, 557, 571, 582—584, 590, 592—598, 604—606, 613, 614, 625, 626, 631, 634, 645, 646, 663—678, 680, 682, 739, 740, 743—745, 747, 757, 778, 779, 789, 791, 793, 794, 804, 806, 807, 863, 865, 868, 869, 871—873, 876

С. У. (псевд.) — см. *Уманец С. И.*
С—ч Ф. (псевд.) — см. *Серно-Соловьевич Ф. Ф.*
Сабашниковы 852
Саблер (после 1914 г. Десятовский) В. К. 147
Савва (в миру И. М. Тихомиров), архиеп. 33, 40, 46, 47, 550, 551, 571
Садовской Б. А. 152
Саксаганский (наст. фам. Тобилевич) П. (А.) К. 755
Салиас-де-Турнемир Е. А., гр. 120
Салтыков П. И., гр. 716
Салтыков-Щедрин М. Е. 56, 159, 280, 281, 328, 697—699
Самарин Д. Ф. 335, 401, 492, 495, 552, 563, 571, 604, 605, 607, 608, 611, 619, 705, 736, 742, 757, 758, 760, 831
Самарин Ю. Ф. 4, 20, 71, 77—79, 86—90, 95, 97, 104, 105, 107, 156, 171, 173, 180, 181, 186, 192, 196, 233, 262, 336, 367, 373, 375, 389, 392—395, 398—407, 409, 445, 460, 465, 492—497, 539, 547, 552, 568, 569, 571, 619, 620, 666, 667, 669, 670, 672, 705, 724, 742, 743, 757, 758, 760, 780, 801, 815, 816, 874, 876

Сахаров Я. 64
Сбруев (Збруев) П. А. 11, 121, 123
Сведенборг (Swedenborg) Э. 363
Свербеев Н. Д. 719, 721
Свербеевы 719
Светоний (Suetonius, Гай Светоний Транквилл) 482
Свиньин И. А. 841, 842, 844—846
Свифт (Swift) Дж. 697, 698
Святославский А. П. 331
Селиванов К. И. 431
Селиванов Ф. М. 286
Селивановский С. И. 218
Семевский М. И. 66, 332
Семен Климыч, смотритель 801
Сенатов В. Г. 20, 452, 453, 472, 584, 587, 588, 673, 676, 678, 686—688
Сенатов Г. В. 452, 453, 486
Сенковский О. И. 277, 285
Сент-Илер К. К. 414
Сен-Тома (St-Thomas) П. А. 417
Сентянина Н. А. 701
Сепир (Sapir) Э. 129
Серафим (в миру Л. М. Чичагов), митр. 743, 744
Серафим (в миру С. В. Глаголевский), митр. 544, 565
Серафим Саровский (в миру П. С. Мошнин), прп. 143
Сервантес Сааведра (Cervantes Saavedra) М. де 304, 320, 527 и 557 (все — Дон Кихот), 769, 873 (Санчо Панса)
Сергеенко М. Е. 282
Сергей Александрович, вел. кн. 620, 621, 795, 797, 844, 845
Сергей Исаакович — см. *Гальперсон С. И.*
Сергиевская (в замуж. Островская) В. И. 34
Сергиевский И. С., прот. 320
Сергиевский Н. А. 76, 109, 110, 758, 761, 774, 776, 780, 816, 817, 855—856
Сергиевский Н. А., протопресв. 151, 774, 840, 841
Сергиевский Ф. А. 57
Сергий (в миру И. И. Соколов), еп. 8, 518, 553
Сергий (в миру Н. Я. Ляпидевский), митр. 48, 545, 566, 731, 732, 841, 842
Серебренников Н. В. 4, 869
Серно-Соловьевич Ф. Ф. 441
Сибиряков К. М. 622
Сидяков Ю. Л. 223
Симон Волхв (Σίμων ὁ Μάγος) 523, 556
Сипягин Д. С. 604, 605, 825
Сипягин Д. С. 825
Скабичевский А. М. 308
Скаретка В. 64
Скворцов Н. С. 126, 201, 202, 253
-ский (псевд.) — см. *Шаховской Н. В., кн.*
Склабовский А. В. 283
Скобелев М. Д. 10
Сковорода Г. С. 60, 61
Сковронская (во 2-м замуж. Богуславская) М. С. (К.) 4, 11, 20, 54, 115, 122, 126—128, 131, 243, 258, 361, 529, 530, 538, 539, 547, 548, 550—553, 558, 560, 561, 571, 610, 612—614, 616, 623, 736, 746,756, 759, 761—766, 780, 783, 791, 847—850, 872
Скрейшовский Ф. 705
Скрипицын В. А. 508
Скромный наблюдатель (псевд.) — см. *Лукин А. П.*
Сл....ский К—н (псевд.), авт. *«СИ»* 562
Славацкий (наст. фам. Гацко) Р. В. 17, 328
Словохотов А. А. 872
Сми—в А. (псевд.) — см. *Смирнов А. В.*
Смирнов А. А., прот. 24, 25, 147, 300, 580, 581
Смирнов А. П. 363
Смирнов Ал. В. 441
Смирнов Арс. В. 658
Смирнов Е. К., прот. 813, 814
Смирнов С. К., прот. 731, 732, 758, 760
Смирнова (ур. Ловцова) С. М. 731, 732
Смирнова Н. А. 379
Смирнова-Россет (ур. Россет) А. О. 180
Смирнов-Платонов Г. П., прот. 37, 72, 73, 103, 317, 530, 538, 558, 561, 840, 841
Смотрицкий — см. *Мелетий, монах*
Смыслов Г. П. 584, 586
Соболевский В. М. 157

Соковнина К. М. 710
Соколов А. И., прот. 148
Соколов Н. М. 387
Соколов С. И. 304, 513, 542, 545, 565
Соколова Т. Ю. 16
Солдатёнков К. Т. 400, 461, 558, 603, 605, 606, 760, 781
Соллогуб (ур. Самарина) М. Ф., гр. 571
Соллогуб Ф. Л., гр. 407, 552, 571
Соловьев А. К. 165
Соловьев Вл. С. 4, 13—15, 17, 19, 59, 124, 152, 169, 219, 220, 237, 241, 245, 246, 270, 332, 373, 379, 388, 411, 442, 448, 526, 529, 556, 871, 872
Соловьев И. И., свящ. 441
Соловьев М. П. 817, 818, 825
Соловьев Н. Я. 427
Соловьев С. М. 56, 151, 174
Соловьев Т. П. 611, 612
Солунские братья — см. *Кирилл, св.; Мефодий, св.*
Сонина Е. С. 459
Софокл (Σοφοκλής) 308, 425
Сперанский В. М., прот. 29, 33, 296, 545, 548, 569, 570
Сперанский М. М. 72, 468, 532, 559
Спиридонов В. С. 412—414
Спиридонова А. Е. 224
Стааль Ф. Г. 487
Сталин (наст. фам. Джугашвили) И. В. 133
Станкевич Н. В. 723
Старчевич (Starčević) А. 240
Стасюлевич М. М. 260, 303, 321, 695, 716, 830
Стахович М. А. 379
Степанян К. А. 442
Стефан (Στέφανος) Первомученик, архидиак., ап. 280
Стефан (в миру С. И. Яворский), митр. 400
Стобеус Б. А. 833
Стой (Stoy) К.-Ф. 420
Столыпин П. А. 466, 833
Стороженко Н. И. 140, 633, 736, 448—749
Страхов Н. Н. 246, 363, 373, 410, 442, 467, 496, 576, 577
Струков Д. М. 63
Субботин Н. И. 41, 47, 216, 223, 257, 261, 332, 686, 687, 731, 732
Суворин А. С. 26, 27, 32, 37, 46, 77, 114, 126, 133, 158, 199, 204, 205, 210, 233, 242, 247, 248, 298, 299, 305, 318, 484, 592, 618, 656, 658, 659, 682, 685, 700, 701, 745, 755, 760, 826—828, 830, 868
Суворов А. А., светл. кн. 434
Сурнина И. А. 17
Сухарев Л. П. 490
Сухотин С. М. 199
Сушков Н. В. 200
Сцевола (Гай Муций Сцевола, Gaius Mucius Scaevola) 280
Сцилла (Σκύλλα) 74
Сытин И. Д. 461, 559, 630, 760, 781, 799, 812, 817, 818, 823, 834, 835, 851
Сютаев В. К. 528, 557

Т—в С. (псевд.) — см. *Татищев С. С.*
Талистов А. П. 279, 328
Тарасов И. Т. 11, 74, 651, 678, 685, 788, 789
Тареев М. М. 218
Татищев С. С. 319, 320, 324, 330, 642, 643
Татьяна Матвеевна — см. *Никитская Т. М.*
Тацит (Tacitus, Публий Корнелий Тацит) 402, 476, 482
Тендряков В. Ф. 226
Терновский Ф. А. 205, 206, 213—215
Тесля А. А. 17, 250
Тец (ур. Бессонова) Н. П. 728—730
Тец В. 728—730
Тиверий (Тиберий, Tiberius; Тиберий Цезарь Август), имп. 476, 482
Тилло А. А. 490, 491
Тимашев А. Е. 819
Тимирязев К. А. 410
Тимофеев А. В. 66
Тирш (Thiersch) Г-В. 67, 251, 810
Титов А. А. 720, 850
Тиханов Н. А. 846—848
Тиханова, жена предыдущего 846—848, 850
Тихановы 847
Тихобразов Н. Д. 139, 140
Тихобразова (ур. Богданова) М. А. 545, 567

Тихомиров Л. А. 175, 813, 814
Тихон (в миру В. И. Беллавин), патр., свт. 870, 871
Тихон Задонский (в миру Т. С. Соколов), свт. 107, 780
Ткачев П. Н. 814
Толстая (ур. Бахметева, в 1-м замуж. Миллер) С. А., гр. 437
Толстая А. А., гр. 579, 580
Толстой А. К., гр. 387, 388, 437, 698, 699
Толстой А. П., гр. 92, 635, 782
Толстой Д. А., гр. 112, 116, 134, 147, 166, 230, 261, 271, 505, 507, 514, 515, 530, 553, 644, 649—651, 661, 662
Толстой К. К. 142, 520, 554
Толстой Л. Н., гр. 4, 15—17, 20, 63, 124, 255, 267, 293, 295, 312, 323—325, 346, 350, 368, 373, 388, 408—424, 435, 441, 447, 453, 454, 464, 473, 577, 580, 581, 589, 591, 622, 623, 636, 696, 757, 780, 783, 785, 789, 799, 800, 807, 813, 829, 869, 872, 873
Толстой Ю. В., гр. 116, 820, 821
Торквемада (Torquemada) Томмасо де 267, 716
Третьяков С. М. 120
Тройницкий А. Г. 85, 87
Троицкая М. Г. 15
Троицкий Н. И. 334
Трубецкая О. Н., кн. 180
Трусман Г. Г. 488—490, 497, 736, 738
Трутовский К. А. 356
Трушковская (ур. Гоголь) М. В. 714
Трушковский Н. П. 365, 711, 714
Трын-трава (псевд.), авт. «*СИ*» 134
Тургенев И. С. 17, 56, 67, 95, 114, 159, 166, 373, 408, 411, 508, 688, 869, 872
Тэн (Taine) И. 709, 710
Тютчев Ф. И. 64, 146, 240, 370, 373—378, 384, 393, 605, 872, 873
Тютчева (ур. гр. Ботмер) Э. Ф. 605
Тютчева Д. Ф. 604, 605

У—в (псевд.) — см. *Соловьев И. И., свящ.*
Уваров С. С., гр. 497, 498
Угрюмов А. А. 500
Узунов А. М. 699, 700
Уманец С. И. 7, 9, 11, 361, 473
Уманов Н. А. 441
Уорф (Whorf) Б.-Л. 129
Урусов Г. Г. 9, 119, 562
Урусов С. Н., гр. 105
Ухтомский Э. Э., кн. 639
Ушаков В. С. 502
Ушаков, смотритель 501, 502

Ф. Е. (псевд.) — см. *Еленев Ф. П.*
Ф. П. Е. (псевд.) — см. *Еленев Ф. П.*
Фатеев В. А. 16, 32, 172
Фауст (Faust) И.-Г. 472,
Федор Матвеевич — см. *Никитский Ф. М.*
Федор Матвеевич — см. *Никитский Ф. М.*
Федоров В. Я. 50, 118, 539, 544, 549, 561, 570, 598, 598, 836, 838
Федоров Д. А. 2, 18, 75, 136, 157, 340, 371, 378, 447, 713, 868, 874
Федорук О. 707, 713
Федотова М. А. 15, 36, 63, 66, 113, 234
Фельдман Д. М. 185
Феодор (Бухарев), архим. — см. *Бухарев А. М.*
Феодорит (в миру прот. Ф. И. Островский), мон. 426
Феодосий II Юнейший (Θεοδόσιος Β΄), имп. 143
Феодосий Васильев, дьячок 225, 435, 452, 486, 678, 522, 555, 591
Феоктистов Е. М. 77, 124, 147, 150, 257, 261, 300, 454, 549, 570, 616, 642, 643, 662, 693, 694, 870
Феофан (в миру Э. Прокопович), архиеп. 211, 272, 400, 532, 559
Феофил (Θεόφιλος), царь 554
Фет (Шеншин) А. А. 142, 378, 423
Фетисенко О. Л. 17, 18, 92, 204, 241, 246, 264, 267, 268, 457, 471, 490, 499, 823, 870, 876, 877
Филарет (в миру В. М. Дроздов), свт. 26, 27, 31—34, 36, 38—53, 55, 61, 73, 106—108, 149, 161, 162, 200—216, 220, 221, 223, 231, 248, 302, 331, 332, 350, 355, 363, 366, 367, 396, 415, 419, 456, 538,

543, 544, 546, 551, 560, 567, 581, 597, 624, 625, 686, 687, 692, 730, 731, 733, 734, 743, 758—761, 815, 870, 871
Филарет (в миру Д. Г. Гумилевский), архиеп. 58, 703
Филарет (в миру Ф. Г. Амфитеатров), митр. 544, 565
Филипп (в миру Ф. Васильев), мон. 225, 435
Филипп II (Felipe II), король 495
Филиппеус К. Ф. 707, 708
Филиппов Т. И. 4, 7, 16, 19, 118, 124, 133, 145, 147, 244—246, 263—272, 425, 484, 585, 586, 745, 755, 758, 760, 870, 876
Филоклет 709
Фихте (Fichte) И.-Г. 358
Фишер (ур. Вейсс) С. Н. 646, 648, 651, 653, 681, 682, 685, 731, 732
Фишер (Фишет), m-me — см. *Фишер С. Н.*
Фишер Г. Б. 732
Флеров С. В. 299, 308, 309
Флор Иллирийский, мч. 28, 54, 732
Флоренский П. А., свящ. 566
Флоровский Г. В., прот. 52
Фодор (Fodor) Е. 219
Фокс (Fox) Г. 558
Формоз (Formosus), папа 32, 40, 781, 808, 809, 811, 812, 814, 862
Фотий, патр., свт. 243
Франкель (Frankel) З. 189
Франц Иосиф I (Franz Josef), имп. 164
Фрёбель (Fröbel) Фр. 170
Фриз (Freeze) Г. 306
Фудель И. И., прот. 813, 814,
Фукс (Fuchs), переводчик 172
Фукс В. Я. 77, 118

Харибда (Χάρυβδις) 74
Харузин А. Н. 825
Хатов А. И. 288
Хмелевская Е. М. 411
Холмский А. С. 122
Хомяков А. С. 4, 6, 7, 9, 10, 12, 14, 16, 19, 20, 38, 57, 59, 64, 70, 71, 123, 141, 156, 157, 169, 171, 173, 196, 233, 243, 244, 262, 286, 326, 331—336, 356, 357, 367, 385, 387—405, 407—409, 425, 436—438, 440, 445, 448, 450, 451, 454, 455, 457, 458, 460, 461, 465, 467, 492—495, 497, 505, 519, 521, 524, 526—529, 536, 537, 545, 547, 552, 554, 556, 557, 568, 583, 664—672, 679, 680, 694, 695, 711, 713, 745, 748, 801, 804, 806, 807, 813—816, 832, 864—866, 871, 873, 874
Хомяков Д. А. 286, 401, 405, 524, 526, 556, 582, 669, 672, 846—848
Хомяков Н. А. 694, 695
Хомяков С. А. 561
Хомякова (ур. Киреевская) М. А. 561
Хомякова (ур. Языкова) Е. М. 667
Хомякова М. А. 401
Хомяковы 334, 561, 695
Хондзинский П. В., прот. 401
Христос — см. *Иисус Христос*

Цамутали А. Н. 338
Цандер Л. О. 17, 872
Цёпфль (Zöpfl) Г. 192
Цеэ В. А. 188
Цимбаев Н. И. 10, 269, 378, 379
Цион И. Ф. 643, 644
Цитович П. П. 814
Цицерон (Cicero, Марк Туллий Цицерон) 288, 482

Чагин Г. В. 196
Чаев Н. А. 429, 507, 509
Черкасская (ур. Васильчикова) Е. А., кн. 402, 403
Черкасские, кн. 328
Черкасский Б. М., кн. 168
Черкасский В. А., кн. 62, 77, 81, 107, 168, 180, 726
Чернышевский Н. Г. 56, 67, 70, 295, 372, 410
Черняев М. Г. 17, 128, 148, 535, 536, 560, 851, 852, 860
Чертков А. Д. 364
Чертков В. Г. 829
Четвертинская (Святополк-Четвертинская; ур. кж. Гагарина) Н. Ф., кн. 656
Чешихин Е. В. 434
Чижевский Д. И. 31

Чижов Г. В. 329
Чижов Ф. В. 63, 77, 102, 103, 106, 108, 369
Чижов, фабрикант 329
Чикарова Л. И. 20
Чистович И. А. 52, 89—93, 788
Чичагов Л. М. — см. *Серафим, митр.*
Чичерин Б. Н. 102
Чудецкий П. И., прот. 133, 271, 484
Чуйко В. В. 508
Чумиков А. А. 68, 491, 736—738

Шабардин А. И. 541, 564
Шарапов С. Ф. 10, 131, 132, 250, 378—380, 444, 446, 447, 450—452, 455, 457, 460, 467, 472, 490, 499, 500, 503—505, 508, 524, 536, 547, 554, 556, 560, 568, 585, 586, 596, 597, 599, 611—613, 630, 631, 637, 646, 647, 657, 658, 673—680, 682, 683, 685, 739, 744, 745, 782, 784, 787—789, 806—811, 825, 860, 861
Шарапова Н. Ф. 631, 632
Шаховская (ур. гр. Милютина) Е. Д., кн. 723, 726, 774, 775, 827
Шаховская (ур. Ефремова) А. П., кн. 631, 632, 722, 723, 726, 747, 748, 820, 821, 848
Шаховская (ур. Каткова) В. М., кн. 159, 487, 723, 726
Шаховская (ур. Святополк-Четвертинская) Н. Б., кн. 719, 721
Шаховская (ур. Чулкова) Е. Ф., кн. 722, 726
Шаховская А. Ф., кн. 726
Шаховские, кн. 827
Шаховской А. А., кн. 708, 719, 721, 722
Шаховской В. Л., кн. 722, 726
Шаховской Д. Ф., кн. 719, 721
Шаховской Л. В., кн. 159, 487, 723, 726, 736, 747, 748, 807
Шаховской Н. В., кн. 4, 6, 7, 11, 12, 14, 16, 20, 38, 40, 42, 44, 45, 47—50, 55, 59, 60, 62—64, 66—69, 72—74, 76, 82—84, 87, 90, 95, 101, 108—110, 112, 113, 116, 123—133, 140, 148—150, 159, 160, 166, 167, 171, 172. 174. 177, 185, 191, 192, 194, 196, 198, 227, 231, 235, 247, 250, 251, 262, 276, 294, 298, 301, 302, 304—306, 313—315, 324, 325, 328, 334—337, 345, 348—350, 368, 369, 375, 384, 388, 389, 391, 394, 395, 397, 398, 400, 401, 407, 414, 415, 422, 443, 444, 446, 447, 449, 450, 452—454, 456—458, 461—467, 471—641, 651, 661, 667, 672, 677, 680, 682, 687—833—859, 862—866, 871, 872, 876
Шаховской С. В., кн. 473, 488, 490, 491, 494, 497, 499, 504, 562, 594, 694, 695, 701, 703, 723, 726, 736, 738, 748, 761, 825, 827
Шаховской-Глебов-Стрешнев М. В., кн. 574
Шведов В. Ю. 405, 406, 876
Шевелев А. А. 753, 754
Шевич Д. Е. 38
Шевич И. Е. 38, 758, 760
Шевырев С. П. 402
Шекспир (Shakespeare) У. 428
Шелкова И. А. 137
Шеллинг (Schelling) Ф.-В. 39, 60. 358
Шенрок В. И. 706—708, 712
Шеппинг Е. Д., бар. 508
Шестаков Д. П. 466—468
Шидловский М. Р. 539, 562
Шиллер (Schiller) Фр. 495
Шимановский М. В. 195
Ширинский, кн. — см. *Ширинский-Шихматов А. А., кн.*
Ширинский-Шихматов А. А., кн. 777, 782, 785, 786, 805, 807—809, 833
Ширский С. И. 143
Шишков А. С. 285
Шлихтер А. И. 283
Шмелев И. С. 281
Шмидт, лифлянд. немец 703
Шмитт (Schmitt) Хр. 172, 173
Шохин В. К. 16
Шпильгаген (Spielhagen) Ф. 507—509
Штауф Ю. 713
Штекер (Штеккер, Stekker) А. 634, 783
Штендинг А. И., заводчик 126
Штросмайер (Strossmayer) Йосип, еп. 241
Шубинский Д. Н. 20, 169, 654—659
Шубинский С. Н. 655, 656

Шумов Н. И. 126, 391, 558
Щапов А. П. 38, 47, 217, 223

Щеколдин В. С. 593
Щепкин Н. М. 400
Щербакова М. И. 17
Щербатов А. А., кн. 495, 552, 571
Щербина Н. Ф. 112
Щербинин М. П. 68, 79—81, 85, 87—89, 251, 411, 599, 600

Экземплярский К. Ф. 127, 553, 571, 791
Эпштейн Б. М. 622, 631, 632, 646, 648, 653, 794
Эр (псевд.) — см. *Рцы*
Эфрон А. С. 653
Эфрон Л. М. 651, 653
Эфрон Л. С. 653
Эфрон Н. С. 653
Эфрон С. К. 10, 11, 20, 227, 302, 311, 312, 422, 451, 453, 472, 536, 560, 589—591, 599, 641—653

Ю. Б. (псевд.) — см. *Бартенев Ю. П.*
Юрий Федорович — см. *Самарин Ю. Ф.*
Юрьев С. А. 13, 134, 136, 156, 157, 320, 321, 324, 331, 335, 422, 464, 507, 509, 581, 586—588, 634, 647, 649, 651, 681, 682, 758, 761, 789, 799, 800
Юрьев Ю. М. 587
Юрьева Д. С. 586, 588
Юсупова (по мужу Сумарокова-Эльстон) З. Н., кн. 829
Юшко А. Г. 17, 146, 685, 718

Языков Д. Д. 71, 129, 331, 332, 463, 801
Языков Д. И., прот. 550, 570
Якобсон А. 714
Якушкин В. Е. 122
Ян (наст. фам. Янчевецкий) В. Г. 761
Янкевич П. И. 198
Янчевецкая (ур. Магеровская) В. П. 761
Янькова А. Р. 696

Behr B. 705
Bodenstedt Friedrich — см. *Боденштедт Фр. фон*
Brockhaus F.-A. — см. *Брокгауз Ф. А.*
Dostoevsky — см. *Достоевский Ф. М.*
Ghillany — см. *Гиллани Ф.-В.*
Gogol — см. *Гоголь Н. В.*
Khomiakoff A. S. — см. *Хомяков А. С.*
Malkiel — см. *Малкиель С. М.*
Moise — см. *Моисей, пророк*
N. N. (псевд.) — см. *Корсунский И. Н.*
NN. (псевд.), авт. *«СИ»* 564
Schrag J.-L. 855
Z. (псевд.) — см. *Лесков Н. С.*
Z. (псевд.) — см. *Флеров С. В.*
* (псевд.) — см. *Смирнов А. П.*

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 5

ЧАСТЬ I
Жизнь и служение Н. П. Гилярова-Платонова.
Очерк научной биографии

1.1. Школа религиозного самовоспитания (1824—1844) 23
1.2. Обучение и педагогическая деятельность у Троицы в Академии (1844—1855) 30
1.3. Н. П. Гиляров-Платонов и святитель Филарет: мировоззренческие и психологические корни конфликта (1855) 38
1.4. Автор и цензор журнала «Русская Беседа» (1856—1860) 53
1.5. Цензорская и общественная деятельность на рубеже 1850—1860-х гг. 63
1.6. Цензор и автор газеты И. С. Аксакова «День» (1861—1865) 77
1.7. Управляющий Московской Синодальной типографией (1863—1868) 105
1.8. Издатель-редактор ежедневной газеты «Современные Известия» (1867—1887) 113
1.9. Последние замыслы. Проект православной энциклопедии. Н. П. Гиляров-Платонов как лингвист и историк Русской церкви 134
1.10. План аренды «Московских Ведомостей». Кончина и погребение (август — октябрь 1887 г.) 145

ЧАСТЬ II
Н. П. Гиляров-Платонов как публицист и русская журналистика его времени

2.1. Н. П. Гиляров-Платонов и М. Н. Катков: публицисты-антиподы в полосе взаимного тяготения 155
2.2. Н. П. Гиляров-Платонов versus И.-К. Блюнчли: православная социология и «русская идея» в оценке «либерального консерватора» 169
2.3. Н. П. Гиляров-Платонов и А. Б. Думашевский: запрещенные книги по еврейскому вопросу (1860—1861) 184
2.4. Н. П. Гиляров-Платонов, И. С. Аксаков и М. Н. Катков: 50-летие служения святителя Филарета, его кончина и 100-летний юбилей в оценках «триумвирата» московских консерваторов (1867—1882) 200
2.5. Н. П. Гиляров-Платонов, И. С. Аксаков, Н. С. Лесков и др.: преодоление «вероисповедной ксенофобии» по отношению к старообрядчеству (1860—1880-е) 216

2.6. Пастырское богословие в публицистике Н. П. Гилярова-Платонова (1860—1880-е) 226
2.7. Н. П. Гиляров-Платонов о проблеме цензуры и свободы слова (1860—1880-е) 233
2.8. Н. П. Гиляров-Платонов о судьбах кирилло-мефодиевского наследия и всеславянского единства. Полемика с Вл. С. Соловьевым (1885) 237
2.9. Н. П. Гиляров-Платонов и К. П. Победоносцев: церковно-общественные вопросы в газетной и эпистолярной полемике (1860—1880-е) 249
2.10. Н. П. Гиляров-Платонов и Т. И. Филиппов: нравственно-практические мотивировки журналистских убеждений (1872, 1882—1887) 263

ЧАСТЬ III
Н. П. Гиляров-Платонов как мемуарист и литературный критик. Творческие диалоги с современниками

3.1. Ранняя беллетристика, семинарские опыты и дневниковая проза (1830—1840-е): становление речевой личности христианина 275
3.2. «Автобиографические воспоминания» «Из пережитого» (1884—1887): поэтика, творческая история, прижизненная критика 294
3.3. Н. П. Гиляров-Платонов и С. Т. Аксаков: к истории знакомства и взаимоотношений (1852—1859) 334
3.4. Н. П. Гиляров-Платонов и спиритизм. Из истории трактата К. С. Аксакова «О так называемом чудесном, или сверхъестественном» и его Всеподданнейшей записки «О внутреннем состоянии России» (1853—1856, 1884) 349
3.5. Н. П. Гиляров-Платонов и И. С. Аксаков: сотрудничество на фоне психологической дисгармонии (1853—1886) 366
3.6. И. С. Аксаков в литературной критике и мемуарной прозе Н. П. Гилярова-Платонова (1877, 1886) 372
3.7. Н. П. Гиляров-Платонов и А. С. Хомяков: случаи разногласия в общении единомышленников (1853—1860) 387
3.8. Н. П. Гиляров-Платонов и Ю. Ф. Самарин в работе над изданием богословского наследия А. С. Хомякова (1860—1867) 398
3.9. Н. П. Гиляров-Платонов — критик педагогических идей Л. Н. Толстого (1862, 1884) 408
3.10. Н. П. Гиляров-Платонов об А. Н. Островском и русском театре как «пособнике христианской нравственности» (1867—1886) 424
3.11. Н. П. Гиляров-Платонов и Н. С. Лесков: полемическое противостояние и моменты единомыслия в церковно-общественных вопросах (1869—1885) 429
3.12. Н. П. Гиляров-Платонов и И. С. Аксаков о Ф. М. Достоевском: расхождения, несогласия, совпадения (1880—1886) 435
3.13. Н. П. Гиляров-Платонов и И. Ф. Романов-Рцы: история переписки с учеником и ее публикации (1884—1904) 443

Заключение 461

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1
Переписка Н. П. Гилярова-Платонова с князем Н. В. Шаховским (1885—1887)

1 (12). Н. П. Гиляров-Платонов — князю Н. В. Шаховскому. Москва, конец февраля (?) 1885 г. 475
2 (13). Н. П. Гиляров-Платонов — князю Н. В. Шаховскому. Москва, 9 апреля 1885 г. 483
3 (14). Н. П. Гиляров-Платонов — князю Н. В. Шаховскому. Село Черкизово Московского уезда, лето 1885 г. 484
4 (15). Князь Н. В. Шаховской — Н. П. Гилярову-Платонову. С.-Петербург, 2 октября 1885 г. 485
5 (16). Князь Н. В. Шаховской — Н. П. Гилярову-Платонову. С.-Петербург, 30 ноября 1885 г. 486
6 (17). Князь Н. В. Шаховской — Н. П. Гилярову-Платонову. Ревель, 27 января 1886 г. 488
7 (18). Н. П. Гиляров-Платонов — князю Н. В. Шаховскому. Москва, 28 января 1886 г. 490
8 (19). Н. П. Гиляров-Платонов — князю Н. В. Шаховскому. Москва, 2 февраля 1886 г. 491
9 (20). Н. П. Гиляров-Платонов — князю Н. В. Шаховскому. Москва, февраль 1886 г. 497
10 (21). Князь Н. В. Шаховской — Н. П. Гилярову-Платонову. Деревня Симеиз Ялтинского уезда Таврической губернии, 26 сентября 1886 г. 498
11 (22). Н. П. Гиляров-Платонов — князю Н. В. Шаховскому. Москва, 8 ноября 1886 г. 500
12 (23). Князь Н. В. Шаховской — Н. П. Гилярову-Платонову. С.-Петербург, 21 ноября 1886 г. 501
13 (24). Н. П. Гиляров-Платонов — князю Н. В. Шаховскому. Москва, 26 ноября 1886 г. 502
14 (25). Князь Н. В. Шаховской — Н. П. Гилярову-Платонову. С.-Петербург, 2 декабря 1886 г. 503
15 (26). Н. П. Гиляров-Платонов — князю Н. В. Шаховскому. Москва, 20 декабря 1886 г. 504
16 (27). Н. П. Гиляров-Платонов — князю Н. В. Шаховскому. Москва, 1 мая 1887 г. 507
17 (28). Князь Н. В. Шаховской — Н. П. Гилярову-Платонову. С.-Петербург, 7 мая 1887 г. 509
18 (29). Н. П. Гиляров-Платонов — князю Н. В. Шаховскому. Москва, 20 мая 1887 г. 511
19 (30). Н. П. Гиляров-Платонов — князю Н. В. Шаховскому. Москва, 29 мая 1887 г. 512
20 (31). Князь Н. В. Шаховской — Н. П. Гилярову-Платонову. С.-Петербург, после 29 мая 1887 г. 513
21 (32). Н. П. Гиляров-Платонов — князю Н. В. Шаховскому. Москва, 6 июля 1887 г. 514

22 (33). Князь Н. В. Шаховской — Н. П. Гилярову-Платонову. С.-Петербург, 10 июля 1887 г. 515
23 (34). Н. П. Гиляров-Платонов — князю Н. В. Шаховскому. С.-Петербург 11 октября 1887 г. 516
24 (35). Н. П. Гиляров-Платонов — князю Н. В. Шаховскому. С.-Петербург, 11 октября 1887 г. 517

Приложение 2
Записная книжка князя Н. В. Шаховского «Матерьялы для биографии Н. П. Гилярова-Платонова. 1893 год» 518

Приложение 3
Судьба наследия Н. П. Гилярова-Платонова в неизданной переписке его учеников и почитателей (1885—1906)

I. Переписка А. М. Гальперсон и князя Н. В. Шаховского (1885—1902)

1. А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому. Москва, 25 января 1885 г. 573
2. А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому. Москва, 4 февраля 1885 г. 574
3. А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому. Москва, 18 февраля 1885 г. ... 577
4. А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому. Москва, 3 апреля 1893 г. 580
5. А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому. Москва, 5 апреля 1893 г. 581
6. А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому. Москва, 13 апреля 1893 г. 582
7. А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому. Москва, 20 апреля 1893 г. 584
8. А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому. Москва, 28 апреля 1893 г. 586
9. А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому. Москва, 5 мая 1893 г. 589
10. А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому. Москва, 13 мая 1893 г. 591
11. А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому. Москва, 20 мая 1893 г. 592
12. А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому. С.-Петербург, 9 июня 1893 г. . 594
13. А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому. С.-Петербург, 13 июня 1893 г. 594
14. А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому. Москва, 6 июля 1893 г. 595
15. А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому. Москва, 8 августа 1893 г. 597
16. А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому. Москва, 16 августа 1893 г. 598
17. А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому. Москва, 29 сентября 1893 г. .. 599
18. А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому. Москва, 5 октября 1893 г. 600
19. А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому. Москва, 13 октября 1893 г. ... 601
20. Князь Н. В. Шаховский — А. М. Гальперсон. Москва, середина октября 1893 г. 602
21. А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому. Москва, 17 октября 1893 г. ... 606
22. А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому. Москва, 18 октября 1893 г. ... 607
23. А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому. Москва, 21 октября 1893 г. ... 608
24. А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому. Москва, 27 октября 1893 г. ... 609
25. А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому. Москва, 3 ноября 1893 г. 610
26. А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому. Москва, 12 ноября 1893 г. 612
27. А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому. Москва, 22 ноября 1893 г. 615
28. А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому. Москва, 29 ноября 1893 г. 615
30. А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому. Москва, 30 ноября 1893 г. 617

31. А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому. Москва, 1 декабря 1893 г. 619
32. А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому. Москва, 7 декабря 1893 г. 620
33. А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому. Москва, 9 января 1894 г. 621
34. А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому. Москва, 25 января 1894 г. 622
35. А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому. Москва, 29 января 1894 г. 623
36. А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому. Москва, 14 февраля 1894 г. ... 625
37. А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому. Москва, 23 февраля 1894 г. ... 626
38. А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому. Москва, 14 марта 1894 г. 626
39. А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому. Москва, 14 марта 1894 г. 628
40. А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому. Москва, 22 апреля 1894 г. 629
41. А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому. Москва, 29 апреля 1894 г. 630
42. А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому. Москва, 14 июня 1894 г. 631
43. А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому. Москва, 20 июля 1895 г. 632
44. А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому. Москва, 26 февраля 1896 г. ... 632
45. А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому. С.-Петербург, 29 ноября 1896 г. 633
46. Князь Н. В. Шаховской — А. М. Гальперсон. С.-Петербург, конец ноября 1896 г. 634
47. А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому. С.-Петербург, 14 декабря 1896 г. 635
48. А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому. С.-Петербург, 14 марта 1899 г. 636
49. А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому. С.-Петербург, 18 марта 1899 г. 636
50. А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому. С.-Петербург, 14 июня 1899 г. 637
51. А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому. С.-Петербург, 21 июня 1899 г. 638
52. А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому. С.-Петербург, 22 января 1900 г. 638
53. А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому. С.-Петербург, 5 июня 1901 г. . 639
54. А. М. Гальперсон — князю Н. В. Шаховскому. С.-Петербург, 10 октября 1902 г. 640

II. Письма С. К. Эфрона к А. М. Гальперсон (1887—1889)

1. С. К. Эфрон — А. М. Гальперсон. С.-Петербург, 27 августа 1887 г. 641
2. С. К. Эфрон — А. М. Гальперсон. С.-Петербург, 25 сентября 1887 г. 643
3. С. К. Эфрон — А. М. Гальперсон. С.-Петербург, 12 октября 1887 г. 644
4. С. К. Эфрон — А. М. Гальперсон. С.-Петербург, 5 ноября 1887 г. 645
5. С. К. Эфрон — А. М. Гальперсон. С.-Петербург, 2 декабря 1887 г. 646
6. С. К. Эфрон — А. М. Гальперсон. С.-Петербург, 4 января 1888 г. 647
7. С. К. Эфрон — А. М. Гальперсон. С.-Петербург, лето 1889 г. 648
8. С. К. Эфрон — А. М. Гальперсон. С.-Петербург, 12 ноября 1889 г. 652

III. Переписка Д. Н. Шубинского с супругами А. М. и С. И. Гальперсон (1887—1888)

1. Д. Н. Шубинский — С. И. Гальперсону. Нижний Новгород, 21 октября 1887 г. 654
2. Д. Н. Шубинский — С. И. Гальперсону. Нижний Новгород, 23 октября 1887 г. 655
3. Д. Н. Шубинский — С. И. Гальперсону. Нижний Новгород, 24 декабря 1887 г. 656
4. С. И. Гальперсон — Д. Н. Шубинскому. Москва, конец декабря 1887 г. 657
5. Д. Н. Шубинский — С. И. Гальперсону. Москва, 27 июня 1888 г. 657
6. С. И. Гальперсон — Д. Н. Шубинскому. Москва, 1888 г. 658

IV. Переписка супругов А. М. и С. И. Гальперсон с А. И. Елишевым и его братом (1887)

1. С. И. Гальперсон — брату А. И. Елишева. Москва, ноябрь (?) 1887 г. 659
2. С. И. Гальперсон — А. И. Елишеву. Москва. 1 декабря 1887 г. 660
3. С. И. Гальперсон — А. И. Елишеву. Москва, 2 декабря 1887 г. 662
4. А. М. Гальперсон — А. И. Елишеву (?). Москва, декабрь 1887 г. 663

V. Письма Рцы (И. Ф. Романова) к П. И. Бартеневу (1887)

1. Рцы (И. Ф. Романов) — П. И. Бартеневу. Киев, 13 ноября 1887 г. 663
2. Рцы (И. Ф. Романов) — П. И. Бартеневу. Киев, 28 ноября 1887 г. 668

VI. Из переписки А. М. Гальперсон с Рцы (И. Ф. Романовым), С. Ф. Шараповым, Е. Л. Кочетовым и В. Г. Сенатовым (1888—1889)

1. А. М. Гальперсон — Рцы (И. Ф. Романову). Москва, 10 марта 1888 г. 673
2. А. М. Гальперсон — С. Ф. Шарапову. Москва, 23 сентября 1888 г. 678
3. А. М. Гальперсон — С. Ф. Шарапову. Москва, 1 октября 1888 г. 679
4. А. М. Гальперсон — Е. Л. Кочетову. Москва, 19 декабря 1888 г. 681
5. В. Г. Сенатов — А. М. Гальперсон. Сергиевский Посад, 27 сентября 1889 г. ... 686

VII. Из переписки И. В. Павлова и П. И. Бартенева с князем Н. В. Шаховским (1893)

1. И. В. Павлов — князю Н. В. Шаховскому. Орел, 3 июня 1893 г. 688
2. Князь Н. В. Шаховской — И. В. Павлову. Подольск Московской губернии, июнь 1893 г. 689
3. П. И. Бартенев — князю Н. В. Шаховскому. Москва, 20 июня 1893 г. 692
4. П. И. Бартенев — князю Н. В. Шаховскому. Москва, 25 июня 1893 г. 693
5. П. И. Бартенев — князю Н. В. Шаховскому. С.-Петербург, 4 июля 1893 г. 693
6. П. И. Бартенев — князю Н. В. Шаховскому. Ревель, 17 июля 1893 г. 694
7. И. В. Павлов — князю Н. В. Шаховскому. Орел, 3 июля 1893 г. 695
8. И. В. Павлов — князю Н. В. Шаховскому. Орел, 18 июля 1893 г. 697
9. И. В. Павлов — князю Н. В. Шаховскому. Деревня Одоевская Тульской губернии, 2 августа 1893 г. 698
10. И. В. Павлов — князю Н. В. Шаховскому. Орел, 23 сентября 1893 г. 700

VIII. Из переписки протоиерея Ф. И. Варницкого с князем Н. В. Шаховским (1893)

1. Князь Н. В. Шаховской — протоиерею Ф. И. Варницкому. Москва, 5 августа 1893 г. 701
2. Протоиерей Ф. И. Варницкий — князю Н. В. Шаховскому. 11 сентября 1893 г. 703
3. Протоиерей Ф. И. Варницкий — князю Н. В. Шаховскому. Рига, 27 сентября 1893 г. 704
4. Князь Н. В. Шаховской — протоиерею Ф. И. Варницкому. Москва, октябрь (?) 1893 г. 705

IX. Переписка князя Н. В. Шаховского с П. А. Кулишом (1893—1894)

1. П. А. Кулиш — князю Н. В. Шаховскому. Хутор Ганнина Пустынь Черниговской губернии, 9 июня 1893 г. 706

2. П. А. Кулиш — князю Н. В. Шаховскому. Хутор Ганнина Пустынь Черниговской губернии, 28 июня 1893 г. 709
3. П. А. Кулиш — князю Н. В. Шаховскому. Хутор Ганнина Пустынь Черниговской губернии, 19 января 1894 г. 710
4. П. А. Кулиш — князю Н. В. Шаховскому. Хутор Ганнина Пустынь Черниговской губернии, 5 февраля 1894 г. 714

X. Переписка князя Н. В. Шаховского с П. А. Бессоновым (1893—1894)

1. Князь Н. В. Шаховской — П. А. Бессонову. Москва, 20 августа 1893 г. 717
2. П. А. Бессонов — князю Н. В. Шаховскому. Харьков, 29 августа 1893 г. 719
3. Князь Н. В. Шаховской — П. А. Бессонову. Москва, 1 сентября 1893 г. 722
4. Князь Н. В. Шаховской — П. А. Бессонову. Москва, 7 января 1894 г. 727
5. П. А. Бессонов — князю Н. В. Шаховскому. Харьков, 12 января 1894 г. 728

XI. Из переписки князя Н. В. Шаховского с И. Н. Корсунским (1893—1894)

1. И. Н. Корсунский — князю Н. В. Шаховскому. Сергиевский Посад, 12 сентября 1893 г. 730
2. И. Н. Корсунский — князю Н. В. Шаховскому. Сергиевский Посад, 27 сентября 1893 г. 733
3. И. Н. Корсунский — князю Н. В. Шаховскому. Сергиевский Посад, 30 октября 1893 г. 734
4. И. Н. Корсунский — князю Н. В. Шаховскому. Сергиевский Посад, 10 ноября 1893 г. 734
5. И. Н. Корсунский — князю Н. В. Шаховскому. Сергиевский Посад, 2 марта 1894 г. 735

XII. Из переписки князя Н. В. Шаховского с Л. Н. Майковым, митрополитом Михаилом (Йовановичем), А. Ф. Морокиным, Н. И. Позняковым, Рцы (И. Ф. Романовым), Д. Ф. Самариным, М. С. Сковронской, Н. И. Стороженко, А. А. Чумиковым и князем Л. В. Шаховским (1893—1896)

1. А. А. Чумиков — князю Н. В. Шаховскому. Ревель, 16 апреля 1893 г. 736
2. Рцы (И. Ф. Романов) — князю Н. В. Шаховскому. С.-Петербург, 26 апреля 1893 г. 739
3. Митрополит Михаил (Йованович)1 — князю Н. В. Шаховскому. Белград, 20 мая 1893 г. 740
4. Князь Н. В. Шаховской — митрополиту Михаилу (Йовановичу). Подольск Московской губернии, июнь 1893 г. 741
5. Д. Ф. Самарин — князю Н. В. Шаховскому. Сызрань, 7 июня 1893 г. 742
6. Рцы (И. Ф. Романов) — князю Н. В. Шаховскому. С.-Петербург, 30 июня 1893 г. 743
7. А. Ф. Морокин — князю Н. В. Шаховскому. Село Новая Гольчиха Кинешемского уезда Костромской губернии, 21 сентября 1893 г. 745
8. М. С. Сковронская — князю Н. В. Шаховскому. Москва, сентябрь 1893 г. . . . 746
9. Рцы (И. Ф. Романов) — князю Н. В. Шаховскому. С.-Петербург, 26 <ноября>1 1893 г. 747
10. Князь Н. В. Шаховской — князю Л. В. Шаховскому. Ревель, 7 февраля 1894 г. 747
11. Н. И. Стороженко — князю Н. В. Шаховскому. Москва, <1894—1895 гг.?> . . 748

12. Н. И. Позняков — князю Н. В. Шаховскому. С.-Петербург, 17 ноября 1895 г. 749
13. Л. Н. Майков — князю Н. В. Шаховскому. С.-Петербург, <1896 г.?> 750

XIII. Из переписки князя Н. В. Шаховского с О. Г. Аксаковой (1893—1898)

1. О. Г. Аксакова — князю Н. В. Шаховскому. Самара, 27 октября 1893 г. 751
2. О. Г. Аксакова — князю Н. В. Шаховскому. Село Языково Бузулукского уезда Самарской губернии, 28 декабря 1893 г. 752
3. О. Г. Аксакова — кн. Н. В. Шаховскому. Село Языково Бузулукского уезда Самарской губернии, 10 апреля 1894 г. 753
4. О. Г. Аксакова — князю Н. В. Шаховскому. Село Языково Бузулукского уезда Самарской губернии, 8 ноября 1898 г. 753

XIV. Переписка князя Н. В. Шаховского с братьями А. А., Н. Н. и А. Н. Гиляровыми (1893—1897)

1. А. Н. Гиляров — князю Н. В. Шаховскому. Киев, 3 июня 1893 г. 754
2. А. Н. Гиляров — князю Н. В. Шаховскому. Киев, середина сентября 1893 г. .. 755
3. Князь Н. В. Шаховской — А. Н. Гилярову. С.-Петербург, 18 сентября 1893 г. 757
4. А. Н. Гиляров — князю Н. В. Шаховскому. Киев, 29 сентября 1893 г. 761
5. Князь Н. В. Шаховской — А. Н. Гилярову. С.-Петербург, 8 октября 1893 г. .. 763
6. А. Н. Гиляров — князю Н. В. Шаховскому. Киев, 18 октября 1893 г. 765
7. Н. Н. Гиляров — князю Н. В. Шаховскому. Москва, 14 ноября 1893 г. 766
8. А. А. Гиляров — князю Н. В. Шаховскому. Можайск, 12 января 1897 г. 767
9. А. Н. Гиляров — князю Н. В. Шаховскому. Киев, 14 января 1897 г. 768
10. Н. Н. Гиляров — князю Н. В. Шаховскому. Москва, 23 января 1897 г. 769
11. А. Н. Гиляров — князю Н. В. Шаховскому. Киев, 30 мая 1897 г. 770
12. А. Н. Гиляров — князю Н. В. Шаховскому. Киев, 12 октября 1897 г. 770
13. А. А. Гиляров — князю Н. В. Шаховскому. Можайск Московской губернии, 11 июня 1899 г. 771

XV. Переписка князя Н. В. Шаховского с К. П. Победоносцевым (1893—1906)

1. К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому. С.-Петербург, 21 июня 1893 г. 772
2. К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому. С.-Петербург, начало июля 1893 г. 773
3. К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому. Царское Село, 17 июля 1893 г. 773
4. К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому. С.-Петербург, 3 ноября 1893 г. 774
5. Князь Н. В. Шаховской — К. П. Победоносцеву. С.-Петербург, середина декабря 1893 г. 775
6. К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому. С.-Петербург, 5 января 1894 г. 776
7. Князь Н. В. Шаховской — К. П. Победоносцеву. Москва, 17 декабря 1896 г. . 776
8. К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому. С.-Петербург, 30 декабря 1896 г. 777
9. Князь Н. В. Шаховской — К. П. Победоносцеву. Москва, 2 января 1897 г. ... 778
10. К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому. С.-Петербург, 7 января 1897 г. 784

11. Князь Н. В. Шаховской — К. П. Победоносцеву. Москва, 10 января 1897 г. . . 785
12. Князь Н. В. Шаховской — К. П. Победоносцеву. Москва, 11 января 1897 г. . . 786
13. К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому. С.-Петербург, 13 января 1897 г. 789
14. Князь Н. В. Шаховской — К. П. Победоносцеву. Москва, 17 января 1897 г. . . 790
15. К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому. С.-Петербург, 20 января 1897 г. 792
16. Князь Н. В. Шаховской — К. П. Победоносцеву. Москва, 23 января 1897 г. . . 793
17. Князь Н. В. Шаховской — К. П. Победоносцеву. Москва, 26 января 1897 г. . . 795
18. К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому. С.-Петербург, 27 января 1897 г. 797
19. К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому. С.-Петербург, 4 февраля 1897 г. 798
20. Князь Н. В. Шаховской — К. П. Победоносцеву. Москва, 7 февраля 1897 г. . . 799
21. К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому. С.-Петербург, 11 февраля 1897 г. 800
22. Князь Н. В. Шаховской — К. П. Победоносцеву. Москва, 13 февраля 1897 г. . 801
23. К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому. С.-Петербург, 30 октября 1897 г. 802
24. Князь Н. В. Шаховской — К. П. Победоносцеву. Москва, 31 октября 1897 г. . 802
25. К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому. С.-Петербург, 1 ноября 1897 г. 803
26. Князь Н. В. Шаховской — К. П. Победоносцеву. Москва, 12 ноября 1897 г. . . 804
27. К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому. С.-Петербург, 19 ноября 1897 г. 807
28. К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому. С.-Петербург, 2 января 1898 г. 807
29. Князь Н. В. Шаховской — К. П. Победоносцеву. Москва, 25 января 1898 г. . . 808
30. К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому. С.-Петербург, 28 января 1898 г. 809
31. К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому. С.-Петербург, 31 января 1898 г. 810
32. Князь Н. В. Шаховской — К. П. Победоносцеву. Москва, 2 февраля 1898 г. . . 810
33. Князь Н. В. Шаховской — К. П. Победоносцеву. Москва, 3 февраля 1898 г. . . 811
34. К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому. С.-Петербург, 6 февраля 1898 г. 812
35. Князь Н. В. Шаховской — К. П. Победоносцеву. Москва, 6 февраля 1898 г. . . 813
36. Князь Н. В. Шаховской — К. П. Победоносцеву. Москва, 20 февраля 1898 г. 814
37. К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому. С.-Петербург, 21 февраля 1898 г. 816
38. К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому. С.-Петербург, 13 марта 1898 г. 817
39. К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому. Царское Село, 24 июля 1898 г. 818
40. К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому. С.-Петербург, 17 ноября 1898 г. 818

41. К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому. С.-Петербург, 2 января 1899 г. 818
42. Князь Н. В. Шаховской — К. П. Победоносцеву. Москва, 4 января 1899 г. ... 820
43. К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому. С.-Петербург, 6 января 1899 г. 821
44. Князь Н. В. Шаховской — К. П. Победоносцеву. Москва, 8 января 1899 г. ... 821
45. К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому. С.-Петербург, 10 января 1899 г. 822
46. К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому. С.-Петербург, 23 апреля 1899 г. 822
47. К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому. С.-Петербург, 3 мая 1899 г. . 823
48. К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому. С.-Петербург, 12 октября 1899 г. <?> 824
49. К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому. Царское Село, 19 октября 1899 г. 825
50. К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому. С.-Петербург, 26 апреля 1902 г. 826
51. К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому. С.-Петербург, 6 июня 1902 г. 826
52. К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому. Царское Село, 3 сентября 1902 г. 827
53. К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому. С.-Петербург, 22 января 1903 г. 827
54. К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому. С.-Петербург, 4 марта 1903 г. 828
55. К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому. С.-Петербург, 28 февраля 1904 г. 828
56. К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому. Царское Село, 20—22 июня 1904 г. 828
57. К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому. С.-Петербург, 8 марта 1905 г. 830
58. К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому. С.-Петербург, 22 октября 1905 г. 831
59. К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому. С.-Петербург, 22 марта 1906 г. 831
60. К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому. Пос. Сергиево Петергофского уезда, 9 июля 1906 г. 832
61. К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому. С.-Петербург, 3 августа 1906 г. 833

Приложение: 1 (25а). К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому. С.-Петербург, начало ноября 1897 г. 834
2 (49а). К. П. Победоносцев — князю Н. В. Шаховскому. С.-Петербург, 9 июня 1900 г. 834

XVI. Письма Ф. А. Гилярова к князю Н. В. Шаховскому (1893—1894)

1. Ф. А. Гиляров — князю Н. В. Шаховскому. Москва, 17 октября 1893 г. 835
2. Ф. А. Гиляров — князю Н. В. Шаховскому. Москва, 21 октября 1893 г. 838
3. Ф. А. Гиляров — князю Н. В. Шаховскому. Москва, 15 ноября 1893 г. 839

4. Ф. А. Гиляров — князю Н. В. Шаховскому. Москва, 22 ноября 1893 г. 840
5. Ф. А. Гиляров — князю Н. В. Шаховскому. Москва, 29 ноября 1893 г. 842
6. Ф. А. Гиляров — князю Н. В. Шаховскому. Москва, 4 декабря 1893 г. 843
7. Ф. А. Гиляров — князю Н. В. Шаховскому. Москва, 14 декабря 1893 г. 845
8. Ф. А. Гиляров — князю Н. В. Шаховскому. Москва, 10 января 1894 г. 846
9. Ф. А. Гиляров — князю Н. В. Шаховскому. Москва, 5 февраля 1894 г. 847
10. Ф. А. Гиляров — князю Н. В. Шаховскому. Москва, 9 февраля 1894 г. 848
11. Ф. А. Гиляров — князю Н. В. Шаховскому. Москва, 17 февраля 1894 г. 849
12. Ф. А. Гиляров — князю Н. В. Шаховскому. Москва, 20 мая 1894 г. 851
13. Ф. А. Гиляров — князю Н. В. Шаховскому. Москва, 31 мая 1894 г. 852
14. Ф. А. Гиляров — князю Н. В. Шаховскому. Москва, 16 июня 1894 г. 854

XVII. Письмо Н. А. Сергиевского к К. П. Победоносцеву (1893). Вильна, 19 декабря 1893 г. 855

XVIII. Из переписки А. М. Гальперсон с В. А. Гиляровой-Платоновой, К. П. Победоносцевым и С. Ф. Шараповым (1896—1898)

1. А. М. Гальперсон — В. А. Гиляровой-Платоновой. С.-Петербург, 11 декабря 1896 г. 856
2. А. М. Гальперсон — К. П. Победоносцеву. С.-Петербург, 23 декабря 1896 г. .. 857
3. А. М. Гальперсон — К. П. Победоносцеву. С.-Петербург, 7 января 1897 г. 858
4. А. М. Гальперсон — К. П. Победоносцеву. С.-Петербург, 2 февраля 1897 г. ... 859
5. А. М. Гальперсон — К. П. Победоносцеву. С.-Петербург, 31 января 1898 г. ... 859
6. А. М. Гальперсон — К. П. Победоносцеву. С.-Петербург, 31 января 1898 г. ... 860
7. А. М. Гальперсон — К. П. Победоносцеву. С.-Петербург, 2 февраля 1898 г. ... 860
8. А. М. Гальперсон — С. Ф. Шарапову. С.-Петербург, 2 февраля 1898 г. 861
9. А. М. Гальперсон — К. П. Победоносцеву. С.-Петербург, 15 ноября 1898 г. .. 861

XIX. Письмо С. И. Гальперсона к А. Н. Гилярову (1897). С.-Петербург, 11 октября 1897 г. 862

XX. Письма В. З. Завитневича к князю Н. В. Шаховскому (1898)

1. В. З. Завитневич — князю Н. В. Шаховскому. Киев, 16 февраля 1898 г. 863
2. В. З. Завитневич — князю Н. В. Шаховскому. Киев, 10 ноября 1898 г. 864

Публикации А. П. Дмитриева по теме исследования. *Составитель Д. А. Федоров* 867

Условные сокращения 875

Указатель имен 878

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»,
«книга предназначена для детей старше 16 лет»

Утверждено к печати
Ученым советом Института русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН
21 мая 2018 г. (протокол № 3)

Научное издание

Андрей Петрович Дмитриев
Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА
1850–1880-х ГОДОВ

Корректор *К. С. Курбатова*
Компьютерная верстка *С. В. Степанова*
Художественное оформление *Лали Модебадзе*

Сдано в верстку 31/III 2018 г. Подписано к печати 26/V 2018 г.
Формат 70 × 100 $^{1}/_{16}$. Гарнитура Октава. Печ. л. 57,0.
Тираж 500 экз. Заказ № 126

ООО «Родник»
E-mail: rostokbooks@yandex.ru
URL: http://www.rostokbooks.ru
По вопросам оптовых закупок
обращаться по тел.: 8–921–937–98–70

Отпечатано в ООО «Полиграф»
197183, Санкт-Петербург, ул Школьная, д. 6, оф. 37